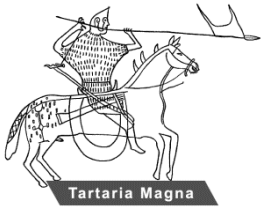
Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Ш.Мәржани исем. Тарих институты
Институт истории имени Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан
Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Центр по изучению историко-культурного наследия сибирских татар
Филиала ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» в г. Тобольске



История и культура татар Западной Сибири

Казань – 2015

УДК 94(571)
ББК 63.3(253)
И 90

Серия **«Tartaria Magna»**

Подготовка и издание книги осуществлены в рамках
Государственной Программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности
татарского народа (2014–2016 годы)»

Научный руководитель
доктор исторических наук *Р.С. Хакимов*

Главный редактор
кандидат исторических наук *З.А. Тычинских*

Ответственный редактор
доктор социологических наук *Г.Ф. Габдрахманова*

Редакционная коллегия:
А.Н. Багашев, Д.М. Исхаков, А.В. Матвеев,
Д.Н. Маслюженко, И.Р. Миннуллин, И.М. Миргалеев, Р.Р. Салихов,
А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева, С.В. Суслова, В.В. Трепавлов

Рецензенты:
доктор исторических наук, чл.-корр. РАН *А.В. Головнёв*
доктор исторических наук *И.А. Гилязов*

История и культура татар Западной Сибири. Монография. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2015. – 728 с. + 56 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-905089-29-9

В монографии представлены материалы, связанные с формированием и развитием татарского населения Западной Сибири. В ней аккумулированы основные новейшие исследования ведущих ученых из научных центров России и зарубежья в области демографии, генетики, языкознания, истории, этнографии и социальных процессов у татар данного региона. Хронология охвата – с древнейших времен до современности. Монография сопровождается иллюстрациями, часть которых публикуется впервые.

Книга может быть полезна исследователям, преподавателям вузов, представителям органов власти и управления и всем тем, кто интересуется историей и культурой народов России.

ISBN 978-5-905089-29-9

УДК 94(571)
ББК 63.3(253)

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015
© Центр по изучению историко-культурного наследия сибирских татар Филиала ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» в г. Тобольске, 2015
© Издательство «Артифакт», 2015

Предисловие

Рафаэль Хакимов

Представленная монография является первым опытом комплексного академического научного труда по истории и культуре татарского населения Западной Сибири. Несмотря на имеющиеся серьезные научные исследования по этой теме, многоплановой презентации татарского населения региона до сих пор не проводилось. Специалисты в области демографии, генетики, языка, истории, традиционной культуры, современных социальных процессов впервые попытались дать цельную картину по этой малоизученной теме.

Татарское население Западной Сибири формировалось в разные исторические периоды, начиная с древнетюркского времени. Ключевым этапом в этническом становлении татар этого ареала оказался период Улуса Джучи (Золотой Орды). После распада этой державы произошла деконсолидация татарского этносоциального организма и в XV–XVI вв. татары развивались в рамках различных познезолотоордынских юртов, хотя сохраняли тесные экономические и культурные связи. В Западной Сибири это были государства Шибанидов (Узбекское, Тюменское, Сибирское ханства). Значительная часть татар из Сибири переселилась в Центральную Азию. В более поздний период произошла массовая миграция татар из регионов Поволжья и Урала. Началась она на рубеже XVI–XVII вв., усилившись во второй половине XIX в. Значительный приток татарского населения из европейской части страны произошел также в советское время, в частности, во время голода в 1921–1922 гг., а также во время промышленного освоения Севера. Многократные волны переселений и этнокультурного смешения привели к формированию современной татарской общности Западной Сибири, ядро которой составляют коренные жители данного региона – сибирские татары.

Представленная монография основана на территориальном принципе – она охватывает все тюрко-татарское население Западной Сибири. В монографии объемнее представлен материал по «сибирским татарам». Мы сохраняем эту категорию в качестве уникальной этнографической части тюрко-татарского населения Западной Сибири. Надо признать, что именно сибирские татары к настоящему времени описаны наиболее полно, тогда как другие этнокультурные составляющие тюрко-татарского населения Западной Сибири еще ждут своих исследователей.

Мы посчитали важным представить весь веер существующих научных мнений относительно автохтонного населения в лице сибирских татар. Однако, уже сейчас понятно, что узколокальные исследования не отвечают современным требованиям. Многое в этнической истории татар региона является результатом сложных процессов, в ходе которых этническая дифференциация была заменена постепенной этнокультурной консолидацией. Об этом ярко свидетельствуют те элементы татарской традиционной культуры, которые имели повсеместное распространение и являлись общеэтническими.

Мы считаем, что термин «сибирские татары», как и понятия татары «казанские», «астраханские», «касимовские» и др. отражают территориальные особенности татарского народа. Локальные идентичности существуют во всем мире. Известно, что в настоящее время люди все активнее начинают позиционировать свою региональную идентичность – идентификацию с регионом, деревней, где они родились, жили или живут до сих пор. И это важный ресурс социального самочувствия людей, презентации их этнокультурного своеобразия. Не менее важно и то, что с точки зрения истории и культуры принципиальных различий между разными образованиями тюрко-татарского населения не фиксируется. Язык, культура, религия, при некоторых местных особенно-

стях, у татар Западной Сибири едины с общим массивом татар, а существующие особенности – это естественное развитие отдельных групп любого народа, отражающего влияние конкретных климатических, политических, социально-экономических условий, контактов с соседними этносами. Не случайно, что сам этноним «татары» является наиболее распространенной идентичностью у татарского населения Западной Сибири. Последние две Всероссийские переписи, как и социологические материалы, связанные с сибирскими татарами, свидетельствуют именно об этом.

Будущее татар Западной Сибири будет определяться тем, как они будут встраиваться в современную глобализацию. Только большой и мобильный народ может сохранить себя и выжить. Как бы политизированные представители из числа сибирских татар не дистанцировались от основного массива народа, объективно они всегда будут частью татарской нации.

В данный издательский проект были приглашены многие специалисты, занимающиеся историей и культурой татар Западной Сибири. Редакционный совет выражает признательность всем тем, кто откликнулся на наше предложение и внес посильный вклад в дело изучения истории и культуры татар Западной Сибири.

Введение

История изучения тюрко-татарского населения Западной Сибири

Зайтуна Тычинских

История и культура тюрко-татарского населения Западной Сибири издавна привлекала внимание исследователей. Наиболее ранние сведения о тюркоязычном населении Сибири встречаются в трудах путешественников XVI–XVII вв. С.Герберштейна, Д.Флетчера, А.Бранда, И.Идеса, Н.Витзена и др. [Герберштейн, 1988; Замысловский, 1884; Идес, Бранд, 1967; Алексеев, 1932; Алексеев, 1936а; Алексеев, 1936б; Зиннер, 1968]. В начале XVIII в. аборигенное население Западной Сибири становится объектом внимания шведских офицеров Ф.Страленберга, Л.Ланге, в трудах которых встречаются сведения о жизни и быте сибирских татар [Алексеев, 1932; Алексеев,1936а; Алексеев, 1936б; Зиннер, 1968; Катанов, 1905а; Катанов, 1905б].

Начальный, «летописный» этап изучения тюркоязычного населения Западной Сибири, относится к XVII в. и связан с Сибирскими летописями, в которых описывается история «взятия Сибири», а также приводятся некоторые сведения о ранней дорусской истории татарских государств. К 1636 г. относится написание первой из них, известной под названием Есиповская летопись. Она была создана тобольским дьяком Саввой Есиповым на основе рассказов участников похода Ермака. К XVII в. также относится написание повести «О взятии Сибирской земли», получившей в дальнейшем название Строгановской летописи. На рубеже XVII–XVIII вв. сибирский историк и картограф С.У. Ремезов создает свои труды – «Историю Сибирскую» (Кунгурскую или Ремезовскую летопись), «Описание о сибирских народах и граней их земель», «Хорографическую книгу Сибири» и др. [Ремезов, 1989; Краткая Сибирская летопись, 1880]. Труды сибирских летописцев в дальнейшем стали основными источниками для написания многочисленных работ по истории Сибири. В них встречаются материалы об истории дорусских государств Сибири, родословные татарских ханов, описание культуры и быта тюркского населения.

Планомерное исследование культуры и этнической истории коренного населения Западной Сибири было положено участниками Академических экспедиций 1733–1743 гг. и 1768–1774 гг. В их трудах выделяются два основных направления: этноисторическое, содержащее в большей степени данные по политико-административной истории народов (Г.Ф. Миллер, И.Е. Фишер) [Миллер, 1937; Миллер, 1941; Фишер, 1774] и этнографическое, описывающие различные стороны жизни и быта туземцев (П.С. Паллас, И.Г. Георги) [Паллас, 1788; Георги, 1776].



С.У. Ремезов. Худ. К.Ломагин. 2009 г.

Г.Ф. Миллер первым приступил к систематическому обследованию архивных фондов, просмотрев в Сибири более 20 архивов в городах и острогах «для извлечения из них того, что пригодно для истории» [Бахрушин, 1937, с.3]. Г.Ф. Миллер был одним из участников Второй Камчатской экспедиции, орга-

низованной в 1733 г. Сенатом и Академией наук под началом В. Беринга, в данной экспедиции на него было возложено изучение «географии земли, древностей, обыкновений, обрядов различных народов...» [Бахрушин, 1937, с.9]. Он собрал и ввел в научный оборот огромный пласт документального материала по ранней истории «Сибирского взятия». Кроме того, Г.Ф. Миллером были обнаружены материалы частных архивов и приобретены Ремезовская летопись и книга Абулгази «Родословное древо тюрков». Итогом десятилетних сибирских изысканий Миллера явился обширный труд по истории края «История Сибири», который он успел довести до 60-х гг. XVII в. В «Истории Сибири» Миллером уделяется большое внимание вопросам истории и этнографии сибирских татар, которых он назвал «главнейшим народом Сибири» [Миллер, 1937, с.169]. Г.Ф. Миллер перечисляет известные ему группы татар, территорию их расселения, достаточно подробно останавливается на истории Сибирского ханства.

Дальнейшее изучение Сибири продолжили во второй половине XVIII в. И.Г. Георги, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас и другие участники Академических экспедиций. И.Г. Георги в работе «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» выделил следующие тюркоязычные группы Сибири: туралинцы, тобольские, томские, обские, чулымские татары, барабинцы, бухарцы, телеуты. Он дает подробное этнографическое описание этих групп и сравнительную их характеристику с другими тюркскими группами России [Георги, 1776].

Следующий круг исследований представляют исторические труды В.К. Андриевича, П.Н. Буцинского, М.И. Венюкова, К.М. Голодникова, П.И. Небольсина, А.В. Оксенова, П.А. Словцова [Андриевич, 1899; Буцинский, 1889; Голодников,1882; Венюков, 1874; Небольсин, 1849; Оксенов, 1889; Словцов, 1838; Словцов, 1844]. Несмотря на то, что период написания данных работ охватывает широкий временной диапазон (XIX в.), их объединяют темы завоевания Сибирского ханства и история колонизации Сибири. В указанных исследованиях присутствует и этнографическое описание инородческого населения, в т.ч. сибирских татар.

В 60-е гг. XIX в. в «Тобольских Губернских ведомостях» (1861 г., №35–45) была опубликована статья И.Н. Юшкова «Сибирские татары», в которой впервые был проведен цельный историко-этнографический обзор татарского населения края, основанный на сведениях, приводимых в сибирских летописях. И.Н. Юшковым сделано подробное этнографическое описание прииртышских татар [Юшков, 1861].

Во второй половине XIX в. появляются работы, содержащие ценные материалы по этнической истории сибирских татар. К ним относятся труды академика В.В. Радлова [Радлов, 1872; Радлов, 1989], сибирских областников Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, внесшие существенный вклад в формирование новых взглядов на сибирскую историографию [Ядринцев, 1891; Ядринцев,1892; Потанин, 1867; Потанин, 1884а, Потанин, 1884б].

В ряду исследователей второй половины XIX в. важное место занимает известный востоковед и путешественник В.В. Радлов. Главный его труд – «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Джунгарской степи» (1866–1896 гг.), имеет большое значение, как в лингвистическом, так и в этнографическом и историческом отношениях: собранные В.В. Радловым сказки, предания, поверья раскрывают картину жизни тюркских народов Сибири [Радлов, 1872]. Четвертый том «Образцов» посвящен «наречиям» тобольских, томских и барабинских татар. В.В. Радлов одним из первых произвел внутреннюю классификацию «наречий» сибирских татар, выделив по языковым особенностям группы барабинских, тарских, тобольских и тюменских татар.

В начале XX в. профессором Казанского университета Н.Ф. Катановым были сделаны переводы рукописей, хранящихся в Тобольском музее, а также некоторых преданий, изданных в четвертом томе «Образцов» В.В. Радлова. Эти переводы, опубликованные в «Ежегоднике Тобольского Губернского музея», проливают свет на важные

страницы истории сибирских татар [Катанов, 1896; Катанов, 1897; Катанов, 1905а; Катанов, 1905б].

К рубежу XIX–XX вв. относится появление первых трудов, в которых главной темой выступает не политическая история Сибири, а рассматриваются вопросы хозяйственной жизни и землепользования сибирских татар. Среди них выделяются работы И.А. Андроникова, А.А. Кауфмана, С.К. Патканова [Андроников, 1911; Кауфман, 1890; Патканов, 1888; Патканов, 1911; Патканов, 2003]. На основе большого комплекса архивных материалов И.А. Андроников провел анализ земельных отношений, хозяйственного уклада татар разных уездов, выделяя при этом локальные особенности. С.К. Патканов в исследовании «Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев» впервые представил этнодемографическую ситуацию в Сибири в конце XIX в. и дал систематизированную картину расселения, численности и основных хозяйственно-культурных особенностей отдельных групп. Эта работа не потеряла своего научного значения и в настоящее время. Разносторонние и детальные сведения о хозяйственной деятельности татар Нижнего Прииртышья содержатся в его работах «Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии», «Экономический быт государственных крестьян Богандинской, Бухарской, Кашегальской, Черевишевской и Ярковской волостей Тюменского округа Тобольской губернии» [Патканов, 2003].

Отдельные аспекты политической истории Сибири привлекали внимание не только сибирских исследователей. Так, сведения о судьбе высшей служилой знати Сибирского ханства – сибирских царевичей, потомкам которых суждено было стать последними правителями Касимовского ханства, мы находим в труде В.В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах» [Вельяминов-Зернов, 1866].

Среди ранних исследований «татарского» направления особое место занимает труд казанского историка первой половины XX в. Х.Атласи «История Сибири», в котором рассматривается этнополитическая история Сибирского ханства, а также история завоевания Сибири [Атласи, 2005].

История Сибири и ее народов привлекала внимание историков советского периода. Итогом многочисленных исследований в области сибиреведения известного историка С.В. Бахрушина стали «Очерки по истории колонизации Сибири», «Сибирские служилые татары в XVII в.», «Ясак в Сибири» и др. [Бахрушин, 1955а; Бахрушин, 1955б; Бахрушин, 1955в]. С.В. Бахрушиным впервые была дана подробная характеристика социального строя и хозяйственного уклада сибирских татар до присоединения Сибирского ханства к Русскому государству. По полноте материала, по яркости воссозданной исторической картины эти работы, на наш взгляд, до сих пор остаются непревзойденными.

60-е гг. XX в. отмечены появлением труда «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» Б.О. Долгих, сделавшего существенный вклад в развитие этноисторического направления российского сибиреведения. Автором на основе анализа архивных и этнографических источников дана характеристика родоплеменного состава коренного населения Сибири ко времени прихода в край русских [Долгих, 1960, с.46].

Всплеск интереса к истории, языкознанию и этнографии сибирских татар относится ко второй половине XX в. (1950–70 гг.) [Валеев, 1965; Храмова, 1956; Дульзон, 1956; Ахатов, 1963; Бояршинова, 1960; Тумашева, 1968; Тумашева,1977; Еремин, 1972; Дмитриева, 1981; Богомолов, Томилов, 1973; Богомолов, 1978б и др.].

В этот период появляется целый ряд лингвистических исследований (Г.Х. Ахатов, М.А. Абдрахманов, Н.А. Баскаков, Л.В. Дмитриева, А.П. Дульзон, С.М. Исхакова, Д.Г. Тумашева и др.). Большинство ученых определяли народно-разговорный язык сибирских татар как восточный диалект татарского языка, выделяя внутри него множество поддиалектов и говоров. В то же время некоторые исследователи, например,

С.М. Исхакова, последовательно отстаивали позицию о самостоятельности языка сибирских татар [Исхакова, 1970; Исхакова, 1975].

Исследования лингвистов, безусловно, существенно повлияли и на развитие этнологических изысканий. В середине XX в. появляются работы И.И. Авдеева и И.П. Струковой, В.В. Храмовой, посвященные изучению отдельных групп татар Сибири [Авдеев, Струкова, 1937; Храмова, 1950; Храмова, 1956].

Внимание к этнографии сибирских татар особенно активизируется во второй половине XX в. с появлением работ Ф.Т. Валеева, З.Я. Бояршиновой, Р.К. Сатлыковой, Н.А. Томилова и др. [Валеев, 1965; Валеев, 1980; Валеев, 1987; Валеев, 1989 и др.; Бояршинова, 1960; Сатлыкова, 1986; Томилов,1978а; Томилов, 1981; Томилов, 1983а; Томилов,1983б и др.].

Первые монографические работы, посвященные сибирским татарам, появляются в 1980-е гг. Так, в 1980 г. в г.Казани вышла работа Ф.Т. Валеева «Западно-сибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв.». Она стала итогом многолетних научных изысканий автора по этнической истории и традиционной культуре татарского населения Западной Сибири.



Ф.Т. Валеев

Результаты исследований Ф.Т. Валеева опубликованы в более чем 200 научных работах, включая 4 монографии, в т.ч. «Сибирские татары: культура и быт» (Казань, 1992, 1993 гг.), «Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения» (Москва, 1996 г., в соавторстве с С.М. Исхаковой), «Татары Западной Сибири: история и культура» (Новосибирск, 1996 г., в соавторстве с Н.А. Томиловым). В этих работах коренные сибирские татары рассматриваются автором как самостоятельный этнос с присущими ему устойчивыми признаками и свойствами, такими как язык и территория, экономическая общность, этническое самосознание, конфессиональная общность, эндогамия, а на раннем этапе развития этого этноса – и социально-политическая общность, связанная с существованием Сибирского ханства, представлявшего собой самостоятельное государство [Валеев, 1989, с.138–143].

Что касается оценки научного вклада Ф.Т. Валеева в отечественную этнографию и историю, известный специалист по тюркской этнографии Сибири доктор исторических наук Н.А. Томилов определяет его следующим образом: «Этот ученый первым в этнографии вышел на фундаментального уровня монографическое изучение самого многочисленного коренного народа Западной Сибири» [Томилов, Томилова, 1998, с.213].

Ф.Т. Валеев сделал большой вклад в изучение этногенеза и этнической истории тоболо-иртышских татар. «Хотя данная проблема не может и сегодня считаться решенной до конца, все же вопросы о роли кыпчакского и алтайского компонентов в составе сибирских татар благодаря его исследованиям в какой-то степени можно считать изученными» [Томилов, Томилова, 1998, с.213].

Большое внимание в своих работах Ф.Т. Валеев уделил изучению хозяйственной организации, семейной обрядности, различным аспектам материальной и духовной культуры тоболо-иртышских татар. «Ему удалось выявить общие черты в культуре разных групп сибирских татар, отметить многие особенности в этнокультурном облике отдельных этнических и этнографических групп, выделить этнокультурные компоненты. Это позволило значительно углубить решение проблемы этнической истории сибирских татар, выявить их разнообразные этногенетические и историко-культурные связи со многими народами нашей и соседних стран» [Томилов, Томилова, 1998, с.213].

При определении этнической общности сибирских татар Ф.Т. Валеев стоял на позициях того, что «учитывая отсутствие в изучаемый период общности территории меж-

ду сибирскими и поволжскими татарами, относительную слабость экономических связей, значительное расхождение в области языка, мы не можем утверждать о консолидации сибирских татар вокруг татарской буржуазной нации, формировавшейся в Поволжье…» [Валеев, 1980, с.45]. В то же время автор отмечает большую роль татар Поволжья как одного из крупных компонентов, образовавших западносибирских татар.

Подходя к классификации татарского населения Сибири, Ф.Т. Валеев отмечал, что «западносибирские татары в литературе именуются в зависимости от их постоянного места жительства тюменскими, тобольскими, тарскими, томскими, барабинскими и т.д. Татары, обитающие по рекам Иртышу и Тоболу, также носят название тоболо-иртышских. Сами себя они называют, сохраняя территориальные названия: тубыллык (тобольские), тарылык (тарские) и т.д.» [Валеев, 1980, с.22]. Далее он приводит более дробные подразделения, ведущие свое происхождение от родоплеменных групп: тарские делились на аялы, туралы, курдак, сарт, тобольские – на курдак, тугус, яскалбы, нанга и т.д.

Ф.Т. Валеев считал, что процесс формирования западносибирских татар в народность начался в период Сибирского ханства и продолжился в составе Русского централизованного государства, оформление же западносибирских татар в татарскую буржуазную народность (он отличает ее от татарской буржуазной нации «поволжских татар») произошло в конце XIX – начале XX в. В целом Ф.Т. Валеев рассматривал сибирских татар как самостоятельную этническую общность.

Большой вклад в историко-этнографическое изучение тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины, в том числе и сибирских татар, внесен известным сибирским этнологом Н.А. Томиловым [Томилов, 1981; Томилов, 1983а; Томилов, 1983б; Томилов, 1992 и др.]. В его фундаментальных трудах, написанных на основе многолетних полевых и архивных исследований, этнокультурное развитие сибирских татар нашло всестороннее освещение.



Н.А. Томилов

Особую ценность представляет работа Н.А. Томилова «Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв.», в которой он на основе комплексного использования историко-архивных, этнографических, статистических и других видов источников рассмотрел этническую историю и этногенез тюркских групп Тоболо-Иртышского, Обско-Томского бассейнов и Барабинской степи.

На основе материалов ревизских сказок и переписей, Н.А. Томиловым был сделан этнодемографический анализ процессов, происходивших среди сибирских татар в конце XVI – XIX вв. Исследователем произведена классификация этнотерриториальных групп татар, внутри которых выявлены подразделения этнографического характера и выделены этнические компоненты в составе как территориально-этнических образований, так и локальных групп [Томилов, 1981, с.246–247].

Таким образом, одним из наиболее значительных научных достижений Н.А. Томилова стала классификация территориально-этнических и локальных групп сибирских татар. Данной классификацией уже на протяжении трех десятилетий пользуются исследователи, изучающие тюркоязычное население Западной Сибири.

Согласно ей сибирские татары в настоящее время состоят из нескольких разрозненных этнических групп – томских, барабинских и тоболо-иртышских татар, внутри которых, в свою очередь, выделяются локальные этнографические группы. По мнению Н.А. Томилова, консолидация указанных этнических групп в единый этнос не завершилась, и в настоящее время сибирские татары представляют собой, скорее всего, не вполне сформировавшуюся этническую общность, близкую, но не адекватную народности. По мнению исследователя, на незавершенность процесса этнической консолидации сибир-

ских татар повлияли их широкая территориальная расселенность, а также усилившиеся в советский период процессы межэтнического сближения (особенно с поволжскими татарами, русскими). Процессы сближения и частичного смешения сибирских татар с поволжско-приуральскими, особенно интенсивно развивавшиеся с первых десятилетий советской власти, способствовали тому, что «в настоящее время сибирские татары входят в татарскую этническую общность, видимо, как особая региональная этническая общность более дробного порядка. И все же сибирские татары в большинстве этнических компонентов сохраняют этническое своеобразие… Но в целом у поволжско-приуральских татар и сибирских татар Западной Сибири укрепилось обозначение себя просто татарами, что свидетельствует о развитии процесса трансформации их метаэтнической общности в общетатарский этникос» [Томилов, 1992, с.231–232].

В своих более поздних работах Н.А. Томилов считает, что в результате этнического взаимодействия сибирских и поволжско-приуральских татар в конце XIX – начале XX вв. сибирские татары представляли собой общую для татар Поволжья, Приуралья и Сибири «метаэтническую общность», но единого татарского народа не образовалось [Томилов, 1993, с.96, 98].

В многочисленных трудах Н.А. Томилова освещены различные аспекты этнической истории и этнокультурного развития татарского населения: социальная и хозяйственная организация, социально-экономическое развитие, системы социальных и территориально-хозяйственных связей, этнокультурные и этноязыковые процессы, изменения в этническом самосознании на протяжении XVI – начала XX вв. и т.д.

Особой заслугой Н.А. Томилова перед отечественной наукой является то, что под его руководством в Омске подготовлена большая группа талантливых исследователей, занимающихся изучением этнической истории и традиционной культуры народов Сибири, и, прежде всего, коренного тюркоязычного населения Западной Сибири – сибирских татар. Среди них С.Н. Корусенко, М.А. Корусенко, Р.К. Сатлыкова, Е.Ю. Смирнова, И.А. Селезнева, А.А. Ярзуткина, О.П. Коломиец, М.Н. Тихомирова, С.С. Тихонов, С.Ф. Татауров, А.В. Матвеев, Л.М. Кадырова и др.

В работах омских исследователей рассматриваются различные проблемы этнографии и этнической истории тюрко-татарского населения Сибири. Так, проблемам этносоциальных процессов, генеалогиям сибирских татар посвящены работы С.Н. Корусенко и Н.В. Кулешовой [Корусенко, Кулешова, 1999]. В течение многих лет исследованием традиционной одежды сибирских татар успешно занимается Е.Ю. Смирнова [Смирнова, 1995, Смирнова, 2004а]. Народная медицина татар Прииртышья рассматривается в работах Л.М. Кадыровой [Кадырова, 2003]. Особенности культуры питания татарского населения планомерно изучаются М.Н. Тихомировой [Тихомирова, 2006а].

Многие стороны этнической истории и традиционной культуры татар Сибири рассмотрены в работах талантливого омского ученого А.Г. Селезнева [Селезнев, 1994; Селезнев, Селезнева, 2004а; Селезнев, Селезнева, Бельгибаев, 2006 и др.]. Особо хотелось бы отметить его исследования проблем формирования и развития ислама в Сибири и его функционирования в народной культуре, (т.н. «народный ислам»). На основании теоретических подходов по изучению религиозного синкретизма им рассмотрены основные элементы традиционного мировоззрения сибирских мусульман и его генезис [2004; 2009].

Перспективным и малоисследованным направлением – изучением письменного наследия татар Западной Сибири, занимается исследователь омской и амстердамской школ А.К. Бустанов, которым собран и вводится в научный оборот значительный археографический материал XVIII–XX вв., свидетельствующий о достаточно развитой книжной культуре сибирских мусульман [Бустанов, 2013]. Введение в научный оборот данных материалов, безусловно, значительно расширит источниковую базу по сибиреведению.

В конце XX – начале XXI в. омскими учеными издан ряд монографий, в которых представлены исследования по этнической истории и культуре сибирских татар [Селезнев, 1994; Корусенко, Кулешова, 1999; Малиновский, Томилов, 1999; Левочкина, 2002; Корусенко, 2003; Малхасьян, Селезнев 2003; Селезнев, Селезнева, 2004а; Смирнова, 2004а; Ярзуткина, 2012 и др.].

Силами омской школы этнографов в течение последних десятилетий были организованы важные и значимые научные мероприятия – тюркологические конгрессы и конференции, ежегодные симпозиумы «Интеграция археологических и этнографических исследований» и др., оказавшие значительное влияние на дальнейшее развитие науки.

В 90-е годы XX столетия история и культура сибирских татар привлекла внимание казанских исследователей. Появляются специальные исследования, посвященные отдельным проблемам этнической истории сибирских татар. Среди казанских этнографов следует назвать С.В. Суслову, Р.К. Уразманову, Н.А. Халикова, Ф.Л. Шарифуллину и др. На основе полевых исследований в ряде районов Западной Сибири, казанскими этнографами в 2002 г. был издан сборник статей «Сибирские татары». Важным достижением исследователей является сравнительный анализ культурных особенностей татарских общностей, выявляемый ими на конкретных этнографических материалах [Суслова, 2002; Суслова, 2004; Уразманова, 2002; Халиков, 2002; Шарифуллина, 2002]. На рубеже XX–XXI вв. увидела свет монография Г.Л. Файзрахманова «История сибирских татар», в которой сделана попытка освещения политической и этнической истории татар Западной Сибири с древнейших времен до начала XX в. [Файзрахманов, 2002].

Особое значение для разработки важнейших методологических вопросов по этнической истории татар, в том числе и сибирских татар, имеют труды казанского этнолога Д.М. Исхакова [Исхаков, 1997; Исхаков, 1998; Исхаков, 2000а; Исхаков, 2000б; Исхаков, 2002а; Исхаков, 2002б; Исхаков, 2002в; Исхаков, 2004а; Исхаков, 2004б; Исхаков, 2005; Исхаков, 2006а; Исхаков, 2006б; Исхаков, 2007; Исхаков, 2009а; Исхаков, 2009б; Исхаков, 2013; Исхаков, 2015а; Исхаков, 2015б].

В коллективной монографии «Татары», изданной в 2001 г., Д.М. Исхаков предложил свой взгляд на структуру татарской этнической общности. Он выделил три этнотерриториальные группы – волго-уральские, астраханские и сибирские татары, которые входят в состав татарской нации [Татары, 2001, с.14].

Относительно вопроса об этнической консолидации татар Д.М. Исхаков считает, что в XVIII – начале XX вв., на стадии становления татарской нации, одним из главных направлений этнических процессов, происходивших среди татарского населения России, являлась общенациональная консолидация, в которую были вовлечены волго-уральские, астраханские и сибирские татары. Ведущее положение в формировавшейся общности национального типа заняли татары Волго-Уральского региона, образовавшие ядро татарской нации. Процесс консолидации этих трех этнотерриториальных групп татар (волго-уральских, сибирских и астраханских) исследователь рассматривает как интеграцию всех трех перечисленных этнических образований в новую, более широкую, этнонацию [Татары, 2001, с.15].

Если говорить об этапах формирования средневековой татарской этнической общности, то следует обратить внимание на то, что важнейшим достижением последних десятилетий в развитии концептуальных основ татарской истории стало определение зарубежными и российскими учеными-тюркологами (Б.Манз, Х.Инальчик, Ю.Шамильоглы, Д.М. Исхаков) существования четырехклановой структуры административно-политического устройства (система карача-беев) в постзолотоордынских государствах. Д.М. Исхаков определяет существование основных характерных черт данной системы и в других государствах (Астраханском, Шибанидском (Узбекском), Тюменском (Сибирском) ханствах, Большой и Ногайской Ордах).

В связи с этим следует отметить ряд работ Д.М. Исхакова, посвященных этнической истории сибирских татар: «Сеиды в позднезолотоордынских татарских государст-

вах» (1997 г.), «К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам)» (2000 г.), «Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и позднезолотоордынский периоды)» (2002 г.), «О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской этнической общности» (2002 г.) и др. Обращаясь к этнополитической истории сибирских татар, Д.М. Исхаков рассматривает этническое объединение сибирских татар в одном ряду с другими позднезолотоордынскими государствами: Казанским, Астраханским, Касимовским, Крымским ханствами. Он пытается выявить общность в административно-политическом устройстве этих государств и Сибирского ханства на основе клановой системы и определяет, что у части сибирских татар в XVI в. существовали «клановые деления», которые надо рассматривать как «территориальные дома» [Исхаков, 2006а]. Далее Д.М. Исхаков приходит к выводу, что «единообразность этнонима, подчеркивание исповедания всеми сибирскими татарами ислама... свидетельствует о достаточной консолидированности сибирско-татарского этноса в XVI в.». Этот автор показывает существование деления сибирских татар на ясачных и служилых. Проводя аналогии с ситуацией в других ханствах, он делает предположение о том, что эти группы вели разный образ жизни (служилые – кочевой, ясачные – оседлый). Далее исследователь приходит к выводу, что именно кочевой или полукочевой образ жизни части татар помешал окончательной консолидации сибирско-татарского этноса в XVI в. Д.М. Исхаков ставит «вопрос о суперстрате «татарских» народностей позднезолотоордынского периода» по новому и считает, что важнейшим моментом в исследовании этнической истории, в том числе сибирских татар, является раскрытие значения клановых структур позднезолотоордынских татарских государств в этнических процессах XV–XVI вв. Д.М. Исхаков определил общие моменты развития этих государственных образований в XV–XVI вв., для которых было характерно, прежде всего, правление в государствах представителей рода Чингисидов, а также общность ведущих феодальных кланов, которые могли достаточно свободно, в отличие от «черного» ясачного населения, перемещаться со своими дружинами из одного татарского юрта в другой. Между разными ветвями высших мусульманских должностных лиц, возглавлявших духовенство этих государств, также существовали родственные связи. Из-за того, что правящий слой во всех этих государствах представляла феодальная золотоордынско-тюркская страта, сохранялась «этнокультурная близость между локальными тюрко-татарскими сообществами, в том числе и благодаря единству их правящей страты» [Исхаков, 2002а; Исхаков, 2002б; Исхаков, 2002в; Исхаков, 2006].

Д.М. Исхаков предложил свою периодизацию истории сибирских татар. По мнению данного исследователя, в этнической истории сибирских татар можно выделить следующие основные этапы: этап формирования основных этнических компонентов (VI – начало XIII вв.), период сложения средневековой сибирско-татарской общности (XIII – конец XVI вв.), этап распада этой общности (XVII–XVIII вв.) и период национальной консолидации (XIX–XX вв.). Д.М. Исхаков считает, что после присоединения к Русскому государству сибирские татары пережили длительный период деконсолидации, так как «объединяющий их фактор в лице центрального государственного аппарата перестал существовать». Этап национальной консолидации он связывает с происходившими активными этническими, демографическими и этнокультурными процессами второй половины XIX – XX вв., приведшими к этническому сближению сибирских татар с татарами Волго-Уральского региона.

Д.М. Исхаков одним из первых в современной историографии обратился к последовательному изучению этнополитической истории сибирских татар. Во второй половине 2000-х гг. интерес к сибирской тематике в целом, и к политической истории сибирских государств, в частности, со стороны ряда ученых заметно возрос. Появились специальные исторические и этноисторические работы, рассматривающие отдельные

вопросы и периоды средневековой истории Западной Сибири [Маслюженко, 2008; Тычинских, 2010; Трепавлов, 2012; Матвеев, Татауров, 2012а и др.].

Предложенный Д.М. Исхаковым подход к формированию средневекового татарского этноса получил дальнейшее развитие в работах З.А. Тычинских, в которых также показано, что становление этнической общности сибирских татар, протекавшее в рамках Тюменского ханства и Сибирского юрта (княжества, ханства) в XV–XVI вв., следует изучать исходя из существовавшего в них этносословного деления тюрко-татарского населения, где его верхняя страта состояла из золотоордынских групп с клановым делением, т.е. из собственно «татар», а нижняя (ясачная) страта – из постепенно тюркизированных «сыпыров», в монголо-татарский период, не исключено, получивших общий этноним «иштэк» [Исхаков, 2002а; Исхаков, 2006а, с.10–18; Тычинских, 2009; Тычинских, 2010]. На наш взгляд, указанная методология не только позволяет рассматривать этнические процессы, происходившие в сибирских тюрко-татарских юртах, в общей системе других позднезолотоордынских государств, но и дает возможность выявить их динамику, приведшую к формированию средневековой общности сибирских татар, являвшейся одной из локальных групп распавшейся на рубеже XIV–XV вв. золотоордынско-татарской этнии [История и культура, 2014, с.184–198].

В монографии З.А. Тычинских «Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.)» по-новому рассматриваются вопросы формирования этнической общности сибирских татар, впервые комплексно исследуется этносословная группа служилых татар, ведущая свое происхождение от верхней – «татарской», страты Сибирского ханства, которая и в период Русской государственности продолжала играть определяющую роль в происходящих этнических процессах [Тычинских, 2010].

В настоящее время наметился целый ряд научных направлений по изучению сибирских татар, успешно реализуемых учеными гг.Екатеринбурга, Казани, Кемерово, Кургана, Омска, Новосибирска, Тюмени, Тобольска, Москвы и др.

Большое внимание истории и культуре сибирских татар в последние десятилетия уделяется исследователями научных центров Тюмени – сотрудниками ИПОС СО РАН и ТГУ.

Проблемы общинного устройства и правовой культуры тоболо-иртышских татар стали основными направлениями исследований Г.Т. Бакиевой [Бакиева, 2003; Бакиева, 2009; Бакиева, 2011].

В трудах В.П. Клюевой, И.В.Боброва представлены исследования современной этнополитической ситуации. Изучением современной религиозной ситуации у сибирских татар успешно занимаются В.П. Клюева, М.Н. Черепанов, И.В. Бобров, А.П. Ярков и др. [Клюева, Черепанов, 2008; Бобров, Клюева, 2006; Ислам в истории, 2004; Ислам, 2007].

В ходе полевых исследований в населенных пунктах Тюменской области Л.Р. Сурметовой (Ильясовой) собран значительный музыкальный фольклорный материал, бытовавший у татарского и являющийся сокровищницей народной культуры [Ильясова, 2002]. В работах тюменской исследовательницы Г.И. Зиннатуллиной освещаются народные медицинские знания татарского населения Западной Сибири [Зиннатуллина, 2013].

История регионального ислама плодотворно изучается И.В. Беличем, И.Б. Гарифуллиным, Р.Х. Рахимовым, А.П. Ярковым [Белич, 1988; Белич, 1997; Белич, 2002; Рахимов, 2006; Ислам в истории, 2004; Ислам, 2007].

В течение многих лет тобольский исследователь, сотрудник ИПОС СО РАН И.В. Белич, изучает различные аспекты духовной жизни татар Западной Сибири. Одним из первых он обратился к изучению сакральных мест – астана, выявил места расположения этих объектов, сделал их культурологическую характеристику. Немаловажен его вклад и в изучение реликтов доисламских верований, истории исламской культуры, ее особенностей у сибирских татар [Белич, 1988; Белич, 1997; Белич, 2002 и др.].

Особо хотелось бы остановиться на работах тюменского историка И.Б. Гарифуллина, которым был сделан большой вклад в изучение татар. В 80–90-е гг. XX вв. И.Б. Гарифуллин издал ряд трудов, посвященных проблемам демографии, истории хозяйства, ислама, образования татарского населения Западной Сибири. Работы И.Б. Гарифуллина являются одними из немногих, освещающих историю татарского населения в советский период [Гарифуллин, 1996; Гарифуллин, 1997б; Гарифуллин, 2001]. Не утратила свое значение для современных исследований его работа «Социально-демографическое развитие татарского населения Тюменской области в годы освоения Севера (1960–1996 гг.)», изданная в 1997 г., в которой на основе данных Всесоюзных переписей 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. анализируется состояние татарского сообщества региона и характер его трансформаций за указанный период. Другое важное направление исследований И.Б. Гарифуллина – изучение истории национального образования у татар. Данное направление в дальнейшем было успешно продолжено в трудах К.С. Садыкова, Ю.У. Сафаралеевой, Л.Б. Хабибуллиной, Г.С. Хисаметдиновой и др. [Садыков, 2001; Сафаралеева, 2008; Хабибуллина, 2008; Хисаметдинова, 2010].

Тема современного состояния татарского сообщества Западной Сибири была продолжена этносоциологическими исследованиями Н.Г. Хайруллиной, под руководством которой в конце 1990-х – 2000-е гг. были проведены исследования татарского населения юга Тюменской области. Итоги исследований отражены в материалах научно-практической конференции «Сулеймановские чтения» и в коллективной монографии «Татары Тюменской области: история и современность» (2011 г.) [Хайруллина, Салихова, 2004; Татары Тюменской области, 2011].

Масштабные этносоциологические исследования, впервые охватившие население нескольких субъектов РФ (Тюменская, Омская, Новосибирская и Томская области), где компактно проживает татарское население Западной Сибири, были проведены в 2013–2014 гг. под руководством Г.Ф. Габдрахмановой. Результаты этих исследований отражены в главе 6 настоящей монографии.

Важным направлением по изучению ранней истории Западной Сибири являются археологические исследования. Начальный этап археологическим изысканиям был положен во второй половине XIX – начале XX вв. краеведами М.С. Знаменским, В.Н. Пигнатти [Знаменский, 1891; Пигнатти, 1915], обследовавшим объекты татарского наследия в Сибири. Во второй половине XX в. археологическим изучением средневековой истории Сибири плодотворно занимались В.И. Соболев, А.П. Зыков, А.А. Адамов и др. [Адамов, 2010б; Зыков, 2004; Соболев, 2008].



В.Н. Пигнатти



М.С. Знаменский

Политическая история сибирских тюрко-татарских государств нашла свое отражение в трудах А.В. Белякова, Д.М. Исхакова, Д.Н. Маслюженко, А.В. Матвеева, С.Ф. Татаурова, В.В. Трепавлова, З.А. Тычинских и др. исследователей [Беляков, 2011; Беляков, 2014; Исхаков, 2004; Исхаков, 2006 и др.; Маслюженко, 2008 и др.; Матвеев, Татауров, 2012; Трепавлов, 2012; Тычинских, 2010].

Во второй половине XX в. продолжаются лингвистические исследования. Особенно активно они проводились казанскими учеными – профессором КГУ Д.Г. Тумашевой и сотрудниками ИЯЛИ АН РТ Д.Б. Рамазановой, Ф.С. Баязитовой, Р.С. Барсуковой и др. [Рамазанова, 1990; Рамазанова, 2001; Баязитова, 2001; Барсукова, 2004; 2005].

Большой вклад в изучение языка и культуры сибирских татар был внесен Д.Г. Тумашевой [Тумашева, 1968; Тумашева, 1969; Тумашева, 1977; Тумашева, 1987; Тумашева, 1992]. Ею выделены три крупных диалектных массива языка сибирских татар – тоболо-иртышский, барабинский и томский. В соответствии с разработанной ею лингвистической классификацией, она предлагает разделить сибирских татар на соответствующие территориально-этнические группы. По мнению Д.Г. Тумашевой, процесс образования и развития диалектов сибирских татар был сложным и длительным, но самостоятельным от развития диалектов поволжских и приуральских татар. Лишь на позднем этапе, по ее мнению, диалекты сибирских татар консолидировались с татарским национальным языком и вошли в его диалектную систему [Тумашева, 1969, с.8].

В современной лингвистике заметную роль играют работы Х.Ч. Алишиной, исследования которой внесли существенный вклад в историко-лингвистическое изучение тюркского ономастикона Тюменской области [Алишина, 1994; Алишина, 1999а; Алишина, 1999б и др.]. В плане отстаивания положения о самостоятельном характере языка сибирских татар важны работы С.М. Исхаковой [Исхакова, 1970; Исхакова, 1975; Исхакова, Валеев, 1992а].

Тюменский филолог М.А. Сагидуллин продолжил работу по нормированию письменного сибирско-татарского языка. В 2008 г. им была издана «Фонетика и графика современного сибирскотатарского языка», а в 2010 г. издан «Русско-сибирскотатарский словарь», в котором автором собрано 15 000 слов [Сагидуллин, 2008; Сагидуллин, 2010]. В 2014 г. выходит его работа «Грамматика современного сибирскотатарского языка», в которой продолжены научные изыскания в области создания литературных норм сибирских татар [Сагидуллин, 2008; 2010; 2014].

Совершенно новым направлением исследований тюрко-татарского населения Западной Сибири стали генетические исследования сибирских татар, проводящиеся в течение 2012–2015 гг. по проектам «Татары Евразии» и «Сибирские татары». Данные исследования под руководством М.Б. Лавряшиной проводились у локальных групп сибирских татар в Тюменской и Новосибирской областях. Первые их результаты представлены в данной монографии.

В интеграции научных знаний большую роль играют научные мероприятия – конгрессы, конференции, симпозиумы.

В июне 1990 г. в г.Тобольске прошла научно-практическая конференция, в заглавие которой было поставлено наименование «сибирские татары» – «Сибирские татары: история и современность». Участниками конференции являлись ученые (Ф.Т. Валеев, С.М. Исхакова, А.В. Головнев, Х.Ч. Алишина, З.А. Гафурова и др.), общественные деятели (Б.В. Сулейманов, А.Г. Гаитов, Р.Н. Яхина), широкие круги общественности, интеллигенции города. На конференции прозвучали научные доклады по этнической истории, языкознанию, хозяйственной организации сибирских татар, актуальным проблемам сохранения их уникальной культуры, возрождения языка,

На рубеже XX–XXI вв. в течение нескольких лет Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник проводил крупные научные форумы – симпозиумы «Культурное наследие народов Западной Сибири» (организаторы А.В. Головнев, А.В. Нескоров, Е.В. Перевалова, З.А. Тычинских). Симпозиум объединил усилия ученых по

обобщению знаний о культурном наследии народов Западной Сибири – сибирских татар, хантов и манси, ненцев, селькупов, русских старожилов. В 1998 г. в г.Тобольске состоялся I-й Сибирский симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары», на котором собравшиеся из разных концов страны ведущие ученые – археологи, этнографы, историки, лингвисты, обсуждали проблемы этногенеза, этнической истории, культурного наследия сибирских татар.

Эти мероприятия способствовали развитию научных связей между специалистами академических и вузовских центров гг.Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Томска, Новосибирска, Ижевска, Тюмени и др.

С конца 90-х гг. XX в. в Тюмени и Тобольске стали проводиться ежегодные научно-практические конференции «Сулеймановские чтения», которые вносят большой вклад в изучение и трансляцию знаний о сибирских татарах.

В течение нескольких лет Тобольским педагогическим институтом проводилась ежегодная конференция «Занкиевские чтения», главными темами на которой были обозначены вопросы изучения литературы и языка татар Сибири.

Начиная с 2007 г. в г.Тобольске Центром по изучению историко-культурного наследия сибирских татар совместно с РТОО «Наследие» по Тюменской области ежегодно проводится (сначала в формате Круглого стола) научно-практическая конференция «Историческая судьба Искера», на которой обсуждаются проблемы сохранения, изучения и популяризации историко-культурного наследия сибирских татар.

Важным явлением в научной жизни стали организуемые Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауровым в г.Кургане Всероссийские научные конференции «История, экономика и культура тюрко-татарских государств Западной Сибири», на которых обсуждаются проблемы археологии, этнографии, источниковедения, политической истории сибирских тюрко-татарских государств, их взаимоотношений с Русским государством и включения Западной Сибири в его состав.

На научных конференциях «Средневековые тюрко-татарские государства», проводимых с 2009 г. в г.Казани Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ, выделилась отдельная секция по тюрко-татарским политиям Западной Сибири, что говорит о возрастающем в последние годы интересе к политической истории Сибири и в целом к истории и культуре татарского населения Западной Сибири.

В целом следует отметить, что изучение тюрко-татарского населения Западной Сибири прошло значительный путь от первых зарисовок очевидцев и путешественников до монографических описаний и концептуальных построений исторического развития татарского народа. Но остается еще много «белых пятен» (в том числе и в части не изученности истории и культуры переселенцев из числа татар, прибывших в Сибирь в XIX в. и в последующее время), спорных моментов во взглядах на формирование, характер сибирско-татарской этнической общности, характер и степень ее взаимосвязей с разными этнотерриториальными группами татар и с другими тюркскими народами. Думается, что исследователи продолжат изучение тюрко-татарского населения Западной Сибири и в дальнейшем внесут новый вклад в комплексный анализ сложных исторических проблем.

Глава 1
Общая характеристика

§ 1. Популяционно-антропологическая структура

Анатолий Багашев

На территории Западно-Сибирской равнины тюркоязычное население сосредоточено в Тоболо-Иртышском и Обско-Томском бассейнах и Барабинской лесостепи. По историческим, этнографическим и лингвистическим данным основная часть тюркоязычного населения объединяется термином «сибирские татары», в составе которых по этно-лингвистическим и культурным особенностям выделяются тоболо-иртышские, барабинские, томские татары и чулымские тюрки [Валеев, 1980; Тумашева, 1977; Томилов, 1981; Тюрки, 1991]. Соприкасаясь на юго-востоке ареала обитания с самодийцами Нарыма и тюрками Алтае-Саянского нагорья, на юго-западе с тюрками Южной Сибири, Казахстана и Приуралья, на севере с обскими уграми, территориальные группы сибирских татар испытывали не только этнокультурные влияние, но и генетическое, что находит свое отражение в особенностях их антропологического состава.

Тоболо-иртышские татары

Тоболо-иртышские татары – самая крупная по численности группа сибирских татар. По этнолингвистическим данным в ее составе выделяется четыре основные подгруппы, различающиеся между собой некоторыми особенностями в языке и культуре. Это тюменские, тобольские, курдакско-саргатские и аялынско-туралинские татары [Томилов,1981; Валеев,1980; Тумашева,1977; Тумашева, Ахметова, 1983].

Среди различных этнотерриториальных групп тоболо-иртышских татар собраны дерматоглифические, одонтологические и серологические данные. Дерматоглифический анализ свидетельствует о гомогенности основной массы татар Сибири и о сходстве их с хакасскими популяциями и в целом с населением Алтае-Саян [Хить, Томилов, 1981; Хить, 1983]. Одонтологические исследования показали, что тоболо-иртышские татары относятся к кругу смешанных европеоидно-монголоидных популяций и обладают таким набором признаков, который сближает их с угорскими группами и с северными самодийцами – ненцами [Ошуркова, Томилов, 1983; Халдеева, 1984, 1992; Ефимова, 1984; Зубов, Халдеева, 1989]. Анализ материалов по группам крови АВ0 показал, что тоболо-иртышские татары обнаруживают значительное сходство по генным частотам с хакасскими популяциями и несколько меньшее с кетами и южными самодийцами – селькупами [Багашев, Юрина, 1984].

Прочно вошло в антропологическую литературу положение, основанное на соматологических материалах, о принадлежности тоболо-иртышских татар к кругу популяций уральской расы, с «чулымским», южносибирским и центральноазиатским компонентами в составе отдельных территориальных групп [Трофимова,1947].

Представления об антропологическом составе, особенностях физического типа и расогенетических связях тоболо-иртышских татар базируются на краниологических источниках, достоверно связанных с генезисом тюменских (могильник XVIII–XIX вв. Юртобор, Ярковский район Тюменской области), тобольских (могильник XIX в. Ост-

ровной, Тобольский район Тюменской области), курдакско-саргатских (в их составе две подгруппы – курдакская (могильник XIX в. Летний Коурдак, Знаменский район Омской области) и саргатская (могильник XIX в. Тюльчаково, Усть-Ишимский район Омской области) и аялынско-туралинских татар (могильники Токсай 1 и 2, Муромцевский район Омской области) [Багашев, 1993б].

Локальные краниологические серии тоболо-иртышских татар сходны между собой, внутригрупповой размах изменчивости признаков и указателей невелик. Суммарный внутригрупповой анализ по мужским черепам, проведенный с помощью метода главных компонент, не выявил между группами существенных морфологических различий [Багашев,1993а]. Это дает все основания рассматривать краниологические серии, несмотря на некоторые специфические особенности каждой, как выборки из единой совокупности. Для тоболо-иртышской серии характерны следующие черты (табл. 1): небольшая высота черепной коробки при средних величинах продольного и поперечного диаметров; сочетание большой ширины и относительно небольшой высоты (по монголоидному масштабу) в размерах лица; широкая орбита при средней ее высоте; сочетание среднеуплощенного по горизонтали лица на уровне орбит с относительно большей его уплощенностью в подносовой части; средневыступающие носовые кости и переносье сочетаются с малым углом носа к вертикальному профилю лица; довольно наклонный лоб; заметная тенденция к альвеолярному прогнатизму.

По комплексу признаков, дифференцирующих монголоидные и европеоидные популяции, тоболо-иртышские татары занимают между ними промежуточное положение. В локальных группах, однако, доли европеоидного и монголоидного компонентов варьируют. В курдакской серии, например, монголоидные особенности выражены более отчетливо, а в тобольской группе ярче проявляются европеоидные черты, остальные расположены между ними. Характерная особенность строения черепов тоболо-иртышских татар заключается в сочетании уплощенного переносья, малого угла выступания носа, широкого среднеуплощенного в горизонтальной плоскости лица с небольшой (по отношению к монголоидам) высотой лица, что наблюдается у многих популяций из таежных районов Западной Сибири.

При выявлении локальных антропологических особенностей серий на внутригрупповом уровне с помощью многомерной статистики выяснилась основная изменчивость, которая выражается в том, что более широкие и высокие черепа обладают более широким и высоким, более уплощенным по горизонтали на уровне орбит, но менее в подносовой части лицом, более выступающими носом и переносьем. Для черепов с удлиненной формой мозговой коробки характерна противоположная связь с означенными признаками [Багашев,1993а].

Морфологические особенности локальных групп тоболо-иртышских татар показывают, что наиболее отчетливо выявляемый комплекс признаков представлен в двух сериях, причем обе с периферии ареала. Это самая южная группа – аялынская и западная – тюменская. Для черепов этих выборок характерны явная тенденция к брахикрании, широкое и высокое лицо, относительно высокое переносье. Противоположное сочетание признаков свойственно для самой восточной – курдакской серии, черепа которой наиболее долихокранные и низкие, лицо с уплощенным переносьем и самым малым углом выступания носа. Горизонтальный профиль лица на уровне орбит свидетельствуют об его относительной профилированности, тогда как в средней части – об уплощенности. Саргатская группа занимает промежуточное положение между этими крайними вариантами, а в тобольской группе наблюдается противоречивое сочетание узкого лица с высоким переносьем и большим углом носа (противоречивое, естественно, применительно к данным материалам).

Таблица 1

Средние размеры и указатели черепов тоболо-иртышских татар

№№ по Мартину или условные обозначения	Тюменские татары		Тобольские татары		Коурдакско-саргатские татары						Аялынские татары		Тоболо-иртышские татары суммарно	
					Коурдакские		Саргатские		суммарно					
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1.	180.2(54)	172.0(46)	179.6(20)	169.5(17)	181.3(22)	176.4(14)	182.5(33)	170.8(16)	182.1(55)	173.5(30)	179.8(22)	172.3(13)	180.7(151)	172.1(106)
8.	144.8(54)	137.3(46)	142.0(20)	134.7(17)	137.3(22)	133.9(14)	141.8(33)	134.6(16)	140.0(55)	134.2(30)	145.5(21)	138.7(14)	142.7(150)	136.2(107)
17.	130.3(55)	126.3(45)	129.7(20)	123.4(17)	127.3(21)	125.2(13)	133.8(33)	124.8(16)	131.2(54)	125.0(29)	131.6(19)	125.1(12)	130.7(148)	125.3(103)
20.	113.0(53)	109.6(45)	113.8(20)	109.1(17)	109.9(21)	108.7(12)	115.2(32)	109.7(16)	113.1(53)	109.2(28)	113.0(21)	108.5(15)	113.1(147)	109.3(105)
8:1.	80.4(53)	79.9(46)	79.1(20)	79.5(17)	75.8(22)	75.9(14)	77.7(33)	78.9(16)	76.9(55)	77.5(30)	80.9(21)	80.7(13)	79.0(149)	79.2(106)
17:1.	72.5(54)	73.5(45)	72.3(20)	72.8(17)	70.5(21)	71.2(13)	73.3(33)	73.2(16)	72.2(54)	72.3(29)	73.4(19)	72.8(11)	72.5(147)	73.0(102)
17:8.	90.0(54)	92.1(45)	91.4(20)	91.7(17)	92.7(21)	93.6(13)	94.5(33)	92.8(16)	93.8(54)	93.1(29)	90.3(19)	91.2(11)	91.6(147)	92.2(102)
5.	100.5(53)	95.1(44)	98.8(20)	93.2(17)	98.5(21)	93.7(12)	101.8(33)	92.4(16)	100.5(54)	92.9(28)	100.7(19)	96.0(11)	100.3(146)	94.3(100)
9.	96.4(53)	92.4(46)	94.7(20)	89.4(18)	91.8(22)	89.4(12)	95.3(33)	92.4(16)	93.9(55)	91.1(28)	93.5(23)	92.2(13)	94.8(151)	91.5(105)
40.	98.9(50)	93.1(43)	97.8(20)	91.4(16)	94.8(18)	92.4(9)	99.8(29)	91.1(15)	97.9(47)	91.6(24)	97.4(17)	92.9(10)	98.2(134)	92.4(93)
40:5.	98.7(50)	97.7(42)	99.1(20)	98.5(16)	96.2(18)	97.7(9)	97.9(29)	98.7(15)	97.3(47)	98.3(24)	96.2(17)	96.8(10)	97.9(134)	97.9(92)
45.	137.8(53)	126.0(44)	132.4(20)	121.6(17)	134.6(19)	124.7(11)	136.2(32)	124.0(16)	135.6(51)	124.3(27)	138.2(16)	128.6(10)	136.3(140)	125.1(98)
48.	72.7(51)	66.8(43)	70.0(20)	65.0(17)	70.4(20)	66.3(10)	71.2(28)	66.5(15)	70.9(48)	66.4(25)	73.4(18)	68.3(10)	71.8(137)	66.6(95)
66.	104.9(54)	96.9(38)	104.6(20)	93.2(18)	102.0(20)	91.5(11)	104.2(33)	97.8(16)	104.3(53)	95.2(27)	104.3(23)	98.9(14)	104.2(150)	96.0(97)
45:8.	95.2(52)	91.7(44)	93.3(20)	90.3(17)	98.3(19)	93.0(11)	96.1(32)	92.2(16)	96.9(51)	92.5(27)	94.4(16)	93.1(10)	95.5(139)	91.8(98)
72.	85.3(52)	85.0(43)	85.2(20)	86.1(15)	85.5(17)	84.5(8)	86.1(28)	85.1(15)	85.9(45)	84.9(23)	86.6(16)	86.3(10)	85.6(133)	85.3(91)
74.	77.7(50)	74.9(42)	79.2(20)	78.9(15)	77.2(17)	73.0(8)	74.6(27)	72.6(15)	75.6(44)	72.7(23)	74.6(16)	74.6(10)	76.8(130)	75.0(90)
77.	143.4(54)	142.4(44)	142.6(20)	142.5(18)	141.7(20)	140.1(10)	142.2(33)	144.4(16)	142.0(53)	142.7(26)	142.7(21)	141.9(11)	142.7(148)	142.4(99)
∠zm'.	134.7(53)	132.5(38)	131.8(20)	131.5(16)	135.6(15)	132.4(7)	133.1(32)	134.0(15)	133.9(47)	133.5(22)	133.6(15)	136.7(11)	133.9(135)	133.1(87)
51.	44.8(53)	42.5(44)	43.3(20)	41.1(18)	43.8(20)	42.2(11)	44.3(31)	42.6(16)	44.1(51)	42.5(27)	44.2(19)	42.7(11)	44.3(143)	42.3(100)
52.	34.6(54)	33.9(45)	33.5(20)	32.7(18)	34.6(18)	33.2(10)	32.7(31)	33.1(16)	33.4(49)	33.2(26)	34.9(19)	33.7(11)	34.1(142)	33.5(100)
55.	52.4(53)	48.8(44)	50.8(20)	47.1(18)	52.0(20)	49.0(10)	50.9(32)	48.2(15)	51.4(52)	48.5(25)	53.2(18)	49.3(11)	51.9(143)	48.4(98)
54.	26.7(53)	25.2(44)	25.2(20)	24.2(16)	25.8(20)	24.5(9)	24.7(32)	23.5(15)	25.1(52)	23.9(24)	25.9(20)	25.2(11)	25.8(145)	24.7(95)
75(1).	21.2(52)	16.2(42)	23.8(20)	20.7(15)	19.4(18)	15.9(9)	22.3(28)	17.7(15)	21.5(46)	17.0(24)	22.7(16)	18.9(10)	21.8(134)	17.5(91)
SC.	8.23(52)	7.70(44)	7.80(20)	8.65(17)	7.18(17)	6.69(10)	7.56(32)	6.42(16)	7.43(49)	6.53(26)	7.29(18)	7.84(12)	7.77(139)	7.57(99)
SS.	3.77(52)	3.25(44)	3.54(20)	3.35(17)	3.35(17)	2.50(10)	3.44(32)	2.58(16)	3.41(49)	2.55(26)	3.72(18)	3.11(12)	3.61(139)	3.07(99)
SS:SC.	46.4(52)	42.7(44)	46.8(20)	39.2(17)	47.5(17)	39(10)	46.8(32)	41.4(16)	47.0(49)	40.5(26)	52.1(18)	40.6(12)	47.4(139)	41.3(99)
DC.	21.70(51)	20.12(44)	20.78(20)	19.05(15)	21.54(18)	19.93(6)	21.55(31)	19.81(15)	21.55(49)	19.85(21)	21.33(15)	20.55(11)	21.47(135)	19.93(91)
DS.	11.06(50)	9.74(44)	11.40(20)	9.63(15)	10.01(18)	8.37(6)	10.63(31)	9.27(15)	10.40(49)	9.01(21)	11.03(15)	8.35(11)	10.87(134)	9.39(91)
DS:DC.	51.1(50)	48.5(44)	55.3(20)	50.6(615	46.9(18)	42.5(6)	49.9(31)	47.2(15)	48.8(49)	45.8(21)	52.5(15)	43.5(11)	51.1(134)	47.6(91)

Хотя характер строения черепов всех серий тоболо-иртышских татар дает основание для вывода о том, что локальные группы представляют в несколько различных вариантах один и тот же краниологический тип, в антропологическом составе ряда популяций прослеживается примесь населения, отличного от них в расовом отношении. С учетом этого фактора краниологический тип тоболо-иртышских татар аналогичен тому типу, который представлен у тюркоязычных групп Западно-Сибирской равнины (у чулымских и томских тюрков, частично у барабинцев), нарымских селькупов и кызыльцев.

С другой стороны, нельзя сбрасывать со счета и специфические особенности каждой популяции. Так, морфология аялынской серии, черепа которой наиболее широкие и брахикранные с крупным лицом и выступающим носом, указывает на присутствие в составе этой группы примеси тюрко-монгольского населения из Южной Сибири и Казахстана, носителей южно-сибирского комплекса антропологических признаков [Багашев,1990а]. Более интенсивные контакты с ними аялынско-туралинских татар обусловлены, видимо, географическим положением этой группы, проживающей в лесостепной полосе Среднего Прииртышья, переходящей в степь. Территория эта издавна была местом стыка двух хозяйственно-культурных типов – охотничье-рыболовческого и кочевого скотоводческого и ареной контактов лесных и степных племен, разнородных в расовом отношении. В эти места в разное время проникали и казахи [Томилов, 1983], и телеуты [Уманский,1972, 1980], и выходцы из Средней Азии [Тумашева, 1977; Томилов, 1981].

Аналогическая примесь присутствует, но в значительно меньшей пропорции, в составе тюменских татар. На их антропологический тип (в силу самой западной локализации) в большей степени, чем на тобольских и курдакско-саргатских, но в меньшей, чем на аялынских, оказали влияние тюркоязычные племена, появление которых в лесном Притоболье относят к XIII в. н.э. [Могильников, 1987]. В более позднее время нельзя исключить возможной примеси к тюменским татарам среднеазиатских тюрков – сибирских бухарцев [Патканов, 1911].

Противоположное сочетание признаков, как уже говорилось, т.е. сочетание низкой, узкой и удлиненной черепной коробки с небольшой высотой лица, небольшим углом выступания носа и уплощенным переносьем, характерно для черепов курдакских татар. Ближайшие аналоги этому комплексу наблюдаются у ряда угорских популяций, в частности у северных манси и отдельных хантыйских групп Среднего Приобья – нижнеиртышских и салымских хантов. Контакты между тюрками и уграми в этом районе облегчались тем, что территория обитания курдакских татар связана с северными таежными районами посредством р.Шиш и ряда других правых притоков Иртыша, берущих начало в таежной полосе Обь-Иртышского междуречья – местах проживания угров [Багашев,1991, 1993б].

Для черепов тобольской группы, по сравнению с другими сериями, характерно значительно более узкое лицо, наиболее выступающее переносье и максимально большой угол выступания носовых костей. Именно этот комплекс признаков усиливает выраженность европеоидных черт в тобольской популяции. Из территориально ближайших соседей сходная ширина лица наблюдается у некоторых угорских групп, в частности у нижнеиртышских хантов. Однако различия по высоте переносья, горизонтальной уплощенности лица и ряду других признаков значительны. Поэтому вряд ли уменьшение ширины лица у тобольских татар следует связывать с угорским влиянием. Более вероятным представляется связать не только уменьшение ширины лица, но и в целом усиление европеоидных черт в тобольской популяции с влиянием европеоидного тюркоязычного населения Поволжья. Из всех групп тоболо-иртышских татар именно тобольские обнаруживают наименьшие различия с казанскими татарами [Багашев,1990б]. Более интенсивный приток татар-переселенцев в XVII–XIX вв. в район г.Тобольска и

его окрестности фиксируется историко-этнографическими источниками [Радлов,1989; Валеев,1980; Томилов,1981].

Саргатские татары, занимая промежуточное положение между аялынскими и курдакскими татарами, не обладают, однако, теми чертами, которые сближают аялынских татар с южно-сибирскими группами и теми, которые сближают курдакских татар с уграми. Это весьма своеобразная группа, краниологический тип которой аналогичен практически только типу томско-чулымских тюрков. Обитая в таежных районах Среднего Прииртышья, характеризующихся чрезвычайной заболоченностью, что создавало значительные трудности для перемещения населения, саргатские татары оказались, видимо, в частичной генетической и географической изоляции [Багашев, 1990а, 1993б].

Таким образом, наблюдаемые морфологические различия между локальными сериями тоболо-иртышских татар связаны с некоторыми особенностями расового состава популяций. Их антропологический состав довольно сложен, хотя генетическая увязка в ряде случаев их антропологических особенностей с конкретными народами сопредельных территорий позволяет говорить, что появление этих особенностей обусловлено метисационными процессами в относительно недалеком прошлом. В наименьшей степени изменениям подвергся антропологический тип саргатских и тюменских татар.

Барабинские татары

Основная часть современных барабинских татар проживает в степи между Иртышом и Обью в пределах Новосибирской области. В XVI – начале XVII вв. у барабинцев отмечено большое число родо-племенных подразделений, которые к XIX в. сложились в три эндогамные группы – любейско-тунусскую, в бассейне среднего течения рр.Оми и Тары, барабинско-турашскую, к северу от озер Чаны и Сартлан до Оми и Тартаса и теренинско-чойскую, в районе Убинского озера и верховьев Оми [Томилов, 1981].

Среди тюркоязычных народов Сибири барабинские татары являлись наименее изученным в антропологическом отношении этносом. Единственное исследование, посвященное соматологии барабинских татар появилось в конце 40-х годов [Трофимова, 1947] и было итогом полевых работ лета 1937 года [Дебец, Трофимова, 1941]. Имеющиеся краниологические материалы можно достоверно связать с предками современных барабинских татар. Это краниологические серии из могильников Абрамово 10 (XVI–XVII вв.), Льнозавод 3 и 4 (XVII–XVIII вв.), Кыштовка 2 (XVII–XVIII вв.), Малый Чуланкуль 1 (XVII–XVIII вв.) [Ким, 1990]. Население, оставившее первые два могильника, относилось, по всей видимости, к родо-племенной группе бараба, остальные два – к тунусам. Эти группы были известны по русским письменным источникам ещё с XVII в. [Долгих, 1960]. Более поздним временем (XIX – начало XX вв.) датируются серии – из могильников Гжатск (группа бараба) и Кайлы-Угурманка (группа чой) [Ким, 1987, 1990, 1998].

Анализ средних размеров и пропорций черепов барабинских татар показывает (табл. 2), что в целом для них характерны низкая, мезо-брахикранная форма мозговой коробки, средневысокое, широкое, ортогнатное по общему углу и мезогнатное по указателю выступания лицо, умеренно уплощенное на обоих уровнях и слабо выступающий нос. Однако следует отметить, что в краниологической структуре барабинских татар позднего времени заметно их более европеоидное строение, что выражается в усилении степени выступания переносья и носовых костей. Лицо у поздних черепов уже и выше, более профилированное в горизонтальной плоскости на обоих уровнях.

Видимо данным обстоятельством обусловлено некоторое повышение межгрупповой вариабельности по сравнению с внутригрупповой. Это затрагивает признаки, обладающие таксономической ценностью на территории Западной Сибири, такие как высота черепа, верхняя высота лица, скуловой диаметр и угол выступания носа [Ким, 1998], что позволяет предполагать присутствие в локальных выборках ранних барабинцев специфических морфологических черт.

Таблица 2

Средние размеры и указатели черепов барабинских татар

№№ по Мартину или условные обозначения	Абрамово 10		Малый Чуланкуль	Кыштовка		Льнозавод		Гжатск		Кайлы-Угурманка		суммарно	
	♂	♀	♂	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1.	183.1 (21)	174.3 (33)	178.4 (8)	181.3 (21)	176.6 (16)	180.0 (12)	171.2 (14)	181.8 (29)	173.1 (49)	186.0 (11)	173.5(13)	181.9(102)	173.7(125)
8.	146.1 (22)	138.6 (33)	145.9 (7)	145.6 (19)	139.5 (17)	144.1 (12)	135.5 (14)	142.2 (29)	135.9 (48)	142.2(10)	138.6(13)	144.2 (99)	137.3(125)
17.	134.4 (21)	127.8 (33)	133.3 (7)	131.4 (15)	128.8 (18)	129.3 (12)	123.1 (13)	130.5 (28)	125.8 (47)	137.9 (11)	127.0 (13)	132.4 (94)	126.6(124)
20.	115.7 (21)	109.2 (32)	113.8 (6)	112.0 (16)	110.4 (14)	113.1 (12)	108.9 (12)	113.0 (29)	109.3 (47)	115.6 (10)	108.7 (12)	113.8 (94)	109.3(117)
8:1.	79.8 (21)	79.6 (33)	81.4 (7)	80.2 (18)	78.9 (16)	80.1 (12)	79.2 (14)	78.3 (29)	78.5 (48)	76.4 (10)	80.0 (13)	79.2 (97)	79.1 (124)
17:1.	73.5 (20)	73.3 (33)	74.3 (7)	72.4 (15)	73.2 (16)	71.9 (10)	71.7 (13)	71.8 (28)	72.7 (47)	74.2 (11)	73.3 (13)	72.8 (91)	72.9 (122)
17:8.	92.2 (21)	92.3 (33)	91.4 (7)	89.9 (15)	92.4 (17)	89.9 (10)	90.6 (13)	91.8 (28)	92.8 (46)	97.0 (10)	91.6 (13)	91.9 (91)	92.2 (122)
5.	101.9 (21)	98.3 (33)	104.3 (7)	101.7 (14)	100.9 (16)	102.1 (10)	95.8 (12)	103.6 (27)	97.1 (46)	105.1 (11)	96.8 (13)	103.0 (90)	97.8 (120)
9.	95.0 (22)	91.9 (34)	95.7 (9)	94.4 (21)	93.4 (21)	95.3 (12)	90.9 (14)	93.5 (28)	90.4 (49)	93.1 (11)	91.3 (13)	94.4 (103)	91.4 (131)
40.	99.7 (21)	96.6 (32)	103.3 (6)	102.4 (12)	99.1 (16)	101.7 (10)	94.8 (8)	99.6 (27)	94.4 (44)	100.4 (11)	94.8 (13)	100.6 (87)	95.8 (113)
40:5.	97.9 (21)	98.7 (32)	99.3 (6)	100.5 (12)	98.2 (15)	99.6 (10)	99.6 (8)	96.2 (27)	97.3 (44)	95.5 (11)	97.9 (13)	97.7 (87)	98.1 (112)
45.	142.0 (22)	132.5 (31)	139.7 (7)	140.4 (17)	131.4 (18)	136.5 (12)	125.9 (12)	137.3 (28)	128.1 (47)	137.3 (11)	128.3 (12)	139.0 (97)	129.5(120)
48.	72.4 (22)	66.6 (33)	71.7 (7)	70.7 (14)	68.6 (21)	72.4 (10)	65.9 (8)	73.2 (25)	68.6 (45)	74.2 (11)	65.0 (13)	72.5 (89)	67.5 (120)
66.	109.9 (22)	98.6 (30)	108.4 (8)	107.6 (19)	99.4 (18)	107.5 (11)	96.2 (12)	105.3 (26)	97.7 (46)	109.4 (9)	96.8 (11)	107.7 (95)	98.0 (117)
45:8.	97.2 (22)	95.5 (31)	95.8 (7)	96.4 (17)	93.9 (17)	94.8 (12)	92.7 (12)	96.3 (27)	94.4 (47)	96.4 (10)	92.8 (12)	96.3 (95)	94.3 (119)
72.	86.5 (22)	85.2 (33)	85.0 (6)	85.8 (12)	87.0 (10)	85.6 (10)	85.8 (8)	88.0 (27)	86.3 (45)	87.0 (11)	85.2 (12)	86.7 (88)	85.9 (108)
74.	79.8 (22)	77.1 (33)	78.8 (6)	77.8 (11)	80.0 (10)	77.7 (10)	77.6 (8)	82.4 (26)	79.4 (44)	80.0 (11)	75.5 (12)	80.0 (86)	78.2 (107)
77.	144.0 (22)	145.5 (34)	141.4 (8)	144.3 (18)	143.1 (17)	142.3 (12)	142.0 (12)	141.6 (28)	142.3 (49)	141.0 (11)	143.7 (13)	142.6 (99)	143.4(125)
∠zm'.	133.8 (21)	134.5 (33)	133.3 (7)	133.9 (14)	134.0 (15)	134.6 (10)	131.9 (8)	132.7 (27)	133.1 (47)	130.4 (11)	132.7 (13)	134.6 (90)	133.5(116)
51.	44.2 (20)	42.0 (33)	44.1 (8)	42.9 (15)	42.3 (17)	43.3 (10)	41.8 (10)	43.7 (27)	41.7 (49)	43.1 (11)	40.9 (13)	43.6 (91)	41.8 (122)
52.	34.0 (21)	32.8 (33)	33.2 (8)	32.5 (15)	33.2 (16)	34.1 (10)	34.7 (10)	34.0 (27)	33.1 (49)	33.8 (11)	33.2 (13)	33.7 (92)	33.2 (121)
55.	53.7 (22)	49.6 (33)	53.0 (7)	52.3 (15)	50.0 (21)	53.7 (10)	49.8 (8)	54.8 (27)	50.4 (48)	54.3 (11)	48.5 (13)	53.8 (92)	49.9 (123)
54.	26.2 (22)	24.9 (33)	26.6 (7)	26.6 (16)	25.2 (21)	26.5 (10)	25.6 (8)	26.2 (27)	25.5 (48)	24.4 (11)	25.2 (13)	26.1 (93)	25.3 (123)
75(1).	20.9 (21)	17.4 (32)	22.0 (7)	17.2 (13)	18.0 (13)	16.9 (10)	14.9 (8)	22.7 (27)	19.6 (46)	24.0 (11)	17.5 (13)	20.9 (89)	18.2 (112)
SC.	7.4 (20)	7.2 (32)	8.3 (8)	8.2 (12)	7.8 (13)	7.3 (10)	7.7 (11)	7.49 (28)	7.11 (49)	8.57 (11)	8.31 (13)	7.75 (89)	7.40 (118)
SS.	3.6 (20)	2.8 (32)	3.7 (8)	3.2 (12)	3.1 (13)	3.3 (10)	2.5 (11)	4.22 (28)	2.90 (49)	4.12 (11)	3.42 (13)	3.78 (89)	2.91 (118)
SS:SC.	50.2 (20)	41.3 (32)	47.0 (8)	40.1 (12)	41.3 (13)	45.8 (10)	33.8 (11)	58.5 (28)	41.8 (49)	48.9 (11)	41.8 (13)	50.5 (89)	40.9 (118)
DC.	24.1 (21)	20.4 (32)	21.9 (7)	21.3 (11)	20.9 (11)	21.5 (9)	21.1 (10)	20.46 (27)	19.80 (49)	21.85 (11)	19.89 (13)	21.86 (86)	20.20(115)
DS.	10.0 (21)	8.4 (32)	9.8 (7)	9.2 (11)	9.2 (11)	8.9 (9)	8.3 (10)	10.69 (27)	9.10 (49)	11.19 (11)	9.06 (13)	10.14 (86)	8.84 (115)
DS:DC.	46.6 (21)	41.2 (32)	45.0 (7)	43.4 (11)	44.0 (11)	41.2 (9)	38.7 (10)	51.0 (27)	45.3 (49)	50.5 (11)	44.2 (13)	47.4 (86)	43.3 (115)

При сопоставлении серий нетрудно заметить, что черепа из Кыштовки и Льнозавода наиболее низкие, имеют более узкое и низкое лицо, нос слабо выступает над вертикальной линией профиля лица. Сравнение основных характеристик серий показывает, что слабо различаются, с одной стороны, серии из Абрамово и Мал. Чуланкуля, с другой – серии из Кыштовки и Льнозавода. За счет незначительного усиления европеоидных черт серии из Гжатска и Кайлы-Угурманки занимают несколько обособленное положение, объединяясь между собой.

Несмотря на это, сходство основных характеристик позволяет отнести все группы к одному антропологическому типу. Исходный расовый компонент барабинских татар во многом аналогичен тому, который фиксируется у тоболо-иртышских татар и томско-чулымских тюрков. Видимо, метисационные процессы наложили свой отпечаток на локальную специфику групп. Так популяции из северной части Барабы – Кыштовка, Льнозавод, обладают некоторыми особенностями (низкий череп, слабо выступающий нос, невысокое лицо), сближающими их с угорским населением, причем в большей степени с теми, в составе которых заметна примесь либо тюркских, либо самодийских элементов – ханты Халас-Погора, Васюгана. В составе же населения центральной части Барабы, судя по брахикранной форме черепа, широкому лицу с более выступающим носом, фиксируется примесь, и видимо довольно значительная, южносибирского расового компонента, генетически связанного с Южной Сибирью и Казахстаном (Абрамово и Малый Чуланкуль). В конце XIX – начале XX вв. в состав барабинских татар начинает вливаться тюркоязычное население Поволжья – казанские татары. Это привело к усилению горизонтальной профилированности лица, усилению степени выступания носа и переносья в популяциях Гжатск и Кайлы-Угурманка.

Томские татары

Тюркоязычное население, обитающее в бассейне Нижней Томи, в пределах Томской области, известно под названием томских татар. Они являются потомками коренных тюркских племен, которых застали здесь русские в начале XVII в.

Томские татары сложились в процессе длительных контактов и слияния нескольких тюркоязычных групп, населявших нижнее течение р.Томи – эуштинцев (*йаушталар*), чатов (*цаттыр*), калмаков (*калмактар*). Ядром формирования томских татар явились эуштинцы. В 1604 г. эуштинский князец Тоян принял русское подданство, а в землях эуштинцев был построен г.Томск. Чаты в конце XVI – первой половине XVII вв. населяли левобережье Оби между устьями рек Чауса и Кинды, во второй половине XVII в. начали переселяться на нижнюю Томь, разделившись на две группы – обскую, занимавшую места в пойме Оби по рекам Уени и Тагану, и томскую, освоившую левобережье Томи южнее г.Томска. Калмаки – потомки телеутов, осевших на территории Томского уезда в 60-е годы XVII в. Установившиеся между эуштинцами, чатами и калмаками близкие хозяйственно-культурные и родственные связи привели к нивелированию языковых различий и появлению общего языка томских татар – старого томско-тюркского наречия, в котором соединились черты, тяготеющие к барабинскому и тоболо-иртышскому наречиям, шорскому и алтайскому языкам [Дульзон, 1956; Абдрахманов, 1959; Тумашева, 1968; Дремов, 1990, 1998].

К северо-западу от чатов и эуштинцев на Оби и ее левом притоке Шегарке в конце XVII – начале XVIII вв. возникла большая группа т.н. обских татар. В их состав вошли некоторые местные тюркские элементы. Но основную массу предков обских татар составляли самодийцы, ассимиляция которых тюрками привела к появлению таких групп обских татар как шегарская и провско-соргулинская [Томилов, 1981].

В районе г.Томска, на левой стороне р.Томи, известен курганный могильник XVI–XVII вв. – Тоянов Городок. Он, действительно, расположен на территории бывших владений князца Тояна и его принадлежность эуштинцам не вызывает особых сомне-

ний. Раскопки курганов этого могильника проводились, начиная с конца XIX в., многими учеными (подробнее см.: [Дремов,1990]).

С низовий Томи имеется ещё одна представительная краниологическая серия XVI–XVIII вв., полученная при раскопках курганного могильника у д.Козюлино Л.М. Плетнёвой в 1980–1983 гг. Два черепа происходят из раскопок И.М. Мягкова в 1925 г. Вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего Козюлинский могильник, сложен. Однако имеющиеся данные в исторической и этнографической литературе убеждают, что его также следует связать с эуштинцами.

По обским татарам составилась сборная серия из ряда могильников по Оби на юге Томской области.

Период развитого средневековья представляет исключительный интерес для реконструкции процессов расообразования современных этносов. В результате археологических исследований в Томском Приобье изучено несколько могильников эпохи средневековья, позволивших реконструировать особенности культурогенеза во второй половине II тыс. н.э. – Басандайка [Басандайка, 1947], Тоянов Городок (Тимирязевский могильник), Козюлино [Плетнева, 1990] и др. Антропологический материал из этих могильников неоднократно изучался [Чугунов, 2002; Дебец, 1948; Дремов, 1990]. Данные археологии и антропологии свидетельствуют, что материальная культура и антропологические черты могут быть связаны с этногенезом современного тюркоязычного населения Нижнего Притомья. Однако антропологический тип современных томских тюрков сформировался поздно – в XVIII – начале XIX вв. и мало отражает более ранние этапы их расообразования. Подробно изученные выборки из могильников Тоянов Городок и Козюлино [Дремов, 1990] указывают на сложный состав групп, причем в составе серии из Тоянова Городка более отчетливо прослеживается примесь южносибирских элементов, тогда как козюлюнская сохраняет черты местного автохтонного населения. Сопоставление поздних краниологических серий с материалами начала II тыс. н.э. – (Басандайка) позволило сделать вывод о том, что население Нижнего Притомья этого времени обнаруживает расогенетическую близость с населением сросткинской культуры [Ким, 1987; Багашев, 2003], которую этнически связывают с кимакокыпчакскими племенами [Савинов, 1984]. В антропологии это проявляется в морфологическом сходстве серии из Басандайки с серией из могильника Ур-Бедари. Доля южно-сибирского компонента преобладает в этих группах, но существенно уменьшается в составе томских татар XVIII–XIX вв. (особенно Козюлино), преобладающим же становится антропологический комплекс, характерный для местного автохтонного населения, определяющего особенности физического облика нарымских селькупов и чулымцев [Багашев, 1988; 1993б; 2000]. Однако ответить на вопрос, когда прекращается на территорию Нижнего Притомья приток южно-сибирского населения, возможно лишь при изучении краниологических материалов середины II тыс. н.э. В этом плане интерес представляет могильник Астраханцево, расположенный в Шегарском р-не Томской области, погребения которого датируются XIII–XIV вв. По особенностям погребальной обрядности и сопровождающему погребения инвентарю он близок памятникам Томского Приобья и Казахстана, оставленным поздними кочевниками, несомненно, и наследием сросткинской культуры [Плетнева, 1997].

Предварительный анализ серии черепов из Астраханцево [Багашев, 2003] показал, что по степени выраженности признаков, дифференцирующих монголоидные и европеоидные группы, выборка может быть отнесена к кругу смешанных европеоидно-монголоидных форм. Особенностями строения черепов является сочетание в строении лицевого скелета большой ширины с относительно небольшой высотой, широкая средневысокая орбита, слабое выступание носа при средней высоте переносья, что в целом отмечается для других выборок из средневековых могильников Нижнего Притомья (табл. 3).

Таблица 3

Средние размеры и указатели черепов томских татар

№№ по Мартину или условные обозначения	Астраханцево		Тоянов Городок		Козюлино		Обские татары	суммарно	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♂	♀
1.	181,5 (24)	171,3 (20)	176.1 (26)	169.1 (17)	178.8 (16)	172.5 (18)	179.6 (10)	178.8 (76)	171.0 (55)
8.	146,3 (27)	140,6 (18)	144.8 (27)	138.7 (20)	143.6 (16)	138.6 (18)	144.2 (9)	145.0 (79)	139.3 (56)
17.	133,2 (25)	126,3 (20)	131.0 (24)	125.7 (17)	130.5 (13)	126.9 (14)	130.8 (8)	131.7 (70)	126.3 (51)
20.	115,2 (27)	110,7 (18)	113.7 (18)	107.6 (10)	111.7 (11)	107.2 (14)	114.8 (8)	114.1 (64)	108.8 (42)
8:1.	81,1 (24)	82,2 (18)	82.3 (25)	82.1 (17)	79.8 (13)	80.8 (15)	81.0 (9)	81.3 (71)	81.7 (50)
17:1.	73,3 (23)	73,9 (19)	74.6 (22)	74.1 (15)	73.3 (12)	73.8 (14)	73.4 (8)	73.8 (65)	73.9 (48)
17:8.	91,5 (25)	89,8 (18)	90.9 (24)	91.0 (17)	91.7 (11)	92.5 (12)	90.9 (8)	91.2 (68)	90.9 (47)
5.	101,6 (25)	96,0 (20)	101.2 (24)	95.7 (16)	103.0 (13)	97.4 (14)	99.1 (9)	101.4 (71)	96.3 (50)
9.	95,0 (40)	91,8 (26)	94.9 (27)	89.9 (19)	95.2 (31)	92.6 (26)	96.1 (13)	95.2 (111)	91.6 (71)
40.	99,8 (20)	93,9 (19)	98.0 (18)	95.2 (12)	101.2 (13)	96.3 (14)	100.6 (7)	99.7 (58)	95.0 (45)
40:5.	98,1 (20)	97,8 (19)	96.4 (18)	100.0 (11)	98.2 (13)	98.9 (14)	100.9 (7)	97.9 (58)	98.7 (44)
45.	141,3 (27)	130,2 (17)	138.2 (24)	126.9 (14)	140.2 (20)	130.4 (12)	139.5 (8)	139.9 (79)	129.2 (43)
48.	72,3 (39)	67,0 (26)	69.5 (21)	64.1 (17)	69.4 (27)	63.8 (23)	70.0 (11)	70.6 (98)	65.1 (66)
66.	–	–	104.1 (9)	100.5 (2)	109.7 (21)	97.7 (13)	107.3 (9)	107.9 (39)	98.1 (15)
45:8.	97,2 (23)	93,8 (15)	95.8 (24)	92.0 (14)	97.7 (13)	94.4 (12)	97.0 (7)	96.8 (67)	93.4 (41)
72.	86,5 (25)	86,3 (19)	86.3 (15)	83.7 (7)	84.9 (14)	83.5 (14)	83.7(7)	85.8 (61)	84.9 (40)
74.	80,8 (23)	81,8 (18)	79.7 (15)	71.4 (7)	77.7 (14)	74.4 (14)	73.7 (7)	78.9 (59)	77.3 (39)
77.	143,7 (40)	145,0 (25)	142.2 (22)	143.8 (16)	145.4 (30)	145.1 (25)	145.1 (12)	144.0 (104)	144.7 (66)
∠zm'.	132,9 (31)	132,8 (22)	134.9 (20)	136.8 (11)	138.9 (24)	135.9 (19)	134.6 (9)	135.3 (84)	134.8 (52)
51.	43,8 (43)	41,8 (26)	43.5 (21)	41.6 (16)	44.1 (28)	42.3 (24)	43.3 (11)	43.8 (103)	41.9 (66)
52.	34,7 (43)	33,8 (26)	34.1 (25)	32.4 (18)	33.4 (28)	32.8 (24)	33.0 (11)	34.0 (107)	33.1 (68)
55.	52,7 (40)	49,6 (26)	51.5 (25)	47.3 (19)	50.6 (27)	47.5 (23)	51.5 (11)	51.7 (103)	48.2 (68)
54.	25,9 (34)	25,1 (26)	25.6 (25)	24.2 (17)	27.0 (26)	25.5 (22)	26.5 (11)	26.2 (96)	25.0 (65)
75(1).	21,0 (33)	17,7 (23)	22.6 (14)	21.2 (8)	17.9 (22)	17.2 (16)	19.7 (10)	20.3 (79)	18.1 (47)
SC.	7,9 (39)	6,9 (25)	8.23 (20)	7.52 (14)	7.31 (30)	7.48 (24)	7.58 (10)	7.76 (99)	7.26 (63)
SS.	3,5 (37)	2,8 (25)	3.04 (19)	2.64 (13)	3.38 (29)	2.83 (23)	3.00 (10)	3.32 (95)	2.78 (61)
SS:SC.	44,1 (37)	41,3 (25)	38.5 (19)	34.6 (13)	46.4 (29)	39.5 (23)	39.7 (10)	43.2 (95)	39.3 (61)
DC.	21,1 (36)	19,8 (25)	21.17 (26)	19.56 (17)	21.58 (27)	20.02 (21)	21.53(10)	21.29 (99)	19.81 (63)
DS.	10,6 (35)	9,9 (25)	10.18 (19)	9.21 (13)	10.58 (26)	9.51 (20)	11.25 (10)	10.58 (90)	9.61 (58)
DS:DC.	50,8 (35)	50,7 (25)	48.0 (19)	47.1 (13)	49.6 (26)	48.8 (20)	53.5 (10)	50.2 (90)	49.2 (58)

Таблица 4

Средние размеры и указатели черепов чулымских тюрков

№№ по Мартину или условные обозначения	Ясашная Гора		Тургай и Балагачево		устья рр. Яи и Кии		Средний Чулым		Рубеж		суммарно	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1.	178.5 (31)	169.2 (20)	177.4 (14)	169.1 (11)	178.2 (20)	171.8 (23)	176.3 (19)	167.0 (8)	178.5 (15)	170.3 (26)	177.9 (99)	170.0 (88)
8.	138.7 (31)	132.9 (19)	144.9 (15)	140.2 (12)	143.9 (20)	138.1 (23)	141.7 (21)	136.1 (8)	140.8 (17)	136.3 (26)	141.5 (104)	136.5 (88)
17.	131.3 (31)	125.6 (19)	130.5 (15)	125.4 (11)	132.8 (20)	128.1 (22)	130.6 (18)	124.6 (7)	132.2 (15)	127.0 (25)	131.5 (99)	126.6 (84)
20.	111.4 (30)	106.7 (19)	111.4 (16)	106.1 (8)	112.4 (20)	109.4 (21)	111.2 (20)	106.4 (8)	113.4 (17)	110.2 (26)	111.9 (103)	108.4 (82)
8:1.	78.0 (30)	78.9 (19)	81.8 (14)	83.0 (11)	80.9 (20)	80.5 (23)	80.4 1(9)	81.6 (8)	78.6 (14)	80.2 (26)	79.6 (87)	80.5 (87)
17:1.	73.7 (30)	74.8 (18)	73.8 (14)	74.2 (11)	74.6 (19)	74.6 (22)	74.5 (16)	74.7 (7)	74.2 (14)	74.6 (25)	74.1 (93)	74.6 (83)
17:8.	94.5 (30)	94.6 (18)	90.5 (14)	89.7 (11)	92.3 (19)	93.1 (22)	92.5 (18)	92.1 (7)	94.7 (15)	93.4 (25)	93.1 (96)	93.0 (83)
5.	99.1 (31)	93.4 (20)	99.3 (15)	96.4 (10)	101.0 (20)	95.4 (22)	100.2 (16)	93.3 (7)	100.7 (14)	93.7 (25)	99.9 (96)	94.4 (84)
9.	93.3 (31)	90.5 (24)	93.3 (18)	92.3 (13)	95.0 (22)	93.9 (24)	92.1 (20)	92.4 (10)	94.5 (16)	90.2 (25)	93.6 (107)	91.7 (96)
40.	96.7 (29)	92.6 (18)	96.2 (13)	94.7 (10)	99.6 (18)	92.8 (19)	99.0 (14)	91.8 (6)	96.9 (8)	91.8 (14)	97.7 (82)	92.7 (67)
40:5.	97.6 (29)	99.5 (18)	97.5 (13)	98.3 (10)	99.0 (18)	97.4 (19)	99.0 (14)	98.0 (6)	98.1 (8)	98.4 (14)	98.2 (82)	98.4 (67)
45.	134.0 (27)	126.3 (18)	135.9 (15)	127.7 (10)	139.5 (21)	128.6 (22)	133.9 (18)	125.2 (8)	134.7 (14)	123.8 (25)	135.6 (95)	126.2 (83)
48.	69.6 (31)	65.0 (22)	67.7 (16)	64.2 (12)	71.4 (20)	64.9 (24)	69.9 (14)	64.0 (9)	66.9 (9)	64.8 (16)	69.4 (90)	64.7 (83)
66.	104.0 (23)	99.1 (16)	107.4 (10)	92.0 (8)	109.8 (16)	98.7 (21)	105.5 (15)	94.6 (10)	101.3 (18)	95.4 (26)	105.2 (82)	96.6 (81)
45:8.	96.5 (26)	95.1 (17)	93.9 (14)	91.8 (10)	96.6 (20)	93.4 (22)	95.1 (18)	92.0 (8)	96.4 (14)	90.9 (25)	95.8 (92)	92.7 (82)
72.	84.3 (28)	82.3 (19)	84.3 (13)	83.8 (9)	84.2 (19)	84.6 (21)	84.1 (14)	84.9 (7)	83.8 (9)	85.9 (13)	84.2 (83)	84.2 (69)
74.	74.4 (28)	71.7 (19)	74.5 (13)	73.9 (9)	78.6 (19)	77.3 (20)	75.7 (13)	76.0 (7)	77.1 (8)	73.6 (13)	75.9 (81)	74.4 (68)
77.	143.4 (27)	144.0 (23)	144.9 (17)	143.4 (13)	145.1 (22)	144.1 (23)	145.4 (17)	145.3 (8)	141.0 (15)	142.5 (25)	144.0 (98)	143.6 (92)
∠zm'.	133.6 (27)	134.7 (18)	136.0 (15)	134.8 (10)	135.2 (19)	135.1 (21)	132.4 (13)	132.7 (6)	131.2 (10)	135.5 (13)	133.9 (84)	134.8 (68)
51.	42.5 (30)	40.5 (22)	43.3 (17)	41.5 (13)	43.7 (21)	41.3 (23)	42.4 (15)	40.1 (9)	41.9 (13)	40.6 (20)	42.8 (96)	40.8 (87)
52.	33.6 (30)	33.0 (22)	33.4 (17)	33.8 (12)	33.8 (21)	33.1 (24)	33.4 (16)	33.1 (9)	32.3 (13)	33.0 (22)	33.4 (97)	33.1 (89)
55.	51.6 (31)	47.5 (22)	50.2 (17)	47.6 (12)	51.7 (21)	48.0 (24)	51.9 (13)	46.8 (9)	50.0 (11)	48.2 (17)	51.2 (93)	47.7 (84)
54.	25.9 (31)	25.1 (21)	25.2 (17)	24.8 (12)	26.3 (21)	24.7 (24)	26.1 (13)	24.3 (9)	25.3 (11)	24.3 (16)	25.8 (93)	24.7 (82)
75(1).	20.0 (28)	17.7 (21)	22.1 (14)	17.2 (10)	20.1 (19)	18.7 (22)	18.8 (13)	17.7 (7)	18.0 (8)	14.5 (13)	20.0 (82)	17.4 (73)
SC.	8.38 (32)	8.52 (20)	7.10 (17)	8.93 (13)	8.43 (21)	7.56 (23)	7.33 (16)	9.01 (10)	8.90 (15)	7.65 (19)	8.09 (101)	8.19 (85)
SS.	3.33 (32)	2.88 (20)	2.65 (17)	2.66 (13)	3.60 (21)	3.35 (22)	3.26 (16)	3.27 (10)	3.79 (15)	3.02 (18)	3.33 (101)	3.05 (83)
SS:SC.	40.6 (32)	34.9 (20)	35.3 (17)	29.7 (13)	44.9 (21)	44.6 (22)	44.9 (16)	36.9 (10)	42.8 (15)	39.7 (18)	41.6 (101)	37.9 (83)
DC.	21.17 (31)	20.48 (21)	20.49 (16)	20.62 (13)	22.52 (20)	20.95 (23)	21.49 (16)	21.48 (8)	22.25 (11)	20.54 (17)	21.52 (94)	20.74 (82)
DS.	10.51 (30)	9.60 (20)	10.61 (16)	9.18 (13)	10.92 (20)	10.05 (22)	10.09 (16)	8.68 (8)	10.27 (11)	9.61 (15)	10.51 (93)	9.56 (78)
DS:DC.	50.2 (30)	47.1 (20)	52.0 (16)	44.8 (13)	48.8 (20)	48.7 (22)	47.9 (16)	41.0 (8)	46.4 (11)	46.7 (15)	49.9 (93)	46.5 (78)

Наименьшее расхождение по сумме признаков серия из Астраханцево обнаруживает с черепами из могильника Тоянов Городок, а также с выборкой по барабинским татарам из могильника Абрамово и аялынской группой тоболо-иртышских татар. Все три вышеназванные группы объединяет наличие заметной примеси в их составе южносибирских элементов при едином субстратном антропологическом пласте [Дремов, 1990; Ким, 1990; Багашев, 1990а]. Различия с нарымскими селькупами и чулымскими тюрками также невелики, что, несомненно, указывает на наличие в составе астраханцевской серии антропологического компонента местного происхождения, но его удельный вес значительно меньше.

Астраханцево в целом занимает промежуточное положение между группами томско-нарымского варианта обь-иртышской группы популяций и популяциями алтае-саянского варианта южно-сибирской расы.

По краниометрическим данным черепа эуштинцев из могильника Тоянов Городок характеризуются короткой, довольно широкой, брахикранной, умеренно высокой черепной коробкой (табл. 3). Лицо не очень широкое, средневысокое, относительно низкое, среднеуплощенное, угол носовых костей и высота переносья средние. В целом материал свидетельствует о том, что могильник оставлен смешанным населением, занимающим промежуточное положение между типичными европеоидными и монголоидными группами. По степени уплощенности лица и выступания носа оно мало отличается от соседних групп – нарымских селькупов, чулымцев, а также от хакасов и казахов [Дремов, 1998].

Черепа козюлинского могильника в целом близки тояновским. Некоторые различия между ними все же имеются. В козюлинской серии черепная коробка более длинная и несколько менее широкая, особенно заметны расхождения двух серий по выступанию носа: у козюлинских черепов угол носовых костей намного меньше, хотя переносье более высокое (табл. 3). Можно предполагать, следовательно, участие в формировании населения, оставившего Козюлинский могильник, двух типов, один из которых характеризовался брахикранной черепной коробкой, более крупным и сильнее уплощенным лицом и одновременно более высоким переносьем, а другой – противоположными особенностями.

Таким образом, внутригрупповой анализ обеих серий свидетельствует о смешанном происхождении томских татар-эуштинцев. Речь, очевидно должна идти не столько о древнем смешении европеоидов и монголоидов, лежащем в основе формирования народов Западной и Южной Сибири, сколько о взаимодействии различных, сложившихся на этой территории промежуточных расовых вариантов. Черепа обских татар морфологически сходны с черепами томских татар, особенно с козюлинскими.

Чулымские (мелесские) татары

Чулымцы – древнее тюркоязычное население бассейна р.Чулыма, правого притока Оби в пределах Томской области. В начале XVII в. чулымцы проживали по нижнему и среднему течению Чулыма и по его притокам Яе и Кие, и представляли из себя «неопределенную группу родов» [Долгих, 1960]. Общего самоназвания чулымцы, видимо, никогда не имели, в настоящее время вместо него употребляют выражение *«пистинг кижи»* – «наш человек» [Дульзон, 1952]. Соматологические особенности чулымцев подробно описаны Г.А. Аксяновой [1991].

Краниологический материал по чулымским тюркам довольно многочислен. Имеется 115 мужских и 100 женских черепов, происходящих из 27 поздних могильников и кладбищ. Первые раскопки курганов XVI–XVII вв. на Чулыме были проведены В.В. Радловым в 1863 г. Большой материал получен в результате раскопок А.П. Дульзона, Е.М. Пеняева и Н.С. Розова в 1946–1950 гг. Эти материалы опубликованы частично Г.Ф. Дебецем [1948] и подробно Н.С. Розовым [1956]. Большой материал по чулымцам Среднего Чу-

лыма собран А.Р. Кимом, В.А. Дрёмовым, Р.А. Ураевым и О.Б. Беликовой. В соответствии с территориальным размещением и историко-этнографическими данными черепа объединены в 5 достаточно представительных серий (подробнее о группировке материалов см.: [Дремов, 1991]): 1. Серия из могильника Ясашная Гора; 2. Серия из могильников Тургай и Балагачево; 3. Сборная серия из низовий рек Яя и Кия; 4. Сборная серия из могильников Среднего Чулыма; 5. Серия из кладбища у быв.д.Рубеж.

Территориальные краниологические серии чулымских тюрков в целом близки между собой. Их объединяет общая грацильность строения, небольшая высота мезобрахикранной черепной коробки, невысокое, относительно низкое и умеренно уплощенное, орто-мезогнатное лицо, средняя высота переносья и слабое выступание носовых костей над линией лицевого профиля (табл. 4). Черепа из района Яи-Кии выделяются более широким лицом, у черепов Рубежа и Тургая-Балагачево отмечается малая высота лица, черепа Тургая-Балагачево характеризуются при этом наиболее широкой и брахикранной черепной коробкой, а черепа Рубежа – минимальными величинами углов горизонтального лицевого профиля и одновременно наименьшим углом выступания носа. Различия групп отчасти, по-видимому, отражают случайную дифференциацию, но отчасти, как мы увидим дальше, объясняются включением в состав чулымцев разных расовых компонентов [Дремов, 1991, 1998].

Наиболее своеобразна серия из Рубежа, но ее отличия от остальных в значительной мере идут в направлении усиления специфических «чулымских» черт – снижения высоты лица, сочетания умеренной горизонтальной профилировки лица и средней высоты переносья со слабым выступанием носовых костей. Дисперсно эти признаки прослеживаются в других группах: малая высота лица – в Тургае-Балагачево, специфическое сочетание признаков уплощенности лицевого скелета – у черепов Ясашской Горы и Среднего Чулыма. В сущности, это тенденции, проявляющиеся у угорских и южносамодийских народов таежной зоны Западной Сибири.

По степени относительной близости чулымских групп между собой наибольшее сходство проявляется между чулымцами Среднего Чулыма и Ясашной Горы, а также Среднего Чулыма и Яи-Кии. Эти три группы в антропологическом отношении образуют ядро чулымской общности, являясь наиболее типичными её представителями.

Из хакасских групп наибольший интерес для сравнения с чулымскими сериями представляют кызыльцы, исторически тесно связанные с чулымцами. Сопоставление показало, что кызыльцы морфологически довольно близки чулымцам и по антропологическим особенностям являются как бы связующим звеном между чулымцами и хакасами [Ким, 1987; Дремов, 1991, 1998].

В целом, следует отметить большую близость антропологического типа томских татар и чулымцев, что подтверждается детальным морфологическим анализом краниологических серий. Предки современных томских татар, жившие в XVI–XVII вв. и чулымские тюрки с полным правом могут быть отнесены к одному антропологическому типу. В то же время томские татары, характеризующиеся более брахикранным черепом, более широким лицом и сильнее выступающим носом несколько отклоняются в направлении южносибирских тюркских групп.

Таксономическое положение

Сопоставление всех данных по краниологии сибирских татар на популяционном уровне с помощью канонического анализа показало, что основные закономерности изменчивости связаны с широтными и высотными размерами черепа и лица, а также с горизонтальной профилированностью лица и переносья, степенью выступания носа. Расположение исследуемых выборок в корреляционном поле I и II канонических векторов наглядно демонстрирует не только их взаиморасположение, но и морфологические особенности каждой (рис. 1). В целом невысокую изменчивость и наибольшую степень сходства

обнаруживают тоболо-иртышские, томские и чулымские группы, несколько отдаляются от них барабинские. Выше уже говорилось о некоторых территориальных особенностях локальных групп, что вызвано, в основном, влиянием европеоидных поволжских татар (например, на физический тип тобольских татар), либо влиянием южносибирских элементов (хакасы, казахи и в более раннее время кимако-кыпчаки). Однако основной компонент антропологической структуры всех сибирских татар имеет общую основу, уходящую корнями в эпоху бронзы и раннего железного века [Багашев, 2000].

Наиболее отчётливо сходство физического типа всех сибирских татар проявляется при межгрупповом сравнении (рис. 2). Из территориально ближайших соседей аналогичный антропологический субстрат характерен только для южных самодийцев (нарымских селькупов). Именно эти популяции в таксономическом отношении объединяются понятием «обь-иртышский антропологический тип западносибирской расы». Выявляемые же локальные различия позволяют рассматривать в составе этого таксона две группы популяций – тоболо-барабинскую (тоболо-иртышские и барабинские татары) и томско-нарымскую (томско-чулымские тюрки и нарымские селькупы). Совместно с уральским антропологическим типом (обские угры) они выделяются в самостоятельную локальную таксономическую формацию – западносибирскую расу [Багашев, 1998].

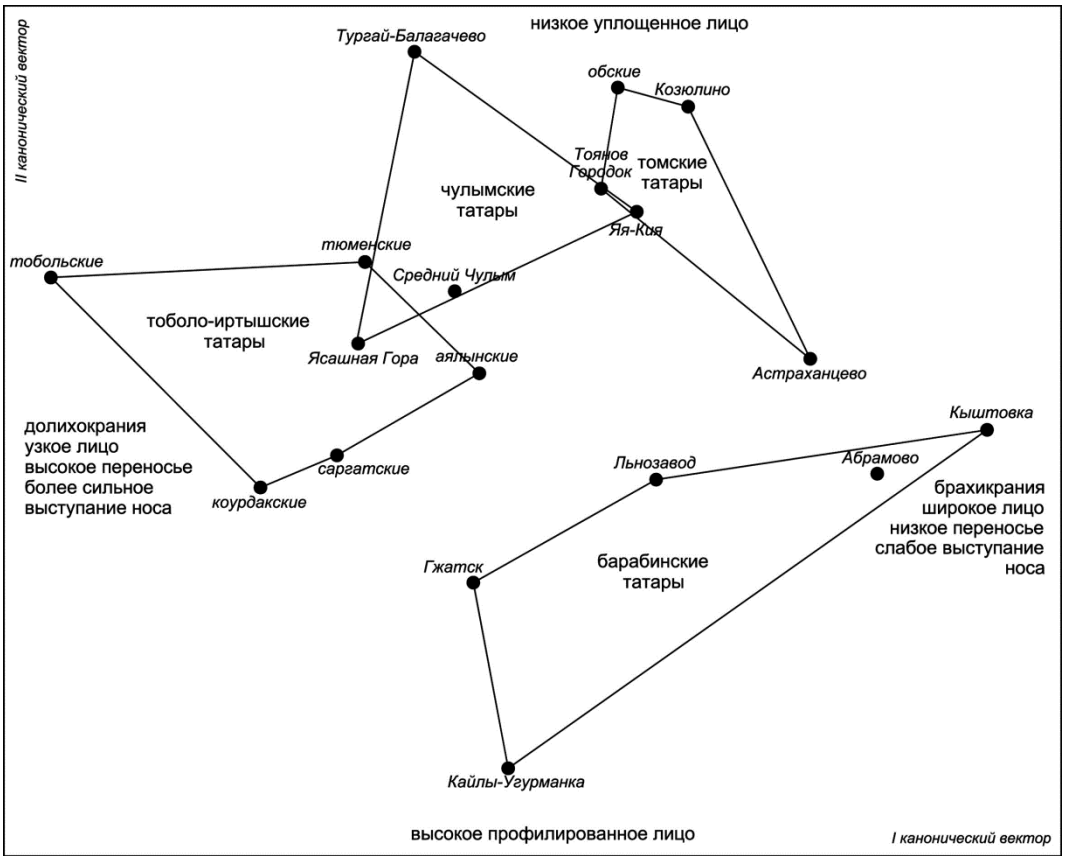


Рис. 1. Взаиморасположение локальных групп сибирских татар в корреляционном поле I и II канонических векторов (по мужским черепам)

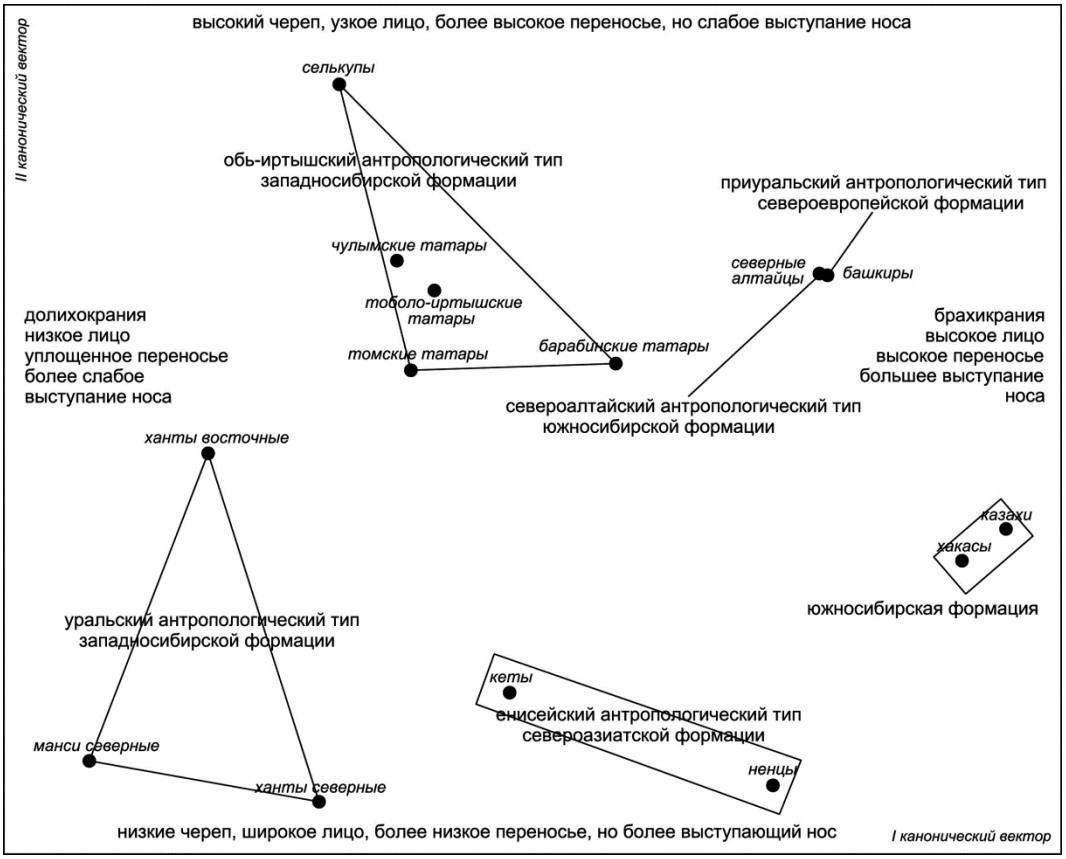


Рис. 2. Взаиморасположение генерализованных выборок по сибирским татарам и сопредельным популяциям в корреляционном поле I и II канонических векторов (по мужским черепам)

§ 2. Своеобразие генофонда*

Анастасия Агджоян, Асия Падюкова, Максат Жабагин,
Зайтуна Тычинских, Мария Лавряшина, Марина Кузнецова,
Роза Схаляхо, Марина Чухряева, Елена Балановская, Олег Балановский

Сибирские татары включают множество этнотерриториальных подразделений. Их положение в этнической иерархии – этническая общность, этнос, этническая группа, субэтнос – с разных методологических позиций определяется крайне неоднозначно. Это дает нам право использовать в данной главе ту терминологию, которая наиболее соответствует стилю популяционного исследования и простоте описания изучаемых генофондов. Поэтому «сибирские татары» рассматриваются как этническая общность определенного уровня, подразделенная на три основные географические группы: тобо-ло-иртышскую, барабинскую и томскую группы, каждая из которых в свою очередь подразделяются на субэтнические подгруппы (субэтносы).

* См. рис. 1–4 и табл. 1 к статье на цветной вклейке. Параграф написан при поддержке грантов РНФ 14-14-00827, РФФИ 13-06-00670_а, 14-06-31331_мол-а.

Тоболо-иртышские татары занимают географически центральное место в этническом ареале сибирских татар, а также исторически центральное место в консолидации тюркских групп Западной Сибири в этническую общность «сибирские татары». Их этнический ареал расположен в бассейне рек Тобола и Иртыша – это один из важнейших регионов в истории формирования тюркского населения Западной Сибири. Тоболо-иртышские татары – самая крупная группа сибирских татар, представленная наибольшим числом подгрупп-субэтносов (искеро-тобольская, иштякско-тогузская, ялуторовская, ясколбинская, бухарская и другие). Такое «центральное» во многих отношениях положение тоболо-иртышских татар вселяет надежду, что рассмотрение их генофонда позволит получить некоторое представление о степени разнообразия генофонда сибирских татар.

К сожалению, генофонд сибирских татар практически не исследован по маркерам Y-хромосомы, по праву считающейся одной из наиболее эффективных современных генетических систем. Гаплогруппы (иными словами, варианты) Y-хромосомы обладают ярко выраженной географической специфичностью и позволяют прослеживать древние миграции, связанные с мобильностью мужского населения. Это становится особенно актуально при исследовании генофондов тюркоязычных народов Евразии.

В данной главе представлены некоторые результаты изучения разнообразия Y-хромосомы в четырех субэтносах тоболо-иртышских сибирских татар (суммарно 365 образцов ДНК): искеро-тобольские (N=60), иштякско-тогузские (N=69), ялуторовские (N=81), ясколбинские (N=81) и бухарские (N= 74) сибирские татары. В первом разделе главы даны «генетические портреты» каждого из четырех основных субэтносов тоболо-иртышских татар и их обобщенный портрет по спектру характерных для них гаплогрупп. Во втором разделе рассмотрено положение этих четырех субэтносов сибирских татар среди генофондов других народов Евразии. Бухарские сибирские татары, которые рядом исследователей рассматриваются как «внешняя» группа, анализируются отдельно в третьем разделе.

«ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ» ТОБОЛО-ИРТЫШСКИХ СИБИРСКИХ ТАТАР: В ЦЕЛОМ И ДЛЯ КАЖДОГО ИЗ ЧЕТЫРЕХ СУБЭТНОСОВ

Разнообразие суммарного генофонда тоболо-иртышских татар оказалось чрезвычайно большим: выявлено 19 гаплогрупп, ни одна из которых не является мажорной (доминирующей, преобладающей над другими). Самых частых для общего генофонда тоболо-иртышских татар гаплогрупп Y-хромосомы пять: **N1c, N1b, Q, R1a** и **J2**. Однако это суммарное разнообразие удивительным образом распределяется при отдельном анализе генофонда каждого из четырех субэтносов, где уже выделяются преобладающие (мажорные) гаплогруппы (рис. 1).

Искеро-тобольские сибирские татары

Их генофонд оказался наиболее пестрым по палитре обнаруженных гаплогрупп, что отличает их от генофондов трех других рассмотренных субэтносов. Заметно, что ни одной мажорной гаплогруппы у искеро-тобольских сибирских татар не обнаружено, однако три наиболее частые гаплогруппы (**N1c, R1a** и **Q**) охватывают более половины генофонда. По своей географии в Евразии эти гаплогруппы представляют три пересекающихся ареала. Гаплогруппа **N1c** охватывает обширные пространства Северной Евразии: она распространена от Балтийского моря на западе до Берингова моря на востоке, а на юге ограничивается степной полосой Евразии. Но ещё более широкий ареал свойственен гаплогруппе **R1a**, которая встречается практически на всей территории материка, особенно в западной его половине, и максимальных частот достигает в Восточной Европе. Распространение гаплогруппы **Q** в Евразии с максимальными частота-

ми отмечено в Северо-Западной Сибири, с меньшими частотами и в более южных её регионах, а также в Центральной Азии. Иными словами, в генофонде искеро-тобольских сибирских татар ярко отразился вклад трех генетических компонентов: условно «общеевразийского» (**R1a**), «североевразийского» (**N1c**) и «западносибирского» (**Q**). Однако на долю второй половины генофонда искеро-тобольских татар приходится ещё около десятка гаплогрупп, суммарный вклад которых уместнее рассмотреть с помощью многомерного шкалирования в других народов Евразии (рис. 2).

Иная картина наблюдается для остальных трех субэтносов тоболо-иртышских татар: для генофонда каждого из них характерна преобладающая гаплогруппа.

Ясколбинские (или «заболотные») сибирские татары

Почти три четверти их генофонда представлено гаплогруппой **N1b**. Прежде рассуждений о возможных причинах такой ситуации для ясколбинской популяции, рассмотрим географию этого генетического варианта. Гаплогруппа **N1b** (которая происходит из общего корня с ранее упомянутой гаплогруппой **N1c**) распространена также преимущественно на севере Евразии, однако её ареал заметно сужен. Максимальных мировых частот гаплогруппа **N1b** достигает у коренного населения самых северных и некоторых южных регионов Западной Сибири, а также в Северном Приуралье. Возможно, что столь заметное присутствие у ясколбинских татар гаплогруппы **N1b** отражает вклад древнего (самодийского или, возможно, более раннего) населения Западной Сибири, распространившего также этот генетический вариант далее на север и северо-запад материка. Однако столь высокая доля единственного генетического варианта (**N1b**) в достаточно изолированной географическими условиями популяции ясколбинских («заболотных») сибирских татар также может быть последствием дрейфа генов. Дрейф генов – это процесс случайного увеличения частоты какого-то гена в небольшой по численности популяции. Иными словами, доля гаплогруппы **N1b** у ясколбинских татар ранее могла быть существенно меньше и увеличиться при изоляции группы в течение ряда поколений. Несомненно, количественный вклад гаплогруппы **N1b** в генофонд ялуторовских сибирских татар заслуживает внимания, однако с осторожностью стоит рассматривать масштаб миграции, ставшей его источником.

Ялуторовские сибирские татары

В их генофонде мажорной гаплогруппой является **J2**: на её долю приходится более трети генетического разнообразия популяции. Такая особенность для народа Западной Сибири неожиданна, так как гаплогруппа **J2** по своему происхождению – ближневосточная, своим современным распространением охватывает юго-западную половину материка, а максимальных частот достигает у народов Восточного Кавказа. С другой стороны, обнаружение гаплогруппы **J2** у тоболо-иртышских татар расширяет и уточняет северо-восточные границы её распространения. Заметное присутствие гаплогруппы **J2** у ялуторовских татар, возможно, отражает след миграции мужского населения из более юго-западных регионов Евразии (Передней Азии или Ближнего Востока, Кавказа или Средиземноморья). Однако рассмотреть эти гипотезы возможно лишь при более детальном анализе генетических вариантов уже внутри этой гаплогруппы.

Почти вся оставшаяся часть генофонда ялуторовских сибирских татар распределена между четырьмя гаплогруппами: **N1c, R1a, R1b** и **C3**. Принимая во внимание вышеописанную географию гаплогрупп **N1c** («североевразийская») и **R1a** («общеевразийская»), рассмотрим и распространение гаплогрупп **R1b** и **C3**. Гаплогруппа **R1b** не только происходит из одного корня с гаплогруппой **R1a**, но и обладает практически столь же широким ареалом (однако, в отличие от **R1a**, достигает максимальных частот в населении не Восточной, а Западной Европы). Гаплогруппа **C3** своим распространением в Евразии представляет совсем другую картину. Ареал гаплогруппы **C3** широким кори-

дором соединяет побережья Черного и Каспийского морей, продвигаясь на восток по степной полосе Евразии, охватывая Северо-Восточную Сибирь, Дальний Восток и, с более низкими частотами, Восточную Азию. Таким образом, на долю второй трети генофонда ялуторовских татар приходится вклад трех генетических компонентов: «североевразийского» (**N1c**), «западноевразийского» (представлен двумя гаплогруппами – **R1a** и **R1b**) и «центральноазиатского» (**C3**).

Иштякско-тогузские сибирские татары

В их популяции мажорной является гаплогруппа **Q**: на её долю приходится более трети генетического разнообразия. География «западносибирской» гаплогруппы **Q** рассмотрена выше, поэтому остановим внимание на остальной части генофонда. Почти половина генетического разнообразия иштякско-тогузских сибирских татар представлена четырьмя гаплогруппами: **R1a, G2a, I2a** и **N1c**. Распространение «общеевразийской» гаплогруппы **R1a** и «североевразийской» гаплогруппы **N1c** уже рассматривалось при анализе генофондов искеро-тобольских и ялуторовских татар; присутствие этих гаплогрупп в генофонде иштякско-тогузских татар может отражать общие генетические компоненты для трех упомянутых популяций сибирских татар. Генетический вклад, представленный гаплогруппами **G2a** и **I2a**, суммарно занимает около пятой доли всего генофонда иштякско-тогузских татар. Распространение этих обеих гаплогрупп сосредоточено на территориях существенно юго-западнее ареала сибирских татар. Гаплогруппа **G2a** (по происхождению – ближневосточная) в основном распространена в Передней Азии и на Северном Кавказе, с малыми частотами встречается в отдельных регионах в Европе и Центральной Азии. Гаплогруппа **I2a** охватывает северное побережье Средиземного моря, Южную и Восточную Европу. Иными словами, присутствие гаплогрупп **G2a** и **I2a** в генофонде иштякско-тогузских татар отражает генетический вклад населения юго-западных регионов материка. Рассмотреть источники этого генетического компонента уместнее при детальном анализе вариантов внутри каждой гаплогруппы, что планируется для дальнейших исследований.

Однако рассмотрение только частых вариантов не отражает полной картины генетического разнообразия популяции. Анализ генофондов по всему спектру обнаруженных гаплогрупп позволяет определить положение четырех субэтносов тоболо-иртышских сибирских татар среди популяций многих других народов Евразии.

СУБЭТНОСЫ ТОБОЛО-ИРТЫШСКИХ СИБИРСКИХ ТАТАР В ГЕНЕТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ

Массив данных о разнообразии гаплогрупп Y-хромосомы в популяциях четырех субэтносов тоболо-иртышских татар был проанализирован с использованием методов многомерной статистики. Частоты гаплогрупп Y-хромосомы 4 изученных субэтносов сибирских татар и ещё 24 популяций народов Восточной Европы, Кавказа, Приуралья, Центральной Азии и Западной Сибири стали основой для расчета матрицы генетических расстояний (d), рассчитанных по методу Нея, наиболее корректному для генетических данных (фрагмент приведен в табл. 1). Методом многомерного шкалирования полученная матрица была визуализирована в Statistica 8.0 в виде графика (рис. 2). График многомерного шкалирования отражает взаиморасположение генофондов всех показанных групп по всему спектру изученных гаплогрупп Y-хромосомы.

Огромное генетическое разнообразие генофонда тоболо-иртышских сибирских татар становится очевидным на этом графике: генетические особенности каждого из четырех изученных субэтносов сибирских татар столь велики, что проявляются на фоне евразийского размаха генетической изменчивости (табл. 1 и рис. 2).

Рисунки 1–4 и таблица 1 к
Глава 1. Общая характеристика
§ 2. Своеобразие генофонда

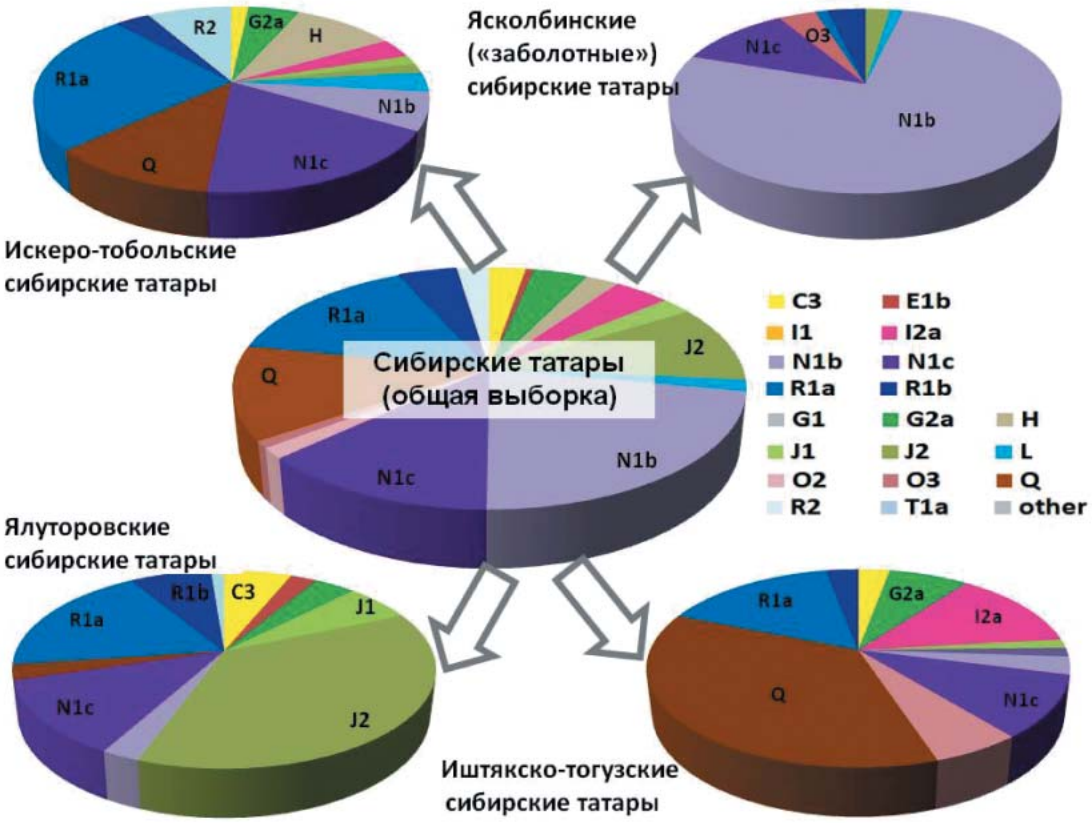


Рис. 1. «Генетические портреты» тоболо-иртышских сибирских татар в целом и каждого из четырех субэтносов

Таблица 1

Матрица генетических расстояний от пяти субэтносов сибирских татар*

Популяция	Код	Искеро-тобольские сибирские татары	Иштякско-тогузские сибирские татары	Ялуторовские сибирские татары	Ясколбинские («заболотные») сибирские татары	Сибирские татары-бухарцы
Искеро-тобольские сибирские татары	STAISK	0,00	0,34	0,66	1,09	0,74
Иштякско-тогузские сибирские татары	STAISH	0,34	0,00	1,26	1,96	1,12
Ялуторовские сибирские татары	STAYAL	0,66	1,26	0,00	1,75	0,81
Ясколбинские («заболотные») сибирские татары	STAZAB	1,09	1,96	1,75	0,00	1,37
Сибирские татары-бухарцы	STABUKH	0,74	1,12	0,81	1,37	0,00
Башкиры	BAS	0,19	0,88	0,53	0,96	0,73
Караногайцы	KNOG	0,20	0,73	0,29	0,63	0,66
Казанские татары	TTKZ	0,31	0,90	0,67	0,90	0,81
Алтайцы южные	ALTS	0,31	0,84	0,69	1,98	1,03
Алтайцы северные	ALTN	0,33	0,34	0,98	0,81	1,19
Узбеки	UZB	0,36	0,59	0,31	2,20	0,88
Киргизы Памира	KGZP	0,41	1,05	0,84	0,83	1,02
Крымские татары	KTA	0,48	0,81	0,17	1,98	0,32
Чуваши	CHV	0,50	1,27	0,22	0,96	0,87
Карачаевцы	KCHE	0,50	0,94	0,72	5,22	0,17
Абазины	ABA	0,53	0,81	0,65	3,19	0,09
Каракалпаки	KKA	0,57	0,84	0,68	1,77	1,07
Балкарцы	BLK	0,58	0,84	0,38	3,54	0,12
Киргизы Киргизии	KGZK	0,64	1,16	0,92	4,11	1,30
Черкесы	CHRK	0,83	1,16	0,53	2,61	0,06
Кабардинцы	KAB	0,92	1,13	0,59	3,92	0,07
Турки	TUR	1,13	1,52	0,20	2,32	0,64
Абхазы	ABH	1,22	1,53	0,40	3,85	0,15
Азербайджанцы	AZR	1,25	1,46	0,38	3,95	0,73
Греки	GRE	1,32	1,67	0,61	4,22	0,85
Адыги	ADY	1,42	1,54	1,25	4,46	0,07
Казахи	KZH	1,51	1,67	1,27	2,45	2,04
Кумыки	KUM	1,58	2,05	0,61	3,71	0,94
Монголы	MON	1,86	1,98	1,60	2,39	2,34

* Матрица генетических расстояний Нея [Nei, 1987] была рассчитана по частотам 21 гаплогруппы Y-хромосомы в 28 популяциях народов Евразии в программе DJ [Balanovsky, Rootsi, Pshenichnov et al, 2008]. Цветом отмечены величины генетических расстояний: от минимальных зеленых до максимальных красных.

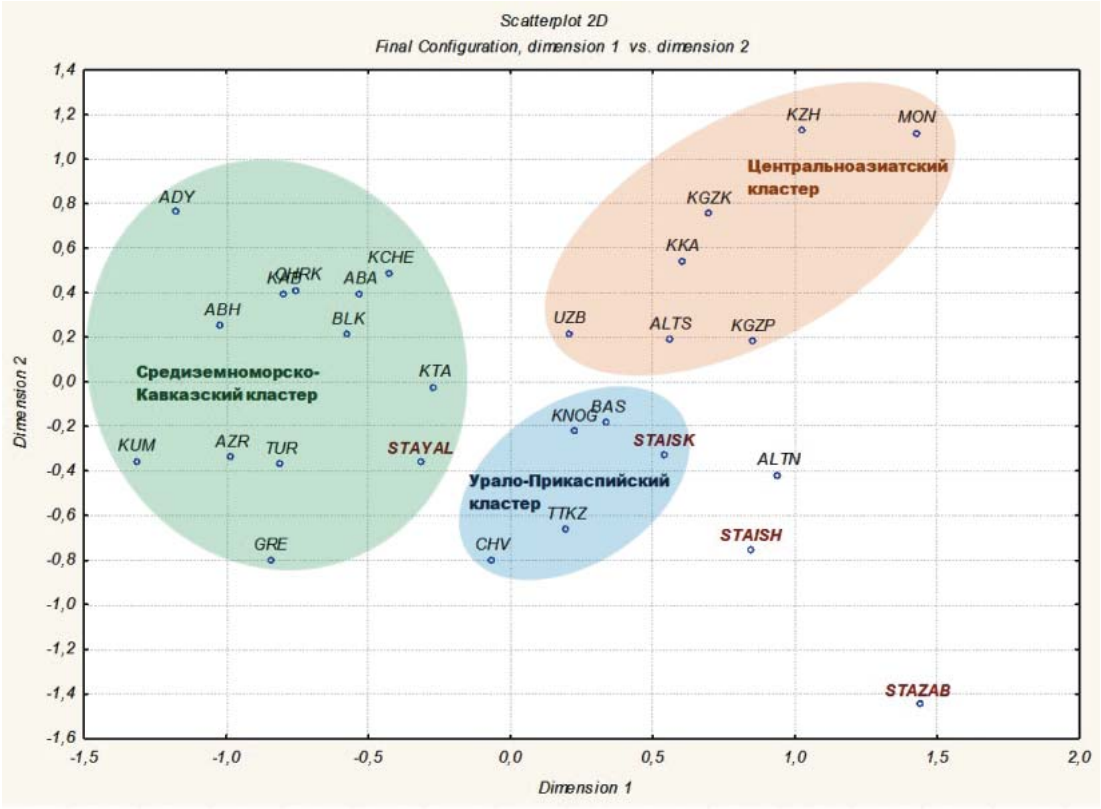


Рис. 2. Положение генофондов четырех субэтносов сибирских татар в генетическом пространстве Евразии

График многомерного шкалирования. Величина стресса=0,15, алиенации= 0,16.

Обозначения: Коды популяций на данном графике расшифрованы в табл. 1, коричневым цветом выделены четыре изученные популяции тоболо-иртышских татар.

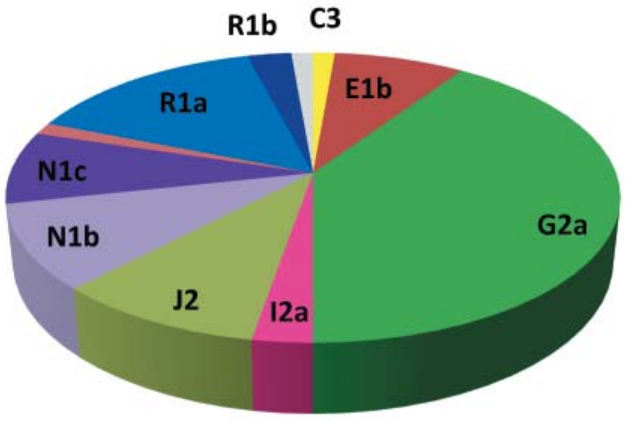


Рис. 3. «Генетический портрет» сибирских татар-бухарцев по гаплогруппам Y-хромосомы

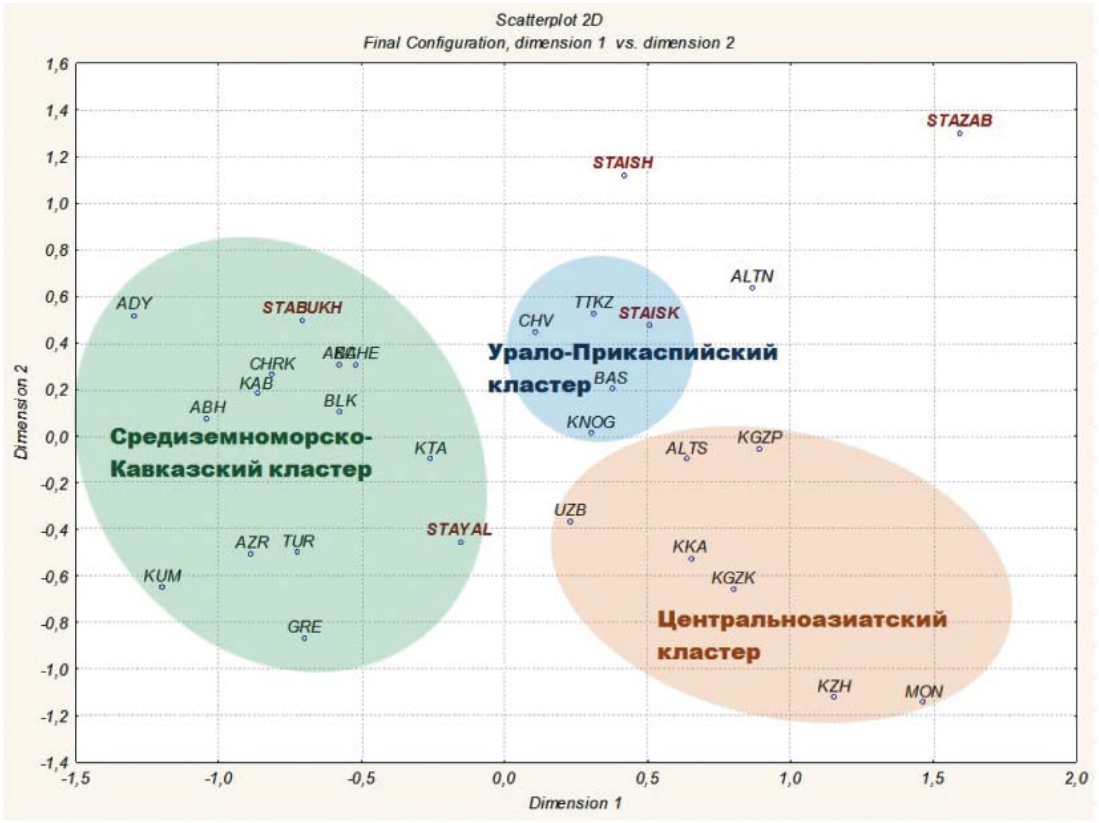


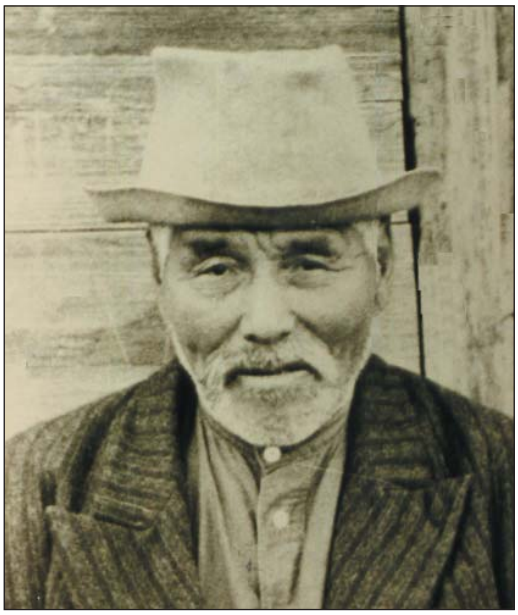
Рис. 4. Положение генофондов пяти субэтносов (с бухарцами) сибирских татар в генетическом пространстве Евразии

График многомерного шкалирования. Величина стресса=0,16, алиенации=0,18.

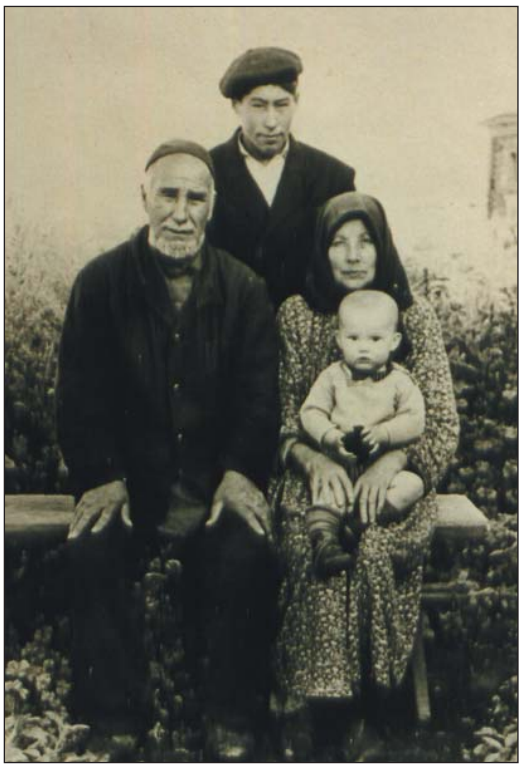
Обозначения: Коды популяций на данном графике расшифрованы в табл. 1, коричневым цветом выделены пять изученных популяций тоболо-иртышских татар.



Сибирский татарин. Д.Тахтамышево Томской обл. Из семейного альбома. Экспедиция А.П. Дульзона 1954 г. ТОКМ



Сибирский татарин. Д.Зимник Томской обл. Из семейного альбома. Экспедиция А.П. Дульзона 1954 г. ТОКМ



Сибирские татары. Д.Улус Томской обл.
Экспедиция А.П. Дульзона 1954 г. ТОКМ



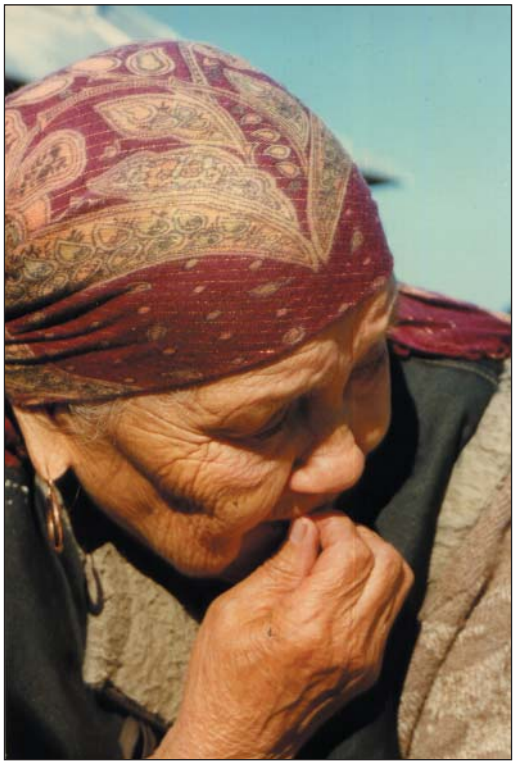
Сибирские татары. Д.Константиновка
Кемеровской обл. Из семейного альбома.
Экспедиция А.П. Дульзона 1954 г.
ТОКМ



Сибирские татарки. Д.Тахтамышево
Томской обл. Из семейного альбома.
Экспедиция 1997 г. Фото С.В. Сусловой



Сибирская татарка.
Д.Тахтамышево Томской обл.
Из семейного альбома. Экспедиция
А.П. Дульзона 1954 г. ТОКМ



Сибирская татарка. Д.Эушта Томской обл.
Экспедиция 1997 г. Фото С.В. Сусловой



Сибирская татарка. Д.Эушта Томской обл.
Экспедиция 1997 г. Фото С.В. Сусловой



Сибирская татарка. Д.Тахтамышево Томской обл.
Экспедиция 1997 г. Фото С.В. Сусловой



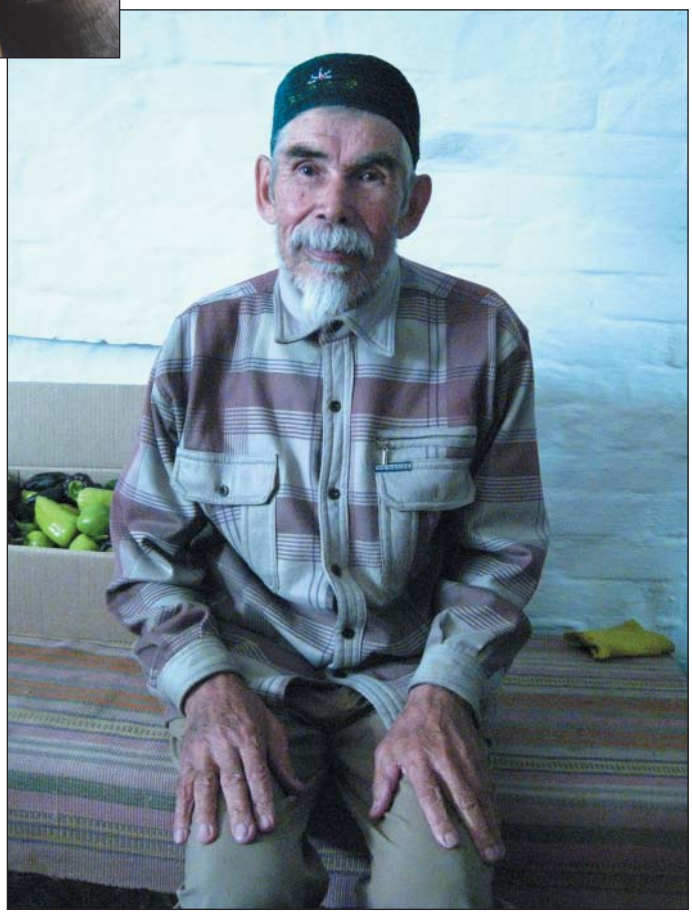
Сибирская татарка. Д.Черная речка Томской обл.
Экспедиция 1997 г. Фото С.В. Сусловой



Сибирская татарка. Д.Тахтамышево
Томской обл. Экспедиция 1997 г.
Фото С.В. Сусловой



Сибирская татарка. Д.Эушта Томской обл.
Экспедиция 1997 г. Фото С.В. Сусловой



Сибирский татарин. Д.Ю.Турбинские
Тюменской обл. Экспедиция 2012 г.
Фото З.А. Тычинских



Барабинский татарин. С.Аул Бергуль
Новосибирской обл. Экспедиция 2015 г.
Фото З.А. Тычинских



Барабинская татарка. С.Аул Бергуль
Новосибирской обл. Экспедиция 2015 г.
Фото З.А. Тычинских



Группа детей. Заболотье. Д.Изыметь Тюменской обл. Экспедиция 2015 г. Фото З.А. Тычинских

Обратим внимание, что генетические расстояния между самими четырьмя субэтносами сибирских татар столь значительны, что, как правило, превышают расстояния до большинства других народов Евразии (табл. 1), что уже указывает на преобладание разных генетических компонентов в каждом из изученных субэтносов.

В генетическом пространстве рассмотренных народов Евразии (рис. 2) выделилось три кластера (Средиземноморско-Кавказский, Центральноазиатский и Урало-Прикаспийский) и три отдельно лежащих популяции. Четыре субэтноса тоболо-иртышских татар находятся в четырех разных частях генетического пространства Евразии.

Генофонд искеро-тобольских татар (географически наиболее северной из исследованных групп сибирских татар) вошел в Урало-Прикаспийский кластер вместе с популяциями башкир, караногайцев и казанских татар (рис. 2), причем расстояние до генофонда башкир (d=0.19) и караногайцев (d=0.20) в полтора раза меньше, чем до генофонда казанских татар (d=0.31). Если рассматривать по величине генетических расстояний от искеро-тобольских татар (табл. 1), то казанские татары (d=0.31) так же удалены от них (0.3<d<0.4), как и южные алтайцы (d=0.31), северные алтайцы (d=0.33) и узбеки (d=0.36). Такое положение генофонда искеро-тобольских татар, по-видимому, связано с высоким разнообразием генофонда популяции: вклад «североевразийской» гаплогруппы **N1c** и «общеевразийской» гаплогруппы **R1a** приближает к тюркоязычным народам Приуралья и Северного Прикаспия, вклад «западносибирской» гаплогруппы **Q** – к народам Западной Сибири и Центральной Азии.

Генофонд ялуторовских татар расположился в Средиземноморско-Кавказском кластере среди генофондов народов Северного Кавказа (карачаевцы, балкарцы, абазины, абхазы и адыги), Крыма (крымские татары), тюрков Восточного Кавказа (кумыки и азербайджанцы) и народов Средиземноморья (турки и греки). Однако по генетическим расстояниям к ялуторовским татарам наиболее близки крымские татары (d=0.17), турки (d=0.20), чуваши (d=0.22) и вновь караногайцы (d=0.29), а также узбеки (d=0.31). Близость ялуторовских татар с перечисленными тюркоязычными народами Причерноморья, Прикаспия и Поволжья отражает наличие у них общего генетического компонента и указывает на возможную миграцию населения с юго-запада. Детальное уточнение источников этого компонента будет проведено в дальнейших исследованиях. Генетическое расстояние до казанских татар (d=0.67) оказалось значительно – в два-три раза – большим, чем до этих народов, помещая по степени удаленности от ялуторовских татар генофонд казанских татар в один блок (0.6<d<0.7) с абазинами, алтайцами, каракалпаками, кумыками и греками.

Генофонд иштякско-тогузских сибирских татар на графике (рис. 2) расположен несколько обособленно, но генетически близок к популяциям северных алтайцев (d=0.34) и искеро-тобольских татар (d=0.34). Эти три популяции между собой связывает значительная доля гаплогруппы **Q** в генофонде, что может отражать генетическое наследие древнего населения Западной Сибири. При этом они генетически далеки и от казанских (d=0.90), и от крымских (d=0.81) татар.

Генофонд ясколбинских («заболотных») сибирских татар на графике многомерного шкалирования расположен в отдалении от всех групп и кластеров. Такая позиция генофонда ясколбинских татар в контексте других народов Евразии связана с высокой долей гаплогруппы **N1b**, которая у других анализируемых популяций или не обнаружена вообще, или встречается значительно реже. Наиболее близким к ним вновь оказался генофонд караногайцев (d=0.67). В следующий по генетическим расстояниям блок (0.8<d<0.9) вошли северные алтайцы и киргизы Памира, и только затем (в блок 0.9<d<1.0) народы Южного Урала – казанские татары вместе с башкирами и чувашами.

Если усреднить генетические расстояния от четырех субэтносов сибирских татар до каждого из рассматриваемых народов Евразии, то наиболее близкими к совокупно-

сти сибирских татар окажутся караногайцы (среднее d=0.46); в следующий блок (0.6<d<0.7) войдут северные алтайцы и башкиры; еще дальше (блок 0.6<d<0.7) окажутся казанские татары, чуваши и киргизы Памира; и еще дальше (блок 0.7<d<0.8) – крымские татары и узбеки.

СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ-БУХАРЦЫ: НЕОЖИДАННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНОФОНДА

Рассмотрим теперь «пятый элемент» – генофонд субэтноса бухарцев, который часто рассматривается как результат миграции с территории Средней Азии (Узбекистана). И так чрезвычайно высокое разнообразие тоболо-иртышских сибирских татар существенно возрастает, если включить в анализ и пятый субэтнос – татар-бухарцев. Их генофонд отличается преобладанием «южной» гаплогруппы **G2a**, на долю которой приходится более трети всего разнообразия (рис. 3). Ещё одну треть генофонда сибирских татар-бухарцев составляет сочетание трех других «южных» гаплогрупп: **E1b**, **I2a** и **J2**. О географии гаплогрупп **G2a** и **J2**, по происхождению – ближневосточных, но с максимальными частотами распространенных на Кавказе, упоминалось ранее. Приуроченность гаплогруппы **I2a** к Средиземноморью, Южной и Восточной Европе рассматривалась при анализе генофонда иштякско-тогузских сибирских татар. Ареал гаплогруппы **E1b** вновь в основном следует Средиземноморскому побережью, охватывая при этом Европу и Переднюю Азию. Таким образом, основной вектор генофонда татар-бухарцев указывает не на Среднюю Азию, а на Средиземноморье, на возможную миграцию населения с юго-запада, что роднит их с генофондом другого субэтноса сибирских татар – ялуторовских.

Последняя треть генофонда татар-бухарцев приходится на гаплогруппы **N1b, N1c** и **R1a**, в разных долях встреченные и у других субэтносов тоболо-иртышских татар. Наличие гаплогрупп **N1b** и **N1c** указывает на связь с населением Западной Сибири и северных регионов Евразии, присутствие «общеевразийской» гаплогруппы **R1a** также не удивительно. Возможно, эта треть генофонда сохранила наследие населения Западной Сибири, которое также участвовало в формировании генофонда татар-бухарцев.

Положение генофонда сибирских татар-бухарцев среди других народов Евразии остается своеобразным, но вполне объяснимым после рассмотрения их генетического разнообразия. График на рис. 4 и таблица 1 убедительно показывают, что генофонд татар-бухарцев чрезвычайно близок к народам Северного Кавказа: почти нулевые генетические расстояния (блок 0<d<0.1) до черкесов, кабардинцев, адыгов и абазин, и несколько большие (блок 0.1<d<0.2) до балкарцев, абхазов и карачаевцев. Такая ситуация связана как с преобладающей у бухарцев гаплогруппой **G2a**, которая мирового максимума достигает в популяциях Западного Кавказа, так и с тремя другими «южными» гаплогруппами. Значительно дальше в генетическом пространстве от бухарцев находятся генофонды крымских татар (d=0.32), и тем более казанских татар (d=0.81). Ожидавшиеся как самые генетически близкие к бухарцам народы Средней и Центральной Азии оказались еще дальше: узбеки (d=0.88), киргизы Памира (d=1.02), каракалпаки (d=1.02), киргизы Киргизии (d=1.30), не говоря о казахах (d=2.0) и монголах (d=2.34) – они оказались на другом «генетическом полюсе», чем бухарцы (табл. 1).

Поэтому неудивительно, что на графике многомерного шкалирования (рис. 4) бухарские сибирские татары целиком принадлежат к Средиземноморско-Кавказскому кластеру и, вопреки этнониму, очень далеки от Центральноазиатского кластера. Отметим, что от популяции бухарцев далеки и генофонды других субэтносов тоболо-иртышских татар: генетические расстояния до них (0.74–1.71) не меньше, чем до греков (d=0.85), чувашей (d=0.87), казанских татар (d=0.82) или узбеков (d=0.88).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение обобщим несколько особенностей генофонда тоболо-иртышских татар. Во-первых, высокое разнообразие генофонда тоболо-иртышских татар в целом отражает подразделенную структуру их популяции. Такая особенность позволяет рассматривать генофонд тоболо-иртышских татар как популяционную систему, состоящую из уникальных элементов – генофондов каждого субэтноса.

Во-вторых, только два из пяти субэтносов тоболо-иртышских сибирских татар близки к двум другим этносам с татарским этнонимом: ялуторовские сибирские татары близки к крымским татарам, искеро-тобольские – к казанским татарам. Такая характеристика отражает существенные различия генофондов разных групп Евразии с этнонимом «татары».

В-третьих, среди рассмотренных народов Евразии в среднем наиболее генетически близкими ко всем пяти субэтносам сибирских татар оказались караногайцы и башкиры: они более сходны с генофондами сибирских татар, чем казанские и крымские татары.

В-четвертых, уже на данном – начальном – этапе анализа генофондов тоболо-иртышских татар можно выделить базовые генетические компоненты, сформировавшие основной паттерн разнообразия этих популяций. Кроме географически широко распространенных «общеевразийского» (выражен у всех, кроме ясколбинских, изученных групп сибирских татар) и «североевразийского» (наиболее выражен у искеро-тобольских сибирских татар, но с заметной долей встречается и у трех других групп) генетических компонентов, у тоболо-иртышских татар ярко представлены также «западносибирский» (преобладает у ясколбинских и иштякско-тогузских татар) и «юго-западный» (ярко выражен у бухарских и ялуторовских сибирских татар, заметен у иштякско-тогузских татар).

Представленные результаты отражают большое разнообразие не только внутри сибирских татар, но и других народов с этнонимом «татары», что ярко заметно при сравнительном анализе их генофондов в контексте Евразии. Подразделенность генофонда, преобладание разных генетических компонентов в популяциях указывает на разные источники формирования современного генетического разнообразия разных групп татар.

§ 3. Демографическая и географическая характеристики

Светлана Корусенко, Николай Томилов

Различные этнические образования тюркского населения юга Западно-Сибирской равнины составили основу сибирских татар, с которыми столкнулись русские в период колонизации Сибири. Активные переселения выходцев из Средней Азии и Европейской России в последующие три века изменили картину этнического мира тюркского населения данного региона. К началу XX в. можно выделить три большие группы тюркоязычного населения, которые составили основу современного татарского населения Сибири. Прежде всего, это местные тюркоязычные группы, бухарцы и поволжско-приуральские татары.

К концу XVIII в. в основном сложились основные ареалы территориально-этнических образований коренного тюркоязычного населения, которые объединялись в следующие группы:

– тоболо-иртышские татары, включавшие тюменско-туринских, тобольских, ясколбинских (заболотных), курдакско-саргатских, тарских татар;

– барабинские татары;

– томско-обская тюркоязычная группа, включавшая эуштинских татар, чатов, обских татар и калмаков.

В результате изменений в расселении сибирских татар, происходивших на протяжении конца XVI – середины XVIII в., вызванных колонизацией Сибири, чересполосным расселением прибывшего из европейской части России населения, нестабильной обстановкой в ряде регионов, возникли важные в этническом плане разрывы территории, с одной стороны тюменских, курдакско-саргатских и тарских татар, с другой – тюменских и туринских татар, а также с откочевкой чатов в Приобье – разрыв в этнической территории барабинцев и тюркских групп Среднего Приобья. Единой была территория тобольских, тюменских и ясколбинских татар. Тобольские татары были расселены по соседству с курдакско-саргатскими, а те – с тарскими и барабинскими татарами. Последние две группы также имели общую пограничную зону. На востоке сплошной территорией оказались связаны калмаки, обские татары, чаты и эуштинцы, здесь же расселились отдельные выходцы и небольшие группы тоболо-иртышских и барабинских татар. Такое расселение разных групп сибирских татар, их размещение по отношению друг к другу фактически не менялось в XIX – начале XX в., за исключением отдельных случаев. Территорией расселения сибирских татар в административном плане были южные районы Тобольской (Тарский, Тобольский, Тюменский и Ялуторовский округа) и Томской губерний (Каинский и Томский округа).

В течение XIX в. в каждой группе наблюдались явления исчезновения или появления отдельных поселений, укрупнения населенных пунктов. Наиболее существенные сдвиги в расселении всех групп сибирских татар были связаны с земледельческим освоением этого региона русскими. Прежде всего, это привело к возникновению чересполосицы в размещении их селений и хозяйственных угодий. В группах туринских и обских татар русские оседали на местожительство прямо в их деревнях. Обские татары селились и в русских деревнях. В других группах этого почти не наблюдалось, только к концу XIX в. в ряде татарских селений стала увеличиваться прослойка русских, наиболее значительной она была в селениях обских татар. Относительно много русских сосредоточивалось с XVIII в. в некоторых деревнях томских татар, этому способствовало и наличие в них прослойки крещеных татар. В группах тоболо-иртышских татар крещеные татары составляли столь незначительное число, что они обычно сами переселялись в населенные пункты русских. Несмотря на то, что государство стояло на стороне татарского населения в части охраны целостности их земельных владений, путем продажи и аренды развивалось перераспределение земель между татарами и русскими. Численность русских стала значительно преобладать над числом коренного населения Западной Сибири еще в XVII в., а в течение XVIII в. она выросла в 2,4 раза [Кабузан, Троицкий, 1962, с. 146]. Наплыв русских привел в ряде мест к сужению территории расселения сибирских татар и к увеличению территориальной разобщенности отдельных групп.

С возникновением и развитием русских городов часть сибирских татар поселилась в них на постоянное местожительство. Так, при постройке г. Тобольска возникла татарская слобода. В 1816 г. татарское население составили 23 ясачных обоего пола и 134 татарина (мужчины) татарской казачьей команды [РГИА, ф.1264, оп.1, д.4, л.155]. В 1880-х гг. в Тобольске проживали 185 инородцев [Голодников, 1882, с.29]. В Тюмени в 1816 г. проживали 23 служилых татарина. В г.Туринске в 1835 г. числились 12 татар [РГИА, ф.1264, оп.1, д.71, л.49]. В Таре в 1816 г. проживали 72 человека [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.154, оп.8, д.354]. В Томске также была образована татарская слобода, где жили служилые татары вместе с бухарцами. В начале 1820-х гг. в Томской татарской команде числились 54 человека (а вместе с женами и детьми женского пола около 100 чел.), которые жили непосредственно в городе [РГИА, ф.1264, оп.1, д.4, л.148 об.–149, 156 об.; д.546, л.18]. Не исключено, что отдельные сибирские татары (в основном вы-

ходцы из Тобольской губернии) во второй половине XVIII – XIX вв. селились в г. Петропавловске, где проживали, кроме того, казанские татары, бухарцы и казахи [РГИА, ф.1265, оп.9, д.226, л.2–7; Словцов, 1881, с.9]. К концу XIX в. общая численность сибирских татар в городах возросла и составила 653 чел., тем не менее, в процентном отношении они составляли явное меньшинство по сравнению с пришлыми поволжскими татарами.

Динамика численности трех основных групп сибирских татар – тоболо-иртышской, барабинской и томской, на протяжении XIX в. представлена в таблице 1. Основным источником послужили сводные и первичные материалы 5-ой (1795 г.), 8-ой (1834 г.), 10-ой (1858 г.) ревизий населения, материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., обработанные С.К. Паткановым с точки зрения выявления народов и различных этнических групп населения.

Таблица 1

Динамика численности сибирских татар

Группы татар	1795 г.	1834 г.	1858 г.	1897 г.
Тоболо-иртышская	21482	28195	30325	37648
Барабинская	(5060)*	4876	4411	4433
Томская	2723 (на 1805 г.)**	2764	(1770)***	4016
Итого	29265	35835	36506	46097

* Общая численность барабинских татар рассчитана из числа душ мужского пола.

** Численность чатов и эушинцев дана на 1795 г. (материалы 5-ой ревизии населения), численность обских татар и калмаков взята из Ведомости Томского округа о населении за 1805 г. [ГАТО, ф.144, оп.1, л.1].

*** Численность дана без группы обских татар и рассчитана по количеству душ мужского пола.

Как видно из таблицы, численность барабинских татар несколько уменьшилась. Считается, что причины уменьшения численности барабинцев связаны с ухудшением условий их жизни (в частности, в связи с крупными падежами скота) и распространением эпидемических заболеваний. Барабинцы еще в начале XIX в. вели полукочевой образ жизни, основным их занятием было скотоводство. В течение XIX в. наблюдается небольшое увеличение численности томской группы татар. Незначительное увеличение численности томских татар объясняется тем, что частично томские татары приняли крещение, и крещеные татары в конечном итоге были ассимилированы русскими. Наибольший прирост населения наблюдается в тоболо-иртышской группе татар, несмотря на отдельные периоды уменьшения численности некоторых локальных групп. Тоболо-иртышские татары были менее подвержены христианизации, т.к. здесь более сильными были позиции ислама (особенно у тарских и тобольских татар).

На территории расселения сибирских татар совместно с ними жили бухарцы, которые начали прибывать на территорию Сибири еще до присоединения ее к Московскому государству, но наибольшее количество бухарцев переселилось в Сибирь уже во второй половине XVII – XVIII вв. В целом, среди сибирских бухарцев сложилось 4 территориальные группы: 1) тюменская; 2) тобольская; 3) тарская; 4) томская. Значительно изолированной была томская группа бухарцев. Остальные три группы в ряде случаев консолидировались, как это было в начале XIX в., когда на бухарцев возложили новые повинности. Так, в обращении к Сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю указывается: «Тобольских, тюменских и тарских бухарцов и ташкенцов поверенных Мамета Шихова и Магомета Шихова всепокорнейшее прошение» [ГУ ИсА, ф.2, оп.1, д.158, л.1а], что говорит о тесной связи бухарцев, расселенных на территории тоболо-

иртышской группы сибирских татар. Выделение этих групп связано с особенностями расселения бухарцев, в основном группировавшихся вокруг крупных городов, т.к. первоначально их основной деятельностью являлась торговля. Расселены они были на землях сибирских татар, часть земель находилась в наследственном пользовании крупных бухарских семейно-родственных групп (например, это земельные владения Имьяминовых, Шиховых, Айтыкиных в Тарском уезде, права на которые подтверждались выписями из дозорных книг конца XVII – первой половины XVIII в. и родословными – шаджара). Бухарцы изначально вступали в тесные контакты с сибирскими татарами, включая брачные связи. В состав бухарцев в незначительном количестве вошли коренные сибирские татары, выходцы из Казанской губернии, калмаки, казахи (например, в Петропавловске, где бухарцы относились к управлению тобольского старшины). Это связано было с теми привилегиями, которые в разное время даровали бухарцам российские правители. Управление бухарцами в Западной Сибири было организовано по округам, во главе каждой такой группы стояли старшины. Так, в конце XVIII в. была сформирована Бухарская волость в Тарском округе, а в Тобольском и Тюменском округах бухарцы находились в тот период в ведении бухарского старшины, к середине XIX в. были созданы Бухарские волости в Тобольском и Тюменском округах. Также существовала Бухарская волость в Томском округе.

Таблица 2

Динамика численности сибирских бухарцев в последней четверти XVIII – XIX вв.

Территориальные группы сибирских бухарцев	1782 г.	1834 г.	1858 г.	1897 г.
Тюменская	1547	(2548)*	3147	3412
Тобольская	1888	3156	3422	3308
Тарская	1243	2424	3339	4515
Томская	(150)*	267	307	210
Всего	4678	8395	10215	11517

* Общая численность рассчитана из числа душ мужского пола.

Таким образом, численность сибирских бухарцев постоянно увеличивалась, значительное увеличение приходится на первую половину XIX в. Первая половина XIX в. – это период направленности имперской политики на восток и продвижение империи в Центрально-Азиатский регион, что способствовало дальнейшим миграциям населения из Средней Азии в Сибирь, ставший объектом, прежде всего, земледельческого освоения. Но переселенцы этого периода уже не могли претендовать на земельные владения. Большинство прибывших бухарцев селилось на землях как инородцев, так и бухарцев, которые закрепили за собой земли в XVII–XVIII вв. Именно поэтому в землеустроительных документах середины XIX в. приводятся сведения как о земельных владениях того или иного рода бухарцев (например, у тарских – это Шиховы, Имьяминовы, Бургутовы и др.), так и отмечается об отсутствии земельных наделов и о возможности пользования только скотским выпуском. В конце XVIII в. численно превалировала тобольская группа сибирских бухарцев, к концу XIX в. наиболее значительной по численности стала тарская группа, что было обусловлено созданием в конце XVIII – первой половине XIX в. куста приозерных поселений в лесостепной зоне, основанных бухарцами [Корусенко, 2006, с.47–51]. Если в начале XVIII в. бухарцы расселялись в большинстве своем вокруг городов – Тюмени, Тобольска и Тары, то в Тарском округе в XIX в. были очень компактно освоены и отдаленные земли, в отличие от тюменской и тобольской групп бухарцев, которые жили разбросанно среди местных татар. Так, в

журнале Тобольского окружного по крестьянским делам присутствия сделана запись №91 от 1 июля 1895 г.: «Особенности татарских волостей: бухарцы расселились почти по всем татарским юртам; крайне оригинальная группировка волостей с татарским населением «... заключавшаяся в том, что почти в каждом татарском селении жители его принадлежат не к одной какой-то инородческой волости, а чуть не ко всем»… Еще более разбросано население Бухарской волости, имеющее свое инородческое управление также в г. Тобольске, но самые дальние юрты той волости находятся в пределах Тюменского и Тарского округов» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.479, оп.2, д.51, л.37, 38].

Именно динамика численности и особенности расселения бухарцев разных территориальных групп объясняют тот факт, что по переписи 1926 г. почти все бухарцы отмечены именно в Тарском округе – 11517 (из них – 497 человек в г.Таре). В Тобольском округе данной переписью зафиксировано 3 бухарца, в Тюменском – 81 [Всесоюзная перепись населения 1926 года]. Таким образом, уже в начале XX в. происходит процесс «отатаривания» бухарцев, который окончательно был завершен уже к середине XX в.

Переселения поволжских татар в Сибирь начались еще до присоединения Сибири к России. Однако только XIX в., а именно его вторая половина – время массовых переселений поволжско-приуральских татар в Сибирь, которые оказали влияние в целом на культуру и этническое развитие сибирских татар. С присоединением Сибири к Русскому государству поволжские и приуральские татары мигрировали в основном в районы расселения тобольских и тюменских татар. Хотя единичные случаи присутствия так называемых «казанцев» встречались и среди других тюркоязычных групп. Так, например, на страницах дозорной книги Тарского уезда 1701 г., помимо ясачных, служилых и захребетных татар и бухарцев, встречаются представители пришлого тюркоязычного населения, а именно казанцы, которых насчитывается 10 человек взрослых и один ребенок (1% тюркоязычного населения данного уезда). Расселены они были как в деревнях вокруг г. Тары, в самой Таре, так и в более отдаленных от города поселениях, в основном, в острожках. В большинстве своем они не имели земли, а часть из них и скота.

Считается, что в конце XVIII в. в Тобольском округе среди тобольских татар поселилась группа пришлых из европейской части России татар, которые позднее получили общее название оброчных чувальщиков [Патканов, 1911, с.120; Тумашева, 1977, с.15]. Основную их часть составили татары из Казанской, Самарской и других губерний, переселившиеся в г. Тобольск. Постепенно они расселялись по юртам местных тобольских татар, в самом городе в 1782 г. их оставалось лишь 24 человека [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.154, оп.8, д.4, л.1218]. Относительно времени их появления в Сибири следует сделать существенные замечания. В документах начала второй четверти XIX в. об оброчных чувальщиках говорится, что они расселялись в Сибири уже более двухсот лет назад [РГАДА, ф.214, оп.5, д.525, л.3]. Имеется сведение, относящееся к 1660-м гг. о том, что в Тобольске у сибирских татар в работниках жили «казанские выходцы», которые в этот период были обложены оброком за выделенные им пашни [Бахрушин, 1955в, с.285]. Таким образом, появление первых чувальщиков в Сибири относится ко второй половине XVII в. В отличие от ясачных татар, чувальщики не платили ясак, а состояли в оброчном окладе. Именно поэтому приписаны они были к особой волости оброчных чувальщиков. Несмотря на это, оброчных чувальщиков в административных документах именовали и ясачными татарами. Видимо, какая-то часть коренных сибирских татар из ясачных и захребетников вошла в состав оброчных чувальщиков, поэтому всю эту категорию татар, на наш взгляд, следует считать смешанной сибирско-казанской группой населения. В результате реформ М.М. Сперанского они, в отличие от «чистых» поволжско-приуральских татар-переселенцев, оставшихся в сословии крестьян, были переведены на положение оседлых инородцев. В то же время инородческая

волость оброчных чувальщиков просуществовала до начала XX в., она была расформирована в 1910 г. [Бакиева, 2003, с.59].

Большую часть пришлых татар составляли казанские татары. Часто в документах они записаны «казанцами», «татарами из Казани», «казанскими татарами». Однако встречались уфимские татары, мишари и др. Значительно интенсивнее поволжские и приуральские татары переселялись в Сибирь в последней четверти XIX – начале XX вв. Большая часть поволжско-приуральских татар по-прежнему оседала в деревнях коренных сибирских татар или по соседству, создавая свои населенные пункты.

Численность поволжских и приуральских татар-переселенцев в Сибири вплоть до 1860-х гг. росла медленно и была в целом незначительной. По томской группе казанских татар для последней четверти XVIII в. имеются сведения И.Фалька по 1771 г., что в Томске было тогда 200 татар и бухарцев обоего пола [Фальк, 1824, с.54]. Не исключено, что при этом И. Фальк ориентировался на сведения 3-й ревизии. Поскольку в 1763 г. в Томске числилось 56 бухарцев мужского пола, то долю татар этого города можно примерно определить в 90 чел. обоего пола. В 1816 г. Казанская волость Томского округа насчитывала 107 татар, в том числе 59 муж. и 48 жен. [ГАТО, ф.321, оп.1, д.10, л.5–13].

По документам в трех округах Тобольской губернии (Тарском, Тобольском, Тюменском) в 1782 г. числилось 91 и в 1816 – только 27 казанских татар. В действительности в этих округах (особенно вТобольском) их было, очевидно, больше, поскольку отдельного их учета по этнической принадлежности в составе ясачных, захребетных, дворовых, служилых не проводилось. Часть казанских татар была в составе оброчных чувальщиков, но так как они в этой группе практически сливались с сибирскими татарами, вычленить их здесь также не удается. В 1782 г. оброчных чувальщиков в Тобольской губернии, по одним данным, было 254 чел. муж.пола [РГАДА, ф.248, оп.53, д.4342, л.466 об.; РГИА, ф.1341, оп.1, д.295, л. 146 об.], по другим – 249 чел. [РГИА, ф.1341, оп.1, д.295, л.92–92 об.]; в 1812 г. – 325 ревизских душ (при проведении 6-й ревизии учитывался только мужской пол), в 1816 – 376 чел. муж.пола, или 622 чел. и в 1858 г. – 920 чел. обоего пола [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.154, оп.8, д.427, л.1–57; д.804, л.1–185]. Если условно принять, что казанские татары составляли половину оброчных чувальщиков, то можно определить примерные цифры всей их численности, включая данные по новым переселенцам, для 1782 г. – 340 чел. обоего пола, для 1834 – 500 и для 1858 г. – 600 человек.

С.К. Патканов, говоря о многочисленности пришлых татар и их потомков в данном регионе в конце XIX в., отмечал, что «… значительная часть их осела уже давно и обзавелась семьями и хозяйствами…» [Патканов, 1912, с.49]. Очевидно, было преувеличением считать, что большая часть поволжских татар переселилась в Сибирь уже в XVII – первой половине XIX в. Материалы свидетельствуют, что это произошло позднее – переселение татар из Европы в Сибирь приняло массовый характер лишь в последней трети XIX в. Даже в 1858 г. пришлых татар в Западно-Сибирской равнине было лишь 700 чел. (или немногим более). К 1897 г. численность их быстро выросла до 14,4 тыс. чел.

Поволжские и приуральские татары чаще всего подселялись к местным татарам. В некоторых населенных пунктах они стали составлять большинство. Например, в ряде деревень Тарского уезда Тобольской губернии (Байбы, Ташетканы и др.) пришлые татары по переписи 1897 г. составили примерно 55%. Переезжали семейными кланами, часто выходцы из одного уезда селились вместе. В тех же Ташетканах большинство пришлых были выходцами из Бугульминского уезда Самарской губернии. Бывали случаи и образования новых деревень. Так, например, в том же уезде в последней четверти XIX в. были образованы деревни Молодцово, Малые Мурлы, в начале XX в. – д.Казанка и т.п.

Таблица 3

Численность поволжских и приуральских татар Западно-Сибирской равнины в 1897 г.*

Группа татар, округ	Городское население	Сельское население	Городское и сельское население
Тобольская			
Тобольский, Туринский, Тюменский, Ялуторовский и Тарский (проживают с сибирскими татарами)	745	5452	6197
Березовский, Ишимский, Курганский, Сургутский, Тюкалинский (проживают без сибирских татар)	110	1767	1877
Итого	855	7219	8074
Барабинская			
Каинский	113	1251	1364
Томская			
Томский	1335	2237	3572
Мариинский	113	1251	1364
Итого	1448	3488	4936
Всего	2416	11958	14374

* Рассчитано по: [Патканов, 1911, с.2–3, 130–131].

Данные переписи 1897 г. предоставляют нам сведения о соотношении коренных и пришлых групп (поволжско-приуральские татары и бухарцы) на конец XIX в.

Таблица 4

Численность сибирских татар, бухарцев и поволжско-приуральских татар-переселенцев в конце XIX в. (по данным переписи 1897 г.)*

Группа татар	Всего	Коренные тюрки (сибирские татары)		Поволжские и приуральские татары		Бухарцы	
		Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
		Сельская местность					
Тоболо-иртышская	55391	37217	67,2	7219**	13,2	10956	19,6
Барабинская	6576	4421	77,9	1251	22	4	0,1
Томская	5015	3795	75,7	1078	21,5	142	2,8
Итого	66082	45433	68,8	9548	14,4	11101	16,8
	Городская местность						
Тоболо-иртышская	1638	431	26,3	855	52,2	352	21,5
Барабинская	114	1	0,9	113	99,1	–	–
Томская	1611	221	13,7	1322	82,1	68	4,2
Итого	3363	653	19,4	2290	66	420	12,5
	Сельская и городская местность						
Тоболо-иртышская	57029	37648	66	8074	14,2	11307	19,8
Барабинская	5790	4422	76,4	1364	23,5	4	0,1
Томская	6626	4016	60,6	2400	36,2	210	3,2
Итого	69445	46086	66,4	11838	17,0	11521	16,6

* Рассчитано по: [Патканов, 1911, с.2–3, 130–131].

** В данное число не включены пришлые татары, расселившиеся в Тобольской губернии вне округов с сибирскими татарами.

Таким образом, на территории расселения коренных групп татар ситуация к концу XIX в. в связи с массовыми переселениями поволжских и приуральских татар значительно изменилась. Среди томских татар уже в этот период татары-переселенцы составили более трети, среди барабинских – почти четверть. Однако численность этих групп, по сравнению с тоболо-иртышскими татарами, являлась незначительной, а среди них пришлые татары составили в конце XIX в. чуть более четырнадцати процентов. Из таблицы 4 хорошо видно, что большую часть городских татар составляли именно татары Поволжья и Приуралья – у тоболо-иртышской группы 52,2%, барабинской – 99,1%, томской – 82,1%. В целом за последнюю треть XIX в. произошел значительный рост численности татар, большую часть которого обеспечили миграции.

Еще большими темпами, за счет усиления миграций из Поволжья и Приуралья, росла численность татар в первые полтора десятка лет XX в. Так, в одной только Томской губернии, по данным 1911 г., насчитывалось свыше 36 тысяч мусульман, большую часть из которых и составили пришлые поволжско-приуральские татары [Памятная книжка Томской губернии, 1912, с.184]. В Тобольской губернии рост численности пришлых татар привел также к быстрому увеличению числа всех татар (коренных и пришлых) в начале XX в. – в 1907 г. в губернии их было свыше 66 тысяч человек [Дунин-Горкавич, 1909, с.6].

Не полным стало бы рассмотрение численности татар в конце XIX в. только на территории расселения коренных групп. Мигрировавшие из Европейской России татары создавали свои поселения и основывали целые анклавы поселений в Томской губернии (районы Алтая), Иркутской губернии и далее на восток. Численность прибывших к концу XIX в. на территорию Сибири и Дальнего Востока поволжско-приуральских татар представлена в таблице 5. По сведениям С.К. Патканова на о.Сахалин также зафиксированы 1515 татар, которые не включены в данную таблицу.

Таблица 5

Численность поволжско-приуральских татар в Сибири в конце XIX в. (по переписи 1897 г.)*

Территориальные единицы	Всего	Городская местность		Сельская местность	
		Чел.	%	Чел.	%
Тобольская губерния	8074	855	10,6	7219	89,4
Томская губерния	9423	1812	19,2	7611	80,8
Енисейская губерния	3640	1107	30,4	2533	69,6
Иркутская губерния	6467	921	14,2	5546	85,8
Забайкальская область	2512	259	10,3	2253	89,7
Якутская область	1476	610	41,3	866	58,7
Амурская область	552	217	39,3	335	60,7
Приморская область	1053	402	38,2	651	61,8
Итого	33197	6183	18,6	27014	81,4

* Рассчитано по: [Патканов, 1911, с. 2–3, 130–131, 435, 551, 711, 845, 866].

Из таблицы видно, что довольно значительной среди пришлых татар является доля городских – от 10 до 40%. В тоже время ни в одном регионе она не составляет более половины.

К концу XIX в. изменилось в целом соотношение русского и инородческого населения Сибири. В конце XVIII в. по материалам 5-ой ревизии населения русские составляли в Сибири около 70% [Кабузан, Троицкий, 1962, с.146]. По переписи 1897 г. доля русских в Сибири в целом (включая Дальний Восток) составила 80,7%. Однако соотношение русского и инородческого населения было различным в Западной и Восточной Сибири:

91,4% русских в Западной Сибири и 65,8% – в Восточной (включая Дальний Восток). Количество коренных и пришлых татар в Западной Сибири – 63583 чел. (1,9% от всего населения), в остальной азиатской части России – 17215 чел. (0,7%). Таким образом, в целом в конце XIX в. в Азиатской России проживало свыше 80 тыс. татар.

§ 4. Формирование этносословной структуры

Зайтуна Тычинских, Дамир Исхаков

Уже в рамках Тюменского и Сибирского ханств в XV–XVI вв. сформировалась этнополитическая общность, обладавшая определенной целостностью, свидетельством чего является устойчивость ее наименований, среди которых были и «тюменские татары» (XV в.), «шибаны», «сибирские татары» (XVI в.) [Татары, 2001, с.124]. По русским источникам XVI–XVII вв. она известна как «страна Сибирская», «Сибирская земля» или «вся земля Сибирская» («Сибирские земли»), «Сибирское царство», «царство бесерменъское в Сибири». На татарском языке это «царство» называлось в XVI в. «Искер йорты». Ядром данного наименования является название столичного центра «царства» – «град Сибирь» *(Искер)* [Исхаков, 2001]. В большинстве источников государствообразующее, т.е. политически доминировавшее в данном ханстве, этническое формирование именуется «татарами». Иногда в русских документах оно определяется как мусульмане: «босурмане», «окаянные бусорманы», «поганые», «нечестивые татары». Несмотря на неполное усвоение ислама некоторыми группами сибирских татар в ханское время, приведенные характеристики указывают в целом на исламский облик этого сообщества.

Средневековая сибирско-татарская общность делилась на две этносословные страты – ясачных и служилых. Возможно, эти группы вели разный образ жизни (служилые – кочевой и полукочевой, ясачные – оседлый) и именно специфика хозяйственной жизни части татар помешала окончательной консолидации сибирско-татарского этноса к XVI в. [Исхаков, 2002а, с.7–15].

Видимо, в «ясачных татарах» Сибирского ханства следует видеть более раннее население тюркского и тюркизированного угорского происхождения («иштяки», «сыпыры») [Исхаков, 2003, с.113–116]. Что же касается служилых татар, то этот слой в своей основе имел золотоордынское «татарское» происхождение [Исхаков, 2002а, с.8].

После включения Сибирского ханства в состав Русского государства произошли определенные изменения в этносословной структуре сибирско-татарской общности.

В XVI–XVII вв. татарское население Западной Сибири составляли такие категории, как служилые, ясачные и захребетные татары. Небольшую группу представляло исламское духовенство. В основу деления сибирско-татарского населения легли социальные различия, выражавшиеся обычно в отношении к государственным повинностям. Но в целом делению сибирско-татарской общности на данные социальные группы был свойственен, прежде всего, этносословный характер, и он был унаследован от прежней, сложившейся еще в составе Сибирского ханства, стратификации на ясачное «черное» население и феодальную верхушку – собственно «татар», которые в новой исторической ситуации преобразовались в этносословные группы ясачных и служилых татар [Исхаков, 2002а, с.7–16; Исхаков, 2004в, с.25–28; Тычинских, 2010, с.33–34]. Подобное деление было характерно и для других татарских государств. Так, С.В. Рождественский отмечал резкое деление население Казанского края после его колонизации Русским государством во второй половине XVI в. на «черных» людей и служилое сословие: «Из туземного населения Казанской области в состав служилого класса Московского государства вошли представители господствующей народности – татары; финские же племена, чуваши,

мордва и другие, входящие в состав Казанского царства, после его покорения сделались тяглым, ясачным классом» [цит. по: Степанов, 1964, с.64].

Служилые татары

После завоевания Сибирского ханства Московским государством в конце XVI в. значительная часть оставшейся в живых татарской феодальной верхушки, также как и в других татарских ханствах, переходит на службу новому правительству в качестве служилого сословия – *«йомышлы»*.

До присоединения Сибири они составляли военно-служилую элиту Сибирского ханства. Среди них С.В. Бахрушин называет князя Енбулата, служившего в Тобольске в 90-е годы XVI в., его сына князя Кутука и внука Аллагур-мурзу, мурзу Кайдаула Байсеитова, его сыновей Мамета, Читея и Аиткула Кайдауловых, тарского князца Тынмамета Берделей-мурзина, его сына Кучука Тынмаметова и внука Талайку Кучукова [Бахрушин, 1955б, с.164–165]. Среди татарских мурз в начале XVII в. известен тюменский служилый татарин «князь Аткачарко Ахманаев» [Русская историческая библиотека, 1875, с.349], тюменские «юртовские служивые татарове лучшие люди» Девей Иртышов, Буйдак Емачтаев, Тугока Келементеев, Моюмас Азехматов, Казад Енгильдеев, Устемир Канчюрин [Миллер, 1941, с.159] и др.

С.В. Бахрушин отмечал, что звание служилого татарина было наследственным. В 1622 г. по ходатайству тобольских служилых татар царским указом было предписано «на... татарские выбылые места… верстать в нашу службу детей их и братью и племянников новишным окладом» [Бахрушин, 1955б, с.165]. В 1629 г. тарские служилые татары добились даже того, что их сыновья и другие родственники были поверстаны сверх оклада. Но, в связи с тем, что было установлено твердое число штатных окладов, молодежь версталась по мере освобождения мест.

В течение всего XVII в. состав татарского служилого сословия пополнялся, иногда благодаря наплыву знатных иноземцев и со стороны. В тюменской окладной книге 1626–1627 гг. среди служилых татар упоминаются один табынец, один сарт и два бухарца. В Таре в 60-е годы XVIII в. служил «выезжий юртовский служилый татарин Чолбар Кочашов, сын зайсана», т.е. калмыцкого дворянина, а после него его сын Иткучук Чолбаров сын Зайсанов [Бахрушин, 1955б, с.165]. С середины XVII в. среди тюменских, а затем тобольских служилых татар появляется касимовский мурза Семеней Аганин. Число служилых татар, кроме того, пополняли и представители духовной знати, в том числе высшей, как, например, тарский юртовский татарин сеид Тенелей Берелеев. Как считает Д.М. Исхаков, Тенелей Берелеев есть не кто иной, как сын ходжи Миралия сеид Дин-Али ходжа [Исхаков, 1997, с.58]. Иногда в служилые зачислялись и выходцы из Средней Азии, так называемые «бухарцы», которых привлекала «свобода от податей и самая служба, почетная и небезвыгодная» [Венюков, 1874, с.5].

В конце XVI в. из служилых татар были сформированы команды, сосредоточенные в Тобольске, Тюмени и Таре. Позже подобные подразделения появились в Томске, Кузнецке и Красноярске. Сумев привлечь на свою сторону татарскую аристократию, Москва получила в их лице профессионально подготовленный военный контингент, не требующий значительных затрат на обучение и вооружение, игравший важную роль в процессе дальнейшей колонизации Сибири. В XVII в. служилые татары успешно выполняли возложенные на них функции, прежде всего связанные с несением конной службы. Татарская военная знать, как отмечал С.В. Бахрушин, «безболезненно перешла на царскую службу, переменив без резкого перерыва одного господина на другого» [Бахрушин, 1955б, с.165]. В конце XVI – начале XVII вв. служилые татары по-прежнему считаются «лучшими людьми», за ними сохраняются их «вотчинные угодьи», им даются различные привилегии.

По данным С.В. Бахрушина, число служилых татар в XVII в. составляло в Тобольске около 250 человек, в Тюмени – 75, на Таре – 36 человек [Бахрушин, 1955б, с.163].

Подобная же ситуация наблюдалась и в других покоренных Москвой позднезолотоордынских государствах – Казанском, Астраханском ханствах. Татарским феодалам после завоевания Казанского ханства, когда мощь знати была сломлена, также пришлось всецело ориентироваться на политику московского правительства. Те феодалы, которые проявили лояльность по отношению к русскому правительству, были оставлены на своих местах. За это они должны были служить новой власти. Их стали называть князьями, мурзами и служилыми татарами [Алишев, 1984, с.53]. За службу они получали земли, денежное и хлебное жалованье, а также некоторые привилегии в торгово-ремесленных занятиях.

Захребетные татары

Особую категорию среди сибирского населения конца XVI – XVII вв. составляли «захребетники» или «захребетные татары». В сибиреведческой литературе не сложилось единого мнения об этимологии термина «захребетник», в связи с чем даже в современных публикациях встречаются ошибки, связанные с трактовкой данного названия [Союз, 2010, с.201].

Данная категория, наряду со служилыми татарами, была выделена из состава татарского населения Сибири после вхождения в Московское государство. В Русском государстве в XV–XVII вв. под захребетниками понимали феодально-зависимых людей, не имевших своего хозяйства, живших и работавших во дворах крестьян или посадских людей [Толковый словарь русского языка, 1935]. Видимо, по аналогии с русскими феодально-зависимыми людьми, захребетниками стали называть зависимое от прежней феодальной знати Сибирского ханства население. Как считают исследователи, захребетные татары составляли единую этническую общность со служилыми татарами того уезда, к которому они относились [Долгих, 1960, с.62].

Как и их сюзерены – служилые татары, захребетники не платили ясак, так как служилые татары добились освобождения от ясака для себя и для захребетников еще при правлении Б. Годунова. За это они должны были выполнять некоторые повинности, возложенные на служилых татар. «Коли де им (служилым татарам) лучится быть на службе, и они де дворы их берегли» [Бахрушин, 1955б, с.170–171]. По всей видимости, они работали на пашне служилых татар, поскольку те были отвлечены службой от своего хозяйства. Служилые татары переложили на захребетников и подводную повинность, которая до тех пор лежала на них самих. Кроме того, среди тюменских татар существовала еще категория так называемых «гонебных татар», для которых ясак был заменен выполнением ямской гоньбы.

В положение «захребетников» служилых татар попадали и обедневшие сородичи, которые по тем или иным причинам не вошли в разряд служилых. «Служили, государь, – заявляют Тюменского города юртовских служилых татар дети и братья и племянники, – царю Михаилу на Тюмени отцы наши и дядья тебе, государю, всякие службы…, а мы, сироты твои, после отцов своих остались малы, и скитаясь меж юрт… кормимся и по ся места черною работою». Кроме того, в состав захребетников, как считает С.В. Бахрушин, вошла значительная масса чужеродцев, поселившихся в деревнях служилых татар [Бахрушин, 1955б, с.170]. Ф.Т. Валеев приводит сведения о том, что в XVII в. среди захребетников сибирских служилых татар встречались поволжские татары, которые работали на пашне у своих хозяев и исполняли подводную повинность [Валеев, 1978б, с.154].

Первоначально волости захребетных татар выделялись отдельно. Исследователи социальной организации сибирских татар пришли к выводу, что татарские волости бы-

ли связаны с традиционными локальными группировками аборигенов. Как считает Б.О. Долгих, «тюркоязычное татарское население Тобольского уезда можно разделить на две большие части: на юртовских служилых татар с примыкающими к ним волостями их бывших захребетников, которые занимали южную часть уезда, и остальных татар, вероятно, отатарившихся вогулов и остяков, живших в северной части уезда по соседству с вогулами и остяками» [Долгих, 1960, с.58–59]. Хотя это не обязательно могли быть ханты и манси, а просто ранее тюрко-угорское население *(«сыпыр», «иштяк»)*, в целом вывод данного исследователя можно принять.

К волостям «захребетников» тобольских служилых татар Б.О. Долгих относит большую часть населения Тобольского уезда. Таковыми являлись волости Ашла (Лаймы), обе Бабасанские, Кречатников, Индерь, Уват и Супра. Как считает исследователь, население этих захребетных волостей представляло собой единую этническую общность со служилыми татарами уезда [Долгих, 1960, с.58].

В начале XVII в. указанные «захребетные» волости были положены в ясак. Уделы, в которых сидели мурзы, после присоединения к России образовали некоторые из волостей Тобольского и соседних уездов. Во главе этих захребетных волостей стояли вассалы хана Кучума. Владения Бабасан-мурзы образовали Бабасанскую волость. По-видимому, такого же происхождения были и другие волости Тобольского уезда, во главе которых еще в XVII в. стоят мурзы и баи, например, волость Супра, в которой упоминается в 1629 г. мурза Гултаев Табер, в Тарском уезде волости Оялы, Тураш, Тереня, Кирпицкая, Барабинская, – все они являлись бывшими составными частями Сибирского ханства.

В конце XVI – XVII вв. служилые татары и их захребетники проживали в Тобольском, Тюменском, Тарском и Томском уездах. Н.А. Томилов приводит сведения о численности служилых и захребетных татар в XVII в. по уездам. По Тобольскому уезду в конце XVI – начале XVII в. он называет следующие цифры: служилых татар здесь было 261 человек, захребетных – 200. На середину XVII в. (1650–1652 гг.) численность служилых составляла 250 человек, захребетных – 200 человек, к концу века (1697–1700 гг.) служилых татар было 263 человека, захребетных – 200 [Томилов, 1981, с.82–83].

Искеро-тобольские татары, центральная подгруппа тобольских татар, сложились в основном из коренных тюрков – потомков древнего тюркоязычного населения этой территории, пришлых ногайцев и среднеазиатских тюрков [Томилов, 1981, с.82–83]. Большинство населения здесь составляли юртовские служилые татары, их родственники и захребетники, которые не платили ясак. Определенная часть их была занята военной службой, а часть – ямской гоньбой по дорогам, ведущим из Тобольска [Томилов, 1981, с.68]. В начале XVII в. число служилых татар Тобольского уезда вместе с семьями составляло1330 человек. Захребетных тобольских татар было около 200 человек, а вместе с семьями – 1020 человек. Б.О. Долгих, вслед за С.В. Бахрушиным, считал, что тобольские служилые татары – это «прямые потомки господствовавшего татарского ядра Сибирского ханства», которые вместе со своими захребетниками представляли определенное этнографическое единство [Долгих, 1960, с.61].

Общая численность служилых и захребетных татар в этом уезде в начале XVII в. составляла 460 человек, а вместе с семьями их было 2350 человек. Соотношение служилых (вместе с захребетными) к ясачным татарам в начале XVII в. по Тобольскому уезду было примерно 1:2, а служилого населения (вместе с захребетными) к ясачному 2:3. Численность служилых татар и захребетных татар к концу XVII в. почти не изменилась.

Б.О. Долгих показал расселение тобольских юртовских служилых татар и их захребетников в районе впадения Тобола в Иртыш и вверх по Иртышу до границ Тарского уезда [Долгих, 1960, с.61].

По мнению исследователей, среди тоболо-иртышских татар тюменские татары были одними из наиболее ранних тюркских насельников этих мест. С их именем связано наиболее раннее государственное образование сибирских татар – Тюменское ханство. Относительно обособленными они оставались и в составе Сибирского ханства [Томилов, 1981, с.17]. В первой четверти XVII в. (1627 г.) численность тюменских служилых татар составляла 117 человек, захребетных – 106. Кроме того, некоторое время у тюменских татар существовала категория гонебных татар. Таковых было 61 человек. В середине столетия (1644 г.) служилых татар насчитывалось 108 человек, захребетных – 105, в конце века (1699 г.) – служилых было 119, захребетных – 105 человек [Томилов, 1981, с.44].

Н.А. Томилов полагает, что тарские служилые татары и их захребетники имели свои собственные селения, которые располагались по Иртышу вверх и вниз от г. Тары: «При нанесении на карту юрт аялынских татар сразу же бросалось в глаза, что между ними и саргатско-утузскими татарами в Прииртышье существовал небольшой территориальный разрыв, то есть как бы имелось пустое, не занятое татарами место. Эта территория располагалась по Иртышу вверх и вниз от г. Тары. Но именно здесь-то как раз и жили служилые татары и их захребетники» [Томилов, 1981, с.139]. В XVIII в., когда многие из них оказались в составе ясачных татар, здесь возникает отдельная Подгородная волость. Б.О. Долгих считал, что тарские служилые татары происходили из волости Аялы [Долгих, 1960, с.49], однако с этим мнением не согласен Н.А. Томилов. Он указывает на то, что «тарские служилые татары со своими захребетниками жили в отдельных от аялынцев селениях ясашных», при этом он опирается на данные переписной книги г. Тары и Тарского уезда 1698 г. К населенным пунктам служилых и захребетных татар он относит юрты Кыргапские, Туралинские, Аиткуловы, Атацкие, Шиховы, д.Иткучакова, Атацкая, Бабина, Сеитова, Батуганова [Томилов, 1981, с.140].

По подсчетам Н.А. Томилова, в конце XVI в. тарских служилых татар насчитывалось 57, захребетных татар – 60, на середину XVII в. (1645–1646 гг.) – служилых было 45, захребетников – 45, а на конец XVII в. (1698 г.) – 57 служилых и 61 захребетный татарин [Томилов, 1981, с.147].

В первой половине XVIII в. (1736 г.) все захребетные татары были переведены в разряд ясачных татар. В последующий период данная группа практически не встречается, а в ряде документов появляются такие категории, как «староясачные» и «новоясачные татары».

Ясачные татары

В конце XVI – XVII вв. основную часть тюркоязычного населения Тоболо-Иртышья составляли ясачники – прежнее «черное» население *(«кара халык»)* Сибирского ханства. Д.М. Исхаков предлагает видеть в них более раннее население как тюркского, так и тюркизированного угорского происхождения [Исхаков, 2002а, с.9–10].

Согласно архивным материалам 1593–1595 гг., в Сибирском ханстве существовали волости: Коурдак, Солгач, Отуз, Тав, Урус, Токуз, Супра, Аялы, Чонгул, Лугуй, Люба (Любар), Келета, Тураш, Кирпики, Бараба Большая, Чойская, Курома, Чатская, Колмаки, Табаринская (смешанная с уграми), Малогородская [Миллер, 1999, с.352, 358; Миллер, 2000, с.176–178; Акты, 1841, с.2–4].

В самом начале XVII в. к ним еще можно добавить следующие волости, скорее всего существовавшие и в конце XVI в.: Кинарская, Терентульская, Бачкурская, Терсятская, Ядринская, Иленская, Кунокозинская, Япончинская [Миллер, 2000, с.184, 194, 198, 209, 221, 274].

Прежние волости и улусы бывшего Сибирского ханства вошли в состав новых административно-территориальных единиц – уездов в качестве ясачных волостей.

Ясачное население, как и в предшествующий период, облагалось податями – ясаком. В Сибири ясак взимался в XVII в. в основном пушниной, иногда хлебом, рыбой, изделиями из железа и т.д. Ясачное население приводилось к шерти, т.е. давало присягу в том, что не будут уклоняться от уплаты ясака. В качестве методов принуждения населения к уплате ясака использовалась система аманатства (заложничества). Общине обычно приходилось платить ясак также за умерших, беглых, увечных.

Ясак назначался отдельно для каждой волости. Размеры ясака определялись обычно количеством соболиных шкурок – от 1–2 до 10 шкурок соболей в год. По мере истребления соболя ясак могли брать и другим зверем. Ясаком в XVII в. облагались мужчины от 18 до 50 лет, он имел два вида – окладной и неокладной. Окладной ясак взимался с каждого ясачного человека, имя которого заносилось в ясачную книгу. Неокладной ясак был ненормированными, он взимался с кочевников. Постепенно плательщики неокладного ясака также перешли в категорию плательщиков окладного ясака. Для учета ясачного населения правительство проводило переписи. Самыми древними документами по землепользованию сибирских татар являлись «ясачные книги» начала XVII в. Земли и угодья ясачных татар считались государственными, но предоставляемыми в пользование «инородцам» за уплату ясака.

По подсчетам Б.О. Долгих, в начале XVII в. среди коренного населения Тобольского уезда было 872 плательщика ясака (мужчин). Общее же число ясачного татарского населения им определяется в 3500 человек. В конце XVII в. число плательщиков ясака ясачных татар составляло 1243 человека, а всего ясачного населения было 4970 человек [Долгих, 1960, с.59].

Тарский уезд выделялся из других западносибирских уездов наибольшим числом ясачного татарского населения. Как подчеркивают исследователи, отличительной чертой тарских татар является большее сохранение в их хозяйственной деятельности животноводства, поэтому есть основания полагать, что в период Сибирского ханства и позже эта группа еще вела полуоседлый образ жизни. Кроме того, родоплеменная номенклатура тарской группы *(коурдак, тав, карагай, аялы* и др.) показывает ее связь с кочевниками Дешт-и Кыпчака (особенно этническая близость наблюдается с северо-восточными группами башкир – племенем ай и др.). Если среди ясачного татарского населения были группы иного (угорского, самодийского) происхождения, то к концу XVI – началу XVII вв. они были, по всей видимости, уже полностью тюркизированы. Б.О. Долгих называет следующие цифры: на начало XVII в. плательщиков ясака Тарского уезда было 1262 человека, всего же ясачного населения было 5050 человек. К середине XVII в. численность плательщиков ясака составляла 762 человека, а вместе с семьями их было 3050 человек. К концу столетия насчитывалось 985 плательщиков ясака. Общая численность ясачного населения волостей Саргач, Коурдак, Аялы, Бараба и «Калмаки» составляла 3940 человек. Следует заметить, что существенное сокращение численности ясачного населения Тарского уезда в середине XVII в., по сравнению с началом столетия, объясняется постоянным оттоком тарских татар к Кучумовичам, результатами восстания тарских татар в 1628–1629 гг., постоянными военными стычками с калмыками, а также уходом части населения от обложения ясаком [Долгих, 1960, с.49; Томилов, 1981, с.148–149].

По приводимым Б.О. Долгих данным, в 8 волостях Тюменского уезда (Кынырский городок, Бачкырская, Терсяцкая, Иленский городок, Шикчинская, Каскаринская, Пышминская и Исетская) в начале XVII в. проживало 293 ясачных татарина, всего же ясачного населения в этот период тут было 1170 человек. Относительно численности населения Тюменского уезда в середине и конце XVII в. Б.О. Долгих приводит следующие данные: число плательщиков ясака по 9 волостям, включая, кроме вышеназванных, еще

и Искинскую, составляло 389 человек, всего же ясачного населения вместе с семьями было 1550 человек [Долгих, 1960, с.43].

В результате русской колонизации феодальная верхушка Сибирского ханства быстро утратила свою экономическую основу и превратилась в послушное орудие Московского государства. С другой стороны, благодаря службе сибирские феодалы (в отличие от феодалов других завоеванных татарских ханств) избежали прямого экономического и конфессионального давления.

После потери государственной самостоятельности феодальное сословие перестало быть объединяющей политической силой. Ясачное же население стало подчиняться непосредственно Русскому государству. Структура сибирско-татарской этнической общности вместо вертикальной, основанной на этносословных стратах, стала горизонтальной, базирующейся на территориальных этнокультурных подразделениях. Разрушение вертикальной социальной структуры сибирско-татарского этноса положило начало процессу стирания граней между этими сословиями.

Служилые татары сыграли интегрирующую роль при формировании сибирско-татарской этнической общности, именно вокруг центров расселения данной страты формируются впоследствии центры территориальных групп с самоназваниями *«тоболык», «төмәннек», «тарлык».* Наблюдается довольно высокая степень взаимосвязанности различных групп сибирских татар друг с другом, создавшая возможность для развития консолидации этих групп. Однако, значительная территориальная разобщенность сибирских татар не дала возможности для завершения данного процесса. Осложнялся процесс этнической консолидации и активной интеграцией в сибирско-татарскую общность на различных этапах значительного потока бухарского и поволжско-татарского компонентов.

Постепенная утрата служилыми татарами привилегированного положения, которым они первоначально обладали, привела к тому, что реальные социальные различия между служилыми и ясачными татарами с течением времени оказались несущественными. Данное обстоятельство способствовало дальнейшей внутриэтнической консолидации сибирско-татарской общности.

Несмотря на сохранение вплоть до конца XIX в. у высшей татарской служилой знати некоторых черт традиционной культуры, присущих общетатарской золотоордынской верхушке, основная часть служилых татар в этнокультурном плане нивелировалась с ясачными татарами, не различаясь особо ни в хозяйственном укладе, ни в образе жизни. Для ясачных и служилых татар была характерна общность хозяйственного уклада, доминирующие направления которой определялись не сословной принадлежностью, а прежде всего, естественно-географическими условиями бытования.

Служилые и ясачные татары не были изолированы внутри сословий, происходили интенсивные этнические или «интеграционные» процессы между служилыми, ясачными татарами и бухарцами. Довольно высокой была степень взаимосвязей между сословиями. При этом, если внешние границы сословий были фиксированы, то внутренние – размыты. В связи с тем, что слой служилых татар был относительно немногочисленным, в этническом развитии общности сибирских татар важную роль сыграло ясачное «черное» население – *«кара халык»* Сибирского юрта. В дальнейшем рост численности ясачного населения значительно превышал демографический рост служилого сословия, число которого сдерживалось внешними факторами – существованием фиксированной численности татарских казачьих команд.

В целом, несмотря на ряд особенностей, можно полагать, что схема развития сибирско-татарской этнической общности в общих чертах была схожа с аналогичными процессами, происходившими у этнических общностей других позднезолотоордынских тюркских государств и этнических общностей татар. Причем так обстояло дело не

только в «ханский» период, но и в период российской колонизации. Московское государство явилось своеобразным катализатором этнических процессов среди всех групп татар. Как и в Поволжье, оно, в определенном смысле, и в Западной Сибири стало для сибирско-татарской общности «формообразующим» началом.

§ 5. Языковые особенности

Дария Рамазанова

Язык сибирских татар издавна привлекал внимание ученых. Первым источником, где отражен большой фактический, лексический материал по сибирским татарам является словарь И.Гиганова [Гиганов, 1801]. Известны также различные словари и разговорники, изданные в г. Тобольске в XIX в. Например, «Букварь арабского и татарского письма» Н.Б. Атнометова [СПб., 1802], статья «Сибирские татары» И.Юшкова, опубликованная в Тобольских Губернских ведомостях (1861 г., № 35–45), «Русско-татарская азбука» (на русском языке и на наречии татар Тобольской губернии (Тобольск, 1906 г.)).

Лексические и другие материалы по языку сибирских татар зафиксированы также в трудах таких историков, ориенталистов и других исследователей, как Г.Ф. Миллер, Ф.Страленберг, П.С. Паллас (1787; 1789) и др. Богатое наследие по языку и фольклору оставил В.В. Радлов [Radloff, 1882; Радлов, 1872].

В дальнейшем, в ходе развития татарской диалектологической науки проводилось изучение и диалектов западносибирских татар, что осуществляется силами ученых Казанского университета, Тобольского пединститута и Института языка, литературы и истории (ныне Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ). Необходимо отметить, что в это дело большой вклад внесли В.А. Богородицкий, С.Амиров, Л.З. Заляй, Д.Г. Тумашева, Г.Х. Ахатов, Г.Ф. Саттаров, С.М. Исхакова, Л.В. Дмитриева, А.П. Дульзон, М.А. Абдрахманов, в последние десятилетия – Ф.Ю. Юсупов (1985), Г.М. Сунгатов (1991), Х.Ч. Алишина (1994), А.Х. Насибуллина (2001), А.Р. Рахимова (2001), Р.С. Барсукова (2004) и др.

Среди них особо следует остановиться на работе Х.Ч. Алишиной, в которой подробно и на основе богатого конкретного материала характеризуются фонетическая, грамматическая системы, описываются лексико-тематические группы тоболо-иртышского диалекта, в составе которого автор выделяет тюменский, ярковский, тобольский, вагайский говоры; т.е. исследование Х.Ч. Алишиной ограничивается тоболо-иртышским диалектом в пределах Тюменской области. Во введении автор рассматривает историю изучения тоболо-иртышского диалекта. Считает, что сибирские татары – самостоятельный этнос и поэтому исследование тоболо-иртышского диалекта проводится ею «без сравнения с татарским литературным языком» [Алишина, 1994, с.11–12].

Следует отметить то, что под названием сибирско-татарский язык лингвистами анализируется преимущественно тоболо-иртышский диалект (Г.М. Сунгатов, Х.Ч. Алишина, А.Х. Насибуллина, А.Р. Рахимова, Г.Х. Ахатов и др.), некоторыми учеными исследуются отдельные говоры тоболо-иртышского диалекта и барабинский диалект (например, С. Амиров «Особенности говоров татар, проживающих в Западной Сибири (по барабинским, тарским, тевризским и тобольским татарам))». Наиболее верная научная методика исследования сибирско-татарских диалектов была выбрана Д.Г. Тумашевой (1961; 1968; 1977; 2010).

Начиная с последнего десятилетия XX в. изучением языка западносибирских татар занимались Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хайрутдинова, З.Р. Садыкова и Р.С. Барсукова, которые, наряду с активными изысканиями в ходе экспедиций, провели и лингвогеографические исследования на основе обширной «Программы» (1959) и сос-

тавили III том «Атласа татарских народных говоров» (руководители М.З. Закиев и Д.Б. Рамазанова). Электронную версию «Атласа татарских народных говоров в 3-х томах» см.: http://atlas.antat.ru).

На основе материалов, собранных в ходе многочисленных полевых экспедиций в течение 20 лет, ими опубликованы около десятка монографий и многочисленные статьи. В работе «Татар теленең көнчыгыш диалектлары» (2007) Д.Б. Рамазановой, полностью исследовавшей все сибирско-татарские диалекты, подробно описываются системы особенностей всех трех восточных диалектов по всем языковым уровням. Богатый фактический материал, собранный в ходе визуальных наблюдений позволяет автору подчеркнуть некоторые особенно важные моменты: 1) фонетическая система сибирско-татарских диалектов характеризуется многовариантностью как отдельных фонем, так и фонетико-позиционных особенностей; 2) всем сибирско-татарским диалектам присущи смешанный характер системы грамматических категорий, многовариантность их, лексическое разнообразие; 3) выводы Д.Г. Тумашевой относительно места современных сибирско-татарских диалектов в диалектной системе татарского языка соответствуют действительности, нашли подтверждение в материалах и выводах исследователей последних десятилетий методом лингвистической географии [Атлас].

В другой работе Д.Б. Рамазанова пишет, что изучение восточных (сибирских) диалектов с различных точек зрения (экспериментальное исследование, характеристика лексико-семантической системы, описание тоболо-иртышского диалекта и отдельно заболотного говора и др.) показало, что сибирские диалекты необходимо рассмотреть в диалектной системе татарского языка. Кроме того, нами в ходе изучения восточных диалектов в 1993–2005 гг. монографическим и лингвогеографическим методами отмечено усиление нивелировки сибирских диалектов не только под влиянием татарского литературного языка, но и в ходе внутри и междиалектного смешения [Тумашева, 2010, с.284].

Одним из актуальных и важных вопросов в изучении языка западносибирских татар является определение статуса этого языка и его диалектной системы. В языковедческой науке слово диалект употребляется в двух значениях:

1. Диалект того или иного языка, т.е. «Диалект – это местная разновидность языка в его отношении к общенародному языку и говорам, т.е. по своему объему выражает понятие, среднее между языком и говором» [Бурганова, Махмутова, 1962, с.9]. Известно, что соотношение литературного языка и диалектов имеет различный характер [Тумашева, 1977, с.267; Поливанов, 1933, с.4]. Литература вопроса обширна и мы ограничимся отсылкой читателя к указанным и имеющимся в них другим трудам. Но следует подчеркнуть, что диалекты некоторых языков сильно отличаются друг от друга, носители их даже не понимают друг друга и языком общения для них служит литературный язык (например, диалекты арабского, китайского, немецкого и др. языков). Для носителей же диалектов татарского языка существенные преграды для взаимопонимания отсутствуют, и они хорошо понимают друг друга.

2. Слово диалект употребляется для обозначения языка малочисленного народа, в докапиталистическом времени – народности. Известно, что диалект в определенных этнополитических ситуациях (например, при приобретении носителями политической самостоятельности и становлении их диалекта доминирующим либо единственным единым общим языком всей нации и охватывающим все сферы общения нормированного литературного языка) может превратиться в самостоятельный, государственный язык [Блумфилд, 1968, с.697].

Что касается диалектной системы языка сибирских татар, то нужно отметить, что под языком западносибирских татар большинством исследователей подразумевается тоболо-иртышский диалект: Г.Х. Ахатов, (1963), С.М. Исхакова, (1970), Х.Ч. Алишина [1994] и А.Х. Насибуллина [2001] свои известные, глубокие исследования посвятили

также лишь указанному диалекту, тем самым барабинский и томский диалекты оставались вне поля их зрения.

Классификация сибирско-татарских диалектов впервые в полном объеме, на научной основе и вполне аргументированно была проведена Д.Г. Тумашевой [1977]. Ее классификация была поддержана Д.Б. Рамазановой [2007], визуально исследовавшей все диалекты языка сибирских татар. Диалектная система сибирско-татарского языка была определена на основе территориально-лингвистического принципа.

Язык западносибирских татар многократно становился объектом исследования со стороны многих ученых. Вызывал большой интерес вопрос о месте сибирско-татарских диалектов и в системе тюркских языков. В классификациях, существующих в трудах ряда видных (В.В. Радлов, А.Н. Самойлович, С.Е. Малов, Н.А. Баскаков, К. Менгес и др.) тюркологов, в т.ч. Д.Г. Тумашевой, западносибирские диалекты относятся, в основном, к кыпчакской группе.

Тем самым, западносибирские диалекты большинством ученых отнесены к кыпчакским языкам, рассмотрены в одном ряду с поволжско-татарским. Причину этого Д.Г. Тумашева видит в том, что эти диалекты в своем современном состоянии действительно входят в диасистему татарского языка. Особое, несколько отличительное положение, отмечается у барабинского диалекта (В.В. Радлов, К. Томсен, Л.В. Дмитриева и др.). Третий из сибирско-татарских диалектов – томский оказался вообще не представленным в указанных классификациях.

Д.Г. Тумашева, заключает, что «Сибирские татарские диалекты» относятся к кыпчакской группе тюркских языков, в которой тоболо-иртышский диалект занимает промежуточное положение между татаро-башкирской и кыпчакско-ногайской подгруппами, барабинский диалект носит следы смешения признаков той и другой группы с восточно-тюркскими элементами, проявляя сходство с алтайским, киргизским, хакасским, тюркским, чулымско-тюркским и тувинским языками, томский диалект соединяет в себе черты северо-восточной группы тюркских языков с поволжско-татарской с тенденцией развития в сторону последней [Тумашева, 1977, с.266].

Нельзя не согласиться с мнением Д.Г. Тумашевой о том, что «Татарская народность в Сибири, этническое формирование которой затянулось на длительное время, в силу ряда объективных причин, к числу которых относятся и слабость экономических связей между территориями, и сам географический тип расселения сибирских татар, их численность и т.д., не создала единого общенародного языка» [Тумашева, 1977, с.275].

В определении места сибирско-татарских диалектов, на наш взгляд, объективное, научное, наиболее обоснованное мнение принадлежит академику Д.Г. Тумашевой. Она в течение полувека визуально, экспедиционным путем изучала сибирско-татарские диалекты, накопила огромный фактический материал по всем (фонетике, грамматике, лексике) областям языка, приложила большие усилия по изучению их истории. Результаты своих исследований опубликовала в серии монографий и многочисленных научных статьях.

Огромной заслугой академика Д.Г. Тумашевой перед наукой является то, что ею тщательно и скрупулезно охарактеризованы на академическом уровне все 3 диалекта языка сибирских татар, до мельчайших подробностей описаны многочисленные фонетические и грамматические явления, характерные для всех трех диалектов и глубоко научно обоснованы общность и специфика изучаемых ею диалектов; раскрыты основы их общности на базе исторического и языкового материала.Три диалекта современного сибирско-татарского языка, возникшие на различных этнических основах, попавших в состав единой государственной власти, в ходе единообразных политико-экономических процессов, в составе единого административного образования, при участии различным образом одних и тех же этнических компонентов, прошли почти одинаковый путь раз-

вития, перенесли процесс нивелировки и к XX–XXI вв. стали частью единого татарского языка, хотя и сумели сохранить в себе и свои специфические черты.

Д.Г. Тумашева сумела определить суть сибирско-татарских диалектов благодаря тому, что она глубоко изучила историю этнического формирования сибирских татар. Диахронный подход оказался в ее руках плодотворным орудием определения роли и сути сибирских диалектов, которые в ходе длительного этногенеза и глоттогенеза оказались неотъемлемой частью татарского народа. Она вполне справедливо заключает: «Таким образом, если говорить о языке сибирских татар, что возможно лишь в **историческом аспекте** (выделено нами – Д.Р.). …сложившиеся на территории расселения сибирских татар диалекты – тоболо-иртышский, барабинский и томский – в современном состоянии следует рассматривать в диалектной системе татарского языка на правах его восточных, или сибирских диалектов» [Тумашева, 1977, с.276].

Итак, диасистема языка сибирских татар представляет следующую картину: тоболо-иртышский диалект с 5-ю говорами: тюменским, тобольским, заболотным, тевризским, тарским; барабинский диалект; томский диалект с двумя говорами: эуштинско-чатским, калмакским.

Тюменский говор распространен в Тюменской области в бассейне рек Туры, Исети, Тавды и части левобережья Тобола.

Тобольский говор распространен на территории Тобольского района (за исключением его северо-западной части) и смежных с ним районов.

Заболотный говор распространен к северо-западу от Тобольска на левобережье Иртыша до северной границы распространения татар (Тобольский район) и левобережья нижнего течения Тобола. Данный говор имеет ряд значительных отличий от других говоров тоболо-иртышского диалекта, возникших под влиянием местных угрофинских языков (подробно исследован Р.С. Барсуковой [2004]).

Тевризский говор распространен на территории Тевризского, Усть-Ишимского, и в смежных с ними районах Омской области, в восточной части Вагайского (бассейн р. Агитка) района Тюменской области [Материалы экспедиции], [Атлас: http://atlas.antat.ru].

Тарский говор распространен в бассейне притоков Тара, Оша, Уйа реки Иртыш на территории Тарского, Колосовского, Большереченского районов.

Барабинский диалект распространен в татарских населенных пунктах Чановского, Куйбышевского, Барабинского районов Новосибирской области. Диалект имеет значительное отличие во всех языковых уровнях от тоболо-иртышского, томского диалектов, наблюдается значительная общность с восточно-тюркскими языками.

Томский диалект делится на два говора. Эуштинско-чатский говор распространен в татарских населенных пунктах Томского района Томской области, носители его также имеют восточно-тюркские корни, однако их говор подвергнут сильному влиянию татар и мишарей, переселенцев 1930-х и 1950-х гг.

Калмакский говор распространен в населенных пунктах Зимник (Кышлау), Сарсаз Юргинского района Томской области, Юрты Константиновские (Тумаел) Яшкинского района Кемеровской области. Носители являются отатарившимися телеутами, говор их имеет 2 вида: 1) говор, восходящий к телеутскому языку; 2) говор, восходящий к языку татар-переселенцев XX в., смежно проживающих с ними.

Классификация диалектов, говоров и подговоров основывается в татарской диалектологии на территориально-лингвистическом принципе, совпадающем также и с этническим делением: калмаки – носители калмакского говора, куртаки – носители тевризского говора, чаты, эуштинцы – носители эуштинско-чатского говора и т.д. При установлении диалектных единиц необходимо придерживаться принципа, согласно которому диалектные черты говоров, подговоров являют собой своеобразную, присущую только тому или

иному говору (или подговору), систему особенностей, отраженных во всех трех уровнях языка: фонетике, грамматике, лексике [Аванесов, 1963, с.306; Бурганова, Махмутова, 1962, с.7–12; Тумашева, 1977, с.4–5; Рамазанова, 1998, с.53]. Диалект – наиболее крупная языковая единица, объединяющая по ряду общих признаков более мелкие языковые единицы, называемые говорами [Бурганова, Махмутова, 1962, с.9]. Лингвогеографическое исследование языка обогащает определение диалектных единиц дополнительными атрибутами: диалект – разновидность языка на определенной территории, внутри которой она отграничивается пучком изоглосс, причем интенсивность изоглосс определяет своеобразие и степень своеобразия говора [Рамазанова, 1998, с.53].

Критерии выделения сибирско-татарских диалектов соответствуют вышеназванным принципам. Это получило отражение и в системе дифференциальных особенностей, выделенных и описанных Д.Г. Тумашевой. Считаем уместным отразить дифференциальные признаки диалектов и в данной работе.

1. Степень отражения урало-поволжской шкалы гласных (в тоболо-иртышском – почти совпадение системы гласных с поволжско-татарским вокализмом). В барабинском – сохранение древнетюркского *ä* в первом слоге, смешанный характер урало-поволжского и древнетюркского вокализмов; в томском – смешанный, с преобладанием поволжско-татарского (эуштинско-чаткий говор) и древнетюркского (калмакский говор) вокализма.

2. Особенности проявления оглушения и озвончения согласных в начальной и интервокальной позициях в слове (в тоболо-иртышском – позиционно неограниченное оглушение согласных и озвончение *п, қ / к* в позиции между гласными; в барабинском – оглушение согласных и озвончение *п, қ / к* в позиции между гласными и озвончение, как и в алтайском языке согласных *с, ш* в интервокальной позиции. В томском оглушение в начальной позиции, озвончение *п, қ / к* и *с, ш, ц, т* (алтайский тип).

3. Замена сонорных: в тоболо-иртышском диалекте замена отсутствует (*алма, безнең*), тогда как в томском *алба* – алма, *бестен* – безнең, а в барабинском – отдельные примеры параллельно с литературными вариантами (*қызныкы / қыстыкы* – принадлежит девушке, *қалба // калма* – не отставай и др.).

4. Типы парадигмы спряжения настоящего времени: в тоболо-иртышском диалекте *мин алам, син аласын(ң), ул алаты*; в барабинском во всех трех лицах сохраняется *ты* (*алатым, алатың, алаты*). В томском *конта* минированный тип: *аладым, аласың, алады*.

5. Спряжение результативного прошедшего времени. В тоболо-иртышском преимущественно без показателей: *мин алған, син алған, ул алған*; в барабинском: *алганмын / алғам, алғаның;* в томском: *алғанмын / алғам, алғансың, алған*.

6. Аффикс принадлежности 2-го лица множественного числа в тоболо-иртышском диалекте: *қысығыс* – ваша дочь, *киленегес* – ваша сноха; в барабинском: *қысыңыс, килнеңес*; в томском: *қысыңнар, киленеңнәр*.

7. Особенности, не имеющие противопоставленных явлений.

В барабинском диалекте бытует – форма на *-галак*. Например: *алғалақмын* – я еще не взял. Выражение намерения с помощью формы на *-мақ*: *алмақмын* – я намереваюсь взять. Томский диалект выделяется сокращением окончания деепричастия на *-ып/-еп*: *а китте // алып китте* – унесла с собой, *әйт қойа // әйтеп қойа* – говорит, *цық китте // цығып китте* – вышла и др. [Тумашева, 1977, с.30–33].

Фонетические особенности. Язык сибирских татар характеризуется общностью по многим особенностям с татарским языком или с его диалектами.

В области фонетики необходимо отметить следующие особенности.

Как известно, для большинства говоров среднего диалекта характерен огубленный вариант звука *а,* что имеет место в заболотном, тевризском говорах тоболо-иртышского диалекта.

Язык сибирских татар проявляет большую общность по употреблению губных гласных. Как известно двусторонняя корреспонденция (*у, ү = о, ө*) происходила на всей территории распространения татарского диалектного языка. Однако этот процесс не завершен. Интересно то, что в говорах и диалектах татарского языка примеры, не испытавшие перехода данных гласных, охватывают различные слова. Как указали выше, в барабинском и томском (особенно в его калмакском говоре) древнетюркская шкала гласных проявляет довольно сильную устойчивость.

Сибирско-татарский язык проявляет общность по употреблению широкого дифтонга *-ай / -әй*, что характерно и для большинства говоров среднего диалекта татарского языка. Однако вариант *-ай / -әй* в сибирско-татарских говорах конкурирует с его древнетюркским вариантом *-аг / -әг* (*алмагынцы* – диал. *алмаенчы* и т.д.), что составляет специфику сибирско-татарских диалектов не только в татарской диасистеме, но также и в общетюркском масштабе.

Вокализм. Вокализм сибирско-татарских диалектов представляет собой сложную систему, возникшую в ходе неравномерной корреспонденции древнетюркской системы гласных в татарскую. Как известно, татарский язык имеет десятигласную систему вокализма и отличается от древнетюркского и других тюркских языков сдвинутостью целого ряда тюркских гласных.

Сдвиг в области губных гласных произошло в двух взаимосвязанных направлениях: сужение полуширокого о, ө полного образования до узких у, ү: о>у, ө>ү (қол>құл – рука, көл>күл – озеро) и расширение узких губных гласных и образование губных гласных неполного образования: у>о, ү>ө (құл > қол – раб, күл > көл – зола).

Изменения в области негубных гласных также происходят в двух направлениях: сужение древнетюркского широкого *ä* (соответствующего полуширокому *е* большинства современных тюркских языков) первого слога до узкого *и: ä > е > и* (*кäл > кел > кил* – приди) и расширение узкого *и* до полуузкого *е*: *и > е* (*бир > бер* – один).

Отличие татарского вокализма заключается также и в наличии широкой фонемы переднего ряда *ә*, которая активно выступает в тоболо-иртышском диалекте в следующих за первым слогах: *кичәү* – поздно, *килә* – приходит, *белә* – знает, *киртә* – ограда и др., а в барабинском и в первом слоге: *сәксән* – с*иксән* – восемьдесят, *әртә – иртә* – рано, утро, *әр – ир* – муж, *пәр – бир* – дай и т.д.

Данные особенности являют собой взаимозависимые закономерные изменения, которые в сибирско-татарских диалектах произошли несколько позднее, чем в татарском языке, и их интенсивность в диалектах была неравномерной. Вокализм татарских диалектов Сибири представляет собой различные звенья исторического процесса передвижения гласных от старотюркской восьмигласной системы к поволжско-татарской. По единодушному мнению ученых, причиной перебоя гласных в сибирско-татарских диалектах считают проникновение в Сибирь поволжских татар, которые в XVI в. уже имели передвинутую шкалу гласных, активное переселение их продолжалось до 60-х годов XX в., в связи с чем большое влияние оказывал литературный язык [Radloff, 1901, с.462; Тумашева, 1977, с.34].

Передвижение гласных от одной системы к другой и разная степень завершенности этого процесса обусловили наличие в сибирско-татарских диалектах различных типов гласных и множества переходных вариантов, которые можно свести к следующим основным: 8 гласных общетюркского типа *а, е, о, ө, у, ү, ы, и;,* 3 редуцированных гласных татарского типа *о, ө, ә.*

Система гласных сибирских диалектов имеет различную степень близости к вокализму татарского языка. Особенно большую степень близости проявляет тоболо-иртышский диалект, который имеет «самые незначительные отклонения от поволжско-татарского вокализма».

В барабинском диалекте исконный вокализм, хотя он сохраняет близость к старотюркскому, также испытал влияние татарской системы гласных и сдвинут в сторону татарского вокализма. Материалы показывают, что в данном диалекте произношение слов не регламентировано какими-либо нормами. Неустойчивость произношения была отмечена еще В.В. Радловым. Исследования Д.Г. Тумашевой свидетельствуют о том, что разрушение исконно барабинских норм стало более заметными [Тумашева, 1977, с.186].

Материалы последних лет свидетельствуют о том, что близость барабинского вокализма к татарскому еще более усилилась. Однако необходимо отметить ослабление в последние годы влияния татарского литературного языка, что связано с возникшими ограничениями его функционирования. Языком общения зачастую выступает русский язык. В такой ситуации при общении между собой барабинские татары пользуются традиционным барабинским диалектом.

Несколько своеобразно отразились взаимовлияния с татарским языком в томском диалекте, где решающую роль сыграли малочисленность носителей, отдаленность томско-татарских деревень друг от друга, закрытие татарских школ, ограниченность функционирования татарского языка. С другой стороны, Новосибирская, Томская и Кемеревская области с 30-х годов стали местом активного переселения поволжских татар. В результате у носителей томского диалекта сформировалось своеобразное двуязычие: томско-татарское и поволжско-татарское. Такая ситуация была отмечена еще в исследованиях М.А. Абдрахманова (1966), Д.Г. Тумашевой (1977).

Исследования последних лет показали, что в томском диалекте, особенно в эуштинско-чатском говоре под влиянием татарского языка превалирует произношение гласных *у, ү, о, ө* по нормам поволжско-татарской системы, а в калмакском преобладает традиционная старотюркская система гласных.

Передвижение целого ряда гласных привело к изменениям качественного и количественного соотношения между гласными звуками сравнительно с их исконным состоянием. Тем самым в рассматриваемых диалектах переход гласных привел к возникновению различного характера особенностей вариантов произношения, в различной мере сохранения старой огласовки и т.д. Необходимо подчеркнуть, что число отклонений в сторону исконного вокализма увеличивается по мере продвижения на восток.

Соответствия: *у ~ о: урчық / урцык – орчык* – веретено, *олау – улау* – выть, *йоға – йуқа* – тонкий, *отрау – утрау* – остров,

у ~ ө: йүкләү – йөкләү – поднимать, *мөк – мүк* – мох, *үмер – гомер* – жизнь, *пөгөн – бүген* – сегодня,

оу / ау ~ у: аусақ – усак – осина, *тоуған – туган* – родственник,

ө / өү ~ ү: төwәрәк – түгәрәк – круглый, *төплә – туфли, түх'ертхе – төкерек* – плевок, *көп – күп* – много, *төрт – дүрт* – четыре, *гөләк – күлмәк* – платье,

и ~ э ~ ә: тәйеш – тиеш – должен, *кәлеп – килеп* – придя, *бәк / бик* – очень, *мөйәш – мөеш* – угол, *иңер – эңгер* – сумерки,

и ~ у / ү: бийақ – бу як – эта сторона, *иткерү – йүткерү* – кашлять,

а ~ ы, ә ~ э (е): тура – туры – прямой, *күршәрбес – күрешербез* – увидимся, *булғын – булган* – было, *цәргәй – черки* – комар, *пәр – бер* – один.

Широкие лабиализованные гласные *о, ө*, характерные для первого слога, по закономерностям губной гармонии произносятся и во втором слоге (*борон – борын* – нос, *тормош – тормыш* – жизнь, *пөтөн / пөтөрә – бөтен* – весь) и т.д., т.е. данное явление гармонии сходно с аналогичной гармонией в татарском языке.

Лабиальная гармония носит на себе следы взаимодействия двух систем. Например, в калмакском говоре сохраняется лабиальная гармония алтайского типа: *өзүм – үзем* – я сам, *көстүгем – күзлегем* – мои очки, *қолундо – кулында* – в его руках; *тоқто – тукта* – стой, *төмөн – түбән* – низкий, *көрөзүң – күрәсең* – видишь и др.

Палатальная гармония во всех диалектах является последовательной: *пеләткән – белә торган* – знающий, *сүләйбесләр – сөйлибез* – разговариваем, *келдинер / келдиңәр – килдегез* – вы пришли и т.д. Однако зафиксированы случаи нарушения палатальной гармонии: *көлбуға* – удод, *айнәк* – очки, *бараді* – он идет, *шонді – шундый* – такой и др.

Некоторые слова, имеющие в татарском языке заднерядную огласовку, в сибирско-татарских диалектах выступают в палатальной огласовке: *тәре / тәрү* – дару – лекарство, *әрсән – арзан* – дешево, *йөн – йон* – шерсть и т.д.

Дифтонги. В сибирско-татарских диалектах имеются, главным образом, нисходящие дифтонги: *ай / әй, ыу / эү, ау / әү, ый / эй, ой / өй, уй / үй.* Например: *пау* – веревка, *қайра* – обратно, *нейгә* – зачем, *қой* – налей, *көй* – печалься. Процесс смещения старотюркских гласных звуков и наблюдаемые смешения в употреблении «старых» и «новых» гласных отразились и на дифтонгах, в результате чего наблюдается их многовариантность: *әү / эү / ү / өй* – дом, *тыу / ту* – родить, родиться. Некоторые гласные первого слога имеют тенденцию к дифтонгоидному произношению: *соуғыш – сугыш* – война, *оутын – утын* – дрова, *өүлте – үлде* – умер, *аусақ – усак* – осина, *өйсем – үзем* – я сам и др.; возникают и восходящие дифтонги *wa / wә,йа / йә: сuwақ – суык* – холод, *тuwан* – запруда, *күwә* – свидетель, *мөйәш – мийеш* – угол и др.

*Консонантизм.*В языке сибирских татар имеются следующие типы согласных звуков и их варианты: губно-губные *п-б, ф, w, м,* переднеязычные *т-д, с-з, ч-ж, ц-дз, ш-ж, н, л, р,* среднеязычный *й*, задноязычные *к-г, ң*, увулярные *қ-ғ, х*.

Основной закономерностью, определяющей характер системы согласных в языке сибирских татар является преобладание глухих шумных над звонкими. В тоболо-иртышском оглушение позиционно не ограничено, распространяется и на заимствования: *пар* – иди, *тите* – сказал, *шар* – жар, *парапыс* – идем, *қысым* – моя дочь, *итән* – пол, *таса* – здоровый, *пес* – мы, *сас* – болото, *токоwор* – договор, *прикатир* – бригадир.

В барабинском диалекте звонкие звуки имеют более активное употребление, в томском – оглушение выступает, главным образом, в начале слова. Здесь нельзя не отметить то, что в тепекеевском говоре среднего диалекта также наблюдается довольно системное оглушение согласных *д, б, г* в начале слога и слова. Следующей существенной закономерностью является озвончение глухих согласных в интервокальной позиции, либо между гласными и сонорными в слове или на границе слов.

В тоболо-иртышском диалекте озвончению подвергаются *п, қ, к,* эпизодически – *с, ш* в тобольском, заболотном и тарском говорах озвончение возможно и в соседстве с щелевыми: *әшгәрә* – очень, *төлге* – лиса, *паға* – лягушка, *сағал* – борода, *уғуган– укыган* – учился, *әбә – апа* – старшая сестра, *пер гөн – бер көн* – один день, *өй геше* – жена, *анта ғалты* – (он) остался там; *аралажып* – общаясь, *арышлар чадзып* – сея рожь.

В барабинском и томском диалектах озвончение *қ, к* не носит регулярного характера: *арқа / арға* – спина, *сақал / сағал* – борода и т.д.; на границе слов преобладает произношение начальных глухих: *палықны көтсәң күп инте* – если ловить рыбу, то ее много, *қар салаты* – кладет снег, *анта парырсығыз* – пойдете туда.

В барабинском, чаще в томском диалектах наблюдается озвончение *с, ш* в позиции между гласными: *йажыр* – яшер, *пыжырабыз– пешерәбез* – печём, *азра* – воспитывай, *йажыл– яшел* – зеленый, *кеже – кеше* – человек.

В томском диалекте звук *т* озвончается на границе морфологических элементов: *бараді* – диал. *бараты* – идет и др. В калмакском говоре томского диалекта глухие *т,*

с, ш в интервокальной позиции регулярно переходят в *д, з, ж*: *бөдөрөзө – бөтенесе* – все они, *одун – утын, адазы – атасы* – его отец, *бозого – бусага* – порог, *эжик* – ишек.

В томском диалекте зафиксировано редкое явление, а именно озвончение *ц: цадзақ – чәчәк* – цветок, *тойғандзы – тойғанцы* – досыта и т.д.

Подытоживая необходимо подчеркнуть, что тоболо-иртышскому диалекту характерно озвончение кыпчакского типа, а для барабинского и томского диалектов – алтайского типа.

Следующей характерной особенностью сибирско-татарских диалектов является спирантизация звуков *п-б, к-г, қ: шап^{ф}ала* – ложка, *әб^{w}ә – апа* – старшая сестра, *цеб^{w}ебала* – цыпленок, *түб^{w}ә* – крыша. Эта особенность в особенно сильной степени проявляется в заболотном говоре, где *п>ф и б>w*: *цафата – чабата* – лапти, *йефәрте – җибәрде* – послал, *тawан* – карась, *китеф* – уходя, *үсеф йетеп* – повзрослев и т.д. Звуки *к, г* приобретают щелевой полузвонкий оттенок: *пер г^{h}он* – один день, *икән > иг^{h}ән > ийән* – оказывается, т.е., подвергаясь спирантизация *г^{h}* переходит в сонорный *й*. Конечный глухой смычный *к* в заболотном и тевризском говорах в конце слога и слова переходит в *х*: *палых* – рыба, *йүрәх– йөрәк* – сердце, *цыхтых* – вышли, *пейех йер* – возвышенное место, *хәрәх – кирәк* – нужно и др. В тевризском говоре в такой позиции происходит переход спиранта *х* в *h*: *хәрәh < хәрәх < кәрәк* – нужно, *йомах / йомаh* – сказка, *пүләх / пиләh – бүләк* – подарок, *сүһмән – сүкмән* – чекмень, *элehтә – электә* – раньше, *сәбүх / сәбүh* – сапог.

Сибирско-татарским диалектам и говорам, за исключением тевризского и калмакского говоров, свойственно *ц*-оканье: *цицәк – чәчәк* – цветок, *пыцақ* – нож, *циц* – развяжи, *мейец – мич* – печь, *цәрәт – чират* – очередь и т.п. В томском диалекте вместо *ч* иногда употребляется *ш*: *қаш – кач* – убегай, *чүмеш – чүмеч* – ковшик и др.

Сибирско-татарские диалекты, как и западный диалект и нукратский, златоустовский, тепекеевский говоры среднего диалекта татарского языка, являются *й*-окающими.

В томском диалекте при присоединении к словам, оканчивающимся на шумный гласный, грамматических показателей происходит ассимиляция и начальные сонорные согласные переходят в шумные: *қыстар* – девушки, *майғандар* – утки, *болбос – булмас* – не будет, *килмәспе?* – не придет ли?, *пестең – безнең* – наш, *сыйырды – сыерны* – корову, *көчтү – көчле* – сильный и др. Аналогичное явление характерно и для астраханского говора среднего диалекта татарского языка.

Имя существительное. Сибирско-татарские диалекты несколько отличаются от татарского литературного и диалектного языков тем, что окончание множественного числа при присоединении к существительным, оканчивающимся на носовые *н, ң, м,* сохраняет начальное *-л*: *ирәнләр* (литер. ирәннәр) – мужчины, *кейемләр/ кимләр* (киемнәр) – одежда, *оурамлар* – улицы, *аранлар* – сени и др.

Специфическая особенность бытует в заболотном, тобольском и тарском говорах исследуемых диалектов: нарушается порядок присоединения аффиксов принадлежности, числа и падежа к терминам родства, к именам собственным: *-м* или *ң*+ форма *алар* + показатель падежа: *инә* + м + *алар* + *га* – моей матери, *онна* + *ң* + *алар* + *та* – у твоей бабушки и т.д. Данная сложная форма в ходе разговорной речи подвергается стяжению: *анамарға, әбәмартан* и т.д.

Следует отметить, что изменения последовательности присоединения грамматических показателей имеют место в западном диалекте [Махмутова, 1962, с.147], нагорной группе говоров среднего диалекта [Арсланов, 1965, с.8] татарского языка, отмечены в говорах башкирского языка.

Уменьшительно-ласкательное значение передается аффиксом *-цық /-цек* (в *ч*-окающих, т.е. тевризском, барабинском, *-чык / -чек*, т.е. литературный вариант): палацық – дитятько, китапчық – книжечка и др. В исследуемых диалектах встречается

и форма *-ащ / -әщ*: *үртәгәщ – кечкенә үрдәк* и т.д. Иногда эти аффиксы выступают вместе: *қысцығащ* – маленькая девочка. Лингвогеографическое исследование показало, что в исследуемых диалектах употребляется и форма на *-қай / -кәй*.

При склонении слов с аффиксом принадлежности 1-го и 2-го лиц в дательно-направительном падеже выступают аффиксы *-қа / -қә, -ға / -гә*вместо *-а / -ә* татарского языка и его диалектов: *әбәмкә – әбәмә* – моей старшей сестре, *паламқа – балама* – моему сыну. *Қәртнәңгә қунаққа барасыңма?* – Идешь ли в гости к бабушке?

У притяжательных существительных иногда выпадает аффикс винительного, местно-временного падежей: *Қийемем (киемемне) элтем* – повесила (мою) одежду. *Мичең (мичеңне) сыласаң* – если замажешь печь. *Тәәрсең (дәресеңне) әсерлә* – готовь уроки. *Цацхан йерләр (җирләрдә) ағач үсеф утыраты* – на посевных полях деревья растут. Существительные с аффиксом принадлежности в винительном падеже оформляются по южному (огузскому) типу склонения*: атоwымы (атуwымны)* – (вижу) мои ичиги.

В барабинском, более системно в томском диалектах начальный *л* аффикса множественного числа *-лар/-ләр* после глухих согласных подвергается ассимиляции: *йәләктөр – җиләкләр* – ягоды, *йәштәр* – молодые, *қоноқтор – қунаклар* (гости), после сонорных: *өлөндөр – үләннәр* – травы, *балдар – баллар* – мед и т.д.

Категория абстрактной принадлежности употребляется в исторически полном варианте: *-ныңқы / -неңке*: *Уйықлы-чийықлы қунычы атуныңқы* – У ичигов голенища расшиты. *Улымныңқы қатыны анта тора* – жена (моего) сына там живет. Эта форма, как и в пермском, нукратском говорах, употребляется параллельно с литературной формой, часто выступает в функции определения: *киленнеке браты қайтып* – приехал брат невестки.В калмакском говоре аффикс абстрактной принадлежности часто выступает в ассимилированном виде: *қалмақтардыңқы сөздәре* – слова у калмаков, *бездеңке ал'бумнар* – наши альбомы.

Состав *личных местоимений* имеет следующие особенности: *мин, син, ул / у / ол* – он (она /оно), *пес / без, сес / сез, алар / улар.* Кроме них *мән, сән* в тюменском, заболотном, тобольском говорах, томском диалекте – спорадически, в тарском доминирует. В тарском местоимения I и II лиц во множественном числе активно употребляются в форме*есләр, сесләр.* В заболотном: *пәс / пес / w^{в}ес – без, сес / сс*, в тарском: *сес / селәр / сесләр / сләр, пес / песләр* и др.Такая многовариантность связана со сложной фонетической системой сибирско-татарских диалектов.

Некоторые своеобразные явления наблюдаются и в склонении: в притяжательном падеже местоимение *мин* почти систематически выступает в форме *минең* – лит. *минем* (мой).

В дательно-направительном падеже варианты личных окончаний имеют следующий вид: *миңа / маңа / маға / маа; сиңа / саңа / саға / саа,* из них доминирующими являются *миңа, сиңа*. Употреблением вариантов *маға, маа, саға, саа* сибирско-татарские диалекты проявляют общность с касимовским, бастанским, кряшенскими и др. говорами татарского языка. Варианты типа *маға / маа* сближают сибирско-татарские диалекты с кумыкским, ногайским, киргизским, шорским языками, диалектами хакасского языка, варианты *маңа, саңа* зафиксированы в орхоно-енисейских письменных памятниках, бытуют в современном уйгурском, киргизском, туркменском языках [Аширалиев, 1966, с.48], варианты *маа, саа* встречаются также и в алтайском, тувинском, шорском [Севортян, 1956, с.49] языках.

Категория указательных местоимений состоит из местоимений, общих с татарским языком (*бу, теге, ул* и др.), из фонетических (*бо, бы, по, пу, пы; ул / у / а / wы / о* и др.; *ша, ошу, ушы, шал / шул* – этот), лексических (*пы бөрәү* – этот, *теге бөрәү* – тот); *мона у < монау* – (вот) этот, *ана wы* – вон тот, и других вариантов; *антайын, шан-*

тайын (в тюменском), *антах, шантах* (в заболотном) – такой и др.; в томском диалекте *би – бу, монди, анди, шонди* и др.

Варианты *ошо / ушы* характерны и для касимовского говора среднего диалекта татарского языка. Указательно-субстантивные местоимения: *анаwы, монаwы* – распространены в нагорной, приуральской группах говоров, лаишском говоре заказанской группы говоров среднего диалекта татарского языка, представляют общую особенность, в основном, для кыпчакских языков (башкирского, казахского, каракалпакского, ногайского, частично узбекского).

В сибирско-татарских диалектах местоимение *ул* и его производные могут употребляться для указания на предмет, качество, признак, известный говорящему: *алай* – лит. *шулай* – так, *аның үчүн – шуның өчен* – потому, *аңа күрә – шуңа күрә* – поэтому, *ул уқ – шул ук* – тот же. Аналогичное явление имеется и в нукратском говоре среднего диалекта, бытует в алтайском, хакасском и др. языках.

Вопросительные местоимения: *ни / ней* – что, какой, *нимә* – что, *кем*– кто, *қайсы* – который, какой, *ник, нигә* – почему, зачем, *қалай* – где, куда, *кацан* – когда, *қайа* – куда и др.; в томском: *нәрә / нә / нәстә* – что, *канча* – сколько; *нинтәү – нинди,әнтәү, нәчә / нинцә* – в барабинском диалекте.

Отрицательные местоимения образуются от вопросительных при помощи отрицания *иц (һич): ицмә // ицнимә* – ничто, *ицкем* – никто, *ицкацан* – никогда, *ицқалай* – никуда и др.

Определительные местоимения образуются сочетанием*әр (һәр)* + вопросительные местоимения: *әрғайсы* – каждый, всякий, *әргем* – каждый, *үз – үс* – сам и т.п. Кроме того: *нөтөрәсе // нөтрә / нөтөрә* – все, *нибары / нейбары* – все, *тулай / тулайы / тулайсы / тулайлары* – все и др.; в барабинском: *өүс / өс / ис / өйс / үз,* томском: *өйсө / өсө / үзе* – сам и др.

Неопределенные местоимения образуются в сочетании вопросительных местоимений, с частицей *әллә* и ее вариантов *әл / әли / әллә / ал / аллай / алай* и др.; *пер / перәй* + вопросительные местоимения (*әлнимә* – что-то, *перәй ғацан* – когда-нибудь, *әллә ғалай* – куда-то, *алхайсы* – кто-то и др.) или присоединением вопросительным местоимениям аффикса *-тыр / -дыр* (*ницектер* – как-то, *қаадыр* – где-то и др.).

Глагол. Изъявительное наклонение. В сибирско-татарских диалектах параллельно употребляются две формы настоящего времени, первый из которых образуется на основе деепричастия на *-а / -и* и личных аффиксов: *алам, аласың / н, ала* (я беру, ты берешь, он берет), т.е. как и в татарском литературном языке. Вторая форма имеет ту же деепричастную основу, однако осложненную дополнительным аффиксом *-ты / -те*: *алатым, алатың, алаты, алатық, аласыңыс, алатылар*.

В говорах наблюдаются варианты, самые значительные из которых выступают в 3 лице: *алады* (том.д.), *алат* (забол., калм. говоры), *алай* – берет, *китәй* – уходит (том.д.). Последняя употребляется параллельно с вышеуказанной второй формой.

В сибирско-татарских диалектах употребляется и другая форма настоящего времени, выражающая обычное, регулярно повторяющееся действие, безотносительное к моменту речи и образующаяся от причастия настоящего времени на *-а + торган*. Данная форма многовариантна: *-а + тығын / дығын* (тюменск.), *а + тығын / тыған / тқан / тын* (тоб.), *-атхан / -әтхән / тыған / теән* (заболотн.), *таған / тәгән / тыған / тегән / тығын / теген / дыған / дегән* (тарский гов.), *атқан / атхан / атхын / атқын* (тевризск.), *тығаным / тығам / тқан / дығым / тығаныбыз / тыгабыз / тыған* (брб.д.), *атаған / адаған / тқан / ткән* (калмакск.), *адаған / отоғон* (эуштинско-чатский гов.). В говорах наблюдаются случаи, присоединения личных аффиксов: *алатығаным, алатығанық* и др. Примеры: *Мин кәсер йөри алмайтыған* – Я теперь не могу ходить.

Сес Қасаннан пойызд мән киләтегәнме? – Вы ездите из Казани поездом? *Пес русча аңлайтын* – мы по-русски понимаем.

В сибирско-татарских диалектах имеется настоящее время данного момента, которое образуется сочетанием деепричастия на *п* основного глагола и вспомогательных глаголов *йатыр* или *утыр(ыр)*; *Қартайғансын паштан ағыл цығыб утырады* – Когда стареешь, ум пропадает. *Күлтә палых аңтыф йатат* – В этот момент он на озере рыбу ловит. *Қайтыб утыраңнарба?* – Возвращаетесь ли? Эта особенность присуща всем сибирско-татарским говорам и диалектам [Рамазанова, 2007, с.36, 58, 88, 117, 144, 174, 202, 219], наиболее активно употребляется в барабинском, томском диалектах, тевризском говоре; распространена в татарских, приуральских говорах.

Прошедшее категорическое образуется, как и в татарском литературном языке, аффиксом *-ты / -те* (в томском *–ты /-те // -ды / -де*).

Прошедшее перфективное (образуется аффиксом *-ган / -гән / -қан / кән*) бытует во всех говорах как сибирско-татарского языка, так и в других говорах татарского языка. Она имеет различные типы спряжения, безафофиксальный тип (мин *алған, син алған ...*) наиболее характерен для тобольского, заболотного и тюменского говоров (ср.: нагорная группа говоров, подговоры кряшенских говоров, нукратский, пермский говоры среднего диалекта татарского языка).

В тевризском, тарском говорах встречаются и посессивные формы выражения лица при помощи личных аффиксов: *алғаным / алғанмын, алғанпыс / алғаныбыс / алғаныбыслар (I лицо), алғансың, алғансыс* (II лицо). В томском диалекте I л. ед.ч. *алғам*, мн.ч. *алғабыс*, в калмакском еще II л. ед.ч. *алғанзың, алғаның*, мн.ч. *алғанзыңнар, алғаныңнар*, в барабинском: *алғаным, алғам, алғаныбыс, алғабыс, алғаның / алғаң, алғаныңыс / алғаңыс* и др. Например: *Пес қота белән қотаца қушылғанпыс* – Мы поженились молодые сват и сваха. *Қараңғыта қайтқаныбыслар* – Мы вернулись ночью.

Необходимо отметить, что в тевризском, тарском говорах отрицательный аспект рассматриваемой формы образуется с помощью модального слова *йуқ* – нет: *Уст-Ишингә барғансың йуқ* – Ты не ездил в Усть-Ишим. *Пы китапны уқыганпыс йуқ* – Эту книгу не читали.

Как и в ряде татарских говоров, форма на -ган во всех сибирско-татарских диалектах выражает прошедшее действие, имеющее результат в настоящем: *Тоболта пултыңма?– Пулған* – Ты была в Тобольске? – Была.

Прошедшее субъективное выражается при помощи афф. *-ып / -еп и-ыпты / -епте* и эти формы употребляются в контаминированном виде спряжения*: алыпмын, алыпсын, алыпты; алыппыс, алыпсыс, алыпты(лар)*. Например: *Әйтепте, үсем парам* – Сказал, сама поеду. *Гасит тә қуйып китептеләр* – Уехали и газету оставив. Наличием такой формы прошедшего субъективного язык сибирских татар обнаруживает общность с западным диалектом и нукратским говором среднего диалекта татарского языка. Эта форма характерна ряду кыпчакских языков (казахскому, ногайскому, карачаево-балкарскому, узбекскому, азербайджанскому, уйгурскому и др.).

Сложные формы прошедшего времени образуются от основ простых времен при помощи вспомогательного глагола *ите*. Давно прошедшее время образуется из причастия на *-ған* и глагола *ите*. Наряду с полной формой, в говорах имеются другие разнообразные варианты: *алғайты* (тюм.), *алған ит* (забол.), *алғайны // алғайты* (тар.), *алғаныйт // алғанты* (тевр.), *алғанты / алғантым* (тоб.), *алған ите // алтым ите* (брб.д.; последняя форма характерна для татарских говоров Нагорной стороны Татарстана, сергачского и пермского говоров).

Прошедшее многократное: *алатыған ите / алатын ите*. Наряду с полными вариантами встречаются и стяженные формы: *алатығайты* (тюм., тар., брб.д.), *алатығанты* (тоб., тевр.) *и алатханты* (заболот.), *алатығаныйы* в тевризском.

Прошедшее незаконченное *ала ите* (ср. тат. литер. *ала иде*) активна в томском диалекте), *алаты ите*, которая во всех говорах имеет вариант *алатыйтым*, кроме того *алатымты* (тевр.), *алатық* (брб.д.) и др. В барабинском диалекте прошедшее незавершившееся образуется на основе формы на *-ғалақ* + вспом. глагол *ите*: *алғалақ ите* – он тогда еще не брал, намеревался только брать.

Конструкции, основанные на форме будущего времени на *-р* + *ите*, на форме *-мақ* + *ите* имеют значение сослагательного наклонения: *Улым пулған пулыр ите үлмәсә* – У меня был бы сын, если б не умер. *Мин Тараға кермәр итем уқырға* – Я бы не поступал учиться в Тару. *Иләккә пармас итең йаратмасаң* – За ягодами не ходила бы, если б не любила (ягод).

Будущее время. Как и в татарском языке, будущее неопределенное имеет форму на *-р* и личных аффиксов I группы: *алырым / аларым, алырсың / аларсың, алыр, алырбыс / аларбыс, алырсыс / аларсыс, алыр(лар)*. Необходимо отметить некоторые отличия фонетического характера: *алыйр* (тевр.), *алырық* (калм.), *алман* (общедиалект.), *алмастым* – я не возьму (брб.д.) и др. В заболотном говоре отрицательный аспект, наряду с общедиалектной формой *-мас / -мәс* (в томском диалекте: *-бас / -бәс / -пас / -пәс*), имеет и *р* – вариант: *алмарым* – я не возьму. Ср.: так же в пермском, тепекеевском говорах [Рамазанова, 1988, с.20–43; Материалы экспедиции Д.Б. Рамазановой в Пермскую область].

В барабинском и томском диалектах бытует особая форма будущего времени, выражающая действие, которое должно было исполниться в прошлом, или осталось несовершенном; *Мин сестән порон эцкән итем, сес торғалақ итегес әле* – Я раньше вас пила чай, вы еще не встали. *Пецән цапқалағ ите* – Тогда еще сено не было скошено, но скоро должно было быть скошенным.

Повелительное наклонение во втором лице единственном числе, наряду с литературной формой *ал-*, имеет древние формы *алғын* / редко: *алғыл*. Во множественном числе *алың / алығыс* (тюм., тоб., забол.) *алың / алыңнар* (тара, тевр.), *алыңыз / алыңлар* (брб.д.), *алыңнар / алыңар* (том. д.). Форма *алың* широко распространена в приуральских татарских говорах.

Желательное наклонение в I лице единственном числе также выступает в различных вариантах: *алайым / алайын* (тюм., тоб., забол.), *алыйн* (тевр., брб.д.), *алыйқ / алыйклар* (эуштинско-чатск.), *алайын / алыйм* (калм.).

Для выражения внутреннего желания в сибирско-татарских диалектах, как и в западном диалекте, астраханском, нукратском говорах среднего диалекта, употребляется конструкция, образованная сочетанием глагольного имени на *-ғы/-қы* с вспомогательным глаголом *кил-: алғым* (*алғың, алғысы* и т.п.) *киләте* – мне (тебе, ему и т.п.) хочется взять. Данная конструкция характерна для башкирского, ногайского, казахского, каракалпакского, узбекского, т.е. для северо-западной группы тюркских языков [Дмитриев, 1948, с.177; Баскаков, 1940, с.114; 1952, с.419; Современный казахский язык, 1962, с.349; Кононов, 1960, с.281).

Значение желания, намерения выражается и сочетанием инфинитива с глаголом *ит-*: *парғалы итә* – собирается (намеревается) идти и т.д. Аналогичный оборот, однако с другими формами инфинитива, распространен во всех говорах татарского языка: *алырғайтә, сийләмәгәйтә* (намеревается, хочет брать, рассказывать и т.д.).

Условное наклонение, как и в татарском языке, особенностей в спряжении не имеет (*алсам, алсаң, алса, алсақ, алсаңыс / алсаңнар, алсалар*), нейтрально во временном

отношении. При выражении условия, относящегося к прошлому, основной глагол выражается формой на *-ырите*.

Барабинский диалект имеет еще одну оригинальную особенность. В нем имеется форма намерения, которая образуется при помощи сложного аффикса *-ғалты/-ғәлте/-қалты/-қәлте* и личных аффиксов второй группы: *алғалты + м, алғалты + ң, алғалты; алғалты + қ, алғалты + ңыс, алғалты (+лар)*: *Пашыннан сөйләғәлтем* – Хотела рассказать сначала. *Син нимәне йырлағалтың* – Ты какую песню хотела петь?

Инфинитив. Наряду с формой на *-ғалы / -ғәле*, составляющей одну из ярких особенностей, сибирско-татарском языке употребляется и литературная форма на *-ырға / -ергә*, имеющаяся также и в хакасском и других языках.

Следующая форма инфинитива *(-уға / -үгә*) сибирских диалектов также распространена в говорах Приуральского и др. ареалов. Присуща для кыпчакских языков: башкирского, казахского, каракалпакского, киргизского [Современный казахский язык, 1962, с.353–554; Баскаков, 1952, с.468; Батманов, 1938, с.32].

Довольно много общего у сибирско-татарского языка с поволжско-татарским обнаруживается в категории глагола. Аффикс, с помощью которого выражается характер протекания действия, в сибирско-татарском языке, как и в ряде татарских говоров, употребляется в узком варианте: *-ғыла / -гелә, -қыла / -келә* (литер.: *-гала / -галә*...).

Глагольная форма на *-мақ / -мәк*, как и в говорах татарского языка, выступает в различных функциях и конструкциях. Часто выступает в сочетании с вопросительными местоимениями + словом *кирәк* (*нинтәй йыр йырламак кирәк* – какую песню нужно спеть) и выражает вопрос, удивление и др. С падежными окончаниями или в сочетании с модальными словами *түгел, юк,* в пословицах и поговорках выступает как именная форма: *Үлмәктән қалмақ йоух.Китапны күрмәк түгел, табақчаны та күрмәйем* – не то что написанное, чайного блюдца не вижу. *Ашамағын ашадық, йәшәмәген йәшәдек. Ашамаққа оутырмады* – Не стал садиться кушать. *Песнең пийен йарышмахтан цейә йыйат* – Соревнуясь с нами ягоды собирает.

В барабинском диалекте форма на *-мақ / -мәк* выступает в функции причастия: *үләнмәк малай* – сын, который будет жениться. *Башқа сөйләмәгем йуқ* – больше мне нечего рассказывать. В сочетании с вспомогательным глаголом *бул-* данная форма выражает намерение: *Уғымақ пулып киткәйне тораға* – Уехал было в город с намерением учиться. При выражении намерения рассматриваемая форма часто выступает с показателями лица: *Пыйыл қунаққа килмәкләр. Ашамақ* (ашар өчен) *минең симйә йуқ* – У меня нет семьи, чтобы есть.

Как и в татарском языке, форма на *-мақ* принимает аффикс *-цы / -це*, в тевризском говоре *-чы/-че,* барабинском диалекте *-чы/-че // -цы/-це* и выражает намерение: *Туй йасамақцыбыз – Туй ясамакчы булабыз* – Намереваемся сыграть свадьбу. *Эшкә кермәкцитем анта* – Там намеревалась поступить на работу.

Форма на *-ыш / -еш*. Как и в татарских говорах, в сибирских диалектах она выступает главным образом в глаголах движения: *парыш, қайтыш, килеш* и т.п., также и в некоторых других глаголах: *пөтеш, пелеш* и др.: *Мин пелештә* – как я помню. *Суғыш пөтөштә* – в конце войны. В тюменском говоре данная форма часто принимает аффикс *-ын / -ен* и по значению совпадает с формой *-ышлый* в татарском языке: *Торатан қайтышын (кайтышлый) керепте* – Заехал, когда возвращался из города.

В сибирско-татарских диалектах употребление глагольных имен с окончанием на *-мыш / -меш*, так же как и в татарском языке и его диалектах, носит ограниченный характер: *ишетмеш, тумыш, әйтмеш* (так же в приуральских татарских говорах), *булмыш* (употреблялось в языке татарской литературы), *күрмеш* (широко представлено во всех татарских говорах) – испытания, тяготы, которые пришлось пережить.

В исследуемых диалектах употребляются те же формы деепричастия, что и в татарском языке и его диалектах, однако в характерных для сибирско-татарских диалектов вариантах*:-ғанцы,* также и *-ғынца, -ғынцы*, *-ганца*, которые Д.Г. Тумашева считает возникшими при взаимодействии с татарским литературным языком. Данная форма обозначает предел времени или протекания действия: *қар йауғанцы эшләйпес* – работаем до снегов.

Форма на *-ғансын / -ғәнсен / -қансын / -қәнсен* и ее варианты восходят к причастию на *-ған* в сочетании с послелогом *сын* (< литер. *соң*), составляет специфику сибирско-татарских диалектов и соответствует тат.литер. *-ғач / -ғәч*; выражает время или условие совершения действия: *Көн қунғансын йаланға цықтық* – После того, как настал вечер, вышли в поле. *Киткәсен қат йасты* – После того, как уехал, написал письмо. *Йыумағансын таса пулмайты* – Если не помоешь, чистым не будет.

Специфичным для сибирско-татарских диалектов является то, что в деепричастиях между аффиксами *-ған* и *-цы* присоединяются личные аффиксы принадлежности: *Қартайғанымча тайарката эшләдем* – До старости работала дояркой; *ус пелгәненцә йөри* – живет по своему разумению.

Пабайта торғанымта – Когда жила у дедушки. *Йетенце тә уғығанынта* – Когда училась в седьмом классе. *Алар қайтканнарынцы* – прежде чем они пришли. *Киткәнентә* – когда он уезжал... *Пала паққанымца...* – Когда нянчила ребенка... Аналогичная особенность известна и в узбекском языке.

По употреблению следующих деепричастных форм сибирско-татарские диалекты также совпадают с татарским литературным языком.

-ып/-еп/-п выражает действие одновременное с главным либо предшествующее ему: *Кецү баланы атапты азан әйтеп* – Младенца имярекли прочитав азан. *Тыңлап ултырыңыс* – Сидите и слушайте. *Мамайлардан соражып йазалар* – Расспрашивают у бабушек и пишут. Форма *-ып/-еп* может употребляться и вместо деепричастной формы на *-а/-ә*: *Йазып пелмәйем* – Не умею писать. *Кәзәне суң асырап (асрый) пашлаганнар* – Козы поздно стали держать.

Форма на *-а/-ә/-ый* употребляется в сочетании в вспомогательными глаголами: *Йаса пашлый* – начинает писать. *Утыра төшәм* – посижу. *Таңылцағыңны цицә тор* – Развязывай пока узелок.

Отрицательная форма деепричастия на *-ып* образуется аффиксами *-май / -мәй/-майын/-мәйен* (в татарском языке), *-мыйн/-мин* (наиболее употребительна в тевризском, заболотном говорах), *-мыйца / -мицә* (ср.: тат.литер. *-мыйча / -мичә*).

Особый интерес представляет форма *-мағынцы/-мәгенце* (в заболотном еще и *-мааңцы/-мәәнце*), характерный вариант для древнетюркского языка и является специфичной для сибирско-татарских диалектов: *пулышмағынцы* – не оказав помощь, *перебадит итмәгәнце* (тәрҗемә итмичә) – пока не переведет, *пармааңцы* (бармыйча) *w^{в}улмас* – нельзя не идти.

Послелоги. Отличия наиболее употребительных послелогов сибирско-татарских диалектов от соответствующих послелогов татарского языка сводятся лишь к фонетическим явлениям: *кебек / кеwек, қәтле(м), тикле(м), сын / сынны* выражают сравнение по качеству или количеству.

Послелог *белән* имеет различные фонетические варианты: *белән / ман / мән / пан / пән* и др. Особенно большое разнообразие его вариантов характерно для заболотного говора: *плән / пән / фән / пәйн / пейн / пийен / пин / w^{в}ин / w^{в}ийен:Цейә фән күп йөргән – Җиләккә күп йөрдем* – Много ходила за ягодами. *Түрт w^{в}ала w^{в}ийен* – С четырьмя детьми.

Многовариантность присуща и другим послелогам, что особенно активно выступает в заболотном говоре [Барсукова, 2004, с.129–130]: *шигелле / шийелле / шийеллех' /*

шиллех' / шил / шиле / шийех'/ ших' – тат. литер. шикелле; *цихле / цих'лем / цих'лех', цахлы / цахлых, тиңле / тиңлем / тиңлек*^{x}*, шайы / шайлы / шайлым* (активно употребляется в различных говорах татарского языка) и др. Эти послелоги по семантическим функциям не отличаются от таковых татарского литературного языка.

Специфику сибирско-татарских диалектов определяют послелоги *ашалай, ашыра* – через, *эргә, пит, тийәрәк / төwәрәх', итәк, йаға, кабат, йантык*, спорадически выступающие и в других татарских говорах.

Общетатарские служебные имена *ас, өс, йан, ал, арт, эц/эч, тыш, пуй, паш, йақ, эргә* и др. в сибирско-татарских диалектах имеют своеобразие в оформлении падежных форм, т.е. без вставочного *н* (ср.так же нукр. гов.): *астыта – астында* – под, *остөтә* – над, *алтта* – перед, *пуйта* – около и т.п.

Частицы. По их составу сибирско-татарские диалекты, в основном, совпадают с татарским литературным языком, однако отличаются фонетическим оформлением и иногда смысловыми оттенками: *-цы / -це, уқ / үк, қына / кенә, -ма / -мә / -мы / -ме, әнә / әнәкә, менә / менәкә* и др.

Специфичные частицы: *қуй / гуй / қуйын / гуйын* – ведь, же (активно употребляется и в пермском говоре, во всех тюркских языках к востоку от Урала), *қәнә* – ну-ка (ср.: *кан'е* в западном диалекте татарского языка: [Махмутова, 1978, с.146]), *йәме* – вопросительно-утвердительная частица в значении «да ведь?» (тат. *яме* – ладно ли), *пыран, ций* – выражают уточнение, усиление (*Пыран кисәртке* – Точно как ящерица. *Ций Қасанныңма?* – из самой Казани что ли?).

Синтаксические особенности. В языке сибирских татар действуют те же способы соединения слов в словосочетания, что и в татарском языке и других тюркских языках. В сравнении же с татарским языком в исследуемых диалектах наблюдаются следующие отклонения.

Изафет типа «существительное – существительное», выражающий отношение принадлежности, оформляется без грамматических показателей. Это касается и неполных словосочетаний, образованных с помощью послеложных слов: *Йаңқыр потқа йасайтылар йылға буйта (яңгыр боткасы: елга буенда)* – Обряд моления дождя проводят у реки. *Цацын қырық көнтә алғаннар, цац туй (чәч туе) йасағаннар* – Первые волосы младенца состригали в сороковой день, устраивали в честь этого пир.

Показатель принадлежности может отсутствовать и у более развернутых словосочетаний: *Қыс айақ асқа* – Под ноги невесты. Данный тип изафета восходит к той эпохе тюркского праязыка, когда отношения принадлежности могли выражаться простой коллокцией двух имен существительных типа озеро берег... В татарском языке безаффиксальный изафет рассматриваемого типа наблюдается в тех говорах, которые сформировались в ходе изолированного в том или ином отношениях существования и сохранили ряд архаичных черт: в нукратском [Бурганова, 1962, с.49], пермском [Рамазанова, 1996, с.121], спорадически выступает в заказанских, приуральских, астраханских (материалы автора) говорах, в ряде говоров западного диалекта.

Основной падеж в определенных случаях может указывать место, направление, время действия, и тем самым, соответствовать дательно-направительному, местно-временному падежам в их современном значении: *Инте Тармакүл китәсес* – Теперь поедете в дер. Тармакуль. Данное явление известно в приуральских говорах, в говорах западного диалекта.

Существительное с аффиксом принадлежности, являющееся прямым дополнением, может иметь форму основного падежа: *Синең айтканың (әйткәнеңне) қолағым уқмайты* – Мои уши не слышат, что ты говоришь. *Шәлең (шәлеңне) күрсәтең* – Покажи-ка (твою) шаль. Примеры из томского диалекта: *Ағырла киши (кешене) сән* – Ты почитай людей.

Такое явление зафиксировано в древнетюркских памятниках.

Как и в пермском, частично нукратском говорах, родительным падежом может оформляться сказуемое при выражении территориальной, родовой принадлежности, также и происхождения лица или предмета, выраженного подлежащим: *А йақлар Қасан йақның* – (Живущие) на той стороне являются выходцами из Казани. *Мин оутыз икенең* – Я тридцать второго года рождения. *Пы ғыс кемнең* – Эта чья дочь?

Как известно, глагольные слвосочетания организуются по принципу главный формирующий член (глагол) и зависимый, подчиненный, находящийся в известных синтаксических отношениях. В сибирско-татарских диалектах, как и во всех татарских говорах, встречаются отличия в глагольном управлении: *суғу (ишекне)* – ударить, тат.литер. *ишеккә; уқый пишенчене* – литер. *бишенчедә* – учится в пятом, *қортқаларға* (корткалардан) *көлү* – смеяться над старухами, *сескә (сезне) сағыну* – скучать по вам; *мин орышмайым аңа (аны)* – я не ругаю его, *айағыннан (аягына) пасалмайт* – на ноги не может встать и др. Некоторые фразеологизмы также отличаются грамматическим оформлением: *күсх'ә сәғыйп (күзе зәғыйфь)* – глаза с изъяном (так же в пермском, подберезинском говорах татарского языка).

Бытующие в говорах подобные отклонения представляют собой, по-видимому, остаточные явления, отражающие в какой-то степени первоначальную недифференцированность падежных форм, или свидетельствуют об утрате одних и развитии других падежных значений в современных языках [Тумашева, 1977, с.225].

Сказуемое, выраженное именными частями речи, во всех лицах спорадически принимает личные аффиксы: *Паллар әшгәре шуқларты (Балалар бик шук)* – Дети очень озорные. Аналогичное явление в различной степени наблюдается во многих говорах татарского языка.

Вопрос, как и в татарском языке, организуется с помощью вопросительных местоимений, вопросительной частицы *(-ма/-мә/-мы/-ме*), иногда и одной интонацией. При этом наблюдаются случаи, когда вопросительная частица может присоединиться к тому слову в предложении, на которое падает логическое ударение: *Қасантанма килепсес? (Казаннан килдегезме?)* – (Вы) из Казани что ли приехали? Это является одной из характерных черт западного диалекта, нукратского говора среднего диалекта татарского языка, встречается и в татарских говорах ареала «Юг Башкортостана» [Булатова, 2013, с.175].

В глаголах настоящего и будущего времен вопросительная чатица присоединяется непосредственно к основе: *Пеләмесс (беләсезме)* – Знаете ли Вы? *Торада торамсың (торасыңмы)?* – В городе ли живешь?

В организации вопроса участвуют и модальные слова *кәрәк, түгел*: *Йасасың кәрәк* – Пишешь, что ли? *Кинҗәкләр питләрен күрсәтмәй йөргәннәр түгелмә?* – Молодые невестки ходили не показывая лицо, что ли?

Предположение выражается с помощью вспомогательного глагола *булыр* (что активно выступает в нагорных говорах татарского языка), послелогом *шикелле / шилле* (так же и в пермском и некоторых других приуральских татарских говорах): *Килмәсх'ә уйлатлар шигелле* – Видимо, раздумали приехать.

Лексика. Прежде всего, необходимо констатировать то, что лексический состав языка содержит в себе важный фактологический материал, который способствует решению ряда вопросов этнической истории носителя этого языка. Лексический состав сибирско-татарских диалектов характеризуется разнообразием по диалектам и говорам, так как они распространены на обширной территории. Кроме того, причина такого разнообразия кроется в исторических этнических корнях носителей диалектов. Так, кыпчакская основа тоболо-иртышских татар усиливалась в ходе непосредственного общения их с казахами, ногайцами, узбеками и далее поволжскими татарами. Этногенез барабинских татар в основе своей связан с племенами бараба, кőлőбő, терене и др., нахо-

дящимися в близком родстве с восточнотюркскими народами (алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы и др.). Предки носителей томского диалекта восходят также к восточнотюркскому этносу, точнее к телеутам. В ходе развития в составе одной административной единицы, под влиянием одних и тех же языков, под сильным влиянием татарского литературного языка шел процесс единения сибирско-татарских говоров, сложилась и лексико-семантическая система языка сибирских татар, имеющая сходство с лексикой татарского, также и башкирского, казахского, киргизского, узбекского, алтайского и некоторых других языков, однако в целом трудно определить ее сходство с лексикой какого-нибудь одного определенного языка.

Наблюдения показали наличие в настоящее время значительной общности лексической системы сибирско-татарских диалектов с лексическим фондом татарского языка. Так, в работе Х.Ч. Алишиной [Казань, 1994], которая содержит огромный лексический материал, подвергнутый автором глубокому исследованию, приведены около 20 лексико-семантических групп, охватывающих все области жизнедеятельности носителя. Подсчеты показали, что из представленных лексем в группах более половины, иногда и две третьих из них обнаруживают совпадение с татарскими эквивалентами.

В диалектах языка сибирских татар сложилась общая для всех их лексика, большинство которой не обнаруживается в татарском языке, или отмечены лишь в говорах, часть которых приводится ниже: *ноу – луг* (монг.), *күс* – зернышко, крупинка, *палтыс* – младшая сестра жены для мужа и мужа для жены (пермск., мензелинск.гов.), *ату / атоу* – ичиги, *йорцо* – младший брат жены для мужа и мужа для жены, *тора* – город, *эртник* – рыбный пирог, *тоwан / тыwан* – пруд, *туғац* – сдобная булочка (так же в астраханском говоре), *йуша* – вид олени (так же в пермск.), *қоwан / қойон* – вихревая воронка, *сәйел* – солнечный, *қыйра* – лентяй, *терсәк* – ячмень (на глазу), *күбемә* – стеганые ватные штаны, *эцмәк* – рукавицы, *сырт* – спина, *мышыр* – рябой, *цицәй* – прививка от оспы, *шөшпүрә / чөчпүрә* – пельмени, *шәңкә* – мучное блюдо типа ватрушки (так же и в приуральских татарских говорах), *шәлтеп / сәлтеп* – колыбель и др. Специфическими для сибирских диалектов являются также и *йайғор* – радуга, *үрцән* – ласка, *пақцар* – скворец, *каравақцар* – грач, *мawыл* – шесток для подвешивания одежды, *йәктә* – пиджак, *әрлә* – пила, *шөбә* – бечевка для шила, *қолоп* – замок (висячий), *цәмпәр* – обруч (на бочке), отсюда: *цәмпәрле күләк* – платье, на подоле которого нашита поперечная отделка из шнурков и тесьмы, *сымрак* – соска, *кайас* – посуда из бересты, *қумта* – плоский ящик, *cawал* – закат солнца, *туқмақ йеләк* – клубника. В формировании специфичной лексики значительную роль сыграли особенности местного словотворчества, своеобразная номинация, другие словообразовательные средства.

Как известно, в говорах, словосочетания, компоненты которых связаны между собой притяжательностью, зачастую оформляются без аффиксов и в результате возникают сложные слова (напр., *алмагач* < *алма агачы* и др.). Аналогичный способ стал одним из активных средств словотворчества в языке сибирских татар: *кантсawыт* – сахарница (*кант* – сахар + *cawыт* – посуда), *крашлау* – корыто для стирки белья (*кр*< *кер* – белье + *ашлау* – корыто), *күртишек* – могила (могила + дыра), *айағуйын* – пляска (игра ноги), *қырмайақ* – деревянная чаша (*кырма* – обтесанное + *айақ* – посуда), *айақтун* – ыштаны (*айақ* – нога, *тун* – одежда), *тиртун* – шуба (*тире* – шкура; мех + *тун* – одежда), *тусмай* – деготь (*тус* – кора березы + *май* – масло, жир), *онағац* – скалка (*он* – мука + *агач* – дерево) и др. В таких сложных словах первыми компонентами могут быть прилагательные: *йылыwыт* – душица (*йылы* – тепло + *ут* – трава), *өсқорма* – балкон (*өс* – верх + *қорма* – сооружение) и др.

Многие названия образованы по моделям, характерным для языка сибирских татар (афф. *-ғыр / -гер: йийғыр* – умелый собиратель ягод, *йөзгөр / йөскөр* – любитель, умелец плавать и др.).

Принцип номинации осуществляется больше всего на основе глагольных корней: *көләгәч* – насмешливый (гл. *көлә* – смеется + афф. *-гәч*), *йәпшермә өй* – пристройка (гл. *йәпшер* – приклеивай), *йәпшенчәк* – семя лопуха (гл. *йәпшен* – хватайся + афф. *-чәк*), *чаққан* – быстрый, ловкий (гл. *чак* – высекать огонь), *тымыш* – тихоня (гл. *тым* – спокойный, *тым пулу* – молчать и т.п.).

В генетическом аспекте особо значительными являются следующие пласты. В языке сибирских татар продолжают бытовать такие древнетюркские слова, которые в других тюркских языках, в том числе и в татарском, вышли из употребления или перенесли семантические сдвиги: *қый* – навоз, *айақчы* – тамада на свадьбе (др. тюрк. *айагчы* – горшечник), *артыш* – можжевельник, *тет* – лиственница (др. тюрк. *тыт*), *ғусыг* – орех (так же в алт., азерб., ккалп., кбалк., кум., туркмн., хак.), *йорон* – лоскут (др. тюрк. *йорон* – шелк), *қотоқ* – колодец. Выделяется лексика, общая с монгольским языком: *дулана* – боярышник, *кыйра* – лентяй (*хойрго* – монг.), *көнәй* – человек (монг. *хүн*), монг., алт. *чер* (жир) *мешкези*, хак. *миске* – сиб. тат. *мәшкә* – гриб, *моңнау* – петь (о петухе); семантич. общность: *нохойн хушпу* – собачий нос. Нельзя не выделить лексику, общую с восточно-тюркскими языками: *қат: қарағат* (*кара* – черный + *гат* – ягода) – смородина, *кәңшерек* – переносье (ср. алт. *конзоор* – в том же значении).

В составе лексико-семантической системы имеются и заимствованные слова: русские, арабо-персидские, угорские. Как известно, такие заимствования бытуют во всех татарских диалектах, однако в различном составе и с различными закономерностями фонетической адаптации. Приведем некоторые материалы. Арабо-персидские: *негә* < *никах* – церемония бракосочетания у муллы; *кәперән* – наперник (тат. *сүрү*), *кәч* (< *хач*) – паломничество, *тыwа* (тат. *дога*) – молитва, *күwә / гуwа* – свидетель (тат. *таныk, шаһит*). Русские: *үгүрци / өгөршәк* – огурец (тат. *кыяр*), *ланты* – лента, *пөрсинт* – брезент, *шипләт* – туфли (штиблет), *путпиллә* – подвал, *самаwыралка* – самопрялка, *тораша* – дрожжи, *пүперәк* – погреб и др. Состав и особенности усвоения заимствований также играют значительную роль в формировании специфики диалектов.

Необходимо подчеркнуть, что лексико-семантическая система языка сибирских татар характеризуется чрезвычайным разнообразием по диалектам, по говорам. Параллелизмы по говорам существуют для обозначения предметов быта, природных явлений, родственных отношений, физической и нравственной характеристики человека. Диалектизмы составляют те тематические группы лексики, которые являют собой основной словарный фонд языка, самый необходимый комплекс слов для повседневного общения между диалектоносителями. Так, например, для выражения понятий «дед» (отец отца или матери) и «бабушка» (мать отца или матери) употребляются в тюменском говоре термины *қартата* и *картинә*, в тобольском говоре *онна* и *олата*, в тевризском *әwә* и *поппа*, в заболотном *картөннә / қартнә* и *олата / олта*, в барабинском диалекте *қартинә / қартна* и *қартата / қартада* (старшая же сестра отца и матери обозначается терминном *өлнә*, старший брат отца или матери – *олада / олата*), в томском диалекте *қартәнәй* и *қартәтәй / қартада* и др. В тарском *сағыр*, тевризском *қолақай*, тобольском говоре *қолақсыс*, в томском диалекте *төндөр* – глухой. Поплавок обозначают в тевризском *ләңгир*, тюменском *қалқын // қалқawыс*, тобольском *қалатқы* и др. Младшие брат или сестра в тоболо-иртышском диалекте называются *кецегә*, барабинском диалекте – *чewә / чыwа*, в томском диалекте – *күкә*.

Приведем другие лексемы, специфичные для отдельных говоров и диалектов. Тюменский: *цәцәкә* – форма обращения к родным младшим братьям (а *цәцәбә* – к младшим сестрам) отца или матери, *билсә* – приданое. *Қалта йөрөтү, цыбығымцық* – игра в колечко, *йаба* – крытый ток, *туңкалақ* – четырехстенный дом и др.

Тобольский говор: *әйнә* – жена старшего брата отца (так же в нукратском говоре), *муллатсым* – форма ласкового обращения к младшему брату мужа, *әбетә* – старшая

сестра (так же в тарханском говоре), *қағанақ* – плацента, *йүмкәк* – темень, *йапцак оцлау* – эпилепсия, *әлхәп* – подбой, *қунтыр* – манжета рукавов, *асқар* – родничок у реки.

Заболотный говор: *йерсуйа* – (мифол.) хозяин воды и земли, *атсыс мамай* – черт в образе женщины, *цөкәү* – ласкательная форма обращения друг другу, *мех'це* – низкого роста, *төңрәйү* – наклониться, *йәтх'әр* – старательный, *ләпәт* – медлительный, *тос пᵉуста* – солонка, *тирәс пашырсах* – пресная лепешка с дырочками, которая печется в сороковой день умершего, *мәшх'ә май* – сливочное масло, *аташыц* – подорожник, *лыйлых* – чибис, *сандугач* – божья коровка, *ай холох* – жабры, *йартан* < *Ийордан* – прорубь.

Тарский говор: *цығыт* – приданое и все другое имущество невесты, *қуйын йемеш* – гостинцы (обычно изюм) жениха, привезенные им при первом посещении невесты, *мулцашу* – назначить день свадьбы, *әцемлек* – покрывало невесты, *пәпә* – младенец, *кандыр* – селезенка, *кәсү / кисү* – ткацкий стан, *иргәнәк* – полати, *шиңгән май* – подсолнечное масло, *шырбүрәк* – пирожок с творогом, *салмайаға* – съемный воротник, *қуғы* – кустарник, *күгерт ату* – ударить молнией, *цүри* – гусенок, *тути* – цыпленок, *қашлақ* – неспелый, незрелый, *күгел* – голубика.

Тевризский говор: *қолақ чәйнәшү* – сосватание мальчика и девочку еще в детстве (тат. литер. *колак тешләтү*, в мензелинском, стерлитамакском говорах *дустыган эчү* – в том же значении), *хәйебирән* – так называются домашние животные во время посвящения им молитвы, прочитанной духовным лицом, *қарабақчар туе* – ритуальный весенний праздник после прилета грачей, в ходе которого детям варится каша и дети этой кашей замазывают крыши хлевов, головки столбов, тем самым дети будто бы угощают грачей, предвестников весны, *тәтинә* – бабушка, *поба / поппа* – дедушка, родной брат родителей, муж родной сестры родителей, *ухмачалак* – безымянный палец, *үрелмәле йел* – смерчь, *йурычқа* – дикий горох, *сыбыр* – дягиль, *қаман чичәк* – подснежник.

Барабинский диалект: *тастымал* – накрытый стол, *йастықтан үтү* – спускаться с повозки на подушку, затем невеста может пройти в дом жениха, *чеwә/чүwә/чыwа* – младшая сестра, сестренка, *тәлә* – пятка, *йаwыс* – низкого роста, *көзәтү пармақ* – указательный палец, *талғақ* – эпилепсия, *әккәлдәк* – заика, *әләц* – удочка, *көсөү / суқма* – ступа, *қынау* – ткацкий стан, *пасмақ* – мялка льна, конопли, *пасқарақ* – крыльцо, *тәкчәк* – угол (дома), *шәмек* – кашемир, *йамау* – кожа, кәрнәй – горностай, *чөрчә* – ласка, *йемсәрәк* – паук, *коцмәр* – крот, *киндер* – крапива, *көбөр* – мох, *саңғы* – красная глина.

Эуштинско-чатский говор: *чақыртуға йөрү* – ходить на религиозный пир, *үбә* – призрак, *йестә* – муж старшей сестры, старших родственниц, *малайақ* – младенец, *күкә* – младший брат или сестра, *йүткерек* – кашель, *таңғай* – небо, *цадырық* – ограда на могиле, *типше* – широкая квашня, *сәке* – полка, *табатан* – сковородница, *чемелдек* – шкварки, *күгезмәк* – жилет, *әйкәл* – перевязь, *бок / бөк* – поле, *қаған* – поляна с мелкими кустарниками, *утырац* – урема, *мәшкә* – овца, *чалғай* – крапива, *йола* – гребешок, *қаштақ* – незрелая (ягода).

Калмакский говор: *ада // тәтәй* – отец, *көкөм* – форма обращения к младшему брату или сестре, младшим братьям или сестрам мужа для жены, жены для мужа, *былафкы уйнау* – игра в колечко, *тачок* – молодежные вечерние игры на берегу, *эшләкәй* – пленка под языком, *айыл* – деревня, *тығым* – доски потолочные, *колосса* – колодец, *ургыч* – серп, *тартмағач* – пряслице, *тотқо* – сковородница, *туғолоқ* – чашка чайная, *артсалма* – жилет, *кашник* – манжета рукавов, *әйнек* – маленький бархатный мешочек для молитв, носится на подмышке: *ләчкә* – жеребенок, *сипкә* – пескарь, *қоча* – баран, *қалба* – один из видов дикого лука, *сарғай* – саранка, *сайғанақлы* – колючий, *йамбас* – клубника и др.

Таким образом, язык сибирских татар до настоящего времени продолжает сохранять специфичные явления и в то же время имеет много общего с татарским языком и его говорами. Особенности сибирско-татарских диалектов представляют собой неоце-

нимо важный источник для разработок по вопросам истории взаимовлияния и взаимодействия сибирских диалектов с поволжско-татарским языком, вопросов истории не только сибирско-татарского, но также и других тюркских языков, этногенеза сибирских татар, носителей тоболо-иртышского, барабинского, томского диалектов, научно обоснованная классификация которых останется образцом служения науке.

§ 6. Топонимические легенды

Ханиса Алишина

Ареал тюркских географических названий обширен по своим размерам. Тюркские топонимы выявляются в Центральной Европе, во множестве присутствуют на Балканском полуострове, в Передней Азии, Западном Китае и Монголии. В России они находятся от южных границ до Дальнего Востока. Азербайджан и Туркменистан, Узбекистан и Казахстан, Башкортостан и Татарстан, центральная часть России – везде мы найдем устойчивые тюркские географические названия. Они легко «опознаются из-за их прозрачной семантики и многократной повторяемости». Ряд сибирских топонимов имеет своих двойников: поселение Тюмень – в Крыму и Сибири, деревня Тарханы в Ярковском районе Тюменской области – заповедник Тарханы, Тархановское болото близ Шатуры в Московской области, Большие и Малые Тарханы на р.Тарханка по правобережью Волги севернее Ульяновска, с. Тарханская Потьма в Мордовской республике, с.Тарханка на р.Сереж, левом притоке Чулыма на юго-западе Красноярского края, в Пензенской области примечательно с.Лермонтово с заповедником поэта – Тарханы.

Сегодня, как никогда раньше, появляется интерес к своим истокам, к истории своей малой Родины, возрождению забытых имён деревень. Без изучения истории края невозможно объяснить ни один оним. Много внимания уделяется топонимике, сбору, анализу легенд. Важность проведения такой работы была подчеркнута в трудах ученых прошлого. «Сибирские татары по своему происхождению более древние, чем так называемые кыпчаки. Можно утверждать, что районы заселения сибирских татар были заняты еще тюрками орхонских и таласских надписей... Нам хотелось бы посоветовать нашим диалектологам обратить больше внимания на изучение топонимики» [Гимади, 1960, с.119].

Для решения многих проблем, связанных с формированием сибирских татар, большое значение имеют региональные топонимические исследования тех территорий, где проживало или проживает в настоящее время тюркоязычное население. Интерес к югу Тюменской области обусловлен тем, что здесь находятся древнейшие поселения западносибирских татар, сложившихся как этническая общность не только на основе тюркских, но и обско-угорских племен.

Исследования топонимии отдельных территорий имеют свою специфику, связанную с сосуществованием и взаимодействием разноязычных топонимических систем в целом. В данной тематике наиболее известны работы таких авторов, как Л.Ш. Арсланов, С.П. Васильева, Ф.Г. Гарипова, А.А. Камалов, Г.Е. Корнилов, А.К. Матвеев, О.Т. Молчанова, Г.Ф. Саттаров, Ф.Г. Хисамитдинова, М.Г. Усманова и др.

Названные выше ученые занимались изучением топонимии отдельных регионов, доказывая, что каждая топонимическая система формировалась в течение ряда столетий в сложных географических, исторических и лингвистических условиях, на территории, которая постоянно служила местом соприкосновения, взаимопроникновения и сосуществования родственных и неродственных этносов.

Интересный и богатый материал по топонимии сибирских татар представлен в исследованиях ученых Тюменского государственного университета – академика Н.К. Фролова, Н.В. Хромовой (Лабунец), Т.А. Барановой.

В 1999 г. в издательстве Тюменского государственного университета вышла двухтомная книга «Ономастикон сибирских татар», созданная на материале топонимии и антропонимии Тюменской области.

Издание монографии «Ономастикон сибирских татар» заложило прочную основу для формирования в Тюменской области молодой тюркологической школы, открытия аспирантуры, создания диссертационного совета. Целое поколение выпускников отделения татарского языка ТюмГУ начало писать и защищать собственные кандидатские диссертации. Наиболее успешными и плодотворными стали труды М.А. Сагидуллина, А.Х. Мирхайдаровой, Г.Ф. Тимкановой, Л.Х. Айтбаевой, Г.М. Ниязовой, Г.Н. Ниязовой, Э.С. Гайнетдиновой, Г.Ф. Имаметдиновой, Э.Р. Сайдимовой, Л.Г. Замалутдиновой, С.З. Рахимбакиева, Р.Н. Рахимовой, З.М. Калгамановой, др.

Названия татарских населенных пунктов не менялись в течение столетий. Так, например, согласно I Всероссийской переписи 1897 г. на территории нынешней Тюменской области существовало 244 татарских населенных пункта, которые раньше назывались «юртами» [Алишина, 1999а]. Юрты тоболо-иртышских татар сохранили те же названия, какие у них существовали в XV в. Вместе с тем, с течением времени появились новые татарские поселения. «Уже к концу XIX в. пришлые группы татар проживали почти в половине населенных пунктов местных татар. Кроме того, они основали в Западной Сибири около двух десятков собственных селений», – пишет ученый Д.М. Исхаков [Татары, 2001, с.25].

Для ойконимии сибирских татар характерна многослойность. 84 населенных пункта имеют двойные названия, например, оф. Аслана, Ял. – Кашаул, оф. Авазбакеева, Ял. – Калмаклар. 12 юрт имели тройные названия, например, Зимние Сингульские или Корсаковские или Яр, Ял. [Алишина, 1999б]. Аналогичная система тройных ойконимов существовала в чувашском языке. Исследователи чувашской ойконимии связывают это явление с периодами Булгарского государства, Казанского ханства, Российского государства. У удмуртов некоторые населенные пункты имеют по два названия, каждое из которых выражает родовое имя [Алишина, 1999б]. О времени возникновения деревень с одноименным названием говорит наличие слов «новый»: Новоатьялово (Ял.), Юрты Новые (Тм.), Новенькие (Аром.) [Алишина, 1999б].

Корпус татарских ойконимов Тоболо-Иртышья с точки зрения мотивировочных признаков номинации объектов подразделяется на два типа: отапеллятивные и отономастические ойконимы.

Отапеллятивные ойконимы содержат термины типов жилища, наименования с апеллятивами религиозно-культового и социального содержания, названия–символы. Например, Иске авыл, Яңа авыл. Анализ фактического материала показал, у сибирских татар сформирована своя оценка признаков, которые берутся за основу номинации. Выделение ландшафтно-топографических черт, присущее многим языкам, выступает ведущей основной онимов. Ряд ойконимов образован с помощью апеллятивов «авыл» (Күлавыл – оф. д.Озерная, Ял., Түрәвыл – оф. Матуши, Яр.), «юрты» (оф. Юрты Андреевские, Тм. – Интерәй, оф. Юртобор, Яр. – Карагай авыл), «күл» (оф. Сингуль Татарский, Ял. – Сәйел, Ипкүл – оф. Ипкуль, Нтд.), «тамак» (Өстамак – оф. д.Устамак, Тб.) и другие.

Отономастические ойконимы подразделяются на три вида: отантропонимные, отэтнонимные, оттопонимные.

В топонимах сибирских татар получили отражение личные имена «лучших людей» XVII в. С.В. Бахрушин в работе «Сибирские служилые татары» называет несколь-

ких «туземных князьев-беков»: «Среди тобольских служилых татар сына владельца Баишева городка князя Бегиша – Келмамета княжь Бегишева». Отсюда, комплекс комонимов – Кульмаметские, Авазбакеевские. «Таким же владетельным беком был, очевидно, Енбулат, служивший в Тобольске в 90-х годах XVI в. Его сын князь Кутук княжь Енбулатов при царе Михаиле считался лучшим человеком среди тобольских служилых татар». Юрты Кутуковские, видимо, были пожалованы названному князю. «В половине XVII столетия упоминается внук Енбулата Аллагурмурза, который был отставлен от службы благодаря проискам другого татарина Ешки Кутабердеева». С именем этого мурзы мы связываем комоним Аллагульские [Алишина, 1999а, с.117]. Тобольские окладные книги называют еще потомков князя Ишмамета Аганина. По предположению З.А. Тычинских, возможно, от имени лица дворянского происхождения Исеня образованы названия юрт Исеневских в Ярковском и Тобольском районах.

«Одним из уважаемых мурз Кучума был Кайдаул Байсеитов [Алишина 1999а, с.194]. После падения Сибирского царства служил московскому государю в Тобольске, получал значительное денежное и хлебное жалование и продолжал жить в 20-х и 30-х гг. XVII века в своей Вагайской деревне. После его смерти несли службу его сыновья – бек Мамет (иначе князь или мурза Магомет), Читей и Аиткул Кайдауловы» [Бахрушин, 1938, с.74].

В татарских ойконимах сохранились названия древних племен и родов. Этнотопонимы и генотопонимы – зеркальное отражение миграционных процессов в разные периоды истории. Этнотопонимы включают элементы широкого географического распространения – от Монголии, Тибета на востоке, Татарстана на западе, до Туркмении на юге. Разнородные по происхождению генонимы – байгара, тубысы, тугыз, каймак, сарт, серән, калмак, тумат, мукры, теңкет, тунгус, мадияр, ктай, чевэш, чирмеш – отражают древние межплеменные контакты. От этнонимов образованы комонимы Калмаклылар, Калмаклар, Байгара, Тубысы, Сартово, Тукуз, др.

Ономастика как раздел языкознания, изучающий собственные имена, тесно связана со многими дисциплинами – историей, этнографией, географией, фольклором.

Фольклор издревле является своеобразным спутником духовной жизни народа и составляет его бесценное культурное богатство. Ряд преданий сибирских татар стал достоянием научной общественности благодаря трудам академика В.В. Радлова. «Народные сказания – сказки, песни, напоминающие о деяниях предков их, кроются только в сердцах стариков, отживших свой век. Они только сохраняют эти святые воспоминания молодости, того времени, когда народный дух еще давал им смелость открыто восхвалять в песнях и сказках деяния их предков». Так писал В.В. Радлов в предисловии к IV тому «Образцов народной литературы тюркских племен», вышедшему в Санкт-Петербурге в 1872 г. Особое место в устном народном творчестве сибирских татар занимают топонимические легенды.

Легенда – вид фольклора, отражающий подлинные исторические события. В легендах отражаются события, происходящие на самом деле, но со временем в них появляются фантастические элементы.

Сибирские татары трепетно относятся к истории географических названий того места, где они проживают. Для них географическое название – это и адрес населенного пункта, и его история, и источник научной информации, и предмет гордости, поэтического воспевания и эстетического наслаждения. История и культура местных татар нашла отражение в топонимических преданиях и легендах.

Царский Курган

О Царском Кургане, как и о многих возвышенностях, впадинах на сибирской земле, сохранилась историческая легенда. На берегу р. Тобол в местечке, называемом Алга (сейчас это район г. Курган) в старину жил известный татарский хан. У хана была кра-

сивая дочь. Судьба уготовила ей короткую жизнь. После кончины любимой дочери хан приказал похоронить ее, насыпав на могилу высокий курган.

Еще до завоевания Сибири на ее территорию стали переселяться русские. Они знали, что местные богатые жители (татары, ногайцы, киргизы, т.е. казахи) при захоронении в могилы клали предметы, использовавшиеся ими при жизни (посуду, одежду, дорогие украшения, даже лошадей). В поисках кладов русские вскапывали могилы татар и очень часто находили богатства. Красивая девушка, похороненная в Царском Кургане, не желала нарушения ее покоя и была вынуждена сама выйти из могилы.

В один из жарких летних дней кладоискатели с изумлением увидели богато снаряженную серебряную колесницу, запряженную парой лошадей. На колеснице восседала девушка изумительной красоты с распущенными длинными косами. На ее голове блистала корона с драгоценными каменьями, сама была одета в татарское платье. Красивая девушка исчезла в западном направлении, въехав в воды озера Чухлом, которое располагалось недалеко от юрт. Вскоре озеро пересохло, берега реки Тобол стали разрушаться, а местные жители перенесли свои юрты на новое место. Город Курган, расположенный в бассейне р. Тобол, стал называться по имени древнего кургана, находившегося на его месте.

Меткий стрелок Саускан (Мәргән Саускан)

В д.Саускан жил один меткий стрелок. Он, подобно иштякам, поклонялся огню. Этот стрелок хотел отомстить Ермаку за своего хана. Он следил за передвижением Ермака. У Ермака была железная одежда, которая защищала от стрел. Однажды Ермак, сняв одежду, стал молиться. Саускан в этот момент убил Ермака выстрелом стрелы. Это место в Тобольском районе теперь называется возвышенностью Ермака.

Род старика Барама

В древние времена в восточной стране жил хан Барам. Один из богов сказал ему во сне: «Пойди, Барам, на север. Ты там найдешь места, богатые рыбой, зверем, дичью».

Барам собрал своих божеств, жен, детей и отправился в путь. Между Иртышом и Обью находятся Васюганские болота, озеро Абышкан. Здесь и разместились юрты Барама.

У Барама было одиннадцать сыновей: Келем, Угуй, Узук, Тунус, Любар, Турас, Карган, Кирчак, Чой, Терене, Барам. Перед смертью старик собрал детей и сказал: «Разделите страну поровну на одиннадцать частей. Пусть в этих одиннадцати аймаках живут ваши потомки одиннадцати поколений».

Дети назвали страну в честь отца Барабой. Сами они расселились следующим образом: Келем со своими потомками стали жить в низовьях реки Тартас, Тунус остался жить в лесах возле реки Тары, Угуй поставил свои юрты возле озер Угуй и Узунур. Недалеко от него на берегу озера Любей устроился сын Любар. Турасу, главе многочисленного семейства, достались места между Изесом и Камой. У Каргана было мало детей, он поселился в среднем течении Тартаса. Кирчак ушел в верховья Камы к озеру Кырчык. Чой пошел еще дальше и разместился у озера Уба. В самом дальнем конце страны возле озера Каргат поставил свои юрты Терене.

Самого младшенького Бараму отец и мать, братья очень любили. Ему выделили отцову землю – Большой Барам. Эта земля, находящаяся по среднему течению Оми, простирается до самого озера Тандау.

Тайна острова Золотой Рог (Алтын кыр легендасы)

Судя по рассказам, где- то неподалеку от Тобольска, среди угрюмых и топких болот, раскинулся остров Золотой Рог. Порос он вековым, мшистым сосняком. Многие из

деревьев уже погибли от старости, другие повалило буреломом, и на острове образовались неприступные завалы.

Посреди Золотого Рога и по сей день сохранился ход, обложенный каленым кирпичом. Ведет он куда-то глубоко-глубоко под землю. Говорят, люди бросали в него камни, но звук от удара доходил до слуха спустя продолжительное время. Некоторые из смельчаков пытались спуститься по этому ходу, но каждого из них постигала неудача – доступ затруднял тяжелый воздух в подземелье. К тому же там обитало множество ядовитых змей.

Старики утверждают, что когда-то на острове находилась оружейная мастерская Кучума. Здесь же он скрывал в подземном дворце свои сокровища, а впоследствии скрывался и сам.

По этим же рассказам, ход, обложенный камнем, служил всего лишь для отвода из подземелий вредных газов. Настоящий же вход в бывшее обиталище Кучума расположен в нескольких десятках метров. Есть у него крепкая потайная дверь, на которой висит тяжелый литой замок. Отыскать ту дверь не так-то просто, потому что она надежно укрыта.

Легенда легендой, но были люди, которые попытались отыскать подземный замок Кучума и сокрытый в нем клад.

Три дня Ермак «воевал» городок Бицик-Туру, где, по преданиям, жила одна из многочисленных жен хана. Здесь Кучум собрал основной кулак своих сил, надеясь выстоять.

Но вот наступила холодная октябрьская ночь. Русские продолжали драться с яростным упрямством. Ряды татар с каждым часом редели. И тогда Кучум, воздев руки к небу, обреченно воскликнул:

– О, Аллах видишь ли ты, что не сам отдал я Сибирь, а взял у меня ее Ермак!

Воспользовавшись короткой передышкой, хан торопливо бежал с поля боя. Вместе с ним в непроглядной тьме исчезали его ближайшие родственники, телохранители, мурзы, ахуны и карачи – думчие.

История гласит, что хан, покидая свою ставку, захватил с собой наиболее ценное имущество. Ну, конечно, было здесь и золото, и серебро, и самая дорогая «рухлядь».

Судя по преданию. Кучум сразу же после поражения бежит на Золотой Рог. Но с какой целью? Быть может, для того, чтобы оставить в своем подземном замке все то, что он прихватил с собой из Искера? А может, наоборот, чтобы сделать стремительный набег и забрать с острова когда-то припрятанные там сокровища?

Кучум слыл как «сильный, смелый и дерзкий воин». Он легко натягивал тетиву тугого лука и ловко вскакивал в седло аргамака. Рожденный в степи, он вряд ли бы предпочел свободе затхлый и мрачный замок, глубоко упрятанный под землей.

Спустя восемь лет после бегства Кучума в степь воевода Кольцов-Мосальский организует против него большой поход. Битва произошла в устье реки Ишим, где хан стоял с крупными силами. В этом сражении в плен к русским попали две дочери и сын Кучума. Сам же он уцелел и вновь исчез в безбрежных Ишимских степях.

В те годы царь Федор Иоаннович писал Кучуму: «...Ты стал казак, изгнанник, одинокий, оставлен всеми; жизнь твоя висит на волоске... Я готов хоть и в Сибирь тебя отправить, готов пожаловать тебе твой прежний юрт, сделаю тебя царем... Сибири... но прежде покорись».

Гордый, самолюбивый хан молчаливо отверг это предложение.

Почему-то вновь и вновь вспоминается концовка предания, которая гласит, что Кучум свои последние дни провел на Золотом Роге. Он, мол, настолько одряхлел, что его «отпаивали кровью молодых козлят». А затем хан оглох, ослеп и умер. Каким-то образом перекликаются с этим утверждением и строки Сибирской (Кунгурской) летописи. Они как бы дополняют народную легенду: место, где скрывался хан, было из-

вестно лишь самым преданным ему воинам... И еще есть упоминание о том, что после разгрома войска слуги увели хана в «глубокий овраг».

Г.Ф. Миллер, «отец сибирской истории», в труде «История Сибири» сообщает: «В недалеком расстоянии, на правой стороне Тобола, ниже реки Туры, находится крутой, высокий берег, он тянется далеко вниз по течению и поэтому прозван Долгим Яром. Он был весьма удобен неприятелю для того, чтобы оттуда беспокоить казаков. По этой причине Ермак не решался продолжать путь. Он приказал остановиться около острова, расположенного по Тоболу, намного выше Долгого Яра...»

Это еще одно упоминание об острове «Алтын кыр». На этот раз речь идет о тех местах, которые связаны с легендой о замке Кучума – Долгий Яр находится в районе деревни Худяковой. За четыреста с лишним лет здесь, конечно, произошли большие изменения. Отыскала себе новое русло река. Остров, о котором упоминает историк, должен был затеряться где-то среди болот, занимающих огромное пространство.

Легенда о красавице Мактым сылу

Никто не знает, из каких краев прибыла Мактым, возглавлявшая войско в сражении с неверными и попавшая в плен к Тайшему. У них родилось двое детей, но Мактым не могла смириться, что живет с врагом рода, все время думала о побеге. Однажды ей удалось бежать. Тайшем бросился в погоню. Мактым зашла в домик, замесила тесто на грудном молоке, испекла ритуальную лепешку «пэтер» и велела ею накормить Тайшема, а сама побежала к реке Тобол. Тайшем с другого берега просит жену вернуться, на что та велит доставить детей. Когда их доставили, Мактым сказала: «Брось детей в воду, тогда вернусь к тебе!» Детей бросили в воду. Мактым крикнула: «Я не могу вернуться. Родных детей ты бросил в реку, меня тоже не пожалеешь». И спросила: «Ты съел пэтер?» «Да». «Значит, талак. Мы в разводе». Тайшем, услышав эти слова, выстрелил ей в ногу. Мактым вернулась в родную д.Мактым в окрестностях д.Нусук. Там и сейчас есть круглое озерцо с невысыхающим дном – слезами Мактым. Могила Мактым, говорят, на высокой горе. Люди иногда видят: возле кургана пасутся кони. Подойдут ближе – кони исчезают.

Деревня под названием Махтым

Наш информант Шакирова Хатифа родилась в Б.Чечкино (Тархан), жила в д.Краснояр (Кызылъяр) Ялуторовского района. Она вспоминает: «В детстве я считала, что легенда о Махтым-сылу – это красивая сказка. Бабушка Ураспига любила рассказывать нам сказки «Алтын дуга», «Тайыр и Зухра», «Махтым-сылу». Став постарше, я спросила об этом у тети Жамалии. Она ответила мне: «Нет, это не сказка. Недалеко от деревни Нусук (офиц. Малое Чечкино – Х.А.) существовала деревня Мактам, там и могилы есть. Моя мама в тех местах бывала, она всегда читала молитвы «Махтам бануга, Махтым сылуга».

Малое Чечкино образовалось при советской власти. В 1952 г. оно относилось к Чечкинскому сельсовету и располагалось в 12 км от д.Большое Чечкино. Регулярные переписи населения в разные годы отмечали количество жителей в этом населенном пункте: 147 чел., 58 чел., 68 чел. В документах начала XX в. числился «выселок Мактанский». Старожилы утверждают, первые жители в Малое Чечкино пришли из Большого Чечкино и выселка Мактанский. До наших дней дошли микротопонимы Мактым купер, Мактым суы. Комонимы Махтым /Мактан, Мактым/ и Нусук (М.Чечкино) восходят, вероятно, к языку одного из старинных тюркских племен, пришедших из Средней Азии с узбеками. Словоформа Нусук могла в результате метатезы образоваться от каракалпакского слова Нукус (Нукус – название столицы Каракалпакстана).

По мнению профессора ОмГУ Н.А. Томилова, «походы казахов в конце XVII в. имели место и в более западных районах. В 1690 г. они вместе с каракалпаками были в

районе Тарханского острога Тюменского округа». Деревня Тарханы (неофиц. Кала) располагается ниже по течению реки Тобол неподалеку от М.Чечкино.

В мае 2014 г. большая делегация, в составе которой было около 20 человек, посетила могилу Махтым-сылу и ее 2 сыновей, что располагается возле села Малое Чечкино (Нусук) Ярковского района Тюменской области. Житель д.Матмассы Ярковского района Батталов Аслям изготовил красивую металлическую ограду, привез и установил ее на историческом месте захоронения Махтым-сылу.

Селение Татарский Сингуль (Сәйел авылы)

Человека по имени Мостафа Николай I сослал в Сибирь за его «острый язык» и непослушание. Он поехал вместе с женой Минсылу. После высылки они захотели вернуться на свою родину. По пути остановились на маленькой поляне, чтобы немного отдохнуть, поесть и напоить лошадей. «Минсылу, посмотри вокруг. Какое красивое место! Может, не поедем в Казань, а будем только ездить туда в гости?», – спросил Мостафа. Да, на самом деле село Татарский Сингуль очень красивое: богатая природа, огромное озеро. *Сәел* – в переводе означает очень красивое место. Они остались здесь жить. У них родились близнецы Мухамед и Сайфетдин. Потом от Мухамеда родились 10 детей; от Сайфетдина – шестеро. Так пошел древний род Булатовых, первых жителей с. Татарский Сингуль. Рассказывают также, что для того чтобы заработать деньги, Мостафа с женой поехали в г.Архангельск. Вскоре они там построили двухэтажный дом. Но из-за зависти русские жители их жестоко убили (изрубили на части). Ещё, по словам старожилов, Екатерина II хотела проложить дорогу именно через село Татарский Сингуль, она сама побывала в этом селе. Её подданные отметили несколько сосен, где должна была пройти дорога. Эти сосны до сих пор сохранены. Но одна боярыня сама давно мечтала проложить дорогу через город Ялуторовск, и поэтому дорога проложена через Ялуторовск.

Значение топонимических легенд и преданий сибирских татар трудно переоценить. В условиях отсутствия письменной истории сибирских татар они способны пролить свет на многие неизвестные страницы формирования географической карты современной Западной Сибири.

Процесс формирования топонимической системы сибирских татар имеет историю, уходящую в глубину веков. Самое первое упоминание о местных тюркоязычных племенах восходит к 1394 г. Сложение системы населенных пунктов происходило в основном при правлении хана Кучума, и было тесно связано с укреплением ислама в Западной Сибири. По географическим названиям селений можно судить о языковых предпочтениях создателей топонимов.

Сибирские татары хорошо знали, любили и гордились своей историей. В произведениях устного народного творчества они идеализировали свое прошлое, правивших в средние века ханов, государственных деятелей, военачальников. С большим уважением вспоминали умерших предков, стремились остаться верными их идеалам. К таким произведениям относится эпос «Идегей», записанный из уст сибирских татар в 1919 г.

В дастане «Едигей» фигурирует несколько топонимов, реально существующих и в наши дни. Например, в Западной Сибири существует ряд татарских селений, содержащих в структуре названия термин *«коллар»* (рабы), имеющих общий корень *кол/кул* «раб» с изафетной конструкцией *капыкулу* (государевы рабы, в переводе с турецкого). Как правило, жители этих населенных пунктов были напрямую связаны с правителем Сибирского ханства Кучум ханом, принадлежали к религиозному и торговому бухарскому сословию.

Обзор селений, имеющих в составе термин *«куллар»*, необходимо вести с востока на запад. В древности тюркские племена проникали на территорию Сибири по водным артериям р.Иртыш, берущей начало как Черный Иртыш с территории Китая, а также

мигрировали с прародины тюрков Алтая. Исламизация края происходила, по мнению наших информантов, «со стороны Казахстана», с левобережья Иртыша.

Самый восточный топоним с анализируемым термином в составе обнаружен нами в Томском районе Томской области – это Коларовский сельский совет.

В Омской области селения с названием «Куллары» относятся к тевризскому говору тоболо-иртышского диалекта сибирских татар. В 1960-е гг. в указанных ниже деревнях побывала научная экспедиция Казанского государственного университета во главе с Д.Г. Тумашевой: д.Ашеваны, Тибенде Усть-Ишимского района, *Кипо-Куллары*, *Мало-Куллары*, Утузы, Кускуны, Ай, Ташаткан, Байбы Тевризского района, д.Тайчи, Усть-Тамак, Качуково Знаменского района. Анализируемые комонимы кроме общепринятого официального названия имели и неофициальные названия. *Кипо-Кулары* Тевризского района Омской области называли *Кипкуллар*, *Эйре*. Эйре в переводе с древнетюркского означает «река». Компонент «эйре», претерпев фонетическую адаптацию, вошел в состав таких гидронимов и комонимов Тюменской области, как Ишайыр, Тахтайыр, Бумайыр, Салайыр, Йыгайыр, Булгайыр, Угымайыр, др. *Мало-Куллары* Тевризского района Омской области имеют неофициальное второе название «Нагорная», третье название Кышлау. «Кышлау» в переводе с тюркского означает «Место зимовки, зимовье».

На карте Сибирского ханства XVI в., составленной членом Петербургской Академии наук Г.Ф. Миллером, городок *Кулара* расположен недалеко от Тебенди, на левом берегу Иртыша.

В начале XX в. в 1904 г. существовала Куларовская русская волость Тобольского уезда, в которую входили 38 населенных пунктов.

На правой стороне Иртыша были волости Би Туртас, Кол Туртас (*би* – господин, *кол* – раб, подчиненный, зависимый). Термин «кол» (раб) вошел составной частью в гидронимы – реки с аналогичным названием Би Туртас, Кол Туртас. В Тобольском районе имеется озеро Кулларово.

В «Атласе Тюменской области» от 1971 г. отмечена русская деревня Накуларово Куларовского сельсовета Вагайского района. Со словом «коллар» связана история более десяти населенных пунктов Сибири. Этот термин «коллар» (рабы) хорошо знаком жителям ныне исчезнувших с карты области юрт Саусканских. Саусканы, «столица» Сибирской Бухарии, были основаны в начальный период исламизации Сибири торговым сословием, владевшим арабско-иранско-тюркским полилингвизмом. Административное управление строилось на средневековых принципах. Легенды гласят, что д.Саускан и д.Абалак Тау/Татар Абалак, Подбугорная/ основал красивый молодой человек по имени Саис. В арабском языке прилагательное «саис» означает «правитель, управитель, администратор» [Махмутов, Хамзин, Сайфуллин, 1992, с.497]. Как рассказывает наш информант, житель с.Санниково Тобольского района Тюменской области А.Урамаев, весной 1581 г. внезапно распространилась весть: «По Тоболу идут неверные!» Жители Саускана, обезумев от страха, бежали в лес, жили в землянках. В деревне остались одни старики и старухи. Кучум-хан со свитой бежал в Барабинскую степь. Некоторые мурзы, например, *Баяр* – остяцкий мурза (в Приуралье издавна в значении «помещик» у татар употреблялось, как и у башкир, удмуртов, марийцев, слово *баяр*) с низовьев Иртыша, в целях самосохранения подчинились казакам. Много лет боролись сибирские татары, но сила была за русскими. Воевода Болховский на побежденных наложил ясак «с дыма»: платили скотом, деньгами. Недоимки росли год от года. Купцы, муллы, чиновники, мурзы переходили на сторону русских, за это власть им уменьшала налоги. Ясачный Мокамай и служилый Мухардин из рода Урамай тоже перешли к русским. Существовал закон: имеющих большие недоимки превращали в рабов, чтобы не уменьшать список ясачных. Кто становился рабом, тех с земель Кашлыка отправляли подальше на тяжелые работы. Так в Вагайском районе в 1600-е гг. появилась д.Коллар.

В Тобольском районе также существовала д.Коллар (Меримово). В ю.Саусканских были медресе, мечеть, начальная арабская школа, дом для шакирдов. Шакирды на учебу прибывали из Каш Бәргәр, Комарау, Кызылбай, Үләртеш, Өстамак, Пушнаш. Преподаватели приглашались из Казанского края, Мекки, Медины. В д.Саусканы жили роды Муратовых, Бекшеневых, Урамаевых, Карычевых, Янишевых, Исхаковых, Суючевых и др. Они занимались выделкой кож, торговлей. Подсобными занятиями считались земледелие, охота, рыболовство, собирательство. Сотни подвод, груженные рыбой, мехами, выделанными шкурами животных, отправлялись на Ирбитскую, Макарьевскую ярмарки, а возвращались только следующей зимой. С ярмарки привозили обувь, посуду, одежду, утварь и другие товары. После 1917 г. богатые люди навсегда оставили деревню и уехали в Семипалатинск, Омск, Караганду, Узбекистан, Турцию. После Великой Отечественной войны выжившие колхозники переехали в Тобольск, Сумкино, Омск, Петропавловск, Тюмень. В 1968 г. колхоз был ликвидирован.

Юрты Миримовские неофициально, т.е. по-татарски, называются Коллар. В материалах Переписей советского времени юрты Меримовские в 1952 г. входили в состав Блинниковского с/с, а в 1969 г. д.Меримовская зафиксирована в Карачинском с/с Тобольского района. В дореволюционных юртах Миримовских насчитывалось 40 хозяйств, все жители являлись бухарцами: 108 мужчин и 109 женщин. Село славилось богатством. По данным Ф.Т. Валеева, здесь в 1880-х гг. существовало кустарное предприятие по изготовлению меховых рукавиц из козлиных и оленьих шкур. На предприятии работало 7 наемных рабочих, годовой оборот предприятия составлял около 5000 руб. Для покупки оленьих шкур хозяин предприятия Х. Тушаков в зимнее время выезжал в районы Тобольского Севера.

Куларовские юрты на р.Иртыш попали в поле зрения С.К. Патканова в 1897 г. В материалах I Всероссийской переписи населения указывается: здесь было 75(2) хозяйств, 188 мужчин, 203 женщины, в т.ч. 1 русский, 19 бухарцев, 80 крестьян. В настоящее время входит в состав Куларовского сельсовета Вагайского района Тюменской области. Деревня расположена на берегу оз.Коллар бүрән. Здесь поселились исламские миссионеры. Время от времени шейхи собирались у старшего шейха Кульера Гафьера по прозвищу «Әйтнәк» (оратор) обсудить дела. Это поселение находилось на торговом пути, пролегавшем по долине р. Вагай и далее на север. Людям, идущим из Тюмени, Тобольска, дорогу к Кульеру указывал батрак, которого Кульер купил у богатого человека. Место, где жил батрак называлось Патрак /сейчас д.Шевелево < шыгавыл «ишек сакчысы» – привратник/. Торговую дорогу, идущую по правому берегу Иртыша, держал шейх по имени Шәмси, прибывший в Сибирь с 366 шейхами. Место его проживания раньше называли Шәмси, а сейчас – Шаңшы. В тобольских краях к шейхам относились по-разному: одни миролюбиво, другие не любили, убивали. Однажды шейхи по какому-то поводу собрались в Коллар. Внезапно на них напали, многих убили. На кладбище деревни Кульер (Шаңшы-Коллар), есть Астана, братская могила шейхов. Раньше не разрешалось близко подходить к «Яхшылар сарае». В 1941 г. «Яхшылар сарае» (әуле) унесло половодьем. Благодаря Маргановым, Айтняковым, Капшановым «әуле» была построена заново. В 1981 г. рядом с оградкой соорудили семиугольный замок высотой в 5 рядов из мелких бревен. Кульер и Гафьер – родные братья. Младший жил в Уба-Коллар: по дороге в Тюмень у Карачино есть д.Уба на берегу Тобола. После кончины шейхов «ниязчеләр» /Ниязовы/ поминали их, читали молитвы. В Коллар есть место «Сарай» (в переводе с татарского «дворец»). В бою с казаками там погибли два сына Кучум хана. Говорят, отступая на восток, похоронили только мышцы, кости взяли с собой.

Ныне исчезнувшие с карты Тюменской области юрты Собачкинские неофициально назывались «Өчугыл», т.е. три сына. В давние времена, когда правый яр Тобола был у самой деревни, здесь поселился проповедник ислама, сарт Морадхан, гласит легенда.

Он полюбил девушку из богатой семьи по имени Гульсина из юрт Турбинских. Но местные жители ненавидели пришлых, даже умных и грамотных, они были против брака. Молодые бежали и поселились здесь, на высоком яру. Супруга родила трех сыновей по имени Әмирхан, Тимерхан, Әнвәрхан. Сам Морадхан жил невдалеке, то место сейчас называют Астана. Когда казаки победили Кучум хана, он бежал к своим сартам, а сокровища успел спрятать в этих краях. Одни говорят – в Коллар, другие – на яру в Өчугыл, третьи – в глубоком колодце в дремучем лесу невдалеке от Турбинских, на той стороне Тобола.

Юрты Собачкинские входили в Тоболтуринский с/с Тобольского района. В с. Тоболтуры также выделяется бухарский этнический компонент. По мнению старожилов, раньше здесь жили ясачные татары. Сначала приехали богатые сарты, вслед за ними их работники, бедные родственники. Бедных сартов называли сатылган (проданные), *коллар (рабы)*.

Слово *коллар* у других тюркских народов отмечено в качестве этнонима: «*кул* (лар) – башкиры, казахи (подразделение *кул* рода кердери объединения жетиру Младшего Жуза, узбеки (подразделение *куль* рода Куштамгалы племени кунград и сарой); *кулляр* кипчаков Ферганской долины, род *куллар* (дӯгма) узбеков-карлуков [Бушаков, 1991]. У туркмен – *гул, гуллар (арсары, акдери)* «подчиненные» [Атаниязов, 1988, с.53].

В тюркских государствах аппарат административного управления составляли «государевы рабы» *(капыкулу)*. «Государевы рабы» представляли собой людей, вырванных из их традиционной социальной среды и обращенных в ислам. Проведя несколько лет в качестве слуг в семьях зажиточных турок, а затем, пройдя обучение в особых султанских школах, они могли быть выдвинуты на самые высокие должности» [Мейер, 2007, с.27]. Термин «коллар», сохранившийся в ойконимах сибирских татар, свидетельствует скорее не о бедности населявших эти юрты людей, а, напротив, об их высоком социальном статусе. Ведь совсем не случайно многие татарские юрты раньше были названы именами лучших людей.

Таким образом, система топонимов юга Тюменской области многообразна и включает в свой состав названия из многих языков, что свидетельствует о давней истории региона, об этапах его освоения. Легенды, предания, дастаны дают богатый материал, касающийся формирования системы названий татарских населенных пунктов Западной Сибири. Произведения устного народного творчества можно назвать первыми историческими книгами сибирских татар. Они являются прекрасным и богатым источником для изучения формирования исторической лексики языка сибирских татар.

Глава 2
История тюрко-татарского населения Сибири

§ 1. Древняя история Западной Сибири. Тюркский каганат (I и II)

Юлий Худяков

Первый Тюркский каганат

В древней и средневековой истории тюркских народов важная роль принадлежала древним тюркам, которые в середине I тыс. н.э., на рубеже эпохи раннего Средневековья, смогли объединить в рамках своего государства – Первого Тюркского каганата, большую часть кочевых племен степного пояса Евразии. Характерные черты древнетюркской военно-дружинной культуры стали образцом для подражания со стороны многих тюркоязычных и иноэтничных кочевых племен, что способствовало широкому распространению сходных элементов в культуре многих народов Евразийского континента. Древние тюрки стали ретрансляторами некоторых культурных достижений своего времени. Считается, что именно благодаря им получили повсеместное распространение, в дополнение к седлам с жестким деревянным остовом, парные металлические стремена, которые значительно упрочили посадку всадника. Некоторые компоненты, характерные для предметного комплекса, духовной культуры и искусства древних тюрок надолго пережили древнетюркскую государственность и культуру и продолжали развиваться в других культурах тюркских и монгольских народов в эпоху развитого средневековья.

Древнейшие этапы истории древнетюркского этноса уходят в хунно-сяньбийскую эпоху. Ранний период истории древних тюрок, возглавляемых правящим аристократическим родом Ашина, освещен в древнетюркских этногенеологических легендах и китайских источниках. Согласно представлениям современных исследователей, древние тюрки происходили из хуннской этнической среды. В III в. н.э. древнетюркские кочевники мигрировали из Центральной Азии в район Алашаня, где они смешались с местными кочевниками. Во главе этой племенной группы находился правящий аристократический род Ашина. В последующий период древние тюрки мигрировали в район Гаочана, где попали в зависимость от правителей Жужаньского каганата [Кляшторный, 1965, с.279–280]. В середине I тыс. н.э. по распоряжению жужаньских каганов древние тюрки были переселены на южные склоны Алтайских гор.

После переселения древние тюрки должны были добывать «железо для жужаньцев» и поставлять их правителям в качестве дани оружие и другие железные изделия [Бичурин, 1998, с.225].

В дальнейшем, они смогли возглавить объединение местных древних кочевых племен, носителей булан-кобинской культуры Горного Алтая.

После разгрома восстания телесских племен, вождь древних тюрок Бумын попытался укрепить свое положение в каганате жужаней и обратился к кагану Анахуаню с предложением выдать за него замуж свою дочь, на что получил оскорбительный отказ. Он послал Бумыну такой ответ: «Ты мой плавильщик: как осмелился сделать такое предложение» [Бичурин, 1998, с.232]. Этот демарш привел к разрыву отношений и открыл путь войне. Однако прежде чем начать военные действия, вождь древних тюрок Бумын пред-

ложил заключить династийный союз императору Вынь-ди, правителю китайской империи Западная Вэй. Тот согласился и выдал за тюркского вождя свою дочь, принцессу Чан-лэ [Бичурин, 1998, с.232]. Обеспечив союзные отношения с китайским государством, возглавляемым сяньбийской династией, тюркский правитель Бумын решился выступить со своим войском против жужаней. Правитель жужаньского каганата Анахуань, который спровоцировал выступление древних тюрок, не предпринял никаких мер для того, чтобы им противостоять. Он явно недооценил военные силы древних тюрок.

Древнетюркское войско, во главе с Бумыном, совершило в 552 г. поход на ставку жужаньских каганов, и разгромил жужаней. После этого поражения правитель жужаней покончил с собой. Бумын провозгласил себя «эль-каганом» – верховным правителем тюркского государства, которое получило наименование Первого, или Великого тюркского каганата [Бичурин, 1998, с.232]. В результате одной победы он превратился из правителя небольшого владения на Алтае в самого могущественного государя в кочевом мире Степного пояса Евразии [Худяков, 2007, с.32].

Самому Бумыну, основателю древнетюркского государства не удалось в полной мере воспользоваться результатами своей исторической победы, поскольку вскоре после разгрома жужаней он умер. В исторической памяти тюркского народа он – легендарный основатель тюркского государства, а время его правления оценивалось как героическая эпоха, сопоставимая с началом мироздания. В период существования Второго Восточного Тюркского каганата об этом периоде возвышенно сообщалось в памятных эпитафиях высшей знати, в том числе на памятной стеле Бильге-кагана: «Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои пращуры – Бумын-каган, Истеми-каган» [Кляшторный, 2006, с.438]. После первых побед над жужанями древние тюрки расселились по всей обширной территории Центрально-Азиатского историко-культурного региона от «Корейского залива» на востоке, до Черного моря на западе [Кычанов, 1997, с.95]. В состав древнетюркского этноса вошли многие близкие по культуре тюркоязычные этнические группы центрально-азиатских кочевников. Основные компоненты древнетюркской культуры получили очень широкое распространение по всей территории Степного пояса Евразии [Худяков, 2007, с.32].

В последующие три года преемники Бумына нанесли еще несколько поражений жужаням и окончательно уничтожили остатки жужаньской государственности. После смерти Бумына, каганский престол унаследовал его сын Исиги-хан Коло. Он разгромил войско жужанствого правителя Дыншуцзы. Однако вскоре после этого умер, возможно, не своей смертью [Бичурин, 1998, с.232].

Новым каганом стал младший брат основателя первого Тюркского каганта Бумына, Мухан-каган. На его долю выпали наиболее обширные завоевания древних тюрок в Центральной Азии. По описаниям современников: «Он имел необыкновенный вид: лицо его было около фута длиною и черезвычайно красное; глаза как стеклянные. Он был тверд, жесток, храбр и много ума имел; занимался более всего войною» [Бичурин, 1998, с.232]. Возглавив войско древних тюрок, Мухан-каган нанес крупное поражение жужаням, которые были вынуждены бежать в пределы Китая. По требованию Мухан-кагана, в 555 г. древнетюркский посол добился от властей китайской империи Западная Вэй выдачи бежавших жужаней. Все выданные древним тюркам три тысячи пленных были казнены, а дети и подростки отданы в рабство древним тюркам [Таскин, 1984, с.295]. В течение последующих трех лет войска древних тюрок, под предводительством Мухан-кагана, покорили все кочевые племена центральной Азии. На западной окраине своих владений он покорил владение Хами, на востоке, в Южной Маньчжурии, «прогнал» племена монголоязычных киданей, на севере, в Минусинской котловине покорил «владение Цигу» – енисейских кыргызов, объединив под своей властью все центральноази-

атские кочевые племена. Он «привел в трепет все владения, лежащие за границею». После этот древнетюркский правитель «сделался соперником Срединному государству» [Бичурин, 1998, с.233]. После этих завеваний, Мухан-каган вмешался в междоусобную войну на территории Китая. В союзе с войсками империи Западная Вэй он совершил поход против другого китайского царства Ци [Бичурин, 1998, с.236]. Мухан-каган добился всех основных внешнеполитических целей, которые ставили перед собой создатели центрально-азиатских кочевых империй, всего за три года своего правления. Кроме подчинения своей власти всех кочевых этносов, населявших степи Центральной Азии, он поставил под контроль участок Великого Шелкового пути, и превратил северные китайские государства Северное Ци и Северное Чжоу в своих данников.

Весьма успешной была экспансия древних тюрок в западном направлении, которую возглавил младший брат Бумына, правитель Западного крыла Первого Тюркского каганата, Истеми-ябгу-каган. В Среднюю Азию древнетюркские войска направились с целью покорения аваров, которые потерпели поражение, но не подчинились, а мигрировали на запад, в степи Восточной, а затем Центральной Европы. В том же 555 г. древние тюрки покорили Семиречье, степи современного Казахстана и Хорезма и достигли Западного, Аральского моря [Гумилев, 1993, с.34–35]. Завоевательные походы в Среднюю Азию и в степи Западного ареала Степного пояса Евразии привели к переселению значительных групп древних тюрок и других тюркоязычных кочевых племен из Центральной Азии в южном и западном направлениях. Древние тюрки расселились по горным долинам Тянь-Шаня и Семиречья, по степям Казахстана. Населявшие эти земли древние ираноязычные и тюркоязычные кочевые племена были частично оттеснены к окраинам Евразийских степей или ассимилированы [Кляшторный, Савинов, 1994, с.18]. В 558 г. войска древних тюрок достигли нижнего течения р. Волги. Образование в степях Евразии огромной единой древнетюркской кочевой «державы, охватившей всю азиатскую степь, оказалось фактором огромного значения» в истории не только кочевого мира, но и сопредельных стран – Византии, Ирана, Китая [Гумилев, 1993, с.35]. Однако, погоня за бежавшими аварами не удалась. Истеми-ябгу-каган решил направить экспансию древних тюрок на юг, против государства эфталитов в Средней Азии. По этому поводу правитель Западного крыла Первого Тюркского каганата выразился таким образом: «Авары не птицы, чтоб летая по воздуху, избегнуть мечей тюркских, они не рыбы, чтоб нырнуть в воду и исчезнуть в глубине морской пучины, они блуждают по поверхности земли. Когда покончу с эфталитами, нападу на аваров, и они не избегнут моих сил» [Гумилев, 1993, с.36]. В 560 г. правитель Западного крыла Первого Тюркского каганата заключил военный союз с Иранским царством, возглавляемом династией Сассанидов, для совместных военных действий против государства эфталитов в Средней Азии. В это время правитель эфталитского царства, шах Михиракула, вел войну на северо-западе Индостана. Он попытался противостоять древним тюркам, обратившись с предложением заключить военный союз к китайской империи Западная Вэй. Однако, эта попытка заручиться поддержкой этого китайского государства окончилась неудачей. Пришедший к власти новый эфталитский правитель шах Гатфар сделал попытку помешать заключению союза между древними тюрками и персами. Он приказал задержать и уничтожить на территории Согдианы древнетюркское посольство, посланное в Иран Истеми-ябгу-каганом. Об этом событии стало известно древним тюркам, которые решили начать военные действия против эфталитов. В 562 г. в войну против государства эфталитов вступил Иран, а вслед за ними древние тюрки. В 565 г. древнетюркские войска нанесли эфталитам решающее поражение в битве при Несефе. После этого разгрома эфталитская держава рухнула и перестала существовать [Рерих, 2004, с.364]. Вся территория Средней Азии была завоевана древними тюрками [Гумилев, 1993, с.40–41]. После этого южная граница Западного крыла Первого Тюркского

каганата установилась по р.Аму-Дарье. Государство древних тюрок стало непосредственно граничить с Сассанидским Ираном [Кляшторный, 1964, с.20].

В памятной надписи на мемориальной стеле, установленной в Хушо-Цайдаме в честь принца Кюль-тегина, об этих событиях периода завоевательных войн в Центральной и Средней Азии было сказано, что «тюркский народ» в это время расселился от Кадырканской Черни (Большого Хингана) до Железных ворот (прохода Бузгала в горах Буйсун-тау, к югу от г. Самарканда) [Кляшторный, Савинов, 1994, с.18]. Через несколько лет после победы древних тюрок над эфталитами отношения между правителем Западного крыла Первого Тюркского каганата с Сассанидским Ираном стали открыто враждебными. Шахское правительство Ирана предпочитало сдерживать развитие транзитной торговли шелком из Китая, через Среднюю Азию, опасаясь снижения цен, что противоречило интересам согдийских купцов, подданных древнетюркских правителей. Истемиябгу-каган решил установить прямые союзные отношения с Византийской империей, главным военным противником Сассанидского Ирана. После прибытия в его ставку византийского посольства он попытался склонить их к немедленному совместному выступлению против персов. Однако, союзники не смогли выступить одновременно. Древние тюрки начали войну против Ирана в 569 г. Однако, военные действия сложились для них неудачно. В 571 г. был заключен мир, по которому оба государства сохранили свои прежние владения [Мокрынин, 1975, с.116]. Византийская империя вступила в войну с Сассанидским Ираном позднее. Возможно, византийцы опасались решительной победы древних тюрок и поэтому не спешили начинать военные действия, чтобы сохранить Иран в качестве противовеса Первому Тюркскому каганату.

Встретив сопротивление своему продвижению в юго-западном направлении, древние тюрки направили свои военные силы в степи Восточной Европы, где они надеялись настичь и покорить бежавших от них аваров. Однако, авары не рискнули открыто противостоять древним тюркам и мигрировали еще дальше в западном направлении в степи центральной Европы, на территорию бывшей римской провинции Паннонии. Они предприняли военные действия против Византийской империи и принудили византийцев заключить мир на выгодных для себя условиях. Об этом стало известно древним тюрками и вызвало у них большое недовольство [Гумилев, 1993, с.48]. После этого древние тюрки двинули свои войска и напали на византийцев в Северном Причерноморье.

Это был период наивысшего подъема военного могущества древних тюрок и максимального расширения владений Первого Тюркского каганата. Вся обширная территория Степного пояса Евразии от Желтого моря на востоке до Черного моря на западе оказалась под властью древнетюркских правителей.

Степи Восточной Европы составили определенный удел в составе Западного крыла Первого Тюркского каганата. На востоке северные китайские государства оказались в вассальной зависимости от древнетюркских каганов. Они платили каганам большие подношения шелковыми тканями. Пришедший к власти в 572 г. каган Тобо-хан «имел намерение разгромить Срединное государство». Императорский двор северного китайского государства Северное Чжоу предпочел заключить с Тобо-ханом «союз мира и родства и ежегодно давал ему 100 000 кусков шелковых тканей». Древнетюркский правитель неоднократно направлял в столицу Северного Чжоу свои посольства, численность которых достигала тысячи человек. Китайцы были вынуждены принимать у себя всех этих людей и содержать с «отличными почестями». Их содержали и кормили за счет императорского правительства, одаривали богатыми подарками, шелковыми одеждами и другими ценными вещами. Правящий императорский дом соседнего северного китайского государства Ци также «страшился их набегов и грабительств, и также истощал свои казнохранилища для платы им». Правящий древнетюркский каган Тобо-хан

«в счастии очень превозносился и приближенным своим говорил: только бы на юге два мальчика [т.е. Дома Северный Чжоу и Северный Ци] были покорны нам: тогда не нужно бояться бедности» [Бичурин, 1998, с.237].

В последующие годы серьезно обострились отношения между древними тюрками и византийцами. При встрече в 576 г. византийского посла Валентина с правителем западного удела древнетюркской державы Турксанфом, он выразил резкое недовольство тем, что Византийская империя заключила мирный договор с аварами и обрушился с угрозами в адрес византийского императора. Турксанф заявил, что ему известно, где пролегают пути вокруг Черного моря, по которым древнетюркское войско может дойти до Константинополя, и он обязательно прибегнет к использованию военной силы, когда сочтет это необходимым [Гумилев, 1993, с.48–49]. В том же году древние тюрки исполнили свои воинственные планы. Древнетюркские войска вторглись в Северное Причерноморье и взяли хорошо укрепленную крепость Боспор, один из важных оплотов Византийской империи. В результате этого нападения выяснилось, что древние тюрки «ведут борьбу против римлян». Вслед за этим древнетюркские войска вторглись в принадлежавшие империи Крым и западное побережье Северного Кавказа [Гумилев, 1993, с.50]. Однако, в дальнейшем эти военные действия не получили продолжения, поскольку древнетюркские правители были заинтересованы в существовании Византийской империи, как важного противника Сассанидского Ирана. Вскоре после этих походов древнетюркские войска оставили занятые ими территории и ушли в степи Северного Причерноморья.

В конце своего правления каган Тобо-хан заинтересовался буддийской религией. Он приказал соорудить храм в честь Будды, приобрести буддийские книги и стал соблюдать некоторые религиозные обряды буддизма [Бичурин, 1998, с.238]. Возможно, с помощью принятия единого прозелитарного вероучения он хотел идеологически объединить все разноплеменное кочевое население первого Тюркского каганата. Каган Тобо-хан активно вмешался в междоусобицы в Китае, выступив на стороне государства Северное Ци против Северное Чжоу. После него к власти в Первом Тюркском каганате пришел Шаболио-хан. В это время Китай был объединен династией Суй, которая смогла успешно противостоять древним тюркам. Военные неудачи усугубились негативными природными явлениями. В это время у древних тюрок «был голод; вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости; свирепствовали повальные болезни, от которых множество людей померло» [Бичурин, 1998, с.240]. Все это значительно ослабило воинские силы восточного крыла Первого Тюркского каганата. Создавшееся положение вызвало раскол в древнетюркской правящей элите. Часть представителей высшей знати Первого Тюркского каганата, включая представителей правящего каганского рода Ашина, выступила против кагана Шаболио. Недовольных возглавил двоюродный дядя кагана, Дату-хан. Вспыхнувшая междоусобица привела древнетюркское государство на край гибели. Оба претендента на каганскую власть обратились за помощью китайской империи, возглавляемой династией Суй. Они направили своих послов к императору Вынь-ди с просьбами о «мире и вспоможении». Женой кагана Шаболио была китайская принцесса Цянь-гинь. Она обратилась с письмом к императору с просьбой постапать с каганом, как со своим сыном, намекая на возможность заключения союзного соглашения. Среди китайских военачальников, возглавлявших китайские войска, расквартированные вдоль границы, были сторонники того, чтобы воспользоваться междоусобными распрями среди древних тюрок и нанести им поражения, или даже уничтожить, и таким образом обезопасить китайские земли от набегов кочевников. Однако, император Вынь-ди решил действовать дипломатическими мерами. Он направил к кагану Шаболио посла Сюй Пхин-хо [Бичурин, 1998, с.241]. Каган принял китайского посла со всеми почестями и отправил ответное посольство, которое доставило китай-

скому императору послание кагана. Вероятно, оно могло быть написано согдийским письмом, которое использовалось в Первом Тюркском каганате [Кляшторный, Лившиц, 1971, с.135]. В своем письме каган Шаболио был вынужден назвать себя «сыном» императора, т.е. фактически признал свое неравноправное, вассальное положение. Однако, в то же время он попытался заключить с Китаем договор, в тексте которого признавалось фактическое равенство сторон. В ответ император направил еще одно послание, в котором подтвердил свое положение сюзерена по отношению к древнетюркскому кагану. Шаболио попытался избежать унизительной процедуры принятия императорской грамоты, однако сделать этого не удалось. Ввиду безвыходности своего положения, ему пришлось совершить требуемый китайцами ритуал принятия императорской грамоты, продемонстрировав свое вассальное положение. Остро нуждаясь в поддержке со стороны Китая для того, чтобы сохранить свой престол, он был вынужден принять послание императора, согласно требованиям, предписанным вассалам. Однако, этим шагом он превратил себя из правителя огромного независимого кочевого государства в вассала китайского императора, а Первый тюркский каганат формально утратил статус самостоятельного государства. Все окружение кагана было потрясено случившимся.

Получив необходимую военную помощь, кагану Шаболио удалось нанести поражения своим противникам среди древних тюрок, войскам претендента на престол Датухана и полководца Або, в результате чего единство Восточного крыла первого Тюркского каганата было восстановлено. Однако, это было достигнуто очень дорогой ценой, формально была утрачена независимость. Китайский император счел необходимым переименовать своего нового вассала. Своим специальным указом он дал ему титул «князя Куханьчжэня» [Бичурин, 1998, с.242].

Признание Шаболио себя вассалом китайского императора вызвало острое недовольство среди значительной части древнетюркской правящей элиты, что спровоцировало новый раскол в Первом Тюркском каганате. Против подчинения китайской империи Суй выступили правители Западного крыла единого тюркского государства. Правитель этого крыла Далобянь «поссорился с Шаболио, и потому они разделились на два Дома» [Бичурин, 1998, с.284]. После всего, что произошло, каган Шаболио психологически сломался. Он смирился со своей участью китайского вассала и регулярно выплачивал дань суйскому императору. В 587 г. Шаболио умер.

Его преемнику, кагану Шеху-хану Чулохэу удалось на некоторое время восстановить единство древнетюркского каганата. Он разгромил своих противников Далобяня и Або и взял их в плен. Сохраняя свое вассальное положение, он обратился к китайскому императору с письмом, спрашивая как ему поступить со своим противником Або. По предложению императора пленника пощадили.

Как отметил один из китайских чиновников, если в прошлом древнетюркские кочевники причиняли Китаю «много беспокойств», то в конце VI в. н.э. «до самого северного моря все сделались нашими вассалами. Столь счастливых времен искони не было». Каган Чулохэу повел свое войско на запад, но был ранен стрелой и скончался. Новый каган Дулань-хан Юнюйлюй ежегодно присылал «посланника с данью» [Бичурин, 1998, с.243–244]. В результате длительных междоусобиц древнетюркские кочевники оказались в трудном положении. Китайские власти оказали помощь новому кагану. Древним тюркам было направлено большое количество скота. В пограничной полосе Китая были открыты меновые рынки.

В 588–589 гг. войска Западного крыла Первого Тюркского каганата под командованием полководца Савэ совершили большой поход против Ирана. В это войско были привлечены, помимо древнетюркских воинов, вассалы и союзники, вероятно, согдийцы и индийцы. В сражениях с персами на стороне древних тюрок принимал участие даже

отряд боевых слонов. В решающем сражении под городом Герат персидское войско, которое возглавлял выдающийся полководец Бахрам Чубин, нанесло крупное поражение древнетюркским военным силам, а древнетюркский военачальник Савэ погиб. Его сын Пармуда попытался организовать вооруженное сопротивление наступавшим персидским войскам, но потерпел поражение и попал в плен [Гумилев, 1993, с.131].

В то же время китайским властям удалось спровоцировать острый конфликт в ставке правителя Восточного крыла Первого Тюркского каганата. В 589 г. войска империи Суй разгромили южное китайское царство Чень. Из правящей династии этого царства происходила китайская принцесса Цянь-гинь, вдова умершего кагана Шаболио. Суйский император, желая причинить ей боль, прислал ей в подарок «драгоценный дверной щит», захваченный в качестве трофея при штурме дворца правителя царства Чень. Этот «подарок» должен был постоянно напоминать Цянь-гинь о печальной участи ее родственников. Расстроенная принцесса спела по этому поводу печальную песню, которая очень разозлила суйского императора. Он стал требовать от кагана Юнюйлюя, чтобы он убил принцессу Цянь-гинь. Тот был вынужден подчиниться. Однако, гибель вдовы кагана Шаболио вызвала резкое недовольство среди древнетюркской знати, это событие стало поводом для новой междоусобицы в Первом Тюркском каганате. В Восточном крыле Первого Тюркского каганата «открылись большие замешательсва» [Бичурин, 1998, с.246]. К власти в древнетюркском государстве пришел новый каган Бугя-хан Дату. Однако, в это же время китайцы поддержали его соперника Тули-хана, сторонника сближения с Китаем. Данный конфликт между разными претендентами на власть продолжался в течение нескольких лет. Приход к власти Тули-хана Кижиня, считавшего себя ревностным и верноподданным вассалом китайской династии Суй, ускорил центробежные тенденции в едином древнетюркском государстве. Этот древнетюркский правитель, женатый на китайской принцессе, вел себя по отношению к китайскому императору очень подобострастно. Тули-хан выступил с необычной инициативой «переменить одеяние» у древнетюркских кочевников и переодеть их в «одеяние великого царства и иметь законы, общие с китайцами» [Бичурин, 1998, с.248].

В результате затянувшейся междоусобицы в начале VII в. Первый Тюркский каганат окончательно распался на два самостоятельных государства: Западный Тюркский и Восточный Тюркский каганаты [Кляшторный, Султанов, 2000, с.90]. Между Западным и Восточным Тюркскими каганатами в течение последующего периода существования этих государств сохранялось противостояние, иногда переходящее в вооруженные конфликты. Каганы восточных тюрок претендовали на то, чтобы считать правителей западных тюрок своими «младшими братьями». В степях Восточной Европы в течение последующего периода обособился самостоятельный Хазарский каганат, во главе которого осталась местная ветвь древнетюркского правящего аристократического рода Ашина [Артамонов, 2001, с.240].

Острые противоречия и ожесточенная вооруженная борьба за власть между разными группировками древнетюркской элиты, в том числе среди представителей правящего каганского рода Ашина, привели к крушению Первого Тюркского каганата. Эти междоусобицы постоянно поддерживались и стимулировались правящими кругами Китайской империи. Китайские дипломаты неоднократно поддерживали разных претендентов на каганский престол в древнетюркском государстве и тем самым ослабляли каждого из них.

Период существования Первого Тюркского каганата стал важнейшим этапом в развитии и распространении древнетюркской культуры в Степном поясе Евразии. Для древнетюркской культуры были характерны погребения с конем, поминальные оградки с каменными стелами и балбалами, а также некоторые наскальные рисунки [Гаврилова, 1965, с.58–61]. В течение этого периода подобные памятники получили распростране-

ние на территории Центральной и Средней Азии, Казахстана. Заупокойная обрядность у древних тюрок в это время еще в полной мере не сформировалась. Основным видом погребальной обрядности были захоронения по обряду ингумации в сопровождении верхового коня. Сопроводительные захоронения лошадей помещались в могильные ямы справа или слева от умершего человека, головой на юг, в ту же сторону, что и погребенный. Иногда коня помещали в противоположную сторону от человека. Возможно, представители высшей знати древних тюрок хоронили по обряду кремации с сожжением верхового коня. На Кудыргинском могильнике, помимо погребений с конем, имеются одиночные погребения и захоронения лошадей. Кудыргинские могилы были перекрыты овальными или прямоугольными каменными выкладками [Худяков, 2007, с.56]. Вероятно, устойчивый канон древнетюркской заупокойной обрядности в полной мере еще не сформировался.

В период существования Первого Тюркского каганата поминальный обряд стал играть важную роль в военно-дружинной идеологии древних тюрок. Главным показателем посмертной воинской славы и заслуг перед Тюркским элем было количество и протяженность ряда балбалов, служивших символами убитых врагов. В китайском источнике описание поминального обряда совмещено с погребальным ритуалом: «В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойного и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой, вывешивают головы на вехах» [Бичурин, 1998, с.234]. По представлениям древних тюрок души убитых врагов должны были прислуживать ему на том свете. Одиночные и смежные поминальные оградки, раскопанные на могильнике Кудыргэ в Горном Алтае, не имели каменных стел и балбалов. В оградках были неглубокие ямки или каменные ящики, кости домашних животных и угли от поминальной тризны, предметы конской сбруи и вооружения, фрагменты керамики [Гаврилова, 1965, с.14–17]. Воинский характер поминального культа проявлялся не только в установке каменных стел и балбалов, но и присутствии оружия в оградках. Важным хронологическим показателем для поминальных памятников в период первого тюркского каганата были находки предметов бронзовой сбруйной гарнитуры, выполненной в геральдическом стиле. Подобные бронзовые бляшки были обнаружены в поминальном комплексе Аралтобе в Семиречье [Досымбаева, 2006, с.96]. К кудыргирнскому этапу древнетюркской культуры относятся некоторые памятники высшей знати. Они были окружены земляными валами и рвами. Внутри некоторых поминальных комплексов были каменные насыпи и квадратные ограды из каменных плит. Вероятно, в отдельных комплексах были остатки храмов, от которых сохранились остатки деревянных колонн и обломки черепицы. На восток от поминальных сооружений были установлены ряды балбалов. На некоторых балбалах были выбиты тамги [Войтов, 1996, с.29]. На Бугутском и Идэрском памятниках были установлены каменные постаменты в виде скульптуры черепахи. На Бугутском памятнике была установлена каменная стела с навершием в виде драконов. На стеле нанесены надписи на согдийском, индийском, китайском языках [Кляшторный, Лившиц, 1971, с.121]. Внутри ограды была найдена железная оковка седла с чеканенным золотом изображением дракона [Войтов, 1996, с.68]. Поминальные комплексы высшей знати отчетливо демонстрируют стремление подражать престижным элементам китайского императорского заупокойного культа. На памятниках древнетюркской правящей элиты наиболее отчетливо проявился военно-дружинный культ, связанный установкой рядов балбалов в качестве символов убитых врагов.

За пределами территории Монголии памятники древнетюркской элиты встречаются редко. По своим размерам они уступают комплексам высшей знати. Такие ком-

плексы выявлены в Горном Алтае и Казахстане [Худяков, 2007, с.60]. Вероятно, в период существования Первого Тюркского каганата появилась традиция устанавливать на поминальных комплексах «нарисованный облик покойного» древнетюркского воина, хотя она еще не получила широкого распространения. В пользу этого может свидетельствовать находка кудыргинского «изваяния-валуна» с личиной и сценой коленопреклонения в заполнении могилы ребенка на памятнике Кудыргэ [Гаврилова, 1965, с.18–19]. Однако, в этот период традиция установки каменных изваяний еще не была принята правящей элитой древних тюрок, поскольку на памятниках высшей знати антропоморфные скульптуры не устанавливались.

Оказавшись во главе многочисленных тюркоязычных кочевых племен Центральной Азии, древнетюркская правящая элита осознавала необходимость идеологического обоснования своей власти. Представители правящего рода Ашина стремились утвердить свое положение, обращаясь к покровительству верховного бога древнетюркского божественного языческого пантеона – Тэнгри – голубого Неба, владыки верхнего мира. Среди религиозных мероприятий общегосударственного значения были ежегодные жертвоприношения в «пещере предков», из которой, по преданию, в легендарном прошлом появились древние тюрки. В этих религиозных празднествах в качестве верховного жреца выступал правящий каган, соединявший в себе функции верховного властителя и служителя культа [Кляшторный, Савинов, 1994, с.83, 88].

После включения в состав первого Тюркского каганата земледельческих оазисов и городских поселений Восточного Туркестана и Средней Азии в число подданных древнетюркских каганов попало иранское и тохарское население, среди которых были распространены некоторые прозелитарные мировые религии, в том числе буддизм, манихейство и христианство несторианского толка. Необходимость идеологического объединения различных по происхождению, языковой принадлежности, культуре и хозяйственному укладу подданных обусловила попытку тюркских каганов принять буддизм.

Для кудыргинского этапа развития древнетюркской культуры был характерен своеобразный комплекс сопроводительного инвентаря. Период политического подъема древних тюрок во второй половине VI в. н.э. охарактеризовался распространением некоторых важных технических изобретений и культурных инноваций [Кляшторный, Савинов, 1994, с.101–102]. Наиболее существенными среди них были новации, относящиеся к верховой езде и военному делу. Повсеместное освоение седел с жестким остовом и железными стременами упрочило посадку всадников и существенно расширило возможности их участия в ближних боях, чему способствовало создание панцирной кавалерии. Военные победы древних тюрок способствовали повсеместному распространению жестких седел и стремян в кочевом мире и за его пределами. Древние тюрки распространили усовершенствованные скорострельные сложносоставные луки, рассчитанные на стрельбу в дистанционных боях, ударные копья, предназначенные для нанесения таранного удара, палаши и сабли, предназначенные для фехтования в конных ближних боях; ламеллярные панцири и сфероконические шлемы, защитные попоны. Эти новации обеспечили определенное преимущество древнетюркской тяжеловооруженной кавалерии над своими противниками в кочевом мире.

Период существования Первого Тюркского каганата оказался сравнительно недолгим. В дальнейшем историческое развитие и культурогенез древних тюрок в Западном и Восточном Тюркском каганатах имели некоторые различия, но сохраняли определенное культурное единство.

Второй Восточный Тюркский каганат

В результате окончательного разделения единого Первого Тюркского каганата на два государства в степях Центральной Азии образовался самостоятельный Восточный Тюркский каганат. В начале VII в. к власти в этом государстве пришел к власти Чэби-хан. В первые годы своего правления он довольно ревностно выполнял свои обязанности вассала по отношению к китайскому императору. Он исправно присылал дань и являлся к императорскому двору династии Суй. В то же время ослабление позиций Суйской династии в самом Китае позволило тюркскому кагану восстановить независимое положение Восточного Тюркского каганата.

После падения Восточного Тюркского каганата китайские власти, опасаясь усиления телесского государства Сеяньто, попытались восстановить под своим контролем тюркское государственное объединение, во главе которого хотели поставить своего верного вассала из правящего рода древних тюрок Ашина Сымо. Правитель Сеяньтосского каганата Инань сразу почувствовал в этом решении угрозу своему правлению в Центральной Азии и попытался договориться с китайцами. Сначала он попытался договориться с китайцами о том, что нельзя восстанавливать государственность древних тюрок, поскольку это таит серьезную угрозу для самого Китая и даже предлагал свои услуги по устранению древних тюрок. Когда этим планам не дано было осуществиться, Инань направил против восточных тюрок сеяньтосское войско, возглавляемое полководцем Дадуше. Однако, Ашина Сымо не принял боя и ушел со своими подданными на юг, под защиту китайских войск. Выступившему на их защиту объединенному китайскому и древнетюркскому войску удалось разгромить сеяньтосскую армию. Несмотря на эту победу, сохранить искусственно восстановленное древнетюркское государство не удалось. Тюркские кочевники не доверяли назначенному китайскими властями правителю из рода Ашина. Пробыв во главе древнетюркской орды три года, Ашина Сымо отказался от власти и перешел на службу в китайскую армию. Он продолжал считаться главой восточных тюрок вплоть до своей гибели. После него правителем восточных тюрок стал его преемник Чэби-хан (Шиби-хан Дуги). Против него выступили сеяньтосцы. Чэби-хан был вынужден бежать от границ Китая и разместил свою ставку «на север от Золотых гор (Алтая). Оставшийся народ понемногу подчинился ему» [Кюнер, 1961, с.187]. В первые годы своего правления он безропотно выполнял свои вассальные обязанности. Однако, ослабление позиций династии Суй в самом Китае позволило ему восстановить независимое положение Восточного Тюркского каганата.

В 615 г. во главе войска восточных тюрок Чэби-хан совершил поход на Китай и даже смог окружить китайское войско, во главе которого был сам император. Однако, после подхода дополнительных сил китайцев Чэби-хан не решился дать сражение и ушел со своим войском в центрально-азиатские степи. В самой китайской империи в это время разразилась гражданская война. На сторону древних тюрок перешли несколько китайских полководцев со своими войсками. Под покровительством Чэби-хана оказалась даже императрица Сяо-хэу из династии Суй. Благодаря этим событиям под властью древнетюркского кагана оказались внушительные военные силы. По оценке китайских летописцев, никогда прежде «северные кочевники не были столь сильны» [Бичурин, 1998, с.250]. Несмотря на поддержку прежней династии, Чэби-хан попытался установить контакты и с претендентом на императорский престол из новой династии Тан. Первый император из этой династии Гао-цзу, стремясь заручиться поддержкой кагана, всячески демонстрировал свое уважение древнетюркским послам, которые нередко вели себя вызывающе. Преемник кагана, Чуло-хан, продолжил эту политику. Он взял в жены принцессу И-чен из династии Суй. Когда древнетюркский отряд потерпел поражение от танского войска, он принял императрицу Сяо-хэу и поддержал претензии на престол претендента Ян Чжэндао, открыто вмешавшись в междоусобицу в Китае [Бичурин, 1998, с.250–251]. После его

смерти новый каган Хйели-хан продолжил политику своих предшественников. Он собрал большое войско и «возымел намерение обидеть Китай» [Кюнер, 1961, с.184]. В течение нескольких лет древние тюрки совершали набеги на пограничные районы Китая. Танский император Гао-цзу, стремясь ослабить натиск на свои владения, был вынужден «унижаться перед ханом и делать большие пожертвования» [Бичурин, 1998, с.252]. В последующие годы древние тюрки совершили несколько неудачных походов на Китай, но были вынуждены отступать перед китайской армией, которую возглавил выдающийся полководец, император Тайцзун. Военные неудачи обострили внутренние междоусобицы в Восточном Тюркском каганате. Против древних тюрок восстали многочисленные телесские племена. Посланное против них древнетюркское войско потерпело поражение. В это же время на кочевников обрушились стихийные бедствия. В центрально-азиатских степях «выпали глубокие снега. От стужи много погибло лошадей и овец; люди терпели голод» [Бичурин, 1998, с.259]. В 628 г. вожди некоторых телесских племен вышли из подчинения древним тюркам и предложили служить китайским властям. Положение Хйели-хана стало критическим. В 630 г. во главе оставшихся в его распоряжении войск он подошел к границе империи Тан и обратился к китайским властям с предложением принять его в качестве вассала. Однако китайские войска внезапно напали на древних тюрок, которые не оказали сопротивления и сдались. Каган Хйели-хан был захвачен в плен, поселен в китайской провинции, где умер в неволе в 634 г. [Бичурин, 1998, с.261]. Восточный Тюркский каганат прекратил свое существование и распался под давлением внутренних междоусобиц, восстаний телесских племен и вспыхнувшей среди кочевников страшной эпидемии, которая привела к большой убыли кочевого населения. Правители Танской империи всячески поощряли междоусобные распри среди правящей элиты восточных тюрок и поддерживали стремление вождей телесских племен принять китайское подданство [Худяков, 2007, с.71]. В последующие полвека восточные тюрки оказались под властью китайской империи, возглавляемой династией Тан. Некоторые китайские чиновники советовали расселить древних тюрок чересполосно с китайцами, чтобы со временем полностью их ассимилировать. Другие советники предлагали полностью их истребить. Однако император Тайцзун приказал поселить древних тюрок в качестве военных поселенцев в степях вдоль северной границы и разделил на четыре пограничных округа, чтобы они несли военную службу по охране китайских земель и принимали участие в военных действиях на стороне империи Тан [Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с.266–268]. Несколько тысяч семей знатных восточных тюрок было поселено в столице китайской империи Тан. Из них сотне самых знатных людей было разрешено присутствовать на дворцовых приемах. Пятьсот древнетюркских старейшин были назначены командирами вспомогательных войск в составе китайской армии. С этого времени древним тюркам пришлось платить «налог кровью», участвовать в составе китайских войск в многочисленных войнах, которые вела империя Тан. По этому поводу на каменной стеле, установленной в Хушо-Цайдаме в честь принца Кюль-тегина написано, что восточные тюрки были обязаны отдавать китайскому императору свои «труды и силы». Китайские военачальники не жалели жизней древнетюркских воинов, чем больше их погибало в боях, тем легче было управлять остатками восточных тюрок. Куда бы ни посылались войска, составленные из древнетюркских воинов, их «кровь бежала (там) как вода», а «кости лежали (там) как горы» [Кляшторный, 1964, с.23–24]. На полстолетия восточные тюрки перестали быть хозяевами своей судьбы. Однако они сумели сохранить особенности своей культуры, которые получили дальнейшее развитие после восстановления государственности восточных тюрок. Китайские власти пытались противопоставить восточных тюрок, возглавляемых правящим родом Ашина, телесским племенам, создавшим свои государственные образования. В результате такой политики многие телесские племена признали себя вассалами империи Тан. Однако, восточные тюрки, проживавшие в пограничных

округах, вдоль границ империи Тан, не оставляли надежды возродить свою государственность. В 679 г. древнетюркские кочевники, жившие в этих землях, восстали против китайских властей. Китайские войска подавили это восстание. Из нескольких сотен повстанцев уцелело всего семнадцать человек, которых возглавлял Кутлуг из рода Ашина. После поражения они бежали и укрылись в горах Иншань, расположенных севернее границ Танской империи. К ним стали приходить древнетюркские кочевники, недовольные жизнью под властью китайских чиновников. Вероятно, китайские власти не сразу обратили внимание на эту небольшую группу восставших. Когда численность повстанцев достигла семисот человек, они напали на телесские племена, угнали у них «множество овец и лошадей», за счет чего смогли обеспечить свое существование. После этого китайские власти направили к ним тюркского военачальника на китайской службе, Ашидэ Юаньчженя, который должен был уговорить восставших покориться и «искупить вину» перед империей Тан. Однако, совершенно неожиданно он перешел на сторону повстанцев. Он принял тюркское имя Тоньюкук, стал ближайшим советником Кутлуга, который провозгласил независимость Тюркского эля – второго Восточного Тюркского каганата, а сам принял имя Эльтерес-каган [Кляшторный, 1964, с.31]. Древним тюркам удалось восстановить свое государство, которое принято именовать Вторым Восточным Тюркским каганатом. Была восстановлена десятичная система деления войска и народа, согласно которой все мужское население было приписано к определенным воинским отрядам. В этом государстве были приняты тюркские чиновничьи должности и титулы [Худяков, 2007, с.76]. Идеологом древнетюркского культурного возрождения в этом государстве стал «мудрый советник» первых восточных тюркских каганов Тоньюкук, который был хорошо знаком с китайской культурой, сам много лет служил в китайской армии и считал, что китайская культура изнеживает тюрок, делает их слабыми.

Вслед за этим начались военные действия с китайцами. Восточным тюркам удалось нанести поражение китайскому войску в местности Синьчжоу, в центральной части китайского Шаньюева наместничества. После этого многие кочевники примкнули к восточным тюркам. Китайская императрица У-хоу послала против них большое войско, под давлением которого восточные тюрки были вынуждены покинуть Ордос и горы Иншань, отступить в степи Центральной Азии. «Гудулу врассыпную бежал на север от Каменистой пустыни» [Кюнер, 1961, с.189]. Восточные тюрки преодолели пустыню Гоби и выбрали в качестве основной территории своего местопребывания «Отюкенскую Чернь» – Хангайские горы. По утверждению Тоньюкука, именно ему принадлежала идея «обретения» Отюкенской Черни, в местности, расположенной вдали от границ империи Тан, в военной мощи которой он видел главную опасность для древнетюркской государственности. В посвященной ему памятной надписи на поминальном комплексе в окрестностях Налайхи говорится, что именно он «привел тюркский народ в землю Отюкен», и что он сам «мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкен» [Кляшторный, 1964, с.33]. Новое местоположение ставки кагана восточных тюрок было гораздо более выгодным по сравнению с ее прежним расположением в горах Иншаня, в опасной близости от границ китайской империи Тан. Однако против восточных тюрок в Отюкене выступили все окружающие телесские кочевые племена Центральной Азии, которые не захотели вновь подчиняться каганам из рода Ашина. «Справа (т.е. на севере) народ токуз-огузов (под начальством) Баз-кагана был (ему) (т.е. тюркскому народу – Ю.Х.) врагом, киргизы, курыканы, тридцать татар, кытай и татабы все были (ему) врагами» [Малов, 1951, с.38]. Со времени переселения на территорию Хангайского нагорья восточным тюркам пришлось практически непрерывно воевать с телесскими племенами, которых древнетюркские каганы считали «своим собственным народом». Войску восточных тюрок под командованием Тоньюкука удалось разгромить основные силы телесцев в сражении на р. Толе в центральной части Монголии.

После этого к восточным тюркам пришли «южные народы, западные, северные и восточные народы» [Кляшторный, 1964, с.33]. После разгрома главных военных сил телесских племен, все тюркоязычные кочевники, проживавшие в Хангае, были вынуждены признать верховную власть кагана Эльтерэса. В течение последующих десятилетий, пока существовал Второй Восточный Тюркский каганат, главной задачей правителей этого государства было подчинение и удержание под своей властью телесских племен, которые составляли наиболее многочисленную часть кочевого населения Центральной Азии. Из числа телесцев набиралась большая часть воинов, из которых формировалось войско восточных тюрок. Именно силами телесцев восточные тюрки «геройствовали в пустынях севера» [Бичурин, 1998, с.308].

Против восточных тюрок, нарушивших своим вторжением сложившийся ранее баланс политических сил в степях Центральной Азии, создалась целая коалиция враждебных им племен. На их стороне против восточных тюрок выступила империя Тан. Несмотря на неравное соотношение сил, Эльтерэс-кагану и Тоньюкуку удалось привлечь на свою сторону восточных тюрок и их союзников в кочевом мире и утвердить свое положение среди номадов. Важная роль в восстановлении древнетюркской государственности в период возрождения Второго Восточного Тюркского каганата принадлежала идеям возрождения прежних тюркских национальных традиций, обычаев и особенностей тюркской военно-административной системы деления войска и народа, тюркской воинской славы. Одновременно среди правящей элиты восточных тюрок получила распространение идея отказа от заимствований элементов китайской культуры, которые были восприняты у китайцев в период подчинения восточных тюрок империи Тан. Обращаясь к своим соплеменникам, властители восточных тюрок нередко пытались аппелировать к величественному историческому прошлому в период правления основателя Первого Тюркского каганата эль-кагана Бумына. События этого далекого прошлого воспринимались восточными тюрками как героическое и легендарное прошлое. Вполне возможно, что на волне этих настроений в начальный период образования Второго Восточного Тюркского каганата, для прокламативных целей была разработана на основе согдийского письма древнетюркская руническая письменность [Щербак, 2001, с.78–79]. Наряду со своей рунической письменностью древние тюрки продолжали пользоваться согдийским письмом и китайской иероглификой. Вероятно, в окружении кагана восточных тюрок появились согдийские советники, так же, как это было в период Первого Тюркского каганата. После смерти первого правителя восточных тюрок, возродившего Второй Восточный Тюркский каганат, Эльтерэс-кагана, в память о нем были проведены поминальные торжества и был сооружен монументальный комплекс Шивээт-Улан, в центре которого была установлена каменная стела с тамгами всех вождей восточных тюркских родов и племен, ранее поддержавших восстание против китайских властей [Худяков, 2003, с.115]. После смерти Эльтерэс-кагана, во главе Второго Восточного Тюркского каганата встал его брат Капаган, которого китайцы называли Мочжо. Он попытался установить мирные отношения с империей Тан, предложив императрице У-хоу военную помощь в подавлении восстания киданей. Получив на это согласие, Капаган послал свои войска и разгромил киданей. У-хоу была очень довольна и отправила посольство восточным тюркам с «бунчуком и грамотой на высший титул», в которой признавала Мочжо законным правителем. Однако, китайский посол еще не успел доехать до ставки Капагана, как восточные тюрки напали на пограничные районы Китая. Несмотря на это, Капаган-каган отправил в империю Тан свое посольство с извинениями и даже согласился признать себя «сыном» императрицы, т.е. вассалом. Он также просил отправить к нему всех тюрок, остававшихся в Китае, и оказать помощь продовольствием и железными изделиями: зерном, земледельческими оружиями и прислать «несколько десятков тысяч гинов железа» [Бичурин, 1998, с.273–274]. Вероятно, в этот период восточные тюрки остро нуждались в продовольствии

и пытались сами заниматься земледелием. После некоторых колебаний было «послано хану просо, земледельческие орудия, несколько тысяч кибиток покорившихся» тюркских кочевников [Бичурин, 1998, с.274]. После их прибытия военные силы восточных тюрок возросли. После этого Капаган отказался признать себя вассалом и обвинил императрицу в узурпации власти. Императрица У-хоу страшно возмутилась таким вероломством и послала против Капагана китайские войска, которые потерпели неудачу. Он пообещала дать княжеский титул тому, кто убьет Капагана. В то же время она была вынуждена отказаться от планов утвердить собственную династию и вернула в столицу принца из династии Тан, сохранив преемственность власти [Бичурин, 1998, с.274]. Эти события показали, что каган восточных тюрок может на равных бороться с Китаем. Правление Капаган-кагана было временем наивысшего военно-политического могущества Второго Восточного Тюркского каганата. В результате некоторых преобразований военно-административная система в каганте была изменена. Армия разделена на правое, левое крылья и центр. Правое крыло – тардуш насчитывало двадцать тысяч воинов во главе с шадом Могиляном, сыном Эльтерэса. Левое крыло – толис также включало два тумена войска во главе с братом Капагана, Дусифу. Центр насчитывал сорок тысяч воинов. Его возглавил сын кагана Бегю [Худяков, 2007, с.80]. Новое разделение войск усилило их управляемость и власть самого Капагана. Хорошо организовавнное войско восточных тюрок одержало ряд побед над своими основными противниками. В правление Капаган-кагана восточные тюрки нанесли поражения киданям, татабам и китайцам. Каган восточных тюрок, «упоенный славою побед низко думал о срединном государстве и даже гордился перед ним». Все «иностранные владения повиновались его повелениям» [Бичурин, 1998, с.275]. Чтобы успешно противостоять восточным тюркам, их соперники в кочевом мире объединились в коалицию, в состав которой вошли «табгачи» (китайцы) и «народ десяти стрел» (тюргеши). Однако, самую большую опасность для восточных тюрок представлял «кыргызский сильный каган». Восточные тюрки решили разбить своих противников поодиночке. В 709 г. войско восточных тюрок совершило поход в Туву, где покорило племена чиков и азов. Зимой 710–711 г. восточно-тюркская армия под командованием полководцев Тюньюкука, Могиляна и Кюль-тегина совершило поход через Саянские горы в Минусинскую котловину и нанесло поражение енисейским кыргызам в Черни Сунга. В этой жестокой битве кыргызы потерпели поражение, а их правитель Барс-бег погиб. Кыргызский народ «стал рабынями и рабами» [Малов, 1951, с.39]. Минусинская котловина была завоевана. На ее территории были расселены восточные тюрки. В том же 711 г. войско под командованием Тоньюкука совершило поход в Среднюю Азию, разгромило тюргешей, но встретило сопротивление со стороны арабов и было вынуждено вернуться в Центральную Азию. Не очень удачным оказался и последующий поход древних тюрок в Восточный Туркестан, где под городом Бешбалык они дали шесть сражений подряд, но так и не добились успеха [Худяков, 2007, с.81]. Эти военные неудачи привели к внутренним осложнениям во Втором Восточном Тюркском каганате. Против восточных тюрок восстали кидани и карлуки, а вслед за ними и телесские племена. В 715 г. восточные тюрки нанесли племенам теле пять поражений, но так и не смогли сломить их сопротивление окончательно. В 716 г. предводитель племени байырку напал на ставку Капагана в долине р.Толы. Нападение удалось отбить, но Капаган был убит [Кляшторный, Савинов, 1994, с.27]. Его голову вождь байырку отослал в Китай в надежде на получение награды от китайского императора. Внезапная гибель Капагана привела к междоусобице в ставке кагана. Власть захватил его сын Бегю. Однако полководец Кюль-тегин сверг узурпатора и привел к власти своего старшего брата Могиляна, который воцарился под именем Бильге-кагана. После прихода к власти ему пришлось заново покорять восставшие кочевые племена. Против восточных тюрок была создана новая коалиция, включавшая китайцев, татабов и басмылов. В 720 г. войско восточных тюрок под командованием Тонь-

юкука разгромило басмылов и взяло Бешбалык. Армия самого Бильге-кагана одержала победы над киданями и татабами. «После этих побед» восточные тюрки «сделались страшными и покорили весь народ, бывший под державою Мочжо» [Бичурин, 1998, с.280]. Войско Тудуна Ямтара разгромило карлуков и захватило крупные табуны лошадей, которых раздали тем кочевникам, кто сохранил верность Бильге-кагану [Кляшторный, Савинов, 1994, с.27]. В 721 г. китайские власти были вынуждены пойти на переговоры. Император Сюаньцзун согласился заключить мир, но отверг предложение о династийном союзе. В 731 г. умер выдающийся полководец восточных тюрок принц Кюльтегин. В знак уважения к нему в Хушо Цайдаме был сооружен поминальный комплекс. Император «приказал изсечь надпись на ккаменном памятнике, построить храм и поставить статую его» [Бичурин, 1998, с.282]. Этот знаменитый памятник содержит стелу с надписями, статуи Кюль-тегина и его жены, и участников траурной церемонии. После долгих колебаний китайский император согласился на заключение династийного брака между Бильге-каганом и китайской принцессой. Однако, каган восточных тюрок был отравлен одним из своих приближенных и заключить союз не удалось. В Хушо Цайдаме с помощью китайских мастеров в честь умершего кагана был сооружен величественный поминальный храм. В ходе раскопок этого памятника были обнаружены богатые дары и корона древнетюркского кагана [Баяр, 2004, с.78–81].

После смерти Бильге-кагана престол занял его сын Ижань, который продолжил политику отца. Однако, новый каган не пользовался должным авторитетом у знати восточных тюрок. Китайский император называл Ижаня «своим сыном», подчеркивая неравноправность его положения. В 740 г. на престол был возведен малолетний Бигя-Гудулу-каган. Между его приближенными обострилась борьба за власть. Ослаблением государства воспользовались вассальные кочевые племена. В 742 г. восстали племена басмылов, уйгуров и карлуков. Часть восточных тюрок, недовольных своим положением откочевала к границам Китая и приняла китайское подданство. Правитель басмылов провозгласил себя каганом, но в 744 г. был убит уйгурами. В Центральной Азии образовался Уйгурский каганат. В 745 г. остатки восточных тюрок были разгромлены и покорены уйгурами [Худяков, 2007, с.84]. Второй Восточный Тюркский каганат прекратил свое существование.

Период существования этого государства имел важное значение для развития культуры древних тюрок в Центральной Азии. В течение этого времени сформировались основные компоненты древнетюркской культуры, в том числе особенности погребальной и поминальной обрядности, предметного комплекса, получила распространение древнетюркская руническая письменность.

§ 2. Кимакский каганат

Булат Кумеков

После распада Тюркского каганата образовались тюркские государства, продолжившие древнетюркские традиции, среди которых был и Кимакский каганат.

Ранний этап истории кимаков был связан с племенем яньмо, отмеченным в китайских источниках в связи с событиями VII в. в западнотюркской среде. Синологи отождествляют яньмо с племенем йемек (имек), которое, как считает большинство исследователей, является фонетической разновидностью имени кимак. Яньмо, одно из телеских племен, в начале VII в. обитало в бассейне Кобдо, в северо-западной Монголии. На востоке от них находились огузы, а на юге расселялись тюргеши и карлуки. К середине VII в. имеки (кимаки) откочевали в районы севернее Алтайских гор и в Прииртышье. Обособление этого племени происходит после падения Западнотюркского кагана-

та в 656 г. Скорее всего, именно в это время возникает ядро кимакского племенного союза. Глава племени кимаков носил титул «шад-тутук». Титулы «шад» и «тутук» были широко известны в тюркской среде и неоднократно упоминаются в древнетюркских рунических надписях VII–IX вв.

Во второй половине VIII – начале IX вв. происходит движение кимакских племен в трех направлениях: на северо-запад к Южному Уралу (в основном, кипчаков), на юго-запад к бассейну Сырдарьи, на юг в пределы Северо-Восточного Семиречья. Между 766 и 840 гг. кимаки заняли территорию Западного Алтая, Тарбагатая и Алакольской котловины, дойдя до северных пределов токуз-гузов, обитавших в Восточном Туркестане. Граница между ними проходила по Джунгарскому хребету.

После распада в 840 г. Уйгурского каганата в Центральной Монголии, часть входивших в него племен (татар, эймур, баяндур) присоединилась к ядру кимакского объединения. Именно в это время складывается кимакская федерация в составе семи племен. Теперь глава кимакских племен стал носить титул байгу (ябгу). Титул ябгу по степени своего достоинства был выше шада. Известно, что титул ябгу носила правящая верхушка различных тюркоязычных народов – карлуков, огузов, уйгуров и др.

Таким образом, в конфедерацию кимакских племен вошли и татары, объединение которых (токуз-татар) в предшествующее время входило в состав токуз-гузов Центральной Азии и было связано с ними тесными политическими и культурными узами. Союз кимакских племен не стал образованием, основанным на кровнородственных связях, а базировался на принципах территориально-административных отношений. В социальном плане объединение кимаков стояло над родоплеменными структурами, ибо племена в нем были связаны между собой иерархическими и вассальными отношениями, строго регламентированными устоями общества.

В начале IX в. кимаки продвинулись к Сырдарье, затем в союзе с карлуками помогли огузам нанести поражение и вытеснить кангаро-печенежские племена из Сырдарьи и Приаралья.

Образование Кимакского каганата

Бурные события второй половины VIII – IX вв., в ходе которых кимакские племена прочно укрепились на территории от Среднего Иртыша до Джунгарских ворот и продвинулись на запад вплоть до Южного Урала и бассейна Сырдарьи, дали толчок развитию государственных организаций кимаков. Первое упоминание о государственном образовании у кимаков появляется в арабоязычных историко-географических сочинениях конца IX – начала X вв. Так, историк и географ IX в. ал-Якуби, отличающийся широкой осведомленностью и сравнительно высокой точностью своих сообщений, упоминает о государственности кимаков и других тюркоязычных народов: «Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей и государств (мамалик), в том числе: карлуки, токузгузы, кимаки и огузы. У каждого племени тюрок отдельное государство, и одни из них воюют с другими». Любопытные сведения о кимаках имеются у Ибн ал-Факиха (Хв.), который пишет, что огузы, токузгузы и кимаки – самые сильные из всех тюрок, имеют царей. А классические арабские географы ал-Истахри и Ибн Хаукаль сообщает о том, что «в пределах тюрок (их) цари отличаются сообразно их государствам».

Могущество кимакского правителя было значительным. Со времени сложения у кимаков каганата в конце IX – начале X вв. их царь стал носить высший тюркский титул – каган (хакан). «Хакан – главный царь тюрков. Хакан – это хан ханов, то есть предводитель предводителей, подобно тому как персы говорят шаханшах» констатирует среднеазиатский ученый X в. ал-Хорезми. Титул каган стоял на две ступени выше, чем титул ябгу.

Таким образом, по мере социального и политического развития кимакского общества от племени до государственного образования шел последовательный переход в титулатуре их глав, от низшей ступени к высшей, от шад-татука и ябгу до кагана. В сравнительном плане для знати древних тюрок была характерна следующая градация: шад, ябгу (улуг шад), кичиг каган, улуг каган. Как видно, связь между кимакской и древнетюркской титулатурами бесспорна, и она указывает на преемственность между кимакской средой и древнетюркской прародиной.

Каган кимаков обладал реальной властью, в пределах своего государства он назначал правителей, которые были представителями племенной знати. Институт наследственной передачи власти имел место не только внутри каганской семьи и ханского рода, но и наблюдался у племенной знати. Так уделы 11 управителей кимакского кагана передавались по наследству детям этих управителей.

В процессе образования кимакского каганата, также как и при создании племенных объединений, большую роль играли военные институты. Управители были в то же время и военными вождями, которые получали от хакана за службу уделы. Удельные владения выставляли кагану определенное количество войска. Этническая среда в этих уделах, скорее всего, состояла, в основном, из представителей одного и того же племени. Зарождение удельно-племенной системы было следствием крупных перемен в общественном строе. Владельцы уделов, как обычно, находились в подчинении кимакского кагана. Вследствие единения военного и административного начал, управители-вожди, стоявшие во главе крупных племенных объединений, стремились укрепить индивидуальные кочевые хозяйства и упрочить свой политический вес. Некоторые из них превращались в полузависимых ханов, стремившихся при благоприятных условиях к захвату верховной власти в государстве. Арабский географ ал-Идриси (XII в.), использовавший при описании страны кимаков книгу, написанную сыном кимакского кагана Джанахом ибн Хакан ал-Кимеки (X или XI вв.), пишет о наличии у кимаков ряда самостоятельных владений во главе с правителями. Их резиденциями служили города, окруженные стеной, надежно укрепленные замки-крепости, часто располагавшиеся на возвышенных местах. В этих городах и крепостях правители содержали многочисленное войско. Богатство и склады их хранились в городах и крепостях, расположенных в неприступных горных областях, тщательно охраняемых по указанию хана (малик). Ставка кагана кимаков, его орда, находилась в г.Имекия (или Кимекия), который был окружен укрепленной стеной с железными воротами. В городе находилось его многочисленное войско и его казна. По существу, различий между каганской властью и властью государственной не существовало.

Сведения персидского анонима «Худуд ал-алам» (X в.) об 11 управителях, а также сообщение ал-Идриси о том, что «у хакана кимеков хаджиб, везиры, справедливое и благополучное государство» позволяет думать о наличии аппарата управления. Как бы примитивна ни была государственная власть, она, однако, есть прежде всего результат социального расслоения общества. Косвенные данные средневековых источников недвусмысленно свидетельствуют о социальной дифференциации в кимакской структуре. Персидский историк Гардизи (XI в.) указывает на то, что кочевники в кимакской среде «пасли табуны своих господ», а также отмечает: «на зиму они (т.е. кимаки) заготовляют сушеное мясо, баранье, лошадиное или коровье, каждый по мере своих средств». Согласно аль-Идриси только знатные могли носить одежду из красного и желтого шелка, подчеркивая, тем самым, свое привилегированное положение по отношению к рядовому кочевнику. По сведениям этого же автора, в городах кимаков, наряду с конными, имелись и пешие войска. Несомненно, контингент пеших войск, как обычно, был представлен двумя категориями людей: разорившимися кочевниками и пленными. Ар-

хеологический материал из захоронений кимакских племен также ясно свидетельствует о различиях в ценности и объеме инвентаря, положенного вместе с погребенными.

Глубокое имущественное неравенство и кимакском обществе, с одной стороны, вело к образованию кочевой аристократии, а с другой – к разорению значительной массы рядовых кочевников. Очевидно, часть лишившихся скота кочевников вынужденно переходила, как об этом свидетельствует знаток тюркской среды Махмуд ал-Кашгари (XI в.), к оседлости (ятуки). Ятуки занимались ремеслами, рыболовством, оседали на зимовках, жили в небольших поселениях вокруг кочевнических ставок, перераставших постепенно в города. Средневековые города вскоре становились не только военно-административными центрами, но и местом средоточия торговли, ремесла и земледелия.

О существовании в кимакском государстве налоговых сборов можно предположить по тому факту, что из золота, собираемого тюрками по береговой линии кимакского моря, их царь брал обязательную долю, а остатком довольствовался владелец.

Кимаки знали письменность, об этом свидетельствует арабский путешественник Абу Дулафа (X в.): «У них растет тростник, которым они пишут». По всей вероятности, кимаки писали тростниковыми перьями и пользовались древнетюркским алфавитом. Об этом же говорят находки из Прииртышья и из Тарбагатайских гор – бронзовые зеркала с древнетюркской надписью, датированные IX–X вв.

В IX – начале XI вв. у кимаков бытовали древние тюркские религиозные верования, значительное место среди которых занимали культ Тенгри и культ предков. Отдельные группы поклонялись огню, солнцу, звездам, реке и горам. Распространенной формой религии был шаманизм. Вместе с тем, некоторые группы кимаков исповедовали манихейство – религию христианского толка. Быть может, ислам получил определенное распространение среди кимакской знати; по крайней мере, само имя Джанах Ибн Хакан ал-Кимеки как будто свидетельствует об этом, как и написанная им по-арабски книга. В этом отношении немаловажно и то, что отдельные особенности кимакских погребений относят за счет мусульманских погребений. Как известно, приобщение к одной из мировых религий (исламу, христианству) является определенным показателем уровня социально-экономического развития.

И в социальном, и в культурном отношении кимаки во многом унаследовали и развили традиции, сложившиеся в древнетюркской среде VI–IX вв., а с конца IX в. до начала XI в. у них существовало сложившееся государство.

В средневековых источниках сообщается о политических взаимоотношениях кимаков с сопредельными народами. Во внешнеполитическом курсе кимакский каган был довольно предприимчив. Так, ал-Идриси о нем сообщает следующее: «Царь кимеков один из великих царей и один из славных своим достоинством... Тюркские цари опасаются власти хакана кимеков, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него раньше подобные действия».

О военной экспансии кимакских правителей на юг, завершившейся захватом части земель токуз-гузов, свидетельствует сообщение о том, что кимакский город Карантия, расположенный на юго-восточном берегу озера Гаган (совр. Алаколь), некогда принадлежал токуз-гузам. Кимаки совершили набеги на Джамлекес в Восточном Туркестане, пограничный город токуз-гузов, сохранивших в X в. лишь северо-западную часть своих владений.

Вместе с тем, и это очень важно, источники отмечают, что в мирные времена кимаки перекочевывали в земли огузов, а огузы – к кимакам. Войны не были определяющими в отношениях между ними. Не случайно поэтому, что тесные связи между кимако-кыпчакскими племенами и огузскими племенами наложили печать на их язык, быт и культуру.

Основываясь на косвенных данных ал-Идриси можно предположить, что каган кимаков вторгался и в страну енисейских кыргызов. «Все города страны кыргызов, – сообщает ал-Идриси, – расположены на территории, пространство которой измеряется тремя днями пути. Их четыре, большие, окруженные стенами, и обитаемые трудолюбивыми и мужественными народами, которые особенно должны опасаться предприимчивости царя кимеков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями». Но с другой стороны, только тесными этнокультурными связями между кыргызскими и кимакскими племенами объясняется наличие у них многих сходных черт в быту. Так, район кимаков, называемый Кыркырхан, был известен своим населением, обычаи которого были похожи на обычаи кыргызов.

В свою очередь сопредельные династии и народы совершали нападения на становища кимаков. Предпринимались военные походы караханидов вглубь кимакских земель, порой они доходили до Иртыша.

В начале X в. рубежи Кимакского каганата стабилизировались. Взаимные военные набеги кимаков и их соседей все чаще сменялись мирным общением с соседями. Об этом могут, в частности, свидетельствовать многочисленные торговые пути к кимакам, пролегавшие из Волжско-Камской Булгарии в Поволжье, Саманидов из Средней Азии, от огузов, карлуков, токуз-гузов и кыргызов. От тракта Великого Шелкового пути ответвлялась сеть караванных дорог, ведших к ставке кагана на Иртыше.

Падение Кимакского каганата

В конце X – начале XI вв. распадается кимакское государство. Его падение было вызвано двумя причинами. Внутреннего характера, связанного, главным образом, с центробежными тенденциями кыпчакских ханов, стремившихся к самоопределению и созданию собственной государственности. И внешними событиями, скорее всего, под действием миграции кочевых племен Центральной Азии, переселение которых относится к началу XI в. Основной причиной миграции ученые считают образование в Северном Китае в 916 г. государства Ляо, основанного кочевыми племенами киданями. Расширение земель этой державы на запад привело в дальнейшем к передвижению кочевых племен. Отзвуки грандиозной миграции племен отразились во многих средневековых источниках: арабо-персидских, русских, армянских, венгерских, византийских, сирийских. Из этого круга следует отметить, прежде всего, сведения арабского ученого ал-Марвази (XII в.), в сочинении которого сохранена наибольшая информация относительно данного передвижения: «Среди них (тюрок) есть группа людей, которые называются кун, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хакана. Они – христиане несторианского толка. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из их (числа) Икинджи ибн Кочкар Хорезмшах. Их (кунов) преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Тогда куны переселились на землю шары, а шары переселялись на землю туркмен. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского моря». Под Армянским морем имеется в виду Черное море. Следовательно, эта миграция затронула народы от Китая до Черного моря.

Анализ этих сведений рядом ученых позволяет воссоздать в кратком виде следующую картину: племена каи и кун, потеснив группировки кимако-кыпчакских племен в Северо-Восточном Семиречье и Прииртышье, нанесли удар кимакскому государству. Тем самым, каи привели в движение кыпчаков, вытеснивших огузов из бассейна р. Сырдарьи, Западного Приаралья и Северного Прикаспия и вынудивших их переселиться в причерноморские степи.

После захвата огузских земель кыпчакские ханы значительно усилились и сделались первенствующими по силе и мощи на основной территории прежнего расселения

кимако-кыпчакских и куманских племен, кимаки же в ходе этих событий не только потеряли политическую гегемонию, но и оказались в зависимости от кыпчаков. Одна часть кимаков удержалась на Иртыше, вторая оказалась в области Туркестана и Средней Азии, а третья группировка в составе кыпчакских племен двинулась на запад, в Южнорусские степи. Кыпчаки стали преемниками кимакской государственности.

Этнический и племенной состав

В источниках нет никаких прямых указаний, ставящих под сомнение тюркскую этническую и языковую принадлежность кимаков. Напротив, все писавшие о них единодушно относили кимаков к числу основных тюркских племен. Первое по времени упоминание этнонима кимак в письменных источниках относится к событиям VIII в. и связано со списком политически и социально значимых тюркских народов по данным арабского географа Ибн Хордадбеха (IX в.), в сочинении которого перечисляются кимаки наряду с токуз-гузами, огузами, печенегами, карлуками, кыпчаками, азкишами, тюргешами.

Первоначальный состав кимакской федерации приведен в сочинении Гардизи. В этот союз входили семь племен: татар, кыпчак**,** имек, эймюр, баяндур, ланиказ, аджлар. Никаких данных ни об одном из племен Гардизи не приводит, все они выступают у него как издавна существующие и известные. Не указывает он также, откуда происходят эти племена. Рассмотрение истории племен, входящих в кимакский союз, дает основание предполагать, что они – выходцы из Центральной Азии.

Кимакское племя эймюр известно также среди огузов. Оно упоминается в VIII в. и среди двенадцати уйгурских племен. Появление эймюров в племенном составе кимаков и среди сырдарьинских огузов говорит о движении эймюров в западном и северо-западном направлениях. Эймюры не ассимилировались ни в кимакской, ни в огузской среде, а входили в их состав как племя.

Упомянутый у Гардизи этноним имек отождествляется с тюркским племенем яньмо китайских летописей VII в. В мусульманских источниках имя племени впервые зарегистрировано в «Худуд ал-алам» в названии столицы кимаков Имекия, впрочем, по другим источникам та же резиденция кагана называется Кимекия. Титул главы кимакской конфедерации племен был известен, согласно Гардизи, как имек-байгу, а по сведениям ал-Масуди – кимак байгу. Махмуд ал-Кашгари кимаков называет йемеками.

Третье племя кимаков – татары, впервые упоминается в древнетюркских надписях VIII в. в связи с событиями VI в. под именем отуз-татары. В других тюркских надписях они известны как тогуз-татары. Постоянное политическое взаимодействие токуз-татар с основными огузскими племенами позволяет считать, что в VIII в. эта группа татарских племен населяла северо-восточную часть Монголии. В 740–840 гг. татары входили в Уйгурский каганат. После крушения Уйгурского каганата татары вместе с огузо-уйгурскими племенами мигрировали в Восточный Туркестан. Аноним «Худуд ал-алам» прямо причисляет татар к токуз-гузам. Среди племен, говоривших на тюркских языках, упоминает татар и Махмуд ал-Кашгари.

Упоминание о родственных кимакам кыпчаках содержится в тексте рунической надписи середины VIII в. В мусульманских источниках этноним кыпчак впервые упомянут Ибн Хордадбехом в списке тюркских племен, относящемся также к VIII в.

Ибн Хордадбех называет кыпчаков уже отдельно от кимаков. По «Худуд ал-алам» кыпчаки – народ, отделившийся от кимаков и более примитивный по образу жизни. Заняв территорию западнее кимаков, кыпчаки все же сохраняли политическую зависимость от них. Правитель кыпчаков назначался каганом кимаков. Махмуд ал-Кашгари, отмечая близость имеков и кыпчаков, подчеркивал, что сами кыпчаки не отождествляли себя с имеками, а считали их лишь связанными по происхождению.

Таким образом, все древнейшие сведения о кыпчаках хотя и позволяют считать их в VIII–XI вв. политически связанными с кимакским племенным союзом (позднее государством), однако отмечают слабость этих связей, различие этнических территорий, а также отличия экономического и бытового характера. Мнение о полном тождестве кимаков и кыпчаков ошибочно, так как сведения, имеющиеся в мусульманской средневековой историографии, позволяют считать их лишь двумя родственными племенами.

Формирование кыпчакской этнической общности в VIII–X вв. было сложным и длительным процессом, в развитии которого прослеживаются два этапа.

Первый этап связан с продвижением в Прииртышье значительных групп кыпчакских племен из Внутренней Азии в итоге поражения, которое они понесли вместе с тюрками в 742 г. от токуз-гузов, захвативших древнетюркский домен в Северной Монголии. В области среднего Иртыша и Алтая кыпчаки вошли в ядро кимакской федерации. Стремление основных кыпчакских племен к самоопределению привело их в конце VIII в. к отделению от кимаков.

Второй этап – с конца VIII в. до начала XI в. Взаимодействие и интеграция основных этнических общностей проходили при консолидирующей роли кимакских племен. В этот период кыпчаки находились в тесных этнокультурных взаимосвязях и взаимодействиях с конфедерациями печенежских, карлукских и, в особенности, огузских племен. Вместе с тем, линия внутреннего этнического развития кыпчакских племен была направлена на ассимиляцию древних насельников, местных огузских, угро-финских, сармато-аланских этнических групп.

Впервые этноним баяндур в нарративных источниках встречается у Гардизи как племя кимаков. О них пишут Махмуд ал-Кашгари и Рашид ад-Дин, упоминающие баяндуров в качестве огузского племени. Очевидно, часть баяндуров входила в состав кимаков, а другая – в состав огузов.

Шестым и седьмым племенем упоминаются ланиказ (В.Минорский читает как нилказ) и аджлар.

Как показывает анализ племенного состава, большое влияние на историю кимаков оказал разгром енисейскими кыргызами Уйгурского каганата в 840 г. По всей вероятности, к этому времени относится появление эймюров и баяндуров как в кимакском племенном союзе, так и в огузском на Сырдарье, а татар – среди кимаков.

В ходе становления кимакского государства изменяется количественный состав кимакских племен. По данным «Худуд ал-алам» и ал-Идриси ядром кимакского государства стали 12 племен. На территории, подвластной кимакам, помимо кыпчакского объединения упоминаются и куманы, отдельные группировки которых в XI–XII вв. вошли в родоплеменной состав кыпчаков. Средневековые арабские географы упоминают куманов как самостоятельный этноним, что представляет весьма примечательный факт, ибо в отечественной и зарубежной историографии широко распространено мнение о тождестве кыпчаков и куман. По сведениям письменных источников в IX–X вв. куманы составляли западную ветвь трехсоставного объединения племен кимаков, кыпчаков и куманов. Исходным ареалом обитания куманов следует считать Южную Сибирь, область Северного Алтая. После падения Западнотюркского каганата в середине VII в. происходит обособление ряда тюркоязычных племен и одновременно идет сложный процесс их консолидации. На территории северо-западного Алтая возникает этнокультурная общность кимаков и кыпчаков. В конце VIII в. значительные группировки кыпчаков, по всей видимости, вместе с куманами отделяются от кимаков и занимают земли к западу от Иртыша вплоть до Южного Приуралья. Кыпчакские и куманские племена до конца X в. находились в политической зависимости от Кимакского каганата и входили в государство на обширной территории от Иртыша до Волги. Когда оно пе-

решло в руки кыпчакских ханов, кимаки и куманы наряду с другими племенами вошли в орбиту политического влияния кыпчаков.

Расселение кимаков, кыпчаков и куманов

До середины VIII в. кимаки, кыпчаки и куманы обитали в степном Алтае, Горном Алтае и Прииртышье. Соседями кимаков на юге были карлуки, жившие на Иртыше между Южным Алтаем и Тарбагатаем, на востоке кыргызы с центром в Минусинской котловине. Со второй половины VIII в. кимаки стали двигаться в южном направлении и расселяться на землях карлуков. В начале IX в. отдельные группы кимаков перешли на территорию Северо-Восточного Семиречья, став соседями токуз-гузов, а граница между ними проходила по Джунгарскому хребту. К югу от Джунгарского хребта располагалось государство токуз-гузов.

Вместе с движением кимаков на юг во второй половине VIII в. происходило перемещение кыпчаков от Иртыша на запад. Данные текста сочинения ал-Идриси и картографического материала, заключенного в нем, позволяют локализовать отдельные группировки кыпчакских племен в междуречье Иртыша и Тобола. На рубеже VIII–IX вв. западная часть кыпчаков расселяется к северу от печенегов. Печенеги, как известно, в VIII – первой половине IX вв. жили в бассейне Сырдарьи и в Приаральских степях. Следовательно, в пределах между юго-восточной частью Южного Урала и северной областью Приаральских степей проходила непосредственная граница кыпчаков и печенегов. В начале IX в. племена кимаков подступают к районам средней Сырдарьи. В середине IX в. печенежская конфедерация потерпела поражение от союза огузов, кимаков и карлуков. В результате этих событий огузы овладели землями союза печенежских племен по Сырдарье и в Приаральских степях. Племена печенежской конфедерации в этой сложившейся обстановке переселились и заняли пастбища между Яиком (Уралом) и Итилем (Волгой). Однако в конце IX в. огузы в союзе с хазарами нанесли поражение печенегам и овладели междуречьем Яика и Итиля. Основная масса печенежских племен вынуждена была мигрировать в Юго-Восточную Европу, а их оставшаяся часть вошла в состав огузов и кимако-кыпчакского племенного объединения.

К этому времени (конец IX – начало X вв.) относятся сведения ал-Идриси относительно расселения куманов. На карте ал-Идриси «Сурат ал-ард» к северу от Каспийского (Бахр ал-хазар) и Аральского (Бухайрат ал-Хваризм) морей расположены горы Аскасия. Они описываются протянувшимися в меридиональном направлении с севера на юг с небольшим уклоном в сторону востока. Из этих гор вытекает несколько рек, в том числе, что особенно важно для целей идентификации топографических объектов, река Итиль, впадающая в Каспий.

Описанные характеристики гор позволяют с уверенностью отождествить Аскасия с Уральскими горами. Арабские географы Ибн Сайд и Абу-л-Фида указывают, что в предгорьях Аскасия, к югу от них, обитали куманы. На незначительном отдалении к юго-востоку от Аскасия на карте показаны горы Тагура, где находилась цитадель страны куманов со столицей Куманией. Тагура, в соответствии с реальной географической схемой, сопоставима с Мугоджарскими горами. Судя по тексту средневековых сочинений, Мугоджары являлись основной областью расселения куманов. Как явствует из данных письменных источников, куманы расселялись в пространстве между северными приаральскими степями и предгорьями Южного Урала. К югу от них находились огузы (согласно «Малой» с ал-Идриси) и кимаки, на западе – печенеги, на северо-западе – булгары, на северо-востоке – кыпчаки. Анализ текстологического и картографического материалов дает основание датировать сведения средневековых авторов о куманах IX–X вв. Куманы составляли западную ветвь кимако-кыпчакского объединения.

В начале X в. кимаки и кыпчаки вместе с огузами кочевали в бассейне Урала, в Приаральских и Прикаспийских степях. Расселение этих племен нашло отражение и на средневековых картах арабских географов. Так, на «Карте мира» ал-Истахри кимаки занимают земли к северу и северо-западу от Аральского моря.

В пределах Южного Урала кыпчаки граничили с башкирскими племенами. Арабский путешественник Ибн Фадлан (X в.) свидетельствует об обитании башкир в этом районе и отмечает их расселение у реки Багнады, вероятно, соответствующей нынешней Явынды. Непосредственные контакты кыпчаков с башкирами привели со временем к взаимопроникновению в культуре, языке.

Зимовки и летовки кимакских и огузских племен, как отмечает историк ал-Масуди (X в.), были расположены по рекам Эмбе и Уралу.

Кочевание группы кимакских племен на Эмбе и Урале отмечается сведениями ал-Масуди. О Белом и Черном Иртыше, впадающем в Каспийское море, ал-Масуди сообщает: «между их устьями около десяти дней пути; на них расположены зимовки и летние кочевья кимаков и огузов». Эти реки идентифицируются с Эмбой и Уралом. До сих пор не получило удовлетворительного объяснения возникновение топонимов Белый и Черный Иртыш на столь значительном отдалении от собственно Иртыша. По нашему мнению, в этой уникальной информации проявилась закономерность, характерная для эпохи раннего средневековья, заключающаяся в отражении географической среды в этническом самосознании. Так, ландшафты этнической территории запечатлеваются в сознании населявших ее людей в виде обожествленных представлений о «родной земле». Этнос, переселившийся на другую территорию, переносит туда названия обожествленных гор, озер, рек с прежних мест своего обитания. В этой связи вспомним сообщение Гардизи: «Река Иртыш – бог кимаков». Лишь кимаки могли назвать Эмбу и Урал по месту своего прежнего расселения Белым и Черным Иртышом. Очевидно, источником данной информации для ал-Масуди послужили выходцы из кимакской среды.

Свидетельство кочевания кимаков на Урале подтверждается также сведениями автора «Худуд ал-алам». Согласно этому источнику, «река Артуш течет между землями кимаков и огузов». Артуш, по мнению В. Минорского, соответствует Уралу. Далеко не ясное представление о гидрографии отдаленных от мусульманского мира областей «неверных» нашло отражение в анонимном сочинении автора X в. Наличие непосредственной границы и теснейших этнокультурных связей между кимаками и кыпчаками, с одной стороны, и огузами, с другой, наложило отпечаток на этнические и социальные процессы, на материальную и духовную культуру. Согласно показаниям персидского источника, некоторая часть кимаков походила на огузов своими обычаями.

Полагаясь на данные «Круглой карты мира» неизвестного арабского географа, можно вполне определенно говорить о западных границах расселения кимаков: это северо-восточная часть Прикаспийских степей, бассейн рек Урала и Эмбы, районы к северу от Аральского моря до Южного Урала. Карта отражает расселение кимаков в X в.

Значительные сведения, относящиеся к этому времени, содержатся в «Худуд ал-алам» в разделе о кимаках, где сообщается о трех территориальных единицах в пределах кимаков. Первая – Андак ал-хифчак, область некоторой части кыпчаков, примыкавшей на западе к кимакской территории и похожей на огузов некоторыми своими обычаями. Андак ал-хифчак, по всей вероятности, занимала северо-западную и западную часть современного Центрального Казахстана и северную окраину Приаральских степей, т.е. области, находящиеся на непосредственных подступах к пределам огузов. Многовековые теснейшие связи между кыпчакскими и огузскими племенами наложили отпечаток на их язык, быт и культуру. Диалект кыпчакского языка, по словам Махмуда ал-Кашгари, имел ту же самую фонетическую особенность, что и диалект огузов – элемент «жекания».

«Йагсун-йасу» – другой район кимаков, расположенный между реками Волга и Яик и имеющий более благоприятные и более умеренные климатические условия. По мере движения на запад кимакские племена переносили на новые места названия топонимов, которым поклонялись.

«Кыркырхан» – третий район кимаков, чьи обычаи немного похожи на обычаи кыргызов. Очевидно, эта область находилась гораздо ближе к каким-то группам кыргызов, чем к другим соседним тюркским племенам. Сравнительно-сопоставительный анализ этого историко-географического термина с сообщениями других письменных источников позволяет локализовать Кыркырхан в районе от Тарбагатая до Калбинского хребта, включая хребет Чингизтау.

Отдельные группы кимакских племен доходили и до Каспийского побережья. Почти каждый город, река или пустыня за определенный исторический период имели по нескольку названий. Эти названия связаны с общеизвестными топонимическими закономерностями: море называется по именам стран, окружавших его, по именам городов, расположенных на его берегах, по именам впадающих рек, по именам народов, живших на побережье. На проникновение кимаков в Прикаспийские степи указывает недолго существовавшее в топонимике название Каспийского моря – Кимакское море, упоминаемое в «Шахнаме».

Во второй половине X в. отдельные группы кимаков и кыпчаков находились у границы мусульманских областей Туркестана. Город Сауран, согласно ал-Макдиси (X в.), был пограничным с огузами и кимаками укреплением. Этот автор называет еще большой, богатый город Шагльджан, находящийся в 26 км к северу от Туркестана, также как пограничную крепость против кимаков, большой укрепленный пункт.

На юге оз. Балхаш было естественной границей между кимаками и карлуками в Семиречье.

На севере кочевья кимакских племен доходили до лесостепной полосы. Северо-восточные границы страны кимаков охватывали области Западного и Северного Алтая и прилегающие районы юга Западной Сибири в пределах распространения сросткинской культуры кимаков. Крайние восточные памятники сросткинской культуры находились в западных отрогах Кузнецкого Алатау.

К рассматриваемому времени, видимо, относится путешествие Абу Дулафа, которому пришлось ехать по земле кимаков 35 дней.

Таким образом, под политической гегемонией кимаков находилась обширная территория: от Алтая и Иртыша на востоке до Итиля и Южного Урала на западе, от Кулундинской степи на севере до оз. Балхаш и Джангарского Алатау на юге. Древние земли кимаков были расположены на Иртыше, где находились две столицы кимакского хакана – старая и новая.

В начале XI в. наследниками этих обширных земель стали кыпчаки.

Хозяйство кимаков

Главным занятием кимаков было кочевое скотоводство. Кочевники регулярно совершали длительные переходы по сезонным пастбищам. Пути кочевок, вырабатывавшиеся веками, пролегали по известным бродам рек, удобным перевалам гор, пастбищам с обильным кормом и хорошими водопоями. Использование пастбищ предполагало знание состояния травяного покрова в том или ином районе в соответствующее время года. Устойчивые маршруты изменялись только под влиянием крупных экономических или политических обстоятельств.

Некоторые группы кимаков на зимовку прикочевывали в степи между Уралом и Эмбой, а летовку проводили в Прииртышье. Средневековые авторы отмечают, что кимаки разводили лошадей, овец, коз, коров, быков, верблюдов.

Важнейшую роль в их хозяйстве играло овцеводство. «Жир употребляли вместо растительного масла, сало – для освещения». В кочевом хозяйстве исключительно важное место занимало коневодство. Именно благодаря подвижности и выносливости лошадей могли осваиваться отдаленные пастбища. Кони использовались на войне и в облавной охоте. Говоря словами ал-Джахиза, «тюрк сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли». Ибн Фадлан и Гардизи сообщают о громадных табунах лошадей, разводившихся кимаками в X в. Тюркские лошади были хорошо приспособлены к местным природным условиям и круглогодичному содержанию на пастбище, они давали много молока и мяса. Кочевые тюркские племена предпочитали конину говядине и баранине, а из кобыльего молока изготовляли напиток – кумыс.

Разводились две породы лошадей – невысокие, с массивной головой, толстой и короткой шеей, и рослые верховые кони, с небольшой головой и тонкими ногами. Тамим ибн Бахр, отметивший у царя кимаков и его войска лошадей «с тонкими копытами», по всей вероятности, имел в виду скаковых лошадей.

В некоторых источниках упоминается о разведении кимаками коров и быков. Вероятно, крупный рогатый скот, в основном, содержали полуоседлые группы, хотя и быки использовались кочевниками для упряжек. Разводились и козы, но они не играли большой роли в скотоводческом хозяйстве.

Мясо и молоко употребляли в пищу, шерсть – для изготовления войлока, шерстяной одежды, ковров и других изделий. Животноводческая продукция шла не только для удовлетворения внутренних потребностей, но и на продажу в соседние земледельческие области.

Охотничий промысел

Одним из источников существования у кимаков служила охота. В IX в. ал-Йакуби писал, что кочевые тюрки «больше всего едят дичь». Интересное описание способов охоты тюрок имеется у Джахиза. По его словам, они любят охотиться и даже во время набегов промышляют дичь, охотятся верхом; они необычайно выносливы на охоте, особенно в преследовании джейранов и куланов.

Наряду с индивидуальной охотой организовывались и облавные; они, кроме хозяйственных целей, имели и военное значение, являясь своеобразными маневрами, военным учением.

Среди кимаков имелись охотники на пушных зверей – лисиц, куниц, бобров, соболей, горностаев и крупных хищных зверей: тигров, барсов. В Прииртышье найдена бронзовая бляха, на которой изображен кимакский всадник в характерной короткополой одежде, поражающий копьем тигра. Пушнина для этих племен была одним из предметов сбыта в другие страны.

Отдельные группы кимаков, главным образом, малоимущие, занимались рыбной ловлей на Иртыше и других реках. В «Диван лугат ат-турк» и арабо-кыпчакских глоссариях приведена кимако-кыпчакская терминология рыболовных орудий труда: аргак – крючок, аг – сеть, ужан (улук) – маленькая лодка, кеми (караб) – большая лодка. Сведения нарративных источников подтверждаются археологическими материалами из Прииртышья. В могильниках VIII–IX вв. найдены скульптурные изображения рыб.

Оседлые и полуоседлые группы

Среди кимаков имелись компактные группы полуоседлого и оседлого населения. Характеризуя тюркские племена, ал-Идриси пишет: «Люди кочевые... Однако они обрабатывают землю, сеют и жнут».

Оседлые поселения у кимаков отмечены многими арабо-персидскими авторами. Тамим ибн Бахр, видевший хакана кимаков с войском, рассказывает, что около его

ставки имеются селения и возделанные земли. В «Худуд ал-алам» раздел о кимаках начинается со слов «рассуждение о стране кимаков и их городах», а затем упоминаются Имекия (по другим источникам Кимекия) – летняя резиденция хакана и селение Жубин. В противоположность основному типу передвижного жилища, приспособленного к кочевому образу жизни – юрте, Исхак ибн ал-Хусейн и ал-Марвази сообщают о кимакских землянках.

Наибольшую информацию о городской жизни кимаков содержат сочинения ал-Идриси. Ссылаясь на книгу кимакского царевича Джанаха ибн Хакана ал-Кимеки, он говорит о 16 городах кимаков по берегам озер, рек, в неприступных горных районах и в местах разработок полезных ископаемых. Многие из них находились на торговых трассах. Кимакские города были хорошо укреплены. Упоминаются в источниках замки-крепости, расположенные в горах, у основания которых рылись рвы, заполнявшиеся водой.

Полуоседлые и оседлые группы кимаков занимались земледелием, сеяли, главным образом, просо. Абу Дулаф свидетельствует, что кимаки употребляли в пищу горох, бобы и ячмень. Ал-Идриси сообщает, что у кимаков есть районы с плодородными землями, где сеют пшеницу и ячмень; говорит о выращивании ими такой трудоемкой земледельческой культуры, как рис, что возможно лишь на поливных землях.

О традиционном возделывании этих культур позволяют судить термины, употреблявшиеся кимако-кыпчакскими племенами для их обозначения и сохранившиеся в толковых словарях. Все они тюркского происхождения: *экин* – посев, *бугдай* – пшеница, *тару (тарыг)* – просо, *арпа* – ячмень, *тутарган* – рис, *мерджамак* – чечевица, *ирдан* – гумно. Земледельческое хозяйство кимаков было натуральным и едва обеспечивало нужды собственного потребления. Сведений о продаже или обмене ими своей земледельческой продукции нет. Таким образом, у кимаков существовало несколько различных хозяйственно-культурных типов, связанных с преобладанием кочевого или полукочевого скотоводства, наличием земледельческого хозяйства при полуоседлом скотоводстве или промысловой охоте и рыболовстве.

Домашние промыслы и ремесла

Самой развитой формой домашних промыслов и ремесла у кимаков была обработка и переработка животноводческой продукции и сырья. Кожа шла на изготовление различных видов обуви, посуды, колчанов, налучников, конской сбруи, мешков; войлоком покрывали юрты, из него делали одежду. Ал-Йакуби отмечает, что «тюрки – самый искусный народ в изготовлении войлока, потому что из него их одежда». Для одежды использовались также шкуры диких животных и меха пушных зверей.

Рядовые общинники обычно сами изготовляли для себя различные предметы вооружения, хозяйственного и бытового назначения. В этом отношении интересно свидетельство ал-Джахиза: «Тюрк делает все процессы ремесла сам, не просит помощи у товарищей и не обращается за советом к другу: они (тюрки) производят оружие, стрелы, седла, колчаны, копья».

В быту широко применялись деревянные изделия – седла, посуда, лодки, части юрты, упоминаются также лыжи.

В принадлежавших кимакам поселениях было налажено гончарное производство. Кроме того, на территории их обитания добывалось железо, серебро, золото, медь и драгоценные камни. «Из железа тамошние мастера, – писал ал-Идриси об кимаках, – делают изделия необычайной красоты». Из золота и серебра изготавливали предметы роскоши и украшения. По сведениям ал-Идриси, царь кимаков носил одежду, шитую золотом, и золотую корону. Он описал технологию плавки золота у кимаков: «По обычаю (кимаки) золото собирают и моют в воде, промывая его, затем смешивают крупицы

золота с ртутью и сплавляют смесь в коровьем помете. И таким путем собирают значительное количество золота».

Существование ремесленного производства у кимаков подтверждается археологическими материалами. При раскопках их поселений и курганных захоронений найдены железные изделия, украшения из золота, серебра и бронзы, остатки кошмы и кожи, деревянной посуды, оружие и различная гончарная керамика.

§ 3. Великое Монгольское государство. От монголов к татаро-монголам

Дамир Исхаков

Формирование в начале XIII в. *Еке Монгол Улуса* – Великого Монгольского государства, являвшегося второй после Тюркского каганата, но самой крупной в мировой истории евразийской империей, созданной кочевниками Центральной Азии, было не только политическим, но и этнополитическим процессом, на что исследователи стали обращать особое внимание лишь в последние десятилетия [Кычанов, 1995; Ratchnevsky, 2000; Рыкин, 2002; Крадин, Скрынникова, 2006; Зориктуев, 2011; Скрынникова, 2013]. Такой подход, когда у новой политии выясняется ее этническая основа, в научном плане оказался более продуктивным, поэтому мы также будем следовать ему. При этом следует иметь в виду, что на части территории Великого Монгольского государства – в Улусе Джучи, больше известном как Золотая Орда, в конечном счете за его политически доминировавшем населением закрепилось наименование «татары». Но вопрос о том, как из «монголов» получились «монголо-татары» или просто «татары», до сих пор остается дискуссионным, в том числе и потому, что не ясна этническая принадлежность тех татарских кланов, с которыми объединяющиеся под руководством Чингисхана монгольские племена столкнулись на рубеже XII–XIII вв. Существование современных народов, носящих этнонимы «татары» и «монголы», у которых национальные истории пересекаются не только из-за существования двойной маркировки «народа монголов» периода образования Еке Монгол Улуса, но и из-за правления в Золотой Орде и ее политических наследниках Чингисидов, затрудняют решение этой и так весьма непростой проблемы.

В связи с тем, что в данном труде центральное место занимает история той части Золотой Орды, которая оказалась во владении сына Джучи Шибана и его наследников, изучение локальных особенностей становления этнического облика улусников Шибана и его потомков оказывается одним из аспектов более обширной проблемы формирования средневековых татар на основе государствообразующего этнического ядра населения Улуса Джучи, по источникам известного в основном как «татары», которые, в свою очередь, восходили к «народу монголов» Великого Монгольского государства, маркируемого в источниках не только как «монголы», но и как «монголо-татары» или даже «татары». Вследствие этого при переходе с анализа панорамы этнополитического развития Центральной Азии в VI–XI вв. к «монгольскому» ее периоду, он фактически предстает как тюрко-монгольский (=татаро-монгольский), что исследователями ещё осознано далеко не в полной мере. Причем средневековая татарская этния, сложившаяся в Улусе Джучи, являлась отнюдь не эфемерной, а вполне реальной общностью, продолжавшей существовать не только после распада Золотой Орды, но и после ликвидации в XVI–XVIII вв. тюрко-татарской государственности.

Ключевым событием начального этапа образования «народа монголов», весьма быстро ставшего «монголо-татарами», было образование в первом десятилетии XIII в. Великого Монгольского государства при ведущей роли монгольских кланов, но с су-

щественным участием тюркских, затем и иных этнических групп. Однако, к тому времени как сами монголы (точнее было бы сказать, монголоязычные группы), так и их ближайшие соседи, в числе которых, в первую очередь, следует назвать тюрок, уже прошли длинный исторический путь, о чем хорошо известно по сохранившимся источникам, в особенности китайским [Кюнер, 1961].

Монгольские этнические группы Центральной Азии, чье древнейшее этнические родство с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими народами в пределах алтайской языковой общности, до сих пор остается дискуссионным [Тенишев, 1997], в исторически известное время являлись соседями как тех, так и других, испытывая их влияние. Тем не менее, в научной литературе преобладающим является мнение, что первоначально предки монголов, наиболее раннее прямое упоминание которых под именем *мэнгу/мэнва* в китайских источниках датируется периодом китайской династии Тан (618–968) [Кычанов, 1995, с.11], скорее всего, жили ближе к тунгусо-маньчжурским группам, локализуясь в районе среднего течения р. Амура, в бассейнах Керулена и Аргуни [Крадин, Скрынникова, 2006, с.136–137; Скрынникова, 2013, с.105]. Но есть и сторонники доведения этнических территорий древних монголов до о.Байкала [Викторова, 1980, с.157; Зориктуев, 2011, с.34–62]. Существующие китайские источники оставляют место для разных трактовок вопроса о первоначальной родине монголов.

В таком известном сочинении, как «Старая история» [династии] Тан», составленном в 945 г., фигурирует этноним *«мэнъ-у ши-вэй»* [Кюнер, 1961, с.61], как предполагают, обозначающий «монголо-шивейцев». При этом его носители, как и в целом «шивейцы», должны быть причислены к киданям, монголоязычность которых бесспорна, ибо про группу шивей известно, что она являлась «особым родом (племенем) киданей». Следует также учесть, что указанные монголо-шивейцы располагались на «северовостоке от столицы (Китая – Д.И.) за 7000 ли», достигая «на востоке… хэшуй-мохэ», т.е. тунгусо-маньчжуров, а «на западе-туцзюэ» (тюрок – Д.И.), на юге «примыкая к киданям» [Кюнер, 1961, с.61–63]. В итоге получается, что данная группа, родственная киданям (их часть?), к середине X в. находилась похоже в районе р. Керулена, несколько восточнее живших в бассейне р. Аргуни «больших ши-вэй» [Кюнер, 1961, с.63; Крадин, Скрынникова, 2006, с.136–137; Скрынникова, 2013, с.105]. Там очевидно и располагалась прародина легендарных предков Чингис-хана «Эргунэ-кун» («Земля Эргунэ», трактуемая как «Земля [на] Аргуни», так как «кун» в тунгусо-манчжурских языках обозначает землю [Скрынникова, 2013, с.174]).

Соседство монголоязычных (следовало бы писать «киданеязычных») кланов с запада с тюрками, пик могущества которых в Центральной Азии пришелся на VI–VIII вв., не прошло для них бесследно [Викторова, 1980, с.156–161]. Кроме прочих данных на этот счет, уже приводившихся в литературе (детальнее см.: [Кычанов, 2010]), заслуживает внимания один сюжет, имеющий отношение к легендарной части генеалогии предков Чингис-хана, основателя Еке Монгол Улуса.

Согласно монгольским источникам, линия Чингис-хана восходит к «Борте-Чино» – «сивому Волку», и «Гоа-Маралу» – «прекрасной Лани (Оленихе)» [Сокровенное сказание, 1992, с.12]. Уже высказывалось достаточно обоснованное мнение, что под этой мифической парой скрываются тотемистические предки монголов, обозначающие два фратриально связанных между собой клана [Крадин, Скрынникова, 2006, с.186–187]. Несмотря на то, что были предприняты значительные усилия по расшифровке клановой принадлежности этих фигур [Крадин, Скрынникова, 2006; Зориктуев, 2011]), однозначного решения проблемы до сих пор не найдено. Между тем, она важна, так как, по нашему мнению, указывает на старые тюрко-монгольские контакты.

Прежде всего следует отметить, что при трактовке имени «Борте-Чино», предложенной Н.Н. Крадиным, когда он в его первой части считает возможным видеть наиме-

нование волка в тюркских языках (*бүре*), а во второй – обозначение этого же хищника, но на тунгусо-манъчжурских языках (чинухаj в некоторых говорах эвенкийского языка означает волка), неясно, почему первопредок монголов маркирован как волк дважды, причем на разных языках. Такое же положение возникло и с именем праматери монголов «Гоа-Марала», где его первая часть – Гоа (предлагаются варианты qʊoi/quua/quva и др.) объясняется исходя из эвенкийского языка (в котором «кувэр» – это дикий олень/лось), тогда как вторая часть имени в тюркских языках ни что иное как тоже олень [Крадин, Скрынникова, 2006, с.187]. В итоге можно поставить под сомнение предложенную выше гипотезу Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой и вот почему. Дело в том, что ранее во второй части имени «Борте-Чино» уже предлагалось видеть обозначение не волка, а господствовавшего в Тюркском каганате клана Ашина, как известно, также связываемого с легендарной волчицей [Викторова, 1980, с.156; Jitsuzo, 1973]. В итоге получается, что по мужской линии предки Чингис-хана возводились к «сивому/белому» Волку – Ашине. А вот его супругой может оказаться «Куа/Куjan-Марал», где начальная часть имени вероятно есть этноним, позже известный у монголов как «кият» (предки Чингис-хана были кият-борджигинами). Н.Н. Крадин этот этноним возводит к эвенкийскому этнониму «kujan» (отсюда известный у них клан кеот) [Крадин, Скрынникова, 2006, с.187]. Но следует заметить, что существуют и материалы, фиксирующие наименование «куйан/хуйан» у гуннов [Сухэбатор, 1975, с.13], а близкий по звучанию этноним – кай/qai/кой известен также среди восточноевропейских тюрков (черных клоубуков) и кыпчаков [Исхаков, 2002г; Плетнева, 2015, с.33, 41]. Однако, происхождение группы *кай* все еще остается спорным [Golden, 2011, p.309–312; Плетнева, 2015, с.41].

Таким образом, вовсе не исключено участие древних тюрок в лице, прежде всего, клана Ашина, в становлении линиджа предков Чингис-хана. Именно в этом русле можно трактовать содержащееся в «Тайной истории монголов» определение Борте-Чино как «родившегося по изволению Неба» [Сокровенное сказание, 1990, с.12]. Как известно, такая же формула применялась по отношению к каганам-правителям Тюркского каганата [Golden, 2011, p.36–37, 42; Кычанов, 2010, с.116]. Имеющиеся археологические и иные материалы, свидетельствующие о проникновении в VI–VIII вв. тюрок далеко на восток – в бассейны Онона, Керулена, Халхин-Гола [Викторова, 1980, с.157; Кычанов, 2010, с.206–207], явно подкрепляют высказанную нами гипотезу, тем более, что линидж предков Чингис-хана берет начало где-то с конца VII – начала VIII вв. [Кычанов, 2010, с.106; Зориктуев, 2011, с.63], т.е. с эпохи тюркского доминирования в Центральной Азии.

Уход предков монголов с легендарного «Эргунэ-куна», куда они, скорее всего, бежали под натиском или под руководством тюрок, весьма красочно описан персидским историком Рашид ад-Дином, пользовавшемся при написании своего труда «Джами ат-таварих» (1310–1311) монгольскими источниками и устными преданиями. Там сказано: «…этот народ (предки монголов, живших на Эргунэ-кун – Д.И.) размножился [затем расплавил] проход [в горе]. Они все вместе откочевали и вышли… на простор степи» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.154]. Другая информация о переселении есть в «Тайной истории монголов», где речь идет о том, что предки монголов «явились… переплыв Тенгис» и они «кочевали у истоков Онон реки, на Бурхан-халдуне» [Сокровенное сказание, 1990, с.12]. Несмотря на то, что эти рассказы между собой разнятся, они указывают на продвижение древнемонгольских групп в степные районы, не исключено, начавшееся после падения Уйгурского каганата в 840 г. Весьма вероятно, что это был не одномоментный акт, а постепенное расселение из районов первоначального проживания в южном или юго-западном направлениях, занявшее достаточно длительный период, завершившись лишь на рубеже XI–XII вв., когда монгольские группы оказались на территории Халхи, до того занятой тюрками [Кызласов, 1992, с.135]. После переселе-

ния, согласно источникам, ближайшие сородичи (кияты и др.) Чингис-хана жили в долинах рек Онона, Керулена и Толы, а другие, родственные им группы, расселялись так: урянхаты – в северо-восточной Монголии и в Забайкалье, кунграты (весьма известные брачные партнеры киятов) – в восточной Монголии, по соседству с киданями, баяуты – по Селенге, тайджуиты – по р.Онон. В верховьях Енисея и Селенги жили ойраты и туматы [Кычанов, 2010, с.205]. Правда, однозначно про этническую принадлежность последних к монголам сказать затруднительно, ибо они могли быть и тюрками [Кызласов, 1992, с.135,138; Кюнер, 1961, с.292].

В результате переселения из районов первоначального проживания, монгольские кланы на территории Халхи столкнулись с рядом групп явно не монгольского происхождения – это найманы, джалаиры, кереиты, онгуты, татары, меркиты, в подавляющем большинстве из которых можно видеть тюркские или смешанные с ними группы.

Из этих племен найманы занимали запад Монголии, расселяясь, в том числе, и на Алтае, имея соседями уйгуров. Джалаиры жили в бассейнах рек Орхон, Тола, Онон, тогда как кереиты имели летние и зимние ставки по р.Онгин-гол, проживая также по р. Тола, доходя на западе до р.Орхон. Татары локализовались в районе о.Буин-Нор, а меркиты – к югу от о.Байкал, в низовьях р.Селенги [Крадин, Скрынникова, 2006; Ratchnevsky, 2000]. Относительно немногочисленные онгуты, известные и как «белые татары», находились вблизи Великой Китайской стены [Кычанов, 1995, с.34, 126]. Все эти группы к моменту столкновения с монголами уже имели собственную весьма немалую историю, восходящую ко времени Тюркского каганата, иногда и к еще более раннему периоду.

Как отмечает П.Ратчневский, найманы являлись известным с VIII в. тюркским союзом племен «*сигез огуз*», находившемся вначале на Алтае, но затем передвинувшемся южнее, и по ходу продвижения вытеснившем расселявшихся первоначально там же кереитов на юго-восток. Найманы имели давние связи с уйгурами, установив после формирования государств кара-китаев Си Ляо (Западные Ляо) и отношения с этой монголоязычной группой, что могло привести к усилению влияния на них киданьского (кара-китайского) языка. Кереиты, происхождение которых не вполне ясно, генетически, скорее всего, имели отношения к тюркским группам *канглы* и *гузам*. По предположению П. Ратчневского, они также испытали достаточно сильное воздействие киданей [Ratchnevsky, 2000, p.4]. Джалаиры, вытесненные с мест древнего проживания чжурчжэнами, хотя и относились позже к монголам, скорее всего, имели тюркское происхождение [Кадырбаев, 1993]. Хотя Рашид ад-Дин и причислил их к монголам-дарлекинам, одновременно включил джалаиров в число тех, кто ранее не относился к монголам [Рашид ад-Дин, 2002а, с.77; 2002б, с.18], что также, как представляется, позволяет говорить о немонгольской этнической принадлежности этого клана. Заслуживает внимания и то место из сочинения Рашид ад-Дина, где отмечается былое подчинение этого клана уйгурам [Рашид ад-Дин, 2002а, с.93].

Дискуссионным остается вопрос об этнической принадлежности двух групп – меркитов и татар. Первых обычно причисляют к монголам, но имеются и данные, позволяющие говорить об их тюркских этнических корнях (детальнее см.: [Ratchnevsky, 2000, p.5]). Проблема этнической принадлежности татар, известных с периода Тюркского каганата под именами «*отуз татар*» и «*токуз татар*», является самой трудной. Эту сильнейшую и наиболее богатую группу кланов, тесно связанную с Китаем и занимавшую в XIII в. территорию восточной Монголии [Ratchnevsky, 2000, p.4], ряд исследователей склонны считать монголоязычной общностью [Мункуев, 1975, с.89; Викторина, 1980, с.161–163; Кычанов, 1980, с.142; Golden, 2001, p.9]. По ряду причин с этим мнением согласиться трудно. Во-первых, согласно Рашид ад-Дину, татары, и как и упомянутые выше джалаиры, по отношению к коренным (изначальным) монголам счи-

тались «не своими», «чужими», приписываясь к категории «унган-богол» (зависимые) [Рашид ад-Дин, 2002а, с.102, 192]. Во-вторых, Махмуд Кашгари, в лингвистических познаниях которого сомневаться не приходится, прямо называет татар «одним из тюркских племен» [Махмӱд ал-Кӓшгари, 2005, с.387]. Причем он приводит слово «*кат*» и указывает, что оно бытовало у татар, а затем у йемеков, кыпчаков и у клана кай, в первых двух случаях бывших безусловно тюрками [Махмӱд ал-Кӓшгари, 2005, с.849]. Отсюда понятно, почему другая часть исследователей склонна считать татар тюрками [Кызласов, 1975, с.172; Аблязов, 2012, с.125–131]. Косвенное признание возможной тюркской этнической принадлежности татар содержится и в новой статье С.Г. Кляшторного [Кляшторный, 2013]. К этому важному для нашей темы вопросу (в целом обсуждение проблемы см.: [Кычанов, 2010, с.206–207]) мы ещё вернемся при анализе двойного наименования «монголо-татары», но тут отметим, что оснований считать татар тюрками вполне достаточно.

Следует подчеркнуть, что монголы, очевидно, являвшиеся одной из групп шивэй, в тюркскую эпоху, особенно в конце VII – первой половине VIII вв., зависели от тюрок, под влиянием которых поменяли даже хозяйственный тип – перейдя от оседлого и полуоседлого хозяйствования к кочевому скотоводству. Как полагают исследователи, параллельно происходило смешение монголов с тюрками, когда произошла не только их этническая интеграция, но и частично ассимиляция тюрок монголами [Кычанов, 2010, с.206–207]. Но процесс этот занял достаточно длительный период и многие тюркские группы в XII–XIII вв. в Монголии еще сохранялись. Поэтому не удивительно, что Рашид ад-Дин даже в конце XIII в. приводит длинный список «тюркских» племен, в его время уже в целом маркированных как «монголы», но первоначально ими не являвшихся [Рашид ад-Дин, 2002а, с.92–125]. Хотя некоторые из перечисленных персидским историком групп действительно могли быть монголоизированы, в XII – начале XIII вв. в формирующемся Монгольском государстве тюркский этнический массив был ещё весьма значительным и играл там важную роль, которая исследователями обычно недооценивается.

Усилению монголов в Центральной Азии – а это было далеко не первое в данном регионе возвышение монголоязычных этнических групп – предшествовало образование там государства Ляо (907–1115), созданного родственными монголам киданями, имевшими давние традиции государственности. Они в VII–VIII вв. тесно взаимодействовали с тюрками, а после подчинения себе Китая испытали сильное воздействие китайской культуры [Кычанов, 2010, с.150–181]. На это приходится указывать потому, что предки Чингис-хана были интегрированы в государство Ляо – они находились в вассальной зависимости от киданей, приняли от них тюркский титул «тутук» (такой же титул имел и правитель татар), а ряд групп монголов служили в пограничных войсках киданей, хотя некоторые монгольские кланы и вели продолжительные войны с ними [Кычанов, 2010, с.208]. Есть основания полагать, что многие элементы государственной культуры монголов XII в. восходят к тюркам и киданям.

Другой причиной возвышения монголов стало формирование в начале XII в. в районе среднего течения р. Сунгари – в Маньчжурии, государства чжурчжэней (тунгусская группа), ранее частично входивших в государство Ляо, но испытавших также влияние корейцев и др. этнических групп, бывших соседями последних. В итоге войны чжурчжэней с Ляо, последнее в 1125 г. пало и действовавшие в союзе с китайцами государства Сун чжурчжэни, победив киданей, частично их вытеснили далеко на запад (там было создано государство кара-китаев – киданей, известное как Западное Ляо), овладев северной частью Китая, установив там собственную династию Цзинь, просуществовавшую с 1115 до 1234 гг. Очевидно монголы, этнически родственные киданям, не случайно между 1135–1147 гг. оказались в состоянии длительной войны с чжурчжэ-

нами империи Цзинь. Именно в ходе противостояния с ними у монголов постепенно и начало формироваться их раннее государственное образование «*Да мэнгу го*» (Великие монголы), по мнению некоторых исследователей, на монгольском именовавшееся как «*Хамаг монгол улус*» / «Государство всех монголов». Следует отметить, что похожее определение – «qamuğ Türk budun» («весь тюркский народ») – встречается по отношению к тюркской политии уже в уйгурских текстах [Golden, 2001, p.13]. Согласно китайским источникам, после заключения мира между монголами и Цзинь в 1147 г., условием которого стала передача монголам 24 укреплений, расположенных к северу от ставшей пограничной р.Сининхэ [Кычанов, 2010, с.208; Крадин, Скрынникова, 2006, с.104], монгольский хан Хабул (в китайской передаче – Аоло) был признан династией Цзинь государем «*Мэн го чжу*», не приняв, однако, предложенного чжурчжэнами титула «*гоа ван*» («князь государства»), так как предпочел именоваться «*Тай цзу юань-мин хуан ди*», т.е. императором [Кычанов, 2010, с.209]. Отсюда понятно, почему Рашид ад-Дин выделяет эту фигуру, именуя Хабул-кагана «монгольским ханом», «государем и правителем своих племен и подчиненных», указывая: «… во время Хабул-хана… из рода которого происходит большинство племени кият, а монгольские племена нирун суть его двоюродные братья, а другие ветви монголов… все были его дядьями и дедами» [Рашид ад-Дин, 2002б, с.35; 2002а, с.103], фактически фиксирует, что к середине XII в. названный выше союз монгольских племен уже возглавлялся предками будущего Чингис-хана. Несмотря на то, что улус «Qamuq mongol», находившийся в определенных отношениях с Цзинь, можно назвать государством «Всех монголов», он ещё скорее являлся вождеством (союзом племен) [Крадин, Скрынникова, 2006, с.103–112], чем прочным государственным образованием. Тем более, и до объединения всех монгольских племен в его рамках ещё было далеко.

Действительно, после поражения от татар, действовавших в союзе с чжурчжэнами, в 1160 г. (или в 1161 г.) союз «Qamuq mongol» попросту распался [Кычанов,1995, с.20; Барфилд, 2009, с.285].

В реальности, на территории Халхи в XIII в. таких раннегосударственных объединений, как «Хамуг монгол», было достаточно много, и некоторые из них вначале были даже более сильны, чем союз монгольских кланов. В этом плане, в первую очередь, надо выделить татар, найманов и кереитов, т.е. тюркские союзы или объединения, где тюркский этнический элемент был ведущим. Но эти вождества действовали не вполне самостоятельно, ибо все они находились в сфере влияния вначале государства киданей Ляо (позже – Западного Ляо), а затем чжурчжэнской династии Цзинь, попеременно поддерживавших эти союзы друг против друга. В частности, как только татары после победы над монголами в начале 1160-х гг. усилились, чжурчжэны поддержали кереитов, в союзе с монголами в 1198 г. одержавших победу над татарами [Барфилд, 2009, с.285].

В целом же в XI – начале XII вв. юго-западная и западная части Халхи, Южная Сибирь продолжали, в основном, принадлежать тюркским этническим группам, хотя там имелись и монголоязычные, а также иные по происхождению клановые образования. Степные союзы племен, находившиеся в XII в. под сильным влиянием могущественных соседей – киданьского государства Ляо (позже Западного Ляо) и чжурчжэнского северо-китайского государства Цзинь, имели разнообразные связи и между собой, что иногда упускается из виду. Так, найманы, находившиеся в орбите влияния каракитаев, продолжали контактировать с уйгурами, но враждовали с татарами, находившимися в сфере влияния Цзинь. Кереиты воевали с татарами, имея союзнические отношения с частью монголов, одновременно сохраняя тесные контакты с чжурчжэнами Северного Китая. Другая часть монголов находилась под контролем татар, за спиной которых, как уже указывалось, довольно часто находилась правящая династия Цзинь [Ratchnevsky, 2000].

После развала улуса «Хамуг Монгол», последовавшего за гибелью Хабул-хана, между монгольской знатью, находившейся в родстве с этим ханом, развернулась ожесточенная борьба за лидерство, проходившая при участии всех соседей монголов. В противоборство, в первую очередь, оказались втянуты родственные монгольские кланы борджигин (кият-борджигин) и тайджуит, с которыми кооперировались другие кланы. Ситуация осложнялась тем, что лидеры названных кланов обладали равным правом на власть среди монголов [Кычанов, 1995; Ratchnevsky, 2000; Крадин, Скрынникова, 2006]. Так как детали этого противоборства хорошо известны, нет необходимости его описывать, отметим только те ключевые события, которые в конце концов и привели к формированию в начале XII в. нового объединения монгольских племен, получившего название «Еке Монгол Улус». Оно и стало ядром будущей огромной Монгольской империи.

Около 1189 г. (или 1190) один из потомков Хабул-хана по имени Темучжин (род. примерно в середине 1160-х гг.), отцом которого являлся Есугей-баатыр из клана кият-борджигин, бывший лидером части монгольских племен и пользовавшийся поддержкой хана кереитов Тоогрила, при не вполне выясненных обстоятельствах, но вскоре после победы над меркитами, был выбран знатными сородичами ханом под именем «Чингис-хан» (этимология понятия «чингис» спорна, скорее всего, это титул – см.: [Кычанов, 1995, с.84–89]). Далее, при поддержке союзников последовали походы против меркитов, кунгратов, найманов, татар, затем произошла конфронтация с кереитами и с другим объединением монголов во главе с Джамухой, побратимом Чингис-хана, в конце 1205 г. завершившаяся победой союза племен, возглавляемого Чингис-ханом (более подробно см.: [Кычанов, 1995; Ratchnevsky, 2000, p. 42–88]). Чингис-хан в ходе военных действий еще в 1202 г. нанес новые поражения татарским кланам (баркуй~алахуй, дутаут, алчи, чаган), повелев за былую вражду со своими предками почти полностью уничтожить их [Сокровенное, 1990, с.62–63]. По словам, Рашид ад-Дина, победитель сделал племена татар «кормом для своего меча», приказав истребить их, произведя «всеобщее избиение татар» с тем, чтобы «ни одного не оставлять в живых до того предела, который определен законом [йасак]» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.107]. На самом деле вряд ли весьма многочисленные татары (по Рашид ад-Дину их численность составляла 70 тыс. домов/семей [Рашид ад-Дин, 2002а, с.101]) были подвергнуты тотальному уничтожению. Во-первых, сам персидский историк сообщает, что «некоторое количество [их] (т.е. татар – Д.И.) осталось по разным углам» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.107]. Следует обратить внимание и на отмечаемый в «Тайной истории монголов» «предел» уничтожения врагов – на основе ясы в этом источнике речь идет об истреблении татар «равняя [их] ростом к тележной чеке», т.е. «малые дети, ниже тележной чеки» [Сокровенное сказание, 1990, с.62] были оставлены в живых, как и, скорее всего, женщины [Сокровенное сказание, 1990, с.63]. Во-вторых, и самих татарских племен было больше, чем названные выше четыре клана (Рашид ад-Дин, кроме уже отмеченных выше четырех кланов, называет еще татарские племена *куин* и *терат*) [Рашид ад-Дин, 2002а, с.103]. Кроме того, часть татар уже давно обитала на западе Халхи, в составе уйгуров или по соседству с ними. Поэтому неудивительно, что татары продолжают фиксироваться в источниках в числе противников Чингис-хана и после якобы их «окончательной» ликвидации в 1202 г. Не случайно, что некоторые исследователи вообще ставят под сомнение сам акт полного уничтожения татар, полагая, что в источниках нашло отражение не их физическое истребление, а символическая ликвидация понятия «татары», ставшее из-за усиления монголов неугодной монгольской элите, воспринимавшей это наименование как структурный элемент классификации народов, принятой в государстве Цзинь [Рыкин, 2002, с.71–72]. Вследствие значимости этого вопроса, мы к нему ещё вернемся в дальнейшем при обсуждении причин функционирования в «Еке Монгол Улусе» термина «татаро-монголы»/«монголо-татары». Но тут

укажем, что те татары, которые жили в районе о. Буин-Нор, в состав этого нового государства вошли ещё в ходе его образования.

К 1206 г. на территории Центральной Азии завершилось противостояние клановых групп, объединившихся под главенством тех из них, которые были носителями этнонима «монгол». По сообщению «Тайной истории монголов», в «год Барса» – это было весной 1206 г., у истоков р.Онон состоялся Курултай, когда «воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли (повторно – Д.И.) ханом Чингис-хана» [Сокровенное сказание, 1990, с.100], следовательно, произошло институциональное оформление державы, вскоре (в 1211 г.) получившей официальное наименование «*Еке Монгол Улус*» / «Великое Монгольское государство». При этом были оформлены традиционные подразделения государства на центр, правое и левое крылья, учреждено деление войск на 95 тысячных образований с назначением 85 тысячников из «монгольского народа» [Сокровенное сказание, 1990, с.100–104]. Главной особенностью учреждения указанного деления данного «народа» на тысячи (внутри они делились ещё на сотни и десятки), в объединенные в тьмы (тумены) (10 000-е отряды), являлось то, что оно было произведено не на прежних клановых принципах [Барфилд, 2009, с.296–297]. Хотя в некоторых случаях тысячи и состояли из сородичей, другие их части были распределены по иным, иногда нескольким, тысячным группам, что мы еще далее увидим и на примере Улуса Джучи. Показательно также, что Чингис-хан, учредив личную гвардию в 10000 воинов (*кешиг*) из числа сыновей и младших братьев своих военачальников, до того ставших командирами воинских подразделений из-за личной лояльности к хану, укрепил свою власть. Более того, этот правитель не очень-то доверял своим родственникам по мужской линии, так как он не поставил их на командные должности в своей армии, а когда все-таки произвел в 1206–1210 гг. распределение «монгольского народа» между ними, им досталось только 47% «народа», а во время второго распределения (в 1227 г.) – и того меньше (27%). Эти цифры показывают, что Чингис-хан остерегался, и не без оснований, усиления своих родственников, заменяя их во всех возможных случаях лично от себя зависимыми людьми. Ясно, что хан, волею истории оказавшийся во главе «Еке Монгол Улуса», вскоре превратившегося в обширную империю, создавал «институционализированное государство, в котором не действовали … конфедеративные принципы» [Барфилд, 2009, с.297–303].

Новая держава, начало которой было положено в 1206 г., в дальнейшем пережила процесс территориальной экспансии как при жизни Чингис-хана (ум. в 1227 г.), так и при преемниках Угедее (1229–1241), Гуюке (1242–1247), Мункэ (1251–1259) и Хубилае (1260–1294), превратившись в течение XIII в. в самую большую в мировой истории империю, возглавляемую династией Чингис-хана, вставшей во главе «народа монголов», получившего однако параллельное наименование «татары», часто приводившее к двойной маркировке государствообразующего ядра Великого Монгольского государства как «монголо-татары» (татаро-монголы). С этой двойной идентичностью следует разобраться отдельно, ибо вопрос о том, как из «монголов» получилось «татары» или «монголо-татары» /«татаро-монголы», до сих пор не нашел убедительного объяснения.

Во многих популярных работах, чтобы обойти этот вопрос, татары априори объявляются «монгольским племенем/народом» [Кара-Даван, 1992, с.32; Груссе, 2007, с.76; Де Хартог Лео, 2007, с.12]. Подобный подход присутствует и в некоторых академических трудах, в частности, в «Истории МНР», вышедшей на русском языке в советский период, сказано: «южных монголов… называли «белыми татарами» [История Монгольской, 1983, с.123], хотя известно, что так именовали онгутов, бывших тюрками. Иногда татары объявляются «восточным народом тюркского происхождения, говорившем на монгольском диалекте» [Хоанг, 1997, с.121]. Очевидно, в данном случае предполагается ассимиляция татар монголами. Так как доказательная база у подобных

подходов весьма слабая, они сразу могут быть поставлены под сомнение, тем более, что сторонники гипотезы монгольской этнической принадлежности татар избегают анализа тех источников, которые говорят о тюркской идентичности татар (см. выше). Более того, когда они говорят о получении маркером «татары» «широкого значения», о распространении этого наименования в XII–XIII вв. на всю «совокупность» монголоязычных (монгольских) племен, ими не дается сколько-нибудь детального объяснения того, почему это случилось и кем указанное «распространение» было произведено.

Несколько по-другому выстраивается предлагаемый относительно изучаемого вопроса подход таких известных исследователей, как Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова. Согласно их гипотезе, двойная номинация «мэн-да» («монголо-татары») закрепилась из-за того, что переселенцам из Эргунэ-куна пришлось, находясь на территории новой родины, отделять себя от оставшихся на старой родине родственных монгольских групп, а на новых землях, где мигранты оказались, жили татары. Этому способствовало и распространение тут смешанных браков между монголами и татарами (отношения «анда-куда»). На эту ситуацию наложилась давняя китайская традиция, повлиявшая и на монголов, именования групп степняков этой зоны термином «да-да», т.е. татарами. В итоге двойная идентичность «мэн-да» / «монголо-татары» стала использоваться не только как внешний маркер (экзоэтноним), но и как термин самоидентификация (эндоэтноним). Отсюда вывод: понятия «мэн/мэнва» и «да-да» китайских источников, в конце концов, стали обозначать одну и ту же этническую реальность, как впрочем, и парные понятия «мэн-да» [Крадин, Скрынникова, 2006, с.148–150; Скрынникова, 2013, с.120–121].

Как видим, мы тут имеем дело с довольно стройной концепцией, направленной на создание объяснительной модели причин бытования в Великой Монгольской империи термина «монголо-татары». Но если вдуматься в аргументацию этих исследователей, то в них также можно обнаружить слабые моменты. Однако, прежде чем перейти к их рассмотрению, представляется целесообразным остановиться на еще одном подходе – на этот раз предложенном П.О. Рыкиным, чья гипотеза относительно понятия «монголо-татары» хотя в некоторых моментах и сходна с трактовкой Н.Н. Крадина, Т.Д. Скрынниковой, в базовых чертах от нее отличается.

Если говорить об общности гипотезы данного исследователя с гипотезой указанных двух авторов, то следует отметить, что П.О. Рыкин также исходит из того, что наименование «татары» на все кочевое население Халхи распространили китайцы, точнее китайские чиновники [Рыкин, 2002, с.62]. Но по его мнению это было не механическое перенесение этнонима одной этнической группы на другую – а такая точка зрения высказывается даже весьма вдумчивыми исследователями [Кычанов, 1980, с.142] – и даже не следствие межгрупповых браков, о которых данных не так много, а результат попадания монголов в орбиту влияния официальной в Срединной империи классификации народов, но весьма своеобразным путем. Рассматриваемый автор считает, что никаких «изначальных» монголов не существовало, к тому же из-за неясности источников нет возможности протянуть непрерывную цепочку идентичностей от древних мэнъу/мэнва к «народу монголов» эпохи Чингис-хана. Он также полагает, что «монгольская» идентичность была «сконструирована» в ходе становления Великой Монгольской империи не без участия переметнувшихся к победителям цзиньских чиновников, учитывавших запросы монгольской имперской элиты [Рыкин, 2002, с.69, 77]. Как он думает, в ходе «внедрения» монгольской идентичности в умы представителей «народа монголов» потребовалось «покончить» с официальной классификацией цзинцев, привыкших объединять всех степняков под рубрикой «татары», что и было сделано через переименование государствообразующего ядра империи в «монголов». При этом номинация «татары» подлежала ликвидации и потому, что она ассоциировалась с подчинением Китаю,

зависимостью от нее, а это было неприемлемо для имперской элиты формирующейся державы «Еке Монгол Улуса» [Рыкин, 2002, с.63]. Наконец, согласно данной трактовке, двойная («сложная/смешанная») форма идентичности «монголо-татары» являлась «переходной» к собственно «монгольской» номинации, поэтому ее следует считать этапом к «интернализации» последней. Таким образом, будучи связанной с принятой в Китае официальной классификацией народов, категория «татары» не сразу была заменена на новую «туземную», собственно «монгольскую» идентичность [Рыкин, 2002, с.71–72]. Уже отмечалось, что П.О. Рыкин высказывается даже в том духе, что фигурирующее в некоторых монгольских источниках «уничтожение» татар на самом деле подразумевает не акт физического их истребления, а смену официальной идентичности степняков, принятой у цзинцев, путем внедрения в нее вместо категории «татары» нового понятия «монголы».

Теперь, когда основные подходы к проблеме двойной номинации «народа монголов» периода формирования и расширения «Еке Монгол Улуса» выяснены, можно перейти к их анализу.

Прежде всего, неприемлемым является прямое или косвенное (путем умолчания) принятие допущения об исходной монгольской этнической принадлежности татар. Далее, при обращении к источникам не бесспорной оказывается и точка зрения Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой о двух родинах (на Эргунэ-кун и так называемом Трехречье – в бассейнах Онона, Керулена и Толы) ранних монголов, первая из которых была чисто «монгольской», а вторая якобы «татаро-монгольской», играющая существенную роль в их построениях (основательную критику этих авторов по данному пункту см: [Рыкин, 2002]). Что касается концепции П.О. Рыкина относительно процесса формирования монгольской идентичности через её стадиальную форму «монголо-татары», то в ней наблюдается чрезмерное увлечение конструктивистским подходом, когда при исследовании хода становления при формировании Великого Монгольского государства новых этнических маркеров, применявшихся для обозначения «народа монголов», главное внимание уделяется чиновничьей классификации народов – что, несомненно, должно быть принято во внимание – в ущерб фиксации реальных этнических процессов, в которых участвовали не номенклатурные «категории», а реально существовавшие этнические (этнополитические) сообщества, в частности, «татары» и «монголы», обладавшие в территориальных рамках формирующегося государства культурно-исторической протяженностью, а также социально-политической значимостью. Думается, что такого рода этнообразования было невозможно ликвидировать (как и создать) путем простых манипуляций этническими номинациями, вписанными в имперские «категоризации» этнических обозначений.

В чем же заключаются главные моменты нашего понимания причин функционирования в Монгольской империи такого «синтетического» наименования, как «монголо-татары» или «татаро-монголы», а также закрепления в этом государстве традиции рассматривания понятий «монголы» и «татары» как взаимозаменяемых?

Придется начать с вопроса об этнической принадлежности татар Центральной Азии. Когда приводилось мнение Махмуда Кашгари о тюркской принадлежности языка татар, нами не было акцентировано внимания на то, что он также помещает татар среди 20 основных тюркских племен [Махмӱд ал-Кӓшгари, 2005, с.69]. Мнение автора «Лугат-ат-Турк» (закончен в 1074 г.), жившего во владениях Караханидов, т.е. достаточно близко от уйгуров и части западных татар [см. Кляшторный, 1993], расселенных по соседству с Караханидами, ценно, тем более, что этот средневековой филолог, как уже отмечалось, приводит и собственно языковые данные, свидетельствующие в пользу его мнения о тюркской этнической принадлежности татар. Однако, безусловному принятию этнолингвистического определения татар, данному Махмудом Кашгари, есть одно препятствие. Де-

ло в том, что в ходе перечисления им групп кай, йабагу, татар и басмыл (йасмыл), отмечается, что они «имеют собственный язык, но вместе с тем хорошо владеют тюркским» [Махмӱд ал-Кäшгари, 2005, с.70]. Получается, что у татар тюркский язык был вторым, причем не «собственным». Такое же определение у этого автора есть и по поводу уйгуров – по Махмуду Кашгари язык их «чистый тюркский, а также другой язык, на котором они говорят между собой» [Махмӱд ал-Кäшгари, 2005, с.69; Кызласов, 1975, с.172]. Хотя такие формулы не оставляют места для однозначного заключения о языке татар, они тем не менее не исключают возможности того, что в обоих случаях подразумеваются тюркские языки, но диалектально сильно различающиеся, т.е. в данном случае отличающиеся от «чистого» или «стандартного» тюркского языка. В этой связи приходится напомнить, что имя легендарного предка «тогуз-огузов», т.е. уйгуров – Огуз-каган, имело архаическую форму «огур», давшую наименование огурским языкам [Кычанов, 2012, с.144], обладавшим, как известно, существенными отличиями от других тюркских языков.

Но все же, сомнения по поводу этноязыковой принадлежности татар, основанные на высказываниях Махмуда Кашгари, остаются. Поэтому, для их преодоления следует привлечь новые источники.

Полагаем, что в этом плане заслуживает внимания публикация Ю.А. Зуева, расшифровавшего этническую принадлежность известной по китайским источникам еще с древнетюркской эпохи группы бомо («пегие лошади»), по тюркски именовавшейся «хэла» [ала-ат], в документах танского времени известной как *элочжи/гэлочжи* [Зуев, 1962, с.103–113]. Рассмотрев этот вопрос, данный исследователь пришел к заключению, что в источниках под кланом *бомо* имеется в виду племя *алачи (алач/алчи)*, входившее также в состав кыпчаков *(улаш/алаш)*. Можно полагать, что названный клан следует отождествить с хорошо известным среди восточных татар племени алчи/алчын, входившем с союз татар, боровшийся с Чингис-ханом [Рашид ад-Дин, 2002а, с.103]. Тут следует также обозначить связь данной группы с кыпчаками, что позволяет представить новые доказательства относительно тюркской этнической принадлежности татар. Так, в литературе уже разбирались сведения персидского анонима «Худуд ал-алам» (982/983) и «Зайн ал-ахбар» Гардизи (сер. XII в.) [Кумеков, 1972; Кызласов, 1975]. Как отметил Б.Е. Кумеков, согласно «Худуд ал-алам», татары являлись частью тогуз-огузов, т.е. уйгур [Кумеков,1972, с.42]. На присутствие татар в X–XI вв. в западных уйгурских княжествах, созданных после падения Уйгурского каганата, С.Г. Кляшторный уже обращал внимание [Кляшторный, 1993; Малявкин, 1975б, с.62–82].

Еще более показательным являются сведения Гардизи, приводящего этногенетическую легенду (текст см.: [История татар, 2002, с.488–489]) о происхождении кимаков. Согласно ей, некий «начальник татар» по имени «Шад», бежавший от своих сородичей к «большой реке» (Иртышу), положил начало кимакам. К нему затем прибыли еще 7 «родственников татар» (Ими, Имак, Татар, Байандур, Кыпчак, Лнкиаз, Аджляд). Так как приведенные имена являются эпонимами, отражающими племенной состав Кимакского каганата, в том числе они указывают и на присутствие там, по меньшей мере, одного клана уйгурского происхождения (*ими*) [Кумеков, 1972, с.37–39, 42], подтверждая, тем самым, наблюдения С.Г. Кляшторного о связях татар с уйгурами в X–XI вв., нахождение в кимакской конфедерации клана татар также показательно. Наряду с отмеченными выше сведениями, эти данные позволяют сделать заключение об изначальной тюркской этнической принадлежности татар [Кызласов, 1975, с.172]. Следует иметь в виду, что фиксация у кимаков «начальника» из татар с титулом «шад» (он присваивался ближайшим родственникам – младшему брату или сыну кагана, фактически его заместителю [Golden, 2001, p.40]) позволяет говорить о том, что клан татар в Кимакском ка-

ганате был одним из правящих, т.е. татары, тут, безусловно, являлись элитной группой [Голден, 2004, с.121], что также говорит об их тюркском происхождении.

Полученный вывод позволяет поставить под сомнение гипотезу Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой относительно закрепления у монголов двойного маркера «монголо-татары» в результате их проникновения в среду татарских племен. Уже говорилось о том, что сами источники, рассказывающие о переселении монголов из древней родины на новые земли, разноречивы – в одном случае в них речь идет о выходе предков из горных теснин [Рашид ад-Дин, 2002а, с.154], в другом – об их переплытии через «море» («Тенгиз») [Сокровенное сказание, 1990, с.12]. Следовательно, они не слишком надежны, скорее, можно говорить не об одномоментном переселении, а о достаточно длительном и постепенном продвижении монгольских кланов в степную зону, что не позволяет принять мнения названных выше авторов относительно того, что монголы использовали маркер «татары» для отделения себя от сородичей, оставшихся на «Эргунэ-кун». Другим основанием для заключения о миграциях монголов на запад, якобы позволивших им «смешаться» с татарами, являются рассуждения автора «Мэн-да Бей-лу» (1221) китайского чиновника Чжао Хуна, писавшего о двух «монгольских» государствах, «отстоявших друг от друга с востока на запад в общей сложности на несколько тысяч ли», по его мнению, непонятно почему «объединенных под одним именем» как «мэн-гу» («монгольское государство») или «мэн-да» («монгольско-татарское государство» [Мэн-да Бей-лу, 1975, с.51]. Внимательное чтение источника на самом деле позволяет заметить, что в нем монголы уже путаются с татарами. Скажем, там прямо говорится: «Теперь татары *называют себя* (выделено нами – Д.И.) Великим монгольским государством» [Мэн-да Бей-лу, 1975, с.51]. А раз это так, возникает вопрос: не находились ли татары и до «смыкания» территории их проживания с монголами в составе уйгуров, до 840 г. живших в бассейне р. Орхон, мигрировав затем частично вместе с ними на запад, где они в X–XI вв. и жили (см. выше работу С.Г. Кляшторного). А так как другая часть их при этом осталась на прежних территориях (там, кстати, осталась и группа уйгуров – см.: [Малявкин, 1975а, с.53–58]), у китайских чиновников, уже именовавших в XII в. монголов «татарами», появились умозаключения о двух «монгольских» (на самом деле монголо-татарских) государствах, в реальности бывших тюркскими, а не монгольскими, политиями. Монголы, как уже говорилось, после начала их усиления в связи с создавшимися в XII в. благоприятными внешними условиями, в районе старого политического центра уйгуров в бассейне р. Орхон и на соседних территориях столкнулись с этническими их наследниками, среди которых находились и татары, причем, отнюдь не на последних ролях, являясь, скорее всего, «царственной» группой. Именно при таком понимании становятся понятными высказывания Рашид ад-Дина о былом могуществе и славе татар, одно из которых следует привести: «…Если бы при наличии их многочисленности они (т.е. татары – Д.И.) имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы … не были бы в состоянии противостоять им…Они [уже] в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большой части [монгольских] племен и областей, [выдаваясь своим] величием, могуществом и полным почетом» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.102]. Приведенная оценка персидского историка никак не может относиться к тем татарам, с которыми в 1198 и 1202 гг. сражался Чингис-хан, так как они, хотя и были достаточно многочисленными, ничуть не превосходили соседних с ними найманов или кереитов. Скорее всего, у Рашид ад-Дина подразумевается нечто иное, а именно, причастность татар к «царственным» тюркским кланам, в первую очередь – уйгурским, а через них и кимакско-кыпчакским, в свою очередь, восходящим к знатным древнетюркским кланам периода Тюркского каганата. Именно такое происхождение татар, надо полагать, известное и китайцам, позволяло считать их не просто обычным союзом племен, а некоей надклановой общностью, позволяющей им выступать в глазах китайских чиновников не только в

роли конкретной политии, но и в роли некоей «обобщающей» категории, синонимичной понятию «тюрки». Следующая фраза Рашид ад-Дина, как думается, свидетельствует именно об этом: «…Из-за [их] чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при [всем] различии их разрядов и названий, стали известны под их именем, *все назывались* (выделено нами – Д.И.) татарами» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.102]. Закреплению в Центральной Азии в XII–XIII вв. такого понимания категории «татары» явно способствовало и существование вблизи монголов конкретных татарских кланов, являвшихся реальными носителями «татарскости» и обладавших харизмой.

Совокупный материал позволяет говорить о том, что китайская категоризация этнических сообществ, оказавшихся в начале XIII в. в рамках «Еке Монгол Улуса», исходила, похоже, из близкого к изложенному выше пониманию этнической ситуации, сложившейся в ходе становления «народа монголов», т.е. двойная маркировка как «монголо-татары» этого этносоциального организма была содержательной.

При таком подходе гипотеза П.О. Рыкина о переходном к собственно «монгольской» идентичности характере номинации «монголо-татары», оказывается под вопросом. Прежде всего, потому, что вопреки мнению этого исследователя, ранняя монгольская этническая общность, являвшаяся носителем монгольской идентичности, все-таки существовала (подробную аргументацию на этот счет см.: [Крадин, Скрынникова, 2006; Скрынникова, 2013]). Другое дело, что первоначально она была, вероятно, достаточно локальной, не «перекрывая» даже все монголоязычные (киданеязычные?) кланы. Во всяком случае, из источников не видно, что в XII в. монгольской идентичностью обладали кунграты, ойраты и некоторые другие, например, относившиеся к «лесным», племена [Рыкин, 2007]. Поэтому, формирование в XII – начале XIII вв. монгольской государственности одновременно сопровождалось консолидацией монгольских кланов, у которых постепенно выработались общее самосознание и единый этноним «монгол». Естественно, этому способствовали и «конструктивистские» усилия политической и чиновничьей элиты «Еке Монгол Улуса». Одно из направлений такой деятельности, связанной с внедрением среди монгольских кланов идеи их всеобщего «родства» путем манипулирования генеалогиями, достаточно хорошо обрисовал П.О. Рыкин [Рыкин, 2002, с.64–66]. Заметим, что и это сознание «братства» внутри монголов возникло не только через «склеивание» генеалогий, она зижделась и на реально существовавших обширных брачных контактах Чингисидов из «Алтун урука» с клановой знатью (см. об распространении этих отношений и на татар: [Рашид ад-Дин, 2002а, с.106]), явно способствовавших выработке общемонгольской идентичности, в первую очередь, среди клановой знати. Другим направлением внедрения монгольской идентичности было прямое государственное принуждение именоваться монголами тех кланов, которые постепенно включались в состав Великого Монгольского государства через завоевание или «добровольное» присоединение. Хотя государственных указов на этот счет не сохранилось, косвенные данные подтверждают сказанное. Например, европеец Гильом де Рубрук отмечает: «...маолы, ныне *хотят уничтожить* (выделено нами – Д.И.) это название (татар – Д.И.) и возвысить свое» [Рубрук, 1997, с.114]. В связи со сказанным приведем и следующее место из Рашид ад-Дина, писавшего: «…в настоящее время, вследствие благоденствия Чингис-хана и его рода, поскольку они суть монголы (так! – Д.И.), – [разные] тюркские племена…, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, – все они называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки…воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются [этим именем]…» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.102–103]. То что, в закреплении в Монгольской империи этнонима «монгол» принимали участие и поступившие на услужение к новым владыкам бывшие чжурчжэнские чиновники, видно из следующего высказывания южносунского пос-

ла Чжао Хуна, побывавшего в г.Пекине в 1221 г.: «Еще [татары] восхищаются монголами (*мэн*) как воинственным народом (государством – Д.И.) и поэтому обозначают название династии как «великое монгольское государство» (*да мэн-гу го*). [Этому] также научили их бежавшие чжурчжэнские чиновники» [Мэн-да Бэй-лу, 1975, с.537].

Результаты консолидации монгольских племен, достигаемой разными путями (не будем забывать и о том, как Чингис-хан «перемешал» при создании воинских частей старые кланы), в том числе и «конструктивистским» воздействием политической и чиновничьей элиты империи, к середине XIII в. были налицо. К примеру, Гильом де Рубрук, побывавший в 1253–1255 гг. в Монгольской империи, сообщает, что в ходе его пребывания в ставке сына Бату Сартака, один из чиновников Улуса Джучи сказал Рубруку: «Не говорите, что наш господин (Сартак – Д.И.) христианин, он не христианин, а маол». Далее, комментируя нежелание монголов именоваться христианами, Рубрук указывает, что они «желают свое название, т.е. маол, превознести выше всякого имени» [Рубрук, 1997, с.112–113]. Но даже из приведенных источников видно, что этноним «монгол» внедрялся не только чиновничьим аппаратом Монгольской империи, существовали и собственно монголы, в т.ч. и среди знати, носители данного наименования, его отстаивавшие. Кроме того, как видно из Рашид ад-Дина, наблюдалось «встречное движение» немонгольских групп, стремившихся маркироваться ставшим престижным этнонимом «монгол» (о причинах см.: [Рыкин, 2002, с.69]).

Реальная этническая ситуация в Еке Монгол Улус к концу XII – началу XIII вв. была, однако, такова, что этноним «монгол», как уже отмечалось, был характерен даже не для всех монголоязычных племен [Рыкин, 2002], не говоря уже о присоединенных к 1206 г. к этой политии тюркских кланах. Ясно, что в таких условиях этноним «монгол» не мог быть единственным маркером, «покрывающим» все формирующееся в рамках Великого Монгольского государства этническое ядро. К тому же китайские чиновники, по мере включения в состав этого государства северо-китайских территорий, игравшие в нем все более заметную роль, не способствовали закреплению одного – единственного обозначения этого ядра, так как они привычное для них понятие «татары», использовавшееся в Северном Китае для обозначения северных степняков, распространили и на монголов. На этот счет можно привести ряд примеров, ограничимся двумя. Скажем, южносунские послы Пэн да-я и Сюн Тин, побывавшие в Северном Китае между 1233–1236 гг., население «Великой Монголии» именуют не иначе, как «черными татарами» или просто «татарами» [Краткие сведения, 1960]. Уже знакомый нам Чжао Хун, другой южносунский посол, посетивший монголов чуть раньше – в 1220–1221 гг., в своей записи, оставленной после этой поездки, то же самое население предпочитает именовать «татарами», подразделив их на татар «черных» (к ним он отнес Чингис-хана и всю монгольскую элиту), «белых» и «диких» [Мэн-да Бэй-лу, 1975, с.45–48].

Хотя в свете последних данных и можно заключить, что этноним «татары» для монголов являлся внешним (экзоэтнонимом) – а подобная точка зрения в литературе распространена (анализ литературы об этом см.: [Рыкин, 2002; Крадин, Скрынникова, 2006, с.148–152, 200–201, 204; Скрынникова, 2013, с.120–125]) – такой вывод представляется ошибочным. Далеко не случайно, что Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова, уделившие в своих исследованиях серьезное внимание проблеме формирования монгольской идентичности, в конце концов пришли к выводу, что двойной маркер «монголо-татары», включающий не только «монгольскую» составную, но и «татарскую», являлся обозначением не одной «внешней идентификации, но и самоидентификации» [Крадин, Скрынникова, 2006, с.201; Скрынникова, 2013, с.121]. С этим мнением следует согласиться, но в таком случае достаточно остро встает вопрос о причинах закрепления у монголов двойной номинации, не сводимой ни к проблеме двух родин (Т.Д. Скрынникова, исходя из общей с Н.Н. Крадиным концепции даже высказывалась в том духе, что

«татарское» составное двойного маркера монголов «угасло» после потери значения старой их родины [Скрынникова, 2013, с.125]), явно недостаточно фундированной, ни к трактовке П.О. Рыкина о ликвидации «татарской» компоненты двойного маркера монголов, бывшей, по его мнению, переходной к собственно монгольской идентичности, формой, вследствие нежелания монгольской элиты ассоциироваться с зависимыми в прошлом от Китая, татарами [Рыкин, 2002, с.63, 71].

Дело в том, что существующие источники говорят об ином. Так, Чжао Хун, рассказывает о своей встрече с наместником Чингис-хана в Северном Китае Мухули, который в разговоре с послом «каждый раз сам называл себя «мы, татары»; все их сановники и командующие [также] называли себя «мы…». <Подозреваю, что [после этого слова] пропущены три иероглифа: «да-да жень»> Они даже не знают (внимание – Д.И.), являются ли монголами и что это за название, что такое название династии» [Мэн-да Бей-лу, 1975, с.53]. Распространенная трактовка этого места источника, это ссылка на то, что в данном случае монголы, беседующие с китайцем, переходят на характерную для последних номинацию себя (см. подобный комментарий Н.Ц. Мункуева [Мэн-да Бэй-лу, 1975, с.53]). Однако, возможно и иное объяснение самоидентификации гао-вана Мухули и его сподвижников, на что обратили внимание Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова [Крадин, Скрынникова, 2006, с.149]. Речь идет о том, что хотя Мухули и являлся «подлинным» монголом, участвовавшим в организации «Еке Монгол Улуса» с самого начала, он происходил из клана джалаир (из подразделения джат/чат), т.е. скорее всего, был тюрком. Когда Рашид ад-Дин сообщает, что джалаиры служили гур-хану, являвшемуся «государем уйгуров» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.93], он тоже явно подразумевает тюркское происхождение клана джалаир. В таком случае, когда Мухули объявляет себя «татарином», он на самом деле фиксирует свою тюркскую принадлежность. В плане обсуждаемой проблемы интерес представляет и высказывание ещё одного южносунского автора – Хуана Дун-фа, в сочинении которого «Гу-цзинь цзи-яо и-пянь», датируемом серединой XIII в., есть фраза о том, что в 1211–1212 гг. «татары *присвоили* (так! – Д.И.) их (т.е. монголов – Д.И.) имя и стали называться Великим Монгольским государством» [Мэн-да Бэй-лу, 1975, с.51–52]. Не получается ли так, что монголы к этому времени уже существовали, а татары, являвшиеся совершенно другой этносоциальной общностью, также имевшей собственное «имя», после успехов первых просто стали маркировать себя наименованием более успешной группы? Именно об этом, как мы уже видели, писал Рашид ад-Дин. Но проблема в том, что в источниках можно обнаружить и сведения, которые противоречат сказанному выше. В частности, Чжао Хун, после констатации, что «нынешние татары (т.е. монголы – Д.И.) очень примитивны и дики», добавляет: «[Я], Хун часто расспрашивал их [об их прошлом] и узнал, что монголы уже давно истреблены и исчезли» [Мэн-да Бэй-лу, 1975, с.50]. Как же так, вроде бы к 1220-м годом все обстояло как раз наоборот, усилившиеся монголы уже точно не были «истреблены» и не «исчезли», да и татарские кланы ещё не были «поглощены» ими настолько, чтобы усвоить их «имя». Тем более, что «растворению» татар в монголах мешали, по меньшей мере, два обстоятельства. Первое, конечно, это особая функция термина «да-да» (татары), по представлениям китайцев, бывшем «более емким и более известным, чем мэн, манхол», способным по отношению к видовому понятию «монголы» выступать в качестве родового [Крадин, Скрынникова, 2006, с.151; Скрынникова, 2013, с.120, 122]. Об этом красноречиво свидетельствует приведенный выше пример с подразделением «народа монголов» на «черных», «белых» и «диких» татар, из которых далеко не все были собственно этническими монголами. Второе заключается в том, что после образования «Еке Монгол Улуса», по всем данным, консолидация монголов еще продолжалась и этноним «монгол» в 1220-х гг. еще не был усвоен всеми монголоязычными группами [Рыкин, 2002, с.64], не говоря уже о вошедших в состав государства

тюркских группах. Наконец, что особенно важно, понятие «татары» обладало не только престижностью и аурой былого величия, но и являлось «обобщающим» термином, выступая по отношению, прежде всего, тюркских общностей в роли синонима – маркера понятия «тюрки», при этом имея и реальное этническое содержание из-за существования собственно татарских кланов тюркского происхождения.

Проведенный нами анализ, думается, показывает, что понятие «монголо-татары» следует рассматривать не как внешний маркер, а как отражение тюрко-монгольского характера «Еке Монгол Улуса», в рамках которого кочевую часть его населения – оно и было в империи политически доминировавшей силой – составляли «монголы» и «татары» (т.е. тюрки). Правящая династия империи действительно была монгольского происхождения (если не учитывать старые и новые контакты «дома Чингис-хана» с тюркскими кланами»), как и политическая верхушка империи (тут, правда, ситуация была более сложной – вспомним Мухули), что и позволяло рассматривать данный улус как «Великое Монгольское государство». Но «народ» оставался тюрко-монгольским, что и нашло отражение в двойной его номинации как «татаро-монголы». Превращение этого двойного маркера в одинарный, чисто «монгольский», завершилось далеко не быстро, скорее всего, только ко времени падения Юаньской династии (1368 г.), когда в результате сложных этнополитических процессов, изученных, кстати, весьма поверхностно [Рыкин, 2002, с.76], на части исторической территории Монгольской империи окончательно закрепилось наименование «монголы» [История Монгольской, 1983, с.128, 133]. В иных ареалах державы Чингисидов, уже в конце 1260-х гг. фактически распавшейся на несколько государств [Исхаков, Измайлов, 2007, с.89], начали формироваться собственные «народы», которые в одних случаях окончательно усвоили наименование «татары» (например, в Улусе Джучи), а в других оставались «могулами», хотя и тюркоязычными, или приобретали иные этнические маркеры.

В ходе образования Улуса Джучи (Золотой Орды), о чем далее и пойдет речь, первоначальное этнополитическое ядро владения Джучи было «татаро-монгольским», потеряв свое «монгольское» составное лишь с течением времени в силу конкретных исторических условий, существовавших в Золотой Орде. Но они требуют уже отдельного рассмотрения.

§ 4. Образование Золотой Орды и формирование средневекового татарского этноса

Дамир Исхаков

История Улуса Джучи, в силу особой её значимости для российской историографии, всегда привлекала внимание отечественных исследователей (обзор литературы см.: [История татар, 2009, с.16–33; Золотая Орда, 2013]). Но до недавнего времени как в России, так и за рубежом при изучении этой державы мирового уровня явно недостаточное внимание обращалось на происходившие в её рамках этнополитические процессы, завершившиеся формированием тут нового этносоциального организма средневековых татар, отличного от первоначального «монголо-татарского» ядра Великого Монгольского государства (постановку проблемы см.: [Исхаков, Измайлов, 2007]). То, что этот аспект исследования Золотой Орды упускается из виду и зарубежными историками, видно по работам П.Голдена, Т.Барфилда, Т.Мэя [Golden, 2001; Барфилд, 2009; May, 2012]. В итоге возникла парадоксальная ситуация, в первую очередь, характерная для ряда современных российских историков, включая и авторов школьных учебников по отечественной истории [Исхаков, 2007а], когда они под воздействием нескольких

факторов, в числе которых надо отметить и реакцию на труды историков Татарстана, стремящихся ликвидировать традиционную для России сугубо отрицательную коннатацию периода так называемого «татаро-монгольского ига», начали избегать привычной двойной маркировки Золотой Орды как «татаро-монгольского» государства, переключившись на ее обозначение как «монгольской» державы. Это привело к тому, что стало трудно понять, как в результате деконсолидации во второй половине XIV – начале XV вв. государствообразующего этнополитического ядра данного «монгольского» государства образовалось целое созвездие тюрко-татарских политий, чье население летописцами Московского великого княжества, находившегося в обширных контактах с ними, однозначно фиксировалось как «татары».

Обозначенная выше маркировка Золотой Орды вызвана не только политическими причинами (о них см.: [Исхаков, 2007а]), но и сугубо научными – подобная трактовка зиждется на недостаточной изученности этнических, точнее, этнополитических процессов, происходивших в рамках Улуса Джучи со времени его образования. Кроме того, в историографии, не только в отечественной, но и в зарубежной, бытует в корне неверный подход о сложении золотоордынских «татар» в результате «ассимиляции» пришлых «монголов» с численно преобладавшим местным кыпчакским населением [Голден, 2004, с.127; The Cambridge History, 2009, p.73]. При этом, во-первых, упускается из виду, что политически доминировавшая в Золотой Орде группа состояла вовсе не из одних «монголов», а была «татаро-монгольской» общностью; во-вторых, судя по проведенному выше анализу, у кыпчаков, точнее, у их восточной части – кимаков, обнаруживается собственное «татарское» составное, позволяющее взглянуть на проблему становления в Улусе Джучи средневековых татар и татарской идентичности иначе, чем это было принято до сих пор.

Если обратиться к вопросу об истоках Улуса Джучи, то обнаружится, что его начало надо искать в решениях Чингис-хана о выделении своим четверым сыновьям от старшей жены – Джучи, Чагадаю, Угэдею и Толую, согласно монгольской традиции имевшим преимущественное право на наследство, в том числе и политическое, отдельных уделов, вначале в виде всего лишь частей «монгольского народа», а затем уже и как крупных уделов, включающих не только монгольское ядро, но и многочисленные покоренные народы. Так как формирование таких владений заняло довольно длительный период, мы солидарны с мнением В.В. Трепавлова, критиковавшего тех исследователей, которые основание Улуса Джучи (Золотой Орды) пытались датировать лишь временем возвращения монгольской армии из Центральной Европы в 1242 или 1243 г. [История татар, 2009, с.172]. На самом деле выделение собственного удела Джучи на основе решения Чингис-хана произошло значительно раньше и началось около 1206–1207 гг., другое дело, что затем в результате дальнейших завоевательных походов монгольской армии это владение к 1240-м гг. расширилось, достигнув огромных размеров, а через некоторое время и вовсе став самостоятельным государством.

Согласно «Тайной истории монголов» и «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана, около 1207 г. Чингис-хан принял решение «выделить» своим ближайшим родственникам «уделы». Тогда Джучи были выделены 9000 юртов (семей) и «приставлены» к нему три нойона – Хунан, Мункеур и Кете [Сокровенное сказание, 1990, с.120; Лубсан Данзан, 1973, с.186]. По всем данным, это владение состояло из собственно «монголов» и имело собственную территорию кочевания, которая, однако, остается точно не известной.

Сообщение монгольских источников подкрепляется Рашид ад-Дином. Так, он отмечает, что когда Чингис-хан «делил эмиров и войско между царевичами», то дал Джучи четырехтысячное войско, состоявшее из 4-х тысячных подразделений: первое – из *сиджиутов* во главе Мунгур/Мунгеур (Мунгэде) – нойоном, второе – из *кингитов* во главе с Кутан-нойоном, третье и четвертое – из *хушинов* во главе с Хушитай-нойоном и

Байку (не исключено, что это – одна личность: Хушидай-Байку (см.: [Рашид ад-Дин, 2002а, с.172]; также см. более полную информацию: [Рашид ад-Дин, 2002а, с.177–178, 183; 2002б, с.274]). Хотя допустимо предположить, что эти тысячные подразделения собирались за счет указанных выше 9 тыс. юртов (семей), полной уверенности в этом нет, да и о самом числе этих юртов в источниках есть некоторые разночтения, о чем ещё скажем далее. Тем не менее, имена двух нойонов (Хунан/Кутан и Мункур/Мунгур) из собственно монгольских источников и из Рашид ад-Дина частично совпадают, что подтверждает получение Джучи своего народа-войска. Дополнительно эта информация подкреплена и другим известием, содержащемся в монгольских источниках, рассказывающих о распоряжении Чингис-хана темнику-нойону Хунану «во главе своих [сородичей] кенигесцев» перейти в подчинение к Джучи [Сокровенное сказание, 1990, с.105; Лубсан Данзан, 1973, с.150]. Несомненно, тут подразумевается воинское подразделение из клана *кингит* во главе с Хунан-нойоном. Сам же этот клан относился к «изначальным» монголам ветви *нирун,* как и племя сиджиут; к старым монгольским кланам Рашид ад-Дин относил и группу хушин, хотя ее нет среди тех, кто восходил к ветви нирун [Рашид ад-Дин, 2002а, с.78]. Таким образом, в данном случае удел Джучи состоял еще только из кланов «монголов», но затем ситуация начала меняться, что случилось после похода этого Чингисида на «Лесные народы».

Согласно сведениям источников, в «год Зайца» (1207) по повелению Чингис-хана Джучи во главе «войска Правой руки» был послан подчинить «Лесные народы», до которых надо было пройти и земли западных монголоязычных племен (ойраты, буряты и др.), ещё не присоединенных к владению Чингис-хана. По мнению одних исследователей этот поход предполагал выход на Саяно-Алтайское нагорье и прилегающую зону [Зориктуев, 2011, с.163], по мнению других – продвижение значительно дальше – в бассейн Иртыша, на старую родину кимаков [Трепавлов, 1993, с.49–51]. Думается, что верна последняя точка зрения, но она требует дополнительной аргументации. Заметим, что ко времени начала похода Джучи отрядами Субэдея уже были рассеяны меркиты, а отрядами Джэбе – разбиты найманы во главе с Кучлуком [Сокровенное сказание, 1990, с.118; Лубсан Данзан, 1973, с.182–183]. В последнем случае надо принять во внимание, что «места», где найманы «сидели», включали не только «Большой [Еке] Алтай», но и «Кок Иртыш» (там обитало и «племя *канглы*») и «Иртыш-мурэн» (Иртыш), а также «горы», которые лежали «между той рекой (т.е. Иртышом – Д.И.) и областью киргизов» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.136–137]. Бассейн р.Иртыш был знаком монголам и раньше – в 1205 г., когда разбитые монголами отряды меркитов бежали в направлении «реки Эрдыш», уйдя «в сторону канглинцев и кипчаудов» переправившись через нее [Сокровенное, 1990, с.39], монголы их преследовали. Об этом сообщает и Джувейни, указавший на бегство меркитов в «Каракум, место обитания канглы» [Джувейни, 2004, с.200]. Так что не исключено появление монголов в бассейне Иртыша уже в ходе преследования меркитов и найманов в 1205 г. (другая дата – в 1208 г.). Поэтому поход Джучи, скорее всего, был частью названных выше действий монголов против меркитов и найманов.

Как доказывает Б.Р. Зориктуев, общий маршрут движения войск Джучи был по западной стороне о. Хубсугул, по долине р.Шикшик (юго-восточная Тува), далее по территории Тувы и Хакасии с выходом в зону верховий р. Енисея [Зориктуев, 2011, с.162–163]. Однако, этот поход имел и продолжение в юго-западную Сибирь, что этим исследователем не акцентируется, но предполагается В.В. Трепавловым [Трепавлов, 1993, с.50–51]. Ко времени названного похода, возможно уже в 1201 г., «в силу ярлыка» Чингис-хана было подчинено племя *баргут*, жившее в местности Баргуджин-Токум, локализуемой Рашид ад-Дином «на той стороне р. Селенги», на «самом краю земель, которые населяли монголы» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.121; Зориктуев, 2011, с.146]. Так как покорение баргутов тогда было проделано с опорой на клан кунграт, в дальнейшем

баргуты, бывшие тюрками [Парунин, 2012], оказались с ними «близки и соединены» (через брачные связи – Д.И.) [Рашид ад-Дин, 2002а, с.118, 184–185]. Как гласят источники, по ходу продвижения войск Джучи его войска вышли на местность «Шихшит» (в Туве) и ему вначале добровольно покорились ойраты, буряты (бурийаты), бурхаты (баргуты?), урсуты (убсуты), хабханасы (хабсаги), хангасы, тубасы, затем и киргизы [Сокровенное сказание, 1990, с.119; Лубсан Данзан, 1973, с.184; Рашид ад-Дин, 2002а, с.150]. После этого были покорены группы, относившиеся к собственно «Лесным народам»: шибир (шибер), кэсдэм (кесдин), баид (баит), тукас, тенлек (тэлэнг), тоелес (тогулас), тас (тан), бичигэт (бачжиги) [Сокровенное сказание, 1990, с.119; Лубсан Данзан, 1973, с.184]. Джучи, завершив поход, забрал с собой в ставку Чингис-хана князей (нойонов) покоренных народов, при описании состава которых в источниках есть некоторая разница – в «Тайной истории монголов» говорится только о «нойонах Лесных народов» и «киргизских темниках и тысячниках», между тем, в «Алтан Тобчи» первая группа нойонов оставлена так же, а вторая группа описана несколько иначе – как «нойоны киргизские, туматские и мингатские» [Сокровенное сказание, 1990, с.119; Лубсан Данзан, 1973, с.184]. Эти детали нужны для того, чтобы разобраться в дальнейшем в этническом составе покоренных в 1207 г. Джучи, кланов. Но до этого скажем, что после рассматриваемого похода «Лесные народы» были жалованы (отданы в подданство) Чингис-ханом Джучи [Сокровенное сказание, 1990, с.119; Лубсан Данзан, 1973, с.184].

Итак, речь надо вести о начале оформления в 1207 г. у Джучи более обширного владения, включавшего в свой состав не только «коренных» монголов, но и немонгольские этнические группы, расселявшиеся в Саяно-Алтайском нагорье и на прилегающих территориях, а также юго-западную Сибирь. То, что данный удел в указанных границах (они еще будут уточнены) действительно был закреплен за Джучи, может подтвердить одно сообщение Рашид ад-Дина, относящееся к 1218 г. [Рашид ад-Дин, 2002б, с.256]. Там говорится, что после восстания туматов (оно случилось в 1217 г.) для их повторного покорения монголы пытались привлечь киргизов, а когда те отказались и также восстали, Чингис-хан «послал к ним сына своего Джучи с войском», приведшем в ходе похода в покорность туматов и киргизов [Рашид ад-Дин, 2002а, с.151]. Отсюда вытекает, что именно Джучи нес ответственность за регион, где жили туматы и киргизы, а это – Саяно-Алтайское нагорье и прилегающие зоны, включая и юг Западной Сибири, о чем будет сказано ниже подробнее. Теперь, когда факт расширения границ удела Джучи после 1207 г. в северном направлении установлен, попытаемся разобраться с этнической принадлежностью тех племен, в особенности, принадлежащих к «Лесным народам» и отданных Джучи. Это позволит нам определить границы владения Джучи в первых двух десятилетиях XIII в.

Относительно этнической принадлежности киргизов, чье вхождение в состав удела Джучи не вполне ясно, хотя показательно то, что в 1218 г. именно Джучи их покорил повторно, споров нет – это были тюрки, населявшие «две области», составившие «одно владение» – «Киргиз» (Хакасо-Минусинская котловина) и «Кэм-Кэмджиут» (Тува). Одна «сторона» этого владения «соприкасалась» с р. Анкара-мурэн, доходя при этом «до пределов области *Ибир-Сибир*», а та часть, которая именовалась «Кэм-Кэмджиут», «соприкасалась с местностями и горами, где сидят племена найманов». Согласно Рашид ад-Дину, к этой области была «близка» и «местность Баргуджин-Токум», где жили «племена кори, баргу, тумат и байаут» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.150]. Кто же были по этнической принадлежности эти последние кланы? Хотя не ясно, вошли ли они все во владение Джучи, одна из этих групп – *баид* (*баит/байаут*), точно относилась к «Лесным племенам» (см. выше). Так вот, Рашид ад-Дин отмечает, что племена *баргут, кори (хори)* и *тулас* «близки друг с другом» и их «называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находясь] на той стороне Селенги, на самом краю местностей и

земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.127]. Тут надо отметить, что группа «кори» – это туматы, так как в «Тайной истории монголов» она названа «хори-туматским племенем» [Сокровенное сказание, 1990, с.119]. Когда Рашид ад-Дин пишет, что «племена кори, баргу, тумат и байаут, из которых некоторые суть монголы» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.150], это вряд ли относится к первым трем группам, в которых достаточно обоснованно исследователи видят тюркоязычные кланы [Крадин, Скрынникова, 2006, с.227; Зориктуев, 2011, с.164–180 и др.]. Уже отмечалось, что наименование клана тумат может быть возведено к древнему тюркскому этнониму *дубо* (*тума*/*дубо*) [Кызласов, 1992, с.141]. Как полагает Л.Р. Кызласов, туматы (т.е. дубо/тубо) первоначально жили в Тувинской котловине, откуда в XII в. были вытеснены ойратами в «пределы страны киргизов» [Кызласов, 1992, с.138]. Действительно, Рашид ад-Дин видит в племени тумат (следовательно, и в группе кори/хори) «ответвление от баргутов», указав, что они жили в «пределах страны киргизов» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.122]. Несомненно, некоторое смешение перечисленных родственных баргутам кланов с монголами имело место, в частности, Рашид ад-Дин сообщает о брачных связях представителей монгольского клана мангыт с баргутами [Рашид ад-Дин, 2002а, с.184]. Однако, это вряд ли привело к быстрой ассимиляции тюркоязычных групп баргутской линии монголами.

Сейчас обратимся к другим группам, упоминаемым среди «Лесных народов». Относительно урсутов, которых Рашид ад-Дин помещает «в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов» или «по ту сторону киргизов, [на расстоянии] около одного месяца пути» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.123], у персидского историка можно найти два мнения. Согласно одному, группа *урасут (урсут),* наряду с кланами *теленгут и хуштеми,* были «монголами из лесного племени», а согласно другому, эти племена были лишь «подобны монголам» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.122–123]. Современные исследователи склоняются к заключению о тюркском происхождении урсутов, как и групп теленгут и куштеми, обитавших в верховьях Енисея [Зориктуев, 2011, с.153]. Недалеко от них жили хабханасы, чье наименование совпадает с хакасским этнонимом *хапхын* (это у них сеок, т.е. род), т.е. мы опять имеем дело с тюркским кланом. *Тубасы и тухасы,* обитавшие в районе о. Хубсугул (Тува), также являлись тюрками. Насчет клана *баит (байаут),* расселявшемся на входе в Саяно-Алтайское нагорье на водоразделе р. Селенги, есть некоторые сомнения, не были ли они монголами [Зориктуев, 2011, с.162]. А вот насчет кланов *тэлэнг (тенлек)*, *тоелес* и *тас* сомнений нет – это тюрки, так как данные этнонимы хорошо известны среди родов (сеоков) тувинцев и алтайцев [Зориктуев, 2011, с.162]. Можно, видимо, согласиться и с выводом Б.Р. Зориктуева относительно тюркоязычности группы *бачжи (байджигит)* [Зориктуев, 2011, с.162]. Детальнее обо всех этих кланах см.: [Зориктуев, 2011, с.153–162].

Дискуссионным является мнение Б.Р. Зориктуева о наименовании «шибир» / «шибер», причисленный им к топонимам, как он полагает, отражающим название упоминающейся у Рашид ад-Дина при описании «области» киргизов смежной с ней «области Ибир-Сибир» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.150], как считает данный исследователь, находившейся в «районе слияния Ангары и Енисея» [Зориктуев, 2011, с.161]. Так как этот вопрос прямо связан с определением западных пределов, достигнутых войсками Джучи в ходе похода 1207 г., он требует отдельного анализа.

Что касается собственно «Тайной истории монголов» и «Алтан Тобчи», то в них «шибир/шибер» – это этноним, так как за ним скрывается один из кланов из числа «Лесных народов». Далее, согласно названным источникам, при перечислении «народов», входивших в эту группу, клан *шибер* был отнесен к самым отдаленным от собственно монгольских земель, племенам [Сокровенное сказание, 1990, с.119]. Несмотря на то, что имеется соблазн сопоставить это этноним с названием «Ибир-Сибир», вопрос о

наименовании «шибир/шибер» не так прост. Начнем с того, что у персидского историка локализация указнной выше «области» произведена по отношению ко второй «области» киргизов – к Кэм-Кэмджиуту (последняя, несмотря на то, что один раз названа рекой, в остальных случаях у него все-же признана «областью» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.150; 2002б, с.112, 250]). Если вчитаться в текст этого историка, то окажется, что там речь идет в целом о территории, находившейся к северу или даже к северо-западу от области Кэм-Кэмджиут (см.: «одна сторона соприкасается с [бассейном] большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.150]). А так как еще одна «сторона» Кэм-Кэмджиута, на этот раз, скорее всего, её юго-западная часть, по Рашид ад-Дину, соприкасалась с «местностями и горами, где сидят племена найманов» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.150], то получается, что речь в последнем случае идет об алтайском направлении, севернее, точнее северо-западнее которого и должна быть локализована «область Ибир-Сибир». На самом деле она упоминается в XIV – начале XV вв. у ал-Омари, ибн Арабшаха, в «Анониме Искандера» в составе Золотой Орды, но без точной локализации (в последнем источнике, правда, отмечено, что эта «область» относилась к «правому крылу» государства) [Исхаков, 2006а, с.52]. Полагаем, что местонахождение этой «области» помогают определить русские летописи, в которых применительно к 1480-м годам фигурирует понятие «Сибирская земля», обозначающее территорию в бассейне р.Иртыш, находившуюся где-то в районе г. Чимги-Тура (Тюмень) [Исхаков, 2011а]. К сказанному следует добавить, что сибирским татарам был известен и «низкорослый народец» (иногда отмечалось его родство с «остяками») – предшественник татар, именовавшийся «*сыпыр*». К тому же у сибирских татар в прошлом существовала и волость Супра, чье название отражает этноним «*супыр/сыпыр*» [Исхаков, 2006а, с.53]. Поэтому, хотя наименование «*Ибир-Сибир/Сибир-Ибир*» (в среднем диалекте татарского языка, кстати, есть фразеологизм *ыбыр-чыбыр* со значением «мелкий, незначительный, детвора») ко времени Рашид ад-Дина и являлось названием «области», оно все-же напоминает этникон (*ибир*, в данном случае, это всего лишь вариант понятия *шибир*), восходящий к этнониму *шибир,* в период похода хана Джучи в начале XIII в. обозначавший конкретную этническую группу. В этой связи заметим, что нам уже ранее приходилось писать о том, что группа *шибер/шибир (сыпыр)* может быть увязана с хорошо известным среди гунно-болгарских племен кланом *савир/сабир/сувар* [Исхаков, 2006а, с.53]. Об этом клане более подробно см.: [Pritsak, 1976]. В таком случае, действительно, получается, что войска Джучи не только дошли в 1207 г. до Западной Сибири, оказавшись в бассейне р.Иртыш, но и покорили там «народ *шибир*».

Ранее В.В. Трепавлов высказал мнение [Трепавлов, 1997, с.505] о том, что Джучи в Западной Сибири подчинил и кимаков, продолжавших частично находиться на Иртыше. Его гипотеза опирается на работу Б.Б. Кумекова, утверждавшего, что после массовой миграции кыпчаков в XI в. «одна часть кимаков удержалась на своей древней земле – Иртыше» [Кумеков, 1972, с.128–129]. Однако, из монгольских источников мы этого не видим, они говорят только о подчинении в этом регионе Джучи «народа шибир». Но можно согласиться с данным исследователем в том, что из завоеванной Джучи в 1207 г. территории у него впоследствии осталась только часть, Южная Сибирь (Тува и прилегающая зона) в конце концов отошла к Коренному юрту, перейдя затем к младшему сыну Чингис-хана Толую. Вопрос, однако, в том, когда это произошло, ибо до окончательного решения Чингис-хана о наследнике престола, Джучи еще являлся претендентом на владение Коренным юртом, который фактически был слит с имперским центром. Территория Алтая, не очень богатая, но престижная (древнетюркский юрт!), отошла к Угэдею, скорее всего, после его вступления в 1229 г. на престол Монгольской империи, будучи также включена в состав Коренного юрта, возможно, не

полностью [Трепавлов, 1997, с.47–51]. Однако в последнем случае следует иметь в виду, что основная зона Алтая могла быть завоевана вовсе не Джучи в 1207 г., а присоединена в ходе походов Субэдея и Джэбе против меркитов и найманов в 1215–1216 гг., если не раньше. Но надо иметь в виду, что в походе на меркитов, бежавших в последнем случае к кыпчакам, мог участвовать и Джучи [Рашид ад-Дин, 2002а, с.116; 2002б, с.128]. Заметим, что весной 1220 г., когда Чингис-хан отправился в поход на государство хорезмшахов, он «лето провел в долине Иртыша, чтобы лошади [до осени там] откормились» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.197, 256]. Как видим, и в данном случае зона Западной Сибири выступает как территория, которая была подконтрольна монголам. Но частичный переход удела Джучи в состав центрального владения не мог произойти до того, как был определен наследник престола Монгольской империи, что произошло не ранее 1219 г., а, возможно, даже окончательно лишь в 1226 г. [Рашид ад-Дин, 2002а, с.197, 258], ибо Джучи, как уже было отмечено, являлся одним из претендентов на это место. Поэтому не удивительно, что в 1218 г. Джучи пришлось заново подчинять туматов и киргизов – речь шла о его собственном владении.

В целом можно сказать, что после 1207 г. в уделе Джучи появились новые тюркские группы, возможно, в некоторых случаях (например, в случае с киргизами), достаточно многочисленные, что в данном владении усилило вес «тюрко-татарского» составного его «народа». В дальнейшем оно должно было увеличиться еще больше, ибо Джучи был назначен на завоевание кыпчаков. Но до этого случился ряд драматических событий, на которых необходимо остановиться потому, что с ними связана дальнейшая территориальная трансформация удела Джучи.

Накануне похода Чингис-хана в 1219 г. на «саратульский народ», т.е. против государства хорезмшахов, одна из его жен подняла вопрос о престолонаследии, в ходе обсуждения которого возник конфликт между Джучи и Чагадаем, при разрешении которого представители «Алтын Урука» во главе с ханом пришли к выводу, что наследником станет Угэдей. При этом Чингис-хан сказал Джучи и Чагадаю, что тем следует править «отдельно друг от друга» над «иноземными народами», причем «широко раздвинув отдельные кочевья» [Сокровенное сказание, 1990, с.128–132]. В ходе ссоры между Джучи и Чагадаем, последний нанес тогда своему старшему брату смертельную обиду, назвав его «наследником меркитского плена» [Сокровенное сказание, 1990, с.128], т.е. поставив под сомнение его генетическое происхождение от Чингис-хана. Хотя отец и сделал за такой проступок серьезное порицание Чагадаю, его выбор в качестве наследника Угэдея, кроме прочих причин, был явно связан и с его личными сомнениями относительно происхождения старшего сына. В реальности именно двое старших сыновей Чингис-хана были «лишними», так как Угэдею предстояло занять престол империи, а младшему Толую – править Коренным юртом, где пока сидел младший брат Чингис-хана Отчигин, впоследствии переживший своего старшего брата. Действительно, перед уходом на названный выше поход, Отчигин-нойону было доверено управление «Великим Аурухом» или «Великой ставкой» [Сокровенное сказание, 1990, с.132; Лубсан Данзан, 1973, с.225]. Старшинство Угэдея, которому должны были подчиниться и его старший брат Джучи, и Чагадай, четко фиксируется в монгольских хрониках в 1221 г., когда в них говорится, что, направив на завоевание г. Ургенча, столицы государства хорезмшахов, Джучи, Чагадая и Угэдея со своими воинами из Правого крыла [Лубсан Данзан, 1973, с.226], Чингис-хан предупредил, что двое первых «должны повиноваться словам Угэдея» [Лубсан Данзан, 1973, с.226; Сокровенное сказание, 1990, с.133].

Параллельно этим боевым действиям, в 1221 г. отряд во главе с Субэдей-багатуром был, согласно монгольским хроникам, вроде бы отправлен «на север», где он должен был завоевать 11 стран и народов: *канглы (канлин), кипчак (кибчаут), бачжигит (башкир), оросут, мачжарат, асут, хасут, сасут (сангут), серкесут, болар (бу-*

ляр), кэрэл (рарал/лалат) [Сокровенное сказание, 1990, с.135; Лубсан Данзан, 1973, с.228], что предполагало выход на «*Идил»(Иджил)* и «*Джайхан» (Аях)*, дойдя затем до города «Кивамен-кермена» (Хий-э). Но все дело в том, что эта общая задача – она была явно поставлена тогда Чингис-ханом – была оставлена на более поздний период, так как в реальности Джэбе-нойону и Субэдей-нойону пришлось срочно заняться погоней за Мухаммед-хорезмшахом по территориям Хорасана, Ирана и Азербайджана (затем оттуда они вышли на просторы Дешт-и Кипчака) [Рашид ад-Дин, 2002б, с.257]. В данном случае показательно то, что к 1221 г. ещё только ставилась задача завоевания кыпчаков и канглы (следовательно, последние, жившие в бассейне Кок-Иртыша [Рашид ад-Дин, 2002а, с.137], в ходе предыдущих походов монгольских войск ещё не были завоеваны), хотя мы уже видели, что весной 1220 г. Чингис-хан временно находился в районе Иртыша. Следует обратить внимание и на то, что в обозначенном выше списке «стран» и «народов», подлежащих подчинению, йемеки (кимаки) не указаны, не исключено, что они скрываются под общим наименованием «кыпчаки». Но это не означает, что зона Иртыша не входила в состав удела Джучи, входила, что далее станет яснее.

В ходе завоевания среднеазиатских владений хорезмшахов, когда монгольские войска в 1220 г. осаждали г. Отар (там находился и сам Чингис-хан, а с ним были его сыновья Чагадай и Угэдей), Джучи был с другой группой отправлен на захват Янгикента и Дженда, а также Барчанлыгкента с окрестностями [Рашид ад-Дин, 2002б, с.198, 257]. После завоевания Янгикента одна группа из войск Джучи ушла на захват ставки тюрок-канглы [Рашид ад-Дин, 2002б, с.200]. Затем, по распоряжению Чингис-хана, Джучи, Чагадай и Угэдей были посланы на захват Хорезма (зима 1220/1221 гг.) [Рашид ад-Дин, 2002б, с.257; 2002в, с.78], откуда двое последних Чингисидов весной 1222 г. вернулись к отцу, а вот Джучи «ушел в свое становище и улус» [Рашид ад-Дин, 2002б, с.257]. Где же они были? Об этом сообщает Рашид ад-Дин, уточняющий: «Джочи-хан… направился в сторону Иртыша, где находились его обозы, и присоединился к своим ордам» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.77]. Так окончательно выясняется, что центр владения (улуса) Джучи к 1222 г., несомненно, находился в «стороне Иртыша», что подтверждает вхождение этой территории в его удел ещё в 1207 г. Наконец, вот что говорит Рашид ад-Дин в своем «повествовании о Джучи-хане»: «Все области и улус, находившиеся в пределах реки Иртыша и Алтайских гор (так! – Д.И.), летние и зимние кочевья тех окрестностей, Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включил в свои владения области Дашт-и Кипчак и находящиеся в тех краях государства» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.78]. На самом деле в этом сообщении содержатся два известия: первое – об уделе Джучи к 1222 г. (результат похода 1207 г.), второе – относительно плана дальнейшего его расширения в общеимперских интересах, но не без выгоды самому Джучи. Что касается границ его удела к 1222 г., то показательно, что он ещё включал пределы «Алтайских гор», но вряд ли район Енисея, так как из «Алтан Тобчи» видно, что в числе туменов, подчинявшихся лично Чингис-хану, в составе трех «западных» подразделений назван тумен под названием «двенадцать туматов» [Лубсан Данзан, 1973, с.244]. А туматы, как мы уже видели, жили в «стране киргизов». Поэтому можно полагать, что южносибирские земли, территория Тувы, уже отошли к Коренному юрту.

Но информация о возложении Чингис-ханом на Джучи задачи нового завоевательного похода требует разбора. Прежде всего, у Рашид ад-Дина есть следующее высказывание: «…[Еще] раньше Чингис-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.78]. В принципе, это распоряжение Чингис-хана частично повторяет приведенное выше известие о планах, возложенных в 1221 г. на Субэдея, но оставшихся тогда не реализованными. Скорее всего, такой приказ дей-

ствительно существовал, так как, во-первых, Рашид ад-Дин отмечает, что «воссевший на трон» Угэдей-каан задачу «покорения северных областей» поручил «членам рода Джучи-хана» на «основании ранее изданного Чингиз-ханом неукоснительного указа Джучи-хану» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.74]; во-вторых, похожие сообщения есть и в других источниках (см. данные Джувейни, Казвини [Золотая Орда, 2003, с.257, 274]). Но когда же Джучи все-таки получил это распоряжение? Для ответа на этот вопрос – а без него трудно будет понять логику дальнейших действий Джучидов после смерти Джучи – обратимся к другим данным.

Известно, что после возвращения из победоносного похода на владения хорезмшаха, в 1225 г. (в «год Курицы») Чингис-хан занялся обустройством завоеванных территорий, в ходе которого в его ставке было принято решение «отделить Джочи, назначив его главным правителем кипчаков» (тогда же Чагадаю была дана «страна сартагчинов», т.е. Мавераннахр). Как рассказывает Лубсан Данзан, Чингис-хан «отправил [тогда] Джочи главным даругачи над кипчаками» [Лубсан Данзан, 1973, с.229–230]. Как мы далее увидим, это сообщение подкрепляется и другими источниками. Согласно Лубсан Данзану, после названного решения Чингис-хан для управления «землею оросутов и черкисутов» выделил уже знакомого нам Хукин-нойона, ранее стоявшего во главе кингитов, но сейчас он был сделан ответственным за «западную половину владения» Джучи, ему Чингис-ханом были также выделены 8000 людей [Лубсан Данзан, 1973, с.232], что свидетельствует о его статусе темника. Как сообщает эта же хроника, после того, как Хукин-нойон «дошел до места», был «также [отправлен] Мунгэту-багатур», стоявший во главе сиджиутов [Лубсан Данзан, 1973, с.233]. Данные Рашид ад-Дина подтверждают сказанное: он указывает, что Мунгэде-нойон «в эпоху Бату… ведал войском», указав, что у Токты один из старших эмиров (Черкес) был «из его рода» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.183]. Он же отмечает, что эмир по имени Хушидай-Байку, которого «Чингиз отдал… Джочию вместе с войском…, командовал правым крылом войск Бату» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.172]. Тут возможны разные трактовки: или эти известия относятся к уделу Джучи безотносительно к конкретному времени, или все же такая передвижка воинских подразделений, вверенных Джучи, произошла после принятого в 1225 г. решения о расширении удела Джучи. В его уделе в новых границах уже могли присутствовать и кыпчаки, ибо ему были пожалованы северная часть Хорезма (низовья Амударьи) и восточный Дешт-и Кипчак [История татар, 2009, с.171], включавшие восточных кыпчаков-йемеков и канглы.

Но остальных кыпчаков ещё только предстояло завоевать. По образному выражению ан-Нувейри, Чингис-хан «назначил» Джучи «летовья и зимовья от границ Кыялыка и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских, крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах» [Золотая Орда, 2003, с.80]. А до «Саксина и Булгарских пределов» в 1223 г. отряды Субэдея и Джэбе действительно доходили. При этом, судя по указанному выше высказыванию Рашид ад-Дина, Джучи удалось сохранить в своем владении бассейн р.Иртыш и частично «Лесные народы», о чем может свидетельствовать указание персидским историком вхождения в его удел зоны «Алтайских гор».

Однако, после решения о передаче Джучи в качестве дополнения к его прежнему владению «кыпчаков», что-то произошло между ним и Чингис-ханом, ибо Рашид ад-Дин рассказывает, что Джучи «уклонился» от завоевания «северных стран», на приглашения отца прибыть к нему отказывался, сказавшись больным. Дело дошло до того, что рассерженный Чингис-хан якобы приказал, чтобы «войско выступило в поход в его (Джучи – Д.И.) сторону, и чтобы впереди всех отправились Чагадай и Угэдей». Вслед за ними он сам также собирался выступить против своего старшего сына [Рашид ад-Дин, 2002в, с.79]. Джучи от карательного похода спасла только его внезапная кончина, как предпола-

гают, возможно, он был убит в феврале 1227 г. по распоряжению отца, подозревавшего его в сепаратизме [История татар, 2009, с.171]. Некоторые основания для подобных заключений действительно имеются, в особенности, если иметь в виду его особую любовь к «Кипчакской земле». Как сообщает Джуджани, когда тот «увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих». Как рассказывает этот автор, «в ум его стало проникать желание восстать против своего отца; он сказал своим приближенным: «Чингиз-хан сошел с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется наиболее целесообразным умертвить отца на охоте, сблизиться с султаном Мухаммедом, привести это государство в цветущее состояние и оказать помощь мусульманам» [Золотая Орда, 2003, с.250–251]. Джуджани даже отмечает, что Чингис-хан «послал доверенных лиц своих отравить и убить» своего старшего сына [Золотая Орда, 2003, с.250–251]. Как бы то ни было, Джучи, на котором висело «меркитское проклятье», оказавшись в плотном тюркском окружении из сибирских тюрок, йеменов, канглы, возможно, и найманов, мог захотеть обособиться от имперского центра, что еще не означает реализацию данного плана при его жизни. Но завоеватель мира пережил Джучи всего на полгода, однако, судя по всему, успев передать удел Джучи его сыну Бату, которому пришлось заняться теми завоеваниями, от которых его отец «уклонялся». Мы на этих завоевательных походах детально останавливаться не будем, но некоторые сюжеты, необходимые для выяснения особеностей этнических процессов, происходивших в Улусе Джучи в дальнейшем, вкратце рассмотрим.

Началу походов монгольских войск в направлении «северных стран» предшествовала интронизация Угэдея в 1229 г, признанного «каганом» (каан), т.е. ханом ханов. Согласно «Тайной истории монголов», в «год Мыши (1228/1229 г.) в Келуренском Кдеу-арал'е собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевичи Правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевичи Левой руки; Толуй и прочие царевичи Центра; царевичи, зятья, нойоны и тысячники» [Сокровенное сказание, 1990, с.138]. Это был курултай, происходивший 19 сентября 1229 г., но сбор знати начался еще весной 1228 г. (в «первых днях весны»). Он происходил в «старинном юрту и Великой ставке», находившемся «в местности Келурен», куда «из Кипчака» прибыли сыновья Джучихана (Урдада, т.е. Орда, Бату, Шибан, Берке, Беркечар и Бука (Тука) – Тимур, «из Каялыга» Чагадай «со всеми сыновьями и внуками», «из Имиля и Кунака» – Угэдей с сыновьями и «родом своим», «с востока», т.е. из Коренного юрта – Отчигин, Бильгутай-нойон, двоюродный брат Ильджидай – нойон и сын Качиун. К приходу последних там уже находился Тулуй-хан, «глава дома и Коренного юрта», известный как Еке/Улуг-нойон. Рашид ад-Дин отмечает, что «все царевичи и эмиры направились со [всех] сторон и краев» в ту местность [Рашид ад-Дин, 2002в, с.18–19]. Данное событие важно с нескольких точек зрения. Во-первых, как отмечает «Юань ши», на этом «большом сборе всех князей (*вааноов*) и всех чинов…. посмертным рескриптом Тай-цзу (Чингис-хана – Д.И.) император (*каан* Угэдей – Д.И.) был возведен на престол» [Юань ши, 2004, с.478]. Во-вторых, на этом курултае были подтверждены пожалования, в том числе и связанные с выделением уделов, сделанные Чингис-ханом. В-третьих, именно после этого события – решение вероятно было принято на курултае – «Кокошай (видимо, сын второго – Д.И.) и Субэдай-бахадур» были посланы «с войском (речь идет о 30 тыс. воинов – Д.И.) в сторону Кипчака, Саксина и Булгара» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.21]. Джувейни пишет то же самое: «В землю кипчаков, саксинов и булгар он (Угэдей-каан – Д.И.) послал Кокетея и Субутая-бахадура с…. войском [Джувейни, 2004, с.127]. Об этом не датированном походе, оставшимся малоизвестным из-за того, что он оказался «перекрытым» в последующем гораздо более масштабным событием – началом весной 1235 г. общеимперского наступления «на западные страны» [Юань ши, 2004, с.486],

есть намек и в «Тайной истории монголов», где сказано: «Субетай-багатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено ещё при Чингисхане» [Сокровенное сказание, 1990, с.138]. Показательно, что с этим рейдом был отправлен Субэдей, которому названный регион был уже знаком. Не исключено, что тогда был запланирован выход на волжские рубежи. Но удивительно, что Бату, уже «воссевший в своем улусе на ханский престол в качестве преемника отца» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.79] и явно успевший в 1229 г. получить подтверждение своих прав, в отмеченном походе не принимал участия. Возможных объяснений тут два: или он тогда был занят обустройством собственного владения, или ему пришлось подавлять сопротивление покоренных народов. Не исключено, что Бату был недоволен тем, что у него отняли Алтай [История татар, 2009, с.138].

Два независимых друг от друга источника дают возможность определения даты названного выше рейда 30-тысячного отряда монгольских войск: арабский хронист конца XIII в. Ибн Васил под 627 г.х. (1229/1230) приводит известие о том, что «вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками» [Золотая Орда, 2003, с.49]; сообщение Лаврентьевской летописи, датированное 1229/1230 гг., дает некоторые детали происходившего: «… Саксины и Половцы възбегоша из низу к Болгарам перед Татары и Сторожеве Болгарьскым прибегоша бьени от Татар, близ рекы, ей имя Яик» [ПСРЛ, 1962, с.453]. Ясно, что данная акция была направлена, прежде всего, против кыпчаков и булгар. В случае с кыпчаками, скорее всего, речь надо вести об их объединении во главе с кланом *алпарлы* (*олбурлик*) под предводительством Бачман-султана, чья столица – г.Актюба, находилась в бассейне р. Яика в районе современного г. Оренбурга [Исхаков, 2012]. Похоже, что этот поход был подготовкой к более крупному политическому событию, которое вскоре и случилось.

Несмотря на некоторые успехи войск Субэдея-бахадура – не исключено, что зимой 1231/1232 гг. они подошли к «Великому городу» (Биляр) [История татар, 2009, с.140] – из-за сильного сопротивления «народов», которых было предписано завоевать, ему на «помощь» [Сокровенное сказание, 1990, с.133] понадобились новые войска. Как сказано в «Тайной истории монголов», Угэдей-каан решил весной 1235 г. ему в поддержку отправить «Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей» [Сокровенное сказание, 1990, с.138]. По данным Джувейни, на специальном курултае «состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были ещё окончательно покорены и гордились своей многочисленностью» [Золотая Орда, 2003, с. 258]. Угэдей-каан намеревался даже лично отправиться в поход «в Кипчакскую степь», но его сын Менгу отговорил его [Рашид ад-Дин, 2002в, с.35]. В итоге каан «остановился на том, чтобы царевичи… с… многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булар, маджар, башгирд, асов, в Судак…; и они занялись приготовлением» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.36]. Это было общеимерское мероприятие, так как распоряжение о нем гласило: «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья – царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых… не имеют. Нойоны – темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправляют на войну и царевны и зятья» [Сокровенное сказание, 1990, с.138]. Состав высшего звена войск Монгольской империи из Чингисидов по Рашид ад-Дину выглядел так: сыновья Джучи – Бату, Орда, Шибан, Тангут; дети Чагадая – Бури и Байдар, брат Кулкан; дети Тулуя-Менгу (Менку) и Бучак; сыновья Угэдея-Гуюк и Кадан [Рашид ад-Дин, 2002в, с.37; см. также: Золотая Орда, 2003, с.258]. В войсках находились и «почтенные эмиры», т.е. нойоны, из которых мы знаем Субэдея-бахадура [Золотая Орда, 2003, с.258], о некоторых скажем позже. Известно, что на царевича Бури было возложено «начальствование» над «частями

из Центрального улуса» [Сокровенное сказание, 1990, с.138]. Общее руководство, похоже, было возложено на Бату, ибо, по Рашид ад-Дину, «все собрались вокруг Бату и занялись завоеванием северных стран» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.72; Сокровенное сказание, 1990, с.141]. Поход начался между февралем и мартом 1235 г., и «царевичи, выступив из своих мест пребывания… в пределах Булгара соединились (с Джучидами – см.: [Рашид ад-Дин, 2002в, с.327]); от множества войск земля стонала и гудела». Столица Волжской Булгарии была взята штурмом, при этом, как рассказывает Джувейни, погибли 270 тыс. булгар [Золотая Орда, 2003, с.256–259]. Так начался великий поход по завоеванию «северных стран», продолжавшийся до марта 1242 г., о котором нет необходимости подробно рассказывать, так как об этом уже многократно писалось [История татар, 2009, с.137–168]. Нас же будут интересовать некоторые детали, которые позволяют раскрыть особенности этнополитических процессов, происходивших позже на завоеванных в ходе похода 1235–1242 гг., землях. Прежде всего, отметим, что Гуюк и Менгу в конце 1240 г. – начале 1241 г. покинули армию, находившуюся в западном походе, согласно Рашид ад-Дину, «по приказанию каана» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.39–40; см. также: Юань ши, 2004, с.492]. Согласно же «Тайной истории монголов», с ними уехал и Бури [Сокровенное сказание, 1990, с.141], причем этому отъезду предшествовала крупная ссора Гуюка и Бури с Бату, что видно из секретного донесения последнего Угэдей-каану [Сокровенное сказание, 1990, с.141]. Прибывшие в имперский центр Гуюк и Бури попали в опалу каана, который распорядился отправить последнего для наказания к своему отцу Чагадаю, а Гуюка (о Менгу информации нет) – на «суд» Бату [Сокровенное сказание, 1990, с.142]. Это «полевое дело» навсегда испортило отношения Бату с Гуюком, вставшем вскоре во главе Великого Монгольского государства и предопределило нежелание Бату иметь дело с ним, а следовательно, и с неугодным себе имперским центром. Далеко не случайно, что в дальнейшем Бату в престолонаследных делах поддерживал Толуидов, а не Угэдеедов.

Заслуживают внимания и подробности, связанные с составом войск Джучидов, а также районов их действия в ходе похода 1235–1242 гг., ибо они позволяют высказать некоторые соображения об этнической и клановой принадлежности подчиненных им групп и территории их проживания. Начнем с того, что в сообщении Рашид ад-Дина о приходе осенью 1236 г. царевичей «в пределы Булгар», вначале говорится о выступлении «Бату с Шейбаном, Бурулдаем и войском в поход против буларов и башгирдов», а затем, в связи с дальнейшими событиями, отмечается: «Шейбан, составлявший авангард с 10000 людей, послал известие [Бату] …» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.37]. Упоминающийся тут Бурулдай не только назван «эмиром», но и отмечен далее в сражении, происходившем во главе с Шибаном [Рашид ад-Дин, 2002в, с.37]. Так как в совершенно самостоятельных русских летописях «Бурандай/Буриндай богатырь» фигурирует среди «первых воевод» Бату в боевых действиях против «Болгарской земли», Владимиро-Суздальского княжества, при завоевании Киева [Исхаков, 2009а], информация Рашид ад-Дина должна быть принята к сведению, тем более, что она частично перекликается с данными Джувейни [Джувейни, 2004, с.185–186] и «Истории Вассафа» [Золотая Орда, 2003, с.268]. Далее, у Утемиша-хаджи сообщается, что перед походом Шибана «в вилайаты Крыма [и] Кафы» в конце 1230-х годов к имевшимся у него «тридцати тысячам человек» ему были ещё приданы «десять тысяч кыйатов [и] йуралдаев» [Утемиш-хаджи, 1992, с.94–95]. Речь, как видим, идет о выделении Шибану 4-х туменей, в последнем случае состоявшем из 10000 кыйатов во главе с Бурундай-нойоном (йуралдаи – испорченное от Бурулдай). Похожее сообщение есть и в «Умдет ал-ахбар» Абд ал-Гаффара Кырыми [Исхаков, 2009а, с.25]. Этнический состав других воинских подразделений, подчиненных Шибану, позволяет расшифровать «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», в котором есть известие о том, что «Шейбан-хан проявил большую доблесть

при завоевании Булгара, Руссов, Асов и в сражении с Башгирдами. За это ему были пожалованы сорок тысяч человек». Далее в источнике сказано: «… имена предводителей этих сорока тысяч [таковы]: кыйат Бурулдай бик, затем дед (предок) [Гали] бика из кунгратов, Тайбуга из буркутов, Тукбуга из тюменей» [цит. по: Исхаков, 2009а, с. 25].

Таким образом, мы узнаем о нахождении в ведении Шибана 4-х туменей, очевидно приданных ему решением Угэдей-каана, состоявших из клановых войск групп *кыйат, кунгурат, буркут, тюмен.* Ясно, что состав этих групп отличается от состава тех клановых войск, которые имелись у Джучи. Но эти группы были не совсем чужды для той территории, которая первоначально находилась в уделе Джучи (кроме клана кыйат; тюмен – это, надо полагать, уже знакомая нам группа тамат/тама/тува). В связи со сказанным отметим также, что мать Бату происходила из «рода кунграт» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.71]. Страший сын Джучи – Орда, также происходил от матери-кунгуратки [Рашид ад-Дин, 2002в, с.66], в свою очередь он был женат на Джеке-хатун из «рода кунграт», как и его внук Баян, родившийся от «Нукулукан-хатун из рода кунграт» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.67].

После того, как монгольские войска дошли «до города Великого (Биляра – Д.И.) и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили покориться», и «тамошние вожди Баян и Джику изъявили покорность», им было разрешено вернуться обратно, но они «опять возмутились» и Субэдей-бахадуру пришлось подчинять их заново [Рашид ад-Дин, 2002в, с.37–38]. Вслед за тем разные группы монгольских войск пошли «каждый со своим войском облавой», при этом Менгу «с левого крыла» двинулся «по берегу моря» [Каспийского], в итоге этого похода он пленил «одного из тамошних эмиров, из народа кипчаков, из племени олбурлик» по имени Бачман, а «из племени асов» Качира-укулэ [Рашид ад-Дин, 2002в, с.38]. Далее персидский историк приводит довольно длинный рассказ о том, как Бачман был пленен, заключив его сообщением, что он и глава «асов» были затем убиты [Рашид ад-Дин, 2002в, с.38]. Похожий рассказ есть и у Джувейни [Джувейни, 2004, с.399–400]. Сообщение о том, что Менгу «ходил походом на кипчаков, разбил их и схватил их главаря Бачмана», есть и в «Юань ши» [Юань ши, 2004, с.490]. Он фигурирует и в другом сообщении из «Юань ши», когда речь идет о том, что Угэдей «приказал [Субэдею – Д.И.] быть в авангарде и сразиться с Бачманом», причем тут про Субэдея сказано, что он был назначен «командовать главной армией» [Юань ши, 2004, с.503]. Очевидно, эти «кипчаки», населявшие Нижнее Поволжье и бассейн р. Яик, были серьезной силой, если против них был отправлен сам Субэдей, что следует принять во внимание при обращении к проблеме становления средневековых татар в Улусе Джучи.

Но до перехода к этой теме следует сделать общее резюме относительно завершения формирования Золотой Орды.

После неожиданного указа о возвращении войска Бату-хана из европейского похода в конце марта 1242 г., явно вызванного приходом известия о кончине каана Угэдея, случившегося 31 декабря 1241 г., перед правителем Улуса Джучи, вернувшимся в Поволжье – в «земли Саксина и Булгара», встал вопрос об участии в интронизации очередного каана, но настоятельной была также необходимость обустройства своего удела, в результате завоевательных походов 1235–1242 гг. сильно разросшегося. Бату-хан к тому времени в «Алтын Уруке» был самым старшим (*ака*), ибо его брат Чагадай скончался в том же 1242 г. Поэтому требовалось его участие в курултае, но Бату-хан не спешил в Коренной юрт, хотя и двинулся туда, но однако, как сообщает Рашид ад-Дин, «двигался [он] медленно» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.171], чему были причины. Между тем, ситуация с наследником имперского трона была сложной – пока Угэдей возвращался из западного похода, младший брат Чингис-хана Отчигин стал претендовать на власть в империи [Джувейни, 2004, с.171, 176]. Бату-хан, опасавшийся «печальных со-

бытий из-за прежних отношений» с Гуюком – главным претендентом на имперский престол, так и не добрался до места проведения курултая, хотя прислал на него своих братьев (Орду, Шибана, Берке, Беркечара, Тука-Тимура), прибывших на место проведения курултая из «земель Саксина и Булгара» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.80; Джувейни, 2004, с.172; Юань ши, 2004, с.495]. Очевидно, центр Улуса Джучи, после возвращения в 1242 г. из похода, оказался в бассейне р. Итиль. Как утверждает Джувейни, Бату-хан «жил в своем собственном лагере, который он разбил в районе Итиля; и он построил там город…Сарай» [Джувейни, 2004, с.183]. В первое время, до построения г. Сарая, столичным центром для Бату был г. Болгар, о чем свидетельствует замечание Марко Поло: «… прибыли к Барака (Берке – Д.И.)-хану, что татарами владел и жил в Болгаре да в Сарае» [Марко Поло, 1997, с.193]. Заметим, что перед смертью каана Гуюка, правившего с 1246 по 1248 гг. [Юань ши, 2004, с.496], Бату-хан от дружественно настроенной вдовы Толуй-хана (последний умер еще в 1232 г.) Соркуктани-беги (она была киреиткой), матери будущего каана Менгу, получил известие о готовящемся на него походе Гуюка [Рашид ад-Дин, 2002в, с.80]. Поэтому, когда вдова Угэдея Огуль-Гаймиш, которая до выборов нового каана по решению Чингисидов продолжала править империей, послала весть Бату-хану с приглашением прибыть к ней (она перебралась «в старый юрт» Угэдея) тот остался в местности Алакамак под предлогом, что у него «отощали лошади» [Джувейни, 2004, с.181]. Между тем, предусмотрительная Соркуктани-беги послала своего сына Менгу в лагерь Бату-хана, а так как курултай после смерти Гуюка в течении трех лет никак не мог определиться с наследником престола [Юань ши, 2004, с.49], Бату хан, совместно с прибывшими к нему царевичами, но без наследников Чагадая, «передали каанство Менгу-каану» [Джувейни, 2004, с.184]. Как отмечает Рашид ад-Дин, Бату, которому вначале был предложен имперский престол, не только отказался от него, но и сам лично «возвел Менгу-каана на каанство», что произошло в 1251 г. При этом он «заставил всех своих братьев, родственников и эмиров подчиниться», причем в сопровождение Менгу-каана он «послал своего брата Берке и сына Сартака, который был наследником [его] престола, с тремя туменами войска» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.81]. Согласно персидскому историку, после этого «до конца его жизни, а после его смерти, во время Сартака и Улагчи (сына и внука Бату – Д.И.) и большую часть времени Берке между домами Тулуй-хана и Бату был проторён путь единения и дружбы» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.81].

Таким образом, в результате «западного похода» монгольских войск 1235–1242 гг. определились новые границы Улуса Джучи, которые в дальнейшем уже особых изменений не претерпели. Территория, подконтрольная Джучидам, в источниках XIII–XVIII вв. описывается так: «[Субэдей-баатуру]… дойти до 11 стран и народов, как-то: Канлин, Кипчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал(Лалат)» («Тайная история монголов»); «Субэтей-багатура... против кангли, кипчак, оросат, сангут, асут, хасут, сэркэсут, башкир, булар, кэрэл… одиннадцати стран» (Лубсан Данзан); «Под его (Бату – Д.И.) власть подпали все земли Туркестана [начиная] от Хорезма, булгар, буртасов и саклабов до предела Рума; он покорил в этих краях все племена кипчаков, канглы, йемек, ильбари, рус, черкес и ас» (Джуджани); «Саксин, Кипчак, Хорезм, Булгар, Крым, Укек и до Руси» (Джувейни); «а земли в длину от краев Каялика и Хорезма и крайних пределов Саксина и Булгар до окраин Дербенда Бакинского» («История Вассафа»); «Ибир-Сибир, Буляр, Дешт-и-Кипчак, Башгир, Рус и Черкес до Дербенда Хазарского» (Рашид ад-Дин); Джучи «были вверены области Хорезм, Дешт-и-Хазар, Булгар, Саксин, аланы, асы, русские, Микес, башкирды и те пределы» (Казвини); «границы этого государства со стороны Джейхуна: Хорезм, Саганак, Сайран, Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакермен, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Булгар, область Сибирь и Ибирь, Башкирд и Чулман; потом за Чулманом грани-

цы владений Сибири и Ибири прикасаются пределов Хатайских … близ [Баку] «Железные ворота» [Демеркапу]» (Ал-Омари); «Батуй-хан, сын Джучи, после смерти отца, по указу великого деда своего Чингис-хана, поставил ногу на трон султанства Дешт-и-Кипчака. А страны аланов, русов, булгар, черкесов, Крым и Ардак (Азак), которые были под властью его отца» («Шаджарат ал-атрак»). Несмотря на определенные различия, все приведенные выше описания говорят о том, что удел Джучи и его наследников, получивший наименование «Золотой Орды», простирался от р.Иртыш на востоке, проходя через юго-западную Сибирь, казахские степи, на западе включая юг Русской равнины до Днепра, выходя и далее на запад. Центральную часть владения составляли степи Дешт-и-Кипчака, являвшиеся территорией прежней кыпчакской конфедерации. В удел также входили Крымский полуостров, северная часть Кавказа, возможно и некоторое время часть Закавказья, северная зона Хорезма до Арала, а также территория Волжской Булгарии и соседнего Приуралья [The Cambridge History, 2009, p.73]. Эта огромная территория была в составе единой Монгольской империи не так долго, вскоре обособившись от нее в самостоятельное государство при хане Менгу-Тимуре (1266–1282), начавшем чеканить на монетах свое имя вместо имени тогдашнего каана Ариг-Буги [История татар, 2009, с.176].

Так как в нашу задачу не входит описание политических и социальных процессов, происходивших в дальнейшем в Золотой Орде, сосредоточим внимание на становлении в рамках этой державы его политически господствовавшего «народа» – средневековых татар, сложившихся на основе первоначального «монголо-татарского» ядра удела Джучи. В связи с тем, что данная проблема весьма обширна, главным образом далее следует остановиться на основных предпосылках и механизмах превращения «монголо-татар» в новую этнополитическую общность собственно «татар», для чего нам, в том числе, придется ещё раз вернуться к вопросу об этническом составе «народа» Джучи и его наследников, а также к проблеме раннетатарского наследия у кыпчаков и кимаков, с ним тесно связанного, что исследователями обычно упускается из виду.

Несомненно, собственный «народ» Бату-хана, унаследованный им от своего отца, был «монголо-татарским». Но о его клановом составе, позволяющем уточнить вопрос об этническом облике этого государствообразующего ядра Улуса Джучи, на удивление мало информации. Поэтому её нам придется собирать по крупицам.

О том, что во время Чингис-хана Джучи получил от отца «народ–войско» из 9000 юрт (семей) или 4000 воинов из кланов сиджиут, кингит и хушин, уже говорилось. Остались ли они в уделе Джучи после его смерти? Полагаем, что остались. Так, Рашид ад-Дин отмечает, что глава клана хушин Хушидай-Байку «командовал правым крылом войска Бату» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.172]. Он же сообщает о потомке Кутан-нойона из клана кингит по имени Хуран, находившемся в «улусе Кунджи… из потомков Урадэ (Орда – Д.И.)… из рода Джочи» и бывшем там «известным и великим из эмиров того улуса» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.178]. Упомянутый тут Кунджи – это Куинджи, внук Орды, являвшийся «долгое время правителем улуса Орды» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.67]. Согласно «Алтан Тобчи», Хукин-нойон (т.е. Кутан-нойон) был отправлен по распоряжению Чингис-хана «[для управления] землею оросутов и черкесутов» и ему была «отдана западная половина владения Джучи» [Лубсан Данзан, 1973, с.232]. Персидский историк также указывает, что Мунгэду – нойон из клана сиджиут, который был передан Джучи Чингис-ханом, «в эпоху Бату … ведал войском». Далее он делает следующее примечание: «В настоящее время старший эмир, который у Токта (правил в 1270–1312 гг. – Д.И.), по имени Черкес, – из его рода» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.183]. Получается, что первоначальные «тысячи» Джучи в Золотой Орде сохранились и позже. Но некоторые из них перед отправкой с Джучи, назначенным Чингис-ханом «главным правителем кыпчаков» [Лубсан Данзан, 1973, с.229], были усилены людьми, возможно

с повышением их статусов до темников, в частности, как уже отмечалось, в «Алтан Тобчи» сказано, что перед отправкой Хукин-нойону для управления «западной стороной» удела Джучи, были выделены 8000 людей, очевидно, воинов [Лубсан Данзан, 1973, с.232].

Теперь перейдем рассмотрению судьбы тех туменей, которые в ходе похода 1235–1242 гг. находились у Шибана б. Джучи. Напомним, что у него тогда находились также четыре 10000–х воинских подразделений из кланов кыйат, кунгурат, буркут и тюмен. Так вот, имеющаяся информация явно свидетельствует о том, что эти группы впоследствии также остались в Улусе Джучи. Так, при описании поездки египетских послов к хану Берке (1256–1266) около 1263/1264 г. через Крым – от Судака и далее в степь, там отмечается «начальник» по имени Тукбуга, «начальствовавший над десятком тысяч [воинов]» и бывший «правителем всего этого края» [Золотая Орда, 2003, с.92]. Как видим, имя и должность этого «начальника» – а он был темником – совпадают с именем и должностью предводителя кланового войска из группы *тюмен* из отряда Шибана периода завоевания в 1237/1238 г. Крыма. Хотя с тех пор до описываемого ал-Муфаддалем события прошло уже около четверти века, Тукбуга вполне мог быть еще жив и дееспособен. То, что группа тюмен осталась в районе Крыма, доказывается и наличием там такого топонима, как Тамань (полагаем, что этноним *тюмен* звучал как *тамйан*). Заслуживает внимания и информация русских летописей об участии «Бурундая безбожного», занявшего около 1256/1257 г. «места Куремьсине», т.е. земли на западе, по соседству с Галицко-Волынским княжеством – на правом берегу Днепра, во главе «множества полков татарских» в ходе похода на Литву (1258 г.) и в Польшу (1259–1260 гг.). Тогда, после взятия Сандомира, он «возвратился назадь вь своа вежи» [Галицко-Волынская, 2003, с.136, 138–139; ПСРЛ, 2008, с.846–847, 849, 855]. Именно в связи с этим сообщением надо обратить внимание на интересный пассаж Абуль-Гази Бахадур-хана, рассказывающем о наделении Шибана, кроме прочего, «юртом Карел / Корел», находившимся далеко от его основного владения. По мнению хивинского хана, Шибан переселил туда одного из своих «угланов и хороших беков» и затем это владение из поколения в поколение оставалось в руках Шибанидов [Әбелгазый Баһадир хан, 2007, с.134]. Поэтому вряд ли случайно, что в XIV в. клану кыйат принадлежал Крым, а его предводители имели статус темников [Исхаков, Измайлов, 2007, с.150–151]. То, что крупное воинское подразделение из клана кунгурат, находившееся в составе войск Шибана, осталось в Улусе Джучи, доказывается упоминанием у Рашид ад-Дина Салджидай-гургена, женатого на дочери Хутухту б.Тулуй-хана [Рашид ад-Дин, 2002в, с.104, 105]. Про него и еще одного нойона по имени Эбуген, живших при хане Токте, этот историк прямо указывает, что они одной «кости» и «владеют всем войском [племени] кунгурат [состоящим из] из пяти тысяч» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.162, 271]. Присутствие в Улусе Джучи четвертого подразделения из войск Шибана-буркутов, в ранних источниках не обнаруживается. Зато в Приуралье сохранились генеалогии и исторические предания, повествующие о «Буркут/Буркат (*Бөркет*)-бие, жившем во времена Чингисхана», один из сыновей которого поселился «в земле по Агидели», прибыв туда «из Крыма» [Исхаков, 2006а, с.28–29]. Показательно также, что в «Дефтер-и Чингиз-наме», источнике позднем, но сохранившем ранние сведения, среди беков Чингис-хана фигурирует «Боркит би» [Ivanics, Usmanov, 2002, p.58]. Наряду с другими данными, относящимися к XV–XVI вв. и фиксирующими клан буркут в составе владения Шибанидов [Исхаков, 2009г, с.28–29], эти данные позволяют говорить о том, что буркуты также остались в XIII в. в Улусе Джучи.

Внимание на сведениях, не выходящих за пределы XIII в. (за исключением буркутов), было сосредоточено потому, что использование более поздних данных, например, XV–XVII вв., при кажущейся их информативности, несет риск искажения картины эт-

нополитической ситуации в раннем Улусе Джучи [Исхаков, Измайлов, 2007, с.165]. Думается, что если дополнить уже приведенные данные другими материалами, относящимися к XIII в., то можно достаточно уверенно судить об этническом облике народа «монголо-татар», осевшего на территории Улуса Джучи после его расширения, последовавшего между 1235–1242 гг. Обратимся к этим сведениям.

Нами уже привлекались материалы о брачных связях Чингисидов (об этом также см.: [Schamiloglu, 1986, p.90–92]). Сейчас их дополним. Анализ труда Рашид ад-Дина показывает, что Джучиды в XIII – начале XIV вв. «черпали» невест из кланов *кунгурат, меркит, огунан, джаджират, йисут, кереит, татар (алчи-татар), найман, кыпчак, аргунан, ушын (уйшин/ хушин), ойрат, сулдус, тулас(туклан)* [Рашид ад-Дин, 2002в, с.66–76]. Хотя ценность этой информации не абсолютна – пока существовала единая Монгольская империя, Чингисиды могли привозить невест и из Коренного юрта, а также из других уделов – все-же из-за того, что «брачный рынок» в Золотой Орде был связан с социально-политическим устройством этого государства [Schamiloglu, 1986; Исхаков, Измайлов, 2007], мы должны ее принять к сведению, хотя и с возможными уточнениями. К примеру, вовсе не исключено, что невеста сына Орды из клана джаджират была привезена из Улуса Чагадая [Рашид ад-Дин, 2002в, с.67]. Но все-же в большинстве случаев названные выше кланы, скорее всего, действительно входили в Золотую Орду. В этой связи показательно, что кунгураткой была не только одна из жен Бату-хана, но и из этого клана были жены двух его внуков – Менгу-Тимура и Туда-Менгу, один из сыновей Бату-хана – Туклан, был женат на женщине из племени ойрат, а у названных выше двух его внуков имелись еще жены из племен уйшин и алчы-татар [Рашид ад-Дин, 2002в, с.72–73].

Разбросанная в труде Рашид ад-Дина информация позволяет сделать предварительное заключение и о распределении отмеченных кланов по Западной (крыло «Правой руки», *Ак Урда*) и восточной (крыло «Левой руки», *Кок Урда*) половинам Улуса Джучи в XIII в. Но в начале об этом самом делении. Рашид ад-Дин о нём сообщает: «…из войск Джучи – хана одной половиной ведал [Орда], а другой половиной – Бату» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.66]. Как было уже установлено, к Правому крылу Улуса Джучи относились территории к западу от среднего течения р.Иртыш до Дуная, включая область между реками Или и Сыр-Дарья (нынешний Центральный и Северный Казахстан), Северный Хорезм с Ургенчем (нижняя Аму-Дарья), тогда как к Левому крылу государства относились территории от верховьев Иртыша и Тарбагатая (через Северное Семиречье, среднюю Сыр-Дарью и нижнюю Аму-Дарью) к плато Мангышлак [Кляшторный, Султанов, 2000, с.193–200]. Согласно Рашид ад-Дину, в состав Левого крыла государства, кроме владения Орды, входили и владения его братьев Удура, Тука-Тимура, Шингкума [Рашид ад-Дин, 2002в, с.66]. В состав Правого крыла Улуса Джучи относились владения Бату, Шибана и других Джучидов, расположившихся западнее р.Яик [Кляшторный, Султанов, 2000, с.199].

В итоге, если исходить из клановой принадлежности жен Чингисидов «Левой руки», то в восточной половине Улуса Джучи могут оказаться кланы найман, кыпчак, меркит, тулас, кереит, огунан, татар (алчи-татар), аргунан, сулдус. Неясным остается ответ на вопрос о принадлежности к этому крылу клана кунгурат. Конечно, у Рашид ад-Дина есть фраза, гласящая, что «юрт Салджидая», т.е. Салджидай-гургена из клана кунгурат, находился «вблизи Хорезма» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.84], а этот район входил в состав Правого крыла. Но, с другой стороны, персидский историк указывает на присылку в Хулагуидский Иран в самом начале XIV в. от правнука Орды Баяна, бывшего правителем Улуса Орды, двух эмиров из «родов» кунгурат и йисут во главе своих «нукеров», т.е. войсковых подразделений [Рашид ад-Дин, 2002в, с.68]. Если эта информация позволяет добавить клан *йисут* к приведенному выше списку кланов из восточной

половины Улуса Джучи, то проблема территориальной принадлежности клана кунгурат в XIII в. не находит решения, возможно, он был разделен между двумя крыльями государства. Из приведенных ранее данных можно заключить, что к Правой (западной) «руке» Улуса Джучи могли относиться кланы кыйат, буркут, туман, уйшын, кингит, сиджиут, и не исключено, часть кунгуратов. Насчет клана кыйат Рашид ад-Дин замечает: «… у Токтая …[их] один туман (как было у Бурундая-багатура – Д.И.) и большинство других киятов … из их потомства» [Рашид ад-Дин, 2002б, с.270]. Также важно упоминание в продолжении «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, составленном неизвестным автором, Ак-Буки «из кости кыят», прибывшем в 1315 г. в г.Тебриз как «великий посол» из Золотой Орды [Золотая Орда, 2003, с.323–324]. В данном случае это сообщение еще раз подтверждает вхождение названного клана в Улус Джучи. К списку кланов из западной половины государства следует добавить и племя *хадаркин*, так как Рашид ад-Дин отмечает тысячника Мукур-Курана, жившего во времена Чингис-хана (он принадлежал тогда к эмирам-нойонам Правого крыла Великого Монгольского государства), со следующим дополнением: «… большинство того войска (т.е. тысячи из клана хадаркин – Д.И.) было в Дешт-и-Кипчаке вместе с Нокаем» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.190], что предполагает нахождение этой группы на самом западе Золотой Орды. Наконец, персидский историк, рассказывающий об уже знакомом нам «старшем эмире» Хушидай-Байку из клана уйшын, указывает, что тот (а он, как уже говорилось, «командовал» Правым крылом войск Бату) «привел» [с собой] Элдэкэ из племени джурьят, на матери которого он некогда женился» (но не был отцом Элдэкэ), сделав его своим помощником», а затем и «заместителем» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.172]. Хотя в данном случае мы и не знаем точно, пришли ли вслед за ними в Улус Джучи сородичи этих двоих из клана джурьят, исключить возможность их переселения туда нельзя.

Таким образом, применительно к территории Улуса Джучи XIII в. можно говорить о нахождении там значительного числа клановых подразделений, ядровые части которых находились в районе Коренного юрта Чингисидов или поблизости от него. Эти группы, составлявшие первоначальную основу главного «народа» Золотой Орды, в большинстве своем состояли из собственно монгольских этнических формирований, но с включением значительного числа «татарских» (тюрко-татарских) подразделений (татар/алчи-татар, кереит, найман, туман/тумат, баргут/буркыт, тулас, кыпчак). Не исключено, что к ним следует добавить и клан уйшын(хушин), бывший явно не монгольского происхождения (он, скорее всего происходил из юечжи-уйсуней [Кюнер, 1961, с.68–100], возможно первоначально тюркизированный ещё в среде гуннов). В плане сказанного заметим, что Р.Г. Кузеев предлагал искать истоки племени табын (от тама/таба/дубо), чьим предком считался уйшын Майкы-бей, среди усуней, у которых существовало племя *та-ма уй-сунь* [Кузеев, 1974, с.113]. Между тем, в генеалогических преданиях «башкир» клана кара-табын, ведущих свое происхождение от «уйшын Майкы-бея», последнему в родословной предшествует звено «Тюмень-бия», не исключено, являющееся эпонимом, отражающим этноним туман/тумат [Исхаков, 2013, с.50–52]. Кстати, у Рашид ад-Дина есть известие о Борангул-нойане из племени хушин, вначале бывшем тысячником, а затем темником-заместителем главы Правого крыла войск Монгольской империи, убитым в ходе похода на племя тумат в 1217 г. [Рашид ад-Дин, 2002а, с.171; 2002б, с.267–268], за что семье убитого нойона были отданы «сотня туматов» [Сокровенное сказание, 1990, с.120]. Этот факт свидетельствует о взаимосвязанности групп уйшын и тумат (т.е. тума/туба/табын). Показательно также, что потомки названного выше Майкы-бея из клана табын (ответвления кара-табын) выводили своих предков со «стороны Алтая» [Исхаков, 2013, с.52].

На самом деле, после того, как состоялось решение Чингис-хана о присоединении к владению Джучи кыпчаков – а ему предшествовал доклад Субэдея-бахадура «трону»,

представленный им после возвращения в 1224 г. из похода, где произошло столкновение с западными кыпчаками, начиная с 1225 г. восточные кыпчаки – кимаки (йемеки), у которых отчетливо был представлен татарский этнический компонент, оказались в подчинении у Джучи, усилив собственно татарское составное «народа» расширяющегося территориально Улуса Джучи. То, что этот этнический компонент действительно существовал, но не принимается во внимание исследователями, подтверждают данные XIII в., к которым мы сейчас и обратимся.

Прежде всего, необходимо указать на то, что в названном выше докладе Субэдея, который был одобрен Чингис-ханом, прославленный полководец, чей совместный с Джэбе-нойоном рейд, прошедший и через западнокыпчакские владения, оценивался имперским центром как «карательный поход, [направленный на] усмирение кипчаков», перед новым наступлением на Дешт-и-Кипчак, предложил создать «единую армию», состоящую из «тысяч», включавших «обоки» кланов меркит, найман, кирей (киреит), канглы и кыпчак [Юань ши, 2004, с.500–501, 513]. Как видим, речь идет о формировании крупного воинского контингента, состоящего из тюркских подразделений («тысяч»), причем расселенных в зоне восточных кыпчаков-кимаков. И этот шаг не был случайным, ибо монголо-татарским войскам в дальнейшем предстояло вплотную столкнуться с кыпчакским миром, обладавшим большим демографическим потенциалом. К тому же тюркские подразделения в случае необходимости были способны общаться с местным населением на понятном ему языке. Ясно, что названный выше состав тюркских клановых войск был характерен, прежде всего, для Улуса Джучи. Так как доклад Субэдея-бахадура был одобрен Чингис-ханом, есть основания думать, что последовавшие после 1225 г. завоевания происходили при самом активном участии тюркских контингентов, особенно хорошо представленных в подчиненных Джучидам армейских группировках.

Ещё В.В. Бартольд, считавший древних татар народом, говорившим на монгольском языке [Бартольд, 2002, с.125], в своей статье «Татары» обратил внимание на сообщение Джуджани, связанное с походом хорезмшаха Мухаммеда б.Текеша в 1218/1219 гг. на кыпчаков, возглавлявшихся Кадыр-ханом б. Юсуфом Татарским [Бартольд, 2002, с.559]. В полном виде это место из сочинения Джуджани «Табакат-и Насыри» выглядит так: «В 615 г.х. он (Мухаммед б. Текеш – Д.И.) отправился за Кадыр-ханом, являвшемся сыном Юсуфа Татарского, в Туркестан и проник в Туркестан настолько далеко, что [достиг] Уйгура [I-ghur] [он продвинулся] так далеко к северу, что достиг Северного Полюса» [Tabakat-i Nasiri, 1970a, p.267]. Эта местность хотя и была северная (Джуджани даже говорит о слиянии там дня и ночи), но не настолько отделенная, ибо известно, что именно в ходе этого похода там произошло первое столкновение монголов во главе с Джучи, преследовавших меркитов и найманов, с войсками хорезмшаха [Золотая Орда, 2003, с.250]. Об этом событии мы знаем из разных источников. Так, в «Тайной истории монголов» говорится о преследовании войсками Чингис-хана меркитов и найманов, первые из которых, после общего их поражения, переправившись через р.Иртыш, «взяли направление в сторону Канлинцев и Кипчаудов» [Сокровенное сказание, 1990, с.93]. В «Юань ши», также рассказывающем о преследовании Субэдеем-бахадуром меркитов, об этом сказано: «Глава их (меркитов – Д.И.) обока Хуту (Худу – Д.И.) бежал к кипчакам, Субэтай преследовал его и у кипчаков при горной долине Юйюй (Уйгур – Д.И.) сразился и разбил его» [Юань ши, 2004, с.499]. Это же событие у Джувейни передано двумя известиями. В первом рассказывается о том, как глава меркитов Ток-Тоган оказался у предводителя найманов Кучлука, а затем оттуда ушел в «область Кам-Кемчик» (точнее – Кум-Кибчак – Д.И.) [Джувейни, 2004, с.44]. Во втором, возвратившись к тем же событиям, он отмечает, что Мухаммед б. Текеш «получил известие о бегстве Ток-Тогана» от монголов в «Каракум, место обитания

канглы» [Джувейни, 2004, с.260]. Приведенные данные весьма важны, так как они позволяют раскрыть этническую принадлежность сообщества, глава которого Кадыр-хан, по отцу был маркирован Джуджани «татарским» предводителем.

Вначале разберемся с «областью», куда бежали меркиты. Как было установлено С.М. Ахинжановым, она находилась где-то в междуречье Кайлы и Кимача, в бассейне р.Иргиз (на границе современной Актюбинской области Казахстана и Оренбургской области РФ). Именно там, как полагает этот исследователь, существовало независимое владение кыпчаков и канглы, не случайно маркированное как «Уйгур» («Югур»). Дело в том, что в этом владении, кроме канглы, имелись не только йемеки, но и уйгуры, а у самих восточных кыпчаков, т.е. йемеков и канглы, известны даже крупные племенные группы, именовавшиеся *уран/оран, алпарлы(илбари), байаут* [Ахинжанов, 1989, с.225–234]. Пожалуй, когда Джуджани, рассказывая о переходе власти в Улусе Джучи от Джучи к его сыну Бату, отмечает, что сына на «место отца» посадил Чингис-хан, в результате чего под его властью оказались «все земли Туркестана» начиная «от Хорезма», он не зря уточняет, что Бату затем «покорил в этих краях все племени кипчак, канглы, йемек, ильбари» [Золотая Орда, 2003, с.251], ибо речь в данном случае, как мы увидим, идет об указанном выше ареале проживания восточных или «диких» кыпчаков [Golden, 1979; 1986]. Но, чтобы убедиться в этом, нам придется разобраться с личностью Кадыр-хана б. Юсуфа Татарского, что позволит лучше понять особенности этнической ситуации не только на северных границах государства хорезмшахов, но и внутри него.

Вопросом об этнической принадлежности Кадыр-хана занимался С.М. Ахинжанов, поэтому далее мы будем опираться на его наблюдения с определенным их дополнением. Согласно этому исследователю, Кыран (Икран/Акран), имевший мусульманский титул «Кадыр» (Гайр/Гайыр), являлся кыпчакским ханом, известным также как «Кадыр/Кайр-Буку–хан». Его отцом был Алп-Кара Уран (*уран*-название клана), чье имя упоминается в послании предпоследнего хорезмшаха Текеша за 1182 г., в котором речь идет о том, что зимой того года в г.Дженд, где тогда правил его старший сын (ему также подчинялись Сыгнак, Барчинлигкент и Рибат), на переговоры явилось посольство от названного выше кыпчакского предводителя во главе с его сыном Алп-Кара, которого сопровождали «сыновья югуров». В результате последовавших переговоров с хорезмшахом Текешом, тот женился на дочери Алп-Кара Урана (её звали Теркен-хатун), войдя с ним в союз и это был не первый такого рода союз с кыпчаками, жившими севернее Хорезма – отец хорезмшаха Текеша также был в союзнических отношениях с неназванным в источниках кыпчакским ханом. Далее, в 1195 г. последовал поход хорезмшаха Текеша для подавления восстания кыпчаков окрестностей Сыгнака и Дженда во главе со знакомым нам уже Кадыр-Буку-ханом. В ходе этих событий племянник последнего Алп-Дерек ушел к хорезмшаху, в итоге Кадыр-Буку-хан был разбит, попал в плен и в 1198 г. был приведен в Хорезм. Как полагает С.М. Ахинжанов, названный Алп-Дерек приходился внуком упомянутого выше Алп-Кара Урана, являясь, таким образом, двоюродным братом супруги хорезмшаха Текеша Теркен-хатун. Он же был в 1218 г. тем наместником хорезмшаха Мухаммеда б. Текеша в г.Отраре с титулом «Гайир/Кадыр-хан» и с именем «Инальчук» (это, возможно, титул, ибо «инал» – это наследник, а «инальчук» означает младшего наследника), по чьей вине начался конфликт с Чингис-ханом, закончившийся известной «отрарской» катастрофой [Ахинжанов, 1989, с.207–218]. Столь детализированная информация нам нужна для того, чтобы разобраться в этнополитической ситуации предмонгольского времени в районе Хорезма.

Если сказать в целом, то следует принять во внимание возможность кыпчакского происхождения последней династии хорезмшахов (она началась с Ануш (Нуш) – Тегина или его сына Кутб ад-Дина Айбека Тюрка, прибывшего к Дженду и Хорезму в конце XI в. «из Сахры», «из среды кыпчаков и канглы» [Tabakat-i Nasiri, 1970a, p.232–234]),

что привело к обширным связям этой династии с «кыпчакским миром», когда семейно-родственные отношения хорезмшахов с кыпчакскими ханами подкреплялись призывом кыпчаков на службу в армию государства хорезмшахов (фактически из них тут со второй половины XII в. и состояло военное сословие) [Ахинжанов, 1989, с.207]. Но тут надо отметить, что в данном случае мы имеем дело с восточными кыпчаками – йемеками и другими связанными с ними группами, среди которых имелся этнический уйгурский элемент – не случайно Ануш-Тегина, как отмечает Джуджани, некоторые считали происходящим из уйгурского племени *бегдели* (*бекдали*) [Tabakat-i Nasiri, 1970a, p.233], хотя в целом отчетливо видна его связь с «племенами кангли и кыпчак» [Tabakat-i Nasiri, 1970a, p.235]. Теперь на этом фоне мы должны разобраться с этническим определением последних хорезмшахов.

Теркен-хатун, бывшая матерью последнего хорезмшаха Мухаммеда (ум. в 1199/1200 г.), известная под титулом «Худаванда Джихан» («Принцесса Мира»), как уже говорилось, являвшаяся дочерью кыпчакского хана Икрана, по одним данным принадлежала к канглы [Джувейни, 2004, с.642; Согласно ан-Насави. См.также: Ахинжанов, 1989, с.218]. В реальности, ближе к действительности будет принадлежность сородичей Теркен-хатун к клану *уран* – части йемеков, что, кроме обозначенного выше родства её с Алп-Кара Ураном, видно и из других данных, содержащихся у Джувейни. Например, в ходе похода хорезмшаха Текеша в 1194/1195 г. на Кайр-Буку-хана те ураны (оран), которые находились в его армии (их там было много), в решающий момент покинули его войска, явно не желая воевать со своими сородичами [Джувейни, 2004, с.215–216]. Или, когда Мухаммед-хорезмшах под натиском монголов уходил в Ирак, «большую часть его войска», как отмечает Джувейни, «составляли тюрки из племени родственников матери, называемому оран» [Джувейни, 2004, с.366]. Рашид ад-Дин эту информацию подтверждает, указав, что Мухаммед-хорезмшах ушел в «сопровождении» группы тюрков «из родственников его матери, называемых уранийцы» [Рашид ад-Дин, 2002a, с.209]. Практически эти данные свидетельствуют о принадлежности мощной группы родственников Теркен-хатун (её внук Джелаль ад-Дин имел жену из этого же клана, а один из сыновей Джелаль ад-Дина был женат на дочери предводителя канглов [Ахинжанов, 1989, с.209–210]), прежде всего, к йемекам, а через них уже к конкретным их ответвлениям (*уран* или *байаут*). На самом деле представители этой элитной группы занимали в государстве хорезмшахов предмонгольского времени ключевые позиции. Скажем, Ибн ал-Асир указывает, что родственники по матери хорезмшаха Мухаммеда «сидели» в Нишапуре, Герате, Хамадане, будучи правителями, приставленными к сыновьям хорезмшаха, владевшими отдельными уделами [Ибн ал-Асир, 2006, с.326, 331–332, 342]. По материалам, извлеченным из «Табакат-и Насыри» Джуджани, видно, что со стороны Арзали-шаха, сына Мухаммеда-хорезмшаха, женатого на дочери Улуг-хана Азама (во время похода монголов тот ушел в начале в Багдад, затем – в Дели, где, в конце концов, и стал править), в родственную линию хорезмшахов включились и представители клана *ильбари* (альпари / альбарлы), про которых Джуджани сообщает, что «их отцы были важными персонами из рода племени Ильбари, носили титул хана, имели многочисленный клан и зависимых» [Tabakat-i Nasiri, 1970б, p.791–820]. Джуджани в конце своего труда про указанного выше Улуг-хана Азама делает следующее замечание: «он [являлся] ханом Ильбари и шахом йемека» [Tabakat-i Nasiri, 1970б, p.1295].

После того, как была установлена важная роль кыпчаков в государстве хорезмшахов при последней их династии, мы можем вернуться к маркировке отца Кадыр-хана Юсуфа как «татарского» предводителя. Однако, прежде следует уточнить, что это «татарство» данной линии знатных кыпчаков-йемеков в разных источниках имеет не совсем одинаковую характеристику. Так, по Джуджани Гайр (Кадр)-Бука-хан, т.е. Кадыр-хан – сын Алп-Кара, из племени уран, являлся «правителем уйгуров» [Tabakat-i Nasiri, 1970a, p.242]. В

то же самое время, этот автор называет его и «ханом Кипчака» [Tabakat-i Nasiri, 1970a, p.242]. В других местах сочинения Джуджани об этом же событии говорится, что Мухаммед-хорезмшах «вторгся в Туркестан преследуя Кадр-хана сына Юсуфа Татарского», когда он «проник до Уйгура Туркестанского» [Tabakat-i Nasiri, 1970a, p.267] или сообщается, что он «пошел разорять племена Кадыр-хана Туркестанского, сына Сафактан-и Йемека» [Tabakat-i Nasiri, 1970б, p.1096–1097]. Описывая те же события, Рашид ад-Дин Кадыр-Буку (у него – «Кайр-Таку»)-хана называет владетелем «уйгурским» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.137].

О чем же все эти несколько разноречивые, но весьма существенные данные свидетельствуют?

Сейчас нам, чтобы разобраться в этом, надо еще раз вернуться к сведениям Гардизи относительно происхождения кимаков. Несмотря на то, что они относятся к раннему времени (к VIII–IX вв.), сама правомерность фиксации татарского происхождения «правящего дома» кимаков, констатирующего, как отмечает П.Голден, «ключевую роль в формировании кимакского союза» именно этой этнической группы, не подлежит сомнению [Golden, 2011, p.320]. А так как кыпчаки выделились из среды кимаков, названное «татарское» этническое наследие было характерно и для них, правда, следует принять во внимание неоднородность этнического состава кыпчаков XII–XIII вв. (детальнее об этом см.: [Golden, 2011, p.303–332; 1979, p.296–309; 1986, p.5–30]), поэтому татарскую идентичность следует искать, прежде всего, у восточных кыпчаков, в особенности, у потомков йемеков и у связанных с ними этнически канглы. Последние же являлись основным воинским контингентом у хорезмшахов в период монгольского завоевания Средней Азии. В частности, Джувейни отмечает, что покинувший Хорезм в 1220 г. султан Мухаммед-хорезмшах оставил там во главе со своим сыном и военачальниками 90 тыс. «тюрков-канглы» [Джувейни, 2004, с.284]. Далее, Джувейни, согласно которому Теркен-хатун и её род принадлежали к «тюркским племенам, называемым канглы», при описании сражения Джелаль ад-Дина б. Мухаммеда в районе Парвана, указывает, что одно крыло его войска в 40 тыс. чел. состояло из канглы [Джувейни, 2004, с.286–288]. Показательно также то, как оценивают этническую принадлежность бежавших к кыпчакам найманов Джуджани и Ибн ал-Асир. Первый из них про Кучлука, предводителя найманов, пишет: «… неожиданно Кучлу-хан Татарский, пришедший из Туркестана, – атаковал гур-хана» (т.е. главу кара-китаев – Д.И.) [Tabakat-i Nasiri, 1970a, p.264]. В другом месте сочинения Джуджани, когда речь идет об этом же событии, тот же «Кашлу-хан-и Санкур» также определяется как «Татар» [Tabakat-i Nasiri, 1970б, p.935]. Ибн ал-Асир, описывая события, предшествовавшие отмеченным выше, пишет: «…большое племя татар (внимание, речь идет о найманах – Д.И.) в древности вышло из своей страны у границ ас-Сина и поселилось позади страны Туркестана. Между ними и китаями (т.е. кара-китаями – Д.И.) была вражда и шла война [и они воевали во главе] со своим царем Кушлу-ханом [с ними]» [Ибн ал-Асир, 2006, с.336]. После того, как войска кара-китаев потерпели поражение, по Ибн ал-Асиру, «хорезмшах [Мухаммед] послал [предложение о союзе] к Кушлу-хану, царю татар» [Ибн ал-Асир, 2006, с.337–339]. На эти данные надо обратить внимание потому, что меркиты и найманы, похоже, бежали к кыпчакам и канглы не только из-за близости их территории проживания до земель, населенных восточными кыпчаками, но и благодаря старым этническим связям тюрок Монголии (найманы, татары, меркиты, кереиты и др.) с возглавлявшимися элитой татарского происхождения кимаками и канглы, – именно об этом свидетельствуют фиксирующиеся в источниках данные о влиянии уйгуров на киреитов, найманов, онгутов и джалаиров [Кадырбаев, 1993, с.40]. А так как высока вероятность соответствия уже отмеченного ранее этнонима «уран» (в трактовке С.М. Ахинжанова – «змея») этнониму «кай» с таким же значением на монгольском, то учитывая связь этих групп с кимаками и кунами (подробнее об этом см.: [Ахинжанов,

1989]), не удивительна татарская идентичность знати из клана уран – она отражает ее татарское происхождение, восходящее к периоду Кимакского каганата. Исследователями признается и присутствие в составе кимаков группы уйгурского происхождения, по мнению П.Голдена, проникшего в их состав после падения в 840 г. Уйгурского каганата [Golden, 2011, p.320]. В этом плане интерес представляет рассказ из «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, где говорится о том, что после смерти хана Токты (ум. в 1312 г.) некий Баджиртук-Буга из «омака уйгур», являвшемся «элем с многочисленными [и] сильными родами [и] племенами», попытался провозгласить себя ханом, будучи не Чингисидом, а всего лишь аталыком умершего хана [Утемиш-хаджи, 1992, с.103]. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с теми уйгурами, которые были связаны с восточными кыпчаками и входили в состав элитной их части (см. выше сообщение Гардизи), позволившей им предъявить претензии на ханскую власть в чингисидском владении.

Несмотря на сказанное, П.Голден, исходивший из своей теории о монгольской этноязыковой принадлежности группы *кай* (как и татар), допускал её двуязычие [Golden, 2011, p.311]. Поэтому, его попытка [Golden, 2001, p.9; 2006–2007; 2011, p.310–311, 319] оспорить гипотезу С.М. Ахинжанова о тождестве этнических групп *кай и уран* не может быть принята. К этой, все ещё остающейся дискуссионной проблеме этнической принадлежности таких групп, как *кай* и *татар*, кроме уже приводившихся сведений следует добавить и одно наблюдение С.Г. Агаджанова, отметившего, что газневидские поэты XI в., описывая гулямов из племени кай, почти всегда рядом с ними упоминают и татар [Агаджанов, 1969, с.156], что вряд ли случайно: речь идет о родственных, но тюркских этнических образованиях.

Пристального внимания в связи с обсуждением проблемы татарской составной у восточных кыпчаков заслуживает и имевший матримональные контакты с элитой из клана уран клан ильбари. Дело в том, что он мог быть тем самым племенем «неверных татар» из 10000 кибиток, согласно Ибн ал-Асиру, делавшем «набеги на края Баласагуна и Кашгара», которое в 1043/1044 гг. приняло ислам [Ибн ал-Асир, 2006, с.211]. При этом группа ильбари, хотя и «зимовала в краях Баласагуна», лето, однако, проводила «в краях Булгара» [Ибн ал-Асир, 2006, с.211]. Имея в виду, что в 1184 г. «половцы Емяковы» там действительно фиксируются [ПСРЛ, 1997, с.389], а пребывание клана ильбари по соседству с территорией Волжской Булгарии – в бассейне р.Яика, известно также из легендарных данных, да и один из его предводителей – Бачман-султан, как мы уже видели, погиб в низовьях Волги, подобное вполне возможно, тем более, что и один из родоначальников предводителей племени ильбари – Абар-хан, согласно Джуджани, как раз являлся «ханом 10000 семейств» [Tabakat-i Nasiri, 1970б, p.791, 800–801]. А это означает, что знатная часть данного клана, исламизированного ещё в домонгольский период, также могла быть носителем татарской идентичности.

На основе рассмотренных данных мы можем заключить, что в состав Улуса Джучи уже в начальный период его формирования вошла значительная по численности группировка восточных кыпчаков (йемеки/кимаки, канглы и др.), населявшая территорию от Яика на западе до Иртыша на востоке, возглавлявшаяся элитой татарского происхождения, не забывшей к периоду монгольских завоеваний XIII в. свою этническую принадлежность. Вхождение её в состав «народа» Джучидов могло усилить внутри него татарскую идентичность, что, однако, произошло далеко не сразу, ибо в Улусе Джучи, как уже отмечалось, имелись и носители собственно монгольской идентичности, что было известно и по внешним наблюдениям. Так, Ибн абд-аз Захыр, египетский летописец XIII в., сообщая о послании мамлюкского султана к хану Берке, указывает о его отправке в сообществе двух «монголов» и эмира Кушар-бека «тюрка» [Золотая Орда, 2003, с.41]. Арабский путешественник Ибн Баттута, побывавший в Золотой Орде при хане Узбеке, не забывает упомянуть, что «монголы – это жители страны и владыки

[её]» [Золотая Орда, 2003, с.143]. Да и ал-Айни, рассказывающий о приходе в мамлюкский Египет «множества послов», сопровождавших предназначенную для выдачи замуж за султана родственницу хана Узбека, отмечает, что в составе этой группы был «один из старейшин монгольских» [Золотая Орда, 2003, с.227]. Персидский историк Джувейни (XIII в.), находившийся на службе у монгольских правителей Хорасана, ездивший в Коренной юрт монголов, приводит эпизод, когда вернувшийся из разведки Шибан докладывает Бату о войсках венгров, что «их вдвое больше войска монгольского» [Золотая Орда, 2003, с.259]. Другой персидский хронист – Вассаф (XIII в.), приводит эпизод, когда при хане Узбеке «два монгола запустили в окно скита копье», за что были сурово наказаны. Показательно, что в ходе допроса этих провинившихся «монголов», Узбек-хан обратился к Кутлуг-Тимуру и Иса-гургену «по-монгольски» [Золотая Орда, 2003, с.272], что может свидетельствовать о сохранении монгольского языка в высшей элите Улуса Джучи до XIV в. Для XIII в. бытование монгольского языка в этом государстве зафиксировано Ибн ал-Фортом (ум. в 1334/1335 гг.), отметившем факт получения в Египте письма от Туда-Менгу, написанном «по-монгольски» [Золотая Орда, 2003, с.167]. Ал-Макризи также отмечает приход в Египет в 1283 г. послов Менгу-Тимура с письмом, «писанным по-монгольски» [Золотая Орда, 2003, с.194]. Очевидно, что носителями «монгольскости» в Золотой Орде были представители собственно монгольских клановых подразделений и их предводители. Не случайно Ибн-Халдун (ум. в 1406 г.) пишет, что «главными помощниками» Ногая были некоторые «из князей монгольских», далее сообщает, что окрестности г.Сарая были при Мамае, определенном ими как «старший эмир монгольский», поделены между «несколькими эмирами монгольскими» [Золотая Орда, 2003, с.172, 175]. И ал-Мухибби, приводящий официальные формуляры, содержавшиеся в письмах, направляемых из Египта в Золотую Орду, дает в обращении к Узбек-хану следующее определение: «султану Монголов, Кипчаков и Тюрков» [Золотая Орда, 2003, с.156], свидетельствующее, что наличие у «народа» Улуса Джучи его монгольского «составного» было арабам и мамлюкам прекрасно известно. Также ал-Омари (ум. в 1348/1349 г.), занимавший должность секретаря при мамлюкском султане Эльмелик-Эннасыре, в своем пространном и хорошо известном пассаже о смешении «монголов» и «кыпчаков» в Золотой Орде, эти две группы различает, хотя и указывает, что они уже все стали «точно кипчаки» [Золотая Орда, 2003, с.105]. То, что в языковом плане в Улусе Джучи побеждал «тюркский язык», очевидно и из сочинения Ибн Баттуты, приводящего пример, как кади эмира г.Азова в ходе приема Тулук-Тимура с его сыновьями, читал проповедь вначале на арабском, сделав затем её перевод «по-тюркски» [Золотая Орда, 2003, с.129]. Поэтому, Ибн Баттута, которому было известно, что «владыки» Золотой Орды – это «монголы», в целом «народ» Узбек-хана определяет как «тюрок», из их числа ещё выделяя «кипчаков» [Золотая Орда, 2003, с.133, 143]. А вот Ибн Арабшах (ум. в 1453 г.), писавший гораздо позже, говоря о Золотой Орде, уже отмечал, что эта «область исключительно Татарская, переполненная… тюркскими племенами, [которые]… самые красноречивые тюрки» [Золотая Орда, 2003, с.207].

Дополнительную информацию о роли восточных кыпчаков-кимаков, бывших носителями татарской идентичности, во всяком случае, в их элитной страте, можно получить при изучении этнического состава населения отдельных уделов (улусов) ближайших потомков Джучи, в первую очередь, его сыновей Берке, Тука-Тимура и Шибана.

Традиционная точка зрения относительно местонахождения улуса Берке исходит из того, что при жизни Бату-хана он находился «где-то в степях Северного Кавказа» [Федоров-Давыдов, 1973, с.58]. Она основывается на следущем высказывании Рубрука: «У Бату есть… брат…Берка (Jerra), пастбища которого находятся в направлении к Железным воротам, где лежит путь всех сарацинов, едущих из Персии и из Турции». Да-

лее он замечает, что при его «возвращении» из далекой поездки на востоке, Бату «приказал ему [Берке], чтобы он передвинулся с того места за Этилию, к востоку, не желая, чтобы послы сарацин проезжали через его владения, так как это казалось Бату убыточным» [Рубрук, 1997, с.115]. Как видим, тут мы уже имеем дело с двумя районами расположения улуса Берке – один, более ранний, находившийся в «направлении к Железным воротам», а другой, более поздний, оказавшийся к востоку от Волги. Так как из описания путешествия Рубрука видно, что перемещение улуса Берке в Заволжье произошло при его «возвращении» из поезди в Каракорум [Рубрук, 1997, с.115], что имело место около 1255 г., то дату изменения дислокации данного владения надо определять именно этим временем. Однако, однозначному заключению относительно первого района нахождения улуса Берке как «степей Северного Кавказа», мешает то, что Плано Карпини, проезжавший между 1245–1246 гг. фактически по тому же маршруту, что и через десятилетие Рубрук [Плано Карпини, 1997, с.72–73], вообще не упоминает владения Берке, которое, как бы казалось, должно было находиться у него на пути. Возникает вопрос: а не находился ли первоначальный удел Берке не к северу от Дербента (= «Железных ворот»/ «Тимер капка»), а к югу от него, контролируя часть Закавказья? Дело в том, что ещё в ходе операции Джэбе и Субэдея 1220–1223 гг., согласно Джувейни, когда те переправились через Дербент, армия Джучи «располагалась в Кипчакской степи и рядом с ней» [Джувейни, 2004, с.99]. Затем, в 1230/1231 гг., в ходе завоевательных походов против государства хорезмшахов, по Ибн ал-Асиру, «татары из стран Мавераннахра (а как мы помним, Джучиды в этот период находились именно в тех пределах – Д.И.) пришли в Азербайджан» [Золотая Орда, 2003, с.34]. Следует также принять во внимание, что в 1237–1238 гг. в ходе «западных походов», когда монгольские отряды действовали южнее русских земель, Менгу и Кадан наступали на черкесов, Шибан, Бучак и Бури – «в сторону Крыма», а Берке наступал «на кипчаков», захватив трех предводителей клана «Беркут» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.39], что происходило также где-то поблизости от района действия названных выше Чингисидов, возможно, в Предкавказье, а через год – в 1239/1240 гг., ещё один отряд во главе с Кукдаем, был послан «к Тимур – кахалка [капка]», чтобы «он занял и область Авир» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.39]. Вскоре после этого, осенью 1242 г., монгольские отряды «прошли через пределы Тимур-кахалка и местные горы и, дав войско Илавдуру, отправили его в поход. Он двинулся и захватил кипчаков, которые, бежав, ушли в ту сторону», т.е. в Закавказье. Как видно из Рашид ад-Дина, эти войска, в целом тогда находившиеся под руководством Бату, 1242 г. «закончили в тех краях», а в следующем (1242/1243 гг.) «освободившись от завоевания того царства», находившегося в Закавказье, «ушли обратно», прибыв «в свой улус» в 1244/1245 гг. [Рашид ад-Дин, 2002б, с.46]. Эти данные показывают, что Джучиды по праву завоевания могли претендовать на часть территории Закавказья. Джуджани на это указывает прямо: «в каждой иранской области, подпавшей под власть монголов, ему [Бату] принадлежала определенная часть её, и над тем округом, который [в иранской зоне] составлял его удел, были поставлены его управители» [Золотая Орда, 2003, с.251]. Отдельные места из ал-Омари, Ибн Касира, Ибн Халдуна подтверждают сказанное Джуджани [Золотая Орда, 2003, с.112; 123, 170]. К тому же следует учесть, что некоторые Джучиды (сын Шибана Балакан, внук Бувала Татар, сын Орды Кули) принимали участие в общеимперском походе под предводительством Хулагу, когда первые двое Джучидов двинулись на юг, пройдя через «Дербент Кипчакский», а Кули – «через Хорезм» прибыл «в Дехистан и Мазандеран» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.69, 81–82; 2002г, с.54]. Вследствие этого, до начавшегося в 1260 г. или несколько раньше конфликта между Берке и Хулагу, определенная часть территории Закавказья явно принадлежала Улусу Джучи, что отчетливо видно из ал-Омари, который отметив «претензии» на «владение Тавризом и Марагою» со стороны «царей Кипчак-

ских», т.е. ханов Улуса Джучи, объясняет, что по просьбе Хулагу имперский центр ему на помощь приказал послать людей «из войска каждого из царей Чингизхановичей» – в результате Хулагу пришлось «отвести каждому отряду… в содержание одну из [завоеванных] областей». Ал-Омари уточняет, что «то, что было отведено войску… властителя земель Кипчакских [и] Хорезмийских, заключалась в Тавризе и Мераге» [Золотая Орда, 2003, с.107]. Очевидно, что этот район и ранее контролировался Джучидами, поэтому, есть основания думать, что после 1242 г. вначале Берке контролировал названную выше территорию в Закавказье.

Может возникнуть вопрос, а не был ли он слишком молод в начале 1240-х гг. для управления отдельным уделом? Действительно, если следовать замечанию Джуджани, что Берке родился «в то время, как его отец Туши-хан взял Хорезм, и войско его [Туши] находились в землях саксинских, булгарских и саклабских» [Золотая Орда, 2003, с.252], а это предполагает его рождение между 1220–1222 гг., может сложиться мнение, что для руководства собственным улусом он ещё был недостаточно зрелым. Но на деле его возраст у Джуджани был определен неверно. Дело в том, что в связи с кончиной Берке в 1267 г. (эта дата его смерти повторяется и в других источниках [Золотая Орда, 2003, с.67, 74, 88]) ал-Дзехаби замечает, что он тогда был уже в «шестидесятых годах своей жизни» [Золотая Орда, 2003, с.99], а ал-Муфаддал применительно к 1262/1263 гг. говорит, что тому тогда было «от роду 56 лет» [Золотая Орда, 2003, с.93]. В итоге получается, что он родился где-то около 1206/1207 гг. и ему и к началу 1240-х годов – возможной даты выделения ему удела – могло быть уже около 36–37 лет, т.е. он вполне мог управлять самостоятельным уделом. Да и политический опыт у него был достаточным – в 1229 г. Берке находился среди Джучидов, которые участвовали в интронизации Угэдея [Рашид ад-Дин, 2002б, с.19], а затем, после активного участия в «западном походе», он был отправлен Бату-ханом в Коренной юрт для присутствия при интронизации в 1245 г. Гуюка [Рашид ад-Дин, 2002б, с.118]. Вскоре он же с сыном и наследником Бату Сартаком во главе 3-х туменов обеспечивал интронизацию Менгу [Рашид ад-Дин, 2002в, с.80, 130, 140]. Короче, Берке уже в начале 1240-х гг. был способен стоять во главе отдельного удела, первоначально, скорее всего, находившемся в Закавказье.

В связи с этой территорией следует отметить, что тут имелись кыпчаки. Так, Джувейни, рассказывая о походе Джелал ад-Дина б. Мухаммеда-хорезмшаха в 1225/1229 г. в Грузию, сообщает, что против него там действовали «20 000 отборных воинов с кыпчакскими знаками и знаменем» [Джувейни, 2004, с.311. О кыпчаках в Грузии см. также: [Golden, 1984]. О сообщении Рашид ад-Дина по поводу захвата бежавших в Закавказье кыпчаков войсками Илавдура уже было сказано. Показательно также, что Рашид ад-Дином Дербент называется не только «Хазарским», но и «Кипчакским» [Рашид ад-Дин, 2002в, с.72, 81]. Хотя в данном случае речь больше должна идти о западных кыпчаках-кунах, куманах (половцах), в их составе имелись и группы выходцев из среды восточных кыпчаков [Golden, 2011, p.303–332].

Поэтому, уже в первом владении Берке среди тюркской части насления его удела могли находиться носители татарской идентичности. Скажем, далеко не случайно Ибн Халдун о знатном племени токсоба, входившем в состав западных кыпчаков, делает замечание, что оно «из Татар» [Золотая Орда, 2003, с.240–241]. Хотя некоторые исследователи известную фразу, произнесенную со стороны войск Субэдея и Джэбе накануне битвы на Калке в адрес кыпчаков, тогда действовавших в союзе с аланами: «Мы и вы одного рода, а эти Алланы не из ваших» [Золотая Орда, 2003, с.26], пытаются объяснить исходя из старых монгольско-татарских брачных связей (отношения «анда-куда») [Кумеков, 1986, с.39–40], она, по нашему мнению, скорее, отражает существование в составе западных кыпчаков татарских этнических групп, как мы уже убедились,

находившихся и в Коренном юрте монголов и вошедших в состав «народа» Чингисхана в самом начале его формирования.

Сейчас о втором уделе Берке, где кыпчаков, имевших татарское происхождение, было значительно больше. Где же это владение, помещенное Рубруком «к востоку от Этили», находилось? По всей видимости, в районе г. Сыгнака. Об этом может свидетельствовать намек, содержащийся у Утемиша-хаджи относительно места воспитания Берке. Хивинский историк XVI в., рассказывая, что Берке уже «с рождения матерью был мусульманином», ибо не хотел сосать молоко женщин-немусульманок, из-за чего его кормилицей было велено сделать мусульманку, добавляет: «…через несколько лет лет после этого события его отец Йочи-хан умер, он (т.е. Берке – Д.И.) пришел в город Сыгнак не будучи в состоянии находиться среди неверных». Судя по рассказу Утемиша-хаджи, ко времени смерти Бату-хана Берке ещё пребывал в Сыгнаке или в той области [Утемиш-хаджи, 1992, с.96–97]. Хотя эта информация и легендарна, она согласуется с некоторыми другими данными. Так, Джуджани указывает, что к Берке, «по достижению срока обучения и наставления, собрали нескольких мусульманских имамов», определив «одного из них для обучения [его] Корану», что по данным «некоторых заслуживающих доверия», сообщает Джуджани, происходило «в Ходженде». Далее Джуджани рассказывает, что Берке было сделано обрезание, а «по достижении им возмужалости, в войско его были назначены все мусульмане, … находившиеся в стане Туши-хана». После того, как Бату сел «на место отца», он «утвердил» за Берке «командование [армией], свиту (атба) и уделы (икта)» [Золотая Орда, 2003, с.252]. Как видим, в данном случае говорится о нахождении Берке в Ходженде. То, что Берке мог находиться в 1230-х годах где-то в Средней Азии, проистекает также из приводимого Джуджани известия о том, что в 631 г.х., т.е. в 1233/1234 г., от него было состоявшее из мусульман посольство к первому государю из шемсийской династии в Индии Ильтутмышу (1210–1236) [Золотая Орда, 2003, с.252, 256]. В этом же плане заслуживает внимания и один из рассказов, приводимых Джуджани, согласно которому Сартак, ездивший к Менгу-каану, на обратном пути из Коренного юрта «приближаясь к своему дяде Берка-хану…, отказался [от посещения его], свернул с дороги и не пошел к своему дяде» [Золотая Орда, 2003, с.252]. Так как тут мы имеем дело с указанием о возвращении Сартака из поездки в Коренной юрт, то получается, что владение Берке находилось на пути двигавшегося в Поволжье с востока Сартака, что подкрепляет указание Рубрука. Ещё одна сюжетная линия, рассказывающая о связи Берке со Средней Азией, прослеживается у ряда авторов. Джуджани, например, говорит о том, что уже выросший Берке «из земли Кипчакской» отправился в «город Бухару», а после возвращения оттуда «отправил доверенных людей к халифу». При этом он отмечает, что контакты этого Чингисида с халифом имели место ещё при жизни Бату. Затем, в ходе этого сообщения, данный автор добавляет, что войско Берке состояло из 30 000 мусульман и в войсках его «была установлена пятничная молитва», а также введены другие исламские нормы [Золотая Орда, 2003, с.253]. На самом деле аналогичные сообщения есть и у других авторов. В частности, ал-Дзехаби говорит о поездке Берке «… в 40-х годах (1240-х – Д.И.)… в Бухару», в результате чего вместе с ним ислам приняли и «многие из его эмиров» [Золотая Орда, 2003, с.99]. В другой версии этого хрониста Берке был отправлен Бату во главе «100 тыс. всадников» для сопровождения Хубилая и Хулагу, чтобы посадить на трон Менгу, а уже при возвращении оттуда, «проходя мимо Бухары», он «сошелся с шейхом Шемсуддином Эльбахерзи» и принял ислам «из рук его». Тот и посоветовал Берке «вступить в переписку с халифом» [Золотая Орда, 2003, с.111]. По Ибн Халдуну живший в Бухаре Шемседдин Эль-бахерзи «послал к Берке с предложением принять ислам». При этом хронист замечает, в ислам Берке был обращен уже при Бату. Попутно рассказывается о повторном приезде Берке к названному шейху [Золотая Орда, 2003, с.170]. Ал-Айни сообщает примерно то же самое: из Бухары Сейфиддином Эль-

бахирзи к Берке отправляется ученик шейха, от рук которого он и принимает ислам, но затем почему-то лично прибывает в Бухару, где «повторив свой ислам», т.е. символы веры, он затем «вернулся в свою землю» [Золотая Орда, 2003, с.220]. В позднем источнике – «Шаджарат ал-атрак», речь идет фактически о том же, но после того, как Берке прибыл «к куполу ислама Бухаре», где он долгое время находился «у порога» шейха Сейф-ад-Дина Бахарзи, он затем «отправился в Дешт-и Кипчак через Хаджитархан с небольшим войском», сразившись на «на берегу реки Итиль» с «бесчисленным войском Хулагу» и одержав победу над ним [Золотая Орда, 2003, с.388].

Короче говоря, во всех этих случаях, когда Берке приходит «в Бухару» или до того пребывает «в Сыгнаке» или «Ходженде», подразумевается его нахождение в бывших владениях хорезмшахов, скорее всего, на северо-восточной его окраине, там, где расселялись кимаки и канглы, а также другие группы восточных кыпчаков, многие из которых к тому времени уже были исламизированы. И тут нам следует принять во внимание большое войско – не менее 3-х туменов – из мусульман, которое, как было отмечено, находилось при Берке. Известное сообщение Рашид ад-Дина об отправке по распоряжению Бату своего сына Сартака в сопровождении Берке с 3 туменами войск для обеспечения интронизации Менгу, может относиться к этой же «мусульманской» армии [Рашид ад-Дин, 2002б, с.80]. На самом деле, эти войска могли начать организовываться ещё по уже отмеченному нами проекту Субэдей-бахадура, после 1224 г. подавшего на имя Чингис-хана доклад относительно создания отдельной «армии», в составе которой должны были находиться и «тысячи» из канглов и кыпчаков [Юань ши, 2004, с.501]. На тот момент в лице последних речь могла идти только о подразделениях из восточных кыпчаков, т.е. из носителей татарской идентичности. Хотя нам и неизвестно, какие кланы входили в состав личного владения Берке, без сомнения состав его «народа» был, в том числе и из-за его пребывания в бывших владениях восточных кыпчаков, «татаро-монгольским». В частности, в династийной хронике кунгуратов упоминается Салджидай-гурген, живший во время правления хана Токты и, согласно Рашид ад-Дину, бывший нойоном из клана кунгурат [Рашид ад-Дин, 2002а, с.162]. Но в данной хронике он определен как выходец «из племени уйгур» [Bregel, 1982, p.367], что свидетельствует о существенном смешении кунгуратов с кимакско-уйгурскими группами, что могло иметь место именно при нахождении Берке «восточнее Итиля». В данном плане показательно замечание Абуль-Гази Бахадур-хана, относительно основного государствообразующего «ядра» Хивинского ханства заметившего: «…Началом…эля были уйгуры и найманы из рода татар» [Әбелгазый Бahадур-хан, 2007, с.137]. Эти смешанные с монголами восточно-кыпчакские группы, носители татарской идентичности, после восхождения Берке на золотоордынский престол и возвращения его в Поволжье, могли частично, например, в составе мусульманских войск, последовать за ним. Вряд ли случайно уже упоминавшееся «сопровождение» кунгуратов многочисленными «тюрками», похоже, кыпчаками, судя по некоторым местам династийной хроники кунгуратов, оказавшихся в конце концов в Поволжье [Bregel, 1982].

Далее мы перейдем к уделу Тука (Тукай)-Тимура, о котором известно только из относительно поздних источников, например, из «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» Махмуда б. Вали (XVII в.). Как явствует из этого сочинения, Бату выделил своему младшему брату (он являлся тринадцатым сыном Джучи) в удел «вилайат-и ас и земли Мангишлака». Согласно источнику, это произошло после смерти Джучи и утверждения Бату-хана «на троне правления… в Дашт-и Кипчаке», при этом были учтены заслуги Тукай-Тимура в «знаменитом семилетнем (западном – Д.И.) походе в земли асов, русов, булгар и башкир» [Алексеев, 2006, с.56]. В другом месте «Бахр ал-асрар» сообщается, что потомкам Тукай-Тимура «согласно воле Бату» была также дана власть над Хаджи-Тарханом [Кляшторный, Султанов, 2000, с.196]. Однако, скорее всего, первона-

чальное владение данного Джучида ограничивалось «областью асов и Мангышлаком». Как мы помним, Мангышлак входил в состав государства хорезмшахов и был населен кыпчаками. А вот кем были «асы» и где они жили? Несмотря на то, что обычно в них видят кавказских аланов, думается, что это не так. Во-первых, в ряде источников по Золотой Орде аланы и асы фигурируют как разные этнические группы. Так, Джувейни, говоря о том, что Менгу был отправлен на «овладение областями Булгара, асов, Руси и племен кипчакских», отдельно от них упоминает аланов [Золотая Орда, 2003, с.259]. Такое же различение этих двух групп можно увидеть у ан-Нувейри [История Казахстана, 2005, с.139]. Ряд арабских источников XIV в. (Абу'л Фида, Ибн Баттута, ал-Омари также различают аланов и асов, указывая, что последние были тюрками (qaum min al-Turk), исповедовали ислам и жили в степных районах, а также в г. Сарае [Алемань, 2003, с.328, 341, 359]. Следует также напомнить о схваченном, наряду с предводителем племени альбурлик (ильбари) Бачманом, эмире племени ас Качир-укули [Рашид ад-Дин, 2002б, с.38], предполагающем, что эта группа находилась не так далеко от низовьев р.Волги. Не случайно, поэтому, «вилайят-и ас» был выделен Тукай-Тимуру наряду с Мангышлаком, по-видимому, эта «область» территориально находилась именно там. Судя по всему, речь идет о потомках тех асов, которые к X в. жили в окрестностях Хорезма и исповедовали ислам, называясь «al-Arsiyah» (Aorsi>As). Их язык во времена Бируни состоял из смеси хорезмийского и печенежского, что предполагает начальный среднеиранский (хорезмийский) язык с сильным тюркским влиянием [Алемань, 2003, с.348–349, 333], с завершившейся в XIII–XIV вв. тюркизацией этой группы под кыпчакским влиянием. То, что «вилайят-и ас», населенный «племенем ас», действительно существовал, доказывается и тем, что один из четырех личных элей – клан ширин – хана Тохтамыша, отец которого, как потомок Тукай-Тимура, владел Мангышлаком, возводился к «племени ас» [Исхаков, 2009в, с.44].

Но, кроме местного населения из владения Тукай-Тимура – а оно нам полностью не известно – у него ещё был собственный «народ», состоявший из четырех клановых подразделений (каучин), выделенных ему Бату-ханом. Это были группы минг, ушун, тархан и ойрат [Кляшторный, Султанов, 2000, с.208; Алексеев, 2006, с.56]. Несмотря на то, что эти сведения относятся к числу поздних, они частично перекликаются с данными о клановом составе Улуса Джучи XIII в. Скажем, присутствие группы уйшин и ойрат в ранней Золотой Орде мы уже видели. Клан минг, по видимому, соответствует упоминаемым в «Алтан Тобчи» Лубсана Данзанам «мингатам», чьи предводители были приведены Джучи к Чингис-хану после завоевания «Лесных народов». Так как у Тукай-Тимура оказался и клан ойрат, покоренный тогда же (см. выше), то это вполне допустимо. В результате получается, что личные эли этого Джучида, оказавшегося в районе Мангышлака, были не вполне «монгольскими», в частности, группа минг могла быть тюркским образованием, близким к киргизам и туматам. Да и клан уйшын, как уже говорилось, не был чисто монгольским этническим образованием. На Мангышлаке этим «монголо-татарам» пришлось взаимодействовать с местным тюрко-иранским (асским) населением, испытавшим вначале печенежское, а затем и кыпчакское влияние. Причем кыпчаки, скорее всего, были тут представлены племенами уран и ильбари, после завоевания обобщенно именовавшихся «кыпчак». Этот клан, как известно, входил в число личных элей Тука-Тимурида Тохтамыш-хана, уделом отца которого был Мангышлак [Утемиш-хаджи, 1992, с.115–118].

Что касается владения Шибана, нас будет интересовать не столько политическая история этого удела – она рассматривается отдельно – а сколько этнический состав населения, входившего в этого юрт. Если сказать кратко, то к уделу этого Джучида (он являлся пятым сыном Джучи), обычно относят зону между реками Или и Сыр-дарьей, а также территорию нынешнего Центрального и Северного Казахстана [Кляшторный,

Султанов, 2000, с.197]. Плано Карпини, проезжая мимо владений хорезмшахов (он называет города Орнас/Ургенч, Янгикент, Бархин/Барчилигкент), замечает, что «поблизости от их границ» живут Бури (очевидно, внук Чагатая – Д.И.) и Кадан (сын Угэдея – Д.И.), а «с севера же прилегает… часть земли черных [кара] китаев и океан», далее закончив: «там (т.е. к северу – Д.И.) пребывает Сыбан, брат Бату» [Плано Карпини, 1997, с.74–75]. Так как удел старшего брата Бату-хана Орды, состоявший из 10 тыс. «домов» [Әбелгазый Баһадур-хан, 2007, с.133] с неизвестным клановым составом находился около земель «черных китаев», после г.Омыл (Эмил/Имил), где-то в районе «некоего не очень большого моря», предположительно поблизости от о.Алакуль, там где пребывала «орда его отца» и находился его «двор» [Карпини, 1997, с.75, 392], речь должна идти, как это видно по Абуль-Гази Бахадур-хану, о районе верхнего течения Иртыша, именуемого последним «Кок Ордой» [Әбелгазый Баһадур-хан, 2007, с.127], то удел Шибана оказывается западнее, точнее, северо-западнее от Кок-Орды. Действительно, Абуль-Гази Бахадур-хан, сообщив, что Шибану был дан удел («ил») из 15 тыс. «домов» (өй), далее уточняет, что он должен был весной кочевать по рекам Иргиз (Оргыз), Орь, Илек, по левой стороне Яика вплоть до отрогов Уральских гор, спускаясь на зиму в Аракум и Каракум», к «Сыру и нижнему течению (аяк) Аму [-дарьи]» [Әбелгазый Баһадур-хан, 2007, с.134]. Если принять во внимание, что Шибану могли подчиняться и часть территории Волжской Булгарии (восточнее ее домонгольской столицы г. Биляра), а также Южное Приуралье (об этом более подробно см.: [Исхаков, 2013; Исхаков, Тычинских, 2013]), то получается, что удел Шибана занимал ту территорию, где ранее расселялись кимаки и канглы, включая и их часть – клан ильбари [Исхаков, 2011ж].

Что же мы можем сказать о собственном «народе» Шибана? Кроме уже приводившихся сведений о нахождении в период «западного похода» под его ведением войск из четырех клановых подразделений (групп кыйат, кунгурат, буркут и тюмен), не так много. В первую очередь, в данном случае заслуживают внимания данные из «Шеджереи тюрки» Абуль-Гази Бахадур-хана (XVII в.), хотя и достаточно поздние, но из-за того, что этот хан происходил из рода Шибана, представляющие интерес. Так вот, он отмечает, что после возвращения из известного «западного похода», Бату-хан выделил Шибану из элей «наследственных родов» (нәсел-ыруг иленнән) 4 родовых элей – кушчы (кошчы), найман, карлук и буйрак (бөйрек) [Әбелгазый Баһадур-хан, 2007, с.134]. Эти сведения отчасти подкрепляются другими источниками, скажем, в «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» содержится следующее примечание относительно клана кушчи: «Кушчи… со [времени] Шейбан-хана были атаке (т.е. аталык – Д.И.) и кукельташами» [Материалы, 1969, с.20]. Есть основания полагать, что рассматриваемый клан, входивший в состав народа-войска Шибана, происходил от группы куштеми, наряду с кланами урасут/урсут и теленгут/ теленгит, отнесенных Рашид ад-Дином к числу «монголов лесного племени» или к «подобным монголам», на самом деле являвшимися тюркскими группами, жившими в верховьях Енисея. То есть, клан кушчи был в числе старых подразделений, вошедших еще в число первоначального удела Джучи. Найманов также надо отнести к их числу. А вот насчет кланов карлук и буйрак этого сказать нельзя. Дело в том, что Утемиш-хаджи отмечает, что эти два подразделения были выделены «огланам Шайбан-хана» в период правления Узбек-хана, когда они, в отличие от других Джучидов, из-за их поведения вызвавших немилость этого хана, были наделены, учитывая былые заслуги предка, данным «двусоставным элем», и «предоставлены… самим себе, … в юрте, определенном [им] Саин-ханом» [Утемиш-хаджи, 1992, с.92]. Ясно, что тут речь идет о наделении Шибанидов в период укрепления Узбека на троне какой-то южной территорией, где имелись карлуки. В связи с группой буйрак отметим, что она не зря была частью «двусоставного эля» с карлуками, ибо скорее всего её необходимо сопоставить с известным ещё у Махмуда Кашгари племенем буляк, входившем в состав

карлукского союза [Ахинжанов, 1989, с.175]. А так как по Рашид ад-Дину карулуков, как кыпчаков, можно было рассматривать как разновидность уйгуров [Рашид ад-Дин, 2002, с.146], что связано с переходом после 840 г. власти от Тюркского каганата к карлукам во главе с кланом Ашина [Golden, 2001, p.11; Golden, 2011, p. 53], а также со старыми политическими и этническими связями уйгуров, карлуков, басмылов и татар [Golden, 2001, p.303–332], карлукский компонент собственного «народа» Шибанидов можно рассматривать как дополнение к тем восточным кыпчакам, которые, наряду с другими тюркскими группами, в том числе, южно-сибирского происхождения, оказались в данном юрте.

Из приведенных данных видно, что в уделе Шибана были как собственно монгольские подразделения (кунгурат, кыйат), так и тюркские (буркут, найман, карлук, буйрак, возможно, тюмен [Исхаков, 2013, с.49–50]), причем, с частичной «татарской» маркировкой (найманы, карлуки). Отсюда можно заключить, что «народ» Шибана был «татаро-монгольским» изначально.

Теперь нам осталось в целом определить этнический состав раннего Улуса Джучи, во многом уже рассмотренного.

Несмотря на то, что в таком позднем источнике, как «Бахр ал-асрар» Ибн Вали есть список кланов, входивших в «войско кипчаков», подчинявшихся самому Бату-хану (это 12 кланов: аргун, огуз, кунгурат, кереит, барлас, минг, усун, уйрат, кашчи, найман, карлук, буйрак – см.: [Ахмедов, 1965, с.163; Кляшторный, Султанов, 2000, с.207]), этот список, источники которого неизвестны, полного доверия не вызывает. Поэтому, для раннего периода Улуса Джучи (XIII в.) мы можем реконструировать клановый состав «народа-войска» Джучидов лишь по уже проанализированным источникам, что позволяет выявить в этом государстве до 26 кланов (аргунан, кунгурат, кереит, минг, уйшын, ойрат, найман, карлук, буйрак, меркит, огунан, джаджират, йисут, татар или алчи-татар, сулдус, тулас, кыйат, буркут / баргут, туман, кингит, сиджиут, хадаркин, кошчи, тархан, кыпчак, огуз). Некоторые из этих подразделений имеют «обобщающие» наименования (кыпчак, огуз), свидетельствующие о том, что они фактически были составлены из покоренных народов, чьи родо-племенные деления были ликвидированы. А это могло случиться только с течением времени. В других случаях (например, с группами карлук и буйрак) мы имеем дело с ранними этническими группами, существовавшими задолго до монгольского завоевания, но приданными Джучидам, скорее всего, лишь после 1312 г. В реальности в Улусе Джучи клановых подразделений, составлявших «народ» Джучидов в XIII в., могло быть больше, ибо мы ничего не знаем о составе населения владения целого рода Джучидов [Исхаков, Измайлов, 2007, с.165–167], но не намного. Хотя в дальнейшем могли появиться и новые клановые подразделения – из первоначального «племени ас» могло возникнуть подразделение ширин, в целом уже собранные данные позволяют делать достаточно обоснованное заключение о тюрко-монгольском или татаро-монгольском характере «народа» Джучидов, с течением времени, из-за многочисленности в Улусе Джучи тюрок, в особенности, кыпчаков, становившемся все более тюрко-татарским (см. весьма профессиональный анализ проблемы: [История татар, 2009, с.338–342)]. Это происходило, во-первых, из-за татарского этнического составного у восточных кыпчаков (частично и западных), во-вторых, из-за функционирования в рамках Улуса Джучи особых этносоциальных механизмов, способствовавших закреплению у правящего «народа» этого государства этнонима «татар», вытеснившего в конце концов прежнюю двойную этническую маркировку «монголо-татары» у этой этнии.

Очевидно, что за период между началом образования Улуса Джучи (1207–1208 гг.) и сер. XIV в. произошла трансформация «татаро-монгольского» народа Джучи в новый народ «татар», находившийся в подчинении у Джучидов и сложившийся из

разных этнических компонентов в результате действия социально-политических механизмов, характерных для Золотой Орды и уже описанных нами ранее [Исхаков, Измайлов, 2007; История татар, 2009, с.344–365]. Далее мы перейдем к их рассмотрению с выделением некоторых нюансов этнических процессов, происходивших в Улусе Джучи в XIII–XIV вв., но не получивших в литературе должного анализа.

Включение кочевых племен, в том числе кыпчаков, в монгольскую улусную и клановую структуру на правах зависимых, сопровождалось уничтожением или изгнанием старой родовой элиты, массовыми переселениями народов и разрывом прежних родовых связей. По сути дела, уже в период завоевания евразийских степей были уничтожены прежние родоплеменные структуры и родовые культы и традиции, введен территориальный принцип военно-административного управления и расселения «народа Улуса Джучи», а также образованы новые улусы и кланы, куда вошли осколки прежних кыпчако-кимакских племен. Археологические памятники из Северо-Евразийских степей дают детальное представление об этих событиях: в XIV в. прекращается кыпчакская традиция установления каменных изваяний, число и разнообразие погребальных комплексов резко увеличиваются, их обрядность демонстрирует появление новых типов, а также смешение и комбинацию старых. Скорее всего, именно тогда в центральной части евразийских степей исчезли старые родовые и племенные кыпчакские этнонимы *(бурчевичи, токсобичи, етебичи, кулобичи* и т.д.) и внедрились новые монгольские *(кыйат, кунгурат, джалаир, барын, уйшын, найман, аргын, ширин* и т.д.). Термин «Дешт-и Кыпчак» продолжал использоваться соседями применительно к восточноевропейским и поволжским степям, но в XIII–XIV вв. он постепенно теряет этническую определенность и переосмысливается как территория государства Джучидов.

Иными словами, можно сказать, что, по существу, не кыпчаки ассимилировали монголов, а наоборот, на основе новой тюрко (татарско)-монгольской клановой системы произошло растворение кыпчаков, булгар, асов, угров и других народов и внедрение в их среду нового этнополитического, в их элиту – нового этносоциального самосознания.

Расцвет империи Джучидов, развитие городов, становление богатой и синкретичной золотоордынской культуры, формирование общепонятного городского койне и литературного языка («*поволжский тюрки»),* а также активное перемешивание военно-феодальной знати, привели к формированию средневековой золотоордынско-татарской этнополитической общности. Несмотря на довольно хорошо изученные последствия этих процессов, сам механизм такой этнополитической трансформации остается недостаточно выясненным. Однако, судя по современным этнологическим исследованиям и анализу специфики средневековой ментальности, можно полагать, что ключевую роль в этих процессах сыграли идеологические причины, а именно, внедрение новой джучидской этнополитической идентичности, имевшей «татарское» составное.

Не случайно, что в условиях распада старого самосознания и своеобразной его неустойчивости, значительная часть населения, особенно знать, стремилась включиться в новую социальную систему, активно перенимая новую этнополитическую идентификацию. В степях Дешт-и Кыпчака, где происходили подобные процессы распыления племенной структуры кыпчаков и новой консолидации населения степей, стянутого скрепами монгольской административно-политической системы, общим этнонимом стало наименование «татары», не в последнюю очередь из-за присутствия в составе «народа» Улуса Джучи носителей собственно татарской идентичности. Об этом свидетельствует, в частности, Рашид ад-Дин: «Вследствие силы и могущества татар... (ныне) в стране киргизов, келаров и башкир в Дашт-и Кыпчаке, в северных (от него) районах, у арабских племен, в Сирии, Египте и Марокко все тюркские племена называют татарами» [Рашид ад-Дин, 2002а, с.103]. Этнокультурным отражением этих процессов может слу-

жить пласт новых элементов культуры, связанный, прежде всего, с традициями имперского государственного управления.

Одним из исторических феноменов, возникших на стыке религиозных, политических и этнических процессов золотоордынской эпохи, является формирование идеологии «чингисизма» – политического культа Чингис-хана и его потомков, в первую очередь, его сына Джучи. Его появление и развитие отметило не только своеобразие эпохи, но и направление и тенденции формирования этнополитического самосознания населения Улуса Джучи. Именно формирование системы мифологем, ядром которых был культ Чингис-хана, стало явлением, маркирующим глубинные процессы и механизмы становления и распространения татарской этносоциальной идентификации.

На территории Улуса Джучи в период становления самостоятельного государства эта традиция получила дальнейшее развитие. Ключевым ее элементом стали предопределение появления «Золотого рода Чингис-хана» и передача власти его сыну Джучи в части государства (Улусе Джучи), которая включала «Хорезм и Дешт-и Кыпчак от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара, алан, башкир, урусов и черкесов, вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади». Вот как описывает это историк XVI в. Утемиш-хаджи: «Йочи-хан был старшим из его (Чингис-хана) сыновей. Он дал (ему) большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчака, сказал: «Пусть будет пастбищем для твоих коней». Дал (ему также) вилайет Хорезма» [Утемиш-хаджи, 1992, с.91]. Версия Абуль-Гази очень похожа: «...Джучи с приданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил (всех) попавших (ему) в руки кыпчаков... Кыпчаки, обитавшие между Итилем и Тином, рассеялись на (все) четыре стороны... Джучи-хан, взяв в плен кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. Из могольской (страны) он переселил сюда свою семью (өй) и все или, которые дал (ему) отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в кыпчакский юрт» [Кононов, 1958, с.44]. Таким образом, Джучи выступает здесь в двух ипостасях – как наследник харизмы Чингис-хана и как основатель и создатель на завоеванных землях своего Джучиева Улуса («в этих странах он утвердился на престоле ханства и троне правления»).

Сюжетная линия, связанная с Джучи, не только определяет включение фигуры Чингис-хана в джучидский политический пантеон, но и знаменует формирование золотоордынской этнополитической мифологемы. В дальнейшем развитие тюркской исторической традиции Улуса Джучи происходит уже в рамках этой повествовательной парадигмы. Основой ее являлись генеалогия определенного потомка Джучи с краткой характеристикой предшествующих поколений и более подробное описание биографии хана (Джанибек, Орду-иджен, Урус, Абулхайр и др.) или знатного карачи-бека (Мамай, Идегей).

Тенденцией развития этой традиции является постепенное насыщение ее мусульманскими элементами (особенно, в XV–XVI вв.) посредством кратких экскурсов (сведения о принятии ислама ханами Берке и Узбеком, биографии святых и т.д.) и возведение генеалогии ханов и карачи-беков (Идегей) к святым пророкам. Постепенно данная традиция была встроена в мусульманскую картину мира и историографию. Распространению этой традиции и внедрению ее в сознание тюркского населения способствовали ее близость к фольклорным, эпическим системам и четкая локализация каждого клана внутри империи Джучидов. Другой тенденцией стала «коренизация» истории государства, подчеркивание ее местных традиций и корней. Достигалось это за счет включения в государственную историографию историй племен и кланов, местных святых и популярных героев легенд и преданий.

Создание джучидской (татарской) исторической традиции явилось важнейшим фактором формирования ментального универсума и сплочения различных тюркских народов и выработки «татарской» этнополитической идентичности. Добившись независимости от Монгольской империи, Улус Джучи получил необходимые рычаги для выработки и конструирования собственной державной исторической традиции, а после официального принятия ислама в качестве государственной религии приобрел и опору в богатых возможностях мусульманской историографической и философской традиции, обогатившись новыми мотивами и символами. В отличие от целого ряда других тюркских государств с расплывчатой социальной структурой и неразвитой государственной традицией, золотоордынская державная идеология стала всплеском тюрко-татарского самосознания. Ее парадигма оказалась настолько авторитетной, что растворила менее приспособленные и более слабые мифологемы предшествующих эпох или, частично переработав, поглотило их, определив на многие века дальнейшее развитие тюркской историко-политической мысли позднесредневековых государств и народов Евразии. Средневековая татарская историческая традиция оказалась настолько сильной, что после распада Улуса Джучи вошла составной частью в локальные исторические традиции различных татарских государств XV–XVIII вв. [История татар, 2009, с.359–362].

Таким образом, активное формирование слоя военно-феодальной знати, создание материальных и духовных символов надплеменного имперского единства, а также государственной идеологии, использование как традиционных (тюркских и монгольских) мифологем, так и исламских идей и символики, привели к формированию на территории Улуса Джучи новой этнополитической общности с собственной идентичностью. По мере усложнения этнополитической структуры общества содержание термина «татары» изменялось, приобретая новые семантические оттенки. В XIV–XV вв. он укореняется и активно используется, имея многозначную семантику, которую можно свести к нескольким смысловым блокам.

1. *Улус Джучи (Золотая Орда) – как государство татар*. В этом смысле его употребляют арабские авторы («государство татар», «царство северных татар»), русские летописи и европейские путешественники, а также народный эпос «Идегей». Такое стойкое употребление названия страны в разных, в том числе и аутентичных источниках, заставляет считать, что оно передает одно из названий страны и служит определением ее и живущего здесь народа по правящей татарской этносоциальной элите. Следует подчеркнуть, что, судя по сведениям ряда путешественников, татарами они называли как кочевое, так и оседлое, городское и сельское население.

2. *Татары как слой военно-феодалъной знати.* Доказательством такой семантики, кроме вышеуказанных свидетельств Рашид ад-Дина и западноевропейских путешественников и купцов, служат также сведения арабских источников, сообщающих о прибытии в Египет в период правления Бейбарса (1269–1277 гг.) значительного числа кыпчакских эмиров, которых они называют «татарами». Характерен факт, когда арабский филолог, объясняя название знатного кыпчакского рода «токсоба», пишет, что это «племя из кыпчакских татар» [Наджиб, 1989, с.86], то есть, тут имеется в виду «знатный род выходцев из Дешт-и Кыпчака», происходящих из среды собственно восточных кыпчаков-кимаков. Об этом же свидетельствует историк Ибн-Халдун: «племя токсоба из татар» [Золотая Орда, 2003, с.241].

Важно отметить, что уже в конце XIII в. имя одного из самих известных кыпчакских родов, даже в среде, где вроде бы эти старые этнонимы должны были активно использоваться, требует объяснения, что свидетельствует о вытеснении старого самосознания новым татарским и подчеркивает принадлежность знати к более важной на тот

период общности. Эти же процессы были характерны также и для оседлых областей Улуса Джучи.

Начальный этап формирования этого слоя фиксируют источники XIII в., когда целые племена, попадая под власть монголов, становились их вассалами. Так, например, в позднейшей династийной истории кунгуратов описывается их история и указывается, что 30 тыс. кунгуратов «сопровождались» 100 тыс. «других тюрок», видимо, кыпчаков [Bregel, 1982, p.366]. Однако по мере укрепления и расцвета улусной системы и происходило расслоение внутри прежних племен, и выделялась имперская военно-служилая аристократия, которая, скорее всего, активно использовала социально-престижное имя татар, как это вытекает, в частности, из труда Рашид ад-Дина. Несомненно также, что именно в этой среде вырабатывается особая сословная рыцарская культура, имевшая надэтничный характер. Она включала в себя сходные типы и виды вооружения, конского снаряжения, геральдику, образ жизни и генеалогию, одним из элементов которой являлось наличие среди легендарных предков Татара. Разумеется, конкретные элементы этой культуры требуют еще специального изучения, но уже сейчас ясно, что в XIV–XV вв. и позднее, эта культура, как и употребление самоназвания «татар», имела надэтничный характер, несводимый к этноязыковому единству ее носителей, тем более, что правящая ханская верхушка Улуса вплоть до середины XIV в. оставалась монгольской и частично монголоязычной.

Судя по этим данным, подобное этносоциальное татарское самосознание опиралось, в первую очередь, на принадлежность к военно-феодальному сословию, служащему Джучидам и имеющему свой определенный этос, к мусульманской цивилизации и к кочевому, как правило, образу жизни. Подобное самоопределение, скреплявшее единство золотоордынской элиты, не исчезло с распадом государства, а сохранилось в качестве социального термина «служилые татары».

3. *Татары как кочевой, преимущественно тюркоязычный народ.* Этот вариант употребления термина татар близок к предыдущему, хотя и отражает, скорее всего, не самоназвание народа, а является экзоэтнонимом. Вполне возможно, что знаменитая злая инвектива Мухаммедъяра (середина XVI в.), образованного поэта и мусульманина, против татар, как раз подразумевает не этнос, а кочевников-скотоводов, чей образ жизни явно не внушал симпатий просвещенному горожанину. Кроме того, в эпосе «Идегей» несколько раз говорится о «народе татар» как о населении степей Улуса Джучи. Вообще, кочевников причерноморских и поволжских степей называли татарами практически все европейские источники XV–XVII вв.

Следует отметить, что подобное наименование страны и народа по названию господствующей элиты или правящего рода было весьма характерным для средневековых обществ Средней и Центральной Азии. Наиболее показателен в этом смысле термин «Чагатай», который обозначал государство – Улус Чагадая и его кочевую знать. Такое название от военно-дружинной терминологии получили казахи, узбеки и моголы. Внедрение этих имен в сознание народа имеет характер закономерности, механизм которой определяется функционированием социальной структуры общества, развитием его культуры и формированием этнополитического и этносоциального самосознания. Именно поэтому динамика этих процессов в Восточной Европе в XIV–XV вв. зависела от усложнения этнополитической организации Улуса Джучи.

Можно отметить несколько этапов употребления в источниках термина «татары». В предмонгольский период (XII в.) он употреблялся, в основном, в степях Центральной Азии в отношении разных этносов, входивших в орбиту политики или контактировавших с могущественным союзом татарских племен, имевших весьма древнее происхождение и тесно связанных со знатной, элитной частью Тюркского и Кимакского каганатов. После разгрома татар Чингис-ханом и включения их в Монгольское государство

это имя все же сохраняет престижность и распространяется среди других завоеванных монголами народов. В степях Восточной Европы, где после монгольского завоевания были уничтожены правящие роды кыпчаков, разорваны границы государств, перемешаны племена и народы, установлена новая улусная система, этноним «татары», сохранившийся среди восточных кыпчаков – кимаков, активно внедряется в сознание народа, особенно военно-служилой знати. Позднее, в XIV–XV вв., этот термин употребляется уже в качестве синонима Улуса Джучи, как обозначение господствующей элиты и кочевого народа вообще, противопоставляя его носителей (кочевников, мусульман и вассалов рода Джучи) остальным народам. Основное же тюркское население страны в Булгарском вилайяте, Хорезме, как оседлое, так и кочевое, скорее всего, называло себя по конфессиональному признаку «мусульманами».

§ 5. Владения Шибана и Шибанидов в составе Улуса Джучи

Денис Маслюженко

Формирование тюрко-татарской государственности позднего средневековья на юге Западной Сибири связано с вхождением этого региона в состав Монгольской империи. Этот процесс достаточно слабо представлен в источниках, хотя отдельные авторы и пытаются обосновать якобы существовавшее уже в это время на Ишиме особое Ишимское ханство с отдельной правящей династией, наследниками которой были позднее сибирские беки Тайбугиды, данные гипотезы не выдерживают источниковедческой критики. В начале XIII в. в Монголии сформировалась коалиция племен, состоящая из найманов, меркитов, кереитов и ряда других, противостоящая стремлению Чингис-хана сплотить степи. В результате союз был разгромлен в 1204 г. [Храпачевский, 2004, с.113–116; Груссе, 2005, с.233–234]. Рашид ад-Дин, в связи с последствиями этих событий, в «Сборнике летописей» пишет: «Государь меркитов Тухта-Буки укрылся в местности Ирдыш, на рубеже области найманов. Вслед за ним ушел и Кучлук, сын Таян-хана найманского, и его дядя Буюрук-хан». В 1205 г. войска под руководством самого Чингис-хана разгромили объединенные силы Тохтоа-беки и Кучлука на берегу Иртыша. После этого «меркитские, Тохтоаевы сыновья Худу, Гал, Чилаун, как и все прочие меркиты, взяли направление в сторону канлинцев (т.е. канглов – Д.М.) и кипчаудов», а в погоню за ними через Иртыш был отправлен Субедей-баатур [Рашид ад-Дин, 1952б, с.151; Сокровенное сказание, 2002, с.93–94; Кычанов, 1995, с.130; Храпачевский, 2004, с.117]. По всей видимости, эти события впервые привели монголов на границы интересующего нас региона.

Логичным продолжением политики по присоединению сибирских территорий мог быть поход Джучи на «лесные народы» в 1207 г. «Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми лесные народы. Жалую их тебе в подданство». Так Чингисхан встретил своего сына Джучи после возвращения из этого похода, когда Джучи «принял под власть монгольскую все лесные народы, начиная оттуда по направлению к нам, а именно народы: Шибир, Кесдиан, Баит, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и Бачжиги». Чуть позже Джучи получил удел в 9000 юрт [Сокровенное сказание, 2002, с.123–124]. По всей видимости, в состав его личного улуса вошли, в основном, земли Южной Сибири, включая Алтай. Упоминание народа или территории «Шибир», схожее с более поздней «областью Сибирь и Ибирь» в составе Золотой Орды, позволяет предположить, что войска монголов могли дойти до Иртыша.

Дальнейшее расширение, как Монгольской империи, так и владений Джучи к западу и югу, ограничивалось длительным сопротивлением кочевого населения казахстанских степей, относившегося к племенным союзам кыпчаков и близких к ним канглов, и, возможно, связанных с ними групп лесостепного населения. Несмотря на предпринятые в 1210–1230-е гг. репрессии против аристократии этих племен, в целом, основной массив тюркоязычных кочевников устоял в степной зоне. Это в дальнейшем привело к размыванию существовавших родоплеменных структур и формированию на их базе новой клановой системы, которая включала в себя как монгольские, так и тюркские коллективы [Ускенбай, 2013, с.76–79]. По всей видимости, перераспределение племен могло произойти как благодаря их перемещению по улусам Чингисидов, так и за счет вливания в их состав собственно монгольских кланов, которые представляли степную элиту и формировали новую идентичность в подчиненных им племенах и кланах. Однако сохранение кочевых групп в степной зоне не противоречит тому, что отдельные их группы на протяжении первых десятилетий XIII века под ударами монголов отступали в разных направлениях. Среди них более приоритетным могло быть южное, то есть на территорию государства Хорезмшахов вплоть до его разгрома монголами в 1219 г.

В легендах сибирских татар, которые оказали влияние на «Есиповскую летопись» и «Ведомость» тобольского воеводы П.И. Годунова, характерно представление о том, что Тоболо-Иртышское междуречье было присоединено при Чингис-хане после подчинения «Бухары», то есть государства Хорезмшахов [Миллер, 2005, с.186–187]. Действительно, в начале 1220-х гг. выделенные ранее Джучи земли Южной Сибири и Алтая были причислены к коренному юрту и перешли под юрисдикцию к младшему брату Тулую [Крамаровский, 2012, с.17]. Не позднее 1227 г. к западу от юрта Джучи появился удел с центром в верховьях Иртыша, принадлежавший третьему сыну Чингис-хана Угедею. Сам Джучи с 1221 г. (по мнению К.З. Ускенбая [Ускенбай, 2013, с.61]) владел уделом, включавшим земли восточного Дешт-и Кыпчака: степные территории от Иртыша до Урала с востока на запад и от Арала и Сырдарьи до Ишима и Тобола с юга на север. Ставка наследника монгольского каана вплоть до самой смерти в 1227 г. находилась на Иртыше, где, по предположению М.Г. Крамаровского, в местах перекочевок Джучи появился новый ремесленный центр [Крамаровский, 2012, с.31]. Именно в этот период Джучи при поддержке Субедей-баатура должен был подчинить значительную часть местных кочевников и связанных с ними групп скотоводов лесостепи, что позволило монгольским войскам к концу десятилетия выйти к Волго-Уральскому междуречью.

Спровоцированный степными войнами приток тюркских и монгольских кочевников в начале XIII в. был завершающим этапом длительного процесса тюркизации угорских групп западно-сибирской лесостепи, положившего начало этногенезу местных тюрко-татарских групп. Так, по данным Абу-л-гази, «Джучи с приданными ему нукерами пошел в Дешт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил…попавших…в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам. Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков» [Кононов, 1958, с.44]. Под «иштяками» по мнению Д.М. Исхакова в равной степени можно видеть как сибирских угров или татар, так и зауральских башкир [Исхаков, 2002б, с.27–29]. Одновременно с этим мансийские группы юдинской культуры, плотно осваивавшие до этого низовья Тобола и северный берег Исети, отступают к северу в таежную зону. Необходимо понимать, что ранние этапы этногенетических процессов сибирских татар еще не до конца изучены в исторической науке. Это обусловлено и крайне малым числом известных археологических памятников на юге Западной Сибири в предмонгольское время. Очевидно, что в процессах этногенеза сыграли роль не только указанные выше факторы, но и дальнейшее освоение юга Западной Сибири тюркскими и монгольскими племенами, пришедшими сюда вместе с Чингисидами.

Собственно, ни письменные, ни археологические источники на данный момент даже в минимальной степени не позволяют нам рассуждать об отношениях между автохтонными западно-сибирскими уграми или формирующимися на их базе тюрко-татарскими группами и пришлыми номадами во главе с Чингисидами. Резонно предположить, что сама территория лесостепи и, тем более, тайги находилась вне прямых интересов монгольских кочевников, искавших, прежде всего, степные пастбища. При этом местные племена могли быть поставщиками пушнины в налаженной торговле по северному ответвлению Великого шелкового пути, которое было важным компонентом экономики Монгольской империи и ее наследников. Все это не могло не сказаться на специфическом положении местной аристократии, которая, скорее всего, включалась в состав Pax Mongolica на условиях схожих с тем, какие предлагались кавказским или русским правителям, то есть с получением аналогичных символов, в частности ярлыков, и закреплением соответствующих обязанностей (участие в военных действиях, выплата ясака). Однако, эта рабочая гипотеза на данный момент не может быть подтверждена какими-либо источниками.

Утемиш-хаджи в «Чингиз-наме», написанном в середине XVI века по заказу Ишсултана из потомков Едигера Шибанида с опорой на степные легенды, указывает, что сразу после смерти Джучи его улус был разделен по решению Чингисхана между сыновьями. В частности, говорится о том, что Орда-Ичен и Бату долго уступали друг другу ханствование. В принципе отказ от предложения ханства входил в ритуал возведения на трон монгольских правителей. В результате Бату предложил обратиться «к нашему великому деду Чингисхану. И я изложу свои слова, и вы изложите ваши слова. Каково бы ни было повеление нашего деда, по тому и поступим». Когда они прибыли на служение к своему [деду] хану, хан поставил им три юрты: белую юрту с золотым порогом поставил для Бату-хана; синюю орду с серебряным порогом поставил для Орды-Ичена; серую орду со стальным порогом поставил для Шибана. Далее отмечается, что Шибаниды до сих пор указывают на то, что для Тука-Тимура не поставили даже крытой телеги [Утемиш-хаджи, 1992, с.93]. Несмотря на легендарность самого распределения юрт и связанных с ними улусов, большинство авторов источников согласны в том, что назначение Бату наместником улуса своего отца на крайнем западе монгольских владений должно было произойти в последние месяцы правления Чингис-хана, то есть поздней весной-летом 1227 г. [подробнее об этом: Почекаев, 2006, с.46–59]. Скорее всего, к этому времени племена Восточного Дешта и связанные с ними лесостепные группы были полностью подчинены. По мнению М.Г. Крамаровского, именно «всадники сибирских корпусов Бату» были основой «костяка европейского похода 1237–1242 гг.» [Крамаровский, 2012, с.32].

Более традиционная версия связана с тем, что владения Шибана (пятого сына Джучи) были выделены уже лидером Джучидов Бату не ранее 1242/1243 гг. за его заслуги во время общемонгольского западного похода. Шибан, действительно, был среди ведущих полководцев этого похода, руководя авангардом монгольских войск и непосредственно приняв участие в захвате Волжской Булгарии, на земли которой позднее будут претендовать его потомки, разгроме владимирского князя Юрия Всеволодовича на р.Сить в марте 1238 г. и венгерского короля Белы IV на р.Шайо в апреле 1241 г., а также завоевании Крыма [Костюков, 2008, с.44–56].

Улус Джучи была разделен на 10–12 владений его потомков, на территории которых постепенно оформились отдельные кланы Джучидов. Сарайские ханы для ликвидации внутреннего сепаратизма стремились обеспечить мозаичное расположение владений кююнов или огланов (принцев) одного рода. В результате этого улусная система в реальности оказывалась гораздо сложнее. Наиболее полное описание владений Шибана было сделано еще в начале XVII века его потомком ханом Абу-л-Гази: «Юрт, в

котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; а во время зимы живи в Ара-куме, Кара-куме и по берегам реки Сыр – при устьях рек Чуй-су и Сари-су», кроме того, Шибану была отдана область Корел [Абул-Гази, 1996, с.104]. Исходя из этого, основные кочевья династии располагались широкой полосой в Южном Приуралье и Западном Казахстане, а также частично в степных районах Северного и урбанизированных районах Центральном Казахстана, хотя, возможно, что это описание отражает более поздние реалии. Так, В.В. Трепавлов предположил, что изначально владения Шибана находились на территории западного пограничья Монгольской империи в Венгрии [Трепавлов, 1993, с.92]. И.А. Мустакимов обратил внимание на то, что согласно «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» во владения Шибана Бату были отданы следующие тумены (земли и народы): Джулат Черкес на Кавказе (Северная Осетия), Кара Улак (Молдавия, Валахия или Болгария), Кырк йер (Крым), Янгикент (город в низовьях Сырдарьи), Кюйдей (Западная Сибирь или Северный Казахстан) [Мустакимов, 2011, с.242]. Отчасти такая система распределения копировала общеимперскую, где Джучи и его потомки формально до 1368 г. владели землям в Китае [Чхао, 2008, с.94], что отражало принцип родового владения империей. По всей видимости, владения Шибана в тех границах, как они описаны у Абулгази, являлись частью Ак-Орды (Белой Орды) Бату, отделяя его улус от земель старшего брата Орды-Ичена. Однако, по мере дробления уделов цветовые обозначения отдельных владений смещались, и уже в период Великой Замятни 1360–1370-х гг. Шибаниды приходили из «Заяицкой» или «Синей» Орды.

В связи с этим возникает вопрос о степени и хронологии продвижения Шибанидов собственно на лесостепные земли юга Западной Сибири. М.Г. Сафаргалиев отмечал, что только позднейшие предания говорят «о пребывании Шайбана в Сибири, на Иртыше, где позднее его потомки образовали Сибирское ханство» [Сафаргалиев, 1996, с.312]. Очевидно, что заинтересованность в этих территориях стимулировалась стремлением контроля над пушной торговлей и местными маршрутами ямской службы, а также тем, что Шибаниды стали своеобразным буфером между двумя старшими кланами Джучидов – потомков Орды-Ичена и Бату. Точные причины и хронология расширения владений Шибанидов в лесостепной зоне практически не освещены в источниках. Т.И. Султанов и С.Г. Кляшторный указывают, что при сыне Шибана Бахадуре (то есть не ранее конца 1240-х гг.) Шибаниды потеряли область между реками Или и Сырдарьей с городами Отрар, Сыгнак, Дженд и Сайрам, которая перешла к потомкам Орды-Ичена [Кляшторный, Султанов, 2004, с.212]. В более ранних работах авторы указывали, что к владениям Орды-Ичена стал относиться и Сарайчук, а владения Шибанидов сдвинулись в Среднее Прииртышье [Кляшторный, Султанов, 1992, с.196]. Однако, эта точка зрения авторов не подтверждается источниками, как и принадлежность Сыгнака к владениям Шибана. По этим причинам по вопросу о территориальных изменениях вполне справедливо мнение В.П. Костюкова: «…обстоятельства заставляют с большой долей осторожности и лишь в самом общем виде обозначать географические пределы владений Шибанидов» [Костюков, 1998, с.216].

Поскольку улусы в Золотой Орде до середины XIV в. были условными держаниями, то они могли подвергаться перераспределению по указам правителей в начале Каракорума, а затем Сарая. Однако любой передел не мог произойти без вмешательства сарайских ханов, которые использовали военные таланты потомков Шибана на всех этапах существования Золотой Орды. По отношению к владениям Шибана и его потомков некоторые изменения произошли в правление хана Берке, однако уже при Менгу-Тимуре улус сына Шибана Бахадура был восстановлен [Трепавлов, 1992, с.272] и располагался, по всей видимости, к востоку от Урала. Одновременно с этим по приказу

Менгу-Тимура в Крым из Прикаспия был перемещен сын Тука-Тимура Уран-Тимур [Почекаев, 2010, с.39]. Можно лишь предположить, что обостренное внимание к северным землям характерно для Шибанидов уже периода распада Золотой Орды, до этого же ордынские власти, скорее всего, довольствовались формальной зависимостью местных племен, которая, в том числе, выражалась в системе ясака.

Установить интересующие нас северные и восточные границы владений Шибана и Шибанидов достаточно сложно, возможно, они могли варьироваться в зависимости от ситуации в самой Золотой Орде и иногда доходить до среднего Прииртышья [Костюков, 1998, с.215–217]. Однако в большинстве случаев представители этой семьи, опиравшиеся на кочевые группы, все-таки были привязаны к степным регионам Северного и Западного Казахстана, Южного Урала и Южного Зауралья, возможно, в меньшей степени, лесостепи юга Западной Сибири. То, насколько далеко к востоку или к северу контролировали сибирские территории собственно Шибаниды, по всей видимости, нам точно неизвестно. В.П.Костюков указывает, что «степные и лесостепные пространства Западной Сибири являлись своеобразной рекреационной зоной, в которой можно было укрыться в случае неудачи и накопить силы для продолжения борьбы» [Костюков, 1998, с.216].

Однако, известны случаи возможного присутствия на этих территориях представителей иных династий Чингисидов. Еще при распределении уделов земли Прииртышья, где находилась ставка Джучи, вошли в состав владения его старшего сына Орды-Ичена и нескольких его братьев. В конце XIII в., по данным Марко Поло, здесь кочевал его внук Коничи (Кунджи), к северу от земель которого находилась «темная страна», жители которой продавали татарам меха [Поло, 1997, с.368–369]. По всей видимости, речь шла о торговле по подконтрольному иртышскому пути с Югрой (?). Прямое вмешательство в дела лояльной сарайскому правительству семьи Шибанидов для Коничи, даже при потенциальной поддержке его союзника кааана Хубилая, было невозможно, а вот потенциальное расширение собственных владений в Прииртышье являлось вполне легитимным. Хотя необходимо понимать, что источники не говорят о том, что эта «темная страна» входит в улус кого-либо из Чингисидов. В любом случае потенциальное продвижение на север было прервано усобицей среди потомков Коничи. Как представляется, преувеличивать роль Шибанидов в Прииртышье в период именно существования Улуса Джучи ни в коем случае нельзя.

По данным Абу-л-Гази основу улуса Шибана составляли четыре племени (кушчи, найман, карлык и буйрак), переданных ему за проявленную доблесть во время Западного похода 1236–1242 гг. Большинство из них были центральноазиатского происхождения [Костюков, 1998, с.218]. В последнее время к анализу перечня изначального состава улуса Шибана активно привлекают данные «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме»: «Имена предводителей этих сорока тысяч [таковы]: кият Бурулдай-бек, затем предок (букв. ‘дед’) Али-бека из кунгратов, Тайбуга из буркутов, Тукбуга из тюменей» [Мустакимов, 2011, с.231]. Однако, в период Монгольской империи племенная принадлежность темника могла не совпадать с составом его десятитысячного отряда. При этом, если из первого перечня по дальнейшим событиям в истории Шибанидов известны только кушчи и найман, то в последнем случае представители четырех племен, известных по именам темников, встречаются среди ведущих сторонников тех представителей династии, чье правление непосредственно связано именно с территориями «улуса Шибана» в описании Абу-л-Гази. Скорее всего, население владений Шибана не ограничилось лишь переданными ему группами кочевников, но и включало в себя местные тюркские и угорские группы.

В целом лояльность Шибана и его потомков к сарайским правителям стала основой для появления наследственных владений этого рода к востоку от реки Урал. Так,

Ю.Е. Варваровский считал, что наследование власти в улусе Шибана не являлось предметом существенной регламентации со стороны ордынских ханов, которые, однако, осуществляли протекционистскую политику защиты своих интересов [Варваровский, 2008, с.38–39]. Очевидно, что условием держания в данном случае было несение военной службы, успешность которой и приводила к подтверждению инвеститур.

В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом решался вопрос наследования среди Шибанидов, где после смерти основателя осталось 12 сыновей. В истории улуса отсутствуют или не упоминаются династийные споры до периода Великой Замятни, характерные для иных кочевых объединений, что, возможно, свидетельствует о вмешательстве Сарая в этот вопрос. В то же время у нас отсутствуют данные о внутреннем делении улуса и механизме передачи властных полномочий, которые, несомненно, существовали. По мнению М.Г. Сафаргалиева, владетели подобных улусов были фактически независимыми правителями, номинально признававшими власть хана [Сафаргалиев, 1996, с.340]. Исходя из этого, к ним может быть применена схема Т.Дж. Барфилда, по мнению которого существование в большинстве кочевых государств двух систем наследования власти, регулируемых обычным правом, было одной из причин дестабилизации внутренней политической структуры. Конфликт между братьями и сыновьями правителя потенциально мог уничтожить любое объединение номадов, поскольку также приводило к расколу поддерживающих их групп знати [Барфилд, 2009, с.217]. Выбор той или иной линии наследования зависел не только от авторитета конкретного кандидата, но и от сложившейся внешнеполитической обстановки. В некоторых кочевых объединениях, в частности, у ранних хунну в условиях кризиса или экстраординарных ситуаций, власть передавалась по боковой линии среди старших членов рода, потенциально способных выполнять лидерские функции, в то время как в условиях стабилизации властные полномочия могли наследоваться по прямой линии [Барфилд, 2009, с.89–90]. В Монгольской империи и Золотой Орде эта система могла усложняться за счет привлечения принципа наследования власти по завещанию или младшим сыном как отчигином, а также не до конца изученной роли курултая [Барфилд, 2009, с.318–320; Почекаев, 2009а, с.161–162].

Первым наследником Шибана стал второй сын Бахадур, и в дальнейшем власть в улусе всегда передавалась только среди его потомков [Маслюженко, 2008, с.43–61]. Потомки братьев Бахадура чаще известны не по внутренней истории приуральских и казахстанских владений Шибана, а по своей деятельности на иных территориях, как, например, младший брат Бахадура Балакан и его сын Тама-Токтай, руководившие частями золотоордынского войска во время походов на Иран и Азербайджан (первый) и на Кавказе (второй). Постоянное присутствие на Кавказе воинских контингентов во главе с Шибанидами могло отражать как институты ордынской военной службы, так и защиты здесь собственных владений. Среди потомков другого брата Кадака больше всех известен его правнук хан Хизр, один из первых правителей периода Замятни в Орде. Однако, русские источники, именуя его «царем заяицким», тем самым с очевидностью сообщают о том, что до прихода в Сарай его земли находились за Яиком [ПСРЛ, 1885, с.232], то есть именно в классических границах владений Шибана.

Причины выбора в качестве наследника именно второго сына в источниках не объясняются, хотя имеет место интересная аналогия с подобной ситуацией между Бату и Ордой. После смерти Бахадура на территории улуса последовательно правили его потомки: старший сын Джочи-Бука, его старший сын Бадагул-оглан, единственный сын последнего Минг-Тимур. Отметим, что вопрос периодического использования в источниках по отношению к лицам, возглавлявшим Шибанидов, терминов «хан» и «оглан» также требует отдельного объяснения с точки зрения соотношения периодов изменения политической терминологии с положением этих династов и их рода в ордынской системе. Ак-

тивная поддержка Шибанидами ханов Золотой Орды привела к тому, что даже в период реформ Узбека они, в отличие от огланов из других родов Джучидов, сумели сохранить двухсоставной улус [Утемиш-хаджи, 1992, с.192]. В целом для первого столетия деятельности Шибанидов характерно именно прямое наследование властных полномочий.

Лишь в ходе Великой Замятни (смуты в Золотой Орде в 1360–1370-е гг.) положение Шибанидов изменилось. Привлечение именно их на сарайский престол в условиях дезинтеграции государства вполне понятно с учетом длительной лояльности представителей этой семьи к ордынским династам и наличия у них значительных военных сил. Источники говорят, что после смерти Минг-Тимура владение улусом было передано второму или третьему сыну Пуладу. При наличии старших братьев причины этого не ясны, даже при учете происхождения его матери, что, отчасти, могло обеспечивать поддержку того или иного клана. В источниках этот вопрос трактуется двояко: его матерью указана наложница или дочь Джанди-бека из потомков Исмаила Самани (основатель раннесредневекового государства в Средний Азии и Иране со столицей в Бухаре). Последнее могло бы рассматриваться в качестве преимущества, но аналогичное имел еще один из братьев – Иль-бек. На наш взгляд, положение Пулада не было стабильным, что и привело к его участию в Замятне [см. например: Варваровский, 2008, с.82 и далее; Почекаев, 2010, с.143–144].

Прекращение династии Батуидов или потеря ими харизмы, связанное с их отрицательными личными качествами или недостойными деяниями [Почекаев, 2009б, с.40], позволило потомкам Шибана вместе с потомками Орды-Ичена и Тука-Тимура принять участие в борьбе за сарайский престол. Обращает на себя внимание, что в ней участвовали, в основном, представители старших кланов династии: потомки брата Бахадура Кадака (Хизр и его сын Кара-Ходжа) и дети Минг-Тимура (один из его старших сыновей Ильбек и его младший сын Каанбай, младший сын Бекконди-оглана, основателя династии Сибирских Шибанидов, Хасан), а также сам Пулад и его младший сын Арабшах [Маслюженко, 2008, с.62–66]. По имеющимся данным, большинство из них владели престолом в Сарае ал-Джедид или Гюлистане в Поволжье, что подтверждается чеканкой там монет с их именами [Сидоренко, 2000, с.276], хотя известны монеты Ильбека чекана Сарайчика [Марков, 2008, с.49]. События Замятни выдвинули на первое место не только самого наследника престола, но и массу его родственников, что заложило основу для раскола между потомками Минг-Тимура и появления нескольких будущих династий. Еще В.В. Бартольд предполагал, что в условиях разложения династии прежние родовые связи трансформируются в территориальные [Бартольд, 1963, с.23–106]. Так, например, по данным Абулгази уже сыновья Пулада Ибрахим и Арабшах, «разделив отцевы владения, вместе с одной земле и кочевали и имели свои станы; лето проживая при вершине Яика, а зиму при устье Сыра» [Абул-Гази, 1996, с.162]. В целом, маршрут их кочевания укладывается во владения Шибана, но при этом они имели отдельные «станы», что не характерно для предшествующих Шибанидов.

На данный момент не до конца прояснен вопрос о том, принимали ли участие в борьбе за Поволжье династы, проигравшие в собственном улусе, либо же, напротив, это были формальные лидеры кланов, что позволяло им опереться на объединенные военные отряды. По всей видимости, в каждом отдельном случае ситуация должна быть рассмотрена дифференцированно. Представляется, что для этого и последующих периодов вполне верно наблюдение В.В. Бартольда: «Менее всего затронутые городской культурой, потомки Шибана остались более всего верны воинственным традициям кочевников и потому могли выступать в роли завоевателей в такое время, когда могущество династии Чингис-хана почти везде находилось в полном упадке» [Бартольд, 1968, с.135].

Именно в 1375 г. впервые на карте Каталонского атласа появляется упоминание о Чинги-туре («Singui») (в тюркских источниках встречается только написание Чимги-

Тура) как центре Тюменского (Туринского) вилайета [Белич, 2007, с.152]. Если это указание верно, то можно констатировать, что в период Великой Замятни на северо-восточной периферии владений Шибанидов, расколотых к этому времени на владения отдельных кланов, существовала особая территориально-административная единица, в рамках которой Чимги-тура была административным центром. Точное название этого вилайета по источникам неизвестно, и, скорее всего, Чимги-тура была центром Сибирской земли, как это видно из информации летописи об убийстве Токтамыша («в Сибирскои земли близ Тюмени»). По всей видимости, это название идентично «области Сибирь и Ибирь» в описании аль-Омари, арабского ученого, описывающего границы Улуса Джучи периода правления хана Узбека [Золотая Орда, 2003, с. 106].

Обратим внимание, что венгерский монах Иоганка, который был в Приуралье в 1320-х гг., упоминал татар из Сибири, которые выполняли функции судей [Аннинский, 1940, с.91], то есть, возможно, были ордынскими наместниками. Резонно предположить, что расположенный на крайней северной периферии ордынского пространства город должен был контролировать обширные лесные пространства как «сокровищницу пушной рухляди». При этом, представители Чингисидов (в том числе, возможно, и потомки Шибана), ведя кочевой образ жизни, сами не сидели в этом городе, а управляли северной периферией через наместников из числа клановой аристократии. Скорее всего, эти земли непосредственно не входили в состав владений Шибана и его потомков. В условиях распада единого политического и административного пространства Золотой Орды в конце XIV – начале XV вв. контроль над этим центром мог перейти к тем кланам, из числа которых ранее и назначались хакимы (судьи и наместники).

Существует предположение, что в период Замятни к Шибанидам могли прийти племена, бежавшие из иных регионов под влиянием начавшихся процессов падения монгольской государственности в 1350–1360-е гг. Например, М.Иванич пишет о том, что по сведениям «Дафтар-и Чингиз-наме»: «Согласно шаджаре, буркуты перекочевали из Крыма в район Урала» [Иванич, 2001, с.318]. Возможно, что данные соображения позволили Ж.М. Сабитову утверждать, что буркуты не были коренным сибирским племенем (кланом), а прикочевали сюда лишь во второй половине XIV в. [Сабитов, 2010, с.35]. Еще при Шибане упоминается Тайбуга из буркутов, который мог остаться в Кырк-Йере, владение Шибанидов в Крыму, а затем его потомки в период правления темника Мамая из кыйятов откочевали на восток. В истории Тюменского ханства буркуты занимают важное место, поскольку в 1420-е гг. именно их лидеры будут хакимами, то есть судьями-наместниками, Чимги-туры. В результате Кипчак-ханом указывается «… область Тара, которая была родиной буркутов…» (имеется в виду Тура) [Материалы, 1969, с.390]. Упоминание представителей этого клана или племени на столь разных территориях характеризирует специфическую политику монгольских ханов, которая привела к расколу изначальных племен и замене их клановой структурой, объединенной уже не политическими связями, а лишь знанием об общем происхождении от реального или мифологического предка.

С появлением в качестве претендента на ханский престол Токтамыша значительная часть Шибанидов поддержала его претензии, что возможно связано с определенными связями представителей этой династии с «хан-оглы» из Тука-Тимуридов [Зуев, 1998, с.45]. Изначально он обратился за помощью против кыйата Мамая к летовавшему в местности Кокедей-Йисбуга (юг Западной Сибири) старшему в роду Каан-баю б. Ильбеку [Утемиш-хаджи, 1992, с.117–118]. Это обращение подчеркивает сохранение представлений о старшинстве в роду и возможное существование единых клановых интересов. При этом можно, отчасти, согласиться с В.П. Костюковым в том, что «вследствие чрезвычайной разветвленности родов Шибана и Тука-Тимура, мозаичного расположения владений огланов одного линиджа, несовпадения актуальных интересов различных

его ответвлений и других причин вряд ли есть большие основания оценивать Шибанидов и Тука-тимуридов как сплоченные кланы, способные мобилизовать все силы и средства для продвижения своего кандидата на сарайский престол. Понятия клановой общности и клановой солидарности, разумеется, существовали, но не исключали ни ожесточенной внутриклановой борьбы, ни альянсов с группировками из другого клана» [Костюков, 2009, с.42–43].

Лишь после отказа Каан-бая, захвата Сарая, где была прочитана пятничная хутба и Токтамыш стал ханом, а также победы над Мамаем, новый хан получил помощь от сына Пулада Араб-шаха [Утемиш-хаджи, 1992, с.118]. Он сам до этого претендовал на золотоордынский престол и разгромил московско-нижегородское войско в битве на р. Пьяне 2 августа 1377 г. Араб-шах получил в управление правое крыло и фактически возглавил всех Шибанидов. Утемиш-хаджи об этом пишет: «[Токтамыш-хан] много оказал разных милостей и сделал пожалований Араб-оглану и повелел: «Да соберется к тебе весь народ, принадлежавший Шайбан-хану, и где бы ни находился раб, бежавший от своего хозяина, и эль, бежавший от йасака...» [Утемиш-хаджи, 1992, с.118]. В составе военной элиты при Токтамыше периода его борьбы с Аксак Тимуром были также один из старших сыновей Минг-Тимура Джанта, не имевший наследников, старший сын Ильбека Ильяс и старший сын Бекконди Али [Костюков, 2009, с.41–42]. Таким образом, в окружении Токтамыша оказались представители ряда ответвлений Шибанидов. Их владения, в том числе Притоболье, могли быть использованы в качестве резерва для накопления сил новой коалицией. При этом часть столкновений между войсками Токтамыша и Тимура произошли именно на территории владений Шибанидов, что косвенно могло повлиять на их перемещение к северу и западу и занятие ранее не востребованных территорий Западной Сибири. Недаром после поражения на Ворскле и Токтамыш отступает в Сибирь, где и был убит «в Сибирскои земли близ Тюмени» в 1406 году ставленником мангытского бека Эдигея ханом Шадибеком [Устюжский, 1950, с.70].

По всей видимости, одновременное сосуществование на территории Сибири уделов Шибанидов и Тука-Тимуридов в лице Токтамыша неминуемо вело к столкновениям и разочарованию первых в своем «протеже». Несмотря на стремление к контролю над этими землями, что, скорее всего, связано с заинтересованностью в пушной торговле, у нас нет точной информации о проникновении Шибанидов в Прииртышье в это время. В период войн между Токтамышем и Аксак Тимуром во владениях Шибанидов располагаются бегущие от «железного хромца» племена из Средней Азии, в том числе, аялынцы [Маслюженко, 2008, с.66]. Значительным фактором могло быть появление во владениях Шибанидов значительного числа племен левого крыла во главе с мангытским беком Идегеем, который, по мнению В.В. Трепавлова, в середине 1390-х гг. кочевал со своим элем в междуречье Яика и Эмбы [Трепавлов, 2002, с.17]. По сути, эти кочевники пополнили людские ресурсы во владениях Шибанидов.

Впрочем, поражение Токтамыша и разочарование в нем Шибанидов стало важным фактором борьбы внутри самой династии, в том числе нарушения прямого наследования. В 1420–1430-е гг. уже в новых условиях постепенного распада Золотой Орды в борьбе в бывших владениях Шибана приняли участие Хаджи-Мухаммед (младший сын Али б. Бекконди), Джумадук (потомок четвертого сына Минг-Тимура Суйунч-Тимура), Махмуд-Ходжа (единственный сын Каан-бая), Абу-л-Хайр (потомок старшего сына Пулада Ибрахима), Мустафа (потомок третьего сына Джочи-Буки) и ряд других [см.: например, Ахмедов, 1965, с.43]. Все эти правители в источниках упоминаются с титулом хана, что свидетельствует в пользу окончательного раскола когда-то единого «улуса Шибана» на конкретные клановые или семейные владения, в большинстве своем принадлежащие потомкам Минг-Тимура. При этом, возможно, существовало представление о формальном старшинстве в роду, поскольку источники позволяют писать о

том, что лишь со смертью (а чаще убийством) действующего хана титул переходил к следующему претенденту. Очевидно, что сильно увеличившийся род Шибанидов уже не имел единых интересов, и отдельные династы отстаивали, прежде всего, приоритеты собственных семей и поддерживающих их племенных лидеров, что и приводило к периодическим заговорам и военным столкновениям. В этих условиях значительное влияние в вопросах престолонаследия оказывает не только принадлежность к Золотому роду, но и личные качества претендентов, обеспечивающие поддержку беков, руководивших племенами и участвующих в процедуре утверждения хана на курултае. Увеличение роли племенной элиты в утверждении хана уже ясно видно на примере прихода к власти Абу-л-Хайра [Материалы, 1969, с.145] и, скорее всего, сохранялось в последующие десятилетия. Изменение самой структуры передачи власти, в том числе с использованием выборных процедур на курултае, также привело к отказу от принципа прямого наследования. Во многом это отражало увеличивающуюся зависимость династов от поддержки племенной верхушки, обеспечивающих ханов войсками, но и ожидающих ответных подарков и доли в военной добыче. Недаром, после каждой битвы, выигранной Абу-л-Хайром, подчеркивается, что он «отличил и возвысил» султанов и эмиров «вещами, поясом и высокими должностями» [Материалы, 1969, с.148–149]. По всей видимости, кочевая аристократия стремилась восстановить ряд политических институтов начального периода существования Монгольской империи и Улуса Джучи.

Среди династов первых тридцати лет XV в. наибольшую активность проявляли Хаджи-Мухаммед и Махмуд-Ходжа, деятельность которых необходимо четко разделять, хотя в историографии еще со времени работы М.Г. Сафаргалиева говорится о них как об одном хане, что не соответствует действительности [Маслюженко, 2011а, с.88–101]. Нельзя не отметить, что с этого времени значительную роль в деятельности Шибанидов играет поддержка мангытского бека Идегея, а затем и его потомков. Еще в 1412–1413 гг. он вместе с очередным ставленником Чекре из Тука-Тимуридов совершил поход в Сибирь. Современник и участник этого похода Иоганн Шильтбергер не упоминает о военных столкновениях. Напротив, он указывает, что наместник Сибири (должность, возможно, аналогичная судьям более раннего или хакимам более позднего времени, сидевшим в Чимги-Туре) прислал подарки (мужчину и женщину из местных дикарей) [Шильтбергер, 1984, с.34–35]. По всей видимости, этот поход был связан с интронизацией очередного династа и получением поддержки или лояльности от правителей отдельных улусов. Обращает на себя внимание то, что «после покорения Сибири Едигей и Чакра вступили в Булгарию, которая ими также была завоевана» [Шильтбергер, 1984, с.34]. С этого времени сибирские и булгарские владения очень часто будут упоминаться в едином контексте, что отражало их тесные политические и экономические связи в XV веке. Возможно, что это связано не только с политическим наследием основателя династии Шибана, участвовавшего в завоевании Волжской Булгарии [Маслюженко, 2012, с.82; Исхаков, Тычинских, 2013, с.128–139], но и с пребыванием в Сибирской земле Токтамыша. Последний назван на т.н. «камне Тимура», датируемом 1391 г., «булгарским ханом» [Крамаровский, 2012, 65].

В ходе столкновений Идегея с ханом Кадыр-Берди на реке Илек, притоке Яика, первый около 1420 г. позвал к себе Хаджи-Мухаммед-оглана, сделав того предводителем войска. Данное приглашение было спровоцировано тем, что мангытский лидер постоянно имел при себе «марионеточных» ханов. Только новый Чингисид мог легитимизировать его борьбу с ханом из потомков Токтамыша. Все это, на наш взгляд, и фиксируется в обещанном Идегеем провозглашении Хаджи-Мухаммеда ханом. Обращение именно к нему могло быть связано с тем, что брат и сподвижник Идегея Иса, будучи беклярибеком при Токтамыше, участвовал в сражениях вместе с отцом оглана Али. Далее Кадыр Али-бек пишет, что после гибели бека в битве его сын Мансур около

1421 г. провозгласил Хаджи-Мухаммеда ханом, а сам стал при нем беком [Валиханов, 1984, с.231–232]. Данная схема распределения полномочий использовалась неоднократно наследниками этого хана в отношения с мангытами и однозначно фиксируется для его внуков Ибака и Мамука.

После смерти Идегея основная борьба развернулась между Бараком и новым ханом по имени Мухаммед, которого поддерживал Мансур [Золотая Орда в источниках, 2003, с.378–380; Кляшторный, Султанов, 1992, с.210]. Под этим Мухаммедом мы склонны видеть именно Хаджи-Мухаммеда. Р.Ю. Рева в недавней работе предположил, что массовый чекан, который приписывается Улуг-Мухаммеду, на самом деле был сделан от имени Хаджи-Мухаммеда [Рева, 2013, с.57]. Ал-Айни указывал, если обобщить его сообщение, что в период между 1421–1425 гг. «была великая неурядица… одержало там верх несколько лиц из рода ханского… каждый из них правил своим краем» [Золотая Орда, 2003а, с.234]. Это сообщение говорит о том, что Хаджи-Мухаммед на самом деле мог рассматриваться как золотоордынский хан, продолжающий традицию борьбы Шибанидов за ордынский престол. Причем Кадыр Али-бек пишет о том, что в ходе встречи между Идегеем и Хаджи-Мухаммедом последний сказал «Я иду в народ куральский» [Валиханов, 1984, с.230–231], что схоже с названием «области Корел», отданной во владения Шибана Бату. Данный народ (и область) могут интерпретироваться не только как некие европейские владения (например, в восточных источниках «вилайетом Корал» называют, видимо, Польско-Литовское государство или «немецкий курал» [Валиханов, 1984, с.230; Утемиш-хаджи, 1992, с.96]), которые явно были в это время недостижимы для Шибанидов, но и как Булгарский вилайет [Арсланова, 2002, с.206]. По мнению И.А. Мустакимова, после пресечения династии Бату г.Булгар и Булгарский удел могли считаться общеджучидским достоянием, которое могло рассматриваться в качестве Золотого, то есть царского, престола [Мустакимов, 2008, с.146–147]. Этим также мог быть обусловлен интерес Шибанидов как к этим владениям, так и позднее к трону Казанского ханства.

Скорее всего, к этому периоду жизни хана относится и сообщение Утемиш-хаджи, который называет Хаджи-Мухаммеда б.Али «великим падишахом», который захватил земли башкир, Алатырь, мокши, а также Булгар, то есть к западу от Урала (башкиры, казанские татары) и Волги (мордва и чуваши). В его время у башкир и в Туре появляются ногайские кочевья [Валиди Тоган, 2010, с.40–41]. Это вполне объяснимо договором Хаджи-Мухаммеда с Идегеем и затем с его сыном Мансуром. Однако, к владениям этого хана источники не причисляют саму Туру. Дальнейшее обострение борьбы с ханом Бараком связано с его поражением от Улуг-Мухаммеда и последовавшим отступлением на восток. Около 1426–1427 гг. хан Хаджи-Мухаммед и Мансур были убиты Бараком [Трепавлов, 2002, с.94]**.**

В 1428/9 г. братья Мансура Гази и Науруз убили Барака [Кляшторный, Султанов, 1992, с.210]. После этих событий в степи появляется новый шибанидский династ Махмуд-Ходжа, который, возможно, попытался вмешаться в борьбу за престол, что привело к его монетной эмиссии в Булгаре и Среднем Поволжье [Гаев, 2002, с.28–30]. В этом отношении политика Махмуд-Ходжи продолжала деятельность предшествующих Шибанидов. Однако отстоять свои интересы в Поволжье ему не удалось, и в результате этого он и оказался на юге Западной Сибири, между Ишимом и Тоболом [Ахмедов, 1965, с.39–41]. Связь Махмуд-Ходжи с Западной Сибирью тем более хорошо заметна, если вспомнить, что здесь находились летовья его отца Каан-бая, местность «Кокедей-Йисбуга» [Утемиш-хаджи, 1992, с.117]. А.-З.Валиди Тоган, по данным Утемиша-хаджи, также указывает, что Махмуд-Ходжа, совместно с родами Туринского вилайета, воевал с туменами кунгратов и салджиутов [Валиди Тоган, 2010, с.40]. Очевидно, что, если эль Тура – это известная Чимги-Тура, то действия Махмуд-Ходжи приурочены

именно к сибирским территориям. Обращает на себя внимание то, что «…тумен Кюйдей, [состоящий из людей] племени салджавут…» относился к изначальным владениям Шибана [Мустакимов, 2011, с.231]. Эта борьба могла вестись только в период 1429–1430 гг. Локализовать эти события в пространстве не менее сложно, но обратим внимание на то, что, по мнению Р.Г. Кузеева, до XVI в. территория «сальютов» располагалась между р.Пышма и Исеть, в их верховьях [Кузеев, 2010, карта 9], то есть фактически гранича с владениями буркутов. После победы над кунгратами и салджиутами хан «объединил вокруг себя всю страну», то есть, скорее всего, северную периферию улуса Шибана (возможно, что это был именно Тюменский вилайет).

Шибанидским лидером в степной зоне был еще один представитель этой династии – хан Джумадук, который, возможно, был ставленником Гази-бия, сына Идегея. Около 1429 г. бии буркутов, мангытов и нукусов, до этого убившие Гази и занявшие его место при дворе Джумадука, подняли восстание и против самого хана, в ходе которого он был разгромлен и убит. Возможно, лидером восставших был шестнадцатилетний племянник хана Абу-л-Хайр [Материалы, 1969, с.390]. В результате этого в марте-апреле 1430 г. Абу-л-Хайр на курултае кочевой аристократии был провозглашен новым ханом [Маслюженко, 2012, с.78–79]. В период лета-осени 1430 года войска хана отправились на Чимги-туру, центр Туринского вилайета. Статус этого города в сибирских владениях Шибанидов предопределил выбор его в качестве «местопребывания трона государства и средоточия божьей помощи», по словам Кухистани [Материалы, 1969, с.143–144]. Хаким города, буркут Адад-бек, и его родственник Кибек-Ходжа-бий «со всеми эмирами, вождями и прочими военачальниками», открыли ворота города и уступили власть хану. В дальнейшем представители буркутов занимают одно из первых мест в перечнях соратников хана. Кроме того, союз был скреплен брачным договором, поскольку первая жена Абу-л-Хайра, от которой родились Шах-Будаг-султан и Ходжа-Мухаммед, также была из буркутов [Материалы, 1969, с.354].

На данный момент письменные источники свидетельствуют, что именно Абу-л-Хайр был первым шибанидским ханом, севшим на престол г.Чимги-Тура. Именно он сделал данный город «местопребыванием трона государства и средоточия божьей помощи» [Материалы, 1969, с.143–144], в отличие от своих предшественников, которые, видимо, в качестве такового рассматривали булгарский престол. Исходя из этого, можно предположить, что с этого события земли бывшего вилайета становятся основой для формирования Тюменского вилайета (ханства в русскоязычной литературе), то есть начинается новый этап истории татарской государственности Западной Сибири. Однако, несомненно, что этот этап был подготовлен длительной историей династии Шибанидов на юге Западной Сибири.

§ 6. Источники по истории владений Шибана и Шибанидов в золотоордынское время

Ильяс Мустакимов

Судьба Сибирского юрта тесно связана с потомками пятого сына Джучи – Шибана. Сравнительно подробные (хотя и противоречивые в некоторых аспектах) сведения о владениях Шибана и его потомков в XIII–XV вв. содержатся в тюрко- и персоязычных хрониках, начиная с XVI в.[1]

Из тюркских источников это, в первую очередь, анонимная хроника «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (начало XVI в.) (далее – «Таварих-и гузида»). Необходимо от-

[1] Сводку свидетельств источников и мнений исследователей о границах удела («улуса») Шибана и его населении см.: [Костюков, 2010, с.86–102].

метить, что «Таварих-и гузида» послужила образцом для шейбанидской историографии как по содержанию, так и по композиции. (Под шейбанидской историографией здесь понимаются хроники, созданные в XVI в. при дворе Мухаммед-Шейбани-хана и его преемников). Среди других тюркоязычных источников следует упомянуть сочинения Абдаллаха Насраллахи (Балхи) «Зубдат ал-асар» (около 1525 г.), Утемиш-хаджи «Чингиз-наме» (1550 г.), Абу-л-Гази-хана «Шаджара-и тюрк ва могул» (1660-е гг.), Сейида Мухаммеда Ризы «Ас-саб' ас-саййар фи ахбар мулук татар» (1737 г.) и Абд ал-Гаффара Кырыми «'Умдат ал-ахбар» (1740-е гг.).

Персидские источники, содержащие более или менее полные сведения о владениях Шибанидов, представлены хрониками Масуда б. Османа Кухистани «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» (1540-е гг.), Хафиз-и Таныша «Шараф-наме-йи шахи» («Абдулла-наме») (1580-е гг.), Махмуда б. Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» (1630-е гг.), Мухаммед Юсуфа мунши «Тарих-и Муким-хани» (начало XVIII в.). При освещении событий до начала XVI в. хроники Кухистани, Хафиз-и Таныша и Мухаммед Юсуфа мунши в большой степени зависят от «Таварих-и гузида», хотя содержат и некоторые оригинальные сведения. В свою очередь, сочинение Кухистани было широко использовано автором «Бахр ал-асрар».

Особенностью большинства сочинений, с разной степенью полноты перечисляющих владения Шибанидов, является то, что большая их часть составлена при дворах шибанидских династов, поэтому в той или иной мере содержит прошибанидские тенденции (тем не менее, указанные источники опирались на общезолотоордынскую традицию, и при критическом их использовании в сообщаемых ими сведениях можно вычленить достоверное зерно). Исключение составляют «Бахр ал-асрар», «Тарих-и Муким-хани», «Ас-саб' ас-саййар» и «'Умдат ал-ахбар». «Бахр ал-асрар» и «Тарих-и Муким-хани» составлены при дворе балхских правителей из династии аштарханидов (джанидов) – одной из ветвей Тука-Тимуридов. Автор «Ас-саб' ас-сайяр» жил в Османской империи, автор «'Умдат ал-ахбар» – в Крыму, где правили Тука-Тимуриды Гиреи.

Вместе с тем, «Тарих-и Муким-хани» и «'Умдат ал-ахбар» в части, описывающей события XIII–XV вв., сильно зависят от источников шибанидского круга: «Тарих-и Муким-хани» – от «Таварих-и гузида» и зависящих от нее источников, «'Умдат ал-ахбар» – от хроники Утемиш-хаджи либо тех же источников, которыми пользовался последний.

Автор «Бахр ал-асрар» среди прочих источников использовал такие сочинения шибанидского круга, как «Зубдат ал-асар» и «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани». В третьем отделе шестого тома «Бахр ал-асрар», посвященном истории Джучидов, особое внимание уделено потомкам Шибана. Абу-л-Гази при описании племен, выделенных Шибану, фактически повторяет сведения «Зубдат ал-асар». Что касается автора «Ас-саб' ас-саййар», то при описании событий второй половины XIV – XV вв. он тоже использовал какой-то источник явно прошибанидского происхождения (кажется, это хроника Утемиш-хаджи).

Самым ранним дошедшим до нас источником, повествующим о первоначальных владениях Шибана и Шибанидов, является «Таварих-и гузида». Автор «Таварих-и гузида» привлекал сведения «Тарих-и Джахангуша» Ата Малика Джувейни, «Джами' аттаварих» Фазлаллаха Рашид ад-Дина, «Тарих-и гузида» Хамдаллаха Казвини, «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами, «Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн» Абд ар-Раззака Самарканди, а также, возможно, другие персоязычные сочинения. Кроме того, автор «Таварих-и гузида» упоминает об использовании им неких записей, исполненных на уйгурской графике. Наконец, надо думать, анонимным хронистом были использованы устные свидетельства и предания. Сведения, взятые из уйгурографичных записей и устных источников, являются оригинальными и представляют для нас наибольший интерес. Из «Дастана о Бату-хане по прозвищу Саин»: «Бесспорно признавая, что Шибан-хан совер-

шил добрые дела (имеется в виду большая доблесть, проявленная Шибаном при завоевании Булгара, русов, асов и в сражении с венграми. – И.М.), он [т.е. Бату] дал под его начало сорок тысяч человек и отправил [в поход] на Крым и Кафу. Находясь в походе, Шибан совершил еще много великих дел. Дойдя [до Крыма и Кафы] он покорил эти вилайеты. За достойные дела, совершенные во имя державы, эти сорок тысяч человек были переданы ему в награду... Имена предводителей этих сорока тысяч [таковы]: кият Буруладай-бек, затем предок ʻАли-бека из кунгратов, Тайбуга из буркутов, Тукбуга из тюменей. Тумены, данные Шибан-хану [Батыем, таковы]: в горах Джулат черкес, в степи – Кара улак, в Крыму – Кырк йер, в Туркестане – Янгикент». Отдельно сказано про пожалование Шибану тумена Кюйдей, «[состоящего из людей] племени салджавут» [Таварих, 1967, с.115 араб. паг.; Мустакимов, 2011, с.231]. Из другого сообщения «Таварих-и гузида» следует, что представители эля кушчи «со [времен] Шибан-хана являлись атке [и] кукельташами» Шибанидов [Таварих, 1967, с.272 араб. паг.; Таварих, 1969, с.20]. Это сообщение перекликается с известиями более поздних шибанидских источников, называющих племена кушчи, найман, буйрак и карлук в составе первоначального удела Шибана (точнее, в качестве элей, выделенных Шибану Батыем) (см. ниже).

Тумены (земли и народы), пожалованные Шибан-хану (очевидно, Батыем) довольно легко идентифицируются [Мустакимов, 2011, с.242–244]: Джулат Черкес – это область на Кавказе; Кара Улак – обозначение Молдавии (молдаван) или Валахии (валахов); Кырк йер (Чуфут-Кале) – город, центр области в Крыму; Янгикент – город в низовьях Сырдарьи. Тумен Кюйдей, судя по «Таварих-и гузида», представлял собой область, населенную представителями племени салджавут ~ салджиут. По-видимому, это та же местность, что упоминается в хрониках Утемиш-хаджи и Абд ал-Гаффара Кырыми под названием Кюкедей Йисбуга ~ Кюг[е]дей Йасбуга. Согласно этим авторам, Токтамыш, отступавший от Урус-хана, застал там «сына Ильфак-оглана Канбай-оглана из потомков Шибан-хана» [Утемиш-хаджи, 1992, табл. XLV факсим. = с. 117 перев.; Кырыми, 1343, с.50]. Из контекста сообщений Утемиш-хаджи и Кырыми следует, что данная местность находилась где-то в Западной Сибири или Северном Казахстане.

Представляет большой интерес упоминание среди темников, переданных Шибану, Тайбуги из племени буркут. По сообщению автора «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Масуда Кухистани (XVI в.), представители этого племени являлись правителями города [Чимги-]Тура (ارتق) при занятии этого центра шибанидских владений Абу-л-Хайр-ханом в 1429 году [Кухистани, 1969, с.144][1]. В других источниках XV–XVI вв. буркуты в Западной Сибири, кажется не упоминатся, однако в них для обозначения местной княжеской династии встречается слово «тайбуга». Приведенное выше сообщение «Таварих-и гузида» позволяет высказать предположение о том, что имя одного из нукеров Шибана Тайбуги из племени буркут со временем стало эпонимом, обозначающим правящий клан этого племени [Мустакимов, 2011, с.236]. К сожалению, имеющаяся источниковая база не позволяет установить достоверность факта передачи в подданство Шибану предводителя племени буркут.

Сведения о ранних владениях Шибанидов, перекликающиеся с сообщением «Таварих-и гузида», содержатся и в некоторых других позднезолотоордынских источниках. Согласно Утемиш-хаджи, при распределении среди своих родичей завоеванных «вилайетов и элей» Саин-хан (т.е. Бату) по совету приближенных выделил Шибану сорок тысяч войска и отправил на завоевание «вилайетов Крым [и] Кафа», причем предусматривалось, что по их подчинении эти и прочие завоеванные им земли будут принадлежать Шибану. После Крыма и Кафы, Шибан завоевал вилайеты Улак и Курал. По-

[1] В русском переводе название города передано как «Тара». Между прочим, хронист первой половины XVIII в. Ходжамкули Балхи сообщает, что «область Тара [чит. «Тура», т.е. Тюмень. – И.М.] … была родиной буркутов» [Балхи, 1969, с.390].

следний вилайет он будто бы сделал своей столицей (*пайтахт*), там же и скончался [Утемиш-хаджи, 1992, табл. X–XII факсим. = с.94–96 перев.]. Эти же сведения повторяет Абд ал-Гаффар Кырыми. По-видимому, они заимствованы им у Утемиш-хаджи, однако, различаются в деталях: после завоевания Крыма Шибан прожил там год, но в Крыму ему не понравилось, якобы поэтому он завоевал Молдавию и Польшу. Последнюю он сделал своей резиденцией (*махтгях*) [Кырыми, 1343, с.20].

В «Шаджара-и тюрк ва могул» Шибанида-правителя, историка Абу-л-Гази, кажется, тоже есть намек на правление Шибанидов в Крыму. Одна главка его труда называется «Упоминание о потомках […] Шибан-хана, правивших в Туране[1], у казахов, в Крыму и Мавераннахре» [Aboul-Ghazi, 1871, с.177]. Однако далее Абу-л-Гази говорит, что Шибан получил от Бату земли между владениями Бату и Орды. Владения Шибана включали в себя берега Иргиза, Ори, Илека до Уральских гор и земли к востоку от Яика (летовья), Ара-кум. Кара-кум, берега Сырдарьи, устья рек Чу и Сары-су (зимовья). Кроме того, Шибану принадлежал «вилайет Курал», в который он отправил «одного из своих сыновей с добрыми беками и народом» [Aboul-Ghazi, 1871, с.181]. При этом под власть Шибана Бату отдал народ (*иль*) в количестве 15 тысяч семейств (*эв*), состоящий из представителей четырех племен: кушчи, найман, буйрак, карлук [Султанов, 2002, с.19; Султанов, 2006, с.284]. О других владениях Шибана и его потомков Абу-л-Гази не упоминает. Очевидно, расхождение в перечне пожалований связано с тем, что имелись в виду пожалования разных периодов. В «Таварих-и гузида» и «Чингиз-наме» описаны пожалования более раннего времени, у Абу-л-Гази и Насраллахи же нашли отражение результаты позднейших перераспределений уделов.

Сообщениям «Таварих-и гузида» и связанных с ним источников шибанидского круга противоречит сообщение сочинения Тука-Тимуридского круга «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар». Согласно последнему источнику, во время западного похода монголов (1236–1242) Шибан командовал правым крылом войска Бату-хана и за заслуги, проявленные при завоевании Булгара и других земель, получил право на управление племенами кушчи, найман, буйрак и карлук. Бахадур, сын Шибан-хана и современник Менгу-Тимура (1266–1280) правил, кроме удела отца, расположенного между реками Яик (у Б.А.Ахмедова – Урал) и Тобол, также и Ак Ордой, которая, по словам Махмуда б. Вали, была более известна под названием Юз Орда [Ахмедов, 1965, с.163]. Таким же образом, после завершения похода монголов на запад Бату-хан пожаловал Тука-Тимуру в качестве удела область асов (на Северном Кавказе) и Мангышлак. По воле Бату и его первых преемников Тука-Тимур и его потомки осуществляли власть также над Хаджи-Тарханом, вилайетами Кафа и Крым [Султанов, 2002, с.17]. Получается, что вилайеты Джулат-Черкес и Крым-Кафа принадлежали Тука-Тимуру и его потомкам. Любопытно, тем не менее, два момента. Во-первых, согласно «Чингиз-наме» и «Сборнику летописей» Кадыр-Али-бека, в начале XIV в. за принцем Узбеком (судя по всему, на Кавказ) поехал соплеменник (а может, и потомок) выделенного Шибану кыята Бурулдая кыят Астай, само имя которого означает «асский» (возможно, это показывает на его связь с «областью асов» (аланов) на Кавказе или в Крыму[2]). Во-вторых, в арабских источниках под 661/1262–63 г. в качестве темника и правителя города Крым и его окрестностей упоминается некий Тук-Буга [ад-Давадари, 1971, с.99; Тизенгаузен, 1884, с.181 текста = 192 перев.], имя которого совпадает с именем тюменя Тук-Буги, согласно «Таварих-и гузида» выделенного в удел Шибану.

По утверждениям Утемиш-хаджи, Абу-л-Гази и Абд ал-Гаффара Кырыми, Шибану принадлежал, и даже был центром его владений, «вилайет Курал». По словам Абу-л-

[1] Т.е. в «вилайете Тура» – сибирских владениях шибанидов со столицей в Чимги-Туре.

[2] Некоторые средневековые арабские авторы «страну Ас» располагали в Крыму, а в качестве ее столицы называли город Кырк йер [Григорьев, Фролова, 2002, с.271, 290].

Гази, «тот юрт остался в руках потомков Шибана. Говорят, что и нынешние государи Курала происходят из рода Шибана». Утемиш-хаджи также писал: «И ныне государи Курала являются его (Шибана. – И.М.) потомками» [Мустакимов, Трепавлов, 2013, с.255–256]. Согласно Утемиш-хаджи, большеордынский хан Шейх-Ахмед, многие годы бывший в плену в «вилайете Курал» (т.е. в Польско-Литовском государстве), говорил о том, что там есть такие же омаки (здесь: роды, племена. – И.М.), что и в Деште, которые «ушли вместе с Шибан-ханом и там остались». Абд ал-Гаффар Кырыми повторяет известие Утемиш-хаджи о завоевании Шибаном «вилайета Курал» и, ссылаясь на некие записки Шейх-Ахмед-хана, приводит название польского аристократического рода دونرک (К.р.нуд), из которого избирались польские короли. Этот род будто бы происходит от Шибана [Кырыми, 1343, с.20][1]. В начальной части «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека («Хвале [царю] Борису [Годунову]») термин «Курал» использован в составе этнонима «немеч курал» (т.е. «немцы-куралы») и топонима «вилайет Немеч-Курал» [Библиотека, 1854, с.3, 4, 6]. Абу-л-Гази среди завоеванных Бату земель также упоминает рядом «юрты Курал и Немеш» [Aboul-Ghazi, 1871, с.172]. Здесь, несомненно, имеется в виду одна или несколько европейских стран. Вместе с тем есть мнение, что термином «Курал~Корел~Келер» в сочинениях Джувейни и Рашид ад-Дина обозначена Венгрия [Костюков, 1998, с.213; Костюков, 2008, с.48]. Смутность сообщений ранних источников позволяет допустить, что изначально этим термином в монголо-тюркских источниках действительно могла обозначаться не Польша, а Венгрия (или другая европейская страна), и лишь позже этнотопоним «Курал» закрепился за Польшей.

Есть вероятность и иной локализации «вилайета Курал». В «Дастане о Хаджи-Мухаммед-хане» хроники Кадыр-Али-бека сообщается следующее: Шибанид Хаджи-Мухаммед на вопрос Эдиге, встреченного им около 1419 г. близ р. Яик, о том, куда он направляется, ответил, что направляется в «вилайет Курал» [Библиотека, 1854, с.155–156]. В данном случае местоположение «вилайета Курал» не указано. Отметим, что в некоторых позднесредневековых европейских источниках «Корелой» именуется область, расположенная рядом с Югрой, на северо-восток от территории Московского великого княжества [Меховский, 1936, с.112, 117, 118], либо, по несколько иной интерпретации, народ, соседствовавший с уральскими башкирами [Костюков, 1998, с.213; Костюков, 2010, с.90]. Не исключено, что термин «курал», как и этноним «башкир» в средневековых источниках, мог применяться в отношении двух разных народов.

Таким образом, проблема выяснения ранних владений Шибана и Шибанидов продолжает оставаться открытой.

Заслуживают внимания сообщения ряда источников о позднейших владениях Шибанидов. Б.А. Ахмедов утверждает, что в таких источниках XVI–XVII вв., как «Таварих-и гузида», «Абдулла-наме» и «Бахр ал-асрар» указывается на распространение власти восточнодештского хана Абу-л-Хайра (1428–1468), помимо большей части современного Казахстана, Западной Сибири и Юго-Западного Хорезма, также и на правобережье Волги «от Булгара до Дербента» [Ахмедов, 1965, с.71]. Очевидно, эти сведения Б.А. Ахмедов почерпнул из недоступного нам списка «Бахр ал-асрар».

Самым ранним известным нам письменным источником, сообщающим о владениях Абу-л-Хайра, является «Таварих-и гузида». В «Дастане об Абу-л-Хайр-хане», входящем в состав этой хроники, сказано: «Подчинив народы р.с.т.м туалас, чимги башгырт, буляр и булгар, он летовал [в их землях], со справедливостью собирая с этих народов ясак. Прикочевывая на зимовку в Туркестан, он со справедливостью взимал десятину» [Таварих, 1967, с.266 араб. паг.; Мустакимов, 2011, с.233]. Несколько замечаний относительно этносоциальной номенклатуры, упоминаемой в цитируемом фрагменте.

[1] Об атрибуции рода К.р.нуд см.: [Мустакимов, Трепавлов, 2013, с.256].

Термины «р.с.т.м» и «туалас» могут рассматриваться как в качестве частей одного этнонима, так и как обозначения двух разных родоплеменных единиц, образовавших парный термин.

Полагаем возможным предложить два толкования термина р.с.т.м (رستم): имя Рустам либо искаженное написание этнонима к.с.т.м (كشتم~ كستم кистим~киштим). В пользу первого толкования вроде бы говорит употребление слова р.с.т.м в двух разных сочинениях – «Таварих-и гузида» анонима и «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз-и Таныша. В данном случае источником Хафиз-и Таныша, очевидно, являлась хроника «Таварих-и гузида». Как имя «Рустам» понимала это слово и публикатор «Шараф-наме-йи шахи» М.А. Салахетдинова.

Упоминание антропонима «Рустам» рядом с этнонимом туалас могло быть связано с тем, что племя туалас являлась уделом или частью удела некоего Рустама. Действительно, согласно «Таварих-и гузида», у Мангкутая б. Тула-Буки б. Кадака б. Шибана был потомок по имени Рустам [Таварих, 1969, с.37].

Однако более убедительным нам представляется уже высказанное нами ранее предположение о том, что термин р.с.т.м (رستم) является искаженным написанием этнонима к.с.т.м (كشتم~ كستم кистим~киштим) [Мустакимов, 2011, с.243]. По-видимому, эта ошибка вошла в протограф обоих дошедших до нас списков «Таварих-и гузида», а также тот список этой хроники, которым пользовался автор «Шараф-наме-йи шахи» («Абдулла-наме»).

Предполагается, что с раннего средневековья местом обитания племени киштым являлся район Северного Алтая [Бутанаев, 2006, с.22–23]. Это племя упоминается в «Сокровенном сказании» (кесдиин) и «Алтан тобчи» («Золотом сказании») (кэсдэм) среди «лесных народов», подчиненных Джучи в 1207 г. и ставших его первым уделом [Козин, 1941, с.239; Лубсан, 1973, с.184]. Под названием «куштеми» упоминаются в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин, 1952а, с.122–123]. «На севере, в местности Киштим» скончался, согласно Кадыр-Али-беку, Тука-Тимурид Урус-хан [ОРРК НБЛ КФУ, ед.хр.40т, л.60б][1].

Племя туалас также упоминается в «Сокровенном сказании» (тоелес) и «Алтан тобчи» (тӧгүлэс) среди подчинившихся Джучи «лесных народов» [Козин, 1941, с.239; Лубсан, 1973, с.184]. Рашид ад-Дин упоминает племя тулас ~ туалас [Рашид ад-Дин, 1952а, с.121]. Это племя, как и киштымы, обитало на Алтае, что подтверждается позднейшими источниками. Так, земли одного из предков рода тюбеляс или тубалас башкирского племени кувакан, по их преданиям, находились «в Алтайских горах». По этим же рассказам, еще в конце XIX в. у тубеляс-куваканцев не прерывались связи с сородичами, которые уговаривали их «вернуться на родину» на Алтай [Кузеев, 1974, с.269].

Следующие далее названия «чимги» и «башгырт» также могут быть истолкованы как части одного этнонима, как обозначения двух разных родоплеменных единиц, либо как отдельные топоним и этноним.

В первом случае под «чимги башгырт», очевидно, следует подразумевать часть башкир, обитавших близ Чимги-Туры. Возможно, в пользу такой интерпретации говорит сообщение позднего (XVIII в.), но пользовавшегося более ранними источниками хрониста Абд ал-Гаффара Кырыми. Согласно этому автору, после сражения хана Кадыр-Берди б. Токтамыша и Эдигу (1419 г.), закончившегося поражением и гибелью последнего, его сыновья Кейкубад и Нур ад-Дин «ушли в вилайет Тура и поселились среди народа под названием башкурд» [Кырыми, 1343, с.79]. С племенем чимги баш-

[1] Имеются сведения о распространении власти хана Уруса и на другие области, в XV в. реально или номинально подвластные Шибанидам. Так, в обеих известных нам вариантах «Дафтар-и Чингиз-наме» юртом Урус-хана названа «Тура» – по-видимому, Тюмень [Ivanics, Usmanov, 2002, S.89; ОРРК НБЛ КФУ, ед.хр.40т, л.79а].

гырт или его остатками могло быть связано существование в русское время в Тюменском уезде Бачкырской (Башкурской) волости [Миллер, 2000, с.708].

«Чимги» и «башгырт» в публикуемом фрагменте могут обозначать два различных племени. Можно предположить, что «чимги» здесь – какое-то племя, населяющее район Тюмени (Чимги-Туры). В других известных нам источниках этноним «чимги» не встречается. Видится не случайным упоминание рядом с ним термина «башгырт» (т.е. башкир). Терминологическое соответствие Чимги-Тура ~ Тюмень и сообщение Кятиба Челеби о соседстве «башкирских» и «тюменских» татар [Кятиб, 1145, с.375] наталкивают на мысль о том, что слово «чимги» здесь является синонимом термина «тюмень».

Сейчас более вероятным нам представляется то, что «чимги» в данном случае – сокращенное или искаженное написание топонима «Чимги-тура», а башгырт – собирательное название башкир. Похожее написание встречается в другом месте «Таварих-и гузида», где говорится о будто бы пожалованных Чингис-ханом Джучи землях и народах [Мустакимов, 2013, с.239].

Что касается этнонимов «буляр» и «булгар», то в приведенном отрывке они, по-видимому, обозначают население Булгарского вилайета.

Термин «Туркестан» в данном контексте, как и в ряде персоязычных источников XIV–XVI вв., очевидно, обозначает область присырдарьинских городов, а может быть, и более обширную территорию, входившую ранее в состав левого крыла Джучиева Улуса [Мустакимов, 2001, с.184–185].

Похожий, но менее подробный перечень первоначальных владений Абу-л-Хайра содержится в некоторых более поздних источниках шибанидского и тука-тимуридского круга. Согласно придворному историку бухарского хана, Шибанида Абдуллы II (1583–1598) Хафиз-и Танышу, Абу-л-Хайр «ввел в сферу [своего] обладания земли от р.с.т.м туаласа (в тексте: *р.с.т.м турлас*) до границы Булгар (*та сархадд-и Булгар*)» [Хафиз, 1983, с.59 факсимиле = 78 перев.]. По словам Мухаммед Юсуфа-мунши, автора «Тарих-и Муким-хани», Абу-л-Хайр «подчинил своей власти [Дешт-и Кипчак] от пределов России до границ Булгара вместе с областями Туркестана» [Мухаммед, 1956, с.49][1]. Несомненно, авторы обоих этих источников прямо или опосредованно черпали сведения из «Таварих-и гузида». Отличие же в перечислении земель, подвластных Абу-л-Хайру, в этих источниках, очевидно, следует связать с изменением политических реалий ко времени написания данных хроник. Когда составлялось «Шараф-наме-йи шахи» и, тем более, «Тарих-и Муким-хани», власть Шибанидов уже давно не распространялась на Среднее Поволжье: в середине XV в. здесь утвердились Улуг-Мухаммедовичи – потомки Тука-Тимура, а столетие спустя «Булгарский вилайет» был присоединен к Русскому государству.

О правлении ханов и султанов-Шибанидов в Дешт-и Кипчаке упоминается и в труде крымско-османского историка середины XVIII в. Сейида Мухаммеда Ризы «Ас-саб' ас-саййар»: «За это время[2] большинство татарских племен (*кабиле*) из Дешт-и Кыпчака переселилось в пределы Крыма. Правителями оставшихся малочисленных племен (*каум*) стали находившиеся в упомянутом Деште[3] и булгарских землях ханы по имени Хизр, Махмуд-Ходжа, Абу-л-Хайр, Шейх-Хайдар, Баян-Ходжа, Ядгар и Эменек из рода Шибана. Затем власть над теми землями перешла к потомкам Рус-хана. Шейбек из потомков Абу-л-Хайра в Мавераннахре, Ильбарс из потомков Ядгара в Хорезме, по-

[1] Согласно А.А. Семенову, все приведенные данные об Абу-л-Хайр-хане автор заимствовал из сборника исторических хронограмм «Тарих-и Сейид Раким» (об этом сочинении см.: [Ахмедов, 1985, с.131–134]).

[2] За время неурядиц в Джучиевом Улусе, по словам Ризы, начавшихся после смерти ханов Джанибека и Бердибека, с пресечением линии потомков Бату (Саина).

[3] Имеется в виду Дешт-и Кипчак.

томки Хаджи-Мухаммеда в области Сибирь стали независимыми [правителями]. Когда в области Крым [правом] приказа и повеления [еще] был отмечен один из внуков противоборствовавшего с Тимурленк-гурганом Токтамыш-хана [по имени] Ахмед Кучук Мухаммед-хан (sic), а Гравер судьбы и предопределения [уже] вырезал печать правления на имя Хаджи-Гирея, в Мавераннахре, Хорезме и Сибири стали правителями три султана-джучида из Шибанидов, в Булгаре – один султан-джучид из Рус[-хан]идов (*Rūsiyāndan*), в Дешт-и Итиле, Казани и Крыму – по одному султану-джучиду из рода (*насл*) Токтамыша» [Мустакимов, 2008, с.147] (ср.: [Негри, 1844, с.381]). Этот пассаж, подчеркивающий большую роль Шибанидов в Джучиевом улусе во второй половине XIV – первой половине XV вв., по-видимому, объясняется тем, что автор «Ас-саб' ас-саййар» в данном случае черпал сведения из сочинения, относящегося к шибанидскому циклу источников.

А.-З. Валиди Тоган, ссылаясь на принадлежащий ему список сочинения Утемиш-хаджи, также утверждает, что в конце XIV – первой половине XV в. власть Шибанидов, «правивших башкирскими родами», распространялась на Западную Сибирь, Прикамье, булгарские земли и Алатырь. По словам Тогана, у сына [хана] Минг(или Мелик)-Тимура был сын Ильбек, один сын которого – Канбай – ханствовал (*ханлык иткән*) в стране башкир (*башкорт тарафында*), другой сын – Алибай (*Әлибай*) – ханствовал в Булгаре и Казани (*Болгар һәм Казан ягында*). Канбай являлся современником хана Токтамыша. В другом месте Тоган цитирует отрывок из «Тарих-и Дуст-султан», где о другом Шибаниде, Хаджи-Мухаммед-хане б. 'Али (*Гали*) б. Бик-Кунды б. Минг-Тимур-хане, между прочим говорится: «Он овладел всеми [селениями], расположенными в стране башкир, мордвы (мукшы), близ Алатыря и города Булгар, а также известными мангытскими селениями близ города Тура, и был великим падишахом в этих вилайетах» [Вәлиди, 1994, с.25–26; Togan, 1981b, с.492, примеч. 176]. О другом Шибаниде, хане Ибрагиме (Ибаке) б. Махмудеке, Тоган приводит следующие слова своего источника: «Он был знаменитым ханом, который правил всей киргизской и казанской страной». По мнению Тогана, здесь под «киргизской и казанской страной» у Утемиш-хаджи подразумеваются Булгария, Башкирия, Тура (Сибирский юрт – И.М.) и Алтай, поскольку, по словам исследователя, в ряде источников «киргизами» именуются башкиры [Вәлиди, 1994, с.149, примеч. 98]. Из этого Тоган делает вывод о том, что Булгар, наряду с Западной Сибирью и Башкирией, находился под управлением Шибанидов (не уточняя, с какого времени это происходило) [Togan, 1981b, с.492, примеч. 176]. В 1445 г.[1] Улуг-Мухаммед отнял Булгарский и Казанский вилайеты у Алибая, а сын Улуг-Мухаммеда Махмуд основал [на их территории] Казанское ханство [Togan, 1981b, с.353].

Слова Тогана о том, что Алибай в принадлежащем ему списке «Чингиз-наме» мог быть назван Шибанидом, находят подтверждение в хронике Абд ал-Гаффара Кырыми, в своем сочинении «'Умдат ат-таварих» широко использующий хронику Утемиш-хаджи или общие с ней источники. Говоря об Улуг-Мухаммеде, Кырыми скупо отмечает, что последний «хитростью отнял Казань у шибанидского султана Алтун Ая (*чит.* Алтунбая)» [Кырыми, 1343, с.94].

В качестве подтверждения предположения о правлении Шибанидов в Среднем Поволжье могут служить и следующие свидетельства. Согласно хронике «Фарханг-наме»[2] родной брат Алтын-бика Галим-бик (по другим данным, Алтын-бик) «ушел в Тобол-Туру. Придя туда, держал [там] юрт. Старая Тобол-Тура построена им» [Рахим, 2008, с.181 текста = 186 перев.; Заринский, 1880, с.12]. По обоснованному мнению В.В. Трепавлова, под «Тобол-Турой» следует понимать город Искер [Трепавлов, 2007, с.101].

[1] У Тогана: «в 1449 г.».

[2] Вопрос о содержании, времени создания и даже существовании этого источника остается дискуссионным [Мустакимов, 2008, с.143–145].

Н.К. Баженов и Н.П. Загоскин пишут, что «на Тобол» ушел Алтын-бек [Баженов, 1847, с.27–28; Загоскин, 1895, с.28]. Очевидно, эти авторы имели дело с другим вариантом легенды. Нельзя исключать того, что упоминание Тобол-Туры~Тобола в данном рассказе является позднейшей заменой Туры~Чимги-Туры. Так в татарской историографии (или, скорее, в народной памяти) могло отразиться изменение политических реалий: перенос столицы Сибирского юрта из Чимги-Туры в Искер после возвышения княжеской династии Тайбугидов в конце XV – начале XVI в. Примечательно, что в одной из русских сибирских хроник – Ремезовской летописи – упоминается о захвате Сибирского юрта «казанским царем» Алымом [Миллер, 1999, с.190]. Таким образом, находит косвенное подтверждение упоминаемый в названных татарских источниках факт присутствия в Сибири некоего казанского династа по имени Галим-бик или Алтын-бик.

Вместе с тем, в известных нам персо- и тюркоязычных исторических источниках, содержащих родословия Джучидов (прежде всего, я имею в виду «Муизз ал-ансаб», «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» и «Шаджара-и тюрк ва могул» Абу-л-Гази), Алибай, Алтынбай, Галим-бик или Алтын-бик не упоминаются.

Учитывая, что свидетельствующие о правлении султанов-Шибанидов в Среднем Поволжье «Чингиз-наме» и «‘Умдат ал-ахбар» являются весьма поздними источниками, их составители могли ошибаться относительно чингисидского происхождения Алибая и Алтынбая. Притом «‘Умдат ал-ахбар» при описании истории золотоордынского периода сильно зависит от тех же источников, которыми пользовался Утемиш-хаджи, либо от хроники последнего. Оттуда могло быть позаимствовано и утверждение о принадлежности Алтын[б]ая к Шибанидам.

На сегодня выявлен еще один письменный источник, в котором упоминается имя Алибая[1]. Это – отпуск грамоты царя Ивана IV ногайскому мирзе Урусу, сохранившийся во фрагменте посольской книги по связям России с Ногайской Ордой за 1576 г., опубликованной В.В. Трепавловым. В начальной части этого документа пересказывается содержание утраченной грамоты Уруса, в которой, среди прочих обозначений Среднего и Нижнего Поволжья, было использовано выражение «Алибаев и Алтыб[ае]в [юр]т и Болгарской царев юрт». В.В. Трепавлов предположил, что здесь подразумевается территория Казанского ханства, причем «Алибаевым и Алтыбаевым юртом» обозначено Предкамье, «Болгарским царевым юртом» – Закамье. Алибай и Алтыбай с полным, на наш взгляд, основанием В.В. Трепавловым отождествляются с легендарными основателями и первыми правителями Казани по татарским источникам Галим-беком и Алтын-беком [Трепавлов, 2006, с.184–185].

А.З. Валиди Тоган, ссылаясь на свой список «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи, указывает, что вассалы Шибанидов Тайбугиды владели городами и селениями, находившимися в бассейне рек Ишим и Тобол и севернее, в «Алибеевом юрте» (Ali Bey Yurdunda) [Togan, 1981a, с.136]. В другом месте Тоган локализует «Алибеков юрт» (Ali Bek Yurtı) на реке Исеть, не приводя ссылок на источники [Togan, 1981a, с.161]. В подтверждение своих слов относительно «Алибеева юрта» Тоган цитирует следующий фрагмент из принадлежащего ему списка хроники Утемиш-хаджи: «На берегу реки Тур[а?], в юртах (sic) Алфа» [Togan, 1981a, с.136, примеч. 86]. Однако слово Алф может быть связано не только с именем Алибая, но и Ильбека (он же Ильпак[2] ~ Ильбак ~ Айбек ~ Алп-Ходжа).

Интерпретации Тоганом «юртов Алфа» как «Алибаева юрта» противоречат данные некоторых татарских устных преданий и письменных источников («Фарханг-

[1] Если не считать таковыми упоминания «князя казанского» Либея ~ Али-бабы в некоторых русских летописях (см.: [Исхаков, 2005, с.161–171; Исхаков, 2009б, с.123–138]).

[2] Похоже, в «Тарих-и Дост-султан» и в хронике использовавшего, по всей вероятности, этот источник Абд ал-Гаффара Кырыми арабская буква ف *ф* служила для передачи звука *п*, т.е. имя *Ильфак* должно читаться как *Ильпак*, а *Алф* – как *Алп*.

наме») и сведения, содержащиеся в грамоте Ивана IV мирзе Урусу. В татарских источниках утверждается, что Галим-бик (вар.: Алтын-бик) ушел на Тобол, а не на Туру или Исеть. В грамоте Ивана IV мирзе Урусу «Алибаев и Алтыбаев юрт» упомянут перед «Болгарским царевым юртом», что, по обоснованному мнению исследователей, указывает на нахождение этих «юртов» рядом друг с другом, т.е. в Среднем Поволжье [Трепавлов, 2006, с.184; Исхаков, 2006б, с.153–156].

В договорной грамоте галицкого князя Юрия Дмитриевича с рязанским князем Иваном Федоровичем от 1434 г. упоминается нападение на Галич «царевича Махмут-Хози» [Духовные, 1950, № 33, с.86]. Обратившие внимание на этот документ А.А. Горский и А.Г. Бахтин резонно полагают, что этот Махмут-Хозя – именно тот безымянный царевич, который вместе с князем казанским Али-бабой возглавлял татарский поход на Галич зимой 1428–1429 гг. [Горский, 2000, с.142; Бахтин, 2008, с.93]. В одной из своих последних работ Д.И. Исхаков высказал мнение о тождестве «царевича Махмут-Хози» русской грамоты с упоминаемым в некоторых тюркоязычных источниках ханом-Шибанидом Махмуд-Ходжой, сыном Каанбая (Каганбека) б. Ильбека (Алп-Ходжи) [Исхаков, 2009б, с.128]. Мы склонны согласиться с этим предположением. Разница в титуловании этого персонажа в русских и тюркоязычных источниках, на наш взгляд, могла произойти по нескольким причинам. Возможно, Махмуд-Ходжу не везде признавали ханом («царем»). Провозглашение Махмуд-Ходжи ханом могло произойти после похода на русские земли, незадолго до его гибели. Наконец, могла иметь место ошибка авторов «Таварих-и гузида» и «Ассаб’ ас-сейяр» или их источников.

§ 7. Тюменское и Сибирское ханства

Денис Маслюженко

Летом-осенью 1430 г. хан Абу-л-Хайр сделал Чимги-Туру центром Туринского вилайета (в восточных источниках) и Сибирской земли (по русским летописям), местопребыванием «трона государства и средоточия божьей помощи» [Материалы, 1969, с.143–144]. С этого времени, по всей видимости, и можно начинать историю первого татарского государства позднего средневековья на территории юга Западной Сибири. В историографии высказывалась точка зрения, в том числе и автором этой работы, о том, что первым ханом здесь был Хаджи-Мухаммед, которому наследовали его потомки [Исхаков, 2011г, с.192; Маслюженко, 2008, с.75]. Однако, следует признать, что источники этого не подтверждают. Кроме того, большинство предыдущих ханов из династии Шибанидов в качестве своей первоочередной задачи ставили борьбу за поволжские территории, а престольным городом считали Булгар и другие города Улуг Улуса.

К сожалению, источники не сохранили для нас самоназвание этого государства. По отдельным оговоркам в русских летописях можно предположить, что в Московии его называли «Тюмень». Под этим понимали не только название города, но саму Тюменскую землю, где под «землей» имеется в виду независимое государство (юрт, ханство), которое на карте Антония Вида 1537 г. именуется «Тюмень Великая». В имеющейся дипломатической переписке титул местных правителей также практически неизвестен, хотя хан Ибрахим, при котором Тюменское ханство достигло своего расцвета, часто именуется «Ногайским царем» или «Шибанским царем». Причем такой русский источник как перечень «Татарским землям имена» использует для владений Шибанидов в Сибири наименование «Шибаны» [Казакова, 1979, с.253].

Лишь с воцарением на престоле около 1563 г. племянника Ибрахима Муртазы и его сыновей Ахмед-Гирея и Кучума за государством в летописях закрепляется название

«Сибирское царство». Это отражалось в использовании по отношению к Кучуму и его сыну Алею в русской дипломатической переписке титула «сибирского царя». Хотя в письме в Москву от Хан-мирзы, сына Уруса, в 1578 г. сохранилось титулование Кучума «тюменским и сибирским» ханом, что, видимо, отражает двухсоставной характер владений [ПДРВ, 1801, с.268–269]. При этом «Тюмень» ставилась на первое место, что подчеркивало и ее главенствующий статус. Кстати, и на европейских чертежах и картах Московии и Татарии XVI века в качестве города и отдельной земли отмечены чаще «Tumen» и несколько реже «Sibe(y)r», что также отражает представление о наличии здесь двух земель. При этом Д.М. Исхаков в контексте этого вопроса верно обратил внимание на то, что в письме 1597 г. русского царя Федора Ивановича хану Кучуму, говорится: «… после деда твоего Ибака царя были на Сибирском государстве князи Тайбугина роду…» [Исхаков, 2011г, с.190]. Исходя из этого, Тюменский и Сибирский вилайеты уже в конце XVI века дьяками Посольского приказа рассматривались как единое государство. Таким образом, наиболее часто используемыми названиями в более раннее время были Тюменское и позднее Сибирское ханство (вилайет, земля), которые наследовали «области Сибирь-Ибирь» золотоордынского времени.

При наличии лишь косвенных данных резонно в исследовательской литературе называть расположенные приблизительно на одной территории наследственные владения Сибирских Шибанидов по названию столиц. С 1430 по первую четверть XV вв. – это была Чимги-Тура (Тюмень), а затем, после смутного времени, связанного с правлением беков из династии Тайбугидов и уходом Шибанидов в степную зону, новая столица юрта с 1563 по 1582 гг. была поставлена в Искере (Сибири, Кашлыке). Таким образом, по формальному критерию можно разделить историю татарской государственности в Западной Сибири на два периода. К первому отнести собственно Тюменский/Туринский вилайет (ханство, земля), а ко второму – Сибирский ханство, история которого, однако, не заканчивается после потери столицы, а продолжается вплоть до пленения сибирского царя Алея русскими около 1608 г., где за ним вплоть до его смерти в 1649 г. сохранялся титул «Сибирского царя». Лишь в одном источнике указывается на то, что сибирским ханом в 1616 г. мог быть и его младший брат Ишим [Трепавлов, 2012, с.83]. Сохранение титула при потере столицы отчасти связано с тем, что Шибаниды, как и значительная часть их подданных, вели кочевой образ жизни, а столица могла быть лишь административным и налоговым центром с постоянным государственным аппаратом. В то время как собственно ханская ставка подкочевывала к ней лишь на время зимовки, что схоже с образом жизни ордынских ханов XIII–XIV вв.

Деятельность первого тюменского хана Абу-л-Хайра началась с разгрома войск его соперника хана Махмуд-Ходжи в битве на р.Тобол весной-летом 1431 г. Владения этого хана, казненного после битвы вместе с одним из сыновей, были непосредственно связаны с западносибирской лесостепью. Ш.Марджани писал о том, что после убийства Махмуд-Ходжи Абу-л-Хайр «стал единовластным правителем Дешт-и Кипчака» [Марджани, 2005, с.131], которому платили ясак как жители Жанги (Чинги)-Туры, так и Булгара [Ахмедов, 1965, с.94; Хафиз-и Таныш Бухари, 1983, с.74], где последним ханом из Шибанидов и был Махмуд-Ходжа.

По данным Самарканди, уже в 834 г.х., то есть в год разгрома Махмуд-Ходжи, узбеки совершили первый набег на Хорезм, однако назначенные Шахрухом эмиры «напали на народ и улус узбекский, уничтожили и рассеяли этих наглецов» [История Казахстана, 2006, с.378; Шараф-хан Бидлиси, 1976, с.112]. Присутствие хана в этом походе в источниках не указано, что может объясняться грабительским характером похода, совершенным без согласования с Абу-л-Хайром. Согласно Фасиху Хавафи и Самарканди, поход узбеков во главе с ним на Хорезм надо датировать 839 г.х. (27.07.1435–15.07.1436) [Фасих, 1980, с.214; История Казахстана, 2006, с.378]. Перечень участников похода показы-

вает, что были собраны все основные силы узбекских племен, что привело к взятию города [Материалы, 1969, с.149–150]. Однако, по таким причинам как «гнилость воздуха Хорезма» (по Кухистани, возможность «чумы и бедствия жары» [Материалы, 1969, с.152]) и приближение многочисленного войска правителя Самарканда и Хорасана Шахруха, наследника Аксак Тимура, Хорезм был покинут. При этом в «Таварих-и гузида Нусрат-наме» есть упоминание о том, что в возрасте 24 лет (840 г.х. / 16.07.1436–5.07.1437), то есть на следующий год после похода, узбекский хан получил от Шахруха «в удел Хорезм и создал свое государство в Дашт-и Кыпчаке» [Таварих, 1967, с.117].

Мирное сосуществование с соседями устраивало не всех представителей степной элиты, которая получала от активных внешних завоеваний значительную часть военной добычи. Под 844 г.х. (2.06.1440–6.06.1441) Самарканди сообщает о новом нападении узбекского войска, но при этом указывает: «…временами некоторые из войска узбекского, сделавшись казаками…», то есть нападение не было совершено собственно ханским войском [История Казахстана, 2006, с.378–379], что свидетельствует в пользу роста сепаратизма. По всей видимости, одним из новых лидеров на севере степей стал хан Мустафа, далекий потомок внука Шибана Джучи-Буки, владения которого находились на Ат-Басаре, притоке Ишима. Он сумел получить поддержку мангытского бия Ваккаса. Войско Мустафы было разбито в сентябре («в созвездие Весов») 1446 года, хотя сам он сумел бежать [Материалы, 1969, с.157–158]. По возвращению из похода Абу-л-Хайр «решил отправиться для зимовки на завоевание Сыгнака», и именно в этом походе осенью 1446 г. на первом месте выходит бий Ваккас, который возможно стал беклярибеком, подвинув кыйата Бузанджара на второе место [Материалы, 1969, с.159]. В результате Сыгнак, Ак-Курган, Аркук, Сузак и Узгенд подчинились узбекам. При этом Сузак был отдан в управление ханскому племяннику, руководителю авангарда войска султану Бахтийару, Сыгнак – оглану Мане (потомку сына Джучи Тангута), а Узгенд – бию Ваккасу.

Фактически после этого деятельность Абу-л-Хайра больше не связана с историей юга Западной Сибири. Однако для полноты описания обратим внимание на два вопроса: борьбу с ханами Махмудом и Ахмедом и проблему передачи власти в Тюмени. Между 1447–1449 гг. войска Абу-л-Хайра при поддержке мангытов Ваккаса разгромили потомков ордынского хана Кичи-Мухаммеда. В историографии существует точка зрения о том, что это были сыновья Хаджи-Мухаммеда, однако в генеалогических списках у этого Шибанида нет сына по имени Ахмед. Разгром привел к захвату Орду-Базара, где располагался «трон Саин-хана», с именем хана была прочитана хутба и затем проведен чекан монеты [Материалы, 1969, с.155]. При этом чтению хутбы однозначно придавалось большое значение в создании образа мусульманского правителя в политических реалиях того времени. Термин «ордобазар», скорее всего, обозначал кочевую ставку хана, включавшую как его семью, административный, в том числе финансовый, аппарат, а также обеспечивающих их функционирование торговцев и ремесленников. В данном контексте, скорее всего, Орду-Базар мог располагаться на Яике или в Приуралье [Зайцев, 2004, с.36–37; Пачкалов, 2005, с.91]. В.В. Трепавлов отмечает, что еще в 1455 году владения Ахмеда, сына Кичи-Мухамада, описываются в двух источниках как расположенные в Синей Орде, то есть за Волгом и Яиком [Трепавлов, 2009, с.376].

При этом «трон Саин-хана», видимо, был реальной инсигнией власти, связанной с периодом Золотой Орды [Трепавлов, 2010, с.92; Юрченко, 2013, с.95–96]. В качестве такого символа он мог использоваться и Абу-л-Хайром, при котором значительно увеличивается роль кочевой аристократии, восстанавливается курултай, раздачи поясов и халатов как политических символов и ряд иных традиций и практик монгольского и ордынского времени. Следует согласиться с В.В. Трепавловым, что «в «постордынском мире, в условиях угасания инерции государственного потенциала Золотой Орды, происходила реанимация архаичных учреждений» [Трепавлов, 2010, с.33]. При этом хан

был вынужден для привлечения лидеров кочевых элей вести многочисленные войны с соседями. Выбор направлений этих походов показывает, что Абу-л-Хайр продолжал политику предыдущих ханов из династии Шибанидов. Для него сибирские земли были важным, хотя и своеобразным «стартовым капиталом», позволявшим сплотить под своей властью «узбеков». Однако при успешной внешней политике западно-сибирская лесостепь становилась периферией, необходимой лишь для извлечения пушнины. Ханская ставка и все основные интересы смещались к западу или югу в более развитые, в том числе и земледельческие области, необходимые для существования государства.

По этим причинам самым сложным является вопрос о том, кто правил Тюменским вилайетом после ухода Абу-л-Хайра во второй половине 1440-х гг. На мой взгляд, определенную роль здесь в период правления Абу-л-Хайра могли играть назначенные им четверо даруг Чимги-Туры или представители племени буркутов, в частности бек Адад. Список соратников показывает, что буркуты участвовали в походе на Хорезм 1435 года, но затем из перечней они исчезают вплоть до похода на Махмуда и Ахмеда. В историографии традиционно считается, что власть здесь была передана сыновьям Хаджи-Мухаммеда – Сайидеку и Махмудеку [Нестеров, 2003, с.111], однако мы должны признать, что подтвердить это предположение источниками невозможно, если, конечно, не считать упоминания о последовательности правления ханов в Тюмени [Марджани, 2005, с.130–131; Валиди Тоган, 2010, с.39]. Косвенным фактором может быть и указание на их ханские титулы [Материалы, 1969, с.19]. Однако, с учетом наличия у Абу-л-Хайра титула Хан-и Бузург, который может являться калькой тюркского Улуг хан (Великий / Старший хан) [Материалы, 1969, с.95], их самостоятельное правление было вряд ли возможным. Выход на политическую арену потомков Хаджи-Мухаммеда следует связывать с началом центробежных тенденций после поражения узбеков от калмыков в 1457 г. Причем и здесь источники в качестве еще одного хана из Шибанидов упоминают правнука Араб-шаха Едигера, который взошел на престол в 862 / 1457–8 г. в результате сговора между его сыном Буреке и наследником Ваккаса Мусы. Появление нового государя связано с разрывом мангытов с Абу-л-Хайром после смерти бия Ваккаса [Трепавлов, 2002, с.100–102].

В 1468 году практически одновременно умирают два хана Восточного Дешта – Абу-л-Хайр и Едигер, что приводит к началу новой волны степных войн среди многочисленных Чингисидов [Трепавлов, 2002, с.102]. События, последовавшие за смертью Абу-л-Хайра, показали, насколько глубок был кризис внутри династии. Мирза Мухаммед Хайдар так пишет об этом: «После его смерти среди его людей начался разброд…» [Хайдар, 1996, с.116]. Можно предположить, что Едигер правил чуть дольше, чем Абу-л-Хайр. В «Фатх-наме» Гулама Шади, придворного поэта Шейбани-хана, говорится, что после смерти «Хан-и Бузург» улус одобрил на ханство Едигера. Внуки Абу-л-Хайра успели даже некоторое время послужить в армии под руководством Буреке б. Едигера, причем в одном источнике указывается, что Буреке совместно с одним из внуков умершего хана – Мухаммедом Шейбани пытался отомстить за его смерть, но союз не только распался, но и привел позднее к убийству Буреке [Абулгази, 1996, с.109–110; Материалы, 1969, с.54–56]. Собственно ханский титул имели другие сыновья хана Едигера [Материалы, 1969, с.437].

Политические лидеры были и среди детей Абу-л-Хайра [Хайдар, 1996, с.116, 117]. Так, после смерти Едигера основным претендентом на объединение узбеков стал пятый сын Абу-л-Хайра, Шейх-Хайдар, что было связано со смертью старшего сына, Шах-Будага. Дети последнего, Мухаммед Шейбани и Махмуд, были спрятаны от противников. В сочинении «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» указано: «Когда в его век перестали чтить достоинство и знатность великих беков и добрых родов его, могущество

его стало от дня ко дню уменьшаться» [Материалы, 1969, с.19]. По всей видимости, новый хан не обладал данными своего отца и не смог удержать вокруг себя кочевников.

Среди наиболее активных противников Шайх-Хайдара источники называют следующих: из рода хана Хаджи-Мухаммеда его старший сын хан Сайидек и внук Ибак (Айбак) б. Махмудек (скорее всего, сам хан Махмудек к тому времени умер); потомки золотоордынского хана Барака Джанибек и Кирей; из рода Едигера султан Буреке; из потомков бека Едигея лидеры Ногайской Орды беки Аббас, Муса и Ямгурчи [Материалы, 1969, с.19, 57, 99]. Таким образом, союз против узбеков включал в себя лидеров большинства крупнейших кочевых объединений восточной части Дешт-и Кипчака. Источники сообщают, что войска противников на протяжении 1469 г. сталкивались неоднократно, но, несмотря на большие потери, не могли одолеть друг друга. Наконец, «Айбак-хан, приведя с собой войско Ахмад-хана, внезапно напал на Шайх-Хайдар-хана», после чего тюменский хан лично убил Шайх-Хайдара [Материалы, 1969, с.20, 99].

Последним совместным действием союзников было выступление в том же 1469 г. против Мухаммеда Шейбани и Махмуда, которые находились на попечении Карачин-бахадура и скрывались в Хаджи-Тархане (Астрахани) у хана Касима. Поход возглавили ханы Ахмед и Ибак и мангытский бий Аббас. Царевичам удалось спастись, и вскоре они решили отомстить за своего дядю Шейх-Хайдара. В результате было совершено нападение на лагерь Ибака, в ходе которого убили его младшего брата и младшего сына; также было совершено нападение на Ахмеда [Материалы, 1969, с.20]. По всей видимости, около 1469 года Ибак (Ибрахим) стал тюменским ханом и мог считаться одним из наиболее влиятельных претендентов на роль объединителя всей степи, что, в дальнейшем, и отражалось в его титуле «Шибанский царь».

Около 1473 г. ногаи, в частности Муса, после недолгого кочевания вместе с Шейбани, вернулись к идее союза с ханом Ибаком, которого русские летописи стали называть «царем ногайским» [ПСРЛ, 1901, с.203]. По всей видимости, подчинение ногаев было номинальным и необходимым лишь из-за низкого внешнеполитического статуса их орды [Трепавлов, 2002, с.110–111]. Возможно, что некоторые политические приоритеты также определялись лидерами Ногайской Орды, так как они обладали военной силой для их претворения в жизнь. Можно предположить, что опора хана Ибака на ногаев была вызвана необходимостью стабилизации южных границ, которым угрожали казахские ханы Гирей и Джанибек [Трепавлов, 2002, с.113], что, в принципе, было и в ногайских интересах. Судя по всему, союз был закреплен и брачными связями, как это следует из дальнейших наименований в летописях Ямгурчи и Мусы как шуринов Ибака, то есть хан был женат на сестре ногайских биев. Кроме того, по предположению В.В. Трепавлова, дочь хана Ибака была первой женой Мусы, что делало его гургеном, то есть ханским зятем [ПСРЛ, 1901, с.203; Трепавлов, 2002, с.145].

Первой пробой нового союза, нашедшей отражение в источниках, стало нападение на кочевую ставку на Северском Донце, где находился их бывший союзник и лидер Большой Орды хан Ахмед б. Кичи-Мухаммед после неудачного стояния на реке Угре в 1480 г. Именно этот политический акт стал основой для сообщения в одной из летописей о том, что в 1480 г. беки Муса и Ямгурчи признали власть Ибака над ногайской Ордой [ПСРЛ, 1963, с.315]. В «Патриаршей летописи» говорится, что «егда же прибежа в Орду, тогда прииде на него царь Ивак Ногайский и Орду взя, а самого безбожного царя Ахмета убил шурин его Нагайский мурза Ямгурчей» [ПСРЛ, 1901, с.202–203; ПСРЛ, 1949, с.328]. По другим данным, в частности, Вологодско-Пермской летописи, Ахмеда убил сам Ибак [ПСРЛ, 1959, с.274]. Нападение состоялось в январе 1481 г., при этом зимнее время было идеальным, поскольку, по сообщению летописца: «Ахмед хан, готовившись к перезимовке, отправил всех беков на свои земли» [Письмо, 1997, с.43–

44]. Одна из летописей вообще указывает, что хана Ахмеда не было в это время в Орде, а Ибак убил его, когда тот попытался отбить своих людей [Книга, 1850, с.4].

Состав и распределение обязанностей в окружении хана Ибрахима фиксируется в сохранившемся в «Литовской метрике» письме крымского хана Менгли-Гирея к польско-литовскому королю Казимиру IV о событиях 1481 г.: «Генваря месяца у двадцать первы пришод цар шибаньски а Ибак солтан его, а Макму князь, а Обат мурза, а Муса, а Евгурчи пришод, Ахматову орду потоптали, Ахмата царя умертвили…» [Сборник, 1866, с.29]. С учетом политических реалий и специфики дипломатической переписки знаки препинания в этом письме должны быть расставлены по-иному: Ибак назван шибанским царем, Мамук – султаном, то есть не правящим членом царского рода (возможно, как и иные близкие родственники ханов, он руководил определенным воинским подразделением), а следующий за ним Обат (т.е. Аббас) – князем (на этот момент он был лидером ногайского объединения).

После нападения хан Ибрахим «Орду взя», то есть кочевую ставку хана. Летописец пишет: «И стоял царь Ивак 5 дней на ахматове орде и поиде прочь, о ордобазар с собою поведе в Тюмень, не грабя…», остальной полон, названный литовским, он перевел за Волгу, к ногаям [ПСРЛ, 1982, 95]. Из этой цитаты следует, что тюменский хан забрал с собой всех людей из лагеря Ахмеда и увел в свой юрт. Вологодско-Пермская летопись добавляет, что хан Ибак захватил и дочь Ахмеда [ПСРЛ, 1959, с.274]. Позволим себе предположить, что с помощью увода «ордобазара» Ибак стремился усилить военную и экономическую мощь своего ханства. Видимо, число людей у самого Ибака было ограничено, так в «Архангельском летописце» указывается, что он «привел с собой 1000 казаков», в то время как Муса и Ямгурчи пришли с 50000 ногаев [ПСРЛ, 1982, с.95]. По этой причине увод людей из ставки Ахмеда был весьма актуален, к тому же Ибак увел в Сибирь и часть войск разбитого хана. Любопытно, что в 1489 г. от Ибака с посольством приезжает в Москву «Иваков слуга, а зовут его Чюмгур», который далее упоминается с титулом «базарьского князя» [Посольские, 1995, с.19].

С 1481 года начинается переписка между ханом Ибаком и московским князем Иваном III, которая заложила основу для столетия дипломатических отношений Тюменского / Сибирского ханств с Московским государством. Хан отправил посла к Ивану III с сообщением об убийстве Ахмеда, за что получил от Москвы «теш» («тыш») – подарок [ПСРЛ, 1982, с.95], который в дальнейшем он мог быть использован тюменскими дипломатами для обоснования требований ордынского выхода. На установление более или менее стабильных, в том числе торговых связей между Тюменским ханством Ибака и Русским государством Ивана III может намекать позднее в своем письме Кучум к Ивану IV: «С нашим отцом твой отец гораздо помирився, и гости на обе стороны ход…» [СГГД, 1819, с.52]. В тоже время употребление терминов родства не дает реальной хронологической привязки, поскольку является отголоском использования тюркского термина «ата» (отец) в значение «предок» в системе переписки тюркского мира.

Особого внимания в этом контексте заслуживает поход 1483 г. Наиболее раннее известие о нем содержится в Вологодско-Пермской летописи: «В лето 6991. Отпустил князь великий с Москвы на князя на Вогульского на Асыку воеводу своего Ивана Ивановича Салтыка, а с ним своих детей боярских до Вологжан. А другого воеводу князя Феодора Купрьского, а с ним своих детей боярских да Устюжан, да Вычегжан, да Вымич, да Великопермцев» [ПСРЛ, 1959, с.275–276]. Маршрут похода прошел непосредственно по границе Тюменской земли по р.Тавда. Его причины были связаны, прежде всего, с противостоянием между Московским великим княжеством и остяцкими и вогульскими объединениями, в частности, Пелымским княжеством Асыки. Противоречия между ними скрывались как в борьбе за контроль над пушной торговлей, так и с попытками христианизации, выразителем которых был владыка Филофей. Поход в Си-

бирскую землю во многом носил случайный характер, складывается впечатление, что он не входил в изначальные цели и был организован самими воеводами. По этой причине его нельзя рассматривать в русле русско-тюменских отношений, где он не оставил следов ни до этого в виде якобы имевшегося договора Ибрахим-хана и Ивана III, ни после этого в виде формального подчинения сибирского князя, который не упоминается среди угорских князей, подписавших шерть, при этом не ясны и его связи с Тюменью [Маслюженко, Рябинина, 2014, с.115–121].

По всей видимости, после разгрома хана Ахмеда Ибрахим занимался решением внутренних проблем своего ханства. Скорее всего, в это время в качестве одного из методов внутренней стабилизации юрта был выбран политический и брачный союз с бывшими хакимами Чимги-Туры из буркутской династии беков Тайбугидов в лице князя Мара (скорее всего, имевшего мусульманское имя Умар / Омар). Однако вскоре хан «Упак зятя своего уби и градом облада» [ПСРЛ, 1987, с.47]. Таким образом, именно после убийства князя Мара Ибак получает в свои руки Чимги-Туру, которая становится столицей Тюменского ханства, причем указывается, что Ибак правил здесь «и владе много лет» [ПСРЛ, 1987, с.47]. Сыновья Мара находились в качестве аманатов при хане Ибаке: «Маровы дети Одер да Ябулак живяства во граде Чимгидене у казанского царя у Упака», причем отмечается, что умерли они своей смертью [ПСРЛ, 1987, с.47, 118].

Ситуация коренным образом изменяется в конце 1480-х гг., когда хан Шейбани и его брат, внуки Великого хана Абу-л-Хайра, стали новыми претендентами на объединение Дешта. Махмуд бен Вали пишет о том, что «… когда в областях Дашт-и Кипчака возникли беспорядки, большая часть узбекских воинов … собралась под сенью знамени могущества царевичей» [Материалы, 1969, с.353]. В это время они разгромили потомков хана Едигера, в частности Буреке. Сибирские легенды позволяют предположить, что тогда же был организован поход на Тюменское ханство, замаскированный под исламизацию. В легенде рассказывается, что против шейха Багауддина и воинов Шейбани-хана из Среднего улуса совместно выступили хотаны (татары), ногаи, кара-кыпчаки и остяки, то есть представители наиболее крупных местных племен. Несмотря на это, война было проиграна, что могло привести к началу исламизации, при этом, однако, сам хан Мухаммед Шейбани ушел [Катанов, 1904, с.18–28]. По всей видимости, Шейбани, не получив поддержки сибиряков и не надеясь более на помощь среднеазиатских городов, вынужден был отступить. По материалам родословной башкир племени табын был сделан вывод, что они также отступили из Тоболо-Иртышского междуречья после борьбы Ибак-хана с Шейбани-ханом [Исхаков, 2002б, с.177–178]. Впрочем это не единственная версия, объясняющая уход этого племени. В шеджере говорится о том, что потомки основателя клана табын Асади-бий и Шикарли-бий «очутились под властью хана Шейбанида – Ибака, который приказал их умертвить, от чего они бежали на запад от Урала» [Усманов, 1982, с.81]. Столкновение между двумя Шибанидами привело к внутренней напряженности в Тюменском ханстве, разрешение этой ситуации было найдено с помощью традиционного для политики Ибрахима террора. Определенные внутренние проблемы могут быть подтверждены и тем, что «и с устья Сыра пришло много людей, ради него [Мухаммед Шейбани-хана] отделившись от Ибак-хана» [Материалы, 1969, с.26]. Кстати, эта фраза осталась без внимания историков, хотя она говорит о том, что в 1480-е гг. тюменский хан Ибрахим контролировал и земли на самом юге бывших владений Шибанидов в Приаралье, то есть действительно являлся «Шибанским царем». Ибрахим, видимо, являлся продолжателем политики Абу-л-Хайра, а не только лишь локальным лидером Тюменского вилайета. Хотя земли на юге он потерял либо в это время, либо позднее, поскольку в конце XV – начале XVI века здесь фиксируются зимние кочевья потомков хана Едигера, в частности, Буреке [Абуль-Гази, 1996, с.109].

Возвращение хана Ибака на международную арену связано с событиями вокруг казанского престола. Поводом к указанному возвращению был поход русских войск на Казань в 1487 году и ссылка правившего там хана Али [Худяков, 1996, с.565]. Вмешательство Москвы в дела одного из крупнейших наследников Золотой Орды серьезно затрагивало интересы всех его соседей, в частности, разрывало единство торговых путей, необходимых для нормального функционирования большинства постордынских ханств.

Первое письмо от хана Ибака пришло в Москву в ноябре 1489 г., вместе с грамотами от Мусы и Ямгурчея. В одном из изданий оно получило название «… о продолжении дружбы и союза» [СГГД, 1894, с.6], что говорит о наличие предшествующей грамоты. В нем говорится: «От Бреима царя великому князю, брату моему, поклон. Яз – бесерменский государь, ты – христианский государь, от сех мест меж бы нас добродетель бы наша была» [Посольская, 1984, с.18]. Использование понятия «брат» подчеркивает равноправный статус Ибака и Ивана. Далее в письме излагается просьба вернуть еще одного «брата», то есть казанского хана Алегама, причем в письме есть элемент угрозы: «впрок братом захочешь бытии, мне моего брата ко мне отпусти» [Посольская, 1984, с.18]. Несмотря на это, Иван III отвечает, что Алегам нарушил братство с русским царем, за что его и покарали. Кроме того, в ответе сибирским послам говорилось, что «нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи и тех людей Ивак царь да и мырзы у себя держат» [Посольская, 1984, с.21]. Причем указывается, что и Ибак с мирзами и с перечисленными выше людьми грабят казанские земли, находящиеся под русским покровительством. В связи с этим предлагается для продления союза все награбленное вернуть [Памятники, 1884, с.83–84], а также казнить казанцев. В письме указывается, что, если «Ивак царь захочет с нами дружбы и братства и с моим братом и сыном с Магмед-Амином царем (ставленник Москвы на казанском престоле. – Д.М.), и мы с ним дружбы и братства хотим», то же самое говорится и в отношении ногайских мирз [Посольская, 1984, с.22].

Таким образом, первый виток переговоров сохранил тот «статус кво», который образовался после вмешательства Москвы в казанские дела. Однако, было очевидно, что выход из ситуации продолжат искать как сибирские, так и ногайские дипломаты. Уже осенью 1490 г. Иван III дает согласие на брак дочери ногайского бека Мусы с казанским ханом Махмет-Амином, что было вызвано необходимостью заключения союза против агрессивных действий сыновей хана Ахмеда [Памятники, 1884, с.89]. Практически в то же время, в октябре 1490 г., в Москву приезжает новое посольство, причем в нем были представители тех же Мусы и Ямгурчея, но вместо хана Ибака «Абелек Аминек царя», то есть потомков хана Едигера. В грамоте Ямгурчея говорилось, что «Еще Алгазыя просишь: Алгазыя я не видал, с Ибраимом с царем к Тюмени поехал, от тех мест у Ибреима царя в Тюмени живет» [Посольская, 1984, с.33–34]. Исходя из этого сообщения, ясно, что хан Ибак кочует отдельно от ногаев у Тюмени вместе с частью казанцев. В связи с этими событиями существует версия о том, что казанцы могли провести церемонию интронизации Ибака на казанский престол, что и привело к его наименованию в части летописей как «казанского царя» [Трепавлов, 2007, с.101]. Невозможность решить вопрос дипломатическим путем привел и к военным конфликтам, о которых, в частности, указывается в грамоте Мухаммед-Амина Ивану III: «…Божиим изволением, на отца своего месте царем ся есми учинил: Ивак, да Мамук, да Муса, да Ямгурчей еже лет на меня войною приходят» [Памятники, 1884, с.146].

В 1491 г. ситуация, судя по материалам переписки, вновь изменилась. По сообщениям слободских татар, посланных Иваном III к Мусе, Опас-князь (Аббас, дядя Мусы) и Ямгурчей с мирзой Мусой «не в миру». В результате первые «… послали в Тюмень по Ивака по царя, и зовут его к себе… Ногаи кочуют под Тюмень против Ивака. А

Ивак… идет к ним по их речем» [Посольская, 1984, с.46]. Видимо, размолвка между ногайскими лидерами была связана с разными подходами к решению казанской проблемы. В этот же период Москва вновь требует вернуть все награбленное в Казани, к тому же привлекает к переговорам представителей крымского хана Менгли-Гирея [Памятники, 1884, с.128]. По мнению В.В. Трепавлова, вскоре после этих событий Аббас умер, и Муса вновь вернулся в Орду, но теперь уже в качестве старейшего из всех потомков Идегея. Он вновь обратился к хану Ибаку и даже, не желая ссоры с Москвой, сумел остановить совместный ногайско-сибирский поход на Казань, организованный Ямгурчи и Ибаком при посредничестве казанской оппозиции при тюменском дворе [Посольские книги, 1995, с.47; Трепавлов, 2002, с.118].

Видимо, после этих событий на некоторое время переписка была прервана. Однако в 1493 г. степи, занимаемые Ногайской Ордой, пережили тяжелую зиму, в результате которой умерло много людей [Памятники, 1884, с.180]. В том же году из Крыма в Москву сообщили, что «нагаи Муса и Ямгурчей мурзы Ивака да Мамука цари учинити идут, к Астрахани было пошли, и как слышавши назад к Тюмени покочевали…» [Памятники, 1884, с.168]. Причины этого похода могли быть связаны как со стремлением ногаев поставить столицу Большой Орды под свой контроль, сменив там правителей, так и с окончательным уничтожением наследников хана Ахмеда и желанием хана Ибака взять в свои руки большую часть улуса Джучи [Зайцев, 2004, с.48–49]. Таким образом, ногаи и сибирские Шибаниды вновь пытались повторить успех 1481 г., причем тюменский хан здесь выступает совместно со своим братом Мамуком, который в цитируемом документе, в отличие от других источников, имеет такой же титул, как и сам Ибак. В тоже время в грамоте, датируемой ноябрем 1493 г., от Ивана III к крымскому хану Менгли-Гирею указывается: «…царь Ивак и брат его Мамук и все князи пошли на орду» [Памятники, 1884, с.206], то есть на момент похода царем был только Ибак. Существует предположение о том, что войска повернули от владений потомков хана Ахмеда, поскольку к ним не подошли на помощь крымские татары [Трепавлов, 2002, с.118]. Такая причина не лишена своей внутренней логики, поскольку еще в 1491 году ногайские лидеры Муса и Ямгурчи пытались договориться с крымским ханом Менгли-Гиреем о союзе против наследников Ахмеда [СГГД, 1894, с.14], однако реальная причина могла скрываться и в ослаблении самой Ногайской Орды [Парунин, 2011б, с.73].

Несмотря на провал этого похода, в том же году от хана Ибака в Москву пришла еще одна (последняя из известных нам) грамот: «Ибраимово слово Великому князю Ивану брату моему поклон». В письме говорилось о том, что Ибрахим «Саинский… стул взял... на отцов юрт к Волге пришед стою», и, кроме того, содержалась просьба опять вернуть Алегама [СГГД, 1894, с.14]. В данном случае в письме, на наш взгляд, отражаются события 1481 года, о которых Ибак-хан напоминает русскому царю. Обращает на себя внимание указание «саинского стула», уже известного нам по истории Абу-л-Хайра. Рискнем предположить, что это предмет, захваченный лидером узбеков у Ахмеда и Махмуда в конце 1440-х гг., затем вернулся после убийства Шейх-Хайдара в 1469 г. к Ахмеду, а в 1481 г. был вновь захвачен Ибрахимом. Судя по всему, трону Бату уделялось большое внимание в политических играх XV века. В ответной грамоте Иван III подчеркивал стремление продолжить переговоры и отправить посольство в Чимги-Туру [Посольские, 1995, с.47].

Периодические неудачи хана Ибрахима во внешней политике 1490-х гг. вели к разочарованию кочевой элиты в его политике, что потенциально и стало причиной «заговора» Тайбугидов. В результате переворота хан был убит сыном Адера Маметом: «княз Мамет воста после смерти отца своего з ближними своими на казанскаго царя Упака» [ПСРЛ, 1987, с.118]. Традиционно убийство принято датировать 1495 г., однако еще исследователи XIX в. сомневались в этом [Оксенов, 1888, с.15], ведь последнее

упоминание Ибак-хана в посольских документах относится к 1493 г. В результате этого в некоторых работах убийство Ибак-хана относится именно к этой дате [Frank, 1994, p.14]. Сам факт смерти тюменского лидера между 1493 и 1495 гг. очевиден, однако А.В. Парунин в одной из работ резонно усомнился как в том, что виновниками этой смерти были именно Тайбугиды, так и в том, что была разрушена столица Чимги-Тура [Парунин, 2011б, с.75–76]. Если в историографии прошлого века было принято рассматривать Тайбугидов как независимую княжескую (а в работах Г.Л. Файзрахманова не совсем корректно даже ханскую) династию, при которой усиливается новый центр – г.Искер, столица Сибирского княжества [Нестеров, 2003], то в последние 10 лет подход к истории этой династии значительно изменился. Исследователи, в частности В.В. Трепавлов и Д.М. Исхаков, отмечают, что сибирские князья не были независимыми правителями, а являлись лишь беклярибеками, которые правили либо «от руки» казанского хана, либо, что более вероятно, какого-либо тюменского династа из Шибанидов [Трепавлов, 2009, с.386–387; Исхаков, 2011д, с.252]. В таком случае события 1490–1500-х гг. приобретают абсолютно иной смысл.

Классическая для историографии версия дальнейших событий, основанная на информации «Сибирских летописей», была изложена еще А.Оксеновым: «Мамет.., чувствуя себя достаточно могущественным, чтобы отделиться от Сибирского ханства, он ушел из города Чингидима на р.Иртыш, где и основал княжество…», хотя далее он в отличие от многих авторов XX века, писал «…если не совершенно независимое, то только номинально признававшее верховенство ханского Ибакова рода» [Оксенов, 1888б, с.15]. При этом летописи указывают, что «по сем… Мамет… град свой Чингиден разруши» [ПСРЛ, 1987, с.47].

Однако в 1495 или 1496 гг. в Тюменском ханстве начинается подготовка и формирование объединенных ногайско-сибирских войск для похода на Казань во главе с ханом Мамуком, который был возведен на престол сразу же после смерти брата [Трепавлов, 1997, с.183]. Необходимо заметить, что при подготовке подобного похода Мамук, который в источниках, как и брат, именуется «ногайским» или «шибанским» царем, должен был знать о стабильности тыла. Следовательно, на тот момент, во-первых, столкновений с Тайбугидами не было, а, во-вторых, возникают сомнения в разрушении столичного центра Чимги-Туры, что было бы значительным ударом по авторитету местных ханов. К тому же этот город упоминается и в дальнейших событиях. Военные действия в казанском направлении во многом были спровоцированы казанскими князьями, лидерами восточной партии Кальметом, Ураком и другими [Книга, 1850, с.9]. В результате Казань была взята осенью 1496 г. Об этом сообщает «Патриаршая летопись»: «В мае 7004 (1496) казанский царь Магомед-Амина послал письмо Ивану Васильевичу о том, что движется на него Мамук Шибанский с ногайской ордой и с князьями Казанскими. Взял он Казань в лето 7005 (1496)» [ПСРЛ, 1901, с.242–243]. Однако выбор претендента был весьма неудачен, Мамук, будучи неплохим полководцем, не справился с проблемами внутреннего управления в условиях, отличных от специфики Тюменского ханства. Кроме того, он, видимо, проявлял жестокость по отношению к казанцам и даже своим бывшим союзникам [ПСРЛ, 1901, с.243]. Впрочем, новым правителем были недовольны не только они, но и крымский хан Менгли-Гирей, который пишет в 1497 г. великому князю Ивану III о Мамуке: «Ино то нам лихое имя, а тебе брату моему великая истома», а далее называет его «недругом» [Памятники, 1884, с.236]. Неудача Мамука под Арском в 1497 году позволила казанским князьям совершить переворот и не пустить хана обратно в города. В результате он был вынужден вернуться в Чимги-Туру с частью оппозиционеров во главе с казанским князем Ураком [Худяков, 1996, с.570], который затем будет в Тюмени при дворе нового хана Агалака.

По всей видимости, на обратном пути хан Мамук умер: «вскоре поиде от Казани в свояси и на пути умре» [Молявина, 2006, с.68].

После смерти Мамука новым тюменским ханом стал младший из братьев Агалак, о деятельности которого нам практически ничего неизвестно. Уже в марте 7007 (1498) г. в Москву пришла весть о походе Агалака и Урака на Казань [Книга, 1850, с.15]. В результате, согласно разрядным книгам, в августе 1498 (7007) г.: «Тово же году в августе… послал государь великий князь Иван Васильевич всеа Русии х Козани полем х царю козанскому беречь ево от Урака и от Солтогана, от шибанских царевичев, в конной рати воевод своих» [Разрядная книга, 1966, с.57]. Исходя из этого, в походе могли участвовать и иные царевичи из числа Шибанидов. В Разрядных книгах говорится, что уже в «лета 7007-го (1498) сентября… прислал к великому князю ис Казани Абделетиф царь, что Урак князь хочет быть х Казани с Салтаганом церевичем. И князь великий послал в Казань воевод своих беречь от Урака и от Салтагана» [Разрядная, 1977, с.29]. Скорее всего, речь шла лишь о возможной («…хочет быть…») угрозе похода. А.В. Парунин предположил, что и Мамук, и Агалак могли совершить не по одному, а по два похода на Казань [Парунин, 2011а, с.104–108], с чем и была связана определенная путаница в источниках. В Никоновской летописи под 1500 годом указано, что «… прииде весть к великому князю от Казанского царя Абдыл-Летифа, что на него идет Агалак царевич, Мамуков брат, да с ним Урак князь Казанских князей. Слышавше же то князь великий и послал к Казани в помощь воевод своих… Агалак же и Урак слышав, что идут ни них воеводы великого князя с силою, и побегоша во-свояси, а воеводы великого князя возвратишася к Москве» [ПСРЛ, 1901, с.249–250]. По мнению А.В. Парунина, данный поход представлял скорее набег, нежели ставил перед собой реальную задачу захватить Казань, а его инициатором был Урак: «В лето 7008-го, марта, прииде весть к великому князю Ивану, что Урак привел на Казань Авалака царевича» [Продолжение хронографа, 1951, с.273; Парунин, 2011а, с.107]. Совершенный почти в то же время ногайский поход на Казань во главе с мурзами Мусой и Ямгурчи был независим от деятельности Агалака и Урака. Возможно, что отсутствие единства между тюменской и ногайской элитой и могло привести к неудачам нападений на Казань. В русских летописях Агалак именуется лишь царевичем, однако в восточных источниках и позднейшей переписке он указывается с титулом «царя».

В 1505 г. хан Агалак и его родственник Ак-Курт покидают территорию Тюменского ханства и оказываются в ногайских кочевьях. Личность Ак-Курта может быть идентифицирована с двоюродным братом хана, сыном Сайидека б.Хаджи-Мухаммеда [Материалы, 1969, с.37], хотя в переписке он называет Агалака дядей (не ясно, является ли это понятие отражением родства или политического статуса). При поддержке ногайских мирз они ведут в период с 1505 по 1508 гг. безуспешные переговоры с московскими князьями Иваном III и его наследником Василием III, пытаясь получить во владения Казань, Мещерский городок или хотя бы Андреев городок в Мещере. Возможно, что некоторое время в начале переговоров с учетом противоречивой политики русского ставленника на казанском престоле Мухаммед-Амина Агалак реально мог рассматриваться в качестве возможной кандидатуры, которая могло бы примирить восточную и русскую партии. В ожидании этого Агалак скончался в 1507 или 1508 гг., а сам Ак-Курт и, тем более, его сын Ак-Девлет уже не рассматривались в качестве сильных политических фигур. В целом эти дипломатические попытки говорят о крайнем ослаблении как самого Тюменского ханства, так и возглавлявшей его династии, оказавшейся «на обочине» международной политики. Впрочем, Ак-Девлету действительно удалось выехать на русскую военную службу, где он был первым представителем этой ханской династии. Он и его сын Шах-Али упоминаются Разрядными книгами в период с 1512 по 1541 гг. [Маслюженко, 2011б, с.62–68].

Уход Агалака на юг мог быть связан с конфликтом внутри правящей династии. В Вычегодско-Вымской летописи указывается, что «Лета 7014 (1505 или 1506 гг.) пришед из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша» [Вычегодско-Вымская, 1958, с.264]. В Устюжских летописях уточняется, что войско из Тюмени пришло в 7013 году в «понедельник на страстной недели», то есть весной 1505 года [ПСРЛ, 1982, с.99]. Кстати, в целом выбор именно весны, в частности, марта, для начала похода характерен для всех трех лидеров из числа сибирских Шибанидов. Фактически время этого похода совпадает с предполагаемым уходом Агалака в ногайские степи. При этом для русских летописцев статус нового тюменского властителя Кутлука, сына хана Ибрахима, был не ясен, о чем свидетельствует использование двойного титула (кстати, это первый известный мне случай наименования Шибанида именно сибирским царем). При этом, как и ранее с Агалаком, в походе Кутлука участвовали его братья и дети [ПСРЛ, 1982, с.99]. Фактический провал внешней политики, в частности, на казанском направлении, Мамука, Агалака и Кутлука мог привести к расколу правящей в Тюмени элиты. В этих условиях понятна причина возможного ухода шибанских и тюменских татар к детям Буреке б. Едигера султанам Ильбарсу и Бильбарсу, которые затем в 1510–1511 гг. уведут их в Среднюю Азию, где в ближайшие годы к ним присоединяться иные родственники из Дешта [Кляшторный, Султанов, 2004, с.329–331]. Если вспомнить более ранние случаи бегства при хане Ибрахиме, то все это могло стать еще одним значимым фактором в исчезновении Тюменского вилайета с международной арены.

Является ли это признаком исчезновения самого ханства? При всей скудости источников на этот вопрос необходимо ответить отрицательно. Прежде всего, в свете рассмотренных источников по-иному видится политическая сущность т.н. «Сибирского (Искерского) княжества», которое, скорее всего, было лишь юртом, то есть областью, Тюменского ханства. Еще в 1483 г. летописи фиксируют т.н. «сибирского князя», который был частью угорского мира Западной Сибири. В середине 1490-х гг., приблизительно в период смерти Ибрахима, бывшие буркутские хакимы Чимги-Туры из Тайбугидов распространяют власть тюменских ханов к северо-востоку, вплоть до Иртыша, где ранее присутствие Шибанидов не фиксируется. Скорее всего, они стали править в новых владениях от руки тюменских ханов. При этом их правление отнюдь не было спокойным. Сибирские летописи перечисляют местных правителей: «По князе же Мамете княжил Ябалаков сын Агиш. По нем же Маметов сын Казым. По нем Казымовы дети Едигер, Бекбулат» [ПСРЛ, 1987, с.48]. В Лихачевской редакции Сибирских летописей имеется сообщение о том, что Казыма убили собственные близкие люди, его дети сумели отомстить, разорили улусы убийц и стали править всеми [ПСРЛ, 1987, с.119].

Постепенное укрепление Тайбугидов могло быть связано с одновременным ослаблением тюменских Шибанидов. К сожалению источниковая база не позволяет нам досконально реконструировать события, происходившие в Тюменском ханстве между 1510-ми и серединой 1550-х гг. Косвенная информация о начальных годах этого периода имеется лишь в иностранных источниках. Такие авторы как венецианец Франческо де Колло, посол императора Максимилиана I, бывший в Москве в 1518–1519 гг., и итальянец Альберт Кампензе в письме 1523 г. единодушны в том, что Москва получает значительную пушную дань с северных областей, среди которых указываются «Княжество Югорское, Область Сибирь» или «Югра, Карелы, Башкиры и Черемисы» [Колло, 1996, с.61–64; Кампензе, 1836, с.27]. Практически в то же время (около 1525 г.) информацию в Москве получил Павел Иовий, который пишет: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам», но среди русских данников указывают только югру и вогулов [Иовий, 1836, с.28–31; Фоскарино, 1913, с.6].

Однако наиболее полная информация на этот счет содержится у дипломата на службе Габсбургов Сигизмунда Герберштейна, посетившего Россию дважды в 1517 и 1526 гг. Прежде всего, С. Герберштейн четко отделяет Тюмень от Сибири. Относительно Тюмени он пишет: «… Тюмень, которой владеют князья угорские, платящие, как говорят, дань великому князю» [Герберштейн, 1988, с.157]. Однако в то же время он делает замечание, что государь «царства Тюмень» татарин и «…он не так давно причинил большой ущерб Московиту, то весьма вероятно, что эти племена, будучи ему соседями, скорее ему и подчиняются» [Герберштейн, 1988, с.161]. По всей видимости, это говорит о том, что в период между двумя поездками посла Чимги-Тура перешла из одних рук в другие, а Шибаниды и связанные с ними племена ушли в степи. В пользу этого свидетельствует сообщение, пришедшее в Москву в 1536 г., о том, что ногайский мирза Шейх-Мамай «детей отпущает к Асай-мырзе, да Кан-мурзу (возможно, старший сын Шейх-Мамая Хан – Д.М.) Туру воевать» [Посольские, 1995, с.155]. При этом С.Герберштейн уточняет: «Область Сибирь … не знаю достоверно, есть ли там какие-либо крепости и города. В ней начинается река Яик… Говорят, что эта страна пустынна вследствие близости татар, а если где и обитаема, то там правит татарин Ших-Мамай», а населена она тюменскими, шейбанскими и кайсацкими татарами [Герберштейн, 1988, с.164, 181].

Наличие на территории «Области Сибирь» шибанских и тюменских татар в совокупности с правлением здесь мирзы Шейх-Мамая, одного из наиболее мощных ногайских лидеров этого времени, говорит в пользу того, что и представители тюменской (шибанской) правящей семьи находились под его покровительством. Ногайский бек Шейх-Мамай являлся родственником этих династов по женской линии, поскольку родился в браке ногайского бия Мусы и дочери хана Ибака [Трепавлов, 2002, с.145]. В этой связи тем более следует учитывать информацию из письма старшего брата Шейх-Мамая Сеид-Ахмеда 1536 г.: «княжое слово неправому верою Ивану … Иваков царев сын (кто здесь имеется в виду не ясно – Д.М.) и тот нам повинился со всеми своими товарищами и слугами» [Посольские, 1995, с.130–131].

Исследователи обращают внимание на то, что автор «Казанской истории» пишет об одной из жен Сафа-Гирея (казанский хан, правил с перерывами в период с 1524 по 1549 гг.) как о дочери сибирского царя [Казанская история, 1954, с.83]. По всей видимости, на эту роль на данный момент претендует только Муртаза б. Имак, которого ханом называет автор «Джами ат-таварих» [Валиханов, 1984, с.231; Абуль-Гази, 1996, с.102]. При этом сыновья Муртазы Ахмед-Гирей и Кучум воспитывались при дворе Шейх-Мамая вместе с казахским царевичем Хакк-Назаром б. Касимом. По всей видимости, ногайский лидер хотел посадить в соседних ханствах лояльных правителей и одновременно с этим заручиться их поддержкой в получении титула беклярибека от одного из Чингисидов, тем самым укрепив свой авторитет не только в рамках своего улуса, но и во всей орде [Трепавлов, 2002, с.199–201]. Все три царевича были в разное время наместниками Башкирии, власть их распространялась, в том числе, и на Южное Зауралье, что могло, в частности, рассматриваться в качестве своеобразной политической подготовки [Трепавлов, 2002, с.210]. Преобладание ногаев на этом этапе подчеркивается и характерной фразой из устной легенды о Кучуме, записанной Н.Ф. Катановым: «Пока он (т.е. Кучум – Д.М.) рос, народом его управлял султан Ногай» [Катанов, 2004, с.148]. О пребывании ногаев непосредственно на Иртыше в предшествующее время говорится в другой легенде [Катанов, 1904, с.19].

Именно в этих условиях в январе 1555 г. в Москву прибывает первое посольство от сибирского бека Едигера. Посольство не только «здоровали» царя Ивана IV с покорением Казанского и Астраханского ханства, произошедшим в 1554 г., но и предлагало ему взять Сибирь под «свою руку» и положить на нее дань. По восточным традициям послы привезли в подарок шкуры белок и соболей. В ответ на это в Сибирь были от-

правлены посол и дорога Дмитрий Куров сын Непейцын, который должен был Едигера и землю Сибирскую к «правде привести», провести перепись и взять дань и дорожную пошлину [ПСРЛ, 1904, с.248]. В окружении Тайбугидов начинает конструироваться многоуровневая легенда, согласно которой именно власть этой династии в Сибири легитимна, в то время как Чингисиды в лице Шибанидов были не более, чем узурпаторами [Маслюженко, 2010, с.9–21]. В ответ на это происходит нападение на Сибирь некоего Шибанского царевича (одного из указанных сыновей Муртазы), информация о чем встречается в отчете русского посла, вернувшегося в Москву в ноябре 1556 г. [ПСРЛ, 1906, с.276]. В дальнейших переговорах, которые продолжались с перерывами до 1563 г., участвовали послы князя Едигера, хана Муртазы и его сына Ахмед-Гирея, которые зачастую оказывались в Москве в одно время. По всей видимости, значительную поддержку претензиям Шибанидам оказывали лидеры Ногайской Орды из числа потомков Шейх-Мамая, в то время как Тайбугиды могли опереться на ногайского бека Исмаила, на дочери которого был женат Едигер [Маслюженко, 2014, с.51–55].

В сентябре 1563 г. русский царь именно Исмаилу выговаривал: «… зять твой был на Сибири на нашем юрте, и дань нам с того юрта не дает. И мы впредь хотим того юрта доступати, и за то ему мстити» [ПДРВ, 1795, с.323]. Кстати, любопытно, что Исмаил в равной степени заступается и просит отпустить из Москвы обоих сибирских послов Чибиченя (от Едигера) и Ташкина (от Муртазы и Ахмед-Гирея) [ПДРВ, 1795, с.303; ПДРВ, 1801, с.22]. Правда, Муртазе ставилось в вину и нанесение большого вреда русским данникам в Сибири [Небольсин, 1849, с.35]. Возможно, именно об этом идет речь в жалованной грамоте Строгановым 1564 года: «хвалитца деи сибирской салтан Ишибаны ити в Пермь войною, а преж деи сего он Камские Соли город дважды имывали…» [ДАИ, 1846, с.170].

Судя по всему, некий «захват» Шибанидами Сибирской земли произошел в период конца лета-начала осени 1563 года, поскольку Исмаил, умерший в конце сентября того же года, еще успел написать грамоту в Москву с просьбой организовать переговоры между сибирским и русским («белым») царем [ПДРВ, 1801, с.22]. Кроме того, князь Чигибень, посол Едигера, в сентябре 1563 г. был отпущен по просьбе Исмаила вместе с ногайскими послами, что было связано со смертью сибирского бека. Юридически данное событие вообще следует трактовать не как захват, а как присоединение к Тюменскому ханству Сибирских земель по праву приглашения Кучума на престол в Искере: «…сибирские люди царю и великому князю изменили, дани государевым данщиком давати не учали и взяли к себе на Сибирь царевича» [ПСРЛ, 1904, с.370]. Убийство Едигера следует рассматривать как уничтожение поднявшего восстание беклярибека и ликвидацию потенциального центра местного сопротивления, о котором, впрочем, после восшествия Кучума на престол источники ничего не сообщают.

Таким образом, в 1563 г. произошло объединение Тюменской и Сибирской земли в единое политическое целое, которое в связи с наличием столицы именно в Искере (Сибири) можно именовать Сибирским ханством. К сожалению, вокруг этого государства и его правителя хана Кучума долгое время формировался историографический миф о якобы имевшей место постоянно враждебной политике по отношению к Московскому государству, что и привело к необходимости организации похода Ермака и краху этого государства. Однако, еще в 1569–1571 гг. международная политика Москвы и Искера по отношению друг к другу характеризовалась как миролюбивая, в частности, хан Кучум был готов выплачивать в Москву дань [СГГД, 1819, с.52, 63–65]. Тем самым подтверждался более ранний договор Москвы с сибирским беком Едигером, который получил ярлык от Ивана IV. При этом крайне сомнительно, чтобы «замирье» с Москвой было связано с сопротивлением таких групп как представители «Тайбугина юрта», проживавших в центре ханского домена [Трепавлов, 2002, с.52, 63–65]. По всей

видимости, могли быть значимыми два фактора: участие сибирских войск в столкновениях с казахами Хакк-Назара, о чем говорил сам Кучум [Акты, 1841, с.340], и возможное продвижение его отрядов на северные территории с целью подчинения основных центров добычи пушнины.

Шертная грамота на подписание Кучуму была передана в Москве на государевом дворе сибирскому послу Тамасе и гонцу Аисе в октябре 1571 г. Подписанная Кучумом жалованная грамота не сохранилась до наших дней, хотя в архиве Посольского приказа она, видимо, была еще в первой четверти XVII века [Опись архива, 1977, с.289]. В перспективе это позволяло действительно считать сибирского хана «государевым изменником». По всей видимости, дата получения этой грамоты стала решающим фактором в том, что условия ярлыка не были соблюдены. В мае 1571 г. Москва была сожжена крымскими войсками при поддержке ногаев, и осенью еще лежала в руинах. Подобные наблюдения сибирского посольства с очевидностью должны были быть переданы Кучуму и стали признаком резкого снижения статуса Москвы в международных делах. Отказ от выполнения подписанной грамоты в этих условиях стал причиной ухудшения московско-сибирских отношений.

С этого времени наблюдается переориентация Искера на Бухару и в целом именно на южные связи. В 1572 г. в Сибирь прибыла первая мусульманская миссия, собранная в Хиве по просьбе Бухары, которая показывает усиление позиций бухарского хана Абдуллы II [Катанов, 1897, с.51–60]. Возможно, что уже первую миссию сопровождал (или, по крайней мере, участвовал в подготовке) старший брат хана Ахмед-Гирей, который пробыл в Сибири не более года, возможно, по причине необходимости принять юрт в Бухаре из рук умершего отца [Миллер, 2005, с.195]. Первые действия сибирских войск на территории владений Строгановых и в Перми относятся к 1573 г. Согласно жалованной грамоте Ивана IV Строгановым и Строгановской летописи, эти действия начались с похода самого сибирского хана Кучума на места промыслов Строгановых, где были «побиты» остяки. Одновременно с этим Кучум принуждал перестать платить ясак в Москву данщиков из числа остяков, вогулов и югричей, дойдя до Чусовских городков: «А иных данщиков наших Сибирской имает, а иных и убивает, а не велит… наши дани в нашу казну давати» [Миллер, 2005, с.333; Строгановская, 1996, с.58]. В данном случае эти события следует рассматривать в контексте стремления Кучума вернуть себе ясачное население и обеспечить активное участие в пушной торговле с Бухарой.

С этим же походом связывается перевод на территорию Сибирского ханства Тахчеи. В источниках этот термин встречается в двух значениях: как территория или юрт (например, «на Тахчеях и Тоболе») и как группа людей, улус (например, «посылал Сибирской через Тахчеи и перевел Тахчеи к себе; а преж сего Тахчеевы нам дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Нагаи»). Подчеркивается, что они жили в окружении остяков, которые хотели платить дань в Москву и просили защиты, но при этом, видимо, отличались от них в этническом плане. Из жалованной грамоты 1574 г. ясно, что территория Тахчеи и Тобола располагалась между Ногайской Ордой и Сибирским ханством [Миллер, 2005, с.332–333]. Наиболее убедительным видится точка зрения Е.Н. Шумилова, который считает, что Тахчеи – это территория в верховьях Чусовой, заселенная племенем терсяк, которые на протяжении XVI в. покидают свои территории и уходят на юг в земли сальютов [Шумилов, 2011, с.141–143].

Вслед за этим в конце июля 1573 г. состоялся поход Маметкула Алтыуловича, племянника и, возможно, беклярибека Кучум-хана [Трепавлов, 2011, с.151], на Пермь: «пришедшу ратью на Пермь Великую, Маметкул …городы и повости пограбил и пожег» [Вычегодско-Вымская, 1958, с.266]. В уже упомянутой жалованной грамоте и Строгановской летописи указано: «с Тобола де приходил Сибирского салтана брат Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывати, куде идти ратью в Пермь, да многих де

наших данных остяков побили, а жены их и дети в полон повели» [Миллер, 2005, с.332]. Отход от пермской земли объясняется тем, что Маметкул убоялся значительного числа ратных людей, которые стояли в Чусовских городках [Строгановская, 1996, с.58]. Однако в ходе этого похода был убит московский посол Третьяк Чубуков и сопровождавшие его служилые татары, которые шли к казахам [Миллер, 2005, с.332].

Таким образом, столкновения 1573 г. в основном шли вокруг двух основных политических пунктов: контроль над ясачным населением, а, следовательно, над самым важным сибирским товаром – пушниной, и над крупным торговым путем из Приуралья в Сибирь через верховья р.Чусовая. Краеугольным камнем всех этих столкновений и основой экономической политики Сибирского ханства была пушнина, получаемая в виде ясака. Вопрос о том, чьи данщики жили в Зауралье, решенный Москвой с помощью Строгановых в свою пользу, отнюдь не был столь очевиден для Искера.

В ответ на это Иван IV выдал в мае 1574 г. грамоту Строгановым, которая расширяла данные им два года назад полномочия на набор военных людей. Текст документа говорил о том, что земли на Тахчее и Тоболе передаются под их управление, им разрешалось там строить крепости для защиты русских данщиков от ногаев и сибиряков, а также насильно приводить последних к дани русскому царю. Грамота подчеркивала: «в нашей отчине за Югорским камнем, в Сибирской Украине, меж Сибири и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и озерами, и до вершин, где збираютца ратные люди Сибирскова салтана да ходят ратью [Миллер, 2005, с.332–334]. По сути, передавая эти земли, царь юридически подчеркивал то, что ими от его руки владели сибирские князья Тайбугиды, а Кучум рассматривался как незаконный с точки зрения русских правитель.

В результате неудовлетворительности первой исламской миссии Кучум обратился в 1574 г. в Бухару с новым письмом с аналогичной просьбой. В Ургенче вновь собрали миссию во главе с тем же Шербати-шейхом и Дин-Али-ходжой, родственником умершего Ярым-сеида. В Бухаре они для защиты в связи с опасной дорогой получили в помощь 100 человек во главе с Ахмед-Гиреем. По приходу в Сибирь Кучум уступил своему брату престол, на котором последний находился вплоть до своей смерти спустя четыре года около 1577 или 1578 гг., когда престол вновь занял Кучум (Катанов, 1897, с.51–60). По предположению М.Абдирова, Дин-Али-ходжа был постоянным послом бухарского хана Абдуллы в Сибири, в результате одна из дочерей Кучума была выдана замуж за ходжу [Абдиров, 1996, с.51, 57]. В казахских источниках убийство Ахмед-Гирея связывают с ханом Шигаем, союзником и будущим наследником Хакк-Назара [Кляшторный, Султанов, 1992, с.292–293]. Конкретные причины убийства Шигаем Ахмед-Гирея были, скорее всего, связаны с противостоянием именно в эти годы Сибирского ханства казахам.

Некоторая активизация деятельности Кучума наблюдается в 1577 г., возможно, после гибели старшего брата от рук казахов. В июле 1577 г. в Москву приходит отчет от детей боярских о поездке к ногаям, который, видимо, отражает ситуацию весны этого года. В отчете Тимофея Лачинова говорится, что к Ак-мирзе, который являлся лидером Шихмамевичей и играл значительную роль в ногайской политике, приезжал посол Таилак за лошадьми и овцами, которые по договору Кучум должен был получить за свою дочь, выданную замуж за Ака. При этом Таилак встречался с Лачиновым и говорил, что «государь его Кучюм хочет впередь государю Царю и Великому Князю в дружбе бытии, и вперед от Государя не отстаточну быть, и хочет… в том и правду дати по своей вере». Другим послом Семеном Мальцовым было сообщено, что тогда же старший сын Кучума Алей женился на дочери ногайского бия Дин-Ахмата. Летом того же года сам ногайский бий в письме в Москву также пишет о «сватовстве с сибирским царем Кучумом» и далее просит «и хто его будет посол, и тыбе его пожаловал почтил…» [ПДРВ, 1801, с.189, 193, 222]. В марте 1578 г. ногайскому бию Дин-Ахмеду из Москвы сообщали: «И у нас летом

посол Кучюма царя сибирского был. А присылал Кучюм царь к нам бити челом о том, которая наша дань была на сибирской земле издавна от наших прародителей, и он давать хочет, а нам бы гнев свой отложити и держать к нему свое жалованье». Было принято решение отправить в Сибирь с жалованной грамотой дорогу Добычу Лачинова «и дань свою имать постарине» [ПДРВ, 1801, с.281].

Еще раз обратим внимание на то, что новые попытки переговоров с Москвой начались только после смерти Ахмед-Гирея, которая условно относится к 1577–1578 гг. Складывается впечатление, что сама попытка смены в Искере Кучума на Ахмед-Гирея была связана именно с московской ориентацией первого и стремлением Бухары изменить это. Возможно, эти политические игры были отголоском возникающих экономических противоречий. Известно, что государства Средней Азии в большом количестве покупали у русских купцов меха пушных зверей, мед и воск. Причем значительная их часть шла из Перми через Строгановых, в том числе, это были и меха из Сибири и Югории, отчасти полученные в виде ясака, а отчасти купленные вымичами [Фехнер, 1956, с.58–62]. В этой ситуации резонно предположить, что Бухара была крайне заинтересована в прямом получении этих товаров от Искера, что и могло спровоцировать некоторые связанные с этим процессы. В этом отношении заслуживает внимания позиция А.В. Матвеева и С.Ф. Татаурова о том, что ожившие при Кучуме северные международные торговые пути послужили причиной падения Сибирского ханства [Матвеев, Татауров, 2011, с.96]. Выгодное географическое положение Искера сделало его территорией экономических и военных столкновений Москвы и Бухары.

В целом до начала 1580-х гг. реальной эскалации конфликта между Москвой и Сибирью не наблюдается. Особняком здесь стоят именно события 1581–1582 гг., оценка которых во многом зависит от датировки самого похода Ермака (автор в целом придерживается версии: [Шашков, 1997, с.35–50], хотя она и подверглась критике: [Солодкин, 2010, с.6–28]). На протяжении лета и осени 1581 г. во владениях Строгановых под Чусовскими городками и Сылвенским острожком происходило восстание местных вогулов и остяков во главе с вогульским мурзой Бегбелией Ахтаковым, связанное с достаточно жестокой политикой Строгановых по отношению к ясачному населению. Восстание было подавлено [Строгановская, 1996, с.61], но вскоре в эти же земли подошли отряды пелымского князя Аблай-Герима с вогуличами, причем последние стояли под Чусовскими острогом еще осенью 1581 г. [Миллер, 2005, с.335; Погодинский, 1991, с.66]. В грамоте от 6 ноября 1581 г. Никите Строганову предписывалось объединить силы с Семеном и Максимом Строгановыми и пермскими старостами, но при этом «воевать им не давали, чтоб вам всем от войны уберечись» [Миллер, 2005, с.335]. Следует понимать, что пелымские князья вели перманентную войну с русскими властями еще с середины XV в. [Маслюженко, Рябинина, 2014, с.35–50]. Исходя из этого, в походе вполне самостоятельного пелымского князя отнюдь не обязательно видеть влияние сибирского хана Кучума [Шашков, 1997, с.44], несмотря на то, что они и могли быть союзниками.

Осенью 1581 – зимой 1582 гг. отдельные казачьи отряды, участвовавшие до этого в борьбе с ногаями, общей численностью до 540 человек зимовали на Сылве, откуда в течение зимы совершали набеги на вогулов [Шашков, 2001, с.30–31]. Столь большая численность отряда могла быть воспринята сибирским ханом Кучумом и рядом угорских князей как прямое вторжение на их территорию. В результате был организован ответный (возможно, совместный) поход в конце лета 1582 г. [Скрынников, 1982, с.133], то есть как раз в то время, когда Ермак увел казаков в Сибирь. Согласно грамоте походом руководил пелымский князь, по Погодинскому летописцу – старший сын Кучума Алей, а по информации Вычегодско-Вымской летописи – сам сибирский царь. Столь же сильно отличается информация о результатах похода и его участниках. В

наиболее подробном виде сообщение зафиксировано в Вычегодско-Вымской летописи: «Того же лета… пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогулечи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повосты Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял» [Миллер, 2005, с.335; Погодинский, 1991, с.66; Вычегодско-Вымская, 1958, с.267]. Строгановская летопись приписывает все эти действия именно пелымскому князю [Строгановская, 1996, с.62–63], однако перечень участников похода не позволяет согласиться с этой точкой зрения: «… з собою сылвенских и косвенских, яренских, инвенских и обдинских татар, остяков и вогулич, и вотяков, и башкирдцев…». Отметим, что все перечисленные группы татар проживали на территории Перми Великой или землях Строгановых по притокам р.Кама, и не имели отношения ни к Пелымскому княжеству, ни к Сибирскому ханству. На территории Приуралья фиксируются также и все остальные группы населения. Данный список не позволяет в качестве руководителя выделять пелымского князя, но и не дает однозначного основания для поиска «руки» сибирского хана. Резонно предположить, что речь могла идти об очередном внутреннем восстании, которое совпало с походом сибирских войск, скорее всего, под руководством Алея.

Таким образом, объективных факторов для эскалации именно московско-сибирского конфликта в 1582 г. не выявляется. Имеющиеся источники не подтверждают предполагаемого роста немотивированной агрессивности сибирского хана в рассматриваемый период как возможной причины дальнейшей московско-сибирской войны. На тот момент обе стороны не были заинтересованы в обоюдных военных действиях, а их развитие стало одним из проявлений случайности в историческом процессе. В наиболее явной форме это фиксируется в «опальной» грамоте Ивана IV к Строгановым в 1582 г.: «и то зделалось вашею изменою: вы вогуличь и вотяков и пелынцов от нашего жалования отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас» [Миллер, 2005, с.335]. Помимо этого в литературе существует точка зрения, что «все казачьи походы «по приобретению новых землиц» совершались с согласия государства, но по воле казаков» [Резун, Шиловский, 2005, с.164]. Скорее всего, военные действия 1582 г. были во многом спровоцированы, с одной стороны, инициативой Строгановых, которые опирались на царские пожалования к востоку от Урала и, с другой стороны, казаками во главе с Ермаком, которые определили собственно направление похода, ставшего фатальным для Сибирского ханства.

Само поражение Кучума было предрешено особенностями Сибирского ханства, несоответствием между его внутренними возможностями и внешними запросами. Кризис ханства стал одним из звеньев постепенного расширения власти Москвы в лесостепной и степной зоне Западной Сибири. Причины поражения следует искать не в слабости сибирского войска и тем более не в нежелании оборонять якобы незаконного хана, а в том, что татары, вооруженные в контексте степных достижений, привыкли к традиционным войнам и были не готовы к иной тактике [Худяков, 2000, с.268–271; Герасимов, Шлюшинский, 2006, с.138; Матвеев, Татауров, 2012, с.222–224]. Не менее важным было то, что сибирские лидеры не смогли предложить единой идеологии, которой мог бы быть ислам или более традиционная опора на харизму, способной сплотить «разношерстное» население ханства. Хан Кучум и его потомки, несмотря на почти вековое сопротивление, были обречены в контексте начавшегося общего кризиса степной государственности под давлением расширяющихся оседлых государств. Этот процесс был закономерен для исследуемого периода, и гибель Сибирского ханства стала одним из компонентов постепенного исчезновения феномена кочевого могущества в Евразии.

Поражения от казаков стали основой для последнего этапа истории Шибанидской государственности в Западной Сибири, который характеризуется попытками хана Кучума (до его поражения в битве на Оби в августе 1598 г. и последовавшей гибели не

позднее 1601 г.) и его потомков Кучумовичей отстоять независимость своего государства. Спецификой было то, что теперь русская администрация не была отделена от сибирских дел Уралом, а постепенно занимала все более стабильное положение в бывших угорских и татарских центрах. Потеря некоторых из них в условиях возможности сохранения кочевого образа жизни рядом сибирских аристократов, в том числе в окружении Кучума и его сыновей, не стала причиной для ликвидации местной государственности, хотя и могла ударить по статусу и авторитету местных династов. По мнению В.В. Трепавлова, потеря трона могла рассматриваться как утрата божественного благоволения «царственного фарра», то есть поддержки хана высшими силами [Трепавлов, 2012, с.138]. Сохранение и признание государственности выражалось и в сохранении за Кучумом и затем его сыном Алеем титула сибирского царя [Трепавлов, 2012, с.62]. После пленения Алея в 1608 г. иные Кучумовичи уже имели только статус царевичей. Вплоть до 1660-х гг. они еще получали поддержку как среди пришлых калмыков, так и среди местных тюрко-татарских племен. Если первые чаще использовали потомков хана Кучума в своих интересах, то вторые иногда реально выступали под лозунгом восстановления сибирской государственности, которая становилась идеалом, постепенно уходящим все дальше в прошлое.

§ 8. Взаимосвязи тюрко-татарских государств Западной Сибири и других регионов

Дамир Исхаков

Известный российский тюрколог А.Н. Самойлович на основе анализа языковых материалов в 1927 г. выдвинул гипотезу о существовании «Окско-волжско-камско-тобольского культурно-географического района», где, по его мнению, существовали «не менее двух» языковых «слоев» – более древний, связаннный с чувашско- (отчасти) башкирско-мишарско-финскими языками, более поздний – с татарским, к которому примыкает частично «другая часть башкир» [Самойлович, 1927, с.211]. Если иметь в виду, что, согласно этому исследователю, первый из указанных «слоев» восходил к булгарско-хазарскому миру, имея выход на Кавказ и Крым, а второй являлся следствием «окыпчакивания» булгар-мусульман и исторических контактов с «обитателями оседло-туркестанского района» [Самойлович, 1927, с.211, 217], есть все основания полагать, что А.Н. Самойловичу удалось обозначить некоторые базовые направления прошлых этнических и культурных контактов средневекового периода между населением Волго-Уральского, Западно-Сибирского и Средне-Азиатского регионов. Затем эта проблема получила дальнейшую разработку в диалектологических исследованиях (обзор см.: [Исхаков, 2006б, с.19–20], не давших, однако, четкого ответа на вопрос о том, к какому времени – национальной консолидации (XVIII–XX вв.) или к донациональному периоду относится языковая близость сибирских и волго-уральских татар.

В 1980 г. в общей форме вопрос об этнических контактах сибирско-поволжских тюркских этносов был поставлен Ш.Ф. Мухамедьяровым, выделившем два периода этих связей – до гуннов и от гуннов до нового времени. Однако Ш.Ф. Мухамедьяров заявил, что детальное исследование данного вопроса, особенно «с учетом последующих этапов тюркской миграции, в т.ч. и наиболее важного – кыпчакского, на общем фоне развития сибирско-поволжских этнических связей», остается задачей на будущее, тем более, если анализировать эту проблему с точки зрения «тюркского этногенеза, протекавшего в Восточной Европе вплоть до XV–XVI вв., т.е. до времени окончательного распада Улуса Джучи» [Мухамедьяров, 1980, с.259]. К проблеме этнических кон-

тактов тюркского населения Приуралья и Западной Сибири обращался и Р.Г. Кузеев, но, главным образом, в связи с изучением этнической истории башкир. Тем не менее, некоторые сюжеты из средневековой истории племени *табын,* приводимые в работе Р.Г. Кузеева [Кузеев, 1974, с.254–255, 264, 281–282, 321], могут быть интерпретированы как отражение проникновения сибирских татар в этническую среду башкир и татар Приуралья. В 1984 г. в тезисах доклада Р.Г. Кузеева и Н.Н. Моисеевой была подвергнута критике концепция «самостоятельного пути» этнического развития сибирских татар [Кузеев, Моисеева, 1984, с.7]. Согласно этим авторам, близость волго-уральских татар, башкир и сибирских татар объясняется давними этническими контактами между ними. В истории их этнических взаимосвязей Р.Г. Кузеев и Н.Н. Моисеева выделили четыре этапа, два из которых относятся к интересующему нас периоду: от первых веков н.э. до II тыс. н.э. (до начала монгольского нашествия в XIII в.) и XIII–XV вв. (золотоордынский и ногайский периоды). По мнению этих исследователей, на первом этапе в этнических процессах среди тюрков от Волги и до Тобола, наряду с печенежскими (печенежско-огузскими) племенами, главную роль играли волжско-булгарские племена. Причем появление булгарских (булгаро-кыпчакских) групп в Западной Сибири могло происходить и в XIV в., возможно и позже (вплоть до XVI–XVIII вв.) [Кузеев, Моисеева, 1984, с.7–8]. Во второй период (в XIII–XV вв.) «...происходили активные передвижения кыпчакских и кыпчакизированных... групп... от Оки и до Оби». В результате сложилась «существенная часть общего этнического компонента; тюркского населения от Волги и до Иртыша», в т.ч. и под воздействием Ногайской Орды. Именно наследием этого периода является этноним *нугай,* применявшийся соседями по отношению к сибирским и волго-уральским татарам, иногда и к башкирам, а также этноним *иштяк* (*иштәк*), употреблявшийся как для обозначения сибирские татар, так и части башкир [Кузеев, Моисеева, 1984, с.8–9].

В 1970–1980-х гг. проблема этнокультурных, языковых и других контактов сибирских и волго-уральских татар стала изучаться более конкретно. В диссертационном исследовании Д.Б. Рамазановой была выявлена определенная общность говора пермских татар с восточным (сибирско-татарским) диалектом татарского языка [Рамазанова, 1970, с.26]. Позже она сформулировала положение о том, что эта общность возникла в результате участия в формировании пермских татар определенного этнического компонента – «иштяков» («остяков»), вошедших также в состав некоторых групп башкир и сибирских татар [Рамазанова, 1970, с.28]. Участие сибирских татар в сложении еще одного говора татар Пермского края – свердловского, отмечалось и в публикации Ф.Ю. Юсупова [Юсупов, 1982, с.69].

Н.А. Томилов в 1981 г. высказал предположение о продвижении в период Сибирского ханства некоторых групп татар из этого государства: «далеко на запад» – в Приуралье, точнее, в бассейн рек Сылвы и Ирени, а также в некоторые прилегающие районы [Томилов, 1981, с.30–33]. В нашей работе [Исхаков, 1998, с.113–140] было показано, что в Сылвенско-Иренском междуречье в средневековье жили предки пермских татар, имевших, впрочем, этническое родство с сибирскими татарами. Большего внимания заслуживает тезис Н.А. Томилова об оседании среди сибирских татар (среди искеро-тобольской их группы) «небольших групп казанских татар и чувашей» во времена хана Кучума [Томилов, 1981, с.69–70; 1992, с.90]. Это мнение хорошо документировано, но автор не сделал акцента на том, что в XVI–XVII вв. «чувашами» (ясачными чувашами) назывался и один из этнических компонентов казанских татар.

В статье Д.Г. Тумашевой (1987 г.) по материалам топонимии и антропонимии сибирских татар были прослежены контакты населения Прииртышья и Поволжско-Прикамской зоны в конце I – начале II тыс. н.э. [Тумашева, 1987, с.38–40]. Опираясь в основном на исследования Р.Г. Кузеева и ряд топонимов, имеющих угорское происхо-

ждение (*терсяк, юрми, юрматы, бикатин* и др.), эти контакты она связала с башкирами, что не вполне правильно, поскольку те же этнонимы и этнотопонимы в значительной мере характерны и для приуральских татар. Д.Г. Тумашева выделила и кыпчакский слой в этнотопонимии сибирских татар [Тумашева, 1987, с.44–46], но недостаточно полно проследила характер подобной общности кыпчаков с волго-уральскими татарами [Исхаков, 2006б, с.23]. Поэтому трудно согласиться с ее мнением о том, что языковые, в том числе и ономастические данные «...о возможной миграции булгаро- кыпчакских племен до XIII в. и после монгольского нашествия в Западную Сибирь и об участии булгарского компонента в формировании сибирских татар...», отсутствуют [Тумашева, 1987, с.41]. В другой публикации научно-популярного характера этот вывод автора был несколько смягчен, но в целом сохранился [Тумашева, 1995]. В нашей работе [Исхаков, 1998, с.113–140] была достаточно детально обоснована гипотеза о существовании в Среднем Приуралье в средневековый период «иштякской» этнической общности с тюрко-угорскими истоками, имеющей родство с тюрко-угорскими группами Западной Сибири. Нам представляется, что эти «иштяки» являются ранним связующим звеном между волго-уральскими и сибирскими татарами.

В последние годы внимание стало обращаться и на контакты по религиозной линии, связанные с исламизацией сибирских татар [Маслюженко, 2006; 2009]. Но в связи с тем, что этот вопрос обсуждается отдельно, мы на нем останавливаться не будем. Но в целом, как показывает историографический обзор, средневековые исторические и этнические контакты татар Волго-Уральского региона и Западной Сибири остаются изученными крайне слабо.

Существование разнообразных связей как этнополитического, политического, так и этнического характера между населением Западной Сибири и Волго-Уральского региона, а также Центральной и Средней Азии по меньшей мере с древнетюркского времени, не подлежит сомнению [История и культура, 2014, с.85–95]. Этнонимы *сувар, эсегел* (чигило), топоним Тухчин, известные в Волжской Булгарии домонгольского времени [Фахрутдинов, 1984], башкирские этнонимы *юрми, тугыз/тогуз* [Кузеев, 1974, с.120, 203, 332, 359], эпоним Субра (предок группы *дуван-айле*) [Исхаков, 1999, с.97], в той или иной форме обнаруживаются и среди сибирских татар (волость Супра, «народ» сыпыр; волость Тогуз; топоним Юрма, этноним юрми) [Исхаков, 2006б, с.71]. Чигили среди сибирских татар не отмечены, но согласно М.Кашгари (XI в.), они были группой, родственной племени *тухси/тухчи* (видимо, от «тогус/ тогуз») и их именем огузы «называли всех тюрок от Жайхуна до Сина» [Махмӯд ал-Кāшгари, 2005, с.123, 372–373], что может свидетельствовать о неслучайности присутствия «волости» (т.е. родо-племенного подразделения) Тогуз (Тогус) в составе сибирских татар в XVI в. В целом, связующим звеном между Волжской Булгарией и Западной Сибирью домонгольского, частично, и золотоордынского периодов, были «иштяки» – этническая общность, расселявшаяся к западу и востоку от Уральских гор [Исхаков, 1986; 1990; 1998, с.114–140]. На них следует остановиться подробнее, ибо именно иштяки были субстратной этнической группой, вошедшей в состав как волго-уральских, так и сибирских татар.

Начнем с того, что в прошлом сибирских татар *уштяками/эштяками* именовали казахи [Томилов, 1981, с.21]. Так же называли в XVI–XIX вв. казахи, узбеки, ногайцы и башкир [Кузеев, 1968, с.242–248; Исхаков, 1998, с.120–121]. Хотя в литературе, преимущественно изданной в Республике Башкортостан, существует тенденция видеть в этих «иштяках» башкир уже в средневековье, историко-этнологические материалы не позволяет принять это мнение [Исхаков, 1998, с.114–140]. Предпочтительнее исходить из гипотезы, сформулированной В.В. Трепавловым, исходившим из того, что «истяки»/ «иштяки» являлись самостоятельным этническим компонентом башкир [Трепавлов, 1997]. При этом данному исследователю осталось неизвестным, что «иштяки» («остя-

ки» русских источников) явились и субстратным этническим элементом, вошедшем также в состав татар Среднего Приуралья [Исхаков, 1990], что значительно усложняет данный вопрос [Исхаков, 1998].

Применительно к сибирским татарам именование их «иштяками» встречается и в средневековых источниках. В частности, у продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи в сообщении, посвященном хану Кучуму, после указания на то, что он «воевал в Туркестане в стороне Отрара», говорится: «…он… стал великим ханом юрта Тау [Тай] Буги Ишдеге» (*«Тау [тә] Буга Ишдеге олуг падишаһ болгандур»*) [Миргалеев, 2014, с.65]. Кроме того, известное место из «Родословной туркмен» Абул-Гази, где речь идет о том, как Джучи со своими «нукерами» завоевывал Дешт-и Кыпчак, содержит пассаж о бегстве разбитых кыпчаков «к иштякам», с добавлением – «большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков» [Кононов, 1958, с.44]. Хотя обычно это место из сочинения Абул-Гази трактуется как уход кыпчаков в Приуралье [Кузеев, 1974, с.172], не исключено, что оно может свидетельствовать и о бегстве некоторых групп кыпчаков в бассейн р.Иртыш, ибо в преданиях сибирских татар, попавших и в их письменное наследие, впоследствии опубликованное Н.Ф. Катановым, среди «народов», обитавших в том районе ко времени прихода туда мусульманских проповедников, числилась и группа «кара-кыпчак» [Исхаков, 2006б, с.24–25], где определение «кара» означает «восточные», т.е. речь идет о восточных кыпчаках. В целом эти два источника позволяют подтвердить факт функционирования этнонима «иштяк» применительно к населению Западной Сибири в позднее средневековье. Этот этноним бытовал и среди самих сибирских татар: как родовое наименование (в группах тобольских и барабинских татар), отложившееся также в топонимике [Тумашева, 1977, с.21; 1987, с.40; Томилов, 1981, с.22]. У них сохранялось и историческая память о происхождении предков от «иштяков» (*безнең бабаларыбыз иштяк булган*) [Архив 07 И.И., ф.32, ед.хр.1, л.2].

Так как в Среднем Приуралье в XVI – начале XVII вв. русские источники фиксируют ещё не полностью исламизированных «остяков», которые не были хантами, но вскоре «превратившись» в пермских татар и башкир [Исхаков, 1990; 1998], а в составе Казанского ханства существовала связанная именно с этой зоной особая «Костяцкая» административно-территориальная единица [Исхаков, 1998, с.131], не лишним будет посмотреть, как в башкирских генеалогиях определялось место группы с этнонимом «иштяк», а также ее клановую структуру [Исхаков, 2006б, с.25–26].

Мораддин → Кинҗә (5-й сын) → Татар
Мишәр
Нугай
Иштәк → Бикатун (4-й сын) → Әйле
Юрми
Байлар
Байкы
Иракте

Так как у сибирских татар известен топоним *пигәтин* [Тумашева, 1987, с.40], а группа *аялы* (XVI в. – Аялынская волость) была в числе их крупных родо-племенных подразделений [Томилов, 1981, с.136–138], причем такого рода соответствия в клановой номенклатуре средневековых «иштяков» низовьев р. Белой, бассейнов рек Тулвы, Сылвы и Ирени и сибирских татар можно обнаружить ещё (детальнее см.: [Исхаков, 2006, с.25–26], есть основания, чтобы высказать гипотезу о передвижениях тюрко-угорских групп из Западной Сибири в Волго-Уральский регион, начиная, по крайней мере, с раннебулгарского времени, что подтверждается и исследованиями археологов [Казаков, 1978, с.9, 20, 83; Хлебникова, 1984, с.224]. Этот этнический массив, занимавший обширную территорию – от района впадения р. Агидели в Каму, Среднее Приура-

лье (бассейны Тулвы, Сылвы и Ирени) до Западной Сибири включительно, постепенно трансформируясь под воздействием более поздних этнических общностей, скорее всего, продолжал существовать практически до XVI – начала XVII вв. Во-всяком случае, так обстояло дело в Среднем (Пермском) Приуралье [Исхаков, 1998].

По-видимому, описанный ал-Гарнати (XII в.) торговый путь из г.Булгара, ведший к зависимой от Волжской Булгарии «области Вису», а затем – к «области Йура» [Путешествие, 1971, с.32–34], проходил по землям, населенным тюрко-угорскими группами, маркированными как «иштяки» (рус. «остяк», отсюда – ареал под названием «Костякский»). Следы этих торгово-экономических связей, имевшихся между булгарами, населением Среднего Приуралья и Зауралья, археологами уже выявлены и достаточно детально описаны [Белавин, 2000].

Как включились в эти устоявшиеся контакты домонгольского времени населения Волго-Уральского региона с населением Западной Сибири кыпчаки, в том числе их восточная ветвь – кимаки, на основе источников пока не прослежено. Однако, судя по информации ал-Асира (около 1043/1044 г.) о существовании направления кочевания «тюрок» от Баласагуна до «краев Булгара» [Ибн ал-Асир, 2006, с.211], надо, наверное, говорить и о существовании, начиная с XI в., южных контактов населения Приуралья и Волжской Булгарии. В этом плане весьма показательно, что в XVIII в. башкиры клана айле, определили себя как «булгарские иштяки» (*болгарлык иштяк*) [Башкирские шежере, 1960, с.27–28, 31–32]. В то же время изучение их исторических преданий и родоплеменных структур демонстрирует их связи с районами «Бухары», «Сыра» (т.е. бассейна Сыр-дарьи) [Кузеев, 1974, с.198–206]. Хотя родство этого клана с сибирско-татарским кланом аялы иногда отрицается [Кузеев, 1974, с.198], на самом деле это одно и то же родо-племенное подразделение, поэтому южные контакты этой группы в средневековье надо отнести и к тюрко-угорскому населению Западной Сибири. Несомненно, на жителей бассейна р.Иртыш, обобщенно именовавшихся «сыпырами», в домонгольское время могли влиять также кимаки и найманы, о которых уже говорилось.

Еще более тесные контакты между населением Волго-Уральского и Западно-Сибирского регионов установились в результате формирования удела Джучи с центром в ареале Иртыша в рамках Великого Монгольского государства. Одной из важнейших предпосылок этих связей было наличие в составе владения Шибана западных территорий, включавших в свой состав восточные части территории покоренной монгольскими войсками Волжской Булгарии, включая Среднее и Южное Приуралье (политический центр Улуса Шибана, скорее всего, находился в Чимги-Тура). Так как этот вопрос разработан недостаточно, приведем те материалы, хотя они и все косвенные, которые свидетельствуют в пользу данной точно зрения [Исхаков, 2013; Исхаков, Тычинских, 2013].

Прежде всего, следует обратить внимание на версию казанско-татарского дастана об Аксак Тимуре, которую цитирует казанский ученый А.Кавелин в своей статье, опубликованной в 1847 г. (текст дастана не сохранился) [Кавелин, 1847, с.57]. Он отмечает, что в данном дастане речь шла об «Абдуллах-хане» (хорошо известная по ряду поволжско-татарских источников XVII–XVIII вв. личность – Д.И.), «владевшем городом Болгаром». По дастану, он происходил «от поколения хана Джучи, сыновей его Бойярки» (т.е. Берке – Д.И.), Шабана и Кашела ханов». Про последних двоих в источнике добавлено, что они после брата их «Бойярки-хана» владели «народом болгарским». Имя «Кашеля (Кушилу)-хана» отождествить с именами известных Джучидов не удалось, а вот упоминание «хана Шабана», т.е. Шибана, как правителя «народом болгарским», весьма интересно. Не исключено, что приведенная информация была заимствована из «Джихан-наме» Катиба Челеби или у них был общий источник. У Катиба Челеби сказано: «… Упомянутый народ (речь идет о булгарах – Д.И.) находиться под властью Шейбани б. Джучи и Кишилу-хана» (цитируется по: [Амирханов, 2010, с.39]).

Есть еще один источник генеалогического характера, косвенно свидетельствующий о принадлежности Булгарского вилайята или его части Шибану. Речь идет о родословной знатной части «остяков» бассейна р.Тулвы, в которой говорится о приходе туда предков «из Булгара» во время взятия его Тимуром и приводятся клановые атрибуты (уран, птица, тамга, имя предка-мигранта Буркут-би, за исключением начертания тамги, совпадающие с аналогичными данными из «Дефтер-и Чингиз-наме», приписанными Буркут-бию. Заметим, что в последнем источнике содержится большой рассказ о взятии г. Биляра (*Бүләр*) войсками Тимура, некоторые имена из которого совпадают с начальной частью отмеченной выше родословной. О проживании в северо-западном Приуралье буркутов – а они, как же указывалось, являлись одним из личных элей Шибана – говорят и другие данные, ранее нами уже проанализированные [Исхаков, 1998, с.122–123], причем в некоторых случаях речь идет о прибытии в Приуралье лиц, аффилированных с «Буркит-бием», с «берегов Черного моря, из Крыма». Добавим также, что в одной из версий родословной клана *юрматы*, также в XVI в. маркировавшихся как «иштяки» [Башкирские шежере, 1960, с.29] и проживавших на западе Южного Приуралья, предки ведутся от «Калбак Шабан-хана» (тут «калбак» – от «калмак», со значением «язычник» – Д.И.), который определен «первым прошедшим в Булгар мужем» [Башкирские родословные, 2002, с.67].

Хотя во всех этих случаях мы имеем дело с легендарными сведениями, они имеют системный характер и явно отражают существование у Шибанидов каких-то исторических прав на Булгарский вилайят Улуса Джучи. При этом надо иметь в виду, что сам Шибан мог и не жить на территории этого владения, ограничиваясь отправкой туда своих даруг и получением оттуда части доходов, как это было у Шибанидов в ряде других случаев. Тем не менее, нельзя исключать и территориального вхождения восточной зоны бывшей Волжской Булгарии (например, начиная от Биляра, бассейнов р.Зая и Шешмы), в состав удела Шибана непосредственно. В этой связи стоит подчеркнуть причисление легендарного правителя «Булгара» Абдуллы (Габдуллы)-хана, по нашему мнению, являвшегося правителем Мамаевой Орды при темнике Мамае между 1361–1370 гг. [Исхаков, 2013, с.37], к потомкам Шибана, что вполне возможно и вот почему.

И.А. Мустакимовым на основе сведений из труда Абд ал-Гаффари и работы А.-З. Валиди Тогана, опиравшегося на сочинение продолжателя Утемиша-хаджи [Кырыми, 2014; Миргалеев, 2014], был сделан вывод, что в числе двоих «сыновей» Габдуллы-хана, тоже хорошо известных из поволжско-татарских летописей, присутствует султан из рода Шибана [Мустакимов, 2009, с.186]. Это известие перекликается с сообщением из татарских хроник, рассказывавших о времени взятия Булгара эмиром Тимуром, убийстве при этом хана Габдуллы, когда его двое его «сыновей» – Алтун-бек и Галим-бек были переправлены в Иске Казань, оттуда один из них (Алим-бек), «не возлюбив Казань, пришел в Тобол Туру ... держал (там) юрт» [Рахим, 2004, с.579]. О сохранении связей между Булгарским вилайятом и Шибанидами в первой трети XV в. свидетельствуют независимые друг от друга источники: а) у продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи сказано, что Хаджи-Мухаммед-хан (основатель Тюменского ханства) «контролировал башкурт, Алатырь, Мохши и захватил находившийся в стороне Шехр-и Болгара знаменитой названием Шехр-и Тура территории мангытов» (в последнем случае речь идет о Южном Приуралье – Д.И.) и был великим падишахом» [Миргалеев, 2014, с.65]; б) в «Тарих-и гузида-и Нусрат-наме» содержится указание на то, что «жители Жангы-Туры (т.е. Чимги-Туры – Д.И.) и Булгара платили казне (хана Абул-Хайра – Д.И.) ясак» [Ахмедов, 1965, с.19–20, 94]. В этом ряду следует назвать и султана Махмуда-ходжу (имя восстанавливается по косвенным данным), в составе войск Булгарского / Казанского княжества в 1429 г. совместно с князем Али-Бабой (Либей /Галимбек) совершившего поход на города Галич и Кострому, т.е. этот султан находился тогда в Булгарском (Казанском) вилайяте. В итоге

изучения информации о нем было предложено видеть в Махмуде-хадже Шибанида, чья генеалогия выглядит так: отец – Каганбек, дед – Ильбак (Айбек) [Исхаков, 2009б, с.128; Маслюженко, 2011, с.98; 2012, с.82]. Качанбек известен и по другим источникам, согласно которым он между 1374/75 – 1377/78 годами правил в Сарае как хан Золотой Орды [Сафаргалиев, 1960, с.126–128]. Похоже, что представители этой линии контролировали Булгарский вилайят. Во всяком случае, Тука-Тимурид Улуг-Мухаммед Казань или Казанский вилайят «хитростью» забрал у султана по имени «Алтынай» (Алтынбай»), согласно Кырыми, происходившему «из рода Шибана» [Кырыми, 2014, с.112]. Действительно, его имя совпадает с именем одного из двух «сыновей» легендарного правителя г.Булгара Габдуллы-хана – Алтынбека. Несмотря на то, что Д.Н. Маслюженко вслед за А.-З. Валиди Тоганом [Вәлиди, 1994, с.24] заключил, что названный Алибай/Алтынбай являлся братом Каанбая (Каганбека) и правил «в Булгаре и Казани» [Маслюженко, 2011, с.98], его родство с Шибанидом Каганбеком по источникам не устанавливается. Похоже, что А.-З. Валиди Тоган спутал Шибанида Айбак-хана, т.е. Сайида-Ибрагима, известного как Ибак и, согласно продолжателя Утемиша-хаджи, действительно правившего «объединив страны Кыркыз и Казань» [Миргалеев, 2014, с.65], с Шибанидом Алтынбеком (Алтынбаем), находившимся до 1445 г. в Казанском вилайяте. Но в данном случае это не принципиально, ибо находился во владении Шибанидов. Дополнительно об этом свидетельствует то, что наш опыт анализа происхождения хана Габдуллы показывает его аффилированность с кланом кыйат, как уже было показано, находившимся в войсках Шибана [Исхаков, Тычинских, 2013, с.130–133]. Показательно также присутствие кунгуратов в одно время в местности «Туратау» около современной Уфы [Исхаков, Тычинских, 2013, с.134–135], что явно не случайно, учитывая присутствие Шибанидов в Приуралье и вхождение кунгуратов также в первоначальное войско Шибана.

Похоже, что Шибаниды, точнее, какая-то их ветвь, «сидели» в Булгарском вилайяте вплоть до захвата его Тука-Тимуридом Улуг-Мухаммедом и его сыном Махмудеком в 1445 г. (возможно, и несколько раньше). Поэтому, дальнейшие претензии сибирских Шибанидов на казанский престол (Сайид-Ибрагима, его брата Мамука) исторически были обоснованы и восходили к эпохе завоевания Волжской Булгарии при активном участии Шибана. Стоит отметить, что удел Шибана фактически контролировал старый торговый путь из Поволжья в Западную Сибирь, бывший частью коммуникаций, выходивших в Среднюю Азию, Центральную Азию и Китай [Костюков, 2010, с.94–99]. Этот торговый путь продолжал функционировать и в XIV в. В частности, ал-Омари, со слов шейха Алаэддина б. Номана, говорит, что «купцы Булгарского ездят до Чулымана, а купцы Чулымана ездят до земель Югорских». По приводимому им рассказу одного из купцов, от Булгара купцы шли к городку («касаба») Акикулу (20 дней ходьбы), а затем следовали в «Сибирь и Ибирь» и «Земли Чулыман», причем «страны Сибирские и Чулыманские… прилегают к Башгирдам» [Золотая Орда, 2003, с.103]. Ясно, что этот торговый путь соответствует описанному ал-Гарнати, за исключением того, что «область Вису» поменена на «землю Чулыман», по-видимому, подразумевающую Пермский край (детальнее см.: [Белавин, 2000]).

Этнополитические контакты между предшественником Казанского ханства Булгарским вилайятом и предшественником Тюменского ханства «вилайетом Чимги-Тура» существовали еще в первые десятилетия XV в. О них, опираясь на труд историка XVI в. Утемиша-хаджи, писал А.-З. Валиди Тоган. Согласно ему, основателю Тюменского ханства Хаджи-Мухаммету (правил с 1420/21 по 1428/29 или 1430 г.), наряду с прочими территориями подчинялись и «Алатырь, мокша и город Болгар с окрестностями» [Вәлиди, 1994, с.24–26]. Эта информация находит неожиданное подкрепление в других источниках, из которых явствует, что в начальный период правления хану Государства кочевых узбеков Абу-л Хайру, покорившему и вилайет Чимги-Тура, подчинялись так-

же земли «правобережья Волги от Булгара и Дербента». Поэтому в «Нусрат-наме» сообщается: «...жители Жанги (Чинги/Чимги) – Туры и Булгара... платили ханской казне ясак» [Ахмедов, 1965, с.71, 94].

В полулегендарной форме о контактах этого же периода говорят и сохранившиеся среди волго-уральских татар так называемые летописи. В одном из их списков рассказывается о том, как «пришел Мир-Тимур (т.е. эмир Тимур. – Д.И.) и взяв город Болгар, разорил (его)». Тогда один из сыновей правителя Булгара Абдуллы (Габдулы) хана, Алтун бик, «с остатком своего народа держал юрт в городе Казани». А вот его брат Алим бик, «не возлюбив Казань, пришел в Тобол-Туру. Придя туда, держал (там) юрт. Старая Тобол-Тура построена им» [Рахим, 1930, с.70].

Во второй половине XV в., особенно начиная с 1480-х гг., опять наблюдается активизация взаимодействия Тюменского и Казанского ханств. Существование торговых связей между ними подтверждают сообщения русских летописей. Под 1475 г. в Патриаршей (Никоновской) летописи сказано: «...Татарове Казаньстии побили Устюжан в Каме 40 человек, едучи къ Тюмени торгом» [ПСРЛ, т.11–12, 1965, с.158]. Через шесть лет (1481) в русских летописях появляется сообщение о том, что устюжане, воевавшие под г. Чердынем, «на Каму шедши, да встретили гостей и Тюменских татар», которых «пограбили» или «посекли» [ПСРЛ, 1982, с.95; Документы, 1958, с.263]. Очевидно, тут имеются в виду торговые татары, плывшие или из Тюменского в Казанское ханство, или наоборот. Заметим, что одна из восточных проезжих башен г. Казани в период ханства именовалась «Тюменскими воротами», что также указывает на связи двух этнополитических образований.

Политическая составная взаимоотношений двух государств была гораздо более сложной. Выше уже говорилось о подчинении Булгарского вилайята Шибанидам. По-видимому, в дальнейшем это давало повод Шибанидам, как Чингисидам, претендовать на казанский престол. Так, опираясь на «Сибирские летописи» еще Г.Ф. Миллер писал о «Казанском хане Упаке», умертвившем Тайбугида Мара и подчинившем «город Чингидин или Чимги... с землями» [Миллер, 1999, с.194]. Далее сообщалось, что внук этого Тайбугида Махмет, в конце концов, убил хана Упака, находившегося тогда «в Чимги вместе со многими Казанскими татарами». В «Сибирские летописи» приведенная информация явно попала из исторических преданий сибирских татар, опиравшихся на какие-то реальные события. В этом плане интересна фигура «хана Упака», под которым, несомненно, имеется в виду правитель Тюменского ханства Шибанид Ибрагим (Сайид-Ибрагим) хан (1469–1493), известный и как Ивак/Ибак. Но возникает вопрос: почему этот хан назван «казанским»?

В свое время Б.А. Ахмедов высказывал предположение, что хан Ивак (Ибрагим) в конце 1470-х – начале 1480-х гг. мог на короткое время захватить власть в Казани [Ахмедов, 1965, с.61]. Но этот период истории Казанского ханства практически источниками не освещается, поэтому можно и не соглашаться с Б.А. Ахмедовым. Тем не менее, остается место и для его гипотезы. Несмотря на сочинения, уместно думать, что для преданий сибирских татар были определенные основания. Действительно, Шибанид Ибрагим-хан в 1480-е – начале 1490-х гг. в Поволжье вел активные военные действия (в частности, хорошо известно его участие в разгроме Большой Орды в 1481 г.), в том числе и против Казанского ханства [Малиновский, 1793, с.223]. Усиление борьбы Шибанидов в Поволжье не в последнюю очередь было связано с событиями 1487 г., когда при поддержке русских войск на казанский трон был посажен Мухаммет-Амин, а сторонники прежнего хана, «Алегамовы царевы люди», были вынуждены бежать в Ногайскую Орду. Оттуда часть из них и выехала в Тюменское ханство. О последних мурза Ямгурча из Ногайской Орды писал Ивану III (1491 г.): «...Алгазыя просишь: Алгазыя яз не видал, с Ибрагимом царем к Тюмени поехал ...у Ибрагима царя в Тюмени живет» [Сборник РИО, 1884, с.94].

Между тем князь Алгазый, которого знают и некоторые русские летописи [ПСРЛ, 1982, с.50, 96], был в Казанском ханстве достаточно крупной политической фигурой. Поэтому хан Ибрагим, пользуясь тем, что у него оказалась целая группа знатных казанцев, пытался вмешиваться в казанские дела. Например, в 1489 г. он отправил послание Ивану III, в котором говорилось: «...брат мой Алегам царь…, в твоих руках стоит, ... брата моего ко мне отпусти. Ко мне его не въсхошь и ты его на ево вотчину отпустишь». Такого же содержания послание от него в Москву поступило и в 1493 г. [Посольские, 1995, с.19, 47]. Из ответа Ивана III на первое послание (1489) видно, что у тюменского хана действительно находились казанцы: «...Алказый да Тевеккель сеит, да Касим, да Бегиш с Утешем (последние двое были Ширинами – Д.И.) и иные их товарищи, и тех людей Ивак царь... [и] мырзы у себя держат... землю Магмед-Аминову цареву и нашу воевали» [Сборник РИО, 1884, с.64]. Известно, что Шибанид Ибрагим-хан был очень тесно связан с Ногайской Ордой и после ряда их совместных нападений на Казанское ханство (1490, 1491) в 1493 г. хан вообще оказался «на отцове юрте, к Волзе». Оттуда он и послал грамоту Ивану III с тем, чтобы тот отпустил к нему бывшего казанского хана Ильгама (Алегама) [Посольские, 1995, с.46].

В конце концов при поддержке ногайцев в 1496 г. на казанский престол был посажен Шибанид Мамук – брат тюменского хана Ибрагима [ПСРЛ, т.13, 1965, с.242–243]. Но пробыл он там недолго. Мамук был вынужден уйти с территории Казанского ханства, по пути кажется, он и умер. Но ушел он не один, а с группой казанской знати, что видно из сообщения казанского хана Абдыл-Латифа (1499). Тот отмечал, что «на него идет Агалак царевич, Мамуков брат, да Урак князь казанских князей» [ПСРЛ, т.13, 1965, с.250]. Последний, являвшийся беклерибеком, упоминается в Казанском ханстве в 1489 и 1496 гг. [Татары, 2001, с.134]. Видимо, поход 1499 г. был совершен при участии ногайцев, так как через год русские летописи сообщают, что приходили «под Казань-город ...Нагайския Татарове... со многими людми» [ПСРЛ, т.11–12, 1965, с.253]. Спустя несколько лет (в 1505 или 1506 г.) «из Тюмени» войска сына хана Мамука Кулук султана воевали у г.Чердыни, придя в район р. Сылвы [ПСРЛ, 1982, с.99; Документы, 1958, с.264]. Между тем район р.Сылвы был уже территорией Казанского ханства [Исхаков, 1998, с.131–132].

Таким образом, благодаря изложенным событиям в народной памяти населения Тюменского ханства могла возникнуть фигура «Казанского хана Упака». Но, как было показано, у преданий есть и реальные основания. Это особенно относится к уходу в последние десятилетия XV в. в Тюменское ханство по меньшей мере двух групп (после 1487 г. и после 1496 г.) знатных казанских татар с их людьми. Поэтому возникновение сюжета о нахождении при «Казанском хане Упаке многих казанских татар» было небезосновательным.

Но в последней четверти XV в. наблюдалось и обратное движение – из Тюменского в Казанское ханство. На основе достаточно документированных данных известно, что в этот период в северо-западное Приуралье, а оттуда и в центральные районы Казанского ханства, проникла значительная группа представителей племени табын, после переселения получивших названиеиректинцы. Эта группа, до переселения находившаяся в бассейнах рек Тобола и Иртыша, впоследствии вошла в состав казанских татар и башкир [Исхаков, 2006б, с.39–42].

Следует выделить еще одно из возможных направлений контактов сибирских татар с казанским ханством, на этот раз связанным с Тайбугидами, правившими Искерским юртом начиная с конца XV в. Дело в том, что после конфронтации в последней четверти XV в. с Шибанидами, когда Тайбугиды закрепились в Искере, они остались без верховного сюзерена, что по политической традиции того времени было невозможно. Как полагает В.В. Трепавлов, со времени правления тюменского хана Сайида-Ибра-

гима, возведенного бежавшими в Тюменское ханство казанскими князьями на казанский престол – что действительно могло иметь место, ибо, согласно продолжателю Утемиша-хаджи, этот хан правил, «объединив страны Кыркыз (то есть казахов – Д.И.) и Казань» [Миргалеев, 2014, с.65]. Государь Казанского юрта оставался до 1563 г. для Тайбугидов верховным сюзереном [Трепавлов, 2007, с.101–102]. Естественно, что это усиливало связи сибирских татар с поволжскими.

Из работы Г.Ф. Миллера заслуживает внимания сюжет, на этот раз связанный с ханом Кучумом. Ссылаясь на «Ремезовскую летопись», он пишет о том, что хан Кучум через «два года после своего прибытия (в Сибирь – Д.И.) ездил в Казань, женился там на дочери казанского хана Мурата и привез вместе с ней большое количество русских и чувашских пленных». Далее, опираясь на ту же летопись, он сообщает, что Кучум «привез в Сибирь много духовенства из Казани» [Миллер, 1999, с.197–199]. Г.Ф. Миллер, имея в виду, что Кучум в Сибирском ханстве окончательно закрепился лишь в 1563 г., хотя и начал свои действия против Тайбугида князя Ядигера («Сибирского князя») еще в 1556–1557 гг., указывал на анахроничность приведенного сообщения: к 1563 г. в Казани точно уже не было ханов. Поэтому этот автор высказал предположение, что Мурат являлся лишь одним из претендентов на казанский престол [Миллер, 1999, с.197]. Осмысливая данный сюжет из «Ремизовской летописи», приходится отметить, что Кучум мог жениться еще до падения Казанского ханства, будучи султаном. Такая вероятность существует еще и потому, что старшая жена казанского хана Сафа-Гирея была дочерью сибирского хана [Казанская история, 1954, с.83], не исключено, Муртазы, ибо в 1547 г. именно этот хан склонил некоего «сибирского салтана» к союзу и тот совершил набег совместно с ногайцами на Пермь Великую [Маслюженко, 2007, с.56; Исхаков, 1998, с.124]

Поэтому возможность прихода при Кучуме в Сибирское ханство людей из Казанского ханства, включая и мусульманское духовенство, представляется вполне вероятной. Тем более, что в одной из рукописных татарских «летописей» содержится указание на миграцию казанских татар после 1552 г. в направлении Казахстана: «...чтобы спастись от рук русских, разбежались в разные стороны... Многие переселились на реки Джим и Куан. Смешались с киргизами» [История Татарии, 1937, с.123]. Под «киргизами» тут имеются в виду казахи. Косвенно об этом направлении миграции татар свидетельствует и послание Ивана IV князю Ногайской Орды Исмагилю (1556): «...а которые люди Казанские беглые к вам приедут или с какими речами... придут, и вы б... (их) велели побити, а живых не отпускали» [ПДРВ, 1795, с.217]. Так как в Сибирском ханстве Кучум появился «ис Казачьи Орды» [ПСРЛ, 1987, с.48], не исключено, что часть беглецов из Казанского ханства оказалась в окружении Кучума еще до его прибытия в Сибирь. Во всяком случае, сведения о «чувашских пленных» у Кучум-хана подтверждаются и информацией об обороне хана Кучума в местности «Чуваш-тура» [ПСРЛ, 1987, с.52–53].

После падения Казанского ханства действия Сибирского ханства в Приуралье активизировались. Под 1573 г. в «Вычегодско-Вымской летописи» указывается, что «пришедшу ратью на Пермь Великую Маметкул сын Сибирского царя» [Документы, 1958, с.266]. Судя по другим сведениям, этот султан, воевавший в районе «Чусовских городков», оказался на бывшей территории Казанского ханства – в Сылвенско-Иренском междуречье [Летопись, 1821, с.11]. Такие походы бывали и раньше. Строгановы, к примеру, обосновывая необходимость строительства Чусовского, Сылвинского и Яйвинского городков, уже в 1568–1570 гг. указывали, что это нужно для того, чтобы уберечься от «Сибирских и Нагайских людей» [Летопись, 1821, с.6–7]. Известно, что в 1581 г. «пришедшу Сибирский царь (т.е. хан Кучум – Д.И.) с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строганова пограбил» [Документы, 1958, с.267]. Да и русские власти, обосновывая необходимость строительства в 1586 г. г. Уфы, выдвигали такой аргумент: «...беглый из Сибири Ку-

чюм царь, пришед в государеву отчину в Казанский уезд в башкирцы (т.е. речь идет о бывшей территории Казанского ханства – Д.И.), учал кочевати и ясак... имати» [Пекарский, 1872, с.20]. Более того, после смерти хана Кучума некоторые из его детей продолжали сотрудничать с кланом табын, население которого в конце XVI – начале XVII вв., определялось то как башкиры, то как татары [Миллер, 2002, с.183–196, 342], что свидетельствует о сохранении у табынцев, как выходцев из Западной Сибири – исторической памяти относительно старых связей их предков с населением Тюменского и Сибирского ханств [Миллер, 2002, с.250]. Вряд ли походы войск Сибирского ханства второй половины XVI в. на востоке от Урала оставались без последствий: именно там, где они происходили, в этническом составе тюркского населения имеются общие с сибирскими татарами компоненты [Томилов, 1981, с.30–31; Исхаков, 1999].

§ 9. Военное дело и вооружение Сибирского ханства

Алексей Матвеев, Сергей Татауров

Вооруженные силы Сибирского ханства

Военная история Сибирского ханства имеет свою славную предысторию. Правители сибирских тюрко-татарских государств в XV–XVI вв. проводили агрессивную внешнюю политику, причем основные направления их походов были на север и северо-запад. Целью этих походов было расширение территории, принуждение нового населения к уплате дани, участию в ополчении и, наконец, откровенный грабеж хантыйских и мансийских князьков. С конца XV в. сибирские татары также совершали регулярные военные походы на запад. В 1481 г. был совершен поход на хана Большой орды Ахмата, в 1493 г. на Астрахань, в 1499 г. – на территорию Казанского ханства [Парунин, 2010, с.266–273; Исхаков, 2010б, с.45]. В 1505 г. (или 1506 г.) на Пермь Великую приходила рать «ис Тюмени, Кулук салтана Ивака царева сына с братьею и з детьми». Татары тогда же «повоевали всю нижнюю землю, разорили Усолье на Каме, «русаков вывели» и перебили» [Бахрушин, 1955а, с.99].

Рассмотрение вооруженных сил Сибирского ханства 1563–1598 гг. в настоящей статье будет структурировано в соответствии с ответами на традиционный вопрос: «Каковы причины поражений вооруженных сил Сибирского ханства от отряда атамана Ермака и отрядов российских воевод в 1580–1590-х гг.».

Традиционно считалось, что главной причиной поражений являлось применение воинами Ермака огнестрельного оружия, наводящего на татар суеверный ужас. Однако, сибирские правители и их воины еще в конце XV в. встречались в сражениях с русскими отрядами и владели тактикой ведения боевых действий против них. Помимо полевых боестолкновений они проводили осады русских городков, например, Чердыни и Орла, на стенах которых против них работали пушки и пищали. Так, например, чердынский воевода в 1614 г. об артиллерийском парке города, который оставался неизменным на протяжении нескольких десятилетий, писал следующее: «В Перми город Чердынь деревянный и на городе шесть башен… а на городе наряду пушка медная 12 пядей в станку, а станок и колеса ветхи и худы; пушка медная 9 пядей в станку-ж, а по счету к тем пушкам 294 ядра железных, весом по 2 гривенки, пушка медная по полудами пядей, а по счету к тем пушкам 608 ядер железных весом по 4 гривенки, а иныя в полчетверти, а иныя в три гривенки» [Шишонко, 1882, с.34–35]. Вооруженную артиллерией Чердынь сибирские татары видели в бою.



Средневековые воины.
Рис. Л.А. Боброва. 2004 г.

Знания об эффектах огнестрельного оружия, Кучум использовал для организации у себя артиллерийского парка. За несколько лет до похода Ермака он обратился в Крым с просьбой прислать ему пушки для войны с московским царем. Источники различного происхождения сообщают о том, что одну или две пушки они установили на горе у Чувашева мыса [Скрынников, 1982, с.155]. Об этом прямо говорит Ремезовская летопись: «Оружия же не б у Кучюмлян, точию луки и стрелы, копия и сабли; бе ж 2 пушки у Чюваш; казацы же умолвиша голк; они же бросиша их с горы, в Ыртыш» [Ремезовская летопись, 1907, с.330]. Часто исследователи забывают, что еще одна пушечная батарея располагалась согласно Ремезовской летописи в Княжьем городке Бегиша. «У Бегиша же две пушки железные из Казани привезены, их же казаки умолвиша, и не могоше лунуть на казаков вдругорядь, и спехнуша их прямо в Ыртыш под гору» [Ремезовская летопись, 1907, с.341]. Обратим внимание на слово «вдругорядь», которое позволяет нам предполагать, что как минимум один выстрел эти пушки сделали. Еще одну партию огнестрельного оружия и пороха армия Кучума получила где-то около 1582 г., после того, как в устье р. Обь был захвачен потерпевший крушение корабль западноевропейских купцов. Об этом случае прямо рассказывал попавший в плен Маметкул [Скрынников, 1982, с.178]. В ходе противостояния с отрядом Ермака татары захватили достаточно много ручного огнестрельного оружия. Это произошло при разгроме отрядов под руководством Ивана Кольцо и самого Ермака. Но если исходить из письменных источников, то получается, что татары, ни в конце XVI в., ни в начале XVII в. не сделали по русским ни одного выстрела из пищали или другого ручного огнестрельного оружия. В настоящий момент нам неизвестен ни один предмет огнестрельного оружия, обнаруженный на археологических памятниках сибирских татар XVI–XVII вв.

Отсутствие огнестрельного оружия не являлось главной причиной поражений армии Сибирского ханства. Тем более, что сибирские татары имели возможность вступить с казаками в ближний бой и на равных применить холодное оружие. Об этом красноречиво говорит Ремезовская летопись: «К Кучюму же весницы непрестанно возвещаша о многом собрании казаков и побивании своем, яко разорены, кажуще сечение бердышей и палашей, раны своя» [Ремезовская летопись, 1907, с.323]. И если оценивать уровень вооружения татарских воинов холодным оружием, то совершенно однозначно можно говорить о том, что они имели в своем распоряжении очень богатый арсенал самого разнообразного и современного вооружения.

Часто причины неудач военных подразделений связывают с отсутствием у их начальников соответствующих умений и навыков. Однако, это обстоятельство никак не может быть связано с известными военачальниками армии Сибирского ханства. Все известные военные действия – походы, осады и штурм городов, полевые боестолкнове-

ния, показывают этих людей как достаточно профессиональных военачальников. Известно, например, что воинский талант Махметкула позволил ему всего через несколько лет службы в Московском войске достичь звания командира передового полка (полкового воеводы) русской армии. Кучум воспитывался у ханов Ногайской орды вместе со своим братом и будущим казахским ханом Хак-Назаром. Несомненно, что здесь они получили хорошее военное образование. В качестве «стажировки» Кучум какое-то время был наместником на территории Башкирии и Южного Урала, где, по всей вероятности, впервые проявил свои полководческие знания, умения и навыки [Трепавлов, 2001, с.199]. Первый крупный военный поход Кучум осуществил в 1554 г., когда во главе сильного войска, прошел по землям Искерского княжества Тайбугидов практически до его столицы Искера. В походе будущий хан возглавлял воинство, состоявшее из узбекских, ногайских и башкирских отрядов [Скрынников, 1982, с.106]. Удар из глубин Средней Азии был столь неожиданным и сильным, что ханы Едигер и Бекбулат были вынуждены обратиться за военной помощью к московскому царю. А уже в следующий поход в Сибирь в 1563 г. Кучум нанес княжеству сокрушительное поражение. Хади Атласи приводит выдержку из летописи Саввы Есипова «Сын Муртазы Кучум из Казахской орды, с очень многими своими воинами подступив к городу Сибири и взяв его, убил Ядкара и Бикбулата, а сам сделался царем всея земли сибирской. Он подчинил себе многие народы» [Атласи, 2005, с.46]. То, что будущему хану пришлось брать штурмом столицу, подтверждают археологические изыскания А.П. Зыкова: «Возможно, в огне штурма 1563 г. погибли сооружения четвертого строительного горизонта городища Искер» [Зыков, 2010, с.118].

В 1560–1670-х гг. Кучум совершил ряд походов на восток и присоединил к своему государству земли Среднего Иртыша от Кизыл-Туры и устья р. Ишим, до устья р. Оми, Барабу и Томское Приобье. Он заключил союзы с местной знатью, определил размер ясака, построил городки по новым границам своего ханства, а в тех районах, где ситуация оставалась напряженной, поставил своих наместников. Например, в Барабе наместником был поставлен Буян-Бий, ставкой которого была Тон-Тура (Воскресенское городище). Но дальше на восток и вверх по р. Оби Кучуму противостояли постоянно усиливающиеся калмыки, поэтому он прекратил активные действия на этом направлении.

В конце 1560-х гг. хан Кучум вынужден был начать военную компанию против казахского хана Хак-Назара, который занял часть земельных владений ногайцев на Южном Урале. В 1569 г. Семен Мальцев, посол к ногайским мурзам от царя Ивана IV, сообщал, что «казацкие орды Ак-Назара царя, Шигая царевича и Челыма царевича, а с ним 20 царевичей поход был в Ногаи и бой был» [Прошлое Казахстана, 1997, с.93]. Хан Кучум был вынужден выступить на стороне Ногайской орды, так как понимал, что после ее разгрома казахские отряды подступят к Сибирскому ханству. Через посла Ивана Поздеева Кучум сообщал московскому царю «Ныне деи дань собираю Господарю вашему царю и великому князю послов шлю, а нынеча деи мне война с казацким царем, и одолеит деи меня царь казацкий и сядет на Сибири, ино и тот Государю дань учнет не давати» [Абусеитова, 1985, с.51–52]. В следующем году хан Кучум сообщил Ивану IV, что война выиграна: «мы того недруга своего взяли» [Маслюженко, 2008, с.129]. Хак-Назар был вынужден уйти с части владений Ногайской орды и заключить мирный договор с сибирским ханом.

В 1570-х гг. основная арена военных действий отрядов Сибирского ханства переместилась на запад. Кучум присоединил к ханству часть Зауралья, отправлял отряды в Предуралье – на Пермь и строящиеся русские городки. Сколько в действительности было походов армии Кучума в Предуралье – неизвестно. Однако, известно, например, что только в XVI в. город Чердынь одиннадцать раз принимал на себя удары отрядов сибирских, ногайских и казанских татар [Пермь Великая]. Р.Г. Скрынников писал о

том, что эти походы проводились почти каждый год. В литературе чаще всего приводятся сведения о походе 1573 г. за Урал сибирских татар под руководством Маметкула. Г.Ф. Миллер по этому поводу пишет «в 1573 г. в июле месяце брат хана, по имени Маметкул, наступал на Пермь со стороны реки Тобола и, не дойдя пяти верст до Строгановского острога на Чусовой, вернулся обратно. Он побил многих остяков, плативших ясак русским, а их жен и детей увел в плен и велел умертвить русского посла Третьяка Чубукова и нескольких татар, которые шли в Казакскую орду» [Миллер, 1999, с.207]. В конце 1581 г. поход за Урал возглавил сын и наследник Кучума царевич Алей [Скрынников, 1982, с.135].

Кроме боевых действий основных военных сил Сибирского ханства, наместники Кучума и местная знать, используя собственные отряды, самостоятельно совершали военные походы на сопредельные с ханством территории. В основном эти походы были направлены на север, в хантыйские земли. Н.А. Томилов в своей монографии приводит материалы хантыйского фольклора о походе тарских татар со стороны современного Кыштовского района Новосибирской области на их земли в Васюганье [Томилов, 1981, с.135]. Известно, что князь Бегиш проводил самостоятельные походы вниз по рр.Иртышу и Демьянке, принуждая местных хантов платить ясак сибирскому хану [Бахрушин, 1955, с.143].

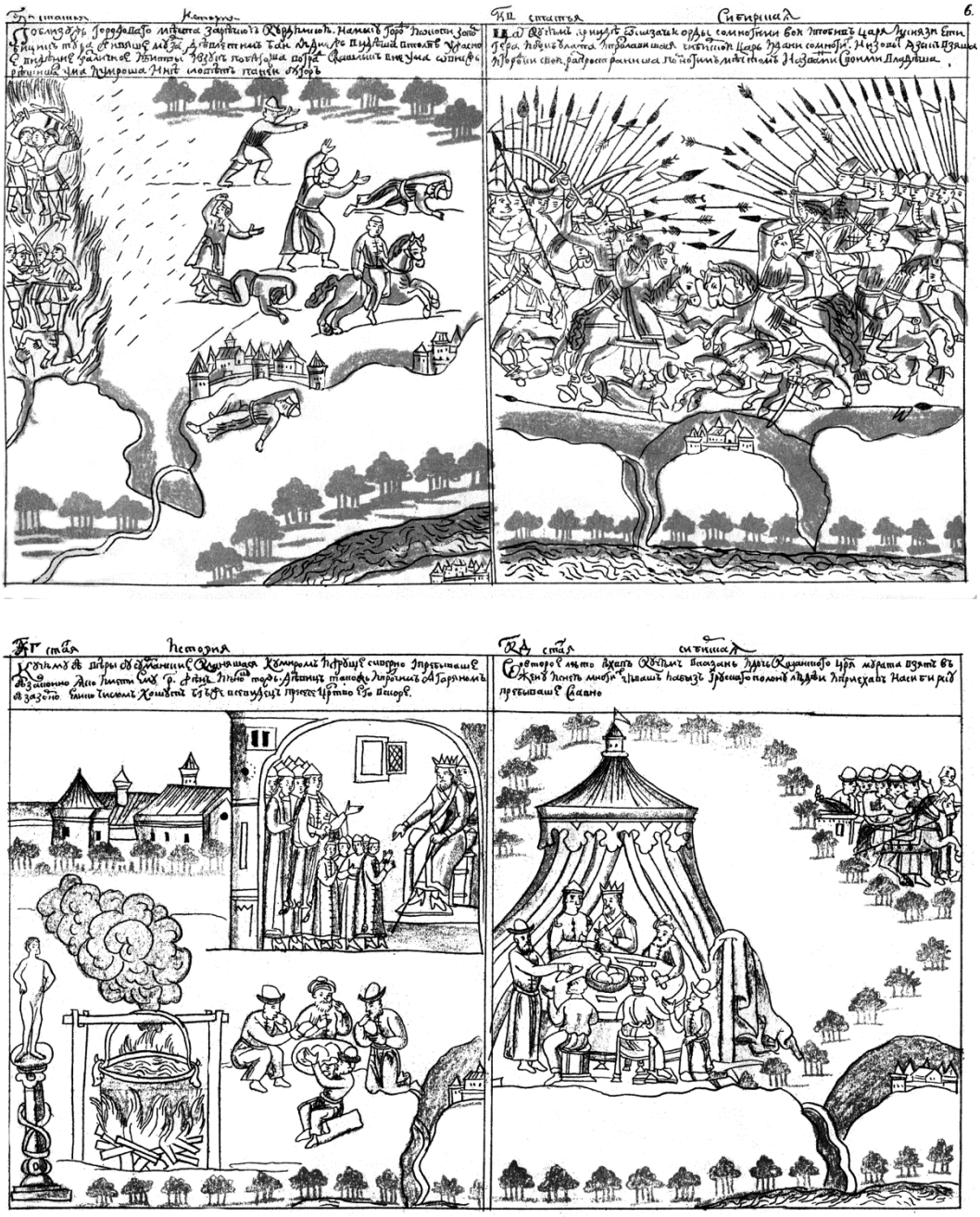
Таким образом, результаты успешных боевых походов Кучума 1554–1581 гг. и его военачальников говорят о том, что они обладали достаточным опытом борьбы с разным противником. Военные отряды под их руководством умели осаждать городки и города, сражаться в пешем строю, устраивать засады, строить полевые инженерные укрепления, воевать с конными отрядами кочевников. Сибирские летописи дают возможность увидеть нам эти умения.

Традиционной для кочевников была тактика дальнего массированного обстрела противника стрелами. Однако в случае с казаками Ермака, она не работала. «Рустии же казаки паки пойдоша по реке Тоболу и подойдоша под гору, погании же начаша стрелять з горы, и с верху падоша стрелы на сруги их аки дождь. И те места проидоша ничьим неврежени от Татар» [Строгановская летопись, 1907, с.20].

Искусство полевой фортификации татары демонстрировали при ожидании подхода отряда Ермака: «Сам же Кучюм повеле себе учинить засеку подле реку Иртыш, под Чювашием, и засыпати землею, и многими крепостьми утвердища» [Строгановская летопись, 1907, с.19].

Партизанскую тактику выслеживания и уничтожения малых групп противника Маметкул применил при нападении на казаков, находившихся на рыбной ловле в урочище Аболак: «Тое же зимы, декабря в 5 день, волским казаком Ермакове дружины, без опасения идущим к рыбной ловле, к некоему урочищу, иже зовется Яболак, казацы же быша в стану своем; царевич же Маметкул пришед внезапу и побиша их без остатку» [Строгановская летопись, 1907, с.26–27].

Карача использовал и тактические хитрости. Так, после того, как казаки разграбили его улус, взяли мед и «богатство царево», и груженые возвращались к стругам, Карача напал на них. «Погании же постигоша их у реки Иртыша, овии на конех, а инии пеши; атаманы же и казаки ту на берегу с ними брань составиша и мужски на поганых наступают; и в том время быть сражение велие обоим странам, до смертнаго посечения, тогда видевшие погании своих падение велие пред русскими вои и вдашася невозвратному бегству. И на том бою русского воинства от Ермаковы дружины мало убиенно бысть, точию киижде уязвлении бывша» [Строгановская летопись, 1907, с.21]. По сравнению с результатами предыдущих боестолкновений, ранение множества казаков было для татар некоторым успехом.



С.У. Ремезов. Рисунки из «Истории Сибири»

Тот же Карача продемонстрировал казакам искусство осады, продержав русский отряд в Искере на протяжении более чем трех месяцев (с марта по июнь), «облегоша весь град обозами» [Строгановская летопись, 1907, с.34].

Таким образом, факты, приведенные в сибирских летописях, говорят нам о том, что ни один из опытных руководителей военных отрядов Сибирского ханства не растерялся при появлении в Сибирском ханстве немногочисленного воинства Ермака и смог нанести Ермаку ответные удары, используя весь арсенал своих воинских умений и навыков.

Зачастую вооруженные силы Сибирского ханства представляются слабоорганизованным народным ополчением, которое разбегалось при первом серьезном натиске со стороны противника. Несмотря на тот очевидный факт, что Кучум, используя превосходящие военные силы, захватил власть в Сибирском княжестве Тайбугидов, стал сибирским ханом, уничтожил оппозицию, в несколько раз расширил территорию ханства, провел несколько успешных военных компаний против казахских ханов, русских в Приуралье, в источниках и литературе мы не найдем ни одного конкретного описания состава и структуры и численности его войска.

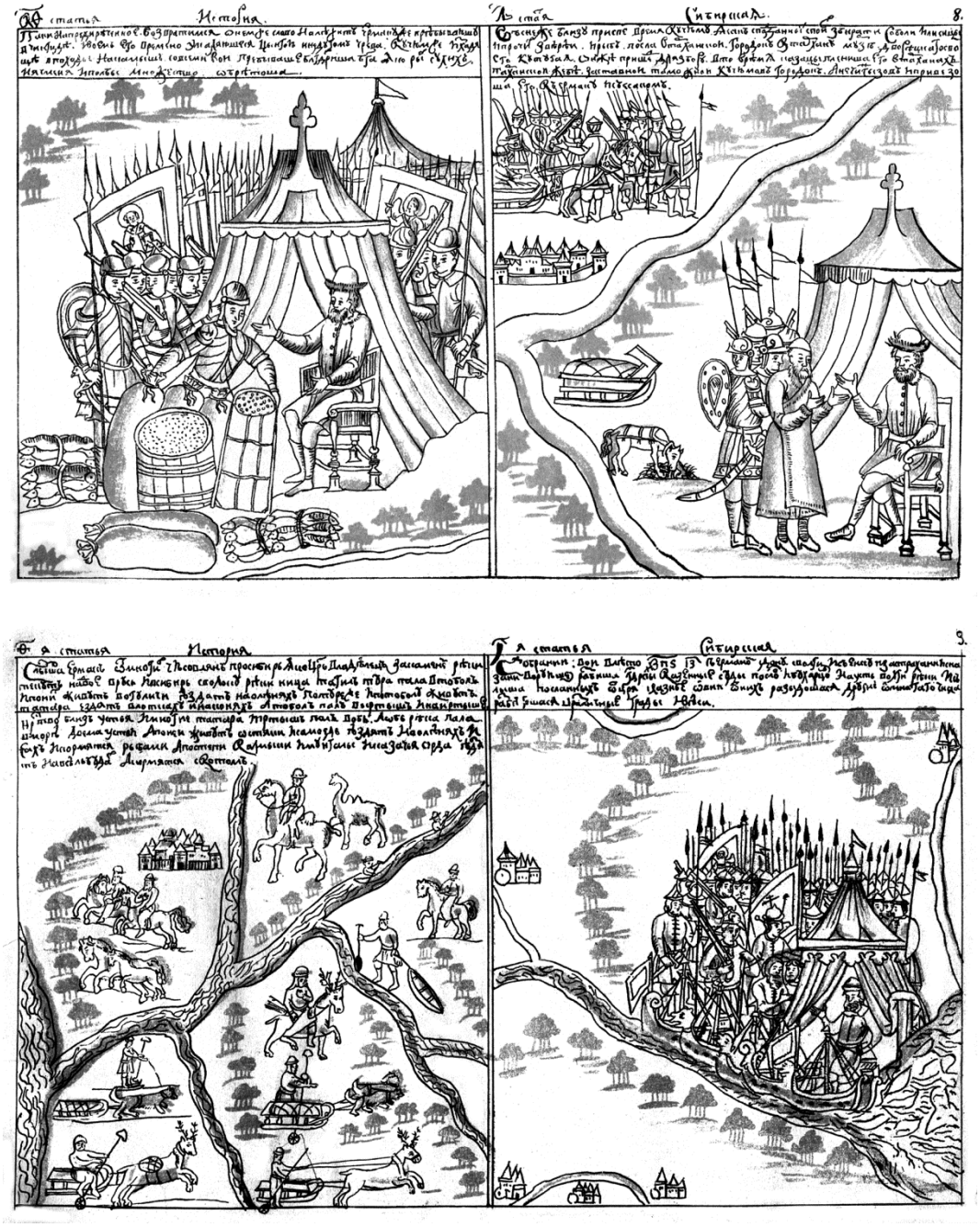
Р.Г. Скрынников пишет о том, что по документам посольского приказа «племянник Кучюмов Маметкул-царевич, собравшись с людми, приходил в Сибирь на государевы люди, и государевы люди тех всех татар, которые были с Маметкулом, – болше десяти тысяч – побили...». Очевидно, что в Москве основательно преувеличили сведения о численности войск Махметкула. Но сомневаться в том, что во время Сибирского взятия атаман Ермака на стороне сибирских татар был огромный численный перевес, не приходится [Скрынников, 1982, с.159]. С другой стороны, если согласиться с Р.Г. Скрынниковым, и считать численность отряда Ермака в 540 человек, то тогда и 1000 и 1500 воинов Кучума представляли для Ермака «превосходящие силы противника». А если исходить из версии С.У. Ремезова о том, что Ермак выступил в Сибирь с отрядом численностью более 5000 чел., то численность войска хана Кучума должна быть значительно больше.

Ю.С. Худяков, ссылаясь на Р.Г. Скрынникова, пишет о том, что определить общую численность войск Сибирского ханства довольно сложно. Однако, известно, что уже после бегства Кучума из Кашлыка в битве при Абалаке царевич Махметкул командовал туменом – отрядом из 10 тысяч воинов. Другое войско Сибирского ханства возглавлял сын и наследник Кучума царевич Алей. Отдельные боевые подразделения возглавляли мурзы Карача, Кашкар, Бегиш. Сам хан руководил «ногайской гвардией». Таким образом, получается, что войско Сибирского юрта насчитывало не один тумен. Однако ни в одном из сражений Кучуму не удалось собрать все вооруженные силы своего государства в единый мощный кулак [Худяков 2000, с.72–75]. Таким образом, мы считаем, что только в отдельных военных походах, как например, в походе против казахского хана Хак-Назара, в составе армии Кучума могло быть несколько туменов воинов, часть которых составляли военные отряды многочисленных союзников Кучума.

Вооруженные силы Сибирского ханства по составу можно разделить на несколько групп воинов. Самыми боеспособными ее соединениями были военные отряды узбеков, ногайцев и казахов, пришедшие вместе с Кучумом из Средней Азии, а также отряды чувашей, пришедшие за Кучумом из Казани. Всех вместе их было вероятно порядка двух-трех тысяч человек. Эта часть армии постоянно находилась при сибирском хане, за исключением отдельных походов, например, в Прикамье, когда ею руководили Маметкул или Алей. Эти воины оставались верными Кучуму практически до самого конца и откочевали к себе на родину только после того, как русские вытеснили хана из Прииртышья в Барабу [Бахрушин, 1955б, с.158]. Б.О. Долгих писал о том, что когда разбитый Ермаком Кучум бежал в степь, то его сопровождали в основном те же люди, которые пришли с ним из Средней Азии, а не коренные сибирские татары [Долгих, 1960, с.62]. Это была лучшая часть армии сибирского хана – его гвардия, хорошо вооруженная, мобильная и способная на длительные переходы.

Другой составляющей войск Кучума были служилые татары. В основном они размещались в столице, городах и городках Сибирского ханства, где под руководством служилой знати – есаулов, мурз, беков составляли дружины наместников хана. Впоследствии значительная часть их перешла на службу русскому царю и принимала участие в операциях против своего хана. По этой причине численность этой части войск Кучума

может быть уточнена по русским письменным источникам. По данным С.В. Бахрушина общая численность служилых татар в XVII веке в г. Тобольске составляла 730 человек, г.Тюмени – 334, г. Тары – 425 человек [Бахрушин, 1955б, с.151–175]. Всего 1489 человек. Еще около 500 сибирских татар служило в г. Томске. Поэтому мы можем предполагать, что служилых татар в армии хана Кучума было также около 3000–4000 чел.



С.У. Ремезов. Рисунки из «Истории Сибири»

Помимо гвардии и служилых татар под началом хана Кучума было несколько тысяч воинов из отрядов его вассалов. Точную цифру численности этих подразделений сказать затруднительно, так как она всякий раз изменялась в зависимости от предстоящей военной компании. Например, в походе на пермские земли участвовало от 800 до 1500 человек, а в походах на север, в земли хантов – не более 200–300 человек. По этническому составу это были, прежде всего, ногайцы, которые во второй половине XVI в. под ударами казахов потеряли значительную часть своих владений. Они вынуждены были искать себе новые земли и новых покровителей. Так, например, князь Урус Алтаулович пришел к сыну сибирского хана Кучума Али с семьюстами людьми своего улуса [Бахрушин, 1955б, с.156]. Собственные военные отряды были у князя Бегиша, карачи хана Кучума Кадыр-Алибека, наместника Барабы Буян-Бия и других представителей знати Сибирского ханства. Численность их была достаточно велика. Так, Г.Ф. Миллер писал о том, что с уходом от Кучума Карачи «власть хана была почти так же ослаблена, как если бы он потерял сражение: многочисленное войско Карачи при прежних нападениях немало ему помогало» [Миллер, 1999, с.236].

В этой же группе военных сил Сибирского ханства были отряды хантыйских и мансийских князьков Ишбердея, Бояна и др. Численность этих отрядов чаще всего была незначительной, вооружение слабым. Поэтому они исполняли роль вспомогательных отрядов – были проводниками, курьерами, снабжали основную армию продовольствием и т.д. Изредка отдельные князьки собирали весьма многочисленные отряды, что позволяло им самостоятельно совершать военные походы на сопредельные территории. С.У. Ремезов писал о том, что в отряде «зборнаго княжца Демаяна», который укрылся в крепком городе на устье реки Демьянки, насчитывалось 2000 татар, хантов и манси [Ремезовская летопись, 1907, с.333]. Возможно, эта цифра несколько завышена, хотя нельзя исключать, что для походов, скажем на Урал и дальше на Волгу хантыйские вожди, объединяясь, собирали весьма внушительные военные силы. В целом, военные подразделения вассалов Кучума были разными по уровню военной подготовки и вооружению. Некоторые из них не были способны вести самостоятельные боевые действия.

Таким образом, мы можем очень условно говорить о том, общая численность военных сил Кучума могла составлять более 10000–15000 чел. Из них наиболее боеспособным была азиатская «гвардия» Кучума – 2000–3000 чел. Опорой ханской власти на местах были военно-полицейские отряды служилых татар численностью 3000–4000 тысячи чел. Военные формирования вассалов Кучума также могли насчитывать до 10000 чел. Строгановская летопись так передает нам характер ополчения, которое собралось в 1581 г. у Искера для решающего боя с Ермаком: «В мале же времени собрашася к нему все множество воя его князи и мурзы и улланове, и Тотаре, и Остяки, и Вогуличи и протчая языцы под его властию вси» [Строгановская летопись, 1907, с.17].

Расположение Сибирского ханства на границе со степным миром, происхождение ударной части армии диктовало ее состав и тактику ведения военных действий. Вероятно, его войско почти полностью состояло из конницы, которая в бою использовало известные тактические приемы: быстрые стремительные налеты, отходы и обходы при столкновении с серьезным сопротивлением. Строгановская летопись, рассказывающая о бое татар с казаками при урочище Бабасан, так рисует характер этих налетов: «Погании же противу нашедших крепце и немилостиво наступаху на конех, копейным поражением и острыми стрелами казаков уязвляют вельми» [Строгановская летопись, 1907, с.20]. Тот же источник, упоминая о бое за Карачин улус, говорит о взаимодействии в татарском войске пеших и конных отрядов: «Погании же постигоша их у реки Иртыша, овии на конех, а инии пеши… и в том время быть сражение велие обоим странам, до смертнаго посечения» [Строгановская летопись, 1907, с.21].

Письменные источники донесли до нас сведения о структуре управления армией в походе. Так, Строгановская летопись говорит о походе Маметкула 1573 г.: «Маметкул собрався с своими мурзами и улланами ратью» [Строгановская летопись, 1907, с.6]. Далее, говоря о нападении Пелымского князя на вотчины Строгановых в 1581 г., летопись повторяет титулатуру татарской знати: «и подозва с собою буйственных и храбрых и сильных мурз и уланов Сибирския же земли со множеством вои» [Строгановская летопись, 1907, с.12].

Успешная военная деятельность хана Кучума не закончилась с началом похода атамана Ермака в Сибирь. Тем более, что с Ермаком и целым рядом его военачальников Кучум справился. Сибирское ханство не смогло противостоять Московскому царству именно как государство, слишком разные были у них весовые категории. Тем не менее, хан Кучум продержался в это неравном поединке с 1573 по 1598 гг. и вряд ли в Евразии нашелся бы какой-нибудь другой исторический деятель, который бы сделал большее. Ханство не имело ресурсов содержать значительную по численности регулярную профессиональную армию. В силу очень слабого уровня ремесленного производства практически все оружие и обмундирование приходилось ввозить из Средней Азии. Местное население не могло обеспечить армию (практически на 100% состоящую из кавалерии) достаточным количеством лошадей, поэтому и их приходилось пригонять из южных степей. Низкая плотность населения делала невозможным обеспечение продовольствием крупных военных соединений. Поэтому хан Кучум и не мог их собрать воедино, что, естественно, снижало боеспособность его армии. На стороне атамана Ермака и последующих российских воевод выступила часть населения ханства, поддерживающая прежнюю правящую династию Тайбугидов. Наконец, Сибирское ханство было исторически не готово к реформированию военных сил, способных к эффективному использованию огнестрельного оружия. Все эти причины вкупе с тем, что в самый критический момент под стенами Искера у хана Кучума не оказалось под рукой лучшей части его армии, привели к военному поражению Сибирского ханства.

Комплекс вооружения воинов Сибирского ханства

Описывая вооружение воинов хана Кучума, мы должны иметь в виду то, что необходимо видеть перед собой не одного, а нескольких представителей его вооруженных сил. В этом плане было бы идеальным провести археологическое исследование на территории хотя бы одного военного кладбища, расположенного на месте одного из сражений 1580–1590-х гг. Однако, само обнаружение таких мест сражений достаточно затруднено. Вместе с тем известно, что чаще всего уцелевшие в битве воины развозили погибших по их родовым поселениям, а если и была необходимость захоронения павших на месте битвы, то победители устраивали для них братские захоронения, в которые, естественно, оружие не клали. Исключением из этих правил является могильник Надеждинка IV, который составляет, на наш взгляд, единый комплекс с городищем Надеждинка VII (Тунус) [Татауров, 2005, с.210–212]. Городище взял штурмом отряд тарских служилых людей Бориса Доможирова весной 1596 г. В начале штурма татары сделали вылазку против осаждавших их тарских казаков, в результате которой 17 участников этой вылазки было убито, остальные взяты в плен. По одной из версий отвлекающий тактический прием был предпринят татарами для того, чтобы дать возможность уйти из сражения Кучуму и его телохранителям. Было ли это на самом деле, нам уже, наверное, никогда не узнать, однако из грамоты тарского воеводы видно, что он был явно раздосадован такими неожиданными смелыми действиями осажденных. Следствием этой досады стали сожженный дотла городок и отсутствие пленных. Возможно, они были просто отпущены по своим поселениям, а возможно и нет, так как Г.Ф. Миллер пишет, что проявленная казаками при штурме городка жестокость повлияла на со-

седние волости барабинских татар, которые сдались без сопротивления. Трагическим, но важным результатом боестолкновения стал факт того, что все погибшие защитники городка были погребены рядом с ним в едином могильном комплексе. Нынче это могильник Надеждинка IV, в погребениях которого присутствуют разнообразные захоронения. Прежде всего, было зафиксировано два трупосожжения, причем по разному обряду: первое – трупосожжение на стороне, второе – трупосожжение на месте. Обряды были совершены внутри деревянных срубов (кыртма). Следующей отличительной особенностью этого могильника является наличие на его территории безинвентарных захоронений. При этом костяки фиксируются в вытянутом положении, на спине, ориентированы головой на юго-запад. Подобной ориентации погребенных на могильниках в Тарском Прииртышье мы не встречали, возможно, эта группа погибших была захоронена в соответствии с мусульманским обрядом погребения. Антропологические определения свидетельствуют о том, что 80% всех погребенных – это мужчины от 30 до 40 лет. В числе их сопроводительного инвентаря очень мало предметов вооружения. Были обнаружены только ножи и наборы наконечников стрел, что впрочем, легко объясняется тем фактом, что все остальное оружие было увезено победителями в виде трофеев.

Одним из общих наблюдений, совершенных по результатам раскопок могильника Надеждинка IV, стал вывод о полиэтничности погребенных в нем защитников городка.

Воссоздание облика воинов Сибирского ханства невозможно без знания тактических особенностей ведения боевых действий войсками хана Кучума. Из сибирских летописей, описывающих противостояние казаков атамана Ермака с татарскими отрядами, становится известно, что татары только в исключительных случаях решались на фронтальные столкновения с противником в пешем строю. Так, детально описано только сражение у Чувашского мыса и бой на Иртыше у городка Тебендя. Брать в пешем строю укрепленные городки татары не особенно умели. Например, в походе на Великую Пермь, если городок нельзя было взять с налета, татарские военачальники уходили искать более доступную добычу. Стержневой тактикой ведения боевых действий войск Сибирского ханства был дистанционный конный бой, традиционный для главной боевой силы государства – военных отрядов узбеков, ногайцев и казахов, пришедших вслед за Кучумом из Средней Азии.

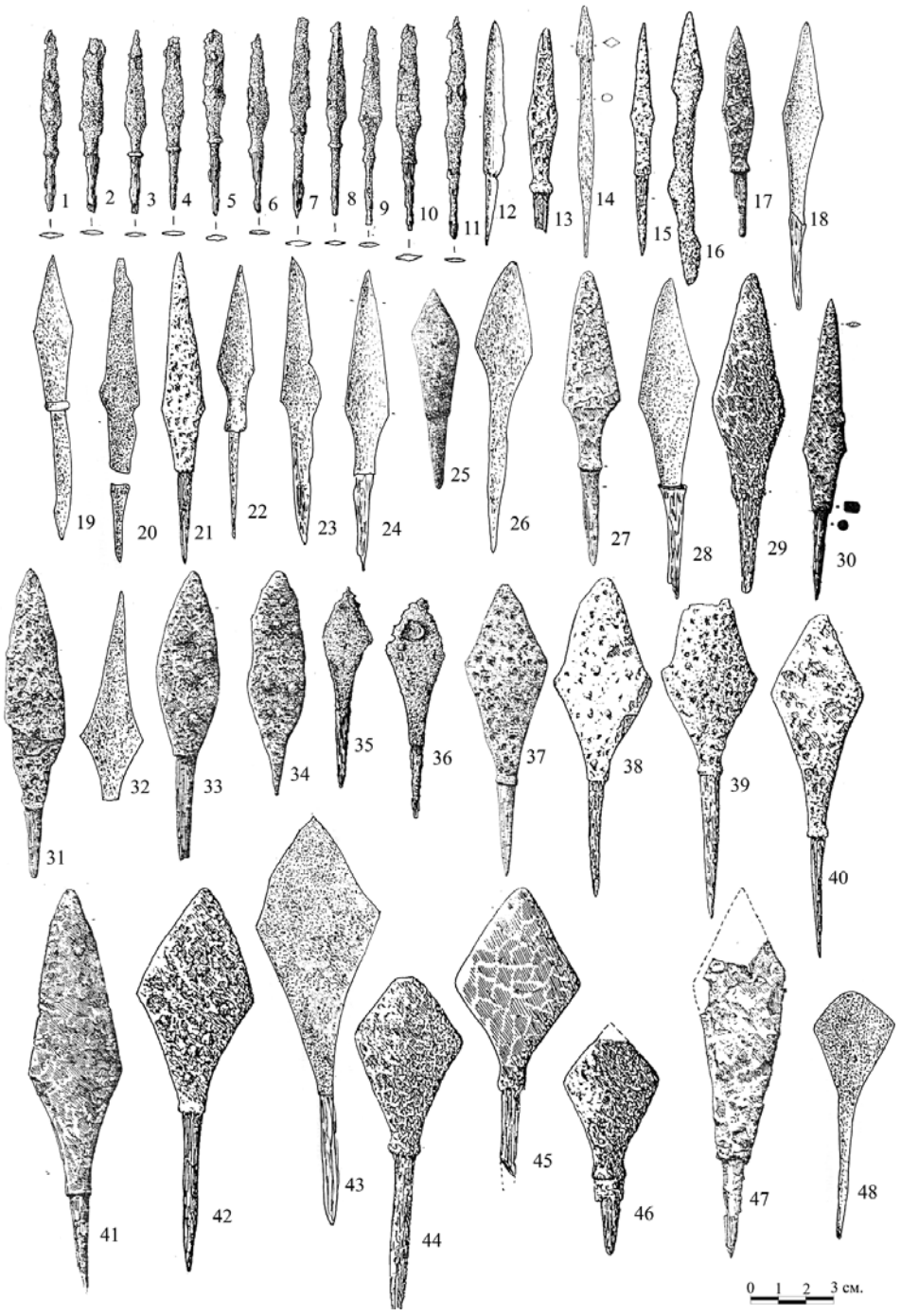
Археологические коллекции, полученные при раскопках памятников Сибирского ханства, говорят нам о том, что основой вооружения его воинов были **лук и стрелы** – оружие дистанционного боя, ориентированное на поражение противника в среднем на расстоянии в 100–120 метров (оговоримся, что эту цифру мы взяли как среднюю величину дальнобойности сибирского лука, которая достигала 230 м) [Лук и стрелы. Электронный ресурс]. Достаточно большой набор наконечников стрел, имеющийся в научном обороте, позволяет утверждать, что это оружие использовалось как против противников, защищенных панцирями и кольчугами, так и против врагов, не имевших доспехов. Поскольку войско хана Кучума было достаточно пестрым по своему этническому составу, можно предполагать, что и ассортимент луков в нем был достаточно широк. К сожалению материалов, по которым мы могли бы говорить о том, какие луки преобладали у воинов Сибирского ханства, мы не имеем. Нет оснований утверждать, как делают это некоторые авторы, что «цельнодеревянные конструкции оставались, по всей видимости, ведущей формой лука в Западной Сибири на протяжении всего средневековья. Именно этим, скорее всего, объясняется дисбаланс, наблюдаемый между общим количеством погребений с наконечниками стрел, следами колчанов в них и остатками лука, фиксируемыми в виде накладок» [Лук и стрелы. Электронный ресурс]. В исследованных нами могильниках (Бергамак II, Надеждинка IV), при наличии в могильном пространстве наборов наконечников стрел, места для расположения лука и колчана предусмотрено не было. Вполне возможно, что они просто не входили в набор погребального инвентаря.

Археология дает нам возможность представить облик боевых луков воинов Сибирского ханства. В.И. Соболев в 1990-х гг. в археологических коллекциях курганных могильников Абрамово-10 и Кыштовка-2, городища Кучум-Гора и поселения Преображенка-4 зафиксировал артефакты, имеющие отношение к боевому луку [Соболев, 2008, с.162]. На основании этих материалов ученый выделил четыре типа луков воинов Сибирского ханства. Они делятся на цельнодеревянные луки и луки с костяными накладками. Для нас особый интерес представляют последние, так как именно они входили в комплекс вооружения воина Сибирского ханства. По расположению накладок выделено четыре типа лука: тип 1 – со срединной веслообразной и крупными широкими плечевыми накладками; тип 2 – со срединной веслообразной накладкой, армированной по плечам узкими костяными планками; 3 – с одной срединной веслообразной накладкой; 4 – составной цельнодеревянный клееный лук с усиливающей деревянной фронтальной и вклеенными концами [Молодин, Соболев, 1990, с.43–47]. Безусловно, та часть воинов хана Кучума, которая пришла вместе с ним из Средней Азии использовала традиционные для той территории сложносоставные луки с фронтальной срединной накладкой и с фронтальными плечевыми и срединной накладкой. Все эти луки являлись модификациями «монгольского лука», бытовавшего в кочевом мире с эпохи раннего средневековья [Худяков, 1991, с.271].

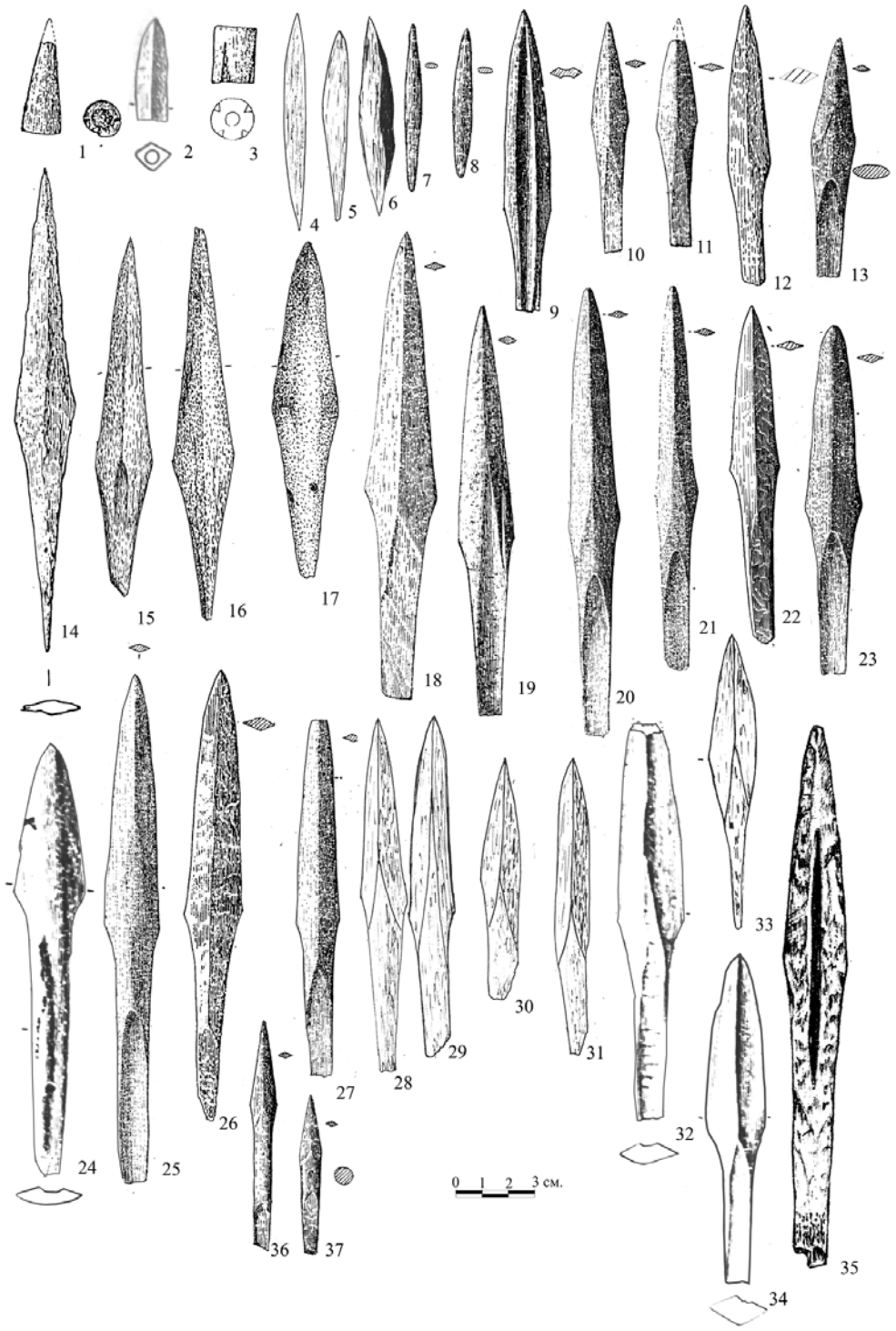
Небольшое количество археологических находок остатков луков в какой-то мере компенсируется значительным числом, найденных наконечников стрел. В отличие от луков, которые обнаружены только в погребениях, значительное число наконечников было найдено при раскопках укрепленных комплексов, например, на Надеждинке VII. В ряде случаев они выступают прямыми свидетельствами военных столкновений. На вооружении лучников находились стрелы с разнообразным набором железных и костяных наконечников, различие форм которых было связано с их разным функциональным назначением или с конкретной боевой ситуацией. Воины Сибирского ханства применяли стрелы с массивными широкими наконечниками и округлым, тупым или вильчатым острием, предназначенные для нанесения болезненной кровоточащей раны. Для пробивания панцирной брони, рассечения и раздвижения колец кольчуги они использовали бронебойные четырехгранные и линзовидные стрелы. Среди металлических наконечников преобладали небольшие по размеру, плоские, асимметрично-ромбические и боеголовковые, предназначенные для борьбы с незащищённым доспехом противником [Худяков, Бобров, 1998, с.100]. С той же целью применяли стрелы, оснащенные костяными наконечниками различных форм.

Несмотря на значительный ассортимент железных наконечников стрел, в них наблюдается определенная «серийность». Такая ситуация была зафиксирована нами на археологических памятниках Прииртышья (могильники Бергамак II, Окунево VII, Надеждинка VII, городище Надеждинка IV), что свидетельствует об определенной унификации наборов стрел у военных подразделений Сибирского ханства.

Широкий ассортимент костяных наконечников стрел, обнаруженный на памятниках Омского Прииртышья и Барабы в какой-то мере объясняется тем, что после отступления от Искера у воинов хана Кучума далеко не всегда была возможность быстро восполнить комплект стрел с железными наконечниками. С каждым годом, с каждым потерянным населенным пунктом эта возможность уменьшалась. В последние годы борьбы с Московским царством стрел с железными наконечниками в колчанах воинов хана Кучума становилось все меньше. Например, при раскопках городка Надеждинка VII (городок Тунус) соотношение костяных и железных наконечников стрел составило примерно 10 к 1.



Железные наконечники стрел:
1–11, 35, 36 – Бергамак II; 12, 18–20, 22–24, 26, 28, 32, 43, 48 – Окунево VII;
13, 15, 17, 21, 27, 30–31, 34, 37, 38–41, 47 – Кыштовка-2; 14 – Надеждинка VII;
16, 25, 29, 33, 42, 44, 45, 46 – Абрамово-10



Костяные наконечники стрел:
1, 3, 7–10 – Кыштовка-2; 2, 24, 32, 34 – Большой Лог; 4–6, 28–31, 33 – Окунёво VII;
11, 22, 26 – Садовка-4; 12 – Искер; 13, 18–21, 23, 25, 27 – Абрамово-10;
14–17 – Бергамак II; 35 – Кошкуль IV

О том, что костяные наконечники стрел входили в набор воина-лучника есть достаточно много прямых археологических свидетельств. Среди найденных на памятниках костяных наконечников стрел выделяются трехгранные удлиненные (до 15 см) проникатели. По всей вероятности, подобные костяные наконечники были аналогами бронебойных железных наконечников. Наше мнение подтверждают погребения убитых подобными наконечниками людей. В ходе исследований могильников Малый Чуланкуль-1, Окунево-VII в двух погребениях были зафиксированы костяки с застрявшими в них костяными наконечниками стрел. У одного костяка позвоночный столб был пробит насквозь в области поясницы. У другого – стрела с костяным наконечником прошла через переносицу и, пробив затылочную кость, застряла в ней.

Вопросы типологического членения, принципы и методы классификации наконечников стрел были разработаны А.Ф. Медведевым еще в 1960-х гг. [Медведев, 1966а; Медведев, 1966б]. На материалах Западной Сибири эти разработки были углублены и расширены Ю.С. Худяковым [Худяков, 2001, с.252–273] и А.И. Соловьевым [Соловьев, 1987, с.193].

В литературе опубликовано достаточно большое количество наконечников стрел обнаруженных в археологических комплексах Сибирского ханства [Коников, Худяков, 1981, с.184–188; Худяков, 1983, с.90–93; Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, с.49–63]. Поэтому мы не рассматриваем подробно каждый тип наконечников стрел, а остановимся только на некоторых интересных на наш взгляд моментах, связанных с их использованием.

Так, в массиве находок металлических наконечников стрел выделяются большие по размерам наконечники, имеющие «декоративные» элементы. Использование таких стрел в боевых действиях проблематично, поэтому они могли нести функцию статусного показателя, а также особенным образом использоваться в некоторых случаях. Так, в Сибирских летописях и в книге Г.Ф. Миллера упоминается старинный татарский способ оповещения о войне, в котором используется стрела: «Царь же Кучюм… посла по всему Сибирскому царству ко всякого чина людем своим, дабы вскоре к нему без всякого ослушания собралися, и посла вместо царских своих грамот стрелы свои золоченые, чтоб другой посылки не дождались, понеже де идет на нас неведомо какой лютый неприятель» [Миллер, 2000, с.662–663].

Сопоставление артефактов, обнаруженных в культурном слое единых археологических комплексов «поселение Бергамак III – могильник Бергамак II», «городище Надеждинка VII (Тунус) – могильник Надеждинка IV», позволило сделать нам еще несколько наблюдений за стрелами. Так, на поселении Бергамак III и городище Надеждинка VII (Тунус) не было обнаружено ни одного бронебойного наконечника стрелы, в то время как в захоронениях они имеются, причем в одном случае зафиксирован целый набор подобных наконечников. В погребениях могильника Надеждинка IV встречаются наборы, состоящие только из железных или только из костяных наконечников, в одном случае зафиксирован смешанный набор из трех железных и двух костяных наконечников. Такая ситуация позволяет нам говорить о специализации лучников, способных поражать воинов, хорошо защищенных доспехами.

На поселении Бергамак III и городке Надеждинка VII (Тунус), среди костяных наконечников преобладали асимметричные во всех плоскостях, без дополнительной обработки или только напоминающие проникатели по форме. Среди нескольких десятков обнаруженных на этих памятниках наконечников не было ни одного шлифованного и симметричного проникателя. В захоронениях, материал которых аналогичен находкам, обнаруженными на городищах, чаще обнаруживаются костяные наконечники гораздо лучшего качества: шлифованные, симметричные и острые. Особенно ярко это видно по материалам могильника Надеждинка IV. Пятнадцать обнаруженных в могилах и меж-

могильном пространстве наконечников были шлифованными. Подавляющая их часть была симметрична, за исключением нескольких экземпляров, у которых плечики располагались на разном расстоянии. По всей вероятности, в погребения клали только хорошие стрелы, подчеркивая их значимость и в потустороннем мире.

Таким образом, воины Сибирского ханства использовали в бою сложный лук, поражавший цели на значительном расстоянии; а также стрелы с наконечниками из кости и железа, имевшие разные формы, связанные с их функциональным назначением. Кроме этого, отдельные наконечники стрел имели статусное значение. Среди воинов выделялись особо умелые стрелки, специализировавшиеся на поражении хорошо защищенных доспехами противников – подтверждением этому служат отдельные захоронения воинов с комплектами бронебойных стрел.

К оружию дистанционного боя относится **огнестрельное оружие**. Важным фактором, мешавшим применению его в армии Кучума, было то обстоятельство, что при использовании огнестрельного оружия конные отряды хана потеряли бы возможность быстрого маневра из-за того, что вынуждены были иметь специальный транспорт (хотя бы вьючный) для перевозки оружия и боеприпасов. Кучум также понимал, что у него нет возможности пополнять запасы боеприпасов и пороха, ремонтировать вышедшие из строя пищали и т.д. Главной же причиной, по которой в армии Кучума не нашлось места для ручного огнестрельного оружия, является не столь очевидное преимущество его перед боевым луком. Обстоятельно этот вопрос изучил О.А. Митько в своей работе «Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья)», где он представил используемое в XVI–XVIII вв. огнестрельное оружие в сравнении с традиционными луками [Митько, 2004, с.168–176]. Основанная на традиционной тактике действия конных отрядов, армия Сибирского ханства оказалась неспособной к революционным преобразованиям в структуре войск, комплектовании оружия и боеприпасов. Только более чем через 100 лет этот шаг совершила Джунгария.

При отсутствии огнестрельного оружия у воина Сибирского ханства был достаточно большой выбор холодного оружия для ведения ближнего боя. Поскольку основу войска хана Кучума составляла кавалерия, то вторым по значимости оружием после лука и стрел были сабля или палаш. Сабля представляла собой искривленный однолезвийный клинок, часто и рукоять ее была изогнутой. Воины носили саблю на кожаной или шелковой перевязи, идущей справа налево. При этом сабля подвешивалась свободно слева, так что ее конец смотрел вверх – манера, употреблявшаяся воинами, сражавшимися верхом [Адамов, 2010, с.42]. В сибирской археологии достаточно много публикаций посвящено истории и эволюции этого оружия [Соловьев, 1987, с.193; Худяков, 1986, с.268; Худяков, 1995, с.92–107].

При исследовании в Прииртышье татарских могильников – Надеждинка IV, Бергамак II, Окунево VII, Черталы I на костяках умерших были зафиксированы следы рубящих ударов. Например, в погребении №33 в могильнике Бергамак II на правой берцовой кости погребенного были зафиксированы две параллельные борозды от удара рубящим оружием, а правая рука была отрублена наискось посередине лучевой и локтевой костей. Это погребение представляет большой интерес для исследователей, занимающихся изучением оружия позднего средневековья в том плане, что погребенный был захоронен вместе с палашом. Общая длина этого экземпляра оружия 92 см, длина однолезвийного клинка 80 см, ширина от 4 возле эфеса до 3 см. Рукоять 12х2 см. Этот образец сильно отличается от более ранних, средневековых палашей, обнаруженных в Западной Сибири [Соловьев, 1987, с.67–63] и палашей, распространённых в степях Южной Сибири и Центральной Азии [Худяков, 1997, с.16–18]. Ю.В. Герасимов считает, что более всего палаш из могильника Бергамак II похож на китайский меч «Дао»: «не исключено, что рассматривае-

мый образец является изделием алтайских или монгольских мастеров, оформленным в подражание китайской моде. …вероятная дата Бергамакского палаша может быть уложена в XV–XVII вв.» [Герасимов, 2008, с.209–212]. В материалах Искера представлены палаши с однолезвийным прямым клинком без перекрестия и с фигурным перекрестием, сабля с однолезвийным изогнутым клинком и елманью для перекрестия [Худяков, Бобров, 1998, с.101]. Кроме татар, сабли использовали в бою ханты. В былине про богатырей города Эмдер неоднократно упоминается это оружие, например, в качестве приданого тесть просит 100 мечей [Патканов, 1999, с.259].

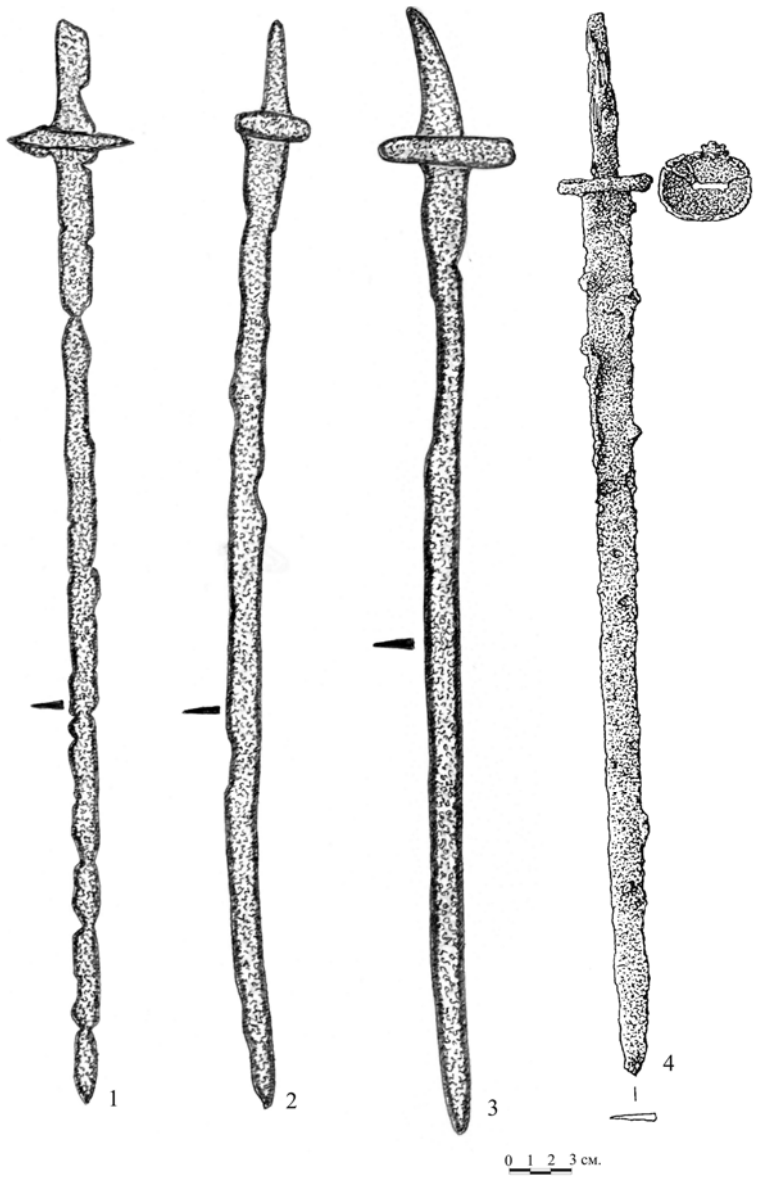
На миниатюрах С.У. Ремезова изображено более 300 единиц различных сабель, палашей и мечей. 144 из них приходится на изображение русских воинов, включая образы различных святых, и 152 нарисованы в руках их противников, включая сюжеты, происходящие за пределами Сибири. Большинство изображенных на миниатюрах сабель относится к оружию, пришедшему на Русь с востока. По мнению Е.А. Багрина: «Это, прежде всего, турецкие и персидские образцы, занимающие одно из главных мест в вооружении русских XVI–XVII вв. Также это сабли, характерные для татарских воинов с территорий Азии, входивших в состав «Золотой Орды» в двух основных вариантах: 1) с очень слабым изгибом клинка, и небольшим перекрестием; 2) с клинком, расширяющимся в верхней трети» [Багрин, 2010, с.79].

Непременным атрибутом воинов армии Кучума был нож или кинжал. Ножи являются одними из самых распространенных находок на археологических комплексах населения Сибирского ханства. Они были обязательной принадлежностью воина конца XVI в. К настоящему времени археологические коллекции содержат несколько сот ножей и кинжалов самых различных форм и размеров, многие из них опубликованы [Молодин, 1990, с.68–74; Матющенко, 2003, с.64; Адамов, Балюнов, Данилов, 2008, с.114]. Они позволяют наглядно убедиться в том, что значительная часть оружия воинов Сибирского ханства была импортного производства. Если количество обнаруженного археологами другого оружия – сабель, палашей, наконечников копий ограничено, то массовость ножей позволяет сделать такой вывод. Выделяется несколько направлений, по которым оружие поступало воинам Сибирского ханства.

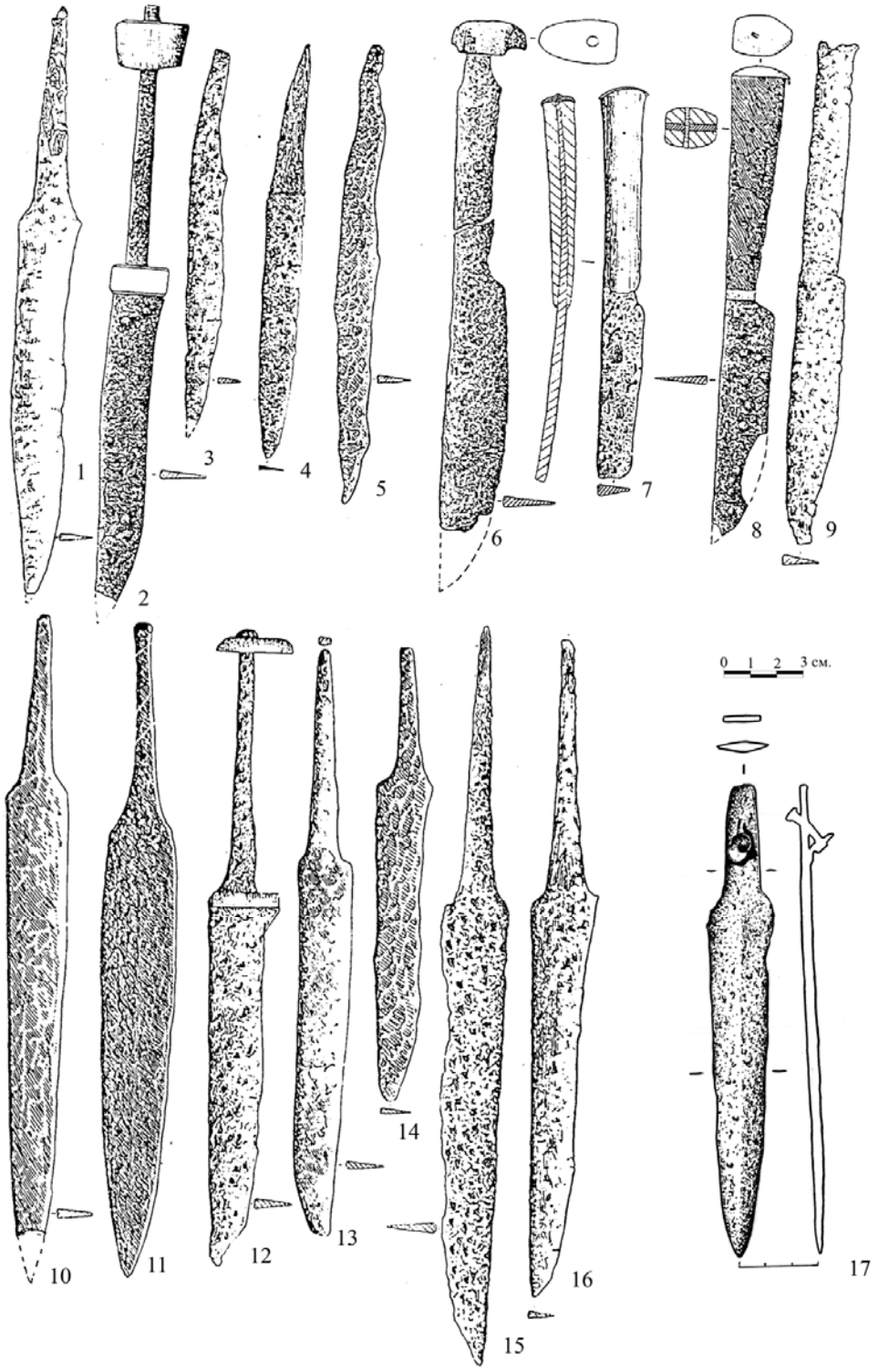
Среднеазиатское оружие выделяется как по декору рукояти – по оформлению металлических обойм, так и по форме клинка и качеству металла. Показателен нож из могильника Бергамак II [Татауров, Тихонов, 1966, с.58–84], бронзовые части рукояти которого украшены характерным для этого времени в Средней Азии растительным орнаментом. В ходе раскопок городка Надеждинка VII (Тунус) нами был найден небольшой обоюдоострый кинжал характерной формы, которая находит аналогии в Средней Азии. Кинжал был изготовлен из очень хорошего металла (несмотря на время, он практически не тронут губительной для железа коррозией).

Вторым направлением импорта ножей в Сибирское ханство было Московское царство. Следует отметить, что российская администрация неоднократно издавала указы о запрете продажи сибирским инородцам предметов вооружения. Несмотря на это значительная часть найденного во время археологических раскопок комплексов Сибирского ханства оружия (в том числе и ножи) русского происхождения [Герасимов, Шлюшинский, 2006б, с.22–25; Татауров, Шлюшинский, 2006, с.143–146]. Русские продавали татарам ножи, которые можно отличить особой технологией изготовления. Она сочетала использование пластин из мягкого железа с низким содержанием углерода и пластин с высоким (сталь) содержанием углерода. Кроме того ножи с территории Московского царства отличались по форме клинка. Они обладали коленом на спинке [Соловьев, 1987, с.70]. Интересно, что самые распространенные на поселениях русских в Сибири ножи больших размеров с полулунным лезвием (засапожные) очень редко встречаются на татарских комплексах. На этом основании мы можем говорить о том,

что татары использовали привычные для себя по форме ножи. У некоторых ножей сохранились ножны (Абрамово-10, Бергамак II). По всей вероятности, ножи носили пристегнутыми к поясу.



Палаши и сабли:
1–3 – Берёзовый остров I; 4 – Бергамак II. 1, 4 – палаши; 2, 3 – сабли



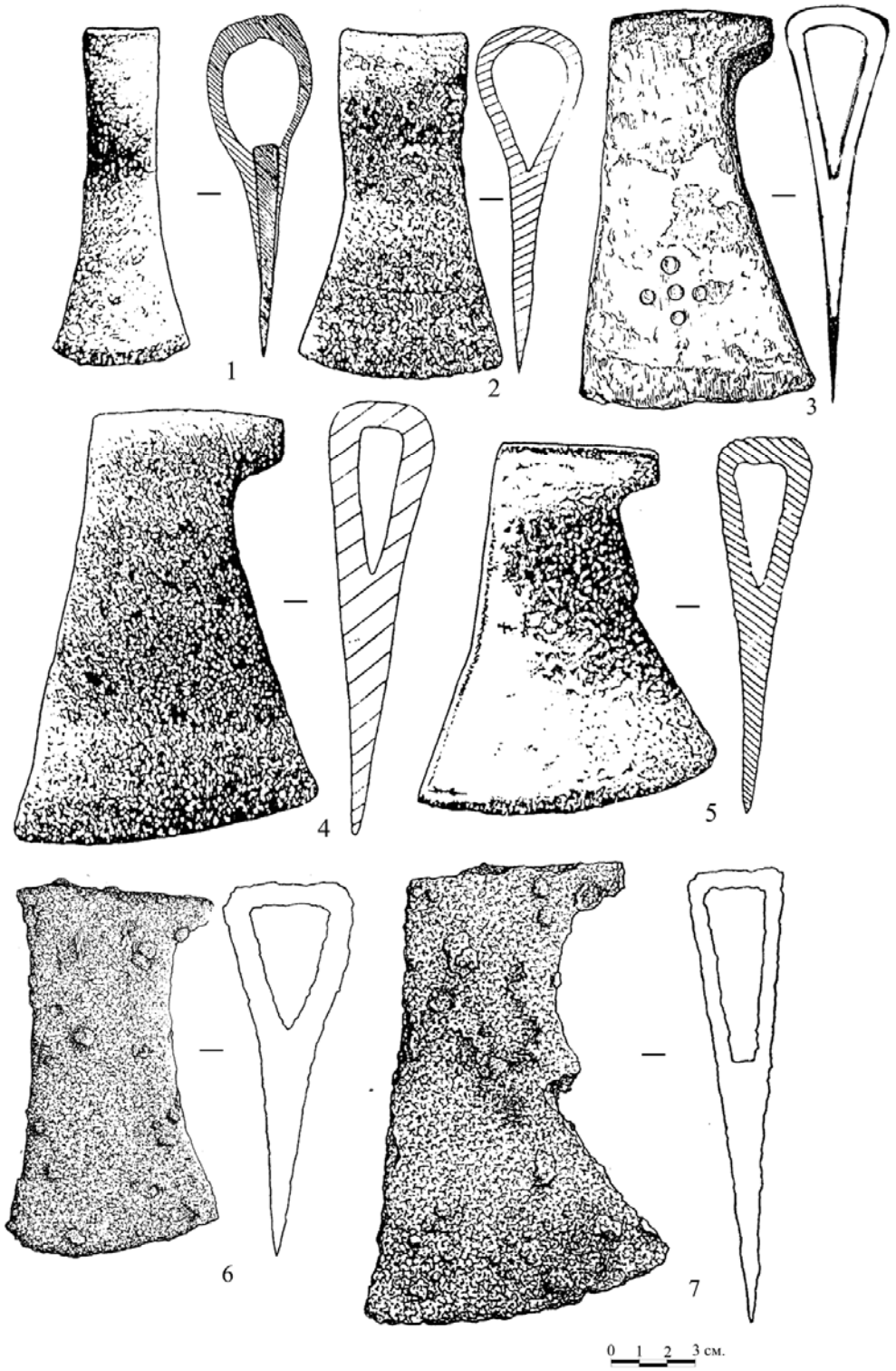
Ножи: 3–7, 10–13 – Абрамово-10; 1–2, 8–9, 14–16 – Кыштовка-2;
17 – Надеждинка VII

Следующим по численности оружием, обнаруженным на археологических комплексах Сибирского ханства, являются топоры. Топор – многофункциональный инструмент, который не обязательно использовался в качестве оружия. Однако, при исследовании могильников XVI в. в Прииртышье и, судя по публикациям одновременных памятников Барабы [Молодин, 1979, с.72; Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, с.262], топор в погребениях находился вместе с другим оружием. В погребениях есть сочетание комплекта стрел и топора, копья и топора, но нам неизвестно, чтобы топор был единственным предметом погребального инвентаря. Это дает нам право считать его оружием, пусть и вспомогательным. Кроме того в отличие от «рабочих», боевые топоры более четко выделяются по своей форме, прежде всего по ширине и наклону лезвия. На основе многочисленных находок русских средневековых топоров, А.Н. Кирпичников пришёл к выводу о том, что военный топор почти всегда меньше и легче хозяйственного. Тяжёлый и массивный рабочий топор был обременителен в походе и неудобен в битве, воину-профессионалу требовалось более лёгкое оружие [Кирпичников, 1966, с.24]. Однако, следует учитывать, что в любой армии необходимы инструменты для оборудования лагерей, изготовления приспособлений для защиты или штурма укрепленных комплексов, для различного ремонта и т.д., поэтому ничего удивительного нет в том, что иногда в погребениях с большим количеством оружия встречаются «рабочие» топоры, например в могиле №260 могильника ОкуневоVII [Матющенко, 2003, рис.78].

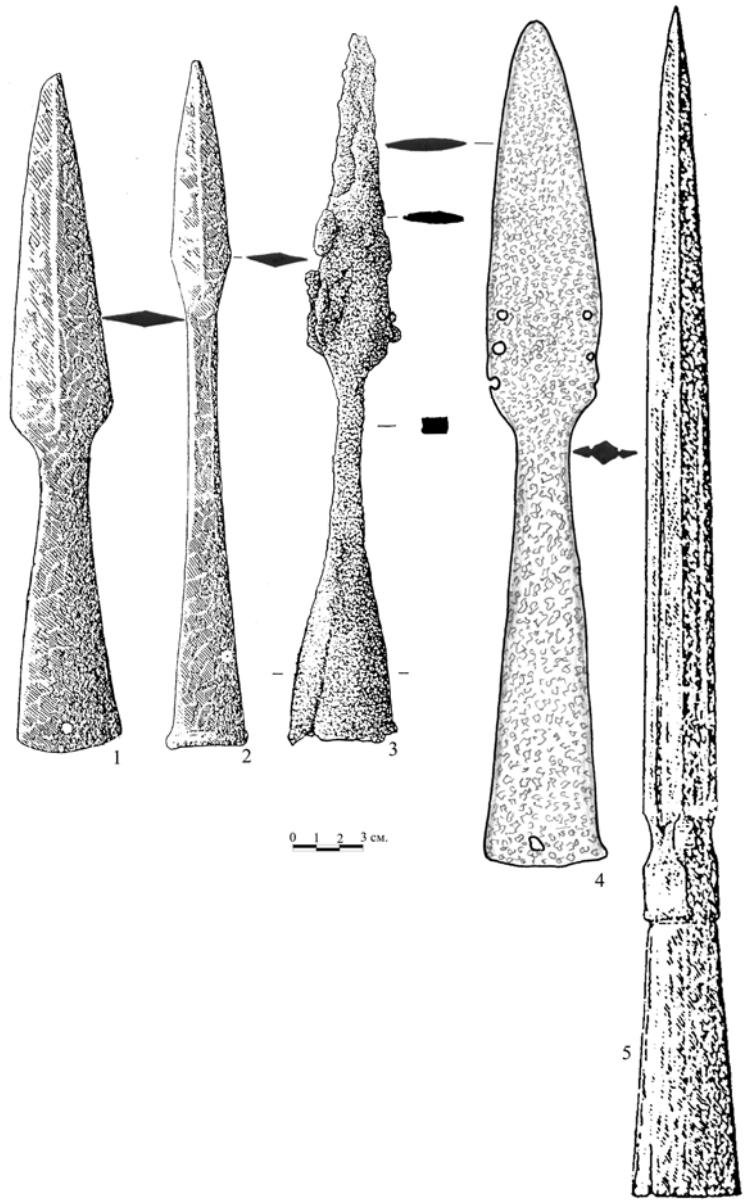
В ходе археологических раскопок топоры были обнаружены почти на всех известных поселенческих и погребальных комплексах Сибирского ханства. В погребальных памятниках этого времени фиксируется достаточно много погребенных, погибших именно от этого оружия – это могильники Кыштовка-2, Сопка-2 в Барабе [Соловьёв, 1987, с.95] и Бергамак II, Черталы I в Прииртышье. Следует отметить, что помимо следов рубящих ударов топором на костях замечены и удары обухом топора, как, например, у одного из погребенных в могиле №33 могильника Бергамак II. Все топоры, обнаруженные на исследованных нами комплексах этого времени в Прииртышье, по типологии А.И. Соловьева относятся к проушным и плоскообушным [Молодин, Соловьев, 1977, с.105–120; Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, с.38–43]. На рисунках С.У. Ремезова топор или топорики встречаются также всего три раза: два топора восточного типа, с фигурной боевой частью и одна секира [Багрин, 2010, с.69–101].

Важным предметом вооружения воинов Сибирского ханства было копье. В археологических коллекциях с исследованных комплексов их насчитывается не больше десятка, тем не менее, очевидно, что это оружие играло одну из ключевых ролей в военных действиях того времени. На основании находок наконечников копий на памятниках Барабы новосибирскими исследователями была разработана классификационная схема этого оружия. Все наконечники втульчатые и разделены на две группы по сечению пера – на уплощенно-ромбические и граненые. По способу применения они подразделяются на охотничьи и военные. Охотничьи наконечники тяжелые, широкие и массивные, военные – легкие и длинные, предназначенные для противостояния с воином, облаченным в доспехи [Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, с.73]. Ю.С. Худяков выделяет среди наконечников небольшие по размерам наконечники дротиков [Худяков, Бобров, 1998, с.101].

А.И. Соловьёв объясняет малое количество копий в погребениях у сибирских татар тюркской традицией. В соответствии с ней у казахов и киргизов в XVIII–XIX вв., после смерти воина, копьё не сопровождало его в могиле, а устанавливалось в жилище с прикреплённым траурным флажком. Такое копьё являлось временным заместителем усопшего в мире живых. Через год, когда душа умершего должна был покинуть средний мир, устраивались поминки, на которых проводились различные состязания. Победитель разламывал копьё, дабы высвободить заключённую в нём душу [Соловьёв, 1987, с.141].



Топоры: 1 – Садовка-4; 2, 4 – Абрамово-10; 3 – Кыштовка-1;
5 – Кыштовка-2; 6–7 – Бергамак II



Наконечники копий:
1, 5 – Венгеровский район Новосибирской области (случайные находки);
2 – Абрамово-10; 3 – Бергамак II; 4 – Омская область (случайная находка)

На миниатюрах С.У. Ремезова копье – самое изображаемое оружие. Причем следует отметить, что есть изображения комбинаций – ружье-копье и сабля-копье. На рисунках копья показаны с достаточно длинными древками и с массивными листовидными и ромбическими наконечниками, имеющими длинное жало [Багрин, 2010, с.78].

В фольклоре сибирских татар, собранном Н.А. Томиловым, копье – оружие богатырей: «…батыр вынул палку, стукнул ею о землю. Палка и превратилась в копье. – Вот это оружие так оружие! – воскликнул богатырь и бросился в бой на охрану. Иско-

лол он копьем всех змей, в том числе и самого главного, выбил двери и вошел во дворец» [Валеев, Томилов, 1996, с.178].

Копье у воинов Сибирского ханства было показателем их статуса. По декоративному убранству копья можно было определить, какой пост занимает этот воин – простого ополченца или военачальника. Показательны в этом плане копья на средневековых миниатюрах, украшенные небольшими вымпелами и лентами и т.д.

Особое место в изучении вооружения воинов Сибирского ханства занимает защитное вооружение. Е.А. Багрин, анализируя рисунки С.У. Ремезова, пришел к выводу, что доспехи воинов на миниатюрах нарисованы с большой долей условности, наиболее узнаваемы панцири и зерцальные доспехи из крупных металлических пластин, шапки железные, шишаки и шатрообразные шлемы – комплекс характерный для западносибирских воинов. Рисунки С.У. Ремезова подтверждают также мнение о том, что в войсках Сибирского ханства было небольшое число доспешных воинов по отношению к массе бойцов, не имеющих защитного снаряжения [Багрин, 2010, с.83]. Ю.С. Худяков и А.И. Соловьев предложили для классификации имеющегося археологического материала следующие признаки: систему крепления пластин, составляющих панцирь, форму пластин, форму панциря [Худяков, Соловьев, 1987, с.135–163]. Именно эта классификация и была использована нами в настоящем исследовании применительно к доспехам воинов Сибирского ханства.

К настоящему моменту археологические материалы по защитному вооружению сибирских татар крайне немногочисленны. Прежде всего, это кольчуги, обнаруженные на месте столицы Сибирского ханства – Искере [Худяков Ю.С., Бобров, 1998, с.101]. В Барабе в могильнике Малый Чуланкуль-1, были обнаружены два фрагмента различных типов доспеха. Оба происходят из разграбленных погребений. Их сохранившиеся части не позволяют восстановить ни размеры, ни конструктивные особенности панцирей. В погребении 1 кургана №6 этого могильника обнаружена сломанная панцирная пластина, имеющая форму вытянутого прямоугольника размерами 9х3,5 см. По мнению авторов, наиболее вероятна ее принадлежность к чешуйчатому панцирю. Единичность находки, ее плохая сохранность не позволяют однозначно решить вопрос о принципе сочленения пластин доспеха. Защитное вооружение другого типа представлено обрывками кольчуги из погребения №1 кургана №10 могильника Малый Чуланкуль-1. Доспех набирался из железных колец диаметром 8 мм, из круглой проволоки 1–1,5 мм. Судя по обнаруженным фрагментам, его кольца имели сваренные концы, соединенные в единое целое склепанными колечками. Кольчуга была помещена в погребение в свернутом виде [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с.77]. На татарском городище Крапивка II в 2006 г. А.В. Матвеевым был обнаружен небольшой фрагмент кольчуги по технологии изготовления очень близкий находке из могильника Малый Чуланкуль-1 [Матвеев, Скандаков, 2008, с.350–360].

При раскопках могильника Окунево-VII в Муромцевском районе Омской области в результате исследований могилы № 267 была сделана уникальная находка целого панциря, состоявшего из 130 железных панцирных пластин различных форм и размеров, уложенный на дно могилы в качестве погребального ложа [Матющенко, 2003, рис.87; Герасимов, Шлюшинский, 2006а, с.248–252]. Основной набор доспеха состоял из семи горизонтальных рядов, каждый из которых включал по 15 или 16 пластин различных форм, защищавших спину и грудь воина, и двух рядов по 5 и 6 пластин вверху наспинной и нагрудной частей; прикрытие плеч включало 14 пластин. Судя по расположению пластин в погребении относительно друг друга, ряды монтировались таким образом, что каждый верхний перекрывал нижний приблизительно на 10 мм, за исключением оплечий, где эта цифра могла быть и больше. При изготовлении железных пластин шаблон, вероятно, не использовался, хотя заметно стремление к стандартизации, в

пользу чего свидетельствуют незначительные расхождения размеров в пределах каждой группы. Четырехугольные пластины монтировались на мягкой основе, в качестве которой выступала двухслойная конструкция, состоявшая из кожи и ткани. Такая комбинация делала панцирь несколько более жестким и упругим, повышая его защитные свойства. Крепление пластин к основе производилось двумя способами – жестким при помощи железных заклепок, головки которых оказывались с внутренней стороны одежды, и мягким – посредством шнура, продетого в мелкие отверстия; с его помощью, возможно, пришивалось и верхнее покрытие, если таковое существовало. Вероятно, доспех представлял собой корсет-кирасу с правосторонним разрезом; застегивался при помощи трех ремешков – один в районе пояса, второй – ближе к пройме, и третий – под ключицей. Таким образом, правое оплечье находило внахлёст на нагрудную часть на 5–6 см; дополнительную фиксацию доспеха обеспечивал поясной ремень. Лицевая сторона пластин зашлифовывалась, следов заклепок на ней не обнаружено, равно как и свидетельств наружного покрытия. Окружность панциря – 110 см, высота по пройме – около 55 см, до горловины – 65 см, максимальная – 75 см. Такой панцирь прикрывает корпус человека до тазобедренного сустава при росте воина 180 см. Учитывая рост погребенного, обнаруженного в могиле, можно полагать, что он доходил ему до верхней трети бедра» [Герасимов, 2010, с.108 – 112]. Открытым остается вопрос о месте производства доспеха. Местное его происхождение маловероятно. Ю.С. Худяков и Л.А. Бобров по особенностям конструкции этого доспеха отнесли его к кругу среднеазиатских куяков [Худяков, Бобров, 1998, с.119].

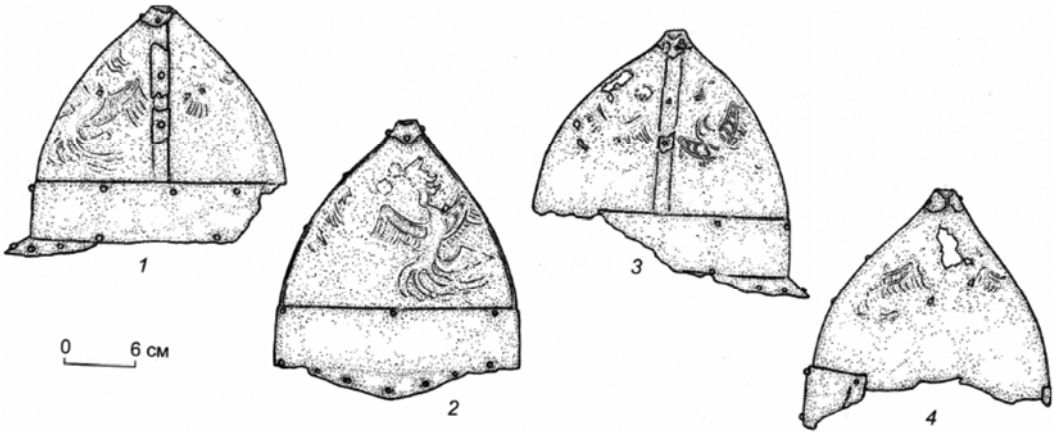
К защитному вооружению воинов Сибирского ханства относился шлем. К сожалению находок шлемов еще меньше чем находок копий. Эта ситуация характерна не только для территории Западной Сибири, но для всей Северной Азии в целом. Большая часть из известных и цитируемых шлемов была найдена случайно вне закрытых археологических комплексов.

Два шлема воинов Сибирского ханства были исследованы Л.А. Бобровым и Ю.С. Худяковым в фондах ТИАМЗ [Бобров, Худяков, 2011, с.43–52]. Первый из них на протяжении нескольких столетий хранился как родовая реликвия у нескольких поколений сибирских татарских князей Кульмаметьевых в Иртышатских юртах Тобольского уезда. По материалу изготовления он относится к классу железных, по типу конструкции купола к отделу цельнокованых, по форме тульи к типу полусферических. Шлем, скорее всего, надевался татарским воином поверх мягкого головного убора. В зависимости от высоты шапки подшлемника кольчужный элемент прикрывал лицо до середины или кончика носа, или губ, а наушники и назатыльник, практически при любой разумной высоте подшлемника, полностью закрывали щеки, уши и шею воина, кроме его горла [Бобров, Худяков, 2011, с.45–49].

Второй шлем из собрания ТИАМЗ по материалу изготовления относится к классу железных, по типу конструкции купола к отделу цельнокованых, по форме тульи к типу сфероконических. По оформлению навершия (украшен чеканной латунной пластиной) его можно выделить в самостоятельный вариант среди типа шлемов со сфероконическим куполом. Судя по особенностям оформления тульи и навершия, вероятнее всего, данный шлем был изготовлен среднеазиатскими, «бухарскими» мастерами-оружейниками, а позднее, вероятно, был доработан местными сибирскими татарскими мастерами.

По мнению Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова, знатные татарские воины имели на вооружении достаточно эффективные боевые наголовья, с помощью которых могли надежно защитить себя от воздействия разных видов холодного оружия в ходе военных действия со своими противниками [Бобров, Худяков, 2011, с.51–52].

Еще один интересный экземпляр шлема хранится в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Он был найден в конце XIX в. в Сузунском бору, в окрестностях оз. Осинина, на территории, входившей в тот период в состав Томской губернии. По мнению Ю.И. Ожередова и Ю.С. Худякова шлем может быть отнесен к классу железных, к отделу – с клепаной двухпластинчатой тульей, к группе – с овальной в сечении тульей, по форме купола – к типу сфероконических. Судя по характерным элементам орнаментации, сузунский шлем мог быть изготовлен по специальному заказу кого-либо из представителей монгольской знати иранскими мастерами-оружейниками в период монгольского владычества в Иране в XIII–XIV вв. Сузунскую находку можно отнести к эпохе позднего средневековья и к комплексу защитного вооружения знатного сибирского татарского воина или военачальника [Ожередов, Худяков, 2007, с.93–99].



Сузунский шлем: 1 – вид с левой стороны; 2 – вид спереди;
3 – вид с правой стороны; 4 – вид сзади

Е.А. Багрин пишет о том, что С.У. Ремезов в своих миниатюрах изобразил достаточно много воинов Сибирского ханства в трех вариантах шлемов восточного типа. Первые характеризуются невысокой полусферической гладкой, или витой тульей с небольшими полями и заострением на макушке, без дополнительных средств защиты. Вторые – это невысокие шлемы шатровидной формы, практически всегда снабженные бармицей. Третьи – шлемы с невысокой гладкой или «витой» куполообразной тульей, с заостренной макушкой, бармицей и козырьком (забралом) с шарниром [Багрин, 2010, с.80].

Общий анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов позволяет нам сделать следующие выводы о защитном снаряжении воинов Сибирского ханства. Облаченных в доспехи бойцов, у хана Кучума было очень мало. По всей вероятности этой возможностью пользовались его военачальники – есаулы, беки и т.д. Возможно, в доспехи была облачена личная гвардия хана Кучума, хотя при описании последних сражений ни в летописях, ни в записках воевод доспехи не упоминаются. Защитное вооружение воинов Сибирского ханства не было однородным. Прежде всего, это были ламеллярные панцири с кроем халата, прикрывавшие также ноги всадника. Использовались и укороченные модели панцирей. Кроме пластинчатых панцирей применялись кольчуги, иногда усиленные пластинами, или комбинированные доспехи. Судя по предположению М.В. Горелика, в середине XIII в. более половины воинов татаро-монгольской ар-

мии были оснащены панцирями различных типов [Горелик, 1987, с.170–171]. Предплечье воинов Сибирского ханства защищали наручи. В качестве боевого наголовья использовались как сфероконические шлемы, так и образцы с высокой тульей, иногда с защитной маской. Вероятно, бармица присутствовала на всех шлемах, как пластинчатая на ранних образцах, так и кольчужная на более поздних.

Можно так же уверенно говорить о том, что подавляющая часть всех доспехов воинов Кучума была импортного производства. Однако, в письменных источниках, прежде всего, в сибирских летописях, есть данные об изготовлении в Сибирском ханстве защитного снаряжения. Говоря о Карачине улусе авторы летописей отмечали, что его владелец делал Кучуму «пансыри и колчуги, и всякую ратную збрую» [ПСРЛ, 1987, с.38, 110, 131, 307]. Но как пишет С.В. Бахрушин уровень изготовления оружия в Сибирском ханстве был низким [Бахрушин, 1955, с.153–175]. Во время раскопок городища Надеждинка VII (городок Тунус) был найден клад, состоящий из кузнечных инструментов [Татауров, 2006, с.274–276]. Особенности его расположения (под полом одного из жилищ), а также судьба этого городка, взятого штурмом русским отрядом Б.Доможирова весной 1596 г., позволяет предположить, что в отрядах хана Кучума были мастера, способные выполнить неотложный ремонт оружия или доспехов. Находка подобного по набору предметов клада в Томском Приобье говорит нам о том, что обнаруженные в Западной Сибири клады, вероятнее всего, были «походными» наборами татарских кузнецов [Беликова, 2003, с.104–109].

Приведенный нами перечень вооружения воина Сибирского ханства не окончателен. Возможно, в боях конца XVI в. использовалось и другое оружие, и защитные приспособления. Например, на миниатюрах С.У. Ремезова показаны щиты. Однако в археологических материалах с комплексов Сибирского ханства их нет. В археологических коллекциях в единичных экземплярах присутствуют кистени, чеканы, клевцы, секиры и т.д., но утверждать, что сибирские воины были массово ими вооружены, мы пока не можем.

Итак, на основании полученных данных, мы можем представить себе, как выглядели воины Сибирского ханства.

Основу войска, его стержень, составляли конные воины, облаченные в доспехи типа рассмотренного нами куяка и, в некоторых случаях в шлем и вооруженные луком, боевым ножом или кинжалом, копьем или саблей. Немногочисленность находок последних двух видов оружия в археологических коллекциях объясняется тем, что они либо использовались затем в ритуальных целях, либо передавались по наследству. Эта группа воинов была немногочисленной, в нее входили личная гвардия хана Кучума, пришедшая вместе с ним из Средней Азии, и командиры «среднего звена» – сотники, есаулы, беки. Это была самая боеспособная часть войска, и именно она провела практически все успешные действия во время противостояния хана Кучума с Ермаком и русскими воеводами. Значительная часть этих воинов по приказу Кучума в конце 1590-х гг. вернулась в родовые кочевья вместе с Алеем. К сожалению, на настоящий момент мы имеем только одно захоронение такого воина (№ 267, могильник Окунево VII) [Матющенко, 2003, с.87–91].

Самую многочисленную часть войска составляли бездоспешные конные воины, вооруженные луком, ножом и, возможно, саблей или топором. Этих воинов можно отнести к регулярным войскам. Они защищали пограничные городки и военно-административные центры ханства, участвовали в военных походах. В результате археологических раскопок мы имеем довольно большое количество захоронений таких воинов. Это погребения №№248, 260 могильника Окунево VII [Матющенко, 2003, с.64–66, 77], №34 могильника Бергамак II [Корусенко, 2003, рис.52] в Прииртышье, №№ 10, 46, 80 могильника Абрамово-10, №№ 30, 48 могильника Абрамово-4 в Барабе [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис.96, 98, 100].

Третью группу воинов Сибирского ханства составляли воины ополчения, которое собиралось в случае опасности, как, например, в случае приближения отряда Ермака к Искеру. Вероятно, ополчение состояло из конных и пеших отрядов. В войске хана Кучума они выполняли вспомогательные функции – строили засеки, организовывали переправы и снабжение продовольствием, отвечали за ремонт снаряжения и т.д. Основное оружие ополченцев – лук и нож, которые не делали их особенно эффективными в бою.

Отдельную часть войска Сибирского ханства составляли военные дружины союзников – в основном отряды хантыйских князьков. Они вместе с войском хана Кучума участвовали в военных походах, например, на Великую Пермь или на соседские мансийские или даже хантыйские земли. В этих отрядах были хорошо вооруженные воины, имеющие доспехи, лук со стрелами, нож, копье или топор. Участие в совместных с татарами походах предполагало то, что в хантыйском и мансийском ополчении могли быть и конные отряды, хотя в подавляющем большинстве они воевали пеше. Что касается участия их в противостоянии с отрядом Ермака, то хантыйские князьки привели хану Кучуму отряды ополчения, которые не могли оказать какого-то сопротивления русским воинам. Когда Ермак стал отправлять экспедиции казаков на север, те неоднократно сталкивались с довольно серьезным отпором со стороны хантыйских князьков, который, однако, помешать продвижению казаков не смог.

Оборонительные сооружения населения Сибирского ханства

При составлении классификации городищ обычно используются два подхода. Первый – городища или городки классифицируются в рамках фортификационной модели. При этом в качестве основного источника и материала для классификации городищ используют планиграфию памятника, взаиморасположение валов и рвов, их форму, а также местоположение укрепленного комплекса: мыс, терраса, останец. Такую классификацию условно можно назвать инженерно-фортификационной. Второй известный подход предполагает рассмотрение городищ в более широком, историческом контексте, когда учитывается вопрос о месте каждого памятника в границах определённой территории и населения, его военно-политической и социальной роли. Для нас наиболее актуален именно этот подход, так как в интересующий нас хронологический период XV–XVI вв. на первый план в определении места расположения укрепленного комплекса вышли конкретные политические обстоятельства. Поэтому, например, пограничные городки располагались, в первую очередь, в стратегически важных пунктах, а уже во вторую очередь, ориентировались на удобные природно-ландшафтные условия. То же самое можно сказать и по поводу приводимого В.И. Соболевым в пример Карачина городка, когда при выборе его места расположения главным фактором было расположение городка в центре родовых тайбугидских земель. Поэтому при его строительстве главным условием обороноспособности городка были фортификационные сооружения, а не особенности природного ландшафта. При таком подходе актуальным становится изучение собственно оборонительных комплексов этих памятников, что позволит проследить слагаемые фортификационного искусства Сибирского ханства, и тем самым выйти на их назначение и особенности функционирования.

Кучум в середине XVI в. разбив Едигера, стал новым сибирским правителем. За время своего правления он фактически создал новое государство, значительно расширил его границы и создал централизованное управление. Практически сразу же с занятием ханского трона перед Кучумом возникла проблема защиты своей территории и народа от набегов с сопредельных территорий. С юга границам ханства угрожали казахи, с юго-востока – калмыки, дальше с востока – енисейские киргизы. На севере и северо-западе шли постоянные военные стычки с хантыйскими и мансийскими князьками и, несмотря на то, что здесь татары имели определенное военное превосходство, всегда существовала опасность внезапного набега на татарские поселения. Более спокойным

казалось западное направление – откуда в конце концов и пришло войско, сокрушившее Сибирское ханство. Однако в 1560–1570-х гг. Кучум решил задачу защиты границ своего государства, которые он прикрыл хорошо укрепленными городками. К каждому из них были проложены дороги, позволявшие быстро перебрасывать подкрепления.

Не лучше для хана Кучума обстояла ситуация внутри государства, где достаточно сильные позиции были у тайбугидской знати. По этой причине хан укрепил свою столицу Искер и ключевые пункты государства – административные и торговые центры крупных тайбугидских улусов – города Чимги-Туру, Явлу-Туру, Бегишев-городок и центры присоединенных провинций. Между этими ключевыми для ханства пунктами были проложены дороги, которые позволяли военным отрядам быстро перемещаться и тем самым компенсировали относительную немногочисленность армии Сибирского ханства. В результате этих мер, вся территория государства оказалась под контролем хана Кучума.

К 1563 г. Сибирское княжество Тайбугидов было типичным феодальным государством, поэтому практически все крупные населенные пункты имели оборонительные сооружения, сложность которых напрямую зависела от благосостояния их владетеля.

В.И. Соболев писал о наличии в Сибирском юрте 135 населенных пунктов, из которых укрепления имели 56 [Соболев, 2008, с.63]. В настоящее время мы насчитываем в Сибирском ханстве более 80 укрепленных пунктов. К сожалению, как мы уже отмечали, современное состояние изученности археологических памятников XIII–XVI вв. в лесостепной полосе Западной Сибири не позволяет составить для них единую хронологическую колонку. Мы не можем, за редким исключением, точно датировать исследуемые комплексы и соотносить их с определенными периодами существования сибирских тюрко-татарских государственных образований. Поэтому пока нет возможности построить схему развития фортификационного искусства в Сибирском ханстве. Тем не менее, к настоящему времени археологически исследовано довольно значительное количество укрепленных комплексов XIV–XVI вв., что позволяет иметь определенное представление об уровне развития фортификации в Сибирском ханстве и степени защищенности этого государства оборонительными комплексами в целом.

Анализируя имеющийся в нашем распоряжении археологический материал, можно сделать вывод о том, что фортификационное искусство в Сибирском ханстве строилось на «трех китах». Во-первых, определенные элементы фортификации сибирские правители переняли у проживавших ранее на этой территории народов. Особенно это касалось выбора мест для создания укрепленных комплексов и использование особенностей природного рельефа для строительства фортификационных сооружений. Во-вторых, строители использовали навыки постройки укреплений, принесенные из Средней Азии. На их основе были построены пограничные городки в Барабе. Наконец, еще одной слагаемой фортификационного искусства в Сибирском ханстве стали знания, почерпнутые при знакомстве с укреплениями городов и городков в Казанском ханстве. Наиболее наглядно этих «китов» видно по оборонительной системе Искера.

А.П. Зыков по результатам собственных археологических исследований этого комплекса и материалов раскопок своих предшественников сумел создать реконструкцию крепостных сооружений Искера [Зыков, 2010, с.112–120]. Этот комплекс уникален тем, что, во-первых, по словам автора, «информация полученная при раскопках памятника, позволяет утверждать, что никаких ранних, «дотатарских», культурных напластований городище не содержит», а во-вторых, по «материалам раскопов обрыва берега на городище были выделены шесть так называемых строительных горизонтов – единовременно существовавших объектов, остатки которых последовательно перекрывали друг друга и соответствовали шести периодам существования крепости» [Зыков, 2010, с.116]. Тем самым материалы крепости могут свидетельствовать об изменениях в фор-

тификационном искусстве ханства с момента ее основания в самом конце XV в. до последнего момента существования сибирского ханства в 1586 г.

Первый строительный горизонт (1497–1498 гг.). Первоначально город был защищен с востока лишь одной оборонительной стеной и рвом шириной 5 метров, глубиной 1,8 метра, вырытым на уступе восточного склона. В таком виде укрепления простояли очень недолго, скорее всего, менее года: стенки рва не успели осыпаться, на дне его не образовался нанос культурного слоя.

Второй строительный горизонт (начало XVI в.). Вскоре внешние укрепления города были перестроены. Ров был засыпан глиной, вынутой из нового рва, прорытого далеко впереди по самому дну восточного лога. На уступе, поверх засыпанного рва, была поставлена частокольная стена с прямоугольными выступами.

Третий и четвертый строительный горизонт (до 1563 г.). Конструктивные детали не выделены.

Пятый строительный горизонт (после 1563 г.). Оборонительные сооружения пятого строительного горизонта являлись наиболее впечатляющими. Верхняя площадка была обнесена по краю срубной тарасной стеной шириной чуть более 3 метров, основания срубов были помещены в траншеи во избежание деформации конструкции при оползании грунта на склонах. Одно из интересных сооружений этого периода, выявленное в раскопах, – остатки оборонительной башни, выступающей не менее чем на 4 метра за линию верхних стен. Выступающая часть башни приходилась на довольно крутой склон, поэтому ее срубное основание размером примерно 7х7 метров опиралось на три линии опорных столбов, глубоко врытых в грунт. С внешней стороны эти столбы были прикрыты наклонным облицовочным срубом. Перед этой системой на краю уступа восточного склона была сооружена еще одна срубная стена шириной около 3 метров. Ров на дне восточного лога достигал в это время максимальных размеров – ширина до 12–13 метров, глубина до 2,5 метра. Глина, вынутая изо рва, была использована для увеличения крутизны склона лога. За рвом была поставлена передовая частокольная стена.

Шестой строительный горизонт (1586 г.). Верхняя стена имела толщину до 2,5 метра в восточной части и всего лишь до 1,5 метра по краю склона лога Сибирки. Угловая башня, которая была исследована в раскопах 1988 и 1993 годов практически полностью, представляла собой правильный квадрат размером 4,8х4,8 метра, выступающий на восток за линию стены на 2,3 метра. Нижняя оборонительная тарасная стена имела ширину 4 метра, ее нижний углубленный этаж был сделан жилым – в каждом из отсеков размером 4х4 метра в центре находились открытые очаги или глинобитные печи. Ров на дне лога даже не пытались расчистить, он так и остался заплывшим. Осенью 1587 г. город был сожжен тобольскими стрельцами письменного головы Данилы Чулкова [Зыков, 2010, с.116–121].

Очевидно, что с каждой перестройкой оборонительная система Искера усложнялась. На наш взгляд фортификация пятого строительного горизонта очень близка традициям строительства укрепленных комплексов, распространенных в то время по другую сторону Урала – в Московском царстве, Казанском ханстве и других государствах восточной Европы [Крадин, 1988, с.190]. По всей вероятности, хан Кучум использовал для строительства укреплений городов и военно-административных центров специалистов из Казанского ханства, бежавших в Сибирь.

К сожалению, другие города Сибирского ханства в плане изучения фортификации исследованы меньше, и подобных реконструкций для них нет. Города располагались на пересечении торговых путей и были довольно большими по площади. Поэтому для их обороны требовалось значительное число воинов. Исходя из этого, строители при воздвижении фортификационных сооружений максимально использовали особенности ландшафта. Тот же Искер можно было штурмовать фактически только с одного на-

правления, другие были защищены почти отвесными склонами. Имеющиеся у нас, достаточно скромные, материалы позволяют говорить о том, что фортификационные системы наиболее исследованных комплексов – Кизыл-Туры и Тон-Туры (Вознесенского городища) очень близки второму горизонту Искера. На наш взгляд главным критерием обороноспособности города для того времени была мощность (размер) укреплений или количество укрепленных линий. Например, В.И. Соболев подчеркивал, что при оценке обороноспособности необходимо учитывать размеры укрепленных линий, «так, один ров Вознесенского городища, имеющий ширину около 19 м и глубину около 6 м, даже затянутый землей, дает возможность представить масштабы жизнедеятельности на памятнике» [Соболев, 2008, с.77]. Город Кизыл-Тура на изображении С.У. Ремезова имел три линии укреплений. К счастью для Ермака ему не пришлось во время своего похода штурмовать крупные города. Одни оказались брошенными, другие ко времени его похода уже лежали в развалинах, поэтому мы не можем определить эффективность их фортификации. Оборонительная система Искера наглядно показывает нам, что хан Кучум большое внимание уделял защите своей столицы и привлекал для строительства крепости специалистов по фортификации.

Если для городов Сибирского ханства, в частности Искера, этапы существования крепостных сооружений подтверждаются письменными источниками, то для подавляющего числа рядовых городищ позднего средневековья имеющаяся датировка укладывается в широкий диапазон размером в два-три столетия. По этой причине соотнести укрепленные комплексы со временем правления хана Кучума весьма проблематично. Тот же самый вывод мы можем сказать и о фортификации. Татары часто использовали остатки оборонительных комплексов проживавших ранее на этой территории народов, и установить, где собственно представлены их укрепления не всегда возможно. В этой ситуации есть исключения. Мы уже отмечали, что для обороны южных границ Сибирского ханства на стратегически важных участках были поставлены небольшие укрепленные комплексы – городки. Следует сразу оговориться, что Кучум постепенно расширял территорию своего ханства. Поэтому некоторые пограничные городки через некоторое время оказывались далеко в тылу. Примером такого случая может быть городок Куллары. В сибирских летописях он упоминается как военный пограничный городок, построенный против набегов калмыков. Однако ко времени похода Ермака городок Куллары находился почти в центре Сибирского ханства, на расстоянии более 300 км от его южных границ.

Известных пограничных городков на южной границе Сибирского ханства не так много, но они выделяются из общего числа городищ сразу по нескольким параметром, в том числе и своей фортификацией. Все они располагаются, как правило, на небольших возвышенностях и на открытой местности. По форме эти городища выделяются строгим геометризмом – все они представляют собой прямоугольник, иногда поделенный на две части (Черноозерье XII, Александровка VI, Чиняиха, Тюменка, Тентис II). На одной из частей содержались боевые и предназначенные для пропитания лошади, или располагалась хозяйственная часть. На другой части проживал гарнизон. У всех городищ стандартная оборонительная система, состоящая изо рва шириной около 5 м и глубиной 2,5 м и вала шириной до 5 м и высотой до 2,5 м. К сожалению, на многих из них не проводились археологические исследования, поэтому мы не можем сказать, имелись ли на валах частоколы или другие деревянные сооружения. Но ни на одном из обследованных нами северных городков (Кошкуль IV, Надеждинка VII) частокола не было. Размеры у южных памятников варьируются в пределах 7–10 тыс. м^2, но есть и большие до 30 тыс. м^2, как на Тюменке, что объясняется стратегическою значимостью этого комплекса. Площадки некоторых городков (Кошкуль IV) искусственно подняты на 1–1,5 м над окружающей территорией, что увеличивало их защищенность и повышало эффективность поражения осаждающих.

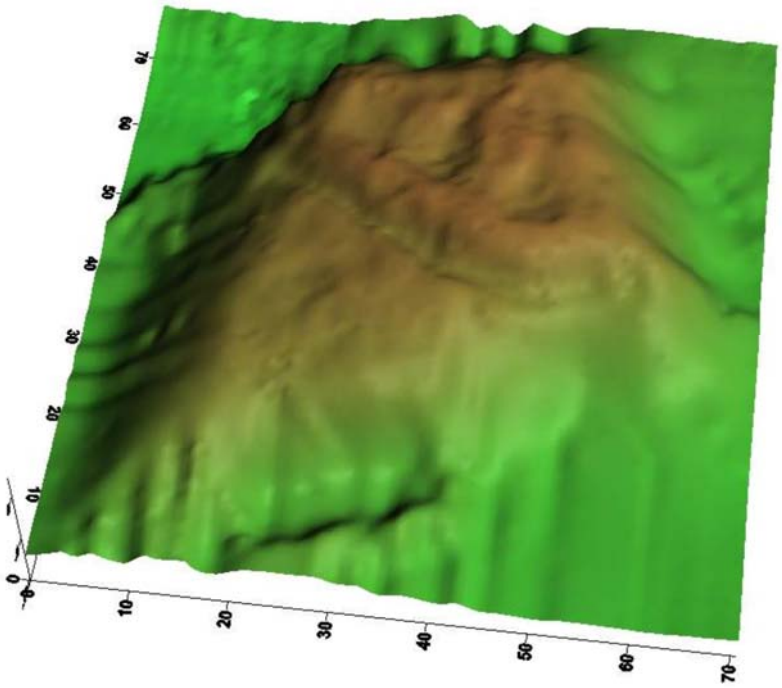


Схема городища Надеждинка VII (городок Тунус)

Особенностью некоторых северных комплексов является то, что они не были построены на местах расположения более ранних военно-фортификационных комплексов. Мы зафиксировали три ситуации, при которых эти городки были поставлены в непосредственной близости от ранних городищ с мощной системой обороны. Правда, в двух случаях эти городки были поставлены на северной границе ханства, но на наш взгляд их пример показателен. Это городища Ямсыса XV развитого средневековья и Ямсыса XIV [Скандаков, Дубко, 1991, с.115–117] позднего средневековья в Тевризском районе Омской области, Кошкуль I развитого средневековья и Кошкуль IVпозднего средневековья [Михалев, 2006, с.69–86] в Тарском районе Омской области, Большой Лог, располагающийся непосредственно в черте г. Омска, где татары заняли только небольшую часть городища бронзового века. Особенно показательна ситуация с кошкульскими памятниками, где Кошкуль I представляет собой мощное, с двумя линиями укреплений городище, а Кошкуль IV – небольшой, всего 1100 м^2 укрепленный комплекс с традиционной для средневековых городков системой обороны. Эта ситуация может объясняться тем, что гарнизон таких городков был невелик и для обороны больших городов недостаточен.

Здесь нам следует сделать небольшое отступление и представить свои исследования по поводу численности гарнизонов таких пограничных городков. Нами были проведены археологические исследования на городках Кошкуль IV и Надеждинка VII, на которых было зафиксировано небольшое количество жилищ, на первом – 6, на втором – 4. В остеологическом материале этих комплексов две трети составляют кости лошади, что свидетельствует о том, что гарнизоны питались мясом пригнанных с собой животных и естественно, что большой гарнизон таким образом было не прокормить. Наконец мы имеем описание штурма Тунусского городка, которое называет нам количество защитников: «И головы Борис Доможиров и Своитин Рупосов не доходя волости Тураша, пришли под городок Тунус (Надеждинка VII), стоял в волости в Чангуле; а в городке сидело татар из-

менников 40 человек з женами и з детьми» [Миллер, 1999, с.362]. Исходя из этих фактов мы предполагаем, что численность гарнизонов таких городков составляла 30–40 человек.

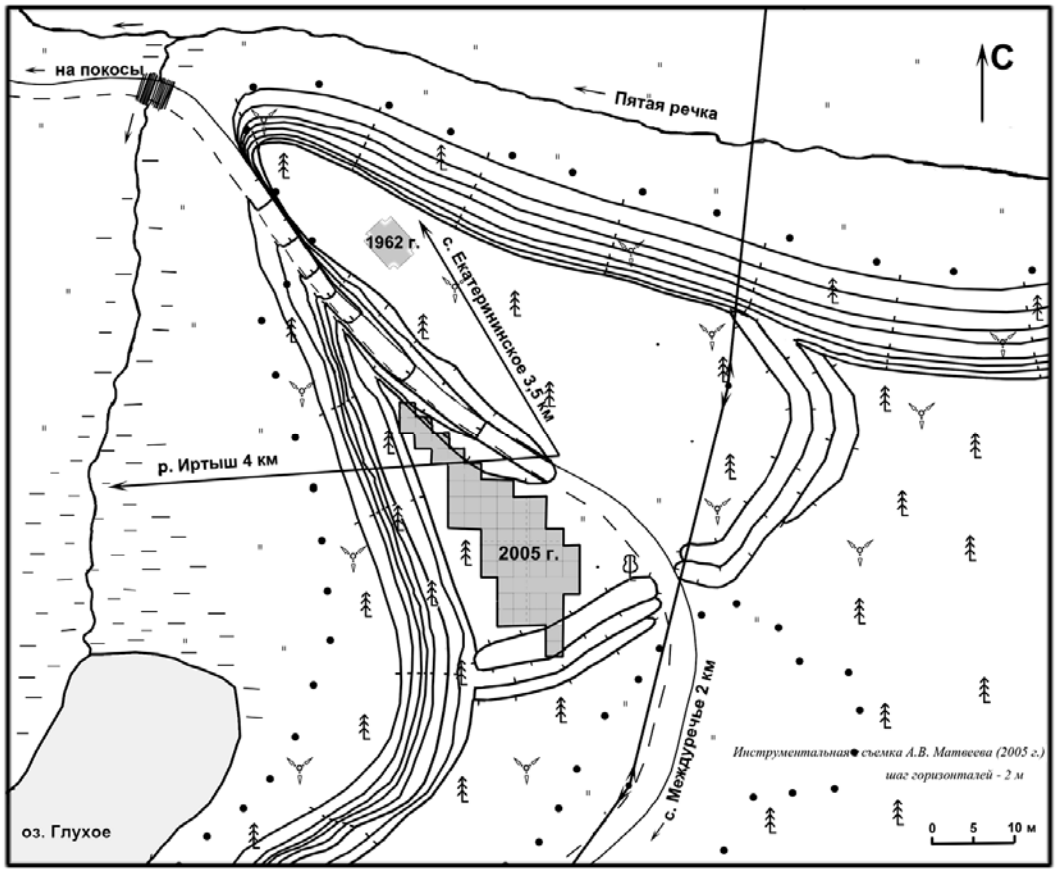


Схема городища Екатерининское V (Ананьинское)

Несмотря на то, что мы не можем точно датировать укрепленные поселения и городища XIV–XVI вв., нельзя не остановиться на их фортификации. Значительные площади поселений и количество жителей, которых было необходимо защищать, требовали серьезных укреплений. Поэтому, как правило, сооружалось несколько линий обороны и возводились дополнительные фортификационные комплексы – башни или бастионы. При строительстве укреплений долговременных населенных пунктов строители максимально старались использовать условия рельефа и ландшафта, поэтому самым распространенным (по классификации В.И. Соболева – 82,5%) было устройство укреплённых поселений на мысах коренных террас сибирских рек. Подобная практика, как известно, существовала задолго до появления в Западной Сибири татар [Коников, 1995, с.50–64; Коников, 2001, с.36–49]. Размеры таких городов и их укрепленность напрямую зависели не только от возможностей ландшафта, но и от численности населения. Небольшие по численности поселения ограничивались одной линией оборонительных сооружений, состоящей изо рва и вала, на котором обычно стоял частокол. Площадь таких городищ невелика и редко превышает 2 тыс.м^2. До 80–90% периметра городища

приходилось на склоны террасы, которые эскарпировались, и подняться по ним было практически невозможно[1]. Наиболее яркий пример – городок Тунус (Надеждинка VII), который располагался на останце р. Нижняя Тунуска и практически по всему периметру склоны останца были эскарпированы. Примером подобных мысовых комплексов являются городища Екатерининское V (Ананьинское), Кипы II, Бергамак XIV и XV. Полностью эскарпировать склоны со стороны реки было нельзя, так как это было местом для доставки воды и для эвакуации населения при невозможности дальнейшей обороны. В некоторых случаях, как на городище Бергамак VI, если окончание мыса было достаточно пологим, то его укрепляли дополнительной линией рва и вала.

Сложнее было создавать оборонительную систему для больших поселений. Естественно, что и в этих случаях старались выбирать места с наиболее удобным для обороны рельефом, но для большого количества населения всегда необходимо много воды, а колодцы на высоких террасах не всегда действенны. Поэтому такие городища строились ниже и ближе к воде. Тем не менее, около 50% периметра городища приходилось на эскарпированные склоны. Компенсировать меньшую эффективность оборонительной линии приходилось двумя способами:

– строить несколько линий изо рвов и валов, как например, на городищах Красноярское городище – II (Кизыл-Тура), Большая Пристань I, где было возведено по три укрепленных линии. Подобное различие в соотношении и количестве рвов и валов характерно как для более ранних укрепленных поселений, располагавшихся на этой территории, так и для одновременных городищ, расположенных на сопредельных территориях [Фахрутдинов, 1990, с.68–84];

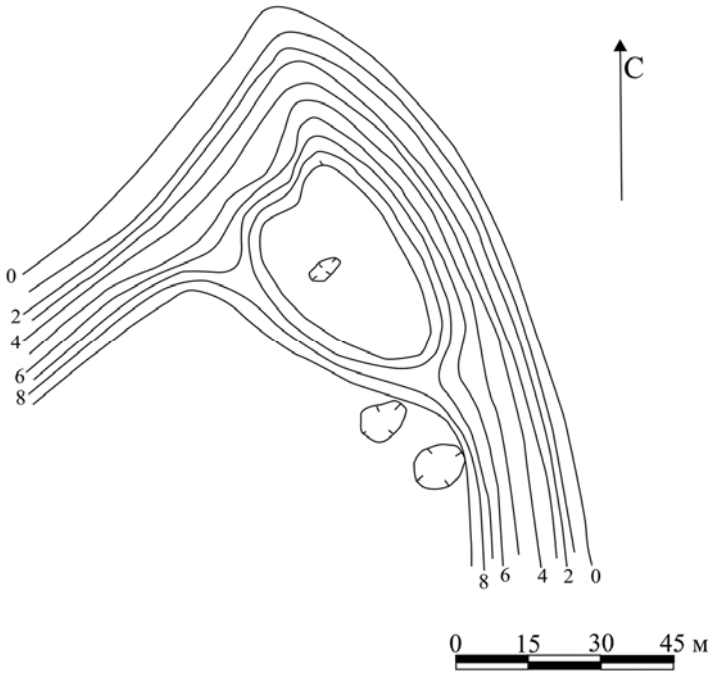


Схема городища Кип II

[1] Эскарп (франц. escarpe – крутой) – откос рва с внутренней стороны укрепления, крепости, форта и пр. В настоящее время под эскарпом понимают препятствие в виде крутого искусственного откоса на скатах возвышенностей, обращенных к противнику [Губайдуллин, 2002, с.56, 60].

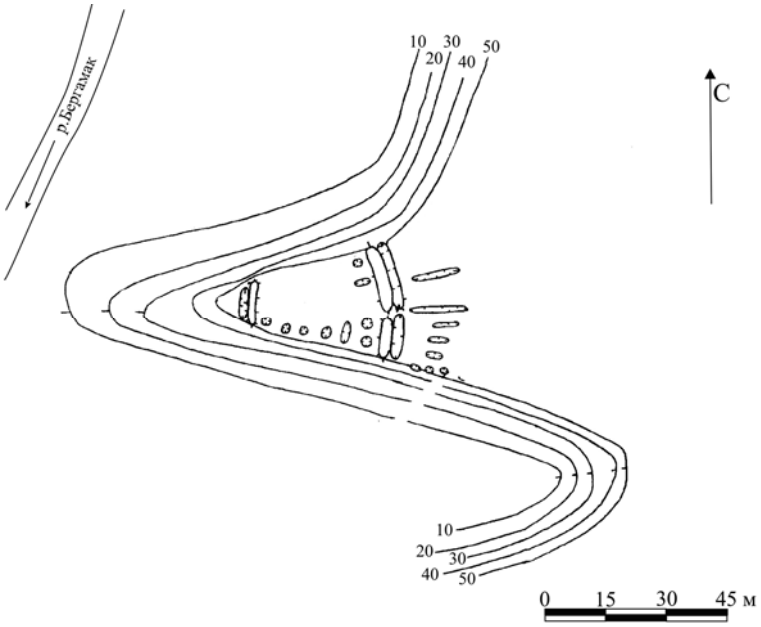


Схема городища Бергамак VI

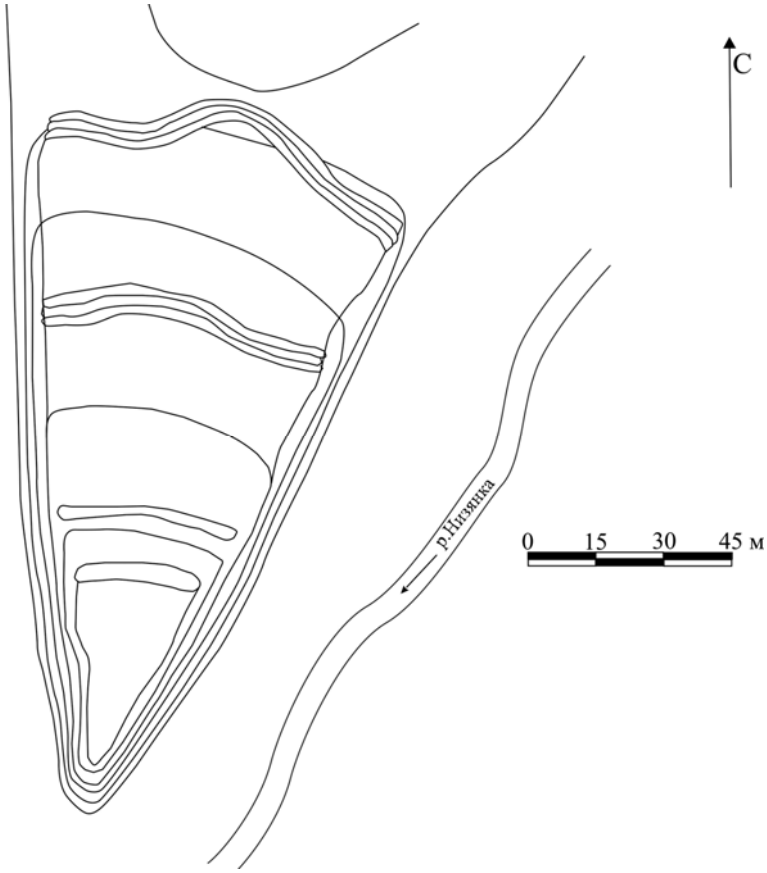


Схема городища Большая пристань I

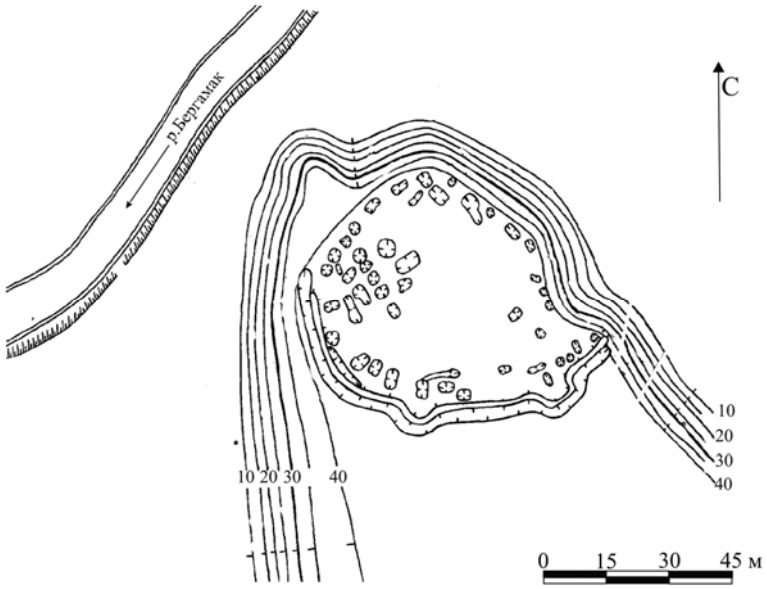


Схема городища Бергамак V

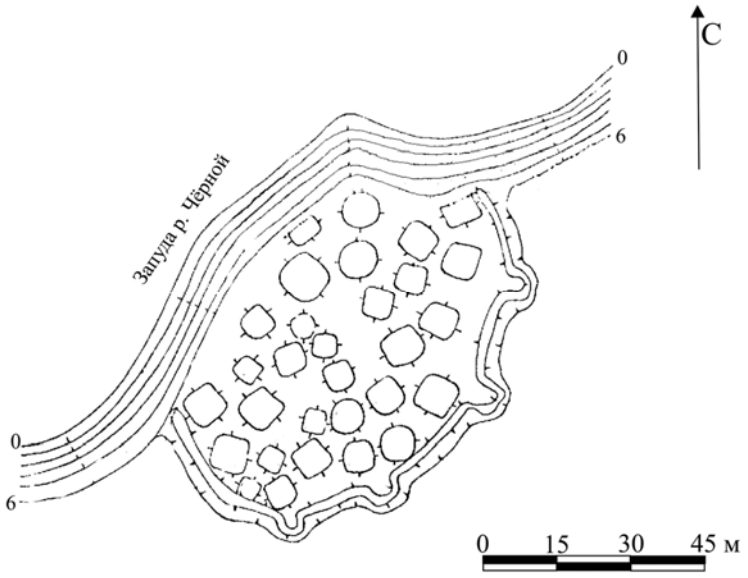


Схема городища Айткулово XI

– возводить дополнительные фортификационные комплексы, состоявшие из отдельно стоящих башен (Безымянное I) и выступающих вперед за линию обороны бастионов (Бергамак V, Айткулово XI, Екатерининское V. Количество бастионов зависело от протяженности оборонительной линии, их могло быть два фланговых, как на Бергамак V и четыре фронтальных, как на Айткулово XI. Принцип их расположения зависел от возможности поражения перекрестным огнем пространства перед городищем, что делало невозможным подступ к укрепленной линии. Единственный бастион в северной части линии рва и вала на городище Екатерининское V (Ананьинское) прикрывал спуск

к воде. Следует отметить, что бастионно-башенные оборонительные системы укреплений городищ появляются в Западной Сибири еще в эпоху раннего железного века, причем как в лесостепной, так и в таежных зонах [Борзунов, 1998, с.91–96].

Отдельным блоком В.И. Соболев выделяет островные городища (5%), которые у него сосредоточивались на островах Чановского озера. На наш взгляд, понятие «островные» следует понимать шире и отнести к ним останцы коренных террас сибирских рек, которые в весеннее половодье действительно превращаются в острова. «Слово «остров» надо понимать здесь в широком смысле, когда оно означает всякое вообще место, отделенное от остальных окольных мест буераками, долинами, болотами, лесами и т.п.» [Миллер, 1999, с.289], кстати, зачастую и у аборигенного населения они имеют такие названия – острова. К таким городищам можно отнести, кроме собственно чановских – Мальково, Новорозино I, Тюменка, Чиняиха, комплексы, расположенные в Среднем Прииртышье – Богочаново II (Чудская гора), Иванов Мыс VI, VII, Надеждинка VII (Тунус) и т.д. Что касается оборонительной линии таких городищ, то так же, как на всех подобных ландшафтных образованиях она либо проходит по верхнему контуру всего острова или останца, либо ограничивает какую-то его часть. Причин такого расположения может быть несколько. Во-первых, подобные природные образования – практически идеальное место для обороны, рвы таких городищ могли заполняться водами озер или рек, которые вплотную подходили к возвышенностям, на которых расположены памятники. В обрушивающихся рвах городищ Тюменка и Чиняиха на самой глубокой отметке прослежены иловые прослойки. Во-вторых, такие городища, как правило, находились в труднодоступных местах и могли служить убежищем для населения.

Особое внимание при строительстве оборонительной линии уделялось въездам на городища, так как это, как правило, самое уязвимое место в оборонительном комплексе. Начнем с того, что на небольших городищах, особенно на узких мысовых комплексах, таких проходов зачастую просто не было, так как не было необходимости переброски на ограниченную территорию большого количества грузов. В Среднем Прииртышье значительное количество городищ не имеют визуальных следов проходов через линию обороны: Александровка VII, Ашеваны III (Лиственный увал), Айткулово XI, Айткулово XIV, Большая пристань I и др. Переход через ров в городище, вероятнее всего, осуществлялся при помощи навесного или легкого свайного моста.

Однако, для больших укрепленных поселений проезд был жизненно необходим, так как по нему доставлялось продовольствие и корм для животных. Причём, для татарских городков это должен быть именно проезд. В отличие от угро-самодийского населения тайги, у сибирских татар, помимо вьючной перевозки грузов применялись волокуши и повозки. Доказательством этому, как мы уже отмечали, является строительство татарами искусственных спусков-взвозов на склонах террас для проезда к укрепленным комплексам (Ишеево, Надеждинка VII (Тунус)). Двухколесные татарские повозки рисовал на своих миниатюрах С.У. Ремезов. Грамоты сибирских воевод упоминают об использовании в отрядах Кучума и Карачи телег. Интересна система обороны проездов на городище Безымянное I. Здесь, напротив проездов в первой линии укреплений во второй линии были выдвинуты бастионы, и неприятель после взятия ворот попадал под перекрестную стрельбу лучников. На городище Надеждинка VII (Тунус) у места прохода-подъема наверх останца у его подножья был поставлен небольшой редут, высота стен которого в настоящий момент достигает 2 м, а внутренняя часть стен выложена сырцовым кирпичом.

Въезды на степных пограничных городках вообще не были укреплены. Вероятно, они в буквальном смысле слова были пограничными заставами, т.е. укрепленными лагерями для конных отрядов. Гарнизон городков и не был предназначен для пассивной обороны, поскольку состоял из кавалерии, которая выходила биться в чистое поле. Ис-

ключением в ряду пограничных городков представляет комплекс Большой Чуланкуль-1, где у въездов на городище фиксируется подобие бастионов.

Еще один тип укреплений в Сибирском ханстве выделил в своей работе Л.Р. Кызласов. Он на основании описания Г.Ф. Миллером Черного городка, поставленного сыном Кучума Алеем в Прииртышье в 1594 г., говорил о существовании в Сибирском ханстве кольцевых деревянных крепостей, где оборонительную линию составляли поставленные близко друг к другу срубы жилищ. «Алей де собрал Оялымские волости татар 150 человек и отвел их вверх по Иртышу на Черной остров, и тут де и они на Черном острову поставили городок и в том городке зимуют». А вот как описан один из таких городов в документе от начала 1601 г.: «А поставлены де у них избы рублены в стену кругом, по смете де изб с полчетверта-десять (35 – А.М., С.Т.); да у них же де, господине, обдернуто около изб телегами кочевными большими для крепости от приходов» врагов [Миллер, 1999, с.289, 359]. Итак, круглая жилая стена татарской крепости была составлена из тридцати пяти срубов жилых изб, вплотную поставленных друг к другу. В каждой из таких изб, по мнению Л.Р. Кызласова проживало по 4–5 воинов [Кызласов, 1999, с.96–129]. Мы считаем, что в данном случае речь идет об укрепленном военном лагере, так как у Алея просто не было времени строить город и укреплять его по принятым в то время канонам. Исходя из имевшихся условий, он избрал промежуточный вариант, поставив срубы по окружности и превратив их, тем самым, в подобие укрепления.

Таким образом, суммируя имеющиеся данные о фортификации городищ Сибирского ханства, можно сделать следующие выводы. Кучум, завоевав Сибирь, был вынужден повсеместно и постоянно отстаивать перед внешними и внутренними врагами свое право на престол Сибирского ханства. По этой причине, к концу его правления практически в каждом улусе поселения приобрели инженерно-фортификационные сооружения, границы государства были защищены городками с постоянными или временными гарнизонами. Столица ханства Искер превратилась в современную, построенную по всем правилам фортификационного искусства, крепость.

В ходе расширения территории ханства на вновь присоединенных землях сибирские татары для основания своих поселков зачастую использовали места ранних городищ, подновляя старые фортификационные сооружения. В Сибири на протяжении бронзового, раннего железного века и позднего средневековья параллельно сосуществовали различные типы фортификационных сооружений, состоящих из основной системы обороны и дополнительных укреплений. Тюрки, занявшие эту территорию в IX–XIII вв., познакомились с этими комплексами, некоторые, возможно, им пришлось брать штурмом. Новое население ханства, пришедшее из Средней Азии, Южного Урала, с Поволжья принесло свои навыки строительства защитных сооружений. Поэтому мы наблюдаем такое многообразие типов укрепленных поселений и фортификационных конструкций и приемов.

В настоящий момент трудно оценить эффективность фортификационных сооружений Сибирского ханства. Однако тот факт, что Ермак при штурме даже небольших городков сталкивался с серьезными проблемами, а некоторые городки, как, например, Куллары, он так взять и не смог, говорит о достаточно высоком уровне сибирской фортификации в XVI в. В то же время, анализируя укрепления городищ и городков Сибирского ханства вкупе с описаниями боевых столкновений русских и татарских отрядов и комплекса оружия ханского воина, мы приходим к выводу, что фортификационные сооружения в ханстве играли второстепенную роль. По своей тактике и стратегии армия у хана Кучума была создана по подобию кочевых государственных образований, где почти 100% всех боевых действий осуществляла кавалерия. Показательны в этом плане

пограничные городки, которые служили скорее базой для дислокации небольших конных отрядов, чем фортификационными твердынями.

Значительная часть укрепленных поселений служили защитой от внезапного нападения, для того, чтобы продержаться до подхода помощи со стороны военно-административных центров. За исключением городов и 4–5 крупных центров провинций (улусов) укрепленные поселения не были в состоянии выдержать длительную осаду. Некоторое число городищ, в силу их расположения, вообще являлись укрытиями, где население могло отсидеться в случае военной опасности. Здесь уместно высказывание В.Н. Пигнатти по поводу оставления ханом Кучумом Искера: «Но когда изучишь местоположение Искера, то станет ясно, что иначе и не могло случиться. Искер не мог выдержать долгой осады: он не имел воды, ибо к Иртышу спуск был опасен и в любой день мог быть отрезан, он не мог иметь и значительных запасов продовольствия, ибо площадь крепости была мала. Отрезанные от воды защитники крепости не имели возможности уйти незаметно из крепости, ибо осыпь к Иртышу и склон к Сибирке открыты. Вот по этим стратегическим соображениям Кучум… оставил столицу» [Пигнатти, 2010, с.204].

Основное оружие сибирского воина – лук, поэтому фортификация большинства укрепленных комплексов была построена таким образом, что бы предоставить обороняющимся максимально удобные условия для поражения неприятеля – это башни и бастионы, выдвинутые вперед линий обороны для ведения перекрестной стрельбы и поднятые над окружающей территорией площадки городищ.

В целом же изучение укрепленных комплексов Сибирского ханства позволяет нам говорить о том, что фортификация этого государства развивалась в общем контексте развития военного искусства Северной Евразии.

§ 10. Присоединение Сибирского ханства и начало колонизации Сибири

Зайтуна Тычинских, Дамир Исхаков

Проблема присоединения Сибири к Московскому царству в отечественной историографии оказалась в числе политизированных, ее оценка менялась в зависимости от общей или текущей политической конъюнктуры от «завоевания» до «освоения» или «колонизации», для характеристики которых исследователи пользовались и более нейтральными маркировками (взятие, приобретение, присоединение и др.). Концепция присоединения огромных восточных территорий за Уралом через завоевание преобладала в дореволюционной историографии, продолжая развиваться вплоть до 1940–1950-х гг. и в советский период. Во второй половине XX в. в советской историографии доминирующей стала точка зрения о добровольном вхождении сибирских народов в состав Русского государства. Этот концепт окончательно утвердился в стране к 1970-м гг. Но в последние десятилетия XX в. в связи с изменением идеологических установок и ростом национального самосознания народов, а также развертыванием тогда в стране национальных движений, был осуществлен пересмотр точки зрения о преимущественно мирном и добровольном характере приобретения Московским государством сибирских территорий [Обзор историографии см.: Скрынников, 1982; Зуев, 2007].

Ключевым событием, положившим начало колонизации Сибири, было завоевание Московским царством Сибирского ханства. Несмотря на все разнообразие оценок относительно приобретения сибирских земель, по поводу включения в состав Московского государства территории Сибирского ханства в российской историографии особых расхождений нет – оно признается завоеванием. Однако взятие русскими после Казанского и Астраханского ханств Сибирского юрта, также одного из наследников Золотой

Орды, было не одномоментным актом, а довольно длительным по времени процессом, занявшим фактически всю вторую половину XVI в., которое в целом завершилось после гибели хана Кучума около 1598 г., когда Борис Годунов принял титул «царя Сибирского» [Успенский, 2000, с.44–50, 96]. Но и после этого еще Кучумовичи долго боролись с завоевателями за восстановление своего потерянного юрта, хотя в сложившихся к XVII в. условиях это было уже делом бесперспективным.

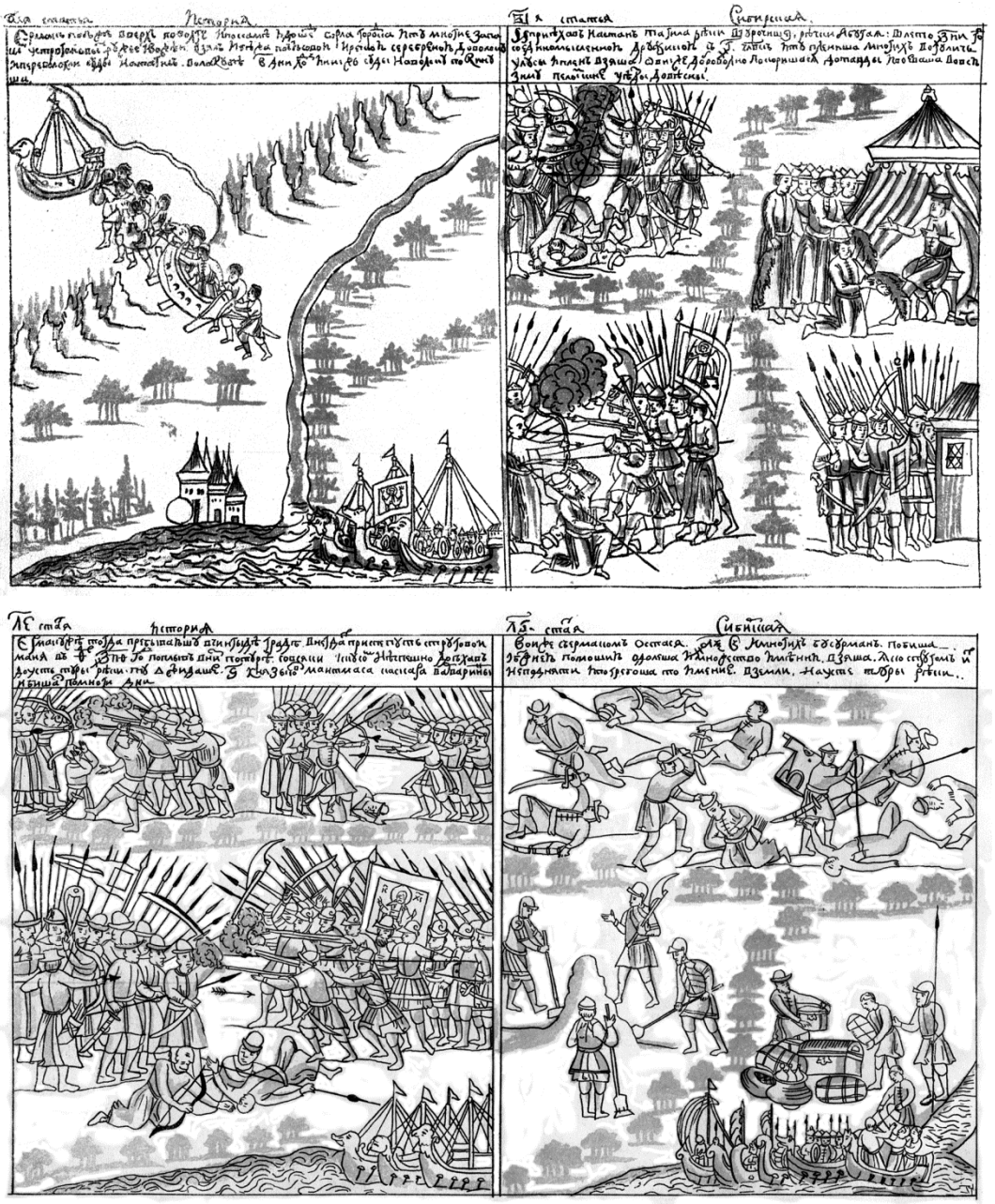
Политическая ситуация в Приуралье и Западной Сибири в 1550-х – начале 1580-х годов. Взаимоотношения Московского царства и Сибирского юрта

После кровопролитного завоевания Казанского ханства, в ходе подавления начавшихся в 1553 г. на его территории восстаний, русские войска дошли в погоне за восставшими за «Уржум и Мешь-реку, за великие леса, и оттуда аж до башкирского народа, что на Каме реке вверх к Сибири обитает» [Курбский, 2001, с.67]. В итоге, ряд приуральских групп, известных в русских источниках XVI – начала XVII вв. как «остяки», ранее контролировавшихся Казанским ханством, изъявили покорность Москве [Усманов, 1960, с.72–73; Преображенский, 1972, с.17], что продвинуло сферу влияния Московского государства в Среднем Приуралье и в северной части Южного Приуралья к рубежам Сибирского юрта, которому подчинялись и некоторые районы приуральской зоны [Усманов, 1960, с.57; Томилов, 1981, с.17–18; Матвеев, Татауров, 2012а, с.58, 71]. В Ногайской Орде, игравшей тогда существенную роль в Приуралье, в ходе взятия русскими войсками Астрахани обострилось противоборство бия Юсуфа со своими братом Исмаилом, в конце 1554 г. завершившееся в ходе их стычки гибелью ногайского князя. Данное обстоятельство положило начало противостоянию различных группировок в этом государстве [Трепавлов, 2001, с.270–271], явно ослабившее, но полностью не ликвидировавшее влияние ногайцев в Приуральско-Западно-Сибирском ареале.

В таких экстраординарных условиях в Москве и появились послы Тайбугидов, правивших тогда в Сибирском юрте. Согласно русским летописям, прибывшие в январе 1555 г. от Сибирского князя Тайбугида Едигера сибирские послы Тягригул и Панья-да поздравили Ивана IV с взятием Казани и Астрахани и «били челом государю от князя Едигеря и от всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон от всех заступил и дань свою на них положил, и дорогу (даругу – З.Т., Д.И.) своего прислал, кому дань собрати…». Иван IV , выслушав предложение послов о том, что им «давати государю со всякого черного человека по соболю да дороге… по белке… сибирской», вынес решение – «их князя и всю землю Сибирскую взял за себя во свое имя и от сторон ото всех дань свою на них положил и дорогу своего прислал, кому дань собрати» [ПСРЛ, т.29, 1965, с.233; ПСРЛ, т.13, 1965, с.248]. Выехавший в Сибирский юрт с «жаловалным ярлыком» московский посол Дмитрий Куров (Непейцын) должен был «князя Едигеря и всю землю Сибирскую к правде привести и, черных людей переписав, дань свою сполна взять и з дорожскою пошлиною». Речь, таким образом, шла об установлении московского сюзеренитета над Сибирским юртом, где с конца XV в. власть находилась в руках династии Сибирских князей – Тайбугидов из клана буркут [Трепавлов, 2007, с.101; Исхаков, 2011ж]. Но у Тайбугидов, решивших перебраться под защиту Московского царства, мог существовать иной верховный сюзерен, к 1555 г. оказавшийся недееспособным. В этой связи обращает на себя внимание запись в «описи» архива Посольского приказа за 1563–1564 гг.: «Столпик Сибирской 7072 г. привозу к Москве *сибирского* Муртазы *царя* татарина Ташкина» [Копылов, 1989, с.79]. Так как сын тюменского хана Ибрагима (Ибака/Ивака) Муртаза в данном случае назван «сибирским царем», имея наследственное право на престол Сибирского юрта, точнее Тюменского ханства, на этот факт следует обратить внимание. Но где правил хан Муртаза к 1555г., нам точно не известно [анализ проблемы см.: Исхаков, 2006, с.62–64]. Правда, в готовящейся сейчас к печати рукописи продолжателя «Чин-

гиз-наме» хивинского историка Утемиша-хаджи (XVI в.) есть данные о том, что Шибаниды – сыновья тюменского хана Ибрагима Сары султан и Муртаза султан, «став взрослыми, подчинили себе весь Мавераннахр, между [рек] Инрек и Сувнак Дерйа-и Тур, [где Муртаза] стал ханом в юрте Элифа». Так как далее в источнике отмечается, что сын Муртазы Кучум-хан «воевал в Туркестане в стороне Отрара со всем мамлакатом казахов», став «великим падишахом в юрте Тайбуги Ишдеке» [Миргалеев, 2014, с.65], то не исключено, что сам Муртаза вначале правил где-то на юге, но не в Сибирском юрте (не зря, видимо, Г.Ф. Миллер, опираясь на исторические предания сибирских татар, считал, что Муртаза являлся «ханом Большой Бухары» [Миллер, 1937, с.196]. Однако это не означает, что он не мог быть сюзереном правителя Сибирского княжества Едигера Тайбугида. Хотя есть и другая точка зрения на этот вопрос – В.В. Трепавлов, например, высказывал мнение о том, что до 1552 г. сюзеренами Тайбугидов являлись казанские ханы [Трепавлов, 2007, с.101]. Но все же это мнение обосновано недостаточно. Скорее, надо говорить о том, что в условиях династических распрей, происходивших в 1550-х гг. среди Шибанидов за владение городом Бухарой и Бухарским вилайетом [Исхаков, 2006, с.63], Сибирский князь Едигер в 1555 г. попытался поменять своего верховного сюзерена, тем более, что московские завоевания середины XVI в. на него явно оказали сильное впечатление (см. выражение из русских летописей «здоровали государю… на царствие на Казанском и на Астраханском» [ПСРЛ, т.13, 1965, с.248], произнесенное от имени его представителей). Тут нельзя исключать и влияния на правителя Сибирского юрта Едигера имевшего промосковскую ориентацию ставшего бием Ногайской Орды Исмаила, который был в родстве с Едигером Тайбугидом (сестра Исмаила стала одной из жен отца Едигера [Трепавлов, 2001, с.310], кажется и сам Едигер был женат на дочери ногайского бия). Но на деле попытка Сибирского князя Едигера перейти под московский протекторат объясняется больше политикой Шибанидов при бухарском хане Абдулле II (в 1551–1583 гг. он правил от имени своего отца), стремившегося подчинить все бывшие владения дома Шибана Бухаре [Трепавлов, 2001, с.372]. Очевидно, эта задача в сибирском направлении была возложена на Муртазу и его сыновей, создавших прямую угрозу правлению в Сибирском юрте князя Едигера – уже в ноябре 1557 г. от последнего было в Москве получено известие, что его земли «воевал Шибанский царевич» [ПСРЛ, т.13, 1965, с.285; ПСРЛ, т.29, 1965, с.251]. Едигер явно боялся потерять свою власть, ибо он в послании в Москву просил, чтобы «царь и великий князь (Иван IV – З.Т., Д.И.) пожаловал, …дань с них имел, а их бы с Сибирские земли не сводил» [Сборник РИО, 1887, с.479–480].

Московский царь сполна воспользовался актуальной политической ситуацией – уже в тексте грамоты, отправленной 22 июня 1555 г. в г. Вильно, в титулатуре Ивана IV появился новый элемент – «всея Сибирские земли повелитель» [Сборник РИО, 1887, с.470]. Между тем, посланный в Сибирский юрт Дмитрий Куров (Непейцын) пробыл там более года и вернулся в ноябре 1556 г. в Москву вместе с татарским послом Бояндой. Однако, вместо обещанных 30700 собольих шкурок (по числу указанных Едигером ясачных людей) посол привез всего 700. В письме Ивану IV Едигер объяснял, что не смог собрать всю дань в связи с непрерывной войной с Шибанидами, которую он вел в этот период. Между тем, вернувшийся из Сибири русский посол Непейцын сообщал, что «им было возможно сполна дань прислати, да не захотели» [ПСРЛ, т.13, 1965, с.276]. Московский царь не захотел понять намека Едигера оказать ему помощь против Шибанидов и не принял объяснения сибирского посла, посадив его под стражу. Ивана IV интересовала лишь возможность получения дани, поэтому в Сибирь были посланы служилые татары Девлет-Хозя и Собаня Резановы, чтобы «во всем перед ним, государем, исправили» [ПСРЛ, т.13, 1965, с.276]. В это же время были отправлены послы за данью и к югорским князьям [Копылов, 1989, с.71].



С.У. Ремезов. Рисунки из «Истории Сибири»

Далее летописи сообщают, что уже в сентябре 1557 г. посланные царем служилые татары вернулись в Москву. Вместе с ними прибыли и посланник сибирского князя Едигера Истемир с «товарищи», которые «привезли дань сполна», т.е. 1000 соболей и даружную пошлину в 160 соболей [ПСРЛ, т.13, 1965, с.285]. Это посольство вручило в Москве «шертную грамоту … со княжею печатью», в котором Едигер писал о том, что он стал «холопом» московского царя, положив «на всю свою землю… ежегод… дань… со всей Сибирской земли давати» [ПСРЛ, т.29, 1965, с.258]. Данным документом были официально оформлены вассальные отношения Сибирского юрта с Московским царст-

вом. Обращает на себя внимание то, что тогда же аналогичные отношения были установлены между Московским царством и Ногайской Ордой [Скрынников, 1982, с.108]. Вряд ли это совпадение случайно. Сибирского посла Боянду выпустили из-под стражи и вместе с ним отправили в Сибирский юрт татар за следующей данью. Уже в ноябре 1558 г. служилый татарин Собан Резанов и сибирский посол снова привозят в Москву дань [ПСРЛ, т.13, 1965, с.313], сообщив, что к зиме прибудет дань за следующий год. Но этого не случилось, зато в Москве в 1558 г. практически одновременно оказались послы от Сибирского князя Едигера (Чибиген/Чигибень) и от Шибанида Муртазы, а также от его старшего сына Ахмет-Гирея (Ташкин и Мамин шейх). Статус Муртазы в данном случае не вполне ясен, хотя некоторые исследователи полагают, что он к тому времени, уже будучи ханом, «перевел свои кочевья в лесостепи между Тоболом и Иртышем», начав «приводить в подданство южные улусы Сибирского юрта» [Копылов, 1989, с.72]. Даже если хан Муртаза правил в качестве «сибирского хана» недолго, к 1563 г. он явно являлся уже реальным правителем Сибирского юрта, а князь Едигер и его брат-соправитель Бекбулат были убиты, скорее всего, младшим сыном Муртазы Кучумом [Скрынников, 1982, с.109; Копылов, 1989, с.73; Исхаков, 2006, с.63]. Не исключено даже, что некоторое время князь Едигер оставался у власти, признав хана Муртазу правителем. Надо отметить, что у Г.Ф. Миллера, опиравшегося на предания сибирских татар, изложены две версии смены власти в Сибирском юрте. Согласно первой, после смерти Едигера и Бекбулата в этом княжестве стал править сын последнего Сейдяк, которого затем Кучум вынудил бежать в Бухару. По другой версии, после смерти Едигера осталась его беременная жена, но между знатью не было согласия относительно того, кому править и знатные татары «отправили посольство к хану Большой орды Муртазе, прося прислать им *в князья* (выделено нами – З.Т., Д.И.) одного из своих сыновей». Тот прислал Кучума, который и был признан ханом [Миллер, 1937, с.196]. О том, что на Сибирский юрт Шибанидам было приглашение, может свидетельствовать и следующее место из Патриаршей (Никоновской) летописи, в которой в сообщении о приходе посла от князя Едигера Чигибена в 1563 г., сказано: «Сибирские люди (после приезда посла в Москву – З.Т., Д.И.) ….. изменили… взяли на Сибирь царевича» [ПСРЛ, т.13, 1965, с.313]. То, что это событие произошло где-то до сентября 1563 г., видно из ответного послания Ивана IV ногайскому князю Исмаилу, в котором московский царь о зяте ногайского князя, т.е. о Едигере, говорит в прошедшей форме («был на Сибири на нашем юрте»), указав, что хочет посадить там оказавшегося в московском плену внука Исмаила – явно сына Едигера, от ногайской княжны [см.: Копылов, 1989, с.73]. Проблема, однако, заключается в том, что в приведенном выше летописном сообщении о «взятии» на Сибирский юрт царевича, он назван «Едигером, царевичем Казанским». Даже если полагать, что тут имя князя Едигера ошибочно слито с титулом «царевич», определение его как казанского султана требует объяснения. Единственно возможное в данном случае толкование – это ошибка переписчика летописного текста, прочитавшего вместо «казахский» [царевич] «казанский», так как, согласно «Сибирским летописям», Кучум, «побивший» сибирских князей Едигера и Бекбулата, «прииде степью ис Казачьей орды» [ПСРЛ, 1982, с.32, 48].

Таким образом, вассальные отношения, установленные между Тайбугидами и Московским царством в 1555 г., были прерваны не позже 1563 г. реставрацией на престоле Сибирского юрта Шибанидов, чему московская сторона, занятая Ливонской войной, не смогла помешать. Так как за спиной сибирских Шибанидов стояла среднеазиатская ветвь дома Шибана в лице бухарского хана Абдуллы II, фактически наметилась конфронтация Москвы и Бухары за контроль над богатым пушными ресурсами регионом. Далеко не случайно, Иван IV в своем послании ногайскому князю Исмаилу от 22 сентября 1563 г. сообщал: «…мы вперед хотим того юрта (Сибирского – З.Т., Д.И.) досту-

пати… и внуком твоим промыслити, чтобы он вперед на том юрте был» [цитируется по: Копылов, 1989, с.73]. С другой стороны, до Москвы доходили известия, что «хвалитца де сибирский салтан [и] Шибаны идти на Пермь войною» (из грамоты Ивана IV от 2 января 1564 г. [Скрынников, 1982, с.109]). На самом деле после прихода к власти хана Кучума, со стороны Сибирского юрта по отношению к соседним русским владениям «задору никоторого не было» [Преображенский, 1972, с.18].

Мы точно не знаем, когда Кучум б. Муртаза стал ханом в Сибирском юрте, и правил ли там все время после 1563 г., ибо, как отмечает Г.Ф. Миллер, к нему ханом Муртазой с войском был послан Ахмет-Гирей, в отряде которого находились и религиозные деятели [Миллер, 1937, с.194], после прибытия которых Кучум якобы уступил своему старшему брату сибирский престол, что могло произойти, например, в 1574 г. [Исхаков, 1997, с.57; Исхаков, 2006, с.64]. Но за исключением названого периода, Кучум являлся реальным правителем Сибирского ханства, много сделав для его укрепления [Копылов, 1989, с.76; Матвеев, Татауров, 2012б].

Однако Московское царство не собиралось отказываться от Сибирского юрта, признавшего ранее вассалитет от него. Поэтому, в 1569 г. из Москвы к «сибирскому царю» был отправлен татарин Айса с грамотой, очевидно, с целью зондирования почвы по поводу будущих взаимоотношений. Сохранился ответ хана Кучума на это послание от 1570 г., в котором отмечаются старые дружественные связи их отцов, когда «гости ходили на обе стороны». Хан, предлагая восстановить эти отношения, считал возможным даже признать того своим «братом старейшим», однако ни слова не написал о даннических отношениях, назвав себя «вольным человеком», добавив: «ныне похошъ миру, и мы помиримся, похошь воеватися, и мы воюемся» [Собрание, 1819, с.52]. Судя по информации князя Ромадановского, привезшего из Перми указанную грамоту хана Кучума в Москву, тот через своего человека сообщил, что он воюет с «казанским царем», и если тот победит, то ему не быть у власти, тогда «сядетъ на Сибири… царь Казацкий». Действительно, в 1569 г. казахский хан Хакк-Назар и его брат Шигай совершили крупный поход на Ногайскую Орду [Исин, 2004, с.84], очевидно, создавший угрозу и для Сибирского юрта. Отсюда, скорее всего, примирительный тон Кучума, говорившего: «…ныне дань собираю, … вашему царю и великому князю послов пошлю» [Исхаков, 2006, с.178]. Видимо, у бухарского хана Абдуллы, занятого внутренними проблемами, не было тогда возможности оказания помощи Сибирскому юрту. В этой ситуации хан Кучум по всей видимости, осведомленный о поражении турецко-крымских войск в 1569 г. в ходе их похода на Астрахань и оказавшийся под давлением казахов [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.102], решил восстановить прежние даннические отношения с Москвой, ибо в его послании от 1571 г. было сказано: «… чтобы его царь и великий князь взял в свои руки, а дань со всея Сибирские земли имел по прежнему обычаю» [Собрание, 1819, с.63]. Это предложение совпадало с интересами московской стороны, в послании хану Кучуму за март 1571 г. сформулированному так: «…прежъ сего Сибирской Едигерь князь на нас смотрелъ, и зъ Сибирские земли со всее, на всякъ годъ дань к нам присылалъ». В итоге Иван IV, выслушав «челобитье» хана, его «под свою руку… и во оберегание принял, и дань на него положилъ, на год по тысяче соболей, да посланнику… тысяча белок». После того, как соглашение с ханом Кучумом было подкреплено «шертью» сибирского посла Таимаса, с ними за данью в Сибирский юрт отправился московский посол Т.Чебуков, который повез грамоту от Ивана IV, где «Сибирскому начальнику» Кучуму царю было обращено «милостивое слово, любовное жалованье и добрая мысль» с обещанием «великого защищенья… всего улуса людям» [Собрание, 1819, с.63–65]. Обещанный ясак, отправленный в 1571 г. из Сибирского ханства в Москву, тем не менее, оказался последним знаком вассальной зависимости Кучума [Преображенский, 1972, с.20], явно знавшего о поражении Мос-

ковского царства в 1571 г. от крымцев, сжегших столицу дотла в ходе своего похода на Москву, а на следующий год совершивших новое вторжение на русские земли [Скрынников, 1982, с.111]. В условиях «черемисского бунта» в Среднем Приуралье летом 1572 г., на владения Строгановых вначале напал пелымский князь, за спиной которого явно стоял хан Кучум, а после ответных действий людей Строгановых в районе р. Чусовой в 1573 г., брат хана Кучума султан Маметкул совершил поход на Урал (он приходил туда после 20 июня того же года), затронувший владения Строгановых и мансийское население, платившее дань Московскому государству. Однако надо иметь в виду, что указанному вторжению войск Сибирского ханства в этот район предшествовало убийство московской стороной «торговых людей» из Сибири с удержанием бывшей у них пушнины (она была передана в казну царя) [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.109]. Не исключено также, что в 1572 г. московские войска совершили и неудачный для себя рейд в Сибирский юрт [Преображенский, 1972, с.23; Маслюженко, Рябинина, 2009, с.104]. Эти столкновения московской стороны с сибирскими татарами были связаны с борьбой за контроль над ясачным населением Урала [Преображенский, 1972, с.21], скорее всего, ранее входившем в орбиту влияния Сибирского юрта. После того, как в ходе наступления в 1573 г. войск во главе с султаном Маметкулом на уральскую зону у них в плену оказались и были убиты московские люди – посол Т.Чебуков и сопровождавшие его служилые татары, следовавшие в недружественное тогда Сибирскому юрту Казахское ханство [Скрынников, 1982, с.112], первый относительно мирный период взаимоотношений Московского царства с Сибирским ханством закончился.

По-видимому, Строгановы, получившие под свой контроль огромную территорию на Урале, в ходе своего продвижения в Сибирь были заинтересованы в усилении поддержки из Москвы и после прихода войск Маметкула на их владения специально отправили центральной власти сообщение о том, что сибирский султан не только «побил» московских «данных остяков» (это были на самом деле тюркские группы Сылвенско-Иренского бассейна и района р. Чусовой, ранее зависевшие от ногайцев, связанных с Казанским ханством, частично – с Сибирским юртом), забрав с собой женщин и детей в полон, но и о том, что сибирские татары занимались «проведыванием дороги», чтобы в дальнейшем «идти ратью на Пермь» [Миллер, 1937, с.339]. Но надо иметь в виду, что по грамоте от 1574 г. Строгановым московской стороной уже начали передаваться земли в Зауралье, в том числе в бассейне р. Тобола («в Сибирской Украине, меж Сибири и Нагаи»), объявленные пустыми, но ранее, скорее всего, контролировавшиеся ногайцами [Скрынников, 1982, с.111–117] с разрешением строить там укрепления [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.104]. То есть через Строгановых Московское государство пыталось просочиться в Зауралье, что конечно затрагивало интересы Сибирского юрта.

Но между 1574–1580-м гг. на уральско-сибирской границе других столкновений не наблюдалось, что, видимо, объяснялось занятостью хана Кучума внутренним обустройством своего юрта – известно о двух (в 1572 и 1574 гг.) приходах из Бухарского ханства исламских миссионеров в Сибирь, в составе последнего из которых находился и брат хана Ахмет-Гирей, как уже было сказано, возможно, севший даже на сибирский престол (или ставший соправителем Кучума), затем убитый после четырехлетнего правления (1574–1578 гг.) своим тестем – султаном Шигаем, братом казахского хана Хакк-Назара (Шигай стал после убийства этого хана в 1580 г. казахским ханом). Реальные направления интересов хана Кучума видны из того, что он также был женат на одной из дочерей хана Шигая, выдав в 1577 г. свою дочь за ногайского мирзу (это – Ак-мирза, лидер восточных ногайцев, глава Шихмамаевичей). Тогда же старший сын сибирского хана – Али, женился на дочери ногайского бия Дин-Амета [ПДРВ, 1801, с.189, 193]. Эти данные говорят о важности в этот период для Сибирского юрта контактов с казахами и ногайцами, особенно, с последними. Правда, при встрече в 1577 г. в Ногайской Орде сибирского ха-

на с русскими посланниками, первый сообщил: «…Кучюм хочет впредь государю Царю и Великому князю в дружбе быть…, в том правду дати» [ПДРВ, 1801, с.189]. Поэтому бытующие в историографии высказывания о якобы неоднократных набегах хана Кучума на пермские земли и на владения Строгановых в 1570-х гг. следует признать «историографическим мифом» [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.214]. Более того, когда после двух походов (1581–1582 гг.) на уральские земли, подконтрольные Строгановым и Москве, пелымских отрядов, в составе которых во время последнего рейда могли быть и татары [Скрынников, 1982, с.134–135], центральной властью Строгановым было дано разрешение наказать пелымского князя, но по отношению к хану Кучуму, как это видно из грамоты от 16 ноября 1582 г., предписывалась иная политика – вернуть обратно отправленных по их инициативе в Сибирь казаков во главе с Ермаком для службы в Перми Великой, при этом московские власти укоряли Строгановых за то, что они «задирали» местное население, «ссорили» московские власти с «Сибирским салтаном» [Миллер, 1937, с.342]. Москва, испытывавшая серьезные трудности на завершающей стадии Ливонской войны, не была заинтересована в осложнении своих отношений с ханом Кучумом. Последний тоже был настроен дружески – в марте 1578 г. ногайский бий Дин-Ахмет из Москвы получил послание, в котором он извещался о появлении там летом посла Кучума, с указанием: «А присла Кучюм царь… о том, что которая наша дань была на Сибирской земле издавна… и он давать хочет, а нам бы гнев свой отложити и держать к нему свое жалованье» [ПДРВ, 1801, с.281]. Отправленный в Сибирь московский даруга Д.Лачинов, скорее всего, привез эту дань.

Не исключено, что расположенность Кучума к дружбе с Москвой имела конкретные причины, в частности, из ногайских дел видно, что как раз в это время сын Уруса, бывшего тогда в Ногайской Орде нуреддином, воевал с Сибирским юртом и вообще предлагал Ивану IV при поддержке русских дальше «Сибирь воевати» [ПДРВ, 1801, с.268–269]. Это было сделано без ведома Уруса и бия Ногайской Орды Дин-Ахмета. Однако Москва не поддержала Хан-мирзу, что еще раз показывает нежелание русской стороны конфликтовать с ханом Кучумом. Вскоре Кучум выдал свою дочь за сына умершего в 1578 г. бия Дин-Ахмета Ураз-Мухаммеда, промосковская ориентация которого хорошо известна [Трепавлов, 2002, с.322–323, 372–273], что подтверждает сказанное. Да и в целом хан Кучум, зависевший от бухарского хана Абдуллы II, после укрепления его союза в 1579 г. с ханом Хакк-Назаром, затем с Шигаем, не желавшими обострения отношений с Московией [Маслюженко, Рябиниа, 2009, с.107], фактически действовал в их фарватере, притом, что ногайцы (по крайней мере, их часть) подталкивали его в другом направлении.

Но у конфронтации Строгановых с Сибирским юртом имелась своя внутренняя логика – во время второго похода в 1582 г. на Урал сибирских отрядов, в составе которых, скорее всего, находился и сын хана Кучума Али с «сибирскими людьми», у них на р.Чусовой произошло столкновение с дружиной Ермака, нанятой Строгановыми для обороны своих владений. После этого отряд султана Али ушел к Соли Камской, оттуда к Чердыни, где появился в сентябре 1582 г. Скорее всего именно тогда Строгановы, которым не было дела до других московских владений, подсказали Ермаку направление дальнейшего рейда его дружины в условиях, когда хан Кучум остался без сильнейшей части своей армии [Скрынников, 1982, с.135–136]. Поэтому, военная экспедиция Ермака, начатая осенью 1582 г. по инициативе Строгановых, этих русских конкистадоров, не укладывалась в рамки длительное время выстраиваемой московской стороной восточной политики [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.108]. Действительно, к концу 1570-х годов Москвой уже во многом были подготовлены условия для начала мирного присоединения Сибири, а хан Кучум к 1578 г. явно был готов признать себя вассалом Московского царства, возобновив выплату дани. Но сибирский поход Ермака

прервал этот процесс, направив взаимоотношения Московского царства с Сибирским ханством в военное русло.

Поход Ермака. Завоевание Сибирского ханства

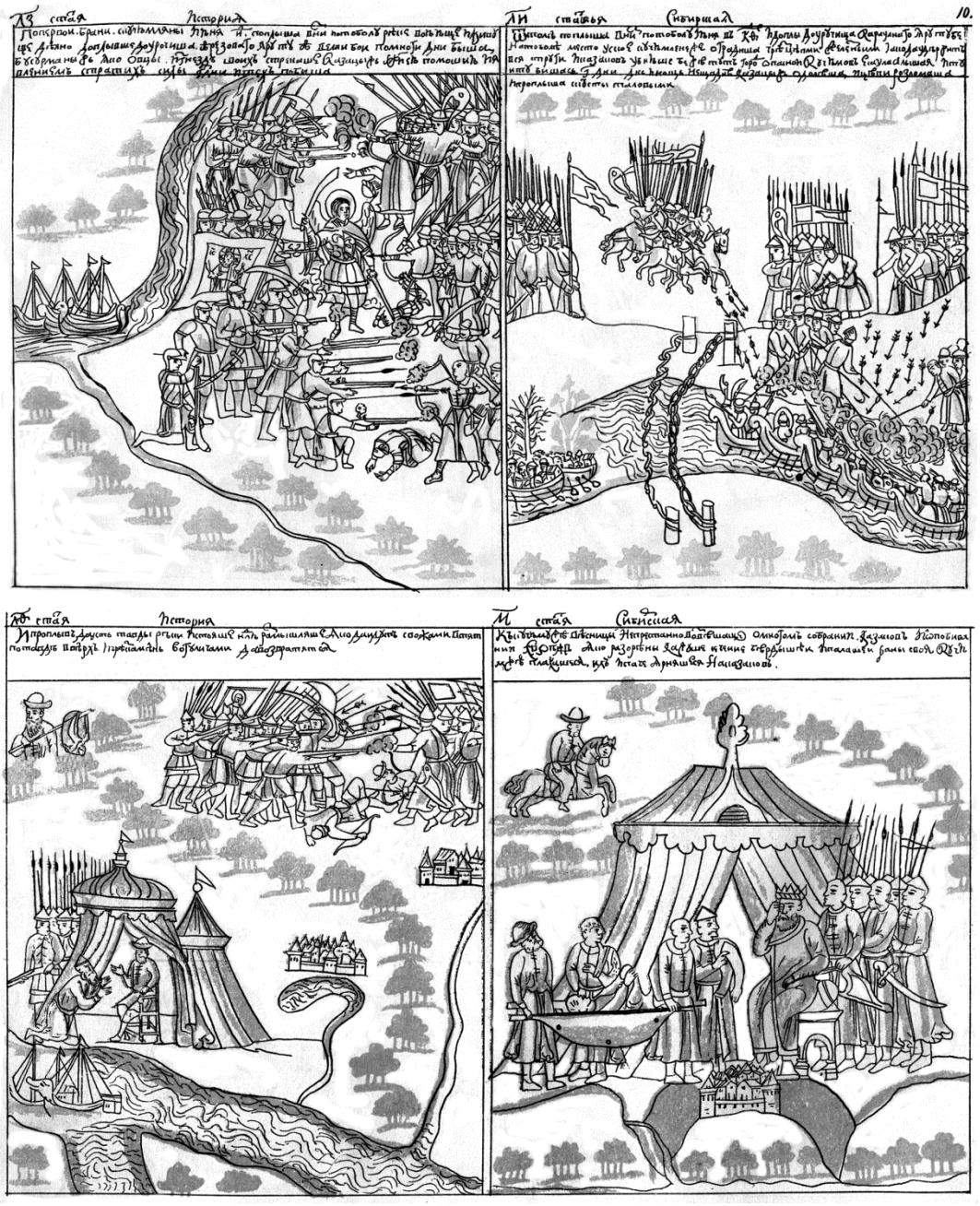
1 сентября 1582 г. Ермак и его товарищи, «призванные» ранее на службу Строгановыми, имея в своей дружине 840 человек (у Ермака было 540 человек, 300 ратников дали Строгановы), вооружённых пищалями и пушками, с необходимыми запасами зимней обуви, одежды, продовольствия, снабжённые местными проводниками и переводчиками с местных языков (татарского, мансийского, хантыйского, пермяцкого), отправились в сибирскую экспедицию. Как считают сибирские исследователи А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров, поход отряда атамана Ермака не был чем-то необычным ни для населения Западной Сибири, ни для правящей элиты Сибирского ханства. Многие жители этого государства наверняка слышали от своих предков историю о большом походе, который по приказу Ивана III в 1483 г. совершила судовая рать воевод Федора Курбского и Ивана Салтыкова-Травина. Надо думать, и в XVI в. русские отряды московитов пересекали Камень (Уральские горы) в стремлении завладеть пушными богатствами и грабили местное население, отнимая у него самое ценное – сибирские меха. С другой стороны и отряды татар, вместе с союзными им хантыйскими и мансийскими князьками так же регулярно пересекали Камень в противоположном направлении с целью получения дани с местного населения и добычи. В связи с этим сообщение о том, что идет русский отряд, местным населением было первоначально воспринято достаточно спокойно, что подтверждает мирный приход казаков в Тарханский городок и встреча Ермака с Кутугаем, знатным татарином, присланным туда ханом Кучумом для сбора налогов. Обращает на себя внимание и то, что Кучум не приказал вернуть из похода ушедшее на камские городки войско Сибирского ханства под руководством султана Маметкула. Данный факт связывается с тем, что хан действительно рассчитывал на мирный исход дела [Матвеев, Татауров, 2012б, с.80].

Поход Ермака по сибирским землям подробно описан в известной работе Р.Г. Скрынникова [Скрынников, 1982], поэтому остановимся лишь на основных его моментах.

Отряды казачьего атамана Ермака вышли из Нижне-Чусовского городка купцов Строгановых. Плывя вниз по р.Туре, казаки захватывали татарские городки и разбили их отряды, которые бежали от русского войска, снабжённого огнестрельным оружием, малоизвестным в Сибири. Не случайно, характеризуя причины быстрого завоевания Сибири Ермаком, русский историк С.М. Соловьёв ограничивается единственной, но исчерпывающе объясняющей фразой – «Ружьё победило лук и стрелы».

Перейдя из Туры на р.Тавду, отряды Ермака в устье Тавды нанесли очередное поражение татарам. Продвижение казаков по Туре и Тоболу до Иртыша прошло без остановок. Мелкие стычки, не принесшие значительный урон ни той, ни другой стороне, произошли, по данным сибирских летописей, у Караульного и Березовского яров, у Бабасанских юрт, у Карачинского городка и т.д.

Между тем хан Кучум, поджидая подход русских казаков, укрепился недалеко от столицы ханства – г.Искера. Навстречу Ермаку, который уже подошёл к Тоболу, Кучум выслал войско царевича Маметкула, которое Ермак также разбил в урочище Бабасан, на берегу Тобола. Спускаясь по Туре и Тоболу, казачья дружина вышла к Иртышу. Следующая битва произошла уже на Иртыше, где войско под руководством Маметкула вновь потерпело поражение. Здесь казаки взяли городок Аттик-мурзы. Казачьи отряды продвигались все ближе к столице Сибирского ханства – Искеру, перед которым была устроена специальная засека, препятствующая продвижению противника.



С.У. Ремезов. Рисунки из «Истории Сибири»

Решающая битва состоялась 23–25 октября 1582 г на правом берегу реки, у Чувашского мыса, на территории современного г.Тобольска. Кучумовцы численно превосходили казаков, казаки же имели преимущество в вооружении, боевой выучке и дисциплине. Ермак предпринял ночную атаку на позицию противника, задействовал артиллерию. Остяцкие и вогульские отряды бежали в страхе от огнестрельного оружия. Ранение царевича Маметкула, руководившего татарским войском, предопределило исход битвы. Казаки в ожесточенном длительном бою одержали победу. В ночь на 26 ок-

тября Кучум покинул Искер и ушел в неизвестном для казаков направлении. В этот же день отряды Ермака вошли в опустошённую столицу ханства.

По мнению А.В. Матвеева и С.Ф. Татаурова, поражение войск Кучума в решающем сражении – битве у Чувашского мыса предопределили именно пассивные действия Тайбугидов. Они обращают внимание на то, что в сибирских летописях, описывающих данное событие, кроме имени Маметкула, который бился до последней возможности, нет упоминаний имени ни одного знатного татарина. Под руководством Маметкула оказались лишь преданная ханская гвардия, а также хантыйские и мансийские князьки со своими слабо вооруженными воинами, которые в большинстве своем сбежали в первую же ночь. Очень возможно, что тайбугидская знать под разными предлогами не пришла на помощь Кучуму и не привела под Чувашский мыс своих воинов, что существенно ослабило силы хана. После ранения, которое Маметкул получил в ходе сражения, хан был вынужден отвести свою гвардию, поскольку как опытный военачальник и политик не имел права потерять в битве с Ермаком свою единственную опору – преданную гвардию. Наверняка, он прекрасно понимал, что даже если ценой этой потери он справится с Ермаком, то останется ни с чем против военных отрядов Тайбугидов. Такое положение вещей объясняет и то обстоятельство, что после сражения на Чувашском мысу Кучум сразу же отступил с оказавшейся враждебной ему территории – Тобольского Прииртышья, вскоре оказавшись в Омском Прииртышье, где проживало поддерживавшее его население [Матвеев, Татауров, 2012б, с.82]. Сохранилось татарское предание, записанное Н.Ф. Катановым, в котором сообщается, что когда хан Кучум потерпел поражение, то он направился на восток. На просьбы Кучума о помощи и предложение уйти с ним в подданство Бухары, тарские мурзы якобы ответили отказом. Далее от тарских татар Кучум пошел к аялынским татарам и затем на юг – к барабинцам [Катанов, 1895б, с.9–10]. Таким образом, эта легенда указывает на восточные владения хана Кучума. Среди немногих известных представителей татарской знати в «Сибирских летописях» упоминается князь Бегиш. Он был одним из тех татарских предводителей, кто дал сильный отпор Ермаку. И.Фишер пишет об этом событии следующее: «Жители между крепостью Сибирью и рекою Вагаем приведены были уже прежде в подданство. Но далее вверх более было труда. Бегаш, знатный татарин, в тамошних странах первый, вознамерился противиться Ермаку. Он имел жилище свое позади восточного высокого берега Иртыша у озера, которое получило от него свое имя. Услыша о приближении казаков, привел он себя в наилучшее состояние, чтоб принять их храбро. Он стал с татарами своими на пригорке, и в сем положении ожидал Россиян. Дошло до кровопролитного сражения, на котором победа была долго сомнительна, пока россияне наконец овладев пригорком, татар сбили…» [Фишер, 1774, с.154–155]. В ноябре султан Маметкул с отрядом попытался напасть на казаков, отошедших от города, но потерпел поражение.

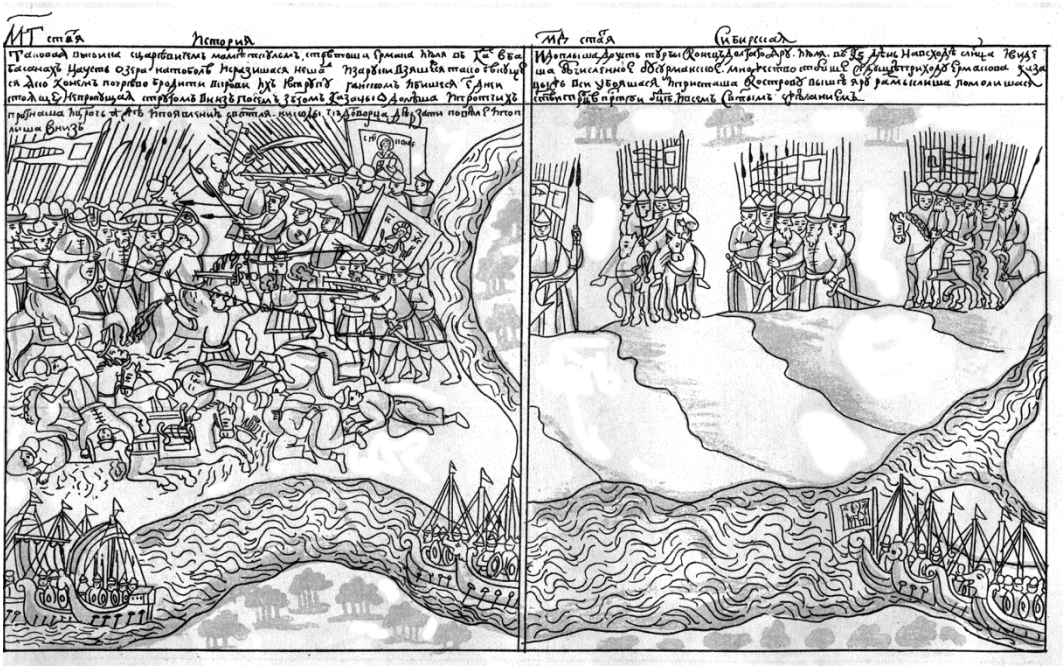
Обосновавшись в Искере, Ермак вел себя как новый владетель государства – принимал шерть (клятву на верность), накладывал дань. Ермак направил в Москву посольство во главе с Иваном Кольцо с богатыми дарами, поспешившее объявить о присоединении к Московскому государству нового края. В тексте послания Ермака Ивану IV (по Погодинскому летописцу) значится: «Писали Ермак с товарыщи благочестивому государю царю и князю Ивану Васильевичу всея Руси самодержцу… что царство Сибирское взяша и многих живущих ту иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели и к шерти татар и остяков и вагулич … по их верам на том, что им быть под его царскою высокою рукою до веку» [Сибирские летописи, 1907, с.281–282]. Согласно преданиям, Иван Грозный, получив сообщение о взятии Сибири, торжественно встретил посольство Ермака, простил им прежние прегрешения, совершенные казаками в московских владениях и отправил богатые дары и жалованья, в т.ч. Ермаку – два панциря и шубу с собственного плеча. На воеводство в Сибирь Иван IV направил князя Семена Бол-

ховского и Ивана Глухова с 300 служилых людей, но фактически воеводой в Сибири оставался Ермак. Силой и дипломатией казаки обязали платить дань Москве татарские улусы, остяцкие и вогульские волости по Туре, Тоболу, Тавде, Иртышу, Нижней Оби.

Весной 1583 г. Ермак вновь начал военные действия, разбил отряды Маметкула в его стане на р.Вагае, а самого царевича взял в плен. Известно, что плененный Маметкул в 1584 г. был отправлен в Москву в сопровождении отряда казаков под предводительством атамана Грозы. В столице сибирский султан был принят царем Федором и, поступив на русскую службу «полковым воеводою», принимал участие в 1590 г. в шведском походе, а также в походах по усмирению татар [Голодников, 1882, с.8].

Летом 1583 г. Ермак предпринял покорение татарских поселений вдоль Иртыша и Оби, он взял также столицу хантов Назым. Весной 1584 г. он отправил Богдана Брязгу с казаками вниз по Иртышу. Брязга с боями прошел по северным татарским улусам – Надцинскому, Карбинскому, Туртасскому и Уватскому, покорив татар и собрав ясак. Поход Брязги по остяцким землям продолжался до весны 1585 г., когда были покорены все остяцкие земли по Иртышу и, достигнув Оби, он в мае 1585 г. вернулся в Искер.

Сам Ермак весной 1584 г. организовал походы вниз по Иртышу и на берега Оби. С боями он дошел до низовьев р.Тавды, где обложил ясаком оставшихся в живых татар. Между тем, силы Ермака, вынужденного непрерывно воевать в течение двух лет, истощались. Неся потери людьми, испытывая постоянно нехватку продовольствия, недостаток обуви и одежды, отряды Ермака постепенно стали терять боеспособность. Кучум же, откочевавший в недоступные для стругов Ермака верховья рек – Иртыша, Тобола и Ишима, всё время пристально следил за действиями и передвижениями Ермака и его дружин, старался неожиданными нападениями на части отрядов Ермака наносить ему урон.



С.У. Ремезов. Рисунок из «Истории Сибири»

Вслед за уничтожением отряда Никиты Пана в Назыме (лето 1583 г.), были убиты вернувшиеся из Москвы Иван Кольцо и Яков Михайлов (март 1584 г.), а также понёс большие потери, хотя и разбил кучумовский отряд, атаман Мещеряк (лето 1584 г.). В ночь с 5 на 6 августа 1585 г. погиб и сам Ермак, вышедший с небольшим отрядом в 50 человек к Иртышу и попавший в организованную ханом Кучумом засаду. Согласно Есиповской и Ремезовской летописям, Ермак утонул в устье Вагая под тяжестью доспехов. Также сибирские летописцы приводят и татарскую версию гибели Ермака, по которой Ермак пал от рук воина Кучума – могучего и храброго мурзы Кучугая (Кутугая), при ночном нападении на казачий лагерь «устремившегося за Ермаком в струг, стругу же отплываша от брега и плывушу по рекы, они же показаша между собою брань велию, сразишеся друг с другом». С саблею в руках Ермак «нача одолевати» Кучугая, отражавшего сабельные удары копьем, но затем у казачьего атамана развязался ремень шлема и обнажилось горло. В этот момент «Кучугай прободе в гортань» Ермака [Сибирские летописи, 1907, с.321]. У вагайских татар существует также предание о гибели Ермака от стрелы отважного мергеня (лучника) Кугутая.

Казаков в Сибири оставалось так мало, что воевода Глухов и единственный из оставшихся в живых атаманов Матвей Мещеряк, решили 15 августа 1585 г. оставить г.Искер и отплыть по Иртышу и Оби, а затем через Уральский хребет перебраться в московские земли. Таким образом, через два года после завоевания, Сибирь была Московским царством потеряна.

После гибели Ермака хан Кучум сразу начал восстанавливать свою власть. Показательно, что в информации из русских источников, датированной 1586 г. и связанной с обоснованием необходимости строительства на р.Белой г.Уфы, сказано: «…беглый из Сибири Кучюм царь, пришед в государеву вотчину… в башкирцы, учал кочевати и ясак…с башкирцев почал… имати» [Исхаков, 2006а, с.148]. Скорее всего, сибирский хан собирал в данном случае ясак с той территории, которая ранее была подконтрольна Сибирскому юрту (зона Сибирской дороги Уфимского уезда). Уже к лету 1590 г. он взял под контроль значительную часть своих прежних владений – лесостепную и степную зоны от р.Тобола до Оби и провел переселения податного населения с севера на юг по долине р.Иртыш. Здесь появились новые укрепленные татарские населенные пункты. Хан снова обложил остяков ясаком, что было важно для экономического укрепления его власти и для переустройства государства в новых условиях. Ему также удалось урегулировать отношения со своими южными соседями – ногайцами, казахами Казахского ханства. Таким образом, хан Кучум в 1585–1594 гг. сумел возродить Сибирское ханство в новых границах и на новых территориях. Однако это государственное образование оказалось менее жизнеспособным. Несмотря на это, Кучум, в борьбе с русскими отрядами и с примкнувшими к ним татарами, продержался в этом неравном поединке до 1598 г. [Матвеев, Татауров, 2012а, с.47–53].

В 1590-х гг. верные Кучуму аялынцы побросали свои поселения и по приказу хана стали строить новые городки на других местах. Наиболее известным таким населенным пунктом стал Черный городок, основанный после того, как русские вынудили Кучума покинуть Тарское Прииртышье и отступить дальше на юг. «Кучум, узнав о намерении русских построить город на реке Таре, отправил царевича Алея к аялынским татарам, чтобы ввиду наступления русских отвести их в места более безопасные по верхнему Иртышу, где в то время находился сам хан. Алей собрал 150 человек этих татар и повел их на остров, называемый Черным, где они поставили небольшой городок, в котором с ними вместе зазимовали еще 50 человек малогородцев. Самыми видными из этих аялынских татар были два есаула, Мамык и Сейткул, и два князца, Зуюндук и Илгулуй. Из этого городка они ходили на озеро Вузюково, чтобы ловить там рыбу для хана. Между ханским становищем и городком на острове Черном ежедневно ездили туда и обратно люди»

[Миллер, 1999, с.288]. В декабре 1594 г. русский отряд, состоявший из 276 человек, во главе с письменным головой Борисом Доможировым при первом же нападении взял татарский Черный городок, но хан Кучум при этом успел скрыться [Миллер, 1999, с.289].

Вторичное завоевание Сибири

Не получая никаких известий из Сибири, Борис Годунов, фактически управлявший при царе Фёдоре государственными делами, принял решение послать в ханство Кучума нового воеводу и новый военный отряд. Русским было необходимо заново завоевывать Сибирское ханство, местное население после ухода казаков из Искера восстановило свою независимость. В этих условиях перед воеводами ставилась задача построения крепостей и острогов, как опорных укрепленных пунктов для контроля над регионом.

Летом 1585 г. в Сибирь был послан воевода Иван Мансуров с отрядом стрельцов и казаков. Но в Искере тогда правил вернувшийся сын хана Кучума царевич Али. В летописях сообщается, что после гибели Ермака и ухода казаков из Искера Али занял столицу. Он явился в пустой город с «воинскими людьми» – татарами, сохранившими ему преданность. Когда суда Мансурова вошли в Иртыш, на его правом берегу, у Чувашского мыса находились вооруженные татары. Воевода узнал, что казаки оставили Искер и ушли вниз по Иртышу. Он приказал двигаться вслед за ними. Достигнув Оби, отряд Мансурова срубил деревянный острог (Обской городок) и зазимовал в нем, а весной, когда вскрылись реки, ушел обратно московские владения.

Вслед за Мансуровым из Москвы были посланы в Сибирь стрелецкие головы – Василий Сукин, Иван Мясной, Даниил Чулков с тремя сотнями воинов и с запасом огнестрельного оружия. Эти отряды не стали подходить к столице Кучума на Иртыше, а дошли вверх по Туре до бывшей татарской столицы Чимги-Тура и в устье р. Тюменки основали крепость Тюмень (1586 г.), а через год – в 1587 г., в устье р.Тобола, в 15 верстах от Искера письменный голова Данила Чулков основал крепость Новую Сибирь (Тобольск). Эти остроги стали базами всего дальнейшего продвижения русских по Сибири.

После ухода ермаковых казаков из Искера возобновляется борьба Шибанидов и Тайбугидов. Она выразилась в поочередных захватах столичного города сначала Али, затем Тайбугидом Сеид-Ахмедом (Сейдяком), который появился из «Бухарской земли» и, согласно Ремезовской летописи, «пришед во град, и победив Алея и воинство его, и кровь отца своего Бекбулата отмстил, и прием отчину отцову, и пребываша во граде» [Сибирские летописи, 1907, с.338–339, 345].

Согласно Погодинскому списку Есиповской летописи, пришедший «из Бухары» «со всем своим домом» к «граду Сибири», т.е. Искеру, князь Сейдяк б. Бекбулат не просто его взял, но и «царевича Алея взял и прочих кучюмовых сынов седьм убил и из града изгнал», завладев «отчиной отца своего Бекбулата Казыева» [Сибирские летописи, 2008, с.289]. Эта информация отчетливо показывает, что война с казаками Ермака в Сибирском юрте была отягощена внутренним противоборством Шибанидов и Тайбугидов, причем у последних явно имелись свои покровители «в Бухаре» или «в Бухарской земле», под которыми, однако, скорее всего, подразумеваются казахи, так как в русских летописях вместе с князем Сеид-Ахмедом фигурирует «царевич Казачьи Орды Салтан», имя которого известно – это был Ураз-Мухаммад. Когда в 1587 г. на берегах Иртыша русскими был заложен Тобольский острог (Новая Сибирь), в Искере уже правил Тайбугид Сеид-Ахмед (Сейдяк), сын Бекбулата. Восстановленное Тайбугидское государство, однако, просуществовало недолго. Уже осенью 1587 г. Сеид-Ахмед и его союзники, казахский царевич Ураз-Мухаммед и бывший кучумовский карача Кадыр-Али бек из клана джалаир, попали в русский плен. Сибирские летописи сообщают об этих событиях следующее. Сеид-Ахмед вместе с Ураз-Мухаммедом и Кадыр-Али беком забавлялись ястребиной охотой на Княжьем лугу неподалеку от русского острога. Данила Чулков, узнав об этом, пригла-

сил Сеид-Ахмеда вместе с товарищами на пир, где вероломно их связал, а сопровождавший Сеид-Ахмеда отряд перебил. Искер вскоре был сожжен тобольскими стрельцами Данилы Чулкова и больше татарами не заселялся. Оценку этим событиям и кратковременному правлению Сеид-Ахмеда дает казанский историк Г.Л. Файзрахманов: «Прогнав из столицы Али и заняв престол, Сейдяк не оправдал надежды сибирских татар, облегчил покорение своего народа» [Файзрахманов, 2002, с.205].

В 1590-е гг. в Сибири создаётся сеть русских крепостей. Занимая стратегически господствующие высоты и ключевые пункты на реках, они становились прочной военно-оборонной основой для дальнейшей колонизации края и для контроля за местным населением. В конце XVI в. происходило неуклонное последовательное движение русских и закрепление гарнизонных точек в первую очередь по рекам Туре, Пышме, Тоболу, Тавде, а затем по Лозьве, Пелыму, Сосьве, Таре, Кети и Оби. В процессе освоения новых территорий Москва выбрала стратегию фронтира, путем создания остроговфорпостов на вновь присоединяемых землях. В данном случае использовался опыт освоения Волго-Уральского региона.

Многочисленные попытки хана Кучума в 90-е гг. XVI в. накопить силы и изменить ситуацию, нападая на скопления русских сил, или взять крупную русскую крепость, заканчивались поражением, ибо русские гарнизоны были гораздо лучше вооружены и имели явный численный перевес над воинами хана Кучума. Таким образом, постепенно военная и политическая инициатива переходила на сторону русских.

В 1594 г. был заложен новый укрепленный пограничный центр – город Тара, строительство которого имело огромное стратегическое значение в процессе освоения и удержания сибирских территорий и в борьбе с ханом Кучумом, что он прекрасно понимал и попытался этому помешать. В 1594 г. царь Федор направляет в Сибирь князя Андрея Елецкого, чтобы на месте или рядом с татарским городком Ялымом основать город.

Среди сибирских городов г. Тара имел особое значение, вплоть до конца XVII века играя роль военного форпоста и преграды на пути Кучумовичей, калмыцких и других «воинских» людей. Он был построен, как замечает П.И. Небольсин, «чтоб совершенно уничтожить вредное его (Кучума – З.Т., Д.И.) для нас влияние в этих краях», когда было «велено – в центре подвластных Кучуму волостей поставить новый город Тару» [Небольсин, 1849, с.116], т.е. главной целью постройки русского города было «Кучума царя истеснить». В строительстве Тары принимали участие служилые татары, сюда были стянута из Казани, Свияжска, Тетюш, Тюмени, Тобольска, Таборов и Кошуков рать, состоявшая из 1200 человек конных и более 500 пеших служилых людей. «Тут были и Ермаковы казаки, и стрельцы, и польские казаки, и Литва, и Черкасы, и Башкирцы, и Татары» [Небольсин, 1849, с.116]. Царь дал Елецкому 147 пехотинцев. Из Уфы было отправлено 300 башкир, 100 казанских и 100 заинских татар под началом Мамлы Мальцева. Конное войско, отправленное в Сибирь под командованием Мамлы Мальцева, насчитывало 554 человека. Все эти люди сначала были доставлены в Тобольск, где к ним присоединился Андрей Елецкий со своими людьми. Общий состав войска, направленного на строительство Тары, насчитывал 1541 чел. Более двух третей (1030 чел.) отряда составляли татары и башкиры, и только 511 человек – русские, поляки, литовцы и др. Когда строительство города было завершено, 550 конников Мамлы, 50 конников Баязита, 300 конных и 150 пеших иртышских татар, 50 конных тюменских татар, 50 конных татар из Таборы и Кошуков были отправлены назад. А 50 татар во главе с Байбахты были оставлены зимовать во вновь построенном городе Таре [Атласи, 2005, с.81–82].

Москва также предпринимает шаги для усмирения возможных союзников Кучума, в том числе Пелымского князя Аблегерима, для чего на его землях строится город Пелым. Самого князя и его семью предполагалось «приманить Пелымского князя Аблегерима, да сына его большаго Тагая, да племянников его и внучат…. приманив, извести,

и лутчих его людей, которые самые пущие, от которых смута была…», «и жоны и дети их и люди воевать и побивать, и городок его жечи», кроме младшего сына с семьей, которые должны были стать аманатами в Тобольске [Миллер, 1999, с.340–341]. В 1593 г. на покорение союзника хана Кучума князя Пелымского княжества Аблегирима был направлен отряд во главе с воеводами Н.Траханиотовым и П.Горчаковым. В результате этого похода Пелым был покорен, а сын и внук Аблегирима были направлены в качестве пленников в Москву. Правитель «Пегой Орды», которая объединяла племена селькупов и кетов в бассейнах Нарыма и Оби и насчитывала более 400 чел., князь Воня упорно отстаивал свою независимость от Москвы. В русских документах конца XVI в. говорилось, «что ясаку с себя и с своих людей не дает». Не желая подчиняться Москве, князь Воня заключил союзнический договор с подкочевавшим к «Пегой Орде» ханом Кучумом. Вскоре и этот сильный союзник Кучума был разбит на Средней Оби. Для покорения Пегой Орды русские построили в центре владений селькупов город Нарым.

Вслед за Пелымским утрачивает независимость и Кодское княжество. В1593 г. в нижнем течении Северной Сосьвы отрядом служилых людей во главе с воеводой Никифором Траханиотовым был основан новый опорный пункт – город Березов. На следующий год во владениях князя Бардака был построен город Сургут. Затем при помощи кодских хантов казаки начинают присоединение новых территорий в низовьях Оби, где в 1595 г. был построен Обдорский городок.

В 1604 г. в нижнем течении Томи был поставлен город Томск, который стал главной опорной базой для освоения и обороны Среднего Приобья. В 1618 г. на земле кузнецких татар появилась небольшая крепость – Кузнецкий острог. Он в дальнейшем вырос, стал центром отдельного уезда, но вплоть до начала XVIII в. оставался крайним и самым отдаленным русским городом на юге Западной Сибири. Как считает известный историк Н.И. Никитин, постройка Кузнецка завершила первый этап присоединения Сибири к России. С ним связывают включение в состав Российского государства почти всех западносибирских территорий и коренное изменение политической обстановки в Зауралье [Никитин, 2001, с.17].

Таким образом, тактика русского продвижения в Сибирь в этот период была основана на организации опорных пунктов в центре присоединяемых территорий, откуда затем велось уже дальнейшее наступление на новые, еще неосвоенные территории.

Гибель ханства

После пленения Сейдяка Искер опустел. В 16 верстах от бывшей столицы Сибирского ханства была основана русская столица Сибири – город Тобольск, который с 1590 г. выходит из подчинения Тюмени и становится центром воеводства. В Тобольске скапливаются значительные военные силы, направляемые в Сибирь из России.

Хан Кучум, потеряв власть в Искере, по-прежнему представлял серьезную угрозу для новых русских владений, кочуя по степи и совершая время от времени нападения на русские остроги и татарские волости, признавшие власть Москвы. Центральная власть и сибирские воеводы неоднократно предпринимали действия для подчинения Кучума как дипломатическими, так и военными методами. Одним из методов стало стремление склонить хана Кучума признать русское подданство. Но хан Кучум всячески отвергал переговоры. Попытки убедить Кучума перейти на службу Русскому государству предпринимались вплоть до конца 90-х гг. XVI в. Как считают исследователи, Московское государство не оставляло надежду мирным путем решить ситуацию в связи со стремлением избежать крупных людских потерь до окончательной застройки и укреплением своей власти в Сибири, а также со стремлением получить Кучум-хана в виде подданного, власть над которым дополнительно повысила бы авторитет России на международной арене [Рябинина, 2011, с.92]. В связи с чем, в документах 1593–1594 годов русским воеводам при строительстве города на реке Тара предписывалось не только опасаться набе-

гов хана Кучума, но и уговаривать его перейти в российское подданство: «…а будет добьет челом и договор станет, и сына царевича даст в заклад, и отпустит ко государю к Москве…» [Миллер, 1999, с.348]. Однако хан до последнего не оставлял надежды найти помощь, в том числе и военную, чтобы отвоевать свое ханство. Поэтому, даже потеряв многих близких, он отказывается от лестных предложений русской власти: «не поехал Деи я к Государю, по Государеве грамоте, своею волею, в кое деи пору я был совсем цел, а за саблею деи мне к Государю ехать не по что». Другим методом борьбы с Кучумом было стремление «Кучюма царя истеснить» [Акты, 1841, с.7]. Для этого ясачные волости, платившее дань Кучуму, переводили в полное русское подданство [Миллер, 1999, с.247–249] , строили на этих землях новые русские остроги.

Для поимки хана Кучума предпринимались значительные усилия, но они не увенчались успехом. В 1591 г. отряд, состоявший из тобольских служилых людей во главе с воеводой Владимиром Кольцовым-Мосальским, настиг войско хана Кучума на Ишиме и нанесло ему поражение у озера Чиликула. Хану Кучуму удалось уйти. Однако это событие значительно уменьшило его дальнейшую военную активность, хан даже начал пытаться восстановить отношения с Москвой – сохранилась грамота хана от 1593–1594 гг., в которой он просил московского царя его пожаловать, передать ему Сибирский юрт как вассальное владение, просил к нему из плена отпустить султана Маметкула [Скрынников, 1982, с.216]. На самом деле это было, скорее всего, маневром попавшего в безвыходное положение сибирского хана, просившего в 1595–1596 гг. помощи у бухарского хана Абдуллы. Но тот ему ничем помочь не мог, будучи занят борьбой за Хорезм [Скрынников, 1982, с.216–217]. В 1595 г. войско Кучума потерпело еще одно поражение от отряда во главе с воеводой Борисом Доможировым. Кучум вновь избежал пленения. В 1597 г. отряды Кучума пытались захватить Тару, но безуспешно. Он все еще пытался договориться с русской властью, что видно из его грамоты, отправленной в 1597 г. воеводам г.Тары: «И ныне попытаем миритца… и язъ хочю правдою помиритца». Но одновременно Кучум и пугал русские власти: «…а с Нагаи есьмя в соединенье, и только с обеих сторон встанем, и Княжая казна шатнетца» [Собрание, 1819, с.131] . В послании московского царя Федора, с другой стороны, ему предлагалось стать служилым царем, даже давалось обещание устроить его в Сибирском юрте [Собрание, 1819, с.134]. Но Кучум не соглашался, видимо не доверял московской стороне. Тогда хан Кучум восстановил свою власть в Барабе, но против него в 1598 г. был организован поход, возглавляемый тарским воеводой А.Воейковым.

В августе 1598 г. объединенный русско-татарский отряд, общей численностью в 400 человек (И.Щеглов называет гораздо большую цифру, а именно, «700 человек русских и 300 татар» [Щеглов, 1883]) под предводительством тарского воеводы Андрея Воейкова вышел из Тары и после долгих поисков и мелких стычек с противником в Барабинской степи обнаружил неподалеку от устья р.Ирмени на Оби главные силы хана Кучума, составлявшие более 500 человек. В ходе длительного и ожесточенного сражения войско Кучума было разбито. Большая часть семьи хана Кучума попала в плен. Из поименной росписи пленных, присланной воеводой А. Воейковым от 4 сентября 1598 г., известно, что в ходе этой битвы были взяты в плен пять сыновей хана (царевичи Асманак, Шаим, Бибадша, Молла, Кумыш), восемь цариц «Кучюмовых жен» и столько же дочерей [Акты, 1841, т.2. с.6]. Кроме семьи хана Кучума, среди пленников были названы дочь и две внучки ногайского князя, пять князей и мурз. Плененные Кучумовичи были отправлены в Москву. Из документа также следует, что были убиты 6 князей, 10 мурз, 5 аталыков (также, видимо, князей), тесть хана с «товарищи». Кроме того, были убиты 150 «служилых людей», пытавшихся вплавь перебраться через Обь, да еще 50 человек, взятых в плен, «побиша», некоторых «перевешали», убили также брата Кучума Илитен султана и сына хана [Исхаков, 2006, с.193–194].

В «Наказе» от 1598 г. русскому послу Александру Федоровичу Жировому-Засекину, было велено говорить об этих событиях следующее: «...государевы наши люди зашед Кучума царя на поле, побили на голову самого Кучума царя да брата его Илитеня царевича и детей его и племянников и с ним трех царевичей и многих князей, и мурз и всяких людей побили болши шти тысеч человек, а пяти царевичей Кучумовых детей Асманака царевича з братьею, десять цариц Кучюмовых и детей его жон да восмь царевых Кучюмовых дочерей, лутших мурз болши трехсот человек живых взяли и к государю нашему царю и великому князю Борису Федоровичу всея России самодержца привели, а улусы Кучумовы разорили...» [Труды, 1892, с.50–51]. Хану Кучуму и в этот раз удалось уйти. С ним были его сын Али и некоторые приближенные. Погоня Воейкова за Кучумом не дала результатов, ничего не добились и отправленные на переговоры с ханом послы. На предложение примирения с русским царем, отправленное из Тары с сейидом Тул-Маметом, хан Кучум ответил отказом, заявив, что уходит к ногайцам, а сына [Алия] отправляет в Бухару [Акты, 1841, с.7].

Эта победа стала важнейшим этапом в продвижении русских в Сибирь.

В историографии нет серьезных свидетельств о том, что было с Кучумом после этих событий, сохранились лишь сбивчивые и противоречивые сообщения о том, когда и где он умер. После поражения хан Кучум бежал к верховьям Иртыша и, по версии С.У. Ремезова, по пути «похитил у калмыков коней многое число». Однако калмыки настигли обидчика, и «многих кучумлян побиша и коней, свои стада отняша». С небольшим числом своих сторонников Кучум направился в Ногайскую землю, где был убит, а его люди «приидоша ко граду Тобольску и приложася ясак платити, овии же крестишася во христианство и поверстаны в службу в новокрещенский список, овии же мурзы и мурзичи, 300 человек поверстаны в службу и оклад им учинен по 15 рублей и по 7-ми. И поставиша русского голову, чиновника» [Ремезов, 1989, с.567–568]. Г.Ф. Миллер пишет о двух версиях направлений его бегства – «в Казакскую Орду» и к ногайцам (мангытам) [Миллер, 1999, с.293]. В связи с этим точно определить дату и место смерти хана Кучума невозможно, да и имеющиеся источники противоречат друг другу. Так, в грамоте царя Михаила Федоровича называется 1598 г., другие же историки, исходя из того, что сын Кучума Али в 1601 г. стал ханом, определяют дату смерти Кучума 1601 годом. Татарский историк Х. Атласи, вслед за Абуль-Гази считал, что хан Кучум умер в племени мангытов (с которым были связаны правители Бухары). Не исключено, что эти места были родиной Кучума, куда он, потеряв свое ханство, и ушел, скорее всего, умирать. «Он не унизился до того, чтобы свою свободу, которую ценил превыше всего, променять на что-то другое. Как и всякий великий человек, он признавал лишь победу или смерть. Неволе хан предпочел смерть» [Атласи, 2005, с.81–82]. Думается, в этих словах Х.Атласи отражается реальная оценка Кучума как выдающейся исторической личности, государственного деятеля, который, даже потеряв свой юрт, в течение почти двух десятилетий не переставал сражаться за него, несмотря на все посулы предпочел скитания и борьбу, который, потеряв все – государство, близких, не отступил от своих принципов и позиций. Хотя уже в 1597 г. хан понимал, что проиграл – в его грамоте воеводам г. Тары, сказано: «…а Сибирь не язъ отдалъ, сами есте взяли» [Собрание, 1819, с.131]. Историк XIX в. П.И. Небольсин дает аналогичную оценку личности Кучума: «Кучум неуступчиво боролся с Ермаком, в этой борьбе он не унижал ни своего сана, ни своего достоинства, ни падал ниц перед покорителем, мстил ему сообразно духу времени, и тайно, и явно, и, наконец, семнадцать лет скитался по степи. Он в диком величии своем, предпочел лучше пасть под ударами судьбы, но не запятнать себя добровольной передачей перед тем, кого он считал своими притеснителями и врагами…» [Небольсин, 1849, с.114]. Современные историки также близки к этим позициям: «Хан Кучум в 1585–1594 гг. ценой невероятных усилий сумел возродить Сибирское

ханство в новых границах и на новых территориях. Однако это государственное образование оказалось менее жизнеспособным. Несмотря на это, Кучум, в борьбе с русскими отрядами и с примкнувшими к ним татарами, продержался в этом неравном поединке до 1598 г. И вряд ли в Евразии нашелся бы какой-нибудь другой исторический деятель, который в такой ситуации сделал бы больше» [Матвеев, Татауров, 2012б, с.86].

Тем не менее, следует признать, что приведенные выше оценки личности Кучума не вполне типичны для российской историографии и на сегодняшний день в России еще нет объективной характеристики роли хана Кучума. До сих пор в исторической литературе встречаются отголоски средневековых историографических традиций XVII в., исторические стереотипы, направленные исключительно на оправдание колонизации Сибири, для чего идеализировались одни персонажи истории, которые противопоставлялись другим, защищавшим свои родные земли от завоевателей.

Несмотря на некоторые разночтения относительно даты смерти хана Кучума б. Муртазы – около 1599–1600 гг., московская сторона, как это отмечается в статейном списке русского посольства во главе с А.И. Власьевым в Священную Римскую империю, уже считало Сибирское царство своим владением [Трепавлов, 2012, с.69], а в титулатуре Бориса Годунова появился новый элемент – титул «царь Сибирский» [Успенский, 2000, с.49–50, 96], внешним выражением которого было наличие у московских государей «Сибирской короны» [Файзрахманов, 2002, с.102], неизвестно, изготовленной специально или захваченной в Сибирском юрте в ходе его завоевания. В конечном счете, изображение этой короны, как одно из важных символов российского государства, оказалось на « гербе державном», согласно именному указу 1667 г. «О титуле царском и о государственной печати», на котором были изображены «три коруны, знаменующие три великие Казанское, Астраханское и Сибирское славные царства» [Соболева, 2000, с.187].

Сибирский юрт (Сибирское ханство) пал по ряду причин. Прежде всего, как считают курганские исследователи Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябинина, хан Кучум и его потомки «были обречены в контексте начавшегося кризиса степной государственности под давлением расширяющихся оседлых государств. Этот процесс был закономерен для исследуемого периода, и гибель Сибирского ханства стала одним из компонентов постепенного исчезновения феномена кочевого могущества в Евразии [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.108–109]. Можно согласиться и с мнением А.В. Матвеева и С.Ф. Татаурова о том, что этот наследник Золотой Орды опирался на золотоордынские традиции государственной организации, которые уже сходили на нет, хан Кучум «не успел создать… выстраивая в Западной Сибири полноценное по меркам Средней Азии государство… нечто более адекватное вызову эпохи» [Матвеев, Татауров, 2012а, с.224]. Однозначно, Московское царство в экономическом и военном отношении было намного сильнее Сибирского ханства. В военном плане следует заметить, что сибирские татары, вооруженные согласно степным традициям и использовавшие старые тактики военных действий, оказались не готовы к использованию противником новых видов оружия (огнестрельного, прежде всего), новой тактики (опора на военные городки) [Худяков, 2000, с. 268–271; Маслюженко, Рябинина, 2009, с.108]. Еще одной причиной падения Сибирского ханства надо признать существование в нем внутреннего противостояния Тайбугидов и Шибанидов, восходящего еще к концу XV – началу XVI вв. Похоже, что не была завершена и консолидация кочевого (полукочевого) и оседлого населения ханства. Ислам, который в период правления хана Кучума еще только укоренялся, не успел стать сплачивающей идеологией для всех жителей государства. Да и Шибаниды, по-видимому, «не смогли предложить единой идеологии, которая смогла бы всех сплотить» [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.108]. Наконец, ставший частью исламского мира Сибирский юрт в лоне исламской цивилизации оказался в ту эпоху, когда она в целом клонилась к упадку.

§ 11. Социальные и экономические аспекты истории Сибирского ханства

Зайтуна Тычинских

Сибирское ханство было одним из «осколков» Золотой Орды и, как другие татарские ханства, во многом унаследовало основные черты административно-политического устройства золотоордынского государства. Население ханства делилось на феодальную верхушку, имевшую «татарское» происхождение и ясачное «черное» население. В правящую в ханстве группу входили хан, султаны и князья (в т.ч. и карачабеки), мурзы, аталыки, есаулы, «служилые люди» (казаки), а также мусульманское духовенство, которое состояло из сеида, шейхов, мулл, ходжей, абызов, муфтиев и мударисов.

Точных данных об общей численности татарского населения в период Сибирского ханства нет. Известно лишь, что послы сибирского бека Едигера, прибывшие в Москву в 1555 г. для принятия русского подданства, определяли число «черных людей» ханства, облагавшихся ясаком, в 30700 человек. В грамоте Ивана IV об обложении их данью приводится округленная цифра 40 тыс. чел. В это число улусных людей входили и небольшие группы манси и ханты, которые подвергались в этот период ассимиляции со стороны тоболо-иртышских татар [Томилов, 1981, с.42].

По данным П.Н. Буцинского, в начале XVII в. общая численность служилых и ясачных инородцев (мужчин) «в семи уездах не превышала и 4000 человек» [Буцинский, 1999, с.26]. Далее он обращает внимание на «громаднейшую разницу» между этими данными, высчитанными им по ясачным книгам и другим архивным документам, и сведениями всего полувековой давности послов Едигера о «30700 человек черных людей» Сибирского ханства. В итоге П.Н. Буцинский приходит к выводу, что «во время завоевания Сибирского царства погибла масса инородцев» [Буцинский, 1999, с.26].

Этот вывод подтверждается данными и других документов. Так, например, в Наказе русскому послу Александру Федоровичу Жировому-Засекину сообщается, что в решающем сражении с ханом Кучумом в 1598 г. «... государевы наши люди зашед Кучума царя на поле, побили на голову самого Кучума царя да брата его Илитеня царевича и детей его и племянников и с ним трех царевичей ми многих князей, и мурз и всяких людей *побилиболши шти тысеч человек*...» [Труды, 1892, с.50–51]. Даже если сведения о побитии «болши шти тысеч человек» являются преувеличенными (по другим источникам приводятся меньшие цифры: так, например, Б.О. Долгих называет число погибших в данной битве 370 человек [Долгих, 1960, с.62], а общее число ушедших с ханом Кучумом людей примерно в 1000 человек [Томилов, 1981, с.81], нет сомнения в том, что значительная часть сибирско-татарского населения в период завоевания Сибири погибла. Прежде всего, это касается военно-служилой страты, которую составляли феодальная знать и служилые татары.

Кроме того, имеются многочисленные сведения о миграции значительной части татарского населения, как отдельных семей и родов, так и целых племен, на другие территории. Обложение ясачными поборами со стороны новых властей стало причиной того, что в первые десятилетия присоединения Сибири к Русскому государству часть татар бежала из Тюменского уезда. Так, в 1595 г. «ушли» 30 башкир и татар Бачкырской и Киныpской волостей, а также 50 семей служилых татар. Известно, что в 1615 г. «изменили и ушли» тюменские татары Терсяцкой волости, а в 1595 г., не желая принять русское подданство, из Черного городка на Иртыше, взятого тарским головой Борисом Доможировым, бежало 90 аялынцев с семьями. Вместе с этими аялынцами из Черного городка убежало и 50 «малогородцев» [Томилов, 1981, с.50]. В конце XVI в., после первого разгрома хана Кучума в 1582 г. часть тоболо-иртышских татар (в том числе и отдельные семьи тюменских татар) уходит на территорию Притомья и на Чу-

лым. Н.А. Томилов приводит сведения о том, что качинская группа будущих хакасов включила в свой состав кроме потомков енисейских киргизов, кето-и самодийскоязычного населения, также и «...сибирских татар, пришедших, по преданию качинцев, с Тобола». А в составе кызыльцев Н.А. Томилов, вслед за Л.П. Потаповым, указывает на существование группы аргын, которая продвинулась на Чулым «в последней четверти XVI в. с Тобола вместе с частью сибирских татар» [Томилов, 1981, с.4]. Таким образом, в результате колонизации происходит значительное сокращение общей численности татар на территории бывшего Сибирского ханства.

Большой вклад в разработку темы татарских политий в Сибири в последние годы внес Д.М. Исхаков. Он определил, что в Сибирском ханстве существовала система карача-беев. Среди правящих кланов ханства были выявлены Мангыты, Салджигуты, Джалаиры, Буркуты.

В Сибирском юрте существовали отдельные княжества. Достаточно уверенно можно говорить о «Карачине улусе», бывшем владением клана джалаиров и «Тайбугине юрте», принадлежавшем клану салджигутов [Татары, 2001, с.122]. Основываясь на одном из преданий, записанных Н.Ф. Катановым у тобольских татар [Катанов, 1895–1896, с.9–10], где рассказывается о делении войск хана Кучума на четыре «отряда», исследователь полагает, что «таких владений было четыре: первый из которых имел название Кордак, второй – Туралы, третий – Аялы, четвертый – Бараба. Пятую группу образовывали люди, которые пришли с ханом Кучумом и заняли столичный округ. Их в предании именуют Сартами». Такое деление напоминает систему «юртов» – княжеств во главе с карача-беками, хорошо известную в других татарских ханствах – наследниках Золотой Орды [Исхаков, 2006а, с.66]. Клановые образования, обнаруживаемые в Сибирском ханстве, связанные с карача-беками, надо рассматривать как собственно «татарский» слой сибирско-татарской этнополитической общности.

Существование в Сибирском юрте системы карача-беев отложилось в исторической памяти сибирских татар. Вплоть до второй половины XX в. у татар Тобольского и Вагайского районов сохранялся обычай поднимать над женихом кошму или покрывало четырьмя дружками – нукерами во время свадьбы при проводах жениха к невесте. Как считает известная собирательница сибирско-татарского фольклора Ф.В. Ахметова-Урманче, данный обряд сохранился со времен Сибирского ханства, когда «карачи являлись держателями священной кошмы, когда на ней поднимали новоиспеченных ханов». Сама она наблюдала последний раз свадьбу с проведением подобного обряда в 1959 г. в ауле Кукранде (Чебурга) Тобольского района. По описаниям Ф.В. Ахметовой-Урманче, во время поднимания кошмы мощным мужским хором исполнялась обрядовая песня «Кияу типсэу» («Проводы жениха»), которая подразумевала проводы жениха в сопровождении пения под аккомпанемент средневековых конусообразных барабанов «тип» [Ахметова-Урманче, 2002, с.343].

В Сибирском ханстве существовал улус «думчего царева» Карачи, который в «Сибирских летописях» значится как «Карачин улус». Люди из этого улуса относились к его «дому» («иже бысть дому его») [ПСРЛ, 1987, с.52, 59, 61, 67, 68]). Карача командовал войсками. Так, в 1584 г. во главе «многих воинских людей» он осаждал «град Сибирь». Впоследствии он попал в плен к русским и был отправлен в Москву. По мнению М.А. Усманова, под сибирским карачей скрывается автор известного произведения – «Сборник летописей» (1602 г.) Кадыр-Али бек (его отцом был Хусум/Хушум бек) из племени джалаир [Усманов, 1972, с.42–51]. Как отмечает К.Кабдулвахитов, бывший сибирский карача Кадыр-Али бек был сыном Касыма (Хусума), внуком Темшик-бахадура, правнуком Айджи-бахадура и возводил свою родословную к сподвижнику Чингис-хана Сартак-нояну из рода Жалаиров [Кабдулвахитов, 2006, с.42]. Выражение из летописи «иже бысть дому его», которое относится к улусникам, позволяет допустить,

что они были его соплеменниками. Дополнительным подтверждением высокого статуса Кадыр-Али бека, то есть принадлежности к карача-беям, является его нахождение среди других карача-беев (из кланов аргын, кыпчак, мангыт) в Касимовском ханстве при провозглашении в 1600 г. султана Ураз-Мухаммеда ханом. Таким образом, одним из улусов, т.е. княжеств, Сибирского ханства было княжество, находившееся в подчинении у племени джалаир во главе с его князем с титулом карача [Татары, 2001, с.120]. Х.Ч. Алишина связывает название юрт Салаирских (комоним и гидроним Салаирка) Кашегальской волости Тюменского округа с названием племени джалаир [Алишина, 1999, с.161].

Одним из ключевых при рассмотрении истории средневековых сибирских политий остается вопрос о клановой принадлежности Тайбугидов. В историографии существует несколько точек зрения на данную проблему. Одна из них связывает Тайбугидов с местной аристократической династией. Наиболее распространенной среди исследователей является позиция о мангытском (ногайском) происхождении Тайбугидов, которая берет начало еще с «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. Эту точку зрения поддерживает американский историк А.Франк [Frank, 1994, p.23]. К данному вопросу обратился и Д.М. Исхаков, который считает, что «мангытскую клановую принадлежность Тайбугидов доказать не удалось. Более того, имеющиеся документальные материалы явно противоречат обозначенной точке зрения» [Исхаков, 2008, с.154].

Д.М. Исхаков сделал важное предположение о том, что титул «Сибирский князь», применяемый в русских летописях в отношении Тайбугидов, соответствовал титулу «беклярибек» и его следует рассматривать в одном ряду с такими терминами как «Мещерский князь» и «Болгарский (Казанский) князь» XIV–XVI вв.

На основании критического анализа «Сибирских летописей» Д.М. Исхаков выстраивает генеалогию Тайбугидов. Сопоставление с данными сибирских саджара и других сибирско-татарских рукописных источников, введенных в научный оборот, позволило автору определить, что основатель рода «сибирских князей» Тайбуга был реальной личностью, жизнь которого относится к XIV в., и отцом которого является не фигурировавший ранее в источниках и литературе легендарный царь «Он», а Шах-Мурад-хан» [Исхаков, 2008, с.154]. Далее он приводит дополнительные аргументы в пользу высказанного им ранее, на основе изучения башкирских родословных, предположения о том, что Тайбугиды являлись по клановой принадлежности салджигутами.

Однако уже в 2009 г. появились новые работы Д.М. Исхакова, где он вновь обращается к проблеме генезиса сибирских князей. Дальнейшее углубление в тему и поиск новых источников приводят его к мнению, что высказанную им ранее версию о принадлежности Тайбугидов к клану салджигут необходимо пересмотреть. На основании анализа «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» и других восточных сочинений он выдвигает новую гипотезу – о буркутском происхождении Тайбугидов, которая в последующих работах была убедительно доказана [Исхаков, 2009а, 2010].

По поводу того, кто был беклярибеком, т.е. «князем князей» в Сибирском ханстве после Тайбугидов Едигера и Бекбулата, Д.М. Исхаков считает, что «приход на трон Сибирского юрта Шибанида Кучума (возможно и других его родственников) принципиально политический строй владения не изменил – возможно, поменялся лишь клан беклярибека – вместо Тайбугидов это место могли занять представители какого-то другого клана или из того же клана был поставленный князь» [Исхаков, 2004б, с.79]. В «Ремезовской летописи» в рассказе о продвижении Ермака вверх по Иртышу говорится: «И погребли вверх по Иртышу… и до болшего князя Бегиша Княжева городка и ту учиниша великой бой со зборным Татары и Карачинцы». Термин «Большой князь», наряду с упоминанием группы «карачинцев», не оставляет сомнения, что мы в лице князя Бегиша имеем дело с беклярибеком хана Кучума [Исхаков, 2004б, с.80].

На наш взгляд, этот вывод вполне обоснован, т.к. это подтверждает и концентрация служилых татар в районе Княжева городка, и дальнейшие позиции потомков князя Бегиша – мурз Кульмаметевых в системе русского управления Сибирью. Таким образом, князь Бегиш, называемый С.В. Бахрушиным и Н.А. Томиловым основателем клана Кульмаметевых, вполне мог быть беклярибеком Сибирского юрта.

Достаточно обособленное положение среди тоболо-иртышских татар занимали тюменские татары. Город Тюмень был основан на месте бывшего татарского города Чимги-Тура, построенного в XIV столетии татарским князем Тайбугою. «Владение его от имени Туры, что значит первоначальный, главный, знатный, называлось Туралинским, а подданные – туралинцами» [Абрамов, 1859, с.222].

Когда хан Саид-Ибрагим в 1481 г. в союзе с ногайцами взял ставку Большой Орды, он «Ордобазар с собою поведе в Тюмень». В некоторых русских летописях, как сообщает Д.М. Исхаков, хан Саид-Ибрагим назван даже «царем Нагайским» [Исхаков, 2004, с.26]. Также Д.М. Исхаков приводит сведения о том, что, по мнению Утемыш-Хаджи, под «Турой» т.е. под вилайетом Чимги-Тура, надо понимать осевших на землю мангытов (ногайцев) [Татары, 2001, с.122]. В самом городе Тура (Чимги-Тура) в момент ее завоевания ханом Абулхаиром «хакимами» были представители клана Буркут, связанного с конгратами [Исхаков, 2004, с.29]. «Вилайет Чинги-Тура в 20-е годы XV в. был в руках предводителей племени буркут Адад-бека и Кепек-бека, перешедших затем на сторону воцарившегося там Абулхаир-хана» [Ахмедов, 1965, с.42–43]. Д.М. Исхаков отмечает, что «в генеалогической традиции кунгратов буркуты связаны с группой кунграт, имеющей монгольское происхождение» [Татары, 2001, с.120]. Племенной состав знатных лиц (даруг) вилайета Чимги-Тура к началу 1430-х гг. выглядел так: кунграты, дурманы, найманы, уйгуры (возможно с ответвлениями тубай курлаут) и кушчи. Эти племена, наряду со многими другими, входили в состав государства Шейбанидов, а их знать в 1429 г. участвовала в провозглашении Абул-Хайра ханом.

Приведенная выше татарская легенда об «отрядах Кучума» подтверждает, что владения хана Кучума простирались на восточные территории. Когда хан Кучум потерпел поражение, то он направился не в сторону Тюмени, а на восток. Как гласит легенда, на просьбы Кучума о помощи и предложение уйти с ним в подданство Бухары, тарские мурзы отвечали: «торып торайык». Далее от тарских татар Кучум пошел к аялынским татарам и затем на юг – к барабинцам. Таким образом, район обитания тюменских татар оставался несколько обособленным от Кучумовых земель. Не случайно Б.О. Долгих, характеризуя тюменских татар, говорит о них, как об особой этнотерриториальной группе т.н. андреевских татар, которые в прошлом представляли единое целое: «Тюменские татары образовывали отдельную группировку и в составе Сибирского татарского царства» [Долгих, 1960, с.41, 46].

Не исключено существование в Сибирском ханстве и племени аргын. Как известно, клан Аргын являлся одним из ведущих в клановой структуре Крымского и Казанского ханств. Н.А. Томилов приводит сведения о том, что после разгрома Кучума происходит значительная миграция тюркского населения Тоболо-Иртышского бассейна в сторону Оби и ее притоков. Скорее всего, именно в этот период определенная группа тоболо-иртышских татар проникает на территорию Притомья и далее на восток [Томилов, 1981, с.34; Малиновский, Томилов, 1999, с.492]. В исторической памяти кызыльцев и качинцев, чулымских тюрков, сохранились предания об их приходе с берегов Ишима и Тобола. В их составе имеется и группа аргын, которая продвинулась к Чулыму «…в последней четверти XVI в. с Тобола с частью сибирских татар» [Потапов, 1952, с.40]. По сообщению Д.Г. Мессершмидта, относящемуся к 1721 г. «…большинство живущих на Чулыме и Кие татар происходят от Кучум-хана и что они в древности были одинаковым с казахской ордой народом… Как Кучум-хан от Тобольска был прогнан, то некоторые из них отпра-

вились сюда, другие – на томскую сторону» [по: Малиновский, Томилов, 1999, с.492]. Именно тогда на Чулыме оказалась часть аргынов. Факт проникновения племени аргын отразился и в названии одной из чулымских волостей – Аргунской. По данным на начало XVIII в. (1720 г.) население этой волости составляли 101 человек, 4 из них были ясачными. (Большей части глав семей Аргунской, Пышкиной-Каргачиной, Кизылдеевой и Ячинской волостей удавалось избегать ясачного учета [Малиновский, Томилов, 1999, с.506]). Еще И. Георги обращал внимание на этнографическое сходство томских, тобольских и тюменских татар [Георги, 1776, с.28, 115, 146]. Современные этнографы также отмечают общие черты в традиционной культуре чулымских тюрков и тоболо-иртышских татар [Малиновский, Томилов, 1999, с.493–494].

Несмотря на значительную географическую отдаленность Сибирского и Казанского ханств, просматриваются достаточно тесные контакты, в том числе и политические, существовавшие между этими государствами [Исхаков, 2002, с.24–58]. Примером тесных связей между татарскими ханствами может служить и неоднократно приводимый в исторической литературе факт, когда после захвата в 1487 г. Казани «Алегамовы царевы люди» Алказый, Тевеккель сеит, Касим сеит, Бегиш с сыном Утешем и «иные их товарищи» выехали в Ногайскую Орду, а оттуда часть их – в Тюменское ханство [Бахрушин, 1955б, с.156; Исхаков, 2002а, с.37].

После завоевания Сибирского ханства Московским государством в конце XVI в. основная часть оставшейся в живых татарской феодальной верхушки, также, как и в других татарских ханствах, переходит на службу новому правительству в качестве служилого сословия, при этом, с одной стороны, не сливаясь с русским феодальным сословием, с другой стороны, не переходя в аборигенное ясачное сословие. На протяжении длительного времени сохраняются особенности этой этносословной группы, обусловленные как внешними, так и внутренними факторами.

В одном русском документе за 1598 г. перечисляются существовавшие при хане Кучуме татарские волости: Курпицкая (Кирпицкая), Турашская, Любарская, Чойская, Куромская (Курома), Барабинская (Бороба большая), Ялынская, Каурдатцкая, «Чатская» (Чаты) и «Колмакская» (Колмаки) [Исхаков, 2004, с.81; Акты исторические, 1841, с.2–4].

На карте Сибири (до 1618 г.), составленной К.Н. Сербиной, показаны следующие татарские волости: Кошутская, Каринская, Увацкая, Туртасская, Отузская, Саргацкая, Токузская, Тавдинская, волость Супра, волость Аялы, Тунус (Чангула), Кулебинская (Тураш), Кирпики, Теренинская, Угуй (Лугуй), Караганская [Миллер, 1941, приложение]. Х.Атласи называет волости начала XVII в. в верховьях Иртыша: «Курдакская волость – там есть туре Хан-Кол, проживает 350 человек, Саргачская волость, в 4 днях пути по Иртышу от Тобольска, – проживает 80 человек, туре Янбыштыр, волость Утыз в 8 днях пути от Тобольска, проживает 15 человек, в 2 днях пути от той волости – Тау, хороший человек Ан-Кильды, проживает 10 человек, волость Тукыз, там хороший человек Баеш, проживает 3 человека, волость Супра (кол-во человек не указано), волость Аялы, там главные есаулы Мамык и Янкильды, проживает 500 человек. От Тобольска до этой волости 15 дней пути» [Атласи, 2005, с.82]. Далее Х. Атласи перечисляются волости Чангула, Лугай, Лиуба, Килем, Тораш, Барма, Кирпек. В начале XVII в. ряд туземных волостей Тобольского уезда были объединены русской администрацией. [Долгих, 1960, с.59].

Как можно заметить, количество волостей, называемых на начало XVIII в., по сравнению с предыдущим столетием, значительно увеличивается. Вероятно, причина этого кроется в том, что в наиболее ранних документах были указаны именно волости. Однако известно, что сибирские татары жили не только «по волостям», но и «по улусам». В результате колонизации в основном сохранилось прежнее территориальное де-

ление аборигенов. Еще С.В. Бахрушин писал о том, что в Сибири для обложения местного населения ясаком русские воспользовались теми административными единицами, которые существовали до ее присоединения. «В ясачных волостях Тобольского и близлежащих уездов легко угадать «агарянские веси», входившие в составе прежнего Кучумова царства, а ближайшими агентами при сборе ясака явились те князья и старшины, отцы и деды которых служили Кучуму» [Бахрушин, 1955в, с.52]. Функцию основной фискальной единицы стала выполнять волость. По всей вероятности, многие из прежних улусов также были преобразованы в волости. Важнейшей задачей Русского государства после присоединения Сибири становится «полностью охватить всех аборигенов Сибири сбором ясака и всемерно увеличить его поступление в государственную казну» [Файзрахманов, 2002, с.227].

Как совершенно верно определяет С.В. Бахрушин, татарские волости бывшего Сибирского ханства и полунезависимые татарские княжества вошли в состав новых уездов в качестве ясачных волостей [Бахрушин, 1955в, с.53].

Территория обитания тобольских, тюменских и тарских татар, вошедших в состав служилого сословия, в XVII в. первоначально не входила в пределы существовавших волостных образований. По всей вероятности, на определенной территории Сибирского ханства существовала улусная организация, аналогичная административно-территориальной системе, существовавшей в кочевнических обществах. Л.И. Шерстова определяет, что в основе социальной структуры кыргызского общества было понятие «улус», т.е. держание, состоящее из зависимых людей, владение податными людьми, и лишь затем и вкупе с ними – территорией, на которой те в каждый данный момент обитают» [Шерстова, 2005, с.27]. На наш взгляд, вполне правомерно связывать социальную структуру и части сибирских татар, а именно служилых, с подобной организацией.

Известно, что первоначальная территория расселения тюменских служилых татар находилась по р. Тоболу «от устья Исети до устья Иски». Тобольские служилые татары занимали территорию вокруг Искера, в основном выше по Иртышу. Тарские служилые татары проживали по Иртышу вверх и вниз от города Тары. Томские служилые татары (эуштинцы) были расселены в селениях в низовьях Томи. Подобное расселение служилых татар, за незначительными изменениями, сохраняется на протяжении всего последующего периода существования данной этносословной группы. Ареалом сосредоточения служилых татар в течение XVII–XIX вв., уже в составе Российского государства, оставались районы вокруг Тобольска (Искера), Тюмени (Чимги-Туры) и Тары (Ялы). Территория расселения тобольских, тюменских и тарских служилых татар располагалась в треугольнике между реками Тоболом, Иртышом и Ишимом. Самой северной точкой этого треугольника был Тобольск (Искер). По всей видимости, в зоне влияния служилых татар тобольской группы находились северные татарские волости: Надцинская, Аремзянская, Карбинская, Ясколбинская и др., а также северные вогульские и остяцкие княжества.

Влияние тюменских служилых татар, скорее всего, распространялось на территорию Верхотурья, западные и юго-западные волости. Тарские служилые татары, вероятно, держали под контролем восточные и юго-восточные волости (Кулебинскую, Тунусскую, Барабинскую, Чойскую, Любейскую и др.).

В связи с этим вполне логично связать происхождение названия города Тюмень, которое в одном из вариантов переводится как «десять тысяч», именно с административно-территориальным делением на тысячи.

В Верхотурском уезде, по данным С.В. Бахрушина, в основу деления на волости легли сотни и десятки, «на которые делилось покоренное татарами население бассейна Туры и Чусовой» [Бахрушин, 1955в, с.54]. Подобное деление существовало и в Кунгурском уезде. В Пелымском княжестве, подвергшемся сильному татарскому влиянию,

сотники упоминаются в XV в. и позднее, уже под русскою властью. Согласно Ремезовской летописи, звание «сотника» существовало и в Колпуховской волости.

Деление на сотни в Верхотурском уезде, как считает С.В. Бахрушин, сохранилось с того времени, когда татары и пелымские «вогуличи» подчинили население, жившее на Туре и далее за Урал, по Сылве. Звания «десятника» и «сотника», безусловно, являются реликтами военно-административной системы Сибирского ханства. Так, в 1816 г. в Уватской, Коурдатской, Салинской и Супринской волостях Тобольского округа во главе всех юрт находились десятники. В Тарском округе в Аялынской волости во главе деревень Устарской, Чиплярово, Инцисс, Бергамак, Черталы, Ельменева, Сеитова, Ашинской, Туралинской, Кузенева, Суюнчинской, Апталова, Ковинской и Уйской были выборные. Сотники были в Усть-Ишимском острожке, в деревнях Ильчибагиной, Ашеванской. Остальные селения Тарского округа возглавляли десятники [Бакиева, 2003, с.83].

По нашим этнографическим сборам, свидетельства о существовании в татарских селениях должностей десятника, старосты сохранялись в исторической памяти населения Тобольского, Вагайского, Тарского районов вплоть до конца XX в. [ПМА, 1987–1990]. В обязанности десятников входил своевременный сбор ясака, а позже податей в сельской общине. Кроме того, они наделялись полицейскими полномочиями [Бакиева, 2003, с.83–84].

Имеются сведения о том, что еще в XVIII в. сохраняется звание «ясаулов». Например, во главе татарских волостей в 1726 г. Тюменского округа стояли «ясаулы» Кучук Кырнав, Тогильды Куртбаков, Инестезяр Уртяков, а в Иленской волости – Окун Ишбулин. В 1782 г. в Тарском уезде во главе четырех волостей были «князцы»: в Курдакской, Саргацкой, Тавско-Отузской и Аялынской. Во главе Подгородной и Остяцкой волостей в этот период стояли старшины. «Ясаулы» занимались непосредственным сбором ясака в селениях волости и находились в подчинении старшины.

Таким образом, административно-политическое и территориальное устройство Сибирского ханства было схоже с другими татарскими государствами. Деление территории государства на улусы, которые в свою очередь, делились на тысячи, а те на сотни и десятки, имело происхождение от структуры Золотой Орды, которую унаследовали татарские ханства. Подобная структура имела место и в Сибирском ханстве. Некоторые свидетельства ее существования сохранялись на территории бывшего Сибирского ханства вплоть до первой половины XIX в.

Большинство исследователей сходится в том, что традиционное хозяйство сибирских татар было комплексным и базировалось на скотоводстве, земледелии, охоте, рыболовстве и собирательстве. Вариации хозяйственного комплекса зависели, прежде всего, от среды обитания, ландшафта, климатических факторов и были традиционными в той или иной местности [Халиков, 2002, с.60–61].

Однако, различия в хозяйственном укладе сибирских татар определялись не только географическими условиями, но и тем, что составлявшие основу Сибирского ханства этносословные страты феодалов-татар и ясачного населения вели разный образ жизни. Как отмечает Д.М. Исхаков, «отчетливо прослеживается деление сибирских татар на тех, кто жил по «волостям» и на тех, кто был сосредоточен по «улусам» [Исхаков, 2002, с.9]. По мнению исследователя, служилые татары вели кочевой или полукочевой образ жизни, ясачные же – оседлый. На различия в образе жизни сибирских татар, сохранявшиеся и в XVIII в., указывал И. Георги: «как кочующие, так и на одном месте живущие чрезвычайно пристрастны к прародительским своим обрядам…» [Георги, 1776, с.7]. С.В. Бахрушин писал, что «в условиях северной местности хозяйство кочевников-скотоводов, какими были татары у себя на родине», должно было подвергнуться значительному изменению. Причем, как отмечает исследователь, кочевое животновод-

ческое хозяйство в северных лесных районах постепенно утрачивало свое значение, а в степях Барабы вплоть до XVIII в. продолжало быть основным средством существования барабинских татар [Бахрушин, 1955б, с.153]. Н.А. Томилов определяет в XVI–XVII вв. существование в степной и южной части лесостепной зоны ХКТ кочевых и полукочевых скотоводов, к которым относит южных чатов и телеутов, южных барабинцев, южные группы тарских, тюменских и отчасти тобольских татар. Кроме того, он выделяет ХКТ оседлых плужных земледельцев-скотоводов, к которым относит часть тобольских, тюменских, тарских и курдакско-саргатских татар [Томилов, 1993, с.77].

О том, что сибирским татарам земледелие было известно еще задолго до русской колонизации Сибири, говорят многие источники, и, прежде всего, археологические находки с городища Искер – столицы Сибирского ханства. Среди найденных в ходе раскопок, предпринятых в конце XIX – начале XX вв. исследователями М.С. Знаменским, В.Н. Пигнатти, а в 90-е годы XX в. – археологом А.П. Зыковым, на городище предметов, встречаются железные серпы, ручные каменные жернова и пр. Свидетельствуют о занятии земледелием татар и Сибирские летописи, в частности, Ремезовская, где упоминается о запасах хлеба в татарских городках [Зыков, 2004; Пигнатти, 1915; ПСРЛ, 1987]. Сеяли, в основном, неприхотливые культуры, дающие высокие урожаи – ячмень, полбу, овес. Как определяют исследователи, земледелие было пашенным [Адамов, 2008, с.56]. На Искере были найдены железные лемехи от пашенных орудий, очевидно, сабанов. Сев производился вручную, затем пашню обрабатывали деревянными боронами [Адамов, 2008, с.56].

По утверждению В.И. Шункова, дорусское хозяйство было «примитивным по своему техническому уровню (состав хлебов, техника возделывания) и по своему хозяйственному значению, являясь лишь подспорьем в промысловом, основном хозяйстве» [Шунков, 1946, с.108]. С.В. Бахрушин писал, что «татары сеяли быстро зреющие злаки, не требующие длительной обработки земли: ячмень, полбу и овес» [Бахрушин, 1955, с.154]. Дорусское хозяйство было полукочевым, пашню пахали «наездом». Занятие земледелием часть татар сочетала с перекочевкой, вызываемой потребностями их скотоводческого или промыслового хозяйства. По мнению В.И. Шункова, пашенное земледелие в дорусский период развивалось лишь у тобольских и тюменских татар, занимавших территорию по Тоболу, Исети, Пышме, Туре, Вагаю, Ишиму и Иртышу [Шунков, 1974, с.104].

Другого мнения придерживается Н.А. Халиков, который не согласен с мнением о «примитивности» земледелия сибирских татар, и считает, что некоторые специфические черты агрокультуры сибирских татар «следует расценивать не как свидетельство низкого уровня земледелия, но как местную традицию, результат приспособления к экологической среде и особенностям хозяйственной культуры» [Халиков, 2002, с.84].

Исследователь замечает, что, не принижая значения влияния русской (как и поволжско-татарской) агрокультуры на сибирских татар, надо отметить давнюю традицию земледелия у местного тюркоязычного населения. «При всем сходстве элементов земледельческой культуры сибирских татар с представителями других национальностей, агрокультура сибирских татар сохранила ряд самобытных черт, отображающих историю их формирования и взаимосвязь с местными природными условиями» [Халиков, 2002, с.84]. В пользу традиционности земледелия у сибирских татар свидетельствует и собственная лексика земледельческой тематики, а также то, что в их агрокультуре сохранились черты ранних этапов сложения данной отрасли. Особое внимание Н.А. Халиков обращает на сибирско-татарское название ячменя – «ашлык». Термин имеет у сибирских татар и второе значение – хлеб вообще, жито. Этот факт, как считает исследователь, весьма показателен, поскольку многие кочевники Азии и Сибири, переходя к оседлому земледелию, в первую очередь, начинают возделывать ячмень [Хали-

ков, 2002, с.84]. И. Идес, побывавший в Сибири в конце XVII в., сообщал о способах употребления сибирскими татарами данной культуры следующее: «Возделываемый ячмень они сначала размягчают в воде, потом слегка сушат и толкут, пока с него не сойдет кожура, затем сушат и пекут это обрушенное зерно в железном котле на большом жару. Когда зерно обжарилось и приобрело твердость кости, они едят его в тот же день сухим…» [Идес, Бранд, 1967, с.278].

В хозяйстве населения данного региона, знакомого со скотоводством и частично с мотыжным или пахотным земледелием ранней стадии, большую роль играли охота и рыболовство, нередко являясь основными отраслями. При этом взаимодополняемость отраслей обеспечивала стабильность всей хозяйственной системы. Следует заметить, что подобная тенденция ведения комплексного хозяйства была характерна в целом для западносибирского региона, даже для земледельческого русского населения вплоть до рубежа XIX–XX вв.

По всей видимости, военно-служилая знать Сибирского ханства, вместе со своими улусными людьми, вела полукочевой образ жизни. Наглядным примером может служить приводимое в литературе, обычно в качестве доказательства наличия дорусского земледелия у сибирских татар, высказывание воеводы А. Воейкова о том, что в 1598 г. Кучум «с детьми и со всеми своими людьми» пошел с Черных вод на Обь, где у него хлеб сеен» [Бахрушин, 1955б, с.154]. Скорее всего, подобный своему сюзерену образ жизни вели и другие владетели улусов. Одним из главных занятий знати оставалась военная служба и военные набеги. К дани приводились остяцкие и вогульские племена, с которых взимался ясак пушниной. «Соболями и белкой сибирские ханы платили дань Москве и сами собирали ясак со своих «черных людей» [Бахрушин, 1955б, с.154]. Во многом именно полукочевой образ жизни верхушки сибирско-татарского общества сказался в дальнейшем на непрочности внутригосударственных отношений Сибирского юрта. Если в других татарских государствах (особенно Казанском) социальная мощь феодальной знати была основана на землевладении и связанной с ним военной службе хану, в Сибирском же юрте «землевладение» больше подразумевало под собой владение промысловыми угодьями, а также занятие военными набегами с целью обложения данью соседние племена. В целом, вотчинные же владения сибирско-татарской знати были основаны не на оседлом земледельческом хозяйстве, а на полукочевом скотоводческо-охотничье-земледельческом.

Мощным социально-политическим фактором, определившим в дальнейшем экономическое развитие сибирских народов, явилась русская колонизация. Московское государство, будучи земледельческим и стремящимся внедрить земледелие на присоединенной территории, сыграло существенную роль в трансформации хозяйственно-культурного облика сибирских народов.

В дальнейшем, с завоеванием Сибири актуальным становится вопрос о правовом закреплении земельных наделов и угодий. До этого в Сибири, где плотность населения была невелика, а в земельных ресурсах не было недостатка, вопрос о закреплении угодий не стоял так остро. Вполне правомерен вывод Н.А. Халикова о том, что «свидетельство о внедрении земледельческой культуры с приходом русских вполне допустимо интерпретировать и как вынужденную меру, сопровождавшую возросшую плотность населения и сокращение скотоводческих, охотничьих и рыболовных угодий» [Халиков, 2002, с.63]. Несмотря на то, что земледелие существовало у татар еще в дорусский период, оно не играло значительной роли в хозяйственном комплексе сибирских татар, даже в благоприятных для земледелия южных районах.

Важную роль в экономике Сибирского ханства играла торговля. По территории ханства проходил древний караванный путь, который связывал Русское государство и Запад с восточными странами. Еще в глубокой древности были установлены тесные

торговые и культурные связи между Сибирью и регионами Средней Азии. Сибирский юрт в период средневековья был одним из важнейших пунктов на большом караванном пути. Вдоль Иртыша шла большая торговая дорога из Мавераннахра и Хорезма в Восточную Европу.

Само географическое положение обусловило установление ранних оживленных связей Сибирского юрта с торговыми городами Средней Азии – Бухарой, Мервом, Ургенчем, Серахсом, Нисой, Дехистаном и др., которые не прерывались и после присоединения Сибири к Русскому государству. Известно, что даже летом 1596 г., уже после потери ханом Кучумом ханства, к нему приходили торговые люди «из Бухары, Ургенча, из Ясырского города, да и Саурана городка».

На Искере были найдены остатки импортных предметов (в том числе китайского фарфора, стеклянных сосудов, гончарной поливной посуды золотоордынского типа) и серебряные монеты с арабскими надписями. Подобная привозная керамика была обнаружена исследователями и на других средневековых татарских городищах (Тон-Туре, Бол. Чуланкуле-1 и др.) [Левашева, 1950, с.346]. Из Сибири вывозились меха, кожа, рыба, мамонтовая кость, шерсть и т.д. Из Средней Азии в Сибирь ввозились хлеб, чай, бумага, сушеные фрукты, украшения, железные изделия, сундуки, посуда, зеркала и т.д.

Средняя Азия принимала деятельное участие в борьбе за политическое господство на Иртыше, что было определено важностью задачи утвердиться на торговых путях в Восточную Европу. Особенно ярко это проявилось в середине XVI в., когда бухарские правители активно поддерживали в борьбе за Сибирский престол шейбанида Кучума.

После русской колонизации Сибири сохраняются прежние центры торговли со Средней Азией – Тобольск (Искер), Тюмень (Чимги-Тура), Тара (Ялым).

Кроме столичных центров – Искера (Сибири), Чимги-Туры, был выявлен целый ряд сибирско-татарских городков, существовавших во времена Сибирского ханства. Все они упоминаются в Сибирских летописях. Это Сузгун-Тура, Бицик-Тура, Явлу-Тура, Кызыл-Тура, Кысым-Тура, Тунус, Чуваш, Карачин, Ташаткан, Абалак, «город Кучумова брата», Зубар-Тура, «город опасный» есаула Алышая, город мурзы Чангулы, Тархан-кала, Цытырлы, Ялым, Акцибар-кала, старинный город Чубар-Тура на р. Нице и др. Упоминаются в документах «городки» мурзы Аттика, Атый мурзы, «княжев городок», «заставный город на холме Ятман», Махметкулов городок, Киныр-городок в верховьях р. Туры, Иленский, Черноярский, Катаргулов, Малый город, «крепкий татарский городок» на р. Аримзянке, Обухов городок, Черный городок и др. Всего же на территории Западной Сибири в XIV–XVI вв., по мнению В.И. Соболева, насчитывалось сотни «городков», в которых проживало коренное население [Соболев, 2008, с.233].

Большинство названных выше городков являлись резиденциями местной улусной знати, располагаясь на стратегически важных рубежах ханства. Они служили, прежде всего, как центры защиты, в которых укрывалось окрестное население в случаях угрозы нападения неприятеля. В связи с этим, они были снабжены надежными оборонительными сооружениями – рвами, валом, крепостной стеной. В то же время такие средневековые татарские города, как Искер, Чимги-Тура, Тон-Тура, Кызыл-Тура и др., являлись городами в полном смысле слова, выполняя как военно-административные, так и ремесленно-торговые и культурно-религиозные функции.

Сибирские города являлись и центрами ремесленного производства. Известно, что в Сибирском ханстве были развиты металлообработка, косторезное дело, производство керамики, кожевенное дело, прядение, ткачество и другие виды ремесла. Это также подтверждается находками с городища Искер. Как сообщает В.Н. Пигнатти о результатах своих исследований: «в изобилии попадались обломки кухонной посуды, без всяких узоров, гладкие, напоминающие современные глиняные изделия; кроме этих черепков, здесь были найдены и взяты обломки разнообразной формы точильных кам-

ней». На территории городища ближе к восточному углу площадки, им было обнаружено жилище, которое он определяет как мастерскую ремесленника: «здесь найдены были формы для литья украшений, жернова, но главное – масса окалин, целые точильные ножи и один из них – значительной величины» [Пигнатти, 1915, с.13].

По мнению исследователей, гончарное производство переживало в Сибирском ханстве упадок, что ими объясняется широким распространением дешевой и доступной металлической посуды как привозной, так и изготовленной местными мастерами [Адамов, 2008, с.54].

Вопрос о том, было ли развито в Сибирском ханстве ювелирное производство, остается открытым. Прежде всего, в связи с тем, что бытовавшие в XVIII–XIX вв. у сибирских татар ювелирные украшения были, в основной массе, привозными, а развитых центров ювелирного производства в этнографически исследуемое время обнаружено не было. Однако находки на татарских городищах, в т.ч. на Искере, говорят о широком использовании ювелирных украшений в традиционном татарском костюме [Пигнатти, 1915, с.25].

Сопоставляя украшения искерских находок с коллекцией татарских украшений, хранящихся в фондах Тобольского музея, обнаруживается множество аналогий в типологии украшений, в использовании материалов (металлов, камней), в технике изготовления и в орнаменте. Особенно ярко это заметно при сравнении перстней, пуговиц, наиболее полно сохранившихся из найденных на Искере украшений. Вполне вероятно, что в Сибирском ханстве, как и в других татарских государствах, было развито ювелирное ремесло.

Важное место в хозяйственном укладе тюркского населения периода Сибирского ханства, наряду со скотоводством и земледелием, безусловно, занимали присваивающие отрасли – охота и рыболовство, что было обусловлено, прежде всего, природно-климатическими факторами. В летописных сообщениях XVII–XVIII вв., а также в относящихся к более раннему периоду известиях путешественников описываются бесчисленные богатства сибирских рек и лесов: «В них же жительство имеют всякие звери различные, ови годны на снедение человеком, а инии на украшение и на одежды драгие: елени, лоси, зайцы, корсони, белки, лисицы, соболи, бобры, разсомахи и иныя многия» [ПСРЛ, 1987, с.117]. Еще Марко Поло сообщал: «Те, кто живут здесь в горах и в долине, большие охотники, ловят они много дорогих животных высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они горностаев, соболей, белок, черных лисиц…» [по: Сафаргалиев, 1996, с.215]. Охотились, прежде всего, при помощи лука и стрел (с деревянными (на пушных зверей), костяными и железными наконечниками). На археологических памятниках, в т.ч. на Искере, было обнаружено довольно большое число костяных наконечников стрел, которые В.Н. Пигнатти соотносит с остяцким населением, жившим, по его мнению, до татар на Искере [Пигнатти, 1915, с.21–22]. Но, как считает В.И. Соболев, костяные наконечники широко использовались и тюркским населением на охоте на отдельные виды животных [Соболев, 2008, с.205]. Также была известна загонная охота и охота с ловчими птицами. Существовала у сибирских татар даже отдельная волость Кречатников на р. Вагай, которые «за ясак давали кречеты». Важную роль играла пушнина в системе ясачных сборов. Зависимость же отдельных улусов от хана выражалась обычно в уплате князцами со своих «черных людей» ясака: «соболи и лисицы и прочих зверей и рыб». Ясак с «черных людей» своих улусов собирали сами князьки и вручали его присылавшемуся к ним ханскому данщику («даруге») [Соболев, 2008, с.157].

Не менее значимую роль в хозяйстве сибирских татар играло рыболовство. Об этом свидетельствуют найденные на археологических памятниках XIV–XVI вв. кости рыб, разнообразные предметы рыбного промысла: крючки для самоловов, изготовленные из железа, орудия для вязания сетей, поплавки и пр. [Молодин, 1990, с.202]. Ярким

примером может служить и описание одной из обнаруженных В.Н. Пигнатти ям в ходе проведенных им в 1915 г. на Искере раскопок: «Была ли эта земляная часть постройки, надземная часть которой – деревянная – сгорела, сказать трудно; но можно лишь утверждать, что именно в этих ямах жил человек, и что он занимался рыболовством: здесь найдено значительное количество рыбных остатков, – ребер, позвонков, чешуи; здесь найдены кибасья из кирпича для сетей, куженка и обгорелый край туяса из бересты» [Пигнатти, 1915, с.13]. Далее, среди найденных на городище предметов, он перечисляет «железные рыболовные крючки (11), из коих некоторые, крупные, – грубой работы; другие же, поменьше, кажутся сделанными из проволоки; среди первых один крючок двойной, словно он предназначен для ловли щук «дорожкой»; кибасья (5) глиняные разной формы…» [Пигнатти, 1915, с.24–25]. А.А. Адамов сообщает о том, что на Искере были обнаружены «железные остроги, которыми лучили рыбу в неглубоких водоемах и старицах после спада воды» [Адамов, 2008, с.56]. В целом, у сибирских татар были распространены различные способы рыбного промысла: сетями, неводами, мордами, острогами. Широко было распространено запорное рыболовство. В.И. Соболев на материале археологических данных, определяет, что в отмеченный период промысловое значение имел отлов осетра, налима, щуки и особенно окуней, язей и чебаков [Соболев, 1983, с.14]. В исторической литературе встречается сообщение о том, что хан Кучум с определенных групп татар брал ясак язычками карасей, а аялынские татары ловили для Кучума рыбу в Вузюкове озере.

Таким образом, традиционное хозяйство тюркского населения Сибирского ханства было комплексным, в котором полукочевое скотоводство сочеталось с оседлыми поселениями, развитием домашних ремесел в виде гончарного производства, плавки и обработки металлов, кожевенного дела, прядения, ткачества, возможно, ювелирного дела и пр. В зависимости от природных условий, наряду с производящими отраслями, в хозяйственном укладе всех групп татар значительное (а иногда и основное) место занимали рыболовство и охота. Одним из основных видов хозяйственной деятельности являлось животноводство в сочетании пашенным земледелием, игравшим вспомогательную роль в хозяйстве.

§ 12. Судьба Сибирского ханства и борьба Кучумовичей за независимость в конце XVI – XVII вв.

Вадим Трепавлов

Разгром хана Кучума казачьим отрядом Ермака под стенами Искера в октябре 1582 г. имел катастрофические последствия для Сибирского юрта. Начался стремительный распад государства. Наступил короткий, но бурный период политического хаоса. Кучум сумел внезапно расправиться с Ермаком (1585 г.) и вновь посадил своего наместника в Искере. Но уже через год тот был изгнан сыном некогда убитого Кучумом тайбугидского правителя Бек-Пулада, Саид-Ахмедом, который сам сел «княжить» в столице. Лишь с прибытием в Сибирь в 1598 г. воеводы Данилы Чулкова ханская столица была окончательно захвачена русскими и запустела.

Бухарский хан Абдулла II, занятый в то время завоеванием Хорезма, не смог помочь своему вассалу в борьбе с пришельцами. Единственное, что он предпринял, это посылка подарков и советы свергнутому хану не ссориться с ногаями: «Слышали есмя, что вы взяли землю Авлиямирзину (ногайского мирзы Аулии – В.Т.)... А годное было то, чтоб вам, помиряся, да у кафыреи («неверных», т.е. русских. – В.Т.) землю свою поимати. А толко по тому не станете делать, и кафыри вас осилеют и обезчествуют. А

толко нас похотети себе братственноимети, и вы б с ним (Аулией – В.Т.) помиряся, и землю ему отдал, и потом бы так не делати» [РГАДА, ф.131, оп.1, 1598 г., д.1, л.3]. Воевать с далекой Россией не входило в планы Абдуллы, поэтому Кучум остался один на один с царскими войсками.

После утраты Искера Кучум предпринимал неоднократные попытки обрести поддержку среди бывших подданных, вассалов и соседей. В целом они не проявили энтузиазма на этом поприще. Солидарность разных народов и племен, даже под знаменем борьбы с новыми властителями края, едва ли была достижима. Сказывались этнокультурные различия, застарелые обиды, межплеменные распри. Провал объединительных попыток Кучума историки иногда объясняют также его не вполне легитимным ханским статусом («узурпатор») [Зуев, 2007, с.33]) или чрезмерной авторитарностью его правления до 1582 г.

Отдаленные провинции ханства сразу же после решающего военного поражения 1582 г. отпали от него и вернулись к самостоятельному существованию. Своеобразная структура юрта с татарским ядром и разноэтничной периферией отражена в емкой фразе Сибирского летописного свода о том, что «взято бисть Сибирское царство **с прилежащими к нему ордами**» (здесь и далее в цитатах выделено мною – В.Т.) [ПСРЛ, 1987, с.345]. Эти «прилежащие орды», т.е. угро-, тюрко- и кетоязычные племена, расселявшиеся по периферийному периметру бывшего Сибирского царства, не поддержали Кучума в его борьбе с «неверными». А некоторые даже вступили с ханом в конфликт. Бывший главный сановник юрта карачи-бек напал на его становище во главе отряда из «многих своих татар», остяков и вогулов. В ответ Кучум начал «остяцкия и вогулския улусы громити; они же видящее се, яко иже бысть им царь и владыка обратися в люта волка, и собрашася на него и начаша его гоняти» [Сибирские летописи, 1907, с.80].

Былое подданство остяков Кучуму не отразились заметно на их взаимоотношениях после 1582 г. Изгнанного хана остяцкие князья не поддержали и в его сопротивлении практически не участвовали.

Что касается вогулов, то некоторые их князья в числе первых явились с ясаком в занятую казаками сибирскую столицу. Однако вогульское Пелымское княжество представляло собой заметную военную силу. Известно, что в битве на Чувашском мысу приняли участие и вогулы. В 1593 г. против Пелымского княжества именно как союзника Кучума и в ходе кампании борьбы с ним был послан экспедиционный корпус, сформированный в северорусских уездах и Приуралье. Княжество было разгромлено, и, в отличие от нескольких соседних угорских владений, лишилось даже видимости какой-либо автономии.

В поисках поддержки взор Кучума обратился на селькупское княжество на Средней Оби – так называемую Пегую орду во главе с князем Воней. Тот сопротивлялся попыткам русских объясачить его соплеменников и заключил соглашение с Кучумом, который в 1596 г. подкочевал к Пегой орде. Два правителя договорились весной будущего года ударить по Сургуту – новому русскому городу на Оби. Местные воеводы, узнав об этих переговорах, разгромили селькупов, а в центре владений Вони демонстративно заложили новую крепость – Нарымский острог [РГАДА, ф.214, кн.1, л.9 об., 10; Вершинин, 2002, с.312–314; Вершинин, Шашков, 2002, с.136, 137; История, 1968, с.34].

Вдоль левого берега Оби, в лесах и болотах по реке Чик, располагались кочевья чатов~чагатов («чатских татар», «мысовых татар»). Ранее, в XVI в., они жили западнее – в верховьях Оми и переместились к Оби после крушения Сибирского юрта [Бояршинова, 1950, с.35, 36; Емельянов, 1978, с.74]. Не преуспев в альянсе с селькупами, Кучум решил обосноваться в чатских кочевьях, планируя привлечь к своей борьбе местных жителей («надеетца… Кучюм царь на чатских людей, а в Чатах… людей которые на конь садятца человек с 1000-ю» [Материалы, 1932, с.298]).

Данный замысел тоже не воплотился в жизнь, поскольку военная сила служилых людей положила конец многолетним скитаниям свергнутого хана.

В 1598 г. на берегу Оби он потерпел окончательное поражение в бою с русским отрядом, посланным из новой сибирской крепости Тара. Сражение 20 августа длилось от рассвета до полудня. Хан был разбит и бежал. Погибли четыре царевича, шесть беков, десять мирз, пять аталыков, сто пятьдесят рядовых бойцов. В руках победителей оказались пять сыновей Кучума, двое внуков и ханский гарем [Миллер, 1999, с.494; Акты, 1841, с.3–5; Трепавлов, 2012, с.57, 58]. Триста «мурз и мурзичей» ханской свиты явились в недавно основанную столицу края Тобольск, покорились, обязались платить ясак и вскоре составили костяк местных служилых татар. В памяти русских сибиряков это событие осталось как «Кучумов побой», «Кучумово побоище».

После этого хан, очевидно, жил еще около года. Он практически незаметен на страницах документов рубежа XVI–XVII вв. Последний период своей жизни он провел в Ногайской Орде. Средневековые авторы единодушны в описании враждебности, с которой он был встречен там [Сибирские летописи, 1907, с.352–353; ПСРЛ, 1987, с.69, 116]. Около 1599 г. старый, беспомощный, полуслепой и оглохший Кучум был убит ногаями.

Официально «Сибирское царство» после свержения Кучума продолжало существовать, просто его правителем теперь считался московский царь. (Таким же статусом обладали и другие завоеванные татарские юрты – Казанское и Астраханское «царства».) На протяжении конца XVI – XVII в. определенно просматривается некоторая условная автономия трех восточных «царств» в составе России. Эти территориальные образования дожили до петровских областных реформ начала XVIII в., когда уступили место губернскому и провинциальному делению.

Немногими соратниками новым правителем Сибирского юрта был провозглашен Кучумов сын Али. В некоторых текстах XVII в. он титулуется ханом~царем. Это звание приписывается Али в татарской исторической традиции. В анонимной хронике «Дафтар-и Чингиз-наме» (конец XVII в.) перечисляются «Кючюм Хан, его сын Али Хан, его сын Арслан Хан (это уже касимовский царь – В.Т.)…» [Ivanics, Usmanov, 2002, S.32]. Шихабуддин Марджани о касимовце Арслане писал: «Его отец Али, его предки Кучум, Муртазаали, Абак, Махмуд, Хаджимухаммед были сибирскими ханами» [Мәржани, 1989, б.186]. При этом другие потомки Кучума в данной традиции не фигурируют, т.е. не считаются носителями ханского титула.

О признании «кучумлянами» его своим ханом прямо говорится в грамоте уфимского воеводы М.А. Нагого тюменскому воеводе Л.А. Щербатову, написанной не ранее 9 марта 1601 г. и передающей вести из степи: «А брат де их большой Алей царевич, Кучумов сын, а они де называют его царем» [Миллер, 2000, с.196].

Неясность положения Али усугублялась раздорами между Кучумовичами по вопросу о наследовании трона. Отголоски этих споров донесли документы первых годов XVII в. В 1603 г. тюменский воевода А.Д. Приимков-Ростовский извещал туринского голову о том, что «двор де Алеев, лутчие люди, Алея царем не хотят звать, потому что мати его роду невеликого, а хотят де назвать царем Каная» [Миллер, 2000, с.209]. Кучумов сын Канай действительно был сыном некоей знатной *бегим*, проживавшей в то время в городе Сауране [Миллер, 2000, с.34] (на юге современного Казахстана). Происхождение же матери Али, «царицы Чепшан», неизвестно.

Шансы на возрождение государства сибирских Шибанидов у Али были и вовсе ничтожные. В 1608 г. он угодил в плен к русским. Большинство потомков Кучума постепенно тоже оказались в руках московских властей; за ними оставили «царский» ранг и выплачивали специальное жалованье [Беляков, 2011; Трепавлов, 2012].

В конце XVI в. в степях Юго-Западной Сибири начало ощущаться присутствие калмыков (западных монголов-ойратов). Это были пока первые сигналы широкой миграции, которая развернулась в следующем столетии. Связи Кучума с пришельцами из Монголии оказывались, судя по всему, редкими и эпизодическими, в отличие от позднейшего всеохватного сотрудничества с ними его потомков. В то время нехватка пастбищных территорий, междоусобные распри, неудачи в противостоянии с соседями вынудили ойратов искать новые земли для поселения и кочевания. До второй половины XVI в. они стремились развернуть экспансию из Западной Монголии в направлении Восточного Туркестана и узбекских ханств для установления контроля над торговыми путями и подчинения земледельческих областей. Одновременно они вели тяжелые войны с восточными монголами – за контроль над всей Монголией и с казахами – за пастбища. Неоднократные поражения в этих конфликтах вызвали, в частности, изменение в направлении миграций. Вытесненные из Монголии предводители торгутов и дербетов во главе своих соплеменников двинулись севернее, в обход казахских владений – и столкнулись с Ногайской Ордой и Сибирским ханством. Первая до конца XVI в. успешно отбивала их поползновения проникнуть вглубь Дешт-и Кипчака, второе пыталось обезопасить свои рубежи. Кучум возвел «городок Куллары, и той опасной краиной Кучюмовской **от калмык**, и во всем верх Иртыша крепче его нет» [Сибирские, 1907, с.342]. (Возможно, это городище Малые Кулары I в Тевризском районе Омской области [Палашенков, 1979, с.88, 89]).

В первые годы XVII в. калмыцкие кочевья вплотную приблизились к районам, на которые распространялась власть тобольских, тюменских и тарских воевод. К российским рубежам в то время прикочевало около 60 тысяч кибиток, или 240 000 чел. [Батмаев, 1993, с.26]. Кучумовичи увидели в этих новых пришельцах потенциальных союзников, способных помочь конницей в набегах и предоставлением убежища в случае военных неудач. Правда, для калмыцких предводителей-тайшей связи с высокородными татарскими изгнанниками стояли далеко не на первом месте. Теснимые с востока халха-монголами и единокровными ойратскими племенами, потерпев поражение в войне с казахами, они более всего желали обрести пространство для кочевания, главным образом, за счет ослабленной и раздробленной Ногайской Орды.

Сыновья и внуки Кучума установили с тайшами родственные связи. За Кучумова сына Ишима выдал дочь предводитель торгутов Хо-Урлюк. Затем Ишим взял в жены сестру владетельных князей из другого ойратского племени – хошутов, Чохура и Байбагаса. Новые родичи служили ему, в общем, надежной опорой. В лагере Чохура он жил, и тот отказывался удерживать его от набегов, Байбагас же дарил ему пленных, добытых в походах [Русская, 1884, с.437; Русско-монгольские, 1959, с.105, 138, 139]. Как докладывал в отписке на государево имя тобольский воевода в 1634/35 г., «Кучюмовы внучата поженились в колмаках у болших таишеи на ближнем племяни». При этом из калмыцких кочевий шли вести, что «Кучюмовым внучат[ам] колмацкие таиши людми подмогут. А **Кучюмовы де внучата называют Сибирское государство своею землею** и [хотят] де однолично сибирские городы разорить без остатка» [РГАДА, ф.214, стб.656, л.600–601].

Сибирские царевичи сотрудничали с калмыками из-за их военной силы, которая позволяла как поживиться в набегах, так и напомнить окрестным народам, кто является их исконными, изначальными правителями. Часто такие «напоминания» адресовались башкирам. Ведь по убеждению Ишима, исходя из сказанного им посланцу из Тобольска о сибирских и уфимских волостях, «тех волостей люди его холопи» [цит. по: Устюгов, 1947, с.46]. От имени Ишима один из тайшей требовал себе ясак с башкир Катайской волости, а иначе «вас… Ишим царевичь учнет воевати, а ныне… Ишим пошол в Уфинские волости старых своих людей табынцов сыскивати» [Русская, 1875, стб. 446–447].

В отношениях с русскими Кучумовичи держались с предельной осторожностью. Ощущая численный и военный перевес противника, они готовы были обсуждать условия почетной капитуляции. Однако их шаги в этом направлении были крайне нерешительными и непоследовательными. Здесь играли роль и память об утраченном ханстве, и антирусский настрой их «подданных» татар и башкир, и опасения быть обманутыми, угодить в ловушки, расставленные русской дипломатией.

Время от времени, на фоне усиления мятежных настроений среди народов Западной и Южной Сибири, возникал призрачный шанс на одоление русских, изгнание их из края и возрождение «Кучумова царства». Но все восстания рано или поздно угасали, власти наводили порядок, злоупотребления местных управленцев на время уменьшались, и Кучумовичи снова оказывались без сколько-нибудь заметной поддержки. Татарские царевичи не обладали достаточными авторитетом, военными силами и материальными ресурсами для мобилизации вокруг себя сколько-нибудь заметных массовых движений. Как правило, они присоединялись к восстаниям, начавшимся без их участия, и иногда довольствовались почетным рангом номинальных лидеров повстанцев (телеутов и чатов в 1620–30-х гг., башкир в 1660-х гг.).

Наиболее надежную опору они видели в ойратских политических объединениях. Но внимание и интересы тайшей все более обращались в западном направлении. Громя остатки Ногайской Орды, их отряды уходили в глубокие разведывательные рейды за Эмбу и Яик (есть данные об участии в таких походах и Кучумовичей). В течение 1630–1650-х гг. основная масса калмыков постепенно переместилась из сибирских пределов и с территории современного Казахстана на Волгу. Там образовалось вассальное Калмыцкое ханство, подчиненное Московскому государству.

Условия жизни Кучумовичей в изгнании несколько язвительно, но в общем верно обрисовал немецкий аноним в 1666 г.: «Не имея ни городов, ни жилища, укрывается он (не названный по имени татарский царевич – В.Т.) в степи или пустыне, в которой нет ни деревьев, ни людей, а также в горах и ущельях» [Алексеев, 1941, с.347]. Царевичи жили и кочевали, главным образом, в верховьях рек Ишима и Тобола.

На конные рейды они решались, как правило, в ситуации, когда складывалась благоприятная обстановка и имелась уверенность в богатых трофеях и успешном возвращении домой. К таким условиям относились, во-первых, внешняя поддержка и солидарность их союзников и единомышленников – калмыцких тайшей или мятежников на российской территории. Во-вторых, возможность изъять у сельских жителей продовольствие после сбора урожая, отчего татары-«казаки» седлали коней поздней осенью, после окончания полевых работ в волостях. В-третьих, непременным условием успеха являлась внезапность нападения и возможность отхода в степь до того, как воеводы и стрелецкие головы смогут организовать погоню. Если становилось известно, что противная сторона изготовилась к обороне, рейд отменялся. Нападавшие могли притвориться свитой посла, направлявшегося для переговоров, чтобы проникнуть глубже на территорию уездов («а приходили… они обманом, сказався от послов» [Миллер, 2005, с.351]).

Не стоит преувеличивать масштабы агрессивности Кучумовичей. Имея под началом незначительное количество поданных-сторонников, они сами по себе представляли некоторую угрозу лишь в альянсе с калмыками. Причем, на опорные пункты русской власти в регионе – укрепленные города, они, как правило, не посягали. Нападения совершались, главным образом, на сельские местности.

Кочевой образ жизни Кучумовичей предполагал занятие скотоводством, прежде всего, выпас овец. В отписках и расспросных речах проскальзывают сведения также о промысловых занятиях. Охота и рыболовство были неотъемлемой частью образа жизни и в целом «хозяйственно-культурного типа» сибирских татар, результатом их долгого соседства и частичного смешения с местными самодийцами и уграми [Томилов, 1987, с.48]. На

рацион питания Кучумовичей и их соратников влиял хозяйственный уклад населения, с которым им доводилось соседствовать. В 1603 г. посланец из Тобольска, прибыв в лагерь сибирского хана Али на Емесбулаке, узнал, что тот распустил своих людей на промыслы [Миллер, 2000, с.212]. В 1634 г. царевич Девлет-Гирей с сотней своих людей и «с малыми робяты» направился к реке Камышлову «на зверовье» (охоту), и там «Девлет-Кирей улусом своим по зверовьям розъехались». При этом его семья держалась у озер, т.к. «место… то им кормко рыбою» [Русско-монгольские, 1959, с.92]. Место для зимовья Девлет-Гирей выбирал по тому же критерию – например, у озера Мунчак «на Ишимских вершинах», «для тово что у кинулиснеги» и «для рыбы» [РГАДА, ф.214, стб.656, л.507, 511].

Хлеб пытались добывать у окрестных землепашцев, отчего набеги планировались, как указывалось выше, во время или после сбора ярового и озимого урожаев – «сев яровой», «в сноп», «в жнитво» [Миллер, 2000, с.209]. Иногда посылали уважаемых людей (хафизов) объезжать башкирские селения, прося там «одежи и кормы» [Миллер, 2000, с.195]. Видимо, это облекалось в форму ясачного сбора.

Для Кучума после 1582 г. эпизодический ясак служил дополнительным источником существования. Он состоял из натуральных выплат продуктами земледелия, скотоводства и промыслов. Впоследствии его сыновья и внуки тоже пытались организовать ясачное налогообложение в подвластных местностях, причем собирали подати в пользу как свою, так и своих патронов-тайшей.

Порой в стойбищах Кучумовичей появлялись торговцы из Средней Азии, которые не только привозили товары, необходимые в повседневном быту, но и пригоняли лошадей. И сами царевичи отпускали своих подданных «в Бухары… для торгу» [Русско-монгольские, 1959, с.92]. Тем более что их кочевые станы находились в районе старых караванных путей между Сибирью и Мавераннахром.

Организация жизни степных ставок была выработана столетиями истории кочевников. Столь же традиционной выглядела и структура «двора» изгнанного Кучума и царевичей. Проживание в степях не позволяло высокородным скитальцам долго держаться всем вместе из-за бедных ресурсов этого региона. Даже в периоды лояльных отношений друг с другом (а это бывало не всегда) царевичи вынуждены были кочевать отдельно друг от друга – пусть и недалеко, в нескольких «днищах», особенно в зимнюю пору, «для того, что им, живучи вместе, прокормитца нечем» [Русская, 1875, стб.282].

Поколение Кучумовых внуков, оставшихся в Сибири, представляло собой своего рода этнокультурный сплав. Будучи по происхождению татарами, они воспитывались и вырастали в калмыцких кочевых ставках, впитывая от матерей и «дядек»- воспитателей нормы жизненного уклада ойратов. Как известно, принадлежность к династическому дому Чингисидов возносила царевичей над всеми тюркскими и монгольскими племенами. Поэтому они не испытывали никакой рефлексии по поводу отсутствия формальной родовой солидарности ни с тюркскими кланами, ни с племенными подразделениями ойратов. Однако исторические обстоятельства складывались таким образом, что потомки Кучума во втором колене на деле оказывались уже полутатарами-полукалмыками. Впрочем, это не мешало им помнить о своем царственном происхождении и, как мы увидим в дальнейшем, время от времени служить знаменем борьбы за освобождение местных народов от российской власти.

Сохранение верности религии, принятой предками, едва ли служило препятствием для сближения царевичей с окружавшими их калмыками. Приверженность исламу была способна подпитывать в них тюрко-татарскую идентичность (а заодно и солидарность с единоверцами, оказавшимися во власти «неверных»). И все же иная культурная среда не могла не накладывать отпечаток на их личность и поведение. Так, в 1632 г. при походе к реке Исети (притоку Тобола) царевич Аблай обещал местным татарам не убивать их, ограничившись сбором одежды и садаков, и при этом «им по калматцкой

вере шертовал: стрелу лизал и на темя железцом ставил» [Миллер, 2000, с.463] (вкратце описан обряд традиционной монгольской присяги – *шахан*).

Тесное культурное общение сказывалось и на внешнем облике. В 1637 г. жена полоненного русскими Аблая «княгиня» Чагандар просила московские власти переправить к ней «косу волосов головы ево», дабы удостовериться в том, что он жив. (Косу прислали, Чагандар ее опознала, но все же «недоверивала», т.к. косу-де «мочно у мужа ее и у мертвого отнять да к ней прислать») [РГАДА, ф.119, оп.1, 1939 г., д.2, л.11]. Коса, свисающая с затылка, являлась атрибутом калмыцкой мужской прически. Следовательно, Аблай, взращенный матерью-калмычкой и женатый на калмычке, принял новый облик, без присущей татарам короткой стрижки волос по всей голове.

Впоследствии и его брат Тауке с той же целью переправил из каргопольского заточения на родину свою косу.

Несомненным в этих условиях было двуязычие татарских царевичей. При подготовке встречи послов Девлет-Гирея с Аблаем и Тауке в Белоозере и Каргополе в 1639 г. русскому приставу было велено следить, чтобы они общались между собой по-татарски, а не по-калмыцки, дабы их речи были понятны присутствующим русским толмачам [РГАДА, ф.119, оп.1, 1939 г., д.2, л.27 об.].

Движение Кучумовичей повлияло на ход продвижения России за Урал. После завоевания Сибирского ханства русские стали селиться в Западной Сибири. В первые два десятилетия после похода Ермака там было основано полтора десятка опорных пунктов. К военным, политико-дипломатическим и фискальным функциям поселенцев (присоединение и оборона новых «землиц», сбор ясака) добавились экономические. В местах, где земледелие было невозможно, новые городки (Березов, Сургут, Нарым) жили рыбным и пушным промыслом. Но в других местах требовалось заводить пашню и огороды, осваивать сенокосы. Поэтому из первоначально занимаемой лесной зоны началось постепенное «сползание» населения к югу, на более плодородные земли по рекам Тоболу, Исети, Миассу, Вагаю и Ишиму [Русские, 1999, с.29]. Однако конфликты с сибирским ханом и царевичами, наряду с набегами ногаев и калмыков, приостановили этот дрейф в степь. В результате русло освоения направилось в восточном направлении, к Енисею – туда, где местные племена были более слабыми и разрозненными.

§ 13. Кучумовичи в России конца XVI – XVII вв.

Андрей Беляков

Во второй половине XV в. начинает формироваться традиция постоянного присутствия при московском дворе представителей выезжих (вывезенных) правящих родов. В первую очередь, это были члены разветвленного рода Чингис-хана. В данное время нам известны большеордынские, крымские, астраханские, казанские цари и царевичи. Позднее к ним добавятся хивинские и казахские Чингисиды [Беляков, 2011, с.50–81]. Сибирские Шибаниды стали выезжать в Россию в начале XVI в. [Вельяминов-Зернов, 1863; Беляков, 2011, с.67–68]. При этом, судя по всему, они заняли несколько двойственное положение среди других служилых представителей золотого рода. Эта отрасль рода Чингис-хана до этого не контактировала с русскими землями. Поэтому в Москве не представляли, как ее можно было встроить в общий список татарских царских родов [Родословная книга, 2011, с.22–23; РГАДА, ф.201, № 84, л.219–219 об.]. Это «особое положение» сохранялось и на рубеже XV–XVII вв., когда в Москве появляются собственно Кучумовичи – потомки хана Кучума. В данное время они явно уступают честью венценосным выходцам из иных мусульманских стран. Однако большая часть XVII в. прошла при явном преобладании сибирских татарских царей и царевичей при

русском престоле. Это произошло благодаря тому, что представители иных ветвей рода к середине XVII в. пресеклись.

К концу XVI в. в России был накоплен богатый опыт использования в своих целях татарских царей и царевичей. Они могли одновременно выполнять ряд функций: 1) главы относительно крупных военных отрядов выезших с ними, а также своеобразные точки притяжения для выходцев в Россию из тех или иных регионов Востока; 2) возможные претенденты на тот или иной престол на просторах Дешт-и Кипчака; 3) массовка, призванная поднимать статус московского правителя как царя царей; 4) почетные пленники, которых можно было использовать в тех или иных внешнеполитических целях. В той или иной степени Кучумовичи выполняли все из перечисленных функций.

Следует отметить еще один немаловажный факт. К середине XVI в. в Москве окончательно сложилось представление об истинном православном государе. Таковым можно считать того, на чье имя выезжают представители сопредельных правящих родов [Беляков, 2011, с.382; ПСРЛ, т.XXI, с.103, 572, 591, 650, 655]. Поэтому для каждого нового московского царя особой ценностью отличался тот Чингисид, что выехал непосредственно на его имя, или же принял святое крещение в его царствование.

Собственно Кучумовичи появляются в России в 1591 г. Тогда у озера Чили-Кула взяли в плен сына сибирского хана Кучума б. Муртазы и царицы Чепшан Абу-л-Хайра (1575 г.р.) с двумя «царицами» (их личности и судьба неизвестны) [Акты, 1841, с.21; Сибирские, 1907, с.351]. Царевич стал классическим примером знатного пленника. О его жизни в европейской части России практически ничего неизвестно. В отличие от иных Чингисидов, в том числе, и его двоюродного брата, Мухаммед-Кула б. Ахмед-Гирея (Атауловича) [Трепавлов, 2012, с.13–14], он не участвовал в военных походах и дворцовых церемониях. 23 сентября 1599 г. его крестили и нарекли Андреем. Церемонию на Москве-реке «у Водяных ворот под Большою башнею» проводил архимандрит кремлевского Чудова монастыря Пафнутий. Восприемниками были боярин князь Федор Андреевич Ноготков-Оболенский и дьяк Василий Тараканов [Анхимюк, 2003, с.396]. Не ранее 1600 г. сибирский царевич женился на княжне Ирине Федоровне Ноготковой-Оболенской, дочери боярина князя Федора Андреевича Ноготкова-Оболенского. Интересно, что тесть царевича был одновременно и его восприемником при крещении [Любимов, 1915, с.60; Анхимюк, 2003, с.396]. Это уникальный случай, православная церковь запрещала браки между ближайшими родственниками, в том числе и по крещению. Вполне возможно, что данный брак следует рассматривать в общей цепочке мероприятий по нейтрализации рода бояр Романовых, проводимых Борисом Годуновым. По крайней мере, родство Ноготковых-Оболенских с Кучумовичами могло в местническом споре 1600 г. несколько нивелировать матримониальные связи Романовых с Иваном Грозным [Козляков, 2011, с.213; Павлов, 1992, с.73; Эскин, 2009, с.112–113]. Нам ничего не известно о роли царевича в событиях Смутного времени. А по его завершении Чингисида отправляют на житье во Владимир [РГАДА, ф. 131, оп.1, 1623 г., д.5].

20 августа 1598 г. в плен попала большая группа жен, детей и внуков Кучума. Их с большими трудностями доставили в европейскую Россию. Был устроен их пышный въезд в Москву [Акты, 1841, с.1–21; Маслюженко, 2010]. Далее они превратились в заложников своего происхождения. В столице не знали, что делать с таким большим количеством женщин и детей. В конечном итоге, некоторые из них (в первую очередь, женщины) через несколько лет вернулись в Сибирь. Это был определенный жест доброй воли, сделанный Борисом Годуновым с целью замирить остававшихся за Уралом детей и внуков Кучума, и, возможно, подтолкнуть их к выезду в европейскую Россию [Материалы, 1936, №35]. Это практически единственный пример подобного рода. В

целом же Москва стремилась заполучить к себе всех Кучумовичей, надеясь тем самым лишить сибирские народы своеобразного «знамени» в борьбе за свою независимость.

Вывозы царевичей продолжались и в Смутное время. При этом отдельные Кучумовичи нехотя становились непосредственными участниками многих кровавых событий того времени, как Алтанай б. Кучум [Беляков, 2005], или даже погибали от рук «литовских людей» [РГАДА, ф. 131, оп.1, 1627 г., д.1, л.53]. При этом некоторые представители тора полностью добровольно выезжали в Россию, пытаясь тем самым спасти свою жизнь и жизнь своих детей [Беляков, 2014].

Наиболее заметной фигурой из Кучумовичей в эпоху Смутного времени был царевич Арслан б. Али б. Кучум. Известно, что он поддерживал Второе ополчение и руководил крупным военным отрядом, в который входили как татары, так и русские. В 1614 г. в награду за службу (имеются смутные упоминания о возможных неких особых заслугах перед Романовыми), Арслана сделали касимовским царем. Нужно отметить, что через дочерей кабардинского князя Темрюка Айдарова Арслан находился в свойстве с Михаилом Федоровичем. Они являлись троюродными братьями. Возможно, и это соображение сыграло свою роль при назначении нового касимовского царя [Беляков, 2006]. Уже в конце XVI в. институт служилых царей и царевичей начинает испытывать кризис. Их военные отряды мельчают. Намечается прекращение практики «жаловать» Чингисидам города (доходы с них). На этом фоне мы видим на примере Арслана временное возвращение к более ранней практике. Он получил практически все, на что могли рассчитывать татарские цари и царевичи во второй половине XVI в., за исключением большого военного отряда и постоянного личного участия в военных кампаниях в статусе номинального полкового воеводы. Однако, что касается размеров своего двора (военного отряда, хотя это далеко не всегда одно и то же), он мог самостоятельно, по личной инициативе увеличить его. Но в это время касимовский царь, скорее, думал не о военной славе, а о росте своих доходов.

В 30-е гг. XVII в. был предпринят беспрецедентный шаг по слиянию крещеных Чингисидов с представителями русского служилого сословия. 7 сентября 1633 г. крестился Янбек (Джанбек) б. Джансюер (Янсюер) б. Али. Теперь он стал князем Калинником Джансюеревичем и дворянином по московскому списку. Это первый случай, когда Чингисид терял право на титул царевича. В его карьере не было ничего замечательного. В 1648–1650 гг. воевода в Суздале [Барсуков, 1902, с.220]. В 1660/61 г. принимает участие в польской кампании. За «Сапегин бой» получил прибавку к поместному окладу и денежному жалованью. В 1661/62 – 1662/63 гг. воевода в Курмыше. В 1663/64 г. значится с пометой «с послы». В таком случае гипотетически могла возникнуть странная ситуация, по крайней мере, с точки зрения русской традиции местничества, когда двоюродный дядя стоит у царского трона и честию выше всех бояр, а его племянник занимает несравненно более низкое положение и никогда не поднимется до статуса своих более удачливых родственников [Белоусов, 2008, с.306–307; Боярская, 2004, с.150]. Он вел обычную жизнь московского служилого человека по отечеству. Дети Калинника, Богдан и Федор, также именовались князьями. Их жизненный путь был типичным. Богдан стал стряпчим [РГАДА, ф.210, оп.6ж, д.138, л.137], Федор Калинникович в 1685/86 г. значится как недоросль [РГАДА, ф.210, оп.6ж, д.138, л.54 об., 75, 128]. Им не удалось сделать сколько-нибудь заметную карьеру. Показательно то, что дети и жена значатся в списке московских кормовщиков, в который попадали крещеные выезжие иноземцы, в первую очередь, татарского происхождения. Но данный пример не получил дальнейшего распространения. Здесь следует отметить, что право на титул царевича продолжало являться своеобразным маркером происхождения и пока еще не потеряло актуальности. Через некоторое время в документах Чингисида начинают называть «князем царевичем».

По своему статусу Чингисиды-мусульмане того времени постепенно сливаются со служилыми иноземцами западноевропейского происхождения. И у тех и у других мы видим одинаковый правовой статус, одни и те же формы материального содержания, идентичные поощрения за выезд и смену веры.

Но имеются и отличия. В первую очередь, это некоторые специфические формы пожалования Чингисидам, вызванные большей степенью их экономической зависимости от московского государя, а также статусом служилых царевичей. Но, несмотря на неизмеримо более высокое положение представителей «золотого рода» по отношению к служилым иноземцам, последние подчас получали значительно более высокое материальное содержание. Можно предположить, что здесь в расчет бралась экономическая и иная целесообразность [Опарина, 2007].

Г.К. Котошихин писал: «Да в царском же чину царевичи сибирские, касимовские, крещены в християнскую веру. Честию они бояр выше; а в думе ни в какой не бывают и не сидят, потому что государства их и они сами учинилися в подданстве после военского времени, недавне, да и не обычай тому есть; так же и опасение имеют от них всякое. А служба их такова: как на праздники идет царь к церкве, и они его ведут под руки, да на всякой день бывают перед царем на поклонении. И даны им поместья и вотчины немалые, так же поженились на боярских дочерех, а имали их за себя с великими пожитками и с поместьями и с вотчинами; а за которым поместья мало, и ему в прибавку идет царский корм денежной, помесечно» [Котошихин, 1906, с.27].

Надо сказать, что в царствование Алексея Михайловича в положении служилых Чингисидов наступил определенный ренессанс. К данному времени военное значение их дворов полностью сошло на нет. В этом плане они заняли положение, идентичное русскому дворянству. Во второй половине века они, в ряде случаев, не давали даточных людей со своих поместий. В определенный момент их содержание потеряло какой-либо смысл. Они все проживали в Касимове или Ярославле и почти не появлялись в столице.

Казалось, история подошла к своему логическому завершению. Но здесь произошла очередная метаморфоза. Московский царь стремился возродить традиции прошлого, в первую очередь, времен Ивана Грозного, так как он их понимал или же мог представить по специально подготовленным для него выпискам из летописей, разрядных и посольских книг. Но полностью воссоздать ситуацию вековой давности было невозможно. К тому же у Алексея Михайловича имелся свой взгляд на данную проблему. Поэтому приняли решение подтолкнуть всех наличных царевичей-мусульман к смене веры (1654 г.). К тому же это должно было показать всем мусульманам серьезность экспансии идей православия на территории России.

После этого они стали завсегдатаями дворцовых дипломатических, религиозных и придворных церемоний. Помимо этого, Чингисидов вновь стали назначать номинальными полковыми воеводами. Однако это была всего лишь имитация прошлого, которая никого не могла обмануть. Мы наглядно видим это по сообщениям иностранцев второй половины XVII в. Они достаточно уничижительно отзывались об институте служилых Чингисидов. «…городок Касимгород (Касимов), уступленный царем Годуновым на правах подданства татарскому царьку, а теперь владеет им сын его, недавно крещенный в московскую веру, и такой маленький владелец называется тоже величавым именем царя. Если и ныне есть подленькие льстецы, то пусть себе назовут и его императором, коли придет им такая охота» [Мейерберг, 1997, с.129]. Ю.Крижанич также критиковал существующую практику: «То, от чего мы ждем чести, приносит нам большее бесчестье: это прием и отправка многих послов и содержание чужеземцев ради показа [их] на смотрах» [Крижанич, 1997, с.197]. Но Алексей Михайлович, скорее всего, не обращал на это внимания. Для него было важно ощущение себя царем царей, подлинным наследником Константина Великого и Соломона, единственным истинным правителем

единственного истинно христианского государства, в чьи руки Господь отдал судьбы неверных народов. Таким образом, можно говорить о том, что религиозный аспект занимал во всей этой истории далеко не последнее место. Следует отметить и тот факт, что почти одновременно с этим московский царь предпринял попытку включить в свой титул формулу «многих государств и земель восточных и западных, и северных отчич и дедич, и наследник, великий государь и обладатель». Она была вызвана, в том числе, верой в близость полного воплощения идеи Третьего Рима, поддерживаемой и патриархом Никоном. Такая формула вносила «вселенскость» в титул Алексея Михайловича, а Никона, соответственно, делала вселенским патриархом. Подобные настроения подкреплялись и триумфальными победами молодого царя в Польше [Фаизов, 2006]. Именно тогда складывается практика использования Чингисидов, описанная Г.К. Котошихиным [Котошихин, 1906, с.27]. Данное сообщение достаточно точно рисует их положение, ведь автор был подьячим Посольского приказа, в котором ведались Чингисиды. Но помимо этого, он дает обыденное объяснение их особому статусу, которое, по-видимому, бытовало в среде простых москвичей.

Дворцовые разряды содержат значительное количество упоминаний о крещеных татарских царевичах [Дворцовые, 1850–1855; Дополнения, 1854]. Они, поистине, стали обязательным антуражем для практически ежедневных дворцовых церемоний. Достаточно регулярно они участвовали и в приемах иностранных послов. Но, в большей или меньшей степени, мы видим это и в предшествующие эпохи. А вот их участие в церемонии венчания на царство, скорее всего, было изобретением второй половины XVII в.

Кучумовичи по-прежнему занимали очень высокое положение в России. Закреплялось это и брачной политикой. Если Чингисиды, сохранявшие верность исламу, предпочитали заключать браки со своими многочисленными родственниками или же ногайскими выходцами, то во второй половине XVII в. они роднятся с Романовыми благодаря бракам на сестрах московских цариц [Беляков, 2011, с.91–115]. Об их особом статусе, в частности, говорит исход местнического спора между сибирским царевичем Григорием Алексеевичем и боярином князем М.А. Голицыным по поводу их совместного участия в крестном ходе [Эскин, 1994, №1687, с.207]. Правда, в своем положении они сделали некий шаг назад, пропустив вперед грузинских царей и царевичей. Здесь опять свою роль сыграла политическая целесообразность. К тому же, как мы уже видели вначале XVII в. на примере ургенчского царевича, что Чингисиды, выехавшие из нового региона, расценивались в Москве как более способствующие подъему государственного престижа. В остальном главным критерием в выстраивании их внутренней иерархии становится старшинство в роду [Вельяминов-Зернов, 1866].

Но параллельно с этим происходит резкое падение значения Кучумовичей, плененных во время их набегов на территории Русского государства. Теперь они могут изменить свою судьбу, только приняв православие. В противном случае их ожидает тюремное заключение в одном из городов русского севера [Трепавлов, 2012, с.158–217].

Отмена местничества в 1682 г. не оказала какого-либо заметного влияния на положение царевичей, они по-прежнему продолжали выполнять свои придворные функции. Известен только один случай, когда Чингисид ставился во главе крупного ведомства. Касимовскому царевичу Ивану Васильевичу было поручено с 1705 по март 1713 г. возглавить Рудокопный приказ (он же Рудокопная канцелярия) [Павленко, 1953, с.100–101]. Все изменилось после дела царевича Алексея. В нем оказался замешан сибирский царевич Василий Алексеевич. После пытки в 1718 г. его сослали в Архангельск, где он вскоре и умер. Поместья и вотчины царевича были отписаны в казну. В этом же году его детям было велено именоваться князьями, а не царевичами. Единственный внук касимовского царевича Василия Арасланович, Василий Иванович, умер бездетным, до конца своих дней сохранив право на титул [Вельяминов-Зернов, 1887; Любимов, 1915,

с.74–75]. С этого момента Чингисиды полностью слились с остальным российским дворянством. Путь, продолжавшийся 300 лет, завершился, хотя потомки Василия Алексеевича известны нам до конца XIX в.

§ 14. Основные направления политики Русского государства в отношении сибирских татар до конца XVII в.

Зайтуна Тычинских

Включение в XVI в. обширных полиэтничных территорий в состав Московского царства требовало особого внимания правительства к аборигенному фактору. По мнению известного сибирского историка А.С. Зуева, в основе инородческой политики в Сибири на протяжении конца XVI – начала XVIII вв. лежало сочетание сотрудничества (в первую очередь, с нерусскими военно-политическими элитами) и прямого насилия и администрирования [Зуев. Электронный ресурс].

Для управления коренными народами Западной Сибири русские власти первоначально сохранили в своей основе старое административное деление, в т. ч. и механизм сбора ясака. Родоплеменная знать была освобождена от уплаты ясака и за ней сохранялись прежние привилегии. Как известно, территория, где проживало аборигенное сибирское население – остяки, вогулы (ханты, манси), делилась на «области» или «княжества», центрами которых были укрепленные городки или городища, объединяющие вокруг себя окрестные селения. Во главе этих «княжеств», которых в XIV в. насчитывалось на территории Югры около 60, стояли князья [Мартынова, 1991, с.129]. Аналогичные образования, именуемые улусами, существовали среди татарского населения (Карачин улус, улус Кулары и пр.). Они объединяли под своим началом несколько селений-«юртов». Во главе улусов стояли князья или башлыки (старшины). В процессе колонизации административные образования инородцев – «улусы», княжества приводились в русское подданство в качестве ясачных волостей [Балюк, 1997, с.26–27]. Опираясь на сведения «Сибирских летописей», Д.М. Исхаков сделал предположение о том, что в Сибирском ханстве татары делились на 2 категории: тех, кто жил по улусам и тех, кто жил по волостям. Живущими по волостям он определяет ясачных татар, по улусам – прежде всего, служилых татар [Исхаков, 2002а, с.9].

В 1593–1594 гг. упоминаются татарские ясачные волости Курдак, Соргач, Отуз, Тав, Урус, Токуз, Супра, Аялы [Миллер, 1999, с.352]. В 1595 г. известны еще волости Чангул, Лугуй, Люба, Келема, Тураш, Кирпики, Бараба, а также Малогородская волость [Миллер, 1999, с.358, 362]. В одном русском документе за 1598 г. многие из этих волостей перечисляются как существовавшие при хане Кучуме: Курпицкая (Кирпицкая), Турашская, Любарская, Чойская, Куромская (Курома), Барабинская (Бороба большая), Ялынская, Каурдатцкая, Чатская (Чаты) и Колмакская (Колмаки) [Исхаков, 2004б, с.81; Акты исторические, 1841, с.2–4]. В самом начале XVII в. называются еще некоторые другие татарские волости: Кинырская, Теренгульская, Бачкурская, Терсяцкая, Иленская, Япанчинская, Купкозинская и Ядринская [Миллер, 2000, с.184, 194, 198, 209, 221, 274]. Проблема однако в том, что ряд названных волостей вначале упоминаются или как городки, или как отдельные деревни. Поэтому не вполне понятно, какие из них были настоящими волостями. Но ясно, что ряд из них в реальности были волостями, обычно это крупные образования, где насчитывалось несколько сот ясачных людей.

На начало XVIII в. известны следующие волости сибирских татар. По Туринскому уезду: Япанчина, Куртумова, Илясова, Индричеева; по *Тюменскому* уезду: Кинырский городок, Бачкырская, Терсяцкая, Иленский городок, Шикчинская, Каскаринская, Пыш-

минская и Исетская; по *Тарскому* узду: Саргач, Тебендя, Котлубахтина, Я-Иртиш, Отуз, Тав, Тав-Отуз (Куллары), Коурдак, Аялы; по *Тобольскому* уезду: Ясколба и Лоймытомак, Вачиер, Аремзян, Карбина и Ук, Би-Туртас, Кул-Туртас, Уват, Надцы, Лобутан, Калым, Кошуки, Ашла (Лаймы), Бабасан (на Нерде), Бабасан (Отдельная), Кречатники на Ашле, Кречатники на Вагае (Капканы), Кречатники (без указания места жительства), Индерь, Уват, Супра [Долгих, 1960, с. 59). Тогда же ряд туземных волостей Тобольского уезда были объединены русской администрацией. Так, к 1629 г. в одну волость были объединены Би-туртас, Кул-туртас и Уват, Ясколба и Лаймы-томак – в другую, Карбина и Ук – в третью [Долгих, 1960, с.59]. Как можно заметить, число волостей, называемых на начало XVIII в., по сравнению с предыдущим столетием, значительно увеличивается. Вероятно, причина этого в том, что в наиболее ранних документах были указаны именно волости. Но известно, что сибирские татары жили как «по волостям», так и «по улусам».

В результате колонизации в основном сохранилось прежнее территориальное деление аборигенов. Еще С.В. Бахрушин писал о том, что в Сибири для обложения местного населения ясаком русские воспользовались теми административными единицами, которые существовали до ее присоединения. «В ясачных волостях Тобольского и близлежащих уездов легко угадать «агарянские веси», входившие в составе прежнего Кучумова царства, а ближайшими агентами при сборе ясака явились те князья и старшины, отцы и деды которых служили Кучуму» [Бахрушин, 1955в, с.52]. Функцию основной фискальной единицы стала выполнять волость. По всей вероятности, многие из прежних улусов также были преобразованы в волости. Русское государство после присоединения Сибири стремится «полностью охватить всех аборигенов Сибири сбором ясака и всемерно увеличить его поступление в государственную казну» [Файзрахманов, 2002, с.227].

В населении присоединенных территорий государство видело, прежде всего, плательщиков ясака, и лишь затем представителей иной веры и другой этнической принадлежности. Главной целью на начальном этапе формирования аборигенной политики являлось обложение ясаком, который имел не только финансовое значение, обеспечивая пополнение казны пушниной, но и политическое, выступая главным показателем подданства и признания русской власти. Обе эти составляющие ясака, на наш взгляд, имели равное значение.

Приводясь к «шерти», аборигены должны были платить ясак и хранить верность, взамен чего российский государь предоставлял им право проживать и хозяйствовать в районах их исконного обитания, а также обещал держать их «в своем царском милостивом призрении» и «оберегать накрепко». Русская сторона трактовала шерть как признание аборигенами своего подданства, те же могли воспринимать ее в зависимости от своей военной силы и характера взаимоотношений с русской властью как равнозначный союз или мирный договор [Зуев. Электронный ресурс].

Большое значение уделялось организации системы ясачного сбора. Для Московского государства данный вопрос имел первостепенное значение, в связи с чем сибирским воеводам предписывалось: «…а как учнут разбирать государеву ясачную и поминочную соболиную казну и всякую мягкую рухлядь, после приемныя цены разбирать лучшие соболи к лучшим соболям, а худые соболи к худым соболям, а середние соболи к середним соболям, а лисицы черные к черным, а чернобурые к чернобурым, а бурые к бурым, а красные к красным, а бобры к бобрам, а ярцы к ярцам, а кошлоки к кошлокам; а разбирая ценить Сибирскою прямою ценою, а недорогою, чтоб Государеве всякой мягкой рухляди на Москве по Московской цене перед Сибирскою ценой была прибыль, а убыли в цене не было; а разобрав и оценя, присылать тое Государеву ясачную и поминочную всякую мягкую рухлядь ко Государю царю и Великому князю Михаилу Федоровичу к Москве за своими печатьми, а ценовые росписи той всякой мягкой рухляди

за своими руками и рухлядь подписывая, с которой волости и с кого именно та рухлядь взята и на которой год…

А будет на Таре учнут торговые люди Государеву ясачную и поминочную и всякую мягкую рухлядь ценить дорогою ценою, а по московской цене будет у которой мягкой рухляди перед Сибирскою ценою убыль: и Государь за тое Сибирскую мягкую рухлядь по Сибирской цене велит деньги доправить на них на князя Федора и Неупокоя и на ценовщиках, которые тое рухлядь ценят…» [ПСЗ, 1830, с.571].

В период службы на должности тобольского воеводы Юрия Сулешева в 20-е гг. XVII в. была проведена перепись ясачных людей, что значительно повысило поступление в государственную казну «мягкого золота» [ПСЗ, 1830, с.572].

Назначенным в Тару воеводам князю Федору и Неупокою было предписано «с ясачных людей ясачную и поминочную мягкую рухлядь собирати неоплошно с великим радением». Сборщикам ясака, направляемым в ясачные волости полагалось переписывать в ясак захребетников и недорослей, которые пока не были записаны в ясак, но на «лешие промыслы» ходили. Также было предписано, что если будут поступать жалобы и недовольства переписчиками, котрые могут записывать в ясак малолетних и старых и увечных, т.е. тех, кто от ясаку отбыли и на лесные промыслы уже не ходят, то «таких малых и старых увечных ясачных людей велети ставити перед собой, их досматривать самим и, сверх своего досмотру, про таких ясачных людей сыскивать и ясачным лучшим людям про них допрашивать, мочно ли тем ясачным людям ясак платить или не мочно». Сверх того, что таких людей осматривали воеводы, «про таких ясачных людей велено посылати из Тобольска для сыску и осмотру письменных голов, а письменным головам те обыски велено привозити в Тобольск, и с Тобольску те Воеводские и письменных голов сыски и досмотры присылати к Государю к Москве» [ПСЗ, 1830, с.572].

Малочисленность русских вооруженных сил в Сибири, значительная территориальная дисперсность военно-административных пунктов, существовавшая в течение всего XVII в. постоянная угроза отпадения Сибири от центра, обязывали Российское правительство предпринимать меры по установлению прочных административных, политических и экономических связей с «дальней сибирской вотчиной».

Тобольск с конца XVI в. являлся связующим звеном между новой государевой вотчиной и центром, объединяя сибирские города под своим началом [Коньков, 2001, с.78]. Центральные власти стремились назначать на должность главного сибирского воеводы особо доверенных лиц. Не случайным было назначение на должность тобольского воеводы Ю.Я. Сулешева. При этом учитывалось и его татарское происхождение, которое «могло способствовать решению проблем аборигенного населения», а также «его организаторские способности, личные качества, проявленные боярином на государственной службе в предшествовавший период...» [Балюк, 1997, с.87].

Еще в период борьбы с ханом Кучумом русские власти стремились ослаблять силы сибирского хана, переманивая его «лучших людей» на русскую сторону: «а от Кучюма царя лутчих людей отговаривать, чтобы ехали к государю служить …а государево им великое жалованье будет» [Небольсин, 1849, с.118]. Привлечение на свою сторону татарской военно-служилой знати для Московского государства имело огромное значение. Поэтому действия местной власти были направлены на то, чтобы выполнять установку центрального правительства. Для этих целей привлекались и уже перешедшие на русскую службу тобольские татары. Была предусмотрена система поощрений и льгот: «…а которые от царя приедут и тех жаловать, и сукна давать и хлебца. И которые князьки и Татарове государю служат и в город к воеводам приходяти ясаки платят, и про всякие вести про Кучума царя, и про его умышление и про Ногай, учнут приходя сказывать – и тех татар поить и кормить государевым запасом и береженье к ним и ласку держат великую и отпускати их к себе домой не задерживая» [Небольсин, 1849,

с.118]. Формирование татарского военно-служилого контингента отвечало нуждам колонизаторской политики московской власти, которая «для продвижения вглубь Сибири и объясачения жителей», использовала былых вассалов хана Кучума, «предоставив им за это ряд прав и преимуществ» [Бахрушин, 1955б, с.163]. Как отмечал С.В. Бахрушин, татарская военная знать, «безболезненно перешла на царскую службу, переменив без резкого перерыва одного господина на другого» [Бахрушин, 1955б, с.165]. Наградой для бывших сибирских мурз, теперь «лутчих людей», становится сохранение привилегированного положения тарханов и выдача государева жалованья (денежного и хлебного). За это служилые татары несли военную службу новому сюзерену – московскому государю. Характер условно прямого подчинения служилых татар царю подчеркивался возможностью и правом их прямого обращения через челобитные с жалобами и просьбами. В ответ обычно верховной властью было гарантировано заступничество.

Конечно, на первых порах не все складывалось в отношениях с новой властью ровно и гладко. Так, Г.Ф. Миллер сообщает, что в 1595 г. «с Тюмени ушли 50 человек служилых татар с женами и детьми», которые, захватив с собой еще 30 ясашных татар, живших в уезде, направились в область, лежащую по верхнему течению Тобола. Для возвращения татар из Тюмени был отправлен отряд русских и татар во главе с Семейкой Вязьминым и служилыми татарами Какшарой, Майтмасом и Бахтураской. Им было поручено уговорить беглецов возвратиться, «чтоб они ехали на Тюмень и жили по своим юртом и по волостям по прежнему, и нашу службу служилые татарове служили, а ясашные люди ясак платили по прежнему, и велим им дати вперед наше денежное жалованье...» [Миллер, 1941, с.148]. Посланные казаки встретили этих людей на реке Исети, однако все усилия их вернуть были напрасны. Виновным за свой уход татары называли толмача Митю Токманеева, будто бы сказавшего, что в Сибирь едут новые воеводы и везут царский указ о том, чтобы 12 самых богатых и знатных татар убить, других же с женами и детьми сослать на Тару, а всех остальных заставить пахать пашню. С таким ответом 26 июня 1595 г. посланники возвратились в Тюмень. Виновник происшествия толмач М.Токманеев за то, что «смуту и ссору в служилых людех и ясашных татарех учинил», был сурово наказан [Миллер, 1941, с.12, 149]. В 1609 г. «за приставы» были посажены лучшие служилые татары – Янбулат, Тохтамыш и Кизылбай. У них было «поимано» оружие – луки и стрелы. В 1626 г. служилый татарин Аткачарко Ахманаев вместе с другими служилыми людьми бежал из Тюмени, и вскоре он внезапно напал на Тюменский уезд и отогнал у ясачных татар лошадей.

Однако, как отмечает С.В. Бахрушин, на открытую измену служилые татары решались редко. Двойственное положение, в котором пребывали вчерашние вассалы хана Кучума, а затем и их потомки, отражают отношения служилых татар с Кучумовыми царевичами на протяжении всего XVII в. С одной стороны, они служили информаторами Кучумовичам: «от тобольских татар пересылки к царевичам многие бывают, а царевичи за пересылки подарки многие присылают» [Бахрушин, 1955б, с.174]. С другой стороны, они добросовестно информируют русскую администрацию о планах и действиях сибирских царевичей и «изменников». А в 1661 г. тарские служилые и захребетные татары даже предлагали свои услуги для того, чтобы «поимать» царевича Давлет-Гирея [Бахрушин, 1955б, с.174].

На первых порах государство всячески старалось поощрять служилых татар и оберегать их интересы, в том числе и от представителей местной власти. Когда в 1598 г. воевода Ефим Бутурлин «мимо государеву указу» наложил на юртовских татар ясак по 10 соболей с человека и «не в меру, но по большому окладу» наложил ясак на тобольских «кречатников», которые прежде «за ясак давали кречеты», а после обложения ясаком «государю изменили, побежали», то служилые татары обратились к царю с челобитной, в которой жаловались, что «у них вотчин никаких нет и соболями не про-

мышляют» и прежде ясака с «них не имали». Царь освободил юртовских татар от ясака, а новым воеводам предписал произвести розыск об этих незаконных действиях Ефима Бутурлина и велел «за то на Ефима опалу свою государеву положить». Из Москвы поступило предписание воеводам «льготить и беречи…» юртовских татар, и чтобы «…они б жили в государевом жалованье безо всякого сумненья и юрты свои полнили» [Бахрушин, 1955б, с.167]. Так продолжалось до конца XVII в. «Имянной указ» царей Ивана и Петра Алексеевичей от 21 января 1696 г. гласил: «будет по розыску явится, что ясачные люди разбрелись в дальние страны и изменили от воеводских нападков и тех воевод, которые по совершенным уликам будут тому вины – за то самих казнить смертью же» [Оглоблин, 1900, с.314].

Особое внимание власти обращали на предотвращение возможных вооруженных выступлений, для чего предпринимались различные меры предосторожности. Так, еще в августе 1596 г. воеводе Г.Долгорукому в Тюмень была направлена особая грамота, в которой был оговорен порядок торговли бухарцев и ногайцев в Тюмени: «...а торговати бы есте им велели за городом в посаде или за посадом... А того есте за ними смотрели и берегли накрепко, чтоб они заповедным товаром: доспехи, и панцири, и саблями и ножи и топоры с юртовскими и ясашными татары не торговали... велели смотреть… опричь торговли, никаких разговорных речей не говорили...» [Оглоблин, 1900, с.220]. Подобная грамота была направлена в 1596 г. и во вновь построенный город Тару. В грамоте предписывалось «с приходящих на Тару бухарских и ногайских торговых людей (с лошадьми и разным товарами) не брать никаких пошлин, но наблюдать за ними, чтобы они «в городе никаких крепостей и людей не росматривали и не лазучили, и с русскими людьми с татары опричь торговли никоторых разговорных речей не говорили, и нужи б сибирской никоторые не ведали» [Оглоблин, 1900, с.220].

В раскрытии заговоров, подобных событиям 1609 г., большую роль играли доносы. В 1609 г. ясачный татарин Туринского острога Баигара Кензин доносил тюменскому воеводе Матвею Годунову на тюменского служилого татарина Бекмаметку Казанкина и на ясачного татарина Туринского острога Янгурчу, что «тот татарин Бекмаметко Казанкин приезжал к ним Янгурче с товарищи, а говорил де им: у вас де лошади и сайдаки и сабли готовы ли, а у них де у тюменских все готово, а умышленье де их то: хотят государю изменить...» [Миллер, 1941, с.209].

В течение XVII в. служилые татары постоянно использовались для подавления выступлений среди ясачного и служилого населения. Перешедшая на службу к новому хозяину сибирская военно-служилая элита не только верой и правдой исполняла свои обязанности, но и принимала деятельное участие в пресекании «шатости и измен», как путем дипломатических переговоров, так и вооруженным путем.

На протяжении длительного периода (конец XVI – конец XVII вв.) постоянную угрозу для сибирских волостей представляли набеги калмыцких отрядов, которые грабили русские и татарские поселения, захватывали пленников. Высочайшими указами из Москвы тобольскому, тюменскому и тарскому воеводам было приказано оказывать вооруженное противодействие калмыкам и держать их на известном расстоянии от русских пределов [Миллер, 1941, с.30]. Для этих целей из казаков и татар (как служилых, так и ясачных), а также из русских «охочих» людей было собрано войско. Весной 1607 г. это объединенное войско нанесло калмыкам значительный урон, хотя, как замечает Г.Ф. Миллер, «и не такой, который заставил бы их уйти от близкого соседства с русскими» [Миллер, 1941, с.30]. Особо напряженная ситуация складывалась в отношениях с калмыцкими улусами в первой половине XVII в. Как замечает Г.Ф. Миллер, при господствовавшей в то время в Московском государстве смуте такое большое число внешних врагов могло легко привести к общему восстанию сибирских народов, если бы против этого своевременно не принимались меры [Миллер, 1941, с.32].

Уже в первой половине XVII в. в Тобольском и Тарском уездах была организована система застав и острогов для отражения набегов калмыков. Калмыки, как мы уже видели, часто объединялись с сыновьями, затем и с внуками Кучума и совершали совместные походы на тобольские и тюменские волости. Они направляли свои силы, главным образом, в сторону рек Иртыша и Тобола. Для защиты от набегов Кучумовичей и калмыков были организованы отряды казаков и служилых татар. Около 1631 г. для защиты от набегов калмыков и Кучумовичей были построены в Тарском уезде остроги Каурдатский, Тебендинский, Ишимский, в Тобольском – Вагайский и Тарханский. Тарханский острог «был укрепленным местом у сибирских татар и назывался Тархан-кала» [ТГВ, 1859, с.4]. На месте древней татарской крепости Чубар-тура в 1624 г. была построена слобода Чубарова. В эти остроги из Тобольска направлялись казаки-годовальщики. Крупные партии годовальщиков направлялись из Тобольска в Тару, которая в первые десятилетия XVII в. находилась в наиболее опасном из всех сибирских городов положении. Так, в 1632 г. из Тобольска в Тару было послано 100 человек во главе с сыном боярским Иваном Шульгиным: 40 литвы и конных казаков и 60 юртовских служилых татар. Несколько позже туда было направлено еще 50 человек: 20 стрельцов и пеших казаков и 30 юртовских служилых татар. В 1661 г. в Атбашский острог сроком на один год был отправлен отряд, который состоял из 40 человек литвы, новокрещенных, конных казаков и татар [Пузанов, 2005, с.109]. А в 1669 г. туда же на годовую службу было послано 40 тобольских служилых людей – 28 литвы, казаков и новокрещенов и 12 служилых татар. В Чубаровскую слободу из Тюмени ежегодно направлялось по 10 стрельцов и пеших казаков, а с ними 10 конных казаков [Пузанов, 2005, с.111].

В целом, исследователями выделяются три района Западной Сибири, куда обычно направлялись годовальщики. Первый район – в треугольнике трех русских крепостей Томск-Кузнецк-Красноярск, где на протяжении всего XVII века шла борьба с енисейскими киргизами, за которыми стояли монголы и ойраты. Во-вторых, это Тарский уезд, где русским приходилось воевать с Кучумовичами и ойратами. В-третьих, это юго-запад Сибири – Верхотурский, Туринский, Тюменский и Тобольский уезды, где происходили столкновения с Кучумовичами и ойратами, а позднее – с башкирами и вогулами [Пузанов, 2005, с.116].

По всей видимости, именно дипломатическими расчетами и политической дальновидностью московской власти объясняется и то, что активных насильственных мер по христианизации татар, в т.ч. и бывшей военно-феодальной знати – служилых татар, в Сибири, в отличие от Казанского ханства, не предпринималось. Генеральную линию конфессиональной политики Московского государства в течение XVII в. в отношении сибирских инородцев можно определить словами из указа царей Иоанна и Петра Алексеевичей, направленного тобольскому воеводе П.С. Прозоровскому, а также из грамоты на имя митрополита Павла от 5 апреля 1685 г. В указанных документах говорилось: «Для того, что Сибирь государство дальнее и состоит меж бусурманских иных вер многих земель, чтоб тем тобольских татар и бухарцев и иных земель приезжих иноземцев не ожесточить...» [Андриевич, 1889, с.331–333]. По всей видимости, именно исходя из этих установок, сибирские служилые татары остались мусульманами.

Высочайшими грамотами тобольским митрополитам было предписано «неволею никаких иноземцев крестить не велеть». Однако на месте эти распоряжения часто не соблюдались. В связи с этим от тобольских татар и бухарцев поступали многочисленные жалобы на местную духовную власть, стремившуюся всеми способами увеличить паству. В ответ на эти жалобы государи приказали воеводам взять под свое наблюдение, «чтоб неволею в православие иноземцев не обращали».

Во главе противодействия активной христианизации татар вставали служилые татары под началом Авазбакея Кульмаметева. Так, по челобитью тобольских служилых, за-

хребетных, ясачных татар и бухарцев Авазбакея Кульмаметева с товарищами в 1686 г. из Москвы было направлено предписание о том, чтобы желающие принять православие подавали прошения сначала в приказную избу, и лишь после рассмотрения их воеводой, направлять эти прошения к митрополиту для обращения в христианскую веру. Самому митрополиту было запрещено принимать эти прошения, а также приказано «не дождався из приказныя избы памятей – тех людей не крестить» [Андриевич, 1889, с.331–333]. Эта мера была вызвана тем, что для привлечения в православие тобольский митрополит принимал тех людей, которые, совершив какое-либо преступление, бежали от единоверцев с тем, чтобы, изменив веру, избавиться от наказания или от прежней кабалы.

В наказе тобольскому воеводе от 1697 г. в очередной раз подтверждаются распоряжения о недопустимости насильственного обращения в православие: «насильством никого не крестить».

С начала XVIII в. наступает новый этап колонизации Сибири, который А.В. Головнев назвал «эпохой Филофея Лещинского», или «эпохой конфессионального захвата» [Головнев, 1995, с.90]. В первой четверти XVIII в. начинает активно проводиться политика массовой христианизации сибирских народов. В целом она определялась внутренней политикой Петра I, который «ставил перед церковью на первый план практическую задачу: средствами религиозного воздействия на верующих служить делу укрепления самодержавной власти» [Огрызко, 1941, с.27]. В 1706 г. Петр поручает митрополиту Филофею Лещинскому ехать к остякам и вогуличам с «проповедью Евангельскою», для того, чтобы «все кумиры и кумирницы, где только будут найдены, сожигать и истреблять, и на их местах строить церкви, часовни и ставить иконы». Самих остяков и вогулов было велено «от мала до велика крестить». В итоге миссионерской деятельности Ф. Лещинского, его сподвижников и последователей к 40–70-м гг. XVIII в. основная часть остяцкого и вогульского населения Березовского края была крещена [Огрызко, 1941, с.48; Миненко, 1975, с.265]. Наряду с вогулами, остяками, якутами указ 1714 г. предписывал крестить и татар [Щеглов, 1883]. При тобольском и сибирском митрополите Филофее Лещинском были крещены в 1718–1720 гг. туринские татары, а в 1720 г. – обские и чулымские татары. По приводимым Ф.Т. Валеевым данным, за 10 лет (с 1749 по 1758 г.) в Тобольской губернии было обращено в христианство 2500 чел. обоего пола [Валеев, 1993, с.173–174].

Служилые татары оказывали активное противодействие насильственному крещению. В 1724 г. Ф. Лещинский писал в Синод о том, что татары «подъезжают к новокрещенным и, смущая, велят именем своего начальника Сабанака церкви жечь, попов и причетников до смерти побивать и кресты побросать» [Огрызко, 1941, с.68]. Другой ревностный православный креститель – митрополит Сильвестр Гловацкий, сообщал в Синод о том, что когда в 1753 г. дворовая девка татарина Мусы Маметнарова захотела креститься вместе с малолетним сыном, Муса Маметнаров, узнав об этом, для отвращения от крещения чинил «бесчеловечные мучения и побои жжением огнем». Такие же побои, по словам митрополита, «учинил» другой татарин Медянских юрт – Кутумов за попытку «вернуться в христианство Григорию Елбаеву» [Лотфуллин, Ислаев, 1998, с.120]. В.П. Клюева приводит сведения о том, что сохранились челобитные на имя митрополита Павла от новокрещеных Павла Крупенина «с товарищи» (16 человек), перешедших в православие в 1755 г., с жалобой на татарского голову Сабанакова и бухарского старшину Алимова «…Восприяли мы, нижайшие, православную христианскую веру. А понеже на нас по восприятии святого крещения по происку и домогательству татарского головы Азбакея Сабанакова и, да бухарского старшины Муллы Алимова положен неумеренной ясак. А именно по 2 рубля в год. Которой они с нас спрашивают с немалою строгостию, …угрожают держать под караулом…» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.156, оп.2, д.265, л.3–3об.; Клюева, 2002, с.186–188]. В этой же челобитной гово-

рится: «При чем они, Сабанаков и Алимов, произносят и такие еще к поруганию христианской веры речи, что де хотя мы и крестились, а ис-под их власти не вышли, и что де хотят, то с нами новокрещеными, они и делают, и впредь делать будут» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.156, оп.2, д.265, л.3–3об.].

Таким образом, татары-мусульмане в Сибири оказывали упорное сопротивление насильственному крещению. В то же время нельзя не отметить, что этап «конфессионального захвата» в отношении сибирских татар в целом, и служилых татар, в частности, проходил гораздо мягче, чем в отношении служилых татар Поволжья, и менее успешно, чем в отношении языческих народов Сибири. В этот же период, как известно, проходила активная кампания по христианизации служилых татар в бывших Казанском и Касимовском ханствах. Политика насильственной христианизации в Поволжье была направлена на устранение инородческого служилого землевладения, на котором была основана социальная мощь татарской служилой аристократии [Степанов, 1964, с.55]. «Мягкость» же в отношении сибирско-татарского служилого сословия, на наш взгляд, была обусловлена рядом причин, и, прежде всего, тем, что в Сибири не сложилось дорусское служилое землевладение, отсутствовал класс феодалов-землевладельцев, который мог бы представлять реальную социальную силу. А также такими факторами, как сравнительная малочисленность служилых татар, необходимость для власти как социальной, так и военной поддержки татарской аристократии, значительная отдаленность от центра огромной по размерам сибирской вотчины, постоянная угроза ее отпадения, необходимость в татарской коннице в борьбе с «башкирцами и киргис-кайсаками» даже в XVIII в.

Русская колонизация также стала важным социально-политическим фактором, определившим дальнейшее экономическое развитие сибирских народов. На смену прежней системе отношений постепенно приходили новые, хотя в определенной степени, на первых порах, продолжавшие прежние традиции. Московское государство, будучи земледельческим и стремящимся внедрить земледелие на присоединенной территории, сыграло существенную роль в трансформации хозяйственно-культурного облика сибирских народов. Наиболее значительные изменения наблюдались в отношении феодальной верхушки бывшего Сибирского ханства. Феодальный слой Сибирского государства лишился своих господствовавших позиций, сравнительно немногочисленный контингент татарской военно-служилой знати был преобразован в служилое сословие. Происходили существенные изменения в хозяйственном укладе служилых татар.

Военно-служилая знать Сибирского ханства в период Тюменского и Сибирского ханств, вместе со своими улусными людьми, вела полукочевой образ жизни, что во многом сказалось на непрочности внутригосударственных отношений Сибирского юрта. Если в других татарских государствах (особенно Казанском ханстве) социальная мощь феодальной знати была основана на землевладении и связанной с ним военной службе хану, то в Сибирском юрте «землевладение» больше подразумевало под собой владение промысловыми угодьями, а также занятие военными набегами с целью обложения данью соседние племена.

Таким образом, вотчинные владения сибирско-татарской знати были основаны не на оседлом земледельческом хозяйстве, а на своеобразном синтезе полуоседлого скотоводческо-охотничье-земледельческого хозяйства. Думается, что во многом по этой причине проблемы, связанные с закреплением земельных владений и землепользованием, встали перед сибирско-татарской знатью уже с приходом в Сибирь русских.

Ситуация с сибирской татарской элитой в результате колонизации Москвой Сибирского ханства была несколько иная, чем в Поволжье. Прежняя татарская знать осталась на верхах аборигенного общества, однако, как верно заметил С.В. Бахрушин, «связь их с прежними улусами, которые они некогда возглавляли, порвалась» [Бахрушин, 1955б, с. 163]. Так, один из основателей известного рода служилых татар Кульма-

метевых – Келмамет, пришел на русскую службу, «оставя в отечестве своем вотчины и заводы» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.329, оп.13, д.7, л.98]. В другом документе сообщается о свидетельстве «в сыску 1333 человек старожилов, беломесных казаков и крестьян» о том, что земли, на которых был построены 9 русских острогов и слобод, «те земли и угодья были сибирского царя Кучума улусных людей; и после царя Кучума и взятья Сибири, исстари теми землями владели тобольские и тюменские служилые и ясачные татара для промыслов…» [Памятники, 1882, с.79–80].

Некоторые же «вотчинные» земли татарских «владельцов» к новым хозяевам переходили по поступным. Так, например, тобольский служилый татарин Бекмамет Кайдаулов в 1666 г. поступился митрополиту Устюга Великого Архангельского Пахому за тридцать рублей «на Исете реке своею вотчиною и пашенною землею и сенными покосы по речке Бешкиле с рыбными ловлями и всякими угодьями…» [РГАДА, ф.199, д.481, ч.6, л.57]. На приобретенных монастырем землях были поселены крестьяне.

Наградой для бывших сибирских мурз, теперь «лутчих людей», становилось сохранение привилегированного положения тарханов и выдача государева жалованья (денежного и хлебного). За это они и несли военную службу новому сюзерену – московскому государю.

С завоеванием Сибири становится актуальным вопрос о правовом закреплении земельных наделов и угодий.

С увеличением численности населения и становлением земледелия как одной из ведущих отраслей хозяйственной деятельности татар Прииртышья, проблема правового закрепления земельных наделов требовала решения. Поэтому можно говорить о том, что становление татарского служилого (и инородческого) земледержания происходило одновременно с формированием системы служилого землевладения в Сибири в целом.

На первых порах правительством держание земли служилыми людьми не регламентируется, хотя с самого начала государственная политика была направлена на то, чтобы служилых «в пашню вваживать, чтоб себе пашню пахали и впредь бы с Руси хлебных запасов посылати меньше» [История казачества, 1995, с.179]. Уже начиная с конца XVI в., в царских указах предписывалось выделять участки для хлебопашества прибывшим на постоянное жительство казакам и стрельцам. Подобной политики насаждения земледельческой практики правительство придерживалось и по отношению к инородческому населению. Так, узнав, что татары около Тюмени и в Табаре по р.Тавде занимаются пашней, Борис Годунов в 1599 г. назначил Тагильские юрты на пашню с тем, чтобы вместо ясака с них взимать хлебом «для казенных житниц». Однако татарам «пашня не полюбилась». Уже по вторичному прошению табаринские татары были освобождены от пашни и причислены в ясак, некоторые же из тюменских татар от новой повинности даже бежали в Исетскую степь [Словцов, 1838, с.2–21].

Естественно, что земельные и прочие наделы вновь прибывавшим русским казакам выделялись из земельных угодий, ранее принадлежавших татарам. Несмотря на то, что некоторые исследователи отмечают, что поселившиеся в Сибири «по указу» или «по прибору» казаки получали землю лишь «порозжую», т.е. «ту, относительно коей татары не могли показать фактическое пользование» [Андроников, 1911, с.3] и «местные власти при отводе пахотных и сенокосных угодий для русского населения стремились, по возможности, не затрагивать земельные интересы татар» [Бакиева, 2000, с.21–22], на деле возникали многочисленные споры по определению границ участков, самовольному захвату наделов и т.д. По наблюдению В.И. Шункова, если в начале XVII в. русские слободы и деревни находились в окружении огромных территорий ясачных волостей, то уже к концу XVII в. «...ясачные волости попали в окружение русских слобод» [Шунков, 1946, с.6]. Как отмечает Н.А. Томилов, процесс этот сопровождался со стороны русских захватом угодий. На Тоболе русские на промысловой территории та-

тар занимались охотой, собирали хмель, снимали орлиные гнезда, а зажиточные слободчики сгоняли татар с пашни, отнимали сено, ломали двери у юрт. В связи с этим, царскими властями не раз указывалось, что «...в монастыри русским служилым и никаким людям, и татарам и остякам никаких земель, и сенных покосов, и никаких угодий в вклад давати и продавати не велено» [Томилов, 1981, с.35]. Известны был случаи, когда в результате судебного разбирательства тюменским и тобольским татарам, а также бухарцам возвращали земли, занятые русскими. Продажа и аренда земли у татарского населения вплоть до начала XIX в. была запрещена. Тем не менее, процесс перераспределения земель между татарами и русскими продолжал развиваться. Около городов татары теряли свои угодья быстрее, чем в отдаленных местах. Особенностью заселения территории русскими, как отмечает Н.А. Балюк, является образование части русских поселений в местах, давно и прочно обжитых татарами. Так, русская деревня Карачинская расположилась близ Карачина городка, где находился улус думного советника Кучума. Близ юрт Буйдалинских, Медянских, Тоболтуринских, Турбинских возникали русские деревни: Медянская, Турбинская, Буйдалинская и др. Близ городка князя Бегиша уже в конце XVI в. русские переселенцы возводят Бегишевский погост. Подобные примеры можно привести по городкам князей Абалака, Аремзяна, где впоследствии были основаны русские деревни [Балюк, 1997, с.42].

Татары подавали многочисленные челобитные, в которых указывали на притеснения. Часто для защиты прав на свои земли служилые татары обращались непосредственно к верховной власти. В результате в начале XVIII в. «Высочайшими грамотами от великих князей царей и государей…» было предписано «живущим в деревнях вверх и вниз по Иртышу и Тоболу рекам домами тобольским служилым татарам владеть своими землями со всеми угодии, а русским людям никому в те их земли и во всякое угодие не вступать, и никаких обид им не чинить а которые живут в Тобольске под горою на нижнем посаде меж русскими людьми тем жить в тех же местах по-прежнему чтобы им от переводу лишней тягости и разорения не было» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.329, оп.13, д.7, л.103об.]. По уложению 1697 г. предписывалось «мурзам и татарам своих поместий не пустошить, и самим из тех своих поместий в иные города и в села и в деревни никуда не бегать, а жить в своих поместьях и вотчинах, и владеть им мурзам и татарам всякому своим поместьем, где кто испомещается по дачам» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.329, оп.13, д.24, л.2]. По правительственному указу 1708 г. определялось, что «буде кто владеть иноземческими землями хотя по каким указам и грамотам, или по каким крепостям и данным, и те все земли взять и отдать им иноземцам во владение по-прежнему» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.329, оп.13, д.24, л.2].

Таким образом, формально государство оберегало права на земли и угодья инородческого служилого и ясачного населения. Делалось это для того, чтобы «ясачных людей от государева жалованья не отгонять и тем бы их не оскорбить», и чтобы «нашеи государеве службы и подводные гонбы не отбыть» [Андроников, 1911, с.39, 56].

Согласно правительственным указам, вся земля за Уралом считалась собственностью государства. Как русских крестьян, так и сибирских инородцев закон рассматривал как «водворившихся» на казенных землях. Причем собственность государства была не номинальной. Верховная власть не только декларировала, что в «Московском государстве и в Сибири с земель служилые всякого чина служат Наши, Великого Государя, службы, а крестьяне пашут десятинные пашни и платят оброки, а даром землями никто не владеет» (указ 20 июня 1701 г.), но и на деле осуществляла права собственника. Условием владения землей у служилых людей было несение ими службы с одновременным лишением всего или части хлебного жалованья [История казачества, 1995, с.182].

Владение землей для служилых татар, как и для русского служилого сословия, осуществлялось на основании несения службы. Во многих документах, закреплявших

земельные права, подчеркивалась условность характера владения землей. Так, в них говорилось, что «дачи пожалованы предкам… служивым татарам от казны вместо хлебного жалованья и фуража» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.329, оп.13, д.7, л.279об.]. Государство закрепляло за служилыми татарами их «вотчинные земли и угодья», но одновременно оговаривало, что условием владения этими вотчинными землями является служба. Как отмечает И.Н. Андроников, «все обязанности покоренных по отношению к покорившей их Москве… заключались в «службе»: под видом ли обработки земли для пополнения царских житниц, под видом ли ясака, вносимого пушниною, а затем деньгами, или же, наконец, в виде действительной службы в царском войске» [Андроников, 1911, с.2–3].

Первые планы на сибирские земли были составлены правительственными органами еще в конце XVI – начале XVII вв. Границы землепользования определялись в ходе оформления писцовых и переписных книг, выписи из которых выдавались переписчиками на руки. При всех спорах на протяжении XVIII – начала XX вв., выписи служили для татар доказательством их прав на землю. Границы угодий обозначались в записях естественными урочищами: озерками, болотами, колками и т.д. Вплоть до XVIII – начала XIX вв. правительство рассматривало «данные» на татарские земли как документ, закрепляющий за землевладельцами право спокойного и прочного владения землей, которой до того времени владельцы эти пользовались фактически, по обычному праву, но без ограждения от посторонних притязаний правом формальным. «Данные» выдавались и на земли «порозшие», никем не занятые. В XVIII – начале XIX вв. правительство предоставляло татарам право свободного распоряжения занятыми землями. Земли татар считались «вотчинными», исстари состоявшими в их владении. Единственным ограничением в распоряжении татар землей было запрещение ее продажи русским. Между самими татарами никаких препятствий по купле-продаже, закладу земель правительство не ставило и акты на эти сделки совершались фактически беспрепятственно, однако при условии, что право на владение землей было закреплено «данными» [Андроников, 1911, с.58]. По указу Сибирской губернской канцелярии от 26 июля 1732 г. предписывалось: «впредь русским людям на татарских и других иноземцов землях на которых они живут и промысел имеют жить татарам и другим иноземцам таковые свои земли русским людям продавать запрещено» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.329, оп.13, д.24, л.2].

В конце XVI – начале XVII вв. официально фиксированные нормы отвода земель служилым людям отсутствовали, поэтому величина участков в хозяйствах служилых сильно варьировала. В первой половине 1620-х гг. в Западной Сибири она колебалась от 0,75 дес. до 121 дес. на один двор [История казачества, 1995, с.180]. Н.А. Балюк приводит сведения, что в среднем на двор русских служилых приходилось 15,7 дес. пашенных земель [Балюк, 2002, с.15].

Уже в начале XVII в., по реформам тобольского воеводы Ю.Я. Сулешева (1623–1625 гг.), служилое землевладение в значительной мере ставится под контроль властей. Земельные участки служилым людям стали отводиться, как правило, в размерах, которые соответствовали их хлебному окладу. В дальнейшем официальные нормы отвода земли уменьшаются. Так, в 1696 г. было предписано «сибирских городов служилым людям за хлебные оклады» отводить: дворянам и детям боярским – по 10 дес. пахотных угодий в одном поле (30 дес. в трех полях) и сенных покосов на 600 копен (что составляло около 30 дес.), конным казакам – по 6,5 дес. в поле и покосов на 200 копен. С 1732 г. по указу Сибирской губернской канцелярии конным казакам стали отводить надел пахотной земли в 5 дес., хотя на практике часто допускались отступления от установленных норм [История казачества, 1995, с.180].

Что касается служилых татар, то по «Дозорной книге г. Тары» (первая четверть XVII в.) можно наблюдать размеры земельных владений тарских служилых татар в

XVII в. [РГАДА, ф.214, оп.1, д.1182, л.284 об.–352 об.]. Размеры запашки, производимой тарскими служилыми татарами, были незначительными. В целом они не превышали 6 десятин (по 2 дес. в трех полях). Средний размер пашни, приходившийся на 1 двор служилых татар, был около 3 десятин. Все тарские служилые татары несли службу «с пашни» и получали только денежное жалованье. По данному делу также видно, что были нередки случаи завладения татарскими угодиями русскими казаками. Служилые направляли челобитные к царю с жалобами на причиненные обиды. Так, «тарские служилые татаровья Талайко Кучуков Копландейко Черегеев с товарищами… подали челобитную а в челобитной их написано с прошлых лет поле дедов и отцов своих владеют они татаровья пашенною и непашенною землею в межах подле речки Великую Кыртищу реке а по другую сторону с пашни казакам Миткою Косаревым и подле болота… А в нынешнем ж… году по челобитной Тарского отставного конного казака Анички Кузнецова отдана та их вышеписанная татарская земля ему Аничке без розыску…» [РГАДА, ф.214, оп.1, д.1182, л.349об.]. Часто прибегали к свидетельству однообщинников о владении землями «исстари», что и являлось основанием для дальнейшего владения угодьями. Так же было и в этом случае. В итоге «по указу великого государя…. велено вышеписанною пашенною и непашенною землею владеть служилым татарам Талайке Кучукову и Копландейке Черегееву с товарищи по-прежнему» [РГАДА, ф.214, оп.1, д.1182, л.349–350об.].

Пашенные угодья томских служилых татар были также небольшими. Размеры пашни, обрабатываемой томскими служилыми татарами Малой Байкульской волости, проживавших вверх на реке Томе на Черной речке, в XVII – начале XVIII в. в среднем были немногим больше 1 десятины на двор [Малиновский, 1999, с.449–456]. Томские служилые татары указывали, что владели своими угодьями они «без крепости», и с этих владений не платили в казну денежных и хлебных податей.

«Переписные книги» сына боярского Ф.Бовыкина 1672 г. позволяют рассмотреть размеры пашенных угодий в XVII в. тобольских служилых татар на примере татар юрт Турбинских, по которым видно, что на 1 хозяйство служилых татар юрт Турбинских Тобольского уезда приходилось в среднем по 5 десятин земельных угодий, из которых обрабатываемой пашни было 4,5 десятины. Средний размер возделываемой пашни захребетных татар юрт Турбинских составлял около 3 десятин. Кроме того, в совместном владении служилых и захребетных татар находилось более 30 десятин земельных угодий близ юрт Турбинских, которыми они владели «без крепости», а также многочисленные сенные угодья, которые также состояли в общем держании [Андроников, 1911, с.7–10].

В XVII в. происходят кардинальные изменения и в хозяйственном укладе сибирских татар. Эти изменения были связаны, прежде всего, с русской колонизацией Сибири и государственной ориентацией в целом хозяйства юга Сибири как земледельческого. Несмотря на то, что земледелие существовало у татар еще в дорусский период, оно не играло значительной роли в хозяйственном комплексе сибирских татар даже в благоприятных для земледелия южных районах. Татарское хозяйство в XVII в. продолжает оставаться многоукладным, но «в экономике нерусского населения Сибири земледелие принимает все более устойчивый характер» [Андроников, 1911, с.7–10]. В XVII в. начинает формироваться система инородческого земледержания, при которой верховным собственником земли выступает государство, дающее земли татарам либо «за службу», либо «за уплату ясака».

Таким образом, с конца XVI в. начинает формироваться государственная политика, направленная на политическую, административную, экономическую интеграцию вновь присоединенных сибирских территорий и татарского населения Сибири к Московскому государству.

§ 15. Историческое развитие татар в XVIII – начале XX вв.

Дамир Исхаков, Зайтуна Тычинских

Демографическая ситуация

Татарское население Западной Сибири, большинство которого в рассматриваемое время составляли сибирские татары, в XVIII – начале XX вв. продолжало жить в районах прежнего расселения, входя к концу XVIII в. в состав Тобольского, Тарского, Тюменского, Ялуторовского и Туринского уездов Тобольской, а также Томского и Каинского уездов Томской губернии. Динамика общей численности татар (включая и пришлых) в этом регионе в XVIII – начале XX в. представлена в таблице 1 (источники см.: [Исхаков, 1983]).

Приведенные данные свидетельствуют, что между 1719–1912 гг. численность татар Западной Сибири выросла в 3,4 раза, а среднегодовые темпы прироста в XVIII – начале XX вв. составили 0,5%. При этом в XVIII в. среднегодовые темпы прироста у этой группы равнялись 0,5%, составив в первой половине XIX в. меньшую цифру – 0,3%. В то же время во второй половине этого столетия они достигли 1,1%, что, видимо, является отражением миграции в Западную Сибирь значительной по численности группы татар из европейской России, нежели связано с ускорением естественного прироста численности собственно сибирских татар. Действительно, численность татар-переселенцев в этом регионе к концу XIX в. достигла 11,8 тыс. чел. (17% от общего числа татар Западной Сибири), достигнув к 1912 г. 13–13,6 тыс. чел. (по подсчетам Ф.Т. Валеева и Н.А. Томилова – 14,4 тыс. чел. [Валеев, Томилов, 1996, с.18]), тогда как коренных сибирских татар насчитывалось около 62 тыс. чел. В целом, в ситуации, когда татары-переселенцы уже в конце XIX в. проживали совместно в населенных пунктах сибирских татар и численность их росла, в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. создались весьма благоприятные условия для этнического смешения разных групп. В этой связи следует отметить и особое значение городского татарского населения данного региона.

Как видно из таблицы 1, городская группа у татар Западной Сибири особенно активно начала расти со второй половины XIX в. В XVIII в. городской слой татар в этом регионе еще был малочисленным – менее 0,5 тыс. чел., и состоял в основном из сибирских татар (татары-горожане были сосредоточены в Тобольске, Тюмени, Таре, Томске). Но уже с XVII в. в городах Тобольске и Томске появились и поволжские татары, к концу XVIII в. составили уже 1/4 татарского городского населения региона. В XIX в. численность горожан тут заметно выросла, а наиболее крупные группы городских татар к концу этого столетия жили в Томске (1,6 тыс.), Таре (0,6 тыс.), Тюмени (0,4 тыс.) и Тобольске (0,4 тыс.), причем существенная часть их были переселенцами из Европейской части России. Тенденция притока татар оттуда в города Западной Сибири к началу XX в. усилилась, в частности, к 1912 г. только в г.Томске уже насчитывалось 2,5 тыс.татар. В результате, при усилении в ходе развернувшейся в России во второй половине XIX в. модернизации всех сторон жизни, влияние города на сельскую периферию расширилось, а татары из Европейской России оказались проводниками городской культуры. Под их непосредственным влиянием в Томске в 1874 г. была открыта первая русско-татарская школа, в 1900 г. – вторая, в 1907 – третья, в 1909 г. здесь открылось первое женское татарское училище, а в 1910 г. – второе. В этих школах обучались не только дети горожан, но и сельчан, т.е. коренных сибирских татар, а преподавание велось на татарском литературном языке. В итоге, как отмечал А.П. Дульзон, система просвещения на литературном татарском способствовала «распространению у томских татар (т.е. сибирско-татарского населения – Д.И., З.Т.) татарского языка как литературного» [Дульзон, 1956, с.311]. Наряду с этническим и этнокультурным взаимодействием пришлых и местных татар в сель-

ских районах, процессы формирования новой национальной городской культуры способствовали консолидации разных групп татарского населения.

Таблица 1

Динамика численности татар в Западной Сибири в 1719–1912 гг.

Годы / Человек	1719	1762	1782	1795	1833	1857	1897	1912
Всего, тыс. чел.	23,6*	29,0	32,3	34–35,0	41,8	45,2	69,4	75,6
В том числе городское население, тыс. чел.	….	0,3	0,5	….	0,5	1,0	3,1	3,6**
Городское население, %		1,2	1,4		1,1	2,2	4,5	4,7

* Оценка. Для конца XVII в. численность сибирских татар определяется в 16,5 тыс. чел. [Валеев, Томилов, 1996, с.18].

** Сведения не полные.

В XVIII – начале XX вв. татарское население Западной Сибири подразделялось на такие категории, как ясачные, служилые татары, оброчные чувальщики и бухарцы. Деление на указанные группы определялось повинностями, которые должны были исполняться в отношении государства.

Основную массу сибирских татар составляли ясачные татары «ясаклы». Они несли перед государством повинности, состоявшие, прежде всего, в уплате ясака. В XVIII в. ясаком у сибирских татар облагались мужчины в возрасте от 18 до 50 лет. Старые, больные и увечные освобождались от ясака, хотя и числились в ясачном сословии. Кроме уплаты ясака, ясачным татарам приходилось также исполнять и другие повинности, в т.ч. «поминки», которые стали для татар добровольно-принудительным видом сборов [Бахрушин, 1955в, с.60]. Размеры окладов у сибирских татар в разных волостях не были одинаковыми. На протяжении XVIII – начала XX вв. менялись и формы податных платежей. В Тюменском уезде в первой половине XVIII в. ясак взимался частью деньгами, частью – пушниной. Так, согласно архивным документам первой половины XVIII в., было предписано собирать ясак с татарского населения «по рублю да мягкой рухлядью… с Бачкурской по 12 лисиц, с Терсяцкой волости по 3 лисицы по 40 белок, с Иленской – по 12 лисиц, с Шикчинской волости – по 14 лисиц». В случае «недобычи» мягкой рухляди власти предписывали покупать ее, хотя разрешали вносить ясак и деньгами. Уплату налогов пушниной сибирские татары воспринимали как одну из «инородческих» привилегий. Часть татар Тюменского уезда платила ясак хлебом. Во второй половине XVIII в. такой ясак в уезде платили 14 человек. На каждого плательщика был установлен ясак ячменем по 4 четверти и 4 четверика в год [Бакиева, 2003, с.99]. В целях улучшения сбора ясака была учреждена Ясачная комиссия, проводились пересчеты населения. Кроме уплаты ясака, сибирские татары несли ряд других повинностей. Сокращение количества пушного зверя в лесах в дальнейшем вынудило правительство взимать ясак вместо пушнины деньгами (по 2,5–3 руб. в год).

В результате проведенных в Сибири в 1822 г. реформ М.М. Сперанского, по «Уставу об инородцах» аборигенное население стало делиться на категории оседлых, кочевых и бродячих, ясачные татары были переведены в состав оседлых инородцев и приравнены в правах и обязанностях, кроме рекрутской повинности, к русским крестьянам. Оседлые инородцы были включены в состав государственных крестьян. Хотя в Западной Сибири татары продолжали называться ясачными вплоть до начала XX в.

Если до 1824 г. инородцы уплачивали ясачной подати по 1 руб. 50 коп. с души, то в связи с переводом их в разряд оседлых и с приравнением к русским крестьянам сумма

подати была увеличена до 11 руб. с души. Кроме того, они должны были платить за умерших после ревизии 1816 г. В среднем инородцы Тобольской губернии по исчислению Ясачной комиссии с 1824 г. вместо прежних 1 руб. 50 коп. должны были платить податей и земских повинностей примерно по 20 руб. с души [Валеев, 1993, с.56].



Бухарцы (из кн.: Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Т.VI. СПб.: изд-во картографического заведения А.Ильина, 1883)

Замена ясака податью была проведена в ходе работы Второй ясачной комиссии (1828–1831 гг.). Комиссия определила численность татарского населения, его хозяйственные занятия, примерный бюджет хозяйств в соответствии с волостями и т.д. В результате работы Комиссии в 1835 г. был издан именной указ «О податях с оседлых инородцев Западной Сибири», согласно которому правительство устанавливало постепенное включение «оседлых инородцев» по платежу податей в категорию крестьян. Для всех сибирских татар, кроме татар Эскалбинской волости, подушные и оброчные подати на 5-летие (с 1835 по 1840 гг.) были определены в половину крестьянского оклада, в последующее десятилетие татары должны были уплачивать 2/3 оклада и только с 1850 г. – полный крестьянский оклад. Для татар Эскалбинской волости Тобольского уезда, в связи с проживанием в особых природно-климатических условиях, не позволяющих заниматься земледелием, устанавливалась малая сумма податей в 80 коп. и земской повинности в 45 коп. с ревизской души. Непосильные подати и повинности приводили к разорению татарских крестьян. Ф.Т. Валеев приводит данные о том, что недоимки по татарским волостям Тобольской губернии достигли огромной суммы – 580364 руб. [Валеев, 1993, с.56]. Татарское население Тобольской губернии направляло многочисленные прошения с просьбой о переводе их из разряда оседлых в разряд кочевых инородцев в надежде освобождения от платежа подушной и оброчной податей.

Права раскладки и взимания податей власти предоставляли общине. Общая сумма каждой повинности распределялась между селениями каждой волости пропорционально имеющемуся у них числу ревизских душ. Сельские общества производили распределение податей по числу лиц мужского пола в возрасте от 15 до 50 лет. Кроме того, община при распределении податей учитывала состоятельность, хозяйственные возможности каждой семьи, освобождала от уплаты податей больных, увечных, стариков, частично – некоторых общинников, в т.ч. должностных лиц во время их службы, поскольку исполнение обязанностей выборных относилось к одному из видов натуральной повинности. В то же время община была ответственна за уплату общей суммы податей, приходившихся на ее членов. Таким образом, все члены общины были связаны круговой порукой в исправной уплате налогов, что в целом отвечало интересам как общины, так и государства [Бакиева, 2003, с.107–110].

В пользование общины государство также передавало земли, которые распределялись внутри общины. Распределение земли осуществлялось «чересполосно», т.е. семьям выделялось несколько участков земли в зависимости от плодородия почвы. Это делалось для того, чтобы каждая семья земледельцев имела в земельном отношении равные возможности. В пользовании общины также находились сенокосные угодья, рыболовные и охотничьи угодья, которые общинники между собой распределяли на собраниях.

В начале XVIII в. из потомков сибирских служилых татар были сформированы татарские казачьи команды – в гг.Тобольске, Тюмени, Таре и Томске. Тогда же были сделаны важные шаги по укреплению корпоративности татарского служилого сословия: по правительственным указам, направленным в ответ на прошения служилых татар, было определено «служилых татар и бухарцов в подушной оклад не класть и никакими мирскими службами не утеснять», а по грамоте 1736 г. «по прошениям тобольских служилых махометан» «детей их из ясашного платежа выключить с захребетными татарами не числить а приверствывать тех казачьих детей на выбылые места вместо умерших и престарелых» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.329, оп.13, д.7, л.96об.]. Также государственными указами 1705 г. и 1744 г. было предписано определять на «убылые места» служилых татар из их детей, братьев и племянников. В итоге формируется и утверждается определенная внутрисословная замкнутость служилых татар.

В течение XVIII в. татарские иррегулярные команды рассматриваются как казачьи подразделения. Происходит нивелирование внутри служилого татарского сословия и

постепенное уравнение его с положением рядового русского казачества. Большую роль в данном процессе сыграли два важных фактора – сооружение укрепленных пограничных линий и штатные реформы 1725 и 1736–1737 гг. В то же время окончательного слияния с казачеством не произошло благодаря обособленному положению служилого татарского сословия, прежде всего, в связи с конфессиональным фактором.

Во второй половине XVIII в. в Тобольской татарской команде по штату состояли 376 человек служилых татар и 253 человека их детей: 1 голова первого класса, 1 голова второго класса, 8 атаманов, 4 сотника, 1 писарь и 361 казак. В Тюмени на службе состояло 104 казака. Томскую казачью команду составляли 79 человек, из которых 1 старшина, 1 есаул и 77 казаков. В г. Таре к концу XVIII в. служилые татары уже не фиксируются [Тычинских, 2010, с.87].

Служилые татары выполняли поручения, связанные с конной службой. Они использовались в качестве гонцов, направлялись в военные походы в степь, на южных границах Сибири несли караульно-сторожевую службу, охраняли «по переменам» острожки в лесостепной полосе. Также из конных казаков составляли посольства для переговоров со степными феодалами, на них также возлагалась охрана миссий в Китай. В XVIII в. служилые татары выполняли дипломатические поручения. В числе прочих категорий служилого населения, служилые татары использовались при строительстве городов и острогов, а также в качестве рабочей силы. Казаки иррегулярных татарских команд стояли на караулах при тюремных острогах, у городских ворот, на крепостных башнях, у «зелейного погреба», различных административных зданий, направлялись в нижние земские суды уездных городов к городничим и частным комиссарам, к губернскому и уездному землемерам «для разных случающихся посылок», а также в Петропавловскую, Семипалатинскую, Омскую и другие таможни в толмачи. Кроме того, они сопровождали казенные грузы и партии ссыльных, выполняли полицейские функции. В начале XIX в. казаки татарских сотен использовались в основном «для содержания стражи и посылок» в земских судах гг. Кургана, Ишима, Ялуторовска, где «употребляются в разные городовые караулы», а также отправлялись в приграничные крепости в качестве переводчиков. Тобольские татары-казаки по-прежнему, как и в XVIII в., служили в полиции, казенной палате, при колодничьих делах, в земском суде (где используются для «разных посылок», содержания караулов, присмотра за казенными судами, препровождения колодников и т.д.), а также на прииртышских перевозах.

Важным событием, изменившим многие стороны жизни восточных окраин Российской империи, стала реформа 1819–1822 гг. М.М. Сперанского, которая включила в себя и «Устав о сибирских городовых казаках» 1822 г. Согласно Уставу, из городовых казаков были сформированы семь полков. В Западной Сибири находились Тобольский городовой шестисотенный полк, Сибирский татарский казачий полк (команды в Тобольске, Тюмени, Томске), Томский (команды в Томске, Кузнецке, Нарыме). В составе полков было по 5–6 сотен. Сибирский татарский полк располагался в Тобольской губернии. Первые три сотни находились в Тобольском округе. Сотенные их квартиры располагались в следующих юртах: Первой сотни – в Абызовских, Второй – Епанчинских, Третьей – Байгаринских; отдельные сотни в округах: Четвертая – в Ялуторовском, Пятая – в Тюменском и сотенные их квартиры располагались в указанных округах [Тычинских, 2010, с.107–108].

Со второй половины XIX в. служба татар-казаков все более приобретает полицейский характер. Казаки должны были осуществлять ночные разъезды в городах, наблюдать за казенными поселениями, препровождать ссыльных и составлять конную стражу на этапах, предупреждать и пресекать побеги, наблюдать за «благочинием» на сельских и инородческих ярмарках, выполнять функции квартальных надзирателей в малолюд-

ных городах и пр. И.Н. Юшков называл татар-казаков «родом ландмилиции» [Юшков, 1861, с.35–45].

В 1861 г. происходит новая реорганизация Сибирского казачества. Тобольский, Сибирский Татарский (Тобольский конный) и Томский полки были причислены к Сибирскому линейному войску. В июне 1868 г. выходит «Высочайше утвержденное» мнение Государственного Совета «об упразднении казачьих Тобольского конного полка, Тобольского пешего полубаталиона и Томского городового полка». В 1868 г. Сибирский татарский конный казачий полк был распущен. Казаки перешли в сословие крестьян. С этих пор они избрали своим местожительством те селения, из которых происходили.

Для облегчения перехода к новому образу жизни бывшие казаки при переводе в крестьянское сословие получали определенные льготы по уплате податей и рекрутской повинности, согласно распоряжению Государственного Совета. Отставные казаки были освобождены от платежа податей и от отбывания воинской повинности навсегда. Сыновья их, в зависимости от возраста, освобождались на период от 6 до 10 лет. У этих крестьян были земли, дарованные их предкам-казакам, и они владели ими почти всюду по общим с захребетными и ясачными татарами данным, но иногда имели и особые земли (есаульские казаки). Если казаки не имели земли, то ясачные татары, в юртах которых они селились, должны были им выделять крестьянский надел – по 15 десятин удобной земли на душу. Эта земля считалась уже казенной, и если род казаков вымирал, то земли переходили в казенное ведомство.

XIX в. стал последним, завершающим этапом в истории татарского казачества. Процесс по унификации служилых татар с сибирским казачеством завершается в результате реформ М.М. Сперанского. «Устав о городовых казаках» и «Устав об инородцах» уравняли татар-казаков в правах и обязанностях с русским казачеством. Была систематизирована выдача жалованья. Однако полной интеграции служилых татар в казачье сословие не произошло. На это повлияли как этнические, так и религиозные особенности татар-казаков, которые оставались мусульманами. В то же время наблюдается и общая тенденция к нивелированию служилого сословия с крестьянством. В этот процесс были включены и казаки-татары.

Ликвидация Сибирского татарского полка, произошедшая во второй половине XIX в., была связана, во-первых, с тем, что было создано Сибирское казачье войско, во-вторых, российские границы стали отодвигаться от пределов Западной Сибири все дальше на юг (присоединение Казахстана), и, в-третьих, происходило укрепление гражданской администрации, в том числе правоохранительных органов (многие функции которых ранее выполняли казаки). Таким образом, процесс по переводу бывших сибирских беков и мурз из военного в податное сословие занял более длительный временной отрезок, чем в бывшем Казанском ханстве. Этот процесс, несмотря на единый конечный результат, имел ряд особенностей. Сибирские служилые татары избежали этапа прямого «конфессионального» давления, вернее, он приобрел в их отношении несколько иные формы.

Во второй половине XVII – начале XX вв. одну из категорий татарского населения составляли оброчные чувальщики. Это наименование получили татары – выходцы из Поволжья, переселившиеся в Сибирь. Время их появления в Зауралье относится ко второй половине XVII в., и, по мнению исследователей, категорию оброчных чувальщиков составляла смешанная сибирско-поволжская татарская группа. Согласно Уставу 1822 г. «чистые» поволжско-приуральские татары-переселенцы оставались в сословии крестьян, а оброчные чувальщики вошли в состав «оседлых инородцев». В 1782 г. численность оброчных чувальщиков в Тобольском уезде составляла 359 человек (192 – мужчин и 167 – женщин). В Тобольском уезде оброчные чувальщики были выделены в особую волость. В 1839 г. в волости «Оброчных чувальщиков» Тобольского уезда про-

живало 709 человек, а в 1879 г. – 1390 человек. В Тюменском и Ялуторовском уездах пришлое татарское население в особые волости не выделялось. В ходе административной реформы 1910 г. волость «Оброчных чувальщиков» была расформирована, а ее население вошло в состав других волостей.

В течение XVII–XVIII вв. в Прииртышье возникают многочисленные поселения среднеазиатских переселенцев – бухарцев. Это – обобщающее название узбеков, таджиков, уйгуров и некоторых других народов, переселившихся из Средней Азии в районы Западной Сибири. Переселение бухарцев, начавшееся еще в период Сибирского ханства, активизировалось в XVI в. и продолжилось в течение XVIII–XIX вв. Бухарцы переселялись в Сибирь из-за более благоприятных (прежде всего в плане безопасности) условий жизни и из-за предоставляемых российским правительством льгот и привилегий. В конце XVI – начале XVII вв. данная группа имела возможность торговать беспошлинно, а с XVII по начало XVIII вв. – с уплатой двадцатой части пошлины. Они не несли ямскую повинность и имели право свободного передвижения по русским городам и слободам, были освобождены от тягла и оброков. В течение всего XVIII в. близость и возрастающая мощь Российской империи являлись притягательными для жителей Средней Азии. Так, в 1739–1740 гг. жители Ташкента и Бухары были готовы принять российское подданство, чтобы избавиться от нападений кочевников-калмыков. В одном из писем, датируемых 1740 г. на высочайшее имя, говорится: «...деды и прадеды наши и родственники, услыша к иностранным выходцом в Великороссийскую державу свободное принятие и высокооборонительную милость... вышли з домишками своими во Всероссийскую самодержавную область с прочими бухарцами доброжелательно в подданство в сибирские городы» [Клюева, 2002б].

Российское правительство регулировало процесс переселения сибирских бухарцев. Но это явление оставалось массовым, прежде всего, из-за льгот, предоставляемых переселенцам. Наиболее важный указ в отношении принятия подданства сибирскими бухарцами был принят в 1789 г. С этого года все желающие бухарцы и ташкентцы могли принять российское подданство, для чего должны были явиться к коменданту крепости, расположенной на Сибирской линии, и заявить об этом. У переселенцев оставалось право вернуться на родину. Желающий переселиться в Россию бухарец, приходя в крепость, подавал прошение в комендантскую канцелярию. Комендант крепости писал рапорт, к которому присовокуплял прошение бухарца.

Основными районами поселения бухарцев в Сибири были окрестности Тобольска, Тюмени и Тары. Одна из самых больших бухарских колоний находилась в г.Тобольске. По данным переписных книг, в конце XVII в. в Тобольске проживали 74 юртовских бухарца, 57 приезжих для торговли бухарцев. В 1736 г. в городе насчитывалось 92 двора татар и бухарцев, из них 51 двор бухарцев. Из общего числа татар Тобольска в 1782 г. 31 чел. (17 муж., 14 жен.) были ясачными. В 1811 г. в городе насчитывалось 45 бухарцев (27 муж., 18 жен.). Кроме самого Тобольска, бухарцы расселялись вокруг города. Так, в середине XIX в. бухарцы проживали в 47 населенных пунктах Тобольского округа. В основном они проживали совместно с ясачными и служилыми татарами, но были и собственно бухарские селения. Так, в Тобольском округе, это юрты Комаровские (Комарау) и Миримовские (Коллар). В окрестностях Тары, по данным Ф.Т. Валеева, бухарцы проживали в 13 населенных пунктах, из которых бухарскими были Себеляково, Речапово, Уленкуль, Каракуль, Аубаткан, Кумуслы и др. В Тюменском округе они жили также в 13 селениях. Бухарскими были села Ембаево (Малчин) и Тураево [Валеев, 1965, с.50–51]. Эти бухарские колонии в дальнейшем играли важную роль в укреплении позиций мусульманской религии в Сибири.

В 1701 г., после попытки отменить льготы, сибирские бухарцы получили право пользоваться сданными закладными, купленными землями и свободу от несения тягла

и служб. Последующие правители Российской империи, хотя и подтверждали льготы и привилегии бухарцев, пытались их ограничить. Большинства своих привилегий сибирские бухарцы лишились только в 30-е годы XIX в. Долгое время бухарцы-земледельцы имели льготы и не платили оброков с земель, не несли ямской повинности и т.д. По указу от 1834 г. все бухарцы, проживающие на территории Сибири и занимающиеся земледелием, приравнивались к оседлым сибирским инородцам и должны были вносить подушную подать с каждого дома по 10 рублей. На территории страны бухарцы могли торговать, только взяв торговое свидетельство, т.е. на общих основаниях с остальными российскими подданными.

В ответ на указ 1834 г. бухарская община Тобольского уезда подала рапорт в земской суд с выражением несогласия. Наибольшие возражения вызвало распоряжение об уплате подушной подати. «Хотя некоторые из Бухарцов согласно привилегиям пожалованныя и по крепостным актам в ихнем владении и имеют малозначительные земли и производят земледелие, но весьма малое, да и никаких выгод им не приносящее…». Бухарский старшина 14 класса Шихов в своем рапорте указывал также и на то обстоятельство, что «бухарское общество по правам и наклонности своей больше обыкли и занимаются … торгами, приносящими государству немаловажные пошлинные доходы. Каковые их промыслы и торговля не стесняется, и никакому другому обществу подрыв не делает. А самих бухарцов не богатеет, а только доставляет им нужное с семействами содержание» [Клюева, 2002а]. Можно отметить, что торговля в качестве основного занятия сибирских бухарцев не утратила свое значение и в XIX в. Бухарские общины владели незначительным количеством земли, в связи с чем земледелие у них являлось только вспомогательным занятием.

Совместное проживание бухарцев и сибирских татар сопровождалось тесными экономическими и торговыми связями. Вместе с сибирскими бухарцами в одних караванах и обозах отправлялись по торговым путям местные татары, которые часто ездили в города Средней Азии, Казахстана и вместе с бухарцами в некоторых из них имели небольшие торговые колонии. В результате контактов заключались смешанные браки между сибирскими бухарцами и татарами, укреплялись семейно-брачные отношения в целом. По мнению Н.А. Томилова, в последней четверти XVIII в. более пятой части всех браков сибирских татар было заключено с бухарцами [Томилов, 1993]. Этническое смешение с коренными сибирскими татарами приводило к их слиянию в общем составе татар Западной Сибири. Наблюдались отдельные случаи перехода бухарцев в группы сибирских татар.

Бухарцы способствовали распространению и укреплению ислама среди сибирских татар. Они открывали мусульманские начальные школы при мечетях и средние школы (медресе), обучали детей, благодаря чему повышался уровень грамотности и образованности сибирских татар.

В середине XIX в. численность бухарцев составила 9051 чел., из них в Тюменском округе – 2705, в Тарском – 3074 и в Тобольском – 3272 чел. По данным переписи 1897 г. численность сибирских бухарцев составляла в Тобольской губернии 11307 чел., в Томской – 294 чел. Общая численность бухарцев в Западной Сибири составила 11601 чел. Из них в городах проживали 454, а в селениях – 11147 чел. К концу XIX в. численность бухарцев значительно возросла, но основными центрами проживания по-прежнему остаются районы Тюмени, Тобольска и Тары. Бухарцы составляли значительную часть мусульманского населения региона. Для сравнения – по статистическим данным за 1868–1869 гг. общая численность татарского населения Тобольской губернии составляла 37153 чел. Таким образом, во второй половине XIX столетия бухарцы составили около четверти тюркоязычного мусульманского населения Тобольской губернии. Такие же соотношения остаются и в первой четверти XX в. Таким образом, в составе тюркоязычного сибирского населения бухарцы составили особую группу.

Несмотря на наличие в составе сибирско-татарской феодальной знати значительного числа татарских беков и мурз в Западной Сибири, к дворянскому сословию, по имеющимся сведениям, можно отнести лишь род Кульмаметевых. Длительное время, с конца XVII по начало XIX вв., представители этого рода состояли головами тобольских служилых татар. Одним из первых был Авазбакей Кульмаметев, который уже со второй половины XVII в. находился на государевой службе. В 1692 г. тобольским воеводой Степаном Салтыковым юртовский служилый татарин Авазбакей Кулмаметев был назначен на должность головы тобольских служилых и захребетных татар. Род Кульмаметевых, возглавивший тобольских служилых татар, пользовался исключительной поддержкой правительства. Уже в начале XVIII в. Кульмаметевым удалось закрепить за своим родом должность головы как наследственную, а также стать «жалованными» старшинами, в функции которых входили сбор ясака, судебные разбирательства, «чинение расправы», а также защита татар от различных притеснений. В 1784 г. татарские мурзы частично получили права российского дворянства. Сибирские мурзы Кульмаметевы также направляли прошения в Петербург о пожаловании дворянства, указывая в них на свои многочисленные заслуги. 25 апреля 1796 г. «жалованной грамотой» императрицы Екатерины II род татарских мурз Кульмаметевых был причислен к российскому дворянскому сословию [РГИА, ф.1286, оп.2, д.347, л.1].

Начиная с эпохи реформ Петра I, вся первая половина XVIII в. характеризовалась в России резким ухудшением социально-экономического положения податного населения страны, усугубленным у нерусских народов попытками их массовой христианизации, особенно жесткие формы приобретшей в Среднем Поволжье [История Татарской АССР, 1968, с.134–135]. Эта политика, направленная на изменение этнорелигиозной идентичности мусульманских народов Волго-Уральского и Западно-Сибирского регионов, приобретала разные формы – от насильственной христианизации татар в Поволжье до уничтожения их культовых сооружений, что было характерно и для Западной Сибири, о чем свидетельствуют данные, присланные в Сенат в 1756 г.: к этому времени в Казани и Казанском уезде из 536 мечетей были сломлены 418, в Астрахани и Астраханском уезде из 40 мечетей – 29, в Тобольске, Тарске и их уездах из 133 мечетей оказались разрушенными 98 [История Татарии, 1937, с.152]. Но, несмотря на все усилия имперских властей, по отношению к татарскому и башкирскому населению, поставленные цели не были достигнуты – изменить конфессиональную принадлежность этих народов в большинстве случаев не удалось, они остались верны вере своих предков. Зато в ответ на свою крайне не продуманную политику правящие круги России получили не только массовые восстания (татаро-башкирские восстания), но и активнейшее участие мусульманских народов в крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева 1773–1775 гг., потрясшей все основы империи. Одним из ответов татар-мусульман на попытку обратить их в христианство стала внутренняя их консолидация на основе осознания ими своих общеэтнических интересов в своеобразной «мусульманской» оболочке [Исхаков, 1997, с.68–69]. По существу, с конца XVIII в. развернулись процессы становления татар как «мусульманской» нации, у которой начала складываться своя интеллектуальная элита, приступившая к выработке адекватной времени идентичности на основе разработки богословской мысли, исторических трудов. Во главе этих процессов встали мусульманские духовные лица с 1788 г., оказавшиеся в подчинении вновь учрежденного «Оренбургского Магометанского Духовного собрания», включившего в сферу своего влияния и татарское население Западной Сибири. Можно говорить о том, что к концу XVIII в. практически завершился период деконсолидации татарской этнической общности, начавшийся с завоевания во второй половине XVI в. татарских ханств. Новый этап истории, как для татар Волго-Уральского, так и Западно-Сибирского регионов был связан с процессами этнокультурного развития, формирования этноконфессионального самосознания на основе

ислама. Он занял довольно длительный период, и зримые ее результаты стали видны лишь в начале XX в.

Система управления и структура

«Инородческие» волости в Западной Сибири начали создаваться после присоединения ее к Русскому государству. При этом царское правительство с самого начала стремилось использовать аборигенную администрацию в целях увеличения поступления ясака и других сборов в казну. Для образования татарских волостей использовалась прежняя, существовавшая еще в Сибирском ханстве, административно-территориальная система, включавшая племенные группы и крупные роды. Волости сибирских татар обычно соответствовали прежним этнотерриториальным группам. Распределение населения по волостям было неравномерным. Оно могло варьироваться в сер. XVIII в. от 7 до 1289 чел.

До введения в Западной Сибири «Устава об управлении инородцев», сибирские татары и бухарцы управлялись своими старшинами, подчиненными органам местной царской администрации. По Уставу сибирские «инородцы» были разделены на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. К разряду оседлых, наряду с некоторыми другими народами Сибири, были отнесены сибирские татары и бухарцы [Валеев, 1993, с.56]. Согласно «Уставу об управлении инородцев» должны были создаваться их волостные управления, но процесс организационного оформления затянулся. Татарские и бухарские волости в округах Тобольской губернии были организованы в основном только в 1830-х гг.

Татарские волости с населенными пунктами располагались среди русских волостей. Административное деление «инородческих» волостей было крайне запутанным. Особенно сложной была структура бухарских волостей. В отличие от татарских, их волости в Сибири представляли собой лишь административные, а не территориальные единицы. Сибирские бухарцы царским правительством рассматривались как потомки иностранцев, добровольно переселившихся из Средней Азии, и формально не имели права на пользование надельной казенной землей. Бухарцы проживали в татарских аулах совместно с другими категориями татарского населения и с согласия общества пользовались там земельными наделами, а в административном отношении числились в своей бухарской волости, не имевшей компактной территории. В результате получалось, что население проживало в разных татарских волостях, что создавало значительные сложности для управления населением, для сбора с бухарцев податей и привлечения их для выполнения разных повинностей. В последующие после административной реформы десятилетия татарские волости создавались и функционировали на основе соответствующих положений, существовавших в Российской империи.

Управление татарскими волостями осуществляли волостные старшины. Для занятия должности старшины волостного правления формально требовался «приговор» того или иного татарского общества. На деле местные органы власти утверждали на должность старшины только «лучших людей». Срок службы старшин был установлен такой же, как и в русских волостях, т.е. один год. По истечении данного срока должны были проходить перевыборы. Однако на деле старшины оставались на своих местах по много лет [Валеев, 1993, с.57–58].

Главная обязанность старшин и сельских старост состояла в исправном сборе с населения ясака, позже – подушной подати и других сборов. Старшины также были должны надзирать за выполнением натуральных повинностей. Кроме того, они обязаны были наблюдать за общественным порядком, разбирать мелкие ссоры татар, дела о нарушении взаимных договоров и т.д. Более важные вопросы и уголовные дела рассматривались соответствующими судебными инстанциями на основании законов Российской империи. По жалобе истца старшина приглашал в волостное правление ответчика для устного оправдания. Если старшине удавалось установить виновность ответчика, то последний обязан был немедленно удовлетворить требование истца. Уклонение от вы-

полнения решения старшины рассматривалось как серьезное преступление и виновный наказывался «шелепами», т.е. ударами плетьми по спине виновного. Наказание осуществлялось публично [Валеев, 1993, с.60–61]. Волостные старшины при разборе гражданских дел, входящих в их компетенцию, руководствовались обычным правом (адат) сибирских татар, имеющим много общего с обычным правом других тюркских народов. Обычное право тесно переплеталось с шариатом, совокупностью юридических и религиозных норм, основанных на правилах ислама.

Особенностью административной деятельности татарских волостных правлений являлась их тесная связь с местным мусульманским духовенством. При рассмотрении важных дел старшины приглашали авторитетных и влиятельных представителей духовенства. Дела, связанные с нарушением установлений ислама (вероотступничество, богохульство, поношение Корана), а также бракоразводные дела, дела о разделе наследства и некоторые другие почти полностью находились в компетенции духовенства.

Во второй половине XIX в. должностными лицами татарских волостей являлись голова и два его заместителя (кандидаты в головы). При каждой волостной управе состоял русский писарь. Волостной голова и его заместители в рассматриваемый период формально избирались на трехлетний срок на волостном сходе. Должностные лица правлений на период исполнения своих обязанностей по закону освобождались от телесного наказания, от исправления земских и мирских работ. Жалованье должностным лицам, а также расходы на отопление, освещение, канцелярские расходы и наем сторожа относились за счет общественного сбора, предусмотренного уставом о земских повинностях. Волостные управы через сельских старост осуществляли контроль за своевременной уплатой населением установленных податей и выполнением разных повинностей, следили за выполнением распоряжений и указаний вышестоящего начальства, выдавали увольнительные свидетельства татарам при их отлучке из мест постоянного жительства, рассматривали прошения лиц, желающих переселиться в другое место, руководили деятельностью сельских старост [Валеев, 1993, с.57].

Сельские старосты избирались на сельских сходках аулов. Староста принадлежал к самому низшему звену в административном управлении населением. Он собирал сходки для обсуждения текущих вопросов, например, по переделу общинных пахотных земель, сенокосных угодий, по сбору податей и следили за выполнением населением аула земских повинностей и т.д. В конце XIX – начале XX вв. при татарских волостях Тобольской губернии формально существовали волостные суды (расправы), однако членами в них состояли в основном должностные лица тех же волостных правлений, т.е. голова, два кандидата и писарь. Одним из путей обеспечения сбора податей с татар и выполнения ими разных повинностей власть видела упразднение «инородческих» волостей.

В 1910 г. была проведена административная реформа, которая во многом изменила волостное устройство сибирских татар. В основу разграничения волостей был положен территориальный принцип. Если до реформы волости были сословно однородными, то по новому положению волости объединяли татар, оброчных чувальщиков, бухарцев и бывших служилых татар, которые раньше относились к своим особым волостям. В Тобольском округе упразднялась волость Оброчных чувальщиков, а также Бухарская Тюменского и Тобольского округов, а жители их причислялись к тем волостям, на территории которых проживали. В Тарском округе Бухарская волость оставалась, но в нее входили как бухарцы, так и татары.

Татарские волости существовали в Тобольском, Тюменском и Тарском уездах до середины 1917 г. По постановлению Временного правительства от 17 июня 1917 г. в Сибири на территориях бывших татарских и бухарских волостей были образованы земские управы, которые в 1919 г. были упразднены.

Система управления служилыми татарами в XVIII–XIX вв. имела свои особенности, связанные с характером службы данной категории сибирских татар. Общая система управления ими практически не отличалась от системы управления другими подразделениями казачества. Всеми «иррегулярными войсками» ведал Сибирский приказ, который являлся на протяжении длительного периода центральной властью для казаков. В XVIII в. ступенью ниже стояли губернатор и губернская канцелярия. Казаки получали жалованье из доходов Сибирского приказа. Там же разрабатывались штатные расписания, туда стекалась вся необходимая информация. После ликвидации Сибирского приказа казаки были переданы в ведение Военной коллегии.

Непосредственное управление служилыми татарами осуществляли головы и атаманы. Головы при вступлении на должность получали «наказные памяти», составленные на основе воеводских наказов. Они должны были контролировать подведомственных им казаков, как в военных походах, так и в повседневной жизни. Обязанности татарского головы мало отличались от функций других голов. Они командовали служилыми татарами во время военных походов и «ведали» ими в мирное время. Татарский голова должен был вести послужные списки служилых и захребетных татар, «удерживать татар от обид русским», а татар «от русских и от всяких людей оберегать...», также ему принадлежали суд и расправа над вверенными ему татарами, кроме «великих судных спорных дел» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.329, оп.13, д.7]. В конце XVI – XVII вв. татарский голова имел свой штат помощников: толмача, подъячего, даньщика татарского, приставов и получал очень высокое, по тем временам жалованье, составлявшее 30 руб. деньгами и по 30 четей ржи и овса. На должность татарского головы назначали кого-либо из «лучших людей» аборигенного населения. Длительное время, с конца XVII по начало XIX вв., головами тобольских служилых татар состояли представители рода Кульмаметевых.

По штатному расписанию 1725 г. для управления тобольскими служилыми и подгородными ясачными татарами были утверждены 2 головы – голова служилых татар и голова ясачных татар. По расписанию Сибирского приказа 1737 г. голове служилых татар было положено жалованья «денежного 23 рубли, хлеба ржи 8 четвертей с осминою и полчетверика и полполчетверика овса...», голова второго класса получал «денежного 16 рублей ржи... овса тож число соли 4 пуда» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.341, оп.1, д.142, л.45–70].

В XVIII в. у татарских голов были следующие обязанности. Как управляющие казачьей из магометан командой, они должны были следить за тем, чтобы подведомственные им казаки были «приведены к знанию соответствующей им службы в надлежащий порядок». По прошествии каждого года татарские головы должны были подавать формулярные списки с показанием «всех состоящих в команде его казаков» тобольскому гражданскому губернатору, в конце каждого месяца месячные ведомости о состоянии команды, а также рапорты и именные списки о «посылаемых на смену в карауле казаках в разные при городе места…» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.329, оп.13, д.7, л.98]. Кроме того, татарские головы должны были «наблюдать» за живущими по разным селениям ясачными татарами и отставными казаками. В обязанности головы 2 класса входил сбор с ясачных татар в установленные по временам года сроки положенного ясака. Этот собранный ясак должен был поступать в уездное казначейство. По требованиям частных комиссаров Тобольской округи необходимо было ежегодно доставлять к ним по формам ведомости «о посеве и урожае хлебов у производящих хлебопашество под ведомством головы состоящих служилых отставных казаков и ясашных магометан, также и единовременных по форме обо всех подробно ясашных повинностях несомых ими ...годовые о скотоводстве». По-прежнему татарский голова, совместно с частными комиссарами или единолично, занимался разбором возникающих ссор, распрь и «всякого рода следственных дел» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.329, оп.13, д.7, л.101].



М.К. Кульмаметьев.
Отставной служилый татарин.
Рисунок. Начало XXI в.

С 1770 г. распоряжением сибирского губернатора за мурзами Кульмаметевыми закрепилось право определять представителей своего клана как головами, так атаманами и сотниками иррегулярного татарского полка. В «Ведомостях о состоящих в тобольской иррегулярной из магометан казачьей команде» от 1807 г. головами названы Сабанак и его сын Рахматулла Кульмаметевы, атаманами и поручиками братья Сабанака – Юсуп, Муса и Ильяс, а также Келмамет, сын Исматуллы, а сотниками и подпоручиками Иса Кульмаметев и Шафи Кульмаметев. Известно, что на татарских казачьих голов была возложена обязанность вершить «суд и расправу» над вверенными им служилыми, ясачными и захребетными татарами. Причем суд вершился по обычному праву, тесно связанному у татар с правилами шариата.

Активная политика клана мурз Кульмаметевых была направлена на устранение возможных соперников и сохранение своих привилегий. Кульмаметевы прочно удерживали свои позиции и вплоть до первой четверти XIX в. занимали должности татарских голов, а во второй половине XVIII в. даже закрепили их как наследственные. Но с начала XIX вв. в связи с притоком в Сибирь огромного числа русских переселенцев и окончательной колонизацией Сибири местная администрации приступает к ограничению власти Кульмаметевых. В 1811 г. мурза Сабанак Кульмаметев был отстранен от должности головы. Поводом для этого послужили служебные злоупотребления бывшего татарского головы [РГИА, ф.1286, оп.2, д.347, л.11–12; Тычинских, 2010, с.123–124].

Таким образом, на протяжении длительного времени – с конца XVI по начало XIX вв. существовал особый институт татарских голов, который в период колонизации

сыграл исключительно важную роль. Кульмаметевы, наряду с прочими аборигенными старшинами и князцами, оставаясь органичным, неотъемлемым элементом системы традиционного властвования в XVII – начале XIX вв., стали важным инструментом для управления русской администрацией местным населением. В первой половине XIX в. Кульмаметевыми утрачивается их прежнее социальное положение. Однако, оставаясь на высоких казачьих должностях, они еще долгое время продолжали сосредотачивать в руках своего семейства власть над тобольскими служилыми людьми. Дело Кульмаметевых и отстранение мурз Кульмаметевых от должности знаменовало завершение функционирования прежней системы традиционного управления татарским населением. Окончательное оформление оно приобрело в связи с реформами М.М. Сперанского.

В июле 1822 г. вступил в силу Устав о городовых казаках Сибири. Положениями Устава войскам придавалось более однообразное устройство, унифицировался порядок управления ими. Устав, оформивший переход их к полковой системе организации, закрепил подчиненность полков гражданским губернаторам. Непосредственное руководство полками возлагалось на полкового атамана, которого в должности утверждало губернское начальство.

Положения «Устава о сибирских городовых казаках» и «Устава об инородцах» приводят к дальнейшей унификации прав и обязанностей русских казаков и казаков-татар. После реформы 1822 г. должности голов, в том числе и татарских, были упразднены. Во главе Сибирского татарского полка встают атаманы, которые назначались уже из русских офицеров, а не из представителей местного населения. Завершился этот этап упразднением в конце 60-х гг. XIX в. Татарского казачьего полка.

В 1736 г. в Тобольске из 3105 дворов насчитывалось 92 двора татар и бухарцев, из них 1 двор татарского головы, 16 дворов служилых татар, 27 дворов ясачных татар и 51 двор бухарцев. В 1782 г. было зафиксировано 98 ревизских душ инородцев и 151 ревизская душа новокрещеных, большинство из которых были также татарами и их потомками. Из общего числа татар Тобольска в 1782 г. 31 человек были ясачными. В 1816 г. ясачных татар городе насчитывалось 23 человека, были 45 бухарцев, а также 134 татарина татарской казачьей команды, среди них 1 офицер, 1 старшина, 71 казак и 61 детей казачьих.

Тарские татары в XVII в. в самом городе Таре практически не жили. В 1698 г. по списку татар в Таре были записаны только 2 казанских татарина, проживавших у бухарцев. В конце 30-х гг. XVIII в., по данным М.М. Громыко, в Таре жили 2 служилых татарина, 6 ясачных татар и 23 бухарца. В 1782 г. здесь татар числилось уже 33 человека, а в 1816 г. – 72 чел. записанных ясачными татарами, при них 2 дворовых человека и 83 бухарца.

В г. Томске в 1824 г. городских татар и бухарцев считалось 164 человека. Накануне перевода местных татар в состав «оседлых инородцев» по реформе М.М. Сперанского в Томске существовала татарская казачья команда, включавшая 1 старшину, 19 казаков, 20 казачьих детей и 14 отставных и не служивших татар. Все татары Томской команды жили непосредственно в самом городе. В общей сложности вместе с женами и детьми их насчитывалось примерно около 90–100 чел. В 1730–1740-х гг., видимо, стабильной была цифра всех служилых татар в Томске – 77 чел.

Эпоха буржуазных реформ в России второй половине XIX в. оказала существенное влияние на все татарское население страны, в том числе и на живших в Западной Сибири. Общие итоги изменений, происшедших в результате модернизации, охватившей в этот период все российское общество, применительно к татарским группам изучаемого региона, можно увидеть по материалам переписи 1897 г. (детальнее в методике подсчетов см.: [История татар, 2013, с.55–58]). Для их анализа обратимся к данным таблиц 2 и 3.

Таблица 2

Распределение татар Западной Сибири по сословным группам, 1897 г., %

Сословные группы	Сводные данные по Тобольской и Томской губерниям
Дворяне	0,11
Почетные горожане	0,03
Купцы	0,05
Мещане	0,82
Крестьяне и казаки	98,89*
Прочие	0,09

* В единую группу были объединены сведения по татарам-инородцам, т.е. по собственно сибирским татарам, татарам-крестьянам (переселенцам) и казакам.

Как видно из представленных выше сведений, абсолютное большинство татарского населения Западной Сибири к концу XIX в. относилось еще к крестьянскому сословию. Тем не менее, в регионе уже имелись купцы и мещане из татар, почетные горожане из них же, а также небольшая по численности группа дворян (из бывших служилых татар).

Теперь обратимся к рассмотрению распределения татарского населения этого региона по группам занятости, что даст более детализированную информацию о социально-профессиональной принадлежности изучаемой части российских татар (табл. 3).

Таблица 3

Распределение татар Западной Сибири по сфере занятости, %

Сферы занятости	Губернии	
	Тобольская	Томская
Сельское хозяйство	72,78	82,59
Перерабатывающая отрасль	4,87	6,06
Торговля	2,89	1,49
Сфера услуг	1,66	0,8
Прислуги и поденщики	10,33	5,82
Прочие	6,47	3,24

По имеющимся данным мы можем сказать, что около 3/4 татар Западной Сибири к концу XIX в. были заняты в сельском хозяйстве, тогда как в перерабатывающей отрасли (промышленность, ремесло, кустарное производство) они были представлены еще слабо, но такое же положение было характерно и для Волго-Уральского региона [История татар, 2013, с.57]. Некоторые отличия имелись между татарским населением двух регионов лишь по доле занятых в торговле и сфере услуг – среди татар Западной Сибири доля их была меньше, впрочем, близкие показатели имели и татары-мишары западных губерний. В целом заметно, что у татарского населения Тобольской и Томской губерний к концу XIX в. уже образовалась устойчивая группа занятых в сфере торговли и услуг, а также в сфере наемного труда (поденщики, прислуга, перерабатывающая отрасль), что является показателем его постепенного втягивания в капиталистическую экономику. Поэтому, сибирско-татарские группы не могли оставаться вне процессов, отраженных со становлением в России буржуазной действительности во второй половине XIX – начале XX вв., когда среди татар развернулись нациеобразовательные процессы.



Тобольские татары. 1917 г. Фото из личного архива Р.С. Кутумовой

Пореформенный период в России характеризуется быстрым развитием отечественной промышленности и дальнейшим формированием всероссийского рынка. Эти процессы не обошли и Сибирь. В налаживании и укреплении экономических связей между регионами Российского государства, в формировании всероссийского рынка ключевая роль принадлежала сети ярмарок, на долю которых в XVIII–XIX вв. приходилась основная часть торгового оборота.

В условиях натурального хозяйства наиболее рациональной формой выступала временная, периодическая торговля, осуществляемая через сеть ярмарок (для оптовых продаж) и базары (для розничной торговли). В силу обширности территории страны торговля изначально приобрела трансконтинентальный характер. Слабое развитие городов, плохое состояние путей сообщения, отсутствие железной дороги предопределили исключительно важную роль ярмарочной торговли в России. Практически в каждой губернии ежегодно открывались и проводились одна или несколько ярмарок, выполнявших роль региональных центров оптовой торговли. Помимо них в уездных городах и селениях действовало множество базаров.

В первой половине XIX в. по динамике развития товарооборота в России первое место принадлежало Ирбитской ярмарке, ставшей в середине XIX в. второй по значимости после Нижегородской. Ирбит играл роль крупного посредника в товарообмене между Европейской Россией и Сибирью. Здесь велась оживленная торговля товарами из Восточной Сибири (пушнина, чай), из Западной Сибири (сырые кожи, овчина, сало, рыба, масло), из Европейской России (мануфактура, галантерея, кожевенные, металлические изделия, сахар и пр.). В 1844 г. была учреждена Тюменская ярмарка, ставшая излюблен-

ным местом коммерческих операций местных татар и бухарцев. В 1884 г. в Тобольской губернии насчитывалось 72 ярмарки. Самыми крупными в местах проживания татарского населения были Ирбитская, Тюменская, Тобольская, Томская, Ембаевская и др. Отличительной чертой татарского предпринимательства была мелкая торговля, которой занималась значительная часть населения. На базарах и ярмарках в гг. Тобольске, Тюмени, Таре, Омске, Ишиме и других местах татары подавали живой скот, дрова, сено, лошадиные и коровьи шкуры, мясо, сало и другие продукты животноводства, рыбу, орехи, ягоды, изделии кустарного производства (мочала, рогожи, деревянные кадушки, бочки, сани и т.д.). Важное место в торговле занимала пушнина. Часть татар занимались развозной и разносной торговлей. В основном торговля осуществлялась в пределах волости, уезда. Сибирское село постепенно втягивалось в систему общероссийского рынка.

В татарских селениях существовали бакалейные лавки и редко – мануфактурные. В 1908 г. в пяти «инородческих» волостях Тюменского уезда существовало 58 мелких торговых предприятий с общим оборотом 755700 руб. В юртах Карбанских ежегодно в августе происходила ярмарка, оборот которой доходил до 100 000 рублей. В Тобольском уезде в это же время количество торговых предприятий татар, включая разносную и развозную торговлю, составляло 164. В «инородческих» волостях Тарского уезда в 1908 г. насчитывалось 40 торговых заведений (лавок) с общим оборотом 46 900 руб.

В 1850–1860-х гг. в татарских волостях Тобольской губернии существовали кожевенные предприятия с применением наемного труда, в официальных документах называвшиеся заводами. Владельцами таких «заводов» кустарного типа были купцы из сибирских татар и бухарцев. В Таре такой завод принадлежал купцу Абдул-Фаттаху Айтикину. В течение 1852 г. на этом заводе было выделано 3000 кож на сумму 7200 руб. Весь производственный процесс осуществлялся шестью наемными рабочими из русских. Готовые изделия Айтикиными вывозились на внутренний рынок, а также за границу. В 1860-х гг. Р.Айтикин имел кожевенные заводы в Павлодаре. Тюменские жители И.Матьяров, Х.Юсупов, М.Муслимов – в юртах Матьяровских. И.Баязитов имел в Павлодаре салотопенный завод. В 1880-х гг. кустарное предприятие по изготовлению меховых рукавиц из козлиных и оленьих шкур держал Х.Тушаков в ю.Миримовских Тобольского уезда. На его предприятии работали 7 наемных рабочих. Годовой оборот предприятия составлял около 5000 руб. В 1910–1912 гг. в Миримовских и Кызылбаевских юртах вырабатывалось до 200 тыс. пар рукавиц в год. Среди татар и бухарцев Тобольской губернии встречались и крупные торговцы, занимавшиеся как внутренней, так и заграничной торговлей. Большинство из них принадлежало к потомкам сибирских торговых бухарцев. Наиболее видными среди них были Сейдуковы (с.Ембаево, Тюменский уезд), Айтикины (г.Тара), Ченбаевы, Тушаковы (г.Тобольск) и др. [Валеев. 1993, с.89].

Родоначальником торговцев Сейдуковых был Карымшак Сейдуков. В молодости он служил приказчиком, но впоследствии завел собственную торговлю галантерейными товарами и скобяными изделиями с казахами. Там он скупал шкуры домашних животных, конский волос, баранье сало, шерсть, которые вывозил на Ирбитскую ярмарку. Благодаря удачной торговле, он за относительно короткое время стал одним из самых богатых купцов губернии. Сейдуков не раз ездил за товарами в Китай и многие города Средней Азии. Он привозил из Китая кирпичный чай, пряности, а из Средней Азии – ковры, шерстяные и шелковые ткани, сушеные фрукты, которыми торговали на ярмарках в Ирбите, Нижнем Новгороде, Павлодаре, Семипалатинске, Петропавловске и других городах. Основным местом, где он обосновался Карымшак, была Тюмень. Там находились его магазин и склады товаров. В дальнейшем Сейдуковыми были открыты галантерейные магазины в Верном (Алма-Ата), Зайсане, Каркаралинске, Чугучаке. Сейдуковы были тесно связны со многими торговыми фирмами Москвы, Петербурга и других городов. Крайними пунктами торговых сношений Сейдуковых и других богатых купцов на юге были Кульджа и

Яркенд, на севере и западе – Ирбит и Нижний Новгород. На Ирбитской ярмарке они закупали железные, кожевенные изделия, мануфактурные товары и отправлялись в Семипалатинск, Верный, Ташкент и другие города, где по выгодной цене сбывали товары. В летнее время они подымались по Иртышу на барках до Семипалатинска, а оттуда уже развозили свои товары в разные города на лошадях.

Известными торговцами были тарские бухарцы Айтикины, которые успешно конкурировали даже с крупными русскими торговцами. На примере торговой деятельности Айтикиных видна эволюция, которая происходила в торговой среде в зависимости от изменений исторических условий в Сибири. Первые представители Айтикиных после переселения в Сибирь и принятия российского подданства занимались меновой торговлей в казахских степях. По мере накопления и увеличения капиталов они переходили к караванной торговле. Караваны Айтикиных не раз побывали в Бухаре, Коканде, Ташкенте и других городах Средней Азии. Айтикины еще в XVIII в. вели торговлю с Китаем. Так, Нияз Айтикин по поручению генерал-губернатора Западной Сибири в 1828 г. открыл новый, более короткий караванный путь от Омска до Коканда. Во второй половине XIX в. крупные партии товаров Айтикины отправляли через порты Балтийского моря в страны Западной Европы. Они имели галантерейные, гастрономические и мануфактурные магазины в Павлодаре, Семипалатинске, Верном, Таре. Торговали традиционными китайскими товарами – чаем, столовой посудой (фарфор, фаянс), шелковыми и шерстяными тканями. В 50-е гг. XIX в. Айтикины в компании с крупными русскими купцами вели оживленную торговлю в Чугучаке, Кульдже, Кяхте. В Чугучаке в 1854 г. российские купцы организовали свои фактории. В этой торговле принимал активное участие и А.Айтикин [Валеев, 1993, с.88].



Купцы 2-й гильдии: Айтикин Абдулфаттах (тарский купец),
Айтмухаметов Тухтасынхаджи, Ченбаев Мухаматсафар (тобольские купцы).
Г.Тобольск. Начало XX в. Фото из личного архива Р.С. Кутумовой

В 1880-х гг. Айтикины в Таре открыли стекольный завод по производству оконного стекла и стеклянной посуды. Они на свои средства построили на Тюменской судоверфи два парохода – «Работник» и «Тара», спущенные на воду после того, как в 1887 г. было открыто для судоходства среднее течение Тобола. Это были грузопассажирские пароходы, курсировавшие по Тоболу и Иртышу по линии Тюмень-Тобольск-Павлодар. Айтикиным приходилось выполнять и государственные заказы, за что они получили от царского правительства звания «потомственных почетных граждан».

В 1875 г. в Тобольске был основан «Торговый дом Ченбаевых», во главе которого в конце XIX – начале XX вв. стоял тобольский татарин Ченбаев Мухаммед-Сафар (Мата). Его компаньоном был брат Худжат. Особенно широко братья Ченбаевы развернули торговую деятельность в начале XX в. Их магазины и торговые склады находились в Тобольске и Сургуте. Они торговали разнообразной мануфактурой, мехами, кожами, скотом. Они постоянно участвовали в Ирбитской и Макарьевской ярмарках. Через своих агентов в большом количестве заготавливали пушнину и крупными партиями вывозили ее за границу. В конце XIX – начале XX вв. известными торговцами были тобольские купцы Тушаковы, тюменские купцы Муртазины, Мирсалимовы.

Большинство татарских купцов занимались благотворительностью, т.к. для татар, как мусульман, благотворительность всегда имела важное духовное значение, как богоугодное дело. Важную роль она играла в развитии системы мусульманского образования, ибо в дореволюционной России татарское национальное образование не имело государственной поддержки и существовало благодаря финансовой помощи родителей учащихся (начальная школа – мектеб) и меценатов (средние и высшие учебные заведения – медресе). Одним из первых на свои средства в 1841 г. открыл медресе торговый бухарец Абдулниязов в бухарском селе Ембаево. В 1871 г. это медресе было перестроено на средства купцов Сейдуковых. Ембаевское медресе было широко известно в Западной Сибири. Там обучались бухарцы и татары из разных районов Сибири. Мударриссы готовились в Бухаре на средства Нигматуллы Сейдукова и других богатых бухарцев.

Купцы из сибирских бухарцев Нигматулла, Рахматулла и Хабибулла Сейдуковы занимают особое место в ряду меценатов, внесших существенный вклад в развитие культуры и образования среди татарского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Они на свои средства построили ряд мечетей в Тобольской губернии, содержали в течение нескольких десятилетий медресе в с.Ембаево (Манцыл) Тюменского уезда. Н.Сейдуков много времени уделял совершенствованию школьного образования и развитию культуры среди сибирских татар. По его инициативе медресе с.Ембаево одним из первых в России перешло к прогрессивному новому методу обучения (джадидизму). Для преподавания в ембаевском медресе Сейдуков приглашал хорошо подготовленных выпускников лучших мусульманских учебных заведений Уфы, Казани, Оренбурга, Троицка и др. городов. Среди преподавателей были и выпускники Казанского и Стамбульского университетов. Преподавателями в Ембаевском и Тураевском медресе были прогрессивно настроенные люди, например, мугалиммы медресе ю.Ембаевских (в 1901 г.) бухарцы Мухаммед-Юсуф Сагитов, получивший образование в Бухаре и в Казани, Файзулла Абдуллов, выучившийся в Троицком медресе. Н.Сейдуков особое значение придавал изучению шакирдами русского языка. Он сам лично изучал русский язык, регулярно читал газеты и книги на русском языке. Он был страстным собирателем редких и ценных книг, постоянно пополнял ими библиотеку медресе, расположенную внутри двухэтажной каменной мечети. Мечеть эта была также построена на средства Сейдукова. В библиотеке медресе насчитывалось более 2200 томов рукописных и печатных книг. Среди рукописей встречались старинные, уникальные издания, исторические памятники. Многие редкие книги были выписаны Сейдуковым из Бухары и Туркестана, а также привезены им из разных городов арабских стран во

время его поездки в хадж в 1880 г. Шакирдам своего медресе, перешедшим на последний курс (7-й год обучения) Сейдуков выдавал в порядке поощрения по 10 руб. Наиболее способных выпускников медресе он посылал учиться в Мекку, Бухару, Египет, Стамбул и Казань. Многие шакирды на средства Сайдукова обучались в медресе Кашгара, Троицка, Стерлетамака и других городов. На средства же Сейдукова в Ембаево было построено и женское медресе [Валеев, 1965, с.276–277].

Встречались и другие меценаты из сибирских бухарцев, поддерживавшие исламское образование и учебные заведения. Это были тарские купцы Айтикины, семипалатинские и тюменские купцы Мирсалимовы. Одним из известных тобольских купцов и меценатов был Айтмухаметов Тухтасын-хаджи Сафаралеевич (1845–1915). Он родился в д.Нижние Аремзяны Тобольского уезда, жил в г.Тобольске, занимался торговлей, являясь купцом 2-й гильдии мануфактурных товаров и пушнины. На рубеже XIX–XX вв. в Тобольске на свои средства построил на месте деревянной каменную мечеть из красного кирпича. По настоянию Т.Айтмухаметова деревянное здание старой мечети было использовано под постройку здания медресе при мечети. Им также построена деревянная мечеть в д.Нижние Аремзяны. В 1913 г. бухарец Т.Айтмухаметов участвовал в праздновании 300-летнего юбилея Дома Романовых в составе делегации от Тобольской губернии как почетный гость от мусульманского населения.

Тухтасын-хаджи был одним из учредителей Тобольского магометанского общества, пользовался известностью и авторитетом среди жителей г.Тобольска и татарского населения Тобольской губернии, был ревнителем просвещения среди мусульманского населения, гласным Думы, членом учетного комитета в Государственном банке, казначеем общества мусульман-прогрессистов. Большой вклад в распространение просвещения среди татар Тобольского округа внес зять Т.Айтмухаметова – Халил-ишан (1864–1931). Он родился в ю.Турбинских в 1864 г., получив образование в Троицком медресе у известного Зайнуллы-ишана, возвратился в родную деревню, где начал религиозную и просветительскую деятельность. Он открыл в ю.Турбинских на свои средства медресе. Здесь учились шакирды из городов Тобольска, Тюмени, Тары и др. Число учащихся достигало 300 чел. Он построил водяную мельницу, обучил специалистов кожевенному делу и шитью сапог, организовал мастерскую. В медресе, кроме религиозных предметов, преподавался русский язык и другие светские предметы.

Богатые предприниматели были заинтересованы в подготовке специалистов и фактически полностью взяли на себя функцию обеспечения реформированных (джадидских) медресе. Прогрессивные устремления бухарского и татарского купечества поддержать новометодные учебные заведения, были связаны, прежде всего, с их экономическими интересами. Тюрко-мусульманскому сообществу требовалась современная система образования, которая, наряду с богословием, учила бы практическим предметам: бухгалтерии, географии, русскому и иностранным языкам. Татарские общественные деятели были заняты вопросом конкурентоспособности народа, прежде всего, в экономическом плане. Российские законы и языковой барьер были препятствием на этом пути. В России православным отдавалось предпочтение. В то же время были определенные преимущества в торговле с Востоком, где тюркский язык и ислам содействовали успешной коммерции, особенно до присоединения Туркестана к Российской империи. В связи с этим началась переоценка некоторых понятий ислама. Разрабатывались собственные учебники, готовились преподаватели, понимающие особенности российской среды, создавалась система вакуфов (фондов) для финансирования медресе. Новая система образования дала толчок развитию культуры и экономики, а впоследствии повлияла и на политическую жизнь татар, что выразилось в создании российской мусульманской партии и депутатской фракции в Государственной Думе [Хакимов, 2010, с.118].

§ 16. Советские довоенный и военный периоды развития

Изиль Гарифуллин, Зайтуна Тычинских

Начало XX в. в России связано с бурным развитием социально-политических процессов и определяется историками как период революций. Действительно, на первую четверть XX столетия пришлись 3 революции. Не осталось в стороне от этих событий и татарское население Западной Сибири. Татары региона в данный период участвовали в общественном движении в основном через мусульманские организации, активно включаясь в общий поток общероссийского тюрко-мусульманского движения. В процесс созидания в России в начале XX в. «миллият-и исламия» («исламская нация») были вовлечены казанско-татарская, сибирско-татарская, а также крымско-татарская интеллигенция, в частности, такие видные их фигуры как Габдерашит Ибрагимов и Исмаил Гаспринский. Как считает Д.М. Исхаков, вплоть до большевистского переворота октября 1917 г. в России шел процесс выстраивания такой «исламской нации», чьи параметры никак не совпадают с границами тех этнополитических образований, которые позже были узаконены в рамках СССР и послужили границами, оформившими впоследствии советские нации.

После Февральской революции 1917 г. возрастает политическая активность татар. С 1 по 11 мая 1917 г. в Москве проходит I Всероссийский мусульманский съезд, на котором был избран Всероссийский центральный национальный совет (Милли Шура). В июле 1917 г. в Казани проходит 3 съезда: I Всероссийский мусульманский военный съезд, II Всероссийский мусульманский съезд и съезд мусульманского духовенства. 22 июля на совместном заседании трех съездов была принята Декларация о национально-культурной автономии мусульман внутренней России и образована комиссия Автономии. В качестве исполнительного органа было образовано национальное правительство (Милли идаре), состоящее из 3 ведомств по делам религии, просвещения и финансов. Высшим законодательным органом автономии провозгласили Национальный парламент (Миллэт мэжлисе), просуществовавший чуть меньше полугода – по 11 февраля 1918 г. Первое правительство тюрко-татар Милли идаре окончательно прекратило существование в 1919 г. после победы большевиков над Колчаком. Многие лидеры национального движения (С.Максуди, Ю.Акчура, М.Биги, Г.Ибрагимов) были вынуждены эмигрировать. В «Кануни асаси» (Основном Законе 1917 г.) и разработанном на его основе проекте первой татарской Конституции (январь 1918 г.), нацеленных на реализацию в России национально-культурной автономии, основной политический субъект, который должен был получить такую автономию, был определен как «мусульмане тюрко-татары внутренней России и Сибири». Сибирские татары через своих делегатов в Национальном Собрании поддержали этот проект, т.к. «исламская нация» подразумевала под собой тюрко-мусульманское население Поволжья, Приуралья и Сибири [Абакиров, 2012, с.35].

В начале XX в. в России мусульманские организации активно участвовали в общероссийских социально-политических процессах, предъявляя, в основном требования равенства с другими конфессиями. После Февральской революции 1917 г. мусульмане Сибири ожидали от Временного правительства демократических реформ. Обстановка, складывавшаяся в стране после свержения царизма, открывала возможности для реализации идей политического и социального обновления, тем более, что Временное правительство все же предприняло определенные шаги, направленные на отмену наиболее жестких ограничений в области религиозной свободы. В частности, 20 марта 1917 г. было принято постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», где провозглашалось равенство граждан в социально-экономической и политической областях вне зависимости от вероисповедания, отменялись десятки статей из уголовно-административного

законодательства, ограничивавших права населения по вероисповедному признаку. Но замысел правительства продемонстрировать приверженность идеям равенства религий, партнерство государства и религий, а также невмешательство государственных органов во внутренние дела общин практическими делами не подкреплялись, а зависимость церкви от государства и первенство православия оставались без изменения.

Советское государство политику в сфере государственно-религиозных отношений определило рядом законодательных актов. В ноябре 1917 г. «Декларация прав народов России» отменила законы, ставившие в неравное положение людей в зависимости от их принадлежности к различным нациям и религиям. Особую роль было призвано сыграть «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока», принятое 20 ноября (3 декабря) 1917 г. [Декреты, 1957].

Важным законодательным актом стал Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Декрет предоставил реальное право исповедовать любую религию, либо не исповедовать никакой, но при этом не предусматривал никакого вмешательства государства во внутреннюю жизнь религиозных обществ. У народов Востока, исповедавших ислам (в т.ч. у татар Сибири) национальное самосознание часто совпадало с религиозной самоидентификацией, поэтому мусульманские священнослужители, в целом считая декрет «Об отделении церкви от государства» необходимым и правильным, иногда заявляли, что для татарского народа, только «начинающего жить», этот документ имеет «обратную силу» воздействия.

Советское государство по отношению к мусульманскому населению стало проводить более гибкую политику и «наступление» на ислам (в отличие от отношения власти к РПЦ) было отложено. Более того, в феврале 1918 г. указом Совнаркома РСФСР создается Комиссариат по делам мусульман и его структуры на местах. Тогда же было создано Тобольское (Тюменское) мусульманское национальное управление с отделами: духовное, просвещения и финансов. В одном из первых решений Комиссариата по мусульманским делам Тюменского губернского совета депутатов, принятых 7 июня 1918 г., указывалось, что «для развития крестьянского мусульманского населения и распространения среди него идей Советской власти, необходимо немедленно, теперь же организовать текучие курсы и послать агитаторов, которые могли бы обрисовывать программу советской платформы, выработанной при агитационно-организационном отделе». Но под влиянием центральных мусульманских организаций «Милли Шуро» (Национальный совет) и «Харби Шуро» (Военный совет) Тюменское губернское управление мусульман не приняло идей советского государства и даже оказало определенное сопротивление их проведению. В мае 1918 г. был создан Комиссариат по мусульманским делам при Тюменском губернском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который (прервав свою деятельность на время правления Директории и правительства А.В. Колчака) в январе 1920 г. был преобразован в отдел по делам национальностей.

Несмотря на то, что многие из числа татар Сибири приветствовали Октябрьскую революцию и приняли активное участие в установлении здесь советской власти, часть татарской элиты (в т.ч. священнослужители) выступила под лозунгом единства нации и религии, не признавала эту власть. В связи с этим нужно отметить бухарцев, являвшихся долгие годы самой исламизированной частью населения Тюменского региона. Социальное расслоение населения сильно отразилось, в первую очередь, на их жизни. Если раньше безземельные бухарцы обрели возможность иметь земельные угодья и в числе первых в сибирском регионе создали коллективные хозяйства, то тяжелее стало положение других бухарцев: купцов, предпринимателей, зажиточных ремесленников и землевладельцев, в которых советская власть видела своих противников. В результате, уже в первые годы советской власти перестали существовать две бухарские деревни под Тюменью – Ново-Шабанинские и Мадьяровские, т.к. некоторые из купцов-бухарцев,

чтобы сохранить себя и свою религию, вернулись на родину предков – в Среднюю Азию, а другие оказались в Китае, Турции, Японии.

В первые годы советской власти по разрешению местных органов почти все мусульманские общества и мечети продолжали функционировать, а имамы и муллы несли службу как проповедники ислама. Позднее антирелигиозная направленность политики РКП(б) и государственного руководства страны не позволяли функционировать религиозным общинам даже в тех границах «дозволенного», что существовали в Российской империи для мусульман. Так, в начале 1922 г. по постановлению Президиума ВЦИК «О ликвидации церковных имуществ» и «Об изъятии всех подряд церковных ценностей» помещения тюменских мечетей и их имущество были описаны и изъяты государством («национализированы»). Хотя в мечетях таких ценностей, как в христианских храмах, не было. Муллы перестали быть служителями религиозного культа. Они были отстранены от работы по обучению детей грамоте. Такой принцип насильственного решения вопросов государственно-конфессиональных отношений, отторжение народа от веры, от духовных и нравственных ценностей противоречил законодательным актам самой власти, принятых вскоре после октября 1917 г.

И все же, принимая во внимание просьбы мусульман, в начале 1923 г. давление государственных органов на религиозные организации несколько уменьшилось и, по постановлению ВЦИК от 12 июня 1923 г., мечети и их имущества были возвращены мусульманским религиозным обществам в «бесплатное и бессрочное пользование». При этом деятельность священнослужителей оставалась под надзором власти. В частности, в договорах (актах) по передаче зданий мечети религиозным общинам указывалось, что мусульманские священнослужители должны соблюдать определенные условия: беречь помещения религиозного культа и имущество; не допускать проведения в них политических собраний, не распространять материалов антисоветского содержания; не произносить проповедей и речей, враждебных власти.

В 1923–1924 гг. проводилась массовая регистрация религиозных общин и учет их материальных ценностей. В регистрационных списках указывались фамилии, годы рождения верующих и членов религиозных советов, мулл, муэдзинов, социальное положение и количество прихожан. По сохранившимся в архивах документам видно, что в 1923–1924 гг. членами мусульманских религиозных обществ в Тюменской губернии состояло почти все взрослое население.

Как и в других регионах России с 1917 г. в Тобольской губернии начали функционировать татарские школы (мусульманские училища) на средства уездных земств. Так, например, с 1 сентября 1917 г. в Тюменском уезде было открыто 69 татарских школ, в которых работало 87 учителей. В селе Ембаево медресе было преобразовано в учительскую семинарию. Правда, из-за отсутствия подходящих помещений и малого количества учащихся в 1918 г. количество школ было сокращено до 43 и учителей до 56. В Тобольске было открыто медресе, в деревнях округа – школы. До 1920 г. эти татарские школы работали по учебным планам и программам мектебе и медресе. В этих учебных заведениях учителями работали выпускники Ембаевского, Турбинского, Саусканского, Кызылбаевского и других медресе. С 1920 г. на основе ноябрьского (1919 г.) постановления советского правительства «О единой трудовой общеобразовательной школе» все существующие татарские школы были включены в государственную сеть, вместо конфессиональных школ – мектебе и медресе. Для детей- татар была создана единая светская школа, разработаны учебные планы, программы и учебные пособия, организована подготовка национальных педагогических кадров. При этом из школ стали увольняться представители мусульманского духовенства – муллы, имамы. Так, например, приказом подотдела нацмен Тюменского губернского отдела народного образования от 1 июля 1920 г. учи-

тель Салинской школы Карагайской волости Камал Ишмухаметов и учитель Конданской школы Тоболтуринской волости Гайсин Ишмухаммед были уволены как муллы.

В октябре 1923 г. Бюро секретариата ЦК ВКП(б) постановило: «допустить в отдельных частях Союза ССР с наиболее отсталым и религиозным фанатичным населением как изъятие общего порядка организацию мусульманских духовных школ». В Тюменской области, тем не менее, мусульманские религиозные школы распространения не получили. По архивным данным в Тобольском и Тюменском округах в 1924–1925 гг. обращений с просьбой о преподавании мусульманского вероучения (в мечетях не было, а в 1926 г. было выдано разрешений по Тобольскому округу 2 (обучалось 14 человек); Тюменскому округу – 3 (обучалось 53 человека).

Участие татарского населения в крестьянском восстании 1921 г.

«Декларация прав народов России», принятая в ноябре 1917 г. и «Обращение к трудящимся мусульман России и Востока», принятое 20 ноября 1917 г., отменяли законы, ставившие в неравное положение людей в зависимости от принадлежности к различным национальностям и религиям. Тем не менее, определенная часть нерусских народов, в т.ч. проживающих в Сибири, не поддерживала формирующийся большевистский режим. Зажиточные слои татарского населения и представителей мусульманского духовенства в деревнях оказывали сопротивление социалистическим преобразованиям.

Затянувшийся кризис сельскохозяйственного производства в начале 1920-х гг., связанный с первой империалистической и гражданской войной, а также с засухой 1920 г., создал в стране напряженную обстановку. В 1921 г. продналог в Сибири на хлеб, мясо и другие продукты был определен в 53 млн. пуд, что составляло 59% объема фактического выполнения разверстки. На местах были приняты дополнительные и срочные меры по организации налоговой кампании и хлебозаготовок. В ответ на сбор налога путем нажима, давления сверху начал ослабевать энтузиазм и у татарского населения сибирского края, особенно среди зажиточного слоя, который выступил в поддержку восставшего в 1921 г. крестьянства.

Об этом свидетельствуют архивные материалы и судебные документы репрессированных татар в 1920–1930-х гг. Так, в мае 1921 г. в официальной печати секретарь Тюменского губкома ВКП(б) писал: «Среди тюркских народов необходимо вести большую политическую работу, отсутствие ее привело к тому, что мусульмане нашей губернии, ранее не отличившиеся особой воинственностью, в дни бандитизма (в то время так называлось крестьянское восстание 1921 г.) активно участвовали в выступлении против Советской власти». В 1922 г. в своем докладе секретарь Тобольского уездного комитета партии подчеркнул, что «поголовное участие татарского населения в бандитском движении в 1921 г. показывает на безграничное невежество, политическую отсталость беднейших слоев населения и безграничную власть над ними кулаков-татар». Между тем вооруженная борьба крестьянства против Советской власти в годы гражданской войны была народным сопротивлением военно-коммунистической диктатуре. Во многих деревнях зажиточные крестьяне из татар, выделяли повстанцам продукты, давали оружия, подводы, проводили агитационную работу среди населения. В период гражданской войны и крестьянского восстания в татарских деревнях были случаи убийства партийных и советских работников, активистов из бедноты. Но органы власти жестоко расправлялись с контрреволюционерами и повстанцами.

Татары Западной Сибири, наряду с другими народами, активно включились в строительство новой жизни после Октябрьской революции 1917 г. После того, как улеглись потрясения революционных событий, гражданской войны, татарское население участвует в процессах коллективизации и индустриализации.



Редакция газеты «Ленин юлы». Г.Тобольск. 1950–1960-е гг. ТИАМЗ

В 1925 г. руководство страны взяло курс на индустриализацию. Индустриальный рывок был совершен в годы довоенных пятилеток: первой – 1928–1932 гг., второй – 1933–1937 гг. За годы первых пятилеток были созданы новые отрасли промышленности: станкостроение, авиационная, тракторостроение, автомобилестроение, химическая и др. Было построено около 8900 новых предприятий. Предприятия крупной индустрии создавались не только в европейской части СССР, но и на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Шел процесс хозяйственного развития этих районов и создания мощной экономической базы в восточных регионах страны. В новую жизнь были вовлечены и жители Сибири, в т.ч. татарское население. Многие татары начинают переселяться в города, пополняя ряды рабочего класса.

В 1929 г. было принято решение об организации «крупного социалистического земледелия» – колхозов и совхозов. Против кулаков продолжалась беспощадная борьба, нередко руками их односельчан – деревенской бедноты. Накануне празднования двенадцатой годовщины Октябрьской революции в газете «Правда» была опубликована статья «Год великого перелома», в которой И.В. Сталин поставил задачу форсировать колхозное строительство, провести «сплошную коллективизацию». Местные органы власти начали широко применять политику раскулачивания. Под нее попадали все, кто не желал вступать в колхозы. Сельское хозяйство было обескровлено: репрессиям подвергались десятки миллионов самых трудолюбивых слоев крестьянства.

В период событий 1917 г. и после Октябрьской революции увеличилось количество газет, издававшихся на национальных языках. В 1919–1921 гг., как органы мусульманской секции при губернских и городских комитетах РКП, издавались газеты на татарском языке: в Иркутске «Кызыл шарык» (Красный Восток), Томске – «Себер юксыллары» (Пролетарии Сибири), в Омске – «Азат Себер» (Свободная Сибирь). В Тю-

мени в 1922–1923 гг. мусульманский комитет Тюменского губкома партии выпускал газету на татарском языке «Юксыллар чаткысы» («Искры пролетариата»). В 1924–1932 гг., когда Тюменский регион входил в Уральскую область Ишимского, Тобольского и Тюменского округов, татарское население получало газету «Коммунист», которая выходила с 1919 г. и переименованная в 1925 г. в «Урак эм чукеч» («Серп и молот»), а в 1930 г. – в «Социализм юлы» («Путь социализма»). Кроме того, татарское население получало газету «Эшче» («Рабочий»), «Игенчелэр» («Земледельцы»), издаваемые татаро-башкирским бюро в Москве. Татаро-башкирский центр в Сибири выпускал также газету на татарском языке «Азат Себер» («Свободная Сибирь»). В Тобольске с 1932 г. до начала Великой Отечественной войны выходила газета «Колхоз юлы» («Колхозный путь»). В 1920–1930 гг. Тюменская окружная газета «Красное знамя» на отдельных страницах периодически освещала жизнь нерусских национальностей. Подобные материалы на своих страницах размещала также областная молодежная газета «Смена».

В 1932 г. в Уральской области на языках татар и башкир издавалась 31 газета, в том числе одна областная, две окружные и 28 районных. В 1932 г. тираж областной татарской газеты «Социализм юлы» составлял 12800 экземпляров, ее армия рабселькоров составляла около 20 тыс. чел. С 1927 г. при редакции газеты «Социализм юлы» начало работать объединение татаро-башкирских писателей и поэтов. Областные газеты «Уральский рабочий», «Колхозный путь» регулярно освещали работу татаро-башкирской печати.

Этап борьбы с религией

Если противостояние государства и религии в первые годы советской власти можно назвать периодом «равновесия сил» (когда со стороны государства в какой-то степени проявлялась веротерпимость, а верующие ожидали от власти прекращения административного прессинга), то с середины 1920 гг. положение изменилось. У партийных и советских органов вытеснение религии из жизни общества было возведено в ранг важнейшей задачи. В ход пошли репрессивно-принудительные методы по проведению антирелигиозной политики.

Проблемы усиления атеистической работы неоднократно рассматривались ЦК ВКП(б). Так, в августе 1927 г. на Политбюро обсуждался вопрос «О мерах борьбы с мусульманским религиозным движением», а в Постановлении 1928 г. ЦК партии наметил меры, направленные на борьбу с исламом. В частности, было признано необходимым: сократить количество мусульманских съездов (не чаще одного раза в три года); ограничить религиозное образование ознакомлением с основами религии; запретить денежное и натуральное обложение всего населения в пользу группы вероучения, «... не останавливаясь, в случае необходимости, перед применением репрессивных мер в отношении злостных лиц Политбюро предложило Президиуму ЦИК СССР «отменить закон ВЦИК о мусульманских религиозных школах».

В начале 1930 гг. в стране реализовывались меры по искоренению религиозного мировоззрения, под давлением партийных и советских органов на местах были ликвидированы мусульманские религиозные общества, служители религиозного культа вынуждены были по «собственному желанию» отказаться от несения службы в мечетях, о чем объявляли через газеты.

Жестко прошелся «каток НКВД» по судьбам верующих, в т.ч. мусульман, в 1930-х гг. В архивах УВД и УФСБ по Тюменской области хранится не мало уголовных дел на служителей мусульманского культа, которые были осуждены «за распространение контрреволюционных провокаций среди населения с использованием религиозных предрассудков масс, и систематически ведя, религиозной пропаганды» (деревни Есаулы, В.Ингал, Ипкуль, Тураево, Н.Тарманы, Н.Бехтери, Ингаир и т.д.) Среди арестован-

ных и репрессированных из мусульманских священнослужителей был 80-летний слепой Н.Чалалетдин, только за то, что по просьбе людей отправлял некоторые религиозные обряды. В октябре 1937 г. в Тюмени в составе 37 человек татар был расстрелян религиозный деятель З.Мировалев, получивший образование в мусульманской духовной академии, «за шпионско-диверсионную и повстанческую работу с целью свержения советской власти и создания национального мусульманского государства». Несмотря на то, что в поведении Мировалева в отношении к социалистическим преобразованиям были негативные моменты, многие знали его по просоветским взглядам. В 1937–1938 гг. совершались беспрецедентные по масштабам репрессии, в результате которых сильно пострадали многие мусульманские деятели Сибири.

В период активного гонения на религию, в т.ч. и на ислам, многие священнослужители и верующие эмигрировали из страны. А.Г. Ибрагимов в первые годы возлагал надежды на советскую власть в решении проблем мусульманских народов, но в 1922 г был вынужден эмигрировать в Турцию, а с 1933 г. по 1944 г. (до смерти) жил в Японии. Там по его инициативе в 1939 г. была построена мечеть в Токио, где он исполнял обязанности имама-хатыба соборной мечети.

К концу 1930 гг. окончательно сформировалось советское законодательство, которое прошло путь от провозглашения свободы совести до преследования инакомыслия. Однако ислам продолжал существовать и развиваться. В домах (все мечети были закрыты) тайно исполняли религиозные обряды, а родившимся детям давали традиционные мусульманские имена. В 1920–1930-х гг. были разрушены мусульманские институты образования (мектебе, медресе), религиозные организации, ликвидированы мусульманские кадры.



Заболотье. 1950–1960-е гг. ТИАМЗ

Великая Отечественная война

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. привела к огромным человеческим жертвам. Победа над фашистской Германией и ее созниками была одержана совместными усилиями стран антигитлеровской коаалиции – СССР, Англии, США, Франции, Китая и других государств. Но главную тяжесть войны с германским фашизмом вынесли народы Советского Союз. В Великой Отечественной войне участвовало и татарское население Сибири. Ни одну семью не обошла стороной война. Многие погибли на войне.

Многие татары-сибиряки за мужество и отвагу, боевые подвиги получили высшую награду – звание Героя Советского Союза. Среди них Хамит Ахметович Неатбаков, уроженец д.Карбаны Ярковского района Тюменской области. В составе 520 стрелкового полка 167-й Краснознаменной Сумской стрелковой дивизии старший сержант, а затем старшина медицинской службы; санитарный инструктор Х.Неатбаков прошел в боевых порядках путь почти от Волги до Карпатских гор, участвовал в таких крупных военных операциях, как Курско-Орловская Дуга, Киевская и другие, мужественно сражаясь и спасая жизнь многих солдат и офицеров. За мужество и самоотверженность в форсировании крупного водного рубежа – Днепра и освобождение правобережной Украины ему 13 октября 1943 г. было присвоение звание Героя Советского Союза.

Также звания Героя удостоены:

Ишмухаметов Тамерлан Каримович, уроженец д.Осиновой Ялуторовского района. До войны он работал учителем, окончил авиационную школу, лётчик. Звание Героя Советского Союза присвоено 15 мая 1945 г за храбрость и умелое уничтожение противника и его огневых точек с воздуха.

Янтимиров Булат Янбулатович, уроженец д.Верхний Ингаль Исетского района. До войны работал учителем. На фронте был заместителем командира батальона, капитан. Звание Героя Советского Союза присвоено 22 июня 1944 г. за умелую организацию форсирования реки Западная Двина и проявленное мужество в борьбе с врагом.

Якин Хабибулла Хайруллович, уроженец д.Мулаши Тюменского района. До войны работал учителем. Его ратные дела в боях за Ржев, в Моровско-Островной наступательной операции, в Карпатах отмечены орденами Славы трех степеней.

Отважно сражались на фронте семья Бакиевых из Тобольска, Фарид Ахатович и Гыймран Ахатович Башировы. Муратов Камал Мазитович, Якуб Камалиевия Занкиев, Садыков Шайтулла Измайлович, Шаипов Акрам Хасанович, Алеев Салах Махмутович, Айданов Абдрахим Абдрахманович и многие, многие другие. Татары Сибири плечом к плечу с другими народами участвовали в битве под Москвой, в обороне Ленинграда, в Сталинградской и Курской битвах, форсировали Днепр, брали Берлин, сражались в Маньчжурии, Курильских островах.

§ 17. Развитие просвещения

Клим Садыков, Юлия Сафаралеева, Гульфира Хисаметдинова

Духовная жизнь сибирских татар развивалась на основе общетюркской культуры. С принятием ислама важную роль в духовном воспитании играли исламская идеология и исламская культура. Ислам для татар представлял собой не только религию, но и культурно-моральный кодекс, по правилам которого воспитывался народ, сохраняя родной язык, традиционную культуру и быт.

Духовная организация мусульман Западной Сибири находилась в подчинении Оренбургского духовного магометанского собрания [ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.4, д.4238, 4232, 4600]. Оно было учреждено в конце XVIII в. с целью контроля над мусульман-

ским духовенством и дальнейшего использования официальных исламских институтов в проведении государственной политики российской империи среди мусульманского населения. Это был коллегиальный орган, деятельностью которого руководили председатель (муфтий) и три заседателя (кадии). С целью усиления контроля над мусульманскими школами в 1874 г. они были переданы в ведение Министерства народного просвещения (до этого они числились за Министерством внутренних дел) [НА РТ, ф.1, оп.4, д.5482, л.91].

Образованные муллы пользовались большим авторитетом у населения. Приходской мулла исполнял не только конфессиональные, но и гражданские обязанности: вел метрические книги о рождении, браке, разводах и смерти прихожан. В XVIII – начале XX вв. татарская община участвовала в решении вопросов религиозной жизни, а духовные лица принимали активное участие в ее управлении. Мечети у сибирских татар строились на общественные средства [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.417, оп.1, д.507, л.459; ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.11, д.622, л.79]. Кандидат на должность муллы проходил обязательную аттестацию в Духовном управлении мусульман России по истории ислама, шариату, знанию Корана, мусульманской юриспруденции, хадисов пророка Мухаммеда [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.152, оп.35, д.574, л.6, 8, 33; ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.4, д.5650, л. 1, 2.; ГУТО «ГА в Тобольске», ф.152, оп.35, д.578, л.5; ГУТО «ГА в Тобольске», ф.152, оп.35, д.578, л.5; ГУТО «ГА в Тобольске», ф.152, оп.35, д.578, л.5]. Кроме этого, он должен был сдать экзамен по русскому языку [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.152, оп.35, д.578, л. 2021; ГУТО «ГА в Тобольске», ф.152, оп.35, д.574, л.6; ГУТО «ГА в Тобольске», ф.152, оп.35, д.574, л.6].

Губернское управление направляло утверждение в должности муллы в полицейское управление, где назначенный священнослужитель должен был дать присягу «на верность службы». Строительство новых мечетей допускалось по представлениям от приходов и духовенства Оренбургскому духовному собранию с утверждения Губернского правления с обоснованием этой необходимости [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.152, оп.35, д.578, л.18; ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.6, д.585, л.1–15; ГУТО «ГА в Тобольске», ф.329, оп.2, д.269, 283, 54; ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.6, д.585, л.1; ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.6, д.585, л. 3; ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.6, д.585, л.7; ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.6, д.585, л.13]. Духовенство активно участвовало в социальной жизни общества [ГУТО «ГА в Тобольске», ф152, оп.35, д.574, л.9].

Становление и развитие конфессионального образования

В отличие от правительственных или светских школ, школы сибирских татар, как и у большинства нерусских народов, продолжали развиваться на старой религиозно-схоластической основе. Модернизация внедрялась в них по мере утверждения в местном обществе капиталистических отношений.

В дореволюционный период в России не было закона о всеобщем, обязательном начальном образовании. Однако нужды производства требовали грамотных работников. В связи с этим правительство пошло на расширение сети школ не только для русского, но и для нерусского населения. Это были, во-первых, конфессиональные школы для инородцев при монастырях; во-вторых, со стороны государства – русско-татарские школы. В Сибири такие типы школ не получили массового распространения и качественного развития, поэтому просвещением продолжали заниматься мектебе и медресе.

До конца XIX в. мектебе (начальные школы) и медресе (средние и высшие) в Сибири оставались в целом конфессиональными учебными заведениями. Современники отмечали существование школ в каждом мусульманском селении, где есть мечеть. «В редких татарских селениях нет мечети и муллы при ней и в этом отношении дети татар поставлены в лучшие условия, чем дети крестьян» [Юрцовский, 1923, с.118], «…редкая

мечеть не имеет при себе школы, да и тогда служащий в ней мулла не отказывает давать частные уроки детям своих прихожан» [Тобольские губернские ведомости, 1861].

В 90-е гг. XIX в. по просьбе Статистической комиссии Императорского Вольного Экономического Общества собирались сведения о количестве магометанских школ в Тобольской губернии [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.2, оп.1, д.10, л.1–27]. По этим материалам можно представить развитие магометанских школ по некоторым волостям (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о количестве мусульманских школ в некоторых волостях Тобольской губернии в последней четверти XIX в.

Наименование волости	*Сведения о мектебах*							
	К 1 января 1894 г.				1 января 1897 г.			
	Число школ	Число учащихся		Число учителей	Число школ	Число учащихся		Число учителей
		мальч.	девоч.			мальч.	девоч.	
Уватская инородческая волость юрты Казанские	1	45	–	1	1	53	–	1
Вагайская инородная волость	4	65	54	4	5	82	73	5
Тобольская городовая инородческая волость	17	240	83	17	17	316	140	17

По сведениям, составленным Губернским Статистическим Комитетом в 1903 г. и проверенным с переписным материалом, в Тобольской губернии было 157 мечетей, в том числе 60 с училищами, а училищ без мечетей – 6 [Список населенных мест Тобольской губернии, 1904, с.9–270]. По уездам Тобольской губернии эти сведения находятся в разных источниках (табл. 2).

Таблица 2

Количество мечетей и мусульманских училищ в Тобольской губернии в начале XX в.

Название уезда	Мечети	Мусульманские училища
Тобольский	61	16
Тарский	38	17
Тюменский	41	32
Ялуторовский	15	1
Ишимский	2	0

Учреждение школы считалось богоугодным делом, поэтому в школьном строительстве принимали участие различные социальные слои. Главными организаторами мектебе и медресе выступали муллы. Это, как правило, был образованный мулла, имеющий учебно-преподавательское звание мударриса. Муллы заведовали школами, а также вели преподавание основных дисциплин. В «Материалах для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири» было обращено внимание на личность муллы с.Карбаны. Там указывается, что он «весьма начитанный и образованный человек, он знает много восточных наречий и с успехом обучает татарских мальчиков, а жена его – татарских девочек. Школьное образование у татар не имеет, однако, никакого определенного порядка; здесь все зависит от муллы и его добросовестного отношения к делу» [Материалы для изучения, 1889, с.146].



Здание женской мусульманской (магометанской) школы в г.Таре.
Конец XIX – начало XX в. ТИАМЗ



Здание мужского мусульманского (магометанского) училища (медресе) в г.Таре.
Конец XIX – начало XX в. ТИАМЗ

Финансовую поддержку мусульманским школам и училищам нередко оказывали богатые купцы. Существенный вклад в развитие культуры и образования внесли меценаты из сибирских бухарцев Нигматулла, Рахматулла и Хабибулла Сейдуковы, которые с 1871 по 1917 гг. на собственные средства содержали Embаевское медресе. Имеются сведения о том, что 12 марта 1898 г. бухарец юрт Embаевских Тюменского округа Тобольской губернии Нигматулла Кармышаков Сейдуков пожертвовал сумму в размере 19000 рублей в пользу 2-й соборной мечети юрт Embаевских [ЦГИА РБ, ф.И–295, д.689, оп.11, л.8].

Мектебе и медресе содержались исключительно за счет средств местного населения и в этом смысле являлись народными учебными заведениями татар. Об этом свидетельствует документ «Резолюция на 23 августа 1916 года» за подписью председателя Оренбургского Муфтиата, где сообщается: «Оренбургское Магометанское Духовное Собрание уведомляет Московское Губернское Правление в том, что конфессиональные мектебе и медресе при мечетях обыкновенно открываются на средства прихожан и заведование этим мектебом или медресе, а также ответственным лицом является имам этой мечети» [ЦГИА РБ, ф.И–295, д.622, оп.11, л.79]. Этот факт является результатом многолетней деятельности и опыта мусульманских учебных заведений.

Во время исследовательских экспедиций Министерства Государственных Имуществ в 1890-х гг. и всеобщей переписи 1897 г. обнаружилось, что среди татар грамотность была выше, чем среди русского населения. По данным переписи 1897 г. грамотными среди татар Тобольской губернии было 25,4% мужчин (17,5% среди русских) и 16,8% среди женщин (4,5% среди русских). У татар 93% были грамотными на татарском языке, 7% – на русском [Юрцовский, 1923, с.118, 203].

Организация учебно-воспитательной деятельности школы определяется ее целью. «Конечная цель мектебе, – указывало совещание высшего мусульманского духовенства при Духовном собрании в начале XX в. – научить мусульманских детей чтению и письму, познакомить их с установками ислама, воспитывать их в доброй нравственности и указать им путь к достижению благополучия земного и небесного и тем содействовать миру и покою государства» [ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.1а, д.20, л.24].

Учебный курс мектебе соответствовал поставленной цели. Обучение длилось три-четыре года. По сведению информаторов, оно начиналось с изучения сложного арабского алфавита, состоящего из 29 букв. Так Ю.Давлетшин вспоминает, что в с.Тукуз в одном из мектебов сначала учили наизусть: «алиф», «би», «ти», «си», «жим» и т.д. Выучив алфавит, дети приступали к чтению по книге «Иман шарты» («Основы веры»), а затем по «Афтияку» (древнейшее извлечение из Корана, равное одной седьмой его части) арабского текста старинным, буквослагательным методом, т.е. сначала говорили названия букв слога и только потом читали весь слог (Запись беседы с информатором Ю.Д. Давлетшиным (1910 г.р.) в 1998 г. / Архив Ю.У. Сафаралеевой).

При выборе методики обучения учитывался то, какая языковая единица лежала в основе обучения грамоте (буква, звук, слог, слово, предложение). Методика подразделялась на четыре типа: буквонаписной метод; слоговой метод; звукопроизносительный метод; целостно-словесный метод. Буквонаписной метод назывался «ысулы-харвия». Этим методом грамотность достигалась долго и трудно, его до конца осваивал только способный и усидчивый ребенок. Позднее активно стал использоваться звукопроизносительный метод, который именовался «ысулы-саутия», а затем и целостно-словесный метод [Аблазисова, 1997, с.65–68].

Строгой программы мусульманские учебные заведения не имели, только опирались на шариатные книги. Предметами преподавания являлись следующие: науки, относящиеся до веры и законов; учение об основах мусульманского законоведения; арабская словесность; этимология и синтаксис; наука чтения и толкования Корана; практи-

ческое и схоластическое Богословие; гильми-хадис – наука изучения изречений пророка Мухаммеда; мюназарат – наука об ученых спорах.

В мусульманских школах изучались «науки о вере и нравственности и уже затем другие», к которым относились специальные законы о разделе имущества умерших мусульман, арабская риторика, логика, математика со всеми подразделениями, география, астрономия, медицина, естественные науки, умозрительная философия, история и другие полезные для жизни науки [ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.1а, д.20, л.24].

Состав педагогического персонала по шариату должен был состоять из лиц мусульманского вероисповедания, обладающих религиозно-нравственными качествами, знающих свое дело и любящих учеников, уважающих свою родину, правдивых и милосердных [ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.1а, д.20, л.26]. В учениках стремились развивать духовно-нравственные качества: уважение к родителям, старшим, ближним, любовь к родине, стране [ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.1а, д.20, л.28].

Медресе представляло собой «повышенную школу» и перед ними стояла задача, поставленная российским государством, «подготовить для российских мусульман мугаллимов, муэдзинов, имамов, мударрисов, казиев» [ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.1а, д.20, л.28].

В Тобольской губернии самым знаменитым являлось Ембаевское медресе, основанное в 1841 г. в ю.Ембаевских. Также существовали Тураевское медресе (основано в 1864 г.) и Шабабинское медресе (основано в 1855 г.) и другие [Патканов, 1888, с.326–327].

В пореформенный период – в 60–80-х гг. XIX в. мектебе и медресе обучали, прежде всего, вероучительным предметам, заслоняя ими другие дисциплины. Реформы конца XIX в., гуманистические направления в педагогике стимулировали татарскую интеллигенцию в организации нового, более современного, светского типа мектебе и медресе. Развитие в Сибири капиталистических отношений способствовало дальнейшему развитию разнообразных контактов сибирских татар с другими народами. В особенности это характеризовалось проникновением идей реформирования татарского просвещения – джадидизма.

Одними из первых идеи джадидизма восприняли учителя Ембаевского медресе. По мнению Ф.Т. Валеева, Ембаевское медресе стало первым джадидистским медресе в Западной Сибири [Валеев, 1990, с.3]. Кроме учебных предметов, связанных с исламом, в учебной программе медресе были родной, русский, арабский, турецкий, французский языки, математика, астрономия, география, история, логика и др. Джадидистские медресе в конце XIX в. открылись в юртах Саусканских, Турбинских и др. [Янарыш,1990]. Во многих медресе Тобольской губернии (Ембаевском, Тарском, Турбинском и др.) преподавателями стали выпускники средних и высших учебных заведений городов Казани, Оренбурга, Уфы, Бухары, Стамбула. По сведениям информаторов, способные ученики мектебе из юрт Тукузских Тобольской губернии ездили учиться в Оренбург, Казань, Петропавловск, Троицк [Аблазисова, 1997, с. 65–68].

К началу XX в. звуковой метод обучения прочно утвердился в ведущих мектебе и медресе [Эфиров, 1948, с.14]. Изменилась внешняя обстановка учебных заведений: появились классные комнаты с учебной обстановкой и даже партами; практиковалось разделение училища на отделения и классы, расписание уроков; появились особые преподаватели для предметов небогословского характера; были введены светские предметы – история (история ислама, история татар, русская история, всеобщая история), география, арифметика, геометрия, естествознание, физика, русский язык, татарский язык, гигиена, психология, логика и другие [НА РТ, ф.1, оп.4, д.5482, л.92об., 58об., 93].



Учитель и учащиеся мусульманского училища в г.Таре. Начало XX в. ТИАМЗ



Группа учениц медресе при мечети. Г.Тобольск. 1912 г.
Фото из личного архива Р.С. Кутумовой

Но следует отметить, что реформирование конфессиональных учебных заведений проходило с определенными трудностями, которые были связаны и отрицательным отношением со стороны государства к новометодным школам. В подтверждение приведем цитату из документа от 20 октября 1913 г. «О магометанских учебных заведениях»: «Если закон признает существование медресе и мектебов при мечетях, то они должны выполнять только одну цель: обучать детей магометан их религии; поэтому никоим образом не следует допускать в них преподавание общеобразовательных предметов» [НА РТ, ф.1, оп.4, д.5482, л.95 об.].

Таким образом, развитие новометодных школ проходило медленно, противоречиво, нецентрализованно, в сложной социально-экономической ситуации.

Развитие образования в начале XX в.

Наиболее благоприятные условия для свободного развития школьного образования у татар появляются в результате политических событий 1917 г. На I Всероссийском мусульманском съезде, состоявшемся в г.Москве в начале мая 1917 г., были разработаны основные направления развития школьного дела среди тюркских народов, согласно которым предусматривались введение всеобщего обязательного и бесплатного начального образования, обучение детей в школах на родном языке, государственное финансирование национальных школ, право поступления выпускников национальных школ в русские высшие учебные заведения без экзаменов и т.д. В этом же году начали функционировать татарские школы (мусульманские училища) и в Тобольской губернии. Они работали на средства уездных земств. 1 сентября 1917 г. в Тюменском уезде было 69 таких училищ, в которых работало 87 учителей. В с.Ембаево функционировала учительская семинария. Из-за отсутствия подходящих помещений и малого количества учащихся в 1918 г. число школ сократилось до 43, а учителей – до 56. В Тобольске было открыто медресе, в деревнях округа – школы. В этих учебных заведениях, которые работали еще по учебным планам конфессиональных школ, учителями являлись выпускники медресе (Ембаевского, Турбинского, Саусканского, Кызылбаевского и др.).

Строительство национальной школы советского типа

С установлением советской власти идеология и содержание просвещения татар кардинально меняются. В программе РКП (б) особое внимание обращалось на необходимость просветительной деятельности. Было отмечено «полное осуществление принципов единой трудовой школы, с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно, светской, т.е. свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества» [Прибыльский, 2002, с.20].

Все существующие татарские школы были включены в государственную сеть. Вместо конфессиональных школ-мектебе и медресе была создана единая трудовая светская школа, начата подготовка национальных педагогических кадров. Для татарского населения Тобольской губернии важную роль сыграло постановление Наркомпроса «О школах национальных меньшинств», опубликованное в ноябре 1918 г. В нем говорилось, что все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на родном языке. В условиях, когда подавляющее большинство татарского населения не владело русским языком, создание школ на родном языке обучения способствовало осуществлению начального всеобщего, а затем и семилетнего образования. Ликвидация неграмотности среди взрослого населения дала возможность поднять профессионально-технический и общеобразовательный уровень татарского населения.



Томская женская мусульманская (магометанская) школа. 1918–1919 гг. ТОКМ

В первое время большую роль в организации просвещения у татар сыграли татаро-башкирские бюро при партийных комитетах, которые через советы национальных меньшинств при отделах народного образования, своих представителей на местах принимали меры по открытию новых школ, подбору учителей, которые могли обучать детей родному языку. В 1922–1923 учебном году в губернии было 64 школы первой ступени с количеством учащихся 2564 чел. и 84 учителя. В 1924 г. в городах Тюмени и Тобольске были открыты семилетние татарские школы. В 1925 г. в Тобольском округе функционировало 30 татарских школ, в 1936 г. – 93, а в 1939 г. их число увеличилось до 106, в том числе семилетних стало 12, а средних – 2. В открытии новых школ активно участвовало и население.

В 1951 г. в Тюменской области работало 156 татарских школ, в том числе 118 начальных, 36 семилетних и 2 средних с числом учащихся 8427 чел. Наряду с развитием школ для детей школьного возраста в 1920–1930-х гг. среди татар велась большая работа по ликвидации неграмотности взрослого населения.

Татарская школа Тюменской области в 20-е гг. XX в. и подготовка педагогических кадров

В 1920 г. в г.Тюмени были открыты педагогические курсы с трехгодичным сроком обучения для подготовки учителей татарских школ. Для вновь открываемых школ учителя готовились и через краткосрочные курсы. Первые такие курсы были открыты в г.Тобольске в 1919 г, в г.Тюмени – в 1920 г. В перечне учебных заведений по Тюменской губернии в I92I г. упоминаются мусульманские педагогические курсы (подготовка школьных работников), которые проводились в с.Новые Юрты. Продолжительность обучения составляла 3 года. Количество штатных преподавателей – 5, совместителей –

3, всего работающих – 8 [ГАТО, л.63, 68]. По существу, это было стационарное учебное заведение.

В феврале 1922 г. мусульманские педагогические курсы были преобразованы в тюрко-татарское отделение Тюменского педагогического техникума и переведены в г.Тюмень со всеми мастерскими [ГАТО, л.5]. Руководителем отделения был Ш.Г. Абайдуллин – уроженец с.Новые Юрты Городского района Тюменского округа Уральской области, 1897 года рождения. Он окончил медресе «Мухаммадия» в г.Казани. Первыми педагогами были Г.Ф. Валиев, уроженец с.Авустяново Аллабардинской волости Оренбургской губернии, окончивший медресе «Расулия», преподавал историю, политэкономию, Х.К. Ибрагимов, родившийся 1894 г. в г.Тобольске, обучавшийся в учительской семинарии в г.Томске, преподавал географию и физику, Г.Р. Сулейманов, родившийся в 1897 г. в юртах Исеневских Тобольского уезда. Он окончил учительскую семинарию Томского университета, преподавал математику [ГАСО, ф.-р. 233, оп.1, д.68, л.45].

Заведующий УралОНО Хасанкаев (инициалы не указаны – прим. К.С.) в отчете об образовании среди национальных меньшинств в 1924 г. отмечал, что работающих по просвещению «нацменов» в округе 82 человека. К получившим высшее образование он относил выпускников медресе «Мухаммадия» в г.Казани и медресе «Галия» в г.Уфе; к получившим среднее образование – медресе «Игдадия»; к уровню ниже среднего – закончивших четырехклассные школы типа медресе «Руждия», к низкой категории – сельские школы и мектебе. Отсюда следует, что после революции 1917 г. именно выпускники мектебе и медресе активно принимали участие в просвещении татар региона.

Учителями в новых советских школах после 1917 г. работали выпускники мектебе и медресе. По списку тюрко-татарских школ I ступени Тюменского округа за 1924 г. из 61 чел. 25 закончили медресе «Руждия», 8 – «Игдадия», 4 – мектебе, 1– медресе «Галия», 1 чел. – «Мухаммадия» [ГАСО, ф.Р–233, оп.1, д.258, л.228].

В 1924–1925 учебном году в Тобольском районе было татаро-башкирских школ 1-й ступени – 15, в Чернаковском – 7, в Дубровинском районе – 4, в Загваздинском районе – 3, в г.Тобольске –1. Среди этих школ, несмотря на существующие проблемы, были и так называемые опорные школы Тобольского округа Уральской области – Саусканская, Карагайская, Тукузская [ГАСО, ф.-р. 233, оп.1, д.255, л.2, 208]. Однако профессиональный уровень педагогов был не достаточно высоким. В 1929 г. среди учителей татарских школ Тюменского округа более 50% имели начальное образование, около 80% не имели специального педагогического образования. В 1928 г. в Тобольском округе из 76 учителей только 17 чел. имели среднее образование, с незаконченным средним – 33, с начальным – 25 чел.

Решающее значение в подготовке учителей для татарских школ имело открытие в 1930 г. в г.Тюмени татарского педучилища, переведенного в 1934 г. в г.Тобольск. До середины 1950-х гг. оно подготовило более 1500 учителей. В разное время руководство училищем осуществляли опытные педагоги Ш.Шайхутдинов, Б.Рагачурин, З.Габдракипов, К.Исмайлов, Х.Ильясов, З.Бекшенев. Многие выпускники училища стали научными работниками, мастерами педагогического труда. Среди них кандидаты наук, доценты Ф.В. Ахметова, К.М. Бурундуков, А.Г. Гаитов, И.Б. Гарифуллин, Я.Х. Манняпов, М.А. Мулюков, Заслуженные учителя Российской Федерации Р.К. Бакиева, С.К. Биктимиров, Я.К. Занкиев, отличники народного просвещения Ш.А. Аитов, Р.И. Алимбаев, Р.Х. Алимова, С.М. Мамиков, С.А. Садыков, Л.Б. Хабибуллина, Г.И. Хамитов, Ф.Р. Юсупова и многие другие.

25 января 1920 г. был создан отдел народного образования. Делом просвещения национальностей занимался действовавший при нем подотдел просвещения национальных меньшинств, а при губернском отделе народного образования – губернские подотделы просвещения национальных меньшинств [Иванов, 1962, с.91].



Ученицы татарской группы школы II ступени г.Тобольска. 1920 г.
Фото из личного архива Р.С. Кутумовой

Для осуществления положения о школах национальных меньшинств при всех отделениях народного образования: областных, губернских и уездных совдепов, были организованы подотделы просвещения национальных меньшинств [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.167, оп.1, д.3, л.109]. 1 февраля 1920 г. при Тюменском отделе народного образования организован подотдел просвещения национальных меньшинств [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.167, оп.1, д.3, л.30].

В 1920-е гг. наблюдалось стремление к сохранению национальных учебных заведений на исламской основе. В документе 1922 г. «Всем татаро-башкирским секциям» подчеркивалось, что «…в деревнях со стороны местного населения татаро-башкир, бухарцев во главе духовенства замечается стремление к открытию самостоятельных, отдельных, религиозных школ-медресе для детей школьного возраста. В некоторых юртах религиозные школы открыты и продолжают занятия» [ГАОПОТО, ф.1, оп.1, д.484, л.17; ГУТО «ГА в Тобольске», ф.167, оп.1, д.171, л.3]. Там же отмечается, что из-за подрыва работы советских трудовых школ рекомендовалось не допускать открытие самостоятельных религиозных школ, а существующие школы (мектебе и медресе) следует закрыть.

Между тем, документы указывают на то, что многие трудовые единые школы открывались в зданиях, где раньше располагались мектебе и медресе. Например, Саусканская школа на татарском языке была открыта в 1908 г., Суклемская – в 1894, Митькинская – в 1890, Салинская – в 1910, Укинская – в 1908, Карбинская – в 1901, Тукузская 2 школа – в 1910 г., Казанская – в 1910, Нардинская – в 1909 г., В-Бехтеровская – в 1907, 4-я Советская школа по улице Мало-Пилятская № 7 – в 1887 г., Исеневская – в 1915, Иштаманская – в 1911 и т.д. [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.167, оп.1, д.61, л.47, 324–408, 421]. На основании декрета Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» медресе имама Ахмед-хаджи г.Тобольска в октябре 1919 года было преобразовано в светскую четырехлетнюю школу I ступени имени Корбалея Наджафовича Нариманова [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.167, оп.1, д.229, л.2; д.21, л.3–7].

В 1924/25 учебном году татаро-башкирская школа г.Тобольска стала школой крестьянской молодежи (ШКМ), ей было присвоено имя Н.К. Крупской. Спустя семь лет татаро-башкирская школа была преобразована в общеобразовательную семилетнюю школу имени Н.К. Крупской. В эти годы в ее стенах обучалось 400 человек татарской национальности. При школе был интернат на 30 человек. В татаро-башкирской школе продолжали работать учителя-пионеры: Ш.С. Мухамедханов, А.М. Метеев, Г.Р. Терегулов, З.М. Мировалов, Н.И. Беллавина, М.Н. Урамаев. Данная школа превратилась за несколько лет работы в большую, организованную школу-семилетку.

Многие традиции новой школы продолжали традиции старой. Например, наследовалась система ценностей татар. В числе них – стремление к знаниям и уважительное отношение к учителю. В одном из отчетов отмечалось, что «тяготение к учению у татар наблюдается больше, нежели в русских школах, заметно также и желание обучению русскому языку, для этого они требуют о прикреплении к каждой школе второго учащего русского» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.676, оп.1, д.15, л.7].

В 1920/21 учебном году в Тобольской губернии насчитывалось 145 татарских школ, в которых работало 204 педагога и обучалось 7660 учащихся, 3 детских дома с 9 руководителями и 95 воспитанниками, один клуб, 20 ликпунктов безграмотности, одна школа для взрослых первой ступени, одна татарская драматическая группа, три годичных курса и т.д. Сеть образования татар составляла более 10% от общий губернской сети народного образования. При этом в процентном отношении в 1920 г. грамотность татар Сибири, как и в конце XIX в., была выше, чем у других нерусских народов региона [Аблазисова, 1997, с.65].

Тарский отдел народного образования сообщал, что в 1920 г. инородческих школ в городе было – 1 школа, в уезде – 52 школы, учителей – 77 чел. [ГАОО, ф.318, оп.1, д.1133, л.15об]. В Тобольском подотделе число мусульманских школ составляло – 63, учителей – 109 [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.167, оп.1, д.160, л.27]. Следует отметить, что мусульманская секция при Тобольском отделе народного образования существовала еще с сентября 1919 г. Заведующим был В.Н. Мурзакаев [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.167, оп.1, д.58, л.11]. В марте 1920 г. секция была реорганизована в подотдел национальных меньшинств, подразделявшийся на 2 секции – внешкольную и школьную. Заведующим подотдела и школьной секции остается В.Н. Мурзакаев, заведующим внешкольной секции и инструктором работал Х.З. Исхаков, районным инструктором В.Т. Ахметов [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.167, оп.1, д.58, л.11].

В 1923–24 учебном году русский язык был введен как обязательный предмет, ему обучали русские педагоги в 14 школах [ГАСО, ф.Р–233, оп.1, д.66, л.29].

В 1924–25 учебном году были определены опорные школы нерусских национальностей в Уральской области: 1) Танрагульская – Катайский район Челябинского Округа; 2) Б-Султановская – Яланский район Челябинского округа; 3) Саусканская – Тобольский район Тобольского округа; 4) Карагайская – Дубровинский район Тобольского округа; 5) Тукузская – Дубровинский район Тобольского округа; 6) Сарашевская – Красноярский район Сарапульского округа; 7) Б-Гондырская Бикбардинский район Саранпаульского округа, 8) Губахинская – ст. Губаха В-Камский округ [ГАСО, ф.Р–233, оп.1, д.255, л.208].

17 школ Тобольского округа обслуживали 37 селений. Общее количество учеников составляло 683 человек, из них только 7 человек русской национальности (табл. 3).

Задачи, которые стояли среди «нацмен» Урала в конце исследуемого периода включали в себя: расширение сети национальных школ I ступени, расширение сети татаро-башкирских семилеток, обучение татаро-башкир в техникумах, повышение квалификации работников просвещения, улучшение снабжения школ I ступени учебниками на родном языке [ГАСО, ф.Р–233, оп.1, д.1164, л.336–337].

Таблица 3

Число школ и учащихся в Тобольском округе, 4–25 декабря 1925 г.

№	Наименование школы	Число селений	Общее количество населения	Число детей учащихся							всего	Примечания
				по группам				по полу		русские		
				1	2	3	4	м	ж			
1.	Миткинская	4	667	24	15	–	–	30	9	6	39	Черна-ковский район
2.	Казанская	2	433	26	8	3	–	37	–	–	37	
3.	Тукузская	2	840	20	15	10	–	41	4	1	45	
4.	Вершинская	4	740	30	18	–	–	41	7	–	48	
5.	Тебендинская	2	424	20	21	–	–	22	19	–	41	Загваз-динский район
6.	Саургатская	1	362	22	8	–	–	24	6	–	30	
7.	Кайнаульская	4	490	23	7	–	–	19	11	–	30	
8.	Абаульская	1	374	24	12	–	–	26	10	–	36	Дубров-ного район
9.	Карагайская	4	947	20	14	6	–	34	6	–	40	
10	Салинская	3	564	24	18	–	–	31	11	–	42	
11	Ренчинская	1	419	39	11	4	–	41	13	–	54	
12	Вагайская	3	1214	24	38	–	–	53	9	–	62	Тобольский район
13	Шамшинская	2	467	5	12	–	–	13	4	–	17	
14	Епанчинская	1	459	27	9	–	–	29	7	–	36	
15	Куларовская	1	417	15	10	6	–	25	6	–	31	
16	Кызылбаевская	2	559	23	12	4	–	21	18	–	39	
17	Саусканская	4	939	16	15	9	16	43	13	–	56	

Одной из проблем и задач просвещения татар Прииртышья в 1920-е гг. был переход к обучению на родном языке. После обсуждения на разных уровнях было принято решение о переходе на пятилетний курс обучения [ГАСО, ф.Р–233, оп.1, д.1163, л.12–14].

25 марта 1927 г. инспектор Уральского областного отдела народного образования т.Шаматов по обследованию дел просвещения в Тобольском округе среди нацмен сообщал, что «в прошлом учебном году по округу было 201 школа I ступени; из них русских – 137, татарских – 33, а в этом учебном году всех школ по округу – 219. Из них русских – 149, татарских – 37» [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.676, оп.1, д.379, л.12об–13].

Для взрослого населения создавались два типа школ. Школа для малограмотных с шестимесячным курсом с целью ликвидации малограмотности и школы для взрослых повышенного типа с 2–3 годичным курсом [ГУТО ГАТО, ф.80, оп.1, д.127, л.8]. Общеобразовательные школы для взрослых повышенного типа делились, в свою очередь, на две основные группы: 1) с сельскохозяйственным уклоном и 2) с индустриально-производственным уклоном [ГУТО ГАТО, ф.80, оп.1, д.43, л.1].

В 1928 г. была проведена реформа письменности, она предусматривала переход с арабской графики на латинскую [ГАСО, ф.Р. – 233, оп.1, д.1163, л.214; ГАСО, ф.Р–233, оп.1, д.1166, л.37; ГУТО «ГА в Тобольске», ф.679, оп.1, д.54, л.23; ГАСО, ф.Р–233, оп.1, д.54, л. 23; ГУТО «ГА в Тобольске», ф.679, оп.1, д.54, л.23; ГАСО, ф.Р–233, оп.1, д.1164, л.34, 104 об.]. А затем в короткий срок был осуществлен переход с латинской графики на кириллицу. Эти изменения для татарского населения стали историческими, объективную оценку которым еще предстоит сделать.

К 1929/30 учебному году были опубликованы «Программы единой школы I ступени» в двух вариантах: 1) для городских школ и 2) для сельских школ. В программе 1929 г. был увеличен материал политехнического характера.

В 1930-е гг. руководством страны было принято решение ввести всеобщее обязательное начальное обучение.

Сеть школ для татарского населения неуклонно росла. Так по Тюменскому округу в 1926/27 учебном году было 40 школ, в 1928/29 учебном году – 49, 1929/30 учебном году – 53. А к 1930/31 учебному году предполагалась организовать 56 школ.

В 1920-е гг. образование татар Прииртышья в советских школах становится светским. Характеристика и анализ исследуемого периода свидетельствуют, что новая система принесла для татар и положительные и отрицательные изменения.

Перестройка школьного образования происходила на основе его принудительного всеобщего огосударствления, замены конфессиональных учебных заведений системой Единых Трудовых общеобразовательных школ, перевода процесса обучения учащихся с арабской письменности на латиницу. Трудности перестройки заключались в отсталости материальной базы, недостаточном финансирования школ и нехватке национальных учительских кадров. Следует отметить, что учителя выступали инициаторами массового движения за ликвидацию неграмотности и малограмотности взрослого населения.

Таким образом, для роста и развития культурно-образовательного уровня населения необходимо было решить определенные задачи:

1. Подготовить новую народную интеллигенцию, кадры для народного хозяйства из числа национальных меньшинств [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.167, оп.1, д.62, л.120];

2. Поднять образовательный уровень всего населения [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.676, оп.1, д.380, л.37].

Успехи строительства национальных школ во многом зависели от наличия национальных педагогических кадров [Иванов, 1962, с.88]. Для решения этой проблемы были организованы краткосрочные педагогические курсы по подготовке и переподготовке учителей по специальной программе с учетом национальных особенностей и языка. На основании постановлений Совета Труда и обороны от 9 июня 1920 г. и Совета Народных Комиссаров от 9 мая 1921 г. «О возвращении к работе по своей специальности работников просвещения» учителя не призывались в Красную Армию, а мобилизовались на работу в народное образование.

С 1 июля 1920 г. в г.Тюмени были открыты двухмесячные педагогические курсы для мусульман Тобольской губернии [ГУТО «ГА в Тобольске», ф. 167, оп.1, д.57, л.11]. В 1920 г. в г.Тюмени были открыты трехгодичные педагогические курсы подготовки учителей для татарских школ, которые в начале 1922 г. были преобразованы в тюрко-татарское отделение Тюменского педагогического техникума. В феврале 1922 г. мусульманские педагогические курсы соединили с педагогическим техникумом и перевели из Новых Юрт в г.Тюмень [ГУТО ГАТО, ф.80, оп.1, д.149, л.5]. В 1930 г. отделение было преобразовано в самостоятельное учебное заведение, а в 1934 г. было переведено в Тобольск [Гарифуллин, 2000, с.137].

Учебные заведения целенаправленно вели работу по распространению идеологии новой власти. Для подготовки партийных и советских работников еще в декабре 1919 г. в г.Омске была открыта Сибирская областная школа партийных и советских работников. В июне 1922 г. интернациональное отделение окончили 71 человек, из них татар и казахов 32 [Иванов, 1962, с.87].

В 1920-е гг. в Уральской области существовали педтехникумы (областного значения) по подготовке учителей: Свердловский татаро-башкирский педтехникум (заведующим был С.Мухетдинов, преподавательский состав насчитывал 26 учителей при 120 учащихся); Троицкий татаро-башкирский педтехникум (заведующий – К.Зайнетдинов, преподавательский состав – 19 чел., количество слушателей – 125); Тюрко-татарское отделение при Тюменском педтехникуме.

Известный меценат Н.Сейдуков пожертвовал 19 000 рублей для развития школьной системы. После его смерти казанский профессор А.Урманчиев, собрав общественность, предложил построить школу в честь памяти Н.Сейдукова. В 1913–1914 гг. школа была построена и стала новометодной. Здесь учились Х.Ярми, М.Бабукин, С.Гафуров, З.Ташкалов, Ж.Губайдуллин, Н.Бурундуков, М.Муртазина, Г.Сабитова, Х.Юмачикова и др. Данная школа работала до 1919 г. в селе Ембаево [ГАСО, ф.Р.–233, оп.1, д.68, л.45].

Таким образом, в 1920-е гг. были осуществлены целевые программы, рассчитанные на подготовку квалифицированных кадров в области культуры и просвещения из среды местного населения. Но полностью решить проблему обеспечения специалистами образовательных и культурно-просветительных учреждений в короткие сроки не удалось.

Состояние образования сибирских татар в 1950–1990-е гг.

Основной задачей школ в 50–90-е гг. XX в. стало формирование нового социалистического типа личности: патриотическое, интернациональное, коммунистическое воспитание призвано было нивелировать национальные различия. Необходимо было совершенствовать язык межнационального общения, главным направлением в языковой политике становится активное внедрение русского языка во все сферы жизни, что не могло не способствовать русификации образования и делопроизводства.

На ноябрь 1945 г. по Тюменской области в отчетных документах школ с татарским языком обучения фигурировало 107 (с количеством учащихся 4989 чел.). К началу 1948–1949 учебного года национальных татарских школ по области было уже 155 с общим количеством учащихся – 7122 [ГУТО ГАТО, ф.1823, оп.1, д.81, л.87–95]. На этих примерах хорошо видна динамика роста численности татарских школ. Материальное состояние этих школ было тяжелым, что было характерно для всех типов послевоенных советских школ. В отчете Тюменского облОНО о работе нерусских школ в 1948–1949 учебном году говорится, что типовые здания имели только 9 семилетних школ, остальные школы размещались в приспособленных помещениях; при 12 школах функционировали интернаты с плохой обеспеченностью инвентарем [ГУТО ГАТО, ф.1823, оп.1, д.81, л.87–95]. Как школы, так и интернаты представляли собой плохо отапливаемые обветшалые помещения, дети учились впроголодь, питаясь, в основном, картофелем, на занятиях из-за холода сидели в верхней одежде.

При этом контроль за всеобучем не ослабевал. Проверки облОНО и райОНО шли даже в тяжелые военные годы. К примеру, в отчете Тобольского райОНО о работе татарских школ за 1 полугодие 1948–1949 учебного года указывается, что в 17 татарских школах района не были охвачены начальным всеобучем 8 человек; семилетним обучением – 62 человека, в т.ч. и окончившие 4 класса ранее, основная причина – отдаленность школы от 20 до 70 км от места жительства, и в связи с тем, что учиться и жить в условиях интерната не было возможности [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.495, оп.1, д.186, л.22–23]. Основными проблемами школ были отсутствие подвоза детей из отдаленных деревень и отсутствие для них организованного питания.

Татарские школы работали по специальным учебным планам для национальных школ. Все предметы в 1–4 классах татарских школ, кроме русского языка, преподавались на родном языке учащихся. В сельских школах в среднем звене преподавание велось на родном языке, в городских школах физика, химия, математика, биология преподавались на русском языке. Существовали проблемы с обеспеченностью программами и учебной литературой [ГУТО «ГА в Тобольске», ф.495, оп.1, д.186, л.22–23].

Изменения в образовательной политике государства определяли характер контроля татарских школ отделами народного образования на местах [Хисаметдинова, 2011б, с.62–68]. Проверки татарских школ регулярно стояли в планах Тюменского облОНО [Татарская школа Тюменской области, 1998, с.93], школы же имели существенные объективные проблемы. Основными проблемами было отсутствие квалифицированных педагогических

кадров как в преподавании татарского (литературного), так и русского языков; отсутствие эффективных методик преподавания по всем дисциплинам; отсутствие русскоязычной среды общения у учащихся. В условиях того времени невозможно было быстро добиться желаемого результата, а именно – быстрого и существенного улучшения преподавания русского языка. Необходимо было систематически работать над этим, прежде всего, оказывая методическую помощь учителям национальных школ и исходя из приоритета сохранения национальных языков и культур. Проводившаяся же политика привела к переходу с начала 1960-х гг. национальных татарских школ на русский язык обучения.

Безусловно, важнейшей проблемой татарских школ была подготовка квалифицированных педагогических кадров. Тобольское татарское педучилище, а также татарское и русско-татарское отделения филологического факультета Тобольского педагогического института специализировались на подготовке учителей русского, татарского языков и литературы для национальных татарских школ области. Региональные отделы народного образования и в 1950-е и в 1960-е гг. все еще констатировали неблагополучие в кадровом вопросе. К примеру, в справке Тюменского облОНО от 15 марта 1951 г. для Министерство просвещения РСФСР указывалось, что на 152 татарские школы области с 8457 учащимися приходилось учителей татарского языка 39 человек, из них с высшим образованием и с образованием учительского института – 9 человек; со средним педагогическим образованием – 30, учителей русского языка и литературы – 40 человек, из них с образованием учительского института и с высшим образованием –11, а со средним педагогическим образованием – 29 [Татарская школа Тюменской области, 1998, с.98–99].

Базовым учебным заведением по подготовке кадров было Тобольское татарское педучилище, которое за годы своего существования (до 1955 г.) подготовило более 1500 учителей [Национальная школа сибирских татар, 2005, с.10]. Даже в годы войны училище функционировало в полную силу (ежегодно принимало по 3 группы) и вело активную работу с районными отделами народного образования по учету учителей татарских школ, не имеющих специального образования, и вовлечению их в систему заочного обучения. Значительный вклад в подготовку студентов, в целом – в работу Тобольского татпедучилища, затем – отделений ТО и РТО при Тобольском пединституте внес М.Х. Исхаков (1898–1998) – видный педагог и общественный деятель [Сибирские татары,1998, с.197–199]. Значительной является роль в подготовке кадров для национальных школ Тюменского региона основательницы широко известной семейной педагогической династии Ф.Г. Гали-Акберовой (1905–1996 гг.). Среди многочисленных выпускников училища – кандидаты наук, доценты кафедр Ф.В. Ахметова, К.М. Бурундуков, А.Г. Гаитов, И.Б. Гарифуллин, Я.Х. Манняпов, М.А. Мулюков, заслуженные учителя школы РФ С.К. Биктимиров, Я.К. Занкиев, отличники просвещения Ш.А. Аитов, Р.И. Алимбаев, Р.Х. Алимова, С.М. Мамиков, С.А. Садыков, Л.Б. Хабибуллина, С.Г. Хамитова, Г.И. Хамитов, Ф.Р. Юсупова и др. [Национальная школа сибирских татар, 2005, с.10].

В послевоенные годы в школах области возросла потребность в учителях с высшим образованием. В 1953 г. факультет с 2-х годичным сроком обучения для подготовки учителей русского, татарского языков и литературы для татарских школ, функционировавший при Тюменском пединституте, был переведен в Тобольский пединститут с 4-летним сроком обучения. Организатором и первым заведующим кафедрой татарского языка и литературы в Тобольском пединституте был Г.Х. Ахатов (1927–1986), впоследствии видный учёный-тюрколог, доктор филологических наук, создатель кафедр татарского языка и литературы в ряде государственных университетов и педагогических институтов страны, в Тобольске он проработал до конца 1957–1958 учебного года [Садыков, 2013, с.176–178]. За 12 лет пединститут подготовил более 250 учителей по данным специальностям для национальных татарских школ Тюменской области.

В 1967 г. из 832 учителей школ области 306 человек имели высшее, незаконченное высшее, 376 – среднее педагогическое и 138 человек – общее среднее образование. К

сожалению, изменившиеся идеологические установки советского государства привели к разрушительным для национального образования и для национальной культуры последствиям. В 1959 г. было закрыто татарское отделение, а в 1965 г. – русско-татарское отделение Тобольского пединститута, еще ранее, в 1955 г. прекратило свое существование Тобольское татарское педучилище.

Начиная со второй половины 1950-х гг. проводились реформы в школьном образовании, нацеленные на демократизацию обучения. «Закон об укреплении связи с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования СССР» (1958 г.) явился поворотным для национальных татарских школ Тюменской области. Реформа предоставила свободу выбора между русскими и национальными школами и сделала второй язык факультативным. Именно после этого количество национальных школ резко сократилось [Мосунова, 2009, с.84].



На уроке в школе. Заболотье. 1960-е гг. ТИАМЗ

Уже с начала 1960-х гг. повсеместно в стране начали переводить национальные школы, в т.ч. и татарские, на русский язык обучения. Так, к примеру, с 1961 г. средняя школа №15 Тобольска – единственная татарская школа города, перешла на преподавание всех предметов по программе русских школ [Материалы музея МАОУ СОШ № 15 г.Тобольска, 2012]. В 1963 г. была закрыта областная татарская газета «Ленин юлы», выходившая в г.Тобольске на татарском языке; чуть позже закрыты национальные педагогические учебные заведения, готовившие учителей для национальных школ. Подготовка специалистов в г.Казани по направлению области также была прекращена. Ю.П. Прибыльский, в течение долгого времени являвшийся научным руководителем музея-лаборатории народного образования Тюменской области, оценивал перевод в 1970-е гг. татарских школ на русский язык обучения как «неоправданный», приведший

к «забвению и утрате ими родного языка» [Татарская школа Тюменской области: прошлое и настоящее, 1998. с.111]. От 152 татарских школ Тюменской области (с контингентом 8457 учащихся), функционировавших в 1951 г., к 1990 г. осталось лишь 93 школы (5380 учащихся) [Садыков, 2006, с.43]. Для национального образования последствия образовательных реформ оказались тяжелыми. В этот период произошло резкое сужение пространства функционирования национального языка. Во многих семьях, не говоря уже об общественной сфере, родной язык перестал быть языком общения.

Несмотря на это, отдельные педагоги и даже отдельные школьные коллективы показывали поистине выдающиеся результаты.

Известные школы и педагоги 1950–1980-х гг.

Наиболее заметное место в национальном школьном образовании Тюменского региона занимала школа №15 г.Тобольска. В годы Великой Отечественной войны школа стала 7-летней, а с 1951 г. снова средней. С 1961 г. школа перешла на преподавание всех предметов на русском языке по программе русских школ. И.Б. Гарифуллин, возглавлявший коллектив школы №15 в 1950-е гг. и отмеченный за свою успешную работу руководителя и преподавателя почетным знаком «Отличник народного образования РФ», затем долгие годы работал на поприще партийной работы инструктором горкома, затем обкома КПСС [Материалы музея МАОУ СОШ №15 г.Тобольска, 2011]. Одними из самых памятных страниц своей летописи школа №15, «кузница кадров сибирско-татарской интеллигенции», обязана Д.А. Массагутовой – первому педагогу из сибирских татар, получившей звание «Заслуженный учитель РСФСР» (в возрасте 32 лет). За значительный вклад в деятельность по обучению и воспитанию подрастающего поколения горожан удостоена звания Почетный гражданин г.Тобольска.

В истории татарского национального образования оставил свой след и А.Г. Гаитов, начинавший свою профессиональную деятельность в 17-летнем возрасте с должности учителя математики и заведующего Чебургинской школой Байкаловского района. Хорошо известны и имена педагогов, посвятивших свою профессиональную жизнь самоотверженному и плодотворному труду в школе №15 и заслуживших уважение многих поколений своих учеников, это – К.М. Муратов, Н.З. Маметов, С.К. Маметова, Р.Х. Сафина, Т.Х. Латфуллина, Х.Х. Гаитова и др. [Материалы музея МАОУ СОШ №15 г.Тобольска, 2011].

В эти годы выделяется и Асланинская школа Ялуторовского района Тюменской области. В течение нескольких десятилетий ее коллектив был центром методических поисков национальных татарских школ области. Учителя здесь делали главный упор на применении в практике педагогических идей А.С. Макаренко. Директором в эти знаменательные для школы 1970–1980-е гг. была Г.А. Калиева, сумевшая совместить незаурядный педагогический талант с талантом руководителя [Материалы историко-этнографической экспедиции, 2012].

В 1960–1970-е гг. методическим центром для татарских школ Тобольского района и Тюменской области стала Епанчинская средняя школа Тобольского района, где сложился интересный опыт музейно-краеведческой деятельности и которой в течение долгого времени (1950–1952, 1956–1975) руководил Я.К. Занкиев – выдающийся педагог, Заслуженный учитель РСФСР, первый профессиональный писатель и общественный деятель сибирских татар, автор романов «Зори Иртыша» и «Любовь, объятая пламенем».

В 1970–1980-е гг. научно-методической базой по обмену опытом для учителей татарского языка и литературы была Акияровская восьмилетняя школа (учитель татарского языка и литературы Л.Б. Хабибуллина). Здесь открытые мероприятия не раз проходили в присутствии татарских писателей, деятелей искусства, авторов татарских учебников и т.д. Высокую оценку также получили деятельность Ембаевской средней школы Тюменского района и Ново-Каишкульской 8-летней школы Ярковского района.

Трансформация национальной школы в постсоветский период

Со второй половины 1990-х гг. начинает подниматься вопрос о возрождении национальных татарских школ области. В «Концепции национальной политики в Тюменской области на период 1999–2005 гг.» указывалось на существующие проблемы и достижения сибирских татар. В области образования успехом было увеличение количества татарских школ и учащихся, изучающих родной язык; открытие отделений по подготовке учителей татарского языка и литературы в Тобольском педагогическом институте имени Д.И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г.Тобольске и Тюменском государственном университете. В 1990 г. в Тобольском педагогическом институте возобновилась работа русско-татарского отделения (РТО) при филологическом факультете, в 1994 г. открылась кафедра татарского языка, литературы и методики преподавания. У истоков возрождения стояли Р.А. Вафеев – д.ф.н., позднее – профессор Сургутского государственного университета, Ф.С. Сайфуллина – д.ф.н., профессор кафедры татарского языка и литературы ТГПИ, К.С. Садыков – к.п.н., доцент кафедры татарского языка и литературы ТГПИ. В Тюменском государственном университете русско-татарское отделение с 2002 г. возглавила Х.Ч. Алишина – д.ф.н., профессор ТГУ.

Объявленное возрождение национальных татарских школ, начавшись с 90-х гг. XX в. длилось десятилетие, но уже с начала 2000-х гг. начинается сокращение этих школ и реорганизация в школы с этнокультурным компонентом [Хисаметдинова, 2012, с.135–140]. Такая ситуация сложилась не только в Тюменской области, она была типична для многих российских регионов. На сегодняшний день есть опыт ввода татарского этнокультурного компонента в образовательную и воспитательную деятельность общеобразовательных учреждений Тюменской области (МАОУ СОШ № 15 г. Тобольска, МАОУ СОШ № 52 г. Тюмени, МАОУ СОШ № 39 г.Тюмени, МАОУ Янтыковская СОШ Тюменского района и др.).

Очевидны проблемы в организации школ с этнокультурным компонентом. Установленные федеральным компонентом базисного учебного плана 2 часа в неделю на изучение родного языка и литературы и переход школ на пятидневную рабочую неделю отрицательно сказались на изучении родного (татарского) языка. Проблемами также являются недостаточность средств на разработку, издание программно-методической литературы; на квалифицированную, специализированную подготовку и поддержку педагогов; создание и реализацию межведомственных программ, проведение всероссийских мероприятий с детьми. На данный момент все же идет поиск механизмов и инструментов мотивирования образовательных учреждений для реализации программ этнокультурной направленности.

Глава 3

Традиционное хозяйство и материальная культура

§ 1. Жилище*

Юлдус Мухаметшин

В статье используются материалы, собранные автором в селениях западносибирских татар в 1990, 1992 и 1994 гг. в Тюменской, Омской областях и историко-этнографические публикации прошлого и нашего времени. В сопоставительных целях привлекаются материалы тома «Жилище» Историко-этнографического атласа татарского народа. Работа направлена на обзор существовавших в конце XIX – начале XX вв. строительной техники, конструкции, типов и интерьера жилищ. В ее задачу входит раскрытие темы в двух сравнительных аспектах: 1 – степень и характер традиционных и отличительных явлений между обследованными группами татар Западной Сибири и 2 – между ними и свойственными для волго-уральских татар. Уделяется внимание терминологии этнографических элементов, дополняющих информативную нагрузку материалов.

Для конкретизации этнографического материала по территориальному принципу применяем обозначение исследованных групп, предложенное Н.А. Томиловым: тюменские (Тюменский, Ялуторовский, Нижне-Тавдинский, Ярковский р-ны), тобольские (Тобольский, Вагайский р-ны), заболотные (северо-запад Тобольского р-на), тевризские (р-ны Омской обл.) [Томилов, 1981, с.15–134].

Материалы и конструкция

Большинство жилищ тюменские и омские татары строили из сосны (*карагай, цу агач, шытыра*). Особо ценилась древесина с невзятой смолой (*кызыл агач*). Лишь немногие срубы тюменских и тевризских групп были из ели (*терке, цөй агач*, *урман, еш агач*) и только в послереволюционный период – из осины (*аусак*), березы [Храмова, 1949, л.20]. Ель и пихта (*пайлан, ак нарат*), а в Заболотье и липа, шли для кровли, а лиственница (*тет агач*) и кедр (*косык агач*) – на нижние венцы и стояки фундамента. Из тополя (*тирэк, яу тирэк*) изготовляли детали внутренней обстановки. Нередко тобольские и заболотные татары привозили хвойный лес (или готовые срубы) из дальних лесных мест, а также покупали сплавную древесину. Строевой лес рубили зимой, в лесу же ошкуривали и на некоторое время оставляли для просушки. При перевозке использовали помочь (*өмә*), в которой участвовали, как впрочем, и при сборке сруба (*өй күтәрү өмәсе*), многие жители селения.

К изучаемому времени в большинстве селений сложились свои профессиональные плотники, пильщики досок. Прирабатывали и расколом бревен, изготовлением топорного теса. Мастера по дереву обслуживали свои и соседние селения, нередко уходили и в дальние районы. Иногда встречались дома, построенные пришлыми плотниками из русских (*чалдон плотниклары*), крещеных татар.

Практически единственным плотничьим инструментом был топор (*балта*). Им производили все работы по обработке бревен, всех конструктивных элементов, вклю-

* Печатается по: [Сибирские татары, 2002, с.86–113].

чая и деревянной обстановки. Венцы изб, сработанные одним топором, были плотно подогнаны, что исключало дополнительное утепление. Со второй половины XIX в. постепенно внедрялась ручная пила (*маховой пила*), позволявшая распиливать бревна на длинные доски (*нерә телү*). К концу века сельские строители пользовались уже достаточно широким набором плотничьих и столярных инструментов. Это топоры с вогнутым лезвием (*кош борны, бәлҗә, айвалда, көрәц*) для выемки пазов, стамески с прямым (*каңгау*) и полукруглым (*өтке*) лезвием, скребки с полукруглым (*кул ешкы*) и с прямым (*ешкы*) лезвием для снятия коры, черта (*сызгы, гайгыц*) для обозначения линии пазов, рубанки (*струг*), фуганки (*пуган*) и пр.

Сруб собирали из круглых венцов (*эрге*) с остатком углов, скрепляя их полукруглой выемкой (*чашка*), известной в домостроительстве многих народов как рубка «в угол», «в чашу». В старину пазы рубили (*тырнак салу*) вдоль верхней части венцов. Это приводило к накоплению влаги и гниению. Лишь у богатой части населения встречались дома, рубленые «в лапу», т.е. без выпусков концов, с ровными углами (*мүгешсез бура*), и возведенные из расколотых толстых половинок бревен (*заплот бура*). Срубы жилищ и их конструктивные элементы строили в определенной последовательности. Первоначально венцы собирали в черновом варианте вблизи предназначенного для дома места в усадьбе; рубили первую часть клетки в несколько бревен, затем снимали с нее верхние венцы и на них наращивали среднюю клетку и таким же образом – верхнюю. Одновременно оставляли проемы для окон и двери. Бревна нумеровали зарубками и оставляли для просушки. Проявившиеся при этом отдельные дефекты исправляли при сборке сруба в черте двора. Венцы конопатили сухим мхом (*саз мүк*) или паклей (*цүмәк*). При тонких венцах швы между ними промазывали глиной.

Дома остерегались ставить на участке, где ранее забивали скот (*хайван буаслаган жир*), находился туалет (*әцәлдек*). Границу будущего дома намечали так, чтобы его вход ориентировался на северную сторону или к реке, а окна – на солнечную. Как правило, в этом направлении старались ставить избу торцовой стеной. Она не должна была выступать за черту усадебной застройки соседей, связанной с другими дворовыми службами. Лишь в редких дворах к сеням жилища пристраивали навес (*таскак, түбәлек*). Многие из названных принципов размещения жилища имели место в строительной культуре волго-уральских татар.

В конце XIX – начале XX вв. в селениях еще бытовали низкие (поземные) одно- и двухкамерные типы жилищ (см. ниже), построенные по старым строительным канонам, включая отсутствие фундамента, завалинки и т.д. Большинство же домов ставили изолированно от почвы – на вкопанных до твердого глинистого слоя (*нәште*) угловых стойках (*төп, цүкә, түмчәк, түкмәк*). Для них выбирали толстые обрубки комлевой части древесины (*өсләк*), иногда с корневищами. Пространство между ними заполняли плотным рядом вертикальных стоек или уложенными поперек стен короткими бревнами, поленьями. Оба варианта фундамента применяли некоторые группы мишарей Поволжья. Угловые стояки покрывали берестой и собирали первый ряд венцов (*укладник*). В углу торцовой стены под нижним венцом оставляли, как и волго-уральские татары, с пожеланием благополучия дому, семье, серебряные монеты, либо обернутый в шерсть хлеб с солью. В зависимости от вертикального развития сруб на этом уровне, либо на 2–4 венцах выше врубали переводы пола (*аргалык, ыргалык*). Настил его делали из стесанных тонких и половинок колотых бревен (*тәсник, тәсничә*), затем заменявшиеся пиленными толстыми половицами. Их собирали вплотную в один слой, изредка соединяя «в шип» плашками, вбитыми в углубления на торцах досок. В домах с высоким расположением переводов встречались двухслойные полы, утепленные землей и соломой.

Показателем старинной техники строительства являлось отсутствие подполья. Его зачастую заменяло углубление под нарами (*урындык асты, оры*), где хранили неболь-

шой запас картофеля. Большая же часть жилищ устраивалась с подпольной ямой (*өй базы*, *пугряб, картоп оры*), глубиной в 0,5–1,5 м. Ее выкапывали на расстоянии от стен в 1 м, по верхнему краю ставили сруб в 2–3 венца (*кара бура*) и пространство между ними заполняли землей. Стены ямы обшивали мелкими бревнами, тесинами (*койма кою*). В нее спускались через люк на полу (*төнлек, төплек*).

Установка переводов на более высоком уровне (до 5 и более венцов) превращало подполье в подъизбье (*түбән өй*) и в подклеть (*пудвал*). Вход в последнюю находился снаружи; в ней зимой хранили ульи, содержали молодняк скота.

В традиционных однокамерных (с сенями) избах количество окон не превышало одно-двух, в двухкамерных – трех. В многокамерных жилищах их количество увеличивалось. Однооконными были архаичные формы жилищ и у татар Приуралья и Зауралья, татар Томского Приобья [Томилов, 1980а, с.90]. Окна устраивали прямоугольной формы. Иногда по образцу русских жилищ ставили коробку с полукруглым верхом. Обычно они были однорамными (40х50–100х120 см) и обтянутыми желудочной плевой животных (*карындык*). Лишь с появлением стекол (*шишә*) стали ставить вторые зимние рамы, приделывать форточки (*төнлек*). Некоторая специфика в устройстве окон замечалась еще в середине XIX в. у тобольских татар: «попадались домики с одним только окном, составленным из двух, одного подле другого, без всякого простенка» [Юшков, 1861, с.73]. Этот давний традиционный признак, наряду со сдвинутым к краю передней стены одним окном, сохраняется и в современных домах и находит аналоги в жилищах мишарей Окско-Сурского междуречья.

Проем двери, особенно в низких избах, был небольшим (ниже роста человека). Его оформляли косяком из брусьев и приподнятым над полом порогом. Под ним, как и под подоконником, оставляли бересту. Дощатое полотно двери утепляли камышовыми циновками, мешковинами, телячьими шкурами и т.д.

С матицей также были связаны некоторые обычаи. Под нее подкладывали серебряные монеты. Она не должна была выходить за линию, пересекающую ноги спящих на нарах, иначе их мог придушить злой дух *албасты*. Сваха не проходила далее матицы, выражая этим намерение просить согласие родителей на выданье дочери. У тобольских и тюменских татар при выезде главы семьи из дома на долгое время, в щель над матицей вставляли лучины (*каскак*). По его возвращении хозяйка растапливала ими очаг и готовила угощение для созываемых по этому поводу гостей (*кузай тын үткәрү*).

Матицы из круглой, либо 4-х-гранной балки (*аркалык, укладник*) врубали в верхний венец (*маурлат, туираклык*) боковых стен, т.е. поперек сруба, порой – вдоль продольной его оси, что особо практиковали заболотные татары. В больших по объему домах применялась и конструкция с двумя-тремя матицами. Их клали между бревнами стен и дополнительными двумя-тремя венцами, врубленными в середине сруба. Аналоги подобной конструкции имелись в домах пермских татар. В избу входили, совершая некоторые обрядовые действия. При заселении нового дома первой через порог пускали курицу или кошку, вносили в избу хлеб с солью, как бы отдавая дань домовому (*өй иясе, ияле, пичин*). Тобольские и тюменские татары невестку при вхождении в дом жениха очищали огнем от злых духов (*торын кую, ут ташлау*): заставляли переступить через поставленную на порог железную плошку (*торын*) с тлеющими головешками, или опахивали ее дымом из той же плошки, либо дымом зажженого веника. Тевризские татары при этом перед порогом рвали на полоски материю (*тупса ерту*). В старых формах жилищ часто перекрытие потолка (*өй түбә, түбә такта*) из накатника одновременно являлось кровлей (*ябу*). В раздельной же их конструкции потолки вплоть до конца XIX в. делали из той же, что и для пола, обработанной топором древесины. Позднее она заменилась потолочными досками, из пиленого леса. Пазы между ними промазывали глиной, закрывали горбылями и весь потолок засыпали землей. Нередко под ее слоем оставляли берестяные тиски, соло-

му, сухое болотное растение (*кылган*), опилки (*керә цүбе*). Дома богачей иногда имели двойные потолки с земляным наполнителем.

Кровля жилищ делалась бесстропильной и стропильной конструкций. Первая еще в 20-х гг. XX в. сохранялась в одно и двухкамерных постройках. Она была устроена в форме плоской или наклонной, а также, так называемой, «самцовой» двухскатной кровли с пологими скатами (*итлек түбә*). Бревенчатый их настил покрывали берестой, затем пластами дерна (*кәс*), либо просто землей. В середине XIX в. такие кровли были массовыми у татар Западной Сибири. «Их избенки частично без крыш или с земляными крышами, между ними в более зажиточных деревнях гордо высятся два-три порядочных дома с тесовыми крышами» [Валеев, 1980а, с.107]. В изучаемый период стропильные кровли имели 2-х и 4-х скатную форму (*түгәрәк түбә, кыеды ябу*), которая преобладала. Это объяснялось тем, что в старину избы рубили одним топором: длинные же доски для 2-х скатной крыши делать было трудно [Храмова, 1948, л.14]. Стропила (*торгыцма кайцы*) ставили на прикрывающие матицу бревна (*ирлек, колак бүрәнә, балцык тотар бүрәнә*) или на специальные подстропильные балки, уложенные поперек стен сруба. В шатровых крышах эти балки клали по диагонали от углов к центральному подстропильному бревну. Скрещивающие концы стропил подпирали стояками и соединяли коньковым брусом (*пельник, боевой бүрәнә*). На стропила прибивали обрешетку из жердей, горбылей. Такой остов кровли в основном покрывали пиленым тесом, а ранее – топорным. Иногда под них подкладывали берестяные тики. Доски прибивали известным способом «в разбежку»: на расстоянии друг от друга, прикрывая щели верхним рядом (*распилка ябу*). Покрывали и вплотную пригнанными досками в два слоя (*рубежка ябу*). Скаты иногда промазывали дегтем (*сагыз, тус май*). У тюменской группы применялась дранка (*трәнцә, щипа, стружка*). Ее щипали длинным топором из безсучковой части сосновых бревен. Клали на обрешетку в 3–4 слоя. Изредка на кровлях жилищ названной и тевризской групп сохранялась ржаная солома, уложенная способом «внатруску», у тевризских же и заболотных – камыш (*күшер*) в сочетании с глиной, а также – береста, уложенная несколькими пластами (*тус түбә*). Вдоль их стыков укладывали слеги из жердей (*цылтыр, сыргый*). Береста, хотя и не так массово, как у западно-сибирских татар, использовалась и в строительстве жилья некоторых групп волго-уральских татар, чаще – восточных. Дома под железной кровлей принадлежали богатым семьям.

Тимпан фронтона (*сумса*) обшивался тесом, но в части жилищ оставлялся открытым. Данный признак присутствовал и по настоящее время имеет место не только в жилых, но и в хозяйственных постройках – летних кухнях, амбарах, сараях (*савасна*) и др. То же характерно для татар пермского, уфимского, оренбургского Приуралья и Зауралья [Мухаметшин, Халиков, 1983, с.62]. Общим конструктивным показателем между пермскими и западно-сибирскими татарами являлось отсутствие карниза (*гарниц*), вследствие чего оставалось открытым пространство между верхними бревнами сруба и подолом крыши. Фронтон в старых избах обшивали в одной плоскости с торцовой стеной. Отсутствовали в нем и причелины вдоль кромки. Обшивка фронтона, карниз и причелина появились, видимо, в связи с постепенным внедрением высоких жилищ, построенных в традициях «северно-среднерусского» домостроительства. Так, еще в середине XIX в. отмечалось, что «дома сибирских татар ... имеют окна небольшия и почти под самой кровлей, хотя бы дом имел значительную высоту» [Юшков, 1861, с.75].

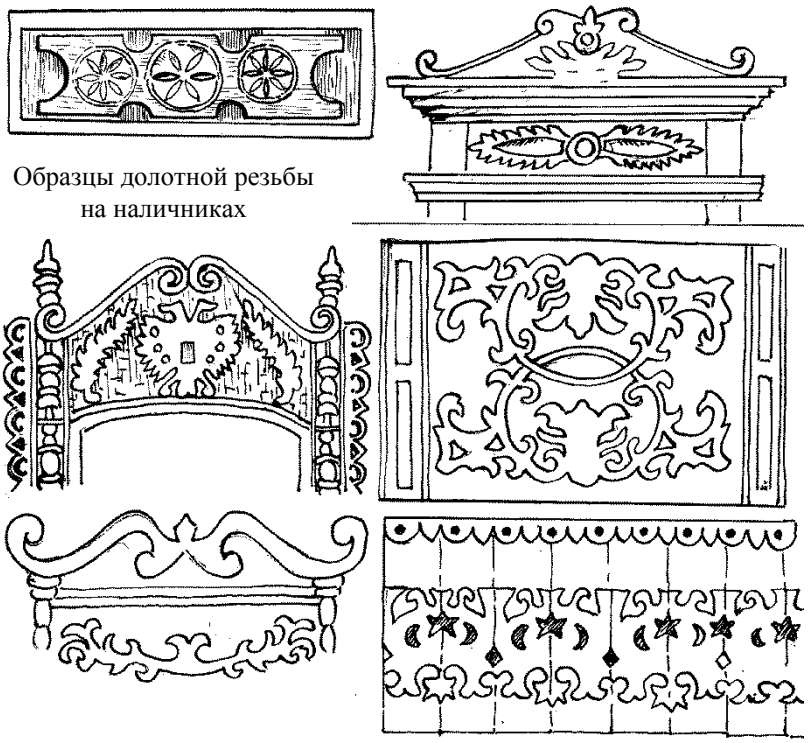
В начале XX в. на фоне низких жилищ выделялись значительно развитые в вертикальном отношении срубы, окна которых располагались на 5–8 венцах. Это характерно и для современных домов.

В жилищах западно-сибирских татар оформились и другие конструктивные черты, близкие к строительству лесной полосы России: сильно нависающие над срубом подолы кровли, глубокая ниша фронтона, так называемый широкий «картуз» – наклонный

дощатый козырек внизу фронтона, выдолбленные из бревна водотечники (*шаулаб, көрдәвек*), на желоба которых упирались края скатов кровли.

Начальной формой сеней в архаичных 4-х стенных избушках (см. ниже) являлись бревна, прислоненные на зимнее время к входу и прикрытые хворостом (*бөрцек*), сеном. Весной их разбирали. Иногда ставился навес на столбах. В избах тарских татар известен и сезонный пристрой из камыша. Снопы приставляли султанами вверх к жердяному остову сеней, прижимали с наружной стороны перекладинами. Крышу покрывали камышом или дерном, досками. С наступлением теплых дней сооружение убирали [Валеев, 1980, с.114]. Эти пристройки со временем стали постоянными, в том числе сени (аран) каркасно-столбовой конструкции (*чәнечмә*) с одинарной и двойной стенами из плетня (*үрмә, цитән*). Пустоты заполняли землей и навозом. Иногда стены обшивали тыном (*тесмә, текмә*) и с обоих сторон промазывали глиной с навозом. Применялась и закладная техника сборки стен (*пасма үрә*): в пазы угловых столбов закладывали жерди, тонкие бревна, тесины. Такие сени обычно были без потолка, пола, имели ту же форму и материал покрытия кровли, что и жилой сруб. Строили и конструктивно более развитые сени: со срубным в 3–4 венца основанием, на которое ставили столбы и обшивали тесом. В срубе, разделенном капитальной стеной, меньшую половину отводили под сени. То же самое имело место и в домах-крестовиках. Нередко к их срубам, в том числе пятистенникам, «круглым домам» (см. ниже), пристраивали сени – отдельное помещение из еловых бревен. Иногда оно разделялось на две камеры, имеющие отдельные входы. Двойные сени (*урталык*) встречались и в избах со связью (два зимних сруба, разделенные холодными сенями) и в обоих ярусах двухэтажных домов. На второй этаж поднимались по внутренней лестнице, пристроенной в нижних сенях. Иногда к кухонной части верхнего этажа вела наружная лестница с перилами. Сени в перечисленных типах жилищ преимущественно были с полом на переводах, потолком и под общей кровлей. Часть места отделялось перегородкой под кладовку (*кәзәнкә*).

В старых одно и двухкамерных избах крыльцо (*аран*) зачастую отсутствовало. Перед входом просто приставляли одну-две ступеньки. Еще в 40-х гг. XX в. сохранялись избы, на крыльцо поднимались по бревну с зарубками [Храмова, 1948, л.14]. Крыльцо оставлялось открытым, или над ним ставили навес на столбах (полузакрытый и закрытый типы). Внешнее оформление жилищ особого своеобразия не имело. Средства декора были немногочисленны. Так, в конце XIX в. почти не встречалось никаких украшений в жилище у татар Заболотья. Это объяснялось отсутствием технических возможностей: не было даже обычной поперечной пилы [Валеев, 1980, с.114]. В домах других групп татар внешний декор замечался в селениях, близких к губернским и уездным центрам, а также там, где сильнее сказывалось влияние строительного дела русских и поволжских татар. Основная нагрузка декоративного оформления приходилась на фасадную их часть: орнаментировались наличники, карнизы, причелины. В наличниках встречались как самые простые украшения из фигурно стесанных накладных дощечек, так и довольно затейливые архитектурные формы на верхнем абрисе, на боковинах и подоле (фигуры из точеных балясин). В наличниках присутствовали простые и усложненные орнаменты, выполненные в технике накладной пропильной резьбы. Мотивы из узоров были геометрические и стилизованно-растительные. Геометрическим орнаментом (пропильной резьбой) обрамлялись края карнизов и причелин. Изредка навершие наличников украшалось розетками, исполненными долотной рельефной резьбой, а слуховое окно на фронтоне – накладными дощечками в виде «солнечного сияния». Зооморфные и антропоморфные фигуры в декоре жилищ были весьма редки, что объяснялось мусульманским табу на изображение живых существ.



Образцы долотной резьбы на наличниках

Образцы пропильной накладной прорезной и сквозной резьбы на наличниках и карнизах

В домостроительстве западно-сибирских татар внешняя тесовая обшивка стен и их окраска практически отсутствовала. Она компенсировалась окраской бревен (*сырлау*) смесью красной глины с кипяченым конопляным маслом (*кубәк баш*). Как бы продолжением данной традиции является покрытие стен современных домов охрой, лаком, желтой и коричневой краской. Деталью внешнего оформления традиционных жилищ смотрелись подвешенные на торцовой стене лосиные рога, а у татар Заболотья – медвежьи головы, по-видимому, служившие в прошлом оберегом – охранительным средством.

Архаичные формы жилищ

В исторически обозримое время в жилых постройках западно-сибирских татар просматривались архаичные конструктивные разновидности. Одни из них, судя по аналогам у многих народов Сибири, восходили к кочевому и полукочевому периоду хозяйственной деятельности, другие – к оседлому. В эту группу построек входили легкие летние обиталища – шалаши, чумы и стационарные зимние – полуземлянки, срубные избушки. Шалаши (*алацык, куыш*) присутствовали в качестве временного жилья на летовках-пастбищах (*жәйләу*), сенокосных угодьях тюменских и тевризских татар. Их остов сооружали из двух столбиков, соединенных коньковой слегой и наклонно прислоненных к ней жердей. Верх покрывали тальником (*сардал*), хворостом и сеном. Тюменские и тобольские татары пользовались и другим, бесстолбовым вариантом шалаша (*балаган*). Он был в виде параллельно воткнутых в землю двух рядов жердей, прутьев. Их верхушки перегибали, сводили вместе и покрывали теми же материалами. В шалашах отопление отсутствовало. Пища готовилась снаружи в котле над костром.

Тюменские татары строили шалаш (*алацык*), по форме и конструкции совпадающий с конусообразным чумом и рассчитанный для проживания на рыбачьих и охот-

ничьих стоянках в любое время года. Старики помнили легенды, в которых говорилось, что их предки до строительства зимних срубных жилищ жили в подобных чумах. Его каркас собирали из сосновых (*сыргый, сыйгыр*) или березовых (*чауыл*) жердей. Для большего числа людей постройка делалась обширнее из высоких толстых деревьев. Их вкапывали наклонно по кругу, снаружи утепляли хворостом и сеном. Изредка покрывали оленьими шкурами (*юша тире*). На пол настилали еловые ветки. В середине помещения в неглубокой яме (*унгурцак*) разводился костер. Над ним на тагане подвешивался котел. Дым выходил через верхнее отверстие. Подобные же чумы, но переносные на оленьих упряжках, имелись и у соседних остяков. На лесоразработках и для охотников сооружался конусообразный чум (*алацык*) несколько усложненной конструкции: вкапывали четыре угловых столба, на них по периметру клали балки и к ним плотно прислоняли высокие бревна, жерди. Постройку покрывали берестяными тисками и землей. Система отопления была такая же. Подобные формы архаичных временных и постоянных жилищ в конце XIX в. изредка сохранялись и у татар Приуралья и Зауралья. В целом же данные архаические постройки аналогичны подобным постройка многих народов Сибири, Саяно-Алтая [Валеев, 1980, с.112].

Исследователи писали о широком распространении в прошлом среди бедноты тевризских татар жилищ, сложенных из дерна [Валеев, 1980, с.112]. Информаторы нашего времени их уже не знают. Возможно, они были близки сооружаемым на летовках, зимниках пластовым избам (*кәс өй, землянка, этарка*) татар пермского, уфимского, оренбургского Приуралья и Зауралья [Мухаметшин, 1990, с.87], а также известным их аналогам у многих тюркских и угорских народов Сибири.

Еще одной архаичной формой предстает бытовавшая еще в 40-х гг. XX в. в селениях тюменских татар плетневая однокамерная изба. Она была размером 3х3 м, с плоской крышей из дерна, напоминавшая украинские мазанки [Храмова, 1949, л.20]. У той же группы и у тевризских татар выявляется и наличие в прошлом полуземлянки (*зимләнкә*), которая по строительным признакам напоминает постройки татар Приуралья, Зауралья [Мухаметшин, 1985, с.51–55], Томского Приобья [Томилов, 1980а, с.83], Барабы [Селезнев, 1995, с.170–173]. Ее строили и недавно перешедшие к оседлости полукочевники – ногайцы, киргизы, башкиры и т.д.

У западно-сибирских татар бытовала простая по конструкции срубная однокамерная избушка. В конце XIX в. она являлась наиболее распространенной формой в селениях, а в более раннее время и у городских тюменских татар. Во второй половине XVII в. ее подробно описал безымянный западно-европейский автор: «Зимою некоторые из них живут в городе, в своих юртах (избах – Ю.М.), которые они строят низкими, из дерева; юрты эти имеют низкие двери, через которые приходится пролезать на корточках, едва в 1,5 локтя вышиной и которые показались нам очень странными; они не имеют печей, вместо них употребляются камины (чувалы – Ю.М.) и трубы, сделанные не из палок, обмазанных глиной и притом так низко, что они еле выступают над крышей; поэтому когда они разводят огонь, он вместе с пылающими искрами летит так высоко, что издалека видно, где живет татарин. Их жилища не имеют окон, лишь наверху, посредине крыши проделано круглое отверстие, через которое проходит дневной свет; некоторые (татары) зимою кладут сверху кусок льда, который дает ясный свет, другие же, и чаще всего, – из соломы или сена в старом мешке или рогоже делают большую затычку и заделывают ею дыру; подобную же пробку употребляют они в своих трубах, когда огонь выгорел, чтобы тепло осталось в комнате ... Эти дома не имеют никаких крыш; наверху они совсем плоски и сверху обложены толстым слоем земли; поэтому летом они совсем зеленые» [Алексеев, 1936б, с.164]. В изучаемый период некоторые конструктивные показатели этой ранней формы жилья сохранялись в избушках (*ызбушка*), сооружаемых на летовках, для охотников в лесу тевризскими, тюмен-

скими, тобольскими и заболотными татарами. Последние две группы ставили их и на местах постоянного рыболовства. Постройка представляла небольшой (3х3, 3х5,5 м) и низкий, всего из 8–9 венцов однокамерный сруб, поставленный без фундамента. Пол оставался земляным. Односкатный потолок – кровля покрывался накатником, затем берестой, землей, либо дерном. Помещение освещалось одним-двумя небольшими окнами, обтянутыми плевой животных и отапливалось чувалом. Аналоги, отчасти и в терминологии архаичным формам избушек западно-сибирских татар присутствовали в срубных однокамерных избах (*ызбушка, куыш, алачык*) татар пермского и оренбургского Зауралья, строивших их также вне своих селений.

Из изложенного материала можно заключить, что у западно-сибирских татар происходил общий для кочевых в прошлом народов процесс смены архаичных форм жилищ (шалашей, чумов, полуземлянок и т.д.) утепленными срубными избами. Впоследствии первые остались в качестве сезонных построек, а последние стали основным жильем на зимовках – в деревнях. Например, подобный путь развития жилищ отмечался у татар Томского округа: «от постоянных шалашей они перешли к зимовкам – подобиям изб» и татар-барабинцев, имевших «для лета чумообразные юрты и срубные хижины в зимних деревнях». Аналогичное явление наблюдалось в быту вогулов, остяков Западной Сибири, тюркских народов Алтая [Ядринцев, 1891, с.45, 52, 57, 69, 97].

Типы жилищ

В конце XIX – начале XX вв. в поселениях всех четырех групп западно-сибирских татар присутствовали разные по камерности жилища горизонтального и вертикального развития. К первой группе относились одно, двух, трех и многокамерные типы, ко второй – типы домов с полуподвальным жилым ярусом и двухэтажные. В жилищном фонде селений одних групп однокамерная изба функционировала еще в 20–30-х гг. XX в., в других, как например, у тобольских и заболотных татар – до 50-х гг. [Храмова, 1948, л.14]. В ней зачастую сохранялись черты прежней архаичной формы, в частности, неразвитость сруба, форма и материал покрытия. Вместе с тем, она приобрела ряд новых конструктивных черт: фундамент, настил пола и потолка, стропильную кровлю, крыльцо, большие размеры дверей и окон, остекленную раму и т.д. До начала XX в. изба отапливалась и освещалась чувалом, который постепенно заменялся другими системами отопления (см. ниже). В исследуемое время многие семьи переходили от однокамерной избы к двухкамерной. В этом сказалось влияние ближайших их соседей (русских, поволжских татар), принесших свои традиционные строительные навыки. Процесс замены старых жилищ новыми наиболее интенсивно протекал в среде тюменских и томских татар [Томилов, 1980, с.85]. Хотя былое значение однокамерной избы сошло на нет, она не исчезла из быта. Изменилась лишь ее функция: из постоянного зимнего жилья она превратилась в летнюю кухню, в которой сохранялись прежние конструктивные атрибуты и система отопления. В новом качестве изба стала называться *аш өй*, *кече өй*, *малушка*. Летом в ней жила часть членов семьи, готовилась пища, а зимой содержался молодняк скота. Появление самой летней кухни привело к сокращению прежде широко бытовавших дворовых очагов и печей (см. ниже). На рубеже XIX–XX вв. преобладала 4-х стенная изба с сенями.

В типологическом ряду двухкамерного жилища выделяется, так называемый, «круглый дом». Его своеобразие состояло в одинаковом размере (ширины и длины) стен (до 8 м и более), в большем числе окон (по 3–5 на торцовой и боковой сторонах), во внутренних перегородках, разделяющих площадь под кухню, гостиную, спальню и т.д. «Круглый дом», вероятно, появился в послевоенный период. До этого времени он ни в одном из источников не зафиксирован. Ближайший его аналог известен с конца XIX в. у татар лесного Пермского края [Мухаметшин, 1983, с.71].



Однокамерная изба

Летняя кухня

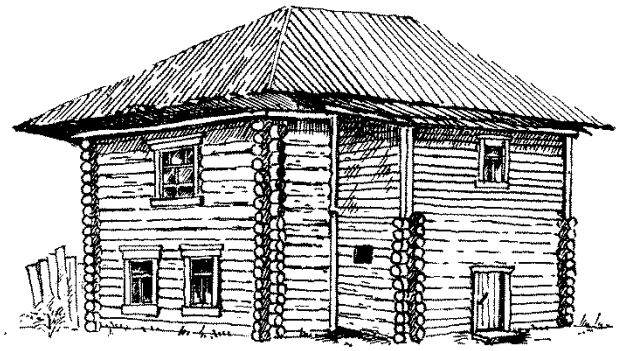
Трехкамерный тип жилища подразделялся на три, известные у многих народов Европейской и Азиатской России, подтипа: изба со связью (изба+сени+изба), изба с прирубом и пятистенный дом. Первый из них назывался, как и у всех групп волго-уральских татар, «кара-каршы өй». В нем вход в оба жилых сруба был через сени. Передняя изба являлась гостевой (*төп өй, кунак өй, ак өй*). Ее занимали старшие члены семьи, а другие домочадцы жили в задней – кухонной избе (*уҷак өй, аш өй, арткы өй*). У тюменских татар к задней стене сеней иногда пристраивался небольшой сруб, служивший туалетом. Эта деталь встречалась в избах татар Заказанья и Пермской обл.

Изба с прирубом (*төрмә өй*) и пятистенный дом (*уткъәш өй, куш өй, ике куышлы өй*) по плану были одинаковы и различались устройством стен: прируб – меньший пристрой к основному срубу, а пятистенник – цельный длинный сруб, разделенный капитальной стеной в середине. В обоих подтипах сени ставились вдоль боковой стены кухни либо по всей длине дома. Жилые помещения в них делились по тому же принципу: передняя половина – гостиная (*тышкы өй*), задняя – кухонная (*эчке өй, аш өй, кар өй*).

В многокамерном типе жилища выделяются два подтипа: дом-крестовик и сдвоенный пятистенник. Крестовик (*крестовый өй*) представлял большой сруб, разделенный по середине стен двумя пересекающимися капитальными стенами, т.е. на четыре жилых помещения. Из них передние два были гостевыми, из задних одно – кухней, другое сенями. В больших семьях к дому пристраивали срубные сени и тогда все четыре комнаты занимались под жилье. В конце XIX – начале XX вв. трехкамерные жилища и дом-крестовик бытовали у всех групп западно-сибирских татар. Дома-крестовики строили чепецкие, пермские, касимовские татары, а также русское население Приуралья [Мухаметшин, 1983, с.137–138] и Западной Сибири [Хозяйство, 1979, с.201–203]. Сдвоенный пятистенник встречался лишь у тевризских богачей. Пространство между пятистенниками служило коридором. В него выходили двери всех жилых помещений. К коридору пристраивались сени и широкое крыльцо – веранда. Внешние признаки дома имели сходство с архитектурными традициями лесного домостроительства: высокий сруб, глубокая ниша фронтона, широкие свесы кровли, отстоящие от стен на 2 м, полукруглый верх оконных коробок и т.д. По нашим наблюдениям такие дома строили и касимовские татары.

Дома с полуподвальным жилым помещением встречались у тевризских, а двухэтажные (*астылы-өстеле өй, ике катлы өй*) – по 3–10 на селение – у всех групп западно-сибирских татар. Все они были срубными и принадлежали зажиточным крестьянам, муллам, торговцам, потомкам мурз и т.д. В них жили большие семьи, насчитывающие

по 10–25 человек. Обычно нижний этаж, являвшийся кухней (*аш өй, түбән өй*) занимал хозяин со старшей супругой. Любопытно, что дом с полуподвальным жилым этажом в конструктивном отношении идентичен подобным домам казанских, касимовских, чепецких, пермских татар и кряшен [Воробьев, 1953, с.160; Шарифуллина, 1980, с.59; Мухамедова, Мухаметшин, 1978, с.48–50; Мухаметшин, 1983, с.77–78; Мухаметшин, 1977, с.87–88]. Сходство наблюдалось в системе отопления, во внутреннем обустройстве (земляные завалинки, межэтажное перекрытие с земляной засыпкой, в наличии входа-люка, «западни» на потолке первого этажа и ведущей к нему лестницы.



Дом с полуподвальным жилым этажом

Система отопления

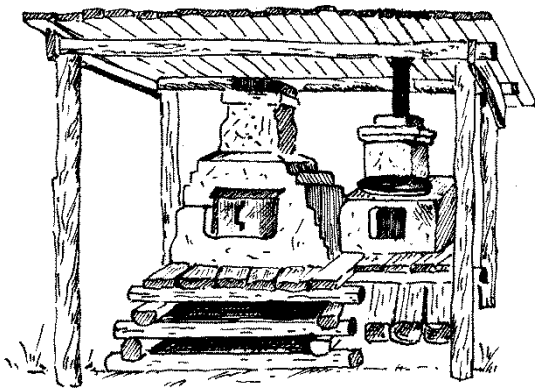
Во второй половине XIX в., как отмечалось выше, одно и двухкамерные избы отапливались чувалом. К концу века он уже терял свое былое значение и «встречался далеко не во всех юртах тюменских татар, в бухарских же и вовсе не имелся» [Патканов, 1888, с.24]. Смена типов жилищ сопровождалась улучшением отопительной системы. В начале XX в. чувал изредка еще встречался в селениях тобольских, тевризских татар и вплоть до 50-х г. – в северных селениях заболотных татар [Храмова, 1948, л.15]. Чувал сооружали на приподнятой над полом площадке высотой в 0,3–0,5 м с глиняной (*нәште*) забутовкой. Ее края ограждали вплотную вкопанными столбиками. Пирамидальный остов чувала собирали из тонких палок, с обеих сторон обмазывали глиной. Над ним приделывали трубу (*миралык, мирәнлек*), сделанную из тех же материалов, которую выводили наружу. Устье чувала было удлиненной формы, дрова закладывались стоймя. Этим достигалось быстрое обогревание и достаточное освещение помещения. Перед устьем оставлялась свободная площадка (*казанлык*). Над ней на палке с зарубками (*ыргак*) вешали чайник, котел. Иногда их подвешивали и внутри чувала на железном крюке. В начале XX в. встречались чувалы, возведенные из необожженого кирпича, в которых сохранялись прежние внешние признаки.

Кроме западно-сибирских татар, чувал в прошлом применялся также пермскими, оренбургскими татарами [Храмова, 1956, с.480; Мухаметшин, 1983, с.86], башкирами [Шитова, 1976, с.67]. Он, несомненно, представлял общий древний элемент в их материальной культуре, связанный с традициями народов Сибири, Алтая.

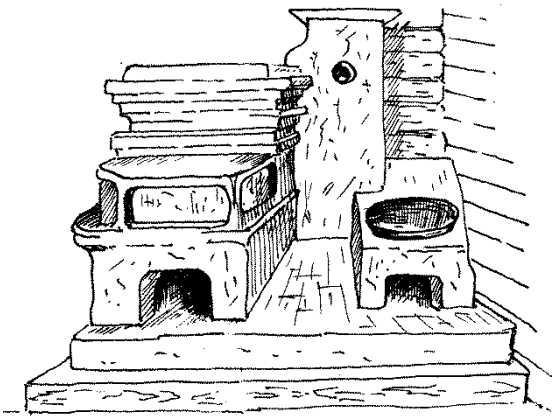
Пища в чувале готовилась, главным образом, в зимнее время, а в теплые месяцы для этого использовались дворовые очаги с вмазанным котлом (*тышкы уцак, урам уцак, казанлык*). Для выпечки хлеба использовались дворовые хлебопекарные печи (*җәйге миц, урам миц*, *тышкы миц*). Тобольские и заболотные татары сушили в таких очагах рыбу. В некоторых селениях тюменских татар они были сосредоточены на берегу водоемов. Своды очагов и печей возводили из сырцовых кирпичей на высоком столбовом или срубном основании. Топились они «по-черному». Иногда очаги снабжали двумя котлами. Порой

их помещали под навесами. У тобольских татар встречался вариант *урам мич*, сложенный на общем настиле с очагом. Дворовые очаги с котлом у западно-сибирских татар являлись калькой таковых же у татар Нижнего и Среднего Заволжья, оренбургского, уфимского Приуралья и Зауралья. Хлебопекарная печь вне жилища обнаруживается в быту татар Зауралья. Очаги и печи под открытым небом, как пережитки степных традиций, описаны у башкир [Шитова, 1984, с.181], степных ногайцев [Керейтов, 1984, с.87], астраханских татар [Мухаметшин, 1992, с.56] и др. Видимо, в один из этапов развития жилища, в него были перемещены формы дворовых очагов и печей.

Еще в начале XX в. в избах тюменских и тобольских татар чувал функционировал в соединении с очагом и котлом и отдельно с хлебопекарной печью. Встречалась и целостная система отопления, известная как «печь-тройчатка» [Скалозубов, 1892, с.26]. В ней чувал +хлебопекарная печь + очаг с котлом сооружались на общем глинобитном основании, окруженном бревенчатой стенкой. У тобольских татар она отражена и в этнографической литературе [Россия, 1907, с.268]. Ее аналоги известны в быту пермских, барабинских татар [Мухаметшин, 1983, с.86; Титова, 1976, с.122], башкир [Руденко, 1955, с.238].



Дворовая печь с очагом под навесом



Хлебопекарная печь с очагом и котлом

В жилищах западно-сибирских татар доминировала хлебопекарная печь (*икмәк мич*), комбинированная с очагом (*казанлык*). Основание печи (*киртмә, усты, мич казна*) было низкое в виде клетки из одного-двух венцов, заполненных глиной. Ее ставили на переводы пола, которые в избах с подпольем подпирали столбами. Иногда для опечки поднимали до пола специальный сруб. Свод печи возводили из сырцовых кирпичей. В старых формах печей (*себерәк мич, татар мич*) делалось отдельное устье для шестка и очага. В обоих оно располагалось низко и направлялось в одну сторону. Перед ними оставлялась свободная часть опечки, где ставились чугунные и медные чайники (*цәйген, тацкан*), медные и бронзовые кувшины (*күцә*), кумганы (*кимган*), котлы на треножнике (*өцаяк*). В очаг печи вмазывали 2–3-х ведерные котлы, порой и большие на 4–8 ведер (*юан казан*). Иногда помещали второй большой котел специально для кипячения молока, изготовления творога и т.д. У западно-сибирских татар бытовала и другая, так называемая «русская» форма печи (*урыс мич, сукма мич, стряпный мич*), возводившаяся глинобитным способом, применяя опалубку. Ее заполняли красной глиной (*сагаллы балчык*), замешанной с добавлением соли, корней трав. Внутри свода оставляли деревянную форму (*цуцка*), которую после сжигали. Эта печь имела высокое основание, обширную лежанку и была без очага. Вместо него сбоку свода приделывалась

плита с отдельной топкой. Отметим, что хлебопекарная печь с очагом и котлом была характерна для традиционного быта большинства волго-уральских татар. Вместе с тем, такие детали западно-сибирских печей, как небольшая высота опечки, отдельная топка свода и очага, направленность устья обоих в одну сторону, наличие спереди свободной площадки и т.д. сближали их с печами татар южных лесостепных и степных районов Волго-Уральского региона. «Русская» же форма печи наблюдалась в быту мишарей Окско-Сурского междуречья.

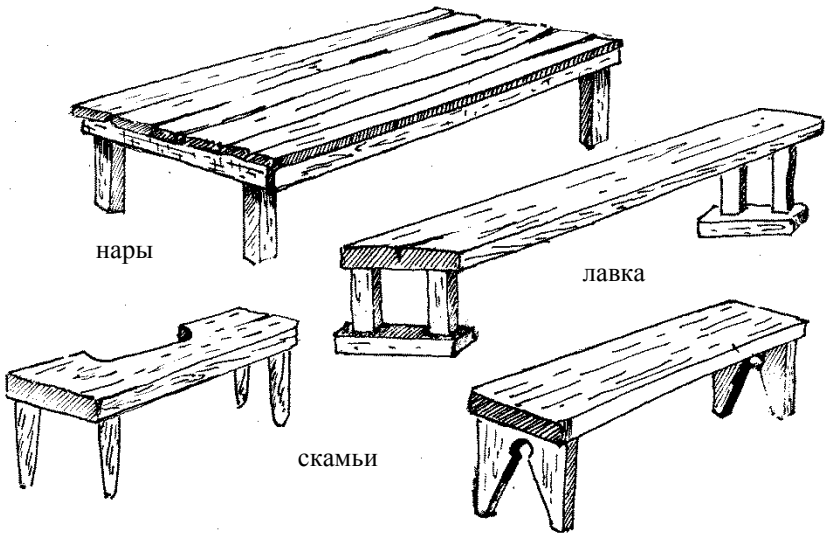
В жилище западно-сибирских татар, помимо печей использовались малые формы отопительной системы: низкие печи-подтопки, железные печки (*калай миц*). Их дымоходы соединяли с трубой основной печи. В гостевой половине нередко ставили 4-х угольные кирпичные, либо круглые, обитые железными листами голландки (*катрамарка*).

Внутренняя планировка, обстановка и убранство

Четырехстенная изба являлась исходным модулем всех остальных типов жилищ. Именно в ней сложились традиционные черты планировки, наиболее рациональные приемы деления и использования площади, размещения обстановки и убранства. В избе значительное место занимала хлебопекарная печь. Она ставилась справа или слева от входа, вплотную к уголовым стенам, либо раздельно от одной из них. Иногда печь отодвигалась ближе к середине глухой стены и примыкала к ней, или между ними оставлялось свободное пространство. Последнее было характерно и для жилищ волго-уральских татар и считается ярким проявлением древнетюркской традиции [Воробьев, 1953, с.203–204].

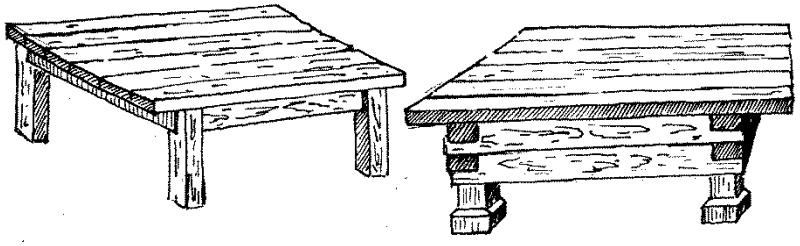
Расположением печи и ориентацией ее устья определяется, как известно, тип внутренней планировки. У западно-сибирских татар сложилось два типа: 1) северно-среднерусский – устье обращалось к противоположной от входа стене и 2) западно-русский – устье направлялось к боковой стене. Последний тип был доминирующим. То же было характерно для татар южной лесостепной и степной полосы Волго-Уральского региона, астраханских татар [Мухаметшин, 1992, с.67]; в лесной зоне – лишь для нукратской подгруппы [Мухамедова, Мухаметшин, 1978, с.55].

Обстановка избы состояла из неподвижной напольной и подвесной мебели. В первую из них, прежде всего, входили нары (*урын*, *урындык*). «В комнатах находятся очень широкие скамьи, подобные тем, какие имеются в банях, шириною в рост человека; на них они спят, сидят, стоят» [Алексеев, 1936б, с.165]. На нарах же работали, ели. Располагали их вдоль передней стены. Иногда по другую сторону двери вдоль боковой стены (*ян як*) ставили вторые нары, что замечалось и в быту татар уфимского, оренбургского Приуралья и Зауралья, астраханских татар [Мухаметшин, 1992, с.67]. Нары были в виде невысокого дощатого помоста, настланного между двумя брусьями, врубленными в пазы боковых стен. Доски были съемными. Помост, например, у тобольских татар был шириной до 2,5 аршин и с небольшим наклоном от стены к середине комнаты [Юшков, 1861, с.78]. В середине передних нар находилось почетное место *түр*, занимаемое главой семьи. Там же сажали уважаемых гостей. Передний угол нар по диагонали от печи назывался *түр баш*. Здесь помещался большой сундук с убранной на нем постелью. В число постельных принадлежностей входили известные у всех волго-уральских татар предметы: подушки (*мендәр*), большие подушки (*ястык*), перины (*түшәк*), стеганые одеяла (*юрган*). Подушки, перины набивали пухом, перьями домашних птиц, растрепаными верхушками камыша. Одеяла изготовляли из овчины (*тире юрган*). Имелись и специальные ватные стеганые подстилки для почетных гостей (*түшәмә*) и коврики, также сшитые из кусочков материи (*курма, курамыш*). Над нарами подвешивалась зыбка (*цәнгелцәк*, *цәнгелек*) на гибкой жерди (*арата*). Тюменские татары вместо боковых нар иногда ставили неподвижную лавку (*урындык, сандала*) из толстой доски шириной в 35–40 см.



Образцы деревянной обстановки избы

В обоих типах планировки избы кухонная часть (*казанлык, пиҗ як, кунак як, булмә як*) находилась напротив устья печи. Она зачастую отделялась от чистой половины (*түр як*) перегородкой (*бүлмә такта*), которая при созыве гостей разбиралась и выносилась в сени. Свободное запечье (*миҗ арасы, миҗ сырт, миҗарга, цуарат, аралык*) служило проходом в кухонную половину. В ней, часто возле двери, делали загородку (*иргәнәк*), где зимой содержали молодняк скота. В некоторых избах тобольских, заболотных татар для спуска в подызбье пристраивали закрытый помост (западня). Такой же помост с лазом или неподвижную лавку у опечки тюменские татары называли *уша*. *Уша* имелся в жилище поволжских, а «западня» – у пермских татар. К изучаемому периоду в домашнем обиходе появились кустарной работы деревянные кровати, стулья, столы, традиционные низкие столики круглой и квадратной форм (*түгәрәк өстәл, аш өстәл, урын өстәл*). Такой столик *суфра* тобольских татар был «в квадратный аршин ширины и не более полуаршина высоты» [Юшков, 1861, с.78]. При трапезе столик ставили на нары. На нем же раскатывали тесто, формовали хлеба. С той же целью низкие столик *куна* применяли астраханские татары [Мухаметшин, 1992, с.69]. Ценная посуда симметрично расставлялась на полках напольного шкафа (*дулап*): «вверху обыкновенно – мелкая (*савот*), например, чайные приборы, на нижних же полках – покрупнее, столовая; притом спереди располагали фарфоровые и стеклянные приборы, а сзади металлические: медные кувшины, чайники, оловянные блюда (*табак*) и тарелки (*халва табак*), поставленные ребром. Самовары, тщательно вычищенные, представляли как бы целую лавку или выставку – гордость хозяйки» [Юшков, 1861, с.79].



Виды низких столиков, ставившихся на нары



Быт сибирских татар. Вторая половина XX в. ТИАМЗ

В вертикально развитых домах замечались над дверью, между боковой стеной и печью полати (*пулат*) – дощатый настил на параллельных брусьях, врубленных в 0,5 м от потолка в бревна боковых стен: на них хранили вещи, спали дети. Второй, меньший помост (*таскак*), имелся в запечье над загородкой для скота. Помост, по мнению исследователей, имел алтайское происхождение. У народов Алтая навес *таскак* (*тастак*) использовался как жертвенный стол (клали кости, принесенных в жертву животных) [Валеев, 1980, с.119]. Тюменские и тевризские татары сооружали навесы *таскак* на деревьях во дворах и в лесу для охотников на медведей.

Непременным атрибутом каждой избы являлись подвешенная под потолком на сыромятных ремнях пара параллельных гладких шестов (*мавыл, мауыл*). Одна их пара находилась над нарами, а вторая – вдоль передней боковой стены. На ней аккуратно развешивались предметы праздничного костюма, «бросающиеся в глаза каждому входящему в избу» [Юшков, 1861, с.78]. Обычно в домах духовенства в углу передней стены подвешивали дощатые полки (*киштә*), где хранили религиозные книги. *Мавыл* имелись и над дверью, иногда в углу входной стены. На них клали запасы постельных принадлежностей. Жердяные полки (*мавыл, чыраклык*) устанавливались и в кухонной части перед трубой хлебопекарной печи. Они использоваались для сушки дров, лучин, размещения кухонной утвари. Верхняя одежда развешивалась на колышках (*цей*) и гвоздях с надетыми на них катушками из-под ниток, прибитых в стену возле двери. Иногда здесь же крепили лосиные рога (*ан мөгез*). На глухой стене возле печи навеши-

вался открытый шкафчик с полками. В нем помещалась кухонная посуда. Рядом с ним за рейку или ремешок закладывались ножи, поварешки, ложки и пр. По мусульманскому обычаю возле двери или за печью находились принадлежности для омовения: полотенца (*тәрәт яулык*), медные луженые тазы (*ләгән, тазаяк*), такие же кумганы, которые имели обычно среднеазиатское происхождение.

Традиционное убранство жилищ составляли разнообразные тканевые (снимаемые) украшения, имевшие утилитарное и художественное значение. В их число входили занавесы, пологи, подзоры, полотенца, скатерти и т.д. Эти же предметы очень широко использовались в декоре изб волго-уральских татар. Заметим, что в отличие от последних, у татар западной Сибири они имели ограниченное применение. Так, занавес (*коргыц, царшау*) вешали большей частью тюменские и тобольские татары вдоль нар, иногда кроватей, двери (*ишек коргыц*), входа в запечье (*мич коргыц*). В других группах занавес использовался редко, а у заболотных татар и вовсе отсутствовал. Полог (*цатыр, тымылдык, цымылдык*) сшивался из пяти-шести точь холста (или из 10–12 м ткани) в форме четырехугольного шатра с верхом. По форме он подходил к *чыбылдык* поволжских татар, как правило, вешавшегося над постелью для спасения от насекомых в летнее время. В этом значении полог использовался у тобольских татар, а у других групп в свадебном ритуале. Под ним усаживали молодоженов. Изредка у тобольских и заболотных татар над постелью молодоженов сооружался покрытый холстом шатер (*цатыр*) из дугообразно изогнутых прутьев. В отличие от поволжских татар, широко применявших красочные подзоры на разных участках избы, татары Западной Сибири украшали лишь верх печи простой полоской ткани (*мич бөрмә, мич цүпрәк*). Некоторая общность с тобольскими, тюменскими татарами наблюдалась в традиции украшения домотканными декоративными полотенцами (*бит яулык*, *бистәр, тастымал*) стен, простенок. Иногда их вешали и поверх окон, часов, зеркал и т.д. Татары Заболотья украшали короткими полотенцами (*кыска тастымал*) матицы, что имело место и в жилище казанских татар (чепецких) и кряшен. В зажиточных семьях на окнах замечались занавески (*тәрец пәрдә, фәрдә*), на мебели – вышитые салфетки. Широко употреблялись цыновки (*егән*), сплетенные из мягкой разновидности камыша (*кугы*), тканые дорожки из отходов конопли, шерсти, тряпичных полосок (*палас, келәм, идән цүпрәк*), белые войлоки (*ак киез*), привозные из Средней Азии ковры. Безворсовые ковры (*аламыш*) ткали сами. Одни из этих видов мягкого убранства стелили на полу, нарах, другие развешивали на стенах, лишние запасы аккуратно укладывали на сундуках вместе с предметами постели, на верхних перекладинах, усиливая тем самым красочность интерьера. Многие из вещей мягкого убранства входили в приданое невесты. Как и у волго-уральских татар существовал обычай предсвадебного украшения избы (*өй төзәү*) вещами невесты. По ним оценивались ее состоятельность, трудолюбие и умение.

Обычно весной и летом производилась генеральная уборка: тщательно скоблили, мыли стены, потолки, полы, промазывали и белили печи. Эта работа делалась помочью (*түбә-түшәм өмәсе*). Девушкам помогали парни, которые носили воду, точили скобли, ножи и т.д.

В середине XIX в., по свидетельству И.Юшкова, почти в каждом доме тобольских татар встречалось оклеивание стен, особенно около оконных косяков, бумажными заплатками, исписанными изречениями из Корана. Их же под стеклом помещали над окнами и в простенках вместо зеркал. Он же заметил приверженность татарок к разведению домашних цветов [Юшков, 1861, с.80–81].

§ 2. Хозяйство

Наиль Халиков

Комплекс хозяйства сибирских татар, содержание и соотношение отраслей, его составлявших (земледелие, животноводство, охота, рыболовство, промыслы и ремесла, торговля) зависел от среды обитания, ландшафта и климата местности. Так в покрытых болотами, лугами и лесами Тобольском, отчасти в Тюменском и Тарском уездах сельскохозяйственные земли тяготели к немногочисленным незатопляемым возвышенностям и берегам рек. В прочих местах Тарского уезда земледелие татар страдало от весенних разливов Иртыша [Валеев, 1980, с.73]. Земледельческое производство у сибирских татар бытовало в лесостепных Ялуторовском, Ишимском, Тарском уездах. А охота, рыболовство были более развиты на северной территории Тобольской губернии, у тобольских (особенно заболотных), в меньшей степени у тюменских, тарских, курдакско-саргатских татар. Животноводство тяготело к южной, юго-восточной части региона (южные группы тарских, тюменских, томских, отчасти – тобольских татар) и особенно было развито у барабинцев. Не случайно, поэтому, что барабинские татары до середины – второй половины XIX столетия вели полукочевой образ жизни [Титова, 1976, с.121]. И все же даже на рубеже XIX–XX вв. хозяйство населения Западной Сибири, включая русских, было комплексным: земледельческо-животноводческо-охотничье-рыболовным [Тычинских, 2010, с.167–168,171–172].

Земледелие имело место в Западной Сибири еще в андроновское время (эпоха бронзы) во II тыс. до н.э. [Большой, 2000, с.52]. Земледелие, в том числе и пашенное, успешно развивалось у предков татар в районе будущего Тобольска и позднее, еще до прихода Ермака, о чем свидетельствуют археологические находки с территории Искера [Валеев, 1980, с.71; Могильников, 2002, с.80]. О том же говорит «История Сибири» Г.Миллера [Гарифуллин, 2002, с.154]. К XIX столетию Западная Сибирь, в первую очередь Верхотурско-Тобольский район, становятся одним из первых и крупных центров русского хлебопашества на восток от Урала. Этим и объясняется активное развитие земледелия у сибирских татар в XIX столетии. Причем, важнейшей причиной обращения сибирских татар к земледелию, оставив традиционную охоту, скотоводство и прочие исконные виды деятельности, следует считать не «положительное» русское и поволжско-татарское влияние, как исключительно прогрессивное явление. Причину этого следует усматривать в росте плотности населения в крае и утрате татарами прежних угодий после присоединения Сибири к Русскому государству, русского крестьянского переселенческого движения, сложения монастырского и государственного землевладения [Лебедева, 1979, с.73; Тычинских, 2010, с.174].

Несмотря на негативные моменты в социально-экономической жизни, к рубежу XIX–XX столетий условия земледельческого производства в крае сохранялись вполне удовлетворительными. Достаточно сказать, что у всех социальных категорий сибирских татар, в большинстве к этому времени ставших государственными крестьянами, душевой земельный надел официально составлял 15 десятин, что считалось вполне достаточным для нормального ведения хозяйства. Исключение составляли только группа татар-бухарцев, не имевших права пользования казенными землями. Число безземельных у них достигало половины хозяйств [Валеев, 1980, с.73].

Способы ведения земледельческого хозяйства (определение пахотных участков, севооборот, состав и величина возделываемых культур, сроки их высева и уборки, сушка хлебов и молотьба) зависели во многом, если не в первую очередь, от местных физико-географических условий: климата, почв, наводнений, близости грунтовых вод и т.д. (см. ниже).



Промысел рыбы. Заболотье. Вторая половина XX в. ТИАМЗ

Сущность любой агрокультуры составляет система земледелия, способ восстановления плодородия почвы. Что касается сибирских татар, то у них прежде бытовавшее бессистемное земледелие к XIX столетию ушло в прошлое. В рассматриваемое время (конец XIX – начало XX вв.) повсеместно у сибирских татар преобладала, в отдельных

случаях при малоземелье, и господствовала паровая система земледелия в форме трехполья, когда пашня делилась на примерно равные озимое, яровое поля и пар. Малоплодородные и близлежащие лесные почвы унавоживали, да и то преимущественно состоятельные хозяева. Навоз (*тиряк*) вывозили и на выпаханные земли. И все же следы прежних, неупорядоченных севооборотов (перелоги, переложно-паровые, двух и четырехпольные севообороты) у татар, как и у русских соседей в это время еще сохранялись [Балюк, 1997, с.159–163].

При расчистке леса под пашню, сенокос применялась лесопольная система: участок вырубали, крупные деревья вывозили, остальную древесину сжигали. Гарь распахивали сохой. Первый год обычно высевали рожь, на второй – овес, третий – ячмень. Затем следовал пар, и участок входил в обычный трехпольный севооборот. Но эта земля еще долгое время находилась в собственности того, кто ее расчищал из-под леса. Подобная система, известная как «захватный способ», в прошлом была широко распространена в лесной полосе России и, особенно, в Сибири.

Повсеместно татары Западной Сибири землю пахали полусабаном (*агач сабан*), за Уралом известным и как «соха-пермянка» или «колесянка, колесуха». Орудие имело деревянный корпус с развитым полозом, железным лемехом и отвалом и снабжалось колесным передком наподобие тележного. Запрягали в сабан пару лошадей, одну в дугу, вторую в постромки. Такое вполне совершенное для своего времени орудие пахало глубоко и широко и в наибольшей степени подходило для распашки перелогов.

В крае бытовал и «туринский сабан» с двумя сошниками и деревянным отвалом, в Предкамье еще в середине XIX в. известный как «вотская соха». К концу столетия усовершенствованный туринский сабан в Приуралье был известен как знаменитая соха-«курашимка».

Прежде бытовавшая двузубая, так называемая «великорусская соха», широко распространенная у крестьян Европейской России, к концу столетия в Западной Сибири полностью выходит из употребления, вытесняемая более совершенными орудиями.

Для последующей обработки пашни использовалась деревянная рамная борона с 16-ю ранее деревянными, в рассматриваемое время – почти исключительно железными зубьями. Если почва была тяжелая, то сверху на борону клали бревно, камень. Но в этом случае требовалась и более сильная лошадь.

В Тюменском уезде иногда применялись треугольные бороны-экстирпаторы, попавшие туда из Пермской губернии. Известно также применение волокуши из ветвей, которой боронили поперек пахоты (д.Чугунаево Тобольского уезда).

Показательно, что переселенцы – казанские татары, а за ними и многие татары сибирские бороны называли *тырма*, другие же – *себерке*, как и татары-мишари. И это не случайно, поскольку представители того и другого субэтноса поволжских татар уже с XVII–XVIII столетий в Западной Сибири известны как «оброчные чувальщики».

Из сельскохозяйственных полевых культур при трехполье чаще всего местные татары высевали рожь (*арыш*), овес (*солы*), ячмень (*ашлык*). В юго-восточных лесостепных местностях Тюменского и Тарского уездов сеяли такие теплолюбивые культуры, как пшеницу (*бодай*) и полбу (*борай*), гречиху (*кара бодай*) и просо (*тары*). А в районах к северу по климатическим условиям посевов этих культур нередко не было вовсе. В селениях и хозяйствах, близких к Сибирскому тракту, много выращивали овса на фураж.

Показательно название ячменя у сибирских татар – *ашлык*, то есть «пища, еда» вообще. А в далеком прошлом ячмень, толокно из него – одна из основных продовольственных культур оседающих полукочевников. Не случайно, ячневая каша, толокно были в прошлом любимой пищей полуоседлых барабинцев [Катанов, 1905б, с.3; Титова, 1976, с.123,125]. Ячмень, как и овес, полба – древние культуры сибирско-татарского земледелия [Тычинских, 2010, с.170]. Этот факт можно расценивать и как свидетельст-

во сравнительно позднего широкого освоения земледелия сибирскими татарами. А что касается названий многих возделываемых культур (как и иных элементов агрокультуры и хозяйства в целом) на полях сибирских татар, то во многих случаях они тождественны названиям у поволжских татар. Едва ли это случайное совпадение.

Коноплю (*киндер*), лен (*житен*) возделывали далеко не везде (но иногда использовали дикую коноплю) и преимущественно для получения масла из семян, а из пеньки изготавливали веревки. Конопляная нить шла и на изготовление рыболовных сетей. Лишь иногда лен и льняная пряжа предназначались на полотно, поскольку татары в рассматриваемое время ткани предпочитали покупать, тем более, что они были дешевы и доступны. Лишь переселенцы – поволжские татары, особенно кряшены, по традиции выращивали лен и коноплю на пряжу.

Повсеместно у сибирских татар наиболее употребительным орудием жатвы хлебов был серп (*урак*), фабричной, изредка кустарной кузнечной работы. Плохой урожай, иногда овес, если его посевы были значительны, убирали с помощью косы-литовки (*чолгы, цолгы*), в том числе косой с грабельками *тырнак* из 3–5 зубьев с полотном между ними. Применение косы, скорее всего, заимствовано из русской агрокультуры. Но и отмечено, что косой стали убирать хлеба с приходом поволжских татар (д.Чугунаево Тобольского уезда).

Хлеба убирали нередко «впрозелень», в сырую погоду, поэтому их для просушки, дозревания на поле оставляли в кладях снопов. Самой распространенной кладью была форма, в очень многих местах России известная как суслон, у сибирских татар называлась *пишем, мишем*. Клади устраивалась из 9 вертикально установленных по кругу снопов ржи, накрытых перевернутым снопом с раскрытой вершиной (в сухую погоду – тремя горизонтально уложенными снопами). *Пишем* из яровых хлебов состоял из 5–6 снопов (отсюда и название «пять снопов») [Валеев, 1980, с.78]. Та же кладь могла называться: *суслон* (кряшены д.Чугунаево Тобольского уезда), *кырлык* (д.Красный Яр Тюменского уезда), *шапка* (д.Лайтамак Тобольского уезда), как и у поволжских татар.

В очень сырую погоду снопы укладывали горизонтально зигзагом *үрмә* (д.Чугунаево).

Старинная кладь *чүмәлә*, хорошо известная поволжским татарам, применялась и сибирскими татарами, но не для хлеба, а для сена. То же следует сказать о большой клади на гумне, известной как *кибән*, но чаще здесь называвшейся *богыл* (*могыл*). А для хлеба складывали из 30–40 возов снопов похожую кладь *кысма* на помосте *аяк* (тобольские татары), либо продолговатую кладь *зарод* (тюменские татары).

Все же в лесной, да и в лесостепной полосе Западной Сибири климат довольно влажный, и потому хлеба перед обмолотом нуждались в предварительной сушке. Для этого служили специальные сооружения, овины и риги.

Овины *(әвен, авин*) представляли собой двухкамерную срубную постройку, нижняя часть которой помещалась в земле (ямный овин) и снабжалась печью-каменкой наподобие банной. В верхнем помещении на помосте из жердей размещали от 100 до 400 высушиваемых снопов. Но чаще в рассматриваемое время в деревнях у состоятельных сибирских татар бытовали более производительные риги – однокамерные наземные сушильни, срубные и с печью по-белому.

Конструкции срубного овина и риги явно заимствованы из русской агрокультуры; такие сооружения типичны для земледелия русского народа. А простого овина-шиша, широко распространенного у поволжских татар и других народов лесостепной полосы Европейской России, у сибирских татар не было. И этот факт следует расценивать не только как особенности климата, но и как свидетельство позднего распространения земледелия.

В бане, как это практиковалось в Европейской России, в Сибири снопы почти не сушили; считалось, что это опасно, поскольку «в бане живет шайтан». Иногда, но только зерно, сушили все же в бане или в избе в (на) печи.

Скошенный, связанный в снопы, высушенный хлеб для хранения и последующей переработки перевозили на гумна (*ындыр, ыртын*). Они располагались на задах огородов или на околице, в отдалении от селения. Обычно гумна были огорожены плетнем, пряслом, выделены канавой по отдельности или группами. На гумне располагались большие клади снопов для длительного хранения, там же устраивали открытый ток для молотьбы *табаклык.* Но ток, особенно у зажиточных крестьян по климатическим условиям мог быть и закрытым, с двухскатной соломенной крышей, плетневыми или из жердей (прясло), соломенными же стенами для защиты от скотины. Было и так, что над током устраивали только крышу, а стены отсутствовали.

Зимой нередко молотили и на расчищенном от снега льду реки, озера.

Скот сибирских татар в достатке был обеспечен кормами (сеном), поэтому его соломой не кормили и специальных построек, наподобие мякинников (*кибәклек*) на гумне, как у поволжских татар, не сооружали. Солому, мякину хранили просто в кучах.

Наиболее употребительным и распространенным способом обмолота снопов у сибирских татар была молотьба цепом. Цеп сложного типа у них назывался *суккыч*. Показательны названия цепа *молотило*, *мулата*, что свидетельствует о его заимствовании из агрокультуры русских соседей (у здешних татар-переселенцев, как и в Поволжье, цеп назывался *чубагач*). В Тюменском и Тарском уездах, где земледелие и урожаи имели большие размеры, иногда хлеба обмолачивали копытами лошадей, телегой. Порой молотьба лошадьми была весьма развита: в д.Байбы Тарского уезда в центре тока устанавливали столб, вокруг которого по снопам на аркане ходили по кругу лошади.

В д.Красный Яр Тюменского уезда существовала специальная конная крупорушка для полбы.

Обмолоченный хлеб провеивали, очищали от мякины, сора лопатой на ветру. Иногда с этой же целью использовали ведро. Ручные веялки до колхозного времени встречались крайне редко (д.Летние Тарского уезда).

Подготовленное зерно везли на мельницы *тегермәне*, *тирмән*, которые в обильном реками краю были почти исключительно водяными. Мельницы сооружались нижнебойными (поток воды набегал на мельничное колесо снизу), на 1–3 постава; там, где речки были небольшими – верхнебойными. Лишь изредка (дд.Аслана, Сингуль Тюменского уезда) были и ветряные шатровые мельницы. Часто татары возили свой хлеб и на мельницы в соседние русские деревни.

Почти в каждом крестьянском хозяйстве для помола небольшого количества зерна были ручные мельницы *кул тегермәне* из двух березовых, осиновых чурбачков с металлической набойкой. Для рушения зерна на крупу, отжима масла изо льна, конопли применяли ступы *киле*, обычные и ножные. Последние были особенно характерны для барабинских татар и предназначались для толчения пережаренного ячменя [Титова, 1976, с.123].

Хлеб, зерно и муку хранили в клети *итлек*, срубной, однокамерной одноэтажной постройке с потолком и полом. Хранилища больших размеров, амбары с двухстворчатой дверью назывались у сибирских татар *совосна* (от русского термина «завозной», что и указывает на их происхождение). У зажиточных домохозяев были 2-х камерные (*куш совосна*) и двухэтажные (*астылы-өстеле совосна*) клети с наружной лестницей. А у кулаков могло быть по 2–3 клети. Внутри клети хлеба размещали в срубных или тесовых ларях *бура*, иногда устроенных на помосте *сөндәре* для защиты от мышей.

Обращает внимание тот факт, что подобные хранилища у сибирских татар назывались *итлек, совосна*, а не *кләт*, как они именуются у поволжских татар. Это следует

расценивать и как некоторые отличия в их хозяйственной культуре, и как относительно позднее и уже в Западной Сибири распространение земледелия у сибирских татар и их предков.

Огородничеством сибирские татары почти не занимались, но понемногу, особенно вблизи городов, трактов все же выращивали картофель (*картуп*), репу (*шалкан*), морковь (*зяртак, сэртэк*), огурцы (*кыяр*), лук (*суган, пъяс*), чеснок (*сарымсак*) и др.

У татар Западной Сибири, как и у татар Поволжья и Урала, других земледельческих народов, бытовали обряды сельскохозяйственной тематики. Во многих деревнях сибирских татар в первый день сева вместе с зерном «высевали» крашенные вареные яйца с пожеланиями хорошего урожая. По всей вероятности, эту традицию принесли в Сибирь поволжские татары-переселенцы, поскольку именно у них был распространен такой обряд. В д.Ембаево Тюменского уезда после весеннего сева проводили сабантуй, в котором участвовала вся округа. Праздник состоял из скачек, борьбы, бега, народных увеселений.

Агрономическую практику сибирских татар сопровождали соответствующие, порой древние обряды и поверья (свойственные почти всем татарам России). Так, приход весны и начало сельскохозяйственных работ означал обряд *карга боткасы, карга туй*, в основе которого лежал прилет грачей (дд.Епанчино, Б.Туралы, Ембаево и др.). В летнюю пору, особенно в засуху, во многих селениях совершали обряд пожелания благополучия, а также вызывания дождя *тляу*, *тляк телю, телэк ашы, янгыр телэу*: на собранные жителями деньги покупали телку, бычка или барана. Читали Коран, варили мясо в привезенных больших котлах, угощались, обливались водой. Шкуру отдавали мулле, кости зарывали или бросали в реку [Уразманова, 2002, с.132–133]. Следует еще раз подчеркнуть, что многие обряды сибирских татар совпадают с таковыми же и у поволжских татар, разве что в праздниках и обрядах у первых сохранилось больше древних магических черт [Уразманова, 2002].

В завершение обзора можно привести мнение Ф.Т. Валеева, известного ученого, знатока этнографии сибирских татар. Он считал, что земледелие у них в XIX в. находилось на очень низком уровне развития (небольшое число сельскохозяйственных культур, примитивные орудия, господство трехполья и т.д.) [Валеев, 1980, с.73]. Отсюда – низкие урожаи, сам 2–4, и незначительные размеры запашки, от 4,6 до 0,5 дес. на двор [Валеев, 1980, с.77–78]. Однако, подобное состояние земледелия было характерно для многих, если не большинства крестьян всех национальностей Азиатской и Европейской России того времени. Лишь в начале XX столетия можно было наблюдать некоторый прогресс в земледелии, как и хозяйстве в целом, у сибирских татар [Валеев, 1980, с.81].

§ 3. Путешествия

Алексей Матвеев

Особое место в изучении культуры любого народа занимает исследование традиций, связанных с организацией путешествия. Традиционная культура путешествия (ТКП) – комплекс народных знаний и представлений, вещественных атрибутов, направленных на обеспечение достижения цели путешествия человека в конкретных природно-географических условиях, в рамках сложившейся системы восприятия мифологического пространства [Матвеев, 2012, с.7]. Последнее обстоятельство явилось для нас отправной точкой в процессе поэтапной реконструкции деятельности человека во время его путешествия через зоны и границы мифологического пространства.

Исследование ТКП сибирских татар было проведено автором на основании архивных (этнографических и фольклорных) источников. Этнографические материалы

содержат сведения о различных обрядовых действиях, совершаемых во время подготовки и осуществления путешествия, сведения о материальной составляющей путешествий – транспорте, одежде, пище, утвари путешественников. Значительная часть информации по указанным темам была почерпнута в Фонде I Научного архива МАЭ ОмГУ. Она была собрана в 1975–2009 гг. этнографическими и комплексными этнографо-археологическими экспедициями и практиками ОмГУ, ОФ ОИФФ СО РАН (с 2006 г. – ОФ ИАЭТ СО РАН) под руководством С.Н. Корусенко, А.Г. Селезнева, Н.А. Томилова и др. Там же автором были найдены фольклорные материалы – оригинальные песни, частушки, напутствия, поговорки сибирских татар по теме «путешествие». В Фонде личных коллекций ОГИКМ хранятся полевые дневники и этнографические карточки, созданные автором в 1998–2002 гг. в ходе работ комплексных экспедиций ОГИКМ на территории Омской и Новосибирской областей. Для написания работы были использованы этнографические и фольклорные записи из личного архива автора (1999–2009 гг.).

Содержание источниковой базы определило хронологические рамки работы, которые охватывают XIX – первую треть XX вв.

Представление ТКП сибирских татар включило в себя ряд сюжетов, характеризующих выбор времени отправления в дорогу, подготовку к путешествию, путешествие. Путешествие было последовательно представлено в сюжетах проводов из дома, движения по территории населенного пункта, движения за территорией населенного пункта, остановок, ночлегов, случайных встреч с попутчиками, опасностей в пути, возвращения. Во время путешествия человек все время перемещался через зоны и границы мифологического пространства.

Выбор времени отправления в путь

Выбор дня отправления в путь у сибирских татар определялся разными факторами. Сибирские татары проживали вблизи рр.Иртыш, Ишим, Уй, Оша и их притоков. Поэтому, как и у русского населения этих территорий, путешествия населения, подразумевающие преодоление водных преград, исключались в определенные периоды осени-зимы и весны. Осенью-зимой через большую реку нельзя было перевезти крупногабаритный, тяжелый груз в период, когда перевоз – *паром* уже не действовал, а переправа по льду еще не была организована. Проезжая часть дорог в это время была чрезвычайно увлажнена и не скована морозом. Вероятно, именно поэтому в октябре – *сабарая* «нельзя выезжать в дорогу, если же нужно срочно уехать, то читают молитву и просят у Бога разрешения» (д.Киргап Тарский район Омской области) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–2-II, л.25].

На территории Среднего Прииртышья установка зимнего пути через реку происходила в ноябре – декабре. Зимние переправы у населенных пунктов сибирских татар начинали функционировать после первых зимних морозов, когда на реке устанавливался прочный ледяной покров. Информаторы в д.Киргап Тарского района Омской области говорят о том, что на третий – пятый день после сильных морозов, «когда Иртыш станет» уже можно было ехать на лошади с санями. Более точным способом проверки прочности льда была его рубка топором: «Два раза рубишь и воды нет – можно ехать (на лошади с санями)». Ряд информаторов на просьбу выразить необходимую толщину льда в принятых метрических символах называли величину 10–20 см. Пешие смельчаки переправлялись по тонкому льду уже на второй – четвертый день после первых сильных морозов. При этом в руках у человека для подстраховки должна была быть длинная жердь. Главное условие удачной переправы – «чтобы лед под человеком не гнулся» (толщина льда около 5 см) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–1-III, л.107, 115].

После прекращения функционирования перевоза и до установки на реке прочного ледяного покрова число путешествий снижалось. Сибирские татары умели сокращать продолжительность этого периода. Так, в д.Киргап Тарского района Омской области в конце XIX – начале XX в. существовала такая практика: после первых морозов, когда местные купцы торопились наладить связь с левобережьем р.Иртыш, они организовывали все население деревни на наморозку зимней переправы. Во льду пробивали лунки, из которых черпали воду ведрами и наливали ее полосой через всю реку [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–1-III, л.107]. Наморозка переправы занимала 4–6 дней и длилась до тех пор, пока не получалась достаточная для проезда толщина льда.

Большее число путешествий совершали зимой – *каш (кыш*), когда «заниматься было нечем» и природные условия позволяли передвигаться с меньшими энергозатратами. После ледостава у местного населения появлялась возможность прокладывать кратчайшие дороги между населенными пунктами. В пользу большого значения зимних переходов через реки говорит следующий факт: в XIX в. ярмарки на левом берегу р.Иртыш в крупных русских селах Такмык и Евгащино устраивали осенью после ледостава и весной до ледохода, то есть когда имелась устойчивая связь с населенными пунктами сибирских татар, расположенными на другом берегу р.Иртыш [Татауров, Тихонов, 1997, с.126]. Зимой ездили в санях – *цана* и ходили пешком. Использование для передвижения льда замерзших рек, соединявших населенные пункты, происходило преимущественно на р.Иртыш. На его притоках сильное меандрирование русла делало передвижение по льду долгим.

Весной – *ес (яз*) из периода возможных передвижений выпадало время до открытия реки (когда лед тонок и опасно переезжать), а также время ледохода (до установки паромных перевозов через крупные реки). Окончание зимнего пути через реку происходило в марте – *чумашляхар*. Таким образом, *сезонные климатические изменения* закладывали основу динамики коммуникативных актов.

Кроме объективных физических обстоятельств частота путешествий сибирских татар (как и у русских) определялась представлениями о благоприятном и неблагоприятном времени. В году было два *месяца – ай*, в которые в дорогу старались не выезжать: октябрь – *сабарая (золкагыйра*) и февраль – *сафар*. Если в первом случае главную роль играли плохие природно-климатические условия, то во втором случае в силу вступали механизмы метафизического порядка: «сафар – не выезжали из дома, существовало поверье, что что-нибудь тогда случится» (д.Речапово Тарского района Омской области) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.7–4-I, л.5].

В каждом месяце первая неделя считалась не очень благоприятной для начала нового дела, в том числе и отправления в путь [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.7–4-II, л.37]. Неделя – *юма* была разделена на дни – *кун, кон* «хорошие» и «нехорошие». Вторник – *сишамбе* традиционно считался «пустым» днем: «любое начинание в этот день будет несчастливым, в том числе и выход в путь» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.111–2-II, л.40]. В д.Речапово Тарского района причину неблагоприятности вторника объясняют тем, что якобы в этот день совершилось первое убийство на Земле [МАЭ ОмГУ, ф. I, д.7–4-I, л.3; д.7–4-II, л.44]. Пятница – *юма, йома* у сибирских татар являлась выходным, праздничным днем, определенным мусульманскими нормами. По этой причине в пятницу в дорогу также старались не отправляться [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.10–4-III, л.180; д.1–18-V, л.70; д.1–23-I, л.61]. В д.Малые Туралы Тарского района информаторы считают пятницу днем рождения Адама [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.7–4-II, л.38], в д.Сеитово Тарского района – днем рождения Мухаммеда [МАЭ ОмГУ, ф. I, д.111–4-II, л.38]. В д.Гузенево Муромцевского района жители полагают, что самый удачный день для работы – четверг – *пайшамбе*. Косвенную информацию о причинах выбора дня отправления в путь дает нам промысловый культ сибирских татар, согласно которому кроме четверга «на охоту положено еще

три дня ходить (в другие дни удачи не будет)» – понедельник – *тушамбе*, среду – *царшамбе* и воскресенье – *якшамбе* [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.111–2-II, л.40]. Таким образом, сибирские татары старались не отправляться в дорогу во вторник и пятницу, используя для этого мероприятия другие дни недели.

Выбор дня отправления в путь зачастую происходил и на основе выбора благоприятных погодных условий [Абрамова, Коломиец, 2000, с.144; МАЭ ОмГУ, ф.I, д.1–23-I, л.12, 58, 67–77; д.1–23–7, л.47, 48]. В традиционной культуре сибирских татар существовали приметы, предсказывавшие неожиданные путешествия. Например, о предстоящей дороге можно было узнать в результате традиционного гадания на 41 косточках [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.80–1-I, л.50–51]. О скорой предстоящей дороге человека предупреждал сон, в котором он видел реку. Утром человек, получивший такое предзнаменование, должен был дать милостыню – *хаир* бедным людям так же, как перед настоящим отправлением в дальнюю дорогу (с.Уленкуль Большереченского района Омской области) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.144-I-I, л.23]. Предсказанием скорого замужества и отъезда из родительского дома служил сон, в котором девушка видела себя, надевающую обувь (с.Малые Кулары Тевризского района Омской области) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.2–6-II, л.114].

В ТКП сибирских татар Среднего Прииртышья существовали и предпочтительные часы выхода, выезда в путь. В д.Киргап Тарского района Омской области считали, что лучше выезжать рано утром на рассвете – *шан*. Зимой это делали для того, чтобы максимально использовать для путешествия короткий световой день, а летом «пока жары нет» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–1-III, л.11].

Таким образом, среди «закрытого» для путешествия времени у сибирских татар были периоды осени-зимы, зимы-весны, когда качество дорог было плохим и нельзя было переправиться через р.Иртыш или его притоки. Плохими периодами для отправления в дорогу считали октябрь и февраль, каждую первую неделю любого месяца, вторник и пятницу. Чаще путешествовали зимой. Наиболее благоприятными периодами времени для путешествия считались декабрь и январь. В культуре сибирских татар существовали приметы, предсказывающие предстоящее путешествие.

Подготовка к путешествию

Комплекс мероприятий, проводимый в семье за день до отправления кого-либо из ее членов (или гостей) в путь, зависел от коммуникативной мотивации и характера предстоящего пути. В XIX – первой трети XX вв. коммуникативные мотивации сибирских татар и русских Среднего Прииртышья были во многом схожи. Сибирские татары также отправлялись на ярмарки, учебу, промыслы, совершали паломничества к святым местам, расположенным в Сибири и Средней Азии [Воеводин, 2006]. Одним из немногочисленных отличий было то обстоятельство, что сибирские татары как инородцы не подлежали службе в армии.

Несмотря на то, что конкретная коммуникативная мотивация определяла особенности подготовительных мероприятий, некоторые действия совершались при подготовке к каждому путешествию. Эти действия разделяются на две группы. Первую группу составили действия, направленные на подготовку материальных элементов ТКП (одежда, транспортное средство, пища, инвентарь путешественника). Так, человеку, решившему отправиться в дорогу, следовало заранее выбрать себе попутчика. Дорога в редких случаях осуществлялась в одиночку. И здесь важно было подобрать достойного человека. Пословицы сибирских татар гласят: *Юлга чыксан иптэшен узеннян якшы булсын* / Когда выйдешь в путь, надо чтобы товарищ был лучше тебя, *Якши юлдаш юлга кундерер, яман юлдаш юлдан тошерер* / Хороший спутник поможет, а нехороший будет препятствовать [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.1–13-I, л.16, 29].

На близкие расстояния татары ходили пешком, а на дальние – ехали на лошадях. Среди домашних животных в хозяйстве татар лошадь занимала особое положение, была окружена заботой и вниманием. В фантастических сказках татар лошадь выступает как друг человека, она часто выручает своего хозяина из трудного положения, а иногда и спасает ему жизнь. Еще в середине XIX в. на лошади часто ездили без седла – *яйтак*. Однако уже в конце XIX в. население стало использовать седла – *ияр*. Зажиточные татары держали одну лошадь специально для верховой езды, а баи, купцы и муллы – по несколько таких лошадей [Валеев, 1984, с.150–151].

Основным видом летнего экипажа сибирских татар была телега на деревянном ходу, использовавшаяся для перевозки различных грузов. Вопрос о начале применения сибирскими татарами колесного транспорта остается открытым. С.У. Ремезов в конце XVII в. изображал на своих рисунках двухколесные арбы в войсках Сибирского ханства, которые брали в осаду Искер в 1584 г. [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.189 (рис. [76] 94)]. Письменные источники указывают на наличие телег, подвод у татар уже в 1630-х гг. [Миллер, 2005, с.444, 447]. В конце XIX – начале XX вв. под влиянием русского населения в хозяйствах татар начали распространяться и телеги на железном ходу. У татар южных и юго-западных районов Тарского уезда встречались так называемые *фургоны*. Устройство фургонов в основном было такое же, как и телег, но круглые балки, которые соединяли переднюю и заднюю оси фургона были значительно длиннее, чем у телеги. Бортами такого фургона служили деревянные решетки высотой около 80 см. В такие фургоны запрягали две лошади. В хозяйствах зажиточных татар, торговцев и мулл встречался легкий, праздничный экипаж – *трашманка* на железном ходу. Колеса ее были значительно меньших диаметров, чем у телеги, передние и задние оси соединялись длинными продольными балками диаметром 7–8 см, на которых устанавливался плетеный кузов с козлами. Основными зимними экипажами у всех групп татар были сани-дровни – *ат цана*, сани-розвальни – *крэслэ цана*. Зимними легкими экипажами были кошевки – *кашавай* [Валеев, 1984, с.152].

Подготовка транспортного средства у сибирских татар почти ничем не отличалась от этого же действия у русского населения. Как в сани, так и в телеги обычно запрягали одну лошадь. На свадьбах или при поездках в гости на отдаленные расстояния в кошевки иногда запрягали две лошади (*гусем/кусем*), одну впереди другой [Валеев, 1980, с.103].

Путешественники собирали продукты в дорогу. Хозяйка заранее жарила традиционное блюдо из теста – *баурсаки*. Для проведения прощального ужина часто готовили гуся – *каз* [Абрамова, Коломиец, 2000, с.145]. Окончательная подготовка пищи в дорогу осуществлялась в день отправления.

Летом тоболо-иртышские татары в гости в другую деревню обычно ехали в будничной одежде, а у места прибытия переодевались в праздничную. Кроме того, выезжая в гости, брали, по возможности, еще одну смену праздничной одежды, заворачивали ее в красную ткань и везли на виду у всей деревни, давая понять, что едут богатые гости [Смирнова, 1995б, с.214–215]. Не забывали и старую пословицу: «Если летом в дорогу собираешься – не бросай пальто, а зимой сам знаешь что делать» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.1–13-I, л.36].

Зимой в дорогу одевались очень тепло. В дальнюю дорогу «поверх полушубка надевали тулуп (*оллу тун* / большая шуба, *тыш тун* / верхняя шуба, *цона тун* / санная шуба)» [Смирнова, 1995, с.203]. Длина тулупов была ниже щиколоток, ширина – такой, чтобы под него поместилось как можно больше теплой одежды и осталась возможность еще и запахнуться. Тулуп был дорогим видом одежды и имелся далеко не в каждой семье. Поэтому те, у кого не было тулупов, в дороге были вынуждены укутываться шалями, одеялами и пр. Конечно, тулуп можно было попросить на время, но посторонним,

не родственникам, давали его неохотно, с опаской («а то украдут из саней, или забудут где-нибудь» и т.п.) [Смирнова, 2005, с.232–233].

В любое время года поверх одежды мужчины на ремень крепили нож – *ау пычагы* в ножнах [МАЭ ОмГУ, ф. I, д.111–5-VI, л.85]. В дальнюю и опасную дорогу брали и огнестрельное оружие.

Вторая группа действий, совершаемых при подготовке в путь, действия магические, обеспечивавшие, по мнению сибирских татар, удачную дорогу. За день до отправления хозяйка дома (чаще всего утром) наводила порядок и мела (мыла) пол. Этот повсеместно распространенный обычай был установлен строгим запретом мести (мыть) пол, выливать грязную воду, высыпать золу после отъезда членов семьи или гостей из дома. Интерпретация данного обряда аналогична рассмотренному обряду у русского населения.

Мужчина (один или в составе группы мужчин) совершал *юл хаир (юл садака*) – дорожное подношение (милостыня) [Абрамова, Матвеев, 2000, с.141–143; МАЭ ОмГУ, ф. I, д.94–3-VIII, л.124]. Он приходил к мулле в дом или мечеть (в других случаях, наоборот, муллу приглашали к себе в дом) и совершал подношение – *садака (хаир*) в виде небольшой денежной суммы или отреза ткани, продуктов (яиц, выпечки) и просил помолиться за удачное осуществление его путешествия. Мулла поименно читал молитву каждому отправляющемуся в путь. Кроме того, он (по отдельной просьбе будущих путешественников) писал на листке бумаги охранительную молитву – *тувалых*, из которой делали амулет – *тумар*, *кончак*. Для изготовления амулета листок с молитвой вкладывали в специально сшитый из холщевой ткани темного цвета треугольный мешочек-конверт с веревочками. Этот мешочек в день отпраления повязывали на шею и носили в подмышечной впадине. В других случаях листок с охранительной молитвой вшивали в спинку или в подмышку какого-либо предмета дорожной одежды [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.94–6-II, л.156; д.94–6-II, л.185; д.8–4-I, л.37; д.102–2-V, л.63; д.143–1-XI, л.88; 144–1-I, л.46; Смирнова, 1999в, с.212–213]. Ф.Т. Валеев сообщал, что размеры сторон *тумаров* составляли 5–6 см. Ученый считал, что эти обереги имели мусульманское «происхождение» [Валеев, 1980, с.209]. А.А. Ярзуткина (Абрамова) также сообщает, что помимо листа бумаги с написанным на нем изречением из Корана, в мешочек иногда вкладывали чеснок, соль, уголь, т.е. вещи, которые у большинства народов имели магическую функцию оберегания человека от злых сил, способных нанести ему вред [Ярзуткина, 2005б, с.214–216].

Кроме муллы дорожную милостыню – *юл хаир* давали старикам, бедным, больным людям, которые в благодарность должны были прочитать молитву об удачном осуществлении путешествия [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–1-III, л.107; д.113–1-III, л.108]. В случае, если предстоящий путь обещал быть трудным и опасным, сибирские татары устраивали праздник, на который приглашали муллу и стариков. На празднике уважаемых старейшин угощали и дарили им подарки. За это гости все вместе молились об удачном осуществлении предстоящего мероприятия [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.5–11-I, л.3]. Сами информаторы не могут четко выразить смысл комплекса обрядов *юл хаир*. В ряде случаев они утверждали, что уходящий в дорогу, таким образом, «откупался от всего старого, и с чистым сердцем выходил на дорогу». Это объяснение напрямую перекликается с общемусульманскими традициями *хаир*, *садака* – праздничной раздачи нищим еды и денег для искупления собственных грехов. В 2001 г. А.А. Абрамовой в с.Уленкуль Большереченского района удалось зафиксировать сведения о наличии у сибирских татар представлений о некоем меняющемся магическом потенциале *саван*, присущем каждому человеку. Для удачного осуществления жизнедеятельности, по мнению информаторов, *саван* желательно повышать различными «правильными», «благотворительными» действиями. Поэтому мы считаем, что целью мероприятий комплекса *юл хаир* бы-

ло максимально возможное увеличение индивидуального *савап* для удачной реализации цели путешествия, а также образование положительного магического фона в пространстве населенного пункта.

Мероприятия из комплекса *юл хаир* продолжались и на следующий день.

Путешествие

Утром в день отправления в дорогу путешественник совершал обычную утреннюю молитву – *ирта намаз*, надевал часть заранее приготовленной дорожной одежды, плотно завтракал и выходил во двор готовить повозку, в которую (кроме всего прочего) он укладывал топор и вилы.

В это время хозяйка складывала в дорожный мешок – *копчек* дорожную утварь и продукты [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–1-III, л.114]. Предпочтение отдавалось продуктам длительного хранения: мясу вареному – *пешкан ит* и сушеному – *хоро ит, караган ит*, хлебу – *икмак, нан* или сухарям, копченой и сушеной рыбе – *қуру балық*, муке из размолотых жареных зерен – *толкан,* колбаса – *казылык (казы / казлык / кайсы),* кислому сыру – *курт*. В дорогу брали соль – *тос*. Скоропортящиеся продукты: яйца – *кукэй*, масло – *кубек май*, овощи – брали с собой в небольшом количестве [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.1–11, л.1059; д.2–7-III, л.57; д.5–1-I, л.27; д.5–4-I, л.79; д.2–7-III, л.51, 52; д.90–3-II, л.29]. В целом объем продуктов, который брали в дорогу путешественники, был небольшим, поскольку «во многих деревнях были родственники и могли вовсе еду в дорогу не брать» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–1-III, л.108]. Если ехали намеренно в гости к родственникам в другие населенные пункты, то брали с собой в подарок баранину и конину, как самые вкусные виды мяса [Тихомирова, 2006а, с.40]. Кроме провизии в дорожный мешок складывали кружку, ложку, нитки и иголку. Путешественник мог взять с собой семена можжевельника – *ортыш*, употребление которых, по преданиям, спасало от нападок злых духов.

В доме, перед отправлением в дорогу, совершали обряд, целью которого было обеспечение удачного путешествия и благополучного возвращения домой. От хлеба ножом отрезали ломтик, который один раз надкусывал отправляющийся. Затем этот ломтик убирали и хранили до момента возвращения путешественника домой (г.Омск) [Личный архив А.В. Матвеева, 2003 г.]. Непременным условием дня отправления в путь был запрет на ссору и ругань в доме между отправляющими и отправляющимися, поскольку считалось, что тогда домовой – *уй иясе, ой иясе* накажет и тех и других [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.111–4-II, л.24].

В доме родственники давали путешественнику последние советы и напутствия. В д.Речапово Тарского района зафиксировано специальное напутствие в виде сказки, которое произносил отец сыну-призывнику пред его уходом в армию [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.7–4-III, л.61–62]. Перед тем, как жених увозил молодую жену к себе в дом, мулла на дорогу читал *яр-яр* – напутственное слово [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.2–7-II, л.30].

Перед выездом в путь в доме все присаживались. Путешественник прощался с родными, домашние читали молитву и говорили благопожелательные фразы вроде: *Исан сау йореп кайт* / Вернись благополучно, *Хаерлы юл* / Счастливого пути [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–1-III, л.108]. У тобольских татар в это время произносили *Хызыр баба юлдаш синя булсын* / Чтобы тебе Хызыр-баба помощником (товарищем) был [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.3–22-I, л.309]. На территории Омской области образ этого мусульманского святого, покровительствующего путникам, встречается в преданиях сибирских татар повсеместно [Селезнев, Селезнева, 2001, с.232–233; Ярзуткина (Абрамова), Селезнев, Селезнева, 2002, с.253–257].

В момент начала движения путешественник произносил вслух первую суру Корана «Бисмилля иль рахман иль рахим…», с прочтения которой всегда начинали любое новое дело [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–1-III, л.108]. В д.Большие Мурлы Большеречен-

ского района были зафиксированы сведения о специальной дорожной молитве – *юл тегосе*, которую традиционно читал человек перед отправлением в дорогу [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.105–1-II, л.29]. При расставании домочадцы в доме могли спеть песню. Если провожали невесту в дом жениха, то девушки пели специальную обрядовую песню [Коломиец, 2001а, с.62].

Интересно, что во время «проводов» во всех произносимых благожелательных фразах глагол *киткале* в значении «идти», «ехать» не употребляли, поскольку с ним связывали комплекс представлений об отправлении человека на тот свет. Употребляли глагол *паргале* в значении «съездить и вернуться» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–1-III, л.109].

Из дома до ворот двора путешественника провожали всей семьей. Исключение делалось для беременных женщин, так как считалось, что такая женщина не разродится, пока тот, кого проводили в дорогу, не вернется домой [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.84–2-IV, л.111, 117; д.60–1–II, л.26]. Границей ее «проводов», скорее всего, служила дверь дома.

Путешественник, выйдя за двери дома, кормил собак свежим хлебом для того, чтобы «чужие собаки в дороге не загрызли» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–1-III, л.109]. Так объясняют это действие информаторы сейчас. Однако у нас есть предположение, что смысл этих действий не столь однозначен. Следует помнить, что собака в традиционной культуре сибирских татар занимала особое (пограничное) место. Поэтому перед началом путешествия ей следовало выказать особое почтение. Кроме того, в образе белой собаки сибирским татарами часто представлялся покровитель путников Хазыр-Илйас (Хызыр-Илйас, Хызыр баба или Казыр-ата) [Селезнев, Селезнева, 2004а, с.27]. По сведениям информаторов, кормление собак входило в комплекс действий *юл хаир*.

За воротами *капка* и на некотором удалении от них, путешественник совершал обряд *пони атл хаир*: бросал на дорогу мелкие монеты – *танга (акуэ)*, садился, кланялся и читал молитву [МАЭ ОмГУ, ф.I. д.113–1-III, л.115]. Затем он вставал и продолжал движение. Интересно, что деньги, брошенные на дорогу в начале движения, как элемент обряда присутствуют и в свадебном цикле тоболо-иртышских татар [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.73–3-I, л.30, д.111–4-IV, л.64, д.145–4-I, л.17; д.94–3-III, л.103; д.94–6-I, л.59]. В обязательном порядке монеты заранее зашивали в одежду ребенка в возрасте до 1 года, когда родители собирались вывезти его в гости [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.7–4-III, л.93]. Все эти действия с монетами наверняка имеют общие корни в промысловом культе сибирских татар [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.144-I-I, л.32].

Если путешествие совершала группа товарищей, то они объединялись в какой-либо точке населенного пункта и уже вместе продолжали движение.

Сибирские татары, в отличие от русских, не придавали особого значения внешним характеристикам первого встречного. Путешественник просто преподносил ему деньги или подарки. Это тоже было одним из проявлений *юл хаир.* Плохой приметой для путешественника был случай, когда во время движения ему дорогу переходили человек (особенно женщина) с пустыми ведрами, или бесплодная женщина, или женщина с тяжелым нравом, или пожилая женщина [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.5–11-III, л.101; д.7–4-III, л.74; д.90–4-III, л.59; д.102–2-V, л.62]. В этом случае путешественнику следовало вернуться домой, поскольку «дорога будет неудачной». Но если ехать все же было необходимо, то следовало повернуть на голове шапку задом наперед и ехать так 1–2 км. Затем шапку можно было развернуть в обычное положение [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.144–1-I, л.34].

Путешественники выходили / выезжали из населенного пункта и через некоторое время попадали в «чужое» пространство, в котором они теперь везде были гостями. Хозяевами этого пространства, по представлениям сибирских татар, были многочисленные духи, которых З.А. Баширова, взяв за основу классификации топографию, разделила на три группы. «Первую группу составили духи-хозяева местные, являющиеся объектом почитания населения определенной местности» [Баширова, 1984, с.88].

1. Духи «священных мест» требовали от путешественников совершения небольших подношений. Так, например, вблизи д.Большая Тебендя (Усть-Ишимский район Омской области) есть заповедное место – *уч чуй* / три лиственницы, где по преданию, когда-то погибли три охотника [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.5–13-II, л.95]. Вблизи д.Эбаргуль (Усть-Ишимский район Омской области) еще в первой половине XX в. находились две священные сосны – *карагай*, у которых местные жители совершали различные религиозные обряды. При прохождении возле священных сосен необходимо было оставить монеты или лоскутки, ленточки, вещи [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.5–11-I, л.5, 11]. Перед д.Саургачи (Усть-Ишимский район Омской области) есть мостик, у которого похоронены «очень древние хорошие люди». Все проходящие татары до сих пор бросают туда монеты [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.5–7-III, л.55].

2. Духи «плохих, нечистых мест» – *ияли* требовали от путешественников сосредоточенности и готовности совершения защитных действий. Так, например, у д.Инцисс (Муромцевский район Омской области) таким местом был луг перед деревней – *атак яланда* [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.8–4–1, л.8]. При въезде в д.Сеитово (Тарский район Омской области) со стороны д.Самсоново в лесопосадке расположена заброшенная ферма, которая считается «сборищем шайтанов и ведьм» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.111–4-II, л.30]. По дороге из д.Атачка в д.Айткулово (Тарский район Омской области) по правую сторону от дороги, где в ложбинке растет черный тальник, издавна находилось плохое место, которое называют *кара тал* (дд.Атачка, Речапово, Киргап Тарского района Омской области) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–1-III, л.107, 111, 112]. Нехорошим местом считают Черный остров на дороге между д.Ишеево и д.Сеитово (Тарский район Омской области), озеро Кучерин в 4 км от д.Берняжка (Большереченский район Омской области)) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.90–4-III, л.124] и т.д. Чаще всего *ияли* в местной традиции возникали на тех местах, где пролилась человеческая кровь, случился несчастный случай с летальным исходом или сливали нечистоты. При прохождении / проезде таких мест нужно было: «три раза плюнуть и сказать «Бисмилла» (д.Инцисс Муромцевского района Омской области) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.8–4-I, л.16]; «быстрее проехать это место» (д.Речапово Тарского района Омской области) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–1-III, л.111]; «молчать и про себя (или шепотом) читать молитвы» (с.Карагай Вагайского района Тюменской области) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.11–10-I, л.23].

3. Мост – *кобыр (купэр)* как пространственный объект традиционно являлся в представлениях сибирских татар местом обитания шайтана и других опасных духов [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.8–4-I, л.4, 5; д.113–1-III, л.109; д.11–4–III, л.24]. По рассказам информаторов, шайтан чаще всего у моста подсаживался в повозку, сани к одиночному (часто нетрезвому) путнику и мешал дальнейшему проезду. При движении по мосту ни в коем случае нельзя было сквернословить. За это дух, живущий под мостом, или хозяин воды мог строго наказать путешественника (вплоть до умерщвления) (с.Ишаир Вагайского района Тюменской области; д.Большие Мурлы Большереченского района Омской области) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.11–10-I, л.2; д.73–2-III, л.127]. У моста д.Шуево Большереченского района Омской области на жителей однажды «напал» вихрь – *касарткы*, считающийся одним из проявлений шайтана. Спастись от него удалось только после прочтения молитвы [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.90–4-IV, л.80].

Вторую группу духов (по З.А. Башировой) образуют духи-хозяева всеобщие – хозяева воды, леса, озер, степей, природных стихий и т.д., которым обязательно следовало выказывать свое почтительное отношение [Баширова, 1984, с.88]. Сибирские татары считали, что хозяин воды – *су иясе* или хозяйка воды – *су анасы* могли утопить человека, если он сквернословил и оскорблял воду [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.73–2–III, л.127], если человек хотя бы раз в год не приносил им в подарок монету. В благодарность за подношение хозяева воды могли спасти утопающего, выбросив его на берег [МАЭ ОмГУ,

ф.I, д.111–4-II, л.32]. Чаще всего «утопление» происходило при переправе на лодке – *кима*, пароме, плотах – *сал*. Поэтому во время путешествия, даже если ранее была совершена указанная жертва, на всякий случай, во избежание недоразумения, при переправе через реку путешественники еще раз бросали в воду одну или несколько монет. Для тех, кто первый раз переправлялся через реку такая жертва была строго обязательна [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.144-I-I, л.4; д.144-I–II, л.50 об.].

При входе в лес путешественники попадали в вотчину хозяина леса – *урман иясе* [Валеев, 1976а, с.324], который мог пугать путников, мешать их движению, насылать на людей безумие и тоску. Поэтому в лесу не следовало шуметь, кричать, громко смеяться. Для сбережения от проделок *урман иясе* путешественники читали молитвы при въезде в лес, а также в самом лесу по мере необходимости. В д.Сеитово Тарского района Омской области была зафиксирована специальная молитва, которую читают при входе в лес *Касыр Отага парышлаганны котым коча* или *Касыр Отагу парышлу котым куца* / Касыр-Ата выгодное тебе угощение с молитвою устроим [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.111–4-II, л.13]. Обращение в молитве идет к известному нам персонажу – *Косыр ата*, покровительства которого и просил путник.

В любое время, в любом месте путешественники могли столкнуться с духами, которых З.А. Баширова отнесла к *третьей группе*. Ее составили персонажи среднеазиатского пандемониума – *пари, дэвы, албасты, аштагы* [Баширова, 1984, с.88; Валеев, 1976а, с.326], которые в конце XIX – первой трети XX в. в Среднем Прииртышье начали терять свои индивидуальные очертания и стали обозначаться в лексиконе сибирских татар одним словом – *шайтан*. *Шайтан* пугал путников и при этом, по мнению информаторов, мог принимать любой облик. Он мог предстать в виде маленькой девочки, огненного шара, старика, собаки, белого быка. Активизация действий шайтана происходила во время грозы, когда он попадал под прицел молний Бога. В это время путнику надлежало быть очень осторожным и подальше держаться от подозрительных людей, животных, других объектов, не брать попутчиков и непрестанно читать молитву. В д.Берняжка Большереченского района Омской области считали, что во время грозы с громом и молниями нельзя было продолжать движение верхом [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.90–4-III, л.50]. Для защиты от *шайтана*, представляющегося в виде «огненных шаров», следовало разорвать на себе рубаху (д.Гузенево Тарского района Омской области).

Сибирские татары считали, что лошадь – одно из животных, способных различать нечистую силу. Поэтому когда она начинала храпеть, спотыкаться, тяжело идти, останавливаться, это был верный признак того, что в повозку подсел не человек. В этом случае следовало неистово читать молитвы.

Кроме представителей среднеазиатского пандемониума, упомянутых З.А. Башировой, в третью группу духов можно отнести некоторых местных представителей «нечистой силы». Так, в д.Уленкуль Большереченского района Омской области верили в злого духа *эямцэ*, который появлялся зимой, в метель и мог утащить человека [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.144-I-I, л.4; Валеев, 1976а, с.327]. Поэтому людям (особенно детям) в метель следовало вести себя осторожнее. У тобольских татар была зафиксирована информация о женском злом духе *атцыс* (без имени). Он мог появляться перед человеком (чаще всего находящимся в пути ночью) в виде копны, воза, дерева или огненного кома с намерением задушить его [Валеев, 1976а, с.327]. В с.Карагай Вагайского района Тюменской области зафиксированы сведения о таком представителе «нечистой силы» как *трегупхан* – «не живая, не мертвая», которая не совершала каких-либо вредных действий по отношению к человеку, взявшегося ее подвезти, но резко снижала скорость передвижения повозки [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.11–10-I, л.50].

У разных групп сибирских татар в XIX – первой трети XX вв. бытовало представление о враждебных человеку существах *мэцкэй*, *убыр*, *оцкур*, которые чаще всего яв-

лялись в виде огненных шаров [Корусенко, Мерзликин, 2005б]. Информаторы считают, что *мэцкэй* – это душа умершего человека, которая в виде огненного шара вылетает из могилы и ищет себе жертву, чтобы высосать из нее кровь. В некоторых случаях *мэцкэй* мог стать невидимым и подсесть на телегу к путешественникам, когда они проезжали мимо кладбища. Тогда лошадь начинала медленно идти и задыхаться [Корусенко, Мерзликин, 2005б, с.145]. При встрече с летящим *мэцкэй* путешественнику следовало скрестить ноги, чтобы он не пролетел между ними (иначе, как считается, наступает смерть) и читать молитву, которая, по представлениям информаторов, сбивает *мэцкэй* на землю. Человек мог оказать сопротивление *мэцкэй* и даже заставить его ретироваться, если сильно избивал его плеткой, конской уздой или вилами [Корусенко, Мерзликин, 2005б, с.144–146].

Кроме многочисленных злых духов в «хаосе» проживали доброжелательные к людям «посредники» между Богом и человеком – *Айша-Фатима*, *Юсуп Пайхамбар*, *Кошура*, *Санге Бабай*, *Хазыр Илйас*, *Кугурт Фериштэ* и др. [Валеев, 1976а, с.327.; Корусенко, Ожередов, Смирнова, Ярзуткина, 2005, с.76–78]. К ним часто обращались за помощью в трудные минуты. В д.Черталы Муромцевского района произносили следующую заговорную присказку, когда в дороге что-либо случается (обычно, когда человек заблудился): *Хызыр Илйас юлдаш булсын* / пусть Хызыр Илйас будет попутчиком [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.8–4–1, л. 14]. Подробный анализ образа Хызыр-Илйаса был проведен в работе А.Г. и И.А. Селезневых [Селезнев, Селезнева, 2004а, с.27–31]. Стоит отметить развитый культ Хызыр-бабая (Хызыр-Ильяса, Хосана Посари) у барабинских татар [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.3–9-II, л.29–30, 32; д.5–11-IV, л.118; д.5–11-I, л.58; д.72–7–I, л.25; д.72–6–II, л.155].

Путешественники всегда обращали внимание на то место, где встречали незнакомого путника. Если встреча происходила в овраге, балке, следовало усилить бдительность, поскольку именно в таких местах могли напасть разбойники. В сказках и быличках сибирских татар распространен такой сюжет: отец предупреждает сына, чтобы тот ни в коем случае во время путешествия не останавливался в овраге, равно как и не ездил один без верного товарища [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.4–1-II, л.64]. В дд.Большие Мурлы, Берняжка (Большереченский район Омской области) еще помнят о тех местах, где в начале XX в. на купцов с товарами нападали разбойники с оружием [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.92–2, л.6; д.90–4-III, л.124].

Если путешественники подвозили других попутчиков, то обычно платы за провоз с последних не брали. Наоборот, традиция велела поделиться с попутчиками продуктами. У барабинских татар существовало утверждение: «Когда встречаешь человека, дай ему хлеба, а то он тебе век отрежет. Будешь чахнуть, если не взлюбит» (д.Аялуцк Чановского района Новосибирской области) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.1–27-I, л.28]. Тарские татары также считают, что это «старый обычай – путникам все давать бесплатно» (д.Киргап Тарского района Омской области) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–1-III, л.109].

Путешествие проходило сообразно с некоторыми принципами, отчасти изложенными в пословицах и поговорках сибирских татар: *Атны чебык билян кувма, солы белэн кув* / Не гони коня кнутом, а гони овсом [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.1–13-I, л.16; д.2–2-I, л.17], *Ашек маган арбаблян куян туткан* / С той телегой, которая медленно поехала, зайца догонишь (в значении «тише едешь, дальше будешь»), *Тиран сувга бельмича тюшма* / В глубокую воду, не зная, не лезь [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.1–13-I, л.68]. Женщина при встрече с мужчиной должна была прикрывать нижнюю часть лица краем платка [Смирнова, 2005, с.249]. Если шли пешком, то «муж не разрешал жене идти рядом с собой, она всегда шла сзади» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.73–3-I, л.60, 61]. Нельзя было пересекать дорогу похоронной процессии.

Ритм путешествию задавала средняя величина дневного перехода, которая для лошади, запряженной в сани или телегу, соответствовала примерно 30 верстам.

По сведениям жителей д.Большая Тебендя, в начале XX в. сибирские татары, ходившие зимой обозами на ярмарки в с.Викулово, с.Слободчики, с. Ишим при встрече с другим обозом на узком «одноколейном» санном пути не желали уступать ему дорогу. В этом случае порядок движения обозов определял кулачный бой. Здесь и проявлялся правильный домашний выбор попутчиков. Проигравшие заводили своих лошадей и сани в придорожные сугробы и ждали пока проедут победители [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.5–7-III, л.45].

При ухудшении погодных условий (туман, метель) в дороге ориентировались по заломанным у придорожных деревьев веткам, которые местные жители обычно направляли в сторону деревни [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.94–3-III, л.50]. Завалы из веток в лесу указывали на опасность дальнейшего пути [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.5–11-III, л.90].

В разных трудных ситуациях о помощи просили Хызыр-Ильяса. А.Г. и И.А. Селезневы описывают одну из таких ситуаций: «Однажды ехали мы из Барабы зимой и заблудились, да еще и сани застряли в глубоком снегу. Мы сказали нужные слова, и сани сами приподнялись и поехали, а вскоре мы нашли дорогу. Илйас помогает при пожаре, или когда человек тонет, обычно их имена произносят вместе – Хызыр-Илйас» [Селезнев, Селезнева, 2004а, с.27–28].

Особое место в любом путешествии занимали остановки. Их совершали по разным причинам. Если уставала лошадь, а до деревни было далеко, то летом искали «место с травой получше» у водоемов. Остановки совершали и в обеденное время, которое определяли по величине тени, отбрасываемой солнцем от предметов. В полдень – *яртымкын* тень должна была равняться одному шагу [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.1–10-V, л.31]. На остановке путешественники совершали обеденную молитву – *иля* [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.7–4-I, л.14], а затем кушали – *төшке аш*. Летом остановки могли продолжаться 1–2 часа. Лошадь в это время чаще всего не распрягали. Зимой на остановках коня кормили сеном – *пецан*, которое еще дома было заботливо нагружено в сани.

Время суток – *вакыт* сибирские татары делили по времени совершения молитв. Расстояние – *ара* они также измеряли через различные единицы времени. Так, например, в д.Речапово Тарского района и сейчас употребляют выражение: *Тыштянсон отман парам* / после обеда на лошади поеду. Это выражение означает расстояние, которое человек проезжает на лошади за полдня [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.7–4-II, л.43]. Для измерения расстояния у сибирских татар существовали традиционные единицы длины, такие как *чокрым (чакрым, цагрым)*, *цаганарх*, которые, по современным сведениям, были равны русской пятисотсаженной версте (1,06 км), «примерно километру» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.1–10-XXII, л.160; д.1–23-I, л.89, 90; д.90–4-III, л.29]. В д.Эбаргуль Усть-Ишимского района Омской области информатор заметила, что *чохрымами* измеряли расстояние, пройденное пешком [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.143-I-XIII, л.103]. Ф.Т. Валеев и Н.А. Томилов выводят происхождение сибирско-татарского *цагрым* от древнетюркского *чакир* (звать, созывать), обозначавшего расстояние слышимости человеческого крика (зова) [Валеев, Томилов, 1996, с.130]. Есть сведения о том, что у тарских татар существовала такая мера расстояния как «длина лошадиного шага» во время движения этого животного рысью [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.90–3-III, л.43].

Местами ночевок в пути чаще всего становились населенные пункты. Долговременные семейно-брачные связи между жителями соседних и дальних татарских деревень привели к тому, что во время путешествия путники могли заехать практически в любую деревню к своим родственникам или знакомым на несколько часов или на ночь. Их проживание здесь было регламентировано определенным гостевым этикетом.

Если к родственникам на постой приезжали в темное время суток, следовало после стука в дверь назвать себя, чтобы не пугать хозяев. Для защиты от проникновения в дом духов, которые, по мнению информаторов, любят увязываться за людьми, следовало перед порогом дома воткнуть в землю небольшую палочку, прихваченную с собой по дороге. Считается, что «дух остановится и начнет играть с ней» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.11–10-I, л.23]. При входе в дом в дверном проеме путешественники должны были произнести троекратно «Алла» или прочитать молитву, чем, по уверениям информаторов, закрывали шайтану дорогу в дом [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.144-I-I, л.49; д.105–1-I, л.7].

В случае, если путешественники прибывали в гости к родственникам, а тех не было дома (об этом «предупреждал» свернутый перед порогом коврик или дорожка) (д.Большая Тебендя Усть-Ишимского района Омской области) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.5–11-III, л.90], то на территории этого населенного пункта искали другой дом, где их могли принять. Хотя, конечно, родственники могли догадаться о приезде гостей, увидев во сне что-то красное (с. Киргап Тарского района Омской области) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.2–11-III, л.63]. Если гости – *кунак* были долгожданные, хозяева еще во дворе или доме исполняли путникам специальную песню. Например, в д.Большие Туралы (Тарского района Омской области) пели такую песню:

«Кайтан килдигиз сиз пыска,	«Откуда вы пришли (приехали) к нам,
Ботмоенца дингизга,	С каких морей шагая,
Хатырлы кунак сиз пыска,	Дорогие гости вы к нам.
Ней хурмат иттым сизга».	Что вам сделать для вашего желания»
	[МАЭ ОмГУ, ф.I, д.145–5-II, л.39].

Сибирские татары утверждают, что при входе в жилище гостям нужно было «спрашивать разрешение», тогда взаимоотношения с хозяином дома – *уй иясэ* складывались хорошо [Корусенко, 2007, с. 496].

С институтом гостевания у сибирских татар был связан обычай *кус айты(а)н*. Согласно этому обычаю в дом, в который издалека приезжал гость-родственник, приходили соседи и родственники хозяина дома, для участия в трапезе – *кусайтын чэе*. Поговорка гласит: «Даже если приехал шестилетний, его должен приветствовать шестидесятилетний». Люди, приглашенные на трапезу, обязательно приносили с собой какое-либо угощение: кашу, пироги – *кайнар аш.* После входа в дом приглашенные произносили слова поздравления, обращенные к хозяину дома – *Кус айтын!* («С дожиданием!», «С успокоением!») [Тихомирова, 2003, с.204–205].

Татары Среднего Прииртышья считали, что самые лучшие и вкусные продукты – чай и мясо. Поэтому по случаю приезда дорогих гостей резали барана. Если гости прибывали поздно ночью, то хозяйка варила пельмени – *цөцбәрә* [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.73–4-II, л.87]. У соседних барабинских татар почетные куски мяса (грудинка, курдюк у овцы, крестец всех крупных животных) специально хранили для гостей [Тихомирова, 2003, с.205].

Путешественников усаживали за специальный стол рядом с хозяином и кормили. При этом сначала пищу подавали гостям, а затем приглашенным и членам семьи [Тихомирова, 2006а, с.74]. Трапеза была обязательным событием института гостевания. «Айбят кунак ошка, еман кунак урушка / Хороший гость к обеду, плохой к ссоре». Отказ от трапезы воспринимался хозяевами как личное оскорбление. До сих пор в д.Тайчи Тевризского района Омской области старики говорят: «*Су ечмасагес безнен кунак тугел сез* / Если воду не пьешь, ты нам не гость». В XIX – первой трети XX вв. специально для гостей на стол ставили самовар. Во время трапезы гости и хозяева обменивались новостями. По ее завершению гости ни в коем случае не должны были оставить хлеб на столе недоеденным. Это считалось оскорблением хозяев [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.5–11-I, л.7].

Если гости останавливались в доме ночевать, то им готовили особенно мягкие спальные места. При этом использовали большое количество подушек. Максимальное внимание гостю оказывали в первый день пребывания – окружали почетом, устраивали на лучшее место, в честь него готовили лучшие блюда. С каждым последующим днем его статус гостя снижался, права уменьшались. Интересно, что через семь дней пребывания в гостях путешественник полностью утрачивал статус гостя и его священные права [Тихомирова, 2003, с.204].

Утром путников, которые остановились лишь переночевать и уже намеревались продолжить свое движение, кормили завтраком, провожали, давали с собой небольшое количество еды: «Кто приходит – без куска не отпускай. Аллах тебе вернет» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–2-IV, л.55].

Гостеприимство у татар было достаточно развито. Этому способствовали и многочисленные дидактические истории об Аллахе и / или Хызыр-бабае (варианты Хазыр-Ата, Хазыр-Илйас), которые якобы в образе нищих иногда заходят в деревни и просят в разных домах попить воды, покушать, а затем наказывают или благодарят каждого по заслугам [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.4–1-I, л.13; д.80–1-I, л.13, 36; Селезнев, Селезнева, 2004а, с.27–28]. Эти истории воспитывали в людях щедрость и чувство сострадания к путешественникам, которые находились вдали от дома.

Ни в коем случае путешественники старались не ночевать в заброшенных домах [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.10–4-III, л.91]. В быличках сибирских татар подчеркивается, что лучше ночевать на кладбище, чем в заброшенном доме, так как кладбище – «чистое место, там молятся» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.90–3-II, л.195; д.80–1-I, л.16; д.80–1-I, л.56]. В редких случаях путешественники летом останавливались ночевать в открытом поле, в лесу на поляне. Старались не располагаться в непосредственной близости от реки, озера, поскольку опасались живущих в воде хозяев воды – *су иясе* или *су анасы.* Если же это случалось, то просили у них разрешения на ночлег. Это же действие совершали сибирские татары деревень Тарского, Большереченского, Муромцевского и Усть-Ишимского районов Омской области в том случае, когда ставили сети вдалеке от поселения, и необходимо было заночевать в местах временных рыбачьих стоянок [Ярзуткина, 2005а, с.113].

Путники, решившие ночевать на открытом воздухе, выбирали для этого хорошее место. Останавливались, распрягали лошадей, разводили костер, варили еду. Совершали вечернюю молитву – *охшан*, ужинали – *кичке аш*. Если было необходимо помыться, то старались это сделать до захода солнца – *кояш бату*, так как считалось, что после этого времени хозяин воды мог сесть моющемуся человеку на плечи и утопить его. До захода солнца следовало совершить дозакатную молитву – *икэнде*. Перед сном для защиты от местных духов следовало очертить место ночевки кругом. Черта эта проводилась по земле с помощью заостренной палки. Ф.Т. Валеев писал, что «этот языческий обычай у сибирских татар переплетался с мусульманством, поскольку процесс обведения чертой временного жилища сопровождался чтением отрывков из Корана» [Валеев, 1980, с.208–209]. Чтобы защитить себя от возможного ночного нападения разбойников необходимо было оставить караульного и спать по очереди. В фольклоре сибирских татар встречаются былички о «торговцах-помещиках», знавших «чудесную» молитву, и во время ночной стоянки поймавших с помощью этой молитвы в очерченный круг вора [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.105–1-I, л.6]. Перед сном в последний раз молились (молитва перед сном – *яшче*) и засыпали. Сибирские татары так объясняют необходимость частых молитв: «Считается, что если не сказать заклинание [молитву – А.М.], то польза от сна, от еды пойдет не человеку, а шайтану» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.8–4–1, л.38]. Утром все поднимались, молились – *ирта намаз*, завтракали и двигались в путь.

В дороге сибирские татары часто пели песни бытового характера, где говорится о том, что видит человек, о чем он думает. Старая татарская пословица гласит: «*Кемнин арбасына утырсагыз, шунынн жырын жырларсыз* / На чью телегу сядешь, того и песню затянешь» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.10–4-III, л.109]. Некоторые дорожные песни зафиксированы в материалах этнографических экспедиций ОмГУ [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.1–10-IV, л.37; д.144–1-I, л.28; д.145–5-II, л.38].

В пути обращали внимание на различные приметы. Так считалось, что если путникам дорогу перебежал заяц – *қуян*, значит, в ближайшее время произойдет что-то нехорошее; если черная кошка – случится болезнь [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.73–2-III, л.139]. Эти знаки хаоса заставляли путешественников насторожиться и быть готовыми к любым трудностям.

Путешественники, достигнув цели (участие в ярмарке, празднике, доставка пожертвования в мечеть) возвращались домой. Обратный маршрут проходил в соответствии с уже известными нам нормами поведения в пути. Однако само направление – «обратно домой» – наверняка, как и у многих народов нашей планеты, делало восприятие дороги иным. Путешественники подъезжали к своему селению. При входе в дом необходимо было защитить его от проникновения шайтана. Кроме вкапывания деревянной палочки во дворе, с которой, как мы уже писали ранее, начинал играть злой дух, лучше было провести ритуальное окуривание дома – *бугатырга* можжевельником – *ортыш* или составом из хлеба, крапивы и лопуха» [Валеев, 1980, с.208; МАЭ ОмГУ, ф.I, д.94–6-II, л.166; МАЭ ОмГУ, ф.I, д.144-I-I, л.49]. Окуривание можно было произвести самостоятельно, но лучше было пригласить муллу.

В фольклоре тарских татар сохранилось понимание того, что «община» когда-то отпускала своего представителя в дорогу, как в последнее путешествие и заранее прощалась с ним, исключая его из своих рядов. В песне «*Каз Канате* / Гусиные крылья» поется:

«Много крыльев у гуся, а у мужчины крылья – конь.
Далеко уезжают мужчины из дома,
Очень далеко улетают на своих крыльях – конях,
А для тех, кто уходит далеко из дома и надолго,
Дороги назад уже нет. Их не примут обратно» [МАЭ ОмГУ, ф. I, д.1–13-I, л.15].

У сибирских татар существовал особый обрядовый комплекс действий, направленный на «прием» в общину вернувшегося путешественника. Главной частью этого комплекса был праздник *кусайтен*, на котором отмечали радостное событие возвращения. На него приглашали родственников, уважаемых людей, муллу, которые, прийдя на праздник, интересовались результатами поездки, слушали новости, ибо «знает тот, кто по дороге бежит, а не тот, кто на печке лежит» [Валеев, Томилов, 1996, с.116]. Всех присутствующих кормили специально приготовленным блюдом из говядины. Постепенно в дом приходили новые гости, празднующие выходили на улицу, и вскоре в действии принимали участие все жители деревни. В конце праздника бывший путешественник раздавал подарки родственникам и друзьям [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.90–4-IV, л.96; д.7–4-III, л.77]. Можно считать, что в процессе празднования сначала происходило «узнавание» коллективом «давно отсутствующего-умершего», а затем достаточно быстрая его социализация. Если путешественник не возвращался и домашние получали сведения об его гибели, то в деревне его не хоронили, но справляли по нему поминки.

Итак, мы рассмотрели различные проявления народных знаний сибирских татар, относящихся к их ТКП. Происхождение большей части составляющих ее обрядов и обычаев прослеживается в промысловом культе этого народа. Подобный вывод основан на сравнении наших материалов с материалами, опубликованными в отдельной работе А.А. Абрамовой «Где прячется счастье охотника (О бытовании промыслового

культа у сибирских татар)» [Абрамова, 2002, с.71–74]. Известно, что промысловая деятельность, являясь сферой перекрещивания рациональных и иррациональных знаний человека об окружающем мире, способствовала сохранению реликтов ранних форм религиозных представлений и культов [Кулемзин, 1984, с.82]. Длительное преобладание промысловых отраслей в хозяйственно-культурном комплексе сибирских татар (наряду с другими факторами) обусловило переплетение, особенно на обыденно-религиозном уровне сознания, мусульманской догматики с доисламскими верованиями (мусульманско-языческий синкретический комплекс) [Белич, 1989, с.134].

Сибирские татары на территории Среднего Прииртышья проживали в тех же природно-географических и климатических условиях, что и русские. Большая часть их поселений располагалась на берегах крупных рек. Поэтому все те физические обстоятельства, которые определяли динамику путешествий русского населения, действовали и для сибирских татар. Большее число путешествий совершалось зимой, когда сельскохозяйственных мероприятий было меньше, а природные условия позволяли совершать движение с наименьшими энергозатратами. В культуре населения существовали причины метафизического характера, в соответствии с которыми плохими периодами для отправления в дорогу считали октябрь и февраль, каждую первую неделю любого месяца, а также дни недели – вторник и пятницу.

Особенностью модели горизонтальной структуры тоболо-иртышских татар конца XIX – первой половины XX вв. является схожесть между границами мифологического пространства порог дома и ворота двора, связанная с относительно поздним оседанием сибирских татар на постоянные поселения. Кроме того, «территория хозяйственного освоения», как отдельная зона мифологического пространства, у тоболо-иртышских татар отсутствовала. Хозяйственные угодья жителей населенных пунктов находились в зоне «хаоса».

Подготовка к путешествию сибирских татар, кроме подготовки материальных элементов ТКП (одежда, транспортное средство, инвентарь, пища), включала в себя специальный комплекс обрядовых действий *юл хаир (юл садака*).

День отправления в дорогу был расписан, что называется по шагам, которые включали сбор материальных элементов ТКП и ряд магических действий, направленных на организацию максимально благоприятных проводов. В доме происходило «присаживание на дорожку», чтение молитв и произношение благопожелательных фраз. Во дворе совершалось кормление собак хлебом, прощание с родными. На территории населенного пункта проводили обряд *пони атл хаир* и подношение первому встречному.

Путешествия сибирских татар происходили в хаосе, населенном духами-хозяевами различных его участков. Существовали особые правила взаимодействия человека с духами-хозяевами. Духи «священных мест» довольствовались небольшими подношениями. Духи «плохих, нечистых мест» – *ияли* требовали от путешественников сосредоточенности и готовности совершения защитных действий (чтение молитв). Во время движения по мостам, проходящим через водотоки, нельзя было оскорблять хозяина воды. Вообще хозяева воды – *су иясе*, *су анасы*, леса – *урман иясе*, степей, природных стихий и т.д., требовали к себе почтительного отношения, которое выражалось в подарках (мелкие монеты), спокойном, тихом поведении и отсутствии сквернословий. В пути человеку стоило опасаться шайтана, который мог принимать любой облик (чаще всего вид маленькой девочки, огненного шара, старика, собаки, белого быка), а также враждебных человеку существ *эямцэ*, *атцыс, трегупхан, мэцкэй*, *убыр, оцкур*. От каждого из них у путешественников существовали способы защиты, среди которых наиболее универсальным была молитва.

В пути днем путешественники могли останавливаться, чтобы покушать, дать отдых и корм коням. Местами ночевок чаще всего становились населенные пункты си-

бирских татар, где у родственников путешественники становились гостями, со всеми вытекающими отсюда статусными изменениями.

При входе в чужой дом путешественники должны были обезопасить его от проникновения злых сил хаоса («шайтана»), совершив поэтапно некоторые защитные магические действия во дворе (воткнуть палочку, прихваченную в дороге), а затем на пороге дома (троекратное почитание Аллаха). Долгожданных гостей хозяева встречали еще во дворе специальной песней.

С институтом гостевания у сибирских татар был связан обычай приветствия гостей жителями населенного пункта – *кус айты(а)н,* трапеза – *кусайтын чэе*. Во время трапезы гости и хозяева обменивались новостями. Утром путников кормили завтраком, провожали и давали с собой небольшое количество еды. Если ночевка проходила вдали от населенных пунктов, то путешественникам следовало предпринять меры предосторожности от разбойников (посменный караул) и от злых духов (молитва и охранный круг, прочерченный по земле).

При возвращении домой необходимо было не допустить проникновение в дом вслед за путешественником шайтана. Для этого кроме воткнутого во дворе прута, троекратного «Алла» в дверях, в самом доме необходимо было провести ритуальное окуривание. Главной частью обрядового комплекса «приема» в общину вернувшегося путешественника был праздник *кусайтен*, в котором принимали участие все жители деревни. Праздник сопровождался рассказом новостей, кушаньем блюд, раздачей подарков. Можно считать, что в процессе празднования происходили «узнавание» коллективом давно отсутствующего путешественника и быстрая его социализация.

§ 4. Народный костюм

Елена Смирнова

Ткани

При изготовлении традиционной одежды у сибирских татар использовались три категории тканей: домашнего, кустарного и фабричного изготовления. Последняя категория выделялась и терминологически – покупные ткани фабричного изготовления назывались *моллар* (мн. от *мол* – «товар»). Такое восприятие и, соответственно, название покупных тканей характерно для многих народов, в т.ч. тюркских. Так, в узбекском языке для покупных тканей (мануфактуры) существует термин *газмол* (от *газ* – «аршин» и *мол* – «товар»), т.е. ткань – это товар, который измеряется аршином. У русских мануфактура также носила название *товар* («*чёрный товар»* – гладкоокрашенные одежные ткани, такие, как молескин, диагональ и пр. и *«красный товар»* – набивные и разноцветные ткани) в отличие от тканей, изготовленных в домашних условиях и имевших собственные видовые названия. В древнетюркском языке существовало парное выражение *tavar ad tavar* в значении «имущество», «хорошая материя» [Малов, 1951, с.427], что может свидетельствовать о древней традиции отделять ткани домашнего изготовления, используемые повседневно и не представляющие особой ценности, от тканей дорогих, покупных, выделяющих владельца и являющихся как бы знаком высокого имущественного и социального положения. Собственно же термин *tavar* в древнетюркском языке означал как добро, имущество, богатство, так и товар [Древнетюркский словарь, 1969, с.542].

В категорию тканей фабричного изготовления, которые преобладали в одежде сибирских татар конца XIX – первой трети XX вв., входят как хлопчатобумажные, так и шелковые и шерстяные ткани, причем, за небольшим исключением, все они сохраняли «русское» название, т.е. то, под каким названием ткани приобретались на ярмарках и в

лавках. Из хлопчатобумажных тканей широко употреблялись ситец (*ситцэ*), сатин (*сотин*), коленкор (*каленкур*), кумач (*комач*) и др. Шелковые ткани, несмотря на разнообразие ассортимента и, соответственно, названий определялись единственным термином *евяк* (шелк), особенно качественные сорта шелковых тканей – *торга*, что восходит к древнетюркскому *torqu* (шелк), а этот термин, в свою очередь – к *tor* в значении «тенёта, сети» [Древнетюркский словарь, 1969, с.578]. Шерстяные ткани делились, в представлении сибирских татар, на ткани для платьев (под единым названием *кашемир*, независимо от сорта ткани) – относительно тонкие и мягкие, а также ткани для верхних вещей, называвшиеся в соответствии с торговой терминологией (драп, шевиот, коверкот и пр.). Для бархата и плюша, широко использовавшихся в одежде сибирских татар, применялся традиционно термин *мокмал* (*махмал*), а особенно любимый бархат красного цвета выделялся определением *кысыл мокмал*, причем это сохранялось и в названии видов одежды (*кысыл мокмал манта тун* – женское зимнее пальто из красного бархата).

Ткани кустарного производства в изучаемый период были представлены почти исключительно шелковыми среднеазиатскими и китайскими тканями, которые в основном называли *евяк* (шелк), но сохранялись и специфические термины – *падшаи* (*подчай*) или *камга* (камка, китайский шелк). Эти же виды тканей могли называться также и *торга*.

Из тканей домашнего изготовления сибирскими татарами использовались ткани из растительных (конопля, лен) и животных (овечья шерсть) волокон. Название сырья в этом случае переносилось на ткань: холст из конопли (*киндер*, *турап*) так и назывался – *киндер* (*турап*), из льна (*китен*) – *китен*. Иногда к названию сырья для уточнения добавлялось название технологической операции (напр. *турап цугу* – *турап* (конопля) + *цугу* (ткать), т.е. «тканая конопля»).

Основным типом домашних шерстяных тканей была армячина из овечьей шерсти черного или коричневого цветов. Армячину ткали простым полотняным переплетением, причем различали два её вида по составу утка и основы – полностью шерстяную и с шерстяным утком и простой (льняной, конопляной, хлопчатобумажной) основой. Иногда армячину обрабатывали горячей водой или паром, т.е. сваливали для придания большей прочности и теплоизоляционности. Из армячины изготавливали традиционные халаты *сухмен* (*сукман*), и ткань носила аналогичное название.

Последними по времени в одежде сибирских татар появляются ткани фабричного производства, причем в таком количестве, что практически вытесняют ткани первых двух категорий. В первую очередь, это касается хлопчатобумажных тканей, производство которых в России конца XIX – начала XX вв. с ее развитой инфраструктурой и ориентированной на «восточного» потребителя текстильной промышленностью поднялось на небывало высокий уровень. «Дело было поставлено фундаментальнейшим образом. Множество фабрик специализировалось на продукции, соответствовавшей вкусам и запросам азиатского потребителя. Учитывалось все: рисунок, цвет, традиции той или иной страны...» [Петров, 1994, с.28].

Политика России по наращиванию экспорта на азиатские рынки именно хлопчатобумажных, а не шерстяных тканей, а также низкая стоимость первых и позволила «сохранить» традиционное производство армячины, в т.ч. и у сибирских татар. Шерстяные ткани фабричного изготовления (в основном английские, лодзинские и московские), представленные на российском рынке, были достаточно дорогими; например, в 1905 г. отпускные цены на мануфактурные товары лодзинского производства были следующими: 1 аршин драпа высокого качества для мужских пальто стоил от 3 р. 75 к. до 5 р. 50 к., 1 аршин шевиота для мужских костюмов – от 1 р. 45 к. до 2 р. 40 к., 1 аршин шерстяного плюша для дамских верхних вещей – от 2 р. 60 к. до 4 р. 75 к. [Контора, 1905, с.220]. Это делало более выгодным изготовление шерстяных тканей в домаш-

них условиях (для основной массы одежды), в отличие от изготовления холста, трудозатраты на которое не шли ни в какое сравнение с дешевизной фабричного ситца (1 аршин стоил в среднем 10 к.). Тем не менее, и фабричные шерстяные ткани находили применение в одежде сибирских татар, хотя и в меньших масштабах. Названия фабричных тканей, как было сказано выше, употреблялись «русские», нетрадиционные, за исключением тех случаев, когда фабричная ткань приходила на смену кустарной, имевшей собственное название (например, *мокмал* – бархат, *евяк* – шелк).

Головные уборы

Начнём с мужских головных уборов. В конце XIX – первой трети XX вв. у сибирских татар были распространены тюбетейки 3 видов, общей чертой которых было выкраивание тульи и верха отдельно, причем во всех случаях тулья представляла собой достаточно узкий и длинный прямоугольник, цельный или составленный из 2–3 деталей, или же имела форму низкой трапеции, сшивавшихся узкими сторонами. Разница состояла в способах сшивания верха головного убора: 1) верх составлялся из различного количества (чаще всего 4) клиньев и имел форму невысокой пирамиды; 2) верх выкраивался в виде круга с вырезанным сектором и после сшивания приобретал форму невысокого конуса; 3) верх представлял собой круг и, в этом случае, тюбетейка имела вид усеченного конуса. Также общей чертой было наличие подкладки и, в той или иной степени, жесткой прокладки. Если собственно тюбетейка шилась, по возможности, из дорогих тканей – традиционно это были плюш, бархат, позднее вельвет, то подкладка выполнялась из простых хлопчатобумажных тканей (ситец, сатин, бязь, коленкор и пр.) практически любых цветов и рисунков, иногда совершенно не сочетавшихся с материалом верха. Цвета тюбетеек были преимущественно следующие: черный, коричневый, синий, зеленый, бордо, фиолетовый (последние 4 – темных, приглушенных оттенков). В качестве жесткой прокладки использовалась бумага, картон, плотная хлопчатобумажная ткань, тонкий войлок (кошма). Дополнительное формообразование могло достигаться частой отстрочкой. Шили тюбетейки в зависимости от возможностей, на швейной машине или руках строчевым швом, чаще всего, черными хлопчатобумажными нитками. Последовательность операций при шитье была такова: после раскроя и, при необходимости, сшивания основных деталей из отдельных фрагментов, верх (макушка) соединялся с тульей по окружности, причем задний шов оставался несшитым. После окончательной примерки этот шов также сшивался. Отметим, что подкладка подводилась не полностью под готовый головной убор, а отдельно соединялась с деталями верха (макушки) и тульи, если нужно, простегивалась, а после выполнения шва, соединяющего верх и тулью, детали подкладки подворачивались и соединялись ручным швом «через край». Если тюбетейки украшались вышивкой, в т.ч. и бисером, нашитыми монетами и бляхами, то это выполнялось перед соединением верха с подкладкой и жесткой прокладкой. Простёгивание же осуществлялось после того, как изготовление тюбетейки было, в основном, завершено, но детали подкладки не соединены.

В качестве примера тюбетейки первого вида (с верхом из отдельных клиньев) можно привести тюбетейки среднеазиатского происхождения из черного сатина с вышивкой белыми нитками мотива *бодом* («миндаль»), *калампур* («перец») или «огурец» на каждом из 4 клиньев верха и мотива *мехроб* («арка») на тулье. Такого рода тюбетейки сами сибирские татары называли «узбекскими», каковыми они по сути и являются [Турсуналиев, 1991, с.110–112], поэтому подробно рассматривать мы их не будем, отметим лишь их довольно широкое распространение у всех групп тоболо-иртышских татар, что, безусловно, связано с развитием как торговых отношений в регионе, так и с тем, что это был мусульманский головной убор, хотя и «нетатарский». В литературе такие тюбетейки принято определять как ферганские [Задыхина, Сазонова, 1979, с.164] или чустские [Рассудова, 1989, с.142].

Как пример тюбетейки второго вида упомянем *аракчин* из вельвета светло-коричневого цвета на подкладке из хлопчатобумажной ткани коричневого цвета. Этот *аракчин* хранится в фондах МАЭ ОмГУ (№15–39), куда привезен в 1976 г. из д.Утузы Тевризского района Омской области (даритель – А.Чамалетдинов). Тулья этого *аракчина* для жесткости проложена картоном, верх выкроен в виде круга с вырезанным сектором, а весь головной убор украшен вышивкой тамбурным швом хлопчатобумажными нитками бежевого, бордо, голубого и зеленого цветов. Орнамент вышивки стилизованный, растительный, в виде розетки, окруженной завитками и волнистыми линиями.

Тюбетейки последнего 3-го вида по степени распространенности в значительной степени превосходят тюбетейки 1-го и 2-го видов. Более того, можно достаточно уверенно сказать, что количественно 3-й вид тюбетеек просто перекрывает первые два.

В готовом виде чаще всего приобретались тюбетейки среднеазиатские, а также бархатные головные уборы с золотым шитьем, привезенные из Поволжья или изготовленные в Сибири по тем же образцам – по способу раскроя мы относим их к 3-му виду тюбетеек (в виде невысокого усеченного конуса).

Зимние мужские головные уборы сибирских татар зафиксированы в основном двух типов: 1) круглые «татарские» шапки и 2) шапки-ушанки «как у русских». Первый тип зимней шапки известен нам в большинстве своем под названием *токья* или *такья*, такое название информаторы считают «сибирским». В то же время встречается и термин *бурек* (*пурек*), но он четко выделяется как «казанский». Собственно, два этих термина существуют практически равноправно и вполне естественным считается такое определение: «шапка – *токья* по-сибирски, или *бурек* – так по-казански». Кроме того, такая шапка могла называться и *шэпкэ* (т.е. просто «шапка»), причем в этом случае название также считалось «сибирским». Раскраиваться шапки 1-го типа могли, по меньшей мере, двумя способами, но внешне они выглядели совершенно одинаково – остроконечные с меховой оторочкой (*кырбулла такья* – «шапка с краями»). Шапка состояла из тульи и околыша (отворота). Тулья в первом варианте (и он был наиболее распространенным) выкраивалась из 4 треугольных клиньев и имела в сшитом виде вид невысокой четырехугольной пирамиды. Именно таким образом выкроена шапка *шэпкэ*, хранящаяся в МАЭ ОмГУ (№45–55), привезенная из д.Еланские Вагайского района Тюменской области. Шапка эта выполнена из черного бархата на сатиновом подкладе с утепляющей прокладкой из ваты. Бархатный верх и сатиновый подклад выкроены одинаково – из 4 треугольных клиньев высотой 15 см. Оторочка выполнена из полоски меха колонка шириной 6 см. Эта оторочка пришита вручную, а остальные швы шапки выполнены на швейной машине.

Второй тип зимних головных уборов – шапки-ушанки, получил распространение лишь с первого десятилетия XX в., но эти головные уборы относительно быстро «прижились» и к концу рассматриваемого периода успешно сосуществовали с традиционными шапками *такья*. Разница в их применении состояла лишь в том, что шапки-ушанки практически никогда не использовались как праздничные, а также как головные уборы лиц старшего и среднего возраста, здесь безусловное первенство принадлежало шапке *такья*. Покрой шапки-ушанки был совершенно таким же, как и у окружающего русского населения (почему шапки и определялись как «русские»), они шились либо из меха целиком (заяц, волк, лиса), причем мехом внутрь, либо крылись преимущественно сукном. Для изготовления шапки-ушанки раскраивались следующие детали: верх круглой формы, тулья, козырек (налобная часть), затылочная часть и уши (иногда цельнокроенные с затылочной частью).

Зимние шапки, полностью или частично меховые, шили мастерицы-«шапочницы» – *тахьяце* (*такьяце, тахьяче*). Например, в первой трети XX в. в д.Ашеваны Усть-Ишимского района была известна мастерица Тойра Чамалетдиновна Чамалетдинова

(1896 г.р.), местная татарка, заказы которой поступали не только от односельчан, но и со всей округи. За работу ей платили чаще всего продовольствием (яйцами, маслом и пр.). Шапки же из ткани шили в домашних условиях, как и шапки из овчины, не требующие в изготовлении особых навыков.

Состав женских головных уборов сибирских татар представлен тремя основными типами головных уборов – покрывалом, шапкой и головной повязкой. Головным убором типа покрывала мы называем различные виды платков – *яулык* (*яулок*) и шали – *шэл*.

Ношение платка или шали было обязательным для сибирской татарки, причем даже в сочетании с другими типами головных уборов (особенно это касалось замужних женщин). Дома во время работы по хозяйству женщины носили, чаще всего, недорогие ситцевые или коленкоровые платки небольшого размера. Их складывали «на угол» по диагонали и завязывали концы на затылке, причем свободный угол платка мог как оставаться распущенным, так прихватываться в узел. Узел при этом располагался почти на шее. Молодые женщины и девушки могли повязывать платок, надвинув его на лоб, при этом узел располагался выше, над косами. В д.Кайнаул Усть-Ишимского района Омской области встречается способ повязывания легкого платка «в роспуск» таким способом, что верхние углы заворачивались на затылок и завязывались. При этом плечи и часть спины оказывались прикрытыми платком. В любом случае платок повязывался достаточно низко на лоб, почти до самых бровей. Примерно такую же манеру повязывания головного платка можно встретить и у тобольских татарок.

При выходе на улицу поверх легкого платка набрасывался платок больших размеров и лучшего качества (по возможности). Он также сворачивался «на угол» по диагонали и концы его оставались свободными на груди, либо перекрещивались под подбородком и забрасывались на спину. В первом случае женщине рекомендовалось при встрече с мужчиной прикрывать нижнюю часть лица краем платка. Впрочем, уже для конца XIX в. закрывание лица стало чистой формальностью [Россия, 1907, с.268] и приобрело характер скорее рекомендательный. Например, про тобольских татар первой половины XIX в. писали, что «женщины ... носят покрывало и редко показываются на улице; но от русских не прячутся и у себя дома ходят без покрывала» [Белявский, 1833, с.5].

Шали (*шэл, шэль, шаль*) были распространены достаточно широко, но считались предметом роскоши и обладали ими не все женщины. Отметим бытование шелковых тканевых (*евяк шэл*), шелковых ажурных (*мершитэ шэл*), кашемировых (*чачаклы шэл*), а также зимних пуховых (*момык шэл*). Относительно первых скажем, что предпочтение отдавалось шалям с крупным цветочным или «восточным» узором, с бахромой или длинными кистями, ярких расцветок. О времени появления в комплексе одежды сибирской татарки шалей можно говорить достаточно уверенно, если вспомнить, что шали вошли в моду в Европе в конце XVIII в., в России их производство и массовое распространение в модном костюме начинается с начала XIX в. [Кирсанова, 1997, с.202]. В народном костюме (в т.ч. и у сибирских татар) шали появляются в середине XIX в. Ажурные (белые, розовые, голубые) шелковые шали вошли в европейскую моду под названием «a la Taglioni» в 1830-х гг. [Кирсанова, 1997, с.205], в это же время распространились в России как модная новинка, но уже со второй половины XIX в. в большом количестве производились на фабриках страны. Правда для массового производства использовались хлопчатобумажные мерсеризованные нити, дающие эффект блестящего шёлка. Присутствуют они не только в женской одежде сибирских татар. Такие шали были неотъемлемой частью костюма практически всех горожанок и зажиточных деревенских жительниц и не имеют отчетливой этнической окраски. В МАЭ ОмГУ хранится такая шаль (№20–10), привезенная из с.Яр Ялуторовского района Тюменской области.

Шапки, как традиционный вид головного убора, были распространены у курдакско-саргатских татарок достаточно широко. Они упоминаются в качестве практически

единственного головного убора (как зимнего, так и летнего) сибирских татарок в источниках даже для XIX в. [Голодников,1882, с.17; Ельницкий,1895, с.91; Шиле, 1879, с.23; Юшков, 1861, с.347]. Разница между зимним и летним вариантом в этих описаниях усматривается в наличии или отсутствии меховой опушки, а также наличии большего количества украшений на летних шапках. По форме своей уже в XIX в. шапки были плоскими или со сферическим верхом. Второй тип женских головных уборов – шапки – представлен женскими и девичьими шапками. Характерная женская шапка *кама токья* (№45–112) в виде усеченного конуса, хранящаяся в МАЭ ОмГУ, привезена из с.Карагай Вагайского района Тюменской области. Шапка сшита дарителем, Латифой Юлташевной Бахтимировой (1911 г.р.) в 1931 г.

Девичьи шапочки, известные сибирским татарам в основном под названием *калфак* (*колвак)*, зафиксированы 2 типов. Во-первых, это действительно шапочка, типа мужской тюбетейки в виде невысокого усеченного конуса, а во-вторых – маленькие колпачки, не надевавшиеся на голову, а прикреплявшиеся к ней. Эти шапочки (для удобства мы будем называть их *калфак*) явились прямым заимствованием у поволжских татар. Конечно, *калфаки* изготавливали и в домашних условиях, но следовали при этом готовым образцам. Основным материалом был бархат, желательно тонкий, хорошей выработки, на шелковой основе, насыщенных цветов – синий, зеленый, бордо, фиолетовый, иногда черный. Такие калфаки с золотым шитьем и бисером хорошо описаны в этнографической и искусствоведческой литературе [Татары Среднего Поволжья, 1967, с.144; Валеева-Сулейманова, Шагеева, 1990, с.149–150; Суслова, 1980, с.82], поэтому мы не будем здесь их подробно рассматривать, укажем лишь на широкое их распространение (особенно первого типа, в виде шапочки). *Калфаки* в виде наколок были в большей степени характерны для татар-переселенцев из Поволжья, от которых и были переняты коренными сибирскими татарками. *Калфаки* в виде шапочек в ряде мест носили название *кабец*, *кабач*, что позволяет предположить наличие у сибирских татарок специальных девичьих шапочек (схожих, судя по названию, с мужскими), которые к концу XIX в. были заменены казанским *калфаком*, сохранившим, однако, прежнее сибирское название.

Третий тип женских головных уборов сибирских татар – головные повязки. В МАЭ ОмГУ хранится *сарауч*, приобретенный в д.Ашеваны Усть-Ишимского района Омской области экспедицией ОмГУ в 1978 г. у курдакско-саргатской татарки М.А. Сайфуллиной и *сорооч*, привезенный из д.Большемурлы Большереченского района Омской области. Такой головной убор носили исключительно замужние женщины в комплексе с большим платком или шалью, которые свободно набрасывались поверх повязки, причем концы их могли либо оставаться свободно на груди, либо один угол платка (шали) закидывался на плечо. *Сарауц* надевали впервые на женщину во время свадебной церемонии и это, пожалуй, единственное отличие в женской и девичьей одежде. Головные повязки могли быть изготовлены как в домашних условиях, так и приобретены в готовом виде. Интересно, что если декоративная полоса ткани на *сарауц* была вышитой, то техника вышивки (золотое шитье) и орнаментальные мотивы практически полностью совпадали с декором шапочек *калфак*, которые выполнялись мастерами-золотошвеями в Поволжье либо в Сибири по тем же образцам. Эта вышивка выполнялась в основном на бархатной основе, причем бархат использовался высоких сортов, тонкой выделки, который производился в Средней Азии, Иране, Турции, Индии, Западной Европе. Характерная рельефность шитья достигалась использованием системы плоскостей; центральные мотивы выделялись высокой прокладкой (цветы, бутоны), а другой живописный уровень составляли ветви и листья. Основным технологическим приемом вышивки была гладь «вприкреп», когда заполняется только лицевая сторона изделия. При вышивании использовали пряденую золотую нить (туго навитую на шелковую или бумажную основу узкой полосы металла),

канитель (скрученную в виде полой спирали тонкую золотую или серебряную нить, трунцал (тат. *михак*) – скрученную в пружину плоскую металлическую нить, а также волоченую плоскую нить, которая в русском золотошвейном деле называется *бить*, а у татарских мастеров используется бухарский термин *сим* [Валеева-Сулейманова, Шагеева, 1990, с.149–150]. Все это сочеталось с применением стразов, бисера и стекляруса. Прекрасный экземпляр такого головного убора тарских татар хранится в Большереченском историко-этнографическом музее Омской области.

Строго говоря, *сарауц* (*сорооч, сарауч*) является не столько головной повязкой, сколько архаичным каркасным женским головным убором, ведущем происхождение от древнего иранского женского чалмообразного головного убора [Бережнова, Смирнова, 2001, с.7–9; Смирнова, 2001, с.173–187], и появление его в комплексе традиционной одежды татар Западной Сибири можно связать с участием в их этногенезе групп угорского населения, массовая ассимиляция которого началась, в частности, в лесном Прииртышье с начала XIII в. [Томилов, 1992, с.43].

Одежда

Комплекс мужской одежды сибирских татар традиционно состоял из нательной плечевой и поясной одежды (белья) – рубахи и штанов, верхней рубахи и верхних штанов, поверх которых надевалась верхняя плечевая распашная одежда (с рукавами или без них), а также различного рода сезонной теплой одежды. Завершали этот комплекс различного рода головные уборы, обувь, пояса, носки, шарфы и рукавицы. К началу XX в. в среду сибирских татар стали проникать образцы общеевропейской городской одежды, изготовленной в соответствии с модой, распространение которых, хотя и тормозилось мусульманским духовенством, но к концу изучаемого периода удельный вес нетрадиционной одежды (особенно у молодежи) был достаточно высок.

Комплекс женской одежды сибирских татар в основном совпадает с комплексом мужской одежды (это относится как к покрою, так и к составляющим элементам комплекса). Здесь присутствует нижнее белье (т.е. нательная одежда), надеваемые поверх него платья, распашная плечевая одежда различных видов, сезонная одежда, головные уборы и обувь. В первое десятилетие XX в. в среде сибирских татарок некоторое распространение получают «городские» формы одежды – платья, сшитые по модным фасонам, нижнее белье общеевропейского образца, перчатки и т.п. В первую очередь, это коснулось женщин из состоятельных семей, поскольку, во-первых, городская одежда была дорогой, а во-вторых, «иноверческой». Такого плана приобретения могли себе позволить лишь независимые от общественного мнения люди, а такую независимость, не в последнюю очередь, обеспечивал материальный достаток.

Намного лучше мужской доступна для исследователей женская одежда – нательная, платья, распашная плечевая одежда, головные уборы. Связано это во многом с тем, что женская одежда большей частью оставалась в доме, в то время как мужчины изнашивали свою одежду на отхожих промыслах и вообще «вне дома», почему она и не хранилась. Из женской нательной одежды стоит особо назвать нижние штаны характерного покроя – с «мотнёй» и вшитыми клиньями. Здесь же отметим и лоскутный нагрудник, который носили кормящие матери (а со второй половины XX в. – лишь пожилые женщины) под платьем. Составление нагрудника из лоскутов или полос различных тканей, по словам информаторов, связано с недостатком последних и с необходимостью экономить. Тем не менее, такой способ изготовления нагрудников может быть связан с представлениями, сохраняющимися у многих народов о том, что вещи, сшитые из кусков материи разного цвета, имеют магические свойства и являются оберегом от сглаза [Писарчик, Хамиджанова, 1970, с.203–224]. Связь эта представляется нам весьма вероятной, поскольку носили такие нагрудники сибирские татарки под нижней рубашкой, начиная с рождения первого ребенка и до старости, т.е. когда женщина переста-

ла рожать – нагрудник вполне мог выполнять функцию оберега женщины-матери. Сами же информаторы объясняют необходимость ношения нагрудника тем, что во время кормления младенца не должна быть видна грудь (однако в этом случае непонятно ношение этого нагрудника постоянно, а не только в период грудного вскармливания). Надевать нагрудник старались так, чтобы бретели не были видны, в противном случае это рассматривалось как грех.

Достаточно интересны платья, сшитые из ситца, штапеля, шелка, хлопчатобумажного бархата, они причудливо сочетают в себе черты традиционного кроя и модных тенденций соответствующего периода. Например, платье (МАЭ ОмГУ, №22–27) *кора кыляк* («черное платье») любопытно не только из-за покроя (распространенного в начале XX в. стиля «модерн»), но и как яркий пример того, как в традиционном сознании сибирских татар преломлялось отношение к моде. Это платье, безусловно, является образцом нарядной и дорогой женской одежды курдакско-саргатских татар. Даритель (ныне покойная И.К. Юмашева) происходила из зажиточной семьи, обладала в деревне непререкаемым моральным авторитетом, поскольку была весьма компетентной в вопросах веры – муж ее был муллой, а ее в деревне называли *муллинэ*. Мне пришлось разговаривать с ней в 1995 г., когда Инэш Картуковне было уже за 80 лет, и она категорически отрицала наличие каких-либо модных элементов в «старой одежде», утверждая, что раньше «никакой моды не было». Она явно забыла про платье, которое передала в 1978 г. этнографической экспедиции ОмГУ, а в нем черты городской моды присутствуют в большом количестве (фестоны, рюши, смещенная застежка). Вообще же платья сибирские татарки шили из самых разнообразных тканей – ситца, сатина, шелка, бархата, шерсти различных расцветок. Качество ткани напрямую зависело от материального уровня владелицы и предназначения платья (повседневное или праздничное), а расцветка и рисунок – от возраста и эстетических предпочтений. Так, если не очень состоятельная женщина шила себе новое платье из ситца или сатина, какое-то время оно служило праздничным. В дальнейшем, после нескольких стирок и продолжительного использования, оно переходило в разряд повседневных, а к празднику шилось новое, из аналогичных тканей. С другой стороны, шелковое или бархатное праздничное платье сохраняло свой статус на протяжении всего срока использования (отметим, что надевалось оно относительно редко, еще реже (а бархатное никогда) стиралось), а когда ветшало, чаще всего перешивалось на детей.

Говоря о распашной плечевой женской одежде сибирских татар, остановимся на безрукавке *камзол* (МАЭ ОмГУ, №15–8) из синего плюша, обильно украшенной монетами, тесьмой, различными подвесками. Это – праздничная безрукавка, а такие безрукавки у сибирских татар традиционно украшались рядами нашитых по бортам и подолу монет (*кумиш*) и проложенными в тех же местах позументом (*сухма*). Количество нашитых украшений не регламентировалось; на безрукавке могли быть 2 ряда позумента, если в распоряжении владелицы не было достаточного количества монет, или 1 ряд позумента и 1 ряд монет, или 2–3 ряда монет. Кроме того, монеты (если их было мало) могли быть расположены только по бортам от горловины до талии или до середины груди, но могли вдобавок окаймлять и пройму. Словом, здесь все зависело от возможностей и вкуса владелицы, хотя та же Инэш Картуковна Юмашева (д.Саургачи Усть-Ишимского района Омской области) утверждала, что монеты в 3 ряда на безрукавку нашивали девушки, а замужние женщины – в 1 ряд. Это утверждение не поддерживается другими информаторами, которые настаивают, что украшения на безрукавку пришивали, исходя из возможностей и индивидуальных предпочтений. Однако косвенно тезис о меньшем количестве



Курдакско-саргатская татарка в традиционном комплексе одежды. Омская область. Середина 1970-х гг. Фото Е.Ю. Смирновой

кумиш у замужних женщин находит отражение в Коране: «А престарелые из женщин, которые не надеются на брак, на них нет греха, чтобы они снимали свои одежды, не хвастаясь украшениями. Чтобы они были воздержанными, – лучше для них. Аллах – слышащий, знающий!» (34:59). Так что И.К. Юмашева права, но лишь отчасти, т.к. количество украшений сибирской татарки зависело не столько от семейного положения, сколько от возраста. Вообще же на безрукавку пришивали, помимо монет и позумента, практически любые бляхи ювелирной работы, иногда фрагменты сломанных украшений (например, поясной застежки или накосника), красивые пуговицы и пр. Связано это не столько с недостатком монет (использовалась, наряду с вышедшей из обращения, и современная разменная монета), сколько с тем, традиционные украшения ломаются, (а ювелиров, чтобы сделать ремонт, в деревнях не осталось), использовать по назначению их сложно, а потерять – жалко. Поэтому части старых украшений, те, что сохранились, пришиваются на борта безрукавки, дополняя, а иногда и заменяя, традиционную отделку.

Обувь

Обувь (мужская и женская), наиболее характерная для сибирских татар – это кожаные мягкие сапоги, чирки *чарык* (*царых*). Кроме того, сюда же можно отнести завязки для женских чирков *буок* и чулки. И ещё нельзя обойти вниманием приспособления для раскроя и пошива обуви (трафареты и колодки), поскольку в этом случае будет намного понятнее и нагляднее то, каким образом изготовлялась кожаная обувь. Вообще различия между мужской и женской обувью у сибирских татар были минимальными и не имели принципиального значения (за исключением городской покупной обуви). Если исходить из материала, обувь сибирских татар можно разделить на 2 категории – кожаную и валяную. В категории кожаной обуви, ориентируясь на технологию ее изготовления, а также учитывая способы приобретения, мы выделяем следующие группы: 1) обувь, изготовленная в домашних условиях (сюда же отнесем обувь, изготовленную местным мастером, поскольку технологические приемы и уровень работы были во многом схожими); 2) обувь, сшитая на заказ мастером-профессионалом (часто другой национальности) или таковая же, приобретенная в торговой сети и отвечавшая традиционным требованиям; 3) модная городская обувь, не имеющая этнической окраски, также приобретенная в торговых точках. В категории валяной обуви выделяем, исходя из технологических приемов, грубошерстную и тонкошерстную обувь, а исходя из внешних признаков – валяные сапоги и калоши. Отдельно рассматривается резиновая обувь (калоши), которая не выделена в отдельную категорию по причине явной «чужеродности» материала и промышленного характера ее изготовления.

Разумеется, можно провести традиционное деление обуви на мужскую и женскую или, например, на зимнюю и летнюю, но в этом случае многие характерные черты, по нашему мнению, будут выглядеть размытыми. Классификация же обуви, предложенная нами, даст возможность отделить элементы привнесенные, нехарактерные большей

частью, от того субстратного слоя, который и составлял основу традиционной обуви сибирских татар.

Прежде чем перейти к непосредственной характеристике обуви типа *чарык*, приведем некоторые сведения о подготовке сырья и изготовлении обуви. Для пошива обуви этого типа использовали коровью (в основном), конскую и овечью кожи. Из коровьих кож предпочтительным было использование яловок (легких, средних и тяжелых), а из конских – выметки (шкур конского молодняка до рабочего возраста) и конины – шкур рабочих лошадей [Сергеев, Кирюхин, Цереветинов, 1945, с.44]. Чаще всего тот, кто выделывал кожи, шил и обувь, поэтому и мастер-кожевник, и сапожник, шивший *чарык*, назывались *куньче* (от *кун* – кожа), в то время как мастер по изготовлению сапог на твердой подошве *итек* (кожи для которых он не выделывал) так и назывался – *итекце*. Кожу для пошива *чарык* выделывали способом растительного дубления с использованием ивовой коры («черного тала») – *тюп*. Для обезжиривания кожи и удаления шерсти (ворса) применялась овсяная и ржаная мука. Позднее стали частично использовать и минеральные дубители (в частности, алюминиевые квасцы), но ивовая кора сохранила ведущую роль.

Для выделки кожи требовалось около полутора месяцев; в случае же, если выделывались соленые кожи, на отмокание мокросоленого сырья уходило 1,5–2 суток, а на сушку – примерно неделя. После сушки, двоения и мягчения выделанной кожи мастер приступал к раскрою. По сведениям Речапа Аблегатовича Ахметчанова, 1928 г.р., жителя д.Саургачи Усть-Ишимского района Омской области, отец которого был местным *куньче* (Аблегат Ахметович Ахметчанов), подошвы выкраивались из самого толстого места шкуры – у коровьей это хребет (*крупон*), а у конской — огузочная часть (*хаз*). Детали головки *чарык* кроились (если не хватало «толстых» мест) из боковых частей шкуры, более тонких – пол или пашин, а голенища – из самых тонких или рыхлых мест (например, вороток на коровьей шкуре).

После раскроя всех деталей мастер приступал к их сшиванию. Швы выполнялись дратвой (просмоленной льняной нитью) двумя иголками, идущими навстречу друг другу. Отверстия предварительно прокалывались шилом *пис*. В первую очередь сшивалось голенище, затем выполнялись швы на головке *чарык*, после этого голенище соединялось с головкой, причем в этот шов вкладывались петли для *царых пау* (завязок). Все швы строчевые, выполняются двойными, края деталей при сшивании накладываются один на другой «внахлест». Последняя операция – пришивание подошвы. Для этого заготовку выворачивают наизнанку (до сих пор работа велась на лицевой стороне), надевают на колодку и пришивают подошву выворотным строчевым швом, прокладывая между ней и верхом полоску кожи для прочности и водонепроницаемости.

После окончания работы *чарык* оставляют на колодках, чтобы они не ссохлись, выдерживают 2–3 дня, затем снимают и смазывают смолой или дегтем (*тус май*) для смягчения, предохранения от порчи и придания водонепроницаемости.

В промысловом «болотном» варианте голенище часто выкраивалось из брезента, как, например, в зафиксированных в д.Утузы Тевризского района Омской области. Информатор – охотник Гарафутдин Хамитович Назиров, сшил их сам, причем край брезентового голенища подогнут, прошит, а в образовавшийся рубец вставлены завязки. Длина голенищ доходит до паха – это обычно и для болотных *чарык*, сшитых полностью из кожи. Так уже упоминавшийся Речап Аблегатович Ахметчанов из д.Саургачи Усть-Ишимского района Омской области сшил себе болотные *чарук* полностью из кожи – с внешней стороны голенищ у верхнего среза, имеются вертикальные прорези для крепления голенищ на поясе при помощи продернутых ремешков или веревок. Голенища этой обуви также доходят до паха – общая высота *чарук* 84 см. Такая обувь промыслового варианта могла носить и общее название *чарык* / *чарук* / *царык* и пр., а мог-

ла выделяться особым термином – *протна*, *продни*, который явно восходит к русскому «бродни», а также *падол* (от *путул* – широкий (сиб.-тат.)). Чаще всего у болотных *чарык* верхний край голенища был срезан назад, а задний вертикальный шов до верха не доводился – это позволяло отвернуть голенища при необходимости. У *чарык* же, которые носили в качестве повседневной обуви, срез голенища был прямым, а верх его дважды подворачивался наружу (при этом в носке голенища уже не разворачивались) и высота голенища доходила обычно до колена.

Внутрь *чарык* клали стельки *онтрок* из травы или сена, чтобы не терли внутренние швы. Основным требованием было удобство – стелька должна быть мягкой, из мягкой травы (*емшак улян*). Поэтому иногда клали сырое сено, т.к. сухое колется, иногда – сухую осоку (*соут пицен*), как в д.Каусы Усть-Ишимского района Омской области, поскольку осока мягкая и в высушенном виде. В большинстве же случаев клали просто сухое сено, выбирая все же траву потоньше и помягче. Мужчины *чарык* обязательно носили с портянками *чолгак / чулгок / цолгак / цулгак* из мягкой ношеной холстины.

Женские *чарык* чаще всего назывались *чарык паш / царых паш*, поскольку представляли собой лишь головки без голенищ. Выкраивались они в большинстве случаев из 3 деталей – подошвы, передней части головки и пятки, цельнокроенной с задней петлей. По верхнему срезу *чарык паш* пришивался рубец из сложенной вдвое шерстяной ткани (сукна, шерстяной домотканины), в который продергивалась веревочная завязка, а концы ее крепились внутри задней петли. В этот же рубец продергивались и плетеные шерстяные завязки *царых пау*, перекрещивавшиеся в задней петле и обвивавшие щиколотку. Затем *царых пау* витками поднимались до середины икр и завязывались. Экземпляр такой завязки под названием *буок* хранится в МАЭ ОмГУ. Она представляет собой неровную полосу (шириной в среднем 2 см), сплетенную на руках косым плетением из шерстяных ниток, окрашенных в малиновый цвет (предположительно фуксином). Даритель, Рабихана Абдурахимовна Хакимова, жительница д.Большая Тебендя Усть-Ишимского района Омской области, изготовившая эту завязку в 1920 г., не смогла в силу преклонного возраста вспомнить способ плетения (в 1978 г. во время сбора информации ей было 80 лет). Известно, тем не менее, что плетение в прошлом было распространено у многих народов Сибири и известно со времен раннего железа [Глушкова, 1994, с.114–121]. У сибирских татар плетение на пальцах таких завязок было распространено еще в начале XX в., а по мнению некоторых информаторов – вплоть до 1930-х гг., когда плетеные завязки постепенно вытеснились вязаными. Наиболее распространено было окрашивание завязок в красный цвет (хотя упоминаются и зеленые); в некоторых местах так и говорили: *кысыл чарык пувак* – «красная завязка для чирков». Женщины носили *чарык* с шерстяными вязаными чулками белого цвета, на которых завязки выделялись особенно эффектно. Все без исключения информаторы – женщины пожилого возраста, вспоминая манеру ношения *чарык* с *чарык пау*, отмечали, что это было очень красиво и нарядно.

Ко II группе первой категории обуви сибирских татар, сшитой на заказ мастером-профессионалом или приобретенной в готовом виде и отвечавшей традиционным требованиям, отнесём сапоги на твердой подошве (*итек / итык*) и мягкие выворотные сапожки *оту / ату* (*ичиги*). Сапоги *итек*, чаще всего хромовые, были признаком относительной зажиточности – бедняки могли всю жизнь проходить в самодельных *чарык*. Покрой таких сапог был совершенно схож с русскими и выделялся двух видов – вытяжной сапог, т.е. перед и голенище у него составляли единое целое, и прикройной, сшивавшийся из голенища, союзки и задника. Предпочтение отдавалось, однако, прикройным сапогам, как более «фасонным». К сожалению, ни одной пары сапог *итек* в музейных коллекциях нет, да и информаторы не сохранили такую обувь интересующего нас периода, поскольку сапоги рассматриваемого вида представляли несомненную

практическую ценность, их носили, что называется, «до дыр», неоднократно ремонтировали, а за ветхостью распарывали и использовали фрагменты по необходимости, но отнюдь не сохраняли. Однако все информаторы утверждают, что *итек* были «такими же, как и у русских». И одновременно эта же обувь считалась её носителями традиционной, «татарской», почему мы и относим ее ко II группе.

Мягкие выворотные сапожки *оту* изготавливались из тонкой кожи хорошей выделки – юфти по преимуществу. Эти сапожки приобретались на ярмарках, у заезжих торговцев, в лавках, а изготавливались в Казани, откуда и привозились в Сибирь. Распространение этого вида обуви было очень широким – у всех групп сибирских татар *оту* носили как мужчины, так и женщины.

Женские *оту* отличались от мужских, прежде всего, цветом – они были в основном красными и коричневыми, а также наличием вышитого или мозаичного орнамента. Последние назывались *цыюлы ату* – «узорные» (д.Карагай Вагайского района Тюменской области). Орнамент носил «восточный» характер и состоял из различного рода завитков, пальметт и розеток. Рисунок мог располагаться в передней части голенища, а также покрывать всю поверхность сапога. Например, ичиги из д.Утузы Тевризского района Омской области (МАЭ ОмГУ, №15–13) украшены в передней части голенища вышивкой двойной машинной строчкой, выполненной желтой и оранжевой нитью. Более дорогими и нарядными были сапожки, украшенные узорами в технике кожаной мозаики, сочетавшейся с декоративными швами из разноцветных ниток.

Мягкие сапожки носили в сочетании с калошами (*калоша*, *отунен калошасы*), которые могли быть как кожаными, на твердой подошве, также казанского производства, украшенные вышивкой или кожаной мозаикой, или же быть резиновыми. В последнем случае калоши использовались двух видов – т.н. «азиатского» фасона – мелкие, с низкими задниками, зауженными носками и низкими каблуками, а также обычные глубокие калоши высотой до щиколоток, которые и до сих пор широко распространены у сибирских татар (да и вообще у жителей сельской местности) в качестве дворовой обуви.

Помимо мягких сапожек бытовали *оту* – на твердой подошве (а у женщин – на каблуках различной высоты), украшенные кожаной мозаикой или вышивкой, также казанского производства. Отметим, что фасон этих последних (форма и высота каблука, форма носка и пр.) в начале – первой трети XX в. складывался почти исключительно под влиянием городской моды, сохраняя при этом традиционный декор. В такой технике выполнялись и другие виды обуви, украшенные традиционным орнаментом. Например, в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИКМ) хранятся женские туфли европейского фасона, на высоком французском каблуке, изготовленные из серой кожи и украшенные аппликацией в «восточном» стиле, расположенной на носке и заднике туфель. Аппликация выполнена из зеленой кожи и кожи цвета бордо и пришита строчевым швом (имитирующим швы кожаной мозаики) белыми и розовыми нитками. Несмотря на то, что покрой и конструкция туфель носят характер городской обуви, тем не менее, декор позволяет отнести эту обувь в большей степени к традиционной. Примерно такого же фасона и исполнения туфли есть в Большереченском историко-этнографическом музее.

Следующая группа кожаной обуви курдакско-саргатских татар – модная городская обувь, не имеющая этнической окраски. Сюда мы относим, прежде всего, как женские, так и мужские, ботинки (*патинка*). Обладание такими ботинками было признаком зажиточности и высокого социального положения. Так у матери Фариды Мухтасимовны Нихматуллиной (Матышевой) – Амины Каримовны Матышевой (Каримовой), 1909 г.р., которая была дочерью муллы из д.Ашеваны (Усть-Ишимского района Омской области) Карима Каримова – имелись высокие шнурованные ботинки на высоких каблуках, которые та носила со специальными калошами. Вообще же ботинки бытовали как высо-

кие (*осон кунец*), так и низкие (*кысха кунец*). У мужчин ботинки распространились в основном в среде сельской интеллигенции, в зажиточных семьях, но в меньшей степени, чем у женщин, т.к. состояние дорог делало ботинки в сельской местности обувью непрактичной, в то время как женщины, чье передвижение было менее активным, могли использовать ботинки чаще. Что же касается сельского духовенства, то в этой среде ботинки имели еще меньшее распространение, т.к. считались неприличными для правоверного мусульманина – предпочтение отдавалось мягким сапожкам с калошами.

Валяная обувь сибирских татар, к сожалению, в музейных коллекциях не представлена совершенно. Тем не менее, совершенно необходимо дать характеристику такой обуви. Сюда относятся валяные сапоги и калоши (валенки) – *пойма / пуйма / пима*. Валяные сапоги были как грубошерстными (изготовленными местными мастерами-пимокатами), так и тонкошерстными (приобретенными на ярмарках). Валяные же калоши были исключительно грубошерстными, местного изготовления. Среди мастеров-пимокатов, изготовлявших валенки для сибирских татар, были как русские, так и татары, причем при выборе мастера заказчики руководствовались отнюдь не его национальностью, а тем, насколько близко живет пимокат, качеством работы, сроком исполнения и пр. Например, у жительницы д.Большая Тебендя (Усть-Ишимский район Омской области) Г.Х. Вахитовой, 1925 г.р., сохранились валенки *пуйма*, которые катал после Отечественной войны слепой русский мастер в д.Кучумы (ныне не существующей), расположенной неподалеку от Большой Тебенди. По сведениям Наримана Мухаметчановича Рахимова, 1929 г.р., из д.Саургачи Усть-Ишимского района Омской области, его односельчане заказывали валенки русским мастерам в Суе (ныне не существует) и в Красном Яру (на противоположном правом берегу Иртыша) за Березянкой. В то же время в д.Каусы (ныне не существует) Усть-Ишимского района работал татарин-пимокат, но жители Каусов иногда отдавали катать валенки русскому мастеру в тот же Красный Яр. Такое положение вещей, а также то, что валенки, выходившие из мастерской русских и татарских пимокатов, не имели существенных различий, позволяет характеризовать валяную обувь в целом, не останавливаясь на общеизвестных деталях и технологии кустарного производства, в достаточной степени освещенной в исторической и этнографической литературе [Бардина, 1995; Бочанова, 1978]. Кроме того, часто изготовлением валенок занимались и бродячие мастера-пимокаты, арендовавшие для этих целей в селении чью-нибудь баню или другое строение.

Валяную грубошерстную обувь катали из овечьей шерсти любого цвета осенней стрижки. Наиболее часто встречались черные валенки с «бусыми» (серыми) волосками, но распространение имели и «бусые», и отчасти белые. Интересно, что даже в настоящее время информаторы, отвечая на вопрос о количестве шерсти, необходимой для изготовления пары валенок, употребляют в качестве единицы веса фунты, хотя во всех остальных случаях пользуются привычными понятиями «грамм» и «килограмм». Итак, для пары мужских валенок требовалось около 5 ф. шерсти (2 кг), для женских – 2,5–3,5 ф. (1–1,8 кг), а для валяных калош – 1,5 ф. (0,6 кг). Шерсть на валенки отдавали немытую, нечесаную, но растребленную и вычищенную, при этом качество шерсти должно было быть высоким («первый сорт», по выражению информаторов). Оплата изготовления валенок производилась чаще всего продовольствием. Например, дочь пимоката из д.Инцисс Муромцевского района Омской области Шарипчамал Рахимовна Биктемирова (1929 г.р.), переехавшая с семьей в д.Ильчебага Усть-Ишимского района Омской области, вспоминает, что как в Инциссе, так и в Ильчебаге, за изготовление пары валенок платили мешок картошки. Кроме того, она в детстве и юности помогала отцу и утверждает, что отец ее – Рахим Муфтиевич Биктемиров (1904–1994), катал в Ильчебаге точно такие же валенки, как и в Инциссе, и никаких нареканий со стороны заказчиков не было.

Наиболее распространенная высота голенища грубошерстных валяных сапог – до колена, верх чаще всего срезали ровно, иногда по желанию заказчика край голенища отворачивался. По некоторым сведениям, высота голенища мужских валяных сапог была выше колена, а женских – до колена. Валяные калоши доходили до щиколоток – их надевали во дворе, во время хозяйственных работ, а пожилые люди использовали их и в качестве домашней обуви. Впрочем, чаще всего калоши специально не катали, а делали дома из прохудившихся валяных сапог – голенище отрезалось, и из него выкраивались необходимые детали для подшивания. Подшить валенки мог практически каждый мужчина, но если навыков не хватало, отдавали латать сапожнику-*куньче*, который использовал при этом те же материалы и приемы, что и при пошиве *чарык*: дратву, шило, 2 иглы и колодку. Подшивали валенки как войлоком, так и кожей – полностью или в различных сочетаниях (например, подошва войлочная, а напятник кожаный).

Тонкошерстные валяные мужские сапоги («тоненькие, мягкие») приобретались на ярмарках в Ишиме, Загваздино, Таре, Тобольске, Тюмени, Усть-Ишиме. Они были высотой за колено, преимущественно белого цвета, по краю голенища проходил узорный бордюр из красного войлока, иногда на синем фоне. Орнамент чаще всего носил «восточный» характер и состоял из различного рода растительных мотивов. Такие валенки сибирскими татарами определялись как «казанские» и, судя по литературе, это определение имело основания – валенки изготавливались в Поволжье [Татары Среднего Поволжья, 1967, с.136]. Тонкошерстные валяные сапоги носили без калош, в отличие от грубошерстных, поверх которых надевали резиновые калоши (*рясинке*). Валяную обувь надевали с шерстяными вязаными носками и чулками (*ишим*). Отметим, что информаторы неоднократно указывали, что «валенки носили богатые». Менее обеспеченные люди использовали *чарык* и в качестве зимней обуви, утепляя их различного рода стельками (как войлочными, так и из сена) и надевая, наряду с портянками, шерстяные носки.

Женские чулки *ишим* (*ен ишим, оёк, оюк*), а также мужские носки *ишим* (*носки, нуски*) изготавливались в домашних условиях одинаковыми технологическими приемами, поэтому рассматривать мы их будем вместе. Основным материалом была спряденная на веретене овечья шерсть преимущественно белого цвета (хотя для повседневных мужских носков использовали и коричневые, и черные, и пестрые нитки). Чулки и носки вязали на 5 спицах (*ине, ишим ене*), начиная сверху, лицевой чулочной гладью, пятка вывязывалась также лицевыми петлями, запускание носка осуществлялось с 4 сторон, что делало его округлым и прилегающим к пальцам. Верхний срез мужских носков чаще всего оформлялся резинкой 2х2 или 1х1, высота носков достигала середины голени. Ниже резинки иногда вывязывались полоски (1–2) нитками контрастных цветов, также лицевой чулочной гладью. Женские чулки были длиннее мужских носков и доходили до колена (информаторы, давая об этом сведения, разъясняли: «как гольфы»). Их верх также бывал оформлен резинкой, иногда – несколькими рядами изнаночного вязания.

Кроме такого рода декора верхняя часть женских чулок украшалась и полосками, вывязанными нитками, окрашенными яркими цветами (зеленый, красный, малиновый). Вообще наличие полосок контрастного цвета на чулках и носках было почти обязательным. Это обосновывалось тем, что при наличии большого количества членов семьи чулки и носки легко было перепутать – в этом случае полоски разных цветов и различной ширины служили своего рода индивидуальной меткой.

К началу XX в. отмечается проникновение в среду сибирских татарок и чулок фабричного производства – как нитяных, так и шелковых (у наиболее состоятельных) которые носили, конечно же, не с традиционной обувью, а с «городскими» ботинками на каблуках. С другой стороны, последний вид обуви никак не сочетался с вязанными шерстяными чулками *ишим* и настоятельно требовал тонких чулок. Так что распро-

странение городской обуви было одновременным с появлением у сибирских татарок фабричных чулок.

Украшения

Характеристика украшений сибирских татар (женских по преимуществу), казалось, не представляющая особой сложности, тем не менее, затруднена. И связано это, в первую очередь, со специфическим характером источников. Полевые материалы представлены в основном информацией вербального характера. Сложная социально-политическая обстановка в определенные периоды истории нашей страны (революции, Гражданская война, коллективизация, Отечественная война) не позволила информаторам сохранить украшения, особенно ценные, хорошей ювелирной работы. И если татарка могла сшить взамен утраченного новое платье, восстановив в памяти традиционный покрой, то с украшениями так поступить было нельзя – торговые связи нарушились, ювелиров-кустарей, владеющих традиционными приемами, не осталось, да и материальное положение большинства семей было неблагополучным (особенно в послевоенный период). Кроме тех украшений, которые были выменяны на продукты, проданы, или, наконец, конфискованы, немногие сохранившиеся в 1960–1970-е гг. были доверчиво «отданы в музей». Оговоримся, что речь идет не о крупных государственных музеях, где все поступления фиксируются, хранятся и доступны исследователю, а о школьных или клубных, куда местными энтузиастами, без всякой системы, собиралось большое количество предметов традиционной культуры и где отсутствовала даже элементарная информация о месте сбора, дарителе и пр. Такие музеи часто переезжали с места на место, закрывались «за ненадобностью», вновь открывались, при этом неизбежно терялась часть предметов. Нередки случаи, когда создатель музея, переезжая в другой населенный пункт, увозил значительную часть фонда. В лучшем случае мы сталкиваемся с «немыми» предметами, а в худшем – только с воспоминаниями о таком музее.

Так что единственные сведения, которые могут дать информаторы о бытовавших у них украшениях – назвать термин и «на пальцах» рассказать об их внешнем виде. Те же, у кого по странному стечению обстоятельств все же сохранились отдельные украшения, старательно скрывают этот факт, т.к. элементарно боятся лишиться памятных для них вещей.

Приведем, однако, некоторые сведения относительно техники изготовления, материалов и способов приобретения украшений.

Основным материалом, из которого изготавливали украшения, было серебро (*кумиш*) различной степени чистоты. Наименьший процент серебра содержали дешевые изделия, в этом случае можно говорить скорее о сплавах на серебряной основе. Самые же дешевые изделия часто выполнялись из олова, меди, бронзы, латуни, альпака (род мельхиора), польского серебра и пр., в этом случае они могли быть и посеребренными, т.е. сохраняли внешний вид серебряного украшения. Золото в качестве материала для ювелирных изделий применялось значительно реже, тем не менее, в комплектах украшений богатых татарок оно присутствовало. В основном это были серьги, иногда перстни. Некоторые украшения выполнялись с позолотой, это встречалось довольно часто.

Характерным для украшений сибирских татар было сочетание металла с различного рода вставками-«глазками» (*куслар*). Чаще всего использовали бирюзу, кораллы, перламутр, малахит, сердолик, аметист, аквамарин, рубин, но в основном это была имитация натуральных материалов в массовых украшениях. Так, аметист, аквамарин и рубин заменялись прозрачным граненым стеклом, сердолик – матовым стеклом соответствующего цвета (кстати, «на глаз» отличить сердолик от имитации очень сложно – необходимо видеть скол, что не всегда возможно), бирюза, малахит и кораллы имитировались стеклянной пастой (смальтой), а перламутр нередко заменялся фрагментом зеркала.

Прежде чем дать характеристику технических приемов, использовавшихся в украшениях сибирских татарок, скажем несколько слов о приобретении украшений. Основная их масса была изготовлена кустарями-ювелирами, причем часть – местными сибирскими мастерами (*кумишче*), а часть – казанскими кустарями-серебряниками. В последнем случае центром ювелирного производства было с.Рыбная Слобода Лаишевского уезда Казанской губернии (правый берег Камы), где работали и татарские, и русские мастера. Произведенные здесь ювелирные изделия – серьги, кольца, браслеты и пр. сбывали в основном на Нижегородской ярмарке [Постникова-Лосева, 1974, с.103]. Эта ярмарка, являясь «первым всероссийским торжищем», была местом оптовых сделок, откуда товары, в том числе и ювелирные изделия, поступали на Ирбитскую ярмарку (1 февраля – 1 марта), которая имела для Западной Сибири то же значение, что Нижегородская для всей страны. В Ирбите сибиряки делали главные запасы промышленных товаров, которые распределялись по основным торговым центрам и перевалочным пунктам [Пронин, 1989, с.95, 100]. Таким образом, товары казанского производства, в числе которых были и ювелирные изделия, поступали к сибирским татарам практически напрямую и в больших количествах. Именно в этих украшениях и использовались различного рода вставки из камней и их имитаций, которые частью производились в Рыбной Слободе, а частью (например, сердолик) выписывались крупными скупщиками из-за границы [Постникова-Лосева, 1974, с.104].

Сибирские кустари-ювелиры в своих изделиях повторяли в основном казанские украшения, но работа их была грубее, цветные вставки практически не применялись, а ассортимент ограничивался изготовлением браслетов и перстней.

В силу изложенного выше становится очевидным, что технические приёмы в ювелирных изделиях сибирских татар конца XIX – первой трети XX вв. – это приёмы казанских ювелиров, упрощенные в ходе массового производства и заимствованные сибирскими кустарями. Вопросы технологии достаточно подробно рассмотрены в специальной литературе [Русское золотое, 1967; Постникова-Лосева, 1974; Валеева-Сулейманова, Шагеева, 1990; Суслова, 1980; Ювелирное искусство, 1974], что избавляет нас от подробного анализа ювелирного производства казанских украшений. Отметим лишь, что широко применялась чеканка (пуансонная, плоскорельефная и высокорельефная), гравировка, штамповка, литье, эмали и плоская скань, сочетающаяся с зернью, с характерными пирамидками, закрученными из сканой веревочки. Чеканка, гравировка и штамповка использовались, в основном, при изготовлении браслетов, литье – при изготовлении жетонов и подвесок. Мотивы гравировки носили растительный стилизованный характер: стебли, листья, цветки; реже – геометрический. Часто встречаются формулы-благопожелания, охранительные цитаты из Корана, выполненные арабской графикой, иногда такие надписи носят декоративный характер, имея вид арабесков. Так, поверхность браслета из д.Улуцк Венгеровского района Новосибирской области покрыта гравированным узором, в том числе, выгравирована и короткая надпись арабскими буквами (*сарма-ша-дж*). На лицевой стороне медальона *огаёк* (д.Утузы Тевризского района Омской области) из непрозрачного стекла красно-коричневого цвета (имитация сердолика) выгравировано арабской графикой с добавочными тюркскими буквами одно из 99 имен Аллаха, выражающих его божественную сущность – *«Аль-Гафур»* (имя это восходит к названию 40-й суры Корана – *«Гафер»*, т.е. «прощающий»). Впрочем, надписи на ювелирных украшениях сибирских татар не всегда были религиозного характера – для неграмотных людей любой арабский текст считался имеющим отношение к Корану. Это явление – общее для всего восточного ювелирного искусства, на котором следует остановиться подробнее.

Известно, что ислам принес не только новое мировоззрение, но и новую шкалу ценностей, в основе которой лежит слово [Шукуров, 1989, с.126], знаменуя этим пере-

ход к новому типу культуры, т.н. книжному, опирающемуся в способе самоорганизации на книжность [Киселева, 1993, с.66]. Арабский язык, являясь языком Откровения, на котором написан Коран, утвердился во всем мусульманском мире как язык сакральный, а само графическое начертание арабского слова стало наделяться магической силой. Будучи нанесенной на какой-либо предмет, такая надпись «освящала» и выводила его из мирского в сакрально значимый ряд [Горожанкина, 1993, с.78–91]. Хотя, повторимся, арабская надпись могла быть вовсе не сурой из Корана. Например, О.А. Сухарева приводит в качестве примера надпись на одном из самаркандских браслетов (*биларузуки оятин* – браслеты со стихами из Корана): *зиннати парируен* – «украшение красавиц» [Сухарева, 1982, с.116]. Интересно, что в ОГИКМ хранится приобретенная у курдакско-саргатской татарки Сайфуллиной медная бляшка фабричной работы (№7119–2) с русской надписью, почти дословно повторяющую приведенную выше: «украшение для женщин и девиц». Тем не менее, основная часть надписей на ювелирных украшениях сибирских татарок все-таки выполнены арабской графикой.

С точки зрения технологии несомненный интерес представляют способы монтировки и сборки ювелирных изделий сибирских татар. Очевидно, что при большом многообразии технических приемов ювелиров-профессионалов, в кустарном производстве сохраняются лишь некоторые из них, т.е. происходит своего рода «естественный отбор». Именно этот процесс мы и попытаемся рассмотреть на примере закрепки драгоценных камней (вставок) и замков для серег как наиболее показательном для ювелирных украшений сибирских татар.

Наиболее распространенным видом оправы для вставок был глухой каст, который обеспечивает надежное крепление камня, но дает возможность лучам света падать на него лишь сверху. Камень покоится в гнезде каста и удерживается его вертикальными стенками, верхний край которых придавлен к камню. В глухой каст крепят, как правило, только непрозрачные камни с гладкой нижней поверхностью, которые должны подстилаться дном оправы снизу [Бреполь, 1982, с.347]. Именно таким образом закреплены камни-вставки в серьгах, браслетах, поясных застежках и пр. Часто в глухой каст закрепляли и прозрачные камни – в этом случае усиление блеска и яркости вставки в глухой оправе достигалось подкладыванием на дно каста металлической фольги (или еще проще – в кастовую оправу вставляли фрагмент зеркала).

Рассматриваемые нами ювелирные изделия – продукт кустарного массового производства, поэтому основным качеством таких изделий была прочность, что отвечало и требованиям заказчиков, и условиям производства. Естественно, что глухой каст стал излюбленным видом оправы такого рода изделий. Тем не менее, в классической кастовой оправе стенки каста часто выбирались треугольными зубцами, что дает внешнее сходство с ободковой крапановой оправой.

В целом костюмный комплекс сибирских татар можно характеризовать как устойчивый. В нем можно выделить следующие этнокультурные составляющие:

1. Тюркский. Проявляется на терминологическом уровне как преобладающий с незначительными вкраплениями фарсизмов. Анализ покроя плечевой и поясной одежды, мужских головных уборов свидетельствует о наличии мощного тюркского пласта.

В рамках тюркского этнокультурного комплекса отчетливо выделяется «поволжско-приуральский» слой, который, являясь по сути суперстратным, органично слился с субстратом, что, по-видимому, объясняется как единоверием, так и давними генетическими и культурными контактами.

2. Угорский. Проявляется большей частью на структурном уровне (сочетание ткани и кожи в обуви, использование чехлов на поясную одежду), но, возможно, и на терминологическом (переосмысление тюрками угорских терминов для чехлов на одежду

по сходности звучания). Несомненна роль угров как фактора трансляции иранской культурной традиции.

3. Иранский. Проявляется и на терминологическом, и на структурном уровне – наиболее отчетливо в женском головном каркасном уборе. Однако необходимо принимать во внимание два уровня возникновения иранского этнокультурного комплекса: 1) связанный со средневековыми этническими процессами региона, результатом которых стало распространение иранской культурной традиции; 2) связанный с торговой деятельностью бухарцев (частично ираноязычных) в изучаемом регионе. В последнем случае мы должны рассматривать обозначенный комплекс как адстратный.

4. Евразийский. Связывает феномены материальной культуры населения материка с элементами комплекса одежды сибирских татар. Наиболее ярко проявляется в покрое плечевой одежды и конструкции мягкой выворотной обуви.

Этнокультурные связи сибирских татар, нашедшие отражение в костюме, весьма обширны и охватывают значительный регион, включающий в себя большую часть Евразии. Поэтому можно считать изучаемый комплекс одежды компонентом культуры древнего населения материка и связать реконструкцию архетипа комплекса одежды с выделенными этнокультурными комплексами, к которым он и восходит.

§ 5. Декоративно-прикладное искусство

Фарида Буреева

Декоративно-прикладное искусство сибирских татар в прошлом было разнообразным и отличалось художественным богатством. Указанное население знало обработку кожи, украшение ее мозаикой и аппликацией, изготовление ювелирных изделий, резьбу по дереву, различные способы украшения ткани (вышивка, аппликация, узорное ткачество), обработку бересты и ее художественное оформление, валяние войлоков и т.д. Некоторые из этих видов искусств сохранились до наших дней.

Изучение декоративно-прикладного искусства сибирских татар начинается в середине XX столетия. В 1956 г. в серии «Народы мира» вышла книга академических очерков «Народы Сибири», один из которых посвящен западносибирским татарам и написан В.В. Храмовой [Храмова, 1956, с.473–491]. Огромное значение имеют труды С.В. Иванова, посвященные декору народов Сибири. Им выделены двенадцать типов орнаментов, из которых один – тоболо-иртышский – был присущ бухарцам и сибирским татарам [Иванов, 1961, с.372]. Данный тип отличается крупными, криволинейными фигурами, главные из них – цветы, листья, гирлянды, спирали. Узоры вышивались на бархате, ярком шелке или коже. Как отмечал С.В. Иванов, описанный орнамент находит много аналогий в искусстве казанских татар и узбеков.

К более детальному исследованию декоративного творчества сибирских татар приступают в 1970-е гг. За последние десятилетия был накоплен значительный материал, способствующий дальнейшему изучению заявленной темы.

Ф.Т. Валеев в своей книге «Западно-сибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв.» [Валеев, 1980, с.180–183] привел примеры орнаментации на твердых и мягких материалах и указал на влияние в этой области искусства народов Средней Азии, казахов, башкир, хантов, манси, народов Саяно-Алтая, казанских татар и русских.

Следует особо отметить работы В.Б. Богомолова и Н.А. Томилова. Ими собран значительный материал по декоративно-прикладному искусству тарских, барабинских, томских, курдакско-саргатских татар. Исследовались изделия, выполненные не только из мягких материалов, но и из дерева, металла [Богомолов, 1975, 1977, 1978а, 1978б,

1978в, 1979а, 1979б, 1980, 1985, 1987, 1995а, 1995б; Томилов, 1978б; Томилов, Богомолов, Курочка, 1975].

Предметы декоративно-прикладного искусства сибирских татар можно условно поделить на три группы: предметы, выполненные из дерева, бересты, камыша; изделия из мягких материалов (ткань, кожа); металлические изделия.

К числу изделий, выполненных из дерева и бересты, относятся предметы домашнего обихода (вальки, прялки, чаши, туеса, шкатулки, циновки), а также декоративное убранство архитектурных строений (наличники и ворота). Последние составляют значительную часть описываемой группы изделий, в то время как украшенная утварь сибирских татар известна в небольшом количестве, поскольку перестала существовать еще в XIX в. и была заменена вещами фабричного производства [Богомолов, 1995б, с.52].

Изделия из дерева и некоторые берестяные предметы создавались мужчинами. Плетением циновок и изготовлением берестяной утвари занимались женщины. Практически в каждой деревне был свой мастер, слава о котором распространялась по всей округе. При украшении предметов из дерева использовали различные технические приемы. Наиболее древние – выемчатые: контурная, плоскорельефная, желобчатая, двугранно-, трехгранно- и четырехгранно-выемчатая резьба. По мнению В.Б. Богомолова [Богомолов, 1978в, с.161], трехгранно-выемчатая резьба применялась редко и ею украшались только наличники. Но материалы дают совершенно иную картину по топографии этого способа декорирования. Ею орнаментировались преимущественно бытовые предметы, а на наличниках она практически не встречается. Пропильная резьба появляется в Сибири в конце XIX в. и заимствована сибирскими татарами, вероятно, у русского населения.

Прялки *кааба, пресниче, кинтерагач* тарских татар конструктивно делятся на три типа: 1) составные, лопасть и донце выполнены из плоских, равномерных по ширине, досок; 2) составные, донце изготовлено из равномерной по ширине доски, а лопасть имеет лопатообразную форму; 3) корневые прялки, верхняя часть которых имеет форму лопаты. Орнаментации подверглись только прялки второго типа. В нижней части наружной стороны лопаты параллельно срезу контурной резьбой созданы бордюры из ромбической сетки и косых насечек, образующих узор «елочка». В верхней части ножки с внутренней и наружной стороны также располагаются бордюры из прямых и косых насечек. А чуть ниже боковые стороны обретают фигурные (зигзагообразные) очертания [Народы Южной Сибири, 1990, с.150]. По сведениям информаторов, прялки украшались и трехгранно-выемчатой резьбой, но композиция и мотивы не известны. Этим же способом декорированы и вальки, узор включает в себя квадратные сетки, расположенные на концах изделия, между ними по центру находится шестиконечная розетка, последовательно вписанная в шестиугольник и окружность [Народы Южной Сибири, 1990, с.159]. Описанные предметы применялись в традиционном хозяйстве сибирских татар в конце XIX – начале и середине XX вв. и являются заимствованными у русского населения.

Наносилась резьба и на деревянную посуду – *табак* (тарелка) и *цара* (большая чашка). По всей окружности вдоль края идет бордюр (прямой или волнообразный), заполненный шестиконечными розетками и фигурами в виде уголков, выполненными контурной резьбой. Традиционны и деревянные чаши, ручки которых оформлены в виде головы лебедя или утки. Одна из таких уникальных предметов хранится в Большереченском историко-этнографическом музее (№789). По мнению исследователей, птицеобразные чаши восходят к древней уральской скульптуре, в частности к деревянной утвари Горбуновского торфяника в Зауралье, датируемой III–II тыс. до н.э. [Народы Южной Сибири, 1990, с.227; Иванов, 1979, с.121; Мошинская, 1976, с.81–82].

Для орнаментации краев посуды использовалась желобчатая и двугранно-выемчатая резьба. Первый технический прием позволял создавать ряды округлых углублений, второй – пояс неглубоких нарезок. Посуда вырезалась только из древесины березы *каен агач* или нароста на березе – капа.

Раскраска деревянных предметов среди сибирских татар возникла в 1920-е гг. [Богомолов, 1995а, с.52]. Посуду окрашивали в светло-коричневый цвет, а сверху наносили растительный орнамент в виде бордюра [Валеев, 1980, с.182]. Сочетание резьбы и окрашивания можно встретить на шкатулках середины XX в. Следует отметить, что из дерева сибирские татары изготавливали и сундуки. Но они, также как и многие шкатулки, декорировались просечным металлом. Поэтому данные предметы будут рассмотрены ниже.

Наибольший комплекс орнаментированных изделий из дерева составляют наличники. Из выделенных Е.А. Ащепковым [Ащепков, 1950] четырех способов устройства наличников в русском народном зодчестве в Западносибирском регионе два – второй и четвертый – встречены на домах сибирских татар. Для второго типа обработки наличников присущ развитый фронтон. Линия карниза может быть прямой и иметь профилированный край, либо треугольной формы (карниз «конем»), аркой, либо может иметь волютообразное завершение. Фронтон украшен половинкой солярной розетки, накладными деталями (ромбами, сдвоенными ромбами, парными S-образными завитками). На нижней части свешивающихся косяков располагаются капельки, на верхней – луковки, а на центральной части – накладные геометрические детали. При декорировании использована плоскорельефная, трехгранно-выемчатая резьба. В Западносибирском регионе мотив круга-солнца или его частей, полученных при помощи трехгранно-выемчатой резьбы, появляется на наличниках во второй половине XVIII – первой половине XIX в. [Русакова, 1989, с.17]. С внедрением пропильной резьбы в конце XIX в. облик наличников значительно меняется. На карниз ставится ажурная доска, оформленная в виде двух волютообразных завитков, разделенных вставкой (имитация вазона). На боковой части косяка сверху располагаются «ушки», часто имеющие ту же конфигурацию, что и очелье, но меньших размеров. В целом пропильный орнамент носит криволинейный геометрический характер, основные элементы которого – S-образные завитки, червонки, кресты. В некоторых случаях встречаются стилизованные растительные орнаменты, обладающие соответствующими названиями, например, цветок тюльпана, а также стилизованные орнито-, зоо- и, крайне редко, антропоморфные изображения. Наличники XX в. украшены достаточно реалистично выполненными орнитоморфными мотивами. Четвертый тип – это равновесие верхней и нижней частей наличников. И фронтон, и подоконная доска в данном случае украшены пропильной резьбой. Характер орнаментов аналогичен узорам наличников второго типа.

Наличники татар зачастую выполнены из сосны *карагай*. Узор наносится на дерево с помощью трафарета из фанеры, картона или тонкой доски. Наличники окрашены в голубой, зеленый и белый цвета. Ставни на окнах – редкость. На старых домах начала XX в. находятся одностворчатые ставни, являющиеся наиболее ранней конструкцией [Ащепков, 1950, с.100].

Ворота орнаментировались гораздо реже, чем наличники. В начале XX в. верхняя часть ворот украшалась плоскорельефной резьбой, при помощи которой создавались три-четыре бордюра с геометрическими мотивами: прямоугольники, овалы, Н-образные фигуры (так называемая городковая резьба). В середине и второй половине XX столетия декор ворот во многом повторяет орнаменты наличников: различные S-образные завитки, ромбы, сердечки и т.д., которые выпиливаются из доски и накладываются на ворота. Из таких накладных деталей создаются цветы, располагающиеся по центру и углам ворот. В единичных случаях встречены резные «солнечные» маски, а на досках обшивки углов – профильное изображение головы коня.

В декоре окон и ворот прослеживается в основном влияние переработанной городской традиции. Композиции со стилизованными птицами, конями в оформлении этих деталей коррелируются с русским народным творчеством. Но цветочный мотив *лола* (тюльпан), вероятно, перенесенный в резьбу из вышивки, появляется в орнаментике сибирских татар благодаря выходцам из Средней Азии. Криволинейные геометрические мотивы на золотошвейных тюбетейках, напоминающие среднеазиатские *буттадор*, нашли свое место в пропильной резьбе наличников. Рогообразные мотивы, часто встречающиеся в искусстве тюркских и монгольских народов и выполненных на коже, войлоке, ткани также находят место в резьбе по дереву у сибирских татар. В некоторых случаях фронтон и подкарнизная доска оформляются личинами. Из доски выпиливается криволинейная подтреугольная фигура, в центральной части делаются прорези глаз, носа, рта. Объемные маски чертей с рожками и бородками зафиксированы у русских в Исетском районе Тюменской области [Деревянная резьба, 1984]. Пропильные личины встречены в декоре курдакско-саргатских, томских татар. Маска-личина – это универсальный мотив, существующий на всем Западе со времен античности и встречающийся в искусстве Азии все эпох [Кызласов, Король, 1990, с.126]. Для антропоморфных мотивов сибирских татар характерна единая иконография. Ее особенностью является наличие волнообразного обрамления, вероятно, символизирующее волосы или лучи солнца. Можно предположить, что описываемые антропоморфные мотивы выполняют охранительную функцию, выступают в качестве оберега.

Еще в 30–40-е гг. XX в. в каждом доме можно было встретить берестяную посуду – туеса *тойос, туске, тыйыс, тус кунек* и кузова *кайас, цоголай*. В настоящее время берестяные изделия татар являются этнографической редкостью. Коренное тюркоязычное население Западной Сибири заготавливает бересту в большом количестве в основном для различных хозяйственных нужд, но утварь практически не создает [Богомолов, Мельников, 1997, с.61]. Туеса имели цилиндрическую форму, стенки изготавливались из двух прямоугольных полотнищ бересты, края которых соединялись замком. Дно деревянное. Стенки с дном соединяются при помощи берестяного кольца. Верх туеса обшивается полоской ткани стебельчатым швом или полоской бересты строчечным швом. Кузова шились из прямоугольного берестяного листа льняными или конопляными нитями. Края также укреплялись полосой бересты. Часть туесов украшены бордюрами из уголков или полукруглых вдавлений вдоль устья и донца, иногда декор дополняется вертикальными рядами полукруглых фигур параллельно соединительному шву. Узоры наносятся заготовленным штампом. Некоторые изделия декорированы резьбой (используется заостренный предмет). Орнамент композиционно делится на три горизонтальные полосы: вдоль устья проходит ряд уголков, огражденных с обеих сторон двумя прямыми линиями, ниже располагаются четырехлепестковые цветы, а третья полоса представлена уголками без окаймления. По замечанию информаторов, изделия с цветочным орнаментом использовались для сбора ягод. В других случаях узор наносится на стенки тиснением и представляет собой в «развернутом» виде косой крест из полукруглых вдавлений, по четырем сторонам от него находятся крестообразные фигуры, созданные в свою очередь из полукружий. «Вышиванием» берестой (через сделанные надрезы пропускается полоска бересты шириной 8–10 мм) украшается устье кузова в виде бордюра из квадратиков, образующих прямые кресты. Среди туесов татар найдены предметы с окрашенными наружными стенами [Культура татар, 2003, с.15]. У барабинских татар бытовали берестяные туеса с профилированными краями и подкладным фоном, а также вышивка по бересте конским волосом [Богомолов, 1987, с.126], отсылающих к угро-самодийской традиции.

Еще один предмет, практически не встречающийся в домах сибирских татар – циновка *ецерги, урмак*. Ею покрывали нары и пол. Циновки плели из камыша. Тростник

заготавливали в конце осени – начале зимы. Его очищали от листьев и верхнего слоя, а затем преступали к плетению. По сведениям информаторов, циновки плели на руках, без использования станка, но в некоторых случаях – с его применением: к перекладине крепили нити, намотанные на чурки. Их перекидывали при плетении. За счет переплетения светлого тростника и темных травяных стеблей создается геометрический рисунок – квадратная сетка или бордюры из ромбов по краям. Но чаще всего циновки были простого однотонного плетения. Края для прочности и придания завершенности изделию обматывали льняными или шерстяными нитями.

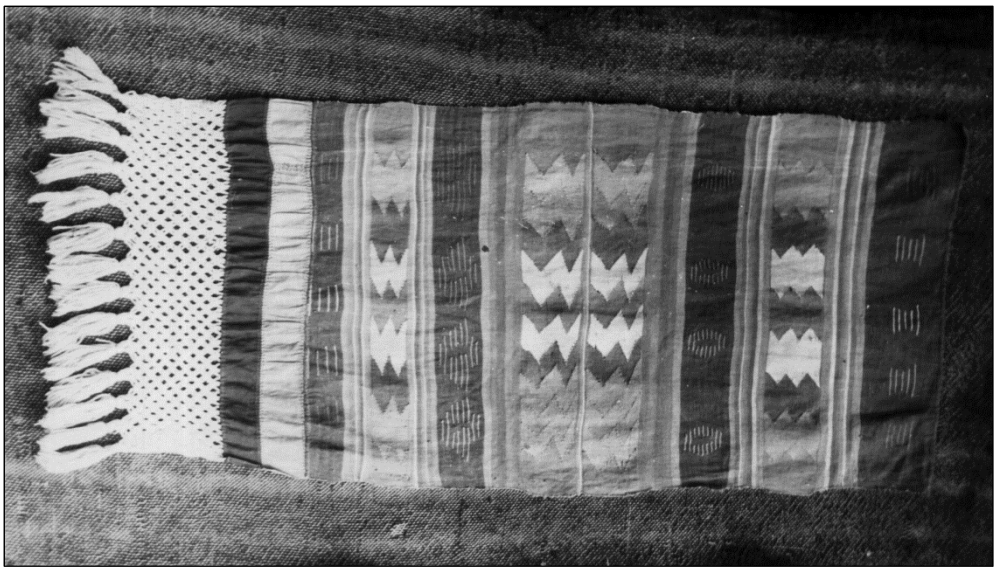
Группа изделий из мягких материалов наиболее многочисленная. К ней относятся и предметы домашнего обихода, и одежда. В деле украшения вещей из мягких материалов ведущая роль принадлежит, безусловно, женщине. К.Ельницкий [Ельницкий, 1895, с.91] в конце XIX в. писал, что сибирские татарки «… шьют одежду и обувь членам семьи, валяют войлоки и вышивают шелком и золотом. Шитье татарок отличается не столько вкусом, сколько тщательностью отделки». Искусству вышивки и тканья обучались с раннего возраста. Татарская мастерица владела примерно 20 приемами вышивки [Богомолов, 1978в, с.165]. Среди них – свободные швы: строчечный, попеременный строчечный, стебельчатый, тамбур, гладь односторонняя (верхошов), по настилу, в прикреп, в лом, ковровый, а также шитье бисером, жемчугом; счетные швы: набор, «козлик», «козлик с петлей», петельный, двойная гладь, крест простой и растянутый, «елочка», мережка. Такие приемы, как двойная гладь, крест, мережка и «елочка» появляются в арсенале татарских рукодельниц поздно – в конце XIX в. и, вероятно, были привнесены переселенцами из Европейской России. Для шитья использовали шелковые нити различных цветов, мулине, гарус, синель, золотные нити, а также дробницы, бисер, жемчуг. Вышивка производилась как на пяльцах *кирге*, так и без них. Рисунок наносили на ткань с помощью трафарета: на марле сурьмой рисовали узор, прикладывали к ткани и вышивали, а затем марлю удаляли [Богомолов, 1978в, с.168]. Позже этот процесс был упрощен. Орнамент наносили непосредственно на ткань карандашом. Использовали льняное полотно *китен*, шелк *явак*, бархат *макмал*, ситец.

Следует отметить, что в домах сибирских татар во второй половине XIX в. интерьер, как правило, украшался сдержанно [Юшков, 1861]. Яркими цветовыми пятнами выделялись покрытия на нарах – войлок *киис*, ковры *аламыш, курома* и изредка занавески на окнах. На стенах висели изречения из Корана *шамаилы*, в единичных случаях – вышитые полотенца и салфетки [Богомолов, 1995а, с.57]. В конце XIX – начале XX вв. интерьер в домах сибирских татар существенно меняется. К декоративному убранству добавляются вышитые скатерти, наволочки, дорожки, ажурные подзоры на кровати и т. д.

Полотенца сибирских татар *солге, тестымал*, датируемые началом XX в., выполнены из льняной ткани, их концы декорированы прямолинейными геометрическими орнаментами, вышитыми красными льняными нитями в технике набора: нить проходит по всей ширине украшаемой поверхности по лицевой стороне. Узор состоит из ромбов с продленными сторонами и с крючками, сдвоенных ромбов, треугольников. В некоторых случаях орнамент композиционно делится на два яруса, причем верхний по площади превалирует над нижним. Последний выступает в роли окаймляющего бордюра из треугольников или Х-образных фигур. На полотенцах курдакско-саргатских татар превалирует шашечное построение бордюра из красных и белых квадратов, у томской группы – бордюры из ромбов и фигур, образованных уголками. Узор и техника исполнения на данных полотенцах сибирских татар отличаются древностью своего происхождения и встречаются в культуре многих этносов Евразии.



Полотенце браное. Д.Байбы Омской обл. Экспедиция 1994 г. Фото Д.И. Ахметовой



Полотенце закладное. Краеведческий музей с.Тевриз Омской обл.
Экспедиция 1994 г. Фото Д.И. Ахметовой

Ромбы и треугольники на полотенцах вышиты также крестом. Еще одним способом декорирования полотенец является тамбур *элме*. Орнамент представлен волнистыми линиями.

Полотенца середины и второй половины XX в. орнаментированы иначе. На концах вышиваются красочные растительные мотивы: цветы, листья, стебли, составляю-

щие свободную композицию. В данном случае используется односторонняя гладь *нагыш чигу* или *тигис*.

В богатых домах в конце XIX – начале XX вв. бытовые предметы были выполнены из дорогих материалов. Примером может послужить украшение на подушку: на бархатной основе синелью и бисером выполнен букет цветов.

Значительный комплекс предметов из мягких материалов образуют салфетки – *чигу*, созданные в первой половине XX в. Обычно их вышивали на белой льняной или хлопчатобумажной ткани квадратной или прямоугольной формы. Основные орнаментальные мотивы – стилизованные и реалистично выполненные цветы (садовые и полевые), листья, ягоды, собранные в букет, в композицию в виде овала, восьмерки или в виде бордюра. В первых трех случаях узор располагается по центру салфетки, по диагонали или заполняет практически всю поверхность изделия (особенно в технике «крест»). Иногда растительные узоры дополняются изображениями корзин, птиц, бабочек, различными надписями. Используется верхошов, стебельчатый шов, крест, попеременный строчечный шов, двойная гладь, петельный шов. Заслуживает внимание салфетка, на которой растительный орнамент вышит ковровым швом, выполненным иглой. На некоторых салфетках, наряду с растительным орнаментом, присутствует и геометрический: ромбическая сетка, волнистые линии, ромбы, шестиугольники, S-образные завитки, зигзаги. В данном случае применяется крест, мережка, стебельчатый шов.

Цветы и листья, вышитые верхошовом, стебельчатым швом, украшают также наволочки и покрывала. Крючком связаны ажурные детали подзора кровати и полога. Этот декоративный элемент появляется в домах сибирских татар в начале XX в. и существует на протяжении первой половины указанного столетия. В основе узоров лежит ромб, содержащий восьмилепестковую розетку, цветок. В качестве окаймления выступает зигзаг.

В 1950–60-е гг. получает свое развитие техника ришелье. Она применялась для украшения занавесок, штор, салфеток. Для этих изделий бралась белая хлопчатобумажная ткань, на которую наносили растительный орнамент. Узор обшивался по контуру петельным швом белыми хлопчатобумажными нитями или мулине, а затем внутреннее поле вырезали. Декор располагается по низу и внутренним продольным сторонам изделия.

Декор салфеток, подзоров и полотенец середины и второй половины XX в. продиктован широко распространившимися в печатных изданиях образцами для вышивания.

Интерьер домов коренного тюркоязычного населения Западной Сибири немыслим без ковров. К числу безворсовых ковров относится палас *аламыш* или *урмек*. Его изготавливали на горизонтальном ткацком станке простым полотняным переплетением. Как правило, использовали окрашенные шерстяные или льняные нити, а также жгуты из полосок ткани. Узор состоит из цветных (коричневых, желтых, оранжевых, синих, красных, белых и др.) полос. Готовое изделие получается за счет сшивания двух узких тканых кусков шириной 15–25 см одинаковой длины. *Аламыш* стелили на нары, на пол и сундуки. Тканые ковры *клям* с геометрическим рисунком были распространены у барабинских, тобольских, ялуторовских, курдакско-саргатских татар [Богомолов, 1980, с.76].

Другой тип ковра представляет собой *курома, корамыш, йул тушек*. Для его изготовления используют кусочки ткани, которые собирают в мозаику. Само слово *курома* означает «сборный, составной». Как правило, эти ковры имеют прямоугольную или квадратную, реже круглую, форму. Узор представляет собой квадратную или ромбическую сетку, составленную из треугольников, прямоугольников, квадратов, вписанных друг в друга ромбов и квадратов. Другое композиционное решение мозаичных ковров – розетка. В первую очередь это относится к круглым коврам: две разноцветные окружности вписаны друг в друга. В центре располагается яркий цветок. Второй вариант – из

ткани вырезаются лепестки цветка, которые затем собираются в одно целое. Третья разновидность *курома* представляет собой окружность ткани с нашитыми на нее сложенными уголками кусочками материи. Прямоугольные по форме ковры также включают в себя розетки. Мозаичные ковры украшали нары, стены, чаще всего стелили на пол для сидения. В настоящее время ими покрывают скамьи и стулья. Еще один вид изделия из лоскутов – подстилка для ребенка *куклеу*. Узор на них аналогичен орнаментам *курома*. Принцип лоскутности имеет глубоко традиционный характер и широко распространен в культурах многих этносов.

Представляет интерес ковер середины XX в. из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея (№8974–58). Его основу составляет белое льняное полотно, на которое по периметру нашиты девять кусков ткани разных размеров прямоугольной формы с вышитыми узорами, являющихся частями старого ковра. Центральное белое поле зашито ромбами. Фигуры вырезаны из картона и обтянуты тканью. Ромбы соединены друг с другом вершинами. Детали старого ковра покрыты вышитым растительным орнаментом (ветви с бутонами и листьями – мотив древа жизни), присутствующим в искусстве казанских татар, таджиков, узбеков, казахов, хакасов. Использованы цветные шелковые нити и шов высоким тамбуром: стебли вышиты в один ряд, а листья – в несколько рядов. Мотивы оконтурены черными нитями. В качестве бордюров выступают листья с одним, тремя или четырьмя окончаниями.

С середины XIX столетия обозначенная группа населения в большом количестве изготавливает вышитые ворсовые ковры, хотя нам известны подобные изделия начала XX в. Мастерицы используют ковровый шов, при помощи которого на грубой ткани (мешковине) создаются растительные и геометрические узоры. Ткань натягивают на станок, представляющий собой своеобразные большие пяльцы, выполненные из дерева. Он состоит из двух частей: рамы и основы, последняя крепится на ножки-бруски. Узор набивается иглой, заостренный конец которой имеет два отверстия, необходимых для вытягивания петель. Длину петли можно регулировать, зажав пальцами иглу на определенном уровне. Полученные петли необязательно должны быть одинаковыми – обычно ворс подстригается ножницами, оставляя 1–1,5 см. Стежки кладут плотно, расстояние между проколами составляет около 0,3 см. Рабочей стороной является изнанка ковра. Первоначально выполняется рисунок, а затем – фон. По завершении работ ковер с изнаночной стороны покрывается слоем клея, чтобы придать ему большую прочность. Края обшивают шерстяными или хлопчатобумажными нитями. Производство таких ковров очень трудоемкое: изделие размером 2,5 м х 2,3 м вышивается в течение полугода.

Ковер, как правило, имеет центральное поле и окаймляющие бордюры. В центре вышиваются крупные цветы и листья розы и эти же мотивы, но меньших размеров, образуют бордюры. Ковры очень красочны, отличаются яркой цветовой гаммой. Фон выполняется в черном или темно-бордовом цвете. Безусловно, появление у сибирских татар подобных изделий стало возможным благодаря знаменитому промыслу по производству тюменских ковров.

В настоящее время в домах сибирских татар практически не встречаются войлочные ковры *киис*, служившие в прошлом для покрытия нар. Сведения информаторов о декорировании этих изделиях противоречивы. По словам одного из них, по слою черной овечьей шерсти выкладывался волнистый узор белой шерстью. Узор напоминал декор казахских войлоков. Интересно, что для обозначения этих изделий используется также термин *аламыш*.

Достаточно многочисленный комплекс орнаментированных предметов, выполненных из мягких материалов, представляет собой одежда. В первую очередь декорированию подверглись головные уборы, как мужские, так и женские.

Мужской головной убор тюбетейка *кабац, кабач, кэбэч, аракчин* шилась из различного материала: сатин, ситец, вельвет, плюш, бархат. Для изготовления праздничных головных уборов предпочтение отдавали плюшу и бархату. Излюбленные цвета – синий, красный, зеленый, черный. Е.Ю. Смирнова [Смирнова, 1998, с.45] выделила три типа тюбетеек: 1) верх кроился в виде круга с вырезанным сектором и после сшивания приобретал форму невысокого конуса; 2) верх кроился в виде круга, и тюбетейка имела вид усеченного конуса; 3) донце составлялось из клиньев (чаще четырех) и имело форму невысокой пирамиды.

Тюбетейки орнаментировались двумя способами: стежкой и вышивкой. У головных уборов первого типа украшалась тулья и донце. Как правило, использовался тамбур и изредка строчечный шов, шелковые нити, мулине. На донце расположены крупные цветочные розетки, окаймленные волнистыми линиями. Лепестки розеток имеют заполнение (полное или частичное) в виде спиралей. В некоторых случаях от розетки радиально отходят точки или цветочные мотивы. Кроме указанных деталей донце может украшаться сердечками, устремленными вершинами к центру головного убора. На тулье проходят несколько волнистых линий (с картушем или без него), часто линии пересекаются или образуют сердечкообразный узор. Нижний край тульи украшен прямой линией. Для вышивки использованы яркие сочные цвета (синий, красный, зеленый, желтый), хорошо контрастирующие с фоном, роль которого играет ткань (ситец, плюш, бархат, вельвет). Но есть тюбетейки, где и фон и узор вышиты тамбуром при помощи крючка. Для пошива таких головных уборов используют хлопчатобумажные ткани. В центре донца находится пятилепестковый цветок, по окружности располагаются цветы вытянутой подтреугольной конфигурации и растительные мотивы (трилистники и виньетки). На тулье тюбетейки поочередно расположены цветы и стилизованные растительные элементы. Ниже них проходит бордюр из волнистых фигур, окаймленных с двух сторон цепочками тамбура. Все растительные мотивы имеют контур. Использованы нити мулине розового, желтого, белого, черного, зеленого цветов. Фон – синий. Подобные ярко украшенные головные уборы называются *киндил кабац* – праздничная тюбетейка. В той же технике тюбетейки украшались листьями с волнистыми срезами.

Стежка использовалась для украшения тюбетеек, выполненных из хлопчатобумажных тканей, плюша и вельвета. Головные уборы простегивались вручную или машинным способом. Между стежками прокладывалась свернутая в трубочку бумага. Этой техникой мастерица создавала геометрический орнамент – треугольники, вихревая и прямая розетки. Стежка могла дополняться и вышивкой. Каждый из четырех клиньев донца украшен ромбом, поделенным на четыре треугольника. В середине ромба находится четырехлепестковый цветок. Все детали вышиты односторонней гладью. На тулье расположены четыре прямоугольника-арки, в центре них – ромб, составленный из двух треугольников разного цвета. Использован верхошов. Ромб на донце и арки оконтурены петельным швом. Под арками проходит бордюр, образованный швом «козлик». В другом случае простеганная тюбетейка третьего типа украшена тамбуром. На донце вышиты четыре миндаля, а на тулье – волнистые линии. Мотивы арки и миндаля на тюбетейках сибирских татар говорят о влиянии бухарцев. Описываемый тип тюбетеек был широко распространен среди тоболо-иртышских татар, называвших подобные головные уборы узбекскими [Смирнова, 1998, с.47].

Золотным шитьем *уга, алтын йеп чигу* на бархатных тюбетейках второго и третьего типов создавались растительные и геометрические мотивы. Узор расположен на донце и тулье, в некоторых случаях наблюдается сплошная зашивка поверхности. Наиболее близкие аналогии золотному шитью сибирских татар можно найти в декоративном творчестве народов Средней Азии и поволжских татар.

Наиболее ярко узоры, выполненные в технике золотного шитья, представлены на женских головных уборах *калфак*, заимствованных у поволжских татар, и *сарауц*. Их орнаментация носит преимущественно растительный характер (пышные цветы, бутоны, листья, побеги ярко выраженного садового типа). Композиционно узор часто представляет собой бордюр в виде одной ветви, украшающий лобную часть калфачка-наколки или мешковину большого калфака, а также в виде волнистого побега на тулье калфака, повязки и сарауца. Узоры выполнены золотной нитью *михак*, представляющей собой скрученную в спираль тонкую проволоку из меди, серебра (с позолотой или без нее), внутри которой проходит шелковая или хлопчатобумажная нить, а также волоченной плоской нитью *сим*. Использована техника шитья «в прикреп», когда золотная нить не пропускается на изнаночную сторону ткани, а крепится к материалу при помощи вспомогательной шелковой либо хлопчатобумажной нити, подбираемой в тон основного шитья. Стежки укладываются плотно друг к другу, создавая кованый или литой шов. Для образования гофрированной поверхности или панцирного шва применяют небольшие кусочки (около 1 см) спиралевидной металлической нити, нанизываемые на нить прикрепа в процессе работы. Обе разновидности швов используются, как правило, для вышивания достаточно крупных элементов орнамента, будь то цветок, бутон, листья, стебли. Следует отметить, что в золотном шитье татар узоры рельефны, так как металлическая нить кладется по настилу из картона, а для придания большей рельефности добавляют ветошь (вату). Информаторы, сравнивая татарскую вышивку с русской, отмечают ее «выпуклость, объемность». Некоторые детали узоров оконтурены все той же металлической нитью «в прикреп». Зачастую золотное шитье дополнено дробницами – медными штамповками в форме месяца, бутонов, блестками, а также бисером *енце, кетеруек*. Последний материал использовался и самостоятельно. Узоры из бисера, имитирующего жемчуг, представляют собой цветы, листья и т.д. Мастера прибегали к технике «сажения»: бисер нанизывали на шелковую, хлопчатобумажную нить и полученную цепочку пришивали к изделию поверх настила (обычно в виде узкой полоски из плотной бумаги) другой нитью поперечными стежками, которые делаются за каждой бисериной. Иногда в качестве настила использовались металлические стразы. «Высокое» шитье выполняется поверх ветоши.

Для декорирования *калфаков* применялась также синель – бархатная нить, в основе которой – гибкая тонкая проволока. Характер узоров – растительный. Застил синелью производили по подложке из ваты.

Цветочные мотивы на *калфаках* вышивались и шелковыми разноцветными нитями или гарусом в технике двойной глади и стебельчатого шва. Интересная деталь: вышивка желтым гарусом во многом имитировала золотное шитье. Об этом же свидетельствует и включение в декор елочной мишуры и блестящей чайной бумаги в виде бордюров или свободной композиции.

Иной способ орнаментации *калфаков* – аппликация. *Калфак*, датированный первой половиной XIX в., сшит из нескольких полос, на которых размещаются цветы, листья, бутоны, собранные из «ушек». Под каждый цветок кладется плотная бумага в форме цветка, но чуть меньших размеров. И на нее нашиваются сложенные из ткани «ушки». Их крепят одним стежком, который скрывается под следующей деталью. Работу ведут от края к центру мотива. Точно таким же образом украшены и некоторые нагрудники *кукрекче*. Часть нагрудников изготовлена путем сшивания лоскутов ткани в мозаику. Узор в данном случае представляет собой прямоугольную или квадратную сетку.

Как правило, изделия, декорированные золотным шитьем, бисером, синелью, «ушками», выполнялись мастерицами, специализировавшимися в этих видах рукоделия и зачастую ориентировавшихся на образцы поволжских татар.

Еще одним женским головным убором является вязанный пуховой платок *мамык шал*. Узор располагается по периметру платка и носит геометрический характер. Все платки имеют профилированный зубчатый край. Цвет пуха – коричневый или черный.

Как правило, традиционные верхние рубахи и платья коренного тюркоязычного населения Западной Сибири не орнаментировались. Но есть и исключения. К ним относится рубаха начала XX в., украшенная тамбурной вышивкой синими, желтыми и красными нитями. Узор располагается на отложном воротнике, вдоль выреза на груди, на подоле и рукавах. Орнамент представляет собой бордюр из волнообразных линий и розеток. Сведения информаторов подтверждают выше приведенную топографию декора на мужских рубахах и дополняют набор технических приемов «козликом с петлей». Края одежды, воротники, нагрудники у барабинских татар обшивались лентой и тесьмой, либо вышивались шерстяными нитями. Основные мотивы – волнообразные линии, жгуты, зигзаги. Эти же узоры вышивались на кокетках женских платьев, вдоль бортов и подола безрукавок томских татар.

В Большереченском историко-этнографическом музее хранится платье тарских татар, по поверхности которого рассыпаны мелкие растительные мотивы, вышитые разноцветными шелковыми нитями стебельчатым швом. Данное платье по крою архаично. Оно на кокетке, воротник-стойка, разрез на груди. Стан сшит из пяти кусков ткани трапециевидной формы. К подолу юбки пришиты по два клина. В верхней части юбки также вставлены по две боковины прямоугольной формы. Пройма рукава слабо выражена, плечо – неразрезное. Каждый рукав сшит из двух деталей, на манжете. Под рукавом вставлена ластовица. К подолу притачана полоса с оборкой. Под кокетку подведена подоплека. Подобные платья бытовали у тарских татар на протяжении XIX в. [Ландик, 1999, с.45].

Иной вариант декоративного оформления платья – вышивка на юбке тарских татар. Вверх от подола по всей окружности идут вышитые ветви с цветами и листьями. Использованы желтые шелковые нити, односторонняя гладь. Подол решен в виде волнообразной профилированной каймы. В другом случае подол платья декорирован аппликацией: из ткани вырезаны роговидные элементы и нашиты на изделие в виде непрерывного бордюра. Оба платья выполнены в начале XX в. Аппликация применялась и для украшения халата среднеазиатского покроя, сшитого из полосатого шелка и декорированного цветами из кусочков ткани [Валеев, Томилов, 1996, с.93]. Аппликация по подолу платья у томских и барабинских татар выполняется из разноцветной или контрастной однотонной ткани, но мотивы представлены квадратами, прямоугольниками, треугольниками [Богомолов, 1976, с.207–208; Богомолов, 1979а, с.132–133].

С проникновением городской культуры в традиционную одежду сибирских татар в конце XIX – начале XX вв. и ее модернизацией в дальнейшем меняется отношение к ее декору. Блузки и платья середины XX в. украшены вышивкой растительного и геометрического характера с использованием различных технических приемов. Причем традиционные для татар узоры в виде волны в несколько трансформированном виде выполнены новым для коренного тюркоязычного населения Западной Сибири швом – «крест».

Пояса *бильбоу*, служившие для подвязывания сезонной плечевой одежды, ткались на ткацком станке простым полотняным переплетением, используя шерсть или лен. Узор состоит из разноцветных продольных полос. По мнению Ф.Т. Валеева [Валеев, 1980, с.151], тканые пояса входят в обиход сибирских татар в конце XIX в., вытесняя среднеазиатские пояса-платки.

Орнаментации подверглась и обувь. Мягкие кожаные сапоги *аму, ичеги* украшались либо аппликацией, либо сшивной мозаикой. В первом случае узор располагается на фронтальной части голенища и состоит из роговидных элементов. Детали вырезаны из кожи, контрастной по цвету фону, и нашиты на изделие вручную (шов «вперед иголь-

ку») или на машине. Во втором – узорочьем покрыта вся поверхность сапог. Орнамент состоит из пальметт, трилистников, цветов. Эти изделия и их орнамент аналогичны узорчатым *ичегам* татар Поволжья и распространились среди тарских татар под их влиянием в конце XIX – начале XX вв. Кроме того, известно, что в Поволжье в это же время был развит ичежный промысел, и изделия вывозились в Сибирь, Среднюю Азию, на Кавказ [Татары Среднего Поволжья, 1967, с.489].

В группу предметов из металла включены в основном сундучные изделия и ювелирные украшения.

Изготовлением сундуков занимались мужчины, как для своих собственных нужд, так и на заказ. Сундуки *сондок* имели деревянный каркас, фронтальная часть, боковины и углы которого обшиты металлом. Узор (ромбы и квадраты) создан при помощи тонких металлических полос шириной около 1 см, в результате чего декор приобретает рельефность. На некоторых изделиях представлены растительный и орнитоморфный декоры. В украшении сундуков использован цвет: зеленый, желтый, красный, сиреневый. К сундучным изделиям относятся обитые металлом шкатулки. Они украшены простой оковкой из гладких полос, набитых поверх каркаса в виде крупноячеистой клетки, в качестве дополнительного декора использованы просечные круглые накладки на ключевину и в центре крышки под кольцом, а также просечные сегментные накладки по углам на верхней плоскости крышки.

Вероятно, прообразом для сундучных изделий сибирских татар послужили кованые сундуки из Великого Устюга, который в XVIII в., после открытия Ирбитской ярмарки и перемещения Сибирского тракта, вел активную и выгодную торговлю с Сибирью [Гилодо, Лобанова, 1990, с.362]. В этом крупном центре художественного металла на протяжении XVIII – XIX вв. изготавливались и небольшие шкатулки. Их декор аналогичен украшениям подобных предметов сибирских татар. Традиции Великого Устюга были восприняты мастерами Курганского уезда, где в конце XIX в. начинают изготавливать сундучные изделия. Их обивают железными обручами или листовым железом, на котором создаются различные узоры [Россия, 1907, с.330].

Сибирскими татарами широко использовалась металлическая посуда. Ее изготовлением занимались мастера – кустари, она была практически не орнаментирована.

Среди ювелирных изделий орнаментации подверглись в большей степени браслеты, накосники, пряжки, в меньшей – серьги и перстни. Для их изготовления применяли серебро, медь, бронзу [Смирнова, 1998, с.118]. Часть изделий поступала из Поволжья, часть создавалась местными мастерами. Ювелиров называют *кумишче* (серебро – *кумиш*). Заказы принимались мастерами непосредственно от клиента, но чаще через мечеть. Среди технических приемов, применявшимися татарскими мастерами – чеканка, резьба, скань, гравировка, зернь.

Браслеты *билялек* относятся к сплошным пластинчатым незамкнутым. Среди них две разновидности – широкие и узкие. Центральная часть широких браслетов представляет собой медальон, в котором находится обычно изображение цветка. По сторонам от него отходят или ветви с листьями, побегами и цветами, образующие волнистую линию, или же геометрические каплевидные фигуры. По краям браслетов проходят один-два бордюра, содержащих П-образные элементы, зигзаг. Концы браслетов округлые или представляют собой фигуру, составленную из трех полукружий. Поверхность узких браслетов покрыта растительным орнаментом, арабской вязью и каменными вставками. Из технических приемов используется точечная и плоскорельефная чеканка, а также гравировка.

Бытовали у татар и пластинчатые браслеты на застежке. Центральная часть имеет округлую форму, и в ней помещается растительный узор.

Накосное украшение *чулпы* выполнено из серебра в технике скани и украшено по центру вставкой из темно-красного стекла, окруженного вкраплениями из зелено-голубого материала, имитирующего бирюзу. Орнамент состоит из вихревых розеток, расположенных по окружности. С двух сторон от вставок узор может дополняться сердечками. Существует иной вариант оформления накосника, точнее его детали: овальная пластина с профилированным краем в центре содержит камень, окруженный треугольниками при помощи гравировки.

Застежка для камзолов *ыргак* овальной или круглой формы по центру украшена вставкой из камня *агыек*, окруженного двумя рядами бордюров. От них к профилированным краям отходят прямые нарезные линии. Застежка, состоящая из двух квадратных пластин, также по центру украшена камнем квадратной формы. Вокруг него – цветы, образованные зернью.

Серьги *олга* у татар были различной модификации, но орнаментированы не все. Серьги, собранные из трех вертикально соединенных частей, имеют профилированные округлые края, на них напаяна зернь. Промежуточное звено между крючком и пластиной оформлено в виде цветка. К числу обязательных украшений тарских татар принадлежит перстень *катмыш, йёзёк*. Орнаментировались щитовидные перстни: на щиток наносили гравировкой арабскую вязь или криволинейный геометрический рисунок – S-образные завитки. Ажурной сканью различными завитками декорированы пуговицы *тымя*.

Таким образом, декоративно-прикладное искусств сибирских татар отличается богатством, комплекс орнаментированных предметов – явление разноплановое, имеющее свою специфику, позволяющее в дальнейшем говорить об этнокультурных связях указанного населения с другими народами.

§ 6. Золотное шитье

Светлана Суслова

Золотное шитье – наиболее яркий вид народного декоративно-прикладного творчества сибирских татар. Оно содержит информацию о художественном вкусе, этнокультурных особенностях и взаимосвязях и открывает новые грани в изучении этнической истории этой чрезвычайно интересной этнической общности. Изучение и атрибуция золотной вышивки сибирских татар проводилось на основе материалов этнографических экспедиций автора в места компактного проживания сибирских татар в уездах бывших российских губерний: Тобольской (Тюменский – 1990, Тобольский – 1992, Тарский – 1994); Томской (дд.Эушта, Тахтамышево, Черноречье, Барабинка – 1997), а также на базе сибирско-татарских музейных материалов. Это небольшие коллекции Тевризского историко-краеведческого музея (Омская обл. – 1994), Большереченского краеведческого музея (Омская обл. – 1994), Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея (Томск – 1995), Этнографического музея Томского государственного университета (Томск – 1995). Особую историко-этнографическую ценность представляет собой коллекция золотошвейных предметов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (Тобольск – 1994). Она чрезвычайно богата и по содержанию, и по художественной ценности экспонатов и в значительной степени репрезентирует характер и специфические особенности золотного декора в костюме сибирско-татарской знати.

Золотное шитье у сибирских татар использовалось, главным образом, при оформлении мужских и особенно женских и девичьих головных уборов, являясь основным декоративным пятном в костюмном ансамбле. Кроме головных уборов иных золотошвейных предметов в их быту, за редким исключением, нами не встречено.

Этот вид народного декоративно-прикладного творчества лишь косвенно упоминается в историко-этнографических публикациях Н.А. Томилова, Ф.Т. Валеева, В.Б. Богомолова, Е.Ю. Смирновой, С.В. Сусловой и др., главным образом, при рассмотрении вопросов генезиса головных уборов.

В костюме сибирско-татарской знати золотное шитье ярче всего представлено в декоре этноспецифического головного убора – женской головной повязки (волосника) *сарауц*, *сараоч*, бытовавшей практически у всех групп, за исключением поздних переселенцев. Это подтверждают и наши, и более ранние исследования сибирских ученых [Томилов, 1978б, с.133].

Упоминания о женских головных уборах вроде *сарауц* находим и в описаниях авторов XIX вв. «Их головной убор состоит из вышитой золотом, а у бедных из украшенной оловянными безделушками повязки» [Костров, 1875, с.13]. *Сарауц* глубоко архаический элемент женского головного убора, который в середине XIX в. надевали с большими покрывалообразными уборами: полотенцеобразным *тастаром* или треугольным покрывалом *кыйек, кыекча* [Томилов, 1980а, с.153].

Вопрос о происхождении этого убора до сих пор остается открытым и в определенной степени спорным. Сравнительно-исторический и ретроспективный анализ *сарауцев* предпринимался рядом исследователей [Томилов, 1978б, с.176–199; Суслова, Мухамедова, 2002, с.114–125; Смирнова, 2004а, с.60–64].

Из исследований сибирских ученых [Томилов, 1978б, с.183; Смирнова, 2004а, с.33], основанных на анализе ранних работ поволжских исследователей (Н.И. Воробьева, Р.Г. Мухамедовой), следовало, что у волго-уральских татар головных повязок-волосников, типологически соответствующих *сарауц*, не существовало, что казалось бы странным, поскольку сибирские и волго-уральские татары являются тесно связанными в этнокультурном отношении общностями с весьма раннего времени [Томилов, 1983а, 175–191; Исхаков, 2002б, с.24–58].

Е.Ю. Смирнова путем тщательного и сложного анализа элементов золотного декора на *сарауцах* и изучения обширного круга научной литературы пришла к выводу, что западно-сибирский *сарауц* через *сүрәкә* татар-кряшен (аналог русской *сороки*) связан своим происхождением с головными уборами финно-угорских средневековых племен [Смирнова, 2004а, с.60]. Заметим только некоторое типологическое несоответствие. *Сарауц* сибирских татарок – это нижний убор (волосник), который надевали в комплексе с верхним убором (*тастаром* или треугольным покрывалом *кыйик*, позднее шелковой шалью), а *сүрәкә* кряшен, напротив, верхний, который носили поверх нижнего убора *мәләнчек* типологически и функционально аналогичного *сарауц*.

По материалам Историко-этнографического атласа татарского народа, подготовленного на основе «сплошного» этнографического обследования волго-уральских татар, вырисовывается иная линия генезиса этого убора.

В середине XIX в. (вероятно и ранее) головные повязки-волосники *салауц, салауш, салавыч, салауч* с вышивкой золотного шитья и той же конструкции, что и *сарауц* сибирских татар являлись частью женского тастарного комплекса головного убора татар-мишарей Окско-Сурского междуречья. Аналогичный тастарный комплекс с волосником *селэвес* бытовал у касимовских татар [Суслова, Мухамедова, 2000, карта 13; Мухамедова, 1972, с.100–102; Шарифуллина, 1991, с.74].

Казанско-татарский калфак, по нашему мнению, представляет собой тот же волосник, трансформировавшейся в более утонченный убор из архаической женской повязки-волосника вроде *салауц* мишарей или *сарауц* сибирских татар. Неслучайно, видимо, касимовские татары в середине XIX в. надевали его в комплексе с тастаром [Суслова, Мухамедова, 2000 с.156, рис.3]. Аргументом в пользу этого служит и тот факт, что женские казанско-татарские калфаки (в отличие от девичьих) непременно были с украшенным

вышивкой, в том числе и золотной, околышем (ободком-повязкой). Кроме того, женский калфак, в отличие от девичьего, всегда представлял собой нижний убор (волосник), который традиционно надевался в комплексе с верхним – покрывалом.

У периферийных групп казанских татар, где эволюция культуры, как известно, шла с определенным отставанием, следы бытования подобных *сарауҷ* повязок налицо. Так, татарки Оренбургской, северо-восточных уездов Уфимской и особенно Пермской и Вятской губерний, однотипный *сарауҷу* волосник-повязку также носили с большим треугольным покрывалом *кыекча*. Пермско-вятский волосник-повязка украшался спереди позументом, монетками [Суслова, 1990, с.31].

Уместно вспомнить в этой связи и древние башкирские *хараусы*, которые достаточно хорошо изучены башкирскими исследователями [Бикбулатов, Кузеев, Шитова, 1976, с.108–110; Шитова, 1995, с.82–84] и использование которых С.Н. Шитова на основании ряда причин связывает с тастарами. Башкирский *хараус,* вероятно, также представляет собой ни что иное, как украшаемую деталь женского волосника. На смену ему, как и у татар, пришли калфакообразные уборы-волосники в комплексе с головным платком.

Идентичные комплексы женского убора и практически под теми же наименованиями (*щлауш, кыйык тастар*) бытовали у астраханских татар-карагашей, ногайцев, степной группы крымских татар [Гаджиева, 1976, с.150; Суслова, 1992, с.80–89].

Думается, есть основания связывать формирование этого практически единого комплекса женского головного убора с присутствием кипчако-ногайского субстрата в этногенезе и этнической истории рассмотренных тюрко-татарских этносов, восходящего, вероятно, к этнокультурным традициям Золотой Орды и постзолотоордынских тюрко-татарских государственных объединений.

К концу XIX в. этот комплекс женского убора у сибирских, астраханских татар и татар-мишарей трансформировался в единый общенациональный убор – калфак (как рудимент волосника) в комплексе с фабричным головным платком или шелковой шалью [Суслова, 2011, с.141]. Трансформация в значительной степени произошла под влиянием традиций городской культуры казанских татар.

В настоящей публикации осуществляется попытка историко-этнографической интерпретации технико-технологических и орнаментных особенностей сибирско-татарского золотного шитья и на наиболее интересных, на наш взгляд, *сарауцах,* и на некоторых других головных уборах. Впервые аналитические материалы по теме были опубликованы в совместной статье с Л.Ф. Фасхутдиновой [Суслова, Фасхутдинова, 2008].

Западно-сибирские мастерицы владели практически всем арсеналом технических приемов классического золотного шитья. Наиболее часто ими применялась гладь *вприкреп* и ее разновидности (литой шов, по твердой основе или без нее, настил *нагыш*, *кадау*), шитье шнуром *тофта*, а также шитье канителью. Терминология сибирско-татарского золотного шитья, как и поволжско-татарского практически утрачена, поэтому при анализе материала приходилось пользоваться хорошо известной терминологией русского [Изобразительные мотивы, 1990, с.313], крымско-татарского [Чепурина, 1938, с.28], бухарского [Гончарова, 1986, с.24].

В целом сибирскими золотошвейками применялся тот же комплекс растительного и цветочно-растительного орнамента, что и у поволжских татар, также редко использовались геометрические мотивы, завуалировано присутствовали архаичные элементы зооморфного орнамента, языческие солярные знаки. Тем не менее, именно в орнаменте, в приемах его стилизации выявляется самобытность сибирско-татарского шитья: непрерывность мотивов, крупные округлой формы цветы и листья, плотное заполнение вышитыми элементами поверхности изделия и т.д.

В фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (ТИАМЗ) хранится около десятка *сарауцев,* украшенных золотной вышивкой. И по материалу изготовления, и по технике шитья, и характеру декоративно-художественного оформления, и, наконец, в плане хронологической характеристики, они заметно различаются между собой.

Наиболее древними этноспецифическими (начало – середина XIX в.) представляются волосники-повязки, выполненные золотным шитьем по шелку (ТИАМЗ, инв.3271, инв.4701). Орнаментальные композиции на этих *сарауцах* однотипны. Растительный мотив свободно заполняет поверхность ткани и в то же время акцентирует пришитые позолоченные монетки. Весь узор выполнен практически одной техникой: скрученная из нескольких слоев золотной нити веревочка – *тофта* пришита поверх бумажного трафарета. Специфика этого приема заключается в непрерывности линии узора, которая скользит, как вьющееся растение, вырисовывая причудливые узоры. Некоторые мелкие детали вышиты канителью или выложены блестками. Выпуклые серебряные бляшки, разбросанные по всей поверхности изделия, необычайно обогащают фактуру вышивки. Данный вид декора в сочетании с техникой вышивки не встречается ни у одной из этнотерриториальных групп волго-уральских татар. По мнению Л.Ф. Фасхутдиновой, эту технику золотного шитья есть основания связывать с бухарским шитьем. Одновременно в орнаменте этих волосников угадываются сильно изменившиеся зооморфные мотивы, солярные знаки, что говорит о древних языческих, возможно, и угорских его истоках, о чем упоминает в своих исследованиях Е.Ю. Смирнова [Смирнова, 2004а, с.60–64]. Не случайно по золотному декору этим *сарауцам* наиболее близки головные покрывала крещеных татарок *сурекэ.* Орнамент на начелышах кряшенских *сурекэ* обычно геометрический и крайне стилизованный. Но это те же солярные знаки, а плотная вышивка также заполняет все пространство изделия.

Судя по технике шитья, весьма ранними являются и *сарауцы,* расшитые в технике *настил.* Такой *сарауц* видим, например, в книге Г.Л. Файзрахманова [Файзрахманов, 2007, с.225]. При этой технике золотная нить накладывалась на ткань и прикреплялась к ней мелкими стежками тонкой шелковой или другой нитью в тон золота, серебра или контрастной цветной нитью (в зависимости от художественной задачи). В данном конкретном случае стежки прикрепа подобраны в тон золотной нити и образуют геометрический орнамент, а *настил* сплошь покрывает фон, что является характерным и для русского шитья.

В фондах ТИАМЗ хранятся бархатные *сарауц*, вышитые золотными нитями в технике глади *вприкреп* по жесткой основе. Орнамент растительный, скомпонован в свободной манере, такой же непрерывный, как и в выше описанных предметах, но орнаментальная композиция зеркальная с симметричным построением узора относительно центральной вертикальной оси. Здесь использован очень популярный в вышивке поволжских татар мотив *древа жизни*. Прямую аналогию этому мотиву находим в волосниках *салауц, салавыч* (а также в накосниках-чехлах *чэчкап,* нагрудниках *алныча,* перевязях *чапук*) татар-мишарей Окско-Сурского междуречья, особенно их южной кузнецко-хвалынской группы [Суслова, Мухамедова, 2000, с.145]. Родственны не только орнамент (мотив *древа жизни*), его стилизация, но и способ вышивки золотными нитями по твердой основе. Это так называемый *литой шов*, который является основным в вышивке южной группы татар-мишарей. На бархатных *сарауцах* встречаются мотивы, зеркальная композиция которых из стилизованных побегов, листьев, цветов, близко напоминает и мотивы русского золотного шитья. На отдельных волосниках, обычно в центре композиции располагается крупный цветок, выполненный в технике *кадау* (разновидность глади *вприкреп* по твердой основе) дополнительно украшенный латунными бляшками. Все элементы ярко выраженного непрерывного орнамента на бархатных

сарауцах округлые и лаконичные, плотно заполняют поверхность изделия, создавая уравновешенную композицию.

В фондах Тобольского музея хранится любопытный головной убор знатной сибирской татарки – старинная расшитая золотной нитью бархатная шапка. Макушка и околыш шапки плотно расшиты гладью *вприкреп* по твердой основе (*по карте* в русском варианте). Детали орнамента при этой технике предварительно вырезаются из картона или кожи, крепятся на расшиваемую основу, затем покрываются золотной нитью, плотно прилегающими параллельными стежками, образуя *литой шов*. И в этом случае характер орнамента в сочетании с описанным видом золотошвейной глади тесно перекликается с традициями расшивки русских женских головных уборов. Тонкость только в том, что некоторые элементы узора типично татарские: листья в форме завитков компонуются в круге, располагаясь вокруг центральной розетки так, что образуют т.н. *вихревую розетку* – распространенный солярный знак в орнаменте казанских татар и особенно мишарей. Вихревые розетки часто встречаются в вышивках на головных уборах (тастарах, тюбетейках), нагрудниках.

Глубоко самобытным и оригинальным было казанско-татарское золотное шитье. Казанские золотные вышивки отличают особая изысканность, утонченная стилизация орнамента. Все эти черты казанско-татарское золотное шитье приобрело благодаря тесной связи с городской культурой, с торговыми и культурными центрами России, Европы, восточных цивилизаций. Вышитые золотом привозные казанско-татарские калфаки, тюбетейки и другие головные уборы были весьма популярны и у татар Западной Сибири. Под влиянием этих вещей местные мастерицы создавали и свои новые вышивки, в которых заметно прослеживаются традиции и сибирско-татарского, и казанско-татарского золотного шитья.

Особый интерес представляют собой бархатные *сарауцы* (ТИАМЗ, инв.17166/24, инв.12988/б), вероятно, более поздние, которые даже внешне больше напоминают *калфак* – общенациональный головной убор волго-уральских татарок. Более того, и декорированы они весьма характерной для поздних калфаков вышивкой бисером в виде крупного цветочного орнамента. Связь с казанско-татарской золотошвейной традицией прослеживается, например, в использовании канители и латунных блесток, бляшек, в характерной лишь для казанских калфаков мелкой детализации элементов орнамента. Симметричная композиция, стилизация элементов орнамента также близки вышивкам на казанских калфаках. Вероятно, подобные вариации поздних *сарауцев* можно считать одной из переходных форм от традиционных западно-сибирских волосников к калфакам-волосникам казанско-татарским по происхождению [Суслова, Мухамедова, 2002, с.117, рис.2, 5].

В Большереченском краеведческом музее (Омская область) хранится любопытный девичий золотошвейный бархатный головной убор *кебэц* (БКМ, инв.283), который по конструкции аналогичен традиционному казанско-татарскому девичьему убору *кәттәжи*. Вышивкой украшена лишь налобная часть шапочки. Техника вышивки (канитель, гладь *вприкреп* по высокой основе) также характерна для казанско-татарских *кәттәжи*, но орнамент оригинальный, более свойственный для сибирско-татарских вышивок, когда крупный цветочный мотив дополняется декоративными бляшками и блестками.

Казанско-татарский *калфак* стал особенно популярным в Сибири с середины – конца XIX в. По комплексу технических приемов и орнаментальных композиций золотного шитья среди них можно обнаружить и явно казанско-татарские калфаки и выполненные сибирскими мастерицами, органично сочетающие местные традиции золотного шитья с новыми для них формами головных уборов.

Любопытен калфачок из темно-синего бархата из Тобольского музея, по фризу он украшен перьями птицы красного и черного цветов, по основному полю убора золотной канителью вышиты четыре небольших веточки. Судя по размерам – это детский калфачок. Использование перьев птиц в декоре головных уборов волго-уральских татар практически не известно. Применение перьев филина, совы, (очевидно, от сглаза и нечистой силы) при оформлении детских, девичьих головных уборов характерно для казахов [Традиционная одежда казахов, 2009].

Не менее интересен и другой калфак из коллекции того же музея (ТИАМЗ, инв.6707). Это классической формы татарский головной убор, но расшитый характерной для русских золотной вышивкой. Трактовка мотива *древа жизни* типично русская. Крупные элементы узора смыкаются друг с другом, и в то же время каждый элемент имеет лаконичный законченный рисунок, заполненный настилом из золотных нитей. Контур узора обшит мелкими петлями из канители, что также свойственно золотному шитью на головных уборах и других элементах русского народного костюма. Фриз калфака украшен позументной тесьмой.

Симбиоз различных этнокультурных влияний и заимствований наблюдается при анализе конструктивных особенностей формы и характера золотного декора на мужских головных уборах сибирско-татарской знати. Среди мужских тюбетеек *кебэц* по технике (литой шов) и характеру архаичных орнаментальных композиций (специфика стилизации растительных мотивов) имеются прямые аналоги ранним золотошвейным уборам татар-мишарей (ТИАМЗ, инв.6714).

Весьма популярными у сибиряков были удобные в использовании «среднеазиатские» тюбетейки (легко складывающиеся вчетверо), характерные для большинства народов Средней Азии и Казахстана, широко бытовали они у волго-уральских татар и башкир. «Среднеазиатские» четырёхклинные тюбетейки по технике (золотная канитель) и орнаменту вышивки нередко легко идентифицируются с аналогичными уборами казанских татар.

Рассмотренный далеко не полный круг золотошвейных предметов сибирско-татарской знати позволяет говорить об исключительном разнообразии, «пестроте» используемых сибирскими мастерицами орнаментальных мотивов, технических приемов и материалов, что является отражением сложной и неоднозначной этнической истории, обширных этнокультурных контактов народа. Анализ особенностей золотной вышивки на головных уборах дает основание условно разделить их на две группы.

К первой группе относятся ранние, наиболее самобытные, уборы, в частности, *сарауцы,* золотного декора которых еще не коснулось казанско-татарское влияние. Анализ золотного шитья на ранних головных уборах сибирско-татарской знати, его композиционных особенностей, сочетания в нём характерного орнамента с определенными видами швов дает повод говорить о существовании достаточно самобытного сибирско-татарского стиля. Эта самобытность выражается в целом ряде явлений: характерном ритме и композиционном соотношении отдельных элементов узора, особой гармонии мотивов и богатстве фактур. По технике (литой шов), специфической архаике орнамента этот круг сибирских вышивок обнаруживает заметное сходство не только с вышивками южной группы татар-мишарей, но и с шитьем крымских татар, связанных с сибирскими татарами не одной общей страницей в их этнической истории, а также с золотошвейными традициями южнорусских губерний. Специалисты предполагают, что в тюрко-татарских регионах России с византийским золотным шитьем могли познакомиться даже раньше, если учесть, что торговые связи шли через Крым. Не случайны, видимо, некоторые одинаковые узоры и характер шитья на византийских, древнерусских, крымско-татарских предметах вышивки [Рославцева, 2000; Чепурина,1938].

Ко второй группе относятся более поздние (конец XIX – начало XX вв.) головные уборы – *калфаки,* тюбетейки *кебэц,* в том числе и традиционные *сарауцы*, в шитье которых, как видели, явно просматривается влияние казанско-татарской школы золотного шитья. Во второй половине XIX в. в процессе роста экономических и культурных связей между татарами отдельных регионов России неизбежным явилось нарушение сравнительно устойчивых ранее локальных комплексов народной культуры. Процесс становления татарской буржуазной нации, как известно, повлиял на культуру и прикладное искусство татар в целом. Казань издавна являлась культурным и духовным центром России, особенно для тюрко-татарских этносов и этнических образований, включая астраханских и сибирских татар. Казанские татары, как референтная группа этноса, оказали заметное влияние на формирование национальной культуры. Традиционная одежда казанских татар с характерными для неё видами декора, в том числе и золотного шитья (особенно районов Казани и Заказанья), явилась основой формирования общенационального костюма татарского народа (кроме кряшен), включая астраханских и сибирских татар [Суслова, 2011, с.206]. И это не случайно. Казанские татары издавна сформировались как ядро, как наиболее консолидированная в этнокультурном отношении группа этноса. Располагая объективными возможностями ускоренного социально-экономического и культурного развития (наличие городов и городских ремесел, сравнительно продвинутых масштабов производства, обмена и торговли), казанские татары создали высокохудожественные вариации народного костюма, отличающиеся изысканностью форм, эстетическим совершенством декоративного оформления.

Народное декоративно-прикладное искусство сибирских татар, в том числе и золотное шитье, является своего рода зеркалом, отражающим характер и интенсивность этнокультурных и торговых связей с тюркскими народами Евразии, с соседними сибирскими этносами. Автором затронуты далеко не все аспекты формирования этой самобытной области народного искусства. Открытым остался вопрос о возможной роли чрезвычайно богатой своими традициями бухарской школы золотного шитья. Как видим, среди сибирско-татарских золотошвейных уборов встречаются экземпляры, этнографические аналоги которым имеются у народов Средней Азии и Казахстана. Очевидно, они попали в обиход сибирско-татарской знати с многократными волнами переселений и при посреднической торговой деятельности так называемых бухарцев – хорошо известного и значительного этнического компонента в составе сибирских татар [Валеев, 1980, с.29]. Большое влияние на сибирско-татарское золотное шитье оказали золотошвейные традиции русского населения Сибири. Заслуживают серьезного анализа материалы, связанные с влиянием орнаментальных традиций сибирско-угорского мира. Этой проблемы уже касались в своих исследованиях сибирские ученые [Богомолов,1995б, с.219–239; Смирнова, 2004а, с.60].

§ 7. Ювелирные украшения

Светлана Суслова

Ювелирные украшения – особая категория этнического маркирования, которая, в силу «нетленности» и ёмкости заключающейся в ней научной информации, представляет собой важный историко-этнографический источник, позволяющий обоснованно иллюстрировать этапы этнической истории народа: древние и средневековые этнические процессы, ранние и поздние этнокультурные взаимосвязи. Ювелирные (металлические) украшения народного костюма, как важная информативная категория этнических культур, исследуются в различных аспектах (историко-этнографическом, семиотическом, технико-технологическом, этнорегиональном), основной целью которых яв-

ляется решение вопросов, связанных с изучением этнической истории и культурогенеза определенного этноса или группы этносов.

Все обозначенные аспекты изучения традиционных ювелирных украшений XIX – начала XX вв. тесно взаимосвязаны, а содержащаяся в них научная информация, безусловно, содержит в себе реальный материал этнокультурных напластований хронологически предшествующих эпох, что объясняется относительной устойчивостью технологических традиций и преемственностью типологических признаков народной культуры.

В фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (ТИАМЗ) хранится уникальная коллекция народного костюма сибирских татар: около четырехсот предметов, основную часть которых составляют ювелирные украшения. Наиболее ценные из них поступили на рубеже XIX–XX вв. от татар. Другой информации, к сожалению, нет. Коллекция включает в себя большое количество драгоценных, порою уникальных предметов, которые в разные периоды истории сопровождали костюм сибирско-татарской знати. Судя по нашим материалам* и специальным публикациям [Смирнова, 1995а, с.216–229], подобные украшения были мало известны и редко встречались у основной сельской массы сибирских татар, во всяком случае, в этнографически обозреваемый период времени.

Тобольская коллекция представляет собой достаточно серьезный источник по культурогенезу и этнической истории сибирских татар и татар в целом, однако она практически не введена в научный оборот. Некоторые предметы из этой коллекции, как увидим, типологически и функционально связаны с ювелирными украшениями ханского периода татарской истории и генетически восходят к ювелирному искусству Золотой Орды.

В настоящей статье предпринимается попытка историко-этнографического (генетического) анализа ряда наиболее интересных в этом отношении ювелирных украшений, бытовавших главным образом в высших сословиях сибирских татар. Анализ основан на разработанной прежде и апробированной для украшений казанских татар методике, включающей синхронный и диахронный аспекты исследования [Суслова, 1980].

Из головных украшений в коллекции представляют интерес серьги, состоящие из двух сканых блях с подвесками – основного щитка миндалевидной формы и верхней розеткообразной. По форме (миндалевидные), технике исполнения (спиральная скань), характеру декоративного оформления (розетка из мелкой бирюзы) они относятся к этноспецифическим женским украшениям казанских татар. Многочисленные варианты этих серёг широко бытовали у волго-уральских татар и кряшен в XVIII–XIX в. и ранее. Более того, выдающейся булгаровед А.П. Смирнов видел их прообразы в миндалевидных серьгах с подвесками из сарматских памятников [Смирнов, 1951, с.20, рис.8]. Татарское название этих серег – *сырга*; у крещеных татар встречается термин *кандала сырга* (серьга «клоп»). Встречались такие серьги и в отдаленных периферийных, часто этнически смешанных районах Приуралья и Западной Сибири, где их называли более

---

* Этнографические экспедиции автора (сбор устной информации и документальных фотоматериалов) в местах компактного проживания сибирских татар в уездах бывших Российских губерний: Тобольская (Тюменский – 1990, Тобольский – 1992, Тарский – 1994); Томская (дд.Эушта, Тахтамышево, Черноречье, Барабинка – 1997). Изучение и атрибуция ювелирных украшений сибирских татар, хранящихся в фондах музеев Российской Федерации: Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (Тобольск – 1994); Тевризский историко-краеведческий музей (Омская обл. – 1994); Большереченский краеведческий музей (Омская обл. – 1994); Томский государственный объединенный историко-архитектурный музей (Томск – 1995); Этнографический музей Томского государственного университета (Томск – 1995) и др.

конкретно – *татар сыргасы*, подчеркивая их именно татарское происхождение [Суслова, Мухамедова, 2000, с.213; Смирнова, 1995а, с.220].

В коллекции, в качестве сибирско-татарских, значится любопытная пара миндалевидных серёг, которая, по нашему мнению, может рассматриваться как поздне-золотоордынский прототип данного типа серег, хотя и не бесспорно. По форме основного щитка, характеру подвесок (в виде мелких монет) эти серьги идентичны казанско-татарским. По рисунку же скани (мотив многолепестковой розетки) и особенностям инкрустации самоцветами (отсутствие характерной для казанско-татарских серег розетки из самоцвета, осыпанного мелкой бирюзой) они сопоставимы с золотоордынскими изделиями [Крамаровский, 2001, каталог 409–410; 483–486]. Сопоставимы они в этом отношении и с ювелирными украшениями (бляхами), венчающими «Казанскую шапку» – ханскую корону XV–XVI вв. Сомнение вызывают русские монеты, прикрепленные к серьгам в качестве подвесок.

Тобольские серьги крупные, их ушко дротовое, что говорит о том, что они использовались в качестве височных подвесок к головному убору. Подобные крупные серьги (до 15 см) в период Казанского ханства были известны и казанским татарам (см., например: «Портрет последней царицы Казанского ханства Сююмбеки» неизвестного художника. Копия XVIII в. с картины XVII в.). Они крепились к головному убору вроде сахарной головки и нередко соединялись между собой подбородочными цепочками. Так в собраниях А.Ф. Лихачёва в Национальном музее Республики Татарстан (г.Казань) хранится массивное позолоченное украшение из двух крупных миндалевидных подвесок, соединенных цепью, украшенной пятью парами сканых с зернью шариков, висящих на отрезках цепи. Каждая подвеска состоит из сканой розетки с двумя прикрепленными листовидными подвесками и большой миндалевидной бляхи, с боков которой прикреплено шесть листовидных подвесок, а к низу – подвеска в виде двух сканых, с зернью, шариков. К каждой бляхе прикреплена на двух цепочках с четырьмя листовидными подвесками подобная же миндалевидная бляха, но меньших размеров. Совершенно очевидно, что центральные детали этого старинного шейно-височного украшения (сканые миндалевидные бляхи) аналогичны древним тобольским серьгам и серьгам казанско-татарским. До настоящего времени достаточно крупные миндалевидные серьги с подбородочной цепочкой, тесьмой или лентой сохранились в обрядовой одежде у волго-уральских кряшен, известных приверженностью к сохранению в их костюме древнетюркских, кипчако-ногайских элементов, у которых они также крепятся к височной части головного убора *сурекэ*.

Интерес в связи с этими аналогиями представляет украшение, внешне напоминающее ожерелье и значащееся в фондах Тобольского музея как шейно-нагрудное. Оно состоит из несомкнутой цепи с восемью серебряными монетными подвесками с сердоликовой подвеской-бляхой в центре цепи, к которой прикреплены три монетки меньшего достоинства. От обычного ожерелья это украшение отличают две цепочки-подвески, прикрепленные с концов основной цепи. Края цепи с подвесками также прикреплялись к височной части головного убора, а основная её часть украшала шею и грудь. Подобное оригинальное украшение, вероятно, бытовало и в Казанском ханстве. Во всяком случае, его видно на рисунке с изображением знатной казанской татарки в одеждах рубежа XVII–XVIII вв. из книги Корнелия де Бруини [Корнелий де Бруин, 1873]. В тюрко-монгольском мире имеется большой круг аналогий, позволяющий отнести это украшение к разряду рассмотренных выше шейно-височных. Это *һырга* у башкир [Кузеев, 1962, с.247], *халхап сырга* у каракалпаков [ККГМИ, инв. №№3850, 56, 30], *халкаб сирга* у узбеков [МИУ, Ташкент, инв.7–203], *саукелини сыргасы* у казахов [Захарова, Ходжаева, 1964, с.134], *сойко желбурооч* у киргизов [Айтбаев, 1968, с.115], *те-*

нечир у туркмен [Пиркулиева, 1973, с.45]. Широко подобное украшение было распространено у ногайцев [Гаджиева, 1976, с.171, рис.2] и у монгол [Boyer,1952, с.50]. Известно оно и крымским татарам [Рославцева, 2000, с.41].

Исключительно интересной в этой связи представляется выполненная Е.А. Халиковой реконструкция женского костюма по материалам Больше-Тигановского могильника конца VIII – первой половины IX вв. [Халикова, 1972, с.168], истоки культуры которого через Приуралье восходят к памятникам Западной Сибири, Средней Азии и Казахстана. Крупные височные подвески в женских погребениях также были соединены цепочками, лежавшими под нижней челюстью в области шеи, и, очевидно, при ношении свободно свисали вниз. Трудно сказать что-либо определенное о взаимосвязи всех этих украшений. Некоторые исследователи отмечают и, вероятно, не без основания, что подобные шейно-височные украшения имелись у тех народов, этническая история которых так или иначе связана с Алтаем и Южной Сибирью [Шитова, 1962, с.294].

Из украшений, используемых для украшения кос, в коллекции отметим два круга предметов, связанных происхождением с различными этническими традициями.

1. Накосники *цолбу, чулпы* в виде сканых блях лопастной формы, вплетающиеся в косы женщины при помощи тесьмы. Большинство из них выполнены в сканой технике невысокого качества в конце XIX в. в одном из периферийных очагов производства (возможно, и в Сибири) казанскими или местными ювелирами. Среди них имеются и более ранние драгоценные экземпляры, выполненные в технике филиграни, характерной для казанско-татарской ювелирной традиции. У сибирских татар, так же как и у волго-уральских, *чулпы* использовались в качестве самостоятельного украшения для кос и как декоративная деталь *койрык* (хвост) девичьего матерчатого монетного украшения *тезме* [Смирнова, 1995а, с.221]. По этнографическим данным подобные накосники из различной формы блях, выполненных в разных ювелирных техниках, были известны всем этнотерриториальным группам волго-уральских татар (кроме кряшен). Их носили касимовские татарки [Шарифуллина, 1991, с.80], мишарки [Мухамедова, 1972, с.114–115]. Они были известны большинству тюркоязычных этносов Евразии – башкирам [Шитова 1995, с.128–129], узбекам [МИУ (Самарканд), инв. Э–79–228; МИУ (Ташкент), инв.7–36], казахам [Захарова, 1964, с.133], киргизам [Сычева, 1984, с.139] и др., но сканые лопастной формы преобладали у волго-уральских, преимущественно казанских татар [Суслова, 1980, с.29].

2. Серебрянные накосники-куполки (юрточки) – фрагменты девичьего накосного украшения *чечбау, чапук*. В косы вплетались чёрные шелковые или хлопчатобумажные шнуры с длинными кистями на концах. Эти шнуры продевались в куполки. Такие накосники имели широкое распространение у кочевых в прошлом народов Средней Азии и Казахстана – узбеков, таджиков, киргизов [Сычева, 1984, с.61, 141], а также у ногайцев [Калмыков, 1988, с.135], астраханских татар – карагашей [Суслова, 1992, с.87].

Из нагрудных украшений, бытовавших у сибирских татар и широко представленных в коллекции, интересны амулеты, также издревле характерные для тюркских и монгольских этносов Евразии [Сычева, 1984, с.119; Тугутов, 1958, с.141; Суслова, Мухамедова, 2000, с.236]. Тобольские амулеты состоят из одного-двух шарнирно соединенных цилиндриков и подвесных блях. Их носили на груди, на цепочке. Основная функция, наряду с декоративной – религиозно-магическая. Мусульмане носили в них выписки из Корана, не мусульмане использовали как оберег. Традиция ношения таких амулетов известна, вероятно, до принятия Ислама. В тобольской коллекции имеются весьма ранние экземпляры, аналоги которым находим в золотоордынских кладах и в материалах археологических раскопок тюрко-кочевнических памятников того времени [Крамаровский, 2001, каталог 487–489; Федоров-Давыдов, 1966, с.53, рис. 9(3); Плетне-

ва, 1958, с.211]. Это, например, штампованные, гравированные или сканые цилиндрические футляры-амулеты с полусферическими основаниями, украшенные пастовыми вставками и обрамлённые зубчатым зернёвым пояском. Ближайшие этнографические параллели находим у тюркских и монгольских народов Евразии.

Среди этих украшений особый интерес представляет пластина-подвеска, возможно, филактерий – (крышка футляра амулетницы) [ТИАМЗ, инв.6836(349)]. Филактерий выполнен в виде пальметты с прямым основанием. Поверхность пластины сплошь покрыта грубоватой гравировкой цветочного орнамента. В центре и по углам пальметты расположены гнёзда с пастовыми вставками. По форме и назначению ей близки филактерии золотоордынских кладов из Крыма (Нейзацкого-1886, датированного первой половиной – серединой XIV в. и Симферопольского-1965, относящегося к первой половине XIV в.) [Крамаровский, 2001, каталог 251, 488]. Однако по технике, культуре ювелирного производства тобольский филактерий уступает указанным золотоордынским экземплярам. Можно предположить, что эта более поздняя вещь была выполнена в местных бронзолитейных мастерских Искерского городища (в период распада Улуса Джучи).

В коллекции представлено несколько экземпляров *яка чылбыры* – этноспецифического шейно-нагрудного украшения казанских татар. Это воротниковые застёжки-пряжки с прикреплёнными к ним на цепочках скаными или штампованными бляхами. Составные части украшения выполнены в специфической для казанской ювелирной школы спиральной техники скани и с характерным для неё декором – самоцвет, обрамлённый розеткой бирюзы. То, что это украшение не является местным, говорят и тесёмки, прикреплённые к пряжке, которыми, очевидно, украшение завязывалось на шее сзади. Как известно, у казанских татар *яка чылбыры* крепилось иначе – к воротнику-стойке традиционной рубахи. Заметим, что аналогичное украшение в виде воротниковой застёжки с подвесками *тэпяу-ине* имело некоторое бытование и у крымских татар [Рославцева, 2000, с.41; РЭМ, инв.7484–70]. Сложно и неоднозначно происхождение этого украшения. Прототипы его известны у древних булгар и финно-угорских народов Поволжья (шейная гривна с подвесками из блях и монет) [Суслова, 1980, с.36]. Синхронные же этнографические параллели находим в аналогичном женском украшении *гердан* из Дунайской Болгарии, этнокультурная история которой связана, как известно, с Волжской Булгарией. Некоторая восточная помпезность в облике *гердан* и отдельных вариантов татарских *яка чылбыры* не исключает и влияния ювелирных традиций Османской империи на искусство не только подвластной ей Болгарии [Етнография на България, 1983, с.113–117], но и, безусловно, единоверцев-татар, через посредство крымских татар, находившихся у неё в вассальной зависимости.

Уникальным экспонатом коллекции является женское шейное украшение *айчык*. Оно представляет собой металлическую лунницеобразную пластину. Поверхность пластины сплошь покрыта чеканкой всех трёх разновидностей, известных в татарском ювелирном искусстве (пуансонная, плоскорельефная и высокорельефная). Рисунок чеканного орнамента – цветочно-растительный. Мотивы идентичны золотоордынским, казанско-татарским. При этом отчётливо выделяется основной мотив чеканки – высокорельефные цветочные розетки. Центральная часть пластины украшена тремя крупными восьмилепестковыми розетками из красных, зелёных, синих самоцветов и двумя единичными на концах (рожках лунницы). По нижнему краю лунница снабжена одиннадцатью ушками для крепления подвесок, из которых сохранились только три центральные. В сохранившихся подвесках интерес вызывают сферические бусины из гладкой сканой проволоки, составленные из двух половин. Аналоги им находим в золотоордынских материалах [Крамаровский, 2001, каталог 403–408], этнографические параллели в украшениях народов Средней Азии, Кавказа, у татар Поволжья. Особое вни-

мание обращает на себя центральная подвеска-амулет – медвежьи когти в металлическом футляре, украшенном бирюзой. Эта центральная подвеска не оставляет сомнений в том, что лунница действительно является местной западносибирской разновидностью татарских украшений. Это подтверждает массовый этнографический материал об образе медведя в фольклоре сибирских татар.

У казанских, астраханских татар в прошлом, вероятно, в близком к ханскому окружению сословии, бытовали драгоценные ювелирные аналоги данному украшению. Таким аналогом является украшение из чеканной гравированной пластины в форме лунницы, хранящееся в фондах Российского этнографического музея [РЭМ, инв.25405]. Пластина обильно украшена овальными сердоликами, осыпанными бирюзой. К нижнему краю лунницы подвешены двенадцать металлических бляшек, имитирующих монеты с арабскими письменами, и большая пальметтовидная пластина, таким же образом украшенная сердоликом, бирюзой и монетовидной подвеской. Более поздним аналогом является не металлическая, а матерчатая лунница из коллекции Н.Шабельской, покрытая позументом, сплошь ушитая драгоценными бляхами казанско-татарской работы [ОК РЭМ, инв.787-Т,430-ВС].

Судя по ранним изобразительным материалам из фондов Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника подобная лунница, украшенная самоцветами, бытовала в донациональный период и у астраханских (юртовских) татар Нижнего Поволжья. Очевидно, этот круг нагрудных драгоценностей восходит (или даже принадлежал) к элитным украшениям знати постзолотоордынских татарских ханств (Казанского, Сибирского, Астраханского), имеющих много общего и в дворцовой архитектуре, и в стиле придворного костюма. Поздними этнографическими параллелями являются широко распространенные у волго-уральских татар и кряшен матерчатые лунницы *тамакса*, ушитые двумя-тремя рядами монет, низками кораллов и снабжённые амулетом в виде раковины-каури [Суслова, Мухамедова, 2000, с.214].

Из других нагрудных украшений интересны металлические ожерелья – цепочки с подвесными бляхами или монетами – весьма характерные для сибирских татар и татар в целом. Одно из них – в виде цепочки, к которой на колечках через специальные ушки подвешено восемь круглых литых и одна круглая литая с зубчатым краем блях, украшенных одной пастовой или коралловой вставкой. Обращает на себя внимание архаичная техника декора блях – зубчатый зернёвый поясок вокруг гнезда вставки. Этот мотив издревле, начиная с III–V вв. н.э., был характерен для украшений Западного Казахстана (см., например, серьги из могильника Актасты в Семиречье [Акишев, 1978, с.125]). Подобная техника имела большое распространение и в Золотой Орде (влияние саков). Со времен Казанского ханства она была известна и казанско-татарским ювелирам.

Другое ожерелье – монетное, состоит из цепи, к которой на колечках подвешены рублёвые монеты времён Екатерины II. Центральное пятно ожерелья – прямоугольная металлическая пластина, украшенная накладной спиральной сканью. В центре пластины расположены три пастовые вставки, обрамлённые припаянной сканой проволокой, украшенные восьмью крупными зерневыми шариками. К нижнему краю пластины за ушки подвешены на колечках три серебряные монеты мелкого достоинства. Характер наложения скани, расположения самоцветов или пасты (тесно примыкающих друг к другу), характерное оформление пластины крупной зернью указывают на монгольские аналоги этого украшения [Boyer, 1952, с.89, 91, 94]. Возможно, бляха была приобретена или по известным традициям изготовлена местными ювелирами.

Среди поясных украшений в сибирско-татарской коллекции обращает на себя внимание мужской ковровый пояс с позолоченной серебряной пряжкой [ТИАМЗ, инв.6694], выполненный в духе ранних казанско-татарских ювелирных традиций и принадлежащий,

вероятно, представителю высшего сословия сибирских татар. Вся поверхность этой двухстворчатой из прямоугольных пластин пряжки украшена характерным для казанских татар чеканным цветочным орнаментом, розеткой из аметиста, осыпанного бирюзой в центре пластин и одним аметистом в каждом углу. Среди ювелирных украшений казанских татар ханского периода имеется масса аналогов этой сибирско-татарской пряжке.

Ношение поясов поверх распашной одежды имеет у татар глубокую традицию. Об этом, в частности, говорит наличие в свадебном обряде казанских татар обычая, связанного с распоясыванием жениха невестой [Суслова, Мухамедова, 2000, с.70]. Пояс в данном случае выполнял охранную функцию, и снятие его являлось символом закрепления права жены. Важная социальная, магическая и обрядовая функция мужских поясов хорошо известна со времен так называемой всаднической культуры золотоордынского периода татарской истории [Крамаровский, 2001, с.53].

По данным этнографии пояс *билбау, эзер* является обязательным атрибутом традиционной мужской одежды татар (волго-уральских, астраханских, сибирских). Им подпоясывали исключительно верхнюю одежду. В XIX в. у волго-уральских татар использовались в основном матерчатые пояса: самотканые, сшитые из фабричной ткани, реже вязаные из шерстяных ниток. Широкие же позументные, ковровые, бархатные, а также из серебряных пластинок, соединенных между собой шарнирами, пояса *кэмэр, ксак* с массивными, богато украшенными серебряными пряжками в материалах середины XIX в. у волго-уральских татар практически отсутствуют [Суслова, Мухамедова, 2000, с.70]. Однако, в костюме астраханских, сибирских и крымских татар значительно дольше сохраняющих архаические формы, восходящие к культуре постзолотоордынских ханств. Пояса с пряжками и металлическими накладками были распространены чрезвычайно широко как в мужском, так и женском одеянии. Об этом говорят и литературные источники, и многочисленные музейные экспонаты [Юшков, 1861, с.83; Суслова, 1992, с.88; Рославцева, 2000, с.40].

Так в сибирско-татарской коллекции Тобольского музея хранится женский пояс кавказской работы, выполненный в технике ажурной накладной филиграни [ТИАМЗ, инв.10647–24], представляющий собой аналог даргинским женским поясам работы кубачинских мастеров [Гаджиева, 1981, с.116–118]. Пояс состоит из чередующихся между собой пяти прямоугольных и шести круглых пластин с основным декоративным пятном в виде трехчастной овальной с фестончатыми краями пряжки, выполненной в той же технике. К пряжке на цепочке подвешен миниатюрный кинжальчик. Фрагменты пояса соединены между собой колечками, украшенными из мелкой бирюзы. Судя по материалам музейных коллекций, подобные пояса кавказской работы использовались, вероятно, в некоторых вариациях средневекового женского костюма казанско-татарской знати и у астраханских татарок, у которых они бытовали в праздничном (свадебном) комплексе костюма вплоть до середины XX в. [Суслова, 1992, с.88].

Изложенные сюжеты далеко не исчерпывают информативные возможности сибирско-татарской коллекции. Не проанализирована в историко-этнографическом отношении значительная часть экспонатов, особый интерес среди которых представляют неатрибутированные детали украшений и сопровождающий их нумизматический материал, а также некоторые браслеты, перстни, перстни-печатки и многое другое. Более того, нами не рассматривалась группа ювелирных украшений, которая визуально может быть соотнесена с традициями русского серебряного дела, достигшего значительного развития в Тобольске уже в XVII в. [Елфимов, 1997, с.10–36] и связанного, как полагают исследователи, с ювелирными традициями Русского Севера, в частности, великоустюжскими [Постникова-Лосева, 1989, с.106].

В целом, рассмотренные здесь материалы позволяют назвать сибирско-татарскую коллекцию чрезвычайно эклектичной, в которой отражена смесь самых различных, преимущественно тюрко-монгольских наслоений, проявившихся в технико-технологических приемах изготовления украшений, их конструкциях, формах, в функциональном назначении и способах ношения.

Достаточно ярко вырисовываются древние и средневековые этнокультурные связи сибирских татар с теми народами Евразии, в этногенезе и культуре которых очевиден кипчако-ногайский компонент. В Среднеазиатско-Казахстанском регионе – это казахи, киргизы, каракалпаки, дештикипчакские узбеки, в Волго-Уральском – татары и башкиры, на Нижней Волге и на Кавказе – астраханские татары, ногайцы, а также, отчасти, крымские татары (имеется в виду их степная подгруппа). Все эти народы имеют не одну общую страницу в их этногенезе и этнической истории, в том числе, и страницу, связанную с эпохой Золотой Орды, искусство которой, в частности, в области торевтики, по утверждению известных исследователей (Г.А. Федорова-Давыдова, М.Г. Крамаровского) связано, кроме прочего, и с центрально-азиатскими его формами. Этим, вероятно, в значительной степени объясняются выявленные в результате анализа монгольские аналогии.

Как показал анализ источника, тесные этнокультурные связи сибирских и казанских татар наблюдаются в позднезолотоордынский или ханский период (середина XV – XVI вв.) их истории. И это не случайно. После распада Золотой Орды, как известно, кочевая стихия захлестнула ее некогда мощную и яркую городскую культуру. И только в оседлых районах – в Крыму (Крымское ханство), в Среднем Поволжье (Казанское ханство) её наследие было воспринято, продолжало жить и развиваться [Федоров-Давыдов, 1976], постоянно обогащаясь и подпитываясь традициями местного финно-угорского и славяно-русского населения, достигнув наивысшего расцвета в XVIII – середине XIX вв.

Следует подчеркнуть, что ювелирные традиции, сложившиеся в Казанском ханстве и вобравшие в свой арсенал традиции городских ювелирных ремесел Волжской Булгарии и Золотой Орды, не являлись механическим соединением разнородных традиций. Этот сплав достиг уровня синтеза новой казанско-татарской школы ювелирного мастерства, как и казанско-татарской культуры в целом, которую, при сохранении местных особенностей, в значительной степени и совершенно закономерно воспринимали недостаточно консолидированные этноструктурные подразделения волго-уральских татар, а также астраханские и сибирские татары. Этот процесс был особенно ощутимым в период консолидации татарской нации, когда на базе казанско-татарских реалий формировался единый общенациональный костюм с соответствующим ему комплексом украшений.

В сибирско-татарской коллекции среди рассмотренных здесь украшений имеется круг предметов (главным образом амулеты), этнографические аналоги-копии которых имеются у народов Средней Азии и Казахстана. Очевидно, там они и были изготовлены, а попали в обиход сибирско-татарской знати с многократными волнами переселений и при посреднической торговой деятельности так называемых бухарцев – хорошо известного и значительного этнического компонента в составе сибирских татар [Валеев, 1980, с.29].

Известно, что культурное наследие любого современного этноса или его структурных подразделений представляет собой синтез или симбиоз культурных традиций давно ушедших в прошлое этнических образований. Это в полной мере относится и к культурному наследию сибирских татар, что ярко отразилось на материалах уникальной коллекции из фондов ТИАМЗ.

Нами была предпринята лишь первая попытка обращения к сибирско-татарской коллекции как к историко-этнографическому источнику. Совершенно очевидно, что для дальнейшего научного анализа коллекции потребуются совместные усилия специалистов смежных наук: этнографов, археологов, искусствоведов, нумизматов и др.

§ 8. Пища

Марина Тихомирова

Естественно-географическая среда проживания сибирских татар способствовала образованию многоотраслевого хозяйства, их хозяйственная деятельность не имела узкой специализации. В питании сибирских татар до второй половины XX в. преобладали молочные, мясные и рыбные продукты, а из растительной пищи – злаковые растения, дикорастущие травы и ягоды.

На протяжении первой половины XX в. менялось соотношение между присваивающими и производящими отраслями традиционного хозяйства, а также возрастала доля покупных продуктов. Набор продуктов питания расширялся, что, в свою очередь, не могло не сказаться на разнообразии приготовляемых повседневных и праздничных блюд. В результате во второй половине XX в. система питания сибирских татар претерпела существенные изменения.

Для питания сибирских татар XX столетия важнейшим было возрастание роли сельского хозяйства по сравнению с другими отраслями. Прежде всего, шло развитие приусадебного овощеводства. Наиболее интенсивно эта отрасль развивалась у тарских, тобольских и тюменских татар, но скорость внедрения овощеводства в местах их расселения была различной. Лучше всего оно было развито у потомков среднеазиатских переселенцев. У других групп сибирских татар недостаток в овощах компенсировался за счет их покупки или обмена ими с русским населением соседних населенных пунктов. Еще в меньшей степени огородничество было развито у барабинских и заболотных татар, исторически промышлявших рыбной ловлей и охотой.

В первой половине XX в. культурное приусадебное садоводство у сибирских татар не было развито, зато увеличилась доля покупных продуктов питания, приготовляемых только фабричным путем – сахара, кондитерских изделий, чая, кофе и др.

В системе питания сибирских татар молочные продукты занимали важное место. Особенно их роль возрастала в летнее время. Как правило, сибирские татары употребляли коровье, реже – козье молоко. Цельное молоко употребляли с хлебом или с *талканом,* добавляли в чай. Свежее молоко традиционно использовали в качестве жидкой основы для каш и супов.

Большая часть молока перерабатывалась. Из цельного молока татары получали сливки – *каймак* или *коймак*. Было известно два способа их изготовления. В первом случае посуду с молоком (обычно это был керамический горшок) ставили в подпол для того, чтобы молочный жир, находящийся в виде мельчайших шариков, равномерно распределенных в воде, через некоторое время поднялся кверху. Жир снимали ложкой, и через некоторое время сливки были готовы к употреблению в пищу. Другой способ получения сливок путем сепарирования стал применяться сибирскими татарами значительно позже – в основном, в послевоенное время. Сначала они использовали ручной сепаратор, а в наши дни применяют механический.

Сливки использовались больше как лакомство во время чаепития. Их добавляли в чай; иногда в них макали различную выпечку.

Сметана – *каймак* – получалась путем скисания сливок. Готовый продукт добавляли в супы и изделия из теста, а также намазывали на хлеб, который ели во время чаепития.

Во многих татарских аулах готовили *катык* или *созму*. Технологический процесс его приготовления был не совсем обычен, сквашивание проходило при определенных условиях. Сначала обрат или цельное молоко вытапливалось на медленном огне в чугуне. Затем его остужали до такой температуры, чтобы палец, опущенный в молоко, не обжигался (известно, что оптимальная температура молока при этом должна быть от 24 до 40˚С: если же температура будет выше +40˚С, то будет образовываться большое количе-

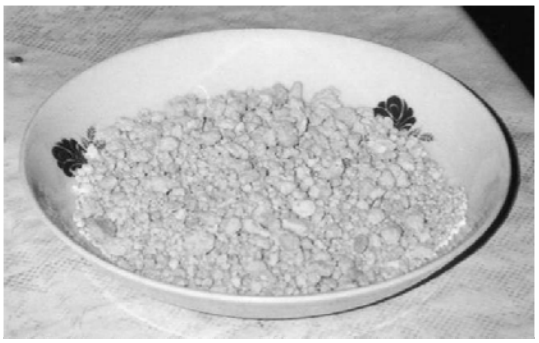
ство сыворотки и катык получится невкусным). Затем в молоко клали закваску из старого катыка, простокваши, сметаны или хлеба. Все содержимое хорошо перемешивали, плотно закрывали и оставляли в теплом месте. Через 10–12 часов творожистую массу можно было отделять от сыворотки. Делалось это двумя способами: либо путем процеживания через марлю или мешок из вафельной полотенечной ткани, либо посредством удаления сыворотки с помощью ложки. Для этого нужно было подождать некоторое время, чтобы остывший катык осел на дне кастрюли, где он превращался в твердую массу.

Полученный продукт представлял собой кисловатую на вкус густую белую массу, которую ели со сметаной, а в настоящее время – с добавлением сахара, соли или ягод. Полученный продукт обычно подавали к чаю вместе со сливками, сметаной, со свежей ягодой или добавляли в жидкие блюда.

Сибирские татары во второй половине XX в. повсеместно готовили творог – *эремчек* или *иримчик*. Его делали из скисшего обрата-простокваши, который сначала доводился до кипения на медленном огне, а затем остужался и процеживался. Творог употребляли в качестве самостоятельного блюда со сметаной, молоком или чаем; его использовали также в качестве начинки для пирожков и вареников.

В первой половине XX в. у сибирских татар были распространены кисломолочные продукты длительного хранения, такие как *ацегей* (*эцегей*) и *корт* (*курут, кызыл эремчик)*. Начальная стадия изготовления этого продукта совпадает с приготовлением *эремчик*. Однако потом творожистую массу не отделяли от сыворотки, а кипятили до полного выпаривания последней. В процессе приготовления ее часто мешали, чтобы она не пригорала. В результате получалась масса желто-красного цвета, более плотная по консистенции, чем *эремчик*.

Широко использовалось в кухне татар коровье масло, которое делали из сметаны или сливок, сбивая в маслобойке. Готовый продукт перекладывали в туеса и хранили в подполе.



Сушеный кислый сыр – *ачегей (ацегей)*. Барабинские татары. 2003 г. Фото М.Н. Тихомировой



Сбивание масла. Заболотные татары. 2006 г. Фото М.Н. Тихомировой

Для изготовления масла сибирские татары использовали маслобойки двух разновидностей:

1) цилиндрической формы, изготовленные мастерами долблено-резной технологией;

2) круглые в сечении, кверху сужающиеся кадки с прямыми стенками, сделанные по бондарной технологии – из дощечек-клёпанок, скрепленных несколькими металлическими обручами. Кроме корпуса, имелась крышка – *қапкак* и мутовка – *пешек / пышкан.* Они были наиболее распространены по сравнению с маслобойками первого вида.

Сливочное масло служило сырьем для изготовления топленого масла. Коровье масло помещали в какую-либо кухонную утварь, например, котел (*казан*); позже для этих целей стали использовать кастрюли: масло ставили на плиту и перетапливали.

Из всех видов мяса сибирские татары, как и волго-уральские, отдавали предпочтение конине, баранине и говядине. Во второй половине XX в. горячие блюда, особенно в летний период, стали готовить с мясом домашней птицы – кур, гусей и уток.

Дополнительным источником получения мяса раньше была охота. Сибирские татары использовали мясо зайца и водоплавающей птицы – утки, а также боровой и полевой – глухаря и куропатки. В северных таежных районах расселения сибирских татар употребляли также мясо медведя, лося и оленя.

Татары Среднего Прииртышья и ранее строго соблюдали правила забоя скота, предписываемые шариатом. Поэтому они не употребляли мясо скотины, убитой не по правилам. По сообщению жительницы с.Речапово А.А. Махмутовой, если резать скотину приглашали мужчину, русского по национальности, то пожилые люди никогда не употребляли такое мясо. В д.Б.Тебендя тоже строго придерживались, чтобы «скотину резал не русский и не христианин». Ранее И.Юшков сообщал, что «говядину русской бойки татары также не ели, считая это грехом». Тому, кто резал, отдавали *буен/ буесмак* (М.Кова)*/бугазлау* (Качуково)/*бозлау* (Эбаргуль) /*пуаслау* (Ашеваны)*/повыслау* (Ильчибага) – шею животного и кусок мяса в благодарность за проделанную работу. Обратим внимание, что во многих населенных пунктах Среднего Прииртышья традиция предписывала отдавать забойщикам шею зарезанного животного.

Существовала определенная иерархия самых вкусных и лакомых частей мяса, но она не идет ни в какое сравнение с более развитой иерархией, бытовавшей у скотоводов-кочевников. Самыми вкусными частями мяса сибирские татары считали грудинку, сердце, почки и язык. Мясо, как правило, сначала варили в воде, а потом жарили. Косточки с мякотью баранины, конины или говядины отваривали в казане, добавляя к ним соль и лук – репчатый или зеленый. Затем отваренное мясо отделяли от костей, резали на небольшие куски, выкладывали на блюдо и подавали на стол. К мясу подавали бульон в пиалах или бокалах. В процессе еды мясо запивали бульоном или жидкой частью супа.

Для длительного хранения мясо консервировали: зимой это делали с помощью замораживания, а в весенне-летний период излишки мяса сохраняли путем соления, сушения или копчения.

У сибирских татар было распространено блюдо из печени, почек и сердца, поджаренных на сковороде. Называлось оно *ковырма (коурма, коуртма)*. Его ели как самостоятельное блюдо либо использовали в качестве начинки для изделия из теста, называемого *самса*. Из печени или легкого татары также готовили суп.

Очень высоко ценились домашние колбасы. Колбасы, приготовленные из мяса (в основном из конины) путем вяления или (реже) копчения, назывались *казы*, а из мяса и зерна – *асеп* или *толтурма*.

Колбасы первого вида – *казы /казлык / кайса/ат казылык* (Б.Тебендя) в Среднем Прииртышье готовили повсеместно.

По составу фарша в Среднем Прииртышье условно выделяются два локальных варианта: 1. Территории Муромцевского района (Гузенево, Черталы), Тарского района (Сеитово), Усть-Ишимского района, где использовали мясо одного вида – конину. 2. Территории Большереченского района (Каракуль, Чеплярово, Черналы, Уленкуль), Тарского района (Речапово), где, помимо конины, использовали говядину с гусятиной или баранину с гусятиной.



Конская колбаса – *казы*. Тарские татары. 2001 г. Фото М.Н. Тихомировой

В деревнях Гузенево, Сеитово для приготовления колбасы брали жирное мясо со стороны пашины, с заднетазовой части. В д.Чеплярово – срезали мышечный слой в виде нешироких лент вдоль позвоночника, а также с заднетазовой части. В д.М.Кова – мясо с задних – *ортә алта,* передних ног – *сан алта* и со стороны пашины. Для сравнения, казахи также использовали для *казы* реберные кости с салом со стороны брюшины. Казахи, проживающие на территории Омской области, называют эту часть туши лошади *казы*.

Колбасу употребляли с хлебом, варили на ее основе суп, брали во время полевых работ. В Сеитово готовили блюдо на основе *казы*, называемое *кайгене.* В кастрюле кипятили воду, затем клали мелко порезанную конскую колбасу, около 10 штук яиц и лук. Все это кипятили около 5 минут.

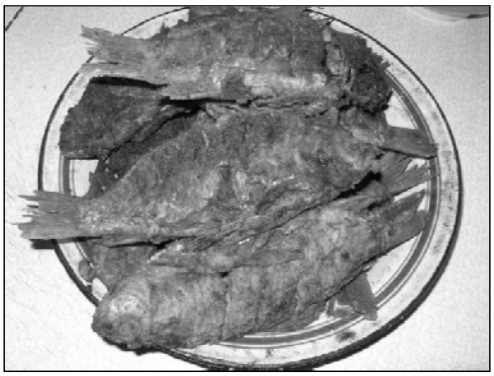
Рыба была важным источником питания для жителей населенных пунктов, расположенных рядом с реками и пойменными водоемами. Отметим, что в рационе питания заболотных татар рыба была одним из первейших видов пищи.

Традиционно сибирские татары употребляли рыбу в вареном, жареном и сушеном виде. Крупную рыбу замораживали на зиму и хранили до употребления. Солили сухим способом, то есть уже потрошенной, делали с боков надрезы и пересыпали солью, а потом ставили под гнет на 2–3 дня. После этого соленую рыбу сушили, вывешивая в тени, и употребляли с гарниром или без него.

Одним из самых распространенных жидких блюд из рыбы была уха – *балык шурпа* или *шурпа*. Чаще всего для ее приготовления татарки использовали свежую рыбу, реже – сушеную.

Во второй половине XX в. более широкое распространение получила жареная рыба. Потрошенную и промытую рыбу, обваляв в подсоленной муке целиком или кусками, жарили в сковороде на животном или растительном жире, реже – на сливочном или топленом масле. Чтобы рыба была вкуснее, в некоторых местах добавляли сметану.

Повсеместно татарки готовили рыбный пирог. Способ его приготовления в различных населенных пунктах сибирских татар практически не отличался. Чаще всего для пирога замешивали кислое тесто, причем его рецептура была такая же, как и для приготовления хлеба – закваска, вода, мука и соль, поэтому пирог всегда выпекался в печи. Для начинки, как правило, использовали жирную рыбу. Обычно пирог употребляли с чаем, причем начинку пирога из рыбы и его основу из хлеба ели отдельно: сначала съедали рыбу, а потом корочку.



Жареная рыба. 2006 г.
Фото М.Н. Тихомировой



Уха из карасей – *балық шурпа*.
Заболотные татары.
2005 г. Фото М.Н. Тихомировой

По свидетельствам жителей д.Чеплярово, некоторые из их родителей, ранее (в первой трети XX в.) не употребляли в пищу щуку – *цуртан, цурагай, чурагай*. Виной неприятия были особенности строения ее головы, где хрящи внешне похожи на крест, поэтому, по мнению татар, мусульманину ее нельзя было употреблять. В дд.М.Кова, Качуково тоже был известен такой запрет, и даже в настоящее время некоторые из пожилых людей его соблюдают: есть щуку считается грехом. Народное объяснение этого пресловутого «креста» в голове щуки, озвучила одна из жительниц д.М.Кова: *«Однажды щука проглотила русского человека, таким вот образом в ее голове появился крест, поэтому татары ее не употребляли в пищу»*.

Из других рыб в ряде населенных пунктов Среднего Прииртышья не приветствовалось употребление налима, так как считалось, что он питается утопленниками. Но, может быть, причина отрицательного отношения к этой рыбе кроется в ее особенности – летом гнить и становиться червивым. Потому в летний сезон налима стараются не ловить (д.Эбаргуль). Возможно, что и название налима – *курта* связано с древнетюркским *qurt* – червь.

Любопытную информацию о запретной для употребления рыбе, называемой *линь* поведала жительница д.Гузенево. Внешне рыба похоже на змею, «пестрого окраса и у нее нет шкуры». В Сибири под такое описание подходит налим. По шариату же, рыба, пойманная живой, но без чешуи, для еды считалась не пригодной.

Сибирские татары перерабатывали зерно на ручной или водяной мельнице на крупу и муку.

Жидкие блюда с использованием круп в кухне сибирских татар представлены супами и похлебками. Жидкая часть готовилась на молочной основе, на мясокостном бульоне или на травяном отваре. Для супа *уря* использовались крупы из зерен ячменя, пшеницы или риса. Его часто готовили на мясной или молочной основе. Мясо варилось примерно два часа, затем засыпали крупу и через некоторое время добавляли картофель и доваривали суп до полной готовности.

Каши ели также из пшеничной, овсяной и ячменной крупы. Их варили на воде; иногда жидкая основа состояла либо из нескольких частей воды и молока, либо только из одного молока. Особенность татарских каш, приготовляемых как из зерна, так и муки была в том, что их солили, не добавляя сахара.

Еще одна разновидность каши называлась *палау*. Она готовилась из крупы пшеницы, овса или ячменя с мясом и морковью. Каша с рисом под этим же названием получила более широкое распространение только во второй половине XX в.



Разделка щуки. Заболотные татары. 2005 г. Фото М.Н. Тихомировой

Кроме сырого зерна, сибирские татары употребляли целое зерно пшеницы, каленое или обжаренное в масле, называемое *коурмач*. Это было лакомством. *Коурмач* могли перерабатывать в муку, которая обычно употреблялась с молоком.

*Талкан г*отовили из пшеницы, ячменя, реже из овса или просо. Было несколько способов приготовления талкана, в зависимости от того зерна, которое используется:

1) *Коурмач* (из пшеницы, ячменя) засыпали в *күл тирмән* – ручную мельницу и размалывали на несколько раз. Затем все пересыпали на металлический лист или в любую другую посуду и провеивали, освобождая от несъедобных частей зерна – «кожуры» или, как еще называют информаторы, – «шелухи» – *қабық* (дд.Тоскино, М.Кова)/ *курба* (д.Тюрметяки) / *кибәк*.

В результате получали *талкан*. По полевым этнографическим материалам, таким же способом делали *талкан* барабинские татары (аул Кошкуль, Чановский р-н, Новосибирской обл.).

2) В дд.Черталы, Уленкуль, д.Киргап, д.Ашеваны нами зафиксирован иной способ приготовления *талкана* из овса. Его засыпали в большой *қазан*, заливали водой и распаривали. По информации собранной этнографической практикой ОмГУ в 1975 г. овес варили около одного часа. После этого зерно сушили на солнце или в печи – *миц/мич* на железных листах – *калай*, а потом размалывали на ручной мельницы. Зерно также перемалывали несколько раз, чтобы получилось как можно больше *талкан* – мука из предварительно обжаренных зерен.



Переработка жареного зерна в муку – *талкан*.
Барабинские татары. 2003 г. Фото М.Н. Тихомировой

Чтобы лучше очистить зерно от оболочки, его, перед тем как размолоть, дробили в ступе – *килэ*, потом провеивали, используя сито – *иләк.*

Данное население употребляло *талкан,* смешивая с сырым молоком. Перед употреблением эта смесь некоторое время – до 30 минут, настаивалась.

Существовала группа жидких блюд, которые готовились с мукой. *Боламык (буламук)*, приготовляемый на основе воды и муки, занимал промежуточное положение между болтушками и кашами. Особенностью молочных каш *саламат* и *алюва* было то, что их готовили из обжаренной в масле муки. А вот молочная каша под названием *путка* готовилась из необжаренной пшеничной муки.



Талкан. Барабинские татары. 2003 г. Фото М.Н. Тихомировой

Было известно большое количество блюд из теста, преимущественно пресного, а не кислого. Для супов использовали кусочки теста, называемые *чумара* и *умач*, или лапшу – *онаш*. Как правило, они варились в мясокостном бульоне, реже – в молоке.

В воде варились также такие изделия из теста с начинкой (мясной или овощной), как пельмени или вареники, которые стали готовить в последнее время. Для пельменей сочень разрезался на квадраты размером приблизительно 30 х 30 мм, на середину каждого из которых клали начинку. Затем сочень сгибали пополам, края соединяли и защипывали. Потом два конца поперечных сторон изделия соединяли. В качестве начинки для пельменей использовали мелко порубленные кусочки мяса, реже – рыбы. Варились пельмени в подсоленной воде, а на стол их подавали с маслом и сметаной.



Лепешки – *патыр/пәтер*. Заболотные татары. 2006 г. Фото М.Н. Тихомировой



Штамп для украшения лепешек – *патыр/пәтер*. Заболотные татары. 2006 г. Фото М.Н. Тихомировой

В кухне сибирских татар многие изделия из теста обжариваются в масле или жире. Это оладьи и блины *(коймак)*, лепешки *(кобыртма* и *патыр*, или *пэтэр)*, а также куски теста различной формы – *баурсаки* и *чак-чак*.



Чак-чак. Заболотные татары.
2006 г. Фото М.Н. Тихомировой

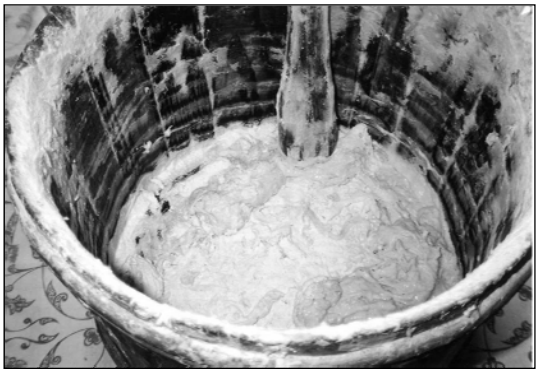
В населенных пунктах сибирских татар повсеместно готовили открытые сверху и защипанные с краев изделия с начинкой из мелкорубленого мяса *пэрэмеч (пэрэмец)* и *очпочмак*.

Из изделий, приготовляемых из теста с начинкой закрытого вида, широкую территорию распространения имела *самса* (или *сумса*). Чаще всего это изделие готовили из пресного теста, используя в качестве начинки ягоду, изюм, курагу, повидло, картофель, тертую морковь или смесь измельченных и пожаренных почек, печени или сердца.

Помимо самсы, сибирские татары делали пирожки с различными начинками из кислого или пресного теста.

В рационе питания сибирских татар одним из основных продуктов питания был хлеб.

С вечера хозяйка начинала готовить хлебное тесто. Она брала остатки теста, специально оставляемые после каждой выпечки в квашне *құур циляқ/квашня*. Вечером, к тесту добавляли воды, муки и оставляли скисать до утра. Утром добавляли необходимые продукты для замеса теста.



Квашня с закваской. Заболотные татары.
2005 г. Фото М.Н. Тихомировой



Замес теста. Заболотные татары.
2005 г. Фото М.Н. Тихомировой

И.Юшков, описывая пищу татар Тобольского и Тарского округов Тобольской губернии в 1861 г., отмечал, что выпекают хлеб двух видов: пресный ржаной хлеб (*арыш-итмак*) и белый (*нан*).



Тесто в хлебной чашке. Заболотные татары. 2005 г. Фото М.Н. Тихомировой

Повсеместно тесто заводилось на закваске из старого теста. Если старого теста не было, тогда варили новую закваску из хмеля – *колай*.

Из кислого теста стряпали булочки *кулча* и *тугач* (или *тугач*), выпекаемые в печи. Во многих населенных пунктах сибирских татар готовили *шанγу* или *ватрушку*.



Булочки в печи. Заболотные татары. 2005 г. Фото М.Н. Тихомировой

Сибирские татары очень хорошо готовили пирог с начинкой из мяса, практически повсеместно называемый *балеш* или *палеч*. Обычно его готовили зимой, когда в наличии имелись достаточные запасы мяса. Его стряпали, как правило, в праздничные дни. Тесто раскатывалось скалкой, а на середину круглого сочня клали начинку и жир. Затем края теста поднимали, как бы собирая или стягивая его, а сверху клался кусок теста небольшого диаметра, называемый по-татарски *капкак* – «крышка». Пирог выпекали в сковороде в печи. Минут через тридцать его вытаскивали и на «крышке» ножом делали надрезы

в виде треугольника, а потом наливали кипяченую воду или бульон. После этого начинка разваривалась и становилась вкуснее. Затем пирог вновь помещали в печь.



Булочки с начинкой. Барабинские татары. 2004 г. Фото М.Н. Тихомировой



Расстойка. Барабинские татары. 2004 г. Фото М.Н. Тихомировой

Из дикорастущих трав (дягиля, борщевика, крапивы, щавеля и др.) сибирские татары готовили «зеленые» супы. После несложной обработки в свежем виде употребляли полевой лук, луковицы лилии кудреватой, а также листья и стебли борщевика и дягиля.

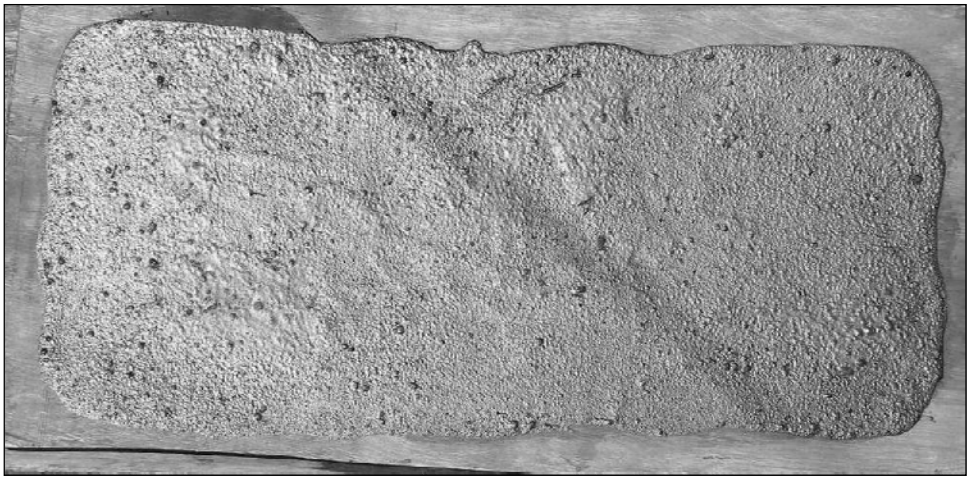


Очистка брусники. Барабинские татары. 2006 г. Фото М.Н. Тихомировой

Ягоды земляники, малины, калины или черемухи употребляли в свежем, сушеном и мороженом виде. Зимой сушеные ягоды использовались в качестве начинки для пирожков. Практически повсеместно готовилось особое лакомство из черной смородины, малины и земляники – *как*, растолченные ягоды, высушенные в виде пластинок. Название «пастила» – это искаженное слово «постила», т. е. то, что постлано, расстелено, что характеризует один из основных этапов технологии приготовления. В этом заключается похожесть пастилы и *қақа*.



Қақ. Барабинские татары. 2006 г. Фото М.Н. Тихомировой



Қақ. Барабинские татары. 2006 г. Фото М.Н. Тихомировой

Для свадьбы татары Чановского района Новосибирской области специально стряпают пирог со сладкой начинкой из повидла или ягод, называемый *шуг(к)арак*. Ранее начинку делали только из сушеных ягод земляники – *джиляк*, или смородины – *карагат*. *Шуг(к)арак*, как правило, готовят открытым, прямоугольной формы. Поверх начинки выкладывают косую решетку из скатанных в нетолстый жгут длинных кусков теста.

Еще одно изделие, которое часто встречается на коллективных трапезах, это *вачак*. Для его изготовления используют пресное тесто, замешанное из яиц (5 или 7 штук), нескольких ложек молока, муки, соли, сахара, соды. Затем делят тесто на меньшие куски, их скатывают в жгуты, которые разрезают на небольшие кусочки и обжаривают в растительном масле.

Помимо рассмотренных изделий, в семье жениха выпекают булочки без начинки и с начинкой из изюма или кураги. Их делают следующим образом: от теста отрезают небольшой кусок теста, его закатывают в жгут, концы которого крутят в разные стороны и сворачивают в виде узла. Либо несколько жгутов заплетают в косички. Готовые булочки смазывают сладкой водой.

Булочки с начинкой делают двух разновидностей. В первом случае на середину сочня круглой формы кладут начинку, на краях полуфабриката делают два параллельных надреза ножом. Соединяют надрезанные концы таким образом, что в середине получается отверстие.

Во втором случае на середину сочня круглой формы кладут начинку, сворачивают его пополам, скрепленный край для прочности надрезают в нескольких местах ножом.

Еще одно изделие, которое готовят в доме юноши, называется *апельсинчики*. Свое название булочка, вероятно, получила из-за похожести на фрукт – круглой формы и желто-оранжевого цвета. Тесто замешивают из муки, творога, сахара, яиц. Затем формируют небольшие колобки и обжаривают в растительном масле.

Со второй половины XX в. сибирские татары начали заниматься сбором грибов и употреблять их в пищу. Первоначально собирали белые и желтые грузди, сейчас употребляют и другие виды грибов. Татары предпочитают грибы в соленом или жареном виде.

Самым распространенным кисломолочным напитком был *айран*, который делали из воды и створоженной белой массы, называемой «*катык*», в соотношении примерно один к двум. Чтобы айран был холодным, в него добавляли лед. Катык с водой тщательно перемешивали, пока жидкость не становилась белого цвета. Как правило, такой напиток делали летом, потому что он хорошо утолял жажду.

Одним из любимых напитков был чай – *цай*.

Лучшим считался чай, спрессованный в виде плиток. Для приготовления чайного напитка татарские женщины занимались сбором растений. Из местной флоры наилучшими для этой цели считались стебли и листья душицы обыкновенной и лабазника вязолистного, брусничный лист, плоды шиповника, а также листья земляники и смородины. Для приготовления чайного напитка собирали также гриб-трутовик, известный как *чага*.

Чайный напиток из трав изготавливали двумя способами. В первом случае травяной сбор сушился в тени. Другой способ приготовления заварки был длительным по времени и состоял из нескольких операций. Основным этапом изготовления, определяющим вкусовые качества продукта, была ферментация в результате воздействия воды.

Весной сибирские татары употребляли березовый сок в сыром виде или после кипячения, добавляя в него чагу.

Из алкогольных и слабоалкогольных напитков сибирские татары употребляли пиво, называемое *сыра*. Пиво в большинстве аулов сибирских татар самостоятельно не готовилось, а выменивалось у русского населения. Собственно, в домашнем производстве из алкогольных напитков готовилась только брага на основе хмеля или гороха.

В заключение отметим следующее.

1. В системе питания сибирских татар молочные продукты занимали важное место. Особенно их роль возрастала в летнее время. Как правило, сибирские татары употребляли коровье, реже – козье молоко. Наравне с молочными продуктами большую роль играла мясная пища. Из всех видов мяса сибирские татары отдавали предпочтение конине, баранине и говядине.

Сибирские татары применяли следующие способы тепловой обработки мяса: варка в жидкости и обжаривание субпродуктов, консервировали мясо в виде сыровяленых и сырокопченых колбас, применяли сушение мяса. Сибирские татары употребляли мясо в незаправленном бульоне, сложносоставных жидких блюдах на основе мясокостного бульона, заправленных крупой и кусочками теста.

В употреблении молочно-мясной пищи сибирских татар также наблюдаются черты, отличающие их питание от таковой скотоводов южных широт Сибири: во-первых, способ изготовления сливок; ограниченное, по сравнению со скотоводами, употребление кислых сыров длительного хранения и бóльшей роли творога, что для питания ско-

товодов не характерно; ограниченное употребление татарами кумыса; во-вторых, отсутствие сложной иерархии и поливариантности использования частей мяса в различных обрядах. Эти существенные отличия, на наш взгляд, определяют различия двух моделей питания.

Способы использования жиров животного происхождения, обжаривание в них изделий из теста находят параллели в скотоводческих культурах юга Сибири.

Из растительных продуктов у сибирских татар довольно архаично использование в пищу злаковых в виде сырого, дробленого зерна в кашах и в жидких сложносоставных супах, употребление в пищу каленых или обжаренных целых зерен, их размалывание в муку *талкан*; из жидких мучных блюд – мучная болтушка или каша *боламык/буламык*; употребление в пищу обжаренного пресного теста, зольного хлеба.

Чрезвычайно большую роль в настоящее время в рационе питания сибирских татар играют изделия из теста (выпекаемые и обжаренные).

2. Добываемая рыба употреблялась в вареном виде. В теплое время года ее вялили и замораживали зимой. Существовали в ряде мест ограничения на употребление некоторых видов рыбы – щука, налим, линь.

3. Продукты охоты подвергаются тепловой обработке (варка в жидкости), из способов консервации мяса применяется сушение в весенне-летний период и замораживание зимой. У сибирских татар сохраняются запреты на употребление лебедя.

Глава 4
Традиционные обряды и праздники

§ 1. Языковая терминология обрядовой культуры

Флера Баязитова

Учитывая то, что «диалект – это явление не чисто языковое, а этноязыковое и этнокультурное» [Толстой, 1995, с.20], во время экспедиционных выездов последних десятилетий диалектологам удалось собрать богатый этнолингвистический материал, относящийся к традиционным обрядам сибирских татар. Языковые особенности изучались в тесной связи с духовной и материальной культурой их носителей. При этом была отведена особая роль обрядовой терминологии, так как она одновременно принадлежит к языку и культуре и поэтому заслуживает системного изучения с позиции комплексного этнолингвистического подхода. Обрядовая терминология рассматривается нами в контексте, т.е. в зафиксированной, а также графически воспроизведенной речи носителей языка сибирских татар. Идеален в этом отношении способ магнитофонной записи, который точно воспроизводит все многогранное своеобразие и богатую колоритность народной речи. Такая речь является более совершенным иллюстративным материалом и надежной основой в качестве наглядных примеров в научно-исследовательских работах. Собранный таким способом диалектный материал является важнейшим этнолингвистическим источником для реконструкции традиционной культуры.

Особое значение при этом приобретают факты так называемой «живой старины», т.е. сохранившихся в народе реликтов духовной культуры – обрядов, верований, магических действий и т.д. Для того, чтобы четко выделить типологические моменты обряда в различных областях, их своеобразие, местные особенности того или иного эпизода обряда, придающие ему подлинный этнографизм, цельные рассказы информантов разбиваются нами на фрагменты, которые группируются соответственно эпизодам обряда, придавая им большую полноту. Этнолингвистический материал, собранной у информантов старшего поколения в татарских населенных пунктах Сибири, систематизируется по следующим тематическим группам:

1. Семейный обряд и его терминология. Свадьба: сватовство, свадебные персонажи, приданое и взаимное одаривание, обрядовая пища, обрядовая одежда, приход жениха, перевозка невесты, послесвадебные обряды и т.д.

Родильные обряды и их терминология.

Похоронные и поминальные обряды и их терминология.

2. Календарные обычаи и обряды, праздники и их терминология.
3. Мифология, названия мифологических персонажей.
4. Заговоры и заклинания, их термины, лексика и др.

Таким образом, в научный оборот вводится обильный новый материал, памятники народной культуры сибирских татар, целиком построенные на диалектных текстах, имеющих языковую и этнографическую ценность.

Здесь мы предлагаем читателям небольшую часть наших систематизированных диалектных материалов, относящихся к языку, фольклору и традиционной культуре сибирских татар с выявлением обрядовой терминологии. Чтобы не затемнились фоне-

тические особенности, в работе применена упрощенная транскрипция на основе существующей татарской графики.

Лексика свадебных обрядов

Свадебные обряды восходят к очень древним традициям. Свадебная терминология татарских диалектов – почти не исследованная область лексики. При изучении обрядовой терминологии мы делали упор на изучение не отдельных слов, а на изучение целых звеньев языковых систем, словосочетаний. Диалектные, региональные названия и слова, словосочетания дают в руки современным исследователям богатый фактический материал.

Сваты и сватовство *Сауцы, саучы* – тат. литер. *йаучы* (графич. *яучы*) – сват, сваха, тот (та), кто приходит сватать. По мнению исследователей, слово произошло от монгольского *jayuci, jabuci* – ходок, вестовой, посредник [Ахметьянов, 1977, с.98]. В других тюркских языках: казах., к.калп. *жаучы*, кирг. *джаучи*, *жучи*, чув. *евче* и др.

«*Сауцы тайаққа тайанып сауцылағалы килә. Тайақның башына йаулық бәйләп йибәрәтләр риса булсалар, күнсәләр. Килешкәч йефәк йаулық бәйләп йибәрә тайақның оцона* / Сваха приходит сватать опираясь на палку. Если договариваются, соглашаются, то на ее палку привязывают шелковый платок».

«*Сауцы керә, арғалықны усмай. «Пес йомыш белән килтек, қоталашқалы килтек», – тей. Утыртатлар, урын бирәләр. Арғалықны үтмийенце генә сүләшкәнәр сауцылар* / Сваха заходит, она не проходит дальше матицы, нельзя. «Мы по делу пришли, сватать пришли», – говорит. Дают место, посадят. Свахи разговаривали раньше, не проходя дальше матицы».

Поверие в то, что сваха должна сидеть под матицей, зафиксировано нами у татар-мишарей Мордовии и Пензенской области [Баязитова, 2011, с.12]. Такой обычай, что сваха садится на лавку непременно под матицей, был и у славянских народов. «Этот обычай восходит, по-видимому, к древним представлениям о матице как связующем и центральном элементе дома, оказывающем таинственное воздействие на жизнь семьи. Не случайно сваха, войдя в избу и помолившись, садилась на лавку непременно под матицей («если под матицу не сядешь, так и в семье связи и ладу не будет») [Традиционные обряды, 1985, с.93].

Телән бару, телән килү, теләгәле килү / придти сватать. Ср. на мишарском диалекте *келәтү, кыз келәтү.*

«*Қысны теләгәле килгәнтә әйтә:*
Паш минтән,
Қылыч сестән.
/ Когда приходит сватать, говорит: «С меня голова, с вас сабля».
Қода төшкәле килү – придти сватать.
«*Пес сескә қода төшкәле килтек, қода – қодағый пулғалы килтек», – тиләр.*
Ишектән инә килтем,
Тирәзәдән чыға килтем,
Қысығысны суратып килтем,
Түрегескә утырып цай эцкәле килтем.
/ «Мы пришли к вам сватать, пришли чтоб стать сватами и свахами», – говорит. Пришла, входя через дверь, выходя через окно, пришла сватать вашу дочь, пришла к вам чай пить», – говорит».

Свадебные дни *Булчау* [<монгол. *болзол* / срок, время] – назначить день свадьбы. Ср. в кузнецком, байкибашевском говорах мишарского диалекта *буз'ал* предсвадебное совещание в доме невесты, там назначают день свадьбы. В говоре пермских татар *божал сурау, божалға бару* / идти советоваться с родственниками девушки, вышедшей замуж убегом.

«*Туйларны булчадылар қачан булғалы, қода, кейәү булчады. Көнен булчап, кәпләшеп қайтадылар* / Когда будет свадьба, сват (отец жениха) и сам жених назначали день свадьбы, посоветовались и ушли домой».

«*Булчау тиләр, туйның көнен қуйатлар, wақыты җитәргә тайарланалар, әсерләнәләр, өлкән туй бирәтләр* / Говорили булчау, назначили день свадьбы. Ближе к этому сроку начинали готовиться, справили большую свадьбу».

Сабыр ай, сәбәр ай – сәфәр ае. *Сәфәр* – название второго месяца мусульманского лунного года. В этом месяце нельзя было провести свадьбу:

«*Туй – сабыр айда булмасын. «Сабыр айдан алта туйны қылып қалайық», – тип әйтәләр.*

Сабыр ай – awыр ай, awырсынатлар.

Сабыр ай – сабырцылықсыс ай, тигәннәр, анта тун та тектермәйте кеше, йулға да цықмайты.

Сәбәр ай туйны йасағалы йарамай, бәгытсес тормош була тиделәр.

/ Свадьба не должна быть в месяце сафар. «Давайте проведем до месяца сафар», – говорят. Месяц сафар – тяжелый месяц, затрудняются. Месяц сафар – неспокойный месяц, говорили. В это время даже одежду не шили, не выходили на дальнюю дорогу. В месяце сафар нельзя делать свадьбу, бывает несчастливая жизнь, говорили».

Магическим считался и сәфәр йолдыз: «*Күктә бертөрле йолтос пулаты, сәфәр йолтос. Ул йолтысқа қаршы барғалы йарамайты туй атларынта* / На небе бывает звезда, это звезда сафар. На свадебных лошадях нельзя идти против этой звезды».

Ср. у ногайцев: свадебную поездку нельзя совершать в сторону, где виднелась звезда «сафар йолтос». Она должна была находиться позади или сбоку. Существовала примета, что если эта звезда окажется впереди арбы с невестой, то счастья в семье не будет.

Религиозный обряд бракосочетания

Сибирские татары в своей духовной культуре имеют два корня – тюркский и исламский. Исламская культура сибирских татар сильно переплетена с местными традиционными обрядами, верованиями, и все это находит отражение в языке, особенно в лексике.

Религиозный обряд бракосочетания по шариату в татарском литературном языке называется *никах*. *Никах* – это акт, когда после произнесения определенных слов разрешается иметь супружеские отношения. Как сообщают информаторы, в последние годы молодежь более активно соглашается с религиозным бракосочетанием, так как, соблюдая его, чувствуют себя равноправными членами уммы.

Для чтения проповеди традиционно приглашается мулла. Слово мулла [<араб. *маула* в значении «господин, повелитель владыка»] было заимствовано через персидский *молла*. В других иранских и тюркских языках слово имеет формы: *мелла, молло, молдо*, т.е. знаток мусульманского ритуала; служитель культа; учитель религиозной школы; грамотный; ученый человек. Мулла в России со времен Екатерины II назначался специальным указом и состоял обычно при конкретной мечети.

Никах восходит к арабскому слову *никях* / женитьба, брак, бракосочетание. В диалектах сибирских татар, наряду со словом *никах*, употребляются его фонетические варианты *ника, неке*. Варианты *ника*, *неке* активно употребляются также в астраханском говоре и в языках среднеазиатских тюркских народов. У сибирских татар *никах* проводился в доме невесты или по договоренности в доме жениха. Обычно для этого выбирали четные дни середины месяца: «*Айның уникеләреме, ундүртләреме йетсә, кейәүнеңке ата-инәләре, туған-қардәшләре қыс йаққа килеп никах уқытадылар* / Когда наступает двенадцатое или четырнадцатое число месяца, отец и мать, родственники жениха приезжают в дом невесты, проводят никах». Нельзя было делать никах, а также

свадьбу в конце месяца: «*Тулы ай булсын, йә ай башы булсын. Ай бетешләрендә йарамас ыйы* / Желательно, чтобы никах делали в полнолуние или в начале нового месяца (но не в его конце)».

Никах – это застолье без спиртного для религиозного обряда бракосочетания, в сибирско-татарских диалектах называется *ника аш*. Обязательными для этого угощения считались: *өсөм* – татар. литер. *йөзем* / изюм, *көрәс* – дөге / рис, *қаныт* [перс. *канд*] – *шикәр* / сахар, *бавырсақ/павырсақ* / баурсаки. Приготовливали также *бәйрәмаш* – пәрәмәч / перемячи, *цөцбәрә/шөшбәрә* – пилмән / пельмени и другие блюда. Изюм и рис почитались как *оцмағ аш* / райская еда, что выразились в словах: «*Ника қылғанта өсөм белән көрәс. Ул тиләр пороңқының оцмағ аш. Көрәс күптесеп өстәлгә утысатлар*». *Неке* өсем, т.е. изюм, приготовленный для религиозного застолья *неке* (никах): «*Неке қылғанта некөсем қуйалар, төрле камфитлар*».

Никах қаныт. *Қаныт* [пер. *канд* / сахар]. *Никах қаныт,* т.е. сахар, который ставили для угощения во время никаха, считается святым и имеющим магическую силу. Его раздавали гостям и всем родственникам, которые не смогли присутствовать при чаепитии никаха, как дорогой и святой гостинец: «*Никах қаныт лар утыртасың, түрткел – түрткел қаныт лар лампаси белән. Никахка кергән кешеләр улларына, қысларына алатлар: «Песнеңкеләргә тә йылышсын», – тип*. *Аны инте күп утысасың, йырақтағыларға биреп тә йибәрәсең пүләк итеп, никах аш тип* / Ставили четырехугольные куски сахара, перемешивая с монпасье. Гости берут их с собой как гостинцы: «Пусть и нашим детям будет такая же счастливая участь». Их много ставишь на стол, далеким родственникам передаешь как священное угощение».

Ника онаш – никах токмачы / домашняя лапша для никаха, ее резали длинной. «*Никегә онаш кисәтеләр осон итеп: «Гомере осон пулсын» /* Для никаха делали домашнюю лапшу. Ее резали длинной, чтобы они прожили долгую жизнь».

Ника бавырсақ – никах бавырсагы / баурсаки, приготовленные для угощения гостей, участвующих в обряде бракосочетания никах. Бавырсак, как пища и как название, активно употребляется во всех татарских диалектах и в обрядовой сфере. В татарском литературном языке *бавырсак* – это мучное изделие из пресного теста в виде шариков, замешанных на яйцах и жаренных в масле. В сибирско-татарских диалектах и в астраханском говоре баурсаки отличаются по форме, соответственно им даны различные названия: *бал бавырсақ, қосоқ бавырсақ, қурлы бавырсақ, кәбәц бавырсақ,күпмә бавырсақ, сусма бавырсақ, тирәс бавырсақ.* В астраханском говоре: *қаталақ бавырсақ, коран бавырсақ, қыйық бавырсақ, тақыйа бавырсақ* и др. В мензелинском говоре среднего диалекта татарского языка к обрядовым баурсакам относятся следующие словосочетания: *йегет бавырсағы, қыз бавырсағы, табын бавырсақ, бавырсақ, ачучы* и др.

Ника бавырсақ, негә бавырсақ, т.е. баурсаки, приготовленные для религиозного обряда никах, у сибирских татар считается святым, магическим угощением. Их уносили домой как гостинцы и старались угостить своих сыновей, дочерей: «чтоб сын вовремя женился, чтоб дочь удачно вышла замуж».

Ника бавырсақ в астраханском говоре также считается кушаньем, имеющим магическую силу: *«Ника бавырсағын бүлешәләр: «Игелекләр булсын, игелекләр үзегезгә қайтсын» /* Нике баурсаки в блюдце несет сваха (из дома жениха). Их делят между собой. Говоря: «Пусть будут добрые дела. Пусть ваша доброта возвратится вам самим».

По мнению ученых, *бавырсак* является одним из древнейших кушаний, остатком от тюркских предков. Он характерен для многих тюркских языков: башк. *бауырһақ*., ног. *бавырсақ*, к.калп. *бауырсақ*, казах, азерб. *бавырсақ*, тур. *баырсақ*, кирг. *боорсак*, узб. *бугирсок*, уйг. *богурсак* и др.

Приезд жениха *Мүгәтәк, мөгәлтәк* / свадебная повозка. Ср. в сергачском говоре *мәдәк, вәдәк*. «*Кейәү мөгәлтәк эцентә киләте, күрмәйтәр кейәүне, алып кереп китәт-*

ләр күргәсмәйце / Жених приезжает в свадебной повозке, его никому не показывая, вводят в дом».

«Мүгәлтәк қапқаға йақын килүгә мылтық ататлар awаға қарап. «Чен-сәхмәтләр кермәсен», – тиеп / Когда свадебная повозка приближается к воротам, в небо стреляют из ружья, чтоб нечисть не прошла».

Кейәү индерү / пускать жениха к своей невесте. *Ишек басу, йал түләтү, кейәү йалы* / требовать выкуп у жениха. *«Кейәү кергәнтә ишекне бикләйтеләр, қәде сурайтылар қысның үс тигәннәре, йақын туғаннары. Кейәү алып киләте палаларға өләштергәле* / Когда заходил жених, двери запирали, требовали выкуп родные и близкие невесты. Жених привозил с собой разные подарки для раздачи детям».

Қыс күйнына пүләк / подарок жениха невесте, преподнесенный ей после первый брачной ночи. *Қуйын йемеш* / гостинцы жениха, которых раздают после первой брачной ночи детям. *Кейәүләп йөрү* / посещать невесту в качестве мужа в её доме.

Выход невесты из родного дома. Переезд невесты:

«*Өйеннән цығар цақта қаймақлы ғына бер ыстакан сөт эцертәтләр:«Сөт кебек ақ булсын тормышлары, сөт кебек ақ йөз белән йәшәсеннәр»* / Перед самым выходом из дома невесте давали стакан густого молока. «Пусть у них жизнь будет такая же белая, пусть они проводят свою жизнь с белым (безгрешным) лицом как молоко». *Күц* /свадебный поезд. *Күц килү*, *күц күцү* / приезд свадебного поезда.

Запреты, заговоры и заклинания, связанные со свадебным поездом:

«*Күц килә хәсер тип салам салып қуйатлар. Ишек төпкә мүгәтәк килеп туқтый, нүгәр йүгереп килә, ут йаға, цана астыға салған торомбаш*: «*Йел-қус килмәсен күцеп, пәриләр, ченләр килмәсен*» / Перед приездом свадебного поезда заранее приготовливают солому. Повозка останавливается у дверей, дружка прибегает, поджигает солому. Под сани кладут обгорелое полено, «чтобы разные черти не приехали вместе с ними».

Встреча невесты в доме жениха Стрельба из ружья:

«*Күч килеп туқтый, киленчәк килеп төшкәч мылтық аталар. Шайтанын қацырғалы аталар мылтық* / Свадебный поезд останавливается, невеста выходит, стреляют из ружья. Чтобы черти испугались».

Обсыпание невесты:

«*Қысныңқы қәйнәсе өй башта пawырсақ, кәнфит, көмеш ақчалар чачаты кинчәкнең башыннан. Кинчәк кереп утырғанда чачаты*. «*Бәхетле, азықлы ырызықлы булсыннар* / Свекровь обсыпала невесту у крыльца баурсаками, конфетами, серебряными монетами. Обсыпала когда она проходила в дом. «Пусть будут счастливыми, пусть живут в достатке и изобилии».

Завораживание невесты огнем:

«*Кинчәк кереп килә, айақ астыға қус ташлайлар, атлап кереп китәте тупсатан. Айақ асқа торомбаш салып, аша атлаталар «Йел-қус килмәсен күцеп, пәриләр, ченләр килмәсен*» / Невеста заходит, под ее ноги бросают огонь, она перешагивает. Под ее ноги бросали обгорелое полено, она перешагивала. «Пусть вместе с ней не приходят ветры и огни, разные черти пусть не приходят». «*Киленне ишек төптә йилбәйләр утлы торон беләнме, утлы йапырақ беләнме. Уллы-қыслы кешеләр йелбегән, ырымлап йелбегәннәр. Йәтим-йалғыс кешеләргә йилбитмәгәннәр. «Осон ғомерле пулғалы, пала-пақралар белән йәшәгәле сескә», – тип.* У дверей обмахиват обгорелым поленом или горящим веником. Обмахивали такие люди, которые имели и сына, и дочь. Одиноким и сиротам не разрешали обмахивать невесту. «Чтобы имели много детей, чтобы жили долго и счастливо».

Под ноги невесты кладут подушку или какую-нибудь материю. *Йөгенеч йастығы* / подушка, которую кладут под ноги невесты при входе в дом жениха. Слово *йегену* зафиксировано и в говорах мишарского диалекта. Во время свадьбы молодожены совершали обряд *йегену*, становились перед гостями в полупоклоне [Мухамедова, 1972,

с.171]. Такой же обряд под названием «сакан» бытовал у чувашей. Подобное приседание с почтением отмечают исследователи в свадебных обрядах башкир, удмуртов и других народов Среднего Поволжья и Приуралья. В таком же значении слово *йегенү* встречается в древнетюркских и древнеуйгурских памятниках. Слово *йүгүнү* зафиксировано в трудах В.Радлова [1872, с.198], Д.Г. Тумашевой [1992, с.11, 88]:

«*Киленчәк болып түшкән йурт,*
Йүгүнүп айак алган йурт,
Ийилип салам биргән йурт!

Кейәү йортына күчеп килгәч, киленнең айақ астына йастық салатлар, йөгенеч йастығы тип. Килен өч тапқыр йөгенә йастыққа, баш ора / Когда невеста переезжает в дом жениха, под ее ноги кладут подушку. Невеста три раза кланяется подушке».

Пайанда, тупса йыртқыч / белая материя в виде полоски, которую у порога держали две женщины. Невеста наступила ногами на нее и тряпка должна была порваться. Ср. у астраханских татар *байанды* / белая материя, чаще это белый платок, на которую ставили невесту сразу после входа в дом жениха [Баязитова, 2002, с.52]. Эта материя считалась священной, магической, ее передавали из рук в руки, все участники свадьбы трогали ее руками («чтобы всем нашим детям суждено было увидеть такое счастье»). В других диалектах татарского языка это слово не обнаружено. В трудах этнографов зафиксированы слова: *байник, банник, байанник* ... относящиеся к свадебным обрядам. Относительно слова «*байник*» Т.А. Бернштам [1974, с.187] пишет: «Необычно разнообразные сведения относительно одного из самых интересных элементов свадебного обряда «байника». Дать какое-то одно общее положение байника невозможно, так как даже содержание его в разных местах разное. Проведем наиболее часто встречающиеся: ржаной хлеб, подросток, несущий этот хлеб в церковь, соль, определенный набор посуды для молодых, зашитый или завернутый в материи». В северно-русской свадебной терминологии: *банник* / хлеб, зашитый в белую скатерть вместе с жареной птицей, *баянник* / хлеб, зашитый в белый платок. *Баянник* несет на голове «дружка» жениха впереди свадебной процессии к венчанию. В церковь идут в таком виде: впереди дружки, из которых один (дружка жениха) несет на голове хлеб, зашитый в белый платок. Этот хлеб называется «*баянником*» [Гура, 1971, с.103]. В работе А.Н. Афанасьева, где устанавливается связь языка, фольклора и обычаев, говорится: «русское баять имеет при себе в прочих индоевропейских языках родственные слова с значением света, говорить, мыслить, думать, чародействовать, заклинать, лечить, прогонять нечистую силу, болезней вещим словом и чарами: *бая (и) ть* – говорить, рассказывать, *байка* / сказка, *баюн* (*баюкон*) / говорун, сказочник, *баюкать*, *байкать* / укачивать ребенка под песню, обаять (*обоить, обоивать*) / обольстить, обворожить, обавник (*обаянник*) / чародей, напускатель «обаяния». Этими выражениями объясняется и *боян* «Слово о полку Игореве» – певец, чародей. Таким образом, с понятием слова человеческого нераздельны представления поэзии, песни и музыки, которым древность придавала могучее, чародейное значение» [Афанасьев, 1982, с.304]. «*Пайанданы пастырғалы йөгереп йөритләр*, *ак тawар булаты ул. Ишектән кереп килеп утырганда тоталар ак түберәкне. «Пайандаға уң айағың менән пас», – тип әйтәтләр. Пороңқыларның саңнары инде ул* / Все бегают, готовят белую материю. Когда невеста заходит в дом, ставят эту материю «наступи правой ногой», – говорят. Это такой обычай древних».

Лексика обрядов и обычаев, связанных с рождением ребенка

Лексика обрядов сибирских татар, связанных с рождением ребенка и первыми годами его жизни, включает комплекс действий и предметов санитарно-гигиенического и религиозно-магического характера.

Йәрек / еда, пища, которую особенно хотела женщина в период беременности. «*Балаға узған хатында була йәрек. Минең қарт әнинең йиләк ашыйсы килгән. Ашыйсы*

килгән әйбере йәрек булла / *Йәрек* бывает у беременных женщин. Моя бабушка хотела ягод. Еда, которую очень хочет беременная женщина, называется *йәрек*».

Понятие «родить ребенка» обозначается выражениями *бала асырау*, *күсе йару* (слово *күсе* > в других диалектах, напр. в мишарском *кузы* сохранилась в значении ягненка). «*Бала асыраған қатын қырық көн цыққанцы ашқа қатышмаған, awыр эш эшләмәгән. Мин ун бала асыраған* / Родившая женщина до сорока дней еду не готовила, тяжелую работу не делала. Я родила десять детей». «*Қортқайақлар булған күсе йарғанта. Күсе йарғалы awырсаң, инәлек қортқайақ цақыратылар* / Когда женщина рожала, помогали старушки. Бабку-повитуху позвали, как только начались роды».

В деревнях роды помогала принимать повитуха. Её называли: *инәлек, инәлек әби, инәлек қортқайақ, кентекче, кентекче инә, кендәгән* / *кендегәч, әбилек, кендек әбийе, мамай*. Повитуха оказывала роженице элементарную акушерскую помощь, одновременно сопровождая ее различными заговорами и приемами. Повивальная бабка принимала и мыла новорожденного. Некоторые повитухи занимались и знахарской практикой. Повитуха – это всегда пожилая женщина, сама когда-то рожавшая, имевшая детей, обладающая опытом ухаживания за грудными детьми. Предполагалось, что женщина, помогавшая ребенку родиться, вводящая его в мир людей, ограждающая маленькое беззащитное существо от злых духов, должна быть образцом чистоты, человеком исключительных моральных качеств. Помимо того, повивальная бабка должна выделяться своими личными качествами – добротой, отзывчивостью, трудолюбием, сноровкой, физическим здоровым. Односельчане относились к ней очень тепло и с уважением. Ее профессиональный статус, наряду со знанием родильных обрядов, обычаев, магических действий, требовал элементарного знания гинекологии и владения акушерским опытом, почерпнутым из народной медицины.

Инәлек < *инә* + *-лек* в тоболо-иртышском диалекте. *Инә* – тат. литер. *ана* / мать, мама. Ср. *инә, инәй* в значении мать, мама в мензелинском и приуральском говорах татарского языка. *Инәлек* заходит в дом роженицы, произнося специальные заговорные слова: – *Инәлек ишектән кергәндә итәген йелпеп кергән, песмилла әйтеп.*

«Шайтаннар ийәреп кермәсен,

Йел – күс кермәсен», – тип, писмиллалап керәте. Мин қысымны инәлек белән тапқан. «Шайтан-майтан кермәсен», – тип, сыпырып тораты инәлек. Инәлек булған кеше теләк әйтәте:

Алла тәғалә мидәт биреп,

Петти күсе йарсын,

Үсе дә белми қалсын (Байбы).

В значении бабки-повитухи в тюменском и тобольском говорах употребляется еще слово *мамай*. В таком же значении это слово активно употребляется и в астраханском говоре. Приводим иллюстративный материал из тобольского говора:

– Мин awырый пашлатым. «Мамайға парайынмы?», – ти қартым. «Пар», – тидем. Мамай тораты awылта. Бала асыранып беткәч, мине йуwып салды мамай. Баладан суң (соңғылык) булаты. Малай аны йуwып, таса чеперәккә бөреп (төреп) бирде. «Син аппарып сиратка күмәрсен», – тиде Қәйнә йуқ, қайыныма (қайнатага) әйтәте. Минеңке палтысым (кияүнең сеңлесе) йәш қыс қоймақ пешерте тулы итеп тәлинкәгә. Мамай да, картым да пергә утырып чәйләр эчтек.

– Камилә мамай йөрәте awылта. «Камилә мамай, ничә тустақ чәй эчәсең?» Йәш wақытта уналты, қартайғач сигез, хәзер дүртне генә», – тигән.

Кентекче < *кентек* /пуповина + афф. *-че, инәлекче* < *инә* / мама + афф. *-лек* + *-че*. Так зовут бабку-повитуху в барабинском диалекте. – *Кентекче әбине чақыралар. Awырайақ кеше* (авырлы) *қыйналаты* (азаплана) *тywар wахыт йитсә. Кентекче әби ишекне ачып қычқыраты*:

«*Қысылтым, қысылтым,*

Алла пушат, қысылтым», – тип. Әшкәрә йиңел генә бушанаты awырайақ қатын (Кошкүл) – *Awылда инәлекчеләр, оста әбиләр булған, алар тоwырғаннар баланы*.

Кендегәч <кендек / пуповина + *-әч* – бабка – повитуха в томском диалекте: «*Кендегәчләр йөри тегән без күргәндә. Кендегәчләр кендеген кисәтеләр, урап салайлар баланы»*.

Обряды и магические действия после обрезания пуповины ребенка Повивальная бабка не только принимала роды, но, что особенно важно – выполняла ряд необходимых процедур над ребенком и роженицей, сопровождая их магическими действиями: обрезанием пуповины, захоронение последа, купание ребенка. Участвуя в родах, повитуха перерезали пуповину, а затем перевязывала её льяной или хлопчатобумажной ниткой. Она навещала её ежедневно, помогая ухаживать за ребенком. У сибирских татар имеются следующие магические действия, совершаемые с отпавшей пуповиной. Отпавшую пуповину мыли, сушили и клали в Коран: «*Инәлек кентекләгән. Кентекләгән кентекне йуwып киптергәннәр дә қорәнгә салып куйғаннар»* (тара.). Хранили в сундуке*: «Инәлек кентекне кисәте. Аны қәтерләгән. Төшкән кентекне цеберәккә салып төрәте. Пороңқы кеше кентекне, қарын цацны ташламаған, сантықта пулған аныңқы»* (тюм.). Вешали на колыбель: *«Кентекне ташламайты порон. Бәллуwенә (бишегенә) тегеп, элеп қуйаты. Бала тыныч йоклый. Сәңгелчәккә (бишеккә) элгән баланың төшкән кендеген. Төсәлгән суң төшкән кентекне чүпрәккә бөреп, сәңгелчәккә эләйде»* (бараба). Засовывали в щель матицы, во время весенного сева вместе с зернами закапывали в землю (чтоб урожай был хороший): «*Кентекне арғалыққа қыстырып қуйа торған. Аш цәцкән wақытта талаға цацатылар»* (туб.). Закапывали пуповину в определенное место, которое называется *кендек чыбалы*, где чисто, никто не ходит, чаще всего под дерево. Туда ложили и железные вещи: гвоздь или иглу, чтоб черти, разные нечистые силы обходили стороной: «*Кендекне күмә торған йир булған, ташларға йарамый кендекне. Кендек чыбалы дип анда аппарып күмә тегән, қадақ салып күмеп куйалар, чүпрәк өстенә энә санчып қуйа: «Ийәләнмәсен».* Закапывали, произнося религиозные молитвы: *салаwат, туалык*: *«Кендек чыбалы булған awыл йанында, анда күмгәннәр туалығын әйтеп, салаwат әйтеп. Әле дә бар кендек чыбалы»* (бараба). Закапывали в доме под нары: *«Әwәл монта Мәрчән пашлық булған. Кентекне ақ чүпрәккә бөреп, урдық (сәке) асқа күмә тегән»* (бараба).

Роженица всю свою жизнь оказывала знаки внимания и уважения бабке-повитухе. Говорили, что её надо величать как свою мать. Сразу после родов она одаривала повитуху отрезом на платье, платком или шалью.

В настоящее время из-за социально-экономических изменений в деревне повивальная бабка вытеснилась из жизни татарской семьи. Вместе с ней из народной памяти исчезают воспоминания, магические действия и богатая, интересная лексика, относящаяся к ней.

Лексика похоронно-поминальных обрядов

У сибирских татар в похоронно-поминальных обрядах сохранились необычайно древние элементы и соответствующая им своеобразная терминология. В похоронно-поминальных обрядах шире, чем в родильных и свадебных, представлена исламская обрядность и атрибуты погребального ритуала. Структурно обряд состоит из нескольких циклов: 1) действия, связанные с моментом смерти и обряжания покойника; 2) проводы умершего и его погребение; 3) поминальные обряды. В основе похоронно-поминальных обрядов и обычаев сибирских татар лежит особое почитание умерших и предков. «Культ предков – это поклонение умершим прародителям и сородичам, вера в то, что умершие предки покровительствуют живым сородичам, потомкам, и умилостивительные обряды, устраиваемые в честь их членами рода или семьи» [Токарев, 1990, с.266].

Составной частью похоронных обычаев и обрядов являются так называемые поминальные обеды. Особенно интересным и своеобразным является поминальная обрядовая пища и их терминология. Готовить пищу в доме покойника в первое время у многих групп татарского народа не полагалась. Однако у сибирских татар поминки проводились по-разному. Например, нами зафиксированы множество примеров, что в отдельных деревнях тобольских и тюменских татар поминальные угощения делали и в день похорон.

Гүр қорманнығы / жертвоприношение в день похорон. Слово гүр < перс. могила, *қорман* <араб. жертва, жертвоприношение, т.е. жертвоприношение для могилы. «*Гүр қорманнығы тиделәр үлгән көнне. Суйатлар қуй, қан цығаратлар. Қартлар ғына керәте ашағалы. Сиратқа алып цығып киткәнтә қасанға салып йийатылар пешергәле. Сыуға қойоп йибәрәтләр сөйәкләрен, йә күмәтләр йиргә. Қартлар қырбаштан (сираттан) килеп қатым уғып алғацын, аш тараталар аларға. Қартлар tywa қылып торөп китәләр, қортқайақлар утыратлар* / В день смерти готовили жертвоприношение для могилы. Режут овцу, выпускают кровь. Только старики заходят кушать. В тот момент, когда выносят тело покойника из дома, мясо кладут в котел и начинают варить. Кости бросают в воду или закапывают в землю. После того, как старики возвращаются с кладбища и читают молитвы, им раздают еду. Помолившись, они уходят, садятся старушки». *Қан цығару* / ритуальные жертвоприношение, досл., / выпускать кровь. «*Кеше үлгән көнне қан цығаратлар. Қуйны суйатлар, пашын, сыйрағын, тиресен муллаға пирәтләр, қалғанын ибенә пешерәтләр* / В день смерти выпускают кровь. Режут овцу, голову, ножки, шкуру дают мулле, остальное целиком варят».

Қабер қасып килүцеләргә аш / еда, угощение для копавших могилу. «*Өстәлгә ашлар утыстып қуйапыс қабер қасып килүцеләргә. Ибенә ақца өләшеп цығапыс, йомошақ наннар салапыс, пawырсақ пешергәле* / Когда возвращаются копавшие могилу, для них готовим стол с едой. Всем им раздаем деньги, печем для них мягкие хлебцы, баурсаки». Еда должна быть в нечетном числе: «*Өц төрле әйбер. Тақ кирәк: аш, кәлбә, икмәк. Цай булмағаи. «Йеп булмасын», – тип* / Три вида еды. Еда нужна в нечетном числе: суп, халва, хлеб. Чай не ставили. Чтоб четное не было».

Традиция проведения посмертных поминок в 3, 7 и 40 дней, а также в годовщину смерти в течение трех-пяти лет бытует во всех татарских деревнях. Такая практика соответствует мусульманской и поэтому типична для всех народов, исповедующих ислам. В деревнях существует правило в течение первого года после смерти проводить поминки в строго назначенные традицией дни. Исключение составляют лишь годины, которые по различным причинам можно переносить вперед на несколько дней. Категорически запрещается откладывать поминки на поздний срок, поскольку это считается проявлением неуважения к умершему, его забвению.

Ритуалом поминок руководит священнослужитель (*мулла, мулла қортқайақ*) или лицо, его заменяющее. После приглашения почтить умершего, пришедшие садятся за стол. Стол бывает накрыт, однако перед приходом гостей хозяева закрывают пищу и посуду длинными салфетками или полотенцами. *Мулла* или *мулла қортқайақ* читают молитву. В конце молитвы все произносят славословие Аллаху и проводят ладонями по лицу. Родственники умершего раздают садака. Слово *садака* <араб. подаяние. Раздача подаяния называется еще *хәйер өләү*. *Хәйер* < араб. / милостыня, подаяние. – *Бөтен балалары хәйер өли. «Бездән өмет иткән әрwахларға», – дип* / Все дети раздают подаяние. «Для всех душ умерших, которые ждут от нас». *Катым аш* / поминальное угощение. Слово *қатым* < араб. хатим / прочитывающий весь Коран. Ср. в мишарском диалекте *хатем, хатем аш* / религиозное угощение. «*Үлекне искә алып өценә бер аш, йетесенә бер аш, қырығына, йылына аш үткәрәсе. Қатым ашқа қысқа онаш кискәннәр. Қатым ашын өстәп салу йарамайты* / Поминая умершего в третий, седьмой, сороковой день и годов-

щину проводят поминальное угощение. Для поминок домашнюю лапшу коротко резали. Поминальную еду нельзя добавлять». В контексте диалектных текстов со словом *қатым* зафиксированы еще следующие словосочетания, названия поминальных угощений. *Астана қатым* / религиозное угощение с жертвоприношением, званый обед со чтением Корана; проводится в деревнях, где имеется Астана [<перс.] – мавзолеи святых. «*Астана қатым үткәреп торатылар. Кем тавық, кем құй, кем қас апкерәте астанаға. Аны суйып, қатым угытып торатылар. Астаналы авылта йәшәгән мин.* / Часто проводили астана қатым. Кто-то несет курицу, кто-то овцу, кто-то гуся. Резали и проводили поминальное угощение. Я жила в деревне, где была астана». *Йақшылар қатымы* / религиозное угощение, посвященное духам святых. *Йақшылар туб., тюм*. изгеләр / святые. Ср. в говорах крещеных татар *җақшылар* – в том же значении. «*Оллы астана пестә. Анта йақшылар йата. Йақшылар қатымына атарлап бер қурац, қуцқар суйдым. Сөйәкләрен таса йиргә күмгәле. Ике рәқәгәт намас уқып алабыс, теләк телибес*:

«Илебесгә – йортыбысға,
Күрше – қунағыбысға,
Тыныцлықлар булсын», – дип

/ У нас большая Астана. Там лежат святые. Посвящая святым, резали петуха, овцу. Кости нужно закапывать в чистое место. Два раза читаем намаз, молимся. Чтобы была спокойная жизнь в стране и в доме, у всех соседей».

Поминальная трапеза сохраняет традиционный застольный этикет и блюда. Имеются специальные требования и запреты при проведении поминальных угощений. *Ашйыс, май-йыс чығару* – досл. выпускать запах еды, выпускать запах масла, в других татарских говорах: *аш исе чығару, таба исе чығару*. Предполагалось, что запах кипящего масла послужит угощением для умерших. По четвергам также пекли блины или баурсаки, чтобы непременно шел запах кипящего масла. Считали, что в этот день души умерших возвращаются в дом, что они нуждаются в попечении и заботе со стороны живых – родных и близких. Понятие о душе умершего передается сибирскими татарами арабским термином *әрwах* (рух / душа, мн.ч. *әрwахлар*). *Қоймақ қойу* / печь блины. *Бавырсақ пешерү* / печь баурсаки.

«Қоймақ та қойолаты. «Йыс чықсын», – дигән сүз булаты. Өстәлгә утысатылар. «Әрwахлар, рухлар иснәгәле тейеш», – диләр / Пекли блины. Это значит, чтоб запах вышел. Ставили на стол. Говорили, что души умерших должны их понюхать». «*Мәйетне күмеп, қырбаштан қайтып киләләр. Икеме – өчме таба қоймақ қойоп йес чығарып қуйатлар. «Май-йес чықсын». Павырсақны қоймақ өстенә таратып цығабыс анны* / С кладбища возвращаются, похоронив покойника. Дома пекут две-три сковородки оладьев: «Чтоб вышел запах масла». На оладьи разложим баурсаки».

Выпечка, приготовленная для поминальных обрядов, называется *ус ашы* / своя еда, или *уле ашы* (т.е. еда, предназначенная для покойника). К таким, например, относятся *кәпкер* и *цәлбәк*. *Кәпкер* / тонкие лепешки, жаренные в масле. Их пекут в нечетном числе: *қырық бер күс* / сорок один кружок, *утыс бер күс* / тридцать один кружок. А так же: *унтуғыс тақ, биш тақ, өч тақ*. На лепешках *кәпкер* делали дырочки (чтоб через них шел покойнику свет). Ср. в астраханском говоре *кәпкер* / шумовка. «*Йомыртқаға он белән басабыс. Улекнең ашы пулаты ул кәпкер. Қырбаштан килгән кешеләргә пешерәтләр. Үлгән көнне қырық бер күс кәпкер пешерәте. Йылына та пешерәтләр кәпкер. Йәш кешегә пешермиләр, оллыларға пешерәтләр кәпкер /* С яйцами месим тесто. *Кәпкер* – это еда покойника. Печем для тех, кто возвращается с кладбища. В день смерти печем сорок один штук *кәпкер*, и на годовщину печем. Для молодых не пекут, *кәпкер* пекут для стариков». *Цәлбәк, цәлбәк аш* / поминальная обрядовая еда – куски тонкого теста в треугольной форме, жаренные в масле (тат. литер. *кош теле* / хворост). *Чәлпәк* <перс.> – имеется и в других тюркских языках: башк. *сәлпәк*, к.-калп. *шелпек*, кум. *чапелек*, узб. *чалпак*, туркм.

челпек, кирг. *челпек*, уйг. *чәлпәк*, монг. *ielbend*. «*Цәлбәк аш*: *йете күс, туғыс күс цәлбәк, йепсес пешергәле кәрәк* / Семь штук, девять штук цәлбәк, нужно печь в нечетном числе». «*Қарт қортқайақлар үлсә, цәлбәк пешергәле. Йәшләргә пешермәйтеләр. Цәлбәк мәйетнең үс ашы пулаты, аны мәйет ашына ғына пешерәләр. Кем пешерәте, шул башлайты ашағалы* / Цәлбәк пекут, если умирают пожилые люди, для молодых не пекут. Цәлбәк – это еда для покойников, его пекут только для поминок. Кто печет, тот начинает кушать». *Сөртмәч* < *сөртмә аш* / тонкие лепешки, прожаренные в масле. Их жарили в котле. Обязательным условием было ставить их на девяти местах по девять штук. Это слово и обрядовая еда зафиксированы нами в томском диалекте (Кемеровск. обл., с.Кышлау / Зимник). «*Сөртмәчне зур қазаннарда берәрне генә салып пешергән, туғыз йиргә туғызарны тастарханға матурлап қуйа. Сөртмәч өстенә бавырсақлар чәчә* / Сөртмәч по одному пекли в больших котлах, по девять штук ставили на девяти местах. Сверху сөртмәч ставили баурсаки». *Баурсаки* для поминок пекли из теста, замешанного с яицами нечетного числа: девять, одиннадцать… «*Туғыс йомортқаданмы, умбер, унөц йомортқаданмы пawырсақ пешерәтләр қатым ашқа. Тақ кирәк*».

У сибирских татар среди поминальных блюд особое место занимают *әлбә* и сладкий напиток *шәрбәт су. Әлбә* [араб.] – сладкая мучная каша, является обязательным при поминках, ее ставят на середину стола и все должны попробовать. Ср. также у астраханских татар: *алба*, *халба* – обязательная ритуальная пища при поминках. У крещеных татар *әлбә, кәлбә* пекли в день похорон и положили ее в гроб покойника, чтоб «он на том свете угощал покойников». *Әлбә* на поминках у сибирских татар называется «*пороңқыдан қалған соң* – обычай, оставшийся из древних времен. «*Қатым ашқа пирбуй әлбә пешерәтләр, өче қатымына, йетесенә, қырығына*. *Ашының уртасына утырталар әлбә. Пирбуй писмилланы әйтеп, әлбә қабасың. Өй хуҗасы тайарлый. Барысы да тәм итә әлбәне* / Для поминок в первую очередь пекут әлбә, для третьего, для седьмого, для сорокового дней. На середину застолья ставят әлбә. Говорят песмелла и все пробуют әлбә. Хозяйка дома готовит». *Шәрбәт* [араб.] – тат. литер. ширбәт / сладкая вода. *Шәрбәт су* / сладкий напиток. Его на поминальный стол ставили с пожеланиями, чтоб покойнику суждено было пить такую же воду на том свете: «*Қатымға шәрбәт су қуйалар, шуны awыс итәләр. «Улеккә шунтай су насыйп итсен», – тип эцертәләр*. Употребление сладостей в качестве ритуальной еды наблюдается и у астраханских, крещеных татар, у мордвы-каратаев. Анализ материалов похоронно-поминальной обрядности сибирских татар свидетельствует о ее преимущественно исламском характере и своеобразном сочетании исламского и языческого мировоззрений. Особые интересные параллели в употреблении поминальной обрядовой пищи и в их названиях, наблюдаются с говорами мишарского диалекта, с говорами астраханских и крещеных татар.

Лексика календарных обычаев и обрядов, религиозно-мифологических представлений

Календарные обычаи и обряды, праздники составляют весомую часть культурного наследия сибирских татар. Однако они во многом уже утрачены или находятся на грани исчезновения. Мы в своих исследованиях опираемся на народную память, на материалы собранные во время диалектологических, фольклорно-этнографических экспедиций.

Праздник *әмәл* празднуется 22–23 марта как начало нового года и соответствует празднику *науруз*. *Әмәл* <персидское слово *хәмәл*> – месяц март. Ср. в говоре астраханских татар *әмил* в том же значении. *Әмәл* связан с весенним временем, с идеей возрождения природы. В этот день происходило тесное общение детей и взрослых, проводились конные скачки. К этому дню готовили специальные кулинарные блюда, в основном различные хлебцы и сладости. В этот праздничный день дети и взрослые, собравшись вместе, ходили по всей деревне, заходили в каждый дом, произносили рифмованные стишки. А хозяйки домов рассыпали над их головами заранее приготовленные ку-

шанья. Эти хлебцы и сладости обязательно должны были лежать на земле. Совершенно очевидно, что все это имеет отношение к культу плодородия, аграрной магии. *Әмәл цацу* / рассыпать на землю хлебцы, приготовленные для праздника әмәл: «*Йиргә цацатылар. Игеннекләр пулсын, туқлық пулсын»* (Бәек). *Әмәл цайы (туб*.) / праздничное чаепитие в день әмәл: «*Әмәл цайы эцәбес тип күрешеләр ийылып утыратоған итек, байрам булаты. Әмәл ашлары»* / пища, приготовленная в день *әмәл*. *Әмәл гөлцә, әмәл көлцән* / хлебцы, приготовленные для праздника: «*Пала-пақраларға көлцәннәр цацатылар йиргә. Аран түбәгә цығып көлцәннәрне цацып йибәрәтеләр. Көлцәннәр суға да төшәте. Оллы қалталарға тултырып қайтатылар палалар». Әмәл туқац* / мелкие хлебцы, приготовленные для праздника әмәл: «*Бер табақ, ике табақ туқац қылабыс. Wақ балалар йийа йөри». Бал икмәк* / домашние пряники. «*Әмәлдә балаларға баликмәк цәцәтеләр. Усләре пешергән баликмәк пулаты. Қәсер инте торатан апкиләләр баликмәк». Қасан икмәк* / тонкие хлебцы, испеченные в котле: «*Әмәл йетсә, әнийем қасан икмәкләр бешерә иде оло қасанға йоқа ғына итеп салып». Қапшырма* / домашние пирожки: *«Қасан икмәкләр, қапшырмалар пешкән сун: «Әйтәң, кецегәцләрем, керең, менә цай эцеп алың йомшақ қасан икмәкләр, қапшырмалар белән», – тип, әтийем цакыра ите балаларны. Айақлы өстәл булған алаша ғына, балаларны тесеп утыртқан». Шәкәр-чүрәк* / пряники: «*Әмәлгә шәкәр-чүрәкләр алтық балаларға әмәл цацқалы. Әмәл қылу гәрәк». Әмәл сатака* / сладости и хлебцы, раздаваемые в праздничный день детям: «*Әмәл сатақа итеп нараситаларға йемеш, пичинчә, туқацлар, кәнфитләр цацатылар. Әрбер өйгә туқтайтылар, йиргә цацатылар»*. *Әмәлдә атлар чаптыру* / конные скачки в день праздника «әмәл»: «*Әмәл көнне ат чабалар йәшләр, ат өйрәтәләр. Ат йуwыртышқалы awылға сыймаған атлар. Икешәр-өчәр йылғы була кайсы кешедә. Кайсы йылғы алдан килә, чапан йабалар».*

Как известно, традиции и обычаи являются одним из существеных этнических признаков, определяющих национальный колорит. В то же время они выступают в качестве действенного средства воспитания подрастающего поколения. На протяжении веков народ рассматривал как незыблемый закон своей жизни верность детей обычаям и традициям прадедов.

Первые дни весны, как начало нового хозяйственного и календарного года, были заполнены разными магическими действиями.

Суға туй / торжества в честь выхода на пашню для проведения первой борозды; досл. *суға* / соха, плуг, *туй* / свадьба. Суға < рус. соха, тат. литер. суқа>. Различные значения этого слова объединяются общим: «кол, дерево с развилкой». Следует говорить о родстве с лит. *šakă* / ветвь, сук, развилина, др.-инд. *çakhä* / ветвь, сук, нов. перс. *šax* / ветвь, сук, рог, арм. *сах* / ветвь [Фасмер, 1986, с.729]. *Суға туй қатым* / религиозное застолье, угощение в честь весеннего сева. По сообщениям информаторов Тюменского района *суға туй қатым* раньше проводили до весеннего сева, а после завершения весенних работ проводился *сабан туй: «Аш цацмастан алта суға туй пулаты. Аш цацып бетсә, сабан туйы пулаты. Суға туй катым тип мал суйаты, қатым уқытаты, теләк теләйте». Суға сөрү* / выход на пашню, начинать пахать. Выход на пашню сопровождался следующими магическими действиями: «*Суға белән сөргәннәр. Суғаға май йағып цығатлар икән. «Ашымның уңышын бир», – тип*. Сәдәқә пиреп қалатлар / Пахали сохой. Соху мазали маслом. «Пусть будет богатый урожай». Раздавали подаяния: «*Суғаны майлайтылар. Атның маңғайына май йағатылар. Пашлап суға сөргәле цыққанта алай қыланатлар* / Соху мазали маслом. Лоб коня мазали маслом. Так делали в первый день выхода на пашню».

Аш цәцү – иген чәчү / сеять зерно. В первый день начала сева вместе с зерном бросали на землю и вареные яйца. Такой обычай соблюдался раньше во всех группах татарского народа. У сибирских татар сохранилась и вербальная часть обряда, т.е. слова:

«*Монтай тубал пулаты. Тубалны муйынға бәйләп, қул белән цацканнар. Ашны цацканта йомортқаны пыйасның қабығына буйағаннар. Йомортқаны тубалға салып цацып йөргәннәр пес пелертә. Ашны пергә ошлап цацаты. «Йомортқа сынлы тумарланып уңсын ашларыбыс, аш уңсын». Пес йомыртқа йиғалы пара тоған ыйық* / Вот такое лукошко было. Из лукошка сеяли руками, повесив его на шею. Яйца красили в отваре луковой чешуи. Клали яйца в лукошко и сеяли вместе с зерном. «Пусть наши хлеба будут крупными как яйца». Мы, дети, ходили на поле собирать яйца. «*Аш цәцкәле цыққанта парасаға йомортқа йомарлантырғаннар. Берме-икеме йомортқаны йомарлантыраты: «Питай аш уңсын, арыш аш уңсын», – тип. Йомыртқаны палацықларға ашатқан: «Алламның ырисалығына», – тип. Әwәлгеләр йомортқа цацканнар, сес тә йомортқа цацың, подайларығыс йомортқа сынлы пулыр», – ти* / Когда сеяли зерно, на борозду бросали и яйца. Одно или два яйца бросали; пусть пшеница будет урожайной. Яйцо раздавали детям. Раньше люди бросали яйца, вы тоже делайте так, ваша пшеница будет крупной как яйца». *Йомортқа тәгәрәтеп уйнау* – весенняя игра – катание яичек. *«Бер йомата аш цәцеп беткәц, йомортқа тәгәрәтәте. Йомортқаны суғыштырып отоп ала торған. Йомортқасы нық булсын тип, шешә wақлап ашатабыс тawықларға* / После окончания сева проводили катание яичек. Яйца катали друг против друга. Чтоб яйца были крепкими, курам давали битое стекло». *Кентек күмү* / обычай закапывания детской пуповины во время сева: «*Аш цәцкәнтә кентекне пергә цәцә тегән ийе. Бәхетен сынап, аш белән бергән цацтырғаннар қороп төшкән кентекне. Шул нараситаның бәхетен сынап. Моноң кентеге төшкән аш уңармы. Пу бала бәхетле булса, гумере осон булса, аш уңаты* / Когда сеяли зерно, бросали на землю опавшую детскую пуповину вместе с зерном. Гадали о счастье маленького ребенка. Будет ли на месте, где закопали пуповину ребенка, хороший урожай. Если ребенок счастливый и будет жить долго, то урожай был отменный». *«У, палабыс бәхетле булыр, ницек аш уңты», – тип. Сынар өцен цәцәләр ийе кентекне аш белән. Гумере қысқа баланың ашы цықмай қалаты* / О, наш ребенок будет счастливым, какой хороший урожай был. Если у ребенка будет короткая жизнь, то зерна вообще не всходили».

Когда год был сухим, и давно не было дождей, проводились обряды вызывания дождя. Они проводились на «святых» местах, например, во дворе мечети (*мәцет қурата*). Или у почитаемых могил (астана). *Суға ботқа, суға потқа* / обряд моления дождя; досл. *суға* / соха, *потқа* / каша. – *Қорғақ булып китте, мулла цықты, әйтте: «Суға потца қылың»* / Началась засуха. Мулла вышел и говорил: «Давайте проведем моление дождя». – *Мәцет қурата қылатылар. Ботқа пешереп аппарасың. Қуй суйалар, тана суйалар. Қоймақ қойоп апцыға қайсы кеше. Муллалар утырып қатым уқыйтылар. Сыу цацышатлар пер-перен сыулап, йаңғырта сыуланған шикелле* / Моление проводили во дворе мечети. Несли туда кашу, резали овца, телку. Некоторые люди приносили блины. Муллы сидели и читали молитву *катым*. Потом обливали друг друга водой, как будто шел дождик».

У сибирских татар сохранились также пережитки древнего обычая принесения жертвы Небу, которые называются: *күк теләү, күк теләге: күк-небо, теләк, теләү* / моление, *күк қорманнық: күк* / небо, *қорманнық* / жертвоприношение. *Қорман* [араб.] – в татарском литературном языке *корбан*. *Қорбан чалу* / резать жертвенное животное. Во время полевых молений и мусульманского религиозного праздника *қорбан бәйрәме* совершается обряд жертвоприношения Богу. Режут какое-либо животное (обычно овцу) в этом случае говорят *корбан чалу*. В остальных случаях, когда режут скот вообще, употребляют глагол *суйу* (графич. сую) / резать, зарезать. Слово *корбан* в татарских диалектах зафиксирован в следующих фонетических вариантах: *қорман* – в диалектах сибирских татар, в говорах крещено-татарских и астраханских, *кырбан* – в мишарском диалекте, *қырбән, қырбәннек* – в говоре пермских татар.

«Күккә инә ул қорман. Сират итәктә генә қорман цала торған йир. Шал сират йанынта ғына намас уқыйбыс. Күк қорманнықны чәчү петсә, йаңғыр пулмаса йасыйлар. Күк қорманнықның сөйәкләрен сыуға ташлағаннар / Жертвоприношение оно поднимается в небо. У нас вот около кладбища место жертвоприношения, там мы читаем намаз. Жертвоприношение небу делают, когда нет дождей. Жертвенные кости бросаем в воду (в речку)». Хотя вышеописанные обряды осуществлялись под руководством мусульманского духовенства, они стадиально древнее ислама и принадлежат к самым ранним верованиям и идеологическим представлениям человечества.

В генетическом плане лексика диалектов сибирских татар состоит из двух пластов: тюркского и заимственного. Тюркский пласт включает в себя лексику, которая сохранилась в среднем и западным диалектах татарского языка, а так же во всех или в большинстве современных тюркских языков.

Этнолингвистический подход к изучению духовной культуры на фоне диалектного языка сибирских татар значительно расширяет возможности реконструкции архаических корней и интерпретации накопленных материалов. Семейные обряды: свадебные, родильные, похоронно поминальные, а также календарные обряды тесно переплетаются с религиозными, мифологическими представлениями и все это находит отражение в языке.

Записи и наблюдения последних лет важны для выяснения состояния и процессов традиционный обрядности, что в каком виде и при каких обстоятельствах из нее сохраняется, является ли она элементом современной культуры или только культурным и духовным наследием, помогают раскрыть некоторые вопросы исторической лексикологии, этнографии как татарского, так и других тюркских языков.

§ 2. Годовой цикл традиционных обрядов и праздников

Рауфа Уразманова

Праздники и обряды являются одним из ярких признаков этнической идентификации народа. К сожалению, в имеющейся этнографической литературе содержатся лишь отрывочные сведения об отдельных обрядах и праздниках, по которым невозможно представить традиционную праздничную культуру сибирских татар [Юшков, 1861, с.38–45; Валеев, 1980, с.187; Валеев, 1993, с.160, 191 и др.].

Материалом для написания статьи послужили данные, собранные во время экспедиционных выездов 1990, 1992, 1994 гг. Обследованием были охвачены следующие населенные пункты: Ембаево (*Ямбай*), Тураево, Янтыково (*Талымган*) Тюменского, Епанчино (*Хуҗайлан*), Иртышакские, Юрты Медянские, Лайтамак Тобольского, Кубяково (*Кубәк*), Кулларово (*Коллар*), Митькино (*Мәткә*) Вагайского и Юрт Иска Нижне-Тавдинского районов Тюменской области. В Омской области – д.Большие Туралы (*Олы Уыш*) Тарского, Байбы (*Ихъер, Байбахты*) Тевризского, Летнее (*Яйләү*), Кайнавыл, Большая Тибендя (*Тибенде*) Усть-Ишимского, Уленкуль Большеречинского районов[1]. Следует отметить, что сбор материала по традиционной обрядности, особенно по годовому циклу был затруднен, ибо даже самые пожилые информаторы родились в XX столетии. Традиционная обрядность в советское время была практически разрушена. Тем не менее, собранные материалы позволили представить комплекс традиционных праздников, выявить региональные различия.

[1] Экспедиционные материалы хранятся в научном архиве отдела этнологических исследований Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. – АОЭ, 1990 тетр. №33,34; 1992, тетр. №35; 1994, тетр. №36.

Таблица 1

№ №	Деревни, где получена информация	Современное административное деление		Административное деление конца XIX в.		Әмәл (сатака)	Боз (моз) китү	Карга (пакчар) ботка-сы (туе) Цым	Цым	Йомырка бәйрәме (май) бәйрәме	Обряды первого дня сева	Обряды по завершению сева	Теләү, теләк (күк корман) шөкрана	Суга ботка яңгыр теләге	Сабан туй	Сәелгә чыгу (аш кушу)
		область	район	губерн.	уезд											
1.	Елебаево	Тюмен-ская	Тюмен-ский	Тоболь-ская	Тюмен-ский		+	+		+			+	+	+	+
2.	Тураево	-"-	-"-	-"-	-"-		+	+		+			+	+		+
3.	Янтыково	-"-	-"-	-"-	-"-			+		+			+			
4.	Епанчино	-"-	Тоболь-ский	-"-	Тоболь-ский	+	+		+					+		
5.	Иртышак-ские	-"-	-"-	-"-	-"-	+	+		+				+			
6.	Юрты Ме-дянские	-"-	-"-	-"-	-"-	+	+		+				+	+		
7.	Лайтамак	-"-	-"-	-"-	-"-	+	+						+	+		
8.	Кубяково	-"-	Вагай-ский	-"-	-"-	+	+		+				+	+		
9.	Кулларово	-"-	-"-	-"-	-"-	+	+		+				+	+		
10.	Митькино	-"-	-"-	-"-	-"-				+				+			
11.	Юрт Иска	-"-	Нижне-Тавдин-ский	-"-	-"-		+						+			
12.	Б.Туралы	Омская	Тарский	-"-	Тарский	+	+	+			+	+	+			+
13.	Байбы	-"-	Тевриз-ский	-"-	-"-		+	+					+			
14.	Летнее	-"-	Усть-Ишим-ский	-"-	-"-		+						+			
15.	Кайнавыл	-"-	-"-	-"-	Тоболь-ский	+	+		+		+		+			
16.	Б.Тебендя	-"-	-"-	-"-	-"-		+				+		+			
17.	Уленкуль	-"-	Больше-реченский	-"-	Тарский		+						+			

Исследователь середины XIX в. И.Юшков, упоминает лишь главные мусульманские праздники, называя их *байрам* – праздник по поводу завершения поста *рамазан*, и *курбан* – «жертва» [Юшков, 1861, с.38]. «В первый день татары, одевшись в лучшие одежды свои, спешат для намаза в иллюминированные по этому случаю мечети, куда призывает их звучный голос муэдзина. ... Богатые щедро наделяют бедных, которые также делятся между собой... В праздник байрам татары взаимно угощают друг друга всеми лакомыми своими кушаньями...» [Юшков, 1861, с.44–45]. Действительно, эти праздники широко отмечались, были заметным, ожидаемым явлением сельской жизни.

Однако, помимо общемусульманских праздников, проводимых по скользящему лунному календарю, у сибирских татар имелись и свои местные, приуроченные к определенному астрономическому времени года. Причем их годовой цикл имел заметные территориальные особенности.

Праздником *Әмәл* отмечалось наступление весеннего равноденствия – 22 марта (10 марта по ст.ст.). Название связано с иранским *хәмәл*, обозначающим месяц март. Интересно отметить, что подобное название того же праздника бытовало у астраханских татар *амиль* [Уразманова, 1992, с.90–92], туркмен – *хамил* [Джикиев, 1983, с.11], однако форма его проведения имела свои особенности.

Наши материалы свидетельствуют о том, что у сибирских татар *әмәл* – это не столько праздник встречи весны (в марте в Тобольском Прииртышье, как правило, еще глубокие снега), а главным образом – начало Нового года. Об этом свидетельствуют и проводимые в этот день обряды.

Готовились к празднику в каждом доме: накануне хозяйки стряпали. В большом количестве готовились различные печеные изделия. Среди них обязательными были *тукаҗ* – мелкие крендели из пресного теста, выпекаемые в печи на противнях; булочки из кислого сдобного теста – *пәтер, көлчә* и т.д.

«Әмәлдә озын келәм җәйдем, шәкәркураз әзерләдем, әмәлкөлчә алдан ук әзерләдем, дүрт бидрә, балалар талашатылар» – говорили информаторы / «Во время *әмәл* расстелила длинный ковер, приготовила *шэкэркураз*, *көлчэ* заранее приготовила; четыре ведра, дети собирают» (д.Кулларово). Кроме того, покупали конфеты, готовили мелкие монеты.

С вечера расчищали площадку возле крыльца, утрамбовывали снег, иногда ее застилали чем-нибудь. А рано утром – *карын карангытан, иртә таңнан,* деревенские ребятишки, человек 20–30, а то и больше, с криком «Сатака! Сатака!» начинали подворный обход. Иногда скандировали: *«Сатага-га-га, сатаганы сатып ал, көчен етсә, тартып ал...* / Сатага, сатага купи, а если хватит силы – отними» (д.Исенево (Пэргэр авылы) Тобольского района. Или: *«әйнәм-әйнәм, мәчи-мәкә сатака!»* / смысл непонятен и самим информаторам (д.Туралы).

Хозяйка с крыльца разбрасывала заранее приготовленные угощения; участники обхода с криком, смехом начинали собирать – кому, что и сколько достанется – *талашатылар.* Каждый складывал собранное в свой специально для этого сшитый мешочек. Затем, поблагодарив хозяев, пожелав им благополучия, отправлялись в следующий двор, пока не обойдут всю деревню. Собранным лакомились сами, угощали друг друга, родных, давали лошадям.

В некоторых аулах вместе с детьми в обходе принимали участие и деревенские парни (д.Иртышакские), вслед за детьми с благопожеланиями в Новом году – «Яңа еллар котлы булсын дип», отправлялись мужчины, женщины, старушки – *укый торган карчыклар да* – д.Кулларово, Юрты Медянские. У заболотных татар (д.Лайтамак) поздравлять с праздником и собирать угощение ходили все жители деревни, так как деревня была небольшой. Завершив обход в своей деревне отправлялись в соседние – Вархамле, Янготум, Тэпкен, Тэпкенбаш. Обычно желали благополучия, мира, здоровья, хороших детей – *«Яңа елыгыз котлы булсын, семьягызга тынычлык бирсен, балаларыгыз зур булсын,*

акыллы булсын!». Интересно отметить, что в д.Лайтамак слово әмәл имело и другое значение – «сила», от гамәл – дело, занятие (литературное). *Әмәлем бетте* – изнемогла, обессилела. Разбрасывая угощение, монеты, как правило, серебро – *көмеш чөябез*, хозяйка приговаривала: «*Икенче елга чәре (или: исәнтә) әмәлем бетмәсен!* / Пусть не покинут силы до следующего года!»

В целом Сатака[1] являлось главным действом этого праздника. В некоторых аулах, например, Юрты Медянские, Иртышакские, Большие Туралы даже сам праздник назывался Сатака. По крайней мере, информаторы не знали (не помнили?) названия *әмәл*.

Во многих деревнях после Сатака устраивались скачки, катания на подводах. Кататься выезжали семьями. Лошадей, подводы украшали, каждый стремился показать красоту своей лошади, упряжи, продемонстрировать достаток – *«Атларны яратып куятылар, ленталар бәйләп».*

В деревнях Юрты Медянские, Иртышакские отмечали, что в день Сатака, в каждом доме обязательно готовили кашу из пшеничной крупы – *питайтан тартып,* реже – рисовую. В д.Кайнавыл в этот день приглашали в гости родственников – *кунаклашканнар.*

Ф.Т. Валеев пишет, что у тарских татар, кроме «обряда хождения детей и подростков по домам своих односельчан за получением праздничных подарков, в день *әмәл* проводили обряд «приучения стригунов к верховой езде» [Валеев, 1993, с.160]. Судя по сведениям информаторов, *эмэл (сатака)* бытовал во всех деревнях современного Тобольского, Вагайского районов Тюменской, отдельных деревнях Усть-Ишимского, Тарского районов Омской областей (табл. 1).

В ряде деревень исследуемого региона особо отмечали прилет грачей – *карга туй* (д.Б.Туралы), *карга боткасы* – д.Ембаево, Тураево, или прилет скворцов – *пакчар боткасы* (д.Янтык), *кара пачкар туе* (д.Байбы). В этот день старушки готовили и угощали соседских детей кашей, приготовленной из принесенных ими круп. Кашу раскладывали на столбы ворот, заборов, приговаривая: «*Кара каргага аш булсын, ала каргага таш булсын* / Пусть грачу будет пищей, а вороне – камнем» (д.Ембаево). В д.Байбы дети ели кашу, поднявшись на крышу сарая – *түбәлек башына*. По этому поводу для детей красили яйца. Подворный сбор крашеных яиц бытовал и в д.Б.Тебендя. Инфоматоры отмечали, что этот праздник бытовал еще в 50-е годы XX в. В д.Байбы прилет скворцов отмечали и в годы обследования.

Общим для всех сибирских татар, как и татар поволжских, было превращение дня ледохода в своеобразный деревенский праздник. В этот день все жители деревни выходили на берег реки полюбоваться этим явлением. С пожеланием здоровья, чтобы все хвори уплыли вместе со льдом, девочки бросали в реку самодельные куклы, изготовленные из тряпок или бумаги. «*Аны борып-борып баш очыннан суга ташлаганнар* / Их через голову выбрасывали в реку» (д.Кубяково). Мальчики же и взрослые селяне с этой целью бросали в воду серебрянные монеты, а в дд.Байбы, Летнее, Кубяково – что нибудь из старой одежды. В д.Юрт Иска Нижнетавдинского района женщины, в том числе пожилые, окунались в реку. Люди, страдающие малярией *бизгәк тотса*, бросали в воду самодельные куклы.

В одну из пятниц перед севом яровых (конкретный день устанавливали на совете старейшин) проводили день поминовения предков – *Цым.* Накануне этого дня каждая хозяйка красила куриные яйца, как правило, в отваре луковой кожуры – *пыяс кабыгында, (шишняк кабыгында* – д.Кайнавыл), реже – ивовой коры – *тал кабыгы.* В день праздника их раздавали детям, несли на кладбище. Кроме того, готовили поминальные блюда, в ча-

[1] Сатака (ср. тат. садака – «подаяние, милостыня») от арабского садака – милостыня, пожертвование (с религиозной целью) [Гарәпчә-татарча-русча, 1965. 495 б.].

стности *кәпкер*[1], *өрелгән бавырсак* (д.Юрты Медянские). В день *Цым* все взрослое население собиралось возле кладбища. Мужчины приводили в порядок могилы, ставили ограду на могилы тех, кто умер в период после последнего *Цым* (*агач кую* – д.Епанчино, *өй кую* – д.Кулларово, *киртмә кую* – д.Кайнавыл), проводили моление по мусульманскому обряду – *хәтем.* Затем, возле кладбища устраивали совместную трапезу: угощались принесенными из дома кушаньями все присутствующие – и мужчины, и женщины[2].

Молодежь д.Епанчино в этот день отправлялась на гору возле деревни (*Кыз убасы* – Девичья гора), где так же устраивалось коллективное угощение, различные игрища. В ряде деревень проводили домашние поминки с чтением корана, на которые приглашали либо мужчин, либо женщин (дд.Кулларово, Митькино). В этот день ходили по домам и поздравляли друг друга с праздником. Обычай назывался *хәерләшеп йөрү* (д.Кубяково). Жители тех деревень, где поблизости были могилы святых – *астана*, обязательно относили туда крашеные яйца и деньги.

Информаторы отмечали, что в этот день и дети, и взрослые развлекались, устраивая различные состязания с использованием яиц, крашеных и некрашеных. Самая распространенная игра заключалась в следующем. В руке каждого участника было по яйцу. Выигрывал тот, чье яйцо не разбивалось при ударе о другие – *сугыштырып уйныйлар.* Он и забирал себе все разбитые яйца. Праздник *Цым* зафиксирован нами в дд.Епанчино, Иртышакские, Юрты Медянские, Кубяково, Кулларово, Митькино, Кайнавыл (табл. 1), т.е. условно в деревнях Тобольского куста[3].

Надо отметить и такую закономерность: там, где праздновали *Әмәл* (Сатака), там праздновали и *Цым*. Исключение: дд.Лайтамак («заболотные татары»), Б.Туралы, где бытовало Сатака, но не было Цым (по крайней мере, мы не смогли зафиксировать).

В деревнях Тюменского куста (зафиксировано в дд.Ембаево, Тураево, Янтык, Юрт-Иска) информаторы рассказывали о бытовании в прошлом «праздника яиц» – *йомырка бәйрәме*. К сожалению, подробных сведений о нем получить не удалось. Достоверно лишь то, что весной хозяйки в отваре луковой кожуры красили яйца, которые раздавали детям, и в этих деревнях бытовали такие же развлечения с использованием яиц, как в день Цым. И в традиционном быту этих деревень он не являлся (уже не являлся? никогда не был?) праздником поминовения предков, как в деревнях Тобольского куста. Кроме того, в д.Янтык этот праздник называли *Май бәйрәме,* праздник мая (правда, конкретного времени проведения не смогли вспомнить), в деревне Юрт-Иска, наоборот, отметили, что его праздновали 1 мая, называя *Йомырка бәйрәме*.

Обряды с использованием яйца зафиксированы нами и в деревнях Тарского, Усть-Ишимского районов Омской области. Это обряды, связанные с первым днем сева яровых, который приходился на май [Валеев, 1993, с.70]. Здесь, как и у большинства татар Поволжья и Урала, в первый день сева вместе с зерном высевали яйца.

В д.Кайнаул, Б.Тебендя Усть-Ишимского района яйца с пожеланием хорошего урожая оставляли в поле для птиц – *кош-кортка сатака.* Здесь было принято перед началом весенней вспашки смазывать плуг жиром, в котором жарили оладьи – *коймак*.

В д.Б.Туралы Тарского района высевали крашеные яйца. Их затем собирали дети, которые вместе со взрослыми выезжали в поле. Накануне сева хозяева проводили чте-

---

[1] Кәпкер – пресная сдобная лепешка, на которой при выпечке делались надсечки. Этот обычай зафиксирован в дд.Епанчино, Шамша (Шаншы), Устамак (Остамак), Старица (Уләртеш), Байгара (Баек), Кубяки.

[2] В последние годы ограды на могилы ставят металлические в любое удобное для себя время.

[3] В некоторых деревнях Цым бытует и сейчас, правда, изменились сроки его проведения. Так, в д.Епанчино Тобольского района празднуют его в День Победы – 9 мая, а в д.Кулларово Вагайского района – 1 мая.

ние корана *хәтем*, как правило, с приглашением на угощение стариков, либо осуществляли подаяние *сатака.* Это делалось с пожеланием хорошего урожая, удачного года. В этой деревне особым образом отмечали и день завершения сева: с пожеланием дождей в нужное для роста яровых время, возвращающихся сеятелей обливали водой. Подобный обряд был зафиксирован и в татарских деревнях Зауралья [Уразманова, 1990, с.99].

В годовом цикле общественных обрядов и праздников сибирских татар особое место занимал летний (после завершения сева, появления всходов яровых) обряд пожелания благополучия, хорошего урожая, сопровождаемый коллективным жертвоприношением, обрядовым приемом пищи и обрядовым обливанием водой (помимо мусульманского обряда жертвоприношения и праздника по этому поводу – *Курбан*). Этот обряд зафиксирован нами почти во всех обследованных деревнях[1] под следующими названиями: *теләк* (дд.Кубяково, Кулларово, Митькино, Б.Туралы, Байбы, Летнее, Кайнавыл, Б.Тебендя); *теләү* – дд.Ембаево, Тураево; *теләк ашы* – д.Иртышакские; *теләклек* – д.Юрты Медянские; *күк корман* (*күк корбәннек, күк теләү*) – дд.Янтык, Юрт Иска; *шөкрана* дд.Уленкуль, Юрты Медянские[2]. Жертвенное животное – телку или бычка, реже лошадь или овцу, покупали на подворно собранные средства. Иногда жертвенное животное выделяли деревенские богачи. Обряд проводили возле деревенской мечети, кладбища (д.Янтык, Уленкуль), либо на берегу реки или на краю деревни. Организаторами выступали старики. Сам обряд жертвоприношения проводили мужчины, предварив его исполнение чтением мусульманских молитв – *ике рәкәгать намаз.* Пожилые женщины в больших котлах на костре отваривали это мясо, а бульон заправляли либо лапшой – *онаш,* либо рисом – *көрөҗ.* Руководила ими пожилая, уважаемая в деревне женщина – *ирләр чалаты, әбиләр, карт бичәләр пешерәтә, башлык етәкләйте*. Собирались все желающие жители деревни, принося с собой посуду. Кости жертвенного животного не ломали. Их собирали в ведро, по оканчании трапезы бросали в реку. Затем начиналось обливание водой. Интересно отметить, что в деревнях Омской области такое жертвоприношение устраивалось не ежегодно, а лишь в случае наступления засухи, в то время как в Тюменской области речь шла о ежегодном жертвоприношении с пожеланием благополучия, спокойствия – *бала-бакраларга, ил-миргә, падишәлэргэ тынычлык, саулык бирсен дип».* (дд.Кубяково, Кулларово и др.). А в случае угрозы засухи проводили обряд коллективной трапезы, устраеваемой возле мечети. Каждая хозяйка выносила приготовленную еду, посуду, расстилала скатерть и угощала всех желающих. До начала угощения проводили моление по мусульманскому обряду. После угощения начиналось обливание водой. Подобный обряд проводился во всех татарских деревнях. В д.Епанчино его называли *суга ботка*[3], в д.Кулларово – *салам ботка*, т.е. названия обряда были различными. Если появлялось облако, то с пожеланием дождя скандировали:

Ямгыр, инәм, яу, яу,
Безгә ачлык килмәсен,
Ачтин халык үлмәсен,

[1] Сведения о проведении подобного жертвоприношения и в д.Ревда Ялуторского района Тюменской области хранятся в архиве музея этнографии Омского университета. МЭЭ ОмГУ, 1977, т.30–2. №30.

[2] По сведениям информаторов, под таким названием в этой деревне проводили повторное жертвоприношение в случае угрозы засухи. Если первое жертвоприношение овцы (кучкар) поводили возле мечети и завершалось коллективное угощение обливанием водой, то второе устраивали на берегу р.Иртыш. В данном случае без обливания водой.

[3] В д.Юрты Медянские под названием *суга ботка* проводили коллективное угощение кашей помочан, занятых вывозкой навоза на паровое поле. Кашу по этому поводу готовили в большом котле. Кашей угощали и детей, которые «дежурили» у полевых ворот, открывали и закрывали их, пропуская подводы помочан.

Вафа кебек ерләрне,
Ич бер эдэм күрмәсен...

/ Дождь, мать (моя), лей, лей, пусть не наступит (у нас) голод, пусть не умрет народ от голода, место подобное вафа, пусть не увидит ни один человек... (д.Уленкуль).

Это различие, возможно, связано с тем, что в деревнях Омской области фиксировалась уже трансформированная форма обряда: из ежегодного он становится проводимым в экстремальных случаях. Кстати, в более ранних материалах отмечается, что подобный обряд проводился не только в случае засухи, но и по поводу эпизоотий, эпидемий [Валеев, 1993, с.191]. В целом обряд жертвоприношения широко бытовал во многих районах проживания татар Поволжья и Урала [Уразманова, 1991, с.86–87].

Заслуживают внимания сведения о празднике Сабантуй. Результаты исследования свидетельствуют, что регулярно проводимым уже в дореволюционные годы, он был в д.Ембаево. Устраивали его после завершения сева. Даже в куплете песни об этом сказано достаточно ясно:

Сабантуйлары пулаты
Басуда сабан беткәч.
Утармадым, сөйләшмәдем
Арада дуслар беткәч.

/ Сабантуй бывает после окончания сева. Раз закончилась дружба, перестал(а) общаться.

В деревне по этому поводу создавалась комиссия, члены которой брали на себя всю организаторскую работу по проведению праздника, а именно: сбор средств, подарков для одаривания победителей (средства выделяли деревенские купцы, которых в деревне было не мало); подготовка места проведения праздника на берегу реки Туры. Недалеко от деревни находилась пристань, к которой приставали пароходы с гостями из г.Тюмени и других мест. В тех местах, откуда прибывали основные потоки гостей, устраивали ворота и продавали входные билеты. Вырученные средства также шли на покрытие расходов по проведению праздника.

Члены комиссии оповещали население близлежащих деревень о дате проведения праздника. На него собиралась вся округа, в том числе гости из Тюмени. Многие из прибывших были и активными участниками праздника. Например, по воспоминаниям пожилых информаторов, д.Ембаево выставляла для скачек четыре скаковых лошади, а соседние деревни – 28–30. Много было торговых палаток. Был свой мастер, который ежегодно сооружал карусель. Состязания были такими же, как на сабантуе татар Поволжья и Урала – скачки, бег, борьба – *көрәш* и различные шуточные состязания.

В других районах сабантуй стали праздновать лишь в советское время. Так, в Тобольске его впервые провели в 1929 г. Кроме состязаний, там был показан и трактор. Организаторами сабантуя в г.Тобольске, в д.Сатлыган были учителя, приехавшие сюда работать из Казани. В частности, помнят Хафизова Хариса, инициатора проведения сабантуя в д.Сатлыган[1].

[1] Интересна «судьба» праздника. В д.Ембаево его перестали праздновать со времени коллективизации (1930-е гг.), в Тобольском же районе – только начали праздновать в это время и бытовал он там до Великой Отечественной войны 1941 г. Его снова начали проводить с 1960-х годов, правда, в форме народного гуляния. Сейчас в д.Ембаево живут представители 14 национальностей. Это все приезжие – русские, чеченцы, немцы и т.д. Все объявления, да и вся программа ведется на русском языке. А вот в г.Тюмени, начиная с 1988 г. начали проводить сабантуй ежегодно. Интересны в этом плане наблюдения Т.Н. Золотовой, которая отмечает, что в 1970–80-ые гг. в районах северной части Западной Сибири праздник, проводимый в начале лета, стали называть «сабантуем». Она отмечает, что в этом празднике нашли отражение культурные традиции двух наиболее многочисленных этносов северных районах региона – русского и татарского [Золотова, 2002, с.167].

В ряде деревень зафиксировано бытование коллективных выходов на природу. Проводили их в более или менее свободное от сельскохозяйственных работ время, в погожие дни, по предварительной договоренности. Если в дд.Ембаево, Тураево такой выезд назывался *сәелгә чыгу* и принимали в нем участие семьями, то в д.Большие Туралы выезжали группами либо девушки, либо женщины, либо мужчины, но всегда по отдельности. Там такие выезды назывались *аш кушу* – складчина. Выезжали, как правило, на подводах, брали с собой самовары, которые кипятили еловыми шишками – *тубырчык.* Угощались, веселились. Обязательно был скрипач. Подобные выезды на природу бытовали в восточных районах проживания татар Поволжья и Урала, а так же у касимовских татар со сходным названием *сәер* [Уразманова, 1990, с.107].

Почти во всех деревнях информаторы рассказывали о бытовании в прошлом молодежных игрищ, которые проводились в погожие летние вечера, на берегу р.Иртыш.

Большим событием деревенской жизни являлись ярмарки, проводимые в соседних русских селах. Так, информаторы из дд.Епанчино, Кубяково рассказывали о бытовавшем у них празднике под названием *Пот бәйрәме* (смысл названия «Пот» Информаторы объяснить не могли, хотя это известное слово: *пот* – идол, кумир [Татарско-русский, 1988, с.238]. Суть его заключалась в следующем: летом (точной даты назвать не смогли) по поводу одного из церковных праздников из с.Абалаково до Тобольска и обратно проводился крестный ход с иконой Божьей Матери (рассказ: *Марьям анабызның иконасы, аны күтәреп Тоболга баралар...* / Икона матери (нашей) Марьям...) В эти дни в с.Абалаково была большая ярмарка, куда приезжали семьями и жители татарских деревень, причем не только за необходимыми покупками, но и за тем, чтобы принять участие в ярмарочных увеселениях.

Интересный обычай, бытующий до настоящего времени, удалось зафиксировать в дд.Епанчино, Кулларово, Кубяково. Связан он с проводами в армию. При прощании мать дает новобранцу молоко с хлебом, часть которого он съедает. Другую часть хлеба она заворачивает в тряпочку и хранит до возвращения сына. Кроме того заносят в дом два полена, от которых отщипывают лучины. Эти лучины затыкают под матицу и так же хранят до его возвращения.

Лучину и специально сшитый мешочек приносили в дом новобранца и пожилые женщины аула, которые приходили благословить его в добрый путь и пожелать удачи. Лучины, положив в мешочек, вешали в укромном месте либо в летней кухне, либо в кладовке. Женщин обязательно угощали. Этот обычай назывался *озын теләк* / долгое длинное пожелание. По возвращении сына из армии этими лучинами разжигали огонь, в котором сжигали мешочки, сохраненный кусок хлеба (дабы не угас огонь его жизни / *баламның уты сүнмәсен*) [Занкиев, 1988, с.321].

По поводу возвращения сына из армии (или другого члена семьи из дальней поездки) в доме проводили *кусайтын, кусайтын чәе* – угощение по этому поводу. Приглашенные обязательно приносили с собой какое-либо угощение: кашу, пироги – *кайнар аш.* Возвратившегося приветствовали словами: *«Кусен, айдын!»*, на что отвечал: *«Куш, тәнгерә ялгасын!»*. Отсюда и название обряда – *кусайтын* [Тумашева, 1992, с.110–111].

В деревнях сибирских татар в традиции было проведение различных помочей, особенно женско-девичьих. В частности, широко распространенными были помочи по обработке шерсти – *йон эрләү*: приглашенные чистили шерсть, взбивали и пряли. Особенностью женско-девичьих помочей являлось то, что они сопровождались пением, а завершались угощением, игрищами.

Массовой была и весенняя помочь, на которую приглашали отмыть дом от накопившейся за зиму пыли и копоти. Потолок, стены, пол тщательно скоблили. Эта помочь так и называлась – *өй кыру*.

А вот помочь по обработке гусей – *каз өмәсе* была не повсеместной. По сведениям инфоматоров, она бытовала, в основном, в деревнях или домах переселенцев «со стороны Казани». Проведение этой помочи зафиксировано в дд.Юрты Медянские, Б.Туралы, Летнее, в д.Киндерле Нижнетавдинского района, в которых местных татар – *чалдоннар* совсем не было.

Анализ материала свидетельствует о неоднородности обрядов и праздников годового цикла у изучаемой тоболо-иртышской этнической группы [Томилов, 1992, с.231] сибирских татар. Причем эта неоднородность не является результатом лишь неравномерной трансформации единой системы обрядности. Ее не было, да и не могло быть хотя бы уже в силу специфики этнической истории многокомпонентного населения этой территории. Среди сибирских татар Тюменской и Омской областей Н.А.Томиловым выделено пять этнических групп с рядом выявленных внутри них локальных групп этнографического характера [Томилов, 1992, с.223]. Выявленные нами материалы по обрядности не дают такого разброса, что, очевидно, является результатом наблюдавшихся в традиционном быту процессов этнокультурной консолидации, носивших этноэволюционный характер [Томилов, 1992, с.228–229]. Отдельные обряды и праздники имели повсеместное распространение и являлись общеэтническими. К таковым относятся обряды, связанные с началом ледохода, летний обряд жертвоприношения. Эти обряды, кстати, были характерными и для татар Поволжья и Урала [Уразманова, 1991, с.79, 86–87]. Ведь татарские деревни традиционно располагались у рек [Татары Среднего Поволжья, 1967, с.86–87). День ледохода праздновали практически во всех деревнях. У сибирских татар в этом празднике сохранялись магические элементы, направленные на пожелание здоровья участникам (выбрасывание в воду специально изготовленных кукол, старой одежды, монет и т.д.), в то время как у татар Поволжья и Урала они были уже утрачены. В конце XIX в. он оставался лишь увеселением молодежи [Уразманова, 2001, с.20–21]. Летний обряд жертвоприношения, во многом совпадающий даже в деталях, был массовым и среди татар-мишарей, чепецких, пермских, астраханских татар [Уразманова, 1992, с.93], и широко распространенным у большинства кряшен. У казанских же татар он бытовал лишь в отдельных деревнях [Уразманова, 2001, с.52–53]. Подобные праздники, проводимые на лоне природы, с жертвоприношением, общественным молением, коллективным угощением были характерны для марийцев [Яковлев, 1887, с.31–49], мордвы [Мезин, 1982, с.10], удмуртов [Яковлев, 1903, с.193], чувашей [Денисов, 1959, с.130].

Территорией распространения наиболее самобытных праздников, таких как *Әмәл* (*Сатака*), *Цым* являются северные районы проживания изучаемой группы сибирских татар, условно Тобольский куст. В основном, это территория бывшего Тобольского уезда, где проживали тобольские, ясколбинские и частично кудакско-саргатские татары [Томилов, 1992, с.223].

Заслуживает внимания тот факт, что два этих праздника бытовали в едином комплексе. Составляющие их обряды, обрядовые действия во многом напоминают обрядовые действия праздника Сабантуй казанских татар, в частности, того варианта, который бытовал у чепецких татар (посещение мужчинами кладбища, куда они обязательно несли яйца; коллективное моление; крашение яиц и раздача их детям и т.д.) [Уразманова, 1978, с.87–88]. Сходство Сабантуя чепецких татар с подобным праздником бесермян, у которых четко сознавалось магическое назначение этих обрядов, позволило сделать вывод, что у чепецких татар это обряды поминального типа и связаны с культом предков, задабривая которых крестьяне надеялись на хороший урожай в новом сельскохозяйственном году. У сибирских же татар этот древний поминальный обряд, проводимый перед началом сева, сохранился как бы в чистом виде. Интересно отметить, что у молькеевских

кряшен в традиционном быту был особо отмечаемый «День выхода мертвых» – *үле чыккан көн* (незадолго до Пасхи, т.е. тоже до сева) [Уразманова, 1993, с.82].

Другой комплекс обрядов бытовал на территории, условно названной Тюменским кустом (бывший Тюменский уезд, к которому примыкала и территория Тарского уезда). Здесь не было ни *Әмәл,* ни *Цым.* Зато широко бытовали обряды, связанные с прилетом грачей (скворцов); особо отмечали первый и последний день сева; бытовали коллективные выходы на природу с угощением и т.д. Традиционным (по крайней мере в конце XIX в.) стал праздник Сабантуй, правда, лишь в д.Ембаево, хотя туда съезжались татары всей округи. Собранные нами сведения не дают возможности говорить о сабантуе как об исконном народном празднике сибирских татар, как об этом пишет Н.А. Томилов [Народы России, 1994, с.330]. Этот цикл имеет много сходных черт с обрядностью приуральских татар, особенно восточных регионов этой области, на что неоднократно указывалось выше.

В целом, анализ материала позволяет сделать вывод о том, что процесс эволюции праздничной культуры сибирских татар шел в едином русле с таковым у волго-уральских татар. Так же, как у татар Поволжья и Урала, у сибирских татар преобладающее количество обрядов и праздников годового цикла приходится на весну и лето, в то время как осенне-зимний цикл их ограничен количественно. Одна из причин этого связана с тем, что мусульманская религия, ввиду специфики своего календаря (исламский календарь – лунный), не смогла вобрать, подчинить себе домусульманские праздники и обряды, как правило, связанные с хозяйственной деятельностью народов, обитающих вне районов формирования этой религии, в частности, в Среднем Поволжье, Сибири. Поэтому мусульманские праздники существовали в специфичном своем проявлении. Народные же продолжали бытовать вне зависимости от исламского календаря, нередко включая в свои ритуалы элементы мусульманской обрядности (*хәтем, намаз*). Недаром при изучении ранних форм религии тюркоязычных народов Сибири Н.А. Алексеев счел возможным не включать в круг исследуемых народов сибирских татар. Свое решение он мотивировал тем, что по своей культуре в XVII–XIX вв. они стояли ближе к казанским (я бы уточнила – к поволжским – Р.У.) татарам, чем к тюркоязычным народам Сибири. Основная же религия сибирских татар – ислам – в прошлом глубже проникла в их сознание, чем христианство и буддизм в жизнь других народов Сибири [Алексеев, 1980, с.11].

Вместе с тем, в традиционной обрядности сибирских татар наблюдалась бóльшая сохранность древних языческих черт, чем в праздниках и обрядах волго-уральских татар.

§ 3. Свадебный обряд

Оксана Коломиец

Свадебная обрядность сибирских татар представляет собой сложный комплекс обычаев и ритуалов. Анализ опубликованных сведений и полевых материалов по семейной обрядности показывает, что традиционная свадебная обрядность наиболее вариативна из всех семейно-бытовых обрядов [Валеев, 1980; Томилов, 1983; Шарифуллина, 2002; Бакиева, 2011; Коломиец, 2011].

У сибирских татар существовало несколько форм заключения брака [Бакиева, 2011, с. 76]. В настоящем очерке будут описаны обряды, связанные с браком по сватовству.

Обряды предсвадебного цикла

Первым этапом предсвадебного цикла являлось сватовство. На рубеже XIX–XX вв. еще подавляющее число браков заключалось по сватовству. Многие обычаи, связанные с этим этапом свадебного обряда, продолжали соблюдать до середины XX в.

У сибирских татар жених и невеста нередко в первый раз друг друга видели на сватовстве, так как родители молодых сами решали, какая партия подходит их детям. Одной из гарантий прочности создаваемой семьи служило всестороннее обсуждение избранной кандидатуры с родственниками, знакомыми («берешь жену – советуйся с родней своей») [Миненко, 1987, с.152].

Молодые могли познакомиться сами, а потом уже родители принимали решение о женитьбе. Часто, а возможно и в большинстве случаев, молодые знали друг друга, встречались, немало браков заключалось по любви. Общественный бытовой уклад предоставлял молодежи возможность встречаться, знакомиться, нередко проводить вместе досуг, участвовать в массовых увеселениях.

В летнее время молодежь гуляла на берегу, на полянах недалеко от деревни: играли в «круг», в «разлуку», пели под гармошку, плясали. В зимнее время устраивались посиделки *утерыш* / встретиться у очага (д.Ильчебага Усть-Ишимского района Омской области), *утрабус, утракилябус* / мы сидим, придя, мы сели (д.Малая Кова Знаменского района Омской области), *кич-утрул* / маленькие посиделки (д.Усть-Тамак Знаменского района Омской области), *кичутаро* (д.Качуково Знаменского района Омской области) [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.158–9; п.158–2, к.178–215]. У татар Тюменской области молодежные посиделки назывались *аулак эй* / уединенный, без взрослых, дом [Садыков, 1998, с.146]. Молодежь либо снимала пустующий дом, либо собирались у кого-нибудь из девиц по очереди. Часто дом могли предоставлять одинокие женщины. Каждая девушка шла на посиделки со своей работой: кто теребил и прял лен, кто вышивал, кто вязал, кто обрабатывал птиц. На эти мероприятия обязательно приходили парни, они веселили девушек, играли им на гармошке, рассказывали анекдоты. Родители одобряли такой способ времяпровождения.

У тарских татар д.Тоскино Колосовкого района Омской области зафиксирован обычай *казумёсе* / общипывание гусей. Раньше молодых девушек не пускали на улицу, поэтому придумали праздник «Общипывание гусей». Этот праздник устраивали осенью, вечерами. Об этом вечере знала вся деревня, знали в каком доме. За работой девушки шутили, пели песни [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.165–1, к.100–102]. Из собранного на «Общипывании гусей» пуха девушки делали себе в приданое подушки, одеяла, перины.

К посиделкам без работы относились сборища молодежи в одном из домов девушек и парней с разрешения родителей. Такого рода мероприятия проводились в складчину. Коллективные работы и развлечения, помимо сохранения производственных традиций, способствовали сближению молодежи, выбору брачного партнера. Особенностью коллективных развлечений, в частности посиделок, было то, что в них принимали участие не только молодежь, но и женатые пары. Кроме того, на молодежные развлечения приезжала молодежь из соседних татарских селений [Бакиева, 2003, с.136–137].

Когда в деревнях стали открываться клубы – у молодежи стало больше возможностей для знакомства и общения. Но, в то же время, постепенно была забыта традиция посиделок.

Парни, не присмотревшие себе невесты в своей деревне, могли специально ездить в поисках ее по соседним деревням. Как правило, там жили родственники или друзья, которые и рекомендовали присмотреться повнимательнее к той или иной девушке. Часто вместо парня такого рода выбором занимались отец или старшие братья.

Вообще, жениться и выходить замуж считалось обязательным делом. Холостяки осуждались общественным мнением не меньше, чем засидевшиеся в девках. Но в це-

лом, к одиноким людям относились сдержанно, без видимой неприязни. Семья была показателем богоугодности, уважения к традиционным устоям, стремления к созданию своего хозяйства и продолжению рода. Тарские татары именовали холостяков *кыр*, незамужних женщин *коркес, корт* / старая дева [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.165–1, к.103–108].

Средний брачный возраст девушек – 16–22 года, но замуж, как правило, успевали выйти до двадцати лет. Считалось, что чем девушка умнее, тем позже она выйдет замуж, так как «ее не хотели, боялись сватать» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.159–1, к.129–133]. Парни женились обычно после 20 лет.

Родители жениха начинали присматриваться к семьям, в которых есть дочери подходящего возраста. Смотрели не только местных, но и девушек из ближайших деревень. Если заключался брак между близкими родственниками, то родители жениха и невесты наблюдали лишь за тем, чтобы не переступить границ, дозволенных шариатом [Валеев, 1993, с.130]. «Обычно женились на дальних родственниках, чтобы богатство другим не досталось» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.160–1, к.34–40]. Такие браки считались возможными в третьем поколении [Томилов, 1983, с.80].

Большую роль при выборе невесты имел имущественный и социальный статус ее семьи. Браки заключались обычно между семьями, относящимися к одной социальной группе. Если и встречались случаи женитьбы богачей на девушках из бедных семей, то в таких случаях обнаруживалась большая разница в возрасте вступающих в брак (старшим по возрасту был жених). Немаловажным фактором являлись личные (прежде всего, хозяйственные) качества девушки, а также отношение к труду в семье, так как ни одна из сторон не хотела «родниться с лентяями». Бывало, что сторона невесты отказывала родителям жениха. Причиной могли послужить бедность его семьи, негативное отношение к их роду (у сибирских татар до сих пор сохранились выражения типа «…у них плохой тугум (род), у нас хороший»).

Остановив выбор на одной из девушек из своей или соседней деревни, сторона жениха начинала готовиться к сватовству – *сурату* (с.Большие Туралы Тарского района Омской области, д.Качуково, д.Малая Кова, д.Сеитово Тарского района Омской области), *кыз су(о)рату* / сватовство девушки (с.Большие Туралы, д.Тоскино, д.Сеитово), *суратып* (д.Малая Кова), *сурагау* (д.Усть-Томак), *сорагул* (с.Большие Туралы), *кото* / сват /сваты (д.Эбаргуль Усть-Ишимского района Омской области), *кодо, кодогай* / сват, сватья (д.Качуково), *костеляу/солчелау* / сватать невесту (д.Эбаргуль). Наибольшее распространение среди исследуемых групп сибирских татар получили термины *сурату, кыз су(о)рату (кыз* – девушка, *сорау* – спрашивать, распрашивать).

Сватовство начиналось по инициативе родителей жениха, они же засылали сватов в дом родителей девушки. Нередко инициатором сватовства был жених: «На кого парень укажет, в тот дом родители и идут сватать». Приходили сваты либо днем, во время обеда, либо вечером. Их число не превышало шести-восьми человек, но как правило, сватать приходило не более двух-трех человек. По обычаю сватами выступали старшие родственники или знакомые, пожилые уважаемые люди. В отдельных случаях сватали отец с матерью, еще реже – жених с родственниками или друзьями [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.11–4, к.364–365, 372–375].

Традиционное сватовство – достаточно длительный, сложный процесс. Сторона жениха осторожно прощупывала почву, неоднократно засылая сватов. Сторона невесты неохотно шла на контакт, договориться удавалось нередко лишь со второй, с третьей попытки, поскольку строгое соблюдение традиции требовало от участвующих в обряде многократного сватовства. Но повторное сватовство допускалось не более трех раз. Так, у барабинских татар сватовство поручалось уважаемому пожилому человеку, знакомому родителей жениха, в обязанности которого входило, в свою очередь, нанять человека, который

и ходил непосредственно сватать три раза [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.72–13. к.401–402]. Обычай многократного сватовства через третьих лиц был известен и тарским татарам.

Термины, обозначающие сватов, значительно варьируются в разных местах поселений сибирских татар, например, *кот(д)а* – сваты мужчины, *котарей, котагы* – сваты – женщины (д.Чепларово Большереченского района Омской области, д.Ильчебага, д.Качуково), *кот(д)олар* (д.Берняжка Большереченского района Омской области, д.Качуково), *кудары* (д.Черталы Муромцевского района Омской области), *коен* (д.Тоскино). У томских татар термин *кота (года)* подразумевает общее название родителей и старших родственников мужа по отношению к родителям и старшим родственникам жены. У термина *года* отмечается также значение «сват как участник обряда сватовства» [Сравнительно-историческая, 2001, с.310]. У татар Тюменской области также зафиксированы термины *кота* (сват), *котагай* (сватья), *топ кота, топ котагай* – главные сваты на свадьбе. В деревне Сеитово зафиксирован термин *яуче,* обозначающий сватов. У томских татар сваты именуются *яучы.* В литературе, описывающей свадебный обряд и терминологию татар Тоболо-Иртышского региона, мы встречаем следующие термины, обозначающие сватов – *сауцы* и *яуцы* [Томилов, 1983, с.80; Тумашева, 1992, с. 187; Алишина, 1994, с.82].

Сватовство начиналось с определенных символических действий, ярко и празднично. Сватов примечали еще издалека, их отличительным признаком была штанина, выпущенная поверх сапога, что должно было принести удачу в сватовстве. Этот обычай был известен не только тарским, курдакско-саргатским и барабинским татарам, знали его и другие тюркоязычные народы. У сибирских татар описаны и некоторые другие особенности в одежде сватов, в поведении, подчеркивающие их функции, связанные с магическими действиями. В Тюменской области зафиксирован следующий обычай: сват приходил к родителям девушки, держа в одной руке хлеб, завернутый в головной платок, а в другой – длинную палку (посох), на верхний конец которой был привязан носовой платок [Валеев, 1980, с.170; Шарифуллина, 2002, с.46; Татары, 2001, с.340]. У томских татар в некоторых деревнях на шею сватам повязывали специальные шарфы, по которым их можно было узнать [Томилов, 1983, с.80].

Сваты заходили в ограду родителей девушки, плясали и пели. У ворот во двор невесты перед сватами укладывали веревку или полотенце – прежде чем войти во двор, они должны были преодолеть препятствие. В селе Карагай Вагайского района Тюменской области зафиксирован интересный обычай: «Когда сваты заходили во двор, то они должны были показать богатство жениха. Для этого в поставленную перед собакой посуду лили молоко. Если молоко лилось через край, это означало богатство жениха».

Заходя в дом, сваты начинали разговор с речей иносказательных, стараясь завуалировать истинную причину прихода. Сваты строили разговор, исходя из своего опыта и умения. Одни начинали разговор издалека, с расспросов о здоровье, о видах на урожай, хозяйственных и семейных делах и постепенно переходили к главному. Другие сразу объявляли о цели своего приезда. Существовали специальные формулы зачина сватовства. У сибирских татар зафиксированы следующие иносказания: «У вас золото, а у нас серебро, давайте сольем их вместе», «Мы к вам пришли с поклоном. У вас товар, у нас покупатель», «Товар – ваш, выкуп – наш», «У вас – товар, у нас – купец», «Я пришел овечку купить», «Я пришел невесту купить», «Мы слышали, у вас телочка есть, а у нас бычок», «От меня голубь, от тебя голубка, от меня петух, от тебя курица» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.111–4, к.368–371, 376–378]. По обычаю представители с обеих сторон должны были стоять на ногах, пока не договорятся о конечном результате. Сватов принимали родители девушки, которая в это время находилась в другой комнате. Главные виновники событий, жених и невеста, не должны были присутствовать на сватовстве, девушку старательно прятали от чужих, поскольку она, как основной «объект сделки»,

была наиболее уязвима. В начале XX в. некоторые семьи это правило стали благополучно обходить стороной: со сватами приходил и жених, если сваты желали посмотреть на невесту, то за символическую плату могли сделать это. Более того, если сватам удавалось договориться, невеста показывалась и ухаживала за гостями.

В конце XIX – начале XX вв. было достаточно добиться согласия родителей на брак, мнение девушки не учитывалось. Родители нередко на отказ невесты реагировали весьма жестко: «Если замуж за него не пойдешь, то за другого голая пойдешь, ничего не дам». Нередко сам жених был недоволен просватанной невестой, но отказаться он не мог: «У отца, знаешь, какой кнут!». Тот факт, что решающая роль в вопросах брака принадлежала родителям молодых, свидетельствует, что структура семьи в это время была авторитарной, сильны еще были элементы отцовского права, сохранились формы больших неразделенных семей, где все младшие ее члены беспрекословно должны были следовать воле отца [Валеев 1993, с.129; Рогалева 1988, с.84].

При отказе родителей допускалось повторное сватовство, зачастую считалось неприличным давать согласие на брак дочери при первом же посещении сватов.

У татар Среднего Прииртышья бытовали приметы, связанные со сватовством: «Важно, чтобы мероприятие выходило на парные часы (четные), ведь парами жить, так парами и сватать (приходить по 2 или 4 пары)», «Заходят сваты в дом с правой ноги, сначала мужчины, потом женщины», «Если по дороге случилась поломка колеса, то лучше сразу разворачиваться назад – в этот раз удачи не жди», «Существовали неблагоприятные дни для сватовства – на полную луну сватать нельзя».

В знак того, что соглашение состоялось, сваты и родители девушки разрывали кусок материи на две равные части. После этого начинались взаимные угощения. Сваты наконец-то могли присесть за стол и предоставить привезенные с собой подарки. В д.Тоскино стол, за которым проводились переговоры сватов, называли столом согласия – *ярашу столе.* В с.Большие Туралы после успешного сватовства все присутствующие садились за стол и пили *ярашу цай* («чай согласия»), за чаем родители начинали предсвадебные переговоры. В целом у тарских татар был распространен обычай чаепития в знак сближения семей. У курдакско-саргатских татар широко бытовал обычай *мой табак (мой итмяк, мой икмак)* (*«мой» («май»)* – масло, жир*; «табак»* – деревянная чаша, глубокая тарелка) [Сравнительно-историческая, 2001, с.453; Тумашева, Насибуллина, 2000, с.82, 120]. Информанты называют этот обычай «Чашка с маслом», «Хлеб с маслом», «Приглашение к маслу». Если сватовство было успешным, то принесенные стороной жениха хлеб и сливочное масло подавались невесте. Она спешно собирала все необходимое для чая. Намазанное на хлеб масло символизировало благополучие предстоящей супружеской жизни: «…что будущая жизнь будет идти, как по маслу», «чтобы у молодых все хорошо было». Зафиксированы случаи, когда «*мой табак»* проводился не сразу, а через несколько дней. Чаепитие со сватами имело целью сближение сторон, нередко на нем обсуждались детали предстоящей свадьбы, сроки ее проведения (если сторона жениха жила в соседней деревне, что затрудняло повторные визиты). Если же сватам было отказано, продукты уносили с собой, девушка хлеб и масло не брала: «Дочь отказала неожиданно для всех. Посидели с родителями жениха, но масло не приняли. Сваты обиделись»[МАЭ ОмГУ, ф.1, п.158–2, к.189].

Во время или после совместной трапезы стороны жениха и невесты обменивались подарками: «Если у невесты есть брат, ему дарили нож, если сестра – гребешок. Родителям дарили более пригодные в быту подарки». Невесте дарили сладости, ткань, платок, полушалок или же свадебное платье. Жениху дарили платок, вышитый невестой. Вообще размеры и ценность подарков зависела от степени зажиточности брачующихся сторон. Да и сама схема проведения сватовства могла быть значительно упрощенной, но это скорее исключение, чем правило применительно к концу XIX – началу XX вв.

Следующим этапом предсвадебного цикла татар Среднего Прииртышья был сговор – *ерашу* (д.Ашеваны Усть-Ишимского района Омской области, д.Юрт-Саусканы Тарского района Омской области)*, йарашу, ерошу* (д.Ильчебага), *сейляшу* (д.Тоскино). Это была встреча мужчин – близких родственников жениха с родителями невесты. По существу это было продолжение сватовства [Валеев, 1993, с.131].

Встреча происходила в доме родителей невесты, где стороны договаривались о деталях подготовки свадьбы, о размерах калыма: «После сватовства собирались на *ерашу*. Обсуждали, где жить, как свадьбу гулять, в какое время. Обсуждали калым». Это был ответственный момент, как для стороны жениха, так и для стороны невесты. Родители невесты заранее советовались с близкими родственниками и определяли конкретное содержание калыма.

Следующим после сговора являлся совет – *кингэш, кинаш* (д.Тоскино, д.Ильчебага), *килешу* (д.Ильчебага). Наиболее точное значение этих терминов – «совещание, собрание». По сообщениям информантов, женщин, близких родственниц жениха, на *кингэш* приезжали иногда и мужчины – родственники жениха. На *кингэше* стороны окончательно договаривались о дне свадьбы и обсуждали детали, связанные с ее проведением. На *кингэш* со стороны жениха, согласно условиям сговора, доставлялись продукты, и скот, предназначенный для убоя на свадьбе (*сугым)*. Человек, привозивший в дом невесты означенные продукты и *сугым*, по обычаю, получал от невесты или ее родителей подарок – вышитую бархатную тюбетейку. На отдельной подводе от жениха в дом родителей невесты в день *кингэша* привозили вещи для невесты, предусмотренные сговором. Здесь же находились вещи, необходимые для общего пользования молодых (постельные принадлежности, полог для кровати, домашняя утварь и т.д.). Все это заворачивалось в виде пакета в новый домотканый шерстяной ковер (*урмэк)* или полог (*цымылтык*) для кровати. Пакет аккуратно зашивался и опечатывался двумя серебряными монетами, зашитыми в виде пуговицы сверху. Пакет вскрывала младшая сестра невесты, которой и доставались зашитые монеты. Постепенно, в связи с сокращением и упрощением всего обрядового комплекса, стали проводить либо совет, либо сговор, но главный смысл, состоящий в урегулировании экономических вопросов сторон, остался неизменным. В народной памяти часто смешиваются понятия совета и сговора, одно заменяется другим. Более полная информация о бытовании сговора и совета зафиксирована у курдакско-саргатских татар.

В семейно-брачных отношениях сибирские татары руководствовались социальными мотивами. Как правило, браки заключались между семьями, принадлежащими к одной социальной группе. Социальное положение определялось, прежде всего, уровнем экономического благосостояния. Поэтому стремились найти партнера богатого или же с равным достатком. То есть наиболее важным в глазах социума при заключении семейно-родственных связей являлось урегулирование отношений имущественного характера.

Не случайно во время сватовства или же чаще при сговоре родственники жениха и невесты поднимали вопрос о калыме, стороны договаривались о примерных размерах так называемого выкупа за невесту. Интересно в этой связи описание соотношения калыма и приданого у барабинских татар: «…задолго до свадьбы начинаются переговоры о калыме, размер которого бывает весьма различным, смотря по степени зажиточности инородца, но у барабинских татар калым редко превышает 100–150 рублей или на соответствующую сумму скота и прочего имущества. Взамен калыма муж берет с женою приданое, состоящее изредка из известной суммы денег, чаще же также из скота, одежды, пуховиков, серебряных и золотых украшений» [Сибирский вестник, 1893].

Еще в конце XIX – начале XX вв. калым (*суалым, солым, салым, савым, колым, колын)* сохранялся и воспринимался как должное, выплачивали его в основном деньгами, продуктами (мука, масло), скотом или вещами. Среди вещей могли быть ткань,

обувь, мех и т.д. Приведем некоторые полевые материалы о размерах калыма у татар Среднего Прииртышья: «…5–6 кг масла сливочного, 1–2 пуда мяса и скотину, жирную обязательно, чай, мука. У бедного просили по силе возможности, с богатого содрать больше», «…калым за невесту составлял 200 руб., сумма по тем временам не малая», «…калым – корова, лошадь, материал на платья, кто богатый – стадо баранов давал» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.102–2, к.84–86; п. 158–2, к.178–179; п.2–11, к.153–160; п.160–1, к. 34–40]. В качестве подарка отцу невесты семья жениха преподносила обычно три – четыре лошади, семьи менее состоятельные дарили одну лошадь, в крайнем же случае стригуна или корову. В сумму калыма включали и скот, предназначавшийся для забоя на свадьбе *(сугым, туй сугым*) [Валеев, 1993, с.133].

В первые годы Советской власти размер калыма значительно сократился, что было связано с ухудшением социально-экономического положения и уровня благосостояния. Некоторые информанты на вопрос о калыме отвечали: «Калым был в единоличное время». Уже тогда он превратился в простую традицию и фактически отождествлялся с подарками и расходами на свадьбу со стороны родителей жениха.

Калым выплачивали, как правило, за месяц до свадьбы, в дом родителей невесты его везли либо жених, либо его родители. Выплата калыма была необходимым условием проведения свадебных торжеств. Иногда даже после совершения свадебного обряда, невеста оставалась в доме своих родителей до уплаты калыма сполна. Бывали случаи, когда калым не был выплачен до свадьбы, а невеста убегала вместе с женихом (в этом случае обычно ее не принимали в доме родителей один или два года).

В лексике тарских татар зафиксирован термин *махр* [Валеев, 1993, с.134; МАЭ ОмГУ, ф.1, п.113, к.224–231], который обозначал брачный договор, предусматривающий материальное обеспечение жены мужем. Он включал имущество, предоставляемое невесте в период бракосочетания, и имущество, выдаваемое жене после смерти мужа или при разводе. *Махр* служил женщине материальным обеспечением. *Махр* принадлежал только жене, она была вольна использовать его по своему усмотрению [Родионов, 2003, с.123]. Понятие это стало известно тарским татарам после распространения в их среде ислама. Заключение подобного брачного договора осуществлялось на основе шариата. Зачастую *махр* попросту отождествлялся с калымом [Валеев, 1980, с.162; МАЭ ОмГУ, ф.1, п.113, к.224–231]. Но *махр* – исключительно исламский институт, и отождествление его с калымом, который представляет собой выкуп за невесту, уплачиваемый ее семье, ошибочно [Ислам, 1991, с.164].

Помимо калыма родственники жениха должны были приготовить для невесты вещи. В одних случаях их собирали по собственному усмотрению и преподносили в день сватовства, обычно туда входили платье, платок или отрез материи. В других случаях невеста писала список вещей, которые должен был купить жених еще до свадьбы. Эти вещи привозили в подводе в дом родителей невесты во время *кингаша* (совета родственников) [Валеев, 1980, с.162]. Вместе с приданым они носили общее название *сип (сеп),* сходное у тарских, тобольских и томских татар.

Приданое – *сондек* («сундук»), *бирнэ* («приданое невесты») родственниками девушки готовилось задолго до сватовства: «Зажиточные люди собирают приданое с малых лет». Девушки, занимались рукоделием, ткали шерстяные ковры для того, чтобы принести их в дом мужа в качестве приданого [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.113–2, к.224–231]. Иногда оно не готовилось, а собиралось накануне свадьбы, благодаря поддержке родственников. В приданое входили в основном постельное белье, домашняя утварь, одежда для невесты, жениха и подарки для его родственников. «Девушка готовила приданое и подарок мужу. Подарком чаще всего была расшитая рубаха. В приданое обязательно входила домашняя утварь, постельное, подушки, одеяла, скатерти. Чем богаче семья девушки, тем богаче приданое. Поскольку большинство семей были не богаты,

то чаще всего приданое было скромным». «Приданое – это и деньги, и скотина, и ковры, и посуда, и мебель. Чем старше дочь, тем больше приданое – так было в старину, теперь всем поровну, чтобы не обиделись. В приданое дают все, что есть» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.158–2, к.202–205]. Вёз приданое в дом родителей жениха отец девушки за несколько дней до свадьбы, либо при переезде в дом жениха его везла невеста.

Ф.Т. Валеев указывает на существование у тарских татар наследственной собственности (*инце* или *цыгат*), которую родители выдавали дочери, когда та вступала в брак. В качестве *инце* девушка получала скот (корову, телку или же овцу) – в зависимости от социального положения родителей. Несмотря на то, что у курдакско-саргатских татар термин *«инце»* не зафиксирован, в полевых материалах имеются сведения о наделении дочери имуществом, которое передается по наследству.

После успешно завершившихся предсвадебных церемоний, сосватанные парень и девушка меняли свой статус в глазах общества: они становились женихом – *кие, кие(я)у, кыёув, киябола* и невестой – *килен, киленц(ч)ак*. В с.Большие Туралы жениха называли *яш егет* («молодой парень»).

После сватовства для девушки, подлежащей передаче в другой род, вступали в силу ограничения. Полевые источники свидетельствуют о наличии запретов на контакты с мужчинами, близкими родственниками. Ограничивалось также перемещение по деревне, запрещались контакты с внешним миром. Это результат постепенной изоляции невесты, подготовки ее к предстоящему переходу в иной социальный статус. Девушку тщательно оберегали от злых сил, и так как ее уязвимость возрастала, ограничения на контакты с внешним миром были необходимы.

Свадьба

Следующим циклом всего комплекса свадебной обрядности является непосредственно свадьба – *туй* («свадьба, праздник, празднество»). Ее устраивали, как правило, через месяц-полтора после сватовства. Проходили эти празднества у сибирских татар в любое время, но чаще всего поздней осенью или зимой, ближе к новому году, так как к этому времени заканчивали все основные сельскохозяйственные работы, в первые заморозки резали скотину. Начинали гулять в пятницу, число должно было быть обязательно четным, свадьба длилась от двух до четырех дней.

Непосредственно свадьба включала в себя девичник и мальчишник (парнишник), свадебные церемонии в доме родителей невесты, переезд молодых в дом родителей жениха, свадебные церемонии в доме родителей жениха. В конце XIX – начале XX вв. каждый из этих этапов исполнялся в указанной последовательности. При этом такие важные обряды, как обряд санкционирующего характера – обряд мусульманского бракосочетания (*никах*), «постельный» обряд, совершались в доме родителей невесты, о чем свидетельствует большая часть источников, соответственно переезд невесты осуществлялся после «постельного» обряда.

С середины до конца XX в. основной цикл свадебного обряда сократился, свадебные церемонии в доме родителей невесты свелись к встрече жениха, шуточному выкупу невесты, небольшому застолью. Основная свадьба начиналась с переезда молодых, все гулянья проходили в доме родителей жениха, там же совершался обряд бракосочетания (никах) и «постельный» обряд.

Накануне свадьбы устраивались посиделки (*цимылдык, цомолтых, чемултык, джелыш, утрала*) – вечеринки, на которых участвовала неженатая молодежь. Эти мероприятия были призваны подготовить молодых к свадьбе, это было прощание сверстников с теми, кто должен был после бракосочетания занять новую социальную нишу. В доме у жениха устраивали так называемый мальчишник – *нугяруй* («дом дружков») [Алишина, 1994, с.83; МАЭ ОмГУ, ф.1, п.145–4, к.476–478].

На вечеринке молодых неженатых ребят устраивали небольшое застолье, жених прощался с друзьями. На посиделки или девичник к невесте приходили подружки. Девушки пили чай, пели песни о той новой жизни, которая ждала невесту, о том, что останется она теперь без подруг, расплетали невесте волосы. Затем, по обычаю, девушка мылась в бане, а после сноха заплетала ей волосы в две косы, украшая каждую пятью монетами. Этот обычай связан со сменой статуса невесты, с переходом ее в другую возрастную категорию: до замужества девушка заплетала одну косу, замужняя женщина носила две косы на прямой пробор, отпуская их на спину [Татары, 2000, с.287; МАЭ ОмГУ, ф.1, п.158–2, к.197–198, п.113–2, к.224–231].

Женскую прическу (две косы на спине) начинали делать, «когда девку замуж можно уже выдавать». С этого времени и до глубокой старости женщины неизменно заплетали волосы в две косы.

За несколько дней до свадьбы в доме невесты проводился *туй хатым* (букв. «женский праздник»). О нем заранее объявляли, но никого специально не приглашали – приходили те, кто мог. Приносили с собой продукты, деньги. Туй хатым проводили для того, чтобы уменьшить затраты на свадьбу. Помощь широкого круга людей в подготовке свадьбы ярко иллюстрируют полевые материалы, собранные в с. Большие Туралы: «Чтобы помочь, приносили *саум* (это помощь продуктами, деньгами, посудой, кто чем мог). Вся деревня помогала, вся деревня и гуляла. Была даже пословица: «Если есть два коня, режь одного».

Непосредственно свадьба начиналась с того, что в дом родителей невесты приезжали гости, жених, его родственники, родители и знакомые. Празднества в доме невесты именовались *кас (кыз) туй* («праздник у девушки»). Собиралось большое число участников свадьбы, помимо родственников жениха и невесты обязательным было присутствие сверстников вступающих в брак, а также соседей, жителей деревень, к которым принадлежали молодые люди. Участие в свадьбе всей деревни было реликтом прежней социальной организации, предусматривающей контроль за браком со стороны общины. Перед женихом сторона невесты начинала чинить препятствия, закрывала ворота, двери, перетягивала проход веревкой. За проход на территорию невесты жених отдавал символическую плату. На богатых свадьбах при входе ставили казан с водой (замутненной мукой), в который все гости бросали монеты. В селе Уленкуль Большереченского района Омской области зафиксирован обряд *ишикпау* («дверная веревка») – жених должен был купить вход в дом невесты.

В первый день свадьбы жених не должен был видеть невесту. Молодых разводили по разным комнатам. «Невесту помещали в отдельную комнату. С женихом невеста рядом сидеть не могла, только после того, как минует брачная ночь. А до этого невеста сидела за ширмой с сестрой или племянницей мужа». С женихом сидели его свидетели, справа – *унг* («правая рука»), слева – *сул* («левая рука»), *нугэр* – дружки жениха или младшие родственники, с невестой – ее подруги. В этот день празднества, как правило, проходили без участия невесты. Молодые выходили к столу только на второй день свадьбы. Типичной была ситуация, когда «жених участвовал в застолье, а невеста с девками пряталась в том же доме, пока время спать не подошло» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.158–2, к.216–224].

Прежде за стол садились старшие родственники и приглашенные, потом гости среднего поколения. Молодежь гуляла отдельно. Традиционно мужчины и женщины праздновали либо в разных помещениях, либо за разными столами [Томилов, 1980, с.32; МАЭ ОмГУ, ф.1, п.158–2, к.206–210], но уже со второй половины XIX – начала XX вв. у сибирских татар существовала относительная свобода женщин, замужние приходили на свадьбу вместе с мужьями и угощались вместе [Валеев, 1993, с.137]. Следует отметить особое отношение к родственникам невесты на свадьбе – для них за

столом оставлялись лучшие места, сторона жениха прислуживала родителям невесты, показывая тем самым уважение и почитание.

В первый день свадьбы все торжества проходили в доме родителей невесты. В этот период продолжались обменные отношения двух сторон. Праздничный стол готовила сторона невесты. У татар Среднего Прииртышья существовал довольно обширный круг обычаев, связанных с преподнесением различного рода угощений. Как отмечает Ф.Т. Валеев, у тарских татар существовал обычай поднесения «блюда жениха» (*кияу табак*). Это угощение состояло из 12 наименований (плов, вареное мясо, пельмени, баурсаки и др.). Его готовили для родственников жениха родственники невесты. Это блюдо предназначалось только для мужчин. После угощения по традиции выносили поднос и пускали по кругу, гости складывали на него подарки и деньги [Валеев, 1993, с.137].

Известен курдакско-саргатским и тарским татарам ритуал преподнесения традиционного татарского сладкого блюда *чак-чак*. Готовила чак-чак сторона невесты. В чак-чак был воткнут нож. Выкупали нож и первыми наматывали деньги на рукоять ножа сваты либо свидетели, в любом случае кто-нибудь со стороны жениха, потом блюдо передавалось гостям, и каждый делал то же самое. Если денег наматывали недостаточно, все гости кричали, что нож тупой, если деньги были большими, – кричали, что нож острый. Последний из гостей резал чак-чак, потом с ним пили чай. Собранные деньги предназначались для молодых, их подсчитывали старшая сестра и сноха жениха и невесты и объявляли о сумме, поднос с деньгами во время подсчета держал брат жениха. Обряд преподнесения традиционного свадебного блюда чак-чак известен всем группам сибирских татар, проводили его и поволжско-приуральские татары, вообще же, он является одним из характерных элементов татарской свадьбы.

Невеста готовила курник, жених разрезал его и раздавал гостям за плату. Такое угощение, как *пялец, пялич* – пирог круглой формы из муки, мяса, риса, молодым преподносила старшая сноха на подносе, покрытом белой материей. Жених обволакивал рукоять ножа деньгами, возвращал пирог снохе, та забирала деньги себе и обрезала края пирога. Пялец дарили жениху и невесте. Иногда пирог разрезала мать невесты, за что жених расплачивался с ней мелкими монетами. Упоминается в источниках обычай преподнесения молодым пирога прямоугольной формы, на котором была надпись, сохраняющая от сглаза. В этнографических материалах не зафиксировано, когда дарили это угощение, но возможно, в доме родителей жениха, при встрече молодых у порога.

Родители и родственники одаривали молодых подарками (*пулек*), новобрачные, в свою очередь, готовили небольшие подарки для гостей. В этот круг обменных отношений включалось максимальное число участников свадьбы. Так, в с.Уленкуль после ритуального разрезания чак-чака все гости начинали дарить подарки молодым: «Каждый гость выкрикивал: «Я даю овцу!», «Я – барана!» Кто-то дарил деньгами. Деньги складывали на специальный поднос». В с.Большие Туралы зафиксирован обряд одаривания женихом младших родственников невесты *кияу емеш* («изюм от зятя») – чтобы они называли его зятем.

Обмен ценностями сочетался с обменом силой. Борьба между родами имитировалась в шуточной форме в ходе свадебных игр: «…На свадьбе борцы мерили силу. Это была борьба равных. Очень сильных людей, способных легко победить не допускали к поединку». На свадьбах устраивали конные скачки, борьбу, соревновались в стрельбе по ложке, привязанной к высокому столбу. В с.Карагай к конным бегам готовились задолго до свадебных празднеств: «…Обязательным условием свадьбы были лошадиные бега. Каждый хозяин для таких случаев выращивал свою лошадь, обучал мальчика-наездника (часто своего сына или соседа). За победу в бегах давали хороший приз». Распространенной была игра *килен туе* («невестина свадьба»), являющаяся одним из наиболее архаичных элементов свадьбы. Невесту похищали и прятали ряженые (делал

это часто младший брат матери невесты), жених со свидетелями должны были отыскать ее и заплатить выкуп. С женихом рядились подружки невесты или племянницы. Игра показывала богатство и щедрость жениха. Другой вариант данной игры – когда невесту и несколько девушек накрывали длинным покрывалом, а жених должен был узнать свою невесту и заплатить организаторам игры выкуп.

Свадьбы проходили празднично и весело. Кульминационным моментом была вечерняя свадьба (*кицке туй*). Гости танцевали и пели свадебные песни (*жалеем*), такие как «Яр-Яр», «Ай ла ли», «Биршахи», «Умурзай», «Нахабет». Широко известны в среде сибирских татар с середины XIX в. свадебные обрядовые песни казанских татар. Наряду с татарскими народными песнями исполнялись и казахские, такие как «Караторгай», «Мазлума» [Валеев, 1980, с.164]. В песнях славили жениха и невесту, выражали добрые пожелания. Исполнялись и шуточные песни, в которых шутили над родственниками молодых. Свадебные танцы назывались *туй котунья*. Устраивались конкурсы на лучшего певца и танцора. Победители получали призы. Если среди участников свадьбы не было умеющих играть на музыкальных инструментах, тогда специально приглашали скрипача или гармониста.

Как правило, свадьбу проводили два старших человека от семьи жениха и невесты (часто старшие братья молодоженов), это могли быть также сваты или другие люди, смотря по договоренности. Называли их *баш код(т)а* («голова-сват, главный сват»). Помимо организации развлечения и увеселения гостей они следили за порядком на свадьбе: «…Следили, чтобы драк не было, если драка будет, молодые плохо жить будут» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.145–4. к.476–478].

На следующий день после гулянья, а иногда в тот же вечер, или днем до всех намеченных торжеств совершали мусульманский обряд бракосочетания *никах (ниге)*. Эта церемония в некоторых селениях татар Среднего Прииртышья проводилась за месяц до свадьбы или во время свадебных торжеств в доме родителей жениха. Мусульманский обряд бракосочетания является наиболее значимым в серии свадебных торжеств у народов, исповедующих ислам. По религиозным канонам никах – это наставление молодым, смысл которого – достижение не богатства, а счастья. Никах имеет чёткий ритуал: исполняются обязательные действия, произносятся обязательные вербальные формулы, применяется определённая атрибутика, нередко обусловленная этической традицией. Так, к примеру, при совершении никах необходимо огласить: имя девушки, имя жениха, имена их отцов, имена свидетелей, вид махра и его количество.

По экспедиционным материалам, полученным в поселениях сибирских татар, мы можем сделать вывод о том, что мусульманские нормы брака ими соблюдались непоследовательно и не в полном объеме. Так, терминов «завадж», «хитба», «зифаф», «сига», «урс», «валима» не зафиксировано, термин «махр» бытовал у тарских татар (и то, как правило, отождествлялся с калымом). Никах – по мусульманским канонам – фактическое вступление молодых в супружеские отношения. У сибирских татар этот мусульманский обряд имел (и имеет до сих пор) широкое распространение.

Никах у разных групп сибирских татар проводился по одной общей схеме, но различался по времени проведения этого обряда и количеству участников. Иногда с никаха начиналась собственно свадебная церемония. Невесту с подругами и жениха с дружками размещали в разных помещениях. В отведённой комнате рассаживались мулла и мужчины, которые были участниками никах. Обычно жених и невеста не присутствовали на никах. Их заменяли отцы, либо специальные представители (иногда это были сваты), которые по указке муллы должны были сходить к жениху и невесте и, вернувшись, подтвердить их согласие на брак. Иногда этого не делали: считалось, что достаточно согласия их отцов [Томилов, 1983, с.84; МАЭ ОмГУ, ф.1. п.113–2. к.231–236; п.105–2. к.96].

Никах обязательно проводился в доме невесты. В случае, когда жених не участвовал на никах, невеста могла находиться в одной избе с присутствующими, но за занавеской. Часто за невесту громко отвечала другая женщина, чтобы было слышно мулле [Валеев, 1993 с.138].

Никах начинался с фиксации в бракоразводной книге материальных условий заключения брака, которые касались обеспечения невесты со стороны жениха – *махр, мэхэр*. «Мулла в книгу записывал всё о калыме (сколько уплачено, кто будет дальше платить – отец или жених), какая часть в случае развода должна была остаться за женой и т.д.» [Ахмаров, 1907, с.21]. Сюда же записывалось имущество, которое отдавалось в собственность молодой, а также перечень вещей для невесты.

После записей в метрической книге мулла спрашивал о согласии молодых на брак. В первой четверти XX в. присутствие жениха и невесты на церемонии стало обычным явлением. Молодых подводили к мулле, он спрашивал о согласии жениха и невесты вступить в брачные отношения, узнавалось мнение родителей. Получив утвердительный ответ, мулла зачитывал выдержки из Корана, посвящённые бракосочетанию.

На этом, собственно, религиозная часть свадебного обряда завершалась. За совершение обряда отец жениха давал мулле денежную плату – *садака* («милостыня»). А мулла, в свою очередь, дарил молодой бусы, платок и гребень (обычай зафиксирован у тарских татар), иногда невесту одаривала мать жениха. Жених, признавая своей женой невесту, должен был покрыть ее голову платком с кистями. Этот обряд завершал процедуру приобретения невестой нового социально-возрастного статуса.

После молитвы всем присутствующим отец жениха, либо сам жених раздавал мелкие деньги (*хаир*). В ответ все пришедшие на никах приносили с собой и оставляли небольшие подарки или деньги. Специально для этого на столе выставляли плоскую тарелку, поверх которой расстилали платок, или же кто-то из родственников обходил присутствующих с подносом для даров. Потом разносили щербет – горячий сладкий напиток, отведать который должен был каждый, чтобы жизнь у молодых была сладкой (наибольшее распространение этот обычай получил у тарских татар). Готовили и подносили щербет родители невесты. Сначала пил мулла, жених и невеста (или их доверенные лица), родители, а затем все присутствующие. Гости, выпивая, говорили пожелания молодым. Этот сладкий напиток как обрядовый, свадебный встречается и у других народов, исповедующих ислам (поволжско-приуральских татар, узбеков, таджиков, азербайджанцев и др.) [Тихомирова, 2004, с.51–54]. Затем устраивали застолье для старших людей, готовили плов, беляши, ели масло, принесенное стороной жениха, мясо барана. Его резали в этот же день, горячая кровь животного была необходима, как благодарность освятившему брак Богу. До тех пор, пока мулла сидел за столом, никто из присутствующих не употреблял спиртного. Только после его ухода разрешалось распивать спиртные напитки.

Поздним вечером жених со своими двумя дружками, которые сопровождали его в ходе всей свадьбы, с молодыми парнями отправлялся с песнями и шумом в дом, где ждала невеста с подругами и женами братьев [Валеев, 1993, с.138]. У дверей комнаты жениха встречали родственники невесты, только мужчины, или же старшая сестра девушки с мужем, они требовали платы за дверь, то есть за право войти в комнату. Ф.Т. Валеев говорит о существовании неких символических действий, осуществлявшихся при входе жениха, он должен был наступить правой ногой на белое полотно, которое символизировало белую дорогу, счастливую жизнь, его осыпали из тарелки изюмом, сладостями и мелкими монетами [Валеев, 1993, с.139]. Для первой брачной ночи для молодых заранее готовили либо отдельную комнату в доме невесты, либо свободный дом. В отдельных случаях первая брачная ночь проходила в доме жениха. В д.Юрт-Саусканы зафиксирован обычай *биш алтын* («пять золотых»), согласно которо-

му вечером после пира жениха провожали в дом к невесте, запирали их, а ключ отдавали доверенному лицу (сестре или тетке жениха). Утром жених с невестой не выходили к гостям до тех пор, пока «сваты не дадут денег на дверные крючки». В некоторых деревнях был распространен обычай развязывания невестой пояса жениха.

Затем проводили церемонию открывания покрывала – *цомак, ачамлык* (в значении «головной платок») с головы невесты. Мальчик пяти-семи лет, племянник или другой родственник жениха, трижды поднимал двумя деревянными палочками (веретенами или ложечками) шаль, скрывавшую лицо невесты. Когда покрывало убирали, невесте расплетали волосы. Ритуал открывания покрывала чаще совершали в доме родителей жениха. Этот обряд был известен не только курдакско-саргатским и тарским татарам, проводился он у казанских татар, узбеков, каракалпаков, казахов.

В день первой брачной ночи жених дарил невесте конфеты, изюм и другие сладости. Ритуалы осыпания и дарения изюма, орехов связаны с религиозно-магическими представлениями сибирских татар о плодовитости, считалось, что совершение этих действий – залог удачи в делах произведения потомства [Валеев, 1993, с.134].

Постель и угощения для молодых готовила старшая сноха *янга (енге, енке)* – жена старшего брата или любого старшего родственника. Жених платил женщине за постель, и новобрачных оставляли, запирая в комнате. Старшая сноха топила всю ночь для молодых баню, будила их в пять-шесть утра. Функции янги в свадебных торжествах были достаточно обширны. Она неотступно следовала за невестой на протяжении всех этапов свадьбы, несла ответственность за охрану молодых. Постель новобрачных проверяла свекровь, старшая сноха, либо отец жениха.

Если девушка оказывалась нечестной, родственники жениха могли поднять скандал, выгнать девушку. Событие выносилось на суд общества. Жених мог отказаться от такой женщины. Существовали обычаи, позорящие семью невесты: мазали ворота дегтем, вешали на забор дырявые горшки, обрезали их лошади хвост «под самый корень», или «если нечестная – жених мазал ворота ее дома смолой, или привязывал черную атласную ленту, а если наоборот – красную», «если невеста нечестная, то среди ночи жених от нее убегал, утром приходили открывать молодым, а там только невеста – и все всё узнавали». Но чаще проблема решалась в кругу семьи и брак не расторгался: «…Если девушка оказывалась нечестной, жених молчал и жил», «…У русских простынь показывали и хомут матери одевали, если нечестная. А у татар, если не девушка – молчал жених. Хотя по такому поводу и разводы были возможны» [МАЭ ОмГУ, ф.1. п.158–2. к.202–205; п.2–11. к.175]. После первой брачной ночи близкие родственники поздравляли жениха, жених, в свою очередь, благодарил невесту.

Необходимым действием было очищение молодых в бане – *интовляр* («вновь рожденные», или «вновь прикрепленные»), *мунча* («баня»). Баню готовили женщины. «Накануне желающим (только женщинам) говорили: «Кто желает жениху с невестой к шести часам утра баню истопить?». А для «желающей» в бане уже подарок приготовлен: либо платок с деньгами, либо отрез на платье, или другое что» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.2–11. к.152–159]. Часто баню для молодых готовила янга. Новобрачные в баню шли вместе, но некоторое время мылись отдельно. Иногда сначала в баню шел жених, а потом невеста. В д.Черталы жениха парил его отец, а невесту ее мать, если родителей не было, это делали родители близкого друга или подруги молодых. В бане под тазом жених оставлял подарок для снохи (платье, платок или отрез ткани), в знак того, что невеста была непорочна, целомудренна, если напротив девушка была не честна – под тазом оставляли мыло. В д.Ильчебага зафиксирован аналогичный по смыслу обычай: «Сноха, топившая баню, оставляла на подоконнике глиняный горшок, если накануне ночью у молодых все прошло благополучно, молодой муж кидал туда монеты, а если нет – разбивал горшок вдребезги». В д.Малая Кова для тех, кто готовил баню, жених и

невеста оставляли деньги под мылом. Похожие обычаи были известны не только курдакско-саргатским и тарским татарам, но и томским татарам [Томилов, 1983, с.86].

В то время как жених с невестой мылись в бане, в доме невесты пекли блины и оладьи с медом. При выходе из бани молодых угощали, желая при этом «жизни сладкой, как мед и мягкой, свежей, как оладьи».

После первой брачной ночи мать жениха повязывала на голову невестке платок: «После замужества невестка должна была всегда на людях появляться с покрытой головой». В это утро, как свидетельствует Ф.Т. Валеев, проходил обряд приветствия жениха (*салом*). Готовилось угощение для родителей невесты, жених кланялся родителям и родственникам жены, а молодая дарила племянникам подарки, приготовленные мужем [Валеев, Томилов, 1996, с.107; МАЭ ОмГУ, ф.1, п. 8–7, к.857–858]. Таким образом, сторона жениха одаривала сторону невесты, начинался новый круг обменных отношений. Ответные дарения совершались уже в доме родителей жениха.

К следующему этапу свадебного обрядового цикла относится церемония переезда новобрачных, ее устраивали либо на второй день свадьбы, либо через неделю, старались приурочить переезд к четному дню, выезжали днем, после обеда. У курдакско-саргатских татар сохранился термин *туй киты* («свадьба уехала»), обозначающий переезд молодых в дом жениха. В обряде участвовали молодые, родственники и приглашенные. Свадебный поезд состоял из 10–12 повозок, покрытых коврами, празднично украшенных цветами, атласными лентами, колокольчиками. Во главе поезда ехали новобрачные, в одной повозке с молодой находились брат со снохой, сестра с мужем и подруги невесты. Жених ехал в соседней повозке с друзьями и свидетелями. Прочие подводы занимали остальные участники переезда – родственники новобрачных. Иногда переезд новобрачных проходил раздельно: сначала выезжал жених, несколько позже невеста: «Невесту везут отдельно на телеге вместе с приданым» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.11–3, к.1084–1085]. Х.Ч. Алишина зафиксировала у татар Тоболо-Иртышского региона (к сожалению, групповая принадлежность не указана) термин *пилсэ*, характеризующий обряд переезда невесты с приданым в дом жениха [Алишина, 1994, с.82]. Часто молодые ехали вместе в одной повозке.

В переезде не участвовали только родители невесты, с дочерью они прощались у порога. Невеста прощалась с родным домом, матерью, отцом, подругами. Родители невесты оставались дома. У курдакско-саргатских татар, когда невеста выходила из дома родителей, ее осыпали деньгами и сладостями, которые затем собирали маленькие дети; в дорогу невесте отдавали чак-чак (его преподносили стороне жениха). Мулла читал молитву, желая счастливой дороги молодым. По обычаю, свадебный поезд при выезде со двора направлялся на юг, в сторону Каабы, куда во время молитвы обращаются мусульмане [Валеев, 1993, с.139].

Переезд имел символический характер, его устраивали, если даже жених и невеста проживали в одной деревне. Свадебная повозка тогда несколько раз объезжала ее и возвращалась. Переезд нередко сопровождался музыкой, пением.

Перевоз часто сопровождался ритуальной борьбой сторон жениха и невесты. Поезду могли перегородить дорогу веревкой, бревном, чтобы преодолеть препятствие, жених должен был заплатить выкуп: «…Когда ехали от невесты, маленькие мальчишки, взрослые перекрывают дорогу. Тогда жених подкидывал им деньги, они их собирали и расходились», или другой вариант: «…Выстраивались на дороге и всячески старались не пропустить телегу: стреляли холостыми из ружей, останавливали бревнами, веревками, натягивали арканы. Требовали водки и денег». Дорогу перегораживали неоднократно [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.84–2, к.792–793; п.105–2, к.90]. Так, не без трудностей, свадебный поезд добирался до ворот дома родителей жениха.

У тарских татар существовал очень примечательный и самобытный обычай, совершавшийся во время переезда – *сулэк* («удила»): к дуге лошади, перевозившей повозку невесты, привязывали платочек с медными деньгами, а молодые парни и девушки, встречающие поезд, старались сорвать его: «Кто смелый, этот мешочек мог сорвать во время движения повозки», или другой вариант: «в узде прятали бумажную купюру. Некоторые друзья выстраивались вдоль дороги, создавая «коридор». Лошади начинали метаться на всем скаку, а самый лихой мужик должен был успеть вырвать эту деньгу и остановить лошадь. Купюру он забирал себе». Считалось, что у того, кому удавалось это, должна скоро состояться свадьба.

Значение такого события как переезд (*куч, куц*) во всем комплексе свадебных обрядов велико. Свадьба по-татарски *туй,* источники упоминают и такое ее название – *куч, куц* («куч» от древнетюркского «кос» – передвигаться, переезжать). Второе значение термина «куч» – свадебный поезд (ряд повозок, нагруженных имуществом невесты при переселении ее в дом жениха) [Тумашева, Насибуллина, 2000, с.58].

Возле ворот, где останавливался свадебный поезд, был вырыт ров, который должны были переехать подводы жениха и невесты. Считалось, если новобрачные пересекут его удачно, то жизнь у них будет счастливой и долгой. Желательно было подъехать к дому с правой стороны. Испытанием для гостей, желающих пройти во двор дома родителей жениха, являлась рюмка водки.

Ф.Т. Валеев указывает на существование у всех групп сибирских татар в XIX в. в данном цикле свадебных обрядов древнего религиозно-магического ритуала «очищения» молодых огнем [Валеев, 1993, с.142–143]. При встрече свадебного поезда во дворе дома жениха или у ворот его дома разводили костер. Повозка, в которой находились молодые, должна была проехать через него. В полевых источниках информации о бытовании данного ритуала у тарских татар не сохранилось. У курдакско-саргатских татар в полевых материалах имеются сведения об «очищении молодых огнем»: «…При входе в дом жениха, у порога жениху и невесте кидали под ноги тлеющее полено», или: «…Когда невеста переходила порог дома жениха, ей под ноги бросали горящую березу. Она закрывала лицо и переходила порог» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.159–1, к.129–133, 140–14]. Упоминание об обряде «очищения огнем» содержится в полевых материалах, собранных у барабинских татар.

Во дворе для молодых стелили ковровую дорожку или половик, первой на нее ступала невеста, сопровождаемая старшей сестрой и снохой, следом за ними шел жених со свидетелями. Отец и брат жениха осыпали молодую деньгами и сладостями. «…У ворот дома жениха молодых осыпали зерном (обычно это пшено или рис) или монетами – чтобы в доме богатство прибывало». При въезде свадебного поезда во двор молодые мужчины, стоящие по обе стороны ворот, два-три раза стреляли из ружей в воздух, как бы отпугивая зло, нечистую силу, рвущуюся в центр упорядоченного своего мира из мира «чужого», находящегося за воротами: «…Стреляли из ружья, чтобы отпугнуть шайтана и созвать гостей». Был также распространен обычай стрельбы из ружей по деревянным ложкам: «Маленькую деревянную ложку подвешивали на высокий столб. Кто попадал, получал подарки» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.158–2, к.206–210, 192–193, 182–183; п.145–4. к.476–478].

После того, как все препятствия, связанные с трудностью преодоления границ нового «мира», остались для невесты позади, вступали в силу ритуальные действия, направленные на постепенное включение молодой в круг родственников мужа. Вероятно, существовали обычаи приобщения девушки к новому очагу, дому, поклонения предкам, но в материалах экспедиций, к сожалению, они не нашли отражение.

Перед тем, как войти в дом, невеста должна была встать на подушку *(ястык)*, положенную у порога свекровью: «чтобы ноги у невесты были легкими». Гости со стороны

жениха осыпали ее конфетами, под ноги бросали мелкие серебряные монеты, маленькие баурсаки. Подружки невесты пели для нее песни, поздравления – *туй тжере*. Свекровь давала невестке мед или сливочное масло: «чтобы она была послушной, чтобы уста ее были сладкими». Затем медом и маслом угощала сына: «чтобы жизнь была сладкой и богатой». Молодых угощали сладкой, соленой и медовой водой: «Чтобы хлебнули всего помаленьку в жизни. Чего больше хлебнут, такая жизнь и будет». Зафиксирован также обычай выпивания молока молодыми из одной кружки: «…Первая отпивала невеста, затем жених – чем больше она оставляла, тем больше в будущем будет любить его» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.2–11. к.212; п.145–4. к.476–478; п.84–2. к.778–781, 782–784; п.158–2. к.184, 211–214; п.159–1, к.118–120, 129–133, 138–139; п.160–1, к.35–38, 39–40; п.144–1, к.62–53]. Обычай этот был известен не только курдакско-саргатским и тарским татарам, но также и другим группам сибирских татар, бытовал он и у ряда групп поволжских татар. У ног невесты рвали материю: «У порога стояли с обеих сторон двери две женщины из родни жениха – у каждой в руке один из концов куска материала. Этот кусок был надорван посередине. Когда невеста проходила через порог, требовали, чтобы она переступала его правой ногой и ей порвала материю». Аналогичны по сути действия с лентой или веревкой: «…На двери натягивали надорванную ленту, невеста с правой ноги должна была наступить и разорвать ее. Под лентой лежала подушка, на которую наступала невеста» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.144–1. к.62–63; п.145–4. к.463–468, 476–478, 479–487]. Новобрачных благословляли и преподносили им круглый хлеб с солью.

В этот день во дворе устраивали продажу приданого. В дом родителей жениха его вез отец невесты незадолго до переезда дочери. Продавал приданое родной младший брат девушки, выкупал отец жениха. В с.Большие Туралы был зафиксирован этот обычай: «Невеста с собой привозила сундук и ее младший брат или другой младший родственник сидел на сундуке и в игровой форме распродавал родичам жениха приданое. Долго торговались. Начинал со 100 рублей, потом отпускал постепенно цену». В д.Юрт-Саусканы, напротив: «Если жених начинал торговаться, то приданое увозили, потом привозили и требовали еще больше денег. Если жених не выкупил приданое, над ним смеялись: «Сам бедный и такой женился!» Поэтому когда приданое привозили снова, то жених уже не торговался, а покупал. А тот, кто привез, еще больше требовал. Приданое привозил либо брат, либо дядя невесты – никакой разницы» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.145–4. к.476–478, 490; п.2–11. к.152–59].

В некоторых поселениях татар Среднего Прииртышья обряд религиозного бракосочетания (никах) проходил в доме родителей жениха в день переезда молодых, в этом случае длительных церемоний в доме родителей невесты не проводили, основная свадьба проходила в доме жениха.

Свадебные торжества в доме родителей жениха (*егит туй)* полностью копировали празднества, проходившие в доме родителей невесты. Происходил очередной круг обменных отношений: дарили «кто что имеет – платок, гусей, баранов, мануфактуру», свекровь дарила невестке богато украшенный платок. Жених дарил младшему брату невесты нож (этот обычай носил название «дорога в зятья»). Многочисленные обмены ценностями, подарками сопровождались обменом силой. Родственники жениха устраивали второе застолье. Гуляли несколько дней. Подобное дублирование действий на территории жениха – характерная особенность свадебных обрядов многих народов Сибири [Новик, 1984, с.185].

В доме жениха невеста должна была сидеть отдельно от гостей за занавеской, лицо девушки скрывала легкая шаль, покрывало. После того, как гости и посторонние расходились, устраивали церемонию открывания покрывала с головы невесты. Племянник жениха деревянными палочками трижды поднимал шаль, невеста сопротивлялась. Церемония снятия покрывала могла проводиться и сразу после приезда невесты

(если праздник в доме жениха длился один день): «…гости подходили к невесте и дарили ей подарки. Подводили к ней двух (если родня большая) или одного мальчика со стороны жениха с двумя ложечками в руках. Он открывал ей лицо в три приема – в первый раз подбородок открывал, во второй до носа, в третий до макушки. Если чужой пришел, сразу лицо ей закрывали и плату с него требовали, если рассмотреть ее хотел» [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.1–24, к.1188–1189; п.145–4, к.476–478].

Устраивались своеобразные смотрины, родственники жениха знакомились с новобрачной, дарили ей подарки. В целом у татар Сибири достаточно широко бытовал обычай смотрин невесты или жениха (*кияу курештеру, килен курештеру*). Смысл обычая заключался в том, что пришедшие на свадьбу односельчане одаривали невесту и жениха подарком, сопровождая рукопожатием и поцелуем, тем самым, признавая факт «повышения» социального статуса новобрачных [Бакиева, 2003, с.138].

Только после того, как покрывало снимали, молодая жена могла показаться на людях. На второй день (если празднества продолжались несколько дней) она приветствовала родителей и родственников мужа, желала им долгих лет, здоровья, дарила подарки. Проходило, так называемое, «приветствие невесты» – *килен салом*. В этот день молодые приступали уже как хозяева к обычным домашним делам

В своей работе Ф.Т. Валеев упоминает об обряде проверки невесты, который существовал у сибирских татар в прошлом [Валеев, 1993, с.140]. Согласно традиции, невеста должна была замесить тесто, нарезать лапшу, сварить суп. Гости смотрели как она печет курник, блины, хлеб. Если она справлялась хорошо, ей пели *афарин* (араб. – «хвала, честь»).

Послесвадебные обряды

Заключительным этапом свадебной обрядности сибирских татар является визит новобрачных и родственников жениха в дом родителей невесты – *турген*. У тарских татар в деревне Тоскино первый визит молодоженов в дом невесты обозначался термином *хальбетр* (возможно, от арабского слова *батр΄ун*: «отделение, отсечение»).

Обычай этот известен не только курдакско-саргатским и тарским татарам, он также зафиксирован у барабинских татар. Турген собирали обычно через неделю – две после свадьбы. Здесь присутствовала вся родня с обеих сторон: «Это обычай, закрепляющий союз двух семей окончательно». В некоторых источниках этот обычай обозначается как вторая свадьба [МАЭ ОмГУ, ф.1, п.84–2, к.790–791; п.145–4, к.476–478]. В с. Большие Туралы *турген* называли «свадьбой для стариков», так как на нем присутствовали только старшие и пожилые родственники. На *турген* основным угощением были блины, чай. Спиртного на этом празднике не употребляли. Продолжительность визита не превышала одних суток (в редких случаях упоминается о двух – трехдневном визите). Молодые везли с собой подарки для родных. После *турген* они возвращались в дом родителей мужа. Взаимный визит родителей молодой проходил не раньше, чем через месяц.

В литературе описан обычай обхода новобрачными односельчан после свадьбы: «В каждом доме для молодых устраивалось не только угощение, но и дарились подарки. Происходило признание односельчанами новой семьи» [Бакиева, 2003, с.139].

Первое время молодожены жили в доме родителей мужа, часто это длилось до тех пор, пока не появлялись дети. После переезжали в свой дом, однако селились недалеко от родителей. Если женился младший сын, то он и его жена оставались с родителями.

Адаптация девушки в новой семье проходила трудно. Для нее сохранялись определенные ограничения, которые подчеркивали ее чужеродность. От трех недель до полугода невеста не должна была показываться свекру. Не разрешалось ходить босиком, открывать ноги, колени, кисти рук, шею, снимать платок и расчесывать волосы перед родителями мужа: «Невестка при свекре ходила всегда с покрытой головой, пока не рожала ему первого внука», «она должна была держать себя в дисциплине» [МАЭ

ОмГУ, ф.1, п.8–7, к.857–858, 877–879; п.158–2. к.185–188, 211–214]. После свадьбы невестке запрещалось выходить на улицу до двух недель, ходить одной к своим родителям. Около года невестка не участвовала в общественных работах (в уборке и заготовке сена и т.д.), выполняя хозяйственные дела в пределах дома (стирка, уборка, приготовление еды).

Обрядами послесвадебного цикла завершается проведение обширного традиционного свадебного комплекса у сибирских татар. Все дальнейшие обрядовые действия совершаются в рамках вновь созданной семьи.

§ 4. Родильные обряды

Зайтуна Тычинских

Среди обрядов семейного цикла сибирских татар наименее изученным и описанным в этнографической литературе является комплекс родильных обрядов, которому посвящена данная работа, основанная на материалах полевых исследований, собранных автором в Вагайском, Тобольском районах Тюменской области, а также в Большереченском и Муромцевском районах Омской области. К работе также привлечены материалы Ф.С. Баязитовой, собранные у сибирских татар в Тюменской, Омской, Томской и Кемеровской областях, опубликованные в книге «Себер ареалы татар диалектларында этнокультура лексикасы» [Баязитова, 2010].

Рождение ребенка у сибирских татар всегда рассматривалось как одно из важнейших событий, как для семьи, рода *тугума*, так и в целом для общины. В татарских селениях традиционным является уважение к многодетным семьям. Ф.Т. Валеев приводит пословицу, записанную им в Тобольском районе Тюменской области: «*Палалы ой – гулистан, паласыс ой – гуристан* / Дом с детьми – цветущий сад, дом без детей – кладбище», которая ярко характеризует значение детей в жизни семьи и общества. Молодая же бесплодная женщина, как указывает далее автор, часто становилась объектом пересудов. Таких женщин называли *корык* (сухая, пустоцвет) [Валеев, 1993, с.144]. Причем, виновной в бездетности семьи всегда считали женщину. Мужчина в этом случае имел право брать еще одну жену, и, как указывают информаторы, бесплодная жена была в семье в менее привилегированном положении. «Было и такое, что жили с 2–3 женами, если жена не могла родить ребенка. Брали в жены обычно близких родственниц жены. Если жена умирала, то брали в жены ее младшую сестру, чтобы помогала растить детей» (д.Второвагай Тюменской обл.).

По отношению к беременной женщине у тоболо-иртышских татар употреблялись термины – *пуйнлы, аур аяклы, корсаклы.*

Время, когда ребенок должен родиться, подсчитывали по времени последних регул (*итак-кер*). Женщина о своей беременности могла сообщить мужу, сестрам, близким людям (д.Второвагай Тюменской обл.). Информаторы также сообщали, что основными признаками наступления беременности являлись появившиеся у женщины прихоти в еде. Указывали на то, что обычно месяца в 1,5 женщина начинает чувствовать, что забеременела. Косвенными признаками являлось появление у некоторых женщин пятен на лице, происходили изменения во внешности. «Кто посмелее, те сразу сообщали о беременности мужу, кто был стеснительнее, то некоторое время умалчивали, пока положение не становилось явно заметно» (д.Чеплярово Омской обл.).

В предродовой период женщина должна была соблюдать целый ряд мер предосторожности. Беременным женщинам нельзя было одним ходить в баню (нельзя и сразу после родов), т.к. остерегались *албасты* – злого духа в образе женщины с длинными желтыми волосами и большой грудью (свои длинные груди она могла закинуть за спи-

ну)[1]. Считалось, что *албасты* может вынуть у женщины *эҗ*, т.е. букв.: матку, нутро, внутреннюю часть, в результате женщина или плод могли умереть. «*Албасты* как старуха на глаза показывается». Аналогом *албасты* в поверьях заболотных татар выступает *ацыс*, *ацыс-корткаяк*, которая является вредоносным для ребенка и беременной женщины существом. Описания *ацыс* сходны с описаниями *албасты*: *ацыс корткаяк* также предстает в образе старухи с желтыми волосами и большими грудями.

Беременной женщине нельзя было входить в дом, где кто-то умер, провожать покойника. Нельзя было провожать гостей, т.к. считалось, что в случае нарушения данного запрета роды будут тяжелыми или могут задержаться. У тарских татар беременной женщине, входившей в дом с покойником, надо было обязательно воткнуть в одежду иголку (д.Чеплярово Омской обл.). Во время беременности нельзя было вязать, вышивать, иначе считалось, у ребенка скрутится пуповина.

Если беременная женщина хотела что-нибудь поесть, она должна была обязательно сообщить об этом мужу, близким родственникам. *Йорак, йорак аш* (букв.: от *йорак* – «сердце» и *аш* – «еда») – называли пищу, которую желала кушать беременная женщина. Считалось, что если не дадут беременной желаемый продукт, то ребенок может родиться с недостатками. У всех групп опрашиваемых отмечалась обязательность удовлетворения пожеланий беременной. Причем, исполнить их являлось богоугодным делом – *саваплы*.

Готовить необходимые принадлежности для ребенка до его рождения было запрещено. В поговорке, бытующей у сибирских татар *тумаганка тус пешек* (букв.: «не родившемуся – берестяная колыбель»)[2], просматривается опасение того, что ребенок может родиться мертвым. Поэтому приданое начинали готовить только после того, как ребенок появится на свет. Первое время только родившегося младенца заворачивали в подолы старых платьев, штанов.

Если случался выкидыш *пала еберу*, *пала китепкитате* (д.Второвагай, Тюменской обл.), обмыв, его хоронили на кладбище. Мертворожденного ребенка тоже хоронили на кладбище. Прежде чем похоронить, давали имя. Если девочка, называли Омырсая, если мальчик – Омырсан (у тарских татар в аналогичном случае встречаются наречение именами Габдулла и Амина). Было принято читать молитвы *хатым* на 3, 7 дней. Детей, умерших в раннем детстве, хоронили так же, как и взрослых. По отношению к ним бытовал термин *нарасита*. «*Нарасита*, как птица над родителями летает, если в четверг *садака* даешь, а на том свете просит за своих родителей, чтобы их тоже к нему в рай отправили» (ю.Бегишевские Тюменской обл.).

Особая роль в родильном обряде отводилась повитухе. В татарской деревне повитуха всегда пользовалась большим почетом и уважением. Обычно повитухой была пожилая женщина, имевшая собственных детей и обладающая опытом ухода за грудными детьми. «Предполагалось, что женщина, помогающая ребенку родиться, вводящая его в мир людей, ограждающая маленькое беззащитное существо от злых духов, должна быть образцом чистоты, человеком исключительных моральных качеств. Помимо того, повивальная бабка должна выделяться своими личными качествами» [Баязитова, 2005, с.31].

Повитухе приписывалась определенная магическая сила, т.к. она выполняла важную роль в появлении на свет новой жизни. Посредническая функция повитухи между миром людей и миром потусторонним просматривается в широко распространенной у сибирских татар легенде о старухе-повитухе, одну из версий которой нам рассказали в

[1] Образ *албасты* широко распространен у многих народов, включая и тюркские, имеет характерные внешние черты (длинные желтые волосы, большая грудь), а также склонность приносить вред новорожденным младенцам и молодым матерям (авт.).

[2] *Тус* – береста. Захоронения в берестяных «гробах» у населения Сибири, в т.ч. тюркского, просматриваются по археологическим материалам [Росляков, 1998, с.54–56].

ю.Бегишевских: «Однажды жила одна старуха – *иналек*. Она обрезала пуповину многим детям. Потом однажды пришел какой-то человек и позвал *иналек*. Она пришла в указанное место, а там паре с длинными волосами. Паре принес ведро с молоком и в нем вымыл своего ребенка паре, после того, как *иналек* отрезала у того пуповину. Потом *иналек* потихоньку опустила в ведро свое кольцо. А когда ее обратно паре перенес, то она сказала невестке – давай посмотрим ведро с молоком, а оттуда кольцо старухи выпало. Она все рассказала, что с ней случилось, и велела невестке вылить это молоко в землю, прочитав молитву, 3 раза вымыть ведро и только потом уже в него доить корову. Молоко нельзя оставлять открытым, так же нельзя оставлять открытыми еду и воду – паре пальцем ткнет. Съев эту еду и выпив эту воду или молоко, человек мог заболеть».

Аналогичные поверья, связанные с повивальными бабками, встречались и в Заболотье (д.Ачиры Тюменской обл.). По ним повитухи, принявшие 100 детей, попадали к *паре*. Так, например, Карбанай-корткаяк, про которую рассказывали, что приняв 100 родов, она была повитухой у *паре*.

Г.И. Зиннатуллина отмечает следующие определения повивальных бабок, бытовавшие у тоболо-иртышских татар: *иналек* (от слова *ина* – мать), *кентек ина* (от *кентек* – пуповина и *ина* – мать), *картна* (бабушка), *аби/абей*, *колак ина* (от *колак* – ухо и *ина* – мать), *палапакцы* (*пала* – ребенок и *пакцы* – от древнетюрк. *багу*, т.е. смотреть) [Зиннатуллина, 2010, с.16]. Кроме того, в сибирско-татарском языке встречаются и другие термины, обозначающие данную категорию: *кентекце*, *кентекце ина, мамай, эбилек, иналек кортакяк, пешек ина, апай корткаяк*. Ф.С. Баязитова указывает на употребление в тюменском и тобольском говорах по отношению к повитухе термина *мамай*. Она также замечает, что термин *мамай* в значении бабки-повитухи активно употреблялся и в говоре астраханских татар [Баязитова, 2005, с.32]. На употребление термина *инака мамай* у поволжских татар указывает Р.К. Уразманова [Татары, 2001, с.356].

Повитуху приглашали к роженице тогда, когда начинались схватки. В дом к роженице она заходила с молитвой, помахивая подолом платья, как бы отгоняя от себя злых духов, которые могли войти в дом, при этом произносила заговоры. Подстерегавшие на каждом этапе беременную (роженицу) и плод (младенца) злые силы в образе *албасты*, когда *иналек* находилась рядом с роженицей, отходили.

Считалось, что *иналек* бывают *аягы егель* (букв.: с легкой ногой), тогда роды проходили легко. Рожали, сидя на нарах *урын*, *урынтык*. Под ноги ставили таз. Если плод лежал неправильно, опытная повитуха могла даже повернуть его в животе. *Иналек* следила за тем, как проходили роды. Когда отходили воды, заставляла роженицу тужиться. Если роженица долго не могла родить, *иналек* массировала, гладила (*сылау*) живот, при этом произносила молитву, заканчивая ее словами «*Минем кулым тугел – Айша-Фатиманег кулы* / Это не мои руки – это руки Айши-Фатимы».

Во время родов мужчин в дом не пускали. На родах повитухе обычно помогала жена старшего брата роженицы *енка*. Она сидела сзади роженицы, поддерживала ее, гладила живот, читая молитвы с пожеланиями благополучных родов (д.Второвагай Тюменской обл.). В деревне Тукуз нам указали на факт того, что в родильном обряде в случае тяжелых родов мог принимать участие муж роженицы, «муж стоит, под мышки держит жену, потрясает, а *иналек* в это время помогает ребенку выйти».

Роженицы не должны были стесняться кричать во время родов, а также сообщать о своих симптомах повитухе, иначе могли умереть. Если воды отходили раньше времени, то роды были тяжелыми. Считалось, что часто причиной трудных родов была тяжелая работа. Женщины работали раньше вплоть до самых родов. «Иногда прямо в поле и рожали» – указывали многие информаторы. Только когда «затяжелеют» – в 8–9 месяцев тяжелую работу не делали.

Если роды проходили очень тяжело, то *иналек* роженицу покрывала сверху покрывалом и била по нему горящим веником, чтобы выгнать *ель*. Иногда давала понюхать, как указывают информаторы, специальный нюхательный табак *самагица*. «Если понюхаешь, то потом родишь» (ю.Бегишевские Тюменской обл.).

Роды обозначались термином *кусе йару, кус ацылу*. Считали, что разрешение от бремени *кус ацылаты* (букв.: глаза открываются) происходит, когда выйдет послед *сун*. Если послед не выходил, то роженица могла умереть. «Если его вынет *албасты*, то потом женщина умирает». После того, как отрезала пуповину, *иналек* гладила живот роженицы, чтобы вышел послед.

Если родившийся ребенок не подавал голос, то громко били по металлическому тазу или ковшу. Ребенок, услышав громкий звук, начинал кричать [Баязитова, 2009, с.172].

Иналек сначала вытирала рот ребенку, потом мыла его в воде (в воду ничего не добавляли). Некоторые информаторы указывали, что и ребенка и роженицу мыли сразу после родов, а потом, когда уже пуповина отпадет, то снова мыли в слегка подсоленной воде (д.Тукуз Тюменской обл.). Другие указывали на то, что первый раз ребенка моют, когда заживет пуповина *кынтыге тошате паланыг*, т.е. через несколько дней. «В первый раз ребенка моет свекровь, старшая сестра или сама мать. Воду подсаливали» (ю.Бегишевские Тюменской обл.).

Иналек разрезала пуповину *кентек* ножом, обычно на серебряной монете, оставляя несколько сантиметров (отмеряла фалангой пальца), скручивала и перевязывала льняной (конопляной) ниткой *кентек-пау* у пупка. «*Омерег оссын пулсын, инаг-атаг белан ус* / Пусть жизнь твоя будет долгой, расти с отцом-матерью», – говорила благопожелания *иналек*, разрезая пуповину. Как пишет Ф.Т. Валеев, обычай перерезать пуповину на серебряной монете, по представлениям сибирских татар, обеспечивал новорожденному крепкое, как металл, здоровье и богатство [Валеев, 1993, с.144].

Пуповина отпадала через 3–5 дней, потом ее заворачивали в бумагу, которую складывали в щель. Женщина в этот период подвязывала живот платком.

С обрезанием пуповины и отпавшей пуповиной было связано множество поверий относительно будущей жизни ребенка. Пуповину хранили в старых книгах, засовывали в щели дома, вешали над дверью, подвешивали к колыбели, закапывали в землю во время сева, чтобы был хороший урожай (с.Ембаево Тюменской обл.). Также пуповину, завернутую в чистую белую тряпку, закапывали в землю, где обычно не ходят люди. При этом необходимо было вколоть в тряпку, где лежала пуповина, иголку или положить какой-либо металлический предмет, иначе в этом месте могли появиться злые силы – *ель*. В землю обязательно нужно было положить гвоздь или какой-то металлический предмет под деревом или в подполе послед *сун*. Опытная *иналек* могла по последу определить, сколько еще детей будет у женщины. Послед мыли, заворачивали в чистую тряпку. Его обычно закапывали в доме под печью либо под нарами. «На кладбище нельзя. Чтобы дети плодились – *пала урцеган*. Чтобы дети в доме оставались, не умирали» (ю.Бегишевские Тюменской обл.). Однако в тех же Бегишевских юртах другие информаторы указывали и на то, что послед закапывали на кладбище. *Иналек* была рядом с роженицей в течение недели после родов. За помощь при родах ее благодарили, давали ткань на платье, полотенце, мыло («4 м ткани либо 40 рублей денег»).

Родившихся в пленке – «в рубашке» детей называли *цулбанлы пала, цомбат манн туган пала, йозлекле пала* – (тюм.). Таких детей считали счастливыми. У тарских татар про родившегося «в рубашке» ребенка говорили *фардале, кульмакле туган* и также считали, что он будет счастливым. Существовало поверье, что если бесплодная женщина выпьет отвар из этой пленки, то сможет родить. Пленку мыли и, высушив и завернув в чистую тряпочку, засовывали в щель у матицы, либо в изголовье колыбели.

Считалось, что можно эту пленку-«рубашку» выкрасть, не спрашивая хозяев [Баязитова, 2010, с.170–171].

Сразу после родов женщине давали чай с маслом. Роженицу было принято кормить оладьями *коймак*, шаньгами, горячим бульоном *ису шулпа, шурцай* (масло и муку смешивали, добавляли воду и кипятили).

После родов ребенка заворачивали, укладывали рядом с матерью. Когда мать после родов немного отдохнет, ей мыли груди, и она кормила ребенка.

У заболотных татар существовало поверье, что своим молоком матери нельзя кормить ребенка до 3 дней. 7 раз сцеживали молоко и кипятили, получали *уэс*. Поэтому наблюдается обычай «прикладывания ребенка к груди» (*паланэ авыслантыру*) другой женщины – кормилицы, которая становилась потом для ребенка молочной матерью, и тот обращался всю жизнь к ней *имцак ина, цоц ина*. При этом информаторы указывали на то, что при выборе кормилицы требовалось обязательное согласие отца ребенка. Вскормленный ребенок и собственный ребенок кормилицы становились молочными братьями, сестрами: *потай кабык арасы – аларныг аралыклары*. В распространенной в Заболотье легенде о вскармливании женщиной медвежат и о происхождении аю-тугума просматривается обряд соединения узами родства с миром природы через материнское молоко.

Сразу после родов дом мыли.

По всей деревне ходили с сообщением вести о рождении первенца, обычно свекровь или дети – близкие родственники роженицы. В каждом доме давали *соенце* – монетки (*Соенце* – радостная весть). При рождении ребенка устраивали *котлый цай.* Ставили на стол *баурсаки*, *патер.*

До 40 дней было принято узнавать о состоянии роженицы и ребенка. Приходили родственники, соседи, односельчане. Приносили с собой угощенье для роженицы. Посуду, в которой приносили еду, уносить из этого дома до того, как пуповина у ребенка не отпадет, было нельзя. Если навещать родившую женщину было нельзя, то считалось, что даже посмотреть на печную трубу дома, где она живет, было богоугодным [Баязитова, 2009, с.173]. Аналогичные сведения по поволжским татарам приводит Р.К. Уразманова [Этнография, 2004, с.135].

Широко был распространен у тоболо-иртышских татар обряд *«котлык-еп»* (от *котлык* – пожелание, *еп* – нить). Раньше из конопли, льна делали пряжу, примерно за месяц до родов, затем красили нити в разные цвета (белый, желтый, красный), смешивали. *Иналек* раздавала нити всем входящим в дом, детишкам. В д.Второвагай раздавали нити-мулине – по 6, 8, 10 всем, кто заходил узнавать о здоровье роженицы. Потом этими нитями вышивали. Ф.С. Баязитова также отмечает существование обряда раздачи нитей *котлок йеп, корсак йеп, папа йеп* у тобольских татар, *нана йеп, йеп сатака* – у тюменских [Баязитова, 2010, с.175–176]. Нити, связанные по две, клали в изголовье роженице [Баязитова, 2010, с.175]. Когда раздавали эти нити, то говорили: «Пусть ребенок будет долго жить, счастливым будет» [Баязитова, 2010, с.173–174].

Первому ребенку к колыбели *цанкельцак* подвешивали специальные мешочки – *калта* с узорами, кисточками. В эти мешочки каждый зашедший в дом складывал подарки или подвешивал наверх серебряные монетки – парами (до 12), чтобы много в доме было детей. Колыбель делали сразу, как родится ребенок, потом в ней следом росли младшие братья, сестры. Когда косили сено, жали хлеб, то родители брали ребенка собой в поле. Ставили *ак тирак* – треножник для колыбели.

В д.Второвагай сообщали, что женщина занималась исключительно уходом за ребенком до 40 дней, потом в рабочее летнее время она выходила на работу. У тарских татар сообщали, что женщина принималась за работу в поле уже через несколько дней после родов. Поэтому наблюдалась высокая смертность среди рожениц. После родов

женщина была еще слабой и в течение 15–20 дней крепла *тыгыйте*. Женщина до 40 дней после родов также должна была предохраняться как от тяжелой физической работы, так и от злых сил, прежде всего в образе *албасты*. Говорили, что она подвержена в этот период смертельной опасности: *кырык конкаца кабер аусы ачык тораты* (букв.: до сорока дней могила открытой остается).

Одно из наименований повитухи *колак ина* говорит о том, что именно ей отводилась первоначально функция наречения именем. «Имя ребенку дают до 3 дней» (шепчут на ухо). Когда уже отходила пуповина, то приглашали муллу, который читал молитву и «кричал» имя, а также имена его родителей в ухо ребенку. Обряд имянаречения *исем кушу* проходил с приглашением родственников и соседей.

Имена обычно выбирали родители. Среди них встречались как имена тюркского происхождения, так и мусульманские. В ряде случаев было принято давать определенные имена. Так, если ребенок родился в дороге, называли Юлдаш, Юлбига. Если отец был во время рождения в армии – Сабар, Сабарчан. Если дети в семье часто умирали, то называли именами Тимерхан, Тимербига, у тарских татар – Биктемир, Таштемир.

Ребенка одного в доме оставлять было нельзя – *пәре* может обменять ребенка. В случае крайней необходимости нужно уходя положить нож, топор под колыбель, прочитав при этом молитву. Колыбель делали из березы *каин*, но чаще из можжевельника *артыш*. чтобы злые силы *ель* не навредили. У заболотных татар считали, что охранительные силы можжевельника равны силе молитвы: *Артыш туа белан пер* (д.Ачиры Тюменской обл.). Также в качестве оберега заболотные татары использовали лапы с когтями диких хищных птиц. «Беззубый» ребенок не может защищаться от духа самостоятельно, поэтому используются когти, обладающие колющими свойствами» [Тихомирова, 2006б, с.116].

Ф.С. Баязитова отмечает особое значение числа 40, которое, как она считает, ведет свое происхождение от древних тюркских шаманских верований [Баязитова, 2010, с.216]. В день, когда ребенку исполнялось 40 дней у тюменских татар, например, готовили 40 калачей *кырык кумэч*, *кырык тугач* или *кырык бутка* (букв.: «40 каш»). Проводили обряд *кырык телау* (букв.: «40 пожеланий») – собирали в этот день гостей, обязательно приглашали повитуху. Число гостей также должно быть 40. *Кырыклау*: сыпали ребенку на голову кедровые орехи с пожеланиями. Также этот обряд *кырыклау* проводили и при помощи воды: повитуха наливала на голову младенца 40 ложек воды с пожеланиями долгой, благополучной жизни. Информаторы указывают, что «в 40 дней мыли в 40 ложках воды, в воду клали серебряные монеты, когда мыли». Первый раз стригли волосы ребенку тоже в 40 дней. После 40 дней ребенка можно было показывать посторонним людям. Считалось, что к этому времени ребенок уже окреп.

Отмечается у сибирских татар и существование обычая *эт койлаге* (букв.: платье собаки). Когда ребенку исполнялось 40 дней рубашку, которую до 40 дней надевали младенцу, одевали на шею или голову собаке.

В комплексе родильных обрядов рассмотренных групп тоболо-иртышских татар (тобольских, заболотных, тюменских, тарских) наблюдается сходство в этапах, комплексе мер предосторожности, используемой терминологии. Близкие аналогии просматриваются и с поволжскими татарами. В силу более позднего влияния ислама на традиционную культуру сибирских татар просматривается сохранение в обрядности реликтов доисламских верований.

Глава 5

Общественная жизнь и духовная культура

§ 1. Горизонтальная структура мифологического пространства

Алексей Матвеев

Жизнедеятельность представителей человеческих коллективов всегда осуществлялась и будет осуществляться в мифологическом (мифопоэтическом) пространстве. Мифологическом, поскольку во все времена картина мира, существовавшая в представлении людей, не являлась объективным отображением окружающего пространства. Картины мира первобытного охотника, жителя Киевской Руси, просвещенного европейца XIX в. существенно отличались. Разным было ощущение пространства, и разными были знания о нем [Ахундов, 1982].

Исследования лингвистов, культурологов и историков показали, что любое мифологическое пространство неоднородно. Оно имеет различные по символической и семантической содержательности зоны, разделенные границами [Раевский, 1985, с.43; Седакова, 1981, с.70; Топоров, 1992, с.341]. Основным «кодом», определяющим качество той или иной зоны пространства, является противопоставление «этого» (своего) и «иного» (чужого) мира, а «объектная» структура любого пути с исключительной точностью указывает все грани перехода между «своим» и «чужим» пространством. В.Н. Топоров писал: «Особое внимание мифопоэтического сознания к началу и концу (пределу), с одной стороны, и к переходам-границам (порог, дверь, мост, лестница, окно и т.п.), с другой, обнаруживает его тончайшую способность не только к дифференциации пространства, но и к усвоению (определению) семантики частей пространства…» [Топоров, 1992, с.341].

О.А. Седакова говорила о том, что «семантика зон и границ не изменяется в разных контекстах (обрядовых или повествовательных), напротив: в каждом контексте их присутствие влечет за собой особое поведение или особый сюжетный ход» [Седакова, 1981, с.70]. По этой причине виды различных путешествий (путь-дорога, жизненный путь, путешествие в иной мир, путешествие в свадебной, праздничной календарной обрядности), отличаясь друг от друга конкретной целью и содержанием действа, объединены одним мотивом – мотивом движения через границы и зоны мифологического (мифопоэтического) пространства, каждая из которых задает определенный стереотип поведения путешествующих людей. В этом контексте модели различных путешествий подобны. Об этом подобии в своих работах утверждают специалисты, изучавшие «переходные» мотивы в погребальной, свадебной, календарной обрядности древних и современных народов [Виноградова, 1981, с.68–69; Матвеев, 2012; Невская, 1978, с.104–108; Невская, 1980, с.228–235; Ольховский, 1999, с.114–132; Соболев, 2000, с.119–129; Чистяков, 1982, с.116]. Поскольку и без дальних путешествий человек почти ежедневно перемещался через некоторые зоны и границы мифологического пространства, он также осуществлял жизнедеятельность в соответствии с их правилами.

В представлениях сибирских татар человек и все человеческое помещалось в центр мироздания [Кохия, 2000, с.139], центральной его зоной являлось жилище – *уй*.

Здесь проживала человеческая семья и домашний дух – *уй иясэ* (варианты – *ый иясэ, ой ходжасе, хуча*) [здесь и далее приводятся термины, записанные в произношении информаторов], главный смысл существования которого был в обеспечении некоей «ауры» внутри жилища и вокруг живущих в нем людей. «Присутствие тут описываемого существа, по представлениям сибирских татар – необходимое условие благополучия людей, которые в этом доме живут» [Корусенко, 2007, с.495–496].

Регламентированной границей между домом и остальным миром был порог – *буса-га*, который обладал высокой степенью семиотичности. Для ограждения жилища от злого духа – *шайтана* тарские татары над порогом вешали ветку можжевельника – *ортыш*, чертополоха – *тегенек, шайтан тегенек* [Корусенко, 2007, с.496] или боярышника – *еушкан*. На порог дома или на верх косяка двери прибивали подкову – *тоага* [Соловьев, 1996, с.98]. Информаторы утверждали, что «это для того, чтобы болезни и заразы не приходили в этот дом» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.73–2–III, л.130; ф.I, д.90–4–IV, л.82]. В некоторых случаях для оберегания жилища от проникновения шайтана в порог вбивали гвозди – *кадау* [Корусенко, 2007, с.496], на ночь на порог клали топор – *полта* [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.90–4–IV, л.84; Соловьев, 1996, с.98]. О том, что порог дома был местом «опасным», говорит запрет беременным женщинам сидеть на нем [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.113–2–VII, л.134]. Тоболо-иртышские татары кроме маркировки границы дома внутри жилища, на самой границе (гвозди в порог), обозначали ее еще и снаружи. Для этого они и над крыльцом прикрепляли железную подкову.

В свадебной обрядности тарских татар сохранилось несколько маркирующих границу «порог» обрядовых действий. Во время переезда новобрачных из дома невесты в дом жениха родители невесты провожали ее только до порога дома, подчеркивая этим тот факт, что ребенок покидал родной дом [Коломиец, Ремпель, 2001, с.499]. Перед тем, как войти в дом жениха, невеста должна была встать на подушку, положенную у порога свекровью, а затем, при вступлении в дом – разорвать ногой веревку, натянутую в дверном проеме [Кохия, 2000, с.140; Коломиец, 2001а, с.62; МАЭ ОмГУ, ф.I, д.7–5–I, л.33].

Погребальный обряд, обычно маркирующий все границы и зоны мифологического пространства, многократно подчеркивал границу «порог». В некоторых населенных пунктах в жилище, где умер человек, над дверью в дом вешали «молитвы, написанные муллой по-арабски» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.8–7–I, л.22]. В то время, когда в жилище был покойный, его не положено было оставлять одного и гасить свет. Если же дом нужно было оставить, то именно у порога оставляли нож [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.90–3–III, л.217]. В ряде населенных пунктов Омской области бытовал строгий запрет женщинам выходить за порог дома при выносе покойного (д.Киргап Тарский район) [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.7 – 3–I, л.97]. После того как процессия выходила на улицу, женщины начинали мыть в доме полы, стены, мебель, предметы. Полы начинали мыть от порога [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.8–7–I, л.11; ф.I, д.102–2–IV,л. 36; ф.I, д.111–3–II, л.61]. Из дома покойного выносили вперед ногами, но как только переступали порог, то «доску, на которой его выносили, разворачивали, и до кладбища несли головой вперед» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.102–2–IV, л.27]. В других случаях информаторы уверяли, что, напротив, вынос тела происходил «головой вперед через дверь, а после выхода из дома его поворачивали и несли на кладбище ногами вперед. За дверью как бы находится граница живых и мертвых» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.102–2–IV, л.34]. Несмотря на совершенно противоположную информацию о расположении покойного во время выноса его из дома, нам важен сам факт того, что именно на границе «порог» происходило изменение его расположения.

За пределами порога, вне собственного дома, находилось многомерное пространство, воспринимаемое как «чужое» [Кохия, 2000, с.139–141]. Первой зоной этого чужого пространства была территория двора. Как и у русского населения у тоболо-иртышских татар это была зона хаоса, наиболее освоенная человеком. Здесь располага-

лись орудия труда, скот. Считалось, что здесь «проживал» дух-хозяин двора или хлева – *Мал иясе* (варианты *Хура иясэ, Занги-баба, Зеннги-ата*), который считался духом мужским и добрым [Валеев, 1976а, с.325; Селезнев, Селезнева, 2004а, с.21; Соловьев, 1996, с.98]. Он располагался в правом углу загона и покровительствовал домашним животным.

Во дворе проживала собака – *кучук*, которая почиталась у тоболо-иртышских татар священным животным. По легендам, когда первая женщина вытерла хлебной лепешкой фекалии первого ребенка, то она вызвала гнев богов, которые, увидев это непотребство, решили отнять у людей хлеб. Собака заступилась за людей и спасла их от голода. По этой причине считают, что человек, прежде чем поесть, должен дать собаке кусок хлеба [МАЭ ОмГУ, ф. I, д.105–1-I, л.14–19]. Вместе с тем, собака, по представлениям тоболо-иртышских татар, может видеть злых духов и отгонять их своим лаем. Поэтому она и оберегает дом. Однако, собака могла выступить и предвестником смерти (если собака по ночам долго лаяла, верили, что скоро в семье кто-то умрет) [Абрамова, 2001б, с.193.]. Таким образом, собака в мифологическом пространстве тоболо-иртышских татар занимала особое (пограничное) место, поскольку с одной стороны она оберегала и защищала человека, а с другой – выступала предвестником его смерти. Этот «пограничник» и проживал в соответствующем пространстве двора.

Регламентированной границей зоны «двор» были ворота – *капка*. Их высокий семиотический статус подчеркивался в погребальном, свадебном обрядах тоболо-иртышских татар. Так, после того как в доме умирал кто-то из членов семьи, или родные получали известие о смерти человека, они открывали настежь ворота, а закрывали их только (но незамедлительно) вслед за вышедшей из ворот похоронной процессией [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.8–7–I, л.15; ф.I, д.8–7–I, л.35]. Информаторы в некоторых населенных пунктах Тарского района Омской области утверждали, что ворота являлись границей, до которой похоронную процессию провожали женщины [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.7–3–I, л.79; ф.I, д.7–3–I, л.88; ф.I, д.8–7–I, л.11; ф.I, д.102–2–IV, л.40; ф.I, д.145–5–I, л.18]. В ряде случаев изменение положения покойного (ногами вперед/головой вперед) происходило не на пороге дома, а за воротами [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.102–2–IV, л.38; ф.I, д.105–2–III, л.11].

В свадебном цикле тарских татар также присутствовали маркеры границы «ворота». Так, родственники девушки перед идущими к дому сватами, у ворот, укладывали веревку или полотенце. Это символическое препятствие сваты должны были преодолеть, прежде чем войти во двор [Коломиец, 2001б, с.38]. В другой момент свадебного обряда, когда жених привозил невесту к себе в дом, именно у ворот их встречали родственники жениха, которые стреляли «в воздух» из ружей (по поверью, стрельба отгоняла злых духов).

Границу «ворота» также как и границу «порог» дома укрепляли от проникновения злых духов. Информаторы так и утверждают: «при переезде в новый дом на пороге или как заходить во двор хозяйка вбивает железные иголки или гвозди, чтобы уберечься от шайтана» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.111–4–II, л.27]. Подкову для недопущения злых духов прибивали не только к крыльцу, но и к воротам [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.90–4–IV, л.87]. «На ворота, под порог часто вбивают подкову, чтобы *шайтан* не забрался. Если человек нашел на дороге подкову – должен ее прибить на ворота. Подкова – это благо, так как лошадь доброе животное» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.144-I–I, л.43].

Территория населенного пункта в мироощущении тоболо-иртышских татар имела в целом нейтральное по отношению к человеку наполнение. Эта зона была сбалансированной и упорядоченной. Так, например, считалось, что души умерших родственников – *рух, арвах* дисциплинированно посещали дома живых в определенные временные отрезки (четверг, воскресенье) и даты поминального цикла (3, 7, 40, 100 дней, 1 год после

смерти человека). Злой дух – *убыр*, представлявшийся в образе человека в белом одеянии, гулял по пустынным улицам деревни только ночью [Корусенко, Мерзликин, 2005б, с.148]. Лишь шайтан в любое время дня и ночи мог проникать на территорию населенного пункта. Но для противодействия ему люди спокойно и размеренно защищали подковами ворота дворов и двери домов. Таким образом, на территории поселений сибирских татар существовало устойчивое равновесие между «своим» и «чужим». На время обряда вызывания дождя, который проходил недалеко от границы населенного пункта, жители «закрывали дома собак, так как считалось, что они могут спугнуть духов» [Абрамова, 2001а, с.93]. Демонстрацией такого спокойного диалога общины с хаосом может служить высказывание жительницы д.Большие Мурлы Большереченского района Омской области: «В деревне многие старые люди рассказывают, что в лесу живут шайтаны (черти), которые могут принимать различные образы. Они проявляют себя только ночью. Иногда они могут приходить в деревню. У них есть свои тропинки, по которым они гуляют. На этих местах нельзя строить дома. Шайтаны любят увязываться за людьми, поэтому, заходя домой, нужно обязательно произнести молитву» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.105–1–I, л.7].

Неожиданным результатом изучения материалов этнографических экспедиций Омского государственного университета стало «проявление» в горизонтальной структуре мифологического пространства тоболо-иртышских татар границы, расположенной на территории населенного пункта и имеющей также радиальный по отношению к дому характер, – «40 шагов от дома». В д.Чеплярово Большереченского района Омской области жители считали, что «женщины идут лишь 40 шагов от дома и там прощаются с покойным» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.94–3–V, л.98]. В д.Матмасы Ярковского района Тюменской области информаторы сообщали: «Выносят покойного из дома головой вперед. Первым выходит мулла на 40 шагов. Выйдет из дома и ступит на землю – тогда выносят» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.6–2–II, л.39]. В д.Речапово Тарского района Омской области информатор полагала, что «когда покойника несут на кладбище, то через каждые 40 шагов останавливаются, чтобы он мог попрощаться с деревней» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.7–3–I, л.73].

Следующей после ворот двора границей мифологического пространства тоболо-иртышских татар была «граница населенного пункта». Она четко проявлялась в погребальном обряде, где снова выступала пределом, за который не имели право выходить женщины – участницы похоронной процессии: «Женщины идут в процессии, но останавливаются на границе деревни у развилки и ждут возвращения мужчин; старухам разрешают доходить до ограды (кладбища – А.М.), но внутрь заходить нельзя» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.8–7–I, л.48; ф.I, д.144-I–IV, л.74]. В свадебном обряде тоболо-иртышских татар, когда свадебный поезд увозил невесту в дом жениха, он обязательно делал круг вокруг деревни [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.7–5–I, л.32].

Привычная для русских зона мифологического пространства «территория хозяйственного освоения» в представлениях тоболо-иртышских татар отсутствовала, поскольку сакрально была почти не освоена человеком. Сенокосные, охотничьи, пашенные угодья не считались в полной мере собственностью людей. У каждого из них был свой хозяин: хозяин поля, луга – *ялан иясе*, хозяин воды – *су иясе*, хозяйка воды – *су анасы*, хозяин леса – *тола иясе* или «Урман Иясе», лесная хозяйка – *пицын*, хозяин ветра – *йельным хучасе* [Селезнев, Селезнева, 2004а, с.21]. Умилостивление этих хозяев, по мнению населения, позволяло совершать хозяйственную деятельность. В традиционной культуре сибирских татар существовал целый комплекс правил поведения по отношению к духам-хозяевам [Валеев, 1976а, с.324]. Таким образом, реально существовавшая вокруг каждого населенного пункта территория хозяйственного освоения в структуре мифологического пространства почти целиком находилась в зоне «хаос».

Незначительное пространство между зонами «территория населенного пункта» и «хаос» было занято границей, на которой тоболо-иртышские татары совершали различные обряды, жизнезначимые для общины. Так, например, обряд вызывания дождя мог проходить у кладбища, в березовой роще или на дороге, недалеко от реки. «Пространство, где проходил обряд, несло определенную семантическую нагрузку. В сознании местных жителей *место около кладбища, вниз по течению реки, было связано с дорогой в загробный мир* (выделено мной – А.М.), здесь было проще связаться с духами умерших» [Абрамова, 2001а, с. 93–94].

Четкое физическое проявление этой границы фиксировалось в районе кладбищ. Специалист по погребальному обряду тарских татар – омский этнограф М.А. Корусенко утверждает, что важным элементом планиграфии могильников сибирских татар «является наличие вблизи них таких объектов, как дорога и река. В одних случаях… река служит *своеобразной границей, отделяющей живых от мертвых* (выделено мной – А.М.)… В местах, где нами не зафиксировано наличие рек вблизи могильников, похожую функцию, по-видимому, выполняют дороги…» [Корусенко, 1996, с.128]. Таким образом, граница между зонами «территория населенного пункта» – «хаос» располагалась в пространстве «край деревни – кладбище», «край деревни – река», «край деревни – ближайшая роща».

В зоне «хаос» располагался лес, который, однако, не являлся символом «загробного мира» (как у русских), поскольку был для тоболо-иртышских татар привычным местом хозяйственной деятельности. В лесу они чувствовали себя уверенно. Более опасным местом для тарских татар было… поле. Исследователи утверждают, что от всех прочих групп сибирских татар отличен описательный термин тарских татар для обозначения смерти – «идти в поле» [Кулемзин, 1994, с. 438]. В ряде населенных пунктов информаторы утверждают, что после смерти человека, его «постель выбрасывают, а затем сжигают в поле» [МАЭ ОмГУ, ф.I, д.73–3–I, л.11]. Возможно, появятся и другие подтверждения нашего частного мнения.

Зона мифологического пространства «хаос» была заполнена различными объектами, обычно опасными для человека. Можно снова вспомнить определение М.Д. Ахундова, который представлял хаос как «внешнее пространство, наделенное отрицательными качествами, где человек попадал во власть могущественной и зловредной «текучей множественности с очень слабо определенными элементами» [Ахундов, 1982, с.49]. Кроме чужих людей в мифологическом хаосе тоболо-иртышских татар проживали множественные мифологические персонажи. Поскольку в обычной жизнедеятельности человек редко продвигался далеко в зону «хаос», постольку информация об ее объектах сохранилась только в традиционной культуре путешествия населения, о которой мы повествуем ниже.

Таким образом, мы провели моделирование мифологического пространства тоболо-иртышских татар конца XIX – первой половины XX вв., выявили его зоны. Полученная картина целиком и полностью подтверждает тезис В.Н. Топорова о том, что для любых земледельческих народов или народов городской цивилизации характерны представления о статическом или радиальном Пространстве, воспринимаемом в виде серии расходящихся от сакрального центра концентрических кругов, затухающих к границам неведомого [Топоров, 1992, с.341]. В этой модели «свое» пространство переходит в «чужое» поэтапно по мере удаления от сакрального центра (от дома).

Поскольку тоболо-иртышские татары стали «земледельческим народом» относительно недавно, структура их мифологического пространства имела отличительные особенности. Во-первых, наблюдается схожесть между выявленными границами мифологического пространства: порог дома и ворота двора. Им сопутствуют одинаковые наборы символов и ритуальных действий, что в целом наводит на мысль о том, что во-

рота двора как граница и как физическое явление для сибирских татар явление позднее и заимствованное. Вероятно, в более ранние исторические периоды ее заменяла граница «40 шагов от дома», информация о которой сохранилась до настоящего времени. По этой причине зону, расположенную за порогом дома можно назвать «зоной, примыкающей к дому». Во-вторых, «территория хозяйственного освоения» как отдельная зона мифологического пространства у тоболо-иртышских татар отсутствовала. Хозяйственные угодья жителей населенных пунктов находились в зоне «хаоса».

Модель горизонтальной структуры мифологического пространства тоболо-иртышских татар конца XIX – первой половины XX вв. представляется нам состоящей из четырех, последовательно сменяющих друг друга зон: дом, зона, примыкающая к дому, территория населенного пункта, хаос. Границами этих зон были порог, ворота (или 40 шагов от дома), край деревни – кладбище (или край деревни – река, край деревни – ближайшая роща). В целом, полученная модель мифологического пространства тоболо-иртышских татар выглядит устойчивой и сбалансированной; все возможные изменения сил в ней просчитаны веками жизнедеятельности в условиях ландшафтов Среднего Прииртышья.

§ 2. Мифологические представления и реликты доисламских верований

Анастасия Ярзуткина

Вера, мифология, история и ритуал представляют единый мировоззренческий комплекс сибирских татар. Этот комплекс уникален, потому что складывался под воздействием множества различных факторов – культурных связей сибирских татар, религиозной истории, своеобразных природных условий юга Западной Сибири, особенностей окружающего ландшафта и хозяйственной деятельности населения. Его важная особенность состоит в сохранении древнейших форм представлений человека о мире. Устная традиция сибирских татар донесла до нас реликты доисламских верований, которые вместе с другими элементами культуры определили идентичность локальных групп сибирских татар[1].

История изучения мифологии и верований сибирских татар начинается примерно с XVIII в. Д.Г. Мессершмидт, Ф.И. Страленберг [Титова, 1978], а затем Г.Ф. Миллер [Миллер, 1937], Я.И. Линденау [Линденау, 1983], В.В. Радлов [Радлов, 1899; Радлов, 1989], К. Ельницкий [Ельницкий, 1895] собирали и систематизировали отдельные сведения о верованиях некоторых групп сибирских татар. Часть исследователей ограничивалась лишь упоминанием о том, что сибирские татары были шаманистами [Ядринцев, 1891 и др.]. В XX в. историки М.П. Алексеев [Алексеев, 1941], С.В. Бахрушин [Бахрушин, 1955г], Э.Н. Зиннер [Зиннер, 1961] продолжили накопление источниковой базы, фиксируя информацию о древних верованиях сибирских татар. С середины 1960-х гг. начинается систематическое изучение татар Западной Сибири и традиционные представления оказываются под более пристальным вниманием ученых. Кроме введения в

[1] Основным источником данного раздела являются этнографические материалы, собранные автором в ходе полевых исследований в различных районах Омской, Новосибирской и Тюменской областях. Использовались также материалы, собранные сотрудниками и студентами Томского государственного университета (1969–1974) и Омского государственного университета (1974–1990) в ходе этнографических экспедиций к томским, барабинским и тоболо-иртышским татарам. Важным источником были также опубликованные работы по традиционному мировоззрению сибирских татар.

научный оборот новых этнографических материалов по традиционному мировоззрению, исследователи В.В. Храмова [Храмова, 1956], З.Д. Титова [Титова, 1976], Ф.Т. Валеев [Валеев, 1976а; Валеев, 1976б], Н.А. Томилов [Томилов, 1980а; Томилов, 1980б; Томилов, 1993], В.Диосеги [Dioszegi , 1978] провели анализ отдельных реликтов в контексте сходства и различия у разных групп сибирских татар. Детальное изучение традиционного мировоззрения сибирских татар и отдельных элементов домусульманских верований началось с конца XX в. С этого времени публикуются фольклорные материалы, появляются статьи, посвященные различным сюжетам духовной культуры сибирских татар. Публикации З.А. Башировой [Баширова, 1984 и др.], Ф.С. Баязитовой [Баязитова, 2001], И.В.Белича [Белич, 1989; Белич, 1995 и др.], В.Б. Богомолова [Богомолов, 1992; Богомолов, 1998 и др.], Д.Б. Рамазановой [Рамазанова, 2000], Р.К. Уразмановой [Уразманова, 2002 и др.] затрагивают отдельные моменты мировоззрения и ритуальной сферы сибирских татар.

Вопросы сакрализации материальных предметов, их места в мифологии и ритуалах рассматриваются в работах Ю.И. Ожередова [Ожередов, 2005; Ожередов, 2006а; Ожередов, 2006б; Ожередов, 2007а; Ожередов, 2007б и др.] и Е.Ю. Смирновой [Смирнова, 1999а; Смирнова, 1999б; Смирнова, 2004; Смирнова, 2007 и др.]. Серия работ, в которых исследованы отдельные мифологические образы и аспекты домусульманских верований сибирских татар, принадлежит М.А. Корусенко [Корусенко, 1999; Корусенко, 2004; Корусенко, 2005а; Корусенко, 2005б; Корусенко, 2010; Корусенко, 2011 и др.]. Представления о духах, душе, мифических персонажах сибирских татар в контексте религиозного синкретизма изучены в работах А.Г. Селезнева и И.А. Селезневой. Эти ученые применили опыт исследования традиционного мировоззрения сибирских татар в целостности, сочетающей внеисламские элементы и мусульманскую традицию. В частности, ими проанализированы представления об общеисламских персонажах, органично включенных в локальную религиозную традицию сибирских татар; на конкретном этнографическом материале опробована методика выявления универсальных и регионально-специфических элементов культа [Селезнев, 2000; Селезнев, Селезнева, 2001; Селезнев, Селезнева, 2003а; Селезнев, Селезнева, 2003б; Селезнев, Селезнева, 2004а; Селезнев, Селезнева, 2004б; Селезнев, Селезнева, Белич, 2009 и др.]. Анимистические представления и комплекс ритуальных, магических действий, обрядов, верований, сопровождающих традиционную хозяйственную деятельность сибирских татар представлен в работах А.А. Ярзуткиной [Ярзуткина, 2000; Ярзуткина, 2001а; Ярзуткина 2001б; Ярзуткина 2002а; Ярзуткина 2002б; Ярзуткина 2003; Ярзуткина, 2012 и др.]. Материалы по мифологии сибирских татар систематизированы и проанализированы в энциклопедическом издании «Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения)» [Корусенко, Ожередов, Ярзуткина, 2013]. В трудах перечисленных авторов отражен богатый фактический материал, обозначено основное содержание мифологических представлений, реконструированы некоторые общие элементы мировоззрения сибирских татар и выявлены локальные варианты верований для разных групп сибирских татар. На современном этапе сбор этнографического материала по традиционному мировоззрению сибирских татар продолжается.

Для традиционного мировоззрения сибирских татар характерно явление религиозного синкретизма, то есть заимствование одной религией элементов другой либо присутствие в новой религиозной системе совокупности компонентов разных религий [Полосин, 2002, с.472], а также смешение, соединение разнородных вероучительных и культовых положений в процессе взаимовлияния религий в историческом развитии [Капустин, 1984, с.11]. В мировоззренческом комплексе сибирских татар фиксируются сложные переплетения исламской традиции и ранних религиозных форм, а пото-

му разграничение домусульманского и мусульманского в мифологии и верованиях зачастую представляется неразрешимой задачей.

Представления о мифических персонажах, которые можно рассматривать как относительно самостоятельную систему и одну из основополагающих констант модели мира сибирских татар, являют собой «диалектическое взаимодействие универсального и регионально-специфического» [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009]. Некоторые представители архаичного пантеона, «надев маски новой веры», продолжили свою жизнедеятельность в местной идеологии [Корусенко, 2005в] в виде мусульманских святых либо каких-то других образов, связанных в народном сознании с исламом. Набор мифологических образов для разных групп сибирских татар и даже для разных поселений вариативен. Для представления общей картины системы миропорядка сибирских татар, наполненного сверхъестественными существами, все персонажи могут быть представлены по группам. Группы не являются последовательно соподчиненными между собой, а существуют вполне независимо друг от друга и отражают способ сложения представления о том или ином сверхъестественном существе, его роли в жизни, хозяйстве, судьбе человека.

К первой группе относятся персонажи, обладающие наиболее общим набором функций и нередко выступающие в роли демиургов – «творцов». В их числе такие древние божества как *Тенгри, Худай,* а также женский образ *Хава Ана,* имеющий, на наш взгляд, домусульманские корни.

Представления о *Тенгри – täŋri* (древнетюркск.) – Бог, небо [Древнетюркский словарь, 1969, с.544] относительно мало сохранились у сибирских татар. Вероятно, этот образ, как и образ *Худая*, как некогда верховного божества был едва ли не полностью поглощен исламом и слился с образом единого монотеистического божества – *Аллаха*. В виде реликтов представления об этом общетюркском божестве сохранились в виде использования в народно-разговорном языке у всех групп западносибирских татар термина *тенгре* в значении «бог», «божество» [Валеев, 1976а, с.321] и обращений к нему в период засухи с просьбами послать с небес дождь.

Худай, хӧдай – «Бог, божество» [Дмитриева, 1981, с.194; Тумашева, 1992, с.231] в представлении сибирских татар – божество, живущее на небе и руководящее всем на свете, нечто невидимое и непознаваемое. К нему обращались во время праздника *Сабантуй* с просьбой послать достаток и хороший урожай. *Худай* в среде сибирских татар приравнивался к *Аллаху*, точно так же как у хакасов *Кудай* заменил православного бога [Шибаева, 1979, с.192]. К сибирским татарам образ *Худая,* вероятнее всего, попал извне. Если обратиться к тюркской антропонимии, то фарсизм *xudai* вытесняет компонент *täŋri* в именах в средние века [Сравнительно-историческая грамматика, 2001, с.624], возможно в это же время и ранее, понятие *Худай* проникает и в мировоззрение тюркоязычных народов.

Исследование генезиса этого образа и сравнительный материал позволяют говорить о существовании у барабинских, тоболо-иртышских и томских татар представлений о нем как о верховном божестве, живущем в одном из загробных миров, куда попадает часть умерших, обычно безгрешных либо умерших насильственной смертью. Антиподами этого образа были подземный злой дух *Айна* [Ельницкий, 1895, с.92 и др.] и злой дух смерти *Шайтан* [Томилов, 1980б, с.151]. Наличие двух противоположных образов проявлялось в ритуальных действиях: Я. И. Линденау отмечал, что барабинские татары жертвенную кровь, предназначенную *Худаю,* выпускают на юг, а «дьяволу» – *Jasaret, Jek, Chan* или *Sultan'y* – на север [Линденау, 1983, с.150].

Представления о матери неба, женском божестве *Хава Ана* (*хава* – «воздух», *ана* – «мать» [Дмитриева, 1981, с.129, 132; Тумашева, 1992, с.31] либо *Хавва* (древнееврейск. *хава* – «источник жизни») – «мать Ева») в мифологии сибирских татар связываются с образом птицы. *Хава Ана* считалась их покровительницей и была связана с небесной

сферой. В частности, в нескольких населенных пунктах проживания барабинских и тарских татар при проведении обряда вызывания дождя жертвенное животное посвящали именно ей. Связь женского божества с птицами является мифологической универсалией [Снесарев, 1969, с.255, 256; Фрезер, 1986, с.342, 358–360 и др.]. Вероятно, раньше образ *Хава Ана* занимал важное место в пантеоне божеств сибирских татар и сохранившийся обычай кормления птиц весной, учитывая их символическую связь с ней, а также обращения к *Хава Ана*, являются, по-видимому, отголосками некогда развернутого культа этого божества.

Вторую группу составляют мифологические персонажи, связанные с определенными моментами жизни человека и наиболее ярко проявляющиеся в моменты, регламентируемые обрядами. Эти существа являются «посредниками» между Богом и человеком – так называемые *Ферштэ (ферштэ* – ангел) и *Пайхамбар (пэйхэмбар* – пророк) или легендарными личностями, которые после своей смерти стали святыми. Они предстают в различных ипостасях и различны по своему происхождению. В основном это сложные образы, сочетающие древние представления и мусульманскую мифологию. Например, представления барабинских, тарских, тюменско-туринских татар об *Айше-Фатиме* связываются исследователями с общетюркской богиней Умай и архаичными образами женского божества, отвечающего за деторождение, плодородие и врачевание [Снесарев, 1969, с.242; Толстов, 1931, с.318; Ярзуткина, 2003, с.106–107 и др.]. Обращает на себя внимание синкретичный образ, связанный с древними представлениями о создании мира – мифологический персонаж курдакско-саргатских и барабинских татар *Кошура*. Она почитается как благочестивая женщина – прародительница людей, от которой после разрушительного потопа произошла новая жизнь. Миф сибирских татар о *Кошуре* является одним из вариантов мифа о всемирном потопе, характерном для различных народов мира. Особенностью западносибирского варианта мифа является гендер персонажа – спасшейся после потопа «прародительницей» выступает женщина, а не мужчина, или мужчина с женой (сестрой), как у других народов или в книжной традиции [Фрезер, 1986, с.69]. В ряде населенных пунктов сибирских татар в честь *Кошуры* ежегодно устраивается праздник *Кошура Байрам,* дата которого совпадает с датой проведения среди мусульман траурной церемонии 10-го числа месяца мохаррам по лунному календарю. Название этой церемонии – *Ашура/Гашура* совпадает с именем мифической женщины и, вероятно, является его источником, однако, сам образ имеет домусульманское происхождение [Ярзуткина, 2002б].

В третью группу классификации мифологических образов сибирских татар входят духи-хозяева мест, значимые в хозяйственном цикле, так называемые *Иясе (иясе* – в значении «хозяин»: древнетюркский – *igä, ijä* [Древнетюркский словарь, 1969, с.204–205]; барабинский – *iä* [Радлов, 1899, стб.1411]). Они являются наиболее архаичными, менее всего подвергшимися трансформации, благодаря своей роли в хозяйственной деятельности и повседневной жизни людей. Общение человека с духами-хозяевами осуществлялось посредством использования определенного набора магических действий, текстов и символических жертв. Каждый из духов-хозяев отвечал сугубо за свое пространство. М.А. Корусенко и А.М. Диянова предложили систематизировать эту категорию демонологических персонажей именно по пространственному принципу и разделили их на духов хозяйственно освоенного пространства и духов пространства «чужого», неосвоенного, и потому представляющего потенциальную опасность для человека [Корусенко, Диянова, 2011]. В воззрениях сибирских татар дом, двор, хозяйственные постройки населены сверхъестественными существами, которые могут оказать помощь, если ее попросить или навредить, если человек не соблюдает особый этикет в отношениях с ними. Сохранились представления о хозяине дома – *Уй Иясе*, хозяине бани – *Мунча Иясе*, хозяине двора/скота – *Мол Иясе, Юрт Иясе, Кура Иясе, Отнын Иясе, Чабан Бабай, Санге Бабай*.

Последние были органично вплетены в процесс ухода за животными, незримо присутствовали при тех или иных событиях, выступали помощниками.

Духи-хозяева природы, если сравнивать с другими видами сверхъестественных существ, занимают одно из основополагающих мест в мировоззрении сибирских татар. Представления о духе-хозяине/хозяйке леса – *Урман Иясе и Пицын/Бичен/Пицын Пица* и духе-хозяине/хозяйке воды *Су Иясе /Су Анасы / Су Ана, Су Бари, Су Бабасы, Су Пицын, Су Сыер* фиксируются у всех групп сибирских татар, несмотря на лексические варианты. Эти существа имели значение в промысловой деятельности, от них зависела охотничья и рыболовная удача и именно эти образы сохранили древнейшие представления о взаимодействии человека и природы. Например, в рассказах, связанных с *Пицин/бичен,* проявляется такая универсальная мифологема, характерная для большинства охотничьих народов, как сожительство охотника с хозяйкой леса – *Пицин/бичен* и получение от нее «чудесного дара». У барабинских татар, кроме перечисленных духов-хозяев, были зафиксированы представления о хозяине ветра – *Елан Иясе*, хозяине сокровищ – *Алтын Иясе*, хозяине поля – *Ялан Иясе,* хозяине земли – *Йер Иясе*.

Представления о духах-хозяевах сформировались на фоне понимания и толкования явлений природы, всей совокупности ее ощутимых проявлений, а также в результате перенесения человеком социальных условий собственной жизни на природу. Социальная природа всех духов-хозяев такова, что их отношения с людьми понимаются как отношения обмена: люди дают духам жертвы, духи выделяют из своей «собственности» соответствующий этому пай; если люди не приносят жертв или приносят их недостаточно, нарушают «установленные» духами обычаи, последние наказывают людей, в частности, лишают охотников добычи и подвергают их жизнь опасности. Другая, не менее характерная сторона представлений об этих духах – их связь с явлениями природы, указывающая на то, что эти духи первоначально почитались в неразрывной связи со всем, что олицетворяет силы природы.

Еще одну группу составляют мифологические персонажи низшего ранга, так называемая «нечисть»: такие герои как *Убыр* (букв. «оборотень») – злой женский дух либо душа умершего колдуна или самоубийцы, которая бродит по земле, может превращаться в различных животных, приносит людям неизлечимые болезни, пьет кровь людей и скота; *Оцкур* (букв. «умеющий хорошо летать») – вредоносное летающее существо, представляемое в виде огненного шара с зеленым хвостом, *Урам Ситык* – существа, которые причиняют вред маленьким детям и пугают людей. Считается, что они происходят от выкидышей, которых похоронили не по правилам; *Мэцкэй* (букв. «обжора») – враждебное человеку существо, представляемое обычно в виде летающего шара, появляющегося по ночам из тела женщины или могилы; *Яльвиган* (букв. «людоед») – мифическое существо, поедающее детей; *Албасты* – демоническое существо, способное причинить вред человеку, например, в виде болезни. Также представляется как дух-хозяин некоего места – обычно реки или леса. Обычно это зловредное существо имеет облик женщины (старухи), которая целенаправленно вредит беременным женщинам или матерям, имеющим младенцев. По мнению В.Н. Басилова в образе *Албасты* прослеживаются черты богини-матери, восходящие ко времени верхнего палеолита и черты хтонического существа, хозяйки животных, богини плодородия [Басилов, 1998, с.126–127].

Происхождение этих мифологических существ считается нечистым, а влияние тлетворным, поэтому от них чаще всего пытались избавиться или отгородиться различными магическими способами. В частности, для их изгнания использовали разнообразные апотропеи, в том числе и некоторые материальные предметы, ставшие в связи с этим значимыми в мировоззрении и соответственно сакрализованные.

Отдельную группу составляют локальные мифологические образы, представления о которых бытуют не повсеместно, а только в определенных населенных пунктах. Они, как

правило, привязаны к особенностям микроландшафта деревни. Это духи-хозяева конкретных сопок, озер, деревьев, мостов, оврагов, значимых в промысловом отношении мест. Их иконография различна – в одних случаях они представлялись в виде животных, в других – в виде пожилых людей. Как правило, локальные духи представлялись дружественными к людям и могли помочь в случае опасности или в каком-то деле.

Мифологический пантеон сибирских татар вариативен. Зафиксированы различия в названии, функциях, представлениях о внешнем облике персонажей. У различных групп сибирских татар варьирует и состав мифологических образов. В процессе анализа каждого из образов, в том числе и их лексических вариантов, выяснилось, что такое разнообразие – результат не только локальных отличий, но и показатель разновременности их сложения, а также результат переосмысления местными жителями старинных легенд и поверий, происходящего нередко под влиянием пришлых народов.

Древние представления о создании земли, всего окружающего, жизни, людей практически не сохранились у сибирских татар: вначале они были вытеснены исламом, а в последующем научными объяснениями происхождения мира. Отдельные аспекты древней космогонической мифологии сибирских татар зафиксированы исследователями XIX в. Часть реконструируется путем исследования генезиса представлений о мифологических персонажах.

Центральной фигурой мифов сибирских татар о мироздании является бык-держатель земли. Согласно воззрениям сибирских татар земля держится на рогах огромного быка, когда бык поворачивается в сторону солнца, на земле наступает день, когда он поворачивается в сторону луны, на земле наступает ночь. В другом варианте мифа, земля держится на рогах быка, который стоит на рыбе, а рыба плавает в подземном океане. З.А. Баширова, исследуя религиозные воззрения сибирских татар, зафиксировала у них представления о хозяйке *Донья башлыгы* (букв. «вселенной старуха»), которую поддерживает на одном роге бык, стоящий на одной ноге. Исходя из его действий, объясняются различные природные явления [Баширова, 1984, с.87–88]. Подобная пирамидальная космология с участием быка и рыбы характерна для большинства тюркоязычных народов. В культурных традициях народов переднеазиатского ареала сакральная символика быка и рыбы имеет древнее происхождение; она весьма развита и занимает существенное место в системе их мифологических представлений [Серебрякова, 1992, с.74].

Культ быка фиксируется во многих древних культурах: образ этого животного наделялся функцией либо живого божества [Фрезер, 1986, с.343, 446, 469, 534], либо почитаемого космического божества, либо же бык являлся непременным персонажем из близкого окружения какого-либо бога [Снесарев, 1969, с.311–315]. Образ мифического первозданного быка послужил распространению культов и представлений, связанных с быком в последующие эпохи. В собственно древнетюркской и, соответственно, более поздних традиционных системах представлений, фигуру мифического быка, как сакрального животного, М.Н. Серебрякова видит, прежде всего, в тотемическо-генеалогической мифологии [Серебрякова, 1992, с.74]. Например, основу имени легендарного первопредка тюрков Огуз-хана, составляет слово *огуз (окуз)* – «бык»[1]. В настоящее время образ быка-держателя земли сохранился в трансформированном виде в представлениях томских и тоболо-иртышских татар о *Кара Угыз* (букв. «черный бык») и *Су Сыер* (букв. «водяная корова») – сверхъестественных существах, живущих в воде, обладающих огромной силой и связанных с подземным миром.

В мировоззрении сибирских татар сохраняются элементы тотемизма, выражающиеся в почитании отдельных зверей и птиц и мифологических представлениях о род-

[1] Н.А. Томилов считает, что существование группы токузов (тукузов) в составе иштяк-ско-токузских татар может свидетельствовать о древнеогузских связях этой группы сибирских татар [Томилов, 1981, с.73].

ственных связях с ними. Особо стоит отметить представления о медведе, как одни из наиболее архаичных. Отношение к медведю у всех групп сибирских татар было особым. С одной стороны, медведь воспринимался «родственником» человека, он считался предком отдельных семейно-родственных коллективов (*тугумов*). С другой стороны, он был тесно связан с миром природы, являлся «хозяином леса». Оставаясь существом внешнего («иного») мира, он наделялся сверхъестественными способностями и был связан с миром духов [Белич, 1999]. *Тугумы*, включающие в себя название «медведь» – *аю тугум,* встречаются у тобольских, курдакско-саргатских, ясколбинских (заболотных) и барабинских татар [Белич, 1989, с.137; Еремин, 1972, с.425, 438; Селезнев, 1994, с.44]. В фольклоре сибирских татар довольно широко распространены легенды о похищении медведем женщины, у которой затем рождались дети, наполовину похожие на медведя [Белич, 1989, с.137]. У тюменских татар считалось, что медведь был когда-то человеком. Хотя убивать зверя разрешалось, мясо его в пищу не употребляли. Тобольские татары также не ели медвежье мясо, объясняя это тем, что «если с убитого медведя снять шкуру, то он очень похож на человека». Барабинские татары в прошлом, говоря о медведе, называли его *улу атай* («старший, большой отец»), *бабай* («старик»), *агай* («братец») [Белич, 1989, с.137–138].

В промысловом культе курдакско-саргатских и тарских татар культ медведя проявился также через хранение в качестве охотничьих талисманов когтей и клыков медведя. И.В. Белич обнаружил у ясколбинских (заболотных) татар обрядовые действия и церемонии, связанные с убитым на охоте медведем. По его мнению, в культе медведя и медвежьем празднике сибирских татар проявляется спектр параллелей с культом медведя обских угров, эвенков, кетов и тюркоязычных народов Сибири [Белич, 1999, с.86].

В мифологии сибирских татар выявляются несколько десятков сакрализованных объектов разных форм, обладающих индивидуальной прагматической направленностью и содержанием. Среди них можно обозначить объекты живой и неживой природы, предметы утилитарного и культового назначения, бытового и хозяйственного обихода сибирских татар [Ожередов, 2013, с.75].

В частности, среди всех групп сибирских татар сохранился древний обычай почитания огня. Огонь рассматривался как очистительное средство. Об этом свидетельствует бытовавший обычай «*алас сикеру*» – прыгать через огонь в целях очищения огнем во время повальных болезней и других трудных жизненных ситуациях [Валеев, Томилов, 2006, с.115]. Также огонь персонифицировался: зафиксированы представления о духе-хозяине огня – *Ут Иясе*. Отношения человека с огнем, а точнее с его духом (хозяином) сакрально регламентировались. Существовали запреты, предупреждающие недопустимые в адрес огня поступки и помыслы. Запрещалось сбрасывать в огонь мусор, бить, раскалывать перекладину для котла, плевать в огонь. Огню положено было приносить жертвы в виде хлеба, мяса, масла и других продуктов питания. По поверьям сибирских татар огонь способен уничтожать не только материальные формы, но и духовные субстанции (демонические существа) [Ожередов, 2013, с.77–86].

В перечень сакрализованных предметов и объектов живой и неживой природы сибирской татарской мифологии входят такие понятия как очажные угли и зола (пепел). Они были связаны с медицинской магией, отправлением тех или иных ритуалов повседневной жизни, направленных на регламентацию отношений с потусторонними силами. В частности, с помощью углей, золы или пепла знахари сибирских татар избавляли от сглаза, очищали жидкости.

В числе сакральных растений, используемых разными группами сибирских татар в обрядовых действиях можно назвать можжевельник (*артыш*). У заболотных татар он применялся от злого глаза, при болезнях, в качестве защиты от враждебных духов. Также это средство служило с профилактической целью очищения: дымящимися ку-

сочками коры окуривали помещения и животных, а также людей, возвратившихся домой после долгой отлучки. Магической профилактике помещений могли служить также стволы можжевельника, заложенные под основание дома при его строительстве.

Отдельная группа апотропеев сибирских татар базируется на магических свойствах черных и цветных металлов, и соответственно, изделий из них. Особое значение в магических ритуалах имело железо (сталь, чугун), свинец и олово. Например, свинец и олово сибирские татары использовали при лечении испуга – символического «ухода сердца» со своего места. Одним из вариантов лечения было возвращение сердца на исходное место путем круговых движений блюдца с отливкой свинца или олова в форме сердца вокруг головы, груди и ног больного. Как показал Ю.И. Ожередов, представления о защитной магии свинца-олова имеют глубокую древность и широкий ареал распространения [Ожередов, 2013, с.151]. Свойства магического противодействия потусторонним силам придавались также изделиям из металла – ножу, топору, ножницам, гвоздю. Это далеко не полный перечень сакрализованных сибирскими татарами материальных объектов. Из изученных учеными объектов, занимающих особое место в мировоззрении сибирских татар, можно назвать также камень, плеть, котел, каури, монеты, хлеб, куриные яйца, молозиво, лук и стрелы.

Домусульманские верования сохранились в традиционных культах сибирских татар, направленных на достижение успеха в хозяйственной деятельности. Для тюркоязычного населения юга Западной Сибири характерен интегрированный хозяйственно-культурный тип рыболовов-охотников-скотоводов-земледельцев, что способствовало сложению у сибирских татар системы земледельческих, скотоводческих и промысловых культов. Культы включали религиозно-магические действия, направленные на достижение удачи в охоте, рыболовстве, собирательстве и достижение плодородия в земледелии и скотоводстве. Основой хозяйственных культов сибирских татар была вера в постоянное умирание и воскрешение природы, во влияние сверхъестественных сил на результаты хозяйственной деятельности и проецирование организации человеческих коллективов на окружающую природу.

Промысловый культ сибирских татар выражался в различных магических действиях, направленных на возрождение души зверя, в представлениях о духах-хозяевах мест и покровителях промысла, в использовании охотничьих амулетов и талисманов, соблюдении экологической этики на промысле. По представлениям сибирских татар охотник обязан выполнять правила обращения с убитым зверем, чтобы обеспечить его последующее возрождение, должен почитать духов-хозяев и приносить им жертвы, способствовать умножению объектов охоты, убивать не больше зверей, чем это необходимо для поддержания жизни своего коллектива. У тарских и барабинских татар обращает на себя внимание обычай, связанный с древнейшими представлениями людей о последующем воскрешении животного и сохранении его души: охотники закапывали части тела зверьков (обычно хвост) или перья птиц в лесу, а также хранили эти части тела в виде талисманов и амулетов.

Земледельческий культ сибирских татар представлял собой систему календарных обрядов и праздников, соответствующих основным земледельческим циклам. У различных групп сибирских татар зафиксирован набор календарных аграрных праздников, сохранивших домусульманские реликты. В день весеннего равноденствия проводился праздник *Эмэль*. Его основным маркером были круглые булочки, символизирующие солнце. Праздник *Эмэль* устраивался с целью испросить урожай и был рубежом для начала подготовки к полевым работам. У барабинских татар зафиксирован весенний обряд *Карга буткасы (букв. «*воронья каша») во время которого кормили птиц и употребляли кашу, основной составляющей которой являлось зерно, символизирующее плодородие. У тобольских и курдакско-саргатских татар проводился обряд *Цым*, также

связанный с культом плодородия. В этом обряде проявились древние представления о связи культа предков с культом плодородия и зависимости благополучия и успеха в земледелии от мира умерших. Главным хозяйственным праздником летнего цикла тоболо-иртышских, барабинских и томских татар был *Сабантуй*, проводимый после окончания посевных работ. Ритуальные тексты, произносимые во время обряда, а также отдельные аспекты сценария праздника свидетельствуют о его древней основе – магическими средствами обеспечить плодородие земли и получить в дальнейшем хороший урожай.

У всех групп сибирских татар сохранился обряд вызывания дождя. Зафиксировано несколько вариантов его проведения – с жертвоприношением, с молением «дождевому камню», с совместным употреблением каши, с организацией игр. Вызывание атмосферных осадков является наиболее ранним видом магии погоды и одной из форм имитативной магии и, несмотря на то, что в обряде вызывания дождя сибирских татар имеются элементы исламской традиции, в целом, он сохранил свою древнюю основу.

Осенне-зимний цикл земледельческой обрядности ограничивался семейными праздниками. Например, у курдакско-саргатских татар был зафиксирован праздник *Саламат*, проводившийся после сбора урожая. Название праздника повторяло название каши, которую специально для этого праздника готовили из молотого пшеничного зерна. Зерно и приготовляемая из него пища имели устойчивую семантику «плодородия», «богатства», «жизни». Путем контактной магии зерно обеспечивало участникам обряда благополучие, плодородие и богатство.

Земледельческий культ сибирских татар сохранился и в целом комплексе магических действий, продуцирующих плодородие и маркирующих отдельные этапы сельскохозяйственных работ. В частности, сохранился обычай бросать куриные яйца и хлеб на вспаханное поле; смазывать соху маслом перед первой бороздой; обходить с молитвой поле/огород; дарить подарки хозяину, первому вышедшему весной на поле для работы.

Скотоводческие обряды, обычаи и поверья сибирских татар соотносились с основными скотоводческими циклами: весенне-летним, для которого характерен выпас скота на пастбище, и осенне-зимним, основанным на стойловом содержании скота. В соответствии с этими периодами были отмечены такие важные для скотовода моменты, как приплод и забой скота, уход за скотом в стойле и на пастбище. Магическими действиями сопровождался выгон скота весной и возвращение скота с пастбищ осенью. В мировоззрении ряда групп сибирских татар маркировался забой скота. В частности, тарские и курдакско-саргатские татары проводили обряд *Коз хотым куча* (*коз* – «гусь»; *хотым / хэтем* – «молитва по умершему»), центральной фигурой которого был гусь, как символическая умилостивительная жертва. В мировоззрении сибирских татар гусь занимал особое место и был связан с шаманством. В.В. Радлов писал, что, выйдя из юрты, шаман как бы садится на воображаемого гуся, делая при этом «резкие движения обеими руками, как будто летит ввысь», когда душа жертвенного животного улетала, шаман пантомимическими движениями изображал погоню за ней на своем гусе [Радлов, 1989, с.373, 374].

Важнейшим компонентом скотоводческого культа сибирских татар были представления о духах-хозяевах и покровителях скота. В представлениях разных групп сибирских татар произошло определенное разграничение сверхъестественных покровителей скота на тех, которые обитают исключительно в стойле и, соответственно, в ведении которых домашние животные находятся в загоне (*Мол Иясе, Кура Иясе, Отнын Иясе* и др.), и тех, которые сопровождают, охраняют скот во время выпаса (*Чобан Бабай, Санги Ата, Хайваннар Худжасе* и др.). Представления об этих сверхъестественных существах были органично вплетены в процесс ухода за животными, эти персонажи незримо присутствовали при тех или иных событиях, выступали помощниками человека.

В обрядах, обычаях и поверьях, связанных с земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством сибирских татар имеются древние мировоззренческие универсалии, характерные для народов, занимающихся тем или иным видом хозяйственной деятельности.

Существовавший некогда в рамках шаманства развернутый культ семейных и родовых охранителей в связи с проникновением мусульманства в среду сибирских татар сохранился только в виде отдельных элементов. Духи-хранители сибирских татар воплощались в виде антропоморфных изображений – куклах-идолах, которые выступали не только покровителями рода, семьи, но и покровителями хозяйственной деятельности и помощниками человека. Элементы культа духов-охранителей и сами антропоморфные изображения зафиксированы у всех групп сибирских татар [Алексеев, 1941, с.322–323; Богомолов, 1992, с.23–26; Иванов, 1979, с.139–143; Томилов, 1983б, с.175–177], однако наиболее подробно они описаны у барабинских татар, позже других групп принявших ислам [Белич, 1986, с.190–195; Георги, 1799, с.117; Иванов, 1979, с.141, 142; Костров, 1874; Селезнев, 1994, с.41–42, 111–113][1].

У ритуальных антропоморфных изображений сибирских татар было несколько названий. В частности, бытовали *курчак/курцак, чалу, эттеняй/оттаняй/аттаней*. Согласно Ф.Т. Валееву, слово *ээттеняй* означало у некоторых групп сибирских татар большие деревянные изображения родовых духов, которым приносили жертвы [Иванов, 1979, с. 141]. По сведению А.Г. Селезнева термин *аттаней* у тобольских татар означал верховное божество. Истоки термина *чалу* у барабинских татар он нашел в шаманском культе [Селезнев, 1994, с.111–113]. Что касается названия куклы *курчак*, то В.Диосеги провел этимологический анализ этого слова, выявив тем самым его связь с шаманскими бубнами и другими шаманскими атрибутами тюркских народов Южной Сибири: ср.: сибирско-татарск. *курчак* – «идол», алтайск., сагайск. *курчак* – «рама, обруч, обечайка шаманского бубна», телеутск. *курчу* – «обечайка», алтайск. *курчу* – «кольца погремушки на шаманском костюме» [Dioszegi, 1978].

На связь кукол-идолов с шаманством указывает множество фактов. У курдакско-саргатской группы сибирских татар сохранились воспоминания о духах, воплощенных в куколках, которые помогали человеку приобрести «колдовской» дар. Так, зафиксированы сведения, что при передаче «колдовского» дара, человек, которому он передается, должен был проглотить несколько куколок (д.Утузы, д.Ташетканы Тевризского района Омской области). Соответственно, об одержимых либо психически нездоровых людях говорили, что в них «сидит кукла». Существовали предания о людях, которые не просто держали кукол, а лечили с их помощью, их называли *куанарчак/куатарчак* – кукловод (д.Аул Шагир Новосибирской области). Зафиксированы сведения о том, что в прошлом куклы «танцевали» под бой бубна и помогали своему хозяину выполнять различную работу.

Н.А. Томилов, основываясь на полевых этнографических материалах, привел емкое описание кукол-идолов томских татар, дающее представление о культе духов-охранителей: «Томские татары считали, что от таких духов, в образе куклы, могли исходить и радости, и горе... Делались такие куклы из разных материалов – дерева, глины, соломы, кожи, но главным образом, из тканей, рисовали (или вырезали на дереве) им лицо, одевали в специально сшитые длинные рубахи, женские фигуры подвязывали

[1] Наиболее полная историография работ исследователей XVIII–XIX вв., касающихся идолов барабинских татар приведена в работе В.Диосеги [Dioszegi, 1978]. В результате анализа сведений Д.Г. Мессершмидта, Ф.-И. Страленберга, И.Идеса, Л.Ланге и др. он выделил несколько типов идолов у барабинских татар и описал такие важные элементы, относящиеся к почитанию антропоморфных изображений как «*the idol shed*» (сарайчик идола) и «*the idol sledge*» (сани-нарточки идола). Более того, каждому из описываемых элементов он нашел аналогии, встречающиеся у уральских народов [Dioszegi, 1978, p.147–152].

платочками и поясами. Размеры их были разные, по сведениям информаторов, от 15 до 40 см. Кукол по нескольку штук ставили в доме некоторые татары на окно, другие – в угол на полку, в корзинах, ящиках или специальных маленьких домиках в подполье, но чаще на чердаке. За ними ухаживали, кормили и поили, приносили подарки. Если хозяйка покупала ткань, то всегда кусочек ее относила куклам или шила им новую одежду. Считалось, что если кукол не кормить, то кто-нибудь из членов семьи заболеет или случится какое-нибудь несчастье» [Томилов, 1980б, с.152–153].

Эта информация, а также записи исследователей и современный полевой материал свидетельствуют о вариативности внешнего вида, размещения кукол-идолов, манипуляций с ними у сибирских татар [Ярзуткина, 2002а]. Их функции в мировоззрении тюркоязычного населения Западной Сибири также были достаточно разнообразны. Выступая семенными охранителями, передававшимися из поколения в поколение по мужской и женской линиям, куклы-идолы, вместе с тем, могли влиять на успех в промысле, на урожай и приплод скота.

Основой взаимодействия с куклами-идолами были жертвоприношения им или так называемые «кормления». Для духов, воплощенных в идолах, которых хранили вдали от непосредственного места проживания, устраивали «большое жертвоприношение» один-два раза в год. Помимо сезонных обязательных жертвоприношений у сибирских татар существовали окказиональные, совершаемые по случаю какого-то события или болезни одного из членов рода или общины. Также кукол «кормили» или совершали жертвоприношение для них перед дорогой или промыслом, в случае удачной охоты/рыбалки, после забоя домашнего скота и перед посевом.

Сохранение представлений о куклах-идолах в условиях официального исповедования мусульманской религии, отрицающей любое проявление идолопоклонства, свидетельствует о значимости и важной роли этого пласта древних верований в мировоззрении и обрядовой практике сибирских татар.

Мировоззрение сибирских татар представляет собой набор идей и представлений о мире, сформированных множеством поколений этого народа. Архаичные верования, связанные с олицетворением, одушевлением, персонификацией природы, с шаманизмом, с возможностью магическими средствами влиять на ход событий, с поклонением идолам и духам предков, с особым отношением к животным и птицам, с течением времени трансформировались, приобретали вариативность и дополнялись за счет прямых и опосредованных культурных связей разных групп сибирских татар. В результате, они дошли до нас в многообразии локальных вариантов с уникальным набором элементов, отличающих духовное наследие сибирских татар от духовной сферы культуры других народов. При этом исследование генезиса мифологии и реликтов домусульманских верований сибирских татар позволяет говорить об универсальности многих представлений и наличию архетипов, свойственных ранним стадиям мировоззрения и встречающихся у большинства народов, не связанных между собой генетически. Большинство универсализмов, выявляемых в мировоззрении сибирских татар, свидетельствуют об общности идейного источника и устойчивости некоторых воззрений к смене духовных традиций.

§ 3. Распространение ислама в Сибири и его локальные особенности

Дамир Исхаков

Вопросами определения времени исламизации тюрко-татарского населения Западной Сибири, а также формирования локальных особенностей сибирско-татарского ислама, отечественные исследователи заинтересовались лишь в постсоветский период (обзор литературы по этим проблемам см.: [Селезнев, Селезнева, 2004а; Ислам, 2004; Рахимов, 2006; Селезнев, Селезнева, Белич, 2009; Исхаков, 2011д; Бустанов, 2013; Ислам, 2013; Маслюженко, 2015]). Зарубежных работ по этой теме также немного [Frank, 1994; 2000].

Из-за состояния источников, а также методологических трудностей, возникающих при изучении сибирско-татарского ислама, длительное время сохранявшего достаточно выраженные признаки синкретизма (наличие так называемых «языческих» пережитков), пока в научной литературе не удалось достичь единого мнения ни о начале распространения ислама в Западной Сибири, ни об уровне исламизации сибирских татар в средневековье. Относительно начала исламизации тюрко-татарского населения региона речь идет об отрезке времени с XIV–XV вв. и до второй половины XVI в., а в старой литературе можно даже встретить мнение, что некоторые группы сибирских татар, например, барабинские, приняли ислам лишь в XVIII в. (анализ вопроса см.: [Frank, 2000]). А утверждения о том, что сибирско-татарский ислам содержит много языческих пережитков можно найти и в современных исследованиях (детальнее см.: [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009]. В данном случае эти оценки являются следствием в большей мере несовершенства самих методологических подходов исследователей сибирско-татарского ислама, когда характеристики, полученные при изучении обществ, исламизированных в гораздо более ранний период, пытаются применить к относительно поздно исламизированным сибирским татарам, у которых ряд внеисламских элементов духовной культуры (курчаки и др.) действительно сохранился до этнографически обозримого времени.

Но такое положение дел было характерно для всех не так давно исламизированных народов (см.: например: [Костюков, 2010, с.81–82, 111–113; Исхаков, 2006а, с.78–80]), поэтому «присутствие в духовной культуре сибирских татар доисламских «пережитков», на самом деле являвшихся элементами старой тюркской культуры, должно расцениваться не более чем как проявление региональной специфики сибирско-татарского ислама» [Исхаков, 2004а], к тому же вовсе не уникального в тюркском мире, ибо подобные «пережитки» характерны для ногайцев, казахов, узбеков, башкир, да и поволжских татар тоже [Татары, 1967, с.342–372]. Просто в случае, скажем, с волго-уральскими татарами, они менее выражены вследствие более ранней исламизации части их этнических предков (волжских булгар).

Кроме того, было бы глубоко ошибочным рассматривать татарско-мусульманскую умму Сибири изолированно, как это зачастую делается. Сибирские татары и их духовная культура формировались в рамках этнополитических образований Дешт-и Кыпчака X–XVI вв., испытывая влияние соседних, рано исламизированных обществ: в X – начале XIII вв. – Волжской Булгарии, государства Караханидов, государства Хорезмшахов, в XIII–XVI вв. – Булгарского вилайята Золотой Орды, в целом Улуса Джучи, где к середине XIV в. исламизация стала необратимой [De Weese, 1994], затем Казанского и Бухарского ханств, Ногайской Орды и Казахского ханства. Наиболее важными являлись контакты сибирских татар с исламскими сообществами Средней Азии, с которыми удел Шибана вначале соприкасался, а потом Шибанидам в первой трети XV в. удалось их в значительной мере вообще интегрировать в состав своих владений. Другим направлением контактов с давно мусульманизированными обществами были историче-

ские связи Шибанидов с Булгарским вилайятом и его прямым наследником в лице Казанского ханства. Хотя в источниках об этом направлении контактов сведений сохранилось не так много, они существуют и нуждаются в анализе.

Вопрос о начале распространения ислама в Сибири

Применительно к дозолотоордынскому периоду вряд ли можно вести речь о какомлибо массовом проникновении ислама в Западную Сибирь. Но уже проведенный обзор проблемы кимаков, шире – восточных кыпчаков (включая группы канглы, уран, илбари) позволяет предположить, что восточнокыпчакские сообщества, частично исламизированные уже в XI–XII вв. под влиянием государств Хорезмшахов и Караханидов, в ходе своих сезонных перекочевок в принципе могли достигать Приуралья и бассейна Иртыша (см. разобранное выше сообщение Джуджани о походе хорезмшаха Мухаммеда в 1218/1219 г. «далеко в Туркестан». См. также: [Маслюженко, 2015, с.5]). Об этом приходится помнить и потому, что традиционные места зимовок «народа» из удела Шибана (районы «Аракума и Каракума», бассейны Сыр-дарьи и низовья Аму-дарьи) являлись зоной, где ислам уже давно и прочно закрепился. Да и в Южном Приуралье, входившем в удел Шибанидов, к началу XIV в. исламизация тамошних «татар» стала развиваться. Так, из письма брата Иоганки, бывшего представителем ордена миноритов и в течение 6 лет прожившем где-то в «Баскардии» (письмо его датировано 1320 г.), мы узнаем, что к тому времени «государь Баскардии», кстати, он мог быть Шибанидом, «с большей частью семьи» уже был «совершенно заражен сарацинским заблуждением» [Аннинский, 1940, с.93]. Хотя «татарские судьи» у этих «баскардов» придерживались, как отмечает Иоганка, «несторианской ереси», т.е. христианства несторианского толка или даже, не исключено, буддизма (европейские миссионеры зачастую принимали буддизм за разновидность христианства – см.: [История и культура, 2014, с.182]), показательным является то, что монаху-минориту, находясь в «Баскардии», пришлось войти в конфликт с «сарацинскими учеными», когда у него разгорелась дискуссия с ними о вере [Аннинский, 1940, с.93], что свидетельствует о присутствии там и мусульманских улемов. Из Ибн Вали видно, что Шибанид Бадагул-оглан, правивший на рубеже XIII–XIV вв., возможно уже начал принимать ислам со своим окружением [Маслюженко, 2015, с.6]. Укажем также, что из письма брата Иоганки видно, что между «страной Сибур» (т.е. «Сибирью») и «Баскардией», где жил «большой народ, подчиненный татарам», существовали какие-то контакты по линии «судей» двух регионов [Аннинский, 1940, с.94], По-видимому, эту начавшуюся в XIV в. исламизацию элиты «татар» Приуралья (= «Баскардии») надо увязать с общей политикой хана Узбека по внедрению среди золотоордынцев мусульманской религии сразу после своего восшествия в 1312 г. на сарайский престол. А это означает, что даже если сам Шибан и являлся несторианцем, о чем правда есть только косвенная информация, как были и приверженцами этой веры некоторые из кланов (найманы, частично карлуки), вошедших в удел Шибана и его потомков [Костюков, 2010, с.84, 123], затем ситуация, начиная со времени правления хана Узбека, во всей Ак Урде радикально изменилась, в том числе и потому, что в западной половине Улуса Джучи позиции ислама были сильны и ранее из-за вхождения в ее состав давно исламизированных территорий (Хорезм, Булгарский вилайят, частично Кавказ и Крым).

Можно высказать предположение, что известный поход Идигея совместно с султаном Чекре «в страну Сибирь», состоявшийся около 1405/1406 г. [Шильтбергер, 1984] и, не исключено, направленный против бежавшего туда хана Тохтамыша, мог иметь дополнительную легитимацию как «борьба за веру». Дело в том, что Руи Гонсалес де Клавихо, совершивший между 1403–1406 гг. путешествие в Самарканд, отмечает: «а… Едигей обращал и обращает татар в магометанскую веру, еще недавно они ни во что не верили, пока не приняли веру Магомета» [Де Клавихо, 1990, с.144]. Этот пассаж вряд

ли относится к самому Идигею и племени мангыт, принявшим ислам гораздо раньше, тут могут подразумеваться, прежде всего, татары «страны Сибирь», исламизация которых как раз ещё не была завершена, что мы увидим при анализе других материалов.

При Шибаниде Абул-Хайр-хане (1428/1429–1468/1469), объединившем в 1428/29 г. шибанидские владения в единое государство, известное как «Государство кочевых узбеков» (тут термин «узбеки» – это ещё политоним со значением «люди, народ [хана] Узбека»), «шибаны» (*шибанлыг*) уже предстают как полноценные мусульмане. Во всяком случае, при интронизации в 1428 (1429) г. Абул-Хайра, среди знати, участвовавшей в церемонии поднятия данного Шибанида на трон, согласно «Тарих-и Абду-л-Хайр-хани», упоминаются сеййиды Кул-Мухаммед (с титулом «лучший из потомков главы Пророка, султан накибов») и Кара. Они же фигурируют и среди предводителей племен и султанов, собранных этим ханом в 1430 г. накануне похода на Хорезм [Материалы, 1969, с.143; Ахмедов, 1965, с.46, 99]. Так как, по мнению Б.А. Ахмедова, первый из них являлся в этой политии «верховным казыем» [Ахмедов, 1965, с.181], есть основания полагать, что в ее рамках уже действовали мусульманские нормы, т.е. государство являлось исламским. Из «Мукум-ханской истории» Мухаммеда Юсуфа Мунши вытекает, что после подчинения Хорезма, хану Абул-Хайру покровительствовал Мауляна Хусейн-и Хорезми из потомков Надж-м ад-Дина Кубра, что свидетельствует о влиянии на Шибанидов тариката Кубравиа. То, что при внуке Абул-Хайра Мухаммаде Шайбани около 1472 г. фигурирует сын названного выше Кара сеййида Шамгун сеййид [Шейбаниада, 1849, с.LIX], свидетельствует об устоявшихся исламских институтах в этом государстве. Между тем, с 1428/29 по 1446 гг. столицей данного Шибанидского государства являлся г.Чимги-Тура («Тюмень» русских источников), бывший ранее административно-политическим центром «вилайята Чимги-Тура» Улуса Джучи. А так как в «Шейбани-наме» при описании событий, связанных с захватом в 1429/30 гг. Абул-Хайром г. Туры (Чимги-Туры), рассказывается о назначении им туда собственным даруг [Материалы, 1969, с.91], вовсе не исключено, что вслед за ними в этот город могли прийти и мусульманские улемы. После ряда успешных походов Абул-Хайра на среднеазиатские владения Тимуридов, начиная с 1430 г., столица государства в 1446 г. была им перемещена в г. Сыгнак, однако одна из ветвей Шибанидов продолжала править в Чимги-Туре, явно являвшемся к этому времени и «исламским» центром. В частности, в послании правителя Тюменского ханства со столицей в г.Чимги-Туре (Тюмени) Шибанида хана Саид-Ибрагима (Ибак/Ивак) московскому великому князю Ивану III от 1489 г., сказано: «Яз (т.е. хан Ибрагим – Д.И.) – бесерменский государь, а ты христианский государь» [Посольские книги, 1995, с.19]. То есть, этот глава политии «тюменских» татар последней четверти XV в. однозначно квалифицирует себя уже как мусульманина. Да и имена ряда Тайбугидов, правивших в Искерском княжестве во второй половине XV – начале XVI вв., были явно мусульманскими (Ходжа, Мар/Омар, Мамет) [Маслюженко, 2015, с.7].

Однако, реальная конфессиональная ситуация в бассейнах Иртыша и Тобола была не такой, чтобы уже можно было говорить о завершении даже к концу XV в. исламизации «тюменских» татар. Но чтобы раскрыть подлинное состояние исламизированности сибирских татар к рубежу XV–XVI вв., нам придется привлечь некоторые источники, несмотря на относительно позднее происхождение, сохранившие аутентичную информацию.

Прежде всего, стоит обратить внимание на родословную башкир племени табын (род кара-табын), записанную в XIX в. башкирским историком М. Уметбаевым (1841–1907). Это шеджере, содержащее ряд исторических сведений, будучи записано в XIX в., рассказывает о том, как группа табын, находившаяся ранее в бассейнах Иртыша, Тобола и Ишима, т.е. бывшая частью «тюменских» татар, около последней четверти XV в. (дата определена нами – Д.И.) вследствие политических событий сдвинулась на запад,

оказавшись вначале в районе р.Миасса, затем – в бассейне р.Камы (Чулмана) (более подробно см.: [Исхаков, 2006а, с.162]). Один из татарско-башкирских просветителей – Г.Чокрый (1826–1889), происходивший из рода кара-табын данного племени, в комментариях к названной родословной с удивлением замечает про своих предков, что «религии (ислама – Д.И.) у них не заметно». В стихотворных строках это мнение передано так:

… Асыл бабам Тобол, Иртыш
Кинаринда булуб ирмеш
Асылда әрми йә чирмеш,
Беленмәй диннәре сарпай.

Получается, что некоторые группы в Тюменском ханстве в конце XV в. (это устанавливается на основе анализа источника [Исхаков, 2006а, с.42, 162]) ещё не были исламизированы, не исключено, что из-за наличия у них угорского компонента (этнонимы «әрми»/ юрми, «чирмеш» говорят, как можно думать, именно об этом).

Такой же вывод позволяют сделать и другие источники. Скажем, в одном из преданий сибирских татар, сохранившемся в рукописях, обнаруженных и опубликованных Н.Ф. Катановым в начале XX в. [Катанов, 1904], несмотря на хронологические неувязки, вызванные тем, что источник многослойный, есть сюжеты, которые можно отнести ко времени Мухаммеда Шайбани-хана (ум. в 1510 г.), что позволяет имеющиеся там сведения частично увязать с отмеченным выше родословным, ибо там тоже фигурирует «хан Шибак», т.е. Мухаммед Шайбани. Основная канва событий, излагаемых в названных рукописях, следующая. В бассейне р.Иртыш имели «кочевья» три «народа»: народ «Хотан» (у хантов это – этноним сибирских татар, видимо, от «кидань»); народ «Ногай» и народ «Кара-Кыпчак». Один из ишанов (основатель Накшбандийского суфийского ордена Багаутдин ходжа – полное имя Мухамммад б. Мухаммад ал-Бухари (1318–1389) – Д.И.) поручает 366 «конным» шейхам пойти к указанным выше «татарам», которые «не имели истинной веры и истинных понятий», так как они «поклонялись куклам», с предложением «пригласить их к исповеданию ислама». Далее говорится, что ишан дал указание шейхам – если они не примут приглашения, «то учините с ними великую войну за веру». Когда отмеченные шейхи прибыли к «хану Шейбану в степи Средней Орды», тот поддержал их и «вооружил 1700 своих героев и в целях большой войны за веру отправившись с ними на лошадях, спустился к… Иртышу и учинил там великое сражение за веру». К этому времени, «некоторые из народов Хотан, Ногай и Кара-Кыпчак исповедали веру ислама». Под напором воителей, остальные, «испугавшись тоже обратились к вере ислама». Во время битвы большинство шейхов и воинов «хана Шейбана» пали, сам хан ушел обратно к «народу Средней Орды»; небольшое число шейхов осталось и «они стали обучать основам веры тех из народов Ногай, Хотан и Кара-Кыпчак, которые исповедовали ислам». Далее в источнике говорится об уходе большинства оставшихся в живых шейхов в «Священную Бухару» и приводится еще ряд данных относительно мусульманских святых в Западной Сибири.

Для того, чтобы дополнительно обосновать наше мнение об отнесении части преданий ко временам правления Мухаммеда Шайбани (в источнике он фигурирует как «хан Средней Орды Шейбан»), т.е. к рубежу XV–XVI вв., следует указать на то, что сюжет, связанный с «поклонением куклам» из этого источника, имеет интересную параллель с рассказом о походе Мухаммеда Шайбани-хана против казахов зимой 1508–1509 гг., содержащемся у Ибн Рузбихана. Накануне похода казахи, уже исповедовавшие ислам, были обвинены улемами этого хана в язычестве, одним из проявлений которого автор «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллах ибн Рузбихан называет сохранение «изображения идола, которому они (т.е. казахи – Д.И.) земно кланяются» [Ибн Рузбихан, 1976, с.105–106].

Упоминаемые в рукописях, опубликованных Н.Ф. Катановым, три «народа», жившие в бассейне Иртыша – *хотан* – это, как уже указано, татары; *ногай* – это ногайцы, часть которых временами появлялась в Западной Сибири, особенно, в XVI в.; этноним *кара-кыпчак,* скорее всего, отражает наименование более ранних восточных кыпчаков, некоторые из которых могли находиться в рассматриваемом регионе с XIII–XV вв. Показательно, что ко времени прихода в район р.Иртыша «воителей за веру», там иные из тюрок уже исповедовали ислам, но не все – остальные были обращены в ислам в результате действия отмеченных исламских миссионеров. В реальности, таким образом, этот источник достаточно точно показывает постепенный процесс исламизации сибирских татар.

Наконец, заслуживает рассмотрения и народно-краеведческое сочинение «Происхождение аула Сала», в котором про основателя деревни сказано, что его звали Сала, а его отцом был Сулейман-бай, который «пришел на эти земли из Бухары в составе людей Тайбуга-бия, сына Шах-Мурада. Вместе с Тайбугой прибыли на земли будущего Искира 500 человек, среди которых были муфтий и мударрис… Пришельцы основали город Искир» [Усманов, Шайхиев, 1979, с.91]. На самом деле это краеведческое сочинение является частью другого, гораздо более обширного текста – «Родословия святых из страны Мавара'ннахр» (*Аш-шаджарат ал-авийа мин билад Мавара'аннахр*), недавно введенного в научный оборот А.К. Бустановым [Бустанов, 2009а].

Так как г.Искер существовал уже до 1483 г. [Исхаков, 2010в], описываемое событие, возможно, относится к последней четверти XV в. Хотя, не исключено, что в тексте оригинала из которого был заимствован кусок истории аула Сала, говорилось лишь о том, что «Тайбуга-бий... первым основал в Искерском юрте ханство» [Бустанов, 2009а, с.201]. Скорее всего, под «Тайбугой-бием» в данном случае имеется в виду или основатель рода «сибирских князей» Тайбугидов – Тайбуга из клана буркут как легендарный первопредок, но он жил в XIII в., или, что более вероятно, другой Тайбуга, живший гораздо позднее, например в XV в. В таком случае это предание также рассказывает о продолжающейся исламизации тюркского населения Искерского юрта в XV в., на этот раз при ведущей роли Тайбугидов, что стало актуальной после начала конфронтации их с Шибанидами в самом конце XV в. Не исключено даже, что подчеркивание присутствия в этом сочинении среди основателей Искера мусульманских учителей (муфтия и мударриса), было направлено на усиление легитимизации власти Тайбугидов в Искерском юрте.

Таким образом, с одной стороны есть определенные доказательства начала проникновения ислама во владения Шибанидов не позже XIV–XV вв., но с другой стороны, к первой половине XVI в. процесс исламизации тюрко-татарского населения Западной Сибири ещё не был завершен в том плане, что мусульманство в регионе оставалось поверхностным. Поэтому, тут понадобился следующий этап исламизации, который совпал со временем правления в Сибирском ханстве Кучума и нашел отражение в сибирско-татарских исторических преданиях, подкрепляемых и некоторыми документальными источниками. Так как усиление влияния ислама при хане Кучуме совпало с формированием в Сибирском ханстве института сеййидов, связанного также с деятельностью суфийских тарикатов, этот этап исламизации будет рассмотрен отдельно.

По этому периоду истории сибирских татар, когда ислам среди них утвердился окончательно, мы уже имеем возможность перепроверить сведения из исторических преданий – а они и для данного этапа исламизации населения Сибирского ханства остаются наиболее информативным источниками – на основе отдельных документальных данных. Следует отметить, что именно с периода правления хана Кучума в источниках появляются первые достоверные сведения о сеййидах, свидетельствующие о формировании и в этом, самом северном владении Шибанидов, важного социального института,

безусловно, функционировавшего ранее в Государстве Шибанидов (Государстве кочевых узбеков) как наследие Золотой Орды.

Среди исторических преданий сибирских татар, содержащих новые сведения о мусульманском духовенстве, в том числе и о сеййидах, а также о суфийских орденах, действовавших в Западной Сибири в XVI в., два предания представляют особый интерес.

В одном из них, озаглавленном В.В. Радловым «О том, что Ильяс мулла слышал от своего отца», говорится о «шейх уль-исламе Искерского юрта» (*Искер йортының шәех-ул-исламы*) [Образцы, 1872, с.212; Катанов, 1896, с.51]. В другом предании, названном «Родословное сеййида» (*Сәетнең шәҗәрәсе*), речь идет о восстановлении родословной записи живших в Сибири сеййидов, утерянной во время похода Ермака [Образцы, 1872, с.217; Катанов, 1896, с.56] А.К. Бустановым были введены в оборот еще 3 списка «Родословного сеййида»/«Шаджара рисаласи» [Бустанов, 2009б]. Эти предания внутренне взаимосвязаны: если в первом из них главным действующим лицом является «Ширбетъ шейх», то во втором рассказ ведется от его имени (он назван тут «Шербети шейхом»). Именно последнее предание относится ко времени после смерти Ермака (1584 г.), когда многие участники описываемых событий были еще живы. В то же время рассказ муллы Ильяса был записан гораздо позже – в XIX в. Отсюда и некоторые разночтения между двумя источниками. Тем не менее, в основных чертах излагаемые в преданиях события совпадают.

Главная фабула рассказа муллы Ильяса следующая. Когда в Искерском юрте ханом был Ахмет-Гирей, умер шейх ул-ислам юрта. Хан обратился к «хану города Бухары» с просьбой прислать нового шейх ул-ислама. В ответ на эту просьбу бухарский хан написал письмо «хану Ургенча» с приказом отправить в Искерский юрт шейх ул-ислама. Тот снарядил в дорогу шейха Ширбети, который должен был в Искерском юрте стать шейх ул-исламом, придав ему еще муллу Якупа, сына своего «великого визиря» (*олы вәзир*) по имени мулла Муса, ахунов, мурз (мирз) и слуг – всего 500 чел. Вся группа вначале заехала в «священную Бухару», где их с большим почетом принял бухарский хан. Затем последний дал им еще людей и отряд, насчитывающий 1000 человек, выехал в Искерский юрт. По прибытии их встретил хан Ахмет-Гирей, «оказавший великие почести шейх ул-исламу, мулле Якупу и прочим муллам, давший каждому должность». Через год Ахмет-Гирей хан умер, ханом стал Кучум.

На самом деле этот сюжет, связанный частично с периодом правления хана Кучума, имеется и в уже рассмотренных выше рукописях, опубликованных Н.Ф. Катановым, ибо в конце рассказа о шейхах, участвовавших в обращении к «истинной вере» татар, «поклонявшихся куклам», среди тех, кто «остался … для обучения вере в числе первых шейхов», называется и «почтенный Шерпяти» [Катанов, 1905а, с.23]. А из народно-краеведческого сочинения «Происхождение аула Сала» с рассказом муллы Ильяса совпадает число выехавших «из Бухары» («священной Бухары») или заехавших туда перед отправкой их в «Искерский юрт», т.е. во всех известных нам исторических преданиях фигурирует некая общая фабула о распространении среди сибирских татар ислама.

В другом предании, известном как «Родословное сеййида» (*Сәетнең шәҗәрәсе*), сообщается, что утраченное во время Ермака родословие сеййидов было восстановлено со слов «Шербети шейха и стариков». Они рассказали о приходе «Хан сеййида из Ургенча к Искерскому хану Кучуму для обучения Сибирского народа исламу». Ведущее место в рассказе Шербети шейха занимает происходивший от сеййидов Дин-Али ходжа. Отмечается, что «*из его рода (были) имамы великих людей в Бухаре (и) Ургенче*» [Образцы, 1872, с.217; Катанов, 1896, с.56]. Как заявил Шербети шейх, его и Дин-Али ходжу в Сибирь послал бухарский хан Абдулла, придавший им старшего брата Кучум хана султана Ахмет-Гирея [Образцы, 1876, с.217–218]. Это событие, происходившее в 1572 г., целиком выглядело так.

Вначале в Бухару от хана Кучума прибыло посольство с просьбой прислать «еще одного шейха». Когда хан Абдулла принимал решение отправить ургенчскому «хакиму» письмо по этому вопросу, рядом с ним находился некий бухарский «хаким» по имени мулла Якуп, с которым хан советовался. Затем было подготовлено письмо ургенчскому «хакиму» Хан-сеййиду-ходже (Хан-сеййиду) с распоряжением отправить к Кучуму «сеитзоде Ярым сеййида и шеихзоде Шербети-шейха». С указанным письмом послы хана Кучума выехали в Ургенч и вручили его «хакиму» Хан-сеййиду. В письме говорилось: «… По указу муфтиев и (опираясь) на шариат…, передайте послу сибирского хана Кучума… Ярым сеййида и Шербети шейха…, с почетом и (обеспечив) дорожные расходы, придав им 10 добрых, средних лет попутчиков, отправьте их». Когда эта группа дошла до г.Искера, посол сообщил хану Кучуму о прибытии духовенства. Тот со своими нукерами переправился через р.Иртыш, чтобы приветствовать прибывших. После этого все переправились на другой берег, в г.Искер.

Хан Кучум поставил Ярым-сеййида «*творить правосудие и выносить решения*» (*хөкем кылгалы*). А Шербети-шейх, по его собственным словам, занялся тем, что «*сделал известными подножия (могил) святых (на) Тоболе*» (эти данные есть только у Х.Атласи, см. [Атласи, 1993, с.77]). На татарском языке фраза выглядит так: «Без, Шәрбәти шәех, Тубылда яр газизләр яткан бусагаларны бәян иттек». Этот факт находит подтверждение и у Г.Ф. Миллера, который пишет: «... один старый шейх ... пришел во времена Кучума из Бухары в Сибирь ..., чтобы ежегодно в их (святых – Д.И.) память устраивали поминования. Он ходил по всем мазаретам или кладбищам и в разных местах показал 7 таких святых, называя их по именам» [Миллер 1996, с.139]. Через два года Ярым-сеййид умер и Шербети-шейх уехал в Ургенч. Однако от хана Кучума прибыл новый посол, через которого хан передал, что для «*обучения шариату и отправления правосудия нет человека, пришлите опять одного сеййидзоде и шейха*». История повторилась: Абдулла-хан рассмотрел дело и отдал распоряжение, а «хаким» Ургенча подготовил к отправке Дин-Али ходжу, приходящегося племянником покойному Ярым-сеййиду (он был сыном его младшего брата) и уже знакомого нам Шербети-шейха. Эти двое выехали вначале в Бухару и попросили у хана Абдуллы послать вместе с ними дядю хана Кучума Ахмет-Кирея (Гирея), обосновав свою просьбу тем, что «дорога была опасна». Хан выполнил их просьбу и дал им еще 100 человек сопровождающих. Когда они приехали в Искер, хан Кучум уступил свой престол султану Ахмет-Гирею и тот правил четыре года, затем был убит «своим тестем – ханом чол-казахов Шыгаем». Кучум опять стал ханом и отдал свою дочь Лейлу (*Ләгыл*)-ханшу замуж за Дин-Али-ходжу. Некоторое время все они жили в г. Искере, затем «юрт пошел прахом» (*бозылды*), Кучум умер [Образцы, 1872, с.217–220; Катанов, 1896, с.55–61]. От брака Дин-Али-ходжи с Лейла-ханшой родились сыновья Султан-Мухаммад, Сеййид-Мухаммад и Аксеййид, жившие в г.Тара, а от Сеййид-Мухаммада родился Миргали сеййид (Эти данные есть только у Х. Атласи, см. [Атласи, 1993, с.55–61]).

В целом, начальная часть родословной сибирских сеййидов выглядела так: Тобыцак (*Топечак*) сеййид – его сын Алау-дин (*Галәветдин*) сеййид – его сыновья Ярым сеййид (старший) и Мырали (*Миргали*) ходжа – сын последнего Дин-Али (*Дин-Гали*) ходжа. У Х.Атласи к этой родословной есть такое дополнение – Тобыцак сеййид был «сыном» «Сеййида-Ата» (*Сәет атаның улы Төпечак сәет*) [Исхаков, 2011д, с.161–166]. Имя Сайида-Аты содержалось в одном из списков «Родословного сеййидов» / «Шаджара рисаласи» (*Хаджаларных шәҗәрәсе*), что видно из новой публикации А.К. Бустанова [Бустанов, 2009б, с.35, 45].

При анализе изложенных материалов важно установить хронологию событий, упоминаемых в преданиях, и, по возможности, «вписать» их в исторический контекст. Одна дата содержится в рассказе о первом приходе сеййида Дин-Али-ходжи и шейха

Шербети в Сибирское ханство – это произошло во время правления хана Кучума в 1572 г. Начало правления хана Кучума в Искерском юрте, как известно, датируется 1563 г., а к 1565 г. относится сообщение, сохранившееся в ногайских делах, о женитьбе «царевича Алия», сына «Сибирского Кючюма царя», на дочери «ногайского князя Тин-Ахмета», подтверждающее, что хан Кучум к этому времени действительно правил в Сибирском ханстве [ПДРВ, 1801, с.195]. Практически одновременно с ханом Кучумом в Сибири оказался и средний сын хана Муртазы Ахмет-Гирей султан – посольство от него, как от «царевича», прибыло из Сибири в Москву около 1563 г. [ПДРВ, 1791, с.322]. Согласно Г.Ф. Миллеру, Ахмет-Гирей был послан своим отцом ханом Муртазой с «войском» на помощь Кучуму и вместе с ним «прибыл ахун, несколько мулл и абызов, чтобы провести дело обращения… с большей настойчивостью и успехом» [Миллер, 1996, с.199]. Несмотря на то, что Ахмет-Гирей в имеющихся документах фигурирует лишь как «царевич», т.е. султан, не исключено, что некоторое время он мог быть ханом Искерского юрта [Исхаков, 2011д, с.166–167]: если основываться на преданиях, его правление могло иметь место в 1574–1578 гг. Поэтому хронологическая канва событий, о которых идет речь в преданиях, представляется вполне достоверной.

Историчны и сведения о тесных связях Сибирского ханства с бухарским ханом Абдуллой. Последний уже в годы правления своего отца Искандера (1561–1583 гг.), оставаясь султаном, являлся реальным правителем Бухарского вилайята владений Шибанидов (с центром в Бухаре). Иногда удивление вызывает возможность распоряжения ханом Абдуллой делами «Ургенча», т.е. Хорезмского вилайята, где правила самостоятельная ветвь Шибанидов, действительно, довольно часто имевших других сюзеренов – из Тимуридов, Сефевидов. Но так было далеко не всегда. В частности, еще хан Абул-Хайр дважды (в 1433, 1435 гг.) завоевал Ургенч, затем Хорезмский вилайят неоднократно был в XV в. объектом нападений Шибанидов, а с 1505 г. окончательно ими был захвачен и, если не считать недолгого (в 1510–1512 гг.) правления здесь Сефевидов, это владение осталось под властью «узбеков» Шибанидов. Как известно, султан Абдулла еще в 1557 г. взял г. Бухару, и в дальнейшем Бухарский вилайят был его личным уделом. Хотя он в 1561 г. посадил в Бухаре на ханский престол своего отца Искандера, реальным правителем «узбекских султанов» остался сам [Хафиз-и Таныш Бухари, 1983, с.244; 1989, с.213–214, 230, 241]. В литературе даже высказывалось мнение о том, что еще при жизни своего отца Абдулла в 1570 г. стал верховным правителем кочевых «узбеков». Даже если это и не так, в период прибытия в Сибирское ханство «из Ургенча» и «Бухары» группы религиозных деятелей по распоряжению хана Абдуллы, Хорезмский вилайят однозначно подчинялся правителю Бухары: по данным Хафиз-и Таныш Бухари, в ходе похода хана Абдуллы против Балхского вилайята в 980 г.х./1573 г. к нему на помощь пришли воины «из Хорезма». Эти прибывшие были «из султанов Хорезма султан Суюнч-Мухаммад, сын Хаджи-хана, правителя Хорезма и подвластных ему земель» [Хафиз-и Таныш Бухари, 1989, с.8, 147]. Следовательно, между историческими материалами и содержанием преданий особых противоречий нет. Об этом говорят и актовые источники. Так, упоминаемый в конце XVI в. в русских источниках «тарский юртовский татарин сеййид Тенелей Берелеев» [Бахрушин, 1965, с.165] есть не кто иной, как сеййид Дин-Али, сын ходжи Миралия/Миргалия («Берелеев» – испорченное от «Мирали»). Информация о нем появляется и в переводе послания хана Абдуллы Кучум-хану, датированного серединой 1590-х гг. [Исхаков, 2011д, с.168]. Там сказано: «…послали есмя Али (т.е. Дин-Али – Д.И.) ходзю, он тебе (хану Кучуму – Д.И.) зять, а мой богомолец и ты б ему веря подлинное свое раденье прислал…» [Зияев, 1983, с.23]. Еще один архивный документ, датируемый 1596 г., приводимый Х.З. Зияевым, как думается, говорит также о сеййиде Дин-Али ходже и шейхе Шербети при нем – речь идет о послании от имени «сибирцев», т.е. сибирских татар, в Москву по поводу разрешения

им продолжать торговые связи с «Бухарой» и «Ногаи». В конце этого документа содержалась просьба об освобождении московской стороной «шейха, муллы и … Бабуазея» и «отправлении их в Бухару». Можно думать, что упоминаемый тут анонимный шейх – это Ширбети, а «Баба ходжа», т.е. «старый, уважаемый ходжа», возможно, Дин-Али сеййид. Отмеченные у С.В. Бахрушина на основе документов за 1672 г. «бухарские сеиты на Таре» Мирали Сеитов и Аксеит Сеитов [Исхаков, 2011д, с.169] являлись: первый – внуком Дин-Али ходжи (отцом Мирали был Сеййид Мухаммед), второй – дядей Мирали (см. выше родословную сеййидов).

Да и содержание рассказа муллы Ильяса, относящегося к XIX в., позволяет установить связь между событиями XVI в. и реальными личностями, жившими в XIX в. В частности, мулла Ильяс в XIX в. в числе своих предков называл муллу Мусу и его сына муллу Якупа (XVI в.), представив В.В. Радлову свою непрерывную генеалогию, восходящую к ним [Образцы, 1872, с.215; Катанов, 1896, с.54–55]. А обнаруженный А.К. Бустановым в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН «Сеитовский список», где кроме «Шаджара рисаласи» имелась развернутая родословная сибирских татар Имьяминовых из д.Сеитово (*Ходжа аул*) Тарского района Омской области, доведенная до XIX в. и начинающаяся с Дин-Али ходжи, подтверждает приход «богомольца» Абдуллы-хана Шибанида сеййида Дин-Али в Сибирский юрт при хане Кучуме. Как и родословная тарских бухарцев Айтикиных, доходящая до Хайдара (Айтуки) Ярымова (1752–1808), но восходящая к Дин-Али-ходже и указывающая его предков-сеййидов (Галялетдин → Тупучак → Сеййид-Ата) [Валеев, 1991, с.102–103]. Такие же сведения имеются и по одному шейху, прибывшему при хане Кучуме в составе людей Дин-Али ходжи в Сибирское ханство. Речь идет о 17 поколенной генеалогии из д.Турметяки (*Улуг-Буран, Турматак*) Омской области, переписанной имамом, представителем рода шейхов, Абд-ал-Гани сыном Му'мина (род. в 1857 г.), как сказано в тексте, также «из шейхов». Данное родословное начинается с Абдал-шейха, про которого в рассказе (*ривайат*), помещенном в тексте источника, есть такие строки: «… прибыв из города (или «вилайята») Туркестан, Абдал-шейх стал смотрителем (*муджавир*) в юрте Туртамак» [Бустанов, 2009а, с.207–209]. Именно эта личность упоминается в «Шаджара рисаласи», как было отмечено А.К. Бустановым, в составе религиозных деятелей, направленных ханом Абдуллой по просьбе хана Кучума в Сибирское ханство. Источник гласит: «…Затем Ширбети шейх, и вместе [с ним] прибывший Баба Абдал, и старые люди [рассказали], как этот Дин-'Али-ходжа прибыл из Ургенча и как Абдулла-хан [их] отправил…» [Бустанов, 2009б, с.43].

В связи с некоторыми личностями, участвовавшими в отправке по распоряжению хана Абдуллы религиозных деятелей в Искерский юрт, возникает вопрос об их реальном проживании в среднеазиатских «вилайятах», подчиненных Шибанидам. В частности, обращает на себя внимание имя «хакима» Ургенча ходжи Хан-сеййида. Во-первых, как видно из «Родословного сеййида», он был родственником как Ярым-сеййиду, так и «хакиму» Бухары ходже Якупу [Бустанов, 2009б, с.44], что говорит о том, что в лице всех этих трех лиц мы имеем дело с линией среднеазиатских сеййидов. Во-вторых, как представляется, имя ходжи Хан-сеййида фигурирует в сочинении Хафиз-и Таныш Бухари «Шараф-нама-йи шахи», где среди присутствовавших на пиру по случаю обрезания, сделанного сыну хана Абдуллы, называется «благородный шейх ул-ислам» по имени Хан-ходжа [Хафиз-и Таныш Бухари, 1989, с.186], как уже было сказано, имевший, скорее всего, сеййидское происхождение. Хотя бухарского «хакима» Якупа пока не удалось идентифицировать с реальной исторической личностью, рассмотренный выше факт говорит о том, что в содержании анализируемого документа описаны события, действительно имевшие место. Все это говорит не только об историчности, но и о достоверности сведений, содержащихся в рассматриваемых преданиях.

Думается, что нам известны имена по меньшей мере двух верховных сеййидов Сибирского ханства (Искерского юрта), являвшихся высшими духовными лицами в этом государстве: это Дин-Али (Гали) сеййид (начиная примерно с 1574–1575 гг. и до завоевания ханства русскими), а до него – его дядя Ярым сеййид (1572–1574 гг.). Не исключено, что и предки Ярым сеййида, особенно его отец и дед, являлись верховными сеййидами в Искерском юрте.

Теперь остановимся на вопросе об особенностях инвеституры сеййидов в Сибирском ханстве. Как уже отмечалось, кандидатура главы мусульманского духовенства ханства подбиралась в Бухаре, во всяком случае, так обстояло дело во время правления хана Кучума, т.е. с 1563 г. Столь необычная процедура, скорее всего, была связана с окончательным перемещением с начала XVI в. политического центра Государства Шибанидов (кочевых узбеков) в Среднюю Азию. Именно с этим государством, как уже отмечалось, было тесно связано Сибирское (ранее – Тюменское) ханство – одно из владений Шибанидов. Особая роль Бухары, с начала XVI в. не раз являвшейся столицей Государства Шибанидов, а с периода правления ханов Искандера и Абдуллы окончательно ставшей ею, довольно ясно прослеживается и по отдельным историческим источникам. Например, в Есиповской летописи содержится известие о том, что в то время, когда Кучум «со многими воинскими людми доиде до града Сибири (т.е. Искера – Д.И.) и град взя», он «князей Етигера и Бекбулата уби» [ПСРЛ, 1987, с.48]. Убитые, известные как «Сибирские князья», правили Искерским юртом до прихода Кучума. По Есиповской летописи, сын князя Бекбулата Сейдяк «от убиения царя Кучюма соблюден бысть и изведен в Бухарскую землю» [ПСРЛ, 1987, с.48]. Опираясь на устную традицию сибирских татар, этому же событию Г.Ф. Миллер дает более развернутую характеристику. Он пишет: «… Едигер… оставил после себя беременную жену. Знатные татары не хотели ждать, когда княгиня разрешится от бремени, так как между ними не было согласия относительно того, кому править в Сибири. Они отправили посольство к хану Большой Бухары Муртазе, прося его прислать в князья одного из своих сыновей. Муртаза отпустил к ним в Сибирь своего среднего сына Кучума с многочисленной свитой. По прибытии он был всеми признан ханом. Тем временем беременная вдова Едигера бежала в Большую Бухару» [Миллер, 1996, с.196; Frank, 1994]. Похожее сообщение имеется и в Есиповской летописи, где говорится о том, что после побед Ермака «князь Сейдяк Бекбулатов из Бухарские земли» пришел «с воинством многим» на Кучума [ПСРЛ, 1987, с.59]. Да и в уже цитировавшемся рассказе об истории д.Сала основатели г.Искера пришли во главе с «Тайбугой бием», т.е. представителем клана Буркутов – «Сибирских князей», «из Бухары». Несмотря на то, что отец Кучум-хана Муртаза вряд ли был ханом в Бухаре (о месте его правления см. новые данные: [Миргалеев, 2014]), из рассмотренных данных становится понятным, что в середине XVI в. между Сибирским ханством и Государством Шибанидов, точнее, Бухарским ханством, существовали не вполне ясные пока отношения политического характера, свидетельствующие о том, что верховными сюзеренами сибирских Шибанидов были Шибаниды среднеазиатские.

Об этом прежде всего говорит сам факт обращения хана Кучума к верховному правителю кочевых «узбеков» Абдулле-хану с просьбой прислать высших духовных лиц. Обращение «знатных татар» к «хану Большой Бухары» Муртазе с просьбой прислать «в князья» одного из своих сыновей следует рассматривать в ряду аналогичных отношений. Далее, когда Абдулла хан перед второй отправкой духовенства в Искерский юрт (около 1574–1575 гг.) решает послать вместе с ними султана Ахмет-Гирея со 100 сопровождающими, в результате прибытия которых хан Кучум уступает трон своему дяде, это весьма напоминает выполнение вассалом распоряжения сюзерена. Одно место из «Родословного сеййида» рисует аналогичную картину: когда хан Абдулла отправляет «хакиму» Ургенча письмо, в нем говорится о том, что в Искерский юрт

сеййид и шейх посылаются «*по указу муфтиев и [опираясь] на шариат*» (На татарском языке: «мөфтиләрнең фатвәсе менән, шәр'и-шәриф боерунца». [Образцы, 1872, с.219; Катанов, 1986, с.56]). Между тем, именно в Бухаре имелись 14 муфтиев, занимавшихся составлением юридических решений, основанных на шариате. Эти решения затем давались верховному судье (*кази ал-кузат*, т.е. казыю), который выносил окончательное суждение по рассматриваемому делу [Абдураимов, 1966, с.89]. Обращает на себя внимание еще один момент, зафиксированный в преданиях сибирских татар: в них фигурирует некий ходжа (или мулла) Якуп, «бухарский хаким», подсказывающий хану Абдулле решение о том, кого конкретно послать из Ургенча в Искерский юрт. Затем именно он пишет письмо, в котором были приведенные выше строки об указе муфтиев. Похоже, что это было должностное лицо, имевшее отношение к духовным делам. И именно оно обладало правом определять конкретных духовных лиц, могущих возглавить духовенство Искерского юрта. Подозреваем, что указанный ходжа (мулла) Якуп имел отношение к ходжам Джуйбари, обладавшим огромной властью в Бухаре; из них тут выходили глава духовенства (*шейх ул-ислам*) и а'ламы. Любопытно то, что их духовная власть, согласно некоторым источникам, распространялась и на Сибирское ханство: по данным М.А. Абдураимова, ходжам Джуйбари «беспрекословно подчинялись… *султаны Тура* (т.е. Сибирского ханства – Д.И.) и *Дешти-Кыпчака*» [Яхин, 2005, с.194–195]. Таким образом, последний факт еще раз подтверждает высказанный уже тезис об особых отношениях Искерского юрта/Сибирского ханства и Государства кочевых узбеков, особенно, Бухарского вилайята.

Достаточно уверенно можно говорить о том, что глава мусульманского духовенства Сибирского ханства был из сеййидов и, скорее всего, носил тот же титул, что и глава духовенства Государства Шибанидов – «*шейх ул-ислам*», выполняя, как это было изначально при хане Абул-Хайре, функцию главного казия. Правда, смущает то, что в рассказе муллы Ильяса этот титул как будто бы приписывается шейху Шербети. Однако в данном случае мы имеем дело с поздней версией событий 1570-х годов, поэтому к ней надо подходить весьма осторожно. Тем не менее, именно сеййид Ярым занялся правосудием, что и соответствовало функции шейх ул-ислама, как на это указывал Ф.З. Яхин [Яхин, 2005, с.194–195]. В то же время и из раннего предания – «Родословного сеййида» – отчетливо видно, что из двух прибывших в 1572 г. более значимой была фигура Ярым сеййида – именно его хан Кучум оставил около себя как должностное лицо. Об этом же говорит и предложение «хакимом» Бухары Якупом для отправки из Ургенча в Искерский юрт вначале сеййида Ярыма, затем только кандидатуры шейха [Бустанов, 2009б, с.44]. По «Родословному сеййида» видно, во время второго прихода духовенства из Бухары Дин-Али ходжа, будучи сеййидом, опять был поставлен выше – за него выдали дочь хана Кучума. Надо полагать, что в предании XIX в. просто произошла некоторая путаница. Но данный вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Не исключено, что до прибытия в Искерский юрт кандидат в главы духовенства считался не сеййидом, а всего лишь сеййидзаде. Во всяком случае, в татарском варианте «Родословного сеййида» есть место, где Ярым сеййид, находящийся в Ургенче, именуется «сеййидзаде» [Образцы, 1872, с.218]. Но будущего сеййида обязательно сопровождал шейх, который до прибытия в Искерский юрт, очевидно, также назывался еще не шейхом, а шейхзаде [Образцы, 1872, с.213].

Функции этого шейха не совсем ясны. Если сеййид был главой духовенства и занимался правосудием – (*хөкем кылгалы,* или, как передано у Х. Атласи это: *«шәригать хөкемен йөртергә вә хөкем әйләргә»* [Атласи, 1993, с.77]), то шейх предстает прежде всего неким «кодификатором» священных могил. Правда, он или его приближенные могли заниматься и обучением основам ислама – по преданию видно, что мулла Якуп, прибывший в свите Шербети шейха, учил детей «*грамоте, а народ – религии*» [Образ-

цы, 1872, с.213; Катанов, 1896, с.52]. Обучение шейхами «религии» видно и из опубликованного Н.Ф. Катановым на основе двух татарских рукописей сочинения, названного им «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири» [Катанов, 1905а]. В сочинении речь идет, как уже было сказано, о 366 «конных шейхах», трое из которых остались «в степях Средней Орды» и «*стали обучать основам веры*». Показательно, что в Искерском юрте шейхи имелись и до Шербети шейха, что вытекает из ногайских дел, в которых есть информация о после «из Сибири» *Мамин шейхе* (шихе), находившемся в 1564 г. в Москве [ПДРВ, 1801, с.103]. Получается, что шейхи занимались и государственными делами. Но можно согласиться частично с тем возражением группы авторов против нашей прежней формулировки относительно роли шейхов в Сибирском ханстве как «кодификаторов» священных могил – действительно, шейхи «в системе народного ислама играли роль не меньшую, нежели «официальные» представители исламского «духовенства» [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с.139]. Однако эта сама по себе плодотворная мысль явно нуждается в более детальной разработке, в том числе и потому, что шейхи, пришедшие в Сибирский юрт из среднеазиатских владений Шибанидов, на самом деле были «вписаны» именно в состав «официального» духовенства. Важнее поэтому другое – названные шейхи, прибывшие в Искерский юрт явно несколькими волнами, напрямую участвовали в «переформатировании» в исламское сообщество той тюрко-татарской общности, которая существовала в рамках этого северного владения Шибанидов. Так как эти фундаментальные изменения происходили через механизмы суфийских тарикатов (Ясавийа, Накшбандийа), необходимо сделать некоторые пояснения на этот счет.

В общеметодологическом ключе для понимания этих механизмов весьма полезны общие выводы Девина Де Виза относительно роли Баба Туклеса в формировании ногайской этнополитической общности. Этот исследователь указывает, что Баба Туклес, зачастую трактуемый как суфий, как исламизатор, «сначала идентифицируемый (и почитаемый) как основоположник религиозной общины, затем приравнивается к основателю/предку «племени» или «народа» [De Weese, 1994, p.492]. Он в конце концов превратился в «центральную фигуру в общинных легендах о происхождении» [De Weese, 1994, p.510]. И это было связано с тем, что для групп, принимающих ислам, «обращение» происходило и почти всегда понималось «в общинном контексте, с целой общинной группой, воображенной как принимающая новую религию, как группа под руководством героической фигуры, превращающейся в фигуру предка…» [De Weese, 1994, p.531]. Наконец, – как пишет этот автор, – «нативизация носителя ислама показывает не только туземное «присвоение» ислама, но и принятие того ислама как краеугольного камня «священной истории» конкретного коллектива и, таким образом, определяющего элемента в пределах центральных социальных и общинных структур… общества» [De Weese, 1994, p.516] (в данном случае подразумевается степное общество – Д.И.). Именно такой сценарий развития и обнаруживается в связи с деятельностью шейхов в Сибирском ханстве.

Когда в результате активности мусульманских миссионеров, в основном из Средней Азии, на территории Сибирского ханства в конце XV – XVI вв. сформировался институт астаны, первыми смотрителями которых и были шейхи, эта своеобразная духовно-управленческая структура, ядро которой образовывало поклонение могилам святых (в ряде случаев – ложных) из суфийских тарикатов Йасавийа и Накшбандийа, начала довольно быстро развиваться территориально. Например, если при жизни Ширбети-шейха (а это последняя четверть XVI – начало XVII вв.), согласно «Аш-шаджарат ал-авлийа' мин билад Мавера'аннахр», ему удалось «выявить» 12 могил «святых» [Бустанов, 2009а, с.201], то позже, видимо, в XVII в., это число уже достигло 22 [Бустанов, 2009а, с.201], затем, в XVIII в., увеличившись до 49 [Бустанов, 2007, с.63–64], а к концу XIX – началу XX вв. умножившись еще больше, – сейчас их известно до 80 [Рахимов, 2012].

Институт астаны, соответственно, почитание суфийских фигур из тариката Ясавийа, затем – из тариката Накшбандийа, вскоре стал частью культурно-религиозной жизни сибирских татар. И, в итоге, фактически сложилась не только новая «сакральная топография», обнимающая десятки астана, но и параллельно вокруг селений, где осели шейхи, возникли центры исламской учености и местные ответвления суфийских тарикатов во главе с собственными ишанами [Белич, Бустанов, 2010], когда произошел синтез старой тюрко-татарской культуры с новой исламской культурой. Вот хороший пример этому. Согласно рассказу смотрителя Варваринской астаны, «… был пигамбар по имени Сулейман, он был человек-великан и воевал за ислам. В наши места когда пришел, он сел и из сапог вытряс землю, и получилось два холма. На этом месте и стала астана, где потом был похоронен авлийа Азис Дауд-шайх, который пришел сюда с другими шайхами, 360 их было, из Бухары и Ташкента распространять мусульманскую религию» [Белич, Бустанов, 2010, с.54].

Закончилось это тем, что прежняя тюрко-татарская этнополитическая общность сибирских татар была полностью «перекроена» и она стала исламской общностью, базирующуюся на локальных исламских центрах, и ведущую на народно-бытовом уровне начало своей истории от прихода мусульманских проповедников. О таком ходе событий свидетельствуют многие сохранившиеся среди сибирских татар аутентичные рукописные источники, о которых речь уже шла («Шаджара рисаласи», «Аш-шаджарат ал-авлийа’ мин билад Мавара’аннахр», «Происхождение аула Сала»). Характерной чертой всех этих «историй» является то, что предки сибирских татар именно в результате деятельности шейхов (*авлийа*, *яхшылар*) оказываются «вписанными» в исламский мир, а также в конкретную его часть – «Священную Бухару», при детальном анализе оказывающуюся виртуальной суфийской сетью, восходящую к тарикатам Ясавийа и Накшбандийа. То же самое происходило на территориях других позднезолотоордынских тюрко-татарских государств.

Кроме сеййида (сеййидов) и шейха (шейхов) в Сибирском ханстве имелись и другие группы духовенства. Прежде всего, это муллы. О них говорится в предании, рассказанном муллой Ильясом. Речь там идет о мулле Якупе, сопровождавшем шейх ул-ислама, и о «множестве мулл», выехавших с ними в Искерский юрт. Ахмет-Гирей-хан всем муллам по их прибытии в ханство дал «места». Ветвью этих же мулл могли быть и «ахуны», фигурирующие в том же предании. Но с этим термином ситуация менее ясная, так как он несет отпечаток XIX в. (тогда ахуны у татар были хорошо известны). Какая группа духовенства в XVI в. скрывается под этим термином XIX в., не совсем понятно. Возможно, в некоторой степени ответ на этот вопрос можно получить при изучении уже рассмотренной рукописной истории под названием «Происхождение аула Сала», где в составе прибывших 500 человек названы «муфтий и мударрис» [Усманов, Шайхиев, 1979, с.91]. Хотя названные в источнике понятия «муфтий» и «мударрис» могли быть позднейшей заменой более ранних терминов, не исключено их присутствие в рукописи в силу существования в ханстве реальных групп духовенства, имевших такие обозначения. Дело в том, что в Бухаре, о чьих связях с Искерским юртом уже было сказано достаточно, должность духовного лица, называвшегося «муфтием», существовала, о чем уже было сказано. В составе духовенства Сибири могли быть и хафизы (*абызы*): Г.Ф. Миллер отмечает (его сообщение перекликается с рассказом муллы Ильяса), что вместе с Ахмет-Гиреем в Сибирское ханство прибыли «ахун, несколько мулл и абызы». Кроме того, в ярлыке хана Абдуллы за 1595–1596 г. хану Кучуму говорится об отправлении от имени первого послом в Сибирское ханство Шембердей-абыза (это был, судя по источнику, его не первый приезд в Сибирь) [Зияев, 1983, с.22]. В данном случае имеет значение и существование в конце XVIII в. в Эскольбинской волости наряду с деревней «*Сеитовы*» и населенного пункта «*Абызовы*» [То-

милов, 1981, с.99]. Наконец, на то, что в 1572 г. кроме сеййида и шейха в Искерский юрт пришли и другие представители духовенства, намекает и «Родословие сеййида», рассказывающее о 10 лицах, сопровождавших сеййида и шейха. На татарском языке они названы «*яхшылар*», что у сибирских татар обозначает «святых» и применяется больше к духовенству. В целом, в Искерском юрте можно выделить такие группы духовенства: сеййид (он же, скорее всего, шейх ул-ислам), шейхи, муллы, абызы, не исключено, муфтии и мударисы. Более гипотетично присутствие в ханстве ахунов.

Обращает на себя внимание и то, что некоторые из сеййидов в ханстве имели еще титул «ходжа». Тут, видимо, можно согласиться с Ф.З. Яхиным в том, что термин «ходжа» являлся синонимом понятия «сеййид» [Яхин, 2005, с.195]. Следует также иметь в виду обращение хана Ахмет-Гирея в Бухару с просьбой прислать «старшего» (*өлкән*) шейх ул-ислама [Образцы, 1872, с.213]. Н.Ф. Катанов это место перевел словом «*великий*» [Катанов, 1896, с.517]. В данном случае термин «*өлкән*» имел какую-то смысловую нагрузку и, не исключено, прав Н.Ф. Катанов, ибо в Бухарском ханстве, как уже было показано, имелись «великие сайиды». Не случайно, что в «Родословном сеййида», говоря о знатности происхождения Дин-Али сеййидзаде, рассказчик подчеркивает, что «в Бухаре (и) Ургенче» из его рода были «имамы великих» (*олыларның имамнары*) [Образцы, 1872, с.217]. Несколько иную, кажется, искаженную трактовку этого места, находим у Х. Атласи, который пишет «олуглар» [Атласи, 1993, с.76]. В итоге не исключено, что термины «*өлкән шәех ул-ислам*», «*олыларның имамнары*» являются синонимами уже известных эпитетов «величество учителей великих» или «великие сайиды» [Исхаков, 2011д].

Высокое положение сеййида в Сибирском ханстве подтверждается несколькими фактами. Скажем, хан Кучум, как говорится в «Родословном сеййида», при прибытии Ярым сеййида лично переплыл р.Иртыш, чтобы приветствовать прибывших. Об особом положении сеййида в ханстве говорит и женитьба сеййида Дин-Али на дочери Кучум хана. Не исключено, что такого рода матримониальные связи существовали и до начала правления Шибанида Кучум-хана между домом «Сибирских князей» Тайбугидов и высшими духовными лицами Искерского юрта. Недаром у Г.Ф. Миллера сохранилось татарское предание следующего содержания: беременная вдова князя Едигера, бежавшая в «Большую Бухару», нашла там «*очень сочувственное отношение*» со стороны одного «*сеита*», принявшего ее в свой дом и ставшего для родившегося от вдовы мальчика приемным отцом (именно в его честь он и был назван «Сейдяком», т.е. «маленьким сеййидом») [Миллер, 1996, с.196].

Несмотря на то, что большинство источников рассказывает о приходе мусульманского духовенства в Сибирь из Средней Азии (Бухара, Ургенч, Туркестан), нельзя сбрасывать со счетов и другие места появления духовенства в Искерском юрте. Так, ссылаясь на Ремезовскую летопись, Г.Ф. Миллер сообщал о том, что Кучум «привез много духовенства из Казани» [Миллер, 1996, с.196]. Несмотря на некоторые анахронизмы, это сообщение может отражать какие-то реальные события, так как о миграции татарской знати, в том числе и сеййидов, из Казанского ханства в Тюменское в 1480-х гг. известно из документов [Исхаков, 2011д, с.80–91]. А такие случаи могли происходить и позже (см. сюжет, связанный с ханом «Упаком», т.е. Иваком/Саид – Ибрагимом – [Миллер, 1996, с.194]). Но это принципиально не меняет дела, так как в Поволжье в XV–XVI вв. господствовал тот же тарикат Ясавийа и сеййиды были теми же потомками Сайиида-Ата.

§ 4. Культ святых

Александр Селезнев, Ирина Селезнева

Культ святых – феномен, универсальный для всего исламского мира, но, при этом, всюду жестко отторгаемый идеологами пуристских реформистских течений – является наиболее важным компонентом регионального варианта ислама в Сибири. Этот культ, получивший распространение, прежде всего, у тоболо-иртышской группы сибирских татар, замечателен тем, что, с одной стороны, отражает этнокультурную специфику, с другой – связывает мусульман Сибири со всем исламским миром. Как и повсеместно в исламе, содержание данного культа составил комплекс ритуальных действий и представлений, связанных с почитанием священных могил и захороненных на них святых подвижников.

В Сибири культ святых в исламе включает в себя: 1) традиционные представления о древних миссионерах (*йахшилар, аулийалар, амбийалар, хайбиреннер*), распространивших исламскую веру среди сибирских язычников, погибших в борьбе с ними, и похороненных на местах нынешнего расселения сибирских татар; 2) почитание мест этих легендарных захоронений (в Сибири они носят название *астана*) и паломничество к ним; 3) представления об исламских персонажах (*Хаким-Ата, Занги-Ата, Хазыр-Ильяс, Хасан, Хусейн, Айша, Фатима* и других), получивших в традиционной религии народную, фольклорную форму и функции; а также культ внеисламских по происхождению религиозно-фольклорных образов, например, духов-хозяев местности, промысловых покровителей и т.д.

Вполне естественно, что столь заметное культурное явление не могло не отразиться в источниках и не привлечь внимание исследователей. Если говорить о русских источниках, то одно из ранних указаний на существование у сибирских мусульман культа святых отражено в знаменитом атласе, созданном в 1697–1711 гг. картографом и историком С.У. Ремезовым – *Хорографической чертежной книге*. На листе 107 атласа изображено течение р.Ишим вблизи его впадения в Иртыш. На левом берегу, неподалеку от Ишимского острога показан приток – река Урманка. Рядом изображено старичное озеро Баженково, а также видны надписи «курганы» и «кладбище Она царя». И здесь же, рядом с курганами и озером имеется абсолютно четко читаемое слово «*астана*» под условным знаком, обозначающем кладбище. Специальное исследование позволило установить, что в данном случае имеется в виду один из самых замечательных и известных памятников религиозной культуры сибирских мусульман – Тюрмитякская астана (астана Бигач-Ата). Данное культовое место неоднократно упоминалось в письменных источниках, широко представлено в фольклорной традиции и продолжает функционировать в качестве одной из наиболее почитаемых святынь сибирского ислама [Селезнев, Селезнева, 2013]. Впрочем, вероятно, еще более ранние упоминания религиозных памятников *астана* содержатся в оригинальных сибирских тюркских сочинениях, о которых речь пойдет далее.

Великолепное издание материалов С.У. Ремезова, недавно выполненное по инициативе и при поддержке Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», придало дополнительный импульс изучению творческого наследия знаменитого сибирского историка и картографа. Исследования затронули, в том числе, и тематику культа святых в исламе в Сибири. Так, И.В. Беличем ряд объектов, отмеченных на картах *Хорографической чертежной книги*, были опознаны как культовые комплексы астана сибирских татар [Белич, 2015].

Следует отметить, что в картографических трудах С.У. Ремезова объекты с названием «астана» и его производными встречаются неоднократно. На чертеже земли Тобольского города (лист 2 *Чертежной книги Сибири* Ремезова) астана отмечена на р.Тобол в

районе татарских юрт Чочкиных (ныне с. Большое Чечкино Ярковского района Тюменской области) и места впадения р.Туры в Тобол [Ремезов, 2007а, л.2; Ремезов, 2007б, с.54]. Речь здесь идет, вероятно, либо об астане у старого селения Атйал (вблизи нынешнего с.Новоатьялово Ярковского района Тюменской обл.), либо об астане у ю.Варваринских того же района (см.: [Бустанов, Белич, Гумеров, 2011]). Астана на карте Ремезова показана в относительной близости от Евлуторовской (Ялуторовской) слободы. В этой связи уместно упомянуть, что в архивном документе 1681 г. в качестве межевого ориентира земель Ялуторовской слободы указано так называемое «Астаня городище» [Курлаев, 2002, с.68].

Также на Тоболе показаны волость Астанинска и болота Астанинные вблизи юрт Авезбакиных (ныне – Авазбакеева Ялуторовского района Тюменской области) на л.16 (Глава 19. Река Тобол) *Хорографической чертежной книги*. Рядом с этими пунктами на карте отмечен культовый объект *мольбище* [Ремезов, 2011, т.1, л.16; т.2, с.56]. Вероятно, данные топонимы также имеют отношение к культу священных мест астана.

Однако, возможно, что еще более ранние упоминания религиозных памятников *астана* содержатся в оригинальных сибирских тюркских сочинениях, о которых речь пойдет далее.

История академического изучения культа святых в сибирском исламе берет свое начало в первой половине XVIII в., собственно, в момент зарождения российской науки как таковой. Великий российский ученый, основатель сибирской историографии Г.Ф. Миллер, опираясь на сведения, полученные им из рассказов тобольских татар и бухарцев, впервые кратко описал этот культ, выделив его основную составляющую — почитание мест захоронений исламских святых. При этом вопросы функционирования данного культа четко увязывались автором с проблематикой распространения ислама в Сибири:

«Замечательным событием правления хана Кучума было, по рассказам тобольских татар и бухарцев, введение впервые в Сибири магометанской веры. Правда и до него в Сибирь иногда приходили магометанские проповедники в надежде, что благодаря общности языка им удастся привести языческий народ к правой вере; впрочем многие из них кончили за то свою жизнь мученической смертью. Один старый шейх, признавшийся ими святым, пришел во времена Кучума из Бухары в Сибирь и стал рассказывать: Господь ему открыл, что в Сибири покоится много святых, которые мученически покончили свою жизнь за распространение истинного учения о боге и что они заслуживают того, чтобы ежегодно в их память устраивали поминовения. Он ходил по мазаретам или кладбищам и в различных местах показал могилы семи таких святых, называя их по именам. Они были с этих пор признаны таковыми, и их память еще до сих пор почитается татарами» [Миллер, 1999, с.194].

Г.Ф. Миллеру принадлежит и первая в мире научная фиксация сибирских мусульманских святилищ *астана*. Летом 1734 г., в ходе знаменитого перехода по Иртышу сотрудников Первой Академической экспедиции, в полевом дневнике ученого появилась следующая запись:

«[Баиш-аул] …, у подножия восточного высокого берега (Иртыша. — А.С. и И.С.), немного выше речки Шилеки. Жители живут здесь зимой, а в полутора верстах отсюда на той же стороне они имеют деревню с тем же названием, где живут летом… В полуверсте выше этой деревни находится Astuna (*астана*. — *Авт.*), где погребен татарский святой» [Сибирь XVIII века, 1996, с.80].

Астана святого Хаким-Ата у юрт Баишевских (ныне Вагайского района Тюменской области), расположенная ровно в том месте, где она указана у Миллера, и сейчас является главной религиозной святыней татар Западной Сибири. По некоторым данным, паломничество к этому месту (семикратное, трехкратное, или, даже, однократное) заменяет для верующих хаджж в Мекку.

Надо отметить, что в XVII–XIX вв. эта группа памятников в наибольшей степени привлекала внимание путешественников и ученых. Так, комплекс мусульманских святилищ Искера и его округи упоминали в своих сочинениях Н.Г. Спафарий-Милеску (XVII в.), И.П. Фальк (XVIII в.), Гр.Спасский (XIX в.) и др. О Цингалинской астане имеются письменные сведения И.С. Полякова, С.К. Патканова, К.Ф. Карьялайнена, Л.Р. Шульца, проводивших свои исследования в XIX – начале XX столетия.

На вторую половину XIX – начало XX вв. приходится публикация оригинальных письменных памятников сибирских татар, содержащих информацию по различным аспектам культа святых, а также суфийскому влиянию на ислам в Сибири. Эти публикации, выполненные усилиями крупнейших российских тюркологов – В.В. Радлова и Н.Ф. Катанова, привлекли внимание научной и религиозной общественности к феномену сибирского мусульманства.

Начиная с 2000-х гг. группа исследователей выполняла специальный проект по изучению культа святых в исламе в Сибири. В итоге была издана монография [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009] и серия статей [Белич, 2015; Белич, Бустанов, 2010; Селезнев, 2013; Селезнев, Селезнева, 2012а; Селезнев, Селезнева, 2012б, Селезнев, Селезнева, 2012в, Селезнев, Селезнева, 2013; Seleznev, Selezneva, 2011].

Связь Сибири с остальным исламским миром демонстрируют святилища *астана*, являющиеся ключевым элементом культа святых в исламе в Сибири. Эти памятники распространены в основном в южных районах Тюменской и северных районах Омской области, а именно в Тобольском, Уватском, Вагайском, Ялуторовском районах Тюменской области, Усть-Ишимском, Тевризском районах Омской области. Впрочем, один такой памятник – Цингалинская астана – расположен значительно севернее – в Ханты-Мансийском АО. По информации, имеющейся на сегодняшний день, самый южный по расположению памятник астана фиксируется в деревне Лугово-Аевск (тат. *Тубэн-ой*) Тевризского района Омской области. В целом святилища расположены на местах расселения тоболо-иртышской группы сибирских татар.

Внешне астана, как правило, представляет собой мавзолей в форме большого четырех-, шести- или восьмиугольного сруба в пять – девять венцов. Эти мавзолеи могут быть установлены на деревенском кладбище либо вблизи него, а могут занимать отдельное место, чаще всего на возвышенном живописном речном утесе или на необычайно красивом озере. Впрочем, многоугольный сруб – не единственный вариант внешнего оформления таких святилищ. Некоторые из них могли «приурочиваться» к каким-либо выделяющимся на местности природным объектам (например, большие деревья, камни, возвышенности и т.д.) или археологическим памятникам разных эпох. Однако, какой бы ни была форма, содержание всегда одинаковое.

В сознании верующих астана – места захоронений мусульманских святых. Практически повсеместно сибирские татары сохранили легенды о древних миссионерах из Средней Азии (чаще всего Бухары), прибывших некогда в Прииртышье для распространения исламской веры. В преданиях повествуется об ожесточенной священной войне с местными язычниками, в ходе которой большая часть подвижников ислама была истреблена. Павших святых с почетом похоронили в тех местах, где они вели проповедническую деятельность. Эти захоронения и называются астана. Считается, что в каждом из них погребен один или несколько миссионеров.

Углубленные полевые исследования астана, расположенных на территории расселения тоболо-иртышских татар, показали, что, по сути, это не только и даже не столько видимый, овеществленный памятник, сколько сложный социально-религиозный институт, состоящий из ряда компонентов: мавзолея; ритуалов паломничества *таваф*; особой элитарной группы смотрителей за гробницей (*астана-караулче/карулце, астана-курайте*); рукописных памятников *сэцэра* (шэджэрэ), содержащих более или менее

полные сведения о местах захоронений и тех святых подвижниках, которые на них похоронены [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с.101–152].

С точки зрения определения места Сибири в мировом исламском пространстве крайне важно следующее. Слово «астана» персидского происхождения. Родственные термины *астана*, *остон*, *астане*, довольно широко распространены в исламских общинах Казахстана, Средней Азии, Приуралья, причем везде они связаны с культом святых в исламе [Селезнев, Селезнева, 2009а]. Наиболее полные аналогии имеют место на Памире, среди местных исмаилитских ираноязычных групп, где святилища, места паломничества и поклонения, особенно связанные с природными культовыми объектами (старыми деревьями, необычными камнями, источниками), обычно назывались «*остон*». Аналогичная терминология со схожей семантикой функционирует в ритуальной практике ряда суфийских орденов: *маулавийа, бекташийа*. Кроме примеров, приведенных в специальной статье [Селезнев, Селезнева, 2009а, с.353–354], в этом последнем значении данный термин получил распространение как непосредственно в Стамбуле и анатолийских городах, так и среди специфических исламских групп, например гетеродоксных мусульман (*бекташи* и *кызылбаши/алевиты*) в Болгарии [Селезнев, 2013, с.112].

Назвать точное число святых мест астана в Западной Сибири не представляется возможным. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, работа по кодификации и картографированию данного вида памятников не проведена в полном объеме. Если в Тюменской области, в том числе при поддержке местных органов власти, ученым удалось существенно продвинуться в этом направлении, то в Омской области дело находится лишь на начальной стадии реализации. Во-вторых, нужно иметь в виду, что культ святых – явление живое и динамичное. Развитие процессов этнической и религиозной идентификации сопровождается «открытием» и явлением в мир новых святынь и, таким образом, их число увеличивается.

Составленные на настоящий момент разными авторами списки культовых комплексов астана (а эти списки охватывают, в основном, памятники, расположенные на территории Тюменской области) насчитывают от полутора до двух с половиной десятков объектов (см., например, [Алишина, 1999а, с.114–188; Рахимов, 2006, с.32–58]). В своей книге мы привели информацию, касающуюся следующих культовых комплексов: группа памятников у Искера, Цингалинская астана, комплекс астана вокруг д.Большая Тебендя и рядом с д.Саургачи Усть-Ишимского района Омской области, Ташатканский камень, Тюрмитякская астана, Баишевская астана, астана юрт Кобякских, д.Аллагулово и д.Еланка (тат. Кёмешли) Вагайского района Тюменской области, Большеуватский комплекс культовых мест, «Эбаргульская сопка» и др. [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с.102–126]. Дальнейшее накопление и осмысление материала привело к публикации специальной статьи, посвященной Тюрмитякской астане [Селезнев, 2013].

Ключевым моментом культа астана является ритуал паломничества – *тавап*. Тавап проводился весной, после таяния снега и ледохода, чаще всего, в начале мая. Это время ознаменовано еще одним праздником – днем памяти предков *цым* (см.: [Уразманова, 2002, с.130–131; Ярзуткина, 2012, с.185–189]. Цым в разных деревнях отмечают в первой декаде мая. В этот день мужчины поправляют могилы на кладбищах и устанавливают срубные ограды (*киртмя, ульген-нярга-ый*) и орнаментированные столбы (*баган, столба*) на тех могилах, которые появились в течение предыдущего года. На кладбище берут с собой яйца (обязательно нечетное количество), там их съедают или просто разбрасывают по могилам.

Через два-три дня после цыма назначался тавап. Например, ежегодный тавап совершался к астане д.Аллагулово Вагайского района Тюменской области. С утра множество людей из нескольких деревень (Карагай, Аксурка и др.) переправлялись через Иртыш. Мужчины поднимались к астане, расположенной на высоком, чрезвычайно живо-

писном утесе (*Уба*). Женщины собирались в доме смотрителя за астаной – *астана-караулце* (на момент нашего опроса эти обязанности выполняла Магита Мухамедовна Петакова) в Аллагулово и готовили праздничное угощение. Мужчины поправляли памятник и чистили территорию, на которой расположена астана, после чего, во главе с муллой, совершалась коллективная молитва (*дуга*). Она обязательно включала в себя упоминание о 366 шейхах, которые принесли исламскую веру. Важной частью ритуала являлась раздача всем присутствующим милостыни-*садаки*. Затем все спускались в деревню, и начиналась праздничная трапеза *астана-ош*.

Церемония возведения намогильных сооружений и массовое паломничество к гробнице святого приурочены к весне и явно связаны с символическим возрождением природы, что лишний раз подчеркивается соответствием ритуалов времени ледохода. Традиция проведения погребально-поминальных церемоний именно в это время года известна с древности в разных культурах.

Одним из важнейших компонентов религиозной культуры сибирских мусульман является институт смотрителей (*астана-караулче, астана-курайте*) за священными могилами. И в преданиях, и в живой этнографической традиции всемерно подчеркивается связь смотрителей с кругом лиц, осуществлявших некогда миссию распространения ислама в Сибири и получивших в результате статус святых подвижников. Эта связь может иметь как сугубо генеалогический характер, так выступать в форме цепи духовной преемственности (*силсила*).

Круг обязанностей смотрителей широк – это и сбор средств на установку и поддержание памятника, и организация ежегодного паломничества *тавап*, и проведение поминальных молитв. Поминания святых борцов за веру, павших в старой религиозной войне, являются важной составной частью молитв и благопожеланий *теляк.* Тексты молитв и благопожеланий произносятся в ходе различных семейно-религиозных обрядов, например поминовений предков – *хотым* или перед отправлением в дорогу – *юл хаир*.

Удалось зафиксировать подобные тексты, один из которых, записанный в деревне Второвагай Вагайского района Тюменской области в 2003 г. приводится ниже:

Зыяратта яткан яхшиныларнын	Чтобы души на кладбищах
рухлары	лежащих святых
Шат булсын,	были довольны
Ятим-исерлэрнен, фэкир	Сироты, нищие,
Покараларныг читтэнкалгэн	Странники убогие,
мосафирларнын,	
Аларга багышлап мин,	Им посвящаю я
Туалар кылам	Молитву свою
Яткан урыннары ощмах булсын	Пусть их место будет в раю,
Каберсеэре нур пулсын,	Пусть в могиле будет светло,
Иман байлыкларын бирсен,	Пусть обогатит их даром духовным,
Аллам иман нурларын сипсен,	Бог, луч веры направляющий,
Бириге сэдэкаларын	Чтобы от *садаки*
Кабул ителсен,	польза была,
Телэклэргэн кабул ителсен,	Благие пожелания исполнились,
Унында-сулында пуртелэрелэре	Налево-направо живущие соседи
риза булсын,	тоже довольны были,
Сэдакаларынын еде	Чтобы *садака*
Тогымына савабы булсын	В семи поколениях во благо была

Зап. от Марвар Абдуловны Саликовой (Курмановой), 1909 г.р., д.Второвагай Вагайского района Тюменской обл. Соб. Д.М. Айтбаева, М.М. Воеводин. 2003 г. [МАЭ ОмГУ, ф.1, 2003 г., д.166–1, л.I–19, пол.оп.1].

Получение дара смотрителя является следствием определенных обстоятельств (например, явление захороненного святого во сне) и сопровождается специальными обрядовыми действиями. Право смотрителя легитимизируется представлениями о духовном (а иногда и реальном) родстве с похороненным в данной местности святым.

Обращает на себя внимание следующая особенность. Едва ли не большая часть смотрителей за священными могилами были женщины. В книге [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009] присутствуют образы этих замечательных женщин – С.С. Хучашева и А.С. Шихова – смотрители за астаной с.Баишево Вагайского района Тюменской области; В.А. Шуркина – смотрительница за астаной на оз. Кульчан того же района; Ф.А. Ахметчанова – смотрительница за астаной у д.Саургачи Усть-Ишимского района Омской области. Между тем, традиционно функции смотрителей передавались по мужской линии и, соответственно, эти обязанности могли исполнять только мужчины. По мнению некоторых респондентов, нарушение традиционного порядка обретения дара смотрителя произошло вследствие прямых репрессий против мужчин, исполнявших религиозные функции (смотрителей, мулл и т.п.). Немаловажное значение имело, вероятно, и понижение статуса религиозного лидера, явившееся следствием воинствующей антирелигиозной пропаганды.

Интересна в плане обсуждаемой проблемы судьба Фархичамал Агатовны Ахметчановой (Юмашевой), 1927 года рождения, смотрительницы за священной могилой – астаной, расположенной близ д.Саургачи Усть-Ишимского района Омской области. В 2006 г., в ходе экспедиции, нам удалось с ней встретиться и взять большое интервью, содержание которого подробно изложено в книге [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с.111, 143–144]. Каждый четверг Ф.А. Ахметчанова совершала молитву – *котым*, в память похороненных на астане подвижников – *йахшилар*. Кроме того, в ее обязанности входил сбор садаки и организация специальной трапезы – *астана-ош* или *йахшиларнын-ош*, которая также происходила по четвергам после возвращения с астаны. Информатор сообщила, что в ее роде из поколения в поколение передавалась *сэцэра* (родословная) в виде книжки, и ее обладатель получал статус смотрителя.

В процессе нашей беседы Фархичамал Агатовна показала нам запись генеалогической линии своих предков из рода Юмашевых по мужской линии. Напротив каждого из имен, входящих в схему, стояла дата рождения. Документ содержал запись 14-ти поколений, причем датой рождения основателя рода Саурана, от имени которого происходило и название деревни Саургачи, значился 1644 г.

По семейному преданию, этот род принадлежит к духовному сословию шейхов – *шихляр* и, возможно, саййидов. Основатель рода – Саурчан – был шейхом (*ших*), прибывшим для распространения веры. Его сопровождали еще двое шейхов, но их имена неизвестны. Саурчан основал деревню, которая стала называться по его имени Саургачи. В этой связи, кстати, кажется неслучайным сходство этого топонима с именем города Сауран, располагавшегося неподалеку от Сыр-Дарьи, в 35 км северо-восточнее г. Туркестан. Именно на Сауран шла одна из важнейших торговых дорог из Сибири.

Из этого рода выходили смотрители за священными могилами астана – *астана-курайте.* Во всяком случае, информатор твердо утверждает, что ее отец – Агад Картукович выполнял обязанности смотрителя и обладал *сэцэра*. По правилам, наследование статуса смотрителя должно происходить по мужской линии. Именно так и было в роду Юмашевых. Но в XX в. эта традиция оказалась нарушенной, и статус смотрителя перешел к женщине. Так Агад Юмашев передал (был вынужден передать?) *сэцэра* вместе с полномочиями смотрителя бабушке Сульхиче Аминовой (Юмашевой). Дальнейшая история передачи полномочий не до конца ясна. Во всяком случае, в 1995 г. получила свой статус смотрителя сама Фархичамал Агатовна. Эти обстоятельства влекли за собой нарушение других запретов. В частности, Ф.А. Ахметчанова вынуждена была по-

сещать астану во время поминок – *котым*, хотя, по обычаю, посещение астаны женщинами табуировано.

Распространение «агиографических» преданий о святых подвижниках и тайное почитание священных могил имели место на протяжении всего советского периода. По воспоминаниям некоторых наших собеседников, события, связанные с их собственным или известным им опытом духовного преображения, завершившимся обретением дара смотрителя и открытием священной могилы, относились к предвоенным или первым послевоенным годам, т.е., фактически, ко времени самого пика сталинского тоталитаризма. Атеистическая брошюра 1960-х гг. повествует о том, что «…В юртах Бегишевских (Вагайского района Тюменской области. – А.С., И.С.) сбором подаяний для «святой» могилы занималась Рабига Абдуллина. Она ездила по селам Вагайского и соседних районов, важно ходила из дома в дом и «именем аллаха» требовала для святого места подношений. А вернувшись, собирала «мулл», угощала их, организовывала коллективные молебны». В ходе товарищеского суда деятельность Рабиги подверглась «разоблачению» и «осуждению». Она рассказала, «… как наживалась на подношениях для «святой» могилы, потом дала слово больше не заниматься такими делами. И с тех пор она перестала ездить по селам, отказалась от роли «уполномоченного» Аллаха». «Одним активным религиозником стало меньше», – с удовлетворением констатировал автор брошюры ([Фахрутдинов, 1967, с.14], ср.: [Клюева, 2009]).

В перестройку и в постсоветский период роль института священных мест астана увеличилась. «Открытие» мест захоронений святых предков, возведение на этих местах деревянных мавзолеев стали важным элементом самоидентификации для жителей почти всех поселений тоболо-иртышских татар. Высокий уровень значимости обрели коллективные паломничества, молитвы и жертвоприношения, связанные с астаной. Одновременно наблюдается возвышение статуса представителей религиозной элиты, связывающих свое происхождение с похороненными святыми подвижниками.

Важным моментом культовой практики почитания священных могил был мотив общения во сне со святыми подвижниками. Такое общение было существенной частью процедуры передачи полномочий смотрителей в случае отсутствия наследников по прямой линии. Обычно, когда прежний смотритель уже не был в состоянии исполнять свои обязанности, к нему во сне являлся похороненный на местной астане шейх и указывал, кому из односельчан следует передать *сэцэра* и, соответственно, все полномочия и обязанности *астана-караулче*. При этом передающий полномочия смотритель обращался к своему преемнику со следующими словами:

Ризалык белэн сина колдырам,	От всего сердца тебе оставляю
Син карайсын яхшыларнын	Теперь ты будешь смотрителем
астаныаларнын	йахшилар-астана

Зап. от Вараки Абдулхаировна Шуркиной (Иксановой), 1930 г.р., д.Одинары (тат. Картавыл) Вагайского района Тюменской области. Соб. И.А. Селезнева, А.Г. Селезнев, 2005 г. [МАЭ ОмГУ, ф.1, 2005 г., пол.оп.7, л.27].

Ф.А. Ахметчанова сообщила, что подвижники во сне приходят в образе людей, но могут также присниться в образе лошадей белой масти или гусей. Во многих местах нам говорили, что появление во сне этих животных считается хорошим знаком, а место, где они являются, может быть захоронением подвижников. Более того, по сообщению информаторов, святые подвижники *аулийа* могут выступать в роли покровителей и духов-хозяев (*иясе*) домашних и диких животных. Нам так и заявляли: «*Санги-Баба* (дух-хранитель домашних животных. – *Авт.*) – *хозяин коров, а аулийа – хозяин белых лошадей, лосей, лебедей и гусей*» (Зап. от Салимы Хайрулловны Шариповой, 1933 г.р.,

д.Веселинская (тат. Пиик) Вагайского района Тюменской области. Соб. И.А. Селезнева, А.Г. Селезнев, 2005 г. [МАЭ ОмГУ, ф.1, 2005 г., пол.оп.7, л.22–23]. Аналогичная информация зап. от Биби-Сайтуны Мухаммед-Фаттаховны Хайдаровой (Шакировой), 1916 г.р., д.Елань-Яр, Вагайского района, Тюменской области. Соб. А.Г. Селезнев, 2004 г. [МАЭ ОмГУ, ф.1, 2004 г., пол.оп.9, л.4]). Так образы мусульманских подвижников легко «встраивались» в промысловые и производственные культы, в частности, в культ домашних охранителей.

В ряду случаев общения во сне особое значение имеют инициационные сновидения. Согласно зафиксированной нами информации, перед Великой Отечественной войной на астане у д.Затон Усть-Ишимского района Омской области был мавзолей в виде деревянного шестиугольного сруба. К астане часто совершались паломничества. Разрушить сруб приказал бригадир местного отделения колхоза. Бревна сруба вместе с 5–6 березками, выросшими на месте астаны, были использованы на дрова. После этого бригадир погиб на войне, его дети тоже или рано умерли, или болели; жители считали, что это воздаяние за уничтожение святыни. После войны сруб уже не ставили, так как на его месте образовалась силосная яма. Через некоторое время старику Ойзату Насырову во сне явился тот, кто лежал на астане. Это был пожилой белобородый человек, не назвавший своего имени и обращавшийся к Ойзату со словами «сын», «сынок», хотя его собеседник был уже весьма преклонного возраста. Святой подвижник сообщил, что его погребение располагается уже не на старом месте, поскольку там был разрушен деревянный памятник. С этого старого места он «ушел» и обрел упокоение недалеко от русского кладбища в местности, где растет березка. Была зима, но дед Ойзат пошел туда, и с изумлением среди снежных сугробов увидел березку, покрытую зеленой листвой. На мгновение он отвернулся, а когда обернулся вновь, увидел, что дерево исчезло. Так святой дал знак, что он упокоился именно на этом месте (Зап. от Сайрамы Ахатовны Кулмуковой (Чебокеевой), 1931 г.р., д.Большая Тебендя Усть-Ишимского района Омской обл. Соб. И.А. Селезнева, А.Г. Селезнев. 2006 г. [МАЭ ОмГУ, ф.1, 2006 г., пол.оп.2, л.7–9. Аудиозапись, файлы VOICE04-VOICE11]).

З.А. Тычинских сообщает о духовном опыте, связанном с приобретением статуса *астана карауче* (смотрителя астаны). Пожилая жительница с.Тукуз рассказала ей следующую историю:

«…Сначала в деревне не хотели верить, что я смотрю астану. Мне во сне сказали, что мы своей женщине дали астану. Четыре года испытывали яхшылар (святые) меня прежде, чем дали смотреть астану. Аллах дает это не каждому человеку. Меня во сне водили к Уват-астане, к другой астане. Бибисара-апа Тухтар-кызы из рода мушаихов (потомков рода шейхов). Она мне все разъясняет. Биби-айша-астана была ей поручена, потом мне поручили. Я уже два года смотрю за этими Астана» [Тычинских, 2013, с.24].

Благодаря сновидениям не только обнаруживаются новые захоронения, но и восстанавливаются старые. Так, Варваринская астана была вновь огорожена в конце 1990-х гг. по инициативе одной из жительниц деревни, которая во сне получила на то указание [Рахимов, 2006, с.25–26].

Необычна история, которую нам довелось услышать в д.Одинары (татарск. название *Картавыл*, дословно «старое поселение») на озере Большой Уват. Неподалеку от Большого Увата есть небольшое озеро Кульчан, где находится известная в округе Кульчан-астана. На озере ловили рыбу, вокруг были покосы. Однажды в 1940-х гг. во время покоса в избушке на озере Кульчан ночевала Варака Иксанова[1]. Она тогда была

[1] Всю эту историю летом 2005 года мы узнали от самой Шуркиной (Иксановой) Вараки Абдулхаировны, 1930 г.р., д.Одинары Вагайского района Тюменской области [МАЭ ОмГУ, ф.1, 2005 г., пол.оп.7, л.28–29].

еще очень молода, ей было около 15 лет. И вот ей приснился странный сон. К ней явились двое мужчин – один старый, другой молодой, которые принесли младенца – совсем маленького мальчика. Мужчины были высокие и красивые. По их словам, они были *йахшилар* с астаны озера Кульчан. Пожилой не представился, а молодой сказал, что его зовут Абдул-Пагы. Мужчины попросили Вараку забрать у них младенца на воспитание и поставить на месте их погребения-астаны загородку.

Варака поначалу о своем сне решила никому не говорить, но вскоре на нее напала какая-то странная болезнь. Вроде ничего не болело, но ни встать, ни ходить, ни есть она не могла. Ее навещали и старались ободрить подруги, приносили даже патефон, однако ничего не помогало. Так она проболела 41 день. Тогда к ней позвали Хамса-муллу. Это был очень уважаемый мулла, а кроме того, он был еще лекарь – *имчи*. Он выслушал Вараку и посоветовал ей загородить место, где находится Кульчан-астана, а также стать смотрительницей за этой астаной. Только так можно было избавиться от болезни. Когда Варака приняла решение, болезнь потихоньку начала отступать. Как только девушка встала на ноги, она пригласила брата и зятя и втроем они пошли ставить загородку. Придя на астану, они поставили столб в том месте, где должна была быть установлена изгородь и легли спать, чтобы узнать во сне правильно ли они выбрали место для ограды. Во время этого сна к Вараке вновь пришел пожилой мужчина («белые волосы») и сказал, что столб установлен неправильно, так как он стоит прямо на голове захороненного. На следующий день они вместе с братом и зятем передвинули столб и установили загородку в правильном месте. После окончания работы совершили молитву, а затем поминальная молитва и трапеза были устроены и в деревне. Варака стала исполнять обязанности смотрителя: собирать деньги на ремонт и уборку, устраивать поминовения павших шейхов и т.д.

Как известно, сновидения – одна из наиболее перспективных исследовательских антропологических тем. Важное место в традиционной культуре занимают сновидения, содержащие мотив открытия или создания религиозной святыни. Актуальность изучения роли (сно)видений в исламской культуре была подтверждена в специальных исследованиях [Резван, 2009; Резван, 2011, с.117–148; Селезнев, Селезнева, 2013, с.127–131; Felek, Knysh, 2012].

С культом святых связана книжная культура мусульман Сибири [Бустанов, 2013]. Изначально носителями мусульманской книжности в Западной Сибири были бухарцы – разноэтничные (преимущественно узбеки, таджики) выходцы из Средней Азии. В XVII–XVIII вв. они составляли в Сибири особое сословие, обладавшее большими правами и привилегиями [Burton, 1997, p.397–399, 502–542; Frank, 2012, p.45–50; Noack, 2000]. Бухарцы «… были более образованны, чем русские пришельцы. В XVII столетии они были единственными людьми в Сибири, в руках которых была книга. В XVIII столетии иностранцы, попавшие в Сибирь, нашли у них редкие рукописи» [Потанин, 1884б, с.41].

Особый интерес вызывают оригинальные сибирско-татарские сочинения, составленные в местной среде и излагающие собственную версию исламизации Сибири. Наиболее полная информация содержится в двух группах письменных памятников, каждая из которых известна к настоящему времени в нескольких вариантах. Первая группа текстов условно названа *Шаджара рисаласи – «Трактат о генеалогии»*. Впервые текст был зафиксирован и опубликован В.В. Радловым, а к настоящему времени известно пять списков и две версии памятника. Введение в научный оборот второй группы памятников началось с публикации Н.Ф. Катановым в начале XX столетия сибирско-татарской рукописи, хранившейся в Тобольском губернском музее (рукопись и ныне находится там же – в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике). Затем было обнаружено еще, как минимум, четыре варианта данного текста. Один из списков, так называемая *Карагайская рукопись*, был открыт в ходе экспедиции под руководством

А.Г. Селезнева в ауле Карагай Вагайского района Тюменской области в 2004 г. Несмотря на имеющиеся различия, структура всех списков относительно едина. Текст состоит из двух частей: в первой излагается местная, легендарная в своей основе, версия религиозной войны и исламизации населения Приртышья; вторая представляет собой каталог священных захоронений павших борцов за веру с указанием имен и мест их могил. Как показали современные полевые исследования, сведения, изложенные в текстах, во многом совпадают с распространенной среди татар Сибири фольклорно-этнографической традицией [Селезнев, Селезнева, 2013, с.124–127].

Интересно, что ранние описания арабографических сибирско-татарских книг были выполнены по инициативе Русской православной церкви. Значительное количество данных об этих книгах, датированных первой половиной XVIII столетия, сохранилось в архиве Тобольской Духовной Консистории. Появление этих материалов связано с попытками обращения в христианство сибирских татар-мусульман и их характеризует активная, хоть и весьма наивная антиисламская риторика. Но в то же время следует признать довольно высокий уровень описания внешнего вида «книжек», а также любопытные подробности их ритуального применения: ношение «на грудях», помещение «в могилку», использование «… от мертвых тел савана или покрывала обрезанные лоскутки с … заговорными на своем языке письмами…» и т.д. [ГУТО «ГА в Тобольске», ф. 156, оп.1, д.2001, л.6, 111 об., 113 об., 109 об, 117 об.; ф.156, оп.1, д.772, л.31]. Нам неоднократно приходилось держать в руках манускрипты, которые соответствуют архивным записям, в той, например, части, где говорится о маргиналиях, выполненных красными чернилами. Подтверждаются современными материалами и ритуальные особенности функционирования манускриптов, связанная с ними обрядность, включенность их в религиозную культовую практику.

Сейчас уже почти никто из местных жителей не может прочитать эти книги, однако они активно используются в качестве ритуальных вотивных артефактов. Более того, именно невозможность прочесть и понять смысл текстов определяет их высокий уровень святости. Книги соединяют мусульман с традициями предков. Эти артефакты рассматриваются как важный индикатор ассоциации с исламским сообществом, в некотором роде, как символ возрождения ислама.

Не является чем-то особенным и обычай захоронения вместе с покойным священных религиозных текстов. Информаторы неоднократно сообщали нам, что в могилу необходимо класть листы с арабографическими текстами, причем именно в область груди погребенного. Жительница д.Ашеваны Усть-Ишимского р-на Омской области Хатира Вагитовна Алеева не только продемонстрировала нам свое погребальное одеяние (рубаху «*очмок куйлек*» и платок «*яулак*»), но и показала, каким образом помещаются в могилу листы с арабографическими текстами. Она указала, что эти листы будут положены именно на грудь, чтобы покоящиеся под землей аулийалар смогли бумагу увидеть и написанное прочесть. Кроме того, информатор рассказала, что для духовного очищения необходимо съедать отрывающиеся кусочки бумаги с текстами (Зап. от Хатиры Вагитовны Алеевой, 1924 г.р., д.Ашеваны Усть-Ишимского района Омской области. Соб. А.Г. Селезнев, 2007 г. [МАЭ ОмГУ, ф.1, 2007 г., д.190–1, к.55]).

Представляет значительный интерес случай прямого соответствия конкретного святилища сибирских татар с созданным в той же религиозной общине сакральным письменным памятником. Речь идет об уже упоминавшейся *Тюрмитякской астане*, расположенной неподалеку от д.Тюрмитяки (Тюрметяки) (тат. Оллы-Бурень) Усть-Ишимского района Омской области. Согласно полевым материалам, на Тюрмитякской астане похоронен шейх Бигач-Ата. По преданию, он прибыл в Сибирь из Средней Азии для распространения среди местных язычников ислама. Религиозным миссионерам приписывалась культурная функция: они научили местных жителей сеять хлеб, выра-

щивать картофель и т.д. До 1990-х гг. в деревне, чаще всего, у муллы, хранился и передавался из поколения в поколение священный свиток с рукописным текстом *сэцэра*.

Относительно недавно эти данные подтвердились открытием созданных непосредственно в ауле Оллы-бурень сакральных текстов. Вариант упомянутого нашими информаторами свитка сэцэра, был обнаружен А.К. Бустановым в архиве Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Название списка – *Аш-шаджарат ал-авлийа' мин билад Мавара'аннахр – Родословная святых из страны Мавара'аннахр*. Переписчиком являлся местный мулла ‘Абд ал-Гани сын Му'мина. По структуре текст похож на аналогичные документы сибирских татар. В традиционном каталоге святых могил, среди прочих, указан «В устье Ишима, в юрте Улуг-Бурян (Тюрмитяки. – А.С., И.С.), – Бигач-Ата-шайх. Из потомков господина Джалал ад-дина (в других вариантах на этом месте указан «мавлави Джами» – А.С., И.С.)» [Бустанов, 2009а, с.201].

Тюрмитякскому святилищу отводится особая роль в суфийской ритуальной практике. Источник излагает цепь духовной преемственности (*силсила*) «почтенного» Бигач-Ата, приуроченную именно к «юрту Турмадак» [Бустанов, 2009а, с.202]. Здесь же помещена подробная генеалогия, насчитывающая 17 поколений и недвусмысленно заявляющая свои права на «героическое» прошлое: «… в этих аулах Турматак и Таутамак были со времен царя Кучума наши предки…». Нарочито «длинная» родословная была призвана упрочить притязания формирующейся религиозной элиты на духовное наследие в рамках конкретного локального сакрального пространства. Той же цели служат упомянутые в качестве духовных учителей крупнейшие религиозные авторитеты: основатель ордена Маулавийа Джалал ад-дин Руми (1207–1273) и великий персидский поэт и философ-мистик Нур-эд-дин ‘Абд-р-Рахман Джами (1414–1492) (о них см. подробно [Кныш, 2004, с.178–187]). Через приобщение к сфере сакрального происходило формирование новой духовной элиты и новых культурно-религиозных идентичностей.

Тюрмитякский комплекс интересен еще и тем, что он ассоциирован сразу с несколькими «вечными» (в мифологическом смысле) объектами: живописным округлым в плане озером, носящем характерное название Астана-Бурень; видимыми археологическими объектами, осмысляемыми как могилы предков; возвышающимся останцом, на котором также расположен археологический памятник. Все эти объекты находят себе место в комплексе легенд, сопровождающих святилище. Эти представления устойчиво существуют на протяжении весьма длительного времени. Как уже отмечалось, культовое место с названием «астана» показано недалеко от устья р. Ишим на карте Семена Ульяновича Ремезова, составленной больше трех веков назад (см. подробнее: [Селезнев, 2013]). Столь высокая концентрация в одном комплексе связанных сакральных объектов – святилище, рукопись, археологические памятники, освященные природные явления – наделяет Тюрмитякскую астану особым статусом.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что культ святых являлся важнейшим фактором формирования религиозной и этнокультурной идентичности мусульман Сибири. Фактически процесс сложения этноконфессиональной общности сибирских татар проходил на базе синкретичного по характеру, регионального, «народного» варианта ислама со сравнительно незначительной и тоже, в общем-то, фольклорной по происхождению письменной традицией [Селезнев, Селезнева, 2012б, с.200–201]. В ситуации отсутствия развитого теологического дискурса, неоформленности школ и течений, культ святых принял на себя функцию формирования религиозного мировоззрения. При этом религиозный фактор, и, прежде всего, культ святых, выступает в качестве удобного инструмента этнического конструирования и легитимизации элит. Данные обстоятельства обеспечивают динамичное развитие этого культа в Сибири. В наши дни он проявляется в интенсивном «открытии» новых святынь, усилении роли элит, свя-

занных со святыми подвижниками, инвенциональном характере культовых практик. В обозримой перспективе можно прогнозировать дальнейшее развитие этих тенденций.

В работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Ислам в Сибири: археология, история, современность», в рамках Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета».

§ 5. Институт Астаны

Ришат Рахимов

Сибирские татары – мусульмане, исповедают суннизм ханафитского мазхаба. Особенностью ислама сибирских татар является почитание первых исламских миссионеров – шейхов, мучеников за веру – *вали, авлийа*. Их мавзолеи известны среди местных жителей под названием «*Астана*». В суфизме *астана* – это места, где жили святые и проповедники или где находятся их мавзолеи. Арабский термин означает буквально «порог двери», «вход во дворец». На персидском языке – это «порог», «царский двор, дворец счастья», «место отдыха и сна», «могилы пророков и других святых людей».

В нескольких сохранившихся грамотах хранителей *астаны* [Катанов, 1904, с.1–28; Рахимов, 2006] с некоторыми вариациями описывается поход в Сибирь 366 шейхов – первых исламских миссионеров. Этот легендарный поход по разным историческим версиям мог состояться в 1394–1395 гг. [Катанов, 1904, с.18] или в первой половине XII в. [Рахимов, 2006, с.15–21].

Так в рукописях Сагъди Вакаса-ибн-Реджеба и Кашафа-ибн-Абу-Саида [АПИ ТИАМЗ №61. Кп. 12890], переведенных Н.Ф. Катановым, описывается, как в «*священную Бухару ... изо всякого рода городов восточных и западных стран*» собрались 366 шейхов перед ишаном Ходжей Багаутдином. Оттуда «*366 конных шейхов пришли к хану Шейбану в степях Средней орды*». Шейбан-хан и его 1700 воинов присоединились к шейхам и на лошадях «*спустился к реке Иртышу и учинил там великое сражение за веру*». О шейхах и воинах Шейбан-хана говорится: «*сражались тут истинные храбрецы. Язычников и татар они истребили несметное количество, сражаясь так, что по берегам Иртыша не осталось ни оврага, ни речки, где бы они не бились, и тем язычникам не дали даже возможности бежать*». В войне за веру 300 шейхов и 1448 воинов пали. Хан Шейбан с остатками воинов вернулся в Среднюю Орду и «*стал называться вали-ханом, т.е. святым ханом*». Трое шейхов остались в Сибири обучать основам веры новообращенных, а 60 шейхов отправились в Бухару. Далее из текста следует, что один из 60, оставшихся в живых и вернувшихся в Бухару шейхов, «*господин ишан Ходжа Давлет-шах, сын шаха Абду-ль-Ваггаба*» снова вернулся в Сибирь и открыл 18 мавзолеев. Позже из Хорезма прибыл шейх Искандер из Мамляна и открыл еще 9 мавзолеев. Еще 12 мавзолеев было открыто одним из троих оставшихся – шейхом Шерпети – младшим братом шейхов Назыра и Бирия (Искерская Астана) [Катанов, 1905а, с.23].

В грамоте хранителя Юрумской Астаны уточняется, что к Иртышу миссионеры вышли по реке Ишим. *«Известные святые разошлись от устья р.Ишина до Иртыша ... Народ Прииртышья ... был многочисленным ... от их враждебного отношения 360 святых приняли мученическую смерть, стали шахидами кто в поле, кто в воде, которые в болоте ... остальные 60 святых вернулись в почтенную Бухару ...»* [Рахимов, 2006, с.12–14].

Поход первых исламских миссионеров в Западную Сибирь дал толчок появлению в последующем у сибирских татар особого социально-религиозного института – инсти-

тута Астаны. В его основу заложен культ «святых» (*авлийа*) – шейхов, принявших мученическую смерть и ставших *шахидами* во имя ислама.

Данный социальный институт сибирских татар в течение нескольких столетий оформился в целостную систему, характеризующуюся устойчивой структурой и набором неотъемлемых элементов: мавзолеи первых исламских миссионеров (Астана), хранители мавзолеев (*карауцы*), грамоты хранителей (*сачара, цацра*), обряд поминовения (*катым*), пожертвования (*садака*), а также паломничество к мавзолеям шейхов (*зиярат*). В структуре института Астаны можно выделить следующие самостоятельные комплексы [Андреев, 1989, с.19–27]:

- установки и образцы поведения (традиции почитания первых исламских миссионеров и их мавзолеев, связанные с этим этические нормы, обряд поминовения, пожертвования).
- культурные символы (грамота хранителя);
- утилитарные культурные черты (мавзолеи шейхов с традиционными сооружениями);
- социальные роли и статусы (хранитель Астаны и его обязанности).

Локализация астана

К настоящему моменту на территории юга Западной Сибири выявлено около 80 мавзолеев первых исламских миссионеров – а*стана*.

Самыми ранними списками священных захоронений можно считать тексты грамот хранителей Астана. Так в рукописях Сагъди Вакаса-ибн-Реджеба и Кашафа-ибн-Абу-Саида говорится: «*Из Священной Бухары через этот самый Иртыш проехал господин ишан Ходжа Давлет-шах… и на берегу этого Иртыша открыл 18 мавзолеев. … Потом из города Хорезма прибыл шейх Искандер из Мамляна и открыл 9 мавзолеев. Один из оставшихся здесь для обучения вере в числе первых шейхов был почтенный Шерпети, младший брат шейха Назара и шейха Бирия. Открыв 12 мавзолеев, он лег у ног своих старших братьев»* [Катанов, 1905а, с.23].

В «Грамоте хранителя Юрумской Астаны» также описывается выявление мавзолеев: *«В почтенной Бухаре жил Мавляна Джалялитдин … Когда разнесся слух о знаменитых шахидах он составил список имен погибших шахидов в тетради и послал своего мюрида Джагфар ишана в Юрт Тубыла. Этот Джагфар записал имена шахидов в книгу с прочтением молитвы. Джагфар ишан прибыл, обошел окрестности Тубыла, уточнил* (могилы – прим. переводчика М.А.) *23 святых»* [Рахимов, 2006, с.13].

Инициатором поиска могил шейхов, по тексту «Грамоты хранителя Юрумской Астаны», является «*Мавляна Джалялетдин*» – Руми, Джалал ад-дин Бен Баха ад-дин Мухаммед аль-Бальхи (1207–1273), знаменитый суфийский мистик и поэт жанра маснави-хвани, основатель и руководитель братства Маулавийа [Рахимов, 2006, с.13, 17].

В обоих текстах при перечислении обнаруженных мавзолеев шейхов упомянуты местные топонимы. Практически все они вписываются в современную географическую карту Тюменской и Омской областей. Списки из текстов и полевых этнографических материалов, собранных в течение нескольких лет [ПМА, 2000–2014], помогут локализовать захоронения шейхов.

Из текста «Рукописи Катанова»	**Из текста «Грамоты хранителя Юрумской Астаны»**	**Современный адрес**
в Бурбаре Дауд из Кандагара, он из детей имама Джафара	сначала в Бурбаре – Дауд шейх дервиш газиз, из потомков Джагфар Садыйка был	Астана Варваринская *Адрес*: Тюменская область, Ярковский район, д.Варвара

в Искере почтенный шейх Айкани; там же перед Искером шейх Бирий; шейх Назар; шейх Шерпети…	второй – шейхи в Эзгаре: один из них Назир, брат его Шариф шейх, лежат у ног своих старших братьев	Астана Искерская *Адрес*: Тюменская область, Тобольский район, с.Преображенка
шейх Мусса в Кучя-Ялане, был из детей имама Малика	в Кужайлане Уба овраге лежит Муса шейх газиз, потомок имам Халида	Астана Епанчинская *Адрес*: Тюменская область, Вагайский р-н, с.Загваздин.
на холмах есть господин шейх Юсуф, был из внуков имама Абу-Юсуфа	в Кулларах могила хазрата Юсуфа шейха газиза, был из потомков имама Абуйусуфа	Астана Куларовская *Адрес*: Тюменская область, Вагайский район, д.Куларово
внутри Вагая есть почтенный господин Касим-шейх, был из детей имама Ахмеда	в Вагае в местности Атбаш могила Касим шейха, был из потомков Ахмеда	Астана Кобякская *Адрес*: Тюменская область, Вагайский район, д.Кобякская
на Баише господин Хаким шейх, был из детей имама Шафии	в Баише могила Хаким шейха газиза. Меккинские мужавиры говорили, кто посещает могилу Хаким хазрата, тот получит уважение паломника в Мекку	Астана Баишевская *Адрес*: Тюменская область, Вагайский район, д.Баишевская
у устья Ишима, именно в селении Большой Буран мавзолей шейха Бигач-ата,	в местности Приишинья Улуг Буран могила Бикач ата шейха газиза, он был из потомков Мавляна Джалялитдина	Астана Тюрмитякская *Адрес*: Омская область, Усть-Ишимский район, д.Тюрмитяки
…с левой стороны шейх Дервиш-Алий	в Субра могила дервиша Гали шейха	Астана Супринская *Адрес*: Тюменская область, Вагайский р-н, д.Луговое
в Увате шейх Турсун-Алий	в Увеке могила Турсун Гали шейха	Астана Малоуватская *Адрес*: Тюменская область, Вагайский район, д.Малый Уват
у реки Вагая на Юруме шейх Девлет-Алий, все четверо – сыновья одного отца…	в Юруме Давлет Гали шейха (могила), все трое от одного отца сыновья, из потомков шейха Абульхасана	Астана Юрумская *Адрес*: Тюменская область, Аромашевский район, с.Аромашево
в Вагае почтенный старец шейх Баграм	в Вагае могила Бахрам Гали шейха, из потомков Хусаен ата	Астана Второвагайская *Адрес*: Тюменская область, Вагайский район, с.Второвагай
у озера Лючюк почтенный Науф	в Наджик Куле (Лячек) – Суфа шейх	Астана Тахтагульская *Адрес*: Тюменская область, Тобольский район, д.Тахтагул
в Атяле почтенный Аляф, они родные братья, были из детей султана Баязида	в местности Ат ял Тубул – Зай могила Голук шейха газиза	Астана Новоатьяловская *Адрес*: Тюменская область, Ялуторовский район, с.Новоатьялово
в Бекятуне господин шейх Мир-Кямал	в Бикатине – Миркамал шейх, из потомков Бахти ата. Шейх Султан,потомок Баязид Бустами	Астана Бегетинская *Адрес*: Тюменская область, Вагайский район, д.Бегетино

в селении Каш шейх Абду-ль-Азиз	В ауле Каш Габдельгазиз шейх Канджибарди (Ханпослал) шейх оба сыновья одного отца, потомки Хобби хаджи	Астана Кашаульская *Адрес*: Тюменская область, Ялуторовский район, с.Аслана
в Эрум-джине почтенный шейх Дауд, из внуков имама Гусейна	из Армиджана – Удкантар шейх – оба сыновья одного отца Из потомков имама Хусаена…	Астана Аремзянская *Адрес*: Тюменская область, Тобольский район, с.Нижние Аремзяны
в Карбине шейх Омар-Алий	в Карбинах Гумар шейх, из потомков Гумер аль-Фарука…	Астана Карбинская *Адрес*: Тюменская область, Уватский район, д.Карбино
в Иш-Тамале Акыл-биби	в Иштигальде Гакыйл Биби, Хадича Биби – дочери Аллакул ахуна	Астана Иштаманская *Адрес*: Тюменская область, Тобольский район, д.Иштаманы
в Канн-Чубари шейх Абдуль-Менаф, оба родные братья, были из детей мудрого Сулеймана		Астана Конченбургская *Адрес*: Тюменская область, Нижнетавдинский район, д.Конченбург
в Карагае Ходжай – шейх, они – родные братья, были из детей Бахти-ата		Астана Карагайская *Адрес*: Тюменская область, Вагайский район, с.Большой Карагай
в Тебенди шейх Анджетан, был из внуков шейха ба-Мачин		Астана Тебендинская *Адрес*: Омская область, Усть-Ишимский район, д.Тебендя
на возвышенной стороне селения Карагай, у Красного Яра, на местности Оба-Бактари, в селении Кюмюшли шейх Кепеш-Алий…		Астана Еланская *Адрес*: Тюменская область, Вагайский район, д.Елань (тат. Кюмюшлэ)
шейх Муслиху-д-дин из Керама, с двумя дочерьми… старшая Салиха-биби, она пала в овраге, называемом Чарбий, у селения Саургач...		Астана Саургачинская *Адрес*: Омская область, Усть-Ишимский район, д.Саургачи
младшая Афифа-биби, она пала в овраге Агут выходящем из Вагая…		Астана Вершинская – 1 *Адрес*: Тюменская область, Вагайский район, д.Вершины

Судя по описаниям событий в *сачаре* миссионеры двигались на север по реке Ишим и вышли к Иртышу на территории современного Усть-Ишимского района Омской области. Там же, у современного селения Большой Буран (Тюрмитяки), появляются первые *астана*. Выйдя к Иртышу, миссионеры двигались в основном в северо-западном направлении, что подтверждается наличием мавзолеев у селений Большая Тебендя, Саургачи, Малая Бича Усть-Ишимского района Омской области и далее на запад по Иртышу (Вагайский и Тобольский районы Тюменской области). Вверх по течению Иртыша они, ви-

димо, продвинулись на незначительное расстояние – около 85 км (Кипоколлары и Кускун Тевризского района Омской области). Вниз же по Иртышу (на протяжении около 1100–1200 км от устья Ишима до селения Цингалы Ханты-Мансийского района ХМАО) и далее по его притокам нами выявлено и изучено 77 мавзолеев.

Если нанести все известные *астана* на карту, то получится условный четырехугольник площадью более 3000 кв. км. Его северо-восточный угол будет у селения Кускун Тевризского района Омской области, северо-западный угол у селения Цингалы ХМАО, юго-западный – у озера Андреевское в окрестностях Тюмени, и юго-восточный – у с.Аромашево Тюменской области.

Ландшафтное расположение

Большинство *астана* расположены на берегах рек или же в непосредственной близости к пойме рек. Иногда они находятся в лесу или на берегу озера. Во всех случаях – это высокие не затапливаемые участки. Так, на берегу Ишима выявлено – 2 мавзолея, Иртыша – 35, Тобола – 13, Вагая – 4, Агитки (правый приток Вагая) – 6, Туры (левый приток Тобола) – 3. Вдали от рек находятся 14 мавзолеев. Большинство из них располагаются на берегах озер, расположенных в труднодоступных болотисто-лесных массивах подтаежной зоны. По местонахождению мавзолеи можно разделить на четыре категории: 1) *астана* в черте поселений; 2) на кладбищах; 3) вблизи поселений; 4) вдали от поселений. Из 77 выявленных *астана* в черте деревень и сел находятся 11; на кладбищах – 18; в лесу, вполе и на болотах в пределах 2–3 км от населенных пунктов (в т.ч. ныне нежилых) – 23; вдали от поселений – 25 *астана*.

Вероятно, на выбор места захоронения миссионеров влияло множество факторов. Как описывается в текстах грамоты хранителя – иногда погребенье происходило в процессе военных столкновений, маршей. Возможно, в некоторых случаях смерть настигала шейхов в местах со сложными ландшафтными условиями (болота, тайга), что затрудняло перемещение покойного. Но можно с уверенностью говорить, что во всех случаях мавзолеи располагаются на сухих возвышенных местах, даже если находятся на берегах болотистых озер. В большинстве же случаев мавзолеи возводились по тем же принципам, что и кладбища. При этом необходимо учитывать, что некоторые *астана,* расположенные в черте поселений или на кладбищах, являются относительно поздними перезахоронениями.

Классификация астана

По итогам исследований мавзолеев шейхов их можно классифицировать по статусу и выделить два типа: большие (*оллы, зур*) и обычные.

К первому типу относятся мавзолеи предводителей первых исламских миссионеров и их ближайших помощников. Как правило, эти *астана* являются общеизвестными среди всего сообщества хранителей *астаны*, имамов и простых мусульман региона. Самой известной и почитаемой астаной является Баишевская Астана (мавзолей Хаким-ата). Существует убеждение, что если человек не имеет возможности совершить хадж в Мекку, то он может восполнить это, совершив семикратное паломничество к могиле шейха Хаким-ата. В тексте «Грамоты хранителя Юрумской Астаны» это звучит так: «*Меккинские мужавиры говорили, кто посещает могилу Хаким хазрата, тот получит уважение паломника в Мекку*».

Ко второму типу *астана* относятся мавзолеи остальных миссионеров из числа «шейхов Багаутдина», членов их семей, воинов, сопровождавших шейхов, поваров, лекарей. Отношение той или иной *астаны* к категории обычных (ординарных) нисколько не умаляет их значимость для местных мусульман. Среди них мавзолеи шейхов, чьи имена или имена их учителей известны во всем исламском мире. К примеру, Юрумская

Астана считается мавзолеем шейха Давлет-али «*из детей имама Ахмеда, из внуков Абуль-Хасана Хиркани*» и Хадиджи-биби.

Иногда рядом с большой *астаной* известного шейха могут покоиться помощники шейхов. Так, Астана Куларовская является погребальным комплексом, где центральное место занимает мавзолей шейха Юсуфа, известный по публикации Катанова как мавзолей «*господина шейха Юсуфа из внуков имама Абу-Юсуфа*» «*на холмах*» [Катанов, 1905а] или как «*могила хазрата Юсуфа шейха газиза … из потомков имама Абуйусуфа*» [Рахимов, 2004]. По информации, записанной во время полевых исследований со слов местных жителей, рядом с мавзолеем шейха Юсуфа похоронены *Кур кызлар* – незамужние девушки, погибшие вместе с шейхом. На момент исследования сруб мавзолея был восстановлен (в 1995 г.) и окружен рвом, как и участок, где предположительно находятся могилы девушек (сруб отсутствует). Несмотря на то, что в комплексе находятся практически две *астаны*, относящиеся к двум разным типам, Куларовская Астана считается единой и относится к категории «больших» [ПМА, 2005].

В некоторых случаях в районе, где компактно располагаются несколько *астана*, может наблюдаться локальная градация, когда статус отдельных мавзолеев может оказаться выше, чем у соседних. К примеру, Астана Малоуватская–1 (Азыляр астана) – мавзолей Турсун-Али шейха, известная как мавзолей «*в Увате шейх Турсун-Алий*» [Катанов, 1905а] или как «*могила Турсун Гали шейха*» «*в Увеке*» [Рахимов, 2004] считается «большой» астаной» по отношению к другим мавзолеям – Осиновской (Большой Уват) и Вершинской Вагайского района Тюменской области.

В старину, и даже в советский период, в д.Малый Уват собирались люди со всего района для проведения обряда поминовения – *катым аш*. Обряд проводили на самой *астане*, несмотря на то, что приходилось 3,5 км добираться на другой берег озера на лодке летом, а зимой по льду. Только в осеннюю и весеннюю распутицу собирались у деревни на берегу озера.

В то же время в одном километре от мавзолея Турсун-Али шейха находится другая астана – Малоуватская–2 (Ошмацылар Астана). Эта астана относится ко второму типу. Там похоронены женщины-миссионерки, прибывшие в Сибирь вместе с шейхами Багаутдтина. В обязанности женщин, кроме миссионерской деятельности среди женской части населения, входило также и приготовление пищи. Отсюда название *ошмацылар* – производное от татарского слова *ош* – еда, пища.

Традиционные сооружения на астана

Около половины исследованных астана не имеют каких-либо сооружений. Хотя при натурных обследованиях мавзолеев часто удавалось обнаружить части ушедшего от времени в землю сруба или же характерные отпечатки на земле. На остальных же имеются срубы и оградки. Обследование сохранившихся сооружений и собранная информация о бытовавших ранее сооружениях, позволяет сделать выводы о существовании традиционных комплексов на *астане*. Туда входят: сруб на некрополе, ограждение, канавка вокруг сооружений, беседка или скамейки, ящик для пожертвований. Чаще всего, особенно среди старинных срубов, встречаются шестиугольные равносторонние. Но есть и четырехугольные (Новоатьяловская Астана), и восьмиугольные (Иртышатская Астана).

Срубы мавзолеев, рубленные в «чашу» или в «лапу», в некоторых случаях без паза, как правило, невысокие – 1,5–2 м. Количество рядов бревен на срубах – от 6 (Баишевская Астана) до 10 (Аллагуловская астана), а их диаметр соответствует стандартам строевого леса – 20–25 см. Самый старый из сохранившихся (был сооружен в конце XIX в.), на момент обследования (2008 г.) имел 13 рядов (Тахтагульская Астана).

Судя по всему, ранее срубы могли быть высокими и сопоставимыми по размерам с мечетью. Н.Г. Спафарий в 1675 г. отмечал: *«…близ речки лежит пустой городок и*

шанцы Кучума царя Сибирского, который владел в то время, как приходил Ермак в Сибирь, и место то самое крепкое: остров есть, однако ж ныне лежит пусто, только тобольские татары для воспоминания нечистые их веры магмецкие, обновили преж сего и ныне обновляют мечеть, в которой по их нечистой вере приходяще действуют» [Спафарий, 1882, с.45]. Однако известно, что к тому времени Искер уже опустел, и мечеть не могла регулярно восстанавливаться. Очевидно, это был мавзолей на Искере, который Спафарий принял за мечеть.

Почти через 100 лет после Н.Г. Спафария И.П. Фальк тоже видит обновленный *мазар* – традиционное сооружение на *астане*, и называет его «деревянной башней». Но самое примечательное в записках И.П. Фалька то, что он впервые озвучивает истинное название данного объекта – Скир Стама, т.е. Искер Астана [Фальк, 1824, с.394]. Из записок путешественников видно, что размеры и вид строений на *астане* могли быть действительно большими, раз их принимали за мечеть.

На недавно исследованных мавзолеях попадались тесанные или даже строганные бревна сруба. Есть остатки старинных срубов, у которых бревна были стесаны со всех четырех сторон и имели форму бруса, а сам сруб был украшен фигурными столбиками, установленными по углам (Иртышатская Астана). Длина сторон традиционных срубов на *астане* колеблется от 1,5 (шестиугольный сруб в д.Уки) до 5 метров. В некоторых случаях весь сруб покрашен масляной краской или побелен известью.

На старинных срубах присутствуют небольшие входные двери (в Тахтагуле 0,5х1 м), в которые заходили для чтения молитв во время обряда поминовения. Также, часто имеются окошки высотой проема от 4 до 20 см и длиной от 35 до 136 см. Срубы не имеют фундамента и чаще всего устанавливались прямо на землю или на обрезки бревен.

В большинстве случаев некрополи огорожены забором, независимо от того, установлены на них срубы или нет. Ограждение повторяет форму сруба или же может иметь произвольную форму. Материалом для изготовления оградки часто служат столбы и жерди, изготовленные прямо на месте из растущих поблизости деревьев. Иногда пролеты сделаны из обычного строительного тёса. Часто оградка сделана из штакетника. Оградка может быть с калиткой или же без нее.

Восстановленные оградки на *астане* нередко изготовлены из металла, размером и формой напоминают современные оградки на кладбищах. В основном они сделаны из железных труб, арматуры, уголков и пластин. Имеют вид от простейшего заборчика до сооружений, украшенных штампованными и сварными фигурками. Иногда используется сетка-рабица. В большинстве случаев оградки окрашены краской синего или зеленого цветов с фрагментами белого цвета. В прошлом на мавзолеях встречались литые чугунные и кованые оградки.

Еще одним элементом традиционного комплекса надмогильных сооружений на *астане* являются беседки или скамейки. Они предназначены для отдыха посетителей и чтения молитв участниками обряда поминовения – *зийярат*.

В некоторых случаях в комплекс входит ящик для сбора пожертвований – *садака*. Он может быть изготовлен из прочного железа, запирающимся на замок или может быть использован обычный почтовый ящик. Их устанавливают на столбе поближе к дороге, как на Новоатяловской Астане или же прямо на срубе, как на Тахтагульской Астане.

Иногда весь комплекс надмогильных сооружений на астане окружен канавой. Ширина канавы в среднем от 1 до 1,5 м, а глубина, в зависимости от времени сооружения, колеблется от еле заметной до 0,5–0,7 м. Функции канав, в первую очередь, сводятся к обозначению границ *астаны*. Граница в виде канавы, вероятно, имеет и сакральный смысл, отделяя святое место от прочего. Кроме того, канава защищает комплекс от домашнего скота [ПМА, 2004].

Как уже говорилось ранее, практически половина *астана* вообще не имеет никаких сооружений. Это, в первую очередь, связано с разрывом цепочки хранителей. Отсутствие ответственного за мавзолей человека, как правило, приводило к разрушению сооружений и постепенной утрате информации о точном местонахождении некрополя. Кроме того, отсутствие традиционных сооружений на *астане* могло объясняться их большой отдаленностью от населенных пунктов и труднодоступностью, частыми лесными пожарами, вандализмом.

На некоторых *астана* сохранились надмогильные насыпные холмы. Они могут выглядеть как слабо заметные обычные могильные насыпи, подвергшиеся эрозии за сотни лет, так и в виде курганов двухметровой высоты и диаметром до 10–15 метров [ПМА, 2004–2012]. Необходимо добавить, что восстановление сооружений на *астана* – это традиция, бытовавшая на всем протяжении существования мавзолеев, и является неотъемлемой частью института Астаны.

Традиция переноса астана

Еще одна особенность института Астаны – практика переноса мавзолеев. Некоторые из мавзолеев в разное время и по разным причинам были перенесены на новое место. Это вынужденная мера, на которую могли подтолкнуть такие причины, как:

– опасность уничтожения могил святых наводнением или обвалом берега реки, озера;

– появление поблизости русских поселений, что могло привести или уже приводило к осквернению мавзолея, а также опасность уничтожения святынь в процессе хозяйственной деятельности переселенцев.

В таких случаях жители деревни под руководством хранителя астаны и муллы, выбирали останки, если они сохранились, а чаще просто землю с астаны, и перевозили их на новое место. В исторически известных случаях это могло быть или 40 телег, или 40 ведер земли. Отметим, что общей чертой здесь является присутствие сакральной цифры 40. Новым местом для *астаны* становилось кладбище, участок в черте деревни или высокое, незатапливаемое место вблизи самого мавзолея.

Так, Карбинская Астана была перенесена из-за подтопления в весеннее половодье на противоположный, незатапливаемый берег реки Иртыш. Астана Аремзянская была перенесена в черту деревни Нижние Аремзяны из-за того, что она оказалась в непосредственной близости от деревни Русские Аремзяны. Нердинская Астана была перенесена от черты русской деревни Шестовое в деревню Нерда, Иштаманская – с окрестностей деревни Черкашина на кладбище деревни Иштаманы [ПМА, 2000–2012].

Инициация или обнаружение новых астана

Основываясь на текстах рукописей – *сачара*, мы можем предполагать, что небольшая часть мавзолеев была выявлена в древности и дошла до наших дней. *«Господин ишан Ходжа Давлет-шах… открыл 18 мавзолеев. … Потом шейх Искандер из Мамляна открыл 9 мавзолеев. Почтенный Шерпети, младший брат шейха Назара и шейха Бирия. Открыв 12 мавзолеев, он лег у ног своих старших братьев»* [Катанов, 1905а]. *«Джагфар ишан прибыл, обошел окрестности Тубыла, уточнил* (могилы – прим. переводчика М.А.) *23 святых»* [Рахимов, 2006]. Остальные мавзолеи, видимо, были открыты позже в разное время и при различных обстоятельствах.

Часть мавзолеев сибирских шейхов являются вновь выявленными (заново открытыми, обнаруженными), что соответствует традициям суфизма. «Открытие» новых мавзолеев обосновывается возможностью познания божественного по одному из четырех принципов суфизма. Считается, что это по силам каждому, кто стремился к *вилайа*, т.е. ведет праведную жизнь. Знание может прийти к человеку, когда обрывается связь с

мирской жизнью или же во сне. Именно во сне, согласно суфийским учениям, открывается мост, связывающий мирское с духовным, через который можно получить информацию. Информативность снов была и остается одной из главных составляющих воззрений в суфизме [Хисматуллин, 2003]. Подобного же истолкования сновидений придерживаются и сибирские татары. Таким способом были открыты или уточнены места расположения некоторых из мавзолеев шейхов. В частности, это одни из самых известных в регионе – Новоатьяловская Астана (мавзолей шейха Голука/Хэлуп-бабая или Аляфа – сына султана Баязида) и Варваринская Астана (мавзолей шейха Дауда из потомком Джагфар Садыйка) [Рахимов, 2006, с.26].

Благодаря сновидениям открываются могилы святых и в других странах мусульманского мира. Так в Средней Азии известный святой Салыр-Газан, явившись во сне больному подростку, указал, где он погребен [Басилов, 1970, с.80].

О значимости снов, и видений при выявлении мавзолеев говорится в одной из рукописей – *сачара*: *«251 шейх всадник, не объявившись, остались сокрытыми. Благочестивые и миролюбивые мужчины, женщины и девицы, если кто-нибудь в тайных отношениях к Господу Всевышнему, получит точные указания Его относительно сокрытых мужей, или если эти мужи о себе дадут им какие-либо намеки и знамения, то пожалуйста да не будут нерадивы относительно объявления могил и построения мавзолеев, для того чтоб шейхи не разгневались на них и чтобы не осрамили ни их, ни потомства их!».*

Как показали исследования, благодаря сновидениям не только обнаруживаются новые захоронения, но и восстанавливаются утерянные. А также в сновидениях узнаются имена шейхов, покоящихся на известных астана, но имена которых были забыты при разрыве цепочки хранителей.

Хранитель астаны (караучи, корауцы)

Институт хранителей Астаны существует сотни лет и хорошо сохранился до наших дней. За каждой астаной был закреплен хранитель – *караучи, корауцы*. Считается, что он принадлежит к роду шейхов (*шикх тугум*).

Подобное мнение бытует и у хранителей могил святых в Средней Азии. Верующие категорически утверждают, что хранителем мавзолея, обладающим преимущественным правом на приношения святому, может быть только потомок святого [Басилов, 1970, с.76].

В суфийских сказаниях и легендах сибирских татар шейхи наделены чудотворной силой: чтение мыслей, исцеление больных, воскрешение мертвых, управление стихиями и джинами, телепортация. Сверхъестественные способности могли получить и потомки шейхов – хранители *астаны*. Так, в деревне Каен-аул Усть-Ишимского района Омской области некогда жил потомок шейха, который мог управлять джинами. По легенде, джины косили сено, рубили дрова и выполняли другую работу. А чтобы джины не остались без занятия и не навредили шейху, он заставлял их носить воду в решете и плести веревки из песка [ПМА, 2004].

Должность хранителя *астаны* передавалась из поколения в поколение в основном внутри одного рода. Но иногда, когда по каким либо причинам обязанности не могли быть переданы внутри рода, хранитель передавал обязанности достойному последователю – представителю другого рода. Так, в 50-е гг. XX столетия тяжело больной потомственный хранитель Истяцкой Астаны, из-за юного возраста своих детей – потенциальных продолжателей дела, *сачару* и обязанности хранителя передал жителю этой же деревни – смотрителю Юрумской Астаны. Но спустя полвека уже внуки хранителя Истяцкой Астаны приняли на себя обязанности хранителя.

Если цепочка хранителей прерывалась, то обязанности смотрителя за *астаной* брал на себя местный мулла. В некоторых деревнях хранителя Астаны выбирают на сельском сходе. Такое практикуется, к примеру, в с.Нижние Аремзяны. Там хранителя мавзолея шейха Дауда выбирают местные жители.

Среди жителей некоторых деревень, где есть астана, бытует мнение, что *сачара* передается с благословления самой *астаны*. Для этого должен быть особый знак свыше, без которого никто не решается взять на себя ответственность и стать хранителем *астаны*. Кроме того, под термином «*сачара*», «*цәцрә*» хранителя *астаны* в этой местности понимается, прежде всего, инициация, духовная передача обязанностей хранителя, нежели грамота – вещественный атрибут хранителя. При изучении института хранителей Астаны, данный феномен можно считать отличительной чертой, присущей для района «Вагайское Заболотье», куда входят Большеуватские, Малоуватские и Вершинские священные захоронения исламских миссионеров.

Общение людей с *авлийа* во сне иногда играло существенную роль в процедуре передачи обязанностей хранителя последователям. В сновидениях сами «святые» указывали хранителю, кого следует выбрать приемником [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с.145–146].

Сачара (шаджара, шажерэ, цәцрә)

Главным символом хранителя астаны является *сачара, цәцрә, шажерэ* – рукопись в виде свитка. Арабское слово *шаджара* (буквально – дерево) трансформировалось в сибирско-татарское *сачара, цәцрә*. *Шажерэ* – устное или письменное историко-генеалогическое предание, где сведения о происхождении рода, племени, народа и их былой родоплеменной организации дополнялись описаниями исторических событий и документами. У хранителей *астаны* это свиток, куда могут входить еще *силсила* и религиозные тексты. *Силсила* – это родословная суфийских шейхов или хранителей *астаны*. Принцип составления *силсила* позволяет видеть преемственность традиций. Существует две схемы обретения духовного знания: наследование духу умершего – *увайси* и наследование по генетическому родству – *шейх-заде*.

В *сачару* хранителя Юрумской Астаны входит еще и наставление для хранителей и посетителей астаны. Кроме того, *сачара* – это культовый предмет, передающийся по наследству как главный атрибут хранителя, символ, позволяющий ему вести данную деятельность.

В советский период, во времена жесткой антирелигиозной политики, большинство свитков хранителей было утрачено, а арабская графика забыта. Сохранившиеся грамоты, как правило, содержались в строжайшем секрете и об их существовании часто не знали даже ближайшие родственники. Свиток доставали только в особых случаях – для зачитывания списка мавзолеев во время обряда поминовения и религиозных праздников. Но, тем не менее, свиток постепенно ветшал, поэтому существовала традиция переписывания *сачары*. Так, рукопись Кашафа-ибн-Абу-Саида заканчивается словами: «писавшим это самое предание с Хасса-айны значится Мулла Хальвет из Яркенда, переписал Кашшаф Абу-Саидов». А текст наставления из «Грамоты хранителя Юрумской Астаны» датирован таким образом: «Завершил в 1846 году и по хиджры пророка в 1263 году».

Обязанности хранителя астаны

Хранитель *астаны* должен был сохранять мавзолей как физически – обновлять традиционные сооружения, огораживать, содержать в чистоте и порядке, так и духовно – поддерживать добрую память о шейхе, прививать людям уважительное отношение к могиле шейха.

Для сохранения мавзолея действовал ряд правил-ограничений. Прежде всего, это полный запрет на ведение хозяйственной деятельности. Запрещалось рубить лес в окрестностях *астаны*, охотиться, собирать ягоды, косить сено, строить жилища. Не позволялось посещать святое место без необходимости, проходить рядом и даже смотреть в сторону *астаны*. Нельзя было громко разговаривать, смеяться, сквернословить.

Подобные ограничения в отношении могил святых существуют и у мусульман Средней Азии. В Туркменистане есть мавзолей Канбар-баба, рядом с ним «по воле бога» из дутара святого выросло дерево, которое запрещено трогать. По словам хранителя мавзолея «дерево само себя защищает. Кто сломит ветку, будет наказан» [Басилов, 1970, с.59].

В другой среднеазиатской легенде рассказывается, как однажды некий всадник проехал верхом рядом с могилой святого Хаджа Пюрсент-баба и у него перекосился рот: святого оскорбило, что человек не спешился в знак внимания [Басилов, 1970, с.71].

Неуважительное отношение к могилам шейхов, по мнению местных жителей, влечет за собой обязательное возмездие. Причем наказание часто жесткое, и даже жестокое. Существует множество назидательных историй, связанных с мавзолеями шейхов. Все эти истории напоминают сюжеты суфийских поучительных сказаний и *адабов* – правил поведения.

Одна из таких историй связана с Абаульской Астаной. В деревне Абаул Усть-Ишимского района во время разборки сруба дома, один из работников неуважительно отозвался о шейхе, и в ту же минуту сорвавшаяся балка смертельно травмировала мужчину.

Другой истории рассказывается, как астана сама охраняет себя. Так, на Истяцкой Астане, расположенной в лесу, в начале 50-х гг. XX в., несмотря на запрет хранителя, был построен небольшой поселок лесорубов. Практически сразу после окончания строительства деревянные бараки сгорели. Поселок был выстроен заново, но опять выгорел дотла [ПМА, 2004].

Главная обязанность хранителя – это проведение обряда поминовения – *катым, астана аш*. Такой обряд проводится от одного до нескольких раз в год. Чаще всего *астана аш* проводится один раз весной или в начале лета, и в нем участвуют практически все верующие окрестных деревень. Обычно это происходит после традиционной весенней уборки – *цым* на кладбищах и *астане*.

Обряд поминовения практически идентичен во всех деревнях, где есть захоронения шейхов. Начинается он утром с того, что жители деревни собираются в мечети или на *астане*. Один из участников, после прочтения молитвы, приносит в жертву барана. Другие мужчин устанавливают большой казан, разводят огонь, носят воду. Дома или в хозяйственной части мечети женщины готовят лапшу и пекут баурсаки и хворост, накрывают на стол, где кроме традиционных мучных изделий присутствуют сладости, свежие фрукты и овощи, сухофрукты, в основном – изюм и финики. В это время группа мужчин во главе с хранителем или имамом читают молитву на *астане* сначала на татарском языке (*багышлау*), затем суры из Корана. Вернувшись в мечеть, снова читают молитвы уже со всеми прихожанами и затем приступают к трапезе. По такому сценарию проводят обряд поминовения – *катым аш* в деревне Новоатьялово Ялуторовского района, в юртах Андреевских и в других деревнях Тюменской и Омской областей. В Каскаре и в некоторых других деревнях обряд поминовения проводят на самой а*стане*.

Для посетителей мавзолеев в *сачаре* хранителя Юрумской Астаны есть наставление:

«Посетитель кладбища с воспоминаниями об усопших и их могилах, встречая там сотни покойников должен сказать: «Приветствую вас поселившихся в свои вечные дома!

Как случилось с древними людьми, так и с их потомками случится, о чем написано Аллахом верно» – и еще раз должен произнести салават. После полного омовения на коленях читать «Сура – и Мулюк» (Аль Мульк – 67-я Сура Корана – Р.Р.)*; три, или пять, или семь раз «Сурам Ихлас»* (Аль Ихлас – 112-я Сура Корана – Р.Р.)*, и один раз «Сура – и Фатиха»* (Аль Фатиха – 1-я Сура Корана – Р.Р.) *и несколько аятов из «Сура – Бакра»* (Аль Бакара – 2-я Сура Корана – Р.Р.) *и погладить руками лицо.*

И после этого прочитать примеры из других книг и произведений (молитв).

Просьба.

Завершил в 1846 году и по хиджре пророка в 1263 году».

Садака

Кроме одного масштабного обряда поминовения, иногда *катым* проводят еще несколько раз в год. Это делается по мере поступления пожертвований – *садака, каер, якшылар рукхына.* В старину в качестве садака могли быть как жертвенные животные: петух, гусь или баран, иногда даже бык или лошадь, так и продукты: мука, яйца. Часть собранных пожертвований хранители астаны переправляли на другую, более высокого статуса астану, например, на Баишевскую.

В настоящее время пожертвования передают хранителям, в основном, в виде денег. Сумма не оговаривается – дают, кто, сколько может и пожелает. Чаще это крупные монеты, иногда собранные в стопку и перевязанные куском материи или платочком.

Способов передачи пожертвований несколько: приносят хранителю лично; передают через имама мечети или других уважаемых мусульман; опускают в специальные металлические ящики, установленные непосредственно на *астане* либо на дороге вблизи *астаны* или деревни. В некоторых местах сохранился обычай бросать деньги прямо на землю у астаны или оставлять монеты на столбах оградки.

Как правило, садака дается как для планового проведения обряда поминовения – *астана аш*, так и при особых случаях. Пожертвование может совершаться во время похорон или поминок, где, по традиции, после упоминания аллаха и его пророка Мухаммеда следует поминовение шейхов – *авлийа, йокшылар*, покоящихся на известных *астана*. То же самое происходит и во время чтения молитв на религиозных праздниках – *курбан байрам, рамазан.* Подают садака и с просьбами о здоровье и благополучии для себя и для близких, в трудные и ответственные моменты в жизни, перед дальней дорогой, службой в армии и пр.

Паломничество (зиярат)

Еще одним элементом института Астаны является паломничество к мавзолеям первых исламских миссионеров – *зиярат*.

Причем, эта традиция не является феноменом именно сибирского ислама, а имеет древние корни. На всей территории исламского мира, будь то Саудовская Аравия, Индия, Афганистан, Центральная Азия, Турция, Кавказ, Поволжье, во все времена, с самого распространения ислама, были свои «святые» могилы, которые посещали паломники. Даже во время хаджа в Мекку после посещения могилы пророка Мухаммеда, паломники шли помянуть молитвой ближайших соратников и членов семьи пророка и *мужавиров*, покоящихся на этом же кладбище.

В XVIII – начале XX вв. российские и европейские ученые и путешественники посвятили ряд научных работ, затрагивающих тему почитания «святых» в исламе.

О масштабности этой традиции в исламском мире говорит немецкий ученый и путешественник Кремер: *«Если объехать все мусульманские страны, то повсюду найдем, даже в горах, белые четырехугольные памятники, покоящиеся на четырех столбах с*

куполом вверху, под которым находится гроб какого-нибудь, часто даже безыменного, святого» [*Kremer*, 1868].

Российские мусульмане не отличались от остальных верующих и также имели своих чтимых «*авлийа*» и в Сибири, и на Кавказе, и в Поволжье. Даже в путеводителях XIX в. по губерниям и уездам, где описывались местные достопримечательности, упоминалось о существовании традиции паломничества к местным святыням. Шпилевский в путеводителе по Казанской губернии пишет: *«В Казанской губернии в Чистопольском уезде в 3-х верстах от пригорода Билярска – на верху высокой горы – видны остатки каменных зданий, вокруг которых расположено кладбище с остатками надгробных каменьев. Здесь, по верованию татар, похоронены «святые» славнейшие из всех мухаммедан, живущих в России. На поклонение этим могилам съезжаются мухаммедане из отдаленных местностей, приезжают даже башкиры, как месту священному. Эти святые, по верованию мухаммедан, не только делали различные чудеса в жизни, но делают и ныне»* [Шпилевский, 1877].

На территории бывшей Тобольской губернии находятся несколько десятков астана «шейхов Багаутдина», многие из которых были известны на протяжении нескольких веков не только местным сибирским татарам, но исследователям и путешественникам.

Врач и естествоиспытатель И.П. Фальк в начале 1772 г., проезжая по Тобольской губернии, обратил внимание на татарские святыни: *«Близ Градской площади [городища Искер] находится татарское кладбище, на котором стоит древняя деревянная башня, заключающая, по сказанию, гроб во святых считаемого Скир Стама, к которому прежде стекалось много Магометан на поклонение»* [Фальк, 1824].

В конце XIX в. М.С. Знаменский, описывая окрестности городища Искер, не мог обойти не менее важный памятник для сибирских татар – Искерскую Астану: *«… несколько далее, на самом верху горы, у них покоится прах какого-то чтимого святого, куда они дважды в год съезжаются со всех окрестностей творить поминки и молиться целую ночь»* [Знаменский, 1901, с.37].

В «Грамоте хранителя Юрумской Астаны» говорится: *«в Баише (находится) могила Хаким шейха газиза. Меккинские мужавиры говорили, кто посещает могилу Хаким хазрата, тот получит уважение паломника в Мекку»*. Местные мусульмане во все времена подчеркивали высокий статус Баишевской Астаны. Считалось, что если верующие, не имеющие возможности совершить хадж, совершают семикратное посещение с чтением сур из Корана и проведением жертвоприношения на Астане Хаким ата, то их истинные стремления могут приравниваться к хаджу в Мекку.

Некоторые суфийские братства в своих трактатах разъясняли возможность альтернативного приобретения «*уважения паломника в Мекку*». Так один из представителей исламского мистицизма Аль Халладж говорил: *«Мусульманин, искренне желающий, но не имеющий возможности совершить хадж в Мекку, пусть отделит четверть своего жилища, содержит его в чистоте для молений и мысленного совершения хаджа. После этого, пусть пригласит 30 детей-сирот, накормит и одарит каждого 7 раз – и это ему зачтется как хадж в Мекку»* [Гольдциер, 1938].

Особенностью почитания «святых» мусульманами является то, что в исламе не существует института канонизации, более того, официально это явление не признается высшим духовенством, а в статус «святых» т.е. *вали* (дословно с араб. – друг бога, у сибирских татар – *авлийа*,) возводит сам народ. Поэтому, такие люди почитаются только локально, в той местности, где они похоронены. В Западной Сибири – это 366 шейхов.

В Тюменской и Омской областях традиция посещения могил шейхов для проведения обряда поминовения и обновления надмогильных сооружений не прекращалась даже в советский период.

Посетители *астаны*, как и при совершении хаджа в Мекку на могилу пророка Мухаммеда, просят для себя ходатайство и заступничество перед богом. Каждый паломник прибывает к могиле шейха с просьбой о здоровье и благополучии для себя, для семьи, для кого-либо еще, кто-то приезжает для очищения души. При этом главной целью посещения *астаны* остается обряд поминовения в честь шейха. На *астане* читают суры из Корана, приносят в жертву барана, привезенного с собой, и проводят *катым аш*.

Сформировавшийся за столетия в целостную систему, и сохранившийся, несмотря на драматизм исторической судьбы, институт Астаны стал неотъемлемой частью традиционной культуры сибирских татар. Почитание *астана* имеет огромное значение в духовной жизни и на протяжении большого отрезка времени помогает в сложной исторической ситуации обеспечить устойчивость религиозных убеждений и традиций сибирских татар. Под его влиянием с детства формировались ценностные ориентации и мотивации. Оно объединяло и способствовало идентификации сибирских татар как мусульманского народа. Во многом благодаря этой культурной традиции в наши дни люди возвращаются к вере и обретают свой путь к исламу.

Институт Астаны сумел сохранить для будущих поколений не только своеобразие духовной культуры сибирских татар, но и памятники истории, языка, письменности, архитектуры в виде исторических преданий о принятии ислама, рукописей – *сачара* и мавзолеев шейхов.

§ 6. Народные медицинские знания

Гулюса Зиннатуллина

Традиционная народная медицина является неотъемлемой частью культуры каждого этноса. Она концентрирует в себе обширный опыт человеческой жизнедеятельности, знания об окружающем мире, собственно человека, фиксирует важнейшие вехи в истории развития общества, отражает фундаментальные мировоззренческие позиции.

Народная медицина, являясь важным компонентом культуры народа, позволяет не только выявить позитивные народные знания, но и раскрывать этническое своеобразие народа, специфику его культуры.

Первые специализированные работы по этнографии сибирских татар появились в 1940–1960-е гг. Так, в 1949 г. ленинградская исследовательница В.В. Храмова собирала материалы на территории Заболотья (Тобольский район, Тюменская область), в том числе и по народной медицине. К сожалению, ее данные до настоящего времени не опубликованы [Кадырова, 2003, с.4–5].

В публикациях Ф.Т. Валеева [Валеев, 1976в, с.138–141; Валеев, 1975, с.215–219, Валеев, 1978а, с.104–122; Валеев, 1976а, с.320–331] представлены первые сведения о народной медицине сибирских татар в контексте народных верований. Позднее в монографическом исследовании «Сибирские татары: культура и быт» [Валеев, 1993] автор более подробно рассматривает народную медицину сибирских татар, анализирует ее, как неотъемлемую и важную составляющую народных знаний, вводит в научный оборот значительный полевой материал.

В 1970–80-е гг. сотрудниками кафедры этнографии Омского государственного университета под руководством Н.А. Томилова и В.Б. Богомолова были развернуты полномасштабные этнографические и этносоциологические исследования народов Западной Сибири, одним из направлений которых стал сбор материала по народной медицине [Архив МАЭ ОмГУ, ф.I. д.3, 27–31]. В последующие годы материалы данных экспедиций используются в работах Е.В. Верпаховской, Ф.Т. Валеева, И.В. Волохиной и др. [Верпаховская, 1980, с.174–179; Валеев, 1976а, с.320–331; Валеев, 1993; Волохи-

на, 2002, с.423–425]. В статье Е.В. Верпаховской приведены сведения о народном лекарствоведении тоболо-иртышских и барабинских татар. И.В. Волохина отдельно рассматривает вопрос о лечении наружных болезней в народной медицине татар.

Интерес к изучению народной медицины сибирских татар получил новый импульс в последние годы. Так, появилось диссертационное исследование Л.М. Кадыровой, посвященное исследованию народной медицины тарской и курдакско-саргатской подгрупп тоболо-иртышской группы сибирских татар. Автором были выявлены условия функционирования народных знаний, определены характерные черты врачевателей, представления о причинах болезней, а также проанализированы основные способы и средства лечения в народной медицине курдакско-саргатских и тарских татар в сопоставлении с материалами по всем группам сибирских татар [Кадырова, 2003].

В целом нужно отметить, что народные медицинские знания тоболо-иртышской группы сибирских татар в настоящий момент изучены недостаточно полно, а имеющиеся данные разрознены. В связи с этим возникает необходимость их обобщения и систематизации.

Формированию у сибирских татар достаточно цельного корпуса народно-медицинских знаний способствовали этнические контакты сибирских татар и среда обитания, включающая природно-климатические условия и хозяйственную жизнь.

Основы народных медицинских знаний сибирских татар берут начало из проявлений древнейших верований сибирских тюрок. В этом отношении у сибирских татар необходимо отметить бытование общетюркского понятия о душе (*кот*), особое отношение к синему цвету (использование бусинок синего цвета в качестве оберега; применение его в магических обрядах исцеления от сглаза и т.д.); почитание и придание магических (в том числе и исцеляющих) свойств деревьям и кустарникам; использование органов тотемных животных в качестве оберега; одухотворение природных явлений; почитание идолов-кукол (*курчаклар*); использование ряда магических приемов исцеления, таких как лечение испуга (*кот кою*), обряд, направленный на изгнание болезни из тела человека (*аврыуны кагыу*).

Распространение в Западной Сибири ислама привело к изменениям в традиционной культуре сибирских татар, что отразилось на их народных медицинских знаниях: появился комплекс обрядов, связанный с почитанием мусульманских святых (*астана*); способы лечения дополнились чтением аятов Корана; сформировался обряд суннат и др.

В сохранении доисламских традиций, интегрировавших в себя исламские ценности, огромную роль сыграл мистический пласт ислама – суфизм [Галиахметова, 2007, с.75]. Обрядовая практика суфизма, включающая культ святых и священных захоронений, чудодейственных реликвий и символов, была близка традициям языческого шаманизма предков сибирских татар.

Так, традиционные представления о душе дополняются общемусульманскими – *җан* (*чан, йән*) и *рух*. У сибирских татар одновременно используются оба понятия, *җан*, как и *кот*, может «вылетать» из тела человека. Понятие *рух* больше связано с душой умершего человека.

Мусульманским фольклором пополняются и представления о разных духах, таких как *чиннәр* (от арабского джины), *тию* (див, нечистый дух), *пәри* (фея, пери). *Чиннәр* являются одними из распространенных духов, которые особенно опасны для детей. *Чиннәр* в мусульманстве считаются еще и помощниками ясновидящих и гадалок, они способны проходить сквозь время и рассказывать людям о том, что было или будет. Поэтому обращение к предсказателям в традиционном исламе считается грехом. Но в традициях суфизма люди, способные общаться с данными существами и укрощать их, вызывали восторг и восхищение окружающих.

Кроме религиозных представлений о существах, способных навредить здоровью, народные медицинские знания пополняются и новыми способами и навыками лечения (появляется обрядовое обрезание, получает широкое распространение кровопускание и т.д.). А суры из Корана, наделенные целительными свойствами, органично вливаются в домусульманские способы лечения, дополняя, а, впоследствии, вытесняя и заменяя тексты заговоров.

Исламское влияние на народную медицину сибирских татар привело к тому, что поменялась форма (внешние проявления, атрибуты, названия), но структура и содержание народных медицинских знаний сохранились прежнеми.

Провести четкую границу между так называемым «бытовым» и «профессиональным» [Бромлей, Воронов, 1976, с.6; Воронов, 1991, с.132] слоями в традиционных медицинских знаниях очень сложно. К «бытовому» слою относят ту сумму знаний, носителями которых являются каждый человек, каждая семья [Бромлей, 1981, с.215], а также к разряду таковых относят лечение «заболеваний, вызванных естественной, видимой причиной», которое производилось населением самостоятельно на основе «некоторой суммы медицинских знаний, получаемых по наследству» [Миненко, 1983, с.92].

К народной культуре был причастен каждый человек, каждая семья, поэтому население являлось носителем некоторой суммы медицинских знаний [Миненко, 1983, с.92; Темплинг, 1996, с.147]. Тем не менее, в народной среде всегда выделялись люди, которые занимались лечением на постоянной основе, они обладали обширными познаниями в области медицинских знаний и различали большое число заболеваний.

Образ знахаря конца XIX – начала XXI вв. у сибирских татар является результатом трансформирования в течение нескольких веков. До распространения в Западной Сибири ислама это был язычник, поклонявшийся духам и идолам [Кадырова, 1996, с.38–40; Селезнев, 1992, с.58]. В пору оформления у тюрков шаманства, у предков татар появляются такие служители культа как *имче*, *томчы* (*им-томчы*), *күрәзәче*, *багучы*. Как указывает Л.И. Никонова, «в этом отношении многое у татар уже утрачено, но известны *имче*, *күрәзә*, *багучы*, несомненно, олицетворявшие в той или иной форме функции шаманов. В их действиях, по-видимому, было нетрудно заметить многие черты классического шаманства у тюрков. Функции же у них были таковы: *имче* – это знахарь, заклинатель, *күрәзә*, *күрәзәче*, *күремче*… – провидец, предсказатель, ворожея (ведун)» [Никонова, 2000, с.33]. Таким образом, можно предположить, что лица, занимающиеся лечением, у татар в прошлом возглавляли и совершение шаманских обрядов.

С принятием ислама предками сибирских татар, деятельность врачевателей начинает совмещать разные духовные традиции, так как и мусульманская традиция предполагает занятие священнослужителей лечением. На этом этапе реликты традиционных верований тюрков Сибири совместились с исламом, найдя отражение и в содержании способов лечения [Алексеев, 1992; Басилов, 1970, с.3, 5, 8; Валеев, 1976а, с.320–331; Кадырова, 2003, с.59].

Названия врачевателей у сибирских татар в зависимости от социальных, культурных изменений, происходивших в течение нескольких веков, имеют разное происхождение. Наиболее распространенным среди сибирских татар Тюменской области словом, обозначающим лечащего человека, является номинация *имце* (*йемце* – от слова *им* – заговор), реже – *табип* (от араб. лекарь), *корткаяк* (бабка), *кеше карауцы* (дословно: тот, кто смотрит), *пакцы* (*пагу* / *багу* – смотреть).

Процесс лечения отражен в номинациях: *кеше карау* («смотреть людей»), *имләү* (от древнетюркского *им* – заговор, но в данном случае означает лечить); *тәвалау* (лечить). Однако некоторые виды лечения имеют отдельные названия, например: *өшкереү* (заговаривать при помощи молитвы), *паш үлцәү* (править голову от удара, ушиба), *әпләү* (лечить с помощью массажа и заговоров испуг) и т.д.

По данным полевых материалов большое число названий у тоболо-иртышских татар имеет повивальная бабка: *инәлек* (от слова *инә* – мать); *кентек инә / кәртнә* (*кентек* – пуповина и *инә* – мать *кәртнә* – бабушка); *әби* / *әбей.* В среде сибирских татар так еще называли бабушек из поволжских татар – данный факт указывает на этническую принадлежность повитухи. В приграничье Ярковского и Ялуторовского районов Тюменской области нами зафиксирован термин *колак инә*/*колака* (*колак* – ухо). Возможно, данные номинации этимологически связаны с тем, что по мусульманским обычаям первые слова, которые должен услышать ребенок, родившись на свет, это *азан* (слова, призывающие к молитве) и их должна была прошептать ребенку на ушко повивальная бабка. При этом распространенным является мнение, что женщина не имеет право произносить *азан*. Среди курдакско-саргатской и тарской групп сибирских татар повитуху называли *пала-пакцы* [Кадырова, 2003, с.62] (*пала* – ребенок, *пакцы* – от древнетюркского *багу*, т.е. смотреть). Также Ф.С. Баязитова отмечает бытование терминов, обозначающих повитуху: *мамай* – в тобольском и тюменском говорах тоболо-иртышского диалекта, *кендекче* (повитуха) – барабинском и томском диалектах [Баязитова, 2005, с.32].

Помимо функций родовспоможения уровень мастерства *инәлек* зависел и от навыков лечения женских болезней, таких как бесплодие и смещение половых органов, а также детских заболеваний. Опыт *инәлек* зависел от того, сколько она приняла родов; умелая повитуха легко могла определить по последу (*соң*) сколько еще может иметь детей женщина. У некоторых повитух имелась специальная веревка, на которой узелками отмечалось число принятых родов. Если повитуха умирала, эту веревку клали ей в могилу.

Болезни, связанные с влиянием сверхъестественных сил, лечил *өшкерүче* (от слова *өшкерү* – нашептывать, заговаривать); данная номинация чаще применялась как глагол *өшкертү* со словом мулла (*муллага өшкертәсен*, *өшкерүче мулла*), так как чаще заговаривали именно те, кто обладал религиозными знаниями. С возрастом эта категория целителей именуется терминами *порынкы мулла* (древний мулла) и *пелгән кеше* (знающий человек), что подразумевает глубину и основательность знаний лечащего, ведь по традиции люди пожилого возраста пользовались в народе особым доверием. К мулле, который занимался лечебной практикой, в основном обращались с нервно-психическими заболеваниями: *йель аврыу*/*чин-сәкмәт кагылса* и *күс тею* (сглаз), *посым* (порча). Особенно высоко ценились представители так называемого рода шейхов (*шык тогым*), поволжские татары (*касанны*) и их потомки.

Лечебной практикой также занимались и ясновидящие *күремче* (от слова *күрү* – видеть), *пагымцы* (от древнетюркского *багу* – смотреть). Позже в отношении их стали применять еще и термин *кеше карауцы* (дословно: смотрящий людей). В своей практике они применяли свои неординарные способности для определения диагноза (*аврыуны күрү*) и лечения.

Эта категория целителей больше других сохранила элементы практики, присущие шаманам. Характеризуя таких людей, окружающие, в первую очередь, обращают внимание на то, что они являются «странными людьми» (*сәер кеше*). Как известно, шаманами нередко становились люди с нестабильной психикой. Необходимо отметить и то, что нередко в татарской среде *куремче* бывают глубоко верующими людьми и к своим целительским способностям они относятся как к божьему дару. Чаще всего обладателями целительских знаний они становятся после того, как совершили богоугодное дело, или перенесли тяжелую болезнь. Особо ценились те, кто пережил измененное состояние сознания, например, побывал в летаргическом сне (*мәрдкә парып кайткан*). В данном случае также прослеживаются параллели с шаманской болезнью [Борко, 2004, с.22–25]. Кроме того, подобно существовавшим шаманским династиям, у сибирских

татар также был свой особый род *сискер тогым* (от слова *сизү* – предчувствовать, род провидцев), представители которого чаще становились ясновидцами.

Подобно шаманам *күремце* чаще лечили заболевания, связанные с влиянием потусторонних сил, снимали сглаз, отводили порчу. Для лечения они чаще использовали навыки мануальной терапии (*сылау*), поскольку обладали биоэнергетическими способностями (*шифалы куллы*). Помимо лечебной практики, *күремце* и *пагымцы* в своей практике применяли гадание, предсказание.

Специалист по проведению мусульманского обряда обрезания (*сөннәт*) среди всех групп сибирских татар называется *аптал* (с араб. – благочестивый). Он применял хирургические навыки для совершения данного религиозного обряда и также принадлежал к числу религиозных представителей. Навыки такого специалиста передавались из поколения в поколение. Несмотря на запрет проведения *сөннәт* вплоть до середины 80-х XX в., *апталы* в советское время продолжали заниматься своим делом, переходя из деревни в деревню. Особенно высоко ценились в Тюменском регионе специалисты по обрезанию из деревни Новоатьялово Ялуторовского района.

Также в народной среде выделялись люди, занимавшиеся лечением определенного вида заболеваний или использующие определенный способ лечения: костоправы – *сөякләрне урынка утысыуцы* (ставящий на место кости); люди, умеющие ставить пиявки – *сөлек утысыуцы* (ставящий пиявку); те, кто мог удалить соринку из глаз с помощью языка – *күс ялауцы* (облизывающий глаз); специалисты по лечению травм головы – *пашны үлцәүце* (обмеряющий голову); умеющие править грыжу – *пөкләсен ошлаган* (*пөкләсен* – грыжа, *ошлаган* – нащупывал) или *пөкләсен имләгән* (*имләү* – заговаривать).

Испуг лечили двумя способами, соответственно выделялись два вида мастеров: *кот коюцы* (термин, обозначает возвращение души на место), *әпләүце* (от слова *әп*, которое использовалось в заговоре из обряда *әпләү* / *әпкорыклау*).

Определенного термина для обозначения специалистов по траволечению среди сибирских татар юга Тюменской области нами не выявлено. Очевидно, это связано с тем, что фитотерапевтические средства составляли основу так называемого «бытового слоя народных медицинских знаний», и в последующие годы специальное название травника было утрачено, поскольку обозначение травников – *утчы* сохранилось только у аялынской и туралинский групп сибирских татар [Кадырова, 2003, с.61].

Сибирские татары, особенно сельские жители из глубинки, вплоть до 80-х гг. XX в. обращались к деревенским знахарям при травмах, кровотечениях и хронических заболеваниях, а в сельские больницы – лишь с острой болью, в особо тяжелых случаях, а иногда и в принудительном порядке для обязательного медицинского осмотра. Одной из причин такого положения было то, что профессиональные врачи, фельдшеры были, как правило, представителями русской национальности. Вместе с тем, среди татар большим грехом считалось показывать свое тело *каферам*, не мусульманам, особенно для женщин.

Население доверяло знахарям, так как помимо того, что врачеватели обладали обширными познаниями в области здоровьесбережения и различали большое число заболеваний, они выделялись среди остального населения своей грамотностью, знанием религиозной литературы и выступали как знатоки фольклора, истории народа.

Современными сибирскими татарами знахарь характеризуется как человек высоких нравственных ценностей, обладатель таких качеств, как жизнерадостность, находчивость, доброта, смелость, решительность, скромность, культура (речи), бескорыстие, приверженность к исламу. Он всегда был готов прийти на помощь (*«аврып китсәң, имцене йөгерткән»*).

Врачеватели в среде сибирских татар играли важную роль не только в системе здоровьесбережения, но и пользовались авторитетом в общине и, тем самым, влияли на социальную жизнь населения.

Там, где были религиозные учебные заведения, они выступали учителями веры. И даже в ситуациях, когда не требовалась медицинская помощь, а нужен был мудрый житейский совет, люди в большинстве случаев обращались к знахарям, которые в силу своих необычных способностей могли устанавливать связь с силами иного мира.

Особым уважением среди татар пользовались повивальные бабки, которые, как правило, являлись долгожительницами. В деревне, наряду с аксакалами и религиозными деятелями, они считались наиболее почитаемыми личностями. После родов *инәлек* с почестями увозили домой. Она становилась почти родственницей тем семьям, где принимала роды, ее приглашали на семейные праздники, давали *садака* и т.д. Каждая повивальная бабка помнила, скольких детей она приняла, причем, чем большей была цифра, тем почтеннее считалась повитуха.

Как было сказано выше, врачеватели не брали за свой труд плату, и врачебная практика не являлась для них единственной профессией и источником существования. В этой связи информанторы отмечают и тот факт, что целители владели и другими ремеслами, были людьми трудолюбивыми и жили зажиточно. Например, в Ялуторовском районе жила повитуха, которая зарабатывала на жизнь тем, что клала печи.

Диагностическая сфера была тесно связана с представлениями об этиологии заболеваний, которые в большинстве своем укладывались в общемусульманскую традицию, а также отражали специфику сибирского региона. Нередко поставить больному диагноз (пусть даже мистического характера) мог только целитель. Причем, часть болезней могли лечить простые люди, часть – лишь врачеватели.

Происхождение болезней сибирские татары, как и многие другие народы, связывали с влиянием сверхъестественных сил – духов болезней (*йел, албасты, татыран* и др.), злых духов, способных повредить здоровью человека (*чин-сәкмәт, шайтан, мәцкәй* и т.д.), а также сглаза, порчи (*күс тию, посым ясау*).

Наиболее распространенным сверхъестественным духом болезней среди татар юга Тюменской области считался *йел* (ветер, вихрь). Он представлялся в виде существа, способного проникать в организм человека. У заболотных татар были представления о схожих злых духах: *сөрхөвәт йел*, который они представляли в виде огненного шара, попав в него, человек заболевал или умирал и *йелбихә/йелбихән*, являющийся в образе женщины [Барсукова, 2004, с.138].

Болезни, связанные с *йел*, назывались *йел авру*, *йелләнеп киту*, *йелләну* (букв. ветреная болезнь). Симптомы этой болезни чаще соответствовали заболеваниям, связанным с расстройством нервной системы: бешенство, лунатизм, депрессия, апатия, а также болезням с неустановленной причиной (*тиктән тик аврыу*).

Персонифицировались и некоторые духи болезней, не причислявшиеся к высшему рангу. Так, трудные роды татары объясняли влиянием *албасты* – злого женского духа болезней, который представлялся в образе старой женщины безобразного вида. Он также мог нанести вред спящему человеку [Валеев, 1993, с.184]. Известно, что персонаж *албасты* встречается и у других народов: алтайцев (*албыс* – дух тяжелой болезни), тувинцев, узбеков, казахов и киргизов [Татары Среднего Поволжья, 1967, с.362].

Болезни уха объясняли проникновением духа *татыран* – носителя ушных болезней, для изгнания которого несколько раз повторяли слово «*татыран*» [Валеев, 1993, с.186].

Среди сибирских татар сохранились представления о некоторых болезнях, как о существах антропоморфных, чаще – в виде старухи. Например, считалось, что винов-

ницей или хозяйкой таких болезней, как корь (*кысылца*), дифтерия (*пыума*) и оспа (*цәцәй*) была старуха – *корткаяк*.

Из зловредных существ, способных причинить вред здоровью человека наиболее популярными являлись джинны (*чин-сәкмәт*, *йеннәр*), которые могли «прилипнуть» (*йабышаты*) к человеку.

На здоровье человека могли повлиять и такие существа, как *мәцкәй* (вампиры), которые как бы отнимали у человека силу; *әрваклар* (духи умерших людей), *еш кыслар* (лесные девушки), которые могли сильно напугать.

Мифический образ *мәцкәй* широко распространен в фольклоре тоболо-иртышских татар. В *мәцкәй* превращаются злые люди и те, кто нечист душой. Этот образ характеризуется как ненасытный, питающийся энергией другого человека, его кровью. Человек, повстречавшийся с *мәцкәй*, заболевал – начинал «сохнуть».

Навредить здоровью человека могли не только духи, но и другие люди, и даже животные. Вред мог быть причинен, в частности, в результате внезапного испуга. По мнению татар, душа человека (*кот*, *чан*) от испуга могла покинуть тело, и тогда только специалист *имце* или мулла при помощи заговора и соответствующего обряда мог вернуть ее на место.

Среди причин заболеваний немаловажную роль играет и человеческий фактор, который определяется как сглаз (*күс тию*) и порча (*посым ясау*). В сглазе обвиняли людей завистливых, но считалось, что сглазить можно и не желая зла другому. Даже мать могла сглазить собственного ребенка, излишне восхищаясь им, поэтому среди сибирских татар не принято было нахваливать своих детей.

Возникновение каких-либо несчастий и болезней объяснялось и наведением порчи (*посым ясау*). Порча насылается человеком в целях причинения ущерба здоровью. Людей, занимающихся порчей, называли *посымцы*. Вера в порчу восходит к шаманистическим представлениям: шаманы могли насылать беду, портить человека. Схожий болезнетворный эффект виделся сибирскими татарами в других формах человеческого влияния, выражавшихся через понятия *рәнҗү* (обида) и *каргау* (проклятие).

Наряду с перечисленными причинами заболеваний сибирские татары среди приоритетных указывают и естественные факторы, такие, как холод, жара, физический труд, травматизм и др. Эти факторы, начиная с середины прошлого столетия, в связи с ростом уровня образованности, вышли на первое место. Таким образом, вера в естественность причин заболеваний укрепилась.

Как указывает В.Я. Темплинг, «степень дифференциации народным опытом заболеваний определялась совокупностью нескольких факторов: четкостью симптомов, локализацией боли, доступностью логическому осмыслению связи между патологией и причинами ее вызвавшими, возможностью визуального наблюдения» [Темплинг, 1996, с.14]. Поэтому внешние повреждения имели большое число названий и определений, тогда как внутренние болезни описывались обычно обще и неопределенно.

Внутренние болезни, не имевшие четкой локализации, определялись как «*әҗ авры*», применялись для обозначения заболеваний желудочно-кишечного тракта, внутренних половых органов. Характерный пример из этого же ряда: «*күңел полгану*» от слова *күңел* (душа) и *полгану* (мутиться) – для обозначения тошноты. Некоторые болезни (головные боли, болезни суставов и т.д.) татары объясняли скоплением в организме человека «плохой крови» (*яман кан*).

Болезни, которые имели четкие внешние проявления, определялись по цвету, например, термин «*кысылца*» (от прилагательного *кысыл* – красный) применялся для обозначения высыпаний при кори. Исходя из внешней формы – короста называлась «*цәцәй*» или «*чәчәк*» (от слова *чәчәк* – цветок) – это слово использовалось и шире для

обозначения оспы. В названиях отражались представления о смещении органов – «*эҷ төшҷ*» – опущение органов области живота, «*паш төшҷ*» – сотрясение мозга.

Первоначальная диагностика болезней основывалась на симптомах в организме человека и определяла способ и средства лечения. Зачастую сибирские татары применяли комплекс мер, который включал несколько способов и средств.

Фитотерапия является наиболее популярным и доступным методом народной медицины. Анализ имеющихся данных подтверждает, что наиболее распространенными среди лекарственных средств, которые применяли тоболо-иртышские татары, были средства растительного происхождения. По наблюдению биологов региона «современным сельским татарам известно около 50 видов растений, лекарственные свойства которых до сих пор используются. Это обычно те растения, которые произрастают возле жилья или неподалеку от населенного пункта, где живут татары» [Кузьмин, 2009, с.93].

Использование растительного сырья сибирскими татарами носило комплексный характер. В народной медицинской практике сибирских татар использовались кора (*кабык*), корни (*тамыр*), листья (*яправк*), цветы (*цицәк*), плоды (*йемеш*), семена (*йем*), патологические наросты. Из растительного сырья готовились отвары, настои, мази, масла, порошки, чаи, морсы и др. Применяли также дым некоторых растений для окуривания помещений и лечения. Средства использовались для приема внутрь, а также в качестве примочек, ванн, компрессов, для натираний.

Для приготовления отваров и настоев сырье, как правило, измельчают. Для отваров измельченное сырье заливают кипятком, кипятят 10–15 минут и охлаждают до комнатной температуры, затем процеживают и пьют. При приготовлении настоев залитое кипятком сырье настаивают в течение нескольких часов.

Некоторым травам и кустарникам сибирские татары приписывали магические свойства и использовали их в качестве оберега (можжевельник (*артыш*), рябина (*миләш*), багульник (*шөкше*)). В отдельных случаях магические свойства приписывались душице (*йылыут, мәтрүшкә*), которую тюменско-туринские татары клали в детскую колыбель, завернув в синюю тряпочку, а также полыни (*полинь, әрем*), хранение которой в доме у тюменско-туринских татар считалось профилактикой порчи. Способность отгонять злых духов и оберегать дом приписывалась синеголовику (*тегәнәк*), который в виде букета подвешивался над дверью.

На протяжении столетий вырабатывались определенные навыки и правила сбора и сушки растений. Среди тюменских татар лучшим временем сбора трав считается период цветения. Травы собирали практически все лето, начиная с мая до начала августа, в зависимости от времени цветения того или иного растения. Целебные растения использовались в свежем виде или высушенными. Сушка производилась в затемненных и проветриваемых местах. Травы хранились в подвешенных пучках или мешочках.

Временем суток, которое считалось наиболее предпочтительным для сбора лекарственных трав, была первая половина дня (*төшкәҷә*). Данное правило, очевидно, связано с древними представлениями сибирских татар: в это время, как считали татары, растения полны сил и их не держит дух *Йерь-она* (мать Земля), связанный у древних тюрков с культом плодородия [Кадырова, 2003, с.85]. Курдакско-саргатские и тарские татары считали, что собирать травы на заходе солнца, то же самое, что лишать жизни животных. Это считалось унижением, оскорблением (*рәнҷетеу*) божественного мира: все живое готовилось ко сну, сонных, а также спящих не убивали. С приближением заката солнца татары связывали активацию инфернального мира, который мог проникнуть в вырванные из земли растения и лишить их лечебной силы [Кадырова, 2003, с.85].

Растения, которые активно использовались в народной медицине сибирских татар, в большинстве случаев входили в состав ежедневного рациона питания. Некоторые травы добавлялись в чай. Для этих целей особо ценились татарами душица (*йылыут*),

шиповник (*этпорын*), листья смородины (*карагат яп*рак) и малины (*астыган яп*рак). Душицу добавляли в чай в небольшом количестве (*пер цемцем*/одна шепотка) для аромата, ограничений в использовании листьев смородины и малины не было.

Среди заболотных татар сборы трав имели особое значение. В связи с территориально изолированным положением их поселений, затрудненной коммуникацией с «большой землей» у них не всегда оставались запасы чая. Поэтому здесь особенно широко в качестве заменителя чая использовали местные травы (ромашку, иван-чай, зверобой, душицу и т.д.), и даже те растения, что «росли рядом с домом», причем их часто называли общим термином *цай гөл* (чайные цветы).

При простудных заболеваниях лечение растительными средствами являлось практически основным способом. Среди всех групп сибирских татар высоко ценятся душица (*йылыут*), зверобой (*мәтрүшкә, сары мәтрүшкә*), листья смородины (*карагат яп*рак) и малины (*астыган яп*рак). При болезнях дыхательных путей широко применяли мать-и-мачеху (*үги анна япрагы, пака япракгы*). Ромашка в этномедицине является универсальным средством и применяется для лечения многих болезней. Сибирские татары широко применяли ее в сборах при простудных заболеваниях как асептик для промывания ран, как косметическое средство для избавления от угревой сыпи (*цебецке*), для полоскания волос.

Одним из популярных лекарственных средств является подорожник, который имеет несколько вариантов названия: *татлы кавак* [Валеев, 1993, с.164], *утарца, утаун, утауцы яп*рак, *кутарца яп*рак, *юл яп*рак, *йара йап*рак. Его применяли при одышке (*тын кысу*) и тяжелом грудном кашле (*йөткерү*), а так же при лечении ран (*йара*) и порезов на коже, мозолей. Подорожнику приписывали вытягивающие свойства, его активно использовали для лечения опухолей, нарывов (*шеш*), фурункулов и чирьев (*цыйган*).

Среди всех групп сибирских татар для лечения болезней желудка (*ашкасан аурыса*), кишечных расстройств (*эц китсә*), а также для стимуляции аппетита активно применялась полынь (*әрем, полинь*). Пили отвар полыни небольшими дозами перед едой. По материалам некоторых исследователей, тюменско-туринские татары лечили отваром полыни золотуху, простуду, желтуху. Мылись отваром горькой полыни при чесотке (*кыцыу*) [Валеев, 1993, с.165].

Из-за своего сильного едкого запаха полынь использовалась для дезинфекции как отпугивающее средство от насекомых (мух, моли). С этой целью ее раскладывали по углам комнат. «Отпугивающие» свойства полыни применялись и в целях защиты от потусторонних сил.

Тысячелистник (*меңъяпрак*) особо ценился сибирскими татарами. Ему приписывали лечение широкого спектра болезней и использовали при гинекологических и простудных заболеваниях, как противовоспалительное и кровоостанавливающее средство при болезнях желудка, печени, дыхательных путей и т.д.

Активно применялась среди сибирских татар крапива (*кыцыткан*). Отвары и настои крапивы использовали как внутрь, так и наружно (*кыцыткан сыу*). Весной из молодой крапивы тюменские татары готовили суп (*кыцыткан шурба*), что являлось отличной профилактикой авитаминоза. Заболотные татары использовали настой крапивы при болезнях легких (*үпкә аврыу*). Для лечения сильного кашля тарские татары вдыхали дым жженых стеблей крапивы.

Кроме того, крапиву, особенно молодую (*яшь кыцыткан*), использовали при болезнях опорно-двигательного аппарата: простуженные ноги парили в отваре, прогревали поясницу, при ревматизме натирали конечности настоем, а также к больным местам прикладывали молодые листья, ошпаренные кипятком.

Крапиву применяли и для лечения детских заболеваний. Например, тарские татары купали детей в отваре молодой крапивы [Кадырова, 2003, с.96]. Среди тюменских

татар крапиву использовали для лечения расстройств мочевыделительной системы (*сейеп яту*) у детей. Для этого свежие стебли крапивы заваривали кипятком прямо в бане, разбавляли холодной водой и в этот раствор сажали детей прогреваться (*кыцыткан сыуга утысу*).

Сибирские татары так же употребляли лопух (*атракман/әтракман, әрекмән*) при лечении различных заболеваний. Растение преимущественно использовали в свежем виде, в основном листья, сок из листьев и корень. Лопух активно применяли при лечении опухолевых заболеваний (*шеш аврыулар*), при злокачественных опухолях, при болях в сердце (*йөрәк аврыса*). Барабинские татары корень лопуха называли *цоцхутамыр* и использовали его как средство от болезни печени [Архив МАЭ ОмГУ, ф.I. д.27. л.206].

Одуванчик (*сары чәчәк*) применяли при болезнях желудка, для этого пили сироп из одуванчика. Настой одуванчика на одеколоне использовали для растирания (*сылау*) больных суставов (*пыуннар сыслау*), груди при болезни легких, а так же использовали как ранозаживляющее средство при ранах и порезах.

Багульник (*шөкше*) нашел широкое применение в болотистых регионах. Заболотные татары пили настой из него при болях в печени (*паур аврыса*), при кожных высыпаниях. Сухие ветки раскладывали по углам комнат для борьбы с молью. Отваром багульника тюменские татарки полоскали волосы. Барабинские татары багульник использовали как средство от одышки [Архив МАЭ ОмГУ, ф.I. д.31. л.53].

Сибирские татары, как и другие тюркские народы (алтайцы, поволжские татары и др.), высоко ценили целебные и магические свойства можжевельника (*артыш*). Его дым применялся не только в магических целях для изгнания болезни, но и как средство, обеззараживающее помещение перед родами. Окуривали им и детскую колыбель, когда ребенок болел.

При болезнях желудочно-кишечного тракта тобольские татары пили настой из хвои и коры можжевельника, для этих целей использовали также отвар коры осины (*аусак/усак*). Заболотные татары отваром можжевельника (*артыш сыу*) омывали тело, протирали при некоторых заболеваниях глаза. При болях в суставах (*сөяк сысласа*) принимали ванны (*артыш сыуга утысканнар*) или делали компрессы из отвара. Как лекарственное средство использовали плоды можжевельника (ягоды, семена). Масло из семян можжевельника втирали в тело при простуде. Также при простуде тобольские татары пили сироп из ягод можжевельника.

Береза (*каен*) имеет огромное значение в бытовой жизни многих народов. Распространенными среди тюркских народов были представления о магических свойствах березы. Тоболо-иртышские татары для магического обряда изгнания болезни вместо распространенного можжевелового дыма использовали и дым березы.

Отвар березовых листьев (*каен япрак*) пили при простуде, листья использовались также в сборах. Тюменские татары применяли листья березы для лечения фурункулов и угревой сыпи, для этого их смазывали сметаной и прикладывали на больное место. Деготь (*тус май*) использовали для лечения кожных заболеваний. Заболотные татары употребляли деготь при болях в животе.

Среди заболотных татар при лечении кожных заболеваний особо ценились семена белены (*күгәнтеш, аскыргак*). Для лечения чесотки (*кыцыу*) брали эмалированный таз, на дно наливали небольшое количество воды, затем на него ставили два раскаленных кирпича. На кирпичи сыпали семена белены, которые начинали дымиться. Больной вставал над тазом, сверху его укрывали одеялом по шею, нужно было постоять в этом дыму несколько минут. Так из организма выводился чесоточный клещ, причем вышедших насекомых, по рассказам, можно было даже потом разглядеть на дне таза. В зависимости от ситуации процедуру проводили повторно. Данный метод применяли и

для лечения других кожных высыпаний (при аллергии, угрях и т.д.), так как считалось, что виной любого зуда на коже являются насекомые (*корт*).

Учитывая мнение современной медицины о том, что белена относится к растениям, ядовитым по своей природе, необходимо акцентировать внимание на том, что применение белены возможно только наружно. Хотя Ф.Т. Валеев отмечает что, семена белены считались болеутоляющими при болезни зубов, т.е. применялись внутрь [Валеев, 1993, с.165]. Также есть случаи использования заболотными татарами внутрь семян волчьего лыка в качестве средства против простуды.

Шиповник в фармакологии известен как поливитаминное средство [Фармакогнозия, 1991, с.145–149]. Плоды шиповника (*этпорын*) тюменские татары собирали и перекручивали в мясорубке, затем сушили в виде брикетов и хранили в темном месте в тряпичном мешке. В зимнее время заготовки добавляли в чай или пили отдельно. Такой чай пили с молоком. В лечебных целях также использовали корень шиповника, отвар которого пили при воспалении легких [Кадырова, 2003, с.100].

Часто от простуды применяли сборы из листьев малины, смородины, плодов шиповника. Тобольские татары использовали при простудах такой сбор: цветки липы (*югә*), листья березы (*каен апрак*), листья малины (*астыган япрак*).

В рационе питания сибирских татар особое место занимают лесные ягоды, такие, как клюква, бусника, земляника, малина и смородина; плоды черемухи, рябины, калины. Ягоды заготавливали на зиму в виде варений, компотов, замачиваний, замораживания. Многие из них используются как лекарства. В качестве лекарственного средства часто применяется растение целиком, листья, стебли и ягоды.

Ягоды и листья смородины (*карагат япрак*) и малины (*астыган*) активно использовали при лечении и профилактике простудных заболеваний.

Брусника (*цея, кыр цея, кысыл цея*) – одна из любимых ягод сибирских татар. Ягоды брусники заготавливают впрок в виде варений, а также замачивают, что позволяет сохранить полезные вещества и витамины. Брусничный сок применяли при лечении головной боли (*паш аурыса*) и при общей утомляемости организма (*кәлсеслəнү*), при простудных заболеваниях, а также при большой потере крови. Целебность брусничного сока, как кровостанавливающего средства, курдакско-саргатские татары объясняли тем, что цветом сок похож на кровь [Кадырова, 2003, с.97]. Более целебными считались листья и стебли брусники (*цея япрак, цея сап*), которые заваривали и пили как мочегонное при болезнях мочевыделительной системы.

Клюква (*торнагүс, мөк цея, сас цея*) высоко ценится среди всех групп сибирских татар. Ее заготавливали в больших количествах, так как она активно использовалась в питании. При простуде широко применяли горячий морс из клюквы (*мөк цея*). Его давали обычно перед сном, чтобы больной мог сразу укрыться одеялом и пропотеть.

Ягоды черемухи (*муел*) использовались для лечения кишечных расстройств. Для лечения диареи (*эц китү*) ели ягоды с косточками или пили отвар из них.

Особо среди сибирских татар ценилась калина (*мыцыр, палан*). Морс из ягод пили при болезнях сердца, также считалось, что калина нормализует давление. Отваром листьев и ягод калины лечили одышку и кашель.

Землянику (*сөр йелəк*) для лечебных целей рвали целиком. При лечении простудных заболеваний заваривали ее стебли и листья, для профилактики добавляли в чай. Барабинские татары при диарее использовали горсточку сушеной земляники – ее съедали, не запивая [Архив МАЭ ОмГУ, ф.I. д.31. л.175].

Сибирские татары отмечают пользу плодов рябины (*урыс мыцыр, милəш*) и боярышника (*тулана*). Из этих ягод делали компоты, которые употребляли для профилактики сердечных заболеваний. Отвар рябины применяли при одышке. Настой цветов боярышника пили при повышенном давлении три раза в день по полстакана.

Настойки на спирту и на других содержащих алкоголь жидкостях среди сибирских татар начали делать также с середины прошлого века. В основном рецепты были заимствованы у русского населения, а в последующие годы – из популярной литературы и средств массовой информации. Настаивали чеснок, мухомор и некоторые цветы.

Широко применяли и растительные масла (*соек май*) в качестве средства для растирания и массажа. Для растирания детей подсолнечное масло сначала доводили до кипения, остудив, использовали по назначению. При систематических головных болях делали массаж, смазывая макушку больного конопляным маслом [Валеев, 1993, с.166].

Большое значение в лечебной практике тоболо-иртышских татар занимали и средства органического происхождения. Применяли молоко, сметану, масло сливочное (чаще топленое), животный жир, нутряное сало, шерсть и желчь как домашних, так и диких животных.

Хорошим противопростудным средством сибирские татары считают чай, заваренный в горячем молоке, куда кладется соль (*тос*), сливочное масло (*сөт май*) и черный перец – *шырцай*. Данный способ широко распространен среди азиатских народов и, по мнению Ф.Т. Валеева, *шырцай* был заимствован сибирскими татарами у бухарцев [Валеев, 1993, с.166]. На молоке также делают отвар из трав (зверобоя, душицы и т.д.), его пьют горячим на ночь при простуде.

На основе молока готовят прогревающие смеси для лечения органов дыхания у детей. Тобольские татары для лечения ангины (*тамак шешсә*) и пневмонии (*үпкә аврыу*) на теплом молоке заводят тесто, его раскатывают в небольшую лепешку, прогревают и прикладывают на шею и грудь, затем плотно укутывают ребенка.

При растираниях суставов и общем массаже тела (*сылау, сыланыу*) использовали различные масла растительного и животного происхождения.

При опущении органов живота для массажа применяли сливочное (*сөт май*), в том числе, топленое масло (*эретелгән май, сары май*).

У сибирских татар новорожденному в первый раз (или сразу после родов) губы смазывали топленым маслом или медом, что являялось профилактикой молочницы и заболеваний желудочно-кишечного тракта.

При женских болезнях использовали гусиный жир (*кас май*), топленое конское сало и нутряное сало некоторых животных. Гусиный жир считался эффективным средством при ожогах и обморожениях.

Нутряным салом (*тоң / туң май, эҗ май*) животных сибирские татары чаще лечили простудные заболевания. Особенно эффективным при лечении тяжелых болезней дыхательных путей считалось нутряное баранье сало (*куҗкарның эҗ мае*). Его пили в горячем виде при сильном грудном кашле.

Лисье сало (*төлге май*) заболотные татары употребляют при болях в печени (*нөер аврыса*), а медвежий жир (*аю май*) применяют при болезни желудка.

Широкое применение нашло использование барсучьего жира (*пурсык май*). Лечение барсучьим жиром туберкулеза практикуется в народной медицине многих народов. Тоболо-иртышские татары употребляют барсучий жир при болезни желудочно-кишечного тракта, воспалении горла (*тамак шешсә*).

Тобольские татары принимают собачье сало (*эт май*) при простуде, тюменские татары употребляют мясо собаки (*этнең ите*) при туберкулезе.

Хорошим лекарственным средством считался рыбий жир (*палык май*). Его пили при болезнях брюшной полости (*эҗ аврыулар*) по одной ложке в день.

Также в лечении использовали и шерсть (*йөн*) животных. Шерсть овцы (*куй йөн*) в основном использовали для лечения больных суставов (*сөяк сыласа*), вывихов (*аякны пора пассаң, кулың цыкса*). Практически все группы сибирских татар при помощи шерсти делали компрессы.

Очень эффективным средством при растяжениях и вывихах считали овечью шерсть: предварительно выдержанную в горячей подсоленной воде (*шурпакта,* от слова *шур* – соленый, *пакта* – вата) горячую шерсть клали на больное место, часто добавляли в нее яичный желток [Валеев, 1993, с.166].

Паленой овечьей шерстью посыпали и открытые раны. Для быстрого заживления курдакско-саргатские татары при сильно кровоточащих ранах применяли окуривание шерстью (*йөн төтәтү*) [Архив МАЭ ОмГУ, ф.I. д.31. л.174].

Не менее полезной считалась овечья шкура (*куйның тиресе*), тоболо-иртышские татары ею лечили боль в пояснице (*пил аврыса*). Курдакско-саргатские татары после лечения поясницы в бане заворачивали больного в шкуру только что зарезанного барана, и он лежал так не менее часа [Кадырова, 2003, с.74].

Заболотные татары чирьи и фурункулы смазывали сливочным маслом или сметаной и накладывали сверху заячью шкурку (*куян тире*).

Сибирские татары использовали целебные свойства собачьей шерсти (*этнең йөне*), которая считалась очень теплой. В целях профилактики простудных заболеваний носили одежду из этой шерсти, шалью из нее прогревали поясницу, при головных болях носили шапочки и платки. Кроме того, лечебной считалась и слюна собаки. Раны на теле заживали быстрей, если их облизывала собака.

Лечение кровью животных не нашло широкого применения среди сибирских татар, так как ислам запрещает употребление крови животных. Но у некоторых групп татар сохранился метод лечения кровью птиц. Например, ялуторовские татары для того, чтобы избавится от эпилепсии (*ошлама*), пили свежую кровь дятла (*тукранның каны*).

Эффективным средством лечения считали желчь диких и домашних животных, птиц, рыбы. Ррастворенную в воде гусиную желчь (*каснын үте*) применяли для полосканий горла, тряпочку, смоченную в растворе коровьей желчи (*сыернын үте*), прикладывали к абсцессам. Заболотные татары медвежью желчь, растворенную в воде (*аюнын үте*), принимали небольшими порциями при болезни органов брюшной полости (*эц аврыулартан*). В тех же целях татары Омского Прииртышья применяли рыбью желчь (*палыкнын үте*) [Кадырова, 2003, с.77].

Среди всех групп сибирских татар была развита гирудотерапия (*сөлек утысу*). В народной среде выделялись умельцы добывать и применять пиявки. Использование пиявок охватывает широкий спектр заболеваний: растяжения, вывихи, ревматизм, болезни травматического характера, зубная боль, давление. По представлениям народа многие болезни (головные боли, шум в ушах, ухудшение зрения, боли в суставах и в пояснице, различные опухоли) являлись результатом накопления в организме человека «плохой крови», которую способна была высосать пиявка. На сегодняшний день данный метод сохранился в основном среди татар, проживающих в отдаленных регионах.

Средства минерального происхождения среди сибирских татар применялись в меньшей степени, но следует отметить, что данные средства использовались в качестве дополнительного как при рациональных, так и при магических способах лечения. В основном они использовались как обеззараживающие и кровоостанавливающие средства.

В арсенале народных средств лечения тоболо-иртышских татар важное место отводится соли (*тос*). Соль считалась хорошим обеззараживающим средством. Ребенка в первый раз купали в подсоленной воде (*шурлы сыу, тослы сыу*), а затем в течение сорока дней купали ежедневно, чередуя теплую мыльную воду с подсоленной. Подсоленная вода использовалась с целью профилактики гнойничковых кожных заболеваний. Нагретую соль использовали для согревания, при гайморитах ее клали на лоб и нос в области носовых пазух, на грудь – при ларингитах и бронхитах. В соленой воде омывали больные суставы.

Кроме целебных свойств сибирские татары приписывали соли и магические. Так, соль применяется в обрядах против сглаза, в заговорах соль упоминается как средство, способное уносить недуг: «*тос пулып цацрап китсен / пусть рассыпаются как соль*».

В народной медицине широко применяли медный купорос (*күк таш*). Его использовали как ранозаживляющее средство и считали очень целебным, приписывая ему и магические свойства. *Апталы* им посыпали ранку после процедуры обрезания. Ялуторовские татары медным купоросом лечили трахому, коросты, которые появлялись на коже детей. Со слов информаторов известно, что в прошлом при помощи медного купороса лечили оспу. Для этого из него делали «сигаретки», которыми осторожно обдували болячки.

Древесная зола (*көл, пыр*) являлась одним из наиболее часто применяемых лечебных средств. Сибирские татары применяли раствор древесной золы (*селтә*) как противозудное средство. Для этого золу кипятили вместе с водой и давали отстояться. Белой частью золы (*көлнен агы*) лечили герпес (*авыска цебецкә цыкса*) на губах. Золу применяли для лечения ревматизма и радикулита, в качестве прогревающего средства клали в мешочках на поясницу.

Как и соли, золе приписывали магические свойства и применяли ее при лечении для изгнания, «вытряхивания» болезни (*көл белән какканнар*).

Серебряную монету (*көмеш акца*) применяли повивальные бабки, при перерезании пуповины ребенка. Бабасанские татары скоблили серебряные изделия и запивали водой при повреждениях позвоночника (*пилне өстерсән*), а медную монету (*пагыр акца*) применяли также при переломах (*сөяк сынса*). Медную пятикопеечную монету клали на пупочную грыжу ребенка и перевязывали, в данном случае монета использовалась и как механическая поддержка внутренних органов.

При недостатке кальция в организме дети часто ели глину, которой мазали печь (*палцык кимерү*), у сибирских татар этот недуг устраняли тем, что в чистом месте находили голубую глину (*күк палцык*), сушили ее, затем толкли и просевали через сито. В эту глиняную муку добавляли молоко и делали небольшие лепешки, которые давали детям, пока те «не наедятся».

К основным способам лечения можно отнести навыки сибирских татар в области фитотерапии, физиолечения, хирургии и мануальной терапии.

Распространенными являются такие приемы как, компрессы, обертывания, сухие прогревания органов дыхания средствами животного и минерального происхождения, а также водные процедуры в бане.

Основным местом проведения физиопроцедур является баня, которая с давних пор была неразрывной частью жилищного комплекса у тюркских народов [Никонова, Кандрина, 2003, с.29].

Сибирскими татарами баня ценится как средство для поддержания чистоты тела, снятия усталости после физической работы. В то же время баня широко применялась для лечения простудных, кожных, травматических и других заболеваний.

По рассказам наших информаторов в середине XX в. в деревнях имелись крепкие пожилые женщины, которые купали детей в бане. Они мыли детей всей родни (*тогым*), а то и всей деревни. Это, скорее всего, связано с тем, что бани были не у всех, а детей старались чаще мыть в бане.

Для лечения заболеваний опорно-двигательного аппарата, смещения внутренних органов сибирские татары активно применяли мануальную терапию: вправление суставов (*сөякне урнына утысыу*), растирания и массаж (*сылау*) определенных органов или областей тела. Иногда растирания и массажи сочетали с компрессами и водными процедурами.

При лечении смещений и опущений внутренних органов мануальную терапию совмещали с физиотерапией, основным было тепловое воздействие. Так, например, среди всех групп сибирских татар при опущении органов (*эҗ йылыу*) массаж делали преимущественно в бане.

Распространенным был способ поднятия органов при помощи глиняного горшка (*цулмәк куптереп*), в более позднее время с этой целью стали использовать эмалированную посуду. Данный способ был эффективным при лечении не только женских болезней, но и мужчин при надсаде.

Для лечения кожных заболеваний, таких как сыпь, аллергия, чесотка, применяли обтирания, обливания отварами трав и растворов минеральных средств (соль, щелок, медный купорос), использовали окуривание семенами белены.

Среди народных медицинских знаний тоболо-иртышских татар в меньшей степени представлены способы лечения заболеваний сердечно-сосудистой системы. При давлении и болезнях сердца применяли отвары растительного происхождения (из калины, рябины, боярышника), лечение пиявками. Эффективным способом лечения при испуге или стрессе считался массаж сердца, который делали легким похлопываниями в области сердца и головы, сопровождая чтением молитвы или заговора (*әпләү, әпкорыклау*).

Головные боли часто объясняли смещением головного мозга (*паш төшү, мия авып куяты*), даже если человек не получал травму, и лечили так же, как при сотрясении мозга. Для этого обращались к специалистам, умеющим «править голову» (*паш үлцәүцеләр*), которые проводили магический обряд, сочетающий в себе способ мануального воздействия.

Сначала знахарь брал лыко или любую другую нить и обвязывал вокруг головы, затем делал метки древесным углем (*күмер*) или карандашом возле ушей, посередине лба, по линии позвоночного столба с задней части головы. Затем по меткам определял, в какую сторону произошло смещение. В этом направлении слегка тряс голову, прижимая ее к своей груди, или делал вращательные движения, читая заговор. Лыко отдавалось больному, чтобы тот его порвал и поплевал на него три раза, приговаривая «*Бисмилла ир-рахман ир-рахим*». Затем знахарь водил этим лыком вокруг головы по часовой стрелке, приговаривая: «*Ләиллахым Аллам. Имләгәнем им пулсын. Аллам шивасын пирсен*». После чего давал больному опять поплевать. Процесс повторялся три раза, лыко трижды топтали ногами, приговаривая «*Бисмилла…*».

Навыки оперативного вмешательства применялись для лечения недомоганий, связанных с головной болью, болезнями суставов, которые объясняли скоплением в организме человека «дурной крови» (*яман кан*). Поэтому такие болезни лечились кровопусканием. Для этой процедуры проводили кончиком острого складного ножа (*пәке*), делая насечку на вене больного и выпуская кровь [Валеев, 1993, с.166].

В более ранний период для пускания крови применялись в качестве медицинского инструмента челюсти щуки. Челюсть щуки, как медицинский инструмент, значилась среди археологических находок В.Пигнатти на месте столицы Сибирского ханства – Искера [Пигнатти, 1915а, с.67]. Возможно, этот способ был заимствован у ханты (остяков) [Источники по этнографии, 1987, с.208].

При удалении зубов также применялся хирургический метод, для этого использовали плоскогубцы. Процесс доверяли определенным людям, которые умели ловко и безболезненно выдернуть зуб. Для лечения зубов применяли отвары из трав, а также гирудотерапию.

Хирургию применяли и при лечении глазных болезней. Катаракту осторожно скоблили при помощи стеклышка, которое предварительно дезинфицировали над огнем.

Среди народных медицинских знаний сибирских татар важное место отводится способам сохранения здоровья женщин и детей, так как они, по наблюдениям народа, наиболее часто подвергались болезням.

Бездетную женщину тоболо-иртышские татары называли *корык* (сухая), *орлыксыз* (без семени). Как видно из представленных номинаций, все эти термины означают невозможность продолжения жизни, в них заложено негативное отношение к бездетности. Одним из распространенных способов лечения бесплодия был массаж живота (*эҗне сылау*), который делала знахарка или повитуха.

Например, среди тобольских татар бытовал такой метод: три дня подряд топили баню, которую необходимо было посетить страдающей бесплодием женщине после близости с мужем. Повивальная бабка проводила следующую процедуру: в области пупка она ставила блюдце, на котором поджигала вату и тушила ее, чтобы та начала тлеть, затем повитуха накрывала область живота эмалированной миской. Считалось, что она «подтягивала» пациентке живот, способствуя тем самым оплодотворению.

Бесплодные женщины прибегали и к магическим приемам, таким как ношение различных амулетов (например, в виде написанной муллой молитвы на бумаге), посещения святых мест и т.д. Тоболо-иртышские татары в этом отношении особо ценят Баишевскую Астану, где рядом с шейхом Хакима-Ата похоронена его легендарная жена Амбар-Ана, в память о которой бездетные женщины дают *садака*, а также устраивают *аш* – угощение.

Среди тоболо-иртышских татар каких-либо ограничений в пище для беременной женщины (*йөкле, корсаклы*) не выявлено. Напротив, бытует поверье, что беременной нужно обязательно съесть то, что она вдруг захочет, а если она не сделает этого или постесняется попросить желаемое, то это может плохо сказаться на здоровье ее ребенка.

Роды и послеродовый уход – очень важный процесс для матери и ребенка. В среде сибирских татар женщина во время беременности наделялась святостью. Помочь беременной или услужить ей считалось *савап*, то есть богоугодным делом. Поволжские татары говорят, что даже взгляд на печную трубу дома, в котором идут роды, является богоугодным [Этнография, 2004, с.135]. У сибирских татар так же, как у поволжских, роды проходили только в чистой половине дома, а сам процесс родов называли *асыраҥу* (родить), *күс йару* (*күс* – глаз, *йару* – проколоть, родиться, появиться на свет), *күс йартыру* (*йартыру* – проколоть при помощи кого-либо). Ф.С. Баязитова этимологию этого же термина объясняет несколько по иному: *күсе йару* (*күсе*, от *кузы* – ягненок) [Баязитова, 2005, с.31].

Принимала роды повивальная бабка или опытная пожилая женщина. Все делалось для того, чтобы облегчить муки женщины, поэтому были изобретены и механические приспособления для облегчения родов. Повитуха принимала ребенка подолом чистого платья, не прикасаясь руками. Благополучный исход родов при использовании такого способа напрямую зависел от искусства повивальной бабки, которая после родов нередко оставалась на некоторое время (неделю или две) или часто посещала молодую мать, чтобы сделать женщине послеродовый массаж и научить первым навыкам ухода за новорожденным.

Важной процедурой в процессе родов было перерезание пуповины (*кентек*), которую мерили по размеру фаланги большого пальца. Обычно это делалось ножницами, но иногда повивальная бабка перегрызала (*цәйнәп*) ее зубами. Данный способ, по мнению информаторов, являлся профилактикой грыжи у детей и способствовал скорейшему восстановлению женщины после родов. Сибирские татары использовали серебряную монету, на которой перерезали пуповину ножом, затем пуповину обрабатывали мазью.

При помощи массажа живота (*юлтап цыгарган*) повитуха помогала выйти последу (*соң*), она осматривала послед на предмет целостности, чтобы оставшийся внутри мат-

ки кусочек последа не вызывал серьезных заболеваний. Немаловажным было и то, как поступали с последом. Например, татары считали, что послед мог обрести душу и «ожить» (*ияләнеп китүе пар*). Поэтому обычно его заворачивали в тряпку и закапывали где-нибудь в чистом месте во дворе, в некоторых деревнях его хоронили на кладбище.

Обычай заворачивать пуповину ребенка в тряпку или кожу и хранить в щели между матицей и досками потолка связан еще и с доисламскими верованиями тюрков в божество Умай (Ымай), которое представлялось неким духовным началом, находящимся в человеке и поддерживающим его физические и духовные силы. Умай отождествляли с пуповиной ребенка [Валеев, 1993, с.178].

В случае выкидыша с особой осторожностью относились к эмбриону, его хоронили на кладбище, прочитав молитву. Если выкидыш происходил на позднем периоде беременности, то полагалось проводить похоронный обряд, предварительно нарекая неродившегося ребенка.

В процессе родов большое внимание уделялось и санитарно-гигиенической подготовке помещения перед родами. Комнату, где находилась женщина, окуривали дымом, для этого сибирские татары использовали природный фитонцид – чагу или можжевеловую ветку.

В системе послеродового ухода за новорожденным и роженицей важное место отводится бане, сибирские татары в течение первых сорока дней жизни ребенка ежедневно топили баню.

До 80-х гг. XX в. среди заболотных татар существовал обычай «прикладывания ребенка к груди» другой женщины (*палага авыз ацтыру*). Этот процесс доверялся женщине, у которой уже был грудной ребенок, она вскармливала ребенка четыре дня. Впоследствии эту женщину называли *цөц инә* или *имцәк инә*, она становилась молочной матерью ребенка. Возможно, этот обычай восходит к аналогичному обычаю у тюрков и монголов золотоордынского периода, представленный «институтом имельдяшей (молочных братьев)», как способа установления родства между двумя родами [Исхаков, Измайлов, 2007, с.163–164].

Первые три месяца ребенка туго пеленали, чтобы предохранить его конечности от искривления. Считалось, что тугое пеленание способствует спокойному сну малыша, а также благотворно влияет на нервную систему.

Колыбели сибирских татар (*сәлтеп, шәлтеп, пишек*) в основном были изготовлены из березы, на бортики натягивалась ткань (подобно гамаку). Колыбель была достаточно свободной, поэтому тугое пеленание было необходимым. Крепилась колыбель к потолку рядом с постелью родителей. Вместо березы в некоторых регионах проживания сибирских татар старались использовать можжевельник.

В колыбель у изголовья ребенка клали предметы, способные отгонять злых духов: Коран, можжевеловую палочку или нож. У всех групп сибирских татар с этой целью украшали колыбель маленькими подушечками треугольной или четырехугольной формы, которые были сшиты из цветной ткани. Данное украшение служило одновременно оберегом и игрушкой.

С самого рождения ребенка начинали оберегать от сглаза (*күс тею*). Во время прихода гостей лоб ребенка смазывали золой (*пыр*), сейчас вместо золы стали использовать губную помаду. На шапочку нашивают бусинку синего цвета (*күк таш, күк мунцак*), маленькую веточку можжевельника (*артыш*) или рябины (*миләш*). Девочкам в косы вплетались ленточки ярких цветов.

От сильного сглаза тобольские татары проводили следующую процедуру: в синюю тряпочку завязывали семь узелков с солью, каждым узелком проводили по телу ребенка с головы до пят, при этом читали молитву, например, «*Бисмилла-ир-рахман ир-рахим*». Далее эту тряпочку кидали в горящую печь со словами «*Минем паламны*

күсләгән кешенең күсе тос пулып төрле якка цацрап китсен» / Пусть глаза того, кто сглазил моего ребенка, как соль рассыпятся в разные стороны. Существовал упрощенный вариант: в синюю тряпочку завязывали узелок с солью, и, читая заговор «*Күслəгəннең күсе төшсен, теллəгəннең теле төшсен*» / Пусть выпадут глаза и отсохнет язык у того, кто сглазил, проводили по всему телу ребенка.

Детскую грыжу (*пөкләсен*) сибирские татары лечили способом мануального воздействия, которому придавали магическое значение. Специалисты по лечению грыжи у детей делали надкусывающие движения ртом (*авыс пелән имләү*), имитируя перерезание пуповины, слегка надавливали вдоль и поперек на живот ножом, который был завернут в тряпку (*пыцак пелән кистерү*), в некоторых районах вместо ножа использовали топор, при этом нужно было читать молитву.

Одним из значимых для мусульман является обряд обрезания, который проводили, когда мальчику исполнялось три-четыре года. Информаторы отмечают, что вплоть до 70-х гг. прошлого столетия после обрезания детям практически никакой медицинской помощи не оказывалось. Единственным кровоостанавливающим средством считался порошок древесной гнили, которым посыпали рану ребенка, для обеззараживания использовали также порошок медного купороса (*күк таш*), а в последние десятилетия функционирования обряда обрезания на дому *апталы* применяли порошок стрептоцида и мази.

Тяжелые болезни с неизвестной этиологией или осложнения обычных болезней народ часто объяснял воздействием сверхъестественных сил и поэтому основными способами лечения таких болезней были магические, либо основные способы дополнялись магическими действиями.

Симптомы таких болезней, как паралич, сумасшествие, бешенство, лунатизм и т.д. соответствовали представлениям тоболо-иртышских татар о *йел аврыу, йелләнү* («ветреной болезни»), *чин-сәкмәт куелыу, шайтан кагылу* (проникновение злых духов в организм человека). Соответственно лечение таких болезней заключалось в изгнании злых сил, их породивших. Считалось, что болезнь можно заставить покинуть тело больного. С этой целью использовались следующие обрядовые действия: заговаривание (*өшкерү*) вытряхивание *(кагыу)*, отстреливание (*аттыру),* поджигание пороха (*порох көйтерү*) и окуривание (*көйтерү, төтәтү*) как способ изгнания дымом.

Самым распространенным способом был обряд *өшкерү*, когда молитвами из Корана заговаривалась вода. Данный обряд проводил преимущественно мулла. При болезнях сердца также обращались к мулле, который писал на тарелке синими чернилами молитвы «Аятель-Курси» «Кольху-Алла», ополаскивал ее водой, заговаривал и давал попить больному.

Обряд вытряхивания *(кагыу)* заключался в следующем: больного сажали на стул посередине комнаты, которую окуривали. Для окуривания использовали можжевеловый или березовый веник. Затем таким же веником или мужскими брюками слегка били пострадавшего, имитируя движения, выгоняющие из тела злой дух. При этом весь процесс сопровождался чтением аятов из Корана. Обряд проводился в темное время суток, это объяснялось тем, что изгнанный дух мог удариться об другого человека.

Бытовал и другой способ *кагыу*: больного укладывали, покрывали простыней, посыпали золой и хлопали по телу ладонью, как бы вырывая болезнь, затем эту простыню вытряхивали на улице со словами «*көл пулып оцып китсен»* / пусть болезнь улетит как зола.

Способ вытряхивания с помощью золы в более раннее время применяли при лечении болезни *уйнатма* (от слова *уйнау* – плясать), этой болезнью страдали женщины – они сходили с ума.

В Вагайском районе Тюменской области был записан следующий обряд при лечении этой болезни: мулла при помощи музыкального инструмента (по словам одного

информатора, это была скрипка) заставлял плясать больную женщину, пока та не упадет без сил и не отдаст кость, которую прятала. Исцеление наступало только тогда, когда она отдавала эту кость. Скорее всего, причиной данной болезни считался также злой дух, который вселялся в больную.

Л.Р. Сурметова в своей статье, посвященной фольклору сибирских татар, также подробно описывает данный обряд: с целью изгнания болезни на скрипке или других музыкальных инструментах (типе, кубызе или гармони) исполнялась мелодия «*Шайтан могамы*» в редком фольклорном жанре «могам».

В Тобольском районе Тюменской области также бытовал другой вариант изгнания болезни при помощи музыки: больного тепло одевали и выводили на низинный участок в середине аула и под звучание (также на каком-либо музыкальном инструменте) мелодии «*Шайтан могам*» напевали «полубессмысленные слова, которые знали в ауле многие» [Сурметова, 2004, с.61].

Кроме обряда *кагыу* для лечения болезней использовали и запугивание, для чего жгли рядом с больным порох (*порох көйтерү*), а также стреляли из ружья (*аттыру)*. У заболотных татар стреляли из ружья сзади над плечом больного, так как считалось, что злой дух *әрвак* цепляется на спину (*йелткәгә ябышат*) человека. Этот обряд так же сопровождался чтением мусульманских молитв.

Традиционным для всех групп тоболо-иртышских татар является лечение испуга (*әпләү, әпкорыклау*), которое сочетает в себе магические приемы с мануальной терапией. Для этого слегка похлопывали рукой в области сердца и головы, читая молитвы или заговор. Нужно было удобно посадить больного, сама знахарка садилась или стояла рядом. Сначала легкие хлопки делались одновременно левой рукой по спине и правой – в области сердца, затем – похлопывали подмышечные впадины, спускаясь чуть ниже, по ребрам, по плечам. Затем слегка били кулачками над головой два-три раза. После чего знахарка трясет левую и правую руки за запястье. После этого больной ложится Г–образно, и она хлопает его по стопам. Все похлопывания делаются со словами «*Әпкорык, әпкорык, әпкорык*», затем произносится молитва, где знахарка просит у Аллаха здоровья больному: «*Йөрәген урнына килсен. Аллахы Тагәлә көч куат бирсен, шатланып масаеп алтынкы көннәрентә йөр*» / Пусть сердце вернется на место. Пусть Аллах даст силы, чтобы в дальнейшем жить радостно.

Данным способом чаще лечили детей, но *әпләү* применяли и при лечении взрослых, если те испытывали стресс или сердечную боль.

Слово «*әпкорык*» состоит из слова *әп*, которое является древнетюркским словом, означающим выражение требования остановиться, прекратить движение, замолчать [Бутанаев, 1999, с.217, Кадырова, 2003, с.116], *корык*/*курык* – испуг. Данное словосочетание означает заклинание, чтобы испуг, то есть течение болезни, остановилось, прекратилось. Текст заговора в разных районах Тюменской области произносится поразному, он довольно короткий, но в каждом варианте присутствует слово «*әпкорык*» и пожелания здоровья.

У курдакско-саргатский группы сибирских татар сохранились заговоры от ячменя, в которых также присутствует слово «*әп*». Л.М. Кадырова полагает, что раздельное употребление этих слов в лечебных обрядах придает им статус волшебных слов, сакрального лечебного кода, одновременно выражая несколько значений: призыв духа, начало волшебного исцеления, колдовское молчание [Кадырова, 2003, с.116].

Для лечения испуга сибирские татары часто применяли и другой магический обряд, характерный для многих тюркских народов, который назывался «*кот кою*» (буквально: заливать/возвращать душу). Больного усаживали на стул, над ним держали тарелку с водой, в которую осторожно лили расплавленное олово (*кургаш*), при этом целитель читал молитву. Затем по форме отлитого олова определяли, что могло напугать

человека. Процедуру повторяли до тех пор, пока отлитое олово не станет чистым, ни на что не похожим формой.

Чаще всего от испуга страдали дети, в основном, они пугались собаки. У тобольских татар был способ заклинания от собаки. Для этого, не убегая от нее, глядя прямо ей в глаза, надо было произнести:

«Әлхөрри, билхөрри.	«Әлхөрри, билхөрри.
Әлхәтти, билхәтти.	Әлхәтти, билхәтти.
Әлонә, билөнсә.	Әлонә, билөнсә.
Атаң кырык инәң пер.	У тебя сорок отцов и одна мать
Тфу, ләгънәт!!!».	Тфу, проклятая!!!»

Магические обряды применялись и для лечения травм опорно-двигательного аппарата. Например, у заболотных татар был такой обряд «*пиртех-пиртех*», направленный на излечение ушибов, ревматизмов и других костных заболеваний. Сам лечебный обряд состоял в следующем: если кто-то ломал или повреждал ногу, позвоночник, член семьи больного отправлялся совершать обряд «*пиртех-пиртех*». Для этого он с металлическим ковшом обходил семь домов, открывал в каждом из них дверь так, чтобы его не было видно, и, просовывая ковш, стучал, называл имя больного и говорил: «имярек, *пиртех-пиртех*». Хозяева дома, в свою очередь, должны были что-нибудь положить в ковш, обычно что-то съедобное: кусок хлеба, конфету и т.п. Затем все собранное съедалось больным, после чего должно было наступить исцеление.

Хотя непосредственно во время экспедиции мы этот обряд не зафиксировали, однако, по данным наших информаторов, он проводился совсем недавно, в последние десятилетия XX в. Значение слов «*пиртех-пиртех*» возможно происходит от глагола *бирү*/*пирү* – дать. Но в некоторых словарях встречаются похожие слова: у В.В. Радлова слово «*миртик*» означает слово «перелом» [Древнетюркский словарь, 1969, с.234], а у Д.Г. Тумашевой «*миртек*» использован в значении «немощный», «увечный» [Тумашева, 1992, с.152]. Как видно, значения слов близки. Сами заболотные татары ревматизм и травмы позвоночника называют «*пирт пулу*», где *булу*/*пулу* означает «быть». Также в лексике тюменских татар словосочетание «*пиртеген куйтым*» означает получение человеком каких-либо травм.

Для лечения кожных заболеваний, таких как лишай и фурункулы, рациональное лечение дополнялось еще и магическими обрядами. Например, тобольские татары при лечении лишая (*тимрәү*) пораженное место обводили химическим карандашом, произнося не имеющий перевода заговор:

«*Им, им имрәмү.*
Пәимнамә төкрәмү.
Пәимнамә имрәмү.
Пәимнамә төкрәмү».

И.С. Карабулатова в своей статье приводит другой вариант этого заговора, который бытовал у тюменских татар:

«*Әм әмрәмүнә әмрән*
фә иннәмө мөмримүн.
Тфу, тфу, тфу» [Карабулатова, 2005, с.86].

В целом, основной набор средств лечения для всех групп сибирских татар был идентичным. По сравнительным материалам исследователей других групп сибирских татар (Ф.Т. Валеев, Е.В. Верпаховская, Л.М. Кадырова, Н.А. Томилов) эти средства находили применение также у барабинских и томских татар.

Одним из наших главных итоговых заключений является вывод о том, что на всей территории проживания сибирских татар сложился цельный, единый комплекс народ-

но-медицинских знаний, основной корпус которых сформировался еще в доисламский период. Тем не менее, у конкретных групп тоболо-иртышских татар прослеживаются остатки существовавших ранее комплексов народных медицинских знаний, связанных с преобладанием разных хозяйственных типов (кочевого и полукочевого животноводства, а также оседло-земледельческого).

§ 7. Традиционная музыкальная культура

Луиза Сурметова

Традиционная культура сибирских татар издавна привлекала внимание исследователей. Наиболее ранние сведения о культуре и быте сибирских татар можно найти в трудах знаменитых европейских путешественников XIII в. Жана Плано Карпини, Гильома Рубруквиса и Марко Поло (см. об этом: Миллер, 1937). В XVI–XVII вв. начинается исследование исторических преданий, дастанов, сказок, песен, баитов, пословиц и поговорок [Скрынников, 1982]. Отдельные памятники устного народного творчества сибирских татар включены в Есиповскую, Ремизовскую и Кунгурскую летописи. В них нашла отражение жизнь татар доханского периода и периода образования Ишимского, Тюменского и Сибирского ханств [Миллер, 1937]. В 1885 г. в Лейпциге выходит труд Г.Вамбери, в котором содержатся сведения о сибирских татарах и около двух десятков их песен [Vamberi, 1885]. В XIX в., благодаря трудам известного востоковеда и путешественника Н.Ф. Катанова [Катанов, 1894, 1895а, 1895б], достоянием научной общественности стал ряд преданий тобольских татар.

К настоящему времени накоплен богатый разнообразный материал, связанный с исследованием проблем этнического состава, языка, истории, культуры, этнографии сибирских татар; корпус существующих в данной области работ включает в себя исследования различной жанровой специфики, объема, научной направленности – от развернутых монографий до статей и докладов на специализированных конференциях [Ахметова, Гайнанов, 1967; Кадыров, 1971; Кадыров, 1972; Кадыров, 1976; Валеев, 1972; Валеев, 1980; Валеев, 1993; Валеев, Исхакова, 1978; Томилов, 1980а; Томилов, 1980б; Томилов, 1995; Тумашева, Ахметова, 1983; Ахметова, Монасыпов, 1987; Гарифуллин, 1993; Валеев, Томилов, 1996; Тумашева, 1977; Тумашева, 1992; Тумашева, 1998; Рамазанова, 2001; Баязитова, 2001].

В 1866–1910 гг. академик В.В. Радлов издает 10-томный труд «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи», собранные в 1859–1871 гг. в Сибири (далее – «Образцы…»). В четвертом томе «Наречия барабинцев, тарских и тюменских татар», посвященном фольклору сибирских татар, В.В. Радлов поместил 119 произведений, записанных в дд.Туралы, Хуҗаул, Олы Кау, Тәпкәч (ныне отсутствует), Саргац, Ишим Тамак – селения нынешней Омской области и дд.Карагай, Сала, Саускан (ныне отсутствует), Йуртышак, Рәгес, Таргам, Калмаклар (ныне отсутствует), Сәет и Каскара – селения современной Тюменской области. Аулы барабинских степей В.В. Радлов указывает лишь по названию реки и озер. Среди материалов исследователя по современной жанровой классификации содержатся 41 сказка, 29 песен и баитов, 23 преданий и родословных, 16 дастанов и отрывков из них, с соблюдением диалектных особенностей языка в русской транскрипции [Радлов, 1872]. Сравнивая материалы, собранные через сто лет по следам В.В. Радлова фольклористами Татарстана, Ф.Ахметова считает, что «прозаические сказки и эпические сказания в виде сказок записаны В.В. Радловым довольно полно и сохраняют художественные достоинства. … ни одна из этих сказок не повторилась даже в вариантах. Есть сходные

мотивы и образы, совпадают с нашими записями названия («*Кара Күккел*», «*Йирен Чичән*», «*Саламторхан*» и др.), но по содержанию это очень отдаленные контаминации, видоизменения сказок, что говорит об их жанровой неустойчивости и пестроте историко-этнографических связей носителей этого фольклора» [Ахметова, 2002, с.224].

В «Образцах…» В.В. Радлова даны все три группы эпического жанра – дастана: любовные – «*Кузы-Күрпәһәм Баян-Сылу*», «*Камбар*», «*Таһир һәм Зөһрә*», «*Бүз егет*», исторические – «*Купланды*», «*Бурихан*», «*Жик Мәргән*» и дастаны о великанах – «*Алтаин Саин Сумә*», «*Ак Күбәк*», «*Ястәү Мөңкә*», «*Межек алып*», «*Йертөшлек*» и др.. Впервые записи эпоса «*Идегәй*» из уст самих сказителей В.В. Радловым сделаны у барабинских татар.

Из представленных радловских песен, по описанию деяний героев, по событийности и сюжетам 10 можно отнести к историческим, это – «Кучум», «*Атулы батыр*», «*Сәет*», «*Хуҗаш*», «*Мырза дус*», «*Әбел Касым*», «*Ак Бога*» и др. 8 из них повествуют о любви к девушке Шуылмас из иштяков (ханты-остяки), к молодой жене Мэрген, к девушке Бибикамал, а также раскрывают темы бытовой жизни, что их целесообразно считать лирическими. В.В. Радловым также зафиксированы по 10 строф свадебных обрядовых песен – песня проводов жениха «Кияү типсәү» и песня проводов невесты «Үлән таш».

По мнению Ф.Ахметовой, из 5 названных В.В. Радловым баитов лишь 4 можно отнести к современному жанру баит, а пятый – «*Мәргәнләр бәете*», относится к дастанным речитациям, а песни «*Бәйсәнә*», «*Кил, хайраным*», «*Таң атарын*» также похожи на отрывки из древних произведений – дастанов. Она еще говорит о сходстве этих песен с эпическими песнями – *хушавазами* астраханских татар [Ахметова, 2002, с.226].

В 1930 г. среди ученых ТАССР начинает подниматься вопрос о роли культурного наследия народов Сибири. До конца 1940-х г. сибирский фольклор изучался в основном как разновидность фольклора казанских татар. В 1940 г. Институтом языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова КФАН СССР (далее – ИЯЛИ) была организована экспедиция в Омскую, Новосибирскую и Тюменскую области, в которой принимали участие писатели Н.Исанбет, М.Садри, С.Амиров, В.Хаджиев, доктор филологических наук Х.Х. Ярмухаметов. В ходе этой экспедиции впервые был записан на фонограф музыкальный материал. После этого на протяжении 20 лет работа по сбору фольклора сибирских татар не осуществлялась. С 1967 г. сотрудниками сектора народного творчества ИЯЛИ был возобновлен процесс собирания и изучения фольклора этого региона. До 1974 г. институт проводил регулярные экспедиции в Новосибирскую, Омскую, Томскую, Иркутскую, Тюменскую области в составе фольклористов-филологов Ф.Ахметовой, Х.Гатиной Л.Замалетдинова, Н.Ибрагимова, Х.Махмутова, Ф.Урманчеева, Х.Ярмухаметова и музыковеда И.Кадырова. С 1974 г. работа по сбору образцов традиционной культуры сибирских татар фактически прекращена. В результате экспедиций было собрано множество образцов местного творчества: сказки, дастаны, песни, произведения прозаического жанра – поговорки, пословицы, загадки и т.д.

Первым о результатах экспедиции в Сибирь начинает рассказывать М.Садри на страницах журналов «*Совет әдәбияты*» и «*Казан утлары*» [Садри, 1939; Садри, 1964; Садри, 1978; Садри, 1982]. Лишь в 1989 г. по экспедиционным материалам он публикует книгу «Путешествие по Иртышу», где содержатся 16 сказок и 59 песен [Садри, 1989]. Образцы напевов даны без нотной транскрипции, но многие из этих песен можно найти и в сборнике А.Ключарева [Ключарев, 1986]. Что касается жанровой разновидности песен, то, судя по сюжетам, тематике, слогоритмической структуре стиха их можно отнести к протяжным и коротким лирическим песням. Среди записанных на фонограф музыкальных материалов в Омской области, автор особо выделяет образцы напевов: «*Тукбикә*», «*Рәбигә белән Вакка*», «*Ире авылы җыры*», «*Себер җыры*»,

«*Моңлы җыр*», «*Балавыз шәм*», «*Ак калач*», «*Табул көе*» (д.Куллар); «*Ялкынлы сәлам*», «*Разый көе*», «*Еланлы күл җыры*», «*Аубатка авылы җыры*», «*Җаныкаем Хәерниса*», «*Сажидәй*», «*Мәжлес җыры*», «*Ай, җанашым Мәрфуга*» и баит об отце «*Әтиемә*» (д.Еланкул). Надо отметить, что ряд песен были сочинены местными жителями. Приведем из материалов тарских татар пример из лирической песни о трагической, безответной любви «*Рәбигә белән Вакка җыры*» (зап. в д.Кип-Куллар Тевризского района от Ю.Абдрашева) [Садри, 1989, 9 б.]:

Тауның, әй, башына агындым,	Ой, залез я в вершину горы,
Тутый кошлар булып ук кагындым.	Встрепенулся я как птица.
Тутый кош булып, әй, мин кагындым,	Встрепенулся я как птица,
Җан сөйгәнне үлеп сагындым.	Как соскучился по любимой.

У барабинских татар М.Садри записывает 16 мелодичных песен, среди них «*Агыйделкәй*», «*Юлбикә*», «*Җаныем, сылуым, бибием*», «*Карчыга*», «*Әйдүкәжыры*», «*Мансур җыры*», «*Юнан җыры*» и др. Он признается, что «таких красивых песен никогда и нигде еще не встречал» [Садри, 1989, 7 б.]. Вот строфа из «*Юнан җыры*» (зап. в д.Тармакул Чановского района от С.Юнанова):

Карлыгачлар нидин каригән,	Отчего же ласточки черные?
Сандугачлар нидин үк саригән?	Отчего же соловьи желтые?
Яшь йөрәккәйләрем дөрләп яна,	Пылает мое молодое сердце,
Ни күрәселәрем бар игән?	Что же мне еще суждено пережить?

Кроме песен, в этой экспедиции были записаны и инструментальные наигрыши: «*Үләртөш*», «*Исәт*», «*Совет Парашанкасы*», «*Туй көе*», которые исполнялись на курае и гармони. Плясовая мелодия «*Парашанка*» была зафиксирована только в Новосибирской области и в г.Тобольске. Под нее молодежь танцевала в деревенских клубах [Садри, 1989, 10 б.].

Через сто лет после В.В. Радлова учеными ИЯЛИ наконец-то, были зафиксированы в ауле Лайтамак и Кукренде Тобольского района, куда, как известно, В.В. Радлов не дошел, песня проводов невесты «*Улэн таш*» (Травяной камень) и песня проводов жениха «*Кияу типсэу*» (от названия ударного инструмента «*тип*», «*тәп*», «*дәп*» – барабан, натянутый телячьей кожей и открытый с обратной стороны). Вот образец из этой песни:

Һавада бер йолдыз бар,	На небе есть
Нәкыйп йолдыз, нәкыйп йолдыз.	Одна звезда, яркая звезда.
Шул йолдыз җиргә төшсә,	Если она упадет на землю,
Булыр көндез, вай, җаным-ай.	Будет как днем, дорогая(ой).
Суларга салсаң батмас	В воду опустишь -
Янган күмер, янган күмер.	Не утонет горячий уголь.
Ат кушлап кусаң җитмәс	Запряги пару коней –
Узган гомер, вай, җаным-ай.	Не догонишь прошедшую жизнь, дорогая (ой).

Надо отметить, что это дополнительно две строфы к радловским 10 строкам. Как отмечает Ф.В. Ахметова-Урманче, раньше с инструментом «тип» сопровождали свадебные церемонии и у барабинцев в ауле Яргуль Куйбышевского района Новосибирской области [Ахметова, 2002, с.228].

Песню «*Улэн таш*», как отмечает Ф.Ахметова, «до сих пор поют с устойчивой мелодией во многих аулах в момент обрядового заплетания волос невесты, называя песню «*Яр-яр*» [Ахметова, 2002, с.228].

В ауле Акияры Тюменского района была зафиксирована ими еще одна свадебная песня «*Шәмчырак*». «В воротах дома жениха молодые должны переехать через горящий костер и, услышав выстрел из ружья, войти в дом, где на косяках дверей горели лучины или свечи (очищение огнем). При этом пели «*Шәмчырак*» (свеча-лучина) [Ахметова, 2002, с.229]. В «Образцах...» этой песни мы не находим. В книге Х.Ярмухаметова «*Татар халкының поэтик иҗаты*» приведена лишь одна строфа с одной ошибкой в арабском слове: вместо «*бивафа*» сказано «*вафа*», что означает «верный» вместо «неверного». Приведем две строфы с переводом на русский язык Ф.Ахметовой:

Шәмчыракның янганындин Когда горит свеча-лучина,
Янмаганы яктырак. Не светлей, чем когда не горит.
Бивафа яр булганиндин Когда любимый неверен,
Булмаганы якшырак. Лучше пусть его не будет.

Син киләреңне белмәдем, Я не знал, (когда) ты придешь,
Чыгып юлга тормадым. Не вышел, не стоял на дороге.
Тотылып тора минем телем, Язык мой словно онемел,
Хуш килепсез, димәдем. Не мог сказать: пожалуйте.

Ценные рассказы, отражающие пережитки язычества и шаманства, зафиксировали в Барабе, около Тары и Тобольска. Под звучание мелодии «*Шайтан могамы*» в аулах Тобольского района изгоняли болезнь людей психического характера. Тепло одетого больного выводили в низинный участок в середине аула, называемый «*көек*». Мелодию исполняли на скрипке, кубызе, тумбре, либо на гармони с полубессмысленными словами, которые знали в ауле многие [Ахметова, 2002, с.230]:

Бас, басса, бассыгрылла, Стой, стой, на месте стой,
Бас өстендә басыгралла. Стой на мостке.
Басма түшәкләр өстендә, На расстиланном мостке,
Шайтан белән касыгралла. С шайтаном будешь играть.

Озын койрык саусканның, У сороки длинный хвост,
Койрык очын чабыгралл Надо кончик хвоста отрубить.
Чабып киткән шайтаннарны, Шайтаны, те которые отрубили,
Юкә күлдән табыгралла. У липового озера надо найти.

Йерән атым йелшералла, У рыжего коня болезнь,
Йелеп тауга меншералла. От того он полез на гору.
Әлеге шайтан килшералла, Тот шайтан придет,
Яулык тулы имшералла. С полным платком «имша».

Настоящему поэтическому тексту, Ф.Ахметова дает такое объяснение, «эти стихи на сохранившуюся в народной памяти мелодию, вероятно, возникли взамен забытого, но остро необходимого рядом с ортодоксальным исламом вербального фольклора». Далее она справедливо утверждает, что «подобная архаика чаще сохраняется в детском фольклоре» [Ахметова, 2002, с.230].

Сбором и изучением фольклора сибирских татар занимался и Казанский государственный университет. Так, в середине 1960-х гг. была организована научная экспедиция в Томскую и Новосибирскую области. С материалами этой экспедиции М.Магдиев делится на страницах журнала «*Казан утлары*» [Мәһдиев, 1968, 129–132 б.]. Судя по комментариям к песням, М.Магдиев записывал образцы песен с мелодиями, но, к сожалению, песни представлены без нотной транскрипции. Тем не менее, тексты даны с большими количествами строф, что для науки немаловажно. Автор приводит текст двух самых любимых песен томских татар, это – «Городок көе» и «Бандит көе». Эти

песни очень любимы и популярны среди жителей Томской области. По свидетельству М.Магдиева, «Городок» – это район возле гор на окраине г.Томска, где расположены военные лагеря. С этой песней начинали «различные вечера, игры с песнями». Он еще отмечает, что «у этой песни напев хотя и сибирский, но тексты, в основном, взяты из песен казанских татар. … для татар, живущих вблизи Томска, очень важно их родной город, и их река. Поэтому, наши песни, сохраняя свою конструкцию, подвергались местному колориту» [Мәһдиев, 1968, 129 б]. «Городок» считается рекрутской песней. Вот текст данной песни:

Китәм инде, китәм инде, Ухожу я, ухожу,
Китәм инде – каласыз. Ухожу я – останетесь.
Том каласы ерак түгел, Томск не так далеко,
Озатырга барасыз. Пойдете меня провожать.

Городокның тавы биек, Высоки горы Городка,
Алма тәгәрәтергә. Чтобы закатывать яблоки.
Дусларымның хәтере калган, Обиделись на меня друзья,
Ничек бәхилләтергә. Как быть, чтобы простили.

По поводу песни «*Бандит көе*» у М.Магдиева такое мнение: «когда слушаешь эту песню, невольно, слышишь жалобу, стон сердца дедов, изгнанных на ссылку в Сибирь. А что касается мелодии песни – это удивительно. Она так богата благозвучию, так проникнута широтой тоски – здесь к бесконечному шуму тайги соединяются широкие реки Сибири с неторопливыми ее течениями» [Мәһдиев, 1968, 130 б.]. Эту песню автор называет еще торжественно-драматической. Почему эта песня названа «Бандитской», не совсем понятно. В тексте песни о бандитах не говорится ни слово. Считается, что напев этой песни дошел до местных татар от бывших каторжан. Вот образец из этой песни:

Бандит көе, бандит көе, Бандитский напев, бандитский
Бандит көен яратам. Люблю я напев бандитский.
Бандит көйләренә җырлап Подпевая бандитский напев,
Хәсрәтемне таратам. Отпускаю свою тревогу.

Безнең Томьнең суы тәмле, Воды Томи так вкусны,
Төбе комлыга күрә. Оттого, что дно песчанное.
Моңлы баланы кызганам, Жалею я тоскливого малыша,
Үзем моңлыга күрә. Оттого, что сам такой.

Среди материалов, собранных М.Магдиевым в Томском районе, оказалась и одна свадебная обрядовая песня «*Кыз елату*». В день свадьбы в дом невесты собирались молодые парни и девушки. Молодежь играла на скрипке, гармони, плясала, а пели по отдельности: мужской хор, женский хор, и молодая невеста.

Хор парней:
Ак шарф та бәйләдең, Повязывала ты и белый шарф,
Күк шарф та бәйләдең. Повязывала ты и голубой шарф.
Әткәң-әнкәң кулларында, Вместе с матерью и отцом,
Актык җәйләр җәйләдең. Последнее лето ты пробыла.

Хор девушек:
Самоварны тиз кайната, Самовары бысто закипают,
Яшь каенның күмере. От угля молодой березы.
Атанада кыз баланың Жить у родителей девушке,
Унсигез ел гомере. Всего восемьнадцать лет.

Молодая невеста отвечает:

Агач башы күк тиен,	На дереве голубая белка,
Атып алыу кыен.	Тяжело стрелять в нее.
Ятка бару берни түгел,	Замуж выйти ничего,
Ятка яравы кыен.	Угодить чужому трудно.

После исполнения данной песни все девушки садились на лавку и хором начинали плакать.

В лирических песнях томских татар воспевается красота родной природы, любовь к родине, к любимому. В песне «*Томск татарларының җырлары*», записанной от молодежи в д.Кызылкаш Томского района в девяти строфах особенно ярко отражается их любовь к родному городу Томск и реке Томь:

Томь суларын кичкән чакта,	Когда переплывал через Томь,
Сизәм суның салкынын.	Чувствую прохладу реки.
Томь сулары бигрәк тәмле,	Воды Томи очень вкусны,
Баса йөрәк ялкынын.	Успокаивают пыл сердца.
Томь каласы бик зур кала,	Томск большой город,
Әйләнеп чыгалмадым.	Не смог обойти его.
Синең нурлы йөзләреңне,	Твоим лучезарным обликом,
Бер күреп туялмадым.	За один раз не нагляделся.

Песня «*Умар авылы татарларының җырлары*» посвящена реке Обь, на берегу которой и расположена деревня Умар, по татарски Өян. Много было сложено песен местными жителями о реке Өян. Вот к примеру строфа из этой песни:

Өян буе, Өян буе,	Берега Томи, берега Томи,
Өян сулары тәмле.	Воды Томи очень вкусны.
Өян суын эчкән кызлар	Девушки, испившие воды Томи,
Нәзкәй билле, ак тәнле.	Стройные, белотелые.

Как мы видим, все приведенные образцы даны в литературной обработке, т.е. на литературном татарском языке. Тем самым, теряется научная ценность зафиксированного материала. Для примера можем указать на сборники серии «Татарское народное творчество» [Татар халык иҗаты, 1987а; Татар халык иҗаты, 1987б], где почти в каждом из 13 томов имеются образцы фольклора сибирских татар.

Представляя материалы, собранные в XX столетии в Сибири исследователями Татарстана, хотелось показать общую жанровую картину традиционной народной культуры сибирских татар. Очень жаль, что такой богатый пласт лежит «мертвым капиталом» в архивах ИЯЛИ, КГУ. Музыкальный материал до сегодняшнего дня не обработан и не расшифрован. Примечательно хотя бы то, что материалы, хранящиеся в фондах ИЯЛИ, переведены с катушечных валиков в электронные варианты на электронный носитель. Как показывает анализ опубликованных материалов, песенная культура барабинских, томских, тарских татар богата многообразием лирических протяжных песен, а тоболо-иртышских – обрядовыми напевами.

В начале XXI в. начинают публиковаться работы тюменских исследователей, посвященные колыбельным песням. В монографии И.С. Карабулатовой «Культура детства Тюменской области: традиции и современность» анализируются колыбельные песни всех народов, проживающих в Тюменской области. Среди них 14 татарских песен. В приложении дается СД-диск с аутентичным исполнением колыбельных песен, потешек, оберегов [Карабулатова, 2004]. Работа И.С. Карабулатовой и Л.В. Деминой «Колыбельная песня Тюмени» рассказывает об особенностях колыбельной песни как составной части культуры детства основных народов г.Тюмени. В данной работе содержатся 3 колыбельные

песни сибирских татар [Карабулатова, Демина, 2004]. В 2006 г. выходит монография Д.Мухамадиевой «Золотая колыбель: детский фольклор сибирских татар юга Тюменской области (функционально-прагматический подход)» [Мухамадиева, 2006].

Однако, традиционная музыкальная культура сибирских татар до сих пор мало изучена. Первая и фактически единственная весомая публикация образцов музыкального фольклора сибирских татар осуществлена А.Ключаревым [Ключарев, 1955; Ключарев, 1986]. Первый сборник содержит 53 песни и 3 инструментальных наигрыша, собранные в ходе экспедиции 1940 г. Во второй дополненный сборник из первого включены всего 49 песен. Предпринятой им нотации фольклорного материала, в соответствии с нормами фиксации музыкального фольклора того времени, свойственен определенный схематизм. Кроме того, песни и инструментальные наигрыши, включенные в сборники А.Ключарева, являются разнородными в региональном отношении и представляют образцы, принадлежащие традиционной культуре различных этнических групп сибирских татар.

На протяжении многих лет сбором, систематизацией и пропагандой фольклора сибирских татар занималась фольклорист, методист отдела татарской культуры Областного Дома национальных культур «Строитель» г.Тюмени А.С. Патршина. Результатом ее многолетнего труда стала публикация фольклорного сборника на сибирскотатарском языке «*Себер татар халык жәүһәрләре*» [Патршина, 2006]. В данный сборник вошли 44 образца (баиты, мунаджаты и песни), записанные автором в сибирскотатарских деревнях Вагайского и Тобольского районов. В их числе 17 нотных транскрипций и 29 текстовых образца. В разделе «*Йырлар*» даны поэтические тексты 8 песен. Среди них деревенские напевы («*Себер татар калык урам көйләре*», «*Сәңгәр күс*», «*Сагыну*», «*Ауыл көйләре*») и такмаки («*Ауыл көйләре*», «*Такмаклар*», «*Шаян такмаклар*»). По нашему мнению, образец песни «*Кыс сагышы*» можно отнести к баиту. Во-первых, повествование ведется от первого лица, во-вторых здесь рассказывается о несчастье и горестной судьбе молодой девушки – это все характерно жанру баит.

Из 17 текстовых образцов, включенных автором в раздел «Баиты», только 6 являются как таковыми: «*Ибатулла пәйете*», «*Айша пәйете*», «*Порынгы пәйет*», «*Кәккәр пәйете*», «*Көлгәбирә пәйете*», «*Карлыгач пәйете*». Лирика этих баитов связана с женской судьбой. «*Көлгәбирә пәйете*» дается с нотами. По содержанию и сюжетам 11 песен («*Силәйлүк*», «*Кәшәмир чаршау*», «*Эскатрон пәйете*», «*Ашкасар пәйете*», «*Тал пасмакай*», «*Сагыну пәйете*», «*Уйыл*», «*Сәктейән пашмак пәйете*», «*Сәрбичамал пәйете*», «*Солы пәйете*», «*Сәйнәп пәйете*») мы относим к протяжным. Интересен тот факт, что в данном регионе информанты вместо термина «*озын көй*» обычно употребляют слово «*пәйет*».

В раздел «Мунаджаты» вошли 4 образца. Их по тематике можно разделить на следующие группы: 1) наставление, повествование о загробной жизни («*Пәтәвәм*», «*Улем алты мөнәчәте*»); 2) религиозная тематика («*Рамасан айынта көйләнәтеген мөнәчәт*»); 3) поминание имени Бога и Пророков («*Мөххөмәт пәйгәмпәрнең насымы*»). Отметим, что последний образец дан с нотами.

Нотные расшифровки в сборнике сделаны А.Назыровым, и даны следующие образцы: инструментальные наигрыши («*Яргәм көйе*», «*Иртыш пуйе көйе*»), протяжные («*Томкыйык*», «*Йөрәккәем түсә алмай*», «*Әлли-пәлли*»), короткие («*Сарғынаем*», «*Сәйни-Сәйнәп*»), деревенские напевы («*Себер татар ауыл көйләре*», «*Пускамин урам көйе*»), свадебная («*Туй йыры*»), игровые песни («*Куян уены*», «*Ике сантугач*», «*Көянтә уены*», «*Түгәрәк уены*») и такмак («*Шаян такмаклар*»).

Другие существующие на сегодняшний день музыкально-поэтические сборники татарского фольклора содержат лишь отдельные образцы напевов сибирских татар [Нигмедзянов, 1970; Нигмедзянов, 1976; Нигмедзянов, 1984]. Определенные шаги в

изучении традиционной музыкальной культуры сибирских татар предпринимались Казанской государственной консерваторией им. Н.Жиганова. Так, в 1982 г. под руководством З.Н. Сайдашевой была написана дипломная работа А.Н. Каримовой «Татарские народные песни Тюменской области», представляющая сборник из 32-х напевов, записанных ею в деревнях Тюменского и Ялуторовского районов Тюменской области (дд.Чикча, Якуши, Андреевские и Исеть) [Каримова, 1982]. В настоящее время по материалам экспедиций ИЯЛИ музыковед И.Кадыров готовит к изданию сборник песен сибирских татар.

Системное собирание, изучение и нотирование музыкального фольклора сибирских татар Тюменского региона нами началось в 1995 г. Местом проведения экспедиций стали населенные пункты Вагайского, Нижне-Тавдинского, Тобольского, Тюменского, Ялуторовского и Ярковского районов Тюменской области. Всего в ходе экспедиций было обследовано 75 населенных пунктов. За это время было предпринято 20 экспедиций. Результаты полевой работы – напевы различных жанров, зафиксированных от 800 исполнителей – образуют фонд, который сегодня является крупнейшим собранием музыкально-этнографических материалов по Тюменской области.

В результате исследования музыкального фольклора сибирских татар в 1999 г. нами под руководством Е.М. Смирновой защищена дипломная работа на тему «Песни тюменских татар»; в 2007 г. под руководством Ф.И. Урманчеева – кандидатская диссертация на тему «Жанровое своеобразие песенно-музыкальных традиций татар Тюменской области».

На сегодняшний день на основе данных работ подготовлен к изданию фольклорный сборник «*Себер татар халык йырлары*» (Сибирскотатарские народные песни), включающий в себя 84 нотированных песен с вариантами. Сборник составлен из материалов, собранных в деревнях Ярковского, Ялуторовского и Тюменского районов Тюменской области. Всего в ходе экспедиций были обследованы дд.Чечкино, Карбаны, Куртюганы, Тарханы, Юрто-Боры Ярковского района, деревня Ново-Атьялово Ялуторовского района, деревни Чикча, Есаулово, Ембаево, Каскара, Тураево, Чикча, Якуши, Янтык Тюменского района. Записи были осуществлены в 1992–1998 гг.

В соответствии с существующей традицией составления фольклорных сборников издание состоит из народных напевов, комментариев к ним. Материалы имеют указатели на места записи, алфавитный указатель названий песен, список информантов. Предисловие к сборнику дано на трех языках – русском, татарском и английском. В Приложении содержатся этнографические экспедиционные фотоматериалы и СД-диск с аутентичным исполнением. Поэтические тексты песен фиксируются без приведения к литературной норме, с сохранением диалектной лексики и всех фонетических особенностей.

Традиционная музыкальная культура сибирских татар Тюменской области богата и разнообразна по своему жанровому составу, тематике и интонационному строю. Напевы, зафиксированные в данном регионе, различны. Как известно, коренные сибирские татары в течение многих веков контактировали со многими народами и поддерживали этнические и историко-культурные связи, например, с хантами и манси, монголами, народами Средней Азии (узбеками, таджиками, уйгурами), казахами, каракалпаками, татарами Поволжья, башкирами, русскими и др.. Несомненно, длительные историко-культурные контакты сибирских татар с поволжскими татарами, в первую очередь, не могли обусловить моменты взаимодействия их фольклорных традиций. Так, в данном регионе достаточно часто встречаются образцы хорошо известные, популярные в среде татар Волго-Камья. Как правило, такого рода напевы в жанровом отношении представляют собой лирические протяжные песни: «*Зилэйлук*» – «*Зилэйлюк*», «*Тәфтиләү*» – «*Тафтилэу*», «*Кара урман*» – «*Дремучий лес*», «*Сарман*» – «*Сарман*». Интересно, что в бытовой среде поволжских татар эти сложные по музыкальному язы-

ку, требующие от певца особого мастерства напевы почти не исполняются. Они вошли в репертуар профессиональных певцов, поющих их со сцены в концертной обработке, а собственно фольклорные их варианты из экспедиций, проводимых на территории Татарстана, в последнее время привозят все реже.

Помимо протяжных лирических песен, популярных среди татар различных этнических групп, распространены общеизвестные напевы других жанров – короткие лирические («*Күбәләк*» – «Бабочка», «*Баламишкин көе*» – «Баламишкин»), баиты («*Сак-сок*» – «Сак-Сок», «*Кирпичләр*» – «Кирпичики», «*Гайшә бәете*» – «Баит о Гайше», «*Ямщик бәете*» – «Баит ямщика») и др.

Безусловно, песенная культура сибирских татар Тюменской области не ограничивается образцами, являющимися результатом культурных контактов с татарами Волго-Камья. У сибирских татар бытуют и напевы оригинальные, коренные, специфичные именно для данного региона, и такого рода напевы преобладают. Анализ фольклорно-этнографических материалов показывает на бытование различных песенных традиций*:* баитов, мунаджатов, лирических протяжных и коротких песен, игровых, деревенских напевов и такмаков.

Баиты, записанные у сибирских татар данного региона, различны. Встречаются образцы хорошо известные, популярные среди татар различных этнических групп («*Сак-Сок бәете*», «*Гайшә бәете*», «*Ямщик бәете*», «*Әкертен чил: монта кабер*»). Наряду с ними, есть и оригинальные, коренные образцы. В основном, поэтические тексты сибирскотатарских баитов сочинялись местными жителями на темы происшедших в их или в других деревнях событий. По классификации ученого Ф.Урманчеева, баиты мы подразделяем на бытовые («*Поронгы пәйет*», «*Талымкан пәйете*», «*Катица пәете*», «*Кайгы кәсрәтләр күрмәтем*», «*Җиһанша пәйете*») и на исторические («*Шәһәр читентә, авыл йортынта*», «Комиссар», «*Мең тә тугыс йөстә...*», «*Сабира пәйете*») [Урманчеев, 2002, с.22].

Так, из первой группы можем указать на «*Талымкан пәйете*», где рассказывается о происшествии в д.Янтык (по-татарски Талымхан) Тюменского района – о краже девушки по-имени Халбижамал. По словам информатора, этот баит был сочинен односельчанами Халбижамал (зап. в д.Чечкино Ярковского района от Шараповой Муршиды, 1917 г.р.). В «*Катица пэйете*» повествуется о молодой девушке по имени Катица, которая умерла от испуга. По свидетельству информанта, «Катица со своими подружками ходила в лес по ягоды. Отстала от них, заблудилась. И когда она нашла дорогу и выходила из лесу, Катица лоб в лоб встретилась с медведем. После чего она долго болела и, не выздоровев, умерла» (зап. в д.Тарханы Ярковского района от Альметовой Алимы, 1909 г.р.).

«*Поронгы пәйет*» («Древний баит») – это монолог (повествование ведется от первого лица) безвременно погибшего 29-летнего мужчины по имени Исхак, у которого остались двое маленьких детей и старая мать. Баит сочинил односельчанин Шарапов Минлебай (зап. в д.Чечкино Ярковского района от Шараповой Зубары, 1930 г.р.):

Асыл кошлар кунып сайрый,	Благородные певчие птицы,
Минем каберемнең өстенә.	Садясь, на могилку мою поют.
Минем кәсрәтемне сатып,	В память обо мне вещают (птицы),
Әнкәемнең йөсенә.	О горести матушке моей.

Отметим, что *«Порынгы пәйет»* открывается с указанием даты случившегося события:

Тарих мең тә тугыс йөстә,	В тысяча девятсот
Егерме йетенөе елта.	Двадцать седьмом году.
Кәсис пашым вабат пулты,	Пропала моя головушка,
Егермә тугыс йәшемтә.	В мои двадцать девять лет.

Такие или подобные формулы-зачины, по мнению исследователей, являются свидетельством древности происхождения жанра: написанные в стихотворной форме, они присутствуют во многих эпиграфических памятниках, относящихся к периоду Волжской Булгарии или Казанского ханства [Юсупов, 1963, с.73, 75].

Среди исторических, баит *«Мең тә тугыс йөстә…»* (зап.в д.Каскара Тюменского района от Галлиевой Сайры, 1936 г.р.) повествует о событиях первой мировой войны: *«Мең тә тугыс йөстә. Уналтынцы елларынта. Өч палабыс вабат пулты, Петроград юлларынта»* / В тысяча девятьсот Шестнадцатом году. Три сына были убиты, На дорогах Петрограда/; о службе наших ребят в Красной Армии рассказывается в баите «Комиссар» (зап. в д.Чечкино Ярковского района от Юлдашевой Фархии, 1918 г.р.): «*Аклар килеп комиссарның, Чикәсенә типтеләр. Шәпкать кысын маскаралап Талга асып киттеләр*» / И поймали «белые» комиссара, Мозги ему вышибли. Над девушкой надругались, На иве ее повесили/, в баите «*Шәһәр читентә, авыл йортынта*» (зап. в д.Чечкино Ярковского района от Шараповой Зубары, 1930 г.р.): «*Сур абый китте кысыллар пелән, Тошманнартин илне сакларга. Пәләкәй абый мылтыгын алып, Үс иркенә китте акларга*» / Старший брат ушел с «красными», Защищать Родину от врагов. Младший брат, взяв оружие, Пошел воевать с «белыми».

Большую группу составляют баиты, повествующие о трагической судьбе женщин. Среди них есть баиты, рассказывающие о тяжкой жизни, трудной судьбе, трагедии молодых девушек *(«Фатима»,* «*Гөлсиба*», «*Хиселниса*», «*Айнисаба*»). Так, к примеру в баите «*Әнкәй*» рассказывается об одиночестве лишенной домашнего крова девушки: нелюбимая мечтающим о сыне отцом и выращенная вопреки его воле матерью, она вынуждена покинуть свой родной дом (зап. в д.Куртюганы Ярковского района от Рахимовой Нуртиты, 1937 г.р.):

Порылып-порылып аккан агым сыулар,	У берегов извилистой реки,
Кайтин кая порылып ага ул?	Слушаю пение соловья.
Пергә-пергә чакта күңелле ите,	И послушав трели соловья,
Айрылышкач пигрәк ямансыу.	Запела моя душа.

Особый интерес представляют мунаджаты. К сожалению, этот жанр лишь недавно попал в сферу внимания исследователей, что увеличивает значимость фиксации каждого нового образца. Надо отметить, что по нашим экспедиционным данным некоторые сибирские татары, проживающие в Тюменском районе, вместо слова «мунаджат» применяют термин «таскира», а татары, живущие в Вагайском районе, употребляют слово «сикер» или «зикер».

Содержание поэтических текстов мунаджатов сибирских татар данного региона различно: это – поминание имени Бога и его Пророков («*Рәсулулла Коръән укый*»), наставление, повествование о загробной жизни («*Намас угып карайык*», «*Раббым, Ислам тисәмче*», «*Лә илләһы иля Аллаһы*», «*Укы иртәңке намасыңны*», «*Бу төреклек мәңге ирмәс*», «*Төнья, төнья тимәгес*», «*Салаватның савабы күп*») и праздничная тематика («*Рамасан әйтә килтем…*»). К примеру, мунаджат «*Рамасан әйтә килтем…*» связан с религиозной музыкальной обрядностью. Он исполнялся в месяц Рамазана – это девятый месяц исламского лунного календаря: «*Рамасан әйтә килтем, сес пайларга Рамасан әйтә килтем, сес пайларга Пирмәсәгес, Алла пирер, пестәйләргә, Мөгәммәт өммәтенә ма³и рамасан*» / В месяц Рамадана скажу Вам богачи, Делайте добро или не делайте, таким как мы. Все равно Бог нам даст – мусульманам, Кто возвышал Мухаммада в месяц Рамадана (зап в д.Каскара Тюменского района от Галиевой Сайры, 1936 г.р.).

Мунаджат «*Намас угып карайык*» по словам информатора, поется перед выносом покойника из дома: «*Намас угып карайык, Пер котайга ярайык, Котай пескә юл пирсә, Очмак сари парайык*» / Почитаем намаз, Аллаху угождаем. Аллах дорогу даст, В рай попадаем (зап.в д.Чечкино Ярковского района от Шараповой Муршиды, 1917 г.р.).

Жанр *такмак* является одним из древнейших. Он связан с плясками, шуточными припевками, прибаутками и т.д. Известно, что данный жанр у киргизов бытует как *такпак*, у хакасцев как *тахпах*, а у других тюркоязычных народов под таким же названием (башкир, чувашей, кряшен, казахов).

Тематика такмака сибирских татар не так разнообразна. Шутка, юмор, зарисовка комической сцены, высмеивание человеческих недостатков – таково содержание плясовых такмаков и такмаков в целом. Подобно баитам поэтические тексты такмаков были созданы жителями деревни. Так, особенно много было сложено частушек о получившей широкое распространение в деревне гармони-тальянке. Она имеет в частушках детальное описание и настоящую поэтизацию: «*Гармуншиклар гармун тарта, Гармунның тавышлысы. Егет кеше сайлаб ала, Кысның калəм кашлысын*» / Гармонисты играют на гармони звучной. Молодой парень выбирает, Девушку с бровями, как перо, красивыми (зап. в д.Чечкино Ярковского района от Шараповой Муршиды, 1917 г.р.).

Плясовые такмаки – это самый любимый жанр информантов старшего поколения. Почти 10% зафиксированного нами полевого материала составляют такмаки. Это говорит о широкой распространенности и популярности этого жанра. Исследователи склоняются к мысли, что образцы этого жанра возникли еще в древности. Так, в источниках Волжской Булгарии мы находим сведения о зажигательных танцах наших предков. Ученый М.Бакиров считает, что «корни плясовых такмаков, восходят к еще более древним временам, когда шаманские песнопения и пляски, а также коллективные культовые танцы исполнялись без музыкального сопровождения на инструментах». Далее он отмечает, что «плясовые такмаки сопровождают пляску, основаны на быстро и часто чередующихся ритмических повторах. Поэтому в мелодиях плясовых такмаков почти нет мелизмов (музыкального орнамента)» [Бакиров, 2012, с.360]. Некоторые исследователи считают, что «их мог исполнять сам танцор либо отдельный певец, тем самым, веселя народ и своим остроумием. … плясовые такмаки передают зрительский задор, подбадривание танцора шутками, звукоподражаниями топоту ног (тыпыр, тыпыр)» [Татар халкының, 1968, 125–130 бб.]. Вот примеры плясовых такмаков с юмористическими зарисовками (зап. в д.Чечкино Ярковского района от Шараповой Муршиды, 1917 г.р.):

Пейе, пейе остарак,	Пляши, пляши лучше,
Пер аяғың кыскарак.	Одна нога короче.
Ик(е) аяғың пертəй пулса,	Если бы ноги были равны,
Уйнар итең остарак.	Ты бы плясала лучше.
Сикереп пас, сикереп пас,	Пляши, пляши с азартом,
Сынсын итəн тактасы.	Пуская трещат доски пола.
Сынтырсаң итəн тактасын,	Если сломаешь половицы,
Сеңлем түлəр акцасын.	То, пусть заплатит сестра моя.
Төе, төе, төе, төе,	Топ, топ, топ,
Төе тавышы килə.	А слышен звук.
Аяғымта кара пойма	На ногах у меня черные валенки,
Итек тавышы килə.	А звук идет как от сапог.

Основная тема лирики такмаков – любовные отношения. И поэтому не удивительно, что в некоторых такмаках главными героями являются парень и девушка. Так, в такмаке «Ударница и прогульщик» (зап. в д.Чечкино Ярковского района от Уразаевой Качии, 1942 г.р.) разыгрывается шуточная сценка между влюбленными: девушка-ударница разлюбила нерадивого юношу. По свидетельству информатора, он был сочинен для исполнения на сцене клуба во время одного из концертов:

Пес сөябес егетлəрнең,	Мы любим парней таких,
Эш пелкəн, уңканнарын.	Кто знает работу и трудится.

Сатанияны артык үтәп,	Кто задания выполняет,
Ударник пулканнарын.	Кто ударником становится.

Прогульщик дает слово исправиться и просит забыть ссору – так благополучно заканчивается эта веселая история.

Следует отметить, что такмаки сибирских татар очень схожи с русскими частушками по своим музыкальным особенностям. У них напев не пентатонный, ладовая организация такмаков, так же как и частушек имеет гемитонную основу. Они совершенно не похожи на такмаки татар Поволжья. Такмаками их можно назвать только благодаря их жанровой функции и слогоритмической структуре стиха. Такого рода частушечные напевы в сибирскотатарских такмаках далеко не редкость.

По сравнению с плясовыми такмаками, игровые песни менее сохранились в памяти жителей региона. Следует заметить, что в репертуаре сибирских татар их совсем немного. Образы, используемые в игровых песнях – это реки и горы, птицы и животные, деревья и растения. Уподобляя или противопоставляя этим традиционным символам, в песнях передается настроение, чувства героя. Игровые песни состоят обычно, из двух частей, одна – хороводная, размеренная, а другая – темповая. К примеру, песня «*Уралып, уралып ага*» («Течет река волнами, волнами») была известна деревенской молодежи в послевоенные годы. По словам информатора, песню исполняли как раз в хороводе на берегу реки во время различных игр (зап. в д.Чечкино Ярковского района от Уразаевой Качии, 1943 г.р.):

Уралып, уралып аға,	Течет река волнами, волнами,
Уралып, уралып аға.	Течет река волнами, волнами.
Уралтан йылғаға,	Стекая с Урала в реки,
Уралтан йылғаға.	Стекая с Урала в реки.

В песенной культуре исследуемых татар значительную группу составляют деревенские напевы, называемые в народе *авыл көе*. Эти песни многие знают и охотно поют. Примечательно то, что большинство текстов этих песен оригинальны и записаны нами впервые. Ведущая тема «деревенских напевов» – это стремление к счастью и оно может выражаться в различных оттенках. Надо заметить, что в поэтике этих текстов используются такие композиционные формы, как диалог и монолог. Вот образец из деревенского напева (зап.в д.Чечкино от Камаловой Ханифы, 1926 г.р.):

Төшмимтә, пуйламыймта тей.
Пулмас пәғетләрем пулмас,
Пулар тип уйламыймта.

Не спускаюсь к реке, не переплываю ее.
Не будет счастья, не будет его,
И не думаю, что будет.

Содержание текстов *авыл көе* сибирских татар различно: это – тоска по родине, тех, кто вынужден был покинуть родные места в поисках работы: «*Урал аша, урманларта тей. Илтәпулсак йөрер итек, Йырлашып урамнарта. Илгә ләкайтсак йөрер итек, Йырлашып урамнарта*» / Через Урал, в лесах, Были бы на Родине, то ходили бы мы, Песни распевая по улице. Если бы вернулись на родину, то ходили бы, Песни распевая по улице (зап. в д.Чечкино Ярковского района от Шараповой Муршиды, 1917 г.р.); жалоба на тяжелую жизнь: «*Атка атлансаң, сикереп атлан, Ял койрыгы селкенсен, әй! Кайғырма баш, түкмә күс йәш, Пес күрәсен, кем күрсен?*» / Садись верхом на коня одним прыжком, И скачи так, чтобы хвост и грива были волной. Не поддавайся горю, не проливай слез, Кто же вытерпит, если не мы? (зап. в д.Тарханы Ярковского района от Кадралиевой Фаризы, 1926 г.р.); это – любовь и разлука с любимым: «*Пүген төннә төшләремтә, Тик торасың пейектә. Айрылғанта әйтә алматым: «Пәғырем, сау*

пул», – тиептә» / Сегодня ночью во сне, Вижу, стоишь в вышине. Расставаясь, не смог даже: «До свидания, дорогая», – сказать (зап. в д.Чечкино Ярковского района от Усмановой Фахричамал, 1926 г.р.). Известно, что многие деревенские напевы связаны с названием той или иной деревни, приобретая тем самым, территориальное значение. Например, приведем образец из нашего материала: «*Без Ялутыр яклары шул. Пашларымның төрле уйлар, Уйлый торған чаклары*» / Мы с Ялуторовской стороны. А в голове моей – разные мысли, Пришло время размышлять (зап. в д.Чечкино Ярковского района от Камаловой Шавкии, 1942 г.р.).

Лирические протяжные песни – *озын көйләр*, составляют основной раздел традиционной песенной культуры сибирских татар. Образцы протяжных песен, записанные в данном регионе, достаточно многочисленны, их исполнение отличает высокая культура: напевы поются на широком дыхании, богато орнаментируются, исполняются с большим количеством строф, зачастую превышая количество строф в их опубликованных вариантах. Поются протяжные песни не только людьми старшего поколения, как это обычно бывает, но и людьми среднего возраста. Так, например, песня о Зайнап («*Сәйнәп пәйете*», по определению информанта) записана от 46-летней исполнительницы (в д.Казанское Вагайского района от Патршиной Альминур, 1952 г.р.). Все это дает возможность сделать вывод о высокой степени сохранности традиции исполнения «озын көй» среди сибирских татар. Приведем образец данной песни:

Песнең тә генәй, урам, вай төс урам.
Теселеп тә г[е]нәй, очкан, кастайын, әй.
Кастайын, әй, ул Сәйнәптин матур, кыстайын,
Кастайын, әй, ул Сәйнәптин матур, кыстайын.

Ой, наша улица прямая,
Выстроилась, как летящие гуси, эй.
Как гусь налету, стройна и красива – Зайнап,
Как гусь налету, стройна и красива – Зайнап.

Богата и разнообразна тематика лирических протяжных песен. Содержание этих песен раскрывает разные стороны человеческой жизни. Главный мотив в них – сильная тоска по родным землям, по близким и родным людям, любимым, которые остались там: «*Очар идем – канат юк, Кунар идем – нарат юк. Сагынганда барыр идем, Жиген куйган пар ат юк*» / Улетел бы – крыльев нет, Присел бы – сосны нет. Когда скучаю, прискакал бы, Да, нет запряженного коня (зап. в д.Вершины Вагайского района от Сагидуллина Сабира, 1933 г.р.).

Довольно часто среди протяжных песен можно встретить образцы с названиями городов: Москва, Ленинград, Уфа, Казань, Омск, Ялуторовск, где часто поется о разлуке по дому, по родным и близким: «*Касан йырак, Касан йырак, Касантин Мәскәү йырак! Кайтыр итек илләр йырак, Яна беснең йәш йөрәк*» / Далека Казань, далека, А Москва дальше Казани! Вернулись бы, но Родина далека. Сердце молодое наше пылает (зап. в д.Чечкино Ярковского района от Шараповой Муршиды, 1917 г.р.).

Лирические короткие песни – *«кыска көйләр»,* записанные в экспедициях, примечательны и оригинальны своими текстами. Основная тема лирики коротких песен, как и такмаков – это любовные отношения. В некоторых коротких песнях показано обращение героя к женщине: «*Алия тирәккәем, Гөлия тирәккәем. Ницек итеп йөрәгемне, пасынҡы өйрәтәем?*» / Алия – тополёк мой, Гулия – тополёк мой. Как же мне подсказать, Сердце моему не горевать? (зап. в д.Каскара Тюменского района от Галиевой Сайры, 1936 г.р). Поэтический язык этих песен передает и душевные переживания возлюбленных: «*Алып килсәң, цигеп пирим, Күлмәк исүләреңне. Усал тошманнартан күрәм, Миннән писүләреңне*» / Если принесешь – вышью, Ворот рубахи твоей. От злых завистников ожидаю, Что тебя от меня уведут (зап. в д.Янтык Тюменского района от

Башировой Магсумы, 1909 г.р.). При выражениях чувств героев необходимым атрибутом в песнях стали описание цветов, птиц, деревьев: «*Цейәләре пешәте, Өселеп йергә төшәте. Мин сөйгәнтә, син сөймәтең, Инте исеңә төшәте*» / Вишни поспевают, На землю падают. Когда я любила, ты не любил, А теперь – вспоминаешь (зап. в д.Ново-Атьялово Ялуторовского района от Кучахметовой Мархабы, 1927 г.р.).

Одним из значительных и древнейших жанров традиционной народной культуры являются *обрядовые песни.* Наиболее сохранившимся подвидом обрядового фольклора у исследуемых татар является свадебная поэзия, которая сопровождала, иллюстрировала, дополняла особым художественным колоритом все этапы этого сложного обрядового комплекса. Однако надо отметить, что многие разновидности обрядовой песни, в том числе и свадебные песни, сегодня, в силу исторических причин, вышли из массового обихода. Так, из указанных выше песен нами во время полевых экспедиций удалось записать только «*Кияу типсэу*» под другим названием «*Яр алир*» (зап. в д.Абаул Вагайского района от Сиразетдиновой Катицы, 1909 г.р.) и «*Яр-яр*» (зап. в д.Лаймы Вагайского района от Шамсутдиновой Марьям, 1921 г.р.). Приведем образец первой песни:

Яр алир, түшә әле,	Алир милый, если ляжешь,
Кол ястыка патарсың.	То утонешь ты в подушку «раба».
Кысның куйнына кереп ятарсың.	Ты ляжешь в обнимку с девушкой,
Ай, алир, яр алир,	Ай, алир, алир милый,
Ай, алир, яр алир.	Ай, алир, алир милый.
Кыслар песнең пигәбес,	Девушки сегодня наши,
Пүген куйнына керәбес.	Сегодня в обнимку ляжем.
Ай, алир, яр алир,	Ай, алир, алир милый,
Кыслар песнең пигәбес.	Девушки сегодня наши.

По сведению информанта, эту песню пели дружки жениха (*нүгәрләр*), и когда они шли к дому невесты, ему шилом кололи (*писмән*) в мягкое место, т.е. они его мучали, испытывали (*типсәгәннәр*).

Ритуал заплетания косы у исследуемых татар считался одним из священных, ответственных обрядов. Как и у всех народов, девушку или невесту определяли по косе. Если девушка свои волосы заплетала в одну косу, то у невесты должно было быть две косы. Данный ритуал совершался так: когда жених со своими дружками приходил за невестой, то за занавеской подружки, готовя невесту к свадьбе и к брачной ночи, заплетали ее волосы в две косы. В этот момент и исполнялась песня «*Яр-яр*», и надо отметить, что этот момент – самый драматичный момент всей свадьбы, так как девушка навсегда должна была расстаться с родным домом, родителями, родственниками и перейти в чужой дом:

Ус атаңның тупсасы,	Порог своего отца,
Агач пулар, яр-яр.	Будет деревянным, яр-яр.
Каен атаң тупсасы,	Порог свекра,
Тимер пулар, яр-яр.	Будет металлическим, яр-яр.

Итак, генетически все образы свадебной лирики сибирских татар Тюменского региона связаны с обрядом и его практическими функциями. В современном сельском быту свадебный обряд сохранился лишь фрагментарно, бытовую роль свадебная песня в значительной мере утратила.

Из инструментальных мелодий нам удалось записать могамы, например, «*Ат могамы*» (напев «Лошади»), «*Шайтан могамы*» (напев «Шайтана»). По словам информатора, каждый могам выполнял определенную функцию. Например, лошадей на скачки готовили под музыку «*Ат могамы*». Этот напев также называют «*Ат чабыштыру могамы*» («Скачки лошадей»). Скачки и конные «игры» некогда имели не только увеселительное, но и сакральное значение. В целом «*Ат могамы*» исполнялся группой скрипа-

чей, иногда в ансамбле с гармоникой, на скачках лошадей, проводимых на различных свадьбах: *сөннәт туе* (обряд обрезания), *сабан туе* (праздник плуга), *яшьләр туе* (свадьба). Примером может служить образец, записанный в д.Карагай Вагайского района от Сафаралиева Зайнуллы (1930 г.р.):

Атла, атла тип әйтәсес,	Шагай, шагай говорите мне,
Атла түгел мин сескә.	Я ведь Вам не лошадь.
Очрашканта сөйләшмәтең,	Когда встретились, ты не поговорила,
Ятла түгел мин сескә.	Я ведь Вам не чужой.

Надо отметить, что информант этот напев не смог нам продемонстрировать на скрипке, а только показал мелодию нараспев с настоящим текстом.

Второй макам – «*Шайтан могамы*» – также исполняли в ансамбле на скрипке, дафе (тип) и гармонике. Данный образец информант исполнил с бессмысленными, непонятными нам словами, которые и сам не смог объяснить:

Йел карагай башларын тиген,
Йелтәп алтым, йелтәп алтым.
Һөннәр майта, чынар майта,
Кем таймагай, көлтер май.

По сравнению с обрядом, записанным в Тобольском районе Ф.Ахметовой, наш обряд происходил иначе: под непрерывное звучание музыки больную, в которую вселился шайтан, насильно взяв под руки, заставляют плясать. Больная изнемогает, но отдыхать ей не дают, музыка играет безостановочно. Этот кошмар продолжался до ночи. Больную выводят во двор, заставляют искать кость. Она ищет, копается в мусоре и, наконец, находит. Входят в дом. Один из старших заговаривает кость и бросает ее в огонь. Кость горит. Музыка смолкает. Уставшая больная валится на пол. Через несколько дней она должна или умереть, или выздороветь. «Могам шайтана» связан с доисламскими поверьями. Безусловно, «Могам изгнания шайтана» – это маленький показатель системы шаманизма. До принятия ислама он был намного шире и различнее. К сожалению, в настоящее время хранителей этого редчайшего жанра «*могам*», найти очень трудно.

Необходимо отметить, что могамы в Тюменской области были распространены только на территории Вагайского и Тобольского районов. В настоящее время сибирские могамы включены в репертуар художественных самодеятельных коллективов. Например, в г.Казани с большим успехом их исполняет ансамбль старинных инструментов «Ак калфак» под руководством кандидата искусствоведения, музыковеда-фольклориста Г.М. Макарова.

Современное состояние музыкального фольклора вряд ли можно назвать благополучным. На сегодняшний день в эпоху глобализации, интеграции и взаимовлияния культур стоит проблема сохранения, возрождения, популяризации нематериального культурного наследия. Исчезают из памяти народа образцы традиционной народной культуры: свадебные, колыбельные, игровые песни, инструментальные мелодии, дастаны и их напевы. Не остались в живых исполнителей-инструменталистов на скрипке, курае, дафе, мандолине, думбре. Особо следует отметить, что большинство фольклорных образцов зафиксированы от старшего поколения. Возрастной параметр информантов колеблется примерно 1930–1935 гг. рождения. Безусловно, это грозит исчезновением из бытовой среды музыкально-поэтических жанров в целом.

С целью сохранения и развития традиционной народной культуры сибирских татар с 2010 г. в г.Тюмени ежегодно Конгрессом татар Тюменской области проводится фольклорный фестиваль с привлечением жителей юга области. Интерес татарской общественности к фольклорному фестивальному движению появился в 2009 г., когда впервые на территории нашей области прошел II Всероссийский фольклорный фести-

валь «*Тугаряк уен*», организатором которого является Республиканский Центр развития традиционной культуры Министерства культуры Республики Татарстан. Примечательно то, что на волне фольклорного фестиваля появились уникальные самобытные коллективы: фольклорно-этнографические («*Саз*» (д.Тарманы Нижне-Тавдинского района), «*Сердяш*» (д.Каскара Тюменского района), «*Тамаша*» (д.Аслана Ялуторовского р-на), вокально-инструментальные («*Шытыр-шатыр*» (д.Чикча Тюменского района), «*Барбарис*» (д.Янтык Тюменского района). Выявились таланты по сибирскотатарским дробушкам-танцам (*төйдереп биючеләр*) и сольному пению (*бәаитче*, *мөнәҗәт әйтүчеләр*). Их основная задача – реконструировать праздничные и бытовые обрядовые действия, музыкальный фольклор, традиционную этнокультурную одежду. Тем самым, они выполняют важную роль по сохранению и пропаганде местного фольклора. Многие из них уже известны далеко за пределами Тюменской области и России.

С 2008 г. в историческом городище Сибирского ханства Искер проводится Международный фестиваль «Историческая судьба Искера», где также пристальное внимание уделяется к объектам нематериального культурного наследия, а именно песням, баитам и мунаджатам сибирских татар. Данное мероприятие способствует сохранению и развитию духовного богатства национальных культур, укреплению дружбы и межнационального сотрудничества на территории Тюменской области.

Еще одним важнейшим шагом в сохранение и пропаганде музыкального фольклора является выпуск СД-диска Л.Ильясовой с фольклорными песнями «*Туган илем – монлы Себер ягы*» («Родина моя – Великая Сибирь» Казань, 2006 г.). Это – первое звуковое приложение с народной музыкой сибирских татар в истории культуры Тюменской области.

Традиционная музыкальная культура сибирских татар богатая и самобытная. Известно, что сибирские татары прошли сложный исторический путь. Поэтому в народной культуре исследуемых татар бытуют различные традиции. «В первую очередь – традиция музыкального фольклора так называемых старожилов с сохранением доисламских народных верований: тотемизма, анимистических представлений, шаманизма. Затем – традиция «сибирских бухарцев», в быту которых сохранились образцы свадебных песен и песен других обрядов, характерных для народов Средней Азии. И наконец, традиция поздних переселенцев – преимущественно казанских татар, мишарей. Для них характерно сохранение своего языка, некоторых черт быта и культуры, а также фольклорных песен и наигрышей» [Сайдашева, 2001, с.497]. Рассматривая экспедиционные материалы, можно сказать, что в традиционной музыкальной культуре сибирских татар Тюменской области бытуют песни оригинальные, специфичные только для данного региона, а также сохранились более или менее указанные пласты. Во-первых, это традиция – «старожильческая», в основном, с жанром инструментальной музыки – могамами, во-вторых, «бухарская» со свадебными обрядовыми песнями. В более концентрированном виде существует третья – «поволжская» традиция, преимущественно с лирическими протяжными песнями и баитами. Предложенные аспекты анализа открывают дальнейшие перспективы изучения песенной традиции сибирских татар как единой системы.

§ 8. Народное поэтическое творчество. Фольклор

Флера Сайфулина

Татарский народ, проживающий издревле на обширных территориях Западной Сибири, располагает богатым народно-поэтическим наследием, включающем различные жанры древнейших образцов устного народного творчества, интерес к которым уже во второй половине XIX в. проявили такие маститые ученые, как В.В. Радлов, Н.Ф. Катанов.

Первые фиксации образцов фольклора сибирских татар и их научное исследование, связано с деятельностью великого ученого, академика, основателя Российской тюркологической науки В.В. Радлова [Сайфулина, 2007, с.14–45]. Начиная со второй половины XIX в., он записывал множество фольклорных произведений тюркских народов из уст их носителей во время длительных научных экспедиций по Алтаю, Туве, Хакасии, Шории, Южной Сибири, Восточному Казахстану, Киргизии, Узбекистану, Северной Монголии и других территориях проживания этих народов. За десятилетие активных экспедиций, проводимых им в алтайский период жизни, ученый накопил огромный материал по всем живым тюркским языкам, записал множество произведений устного народного творчества. [Сайфулина, 2012, с.164–170]. В дополнение ко всему, будущий известный тюрколог с мировым именем изучал быт, верования, обряды, историю тюркских народов, собирал этнографические и археологические материалы, проводил раскопки. Его фундаментальные труды «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собранные В.В. Радловым» в десяти томах, «Aus Sibirien», «Опыт словаря тюркских наречий» и др. заслуженно считаются краеугольным камнем тюркологии, а также имеют основополагающее значение для исследователей тюркского фольклора. В частности, четвертый том десятитомного труда «Образцы народной литературы тюркских племен…» [Радлов, 1872, с.411], записанный в 1859–1871 гг., вбирает в себя уникальный фольклорный материал барабинских, тарских, тюменских и тобольских татар. Впервые указанный том многотомника был издан по распоряжению Императорской Академии Наук в марте 1872 г. в Санкт-Петербурге, а затем переведен на немецкий язык. К 175-летнему юбилею ученого (2012 г.) это единственное издание было подготовлено к переизданию и издано профессором КФУ Ф.Ю. Юсуповым.

В «Образцах…» и в некоторых других работах В.В. Радлова содержится материал, по которому можно воссоздать структурный и жанровый состав сибирско-татарского фольклора. Первую попытку анализа представленного в сборнике материала сделала ученый-фольклорист, вышедший также из сибирских татар Ф.В. Ахметова-Урманче. «По современной жанровой классификации фольклора, – пишет она, – в данном томе представлены: 41 сказка, 29 песен и баитов, 23 предания и родословных, 16 дастанов и отрывков из них» [Ахметова, 2002, с.42]. Таким образом, IV том «Образцов…» В.В. Радлова вбирает в себя 119 произведений устного народного творчества, собранных под заголовками «Бараба», «Тарлык, Тоболык, Тӳмӓнлек», «Тобулхалк» и составляет, в общей сложности, более 400 страниц машинописного материала. При этом во вводной статье к данному труду сам ученый отмечает, что устные творения уже в его время сохранялись лишь как «святые воспоминания молодости того времени, когда народный дух еще давал им смелость открыто восхвалять в песнях и сказках деяния их предков» [Радлов, 1872, с.65–68].

Нужно особо подчеркнуть, что в данном сборнике ученый фиксирует существенную особенность фольклора сибирских татар: бытование в народе объемных произведений эпического характера – дастанов.

В этом плане интересно то, что в «Татарском энциклопедическом словаре» толкование слова «эпос» представлено через понятие «дастан». Здесь подчеркивается, что эпос, в первую очередь, является фольклорным термином: «эпос, совокупность крупных повествовательных, прозаических и смешанных форм, произведения об историческом прошлом народа, рассказывающих об архаико-героических, историко-героических и любовно-романтических событиях. Собственно эпические произведения определяются как дастанный эпос» [Татарский энциклопедический, 1999, с.674]. Таким образом, дастан – слово, обозначающее в тюркских языках произведение эпического жанра с усложнённым сюжетом, где описываются фантастические и авантюрные си-

туации, события гиперболизированы, а герои идеализированы. В татарском языке этот термин имеет и более узкое значение, который употребляется для обозначения жанра исторического эпоса татарского фольклора, который в настоящее время претерпевает процесс угасания. Считается, что эпические сказания – дастаны возникли на основе мифологии и богатырских рассказов еще в период родового строя, когда древние родоплеменные отношения стали распадаться [Бакиров, 2012, с.168–215].

Как отмечают многие исследователи фольклора, сверхсложный по сюжету и большой по объему, присущий тюркскому народу особый лиро-эпический жанр – дастан более стойко сохранился в Сибири. Это объясняется, во-первых, тем, что данные селения находятся вдали от больших дорог, культурных центров, и, во-вторых, благодаря устойчивой мелодии и стихотворной основе. Как отмечает ученый М.И. Ахметзянов: «Большая часть наших дастанов сохранились в среде сибирских татар и записаны из уст сибирских сказителей. Дастаны «*Идегәй*» («Идегей»), «*Атаклы кыз Тукбикә*» («Славная девушка Тукбика»), «*Тимер батыр*», «*Илдан белән Гөлдан*» («Илдан и Гульдан») воспроизводят быт татарских племен Сибири в средние века» (перевод наш – Ф.С.) [Әхмәтҗанов, 1985, 44 б.].

Драматическая основа, событийность, сказовость большинства сюжетов произведений историко-героического, богатырско-приключенческого, бытового и романтического характера, представленных в вышеназванном сборнике В.В. Радлова – «*Идеге Пи*», «*Токтамыш хан*», «*Йиртүшлүк*», «*Ак Көбөк*», «*Кара Коккел*», а также многочисленные отрывки не сохранившихся до настоящего времени в полном объеме дастанов, позволяют отнести их к жанрудастан. Ученые отмечают, что записанные В.В. Радловым дастаны «*Алтаин Саин Сөмә*», «*Ак күбек*», «*Ястәй Мөңкә*», «*Межек алып*», «*Йеләк батыр*», «*Йертөшлек*», «*Кузы Көрпәч белән Баян Сылу*», «*Купланды*», «*Камбәр*», «*Tahup-Зөhрә*», «*Бүз егет*» являются уникальными образцами древнетюркского эпоса. К примеру, дастан «*Алтаин Саин Сөмә*», записанный В.В. Радловым у сибирских татар, сюжет которого близок к жанру сказки, схож с дастанами, сохранившимися у алтайцев, якутов и хакасов. В центре данных сюжетов лежит борьба героя за обладание невестой, что составляет конфликтную основу дастана. С исторической точки зрения такого рода фольклорные произведения служат утверждением родственной близости народов, обладающих такого рода народно-поэтическим наследием.

В устном народном творчестве сибирских татар часто встречаются дастанные сказания героико-архаического характера, где главным героем является легендарный богатырь – Алып батыр (Алпамша, Алпамыш, Алыпмемшен), который в страшных битвах с другими Алыпами или мифическими героями-Йилбаганами (*«Кадыш Марга»*, *«Алтаин Саин Сума»*, *«Межек Алып»*) показывает свою силу и бесстрашие, выходит победителем, освобождая свою землю и тех, кто находится под его опекой от мифических врагов. Алып батыр – распространенный образ в сибирско-татарском фольклоре, в частности, данный образ фигурирует в народных преданиях и легендах. (По настоящее время местные старожилы в своих рассказах вспоминают о местах захоронений высоких людей-Алыпов). В фольклорных произведениях данный герой предстает великаном огромных размеров, обладателем недюжей физической силы, зорких глаз, благодаря чему Алып батыр успешно проходит все испытания: побеждает врага, поражает со значительного расстояния диких (мифических) зверей, освобождает свою страну от коварных врагов-завоевателей, по приказу хана достает кость благородной рыбы со дна моря, золотую шкуру огромной птицы Цоцоло, чтобы накрыть крышу замка, золотой рог благородного оленя и мн. др. Здесь нужно отметить, что жанровые границы эпоса нестабильны: он эволюционерует в сказку о богатырях и в развернутые предания о героических событиях прошлого. Можно предположить, что жанровая неустойчивость эпоса, отсутствие в нем стабильных форм, контаминация сюжетов и особенности исполни-

тельства обусловлены неразвитостью этнических формирований и незавершенностью консолидации сибирских татар в единую локально-географическую и историческую общность [Юсупов, Сайфулина, 2013, с.5–26].

Значительное место в дастанной литературе занимают любовные дастаны. Из уст сказителей сибирских татар В.В Радловым записаны великолепные образцы романического эпоса о Йусуфе и Зулейхе, Тахире и Зухре, Сайфульмулюке, Шахсанам и Гариб, Буз Йигите и др., сюжет которых также широко распространен как в фольклоре, так и в книжных дастанах многих тюркских народов. Определенное место в фольклоре барабинских татар занимает дастан об Айтуке. По многочисленным легендам, записанным у барабинских татар, Айтука был песенником-импровизатором, жившем в одном из татарских селений. Разлученный со своей любимой Фатимой (Батыш), посвещал ей многочисленные песни, варианты которых сохранились на устах народа [Юсупов, Сайфулина, 2013, с.5–26]. Сюжеты любовных дастанов представляют собой отражение народного идеала о возвышенной бессмертной любви, героев которых не может разлучить даже смерть. Здесь народный гнев обрушивается на тех правителей, кто не может сдержать данное им слово, кому неведомы честь и верность данному слову.

Примером исторического эпоса может служить дастан «Идегей», варианты которого («Идеге Пи») также записаны у сибирских татар В.В. Радловым еще во второй половине XIX в. Знаменитый дастан «Идегей» – признанный эпический памятник татарского фольклора, является духовным достоянием ряда тюркских народов. Его варианты в разное время были записаны у казахов, каракалпаков, узбеков, ногайцев, туркмен, башкир, горных алтайцев, тюркских народов Крыма и др. Противоречивые события, происходившие в жизни тюркских народов в сложных геополитических условиях, составляют реальную основу сюжета дастана «Идегей» [Сайфулина, 2007, с.14–45]. Фактором, сохраняющим актуальность данного произведения, является также то, что в нем отражаются события мирового значения конца XIV – начала XV вв., происходившие на территориях Крыма, в бассейне Каспийского моря, Поволжья, на просторах Южной Сибири, современного Казахстана, долинах Средней Азии. Произведение отражает своеобразный и трагичный период истории Золотой Орды, что является также серьезным показателем литературно-исторической ценности дастана. В событиях, запечатленных в произведении, участвуют конкретные исторические личности: Идегей, Хромой Тимур, хан Тахтамыш, сыгравшие решающую роль в судьбе многих тюркских народов и государств. Как отмечает Ф.Ахметова-Урманче, дастан «Идегей» – детище ногайских степей и Волго-Уральского региона сохранен для будущих потомков также благодаря древнетюркским эпическим традициям сибирских татар, которые они пронесли через века [Ахметова, 1999, с.58–59]. В этом также заслуга ученого-тюрколога В.В. Радлова. Такие дастаны, как «*Кучум*», «*Бурихан*», «*Хочаш*», «*Атулы Батыр*», «*Сеит*», «*Абул Касим*», «*Ак Бога*», «*Би Агыш*», «*Кырамша*», «*Купланды*», «*Караца*» и др., сохранившиеся у сибирских татар, по событийности и сюжетам, описанию деяний героев, можно с уверенностью отнести к историческим дастанам. Они сохранились у сибирских татар, как продолжение традиций богатырских поэм сибирских тюрков, значительно уступая им по объему, но положительно отличаясь утонченной лиричностью и психологическим раскрытием героев. К примеру, главный персонаж дастана «Караца» – вельможный богатырь ханов и биев. Карача были также держателями ритуального ковра-кошмы, на которой поднимали новоиспеченных ханов. Со временем это официальное действие стал общенародным обычаем – поднимать над женихом кошму или покрывало четырьмя дружками-нукерами во время свадьбы сибирских татар при проводах жениха к невесте [Ахметова, 1999, с.58–59]. В данном эпическом произведении рассказывается об огромной душевной трагедии Караца (известной исторической личности), вызванной потерей его двух любимых сыновей-богатырей – Мамыша и Йийен-

ка. Ничто не может утолить горе отца-караца: ни то, что они погибли на священных местах для сибирских татар – на астана (места захоронений мусульманских миссионеров), ни то, что они погибли в битвах с неверными – завоевателями Сибири [Сибирские татары, 2014, с.646]. Такого характера исторических дастанов было зафиксировано В.В. Радловым более десятка, что способствовало их сохранению для будущих поколений – иначе их ожидала бы трагическая судьба окончательно забытых поэтических повествований о кыпчакских, татарских ханах разных эпох. Построение эпических сюжетов, система персонажей, исполнительские формы, приемы идеализации героев и другие особенности дастанов сибирских татар находят близкое сходство с эпическими произведениями алтайцев, казахов, ногайцев, узбеков, уйгур, туркемен, турков, азербайджан, якутов.

Через сто лет, в 1967–1974 гг. группа ученых Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова АН Республики Татарстан в составе известных татарских фольклористов (Х.Ярмухаметов, Ф.В. Ахметова-Урманче, Ф.Урманчеев, Х.Гатина, Л.Залялетдинов, Н.Ибрагимов, Х.Махмутов) провели экспедиции по следам В.В. Радлова в те же деревни и селения, где ученый осуществил записи вышеназванных фольклорных произведений. «К великому сожалению, через сто лет пройдя этот же путь – аулы Барабинских степей, которые указаны у В.В. Радлова лишь по названию рек и озер, ученые уже не застали многие из фольклорных материалов, записанных великим ученым», – пишет о результатах этих экспедиций ученый-фольклорист Ф.Ахметова-Урманче [Ахметова, 2002, с.42]. Через столетие после опубликования IV тома «Образцов….», в аулах Саускан (ныне не существующем) близ г.Тобольска и Ишим-Тамак (нынешней Омской области), в селениях Юрмы, Каиш, Кундан Вагайского; Лаймы, Лаймы-Тамак, Чебурга (Кукренде) Тобольского районов Тюменской области фольклористы обнаружили некоторую часть (всего 8 строк) дастана «Бурихан», записанный В.В. Радловым в двух вариантах (всего 76 строк) с мелодией и устойчивыми примечаниями, которые идентичны с поверьями, сохранившимися в «Манасе» у киргизов и «Идегее» у казахов. По словам Ф.Ахметовой-Урманче, в этих селах прозаического содержания «Бурихана» не сохранилось, но некоторые люди старшего возраста того времени еще помнили мелодию дастана. Имена персонажей дастана «Бурихан» относятся к глубокой старине.

Анализируя уровень изученности сибирско-татарского фольклора, нельзя не отметить также труды других, не менее известных исследователей. Определенную лепту в развитие этой области науки внес крупный ученый-тюрколог Н.Ф. Катанов. В свое время он учился в Петербургском университете у знаменитых тюркологов – своих именитых предшественников, таких как В.В. Радлов, И.Н. Березин, Н.И. Веселовский и продолжил их традиции. До настоящего времени именно в его записях сохранились легенды и предания сибирских татар: «Предания тобольских татар о грозном царе Тамерлане», «Предания тобольских татар о прибытии Мухамедданских проповедников в г.Искер», «Предания тобольских татар о происхождении киргизского народа», «Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке» и другие, которые имеют историческую ценность и по настоящее время хранятся в архивах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Именно в его переводах дошли до настоящего времени также рукописи «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири», некоторые сибирско-татарские сачара (родословные) [Катанов, 1895а, с.234–238].

В материалах, собранных разными учеными в разные годы у сибирских татар, определенное место занимают эпические сказания в виде сказок, легенд и преданий. Записанные В.В. Радловым сказки сохраняют художественные достоинства жанра. Заметим, однако, что, по словам Ф.Ахметовой-Урманче, через сто лет ни одна из этих ска-

зок не повторилась даже в вариантах. Ученые находили лишь сходные мотивы, совпадения в названиях («*Кара Күккел*», «*Йырән Чичән*», «*Саламторхан*» и др.), но при этом отмечали, что по содержанию это очень отдаленные контаминации, видоизменения сказок, что говорит об их жанровой неустойчивости и пестроте историко-этнографических связей носителей фольклора. Некоторые сказки сибирских татар представлены в небольшом по объему сборнике «*Иртешкә сәяхәт*» («Путешествие на Иртыш»), составленном Мухаммедом Садри, по результатам экспедиции 1940 г., в которой участвовали Х.Ярми, С.Амиров, В.Хажиев и составитель труда [Садри, 1989, 86 б.].

В историчском плане интересны легенды и предания, такие как «Кучум Хан», «Дочь Тахтамыша», «О барабинском народе», «Шагыр авылы турында» и мн. др., варианты которых зафиксированы как В.В. Радловым, так и другими фольклористами.

Примечательно и то, что IV томе «Образцов…» В.В. Радлова, кроме стихов в дастанах, собрано 29 текстов песен, которые составляют 680 поэтических строк. Из них 5 песен (79 строк) названы ученым баитами. В современной фольклористике баиты выделяются из обычных песен по событийному, чаще трагическому или сатирическому содержанию, повествовательному характеру исполнения. Но из-за отрывочности записей, сделанных В.В. Радловым, отсутствия записанных мелодий, их трудно отнести к баитам в современном понимании этого жанра – т.е. стихотворным повествованиям о трагических или комических явлениях жизни, исполняемым на определенные мелодии. Однако по сюжету и по ассоциации с другими баитами, такого рода произведения как, «Баит о русско-французской войне», «Баит о германской войне», «*Мәргәнләр бәете*» с прекрасно сохранившимися деталями «охотничьего эпоса», «*Манара*», «*Бәйсәнә*», «*Кил, хәйраным*», «*Таң атарын*», «Баит солдата Абдурахмана» определенно можно отнести в жанру баитов.

Баиты – специфическое произведение лиро-эпического жанра татарского фольклора, основанное на трагических событиях, социального и семейно-бытового характера. Баитам присуще трагическое начало. Эпическое начало здесь является формой выражения трагического содержания, лирическое начало связано с эмоционально окрашенным восприятием трагических событий и оценкой лирического героя [Татарско-русско-английский, 2014, с.21]. В основе преобладающего большинства баитов лежит трагизм, постигший народ или отдельных людей [Бакиров, 2012, с.168–215].

В истории сибирских татар трагических событий также было множество. Но здесь интересен тот факт, что память народа не замкнута в своем, узком пространстве: в фольклоре исследуемого региона находят отражение события, описываемые в канве сюжета фольклорных произведений, в географическом плане намного шире той местности, где они сохранились и зафиксированы. Интересны в этом плане баиты, записанные у сибирских татар, такие как, «*Тукайга бәет*» («Баит Тукаю)», «*Истамбул бәете*» («Баит об Истамбуле») «*Хан мәчет пәйете*» («Баит о ханской мечети»), «*Наполеон һәм Миңнулла бәйете*» («Баит о Наполеоне и Миннулле», «*Песне Гирман айрты*» («Нас разлучила Германия»), «*Персентә йолтос, персентә кубыс*», «На одной – звезда, на другой – кубыз», записанные в разные годы Ф.В. Ахметовой-Урманче. Они являются подтверждением исторической тесной связи тюркских народов и взаимовлияний фольклора. Трагические страницы истории России (Отечественная война 1812 г.; Первая мировая война (1914–1918), Гражданская война, Великая Отечественная война (1941–1945) также широко отражены в фольклоре сибирских татар. В таких баитах общенародная трагедия представлена в преломлении в судьбе отдельных личностей – простых солдат, участвующих в этих воинах. Эмоциональный язык баитов, повествование от первого лица дает возможность отразить всю трагичность изображаемых событий, передать горе жен, матерей, потерявших на войне своих единственных защитников, детей, оставшихся сиротами.

Большая часть баитов, зафиксированных у сибирских татар, как и в фольклоре всего татарского народа, занимают семейно-бытовые баиты, посвященные личной трагедии отдельных людей. Они широко сочиняются народом и в настоящее время, доказывая живучесть данного жанра татарского фольклора.

Близкий к баитам своеобразный жанр мусульманской культуры – мунаджаты также встречается среди устного народного творчества, зафиксированного у сибирских татар. Как дастанная литература, баиты и мунаджаты также относятся к полуписьменному жанру, т.е. занимают положение между фольклором и письменной литературой. «Мунаджат» в переводе с арабского означает доверительную исповедь перед Аллахом, в которой человек находит облегчение и надежду на спасение. Мунаджаты, как самостоятельный поэтический жанр, стал формироваться на основе лирики религиозного содержания, подпитываемой философией суфизма [Мөнәҗәтләр, 2005, 36 б.]. В фольклоре и письменной литературе народов Среднего Поволжья, Урала и Западной Сибири мунаджаты появляются под влиянием суфийского учения и суфийской поэзии в связи с распространением ислама. В Западной Сибири влияние исламской культуры особенно усиливается в конце XIV в., в связи с известным миссионерским походом сторонников ордена Накышбандия, прибывших на берега Иртыша с целью распространения исламского вероучения среди сибирских татар [Сайфулина, 2007, с.14–45].

Содержание мунаджатов направлено на обращение к Всевышнему, здесь воспевается могущество Всевышнего Аллаха, деяния пророка Мухаммеда (с.г.с.), а также других пророков, святых и халифов. Лучшими образцами такого характера произведений могут служить мунаджаты, собранные Ф.Ю. Юсуповым *«Инантым Аллага»* – «Верую в Аллаһа», «*Пертер Аллаһым минең*» – «Един Аллах», *«Йәртәмеңне пир, Аллаһым»* – «Помоги мне, Всевышний», *«Тәүбәләремне кабул кыл»* – «Прими мои покаяния» [Сибирские татары, 2014, с.412–585]. В мунаджатах этой тематической группы подчеркивается необходмость чтения Корана, восхваляются отдельные суры, аяты этой священной книги, звучит призыв к совершению ежедневного намаза. Такие мунаджаты, как «*Йасин укыгалы вакытлар йетәр*» («Придет время читать «Ясинь»), «*Аятел Көрсигә мәтхия*» («Хвала Аятель Курси»), «*Лә Иләһә –сүзләрнең иң исгесе*» («Ля Иляха –самое святое из слов» и т.д.), записанные из уст сибирских татар, являются интересными образцами фольклора религиозного направления.

В мунаджатах содержится также обращение к Аллаху – создателю миров – с просьбой о помощи, милосердии и прощении грехов, а также призыв людей заранее подготовиться к судному дню. Отдельные мунаджаты строятся в виде философских размышлений о жизни, о смысле бытия с позиции восприятия мира по канонам ислама. Большую тематическую группу мунаджатов составляют произведения, где описываются переживания людей, находящихся в разлуке с родиной, близкими, где описывается тоска и скорбь одиноких матерей («*Айырылгансын палалартин*» – «Расставшись с детьми», «*Айырылтым тыуганнартан*» – «Разлучился с родными», «*Кайтыр итим тыуган илгә…*», «Вернулся бы на родину», «*Тороп сәгрәләргә цыксам…*» – «Если выйду я в степи…», «*Тыуган илем алыс инти*» – «Вдали родина моя», «*Циткә гиткәннең мөнәчәте*» – «Вдали от родины» и т.д.).

Как отмечает известный фольклорист М.Бакиров, как правило, в произведениях такого рода не раскрывается причина ухода лирического героя из отчего края, а лишь описывается его духовное состояние на чужбине [Бакиров, 2012, с.168–215]. Главная мысль мунаджатов этой группы – это глубокая тоска по оставшемуся где-то далеко родному краю. Это творчество людей, вынужденных по воле обстоятельств, жить вдали от родины.

Среди мунаджатов определенное место занимают произведения, посвященные религиозным культовым обрядам и праздникам. Сюда же можно отнести мунаджаты,

призывающие читать Коран, намаз, держать пост, произнести тахлил, зикр, а также восхвалять мусульманские праздники Рамазан, Курбан, пятничный день («*Рамасан айы хөрмәтенә*» («В честь месяца Рамазан»), «*Рамасан айынта көйләнгән мөнәчәт*» («Благословенный месяц Рамазан»).

Во многих мунаджатах часто говорится о мусульманских понятиях терпимости и терпения, которые являются одним из основных постулатов исламской религии. Истинный мусульманин, безусловно, должен выдержать все тяжести и невзгоды, неудачи, оценив их как посланные Аллахом испытания, который он, как мусульманин, должен встретить достойно («*Сабырлар итәек*» – «Будем терпеливы...»).

Мунаджаты, распространенные среди сибирских татар, представляют собой неотъемлемую часть культурного наследия народа, в которой в самые трагические моменты истории сохранилась этническая самобытность, духовная идентичность народа, унаследованные от далеких предков.

Близкими по лиричности к жанру баитов и мунаджатов, но более распространенными по сравнению с вышеназванными жанрами фольклора, являются народные песни. Среди песен, записанных в татарских селениях В.В. Радловым, а также другими учеными, занимающимися фольклором сибирских татар, есть такие, которые по жанровым свойствам тяготеют как к дастанам, так и к баитам и историческим песням. Так 10 песен из 29 по событийности и сюжетам, по кратко сохранившемуся описанию деяний героев («*Кучум*», «*Хуҗаш*», «*Атулы батыр*», «*Мырза дус*», «*Сәет*», «*Ак Бога*», «*Әбел Касыйм*» и др.) с уверенностью можно отнести к историческим песням, которые и в современной татарской фольклористике такими учеными, как И.Надиров, Ф.Урманчеев, М.Бакиров выделены в отдельную тематическую группу песен лишь в 60-е гг. XX в.

Большинство песен, записанных у сибирских татар, относятся к лирическим песням. Кроме, записей В.В. Радлова, здесь можно также отметить многочисленные записи текстов песен и что очень важно – нотное представление их музыки, зафиксированные А.Ключаревым. Такие песни, как «*Җаныкаем, Хәерниса*», «*Гел-гел*», «*Агыйделкәй*», «*Ах, җанашым, Мәрфуга*», «*Том көе*», «*Юлбикә*», «*Сөләйман көе*», записанные известным музыкантом у сибирских татар являются удивительными образцами народной лирики [Ключарев, 1986, с.3–141]. Еще в 1940 г. записанные М.Садри тексты песен «*Сагыну*», «*Әбәү лә, алмам*», «*Ак дәвәләр*», «*Солдат җыры*», «*Юнан җыры*», «*Мансур җыры*» [Садри, 1989, 42–76 бб.] нашли достойное место в песенном наследии сибирских татар. Песни, записанные во время диалектологических экспедиций Д.Б. Рамазановой («*Гашыйк йыры», «Һа бауле, алмалы*», «*Хат башы*») [Рамазанова, 1998, 43–96 бб.], Ф.С. Баязитовой («*Бибием, сылуым*», «*Әй, йаникайгынам, сылуым*», «*Гәрипәкәй, сылуым*», «*Карама ла туга*») [Баязитова, 2001, 35–112 бб.], Л.В. Дмитриевой «*Тәптиләү*», «*Ак койаннар*» [Дмитриева, 1981, с.56–136] относятся к записям второй половины XX в.

Особое значение для исследователей языка и фольклора сибирских татар, имеют материалы, зафиксированные известным диалектологом Л.В. Дмитриевой. Собранный ею материал интересен доступностью для русскоязычного читателя и исследователя, так как они зафиксированы на татарском языке и далее переведены ученым на русский язык. Записанные ею варианты дастанов («*Козы Курпуч*», «*Цан-Мерген*», «*Тимир-алып*», «*Тайшы*»), многочисленных легенд и преданий, сказок дают возможность представить все богатство и разнообразие фольклорного наследия сибирско-татарского народа. Исторические предания о барабинцах, полная запись барабинского варианта повествования о Козыкёрпёче и Баянсылу (1950 г.) и две его краткие версии (1967, 1968 гг.), несколько сказок, песни, пословицы и поговорки дают возможность убедиться в устойчивом их бытовании среди сибирских татар.

Как было отмечено выше, большой вклад в исследование сибирско-татарского фольклора внесла ученый-фольклорист Ф.В. Ахметова-Урманче – достойная дочь та-

тарского народа, проживающего на обширных территориях Сибири. Она отмечена как уникальный собиратель фольклора, которая «по следам великого Радлова» прошла по родному краю и записывала уже последние образцы эпических произведений, отрывки которых еще сохранились в памяти сибирско-татарского народа, зафиксировала многочисленное разнообразие лирики (разнообразных песен, такмаков), лиро-эпоса (байтов, мунаджатов) и народной прозы (сказок, преданий, легенд и др.), которые с ее комментариями, предисловиями и примечаниями далее увидели свет в виде отдельных академических изданий [Татар халык ижаты, 1984, 362 б.].

Диалектологические экспедиции, в течение многих лет проводимые под руководством профессора КФУ Ф.Ю. Юсупова, также дали возможность своевременной фиксации посредством русской академической транскрипции многочисленные произведения устного народного творчества исследуемого народа. Ученый особо уделяет внимание фиксации лексических единиц на языке их носителей. Интерес вызывают записанные в разные годы семейно-бытовые обряды, обычаи, в которых сохранились представления людей об окружающем мире, менталитет, мировоззрение народа.

Примечательно то, что в последние годы фольклор сибирских татар стал объектом пристального внимания ученых [Sayfulina, Karabulatova, 2013, с.492–496; Karabulatova, Fedorova, Sayfulina, 2014, с.1134–1138; Sayfulina, Karabulatova, 2014, с.116–119; Karabulatova, Sayfulina, 2015, с.303–310]. Результатом фольклорно-диалектологических экспедиций, организованных в рамках Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 годы» стали объемные книги «Барабинские татары. Страницы духовной культуры» (2013), «Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры» (2014), где нашел отражение весь спектр богатства фольклора татар, проживающих на сибирских территориях. Здесь накоплен ценнейший материал не только для изучения развития и угасания фольклора, но и для исследования языка, культуры, быта сибирских татар. Упоминаемые в представленных материалах музыкальные инструменты (*ятаган*, *саз*, *най*, *сорнай*, шестидесятиструнная месяцевидная думбра (*алтмыш кыллы ай тумбыра*); название жилища (четырехугольный деревянный дом, также шестиугольный, восьмиугольный (*түрт мөешле агач өй*); бытовые обряды (глубоко зарыв, высоко похоронить («*тәрән касып, тәбә күмү*»), снять с головы шелковый платок и подарить за хорошую весть (*турга урамал салу*) и др.); обычаев и поверий (приветствие гостя «*күзайдын!*» – «пусть будет светлым твой взгляд»; «*эпкорок*» – исцеление от сглаза и испуга, вылив в холодную воду раскаленное олово; «*баш төшү*» – заговор от болезни головы) и мн. др. могут служить богатым материалом для исследований как фольклористов и диалектологов, так и историков, этнографов, культурологов.

Таким образом, материалы, собранные в разные годы тюркологами и учеными-фольклористами и диалектологами, представленные в упомянутых здесь сборниках, являются ценнейшим материалом не только для изучения развития и угасания фольклора сибирских татар, но и для исследования языка, культуры, быта, обрядов данного народа в сравнительно-сопоставительном аспекте с другими тюркскими народами.

Этот бесценный материал донес до наших дней особенности языка данного региона, в нем нашли отражение история и жизненная мудрость народа, сохранившего богатое духовное наследие отцов и дедов. Устное народное творчество является идейным и художественным достоянием народа, в котором он мог выразить свое видение мира и отношение к жизни. Подобные памятники имеют большую научную ценность, так как они отражают материальную и духовную жизнь народа, содержат ценную информацию о его историческом прошлом.

Глава 6

Этносоциальные процессы во второй половине XX в. и в постсоветский период

§ 1. Демографическая ситуация

Гульнара Габдрахманова, Зайтуна Тычинских

Государственная политика ускоренного освоения северной части СССР, начавшая реализовываться с середины 1960-х гг., стимулировала миграционные процессы среди народов советского пространства и привела к существенным изменениям в этническом составе принимающих регионов. В Западной Сибири произошло увеличение численности и трансформировалась поселенческая структура татарского населения. Например, в Тюменской области за 30 лет (с 1959 по 1989 гг.) численность татар увеличилась более чем в 3 раза (табл. 1), в Ямало-Ненецком округе – в 9, Ханты-Мансийском округе – в 33. Со второй половины XX столетия татары стали составлять значительную часть населения северных городов региона – Нефтеюганска, Надыма, Ханты-Мансийска, Сургута, Салехарда и др. Главными источниками формирования трудовых ресурсов Западной Сибири были нефтяные регионы СССР – Башкирская и Татарская АССР, откуда большими отрядами прибывали в Западную Сибирь нефтяники, газовики и строители, среди которых было много специалистов и квалифицированных рабочих-татар.

Таблица 1

Численность татар в некоторых регионах Западной Сибири, ВПН–1959, 1970, 1979, 1989, тыс. чел.

Регионы	1959	1970	1979	1989
Тюменская обл.	72306	102861	136757	227423
Ханты-Мансийский автономный округ	2938	14046	36899	97689
Ямало-Ненецкий автономный округ	3952	4653	8556	26431
Омская обл.	36421	44330	46714	49784
Томская обл.	13449	15226	17630	20812
Новосибирская обл.	24926	28825	28549	29428
Кемеровская обл.	67382	69313	64821	63116
Алтайский край	…	8052	7864	8078
Горно-Алтайская АССР	…	…	334	388

Трансформация поселенческой структуры татар Западной Сибири выражалась в изменениях в расселении татарского населения в регионе. Например, в Тюменской области в 1959 г. 90,1% татар проживало в южных сельских районах региона. В 1989 г. этот показатель составил лишь 54,6% (124,1 тыс. чел.). Остальные 45,4% татар проживало в северных автономных округах. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах резкий рост числа татар (в 18 раз) произошел, в основном, за счет людей, приехавших из других регионов СССР для обслуживания новых, развивающихся

(нефтяной, газовой) отраслей промышленности. Кроме того, в годы освоения Севера в автономные округа много переселилось людей татарской национальности из южных, сельских районов Тюменской области. За 1970–1990 гг. количество татарского населения в сельских районах данного региона уменьшилось более чем на 10 тыс. чел., значительная часть которых выехала в районы добычи нефти и газа. В Тобольском районе число татарского населения уменьшилось на 3,0 тыс. чел., в Вагайском – на 3,5 тыс., Ярковском, Ялуторовском и Нижнетавдинском районах почти на 1,8 тыс. чел. в каждом. Основной причиной, побудившей татар южной зоны области к переселению в северные округа, как и всех приехавших из других регионов страны, была более высокая заработная плата на нефтяных и газовых промыслах, а также в других отраслях, обслуживающих эти промыслы. В строящихся на севере городах люди благоустроенным жильем обеспечивались быстрее, чем в южных районах. Однако, несмотря на значительное уменьшение татар в сельских районах, их доля в общей численности населения отдельных районов не снижалась, а наоборот – росла. Например, это наблюдалось в Вагайском, Тобольском, Ярковском районах Тюменской области. Это объясняется тем, что из русских деревень этих районов отток людей шел более интенсивно, чем из татарских сел.

В результате миграционных процессов и увеличения численности во второй половине XX в. татары (местные, коренные и мигранты из других регионов СССР) стали занимать одно из ведущих мест в экономике Западной Сибири, в частности, в создании Тюменского территориального топливно-промышленного комплекса. Многие из них отличились высокими результатами в работе. Среди них наиболее известны Герой социалистического труда Р.Х. Аллаяров, а также Ш.Кальметов, Р.Кульмаметьев, Ф.М. Шарипов и многие другие, внесшие большой вклад в дело освоения Севера.

В постсоветский период среди татар Западной Сибири наблюдалось сокращение численности в некоторых регионах края (табл. 2). Исключение составил Ханты-Мансийский автономный округ, где наблюдается рост численности татарского населения. Сокращение численности татарского населения в ряде регионов Западной Сибири связано с неблагоприятным развитием демографических процессов – снижением рождаемости, ее превышением над смертностью, а также миграцией в другие регионы страны, в том числе в более благополучные в социально-экономическом плане соседние регионы Западной Сибири.

Таблица 2

Численность татар в некоторых регионах Западной Сибири, ВПН–2002, 2010, чел.

Регионы	2002	2010
Тюменская обл.	250298	239995
Ханты-Мансийский автономный округ	107954	108899
Ямало-Ненецкий автономный округ	27795	28509
Омская обл.	48116	41870
Томская обл.	20151	17029
Новосибирская обл.	27886	24158
Кемеровская обл.	51065	40229
Курганская обл.	21986	17017
Республика Хакасия	4025	3095
Алтайский край	8904	6794
Республика Алтай	462	…*

* Нет данных.

Другой особенностью социально-демографического ситуации у татарского населения Западной Сибири во второй половине XX в. и в постсоветский период является активное развитие урбанизационных процессов. Наибольшие изменения показателей происходили в годы советского периода освоения Севера. Тогда наблюдался стремительный рост числа горожан у татар всей Западной Сибири. Например, в Тюменской области в 1959 г. удельный вес городского населения среди татар составлял 21%, а к концу XX в. он вырос более чем в 3 раза. В 1990–2000-е гг. во всех регионах Западной Сибири в целом наблюдалось увеличение числа татар, живущих в городах (табл. 3–11) (таблицы составлены по [Всероссийская перепись, 2010]). Наиболее высокое число горожан наблюдается у татар, проживающих в Ханта-Мансийском автономном округе (102453 чел или 94,1% татар – это горожане, 6446 чел. или 5,9% – сельчане) и Ямало-Ненецком автономном округе (26496 чел. или 92,3%; 2013 чел. или 7,7%). В Кемеровской области 86,9% татар (34972 чел.) живет в городской местности, 13,1% (5257 чел.) – в сельской. В Тюменской области 178773 чел. или 74,5% татарского населения проживает в городах (в селах – 61222 чел или 25,5%). В Томской области число горожан составляет 12308 чел. (72,3%), сельчан – 4721 чел. (27,7%). В Новосибирской области 14144 чел. (58,5%) – это жители городов, 100014 чел. (41,5%) – сел; в Омской – 24284 чел. (58%) и 17586 чел. (42%) соответственно. Самые низкий уровень урбанизации наблюдается среди татар, живущих в Курганской области (29,2% – это горожане).

В последние годы, несмотря на рост числа городского населения у татар Западной Сибири, наметились и благоприятные тенденции в развитии численного состава сельских жителей. Началось сокращение оттока татар из деревень, а в некоторых татарских селах был даже зафиксирован, по сравнению с 1989 г., рост числа наличного населения. Например, в Тюменской области начали возрождаться некоторые татарские деревни, считавшиеся ранее бесперспективными (Медянки, Сабанаки, Турбинская, Тапкин, Байгара, Марай, Матуши, Новая Нерда и др.). Правда, южные районы компактного проживания татарского населения данного региона еще не могут восполнить тот отток людей, который был в 1985–1990 гг.

Динамика численности татарского населения показывает, что число татар, хотя не намного, но увеличивается и в тех сельских районах Западной Сибири, где никогда не было татарских деревень. Другой важной чертой, характеризующей современные процессы в расселении татарского населения региона, являются усиление тенденции переселения татар в русские деревни и смешение их с людьми других национальностей. Так, по приводимым И.Б. Гарифуллиным на конец XX в. данным, в Тюменской области в Вагайском районе в русской деревне Ярково татары составляют 65%, Араксуле – 45%, с.Куларово – 54%, Супре – 30% [Гарифуллин, 1997б, с.6]. В поселке Картымский, в д.Чугунаево Нижнетавдинского района 35% населения – это татары. Аналогичная картина в русских деревнях Ворогушино, Ермаково, Кутарбитка, Ингаир, Санниково, Пулуяново, Маслово Тобольского района, в деревнях Верхне-Сидорово, Тараканово, Усть-Тавда, Петропавловка Ярковского района. В них 35–40% населения составляют татары. Это связано с переселением татар в центральные усадьбы хозяйств, в которых размещены средние школы, медпункты, больницы, клубы, дома культуры и т.д. Есть и обратный процесс, когда в татарских деревнях все больше становится людей других национальностей. Скажем, в Тюменском районе Тюменской области в д.Каскара татары составляют всего четвертую часть населения, в сс.Ембаево и Муллашах только половину. Создание в данных деревнях сельскохозяйственных предприятий: птицефабрики, овощного хозяйства и т.п., потребовало притока трудовых ресурсов – представителей разных этнических групп.

Как показывают материалы советских переписей послевоенного периода, во всех регионах Западной Сибири среди татарского населения наблюдалось доминирование

числа женщин над мужчинами. Это соответствовало общей демографической ситуации в стране. Несмотря на более высокую рождаемость мальчиков, чем девочек, смертность мужчин у татар региона всегда была выше, чем смертность женщин. В итоге, общее число женщин оказывается выше числа мужчин, особенно в старших возрастах. Так, в Тюменской области в 1989 г. на 1000 чел. среди татар в возрасте моложе трудоспособного и трудоспособного численное превосходство было у мужчин, а в старших возрастах (старше 50 лет) женщины превышали численность мужчин.

Половая диспропорция у татар Западной Сибири сохраняется и на современном этапе, причем она имеет региональные особенности (табл. 3–11). Число мужчин-татар в Ханты-Мансийском автономном округе составляет 52322 чел. (48,1%), женщин 56777 чел. (51,9%), Ямало-Ненецком автономном округе соответственно 13848 чел. (48,6%) и 14661 чел. (51,4%), Тюменской области – 114341 чел. (47,6%) и 125654 чел., (52,4%), Омской – 19545 чел. и 22325 чел. (46,7% и 53,3%), Новосибирской – 11676 чел. и 12482 чел. (48,3% и 51,7%), Томской – 8132 чел. и 8897 чел. (47,8% и 52,2%), Кемеровской – 18576 чел. (46,2%) и 21653 чел. (53,8%), Курганской – 7993 чел. (47,0%) и 9024 чел. (53%), Республике Хакасия – 1445 чел. (46,7%) и 1650 чел. (53,3%). Таким образом, более благоприятная половая структура наблюдается у татар, проживающих в Ямало-Ненецком автономном округе и в Новосибирской области. Самая неблагоприятная – в Омской, Кемеровской областях и в Республике Хакасия. Данные особенности связаны с развитием миграционных процессов в отдельных регионах. Как известно, доля мужчин в потоке мигрантов в трудоспособном возрасте выше, чем доля женщин. Обслуживание новых, нефтяных и газовых отраслей промышленности в отдельных регионах Западной Сибири стимулирует приток мужчин трудоспособного возраста и приводит к выравниванию половой структуры.

Диспропорция в половой структуре у татар Западной Сибири особенно характерна для городских жителей. Наибольший же разрыв между долей мужчин и женщин, зафиксированный ВПН–2010, среди татар-горожан Омской (45,4% и 54,6%) и Кемеровской (45,8% и 54,2%) областей. В других регионах эти показатели составляют: в Ханты-Мансийском автономном округе – 47,8% и 52,2%, Ямало-Ненецком автономном округе – 48,3% и 51,7%, Тюменской области – 47,3% и 52,7%, Новосибирской области – 47,3% и 52,7%, Томской области – 47,5% и 52,5%, Кемеровской области – 45,8% и 54,2%, Курганской области – 46,1% и 53,9%, Республике Хакасия – 46,1% и 53,9%. Среди татарского сельского населения половая структура выглядит более сглаженной, особенно у татар-сельчан Новосибирской области (49,8% мужчин и 50,2% женщин), Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов (51,6% и 48,4% в каждом). В других регионах соотношение мужчин и женщин менее ровное (в Тюменской области – 48,7% и 51,3%, Омской области – 48,4% и 51,6%, Томской области – 48,4% и 51,6%, Кемеровской области – 48,8% и 51,2%, Курганской – 47,3% и 52,7%, Республике Хакасия – 48,6% и 51,4%).

Показатели современной возрастной структуры татар Западной Сибири свидетельствуют о доминировании числа лиц, находящихся в трудоспособном возрасте и преобладании лиц пенсионного возраста над лицами моложе трудоспособного возраста (табл. 3–11). Исключением являются Ханты-Манский и Ямало-Ненецкий автономные округа, а также Тюменская область, в которой доля татар моложе трудоспособного возраста составляет 16,3%, 17,3% 17,1% соответственно, а старше трудоспособного – 8,7%, 7,3% и 11,6%. В других регионах эти показатели составляют: в Омской области – 13,1% и 21,7%, Новосибирской области – 10,8% и 23,8%, Томской области – 9,3% и 24,3%, Кемеровской области – 6,5% и 31,2%, Курганской области – 12,7% и 26,2%, Республике Хакасия – 6,1% и 30,8%. Все это свидетельствует о старении татарского населения в данных регионах, невысокой рождаемости (особенно низкой в Кемеровской области и Республике Хакасия) и более благоприятном развитии естественных

процессов в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах и в Тюменской области. В итоге, из-за особенностей возрастной структуры самый низкий средний возраст татарского населения наблюдается в Ханты-Манскийском (34,9 года) и Ямало-Ненецком (34,2%) автономных округах, а также в Тюменской области – 35,4 года. Несколько хуже демографическое развитие зафиксировано ВПН–2010 в Омской (средний возраст – 40,5 лет), Новосибирской (42,3 года), Томской (42,4 года), Курганской (42,9 года) областях. Самые высокие показатели среднего возраста характеры для татар-жителей Кемеровской обл. (47,7 года) и Республики Хакасия (46,6 года). Данные о рождаемости последних лет показывают, что рождаемость у татарского населения несколько выше, чем в среднем по регионам Западной Сибири. Однако наблюдается тенденция сокращения рождаемости, что ведет к заметному уменьшению естественного роста населения и уменьшению размера семьи. Сокращение рождаемости у татар, как и у других народов постсоветского пространства, в последние годы связано с урбанизацией и с материальными, жилищно-бытовыми трудностями.

В сравнении с татарским сельским населением более благоприятная возрастная структура наблюдается у горожан. Это характерно для татар, живущих в Ханты-Мансийском автономном округе, Омской, Новосибирской, Кемеровской и Курганской областях. В ряде данных регионов в городах наблюдается несколько более высокая доля лиц моложе трудоспособного возраста, более низкая – лиц старше трудоспособного возраста. Для сельчан характерен более низкий средний возраст, чем для горожан. Это позволяет сделать вывод о более позитивном потенциале возрастной структуры сельчан Ханты-Мансийского автономного округа, Омской, Новосибирской, Кемеровской и Курганской областей в сравнении с другими регионами Западной Сибири.

Таблица 3

Численность татар в Тюменской области, ВПН–2010, чел.

	Городское и сельское население			**Городское население**			**Сельское население**		
	мужчины и женщины	**мужчины**	**женщины**	**мужчины и женщины**	**мужчины**	**женщины**	**мужчины и женщины**	**мужчины**	**женщины**
Всего	**239995**	**114341**	**125654**	**178773**	**84544**	**94229**	**61222**	**29797**	**31425**
в том числе									
в возрасте, лет:									
0 – 4	14913	7807	7106	10346	5435	4911	4567	2372	2195
5 – 9	12159	6287	5872	8487	4371	4116	3672	1916	1756
10 – 14	11253	5818	5435	7891	4064	3827	3362	1754	1608
15 – 17	7887	4056	3831	5698	2904	2794	2189	1152	1037
18 – 19	6051	3036	3015	4634	2307	2327	1417	729	688
20 – 24	23448	11820	11628	18179	9093	9086	5269	2727	2542
25 – 29	25123	12526	12597	19889	9834	10055	5234	2692	2542
30 – 34	19997	9882	10115	15723	7699	8024	4274	2183	2091
35 – 39	16992	8173	8819	13011	6200	6811	3981	1973	2008
40 – 44	18085	8467	9618	13526	6171	7355	4559	2296	2263
45 – 49	24775	11361	13414	19189	8532	10657	5586	2829	2757
50 – 54	24666	11441	13225	19063	8696	10367	5603	2745	2858
55 – 59	15191	6823	8368	11148	4939	6209	4043	1884	2159
60 – 64	7352	3166	4186	5177	2217	2960	2175	949	1226
65 – 69	2754	1014	1740	1841	680	1161	913	334	579
70 и более	9347	2664	6683	4970	1402	3568	4377	1262	3115
возраст не указан	2	–	2	1	–	1	1	–	1
Из общей численности – население в возрасте:									
моложе трудоспособного	40966	21267	19699	28576	14812	13764	12390	6455	5935
трудоспособном	171206	86230	84976	131999	65433	66566	39207	20797	18410
старше трудоспособного	27821	6844	20977	18197	4299	13898	9624	2545	7079
Средний возраст	35,4	33,7	36,9	35,1	33,6	36,4	36,2	34,1	38,1
Медианный возраст	34,8	32,8	36,8	34,5	32,6	36,4	35,8	33,4	38,1

Таблица 4

Численность татар в Ханты-Мансийском автономном округе-Югра, ВПН–2010, чел.

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Всего	**108899**	**52322**	**56577**	**102453**	**48993**	**53460**	**6446**	**3329**	**3117**
в том числе									
в возрасте, лет:									
0 – 4	6228	3273	2955	5866	3085	2781	362	188	174
5 – 9	5380	2753	2627	5004	2546	2458	376	207	169
10 – 14	4980	2576	2404	4675	2421	2254	305	155	150
15 – 17	3319	1652	1667	3141	1563	1578	178	89	89
18 – 19	2271	1133	1138	2171	1090	1081	100	43	57
20 – 24	10479	5347	5132	9862	4995	4867	617	352	265
25 – 29	12335	6129	6206	11605	5722	5883	730	407	323
30 – 34	9985	4975	5010	9328	4621	4707	657	354	303
35 – 39	8140	3859	4281	7622	3589	4033	518	270	248
40 – 44	8634	4017	4617	8060	3726	4334	574	291	283
45 – 49	12386	5611	6775	11709	5256	6453	677	355	322
50 – 54	12265	5732	6533	11625	5402	6223	640	330	310
55 – 59	6544	2991	3553	6162	2810	3352	382	181	201
60 – 64	2890	1293	1597	2749	1234	1515	141	59	82
65 – 69	946	360	586	912	350	562	34	10	24
70 и более	2117	621	1496	1962	583	1379	155	38	117
возраст не указан	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Из общей численности – население									
в возрасте:									
моложе трудоспособного	17739	9177	8562	16625	8590	8035	1114	587	527
трудоспособном	81654	40871	40783	76853	38236	38617	4801	2635	2166
старше трудоспособного	9506	2274	7232	8975	2167	6808	531	107	424
Средний возраст	34,9	33,7	35,9	34,9	33,8	36,0	34,4	33,3	35,6
Медианный возраст	34,7	33,2	36,3	34,8	33,2	36,3	34,2	32,9	35,5

Таблица 5

Численность татар в Ямало-Ненецком автономном округе, ВПН–2010, чел.

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Всего	**28509**	**13848**	**14661**	**26496**	**12809**	**13687**	**2013**	**1039**	**974**
в том числе									
в возрасте, лет:									
0 – 4	1719	904	815	1576	822	754	143	82	61
5 – 9	1483	769	714	1361	708	653	122	61	61
10 – 14	1391	738	653	1304	694	610	87	44	43
15 – 17	905	494	411	845	464	381	60	30	30
18 – 19	482	278	204	451	261	190	31	17	14
20 – 24	2459	1211	1248	2299	1122	1177	160	89	71
25 – 29	3391	1708	1683	3163	1574	1589	228	134	94
30 – 34	2800	1337	1463	2630	1241	1389	170	96	74
35 – 39	2513	1265	1248	2337	1172	1165	176	93	83
40 – 44	2264	1059	1205	2096	975	1121	168	84	84
45 – 49	3174	1463	1711	2947	1348	1599	227	115	112
50 – 54	3113	1485	1628	2892	1378	1514	221	107	114
55 – 59	1614	714	900	1492	658	834	122	56	66
60 – 64	647	283	364	598	262	336	49	21	28
65 – 69	154	54	100	148	53	95	6	1	5
70 и более	399	86	313	356	77	279	43	9	34
возраст не указан	1	–	1	1	–	1	–	–	–

Из общей численности – население в возрасте:									
моложе трудоспособного	4920	2589	2331	4545	2390	2155	375	199	176
трудоспособном	21488	10836	10652	20014	10027	9987	1474	809	665
старше трудоспособного	2100	423	1677	1936	392	1544	164	31	133
Средний возраст	34,2	33,0	35,3	34,2	33,0	35,3	34,3	32,9	35,8
Медианный возраст	34,3	33,0	35,5	34,2	33,0	35,4	35,1	33,3	37,3

Таблица 6

Численность татар в Омской области, ВПН- 2010 г., чел.

	Городское и сельское население			**Городское население**			**Сельское население**		
	мужчины и женщины	**мужчины**	**женщины**	**мужчины и женщины**	**мужчины**	**женщины**	**мужчины и женщины**	**мужчины**	**женщины**
Всего	**41870**	**19545**	**22325**	**24284**	**11029**	**13255**	**17586**	**8516**	**9070**
в том числе в возрасте, лет:									
0 – 4	1841	959	882	820	431	389	1021	528	493
5 – 9	1567	844	723	726	389	337	841	455	386
10 – 14	1659	875	784	670	354	316	989	521	468
15 – 17	1344	668	676	719	362	357	625	306	319
18 – 19	1248	637	611	882	432	450	366	205	161
20 – 24	3602	1919	1683	2345	1230	1115	1257	689	568
25 – 29	3292	1704	1588	2065	1056	1009	1227	648	579
30 – 34	2858	1412	1446	1755	887	868	1103	525	578
35 – 39	2693	1351	1342	1549	756	793	1144	595	549
40 – 44	3038	1464	1574	1730	793	937	1308	671	637
45 – 49	4190	1940	2250	2418	1051	1367	1772	889	883
50 – 54	4243	1943	2300	2484	1085	1399	1759	858	901
55 – 59	3084	1295	1789	1865	729	1136	1219	566	653
60 – 64	1960	858	1102	1223	537	686	737	321	416
65 – 69	1013	375	638	658	232	426	355	143	212
70 и более	4238	1301	2937	2375	705	1670	1863	596	1267
возраст не указан	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Из общей численности – население в возрасте:									
моложе трудоспособного	5480	2888	2592	2410	1288	1122	3070	1600	1470
трудоспособном	27390	14123	13267	16482	8267	8215	10908	5856	5052
старше трудоспособного	9000	2534	6466	5392	1474	3918	3608	1060	2548
Средний возраст	40,5	37,8	42,8	41,1	38,2	43,5	39,5	37,2	41,8
Медианный возраст	41,5	37,8	44,6	41,9	37,4	45,3	41,0	38,3	43,5

Таблица 7

Численность татар в Новосибирской области, ВПН–2010, чел.

	Городское и сельское население			**Городское население**			**Сельское население**		
	мужчины и женщины	**мужчины**	**женщины**	**мужчины и женщины**	**мужчины**	**женщины**	**мужчины и женщины**	**мужчины**	**женщины**
Всего	**24158**	**11676**	**12482**	**14144**	**6686**	**7458**	**10014**	**4990**	**5024**
в том числе в возрасте, лет:									
0 – 4	850	448	402	365	191	174	485	257	228
5 – 9	773	376	397	330	164	166	443	212	231
10 – 14	818	428	390	313	164	149	505	264	241
15 – 17	653	365	288	333	180	153	320	185	135
18 – 19	697	417	280	547	325	222	150	92	58
20 – 24	1990	1146	844	1346	770	576	644	376	268
25 – 29	1737	945	792	1082	585	497	655	360	295
30 – 34	1620	834	786	981	503	478	639	331	308

35 – 39	1594	845	749	905	474	431	689	371	318
40 – 44	1720	877	843	957	493	464	763	384	379
45 – 49	2435	1150	1285	1317	573	744	1118	577	541
50 – 54	2609	1208	1401	1471	649	822	1138	559	579
55 – 59	1956	907	1049	1215	543	672	741	364	377
60 – 64	1332	572	760	885	352	533	447	220	227
65 – 69	697	288	409	480	189	291	217	99	118
70 и более	2677	870	1807	1617	531	1086	1060	339	721
возраст не указан	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Из общей численности – население в возрасте:									
моложе трудоспособного	2617	1350	1267	1072	549	523	1545	801	744
трудоспособном	15786	8596	7190	9418	5065	4353	6368	3531	2837
старше трудоспособного	5755	1730	4025	3654	1072	2582	2101	658	1443
Средний возраст	42,3	39,6	44,9	43,2	40,2	46,0	41,0	38,8	43,2
Медианный возраст	44,1	40,2	47,0	44,6	39,9	48,2	43,4	40,7	45,5

Таблица 8

Численность татар в Томской области, ВПН–2010, чел.

	Городское и сельское население			**Городское население**			**Сельское население**		
	мужчины и женщины	**мужчины**	**женщины**	**мужчины и женщины**	**мужчины**	**женщины**	**мужчины и женщины**	**мужчины**	**женщины**
Всего	**17029**	**8132**	**8897**	**12308**	**5845**	**6463**	**4721**	**2287**	**2434**
в том числе в возрасте, лет:									
0 – 4	519	269	250	357	189	168	162	80	82
5 – 9	456	271	185	331	198	133	125	73	52
10 – 14	480	265	215	327	180	147	153	85	68
15 – 17	377	206	171	258	137	121	119	69	50
18 – 19	444	247	197	364	203	161	80	44	36
20 – 24	1499	860	639	1179	666	513	320	194	126
25 – 29	1366	717	649	1032	542	490	334	175	159
30 – 34	1297	665	632	986	499	487	311	166	145
35 – 39	1110	573	537	841	432	409	269	141	128
40 – 44	1127	594	533	829	425	404	298	169	129
45 – 49	1563	735	828	1091	515	576	472	220	252
50 – 54	1969	878	1091	1357	576	781	612	302	310
55 – 59	1534	677	857	1088	473	615	446	204	242
60 – 64	1035	437	598	738	307	431	297	130	167
65 – 69	447	174	273	312	120	192	135	54	81
70 и более	1806	564	1242	1218	383	835	588	181	407
возраст не указан	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Из общей численности – население в возрасте:									
моложе трудоспособного	1572	873	699	1094	611	483	478	262	216
трудоспособном	11312	6084	5228	8331	4424	3907	2981	1660	1321
старше трудоспособного	4145	1175	2970	2883	810	2073	1262	365	897
Средний возраст	42,7	39,7	45,5	42,1	39,1	44,8	44,3	41,2	47,2
Медианный возраст	44,4	39,9	47,9	43,2	38,5	47,0	47,4	43,3	49,8

Таблица 9

Численность татар в Кемеровской обл., ВПН–2010 г., чел.

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Всего	**40229**	**18576**	**21653**	**34972**	**16012**	**18960**	**5257**	**2564**	**2693**
в том числе									
в возрасте, лет:									
0 – 4	829	465	364	655	368	287	174	97	77
5 – 9	780	428	352	618	349	269	162	79	83
10 – 14	819	432	387	647	346	301	172	86	86
15 – 17	652	363	289	548	304	244	104	59	45
18 – 19	701	380	321	633	343	290	68	37	31
20 – 24	2331	1301	1030	2034	1125	909	297	176	121
25 – 29	2457	1387	1070	2142	1212	930	315	175	140
30 – 34	2285	1203	1082	1969	1043	926	316	160	156
35 – 39	2356	1164	1192	2046	1013	1033	310	151	159
40 – 44	2761	1422	1339	2407	1229	1178	354	193	161
45 – 49	4433	2104	2329	3866	1827	2039	567	277	290
50 – 54	5381	2460	2921	4713	2105	2608	668	355	313
55 – 59	4227	1912	2315	3655	1638	2017	572	274	298
60 – 64	2385	988	1397	2080	842	1238	305	146	159
65 – 69	1425	493	932	1251	423	828	174	70	104
70 и более	6407	2074	4333	5708	1845	3863	699	229	470
возраст не указан	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Из общей численности – население									
в возрасте:									
моложе трудоспособного	2625	1442	1183	2085	1160	925	540	282	258
трудоспособном	25072	13579	11493	21831	11742	10089	3241	1837	1404
старше трудоспособного	12532	3555	8977	11056	3110	7946	1476	445	1031
Средний возраст	47,7	44,5	50,4	48,0	44,7	50,8	45,4	43,0	47,8
Медианный возраст	49,7	47,0	51,7	49,9	47,1	51,9	48,3	46,4	50,0

Таблица 10

Численность татар в Курганской обл., ВПН–2010 г., чел.

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Всего	**17017**	**7993**	**9024**	**4968**	**2290**	**2678**	**12049**	**5703**	**6346**
в том числе									
в возрасте, лет:									
0 – 4	666	339	327	120	71	49	546	268	278
5 – 9	621	319	302	92	50	42	529	269	260
10 – 14	719	410	309	105	60	45	614	350	264
15 – 17	487	251	236	130	70	60	357	181	176
18 – 19	422	247	175	190	119	71	232	128	104
20 – 24	1208	657	551	432	231	201	776	426	350
25 – 29	1082	576	506	342	180	162	740	396	344
30 – 34	890	460	430	306	149	157	584	311	273
35 – 39	1028	487	541	321	160	161	707	327	380
40 – 44	1264	633	631	352	162	190	912	471	441
45 – 49	1692	825	867	488	220	268	1204	605	599
50 – 54	1805	847	958	542	229	313	1263	618	645
55 – 59	1450	678	772	464	212	252	986	466	520
60 – 64	1032	416	616	370	133	237	662	283	379
65 – 69	492	175	317	161	65	96	331	110	221
70 и более	2159	673	1486	553	179	374	1606	494	1112
возраст не указан	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Из общей численности – население									

в возрасте:									
моложе трудоспособного	2162	1154	1008	346	199	147	1816	955	861
трудоспособном	10400	5575	4825	3286	1714	1572	7114	3861	3253
старше трудоспособного	4455	1264	3191	1336	377	959	3119	887	2232
Средний возраст	42,9	40,0	45,6	44,0	40,8	46,8	42,5	39,6	45,1
Медианный возраст	45,4	42,2	48,2	45,9	41,7	49,0	45,1	42,3	47,8

Таблица 11

Численность татар в Республике Хакасия, ВПН–2010, чел.

	Городское и сельское население			**Городское население**			**Сельское население**		
	мужчины и женщины	**мужчины**	**женщины**	**мужчины и женщины**	**мужчины**	**женщины**	**мужчины и женщины**	**мужчины**	**женщины**
Всего	**3095**	**1445**	**1650**	**2377**	**1096**	**1281**	**718**	**349**	**369**
в том числе в возрасте, лет:									
0 – 4	56	26	30	40	18	22	16	8	8
5 – 9	46	25	21	37	20	17	9	5	4
10 – 14	69	38	31	55	31	24	14	7	7
15 – 17	50	26	24	40	18	22	10	8	2
18 – 19	58	32	26	49	26	23	9	6	3
20 – 24	216	127	89	176	106	70	40	21	19
25 – 29	212	118	94	163	88	75	49	30	19
30 – 34	231	118	113	182	91	91	49	27	22
35 – 39	203	96	107	164	82	82	39	14	25
40 – 44	192	91	101	146	70	76	46	21	25
45 – 49	282	135	147	228	109	119	54	26	28
50 – 54	369	162	207	269	109	160	100	53	47
55 – 59	354	158	196	272	116	156	82	42	40
60 – 64	225	98	127	173	68	105	52	30	22
65 – 69	128	54	74	92	40	52	36	14	22
70 и более	404	141	263	291	104	187	113	37	76
возраст не указан	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Из общей численности – население в возрасте:									
моложе трудоспособного	188	98	90	146	77	69	42	21	21
трудоспособном	1954	1054	900	1519	807	712	435	247	188
старше трудоспособного	953	293	660	712	212	500	241	81	160
Средний возраст	46,6	44,1	48,8	46,0	43,5	48,2	48,4	46,0	50,6
Медианный возраст	49,1	46,1	51,0	48,5	44,9	50,5	51,5	50,2	52,3

Материалы ВПН–2010 предоставляют данные об уровне брачности татар Западной Сибири. Самый высокий показатель был зафиксирован среди татар Ямало-Ненецкого автономного округа – 70,1% и 65,1% женщин старше 16 лет и живущих в городах и селах региона, состоят в браке. Близкий показатель и в Ханты-Мансийском автономном округе – 69,6% и 64,1%, в Тюменской области – 66,9% и 60,8%. Немного ниже этот показатель в Новосибирской области (63,3% и 54,8%), а также в Омской области (62% и 54,1%), Томской области (64,2% и 54,1%), Курганской области (66,4% и 55,9%), Кемеровской области (67,5% и 50,3%), в Республике Хакасия – 67,4% и 54,0%.

В заключении отметим, что материалы ВПН–2010 г. показывают неодинаковое развитие современной демографической ситуации у татар, проживающих в регионах Западной Сибири. Это проявляется в неравномерном распределении их численности в областях (самая высокая в Тюменской области), различном уровне урбанизации (самая высокая в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах), особенностях половой (более сглаженная в Ямало-Ненецком автономном округе и в Новосибирской области) и возрастной структуры (самая благоприятная в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, в Тюменской области), брачности (самая высокая в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, в Тюменской области).

Состояние современной половозрастной структуры позволяет сделать вывод о развитии тенденций к сокращению численности татарского населения в Омской, Новосибирской, Томской, Кемеровской, Курганской областях и в Республике Хакасия. Увеличения численности татар следует ожидать в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком автономных округах и, в целом, в Тюменской области.

§ 2. Трехпоколенная динамика особенностей воспроизводства локальных популяций

Марина Ульянова, Мария Лавряшина, Дарья Долинина, Зайтуна Тычинских, Владимир Дружинин

Вопросы, связанные с процессом формирования и перспективами развития коренных сибирских народов, несмотря на более чем 200-летнюю историю изучения, не утрачивают своей актуальности и продолжают привлекать внимание специалистов различных областей знания – истории, антропологии, этнографии, лингвистики, этнологии и так далее. Совершенствование методологического аппарата и инструментария современной генетики, позволяет по-новому подойти к решению целого ряда проблем. Знания о структуре генофондов коренных сибирских популяций дают представления о путях миграций различных племен и народов, выявляют вклад тех или иных этнических компонентов в этногенез отдельных групп коренного населения Сибири [Степанов, 2002; Деренко, Малярчук, 2010; Балаганская, Балановская, Лавряшина и др., 2011; Вагайцева, Харьков, Черпинская и др., 2015 и многие другие]. Исследование генетической структуры популяций и выявление специфических генных комплексов делают возможным под иным углом зрения взглянуть на распространенность в популяциях тех или иных заболеваний, говорить об адаптационном потенциале популяций [Боринская, Янковский, 2013; Романова, Воевода, Максимов и др., 2014; Шахтшнейдер, Куликов, Максимов и др., 2014; Knappskog, Gansmo, Dibirova et al., 2014; Swarovskaya, Stepanova, Marussin et al., 2015].

Однако специфика современного развития коренного населения Сибири остро ставит перед исследователями новую проблему. На настоящем этапе этнической истории все коренные сибирские народы оказываются подвержены активным ассимиляционным процессам в результате интенсификации миграций и межэтнических браков. Популяции человека – особый, уникальный объект изучения генетики. Это связано с тем, что на становление и динамику генетической структуры человеческих популяций оказывают влияние не только естественно-биологические факторы (климат, особенности питания, болезни и т.д.), но и сложный комплекс факторов социальный природы. Очевидно, что миграция и межэтническое смешение способствуют притоку в популяцию новых генов, что приводит к изменению генетической структуры популяций, к «размыванию» исторически сложившихся генных комплексов, обеспечивающих приспособленность популяций к особенностям среды. При этом темпы метисации коренных народов, а, следовательно, и темпы трансформации их генофондов различны даже в пределах одного региона. Причины этих различий обусловлены, прежде всего, особенностями ареалов популяций и генетико-демографических процессов в них.

Необходимо отметить, что сибирские татары – одна из наиболее крупных этнических групп в составе коренного населения Западной Сибири, характеризующаяся обширной территорией расселения. Основной этнический ареал современных сибирских татар расположен в административных границах, как минимум, четырех крупных сибирских регионов: Тюменской, Омской, Новосибирской и Томской областей. Кроме

того, небольшие группы сибирских татар проживают в Кемеровской области (калмаки, чаты) и в Красноярском крае (чулымские татары). Будучи обширной также и по численности населения этнической общностью, сибирские татары имеют более широкие контакты (генетические, демографические, социальные, культурные) с доминирующим обществом, чем другие коренные народы Западной Сибири (в особенности малочисленные). По этой причине отдельные территориальные и локальные группы сибирских татар должны существенно различаться в отношении практикуемых ими моделей адаптации к природной, социально-экономической, культурной и этнической среде через особенности воспроизводства, структуру заболеваемости, механизмы демографического перехода, смены идентичности, социальных и культурных трансформаций.

В ходе экспедиций в Тюменскую область в 2013–2015 гг. (грант РФФИ, проект №14-06-00272А; госконтракт №2015/2162) было обследовано коренное население Западной Сибири – тоболо-иртышские сибирские татары (тобольской группы – искеротобольские, иштякско-тогузские; тюменско-туринской группы – ялуторовские и тюменские (бухарцы); ясколбинской группы – ясколбинские или заболотные). География обследованных этнических ареалов включала места компактного расселения выше указанных групп сибирских татар в административных границах четырех районов Тюменской области – Вагайском, Тобольском, Тюменском и Ялуторовском (табл. 1).

Таблица 1

География экспедиций и обследованные группы тоболо-иртышских татар Тюменской области

Группа	Район	Сельское поселение (СП)
Татары-бухарцы	Тюменский	Ембаевское
Ялуторовские татары	Ялуторовский	Асланинское
Искеро-тобольские	Тобольский	Загваздинское Полуяновское Бегишевское
Иштякско-тогузские	Вагайский	Казанское Тукузское
Ясколбинские	Тобольский	Ачирское Лайтамакское

Материалом для данного исследования послужили записи книг похозяйственного учета сельского населения, неперсонифицированные акты ЗАГС о заключении брака, демографические анкеты. Анализ особенностей воспроизводства осуществлялся в динамике (временной интервал с 1940-х по 2014 гг.). Максимальный охват составил три непересекающихся поколения.

Динамика параметров численности, половозрастной структуры и показателей воспроизводства (данные анализа записей похозяйственных книг) будет рассмотрена нами в настоящей статье на примере локальных популяций татар искеро-тобольской и тюменской подгруппы. Искеро-тобольские татары – это подгруппа тобольской группы тоболо-иртышских сибирских татар. Места компактного расселения татар искеротобольской группы расположены в Тобольском районе по правому берегу реки Иртыша на расстоянии от 35–70 км до г.Тобольска. Тюменские татары в данном фрагменте исследования представлены татарами-бухарцами. Это этносословная группа внутри тюменско-туринской группы тюменской подгруппы. Этнический ареал татар-бухарцев, расположенный в Тюменском районе, находится на расстоянии 17 км от областного центра – г.Тюмени. Проведенный анализ выявил следующее.

Изучение динамики параметров численности продемонстрировало разнонаправленность регистрируемых процессов в исследованных локальных популяциях (табл. 2).

Таблица 2

Динамика параметров численности исследованных локальных популяций тоболо-иртышских татар*

Группа	Временные периоды	N_t	N_r	N_e	N_e / N_r	N_e / N_t
Искеро-тобольская	1950-е	3070	955	954,92	0,99	0,31
	1980-е	3153	1384	1362,12	0,98	0,43
	2010-е	2217	1078	1074,66	0,99	0,48
Тюменская	1950-е	1040	528	519,24	0,98	0,50
	1980-е	2270	1339	1337,62	0,99	0,59
	2010-е	2764	1504	1476,87	0,98	0,54

* N_t – тотальный, N_r – репродуктивный, N_e – эффективно-репродуктивный размер популяций; N_e / N_r – доля эффективно-репродуктивного объема, N_e / N_t – доля эффективного объема в тотальной популяции.

У татар искеро-тобольской группы на современном этапе показано снижение всех анализируемых характеристик. В то время, как у татар-бухарцев тюменской группы, напротив, отмечается рост параметров численности. Отметим, что Ембаевское СП, в котором компактно проживают тюменские татары-бухарцы, расположено рядом с городом Тюмень, что, вероятно, обуславливает особенности демографического развития населения данной территории. Особенно важным параметром с точки зрения популяционной генетики численности является эффективно-репродуктивный размер (N_e) популяции, так как именно с этой характеристикой связаны перспективы изменения численности популяции в следующем поколении. Выявленные тенденции позволяют предположить снижение размера и генетического разнообразия в популяции искеро-тобольских татар.

Другим важным параметром является соотношение полов (табл. 3), так как любой дисбаланс в структуре полов будет ограничивать перспективы воспроизводства популяции. Наибольшее значение в этом отношении играет население, находящееся в репродуктивном возрасте, так как именно эта группа способна внести свой вклад в процесс воспроизводства.

Таблица 3

Динамика соотношения полов в исследованных локальных популяциях тоболо-иртышских татар

Группа	Фертильный класс	Временной период (годы)		
		1950-е	1980-е	2010-е
Искеро-тобольская	Дорепродуктивный	1,21	1,00	1,03
	Репродуктивный	**1,02**	**1,28**	**1,12**
	Пострепродуктивный	0,32	0,40	0,57
Тюменская	Дорепродуктивный	1,23	1,11	1,12
	Репродуктивный	**0,77**	**1,07**	**1,31**
	Пострепродуктивный	0,30	0,27	0,44

Данные, приведенные в таблице 3, показывают, что временной интервал 1950-х гг. являлся наиболее благоприятным для обеспечения процессов воспроизводства популяции искеро-тобольских татар, а 1980-х гг. – тюменской. На современном этапе в обеих исследованных популяциях отмечен дисбаланс в структуре полов в сторону увеличения доли мужчин, особенно выраженный в тюменской группе.

Не меньший интерес представляет анализ динамики показателя «средний возраст» (табл. 4). В ряду исследованных поколений в обеих группах татар средний возраст демонстрирует выраженный рост, как у населения в целом, так и у мужчин и женщин, в частности. Средний возраст женщин во все интервалы времени оказывается выше, чем средний возраст мужчин. У тюменских татар-бухарцев в настоящее время средний возраст населения в целом несколько выше, чем у искеро-тобольских сибирских татар, что отражает тенденцию к постарению популяции, о чем будет сказано ниже.

Таблица 4

Динамика показателя среднего возраста в локальных популяциях тоболо-иртышских татар*

Популяция	Пол	Временной период (годы)		
		1950-е	1980-е	2010-е
Искеро-тобольская	♂	20,17	24,10[1]	35,23[1,2]
	♀	26,29	29,91[1]	36,49[1,2]
	♂ + ♀	23,59	27,09[1]	35,34[1,2]
Тюменская	♂	22,05	25,10[1]	34,70[1,2]
	♀	29,62	30,58	38,28[1,2]
	♂ + ♀	26,32	28,43[1]	36,54[1,2]

* Верхний индекс отображает статистически значимые различия (критерий Стьюдента, $p>0,05$) между поколениями: 1 – 1950-е, 2 – 1980-е, 3 – 2010-е гг.

На основе соотношения фертильных классов оценивают свойственный популяции тип воспроизводства – расширенный, простой или суженный. Данные таблицы 5 отражают произошедшую смену типа воспроизводства у искеро-тобольских с расширенного в 1950-е гг. на суженный в 2010-е гг. У тюменских татар во всех изученных поколениях отмечен суженный тип воспроизводства, со стабильным снижением в ряду поколений доли дорепродуктивного возрастного класса. Суженный тип воспроизводства, характеризующийся низкой долей лиц дорепродуктивного класса, в перспективе может привести к снижению численности популяции.

Таблица 5

Динамика соотношения фертильных классов в исследованных локальных популяциях

Репродуктивный класс	Временной период		
	1950-е	1980-е	2010-е
Искеро-тобольская			
Дорепродуктивный	53,21	37,03	26,76
Репродуктивный	33,24	43,95	49,03
Пострепродуктивный	13,55	19,02	24,21
Тюменская			
Дорепродуктивный	31,21	24,43	17,10
Репродуктивный	51,01	59,59	54,71
Пострепродуктивный	17,78	15,98	28,19

Выявленный рост показателя среднего возраста в исследованных популяциях и смена типа воспроизводства позволяют предположить постарение исследованных популяций тоболо-иртышских сибирских татар. Для измерения старения населения применяют специальные шкалы, основанные на указанных значениях возраста. В России

это возраст 60 лет, в этом случае применяется шкала Ж.Боже-Гарнье – Э.Россета. По этой шкале, если доля лиц в возрасте 60 лет меньше 8%, то это демографическая молодость; от 8 до 10% – первое преддверие старости; от 10 до 12% – собственно преддверие старости; от 12 и выше – демографическая старость. Проведенный анализ возрастной структуры показал, что данный показатель у тюменских и искеро-тобольских татар преодолел 12% порог (14,04% и 12,87%, соответственно), то есть для этих популяций свойственна демографическая старость.

Таким образом, исследование динамики параметров численности, половозрастной структуры и показателей воспроизводства, в целом, выявляет однонаправленность процессов генетико-демографического развития: увеличение среднего возраста, смену типа воспроизводства, дисбаланс структуры полов. Все это позволяет характеризовать динамику генетико-демографических процессов как негативную. Отмечено различие в динамике параметров численности исследованных популяций. Однако, как будет показано далее, увеличение численности тюменских татар-бухарцев Ембаевского СП, скорее всего, определяется не процессами воспроизводства в данной популяции, а обеспечивается миграционным притоком с иных территорий.

На следующем этапе исследования анализировались особенности репродуктивного статуса тоболо-иртышских татар с целью изучения динамики ряда важнейших показателей, характеризующих особенности репродукции населения, а именно: продолжительность физиологического и реального репродуктивного периода, уровень рождаемости, уровень пренатальных и дорепродуктивных потерь, механизмы регуляции рождаемости, давление естественного отбора и прочее.

Репродуктивный статус тоболо-иртышских сибирских татар Тюменской области будет описан на примере татар ясколбинской и ялуторовской групп. Ялуторовские татары относятся к тюменской подгруппе тюменско-туринской группы. Они компактно расселены в Ялуторовском районе. Локальные популяции ялуторовских татар расположены на расстоянии 35–60 км от г.Ялуторовска. Ясколбинские татары представляют отдельную группу тоболо-иртышских татар. Они населяют территорию болотистого края к западу и северо-западу от г.Тобольска (50–100 км). Локальные популяции ясколбинских татар территориально изолированы и представлены преимущественно моноэтничными поселениями.

Исследование репродуктивных особенностей вышеуказанных групп показало, что физиологический репродуктивный период у ясколбинских татар превышает таковой у ялуторовских на 2,5 года (табл. 6).

Таблица 6

Витальные характеристики у сибирских татарок завершенного репродуктивного периода, x ± s.e*

Показатель	Группа	
	Ялуторовские	Ясколбинские
Беременности	4,01 ± 0,25	4,92 ± 0,33
Живорожденные	**2,55 ± 0,14**	**3,50 ± 0,23**
Мертворожденные	0,07 ± 0,03	0,15 ± 0,06
Медицинские аборты	1,18 ± 0,15	0,91 ± 0,16
Спонтанные аборты	0,21 ± 0,11	0,35 ± 0,08
Выжившие дети	**2,53 ± 0,14**	**3,33 ± 0,23**

* Жирным шрифтом выделены значения, статистически значимо (X^2, p>0,05) отличающиеся между группами.

Что касается реального репродуктивного периода, то он в обеих группах характеризуется невысокой продолжительностью по сравнению, например, с коренными народами Южной Сибири (алтайцами и шорцами) [Лавряшина, Ульянова, Балановская, 2009]. В популяции ялуторовских татар реальный репродуктивный период не достигает даже 7 лет, у ясколбинских оказывается немного длиннее – 8,29 года. Кроме того, у ясколбинских татар оказывается выше среднее число беременностей и живорождений, при более низком среднем уровне медицинских абортов. Однако данная популяция испытывает большее давление естественного отбора – индекс Кроу (тотальная компонента отбора) у ясколбинских татар достигает 10,61%, что в 2,5 раза выше, чем у ялуторовских татар (3,98%).

Эффекты естественного отбора в популяции ясколбинских татар проявляются более высоким, по сравнению с ялуторовскими, уровнем пренатальных потерь (мертворождения и спонтанные аборты). Средний уровень дорепродуктивных потерь (детская смертность) в обеих исследованных популяциях невысок, однако у ясколбинских татар (0,12) данный показатель в 6 раз выше, чем у ялуторовских (0,02). Таким образом, анализ динамики показателей репродукции в двух поколениях сибирских татар выявляет снижение рождаемости, например у ясколбинских с 5,65 до 3,05, и снижение среднего уровня пренатальных потерь, при большей распространенности медицинских абортов и тенденции к росту детской смертности в ясколбинской популяции.

Брачно-миграционная структура, индекс эндогамии и интенсивность метисации тоболо-иртышских сибирских татар Тюменской области исследована по данным архивных материалов (актов ЗАГС о заключении баков и записей похозяйственных книг). Результаты анализа брачной структуры мы рассмотрим на примере иштякско-тогузских, искеро-тобольских и тюменских татар (табл. 7, 8). Краткая характеристика расположения этнических ареалов искеро-тобольских и тюменских татар уже была приведена выше. Что касается иштякско-тогузских татар, то они являются подгруппой тобольских татар. Места их компактного расселения расположены в Вагайском районе в левобережье реки Иртыша, по реке Вагаю и его притоку Агитке, а также в районе Уватских болот (60–100 км от районного центра с.Вагай).

Исследование динамики (1940–2014 гг.) индекса эндогамии иштякско-тогузских татар было проведено по данным актов ЗАГС о заключении браков татарского населения Вагайского района, в целом. Индекс эндогамии – один из показателей популяционной структуры, чем выше уровень эндогамии в популяции, т.е. чем чаще супруги происходят из одной и той же популяции, тем выше вероятность, что они являются родственниками и несут общие гены. Уровень эндогамии отражает степень генетической изолированности популяции. Для татарского населения Вагайского района показаны высокие значения внутрирайонного индекса эндогамии для обоих исследованных временных интервалов (1970-е, 2010-е гг.). В 1970-е гг. величина индекса составила 0,72, а к первому десятилетию XXI в. это значение продемонстрировало тенденцию к росту (0,75). Полученные значения эндогамии свидетельствуют о высокой степени брачной изолированности татарского населения Вагайского района, которая может определять и уровень инбридинга, и уровень отягощенности наследственной патологией.

В таблице 7 представлено соотношение однонациональных и межнациональных браков у татарского населения Вагайского района репродуктивного возраста в разные временные периоды. Во всех поколениях преобладают однонациональные татарские браки. Однако одновременно регистрируется повышение удельного веса смешанных браков в начале XXI в., что позволяет предположить снижение положительной брачной ассортативности по национальному признаку (A').

Таблица 7

Структура браков (%) в отношении национальной принадлежности супругов в татарском населении Вагайского района*

Годы	Общее число браков	Индекс ассортативности A' (%)	Тип брака		
			Т х Т	Т х Р	Т х Др
1940-е	117	98,93	97,44	0,00	2,56
1970-е	453	93,94	90,07	7,06	2,87
2010-е	247	85,71	83,00	15,79	1,21

* Т х Т – однонациональные татарские браки, Т х Р – браки татар и русских, Т х Др – браки татар с представителями других национальностей.

Сравнительный анализ индекса этнической ассортативности у татар Вагайского района показал, что в 1940-е гг. он очень высок, однако на протяжении трех поколений намечается тенденция к снижению данного показателя, к началу 2010-х гг. величина индекса снижается на 13,22%, что является прямым свидетельством снижения предпочтительного заключения браков с представителями своей национальности.

В целом, приведенные результаты анализа динамики некоторых показателей брачно-миграционной структуры татар Вагайского района Тюменской области свидетельствуют о существовании определенных изменений и в миграционной активности населения, и в структуре браков, произошедших за три поколения. Расширение брачного рынка, снижение уровня эндогамии, рост числа смешанных браков может привести к повышению уровня генетического разнообразия в популяции.

Далее был осуществлен анализ брачной структуры искеро-тобольских и иштякско-тогузских сибирских татар Вагайского района и тюменских татар-бухарцев Тюменского района Тюменской области по данным записей похозяйственных книг. Проанализированы записи похозяйственных книг Казанского, Тукузского, Бегишевского и Ембаевского сельских поселений за 1950-е, 1980-е и 2010-е гг., что охватывает временной период, соответствующий трем поколениям (табл. 8).

Таблица 8

Структура браков в отношении национальной принадлежности супругов в популяциях тоболо-иртышских сибирских татар (данные похозяйственных книг), %

Группа	Годы	Общее число браков	Тип брака		
			Т х Т	Т х Р	Т х Др
Искеро-тобольские	1950-е	302	100,00	0,00	0,00
	1980-е	241	97,10	2,90	0,00
	2010-е	199	89,45	9,05	1,51
Иштякско-тогузские	1950-е	283	100,00	0,00	0,00
	1980-е	209	99,52	0,00	0,48
	2010-е	135	91,17	8,83	0,00
Тюменские	1950-е	140	100,00	0,00	0,00
	1980-е	410	85,92	9,86	4,23
	2010-е	358	72,00	20,00	8,00

При сравнении темпов межэтнического смешения в популяциях искеро-тобольских и иштякско-тогузских сибирских татар показано некоторое усиление процессов метисации, однако, в целом, уровень однонациональных браков в данных подгруппах татар остается на достаточно высоком уровне, а смешение на современном этапе идет,

в основном, за счет заключения браков с русским населением. Темпы смешения у татар тюменской подгруппы оказываются значительно выше. В 2010-е гг. уровень межэтнических браков у них составил 28%, в структуре межэтнического смешения около 70% составляют браки с русскими. Таким образом, исследование динамики брачно-миграционной структуры и интенсивности метисации показало, что, несмотря на общность тенденций, заключающихся в усилении межэтнического смешения в среде сибирских татар, темпы и глубина этого процесса во времени в различных популяциях сибирских татар значительно варьируют.

В заключение необходимо отметить, что исследованная трехпоколенная динамика генетико-демографических процессов в коренном татарском населении Тюменской области наряду с общими тенденциями выявила и специфику показателей воспроизводства в изученных локальных популяциях. Как и можно было ожидать, в изменение генетической структуры популяции татар тюменской группы (татары-бухарцы, ялуторовские татары) основной вклад вносят такие факторы популяционной динамики, как миграция населения и усиливающееся межэтническое смешение. Это обусловлено территориальной близостью основных мест их компактного расселения к областному центру – городу Тюмени. Следствием влияния этих факторов будет рост генетического разнообразия в популяциях. Что касается искеро-тобольских, иштякско-тогузских и ясколбинских татар, то, по всей видимости, для локальных популяций татар этих групп можно ожидать снижение параметров численности и генетического разнообразия. Это обусловлено снижением параметров численности и дисбалансом в структуре полов, при сохраняющемся высоком индексе эндогамии и этнической брачной ассортативности.

Таким образом, результаты исследования всех охваченных групп тоболо-иртышских сибирских татар Тюменской области свидетельствуют о нарастании процессов трансформации их генофондов, что, в свою очередь, может оказать влияние на адаптационный потенциал популяций, привести к изменению структуры и уровня заболеваемости, а в конечном итоге, снизить качество жизни коренного татарского населения.

§ 3. Этнополитические процессы и формирование национальных общественных объединений

Зайтуна Тычинских, Дамир Исхаков

В середине 1980-х гг. в СССР начался глубокий кризис, коснувшийся всех сторон жизни общества – политики, системы государственного управления, экономики, социальной сферы и т.д. Особую остроту в этот период сфера приобрела межнациональных отношений. Советская национальная идеологема, основанная на провозглашении единства советского народа и практическом завершении решения всех национальных вопросов в условиях социализма, при нарастании кризиса показала свою несостоятельность. В этот период обнажились многие национальные проблемы, некоторые из которых привели к межнациональным конфликтам, включая и формы открытых вооруженных столкновений (в Нагорном Карабахе, Грузии, Молдавии, Азербайджане). Окончательным результатом системного кризиса в стране стал распад в 1991 г. Советского Союза.

При актуализации национального вопроса в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на всем советском пространстве начали формироваться национальные движения, выдвигавшие не только экономические, но и этнополитические, этнокультурные требования. Возникающие национальные организации направляли свои усилия на формирование программных документов, на выработку мер по укреплению национальной идентичности.

В Западной Сибири в этот период возникло татарское национальное движение. Оно было больше сосредоточено вокруг решения этнокультурных вопросов, проблем национального самосознания, сохранения родного языка, в том числе среди части татар Западной Сибири – сибирских татар. В него включились представители различных социальных слоев сибирских татар – ученые, преподаватели высших учебных заведений, учителя, работники государственных учреждений и культуры, рабочие, колхозники и др. Первым президентом Всетатарского общественного центра стал М.А. Мулюков. Лидеры татарского национального движения на страницах периодической печати начали публиковать статьи на русском и татарском языках, посвященные различным аспектам возрождения татарского народа. Главным в них являлся призыв к сибирским татарам активнее действовать в направлении сохранения себя как самостоятельного этноса. Особенно бурно эти процессы происходили в Тюменской и Омской областях.

Еще в начале 1980-х гг. происходило формирование теории самостоятельного происхождения сибирско-татарского этноса, отличного от поволжско-татарского. Данная концепция была изложена в трудах Ф.Т. Валеева и Н.А. Томилова [Валеев, 1980; Томилов, 1981], которые научно продвигали идею сибирско-татарской самобытности. Эта позиция наглядно видна в тезисе, изложенном Ф.Т. Валеевым: «Современные коренные татары [Сибири – З.Т., Д.И.] представляют собой самостоятельный этнос с присущими такой исторической общности устойчивыми признаками, как язык, этническая территория, этническое самосознание, конфессиональная общность, эндогамия, а в прошлом – социально-политическая общность, связанная с существованием Сибирского ханства» [Валеев, 1993, с.15–16].

Данная тенденция была подхвачена сибирско-татарской общественностью. В 1980-е гг. такие общественные деятели, как Б.В. Сулейманов, А.Г. Гаитов и другие, основываясь на концепции самостоятельного происхождения сибирско-татарского этноса и его этнокультурной самобытности, отстаивали идею необходимости национально-территориальной автономии сибирских татар. В итоге это движение сибирских татар совпало со всплеском национального самосознания народов СССР, исторически связанным с происходившими в стране демократическими реформами.

В 1988–1990 гг. в Тюменской области возник ряд татарских общественных объединений: Региональное подразделение «Татарского общественного центра» (ТОЦ), «Татарский культурный центр» (г.Тюмень), Объединение «Идегей», несколько татарских клубов (в гг.Тобольске и Ялуторовске). В 1988 г. по инициативе татарской общественности был создан «Комитет национального возрождения сибирских татар» (далее – КНВСТ) из 10 человек во главе с Булатом Сулеймановым и Анасом Гаитовым. Он был зарегистрирован 28 сентября 1990 г., уже после участия его лидеров в работе I съезда ТОЦ в г. Казани 17–18 февраля 1989 г. В результате участия руководителей КНВСТ на данном форуме, в решениях ТОЦ было констатировано существование у сибирских татар (наряду с астраханскими и литовскими) «языковых, культурных, и исторических особенностей». При этом в программном документе ТОЦ говорилось о необходимости создания в районах компактного расселения татар национальных районов, а также автономных округов (областей) [Исхаков, 1998б, с.105–106], что в последнем случае подразумевало учет требований именно сибирских татар.

КНВСТ, исходя из постулата о самоопределении народа и приверженности СССР к четырем международным договорам – обязательствам о предоставлении самостоятельности народам – большим и малым, автономии, ставила целью своей деятельности создание на территории Западной Сибири, где компактно проживают сибирские татары, административно-территориального образования в виде автономной республики. Достижение данной цели предполагалось путем государственных законодательных актов, референдумов, политических дискуссий, санкционированных митингов и демонст-

раций. Главной задачей данной организации было заявлено получение юридического признания и включение в список народов СССР сибирских татар как самостоятельного народа, обладающего особым происхождением, языком, культурой, традицией и бытом. КНВСТ предполагал активную работу по возрождению этнокультурных ценностей и языка путем широкой просветительской работы среди населения; подготовку совместно с государственными организациями и учреждениями учебников на «языке сибирских татар»; введение преподавания на родном языке в школах области; активное сотрудничество с другими народами, проживающими в регионе; решение вопроса о функционировании Тобольского татарского педучилища и создании факультетов татарской филологии в некоторых ВУЗах области.

В 1989 г. в г.Тобольске, а затем и в г.Тюмени, прошли «Круглые столы», на которых обсуждалась стратегия работы по предоставлению сибирским татарам статуса коренного народа Сибири и национально-территориальной автономии в рамках Российской Федерации, основанной на концепции самостоятельного происхождения сибирско-татарского этноса и его этнокультурной самобытности. Одним из главных результатов данного этапа движения стало создание в конце 1980-х гг. в г.Тобольске «Центра сибирско-татарской культуры» (первоначальное название – «Досуг»).

В июне 1990 г. в г.Тобольске прошла научно-практическая конференция, в заглавие которой впервые был выставлен этноним «сибирские татары» («Сибирские татары: история и современность»). Участниками конференции стали ученые (Ф.Т. Валеев, С.М. Исхакова, А.В. Головнев, Х.Ч. Алишина, З.А. Гафурова и др.), общественные деятели сибирских татар (Б.В.Сулейманов, А.Г. Гаитов, Р.Н. Яхина), представители общественности, интеллигенция города. По определению одного из организаторов конференции – А.В. Головнева, ныне члена-корреспондента РАН, «пожалуй, впервые сибирские татары провели самостоятельный форум, на котором их собственные проблемы излагались с их собственных позиций...».

29 сентября 1990 г. в г.Тюмени на учредительной конференции был создан оргкомитет «Ассоциации татар Тюменской области» (далее – АТТО). К этому времени уже имелся опубликованный проект программы «Ассоциация татар Сибири «Сыбыр». 24 ноября 1990 г. в печати появились проекты Устава и программы АТТО. В дальнейшем состоялось заседание оргкомитета АТТО, на котором был избран председатель оргкомитета (Р.М. Насибуллин). Был рассмотрен вопрос о сроках проведения нового съезда. Делегатами форума стали лица, выбранные на официальных собраниях, конференциях, проведенных до 10 декабря 1990 г. на предприятиях и организациях в городах, селах и деревнях области. Одновременно было опубликовано сообщение о принятом 13 ноября 1990 г. оргкомитетом АТТО решении созвать свой съезд в г.Тюмени 14–15 декабря 1990 г. (норма представительства – 1 делегат от 100 человек). Данный форум прошел в обозначенные сроки при участии 207 делегатов (из них 48 – с высшим образованием). На съезде были приняты ряд документов: резолюция о создании АТТО; Обращение к Верховному Совету СССР; Обращение к населению Тюменской области [Исхаков, 1992, с.34–35]. В «Обращении к Верховному Совету СССР» содержались пункты о признании за сибирскими татарами статуса коренного населения, о фиксации сибирских татар в графе «национальность» в паспортах как «сибирских татар» [Исхакова, Валеев, 1992б, с.24]. В резолюции I съезда было определено: «этническая общность татар, формирование которой произошло на данной территории… отличается от крымских и казанских татар по происхождению, способу хозяйствования, культуре и языку. Это дает основание поставить вопрос перед Верховными Советами РСФСР и СССР о признании самостоятельного этноса – «Сибирские татары» (сыбыры)». Одновременно съезд отказался от первоначального требования относительно создания для сибирских татар национального округа, ограничившись пунктом о формировании национальных сельских советов и районов. В итоге на данном фо-

руме возникли существенные разногласия между сибирскими и другими группами татар [Исхаков, 1992, с.35].

Постепенно в Тюменской области начинают активизироваться учреждения культуры, появляются новые коллективы татарской художественной самодеятельности, начинается вещание на радио, телевидении на татарском языке. Были созданы Центры национальной культуры в г.Тюмени и г.Тобольске. Появляются татарские общественные организации и во многих районах области, в том числе в городах Тюменского севера (гг.Нижневартовске, Нефтеюганске, Сургуте). Все они стали выдвигать этнополитические требования. Так, в 1992 г. представители Ялуторовской татарской общественной организации и участники Ялуторовской районной конференции татарской интеллигенции говорили о необходимости изменения культурно-образовательной политики и учете администрацией района «специфических интересов 7-тысячного сибирскотатарского населения региона».

Наряду с этнополитической деятельностью татарские общественные организации Тюменской области большие усилия прилагали и к решению этнокультурных проблем. В г.Тюмени в 1990 г. инициативная группа (Б.Сулейманов, А.Гаитов, Г.Ниязова, И.Шарапов, И.Рафиков и др.) при поддержке администрации области начала издавать газету «Янарыш» («Обновление»). Материалы на страницах данного издания печатались на татарском (в том числе на языке сибирских татар) и русском языках. В этом же году было издано «Положение об общественных организациях Тюменской области», на основе которого было принято решение о создании единой организации, объединяющей все общественные силы региона и регулирующей их деятельность. С начала 1990-х гг. начинают издаваться на татарском и русском языках газета «Искер», журнал «Ак калфак», начинают транслироваться областные и местные радио- и телепрограммы на татарском языке «Очрашулар», «Себер иле», «Себер дарьясы» и др.

В 1990 г. были созданы областная общественная организация «Идегей» (председатель Г.М. Ниязова), Ялуторовская татарская общественная организация «Чулпан» (председатель Р.Т. Яхин), Общественная организация национального возрождения сибирских татар Усть-Ишимского района Омской области, которая являлась филиалом Комитета возрождения Тюменской области (председатель Р.Н. Яхина).

В программном документе АТТО Сибирь объявляется «единственным местом в мире, где могут сохраняться и развиваться как этнос сибирские татары, их язык и культура». Понятия «татары и сибирские татары» в программе расходятся. Так, с одной стороны, указывается, что в Сибири «...среди множества других народов заметное место по численности и значимости занимает татарский народ, вобравший в себя и представителей Поволжья, Средней Азии, а также коренной народ... – сибирских татар», но с другой подчеркивается необходимость признания Верховными Советами СССР и РСФСР «статуса коренной национальности сибирских татар». Одновременно отмечается необходимость «создания государственного образования в качестве гарантии национального самоопределения сибирских татар». На первом этапе предполагается образование национальных сельсоветов и районов, а также «предоставление... национально-культурной автономии татарам, выходцам из других регионов», в «национальных сельсоветах, районах, должен соблюдаться принцип двуязычия», а «вопросы, затрагивающие интересы жителей» – решаться «местными органами самоуправления».

В Программе выдвигается положение о «признании юга Тюменской области зоной преимущественного развития традиционных промыслов сибирских татар». Причем в рамках сельсоветов, районов «исключительное право на установление границ освоения и решения об освоении имеют сельские исполкомы (сход граждан)». Когда интересы коренной национальности в использовании земли «пересекаются» с интересами ведомств, «предпочтение отдавать первым». Предлагается также «приоритетное право наделения

землей лиц коренной национальности», «введение» для них «частного землевладения», дать возможность самим жителям «выбирать характер ведения хозяйства» (в т.ч. и развивать традиционные промыслы), причем существующая сеть колхозов и совхозов нуждается в «пересмотре», а закрытые в 1960/70-е гг. села, по желанию населения – в «восстановлении». Земля может быть отчуждена «только с согласия местных Советов и народного референдума», но при этом сохранение «заповедных жилых зон, обязательно». За отчужденные земли сельсовет, район «устанавливают размеры компенсации».

В социальной сфере отмечается необходимость обеспечения нетрудоспособного татарского населения «прожиточным минимумом», в условиях перехода к рынку предлагается выплачивать компенсации малоимущим «семьям, престарелым, студентам татарской национальности, поднимается вопрос о гарантиях для многодетных семей татар, в т.ч. и через оплачиваемый отпуск – по уходу за ребенком до 3-х лет. Отдельно ставится проблема удовлетворения спроса на товары народного потребления и на «малогабаритную механизацию». В целом делается вывод о том, что для решения вопросов социального общежития «считать необходимым разработку комплексной программы социально-экономического и культурного развития» до 2000 г. и далее, на всех уровнях (сельсоветы, районы).

Острота проблем духовного развития сибирских татар фиксируется следующим образом: «современный этап ... делает проблематичным само этническое существование сибирских татар, со свойственным этому этносу традиционным укладом, языком и культурой». Отсюда делается вывод: выработать среди прочих и программу культурного возрождения сибирских татар, которая должна включать следующие пункты:

1) создание подлинной истории сибирских татар;

2) восстановление татарских национальных школ, обеспечивая обучение на родном языке от детского сада до производства; во всех высших, средне-специальных учебных заведениях готовить кадры татар-специалистов, способных вести работу во всех сферах;

3) введение двуязычия в «национальных образованиях»;

4) расширение теле- и радиовещания на татарском языке (вплоть до создания независимых теле-, радиостанций);

5) создание издательства на татарском языке;

6) обеспечение издания сибирско-татарского фольклора; выпуск пластинок с сибирско-татарскими песнями и баитами;

7) организация музеев и выставок с экспозициями быта и культуры сибирских татар;

8) возрождение и развитие татарского театра, ансамбля народной музыки, современных эстрадных коллективов; создание лекторских групп, выступающих на языке сибирских татар.

В Программе АТТО отмечается, что возрождение самобытной культуры и национального самосознания сибирских татар, создание условий для развития культуры всех групп татар Тюменской области, возможно только на основе «экономических и политических преобразований». Поэтому, кроме перечисленных моментов, в Программе говорится о том, что «при формировании ежегодных бюджетов области, городов, районов» необходимо направлять «определенную долю ... на развитие татарской культуры в соответствующих регионах».

Наконец, в Программе подчеркивается, что Ассоциация «выступает с позиции защиты и уважения национальных культур», за «достижение единогласия при решении вопросов межнациональных отношений» [Исхаков, 1992, с.35–38].

По видимому, параллельно были сделаны некоторые обращения в адрес академических учреждений по поводу институционализации языка сибирских татар. Это видно

из ответа на такое обращение директора Института языкознания АН СССР, члена-корреспондента В.М. Солнцева в адрес Министерства образования РСФСР (декабрь 1990 г.), где со ссылкой на мнения «основных специалистов» по этнографии и истории сибирских татар Н.А. Томилова и Ф.Т. Валеева, признававших сибирских татар «отличным от казанских татар безписьменным этносом», а также на мнения лингвистов-тюркологов Р.Э. Тенишева, М.З. Закиева, Д.Г. Тумашевой о том, что, несмотря на «более или менее удовлетворительное обслуживание казанско-татарским литературным языком» сибирских татар, последние «не являются близкими» в языковом отношении к казанским татарам [Исхакова, Валеев, 1992б, с.25].

В начале 1990-х гг. взаимодействие лидеров сибирских татар с центральным ядром татарского национального движения в лице ТОЦ (ВТОЦ), продолжалось. На II съезде ВТОЦ в программном документе, принятом 16 февраля 1991 г. в г.Казани, отмечено стремление к созданию в Западной Сибири и некоторых других регионах «территориальных национальных образований» с указанием на то, что общенациональное татарское движение поддерживает идею предоставления сибирским татарам прав создания «национальных сельсоветов, районов и округов». Более того, в программном документе ВТОЦ сказано, что «движение признает за сибирскими татарами право на национальное самоопределение в форме своей государственности на основе волеизъявлении сибирских татар» [Исхаков, 1998б, с.144]. Как видим, демократическое общенациональное движение татар поддерживало устремление сибирских татар по их самоопределению, видимо, полагая, что оно не противоречит общенациональной консолидации.

В январе 1994 г. было создано еще одно общественное объединение татар региона – Тюменская областная общественная организация «Ак калфак» (председатель Б.Н. Сабирова). В основе создания и деятельности данной организации лежала идея «консолидация татарской нации путем сохранения национальной семьи, семейных традиций, содействие оздоровлению быта, а также повышение роли семьи в воспитании детей, общественно – политической жизни общества, сохранение родного языка и культуры» [Татары Тюменской области, 2011, с.247]. Для достижения этой цели организация ставила перед собой следующие задачи: выступать за общечеловеческие ценности, за гуманное и демократическое устройство общества; добиваться становления татарского языка в качестве основного средства общения в семье; оказывать содействие в становлении татарских школ, внедрении в процесс воспитания народной педагогики, создании гимназий, татарских школ, воскресных школ, курсов по изучению родного языка; выступать за укрепление дружбы и равноправия между народами при сотрудничестве с различными международными и зарубежными организациями, работающими по укреплению семьи и семейных традиций; содействовать развитию народной педагогики, народной дипломатии.

В 1997 г. в г.Тобольске была учреждена общественная организация «Общественно-политическое движение «Всетатарская Ассамблея Тюменской области» для участия татарской общественности в политической жизни региона. Инициатором движения выступил С.Ф. Ильясов. Устав организации был зарегистрирован Управлением юстиции Тюменской области. Одной из главных задач деятельности этой организации было указано участие татарской общественности в политической жизни региона. Основными целями стала консолидация сибирских и поволжских татар, формирование и отстаивание их гражданских прав, политических, экономических, социальных духовных интересов; возрождение и развитие культуры сибирских татар; сохранение их национального (родного) языка, традиций и обычаев; развитие политической активности и самоорганизации граждан для участия в управлении государственными и общественными делами [Татары Тюменской области, 2011, с.247].

Аналогичные процессы создания татарских общественных организаций проходили и в других регионах Западной Сибири. Так, 18 августа 1993 г. было созвано учредительное собрание татар Новосибирской области, на котором было принято решение о создании «Татарского общественного центра» (далее – ТОЦ – З.Т., Д.И.). Первым председателем ТОЦ стал Р.А. Бадритдинов. Активно участвовали в движении Н.Г. Маликов, Э.Х. Гимади, М.Ахметова, Н.Измайлова, Ф.Ф. Вахитов, Р.Х. Османов и др.

По инициативе ТОЦ Новосибирской области в 1998 г. в г. Новосибирске состоялось открытие «Городского центра национальных культур» при библиотеке им. А.П. Чехова. Большую роль в жизни татар Новосибирской области играет Татарский культурный центр, первым руководителем которого был Х.З. Касимов. В настоящее время данный Центр возглавляет Р.Ш. Тихомирова. Важнейшими направлениями его деятельности являются сохранение татарской культуры, языка, историко-культурного наследия. В 1991 г. в области был создан татарский ансамбль песни и танца «Тургай» (руководитель – Ф.Х. Шагимуллин), который пользовался огромной популярностью у татарского населения Новосибирской области. В составе ансамбля работал известный артист З.Шагбан [Абакиров, 2012, с.142–150].

С принятием в 1996 г. Закона Российской Федерации «О национально-культурных автономиях» в регионах Тюменской области стали образовываться вертикальные структуры НКА. Их развитию способствовала деятельность региональной власти, реализующей национальную политику через Комитет по делам национальностей Правительства Тюменской области. Основным документом региональной политики является «Концепция национальной политики Тюменской области», в которой в числе приоритетных выделена задача взаимодействия с национально-культурными автономиями, поддержка их этнокультурной деятельности. Значение НКА предопределяется тем, что они являются юридически оформленными институтами, признаваемыми и поддерживаемыми властями в качестве представителей интересов соответствующих национальных групп. Таким образом, признавалось, что национально-культурные организации, в форме национально-культурной автономии, выступают как посредники между властями и различными народами, от лица которых они действуют.

В 1998 г. в результате появления Федерального закона «О национально-культурной автономии» была создана «Национально-культурная автономия сибирских татар и татар, проживающих на территории Тюменской области» (председатель – А.Х. Каюмов), учредителями которой выступили местные национально-культурные автономии. Основными задачами общественной организации объявлялись: создание учреждений национальной культуры: театра, культурных центров, музеев татарского творчества, ремесел, библиотек, клубов, студий, архивов и других учреждений культуры и науки, обеспечение их функционирования; организация творческих союзов, коллективов профессионального и самодеятельного искусства, кружков по изучению национального культурного наследия и достижений татарской культуры; принятие мер по изучению и сохранению языка, культуры, истории, духовных ценностей, традиций, образа жизни и обрядов сибирских татар; проведение культурных и просветительных мероприятий (фестивали, конкурсы, смотры, выставки, народные праздники, семинары, конференции и другие мероприятия); расширение контактов, культурных и деловых связей с татарами, проживающими в регионах РФ и за рубежом, их организациями, с представителями интеллигенции, бизнеса, религии; налаживание и расширение культурных и деловых связей с национальными объединениями народов Тюменской области.

В 1996 г. в г.Новосибирске также была создана «Городская татарская национально-культурная автономия» (ТНКА), инициаторами образования которой стали Э.Х. Гимади, Р.А. Бадритдинов, Н.Г. Маликов, Р.Х. Дериглазова и др. Первым руководителем был избран Э.Х. Гимади [Абакиров, 2012, с.150].

В марте 1998 г. была учреждена общественная организация «Региональная татарская национально-культурная автономия Омской области «Маданият». Первым руководителем автономии был Х.К. Садыков. С 2008 г. автономию возглавляет Р.О. Забиров. В Уставе организации указано, что ее целями являются: «Возрождение и популяризация татарской национальной культуры, традиций и обычаев; гармонизация межнациональных отношений в регионе, развитие межрегиональных культурных связей; содействие в реализации прав и государственных гарантий, законодательно установленных для национально-культурной автономий; обеспечение непосредственного участия татар, проживающих в Омской области, в решении национально-культурных проблем на местном, областном и международных уровнях; представление ООРТНКА ОО «Маданият» интересов татар, проживающих в Омской области, в органах власти различных уровней в порядке, установленном законом». В настоящее время в состав организации входят: ансамбль песни и танца «Алмаз», Центр образовательной деятельности «Магариф», Татарский молодежный центр, Детская студия татарского искусства, районные центры татарской культуры Большереченского, Колосовского, Муромцевского, Тарского, Тевризского, Усть-Ишимского районов Омской области.

Татарские общественные национальные организации, расцветавшие до середины 1990-х гг., затем пережили полосу упадка. Это было вызвано как внутренними перипетиями вокруг национальных центров, так и политическими проблемами. С одной стороны, начались центробежные процессы в татарской и мусульманской среде Западной Сибири, а с другой, татарские организации втягивались в политическую деятельность местного истеблишмента. Все это привело к угасанию некоторых общественных организаций и художественных коллективов и росту недовольства части национальных активистов и татарского населения. Властные структуры в последние годы предпочитали работать с НКА, но в связи с тем, что органы власти в реальности были мало заинтересованы в решении этнокультурных проблем татар региона, в том числе и касающихся сибирских татар, к настоящему моменту многие НКА превратились в официозные, косные структуры, которые перестали быть поддерживаемыми основной массой населения, а активные общественные деятели из сибирских татар начали искать пути создания новой организации, более полно отражающей их чаяния.

Во второй половине 2000-х гг. в Западной Сибири снова происходила активизация татарского национального движения. В феврале 2005 г. на собрании татарской общественности Вагайского, Тобольского районов и г.Тобольска была учреждена региональная татарская общественная организация «Наследие» по Тюменской области (председатель – Л.А. Шамсутдинова). Цель организации – решение вопросов сохранения самобытности, развития родного языка, образования, национальной и духовной культуры, обычаев и обрядов татар, и, в отдельности, сибирских татар. Первоочередной задачей организации является сохранение культурного наследия татарского населения области. При этом под культурным наследием членами организации понимались не только светские (народные, фольклорные, сохранение языка), но и религиозные элементы – восстановление и охрана святых мест – астана, установление мусульманских символов и пр. Территориальные рамки деятельности «Наследия» охватывают, прежде всего, Тобольский район (в мононациональных поселениях сибирских татар) Тюменской области. Одним из первых публичных действий новой организации было проведение конференции «Ислам в Сибири» (декабрь 2005 г.) совместно с татарским отделением Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева и лабораторией социально-исторических исследований Института проблем освоения Севера СО РАН. В марте 2006 г. была проведена научно-практическая конференция «Татарское национальное образование: проблемы и перспективы», посвященная татарскому на-

циональному образованию, в 2008 г. – на тему: «Выдающиеся деятели тюрко-мусульманского мира», посвященная 90-летию Ф.Т. Валеева. В течение нескольких лет, начиная с 2007 г. по настоящее время, проводятся «круглые столы» и конференции «Историческая судьба Искера». Ежегодно РТОО «Наследие» по Тюменской области проводится международный фестиваль историко-культурного наследия «Искер-джиен». Главной задачей данной организации признается работа по созданию национального историко-мемориального комплекса «Искер».

В условиях кризиса в Тюменской области региональной татарской НКА, разобщенности татарских общественных объединений в апреле 2007 г. была зарегистрирована Тюменская региональная общественная организация «Конгресс татар Тюменской области» (КТТО). Президентом «ТРОО «Конгресс татар Тюменской области» был избран крупный бизнесмен Н.Г. Саттаров, председателем исполкома другой известный бизнесмен – Р.Х. Насыров. Основными целями КТТО были объявлены: консолидация татарского народа, его общественных и культурно-просветительских организаций для сохранения исторического и культурного наследия татар, содействие социально-экономическому и духовному развитию татар Тюменской области; деятельность по возрождению, сохранению и развитию татарской культуры; разработка и содействие реализации целевых, общественно-значимых программ в области национально-культурного развития – науки, образования, культуры, языка, исторического наследия, народной педагогики, демографии и т.д. [Татары Тюменской области, 2011, с.249]. В течение нескольких лет КТТО проводит конкурсы «Себер йолдызы», «Татар егет», а также другие мероприятия этнокультурной направленности. Данная организация тесно сотрудничает с Исполкомом ВКТ. Однако с течением времени стало ясно, что тесно ассоциированные с местными властями состоятельные лидеры КТТО не обращают должного внимания на решения острых этнокультурных и языковых проблем татарского населения Тюменской области, в особенности, сибирских татар.

С конца 1990-х гг. в Тюменской области активизировалось татарское молодежное движение. Была создана самостоятельная татарская молодежная организация «Яшь буын» («Молодое поколение») (председатель М.А. Сагидуллин), несколько позже – «Дулкын». Создавались и специальные комиссии, отделы по работе с молодежью при областных татарских общественных объединениях. В сентябре 2008 г. молодежные татарские объединения «Яшь буын» и «Дулкын» совместно приняли решение о создании молодежной организации «Союз татарской молодежи Тюменской области», целью которой стало укрепление регионального культурного сотрудничества, национальных традиций, повышение интереса татарской молодежи к истокам этнической культуры, поддержка молодежных инициатив. Важной задачей деятельности «Союза» являлось формирование общественного мнения по национальным проблемам, в том числе через средства массовой информации, организация досуга молодежи, активизация и развитие творческих способностей молодежи. Молодежная организация «Яшь буын» пытается содействовать татарской молодежи в реализации творческого потенциала. Стоящая ныне перед этой организацией основная задача – это расширение своего влияния в обществе. Некоторые члены «Яшь буын» вели пропагандистскую и просветительскую деятельность на страницах национальных и общегражданских СМИ. В 2000–2001 гг. проводился молодежный лагерь «Половецкий стан» (в 2001 г. – до 20 участников). Татарские молодые активисты сотрудничают с «Объединением тюркской молодежи».

В мае 2009 г. на учредительном собрании была создана Тюменская региональная общественная организация «Молодежный культурно-деловой центр татар Тюменской области» (председатель Ю.В. Мухамедьярова). Основные цели организации: поддержка, развитие и сохранение этнической культуры, традиций, родного языка и национального самосознания среди татарской молодежи, создание и реализация социальных про-

грамм, пропаганда здорового образа жизни, организация сотрудничества с молодежными и другими общественными организациями России и других стран, создание условий для деятельности молодежи в области науки, художественного и технического творчества, физической культуры и спорта, гражданских инициатив, милосердия и благотворительности, защита прав и интересов татарской молодежи [Татары Тюменской области, 2012, с.251].

Молодежное общественное движение «Союз татарской молодежи Тюменской области» (МОД СТМТО или «Движение») (председатель Р.Р. Мамеев), образованное в 2008 г., являлось добровольным объединением молодежи, созданным в результате свободного волеизъявления и объединяющее молодых граждан РФ с активной жизненной позицией и прогрессивными взглядами, которые основываются на традициях, культуре и многовековой истории татарского народа. Основными направлениями деятельности данного объединения является поддержка, развитие и сохранение этнической культуры, традиций, родного языка и национального самосознания среди татарской молодежи, пропаганда здорового образа жизни, создание условий для работы молодежи в области науки, художественного и технического творчества, культуры и спорта [Татары Тюменской области, 2012, с.251].

Если по данным регистрирующих органов в 2004 г. в Тюменской области насчитывалось около 20 национальных татарских организаций, то в настоящее время их число сократилось почти в 2 раза. Татарские организации действуют в гг.Тюмени, Тобольске, Ялуторовске, Ярково, Нижней Тавде и Вагае. В их число входят две женские, одна молодежная организации. Действует три фонда, аккумулирующие средства для реализации различных проектов в татарской среде. Кроме того, в г.Тобольске и г.Тюмени функционируют Центры татарской культуры. В городских Центрах национальных культур есть отделы татарской культуры (в Ялуторовске – татаро-башкирской культуры). Работа таких отделов построена на тесном взаимодействии с национальными организациями. Эти организации ставят перед собой разные цели, но в большинстве случаев – культурно-просветительские: сохранение традиционной культуры и родного языка, народных обычаев и среди татарского населения региона. Национально-культурные и просветительские задачи решают и такие народные коллективы как «Ахтямушки» (8 чел.), ансамбль «Дуслык» (33 чел.), связанная с ним и созданная в 2001 г. театральная группа, городской детский тюркский центр «Этнос», городской «Центр татарской культуры» г.Тюмени.

В Новосибирской области с 2006 г. президентом Региональной татарской НКА был избран А.Г. Гареев. Данная организация совместно с областным «Татарским культурным центром» проводит национальные праздники, самым ярким и масштабным из которых является традиционный Сабантуй, а также конкурсы, фестивали, научно-практические конференции, организует курсы татарского языка. Новосибирские татарские общественные организации активно сотрудничают с Исполкомом Всемирного конгресса татар [Абакиров, 2012, с.163].

В татарской среде Тюменской области кроме национально-культурных задач в 2000-х гг. важное место продолжали занимать и этнополитические вопросы. Среди них – стремление добиться признания сибирских татар коренным народом Западной Сибири на официальном уровне. Как считают некоторые лидеры местного татарского национального движения, это создаст благоприятные политико-организационные условия для дальнейшего развития, самостоятельного, как они полагают, сибирско-татарского этноса. Тем не менее, прошедшие в 2002 и в 2010 гг. Всероссийские переписи населения выявили не слишком большую популярность идей этих лидеров. Так, во время общероссийской переписи 2002 г. сибирскими татарами записались 9611 человек, из которых около 7800 – жители Тюменской области (из общего числа проживающих в об-

ласти – 242325 татар). А во время последней переписи 2010 г. сибирскими татарами записалось 6779 человек из 239995 представителей татарского населения Тюменской области. В ходе указанных переписей в татарской среде всего региона шла активная пропаганда за сохранение татарами, идентифицирующими себя с локальной татарской этноисторической традицией, общенационального этнонима «татары». Часть сибирско-татарской интеллигенции и национальных активистов призывали своих «единоплеменников» записываться «сибирскими татарами».

В настоящее время татарское национальное движение находится в состоянии трансформации. В 2008 г. была образована, отчасти как реакция на бездействие Региональной татарской НКА и КТТО, Местная НКА татар г.Тюмени «Себер татарлар». Ее деятельность осуществляется при участии интеллигенции и молодежных активистов из сибирских татар. Отдельные инициативы данной организации в 2013 г. были поддержаны Комитетом по делам национальностей Администрации Тюменской области [День, 2014]. На конец ноября 2015 г. назначено проведение съезда НКА (их сейчас несколько) сибирских татар, где предполагается принятие нового программного документа и учреждение фактически новой организации. На данном съезде среди важнейших будут стоять несколько вопросов: а) относительно самостоятельности народно-разговорных диалектов сибирских татар и использовании их в школьном образовании; б) о выработке отношения к КТТО и ВКТ как организациям общенационального характера. Что касается первого вопроса, то к настоящему времени проведена определенная подготовительная работа по институционализации сибирско-татарских диалектов как самостоятельного языка. В частности, филологом М.А. Сагидуллиным были подготовлены и изданы «Фонетика и графика современного сибирскотатарского языка» (2008), «Русско-сибирскотатарский словарь» на 15 тыс. слов (2010). Издается также, хотя и весьма ограниченными тиражами, литература на этих диалектах, а также двуязычная газета «Вестник/Кәбәрце» (малотиражное издание, издаваемое в г.Тюмени спорадически энтузиастами). Кроме того на сибирскотатарских диалектах функционирует в Интернете портал Sybyrtel.com. По инициативе некоторых татарских активистов Международный Летний институт лингвистики (SIL International), являющийся некоммерческой организацией, занимающейся языками и консультирующий ЮНЕСКО и ООН, недавно присвоил сибирско-татарскому код самостоятельного языка (iso 639-3 sty; у татарского языка код iso 639-3 tat) [Вестник, 2014]. Исходя из складывающейся ситуации, на указанном съезде, скорее всего, следует ожидать обсуждения проблем использования в сфере школьного образования диалектного языка наряду с литературным татарским языком. Вопрос о вхождении вновь создаваемой организации сибирских татар, прежде всего, в состав Всемирного конгресса татар (отношения с КТТО, скорее всего, будут выстраиваться как договорные), будет зависеть от отношения большинства делегатов рассматриваемого форума к сотрудничеству с Республикой Татарстан и общенациональной организацией татар в лице ВКТ. Как нам известно, предварительные переговоры по этому пункту с лидерами сибирских татар уже проводились и в ходе диалога сторон условия сотрудничества были обозначены. Остается ждать решений съезда.

Наконец, следует отметить, что региональные национальные организации татар Западной Сибири активно сотрудничают с межрегиональными объединениями. Татарские организации области входят в «Ассоциацию национально-культурных автономий татар» Уральского федерального округа, Федерацию национально-культурных автономий татар России, Всемирный конгресс татар.

§ 4. Социальная структура и социальная ситуация

Зайтуна Тычинских, Гульнара Габдрахманова

Отечественные этносоциологи, характеризуя динамику социально-профессионального состава большинства крупных этнических общностей России с конца 1950-х гг., отмечают схожесть процессов – сокращение доли сельскохозяйственного населения, рост доли квалифицированных кадров, расширение сферы умственного труда [Остапенко, 2002, с.26]. Данная особенность проявлялась и среди татар Западной Сибири. Например, в Тюменской области среди татарского населения региона, начиная с 1979 г., наблюдался рост числа инженерно-технических специалистов – с 4,4 тыс. до 9,7 тыс. чел., инженеров – с 1,4 тыс. до 3,6 тыс., врачей – с 156 до 488 чел., провизоров и фармацевтов – с 43 до 104 чел., медсестер – с 775 до 2074 чел., фельдшеров и акушерок – с 330 до 668 чел., преподавателей ВУЗов – с 54 до 106 чел., учителей школ и техникумов – с 1382 до 2336 чел., культпросвет работников – с 379 до 572 чел., работников искусств (артистов, художников, скульпторов) – с 62 до 207 чел., юристов – с 55 до 170 чел. Среди агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей и ветеринарных техников специалисты-татары в 1989 г. составляли 7,5 – 8,0%, что соответствовало их доле среди занятого населения в этих отраслях народного хозяйства. Увеличение числа специалистов с высшим и средним специальным образованием у татар Западной Сибири происходило за счет татар-мигрантов, прибывавших на работу на предприятия нефтяной и газовой промышленности из разных регионов Советского Союза. Основная часть прибывающих татар имела высокий уровень образования, а их социально-профессиональная и отраслевая структура отличалась большим разнообразием. Все это, одновременно с повышением трудовой занятости среди местных татар, ростом их образовательного уровня, приводило к позитивным сдвигам в социальной структуре у всего татарского населения Западной Сибири. Качественные итоги данных процессов сопровождались и изменениями в количественных показателях. У татар Западной Сибири во второй половине XX в. произошло значительное увеличение доли занятого населения. Например, в Тюменской области доля татар в общем числе занятого населения во всех отраслях народного хозяйства региона за 1979–1989 гг. выросла с 6,8% до 7,3%. Это соответствовало доле татар в общем числе населения области, а их занятость в общественном производстве была выше, чем у других коренных народов края.

Отраслевая структура татарского населения Западной Сибири в значительной мере регулировалась потребностями отечественной экономики и отвечала задачам региональной хозяйственной специализации. Например, Тюменская область была известна промышленностью как ведущей отраслью хозяйства. В результате у татарского населения региона наблюдалось преобладание занятых в промышленной сфере – 27,9 тыс. чел. или 8,3% от общего числа занятого населения в 1989 г. Значительное увеличение числа татар наблюдалось в таких отраслях промышленности как нефтяная и газовая, а также в строительстве, на транспорте. В сельском же хозяйстве занятых татар было в два раза меньше (12,8 тыс. чел.), но они составляли 9% от общего числа работников сельского хозяйства области. В других отраслях хозяйства число занятых татар составляло: в торговле и общественном питании 8,9 тыс. чел. (7,5%), на транспорте 17,7 тыс. чел. (7,1%), в строительстве 22,4 тыс. чел. (6,7%), в образовании 9,1 тыс. чел. (7,4%), в жилищно-коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании 5,0 тыс. чел. (7,5%). За годы освоения Севера доля занятых татар в отдельных отраслях экономики выросла в два и более раза. Это произошло в торговле и в сфере здравоохранения [Гарифуллин, 1997б, с.16–19].

Однако, как показывают материалы переписей, несмотря не позитивные сдвиги в профессиональном и отраслевом составе татар Западной Сибири, целый ряд диссонирующих показателей к концу советского периода продолжал сохраняться. Так доля татар, занятых умственных трудом была ниже, а неквалифицированным, преимущественно физическим или вспомогательным трудом заметно превышала долю всех занятых из числа татар. В Тюменской области татары, занимая в 1989 г. 7,3% в общем числе работающих в народном хозяйстве, среди занятых преимущественно, умственным трудом составляли только 5,7%, а среди занятых преимущественно физическим трудом – 8,1%. Среди занятого сельского населения татары составляли 8,3%. При этом доля татар, занятых преимущественно умственным трудом в этой отрасли – 7,8%, а среди занятых физическим трудом – 8,7%.

Наблюдалась социальная дистанция и с населением региона в целом: у татар на 1000 чел. работающих, занятых физическим трудом было 733 чел., а в среднем по региону – 663 чел. На 1000 чел. занятого населения инженерно-технических специалистов у татар Тюменской области было 78 чел., по региону – 106 чел.; инженеров – 29, по региону 43 чел. и т.д. Мало татар было в управлении государственными, общественными организациями, среди руководителей предприятий сельскохозяйственных организаций. Так, в 1989 г. в Тюменской области среди руководителей государственного управления татары составляли всего 4,6%. Татары в сравнении с общим числом занятых среди них были меньше представлены в составе научных работников – 6,7%, преподавателей вузов – 3,7%, представителей литературы и печати – 3,4%, работников искусства – 4,9%. В то же время их доля была выше среди плотников (8,8%), каменщиков (7,7%). На автотранспорте много татар среди водителей автомашин и автобусов – 7,8%, в связи – среди почтальонов (9,3%), жилкомхозе – среди уборщиц помещений (10,7%) и дворников (7,5%), медицине – среди санитарок и нянь (9,5%). В легкой промышленности много татар среди рабочих-текстильщиков (вязальщиц, красильщиц, чесальщиц, прядильщиц) – 17,1%, среди швей – 8%, в пищевой промышленности – среди пекарей, кондитеров (9%). В то же время в некоторых отраслях доля татар, занятых физическим трудом, была существенно ниже. Так, в сфере железнодорожного транспорта среди машинистов локомотивов и их помощников татары составляли лишь 2,8% [Гарифуллин, 1997б, с.18]. Это не позволяет сделать заключение о массовых масштабах диссонирующих различий в социальной структуре татар Западной Сибири к началу постсоветского периода. Имевшие место особенности определялись целым комплексом разнообразных условий и факторов. Особую роль здесь играли политические, экономические, языковые, поселенческие, социально-культурные, миграционные. Имел свое значение и образовательный фактор.

Для татар Западной Сибири был характерен постепенный рост образовательного потенциала. Успехи, достигнутые в этой сфере, были впечатляющими. Доля людей с высшим образованием за 1950–1980-е гг. значительно выросла. Так, согласно приведенным И.Б. Гарифуллиным данным, в Тюменской области в 1989 г. доля татарского населения с высшим, незаконченным высшим и средним образованием составила 78,6% [Гарифуллин, 1997б, с.21]. Число татар с высшим образованием за 10 лет (с 1979 по 1989 гг.) выросла в 3 раза. Такие же процессы были характерны и для других сибирских регионов с татарским населением. Однако, несмотря на рост образовательного уровня татарского населения, он продолжал иметь определенное отставание по уровню образования от русского населения. Так, в Тюменской области в 1989 г. общий процент занятого населения с высшим образованием у русского населения составлял 13,2%, в сельской местности – 7,1%, то у татарского населения лишь 8,4% и 5,4% соответственно. Данная особенность сохраняется и в современных условиях.

Таблица 1

Уровень образования татар в некоторых регионах Западной Сибири, городское и сельское население в возрасте 15 лет и старше, ВПН–2010, чел.

Указавшие уровень образования	в том числе												
	имеющие профессиональное образование								имеющие общее образование			не имеют начального общего образования	из них негра-мотные
	послеву-зовское	высшее	в том числе по ступеням			неполное высшее	среднее	начальное	среднее (полное)	основное	начальное		
			бака-лавр	спе-циа-лист	ма-гистр								
Тюменская обл.													
201631	1232	40849	1752	38157	940	9492	71057	10453	37684	21121	8622	1121	686
Ханты-Мансийский автономный округ													
20527	475	4707	35235	4204	17661	6215	1574	170	91	20527	475	4707	35235
Ямало-Ненецкий автономный округ													
23911	129	6374	233	5975	166	1212	9339	1120	3705	1543	445	44	20
Новосибирская обл.													
21716	105	3939	155	3701	83	771	6170	1518	3921	3308	1704	280	159
Омская обл.													
36798	134	5012	172	4758	82	1156	10561	2649	7619	5929	3222	516	324
Томская обл.													
15555	121	3402	134	3161	107	820	4707	826	2757	1751	1016	155	79
Кемеровская обл.													
37801	164	5367	186	5074	107	984	12475	2879	6390	5066	4025	451	202
Курганская обл.													
15004	47	1751	75	1654	22	349	4511	1094	3152	2383	1548	169	94
Республика Хакасия													
2924	6	448	11	427	10	70	979	181	583	428	208	21	11

Уровень образования татар Западной Сибири в постсоветский период заметно повысился. Как показала ВПН–2010 около четверти татар края имеют законченное высшее или послевузовское образование. Показатель заметно варьирует по регионам (табл. 1) (таблица составлена по: [Всероссийская перепись, 2010]). Наибольшее число лиц, имеющих законченное высшее или послевузовское образование имеют татары, живущие в Ханты-Мансийском автономном округе – 22,9% и 2,3% соответственно, Ямало-Ненецком автономном округе – 26,7% и 0,5%, Томской области – 21,9%, 0,8%. У татарского населения Тюменской области эти показатели соответственно 20,3% и 0,6%, Новосибирской – 18,1% и 0,5%, Омской – 13,6% и 0,4%, Кемеровской – 14,2% и 0,4%, Курганской – 11,7% и 0,3%, Республики Хакасия – 15,3% и 0,2%. Несмотря на рост образовательного уровня, татары Западной Сибири все еще уступают по этому показателю русскому населению. Так, в Тюменской области у русских доля лиц, имеющих законченное высшее или послевузовское образование составляет 24,9% и 0,7% соответственно, Ханты-Мансийском автономном округе – 26,8% и 0,7%, Ямало-Ненецком автономном округе – 30,5% и 0,7%, Новосибирской области – 23,8% и 0,6%, Омской области – 20,8% и 0,6%, Томской – 24,4% и 0,9%, Кемеровской области – 18,5% и 0,3%, Курганской – 15,3% и 0,3%, Республике Хакасия – 18,8% и 0,7%.

К сожалению, данные о социальной структуре и социальной ситуации у татар Западной Сибири в постсоветский период отсутствуют. Некоторые материалы об ее состоянии у татарского населения региона предоставляют результаты специального этносоциологического исследования, проведенного в 2014 г. в четырех регионах Западной Сибири – Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областях[1].

[1] Исследование было проведено в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа», принятой Постановлением Кабинета Министров РТ 21 октября 2013 г. Руководитель проекта: Г.Ф. Габдрахманова. Участники: Г.Р. Ахмерова, Р.И. Ахмеров, З.А. Махмутов, Э.А. Сагдиева, Р.М. Сайганова, Е.Ш. Сафиуллина, З.А. Тычинских, Р.Н. Яхина. Методом исследования стал массовый опрос. Было опрошено в Новосибирской области – 427 татар (в городской местности – 268 чел., в сельской – 159), Омской – 402 (232 и 170), Томской – 204 (146 и 58), Тюменской – 789 (449 и 340). Объектом исследования стало все татарское население, проживающее в данных областях. В исследовании использовалась модель территориальной выборки, объектом которой стала часть населения обследуемой области, а единицей отбора на всех ступенях многоступенчатой выборки послужили территориальные образования. Была использована территориальная, стратифицированная, вероятностная модель выборки – двухступенчатая для городского и сельского населения. Таким образом, на первой ступени была осуществлена стратификация татарского населения на городское и сельское, что позволило распределить выборку пропорционально доле городского и сельского татарского населения в обследуемой регионе. К этой стратификации был добавлен еще один признак: во всех областях поселения стратифицировали еще и по численности проживающих там татар.

Однако, при наличии такой общей модели территориальной выборки для области, выбор для каждого конкретного региона, в котором проводилось исследование, разрабатывался специально. При этом учитывались различные факторы, такие как, выявленная ранее специалистами-сибиреведами этнографическая структура татарского населения Западной Сибири, предварительные сведения об изучаемой совокупности (возможность получения основ выборки на различных ступенях, сведений о состоянии совокупности и т.д.), доступность населенных пунктов (что в условиях Сибири чрезвычайно важно), отсутствие больших транспортных расходов, количество интервьюеров. Поэтому во всех обследованных областях была проведена дополнительная стратификация сельских населенных пунктов по этнографическому составу проживающих в них татар. Это было сделано из содержательных соображений для охвата разнообразного этнокультурного состава татарского населения и понимания общего и особенного в происходящих этносоциальных процессах. Среди сель-

Результаты исследования показывают, что современная социальная структура татар Западной Сибири разнообразна, как с точки зрения профессионального, так и отраслевого состава. Основную долю в социально-профессиональной структуре составляют специалисты (инженеры, преподаватели, врачи, медсестры, фельдшеры, воспитатели и т.п.), доля которых выше в Томской и Тюменской областях (табл. 2). Среди татар Западной Сибири велика доля и работников сферы обслуживания, а также рабочих в городах региона (прежде всего, в Омской области).

Таблица 2

Социально-профессиональная структура участников исследования, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Руководители предприятия, организации	4,5	0,6	1,3	4,4	5,5	1,7	4,2	4,1
Работники государственного аппарата (чиновники любого ранга)	2,2	1,3	–	1,3	2,7	5,2	1,8	2,4
Специалисты (инженеры, преподаватели, врачи, медсестры, фельдшеры, воспитатели и т.п.)	21,6	14,5	27,6	20,3	39,0	25,9	37,6	25
Служащие (работники банков, почты)	7,8	–	2,2	4,4	7,5	1,7	4,5	2,9
Работники сферы обслуживания (менеджеры, продавцы, консультанты, парикмахеры)	14,2	5,7	15,9	12,7	15,1	19,0	8,2	6,8
Рабочие	17,5	6,9	24,1	22,8	9,6	19,0	14,9	18,5
Крестьяне, фермеры	1,1	8,8	1,7	10,8	-	3,4	0,7	6,8
Предприниматели	4,9	0,6	4,3	1,9	7,5	5,2	4,9	2,1
Военные, сотрудники МВД, ФМС, МЧС, ФСБ	4,5	1,3	6,0	1,3	4,1	5,2	6,9	3,8
Учащиеся, студенты	6,3	8,8	7,3	3,8	6,8	6,9	6,7	4,7
Домохозяйки	3,4	4,4	0,4	2,5	0,7	1,7	3,6	4,4
Не работающие пенсионеры	7,8	18,9	0,9	3,2	0,7	1,7	3,6	14,1
Безработные, не работающие	1,5	24,5	3,4	8,9	0,7	3,4	1,1	3,5
Другая группа	2,6	3,8	4,7	1,9	–	–	1,3	0,9

ских населенных пунктов для опроса были выбраны села с моноэтничным (татарским) составом жителей и полиэтничные (смешанные с русским населением или смешанные этнографические группы татар).

Итак, на первом этапе во всех обследуемых областях были определены самопрезентирующие выборочные точки, которые по численности татарского населения обязательно попадают в выборку – столицы и города с высокой долей татар, а также села, в которых проживают представители тех или иных этнографических групп. На второй ступени в качестве вторичных единиц отбора использовались материалы ВПН–2010 о возрастном и половом составе татарского населения среди горожан и сельчан обследованных областей. Такой путь во многом определялся существенными ресурсными ограничениями. Анкета включала в себя вопросы о социальной структуре, национально-гражданской, региональной, этнической идентичностях, религиозных процессах, межэтнических отношениях, этнокультурных установках. В опросный лист были включены вопросы, разработанные творческим коллективом под руководством Л.М. Дробижевой, а также Центром этносоциологических исследований Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Данный инструментарий прошел многократную апробацию в исследованиях татарского населения.

Отраслевая структура татар Западной Сибири представлена сферами образования, торговли, снабжения, общественного питания, в городах – промышленностью, а в сельской местности – сельским хозяйством (табл. 3).

Таблица 3

Отраслевая структура участников исследования, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Промышленность	8,7	1,9	13,2	2,8	13,0	5,3	14,3	5,1
Строительство	10,2	7,5	9,5	7,7	6,8	1,8	9,5	7,5
Транспорт, связь	6,4	5,7	4,1	5,6	0,7	5,3	6,8	7,2
Торговля, снабжение, общественное питание	18,1	6,3	14,1	12,6	9,6	17,5	10,4	10,4
Сервисная служба, бытовое обслуживание	7,5	3,8	4,5	1,4	6,8	7,0	1,8	5,1
Жилищно-коммунальное хозяйство	5,7	1,3	5,0	8,4	4,8	5,3	2,7	3
Сельское хозяйство	2,6	38,4	2,7	16,8	0,7	10,5	0,9	15,5
Образование, дошкольное воспитание, здравоохранение	9,4	17,6	15,9	16,1	30,8	28,1	26,3	22,1
Культура, наука, искусство, средства массовой информации, спорт	3,8	8,8	4,5	6,3	10,3	1,8	9,3	6,6
Органы управления	2,3	–	0,5	4,2	4,1	5,3	2	2,4
Кредитно-финансовая сфера	5,3	–	0,5	2,1	2,1	–	2,3	2,1
Армия, милиция, МВД, МЧС, ФСБ	7,2	1,9	7,3	2,1	6,8	5,3	8,2	5,1
Другая отрасль	4,9	0,6	12,3	7,7	2,7	1,8	1,8	0,9
Затрудняюсь ответить	8	6,3	6	6,3	0,7	5,3	3,6	7,2

Современные социальные условия татар Западной Сибири в исследовании изучались с помощью вопросов о наличии жилья, удобств и средств технической оснащенности. Более 80% участников исследования имеют собственное жилье (табл. 4). Около 60% горожан проживают в собственных квартирах, свыше 75% сельчан имеют отдельный дом. Исключение составили татары-горожане, проживающие в городах Омской области. Среди них лишь 40% проживает в квартирах, а половина имеет собственный дом.

Региональные различия были обнаружены по наличию жилищных удобств и средств технической оснащенности (табл. 5). Практически все участники исследования, проживающие в городах Томской и Тюменской области, а также 65% сельчан, имеют централизованное отопление. Это заметно выше, чем среди жителей Новосибирской и Омской областей. Сельчане данных областей заметно уступают не только по уровню оснащенности централизованным отоплением, но и по наличию водопровода, канализации, Интернета и телефонной связи.

Таблица 4

Жилищные условия, %

Живут в….	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
отдельном собственном доме	19,8	93,1	54,5	87,4	26,0	77,6	29,7	75,9
отдельной квартире	63,8	3,8	39,4	8,2	61,6	17,2	60	16,2
комнате коммунальной квартиры	2,2	–	–	1,3	2,1	–	0,4	0,3
общежитии	3	–	2,2	–	5,5	3,4	3,1	0,6
съемном доме	0,7	1,9	–	2,5	–	–	0,7	2,4
съемной квартире	9	–	3,0	–	4,8	1,7	5,1	4,4
съемной комнате	1,1	–	0,4	0,6	–	–	0,2	0,3
другом жилье	0,4	1,3	0,4	–	–	–	0,7	–

Таблица 5

Наличие жилищных удобств и средств технической оснащенности, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Отопление (газовое, централизованное)	79,9	32,7	77,8	12,6	92,5	63,8	94,5	65,3
Водопровод	87,3	42,1	95,7	42,8	95,9	77,6	82,2	66,5
Канализация	90,7	16,4	81,7	22,6	93,8	63,8	88,9	54,1
Интернет	80,5	27,7	77,0	52,8	87,7	74,1	88,9	61,8
Кабельное телевидение	72,3	32,7	54,3	33,3	54,1	34,5	77,1	52,5
Телефонная связь	62,4	35,8	21,7	38	83	84,5	78,6	56,8

Актуальными социальными проблемами, общими для всех участников исследования, являются высокие цены на товары первой необходимости, рост наркомании и алкоголизма, социальное расслоение общества, коррупция, бездействие чиновников в органах власти (табл. 6). Жителей Омской области волнует состояние дорог, грязь на улицах, Томской – экологическая обстановка, Тюменской – наплыв мигрантов. Жителей Новосибирской области и сельчан Омской волнует безработица. Состоянием национальной культуры и национальных языков в большей степени обеспокоены татары, живущие в Томской, Омской и Тюменской областях.

Наиболее высокий уровень социального оптимизма (вариант ответа «все не так плохо и можно жить») демонстрируют татары, живущие в городах и селах Тюменской области (табл. 7). Несколько хуже себя чувствуют жители Томской и Омской областей. Самое худшее самочувствие выявлено у татар Новосибирской области, особенно ее сельской части. Именно среди сельчан Новосибирского края чаще встречаются люди, которые находятся на грани социального терпения (вариант ответа «терпеть наше бедственное положение уже невозможно»).

Таблица 6

Актуальные социальные проблемы, %*

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Высокие цены (на товары первой необходимости)	67,2	27	66,4	72,9	32,2	55,2	49,9	62,4
Рост коммунальных платежей	45,1	11,3	39,2	13,5	41,1	37,9	39,4	27,9
Много приезжих	11,9	3,1	1,3	5,3	4,1	3,4	14,7	15,6
Низкая или несвоевременная выплата заработной платы	22,4	25,2	20,3	34,5	14,4	20,7	12,2	15,9
Рост наркомании и алкоголизма	35,8	33,3	40,1	27,5	52,1	48,3	37,9	34,7
Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	19,8	13,2	38,8	25,7	25,3	31	34,7	27,6
Состояние национальной культуры	10,8	6,9	13,4	8,8	41,1	29,3	24,3	12,4
Безработица	35,1	66	12,1	40,4	14,4	19	9,6	22,6
Коррупция, бездействие чиновников в органах власти	21,6	10,1	22,8	15,2	32,9	31	35	23,2
Нехватка поликлиник, плохое медицинское обслуживание	11,9	9,4	11,6	21,1	13,7	13,8	12,9	17,1
Состояние национальных языков (татарского, русского или других)	10,1	8,2	33,6	17	41,1	43,1	19,4	10
Нехватка жилья	21,6	8,8	7,3	11,1	15,1	12,1	16,9	19,1
Экологическая обстановка	9,7	4,4	18,5	8,2	26,7	37,9	21,2	11,8
Плохие дорожные покрытия	16	29,6	54,7	65,5	15,1	17,2	14,3	24,4
Плохая работа полиции	7,5	-	0,4	2,3	3,4	-	4,7	4,7
Проблемы с работой общественного транспорта	3	2,5	6,5	2,9	0,7	3,4	2	1,5
Проблемы в религиозной сфере	3	2,5	1,7	2,9	13	5,2	6,2	2,4
Плохая работа коммунального хозяйства	8,2	3,1	0,4	0,6	4,1	8,6	5,8	4,7
Грязь, мусор на улицах	15,7	12,6	30,6	12,9	15,1	19	11,4	21,8
Рост преступности	20,9	7,5	5,2	4,1	10,3	15,5	14,9	11,8
Нехватка детских садов	7,1	4,4	11,6	8,8	13	13,8	5,3	6,5
Плохое качество образования	6	3,1	11,6	8,2	17,1	6,9	14	3,8
Другое	3,7	12,6	5,2	0,6	2,1	-	1,3	0,6
Затрудняюсь ответить	1,5	1,3	0,9	1,8	0,7	-	0,9	1,8

* Респондент мог выбрать пять вариантов ответа.

Таблица 7

Социальное самочувствие, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Все не так плохо и можно жить	44,4	34,6	71,6	55	61,1	62,1	70,2	62,1
Жить трудно, но можно терпеть	49,3	52,2	24,1	37,4	25,9	25,9	22	30
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	3,4	11,3	2,2	4,7	5,2	5,2	4,2	4,1
Затрудняюсь ответить	3	1,9	2,2	2,9	6,9	6,9	3,6	3,8

Худшее социальное самочувствие татар Новосибирского региона было выявлено и при изучении вопроса о том, с каким настроением респонденты смотрят в будущее (табл. 8). 30% участников исследования из данной области чувствуют себя неуверенно. В других обследованных регионах этот показатель не превышает 20%. В целом же доля оптимистов – татар, уверенных в завтрашнем дне, превышает долю пессимистов во всех регионах Западной Сибири.

Таблица 8

Есть ли у вас чувство уверенности в завтрашнем дне?, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Да	22,1	35,2	40,1	38,2	47,9	32,8	33,9	37,1
Скорее да	35,6	27	43,1	34,2	24,7	36,2	47	38,2
Скорее нет	22,1	16,4	7,3	12,4	16,4	20,7	9,4	10,3
Нет	9	15,1	1,3	7,6	7,5	3,4	2,9	3,5
Затрудняюсь ответить	11,2	6,3	8,2	7,6	3,4	6,9	6,9	10,9

Региональные особенности были выявлены и при изучении оценок материального положения (табл. 9). Жители сел оценивают свое материальное положение ниже, чем горожане во всех обследованных регионах. В целом же более низкие оценки продемонстрировали жители Новосибирской области. Среди них чаще встречаются те, которым не хватает денег даже на еду, на текущие потребности. Материальное положение татар, живущих в Омской, Томской и Тюменской области выше: там чаще встречаются люди, которым «хватает денег, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения». Очевидно, худшее социальное самочувствие татар Новосибирской области связано с объективными причинами.

Несмотря не некоторые региональные различия в социальном положении и социальных оценках татар Западной Сибири, все они имеют одинаковые ценности. Семья, работа, достаток и уважение людей одинаково значимы для всех участников исследования (табл. 10). Как показывают материалы общероссийских социологических исследований, данные ценности являются важными и для других народов страны. Это свидетельствуют об одинаковых социальных установках татар Западной Сибири и их интегрированности в российское общество.

Таблица 9

Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи за последний год?, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Денег не хватает даже на еду, приходится постоянно брать в долг	1,5	7,5	–	2,3	0,7	–	1,6	5,3
Денег хватает только на еду	11,2	25,8	2,6	9,9	6,2	3,4	5,1	12,1
Можно купить кое-что из необходимых вещей	32,1	35,8	29,7	32,2	23,3	36,2	22,3	29,7
Денег хватает, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения	46,3	26,4	62,1	43,3	62,3	51,7	62,7	45,3
Ни в чем себе не отказываем	7,1	3,8	5,2	9,4	7,5	8,6	5,6	6,2
Затрудняюсь ответить	1,9	0,6	0,4	2,9	–	–	2,6	1,5

Таблица 10

Люди по-разному понимают, что такое «хорошо жить», быть счастливым. А что для Вас самое важное?, %*

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Пользоваться уважением людей	62,3	58,5	65,5	67,3	67,3	65,5	52,6	51,5
Иметь хорошую семью, интересную работу	70,1	50,3	64,7	64,8	81,6	75,9	70,1	62,6
Иметь хорошую семью	23,9	31,4	25,4	37,7	12,9	22,4	16,5	29,7
Иметь власть, положение в обществе	9,3	1,9	2,6	1,9	4,1	3,4	4,2	4,7
Жить обеспеченно, в достатке	62,3	43,4	66,4	69,2	56,5	67,2	62,8	53,2
Другое	6,3	10,7	22,4	7,5	15,6	6,9	1,1	0,6
Затрудняюсь ответить	–	0,6	1,3	1,3	1,4	–	0,9	0,6

* Респондент мог выбрать три варианта ответа.

§ 5. Особенности идентичности

Гульнара Габдрахманова

Вопрос об идентичности татар, проживающих в Западной Сибири, прежде всего, об их этнической идентичности, является одним из дискуссионных в научном и общественном дискурсе постсоветского периода. Анализу этноидентификационных конструктов социальных инженеров посвящены специальные работы (об этом см. специальный раздел настоящей монографии). На массовом же уровне научного обследования состояния и содержания идентичности современного татарского населения Западной Сибири до настоящего времени не проводилось. Наиболее адекватным, научно верифицированным механизмом решения данной проблемы могло стать этносоциологическое исследование, позволяющее на материалах репрезентативного опроса понять реальные представления «простых» людей. Такая возможность появилась в 2014 г., когда было проведено специальное исследование в четырех регионах Западной Сибири – Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областях (подробнее о методике исследования см. предыдущий параграф). В исследовании при изучении идентичности татар Западной Сибири основное внимание было уделено четырем ее видам – национально-гражданской, региональной, этнической и конфессиональной.

Как показало исследование, более 96% татар Западной Сибири чувствуют единение с Россией (табл. 1). Для большинства из них основаниями национально-гражданской идентичности является восприятие государственных основ страны, ее правовой системы, понимания России как места рождения и жизни. Одновременно в идентификации со страной у респондентов значимыми оказываются и культурные основания – язык, культура, история, полиэтничный состав страны (табл. 2). Русский же язык в данной идентификации воспринимается с точки зрения, прежде всего, его коммуникативной функции, т.е. как средство общения в России (табл. 3). Высокий уровень национально-гражданской идентичности татар, проживающих в Западной Сибири, свидетельствует об их включенности в российское государство и их солидаризации со страной. Культурные же основания национально-гражданской идентификации демонстрируют значимость этничности для татар Западной Сибири в данной солидаризации.

Таблица 1

Значимость общероссийской и региональной идентичности, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
В равной мере сибиряком и россиянином	55,4	26,4	37,1	54,7	38,4	56,9	68,8	60,6
Больше сибиряком	14,2	61	36,2	32,1	32,9	31,0	16,9	23,8
Больше россиянином	22,5	8,2	23,3	9,4	26,7	12,1	12,9	12,4
Затрудняюсь ответить	7,5	3,8	2,6	3,8	2,1	–	1,1	2,9
Отказ	0,4	0,6	0,9	–	–	–	0,2	0,3

Таблица 2

Компоненты идентичности с Россией, %*

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Язык	57,3	7,8	19,4	31,0	58,9	63,2	39,1	32
Культура	19,1	6,5	7,3	19,6	28,8	14,0	18,5	13,9
Праздники	17,6	0,7	4,3	2,5	3,4	5,3	2	3,3
Родная земля, природа	14,6	22,2	19,8	21,5	24,7	28,1	33	38,1
Образ мышления, менталитет	12	2	1,7	1,9	16,4	10,5	11,1	8,8
Религия	1,9	1,3	0,9	2,5	0,7	–	1,1	0,9
Историческое прошлое	5,2	3,3	4,7	3,2	19,9	22,8	7,4	10
Советское прошлое	8,6	7,2	9,9	5,7	15,1	12,3	12,6	10,6
Это страна, в которой я живу	60,3	83	94,4	83,5	57,5	57,9	62,1	58,6
Общая государственность, это наша общая страна	28,8	12,4	64,2	32,9	27,4	56,1	36,6	27,5
Президент РФ, Конституция РФ, законы РФ	18,4	13,1	19,4	13,9	12,3	10,5	16	17,2
Люди моей национальности живут в России	22,1	15	19,4	20,9	23,3	8,8	16,3	13,3
Другое	0,7	2,6	–	–	–	–	0,7	–
Ничего не объединяет	–	–	–	–	–	–	–	–
Затрудняюсь ответить	–	–	0,9	–	0,7	–	–	0,6

* Респондент мог выбрать три варианта ответа.

Таблица 3

Восприятие русского языка, %*

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Моим родным языком	38,1	4,4	6,9	2,5	32,7	22,4	12,2	9,4
Языком моих родителей	10,8	1,9	0,4	1,3	1,4	8,6	2	2,6
Языком моих друзей	49,6	10,1	15,9	22	45,6	51,7	27,4	31,5
Средством общения в России	53	75,5	87,5	74,2	76,2	74,1	65,7	70,9
Языком, близким для всех славянских народов	8,2	3,8	5,6	6,9	7,5	3,4	7,1	5,9
Символом русской культуры	24,3	13,2	13,4	11,9	21,1	12,1	12,7	10,6
Языком, объединяющим россиян	26,1	17,6	82,3	57,9	46,9	60,3	33,9	33,5
Государственным языком Российской Федерации	46,3	42,1	74,6	62,3	57,8	51,7	67,5	52,4
Чужим языком	–	1,3	1,3	3,1	0,7	–	0,2	1,2
Не задумывался(лась) над этим	1,1	0,6	1,3	1,3	–	–	2	1,5
Другое	2,2	–	0,4	0,6	1,4	0	0,7	–

* Респондент мог выбрать три варианта ответа.

Одновременно с национально-гражданской идентичностью в сознании татар Западной Сибири присутствуют и региональные идентичности – идентификации с Сибирью и с Татарстаном. Одновременная идентификация с Россией и с Сибирью характерна для четверти татарского населения Новосибирской области, проживающего в селах, для трети горожан Омской и Томской областей и для более половины жителей Тюменского края, горожан Новосибирского региона, сельчан Омской и Томской областей. Идентификация же только с сибирским регионом шире распространена у татарского населения Омской, Томской областей и у горожан Новосибирского края. Идентичность только с Россией в большей степени распространена среди городских татар Новосибирской, Омской и Томской областей

Более 65% участников исследования чувствуют и идентификацию с Татарстаном (табл. 4). В большей степени ее ощущают татары Томской области (89,7% горожан и 85,9% сельчан), в меньшей – Новосибирской (80,9% и 65,4%), Омской (79,4% 64,8%) и Тюменской областей (78,4% и 63,3%). Важнейшими основаниями идентификации являются культурные маркеры – язык, культура, религия (табл. 5). Большое значение имеют и символические компоненты – политические и культурные деятели, образ Татарстана как региона, объединяющего татарский народ. Отвечая на вопрос о наиболее значимых общественных деятелях татарского народа, респондентами назывались М.Ш.Шаймиев и Р.Н. Минниханов. Как показало исследование, символические компоненты более важны для татар Омской, Томской, Тюменской областей. Для татар Новосибирского региона важными этноидентификационными элементами являются образ мышления и менталитет.

Таблица 4

Ощущения идентичности с Республикой Татарстан, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Да	46,4	46,5	45,3	36,5	71,2	56,1	43,9	31,2
Скорее да	34,5	18,9	34,1	28,3	18,5	29,8	34,5	32,1
Скорее нет	9,6	5	14,7	12,6	4,8	7,0	9,6	13,2
Нет	8,5	25,2	5,2	21,4	5,5	3,5	8,5	21,2
Затрудняюсь ответить	3,6	4,4	0,9	1,3	–	3,5	3,6	2,4

Таблица 5

Компоненты идентичности с Республикой Татарстан, %*

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Язык	65,4	22,1	50,0	64,1	67,2	82,0	63,2	42,8
Культура	44,2	21,2	46,2	56,3	55,0	60,0	68,6	56,7
Праздники	21,7	3,8	7,6	2,9	5,3	8,0	11,9	9,3
Родная земля, природа	8,8	2,9	–	1,9	4,6	2,0	3,1	3,7
Образ мышления, менталитет	43,3	3,8	2,2	3,9	18,3	2,0	8,5	4,7
Религия	13,8	21,2	8,2	27,2	29,0	28,0	30,9	31,2
Историческое прошлое	10,1	11,5	7,1	2,9	32,8	16,0	8,2	10,2
Это регион, в котором живут татары	3,7	15,4	18,5	14,6	10,7	8,0	15,3	23,7

Президент Республики Татарстан, политические деятели, видные деятели культуры и искусства	19,4	4,8	34,2	10,7	6,1	2,0	3,7	6,5
Республика Татарстан – символ всех татар	14,7	29,8	62,5	34,0	33,6	34,0	34,8	33,5
Люди моей же национальности живут в Татарстане	6	18,3	9,8	22,3	16,0	18,0	9,9	11,2
Другое	–	26	23,4	12,6	6,1	4,0	4	0,9
Ничего не объединяет	–	–	–	–	–	–	–	–
Затрудняюсь ответить	–	1	0,5	1	0,8	–	–	–

* Респондент мог выбрать три варианта ответа.

Этническая идентичность изучалась с точки зрения ее уровня и содержания. При изучении уровня этнической идентичности был использована методика, разработанная С.В. Рыжовой. Вопрос направлен на выявление уровня этноаффиалиативных чувств. Респонденту предлагается выбрать из двух пар суждений одно, наиболее близко отражающее его мнение. Результаты опроса показали, что для татар Западной Сибири характерен очень высокий уровень этнического самосознания (табл. 6). Около 80–90% участников исследования заявили, что никогда не забывают о своей национальной принадлежности. Столько же считают, что современному человеку необходимо ощущать себя частью народа. Уровень поддержки этого мнения выше среди сельских татар, чем среди городских, а среди обследованных регионов наиболее высокий уровень этноаффилиативных чувств зафиксирован у татар, проживающих в Омской области.

Таблица 6

Уровень этноаффилиативных чувств, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Суждение А								
Я редко задумываюсь о том, кто я по национальности	21,6	3,1	6,1	5,8	12,3	8,8	11,6	15,9
Я никогда не забываю о том, что я татарин, представитель своего народа	78,4	96,9	93,9	94,2	87,7	91,2	88,4	84,1
Суждение Б								
Современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какой-то национальности	24,6	9,4	12,6	4,1	10,3	5,2	17,1	17,1
Современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы	75,4	90,6	87,4	95,9	89,7	94,8	82,9	82,9

Высокий уровень этноаффиалиативных чувств у татар Западной Сибири сопровождается высокими показателями межэтнической толерантности (табл. 7). Около 90% участников исследования готовы принять человека другой национальности в качестве гражданина России, жителя Сибири, коллеги, партнера по работе, начальника, соседа, друга.

Сфера брачных отношений является более закрытой: вступить в брак с человеком другой национальности, принять выбор собственных детей при вступлении при создании семьи с человеком другой национальности готовы лишь около половины респондентов. Данная ситуация наблюдается и среди других народов РФ.

Таблица 7

Готовность принять человека другой национальности в качестве…,%

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Гражданина России	96,6	98,1	99,1	84,3	93,2	94,8	93,1	87,4
Жителя Сибири	97,4	96,9	99,6	86,2	93,2	94,8	92,9	86,5
Коллеги, партнера по работе	97,4	99,4	99,1	88,7	95,9	93,1	92,9	88,8
Непосредственного начальника	94,4	98,1	99,6	83,6	89,8	87,9	79	79,7
Соседа по дому	98,5	96,2	99,6	93,1	92,5	87,9	90,6	85
Близкого друга	97,4	97,5	100	85,5	94,6	89,7	84,2	82,4
Супруга вашей дочери/супруги вашего сына	64,2	72,3	55,2	59,7	60,5	58,6	43,7	49,7
Вашего супруга/супруги	57,7	57,9	55,2	59,7	49,7	44,8	38,8	40

Важным показателем положения татар Западной Сибири являются их оценки межнациональных отношений. По результатам исследования около 70–80% участников исследования оценили межнациональные отношения в области, в которой они живут, как благоприятные и спокойные (табл. 8). Оценки межнациональных отношений в родном городе или селе еще выше (табл. 9).

Таблица 8

Оценки межнациональных отношений в регионе, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Благоприятные	30,2	39,6	5,2	23,4	26,5	13,8	18,3	18,2
Спокойные	55,6	45,3	77,6	57,3	45,6	69	51	60,9
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	10,1	13,8	17,2	16,4	24,5	17,2	24,7	14,7
Напряженные	1,1	–	–	–	3,4	–	1,3	0,3
На грани открытых столкновений	0,7	–	–	–	–	–	0,2	–
Затрудняюсь ответить	2,2	1,3		2,9			4,5	5,9

Таблица 9

Оценки межнациональных отношений в городе/селе, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Благоприятные	29,9	54,1	41,3	31,6	27,2	15,5	20,3	23,5
Спокойные	56	43,4	78,0	56,7	42,2	69,0	50,3	62,6
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	11,9	2,5	16,8	8,8	29,3	15,5	24,9	9,7

Напряженные	0,4	–	0,4	–	1,4	–	1,1	–0,6
На грани открытых столкновений	0,4	–	–	–	–	–	0,2	0,3
Затрудняюсь ответить	1,5	–	0,4	2,9	–	–	3,1	3,2

Между тем, около трети участников исследования сталкивалась с ситуациями ущемления их прав или возможностей из-за национальной принадлежности. Чаще такие ситуации, по оценкам респондентов, встречаются в Томской, Тюменской, Омской областях и в сельской местности Новосибирской области (табл. 10), а наиболее частыми сферами их проявления является бытовая и образовательная (табл. 11).

Таблица 10

Ощущения ущемлений прав или возможностей из-за национальной принадлежности, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Да	12,7	25,7	28,0	20,1	36,7	35,1	25,8	28,5
Нет	85,4	74,2	72,0	78,0	61,9	64,9	69,9	66,2
Затрудняюсь ответить	1,8	0,6	–	1,9	1,4	–	4,2	5,3

Таблица 11

Факты ущемлений прав или возможностей из-за национальной принадлежности, %*

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
При устройстве на работу	11,1	7,5	10,8	15,6	11,1	9,5	17,9	12,4
При продвижении по службе	16,7	2,5	21,5	21,9	13	4,8	17,1	8,2
В ВУЗе, техникуме, школе	27,8	15	30,8	15,6	33,3	23,8	33,3	23,7
При получении жилья	–	–	–	9,4	1,9	–	2,6	4,1
При открытии своего дела	–	–	–	–	–	–	0,9	2,1
В бытовом общении	30,6	55	44,6	56,3	22,2	57,1	35	45,4
В представительстве людей моей национальности в органах власти	16,7	–	3,1	12,5	–	9,5	0,9	3,1
Другое	5,6	32,5	3,1	6,3	18,5	–	4,3	2

* Респондент мог выбрать три варианта ответа.

При исследовании этнической идентичности в анкету был заложен открытый вопрос о национальности, к которой респондент сам себя относит. Респондентам также предоставлялась возможность указать вторую национальную принадлежность (если такая имелась). Участники исследования без предлагаемых вариантов ответа сами называли свою национальность. Такой подход позволял избежать навязывания респондентам со стороны исследователей этнических категорий. Все высказанные ответы при последовавшем анализе были сгруппированы. Это позволило выделить четыре модели этнической идентичности татар Западной Сибири.

Первая модель основана на принадлежности к категории «татарин/татарка». Данная идентичность является доминирующей в сознании татар Западной Сибири и осно-

вывается на дистанцировании от иноэтничного окружения («мы-они»). Это принадлежность к символической, численно большой этнической группе («татары»). Ее выбрали в Новосибирской области 97,8% опрошенных, проживающих в городах, и 83,0% сельчан, Омской – 90,5% и 84,8% соответственно, Томской – 91,8% и 96,6%, Тюменской – 70,8% и 63,8%.

Вторая модель основывается на принадлежности к категории «сибирский татарин/сибирская татарка». Данная идентичность характерна для небольшой части участников исследования. Она основана на представлениях об историческом и этнокультурном своеобразии части татарского населения, проживающего в регионах Западной Сибири. Ее выбрали в Новосибирской области 2,2% опрошенных, проживающих в городах, и 15,7% сельчан, Омской – 9,1% и 14,6% соответственно, Томской – 2,1% и 3,4%, Тюменской – 27,5% и 33,2%. Невысокая распространенность данной модели этнической идентичности подтвердилась и в ходе проведения ВПН–2010. Тогда в Тюменской области сибирскими татарами записались 6779 чел., в Ханты-Мансийском автономном округе – 52 чел., Ямало-Ненецком автономном округе – 18 чел., Омской области – 58 чел., Томской области – 2 чел., Новосибирской области – 0.

Третья модель – сдвоенная. Это одновременная идентификация с категориями «татарин/татарка» и «сибирский татарин/сибирская татарка», при этом одна их них может быть приоритетной, но не исключающей другую. Такая идентичность была обнаружена у 1–2% участников исследования.

Наконец, четвертая модель – это все другие идентификации. Сюда входят разные сочетания этнических категорий. Чаще всего это одновременная идентификация с русскими и татарами. В наибольшей степени данная модель характерна для татар-горожан, проживающих в Новосибирской области (24,6%), в меньшей – для татар-жителей Томской области (7,6% – горожан и 8,6% – сельчан) и незначительнее для татар, живущих в Томской (4,3% и 3,2%) и Омской (2,6% и 3,5%) областях, а также для сельчан Новосибирской области (4,4%).

Выявленные четыре модели свидетельствуют о многообразии идентификационной матрицы татар Западной Сибири. Сама вариативность доказывает сложный и многоаспектный характер этнической идентичности татар данного региона. Кроме того, характер этнических идентификаций имеет еще и региональные особенности: преобладание той или иной модели в разных регионах Западной Сибири. Так, в Новосибирской и Томской областях, проживающие там татары чаще называют себя «татарами», там реже встречается идентификация с категорией «сибирский татарин/сибирская татарка». Последнее чаще встречается в Омской, и особенно, в Тюменской областях. А у горожан всех обследованных регионов, идентификация с категорией «татарин/татарка» выше, чем среди сельчан. Эти особенности этнической идентичности обусловлены историей заселения тюрко-татарским населением тех или иных регионов Западной Сибири.

Главным маркером этнической идентичности татар Западной Сибири выступает язык (табл. 12). Значимыми являются также культура, обычаи, обряды, праздники. Для татар Омской и Тюменской областей религия оказывается менее значимой в этнической идентичности, чем для татар Новосибирской и Томского регионов. Для последних же более важным компонентом является территория, на которой живет татарское население. Одинаково значимым компонентом этнической идентичности татар всех обследованных регионов являются общие корни и происхождение.

Материалы ВПН–2010 предоставляют возможность понять этноязыковую ситуацию у татар, проживающих в некоторых регионах Западной Сибири (табл. 13). В целом, по таким показателям как уровень владения татарским языком и идентификация с ним татары Западной Сибири заметно уступают татарам, проживающих в других регионах РФ, прежде всего, в Волго-Уральском регионе. Например, о своем владении

татарским языком заявили 92,7% татар – жителей Республики Татарстан, 66,7% – Башкортостан, 75,8% – Марий Эл, 76,8% – Мордовия, 85,9% – Чувашской Республики. 94,2%, 85,2%, 77,5%, 91,2% и 86,1% соответственно назвали татарский язык родным. Но в тоже время у татар Западной Сибири этноязыковая ситуация лучше, чем, например, во Владимирской, Ивановской, Московской, Калининградской и других областях РФ, в которых показатели в два раза ниже.

Самый высокий уровень владения татарским языком зафиксирован среди татар Курганской области. Здесь же две трети татар считают родным татарский язык. Несколько хуже ситуация в Тюменской, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областях.

Таблица 12

Компоненты этнической идентичности, %*

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Язык	64,6	61	81,5	92,5	69,4	93,1	74,8	70
Культура	35,1	30,2	61,2	53,5	51,7	37,9	46,1	35,9
Обычаи, обряды, праздники	51,5	40,3	84,5	73,0	51,7	74,1	58,1	57,1
Территория, регион, где я живу	4,1	7,5	14,7	15,7	8,8	17,2	18	25,6
Религия	42,2	30,2	13,4	24,5	38,1	31	27,8	20
Общие корни, происхождение	28	24,5	26,3	18,9	29,3	22,4	27,2	24,7
Черты характера	10,4	3,1	0,4	1,3	12,2	–	6,9	6,2
Родная природа	3,4	6,9	–	3,1	2	1,7	3,3	5,3
Историческое прошлое	15,3	10,1	8,6	2,5	26,5	8,6	8,9	11,2
Общая государственность	6	1,3	0,4	0,6	2,7	3,4	1,8	2,9
Внешний облик (внешность)	8,2	3,1	1,7	2,5	3,4	–	8	8,8
Другое	1,1	8,2	0,4		–	–	–	0,6
Ничего не объединяет	–	–	–		–	–	0,2	–
Затрудняюсь ответить	0,7	0,6	0,9	1,9	–	–	0,6	0,9

* Респондент мог выбрать три варианта ответа.

Таблица 13

Данные о численности татар, владении ими татарским языком и признании его родным в некоторых регионах Западной Сибири, ВПН–2010

Регионы	Численность татар	Владеют татарским языком		Назвали татарский язык родным	
	Абс., чел.	Абс., чел.	Отн., %	Абс., чел.	Отн., %
Курганская область	17017	9331	54,8	12591	74,0
Тюменская область	239995	104990	43,8	168866	70,4
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	108899	47462	43,6	69760	64,1
Ямало-Ненецкий автономный округ	28509	11591	40,7	17296	60,7
Кемеровская область	40229	14046	34,9	15965	42,2

Новосибирская область	24158	11037	45,7	12992	53,8
Омская область	41870	20778	49,6	27218	65,0
Томская область	17029	6088	35,8	8929	52,4

Религиозность татар Западной Сибири можно оценить как достаточно высокую (табл. 14). Более 85% участников исследования назвали себя верующими, при этом около 40–55% считают себя практикующими, т.е. соблюдающими обычаи и обряды. Доля практикующих верующих оказалась выше в Томской области: 54% опрошенных городских татар и 64% сельских соблюдают обычаи и обряды. В целом во всех обследованных регионах среди сельчан число практикующих выше, чем среди горожан.

Таблица 14

Особенности религиозного сознания и религиозного поведения, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Да, верующий, стараюсь соблюдать обычаи и обряды	39,9	56	38,4	55,3	54,4	63,8	39,3	41,5
Да, верующий, но не соблюдаю обычаев и обрядов	44	30,8	50,0	37,1	35,4	34,5	49,1	42,1
Колеблющийся	3,7	3,8	7,3	5,7	6,1	1,7	6,3	6,2
Неверующий, атеист	8,6	8,2	3,4	1,9	3,4	–	2,9	4,7
Затрудняюсь ответить	3,7	1,3	0,9	–	0,7	–	2,4	5,6

Основной конфессией, с которой идентифицируют себя татары Западной Сибири, является ислам (табл. 15). Это 81% городских жителей Новосибирский области и более 90% во всех других регионах. Среди горожан Новосибирского региона более высокая доля православных, а также людей, не относящих себя ни к какой религии.

Таблица 15

Конфессиональная идентичность, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Ислам	81	93,1	95,7	94,9	92,5	96,6	92,4	90,9
Православие	4,1	–	0,4	0,6	2,0	1,7	1,1	2,1
Другая религия	1,1	–	–	–	0,7	–	0,2	0,6
Ни к какой религии	9,7	6,3	2,6	2,5	3,4	1,7	5,1	4,1
Затрудняюсь ответить	4,1	0,6	1,3	1,9	1,4	–	1,1	2,4

Основными проявлениями веры у татар Западной Сибири является соблюдение моральных предписаний религии: более 65% стараются в жизни придерживаться религиозных норм (табл. 16). Соблюдают обязательные предписания ислама (регулярно посещают мечеть, полностью соблюдают «уразу», совершают 5-кратный намаз и т.д.) от 3% до 14% участников исследования (табл. 17). Это свидетельствует о номинальной религиозности татар Западной Сибири, характерной и для татар, проживающих в других регионах РФ.

Таблица 16

Проявления веры, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Регулярно посещаю мечеть	14,7	2,7	5,9	9,2	14,0	10,7	12,4	8,7
Иногда посещаю мечеть	57,3	18,9	59,3	54,6	65,4	53,6	61,1	55,3
Полностью соблюдаю пост «ураза»	21,1	8,1	9,0	3,3	8,8	7,1	9,3	3,9
Частично соблюдаю пост «ураза»	34,9	16,2	17,6	10,5	39,7	32,1	19,4	20,4
Совершаю 5-кратный намаз	12,8	2,7	6,3	3,9	7,4	8,9	7,4	3,2
Ежедневно молюсь	26,6	25	14,0	14,5	33,8	39,3	21	23
Иногда молюсь	61	45,9	42,1	52,0	66,2	55,4	44	45,3
Читаю религиозную литературу	23,4	26,4	33,0	32,9	58,8	41,1	30,5	32,4
Стараюсь жить согласно религиозным предписаниям	65,6	65,5	79,6	78,9	88,2	71,4	52	54,7
Не выполняю религиозные обряды, обычаи, но внутренне считаю себя мусульманином	50	77,7	81,9	83,6	60,3	61,8	74,5	78,6

Таблица 17

Частота соблюдений мусульманских обрядов, %

	Новосибирская		Омская		Томская		Тюменская	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Исем кушу (религиозное имянаречение)	80,3	98	97,7	97,4	94,1	96,4	94,3	92,9
Суннат (обрезание)	72,5	93,2	76,1	86,2	71,3	60,7	78	75,1
Никах (религиозное бракосочетание)	86,2	96,6	97,3	98,0	97,1	89,3	93,1	92,2
Жиназа уку (погребальная молитва)	90,4	98	99,1	97,4	100	98,2	95	92,2

Таким образом, у татар Западной Сибири наблюдается высокий уровень национально-гражданской идентичности – все они ощущают себя гражданами России. Данная идентификация включает в себя как представления о правовых основах российского государства, так и о его этнокультурной платформе, свидетельствующая о высокой значимости этничности для татар Западной Сибири. Вторым уровнем территориального сознания являются региональные идентичности, включающие в себя идентификацию с Сибирью и Республикой Татарстан. Идентификация с Татарстаном носит культурный и символический характер. Для татар Западной Сибири характерен высокий уровень этнического самосознания. Этническая аффилиация сопровождается высоким уровнем межэтнической толерантности. В некоторых регионах татары ощущают на себе дискриминацию по национальному признаку. Чаще всего она проявляется в быту и в сфере образования. Религиозность достаточно высокая, но она носит номинальный характер.

§ 6. Этнокультурное развитие

Зайтуна Тычинских

В советский период у татар Западной Сибири происходит формирование научной и творческой интеллигенции. Появившаяся в годы советской власти для всех народов СССР возможность получения среднего и высшего образования позволила многим татарам проявить себя в различных отраслях науки, творчества, искусства. Среди татарского населения появляются династии педагогов, врачей. Важным достижением этого периода стало появление людей творческих профессий: музыкантов, писателей, художников, актеров, поэтов. За эти годы из среды сибирских татар вышло немало ученых, деятелей литературы и искусства, педагогов высших учебных заведений, специалистов в разных отраслях народного хозяйства.

Одними из наиболее известных среди них являются: доктор архитектуры Митхат Сагадатдинович Булатов (1907–2003), родом из ю.Исеневских Тобольского района Тюменской области, имя которого, благодаря его открытиям и достижениям, известно не только в нашей стране, но и за рубежом, доктор исторических наук Фоат Тач-Ахметович Валеев (1918–2010), родом из д.Яланкуль Большереченского района Омской области, доктор филологических наук Хамид Хуснутдинович Ярмухаметов (Хамид Ярми) (1904–1981) и многие другие. В 70–80-е годы XX в. появилась целая плеяда талантливых татарских художников: Э.Тушаков, М.Тимерегазеев, М.Кульмаметьев, А.Мухаметова, О.Бакиева, М.Сафаралеева-Боцман, И.Хабисов, Артур и Дамир Муратовы и другие. Из томских татар вышла народная артистка СССР Галия Баязитовна Измайлова, в течение многих лет работавшая в Узбекском государственном театре оперы и балета, тюменский татарин Фуат Шакирович Мансуров – народный артист Казахстана и Татарстана, дирижер Большого театра СССР, большой популярностью пользуется новосибирский татарин – заслуженный артист Республики Татарстан Закир Шагбан.

Начало постсоветского периода у татар Западной Сибири отмечено активным формированием сети общественных и муниципальных организаций культуры, которые стали центрами сохранения и развития татарской культуры в регионе. Такие центры сформировались в городах Западной Сибири, где проживает значительное число татарского населения. Это Центр сибирско-татарской культуры в г.Тобольске, Центр татарской культуры в г.Тюмени, Новосибирский областной татарский культурный центр и другие. Развитие культуры проходило также через Национально-культурные автономии Томска, Омска, Новосибирска, Тюмени и др. Формировались творческие коллективы, исполняющие татарские песни и танцы, создавались самодеятельные театры, в которых ставились пьесы на татарском языке. Еще одной эффективной формой работы было создание татарских отделов при городских и районных отделах и домах культуры.

Одним из первых татарских центров не только в Тюменском регионе, но и в стране стал Центр сибирско-татарской культуры г.Тобольска (ЦСТК). Он был открыт 25 октября 1988 г. и первоначально функционировал как центр «Досуг» при городском отделе культуры для организации отдыха татарского населения. Расцвет деятельности Центра пришелся на 1990-е гг., когда став муниципальным учреждением, Центр развернул свою деятельность в различных направлениях – образование, культура, научные исследования, историко-этнографическое музеефицирование. Всего в штате учреждения насчитывалось около 100 человек. На протяжении многих лет Центром руководил Сафиулла Файзуллович Ильясов.

В Центре работали танцевальные коллективы «Дуслык», «Чулпан», вокальные ансамбли «Зафран», «Сузге», хоровой коллектив Себер моннары», который в 2001 г. стал лауреатом областного фестиваля «Мост дружбы». Танцевальный коллектив «Дуслык» под руководством М.В. Андрющик являлся дважды лауреатом вторых Всероссийских

фестивалей-конкурсов детского и юношеского творчества в г.Сочи, «Роза ветров» в г.Нефтеюганске, четырежды лауреат фестиваля-конкурса «Золотые купола», дважды лауреат областного детского фестиваля искусств тюркоязычных народов Тюменской области «Утренняя звезда». Вокальные ансамбли «Сузге» и «Чулпан» под руководством Н.Ф. Хакимовой были неоднократными лауреатами областных фестивалей-конкурсов «Утренняя звезда», «Радуга» и др.

В ЦСТК был открыт Историко-этнографический музей, который с 1997 по 2008 г. возглавляла Р.С. Кутумова. Музей проводил среди учащихся, студентов и населения различные конкурсы, викторины, экскурсии, выездные выставки, тематические вечера, беседы и уроки, ежегодно участвовал в городских, областных, региональных и Всероссийских конференциях и фестивалях. В нем собрано более 1300 уникальных экспонатов XIX–XXI вв., отражающих культуру сибирских татар Тобольского, Вагайского, Ярковского районов и г.Тобольска.

Многие годы информационным направлением ЦСТК руководит Р.Р. Умитбаева. Работают радиостудия «Сибирские просторы» и телестудия «Сибирские края». Теле- и радиопередачи регулярно выходят на татарском языке в эфир телерадиовещательной компанией «Тобольск». Телестудия «Сибирские края» является дипломантом специального приза полномочного представителя Президента РФ по Уральскому округу за фильм «Трудная судьба Гульджиган» на VI телефестивале «Белые пятна истории Сибири» (2000 г.).

Одним из важных центров национального татарского просвещения в г.Тобольске является школа №15. Директором школы с 1995 г. по настоящее время работает С.З. Хисматуллин. Школа обеспечивает дополнительное образование по следующим направлениям: социально-педагогическое (функционирует этнокультурный кружок), художественно-эстетическое (хореографические ансамбли «Горошинки» и «Баллюр», драмкружок, татарский вокальный кружок «Сузге»), спортивное (национальный кружок «Корэш»), естественно-научное (кружок «Компьютерная грамотность», школьное научное общество). В 2007–2010-х гг. школа являлась областной опытно-экспериментальной площадкой Тюменского областного государственного института развития регионального образования (ТОГИРРО). Сложился опытный, дружный и творческий педагогический коллектив. Из стен школы вышли многие известные люди.

В Тобольском районе функционирует ряд учреждений культуры, занимающихся развитием татарской культуры. Это Тобольский районный центр культуры, коллективы которого обслуживают населенные пункты района. А также Ворогушинский, Ачирский, Байгаринский сельские Дома культуры. Вокальные коллективы действуют и в Ишменевском, Топкинском, Ирекском сельских клубах. В Ачирском сельском Доме культуры на протяжении многих лет работает взрослый вокальный ансамбль «Чишма». В Ирекском сельском клубе плодотворно функционирует фольклорный коллектив, который является участником II Всероссийского татарского фольклорного фестиваля «Тугэрэк уен», а также вокальный ансамбль «Туган тел». В Лайтамакском сельском Доме культуры работает вокальный ансамбль «Дуслар». В Тоболтуринском учреждении культуры создан театральный коллектив [Татары Тюменской области, 2011, с.224].

Большой популярностью населения Тюменской области пользуется тобольский ансамбль «Лейла» и его руководитель – «сибирская соловушка» Закина Арангулова. Среди тюменских исполнителей известны Джамиля Рахимова, Луиза Ильясова-Сурметова, Чулпан Акъяр, Розалия Бакиева и др. Появились талантливые писатели и поэты: Н.Шамсутдинов, А.Патршина, К.Кучковская, Г.Абдрахманова, С.Сагитов, Г.Абайдуллина и др.

В г.Тюмени созданы и работают учреждения социально-культурной сферы, занимающиеся сохранением и развитием татарской культуры: в областном Дворце нацио-

нальных культур «Строитель» работает отдел татарской культуры. При отделе созданы и работают народный вокальный ансамбль «Ахтямушки» (руководитель А.А. Назыров), хореографический ансамбль «Гузель» и вокальный ансамбль «Сюмбюль». Творческие коллективы отдела татарской культуры осуществляют выездные концерты в различные города и районы Тюменской области, проводят благотворительные концерты. Совместно с Комитетом по делам национальностей Тюменской области отдел занимается организацией и проведением областного праздника «Сабантуй», который ежегодно проходит в различных районах области.

Сохранением и развитием культуры татарского населения города, татарской национальной культуры и языка занимается Центр татарской культуры г.Тюмени. В учреждении культуры созданы и работают 10 творческих коллективов: студия татарского костюма, хореографическая студия татаро-башкирского танца «Аккош», молодежная студия эстрадной татарской песни «Хыял», вокально-хоровой татарский ансамбль «Сунмәс хисләр», татарский инструментальный ансамбль «Чимги» и другие. Работу по эстетическому воспитанию детей проводит городской детский Центр творческого развития и гуманитарного образования «Этнос» (директор В.И. Хайруллина) [Татары Тюменской области, 2011, с.227].

Деятельность по развитию и пропаганде татарской культуры осуществляют организации социально-культурной сферы Тюменского района: в с.Чикча – «Центр культуры и досуга» (директор Г.Ч. Хамидуллина). При данном учреждении культуры создан и действует фольклорно-этнографический ансамбль «Шытыр-шатыр» (руководитель Г.В. Габдуллин). Коллектив является обладателем награды Гран-при II Всероссийского татарского фольклорного фестиваля «Тугэрэк уен» (2009 г.), в 2010 г. – лауреат Международного фестиваля этнического искусства «Алтын Майдан – Эльбрус».

Одним из крупных учреждений культуры Тюменского района является «Центр культуры и досуга» с.Ембаево (директор И.А. Ахтямова). Многие городские и районные мероприятия проводятся на базе данного Центра. В учреждении культуры созданы и работают 12 творческих коллективов, 9 из них – детские. Наиболее известными являются: вокальный ансамбль «Голләр», танцевальная группа «Алтын ай», детский хор.

В структуру Ембаевского «Центра культуры и досуга» до 2010 г. входил музей-заповедник, созданный в 1995 г. В музее оформлены залы: этнографический, военный, татарская изба, образование. Собрано более 3 тыс. экспонатов, фонд систематически пополнятся за счет даров и проведения этнографических экспедиций. Популярным коллективом является фольклорный ансамбль «Милли моннар» (рук. Г.Н. Мирюгова), созданный при историко-архитектурном музее В.А. Биктимировой [Татары Тюменской области, 2011, с.228–229].

Активную работу по сохранению и развитию татарской культуры в г.Ялуторовске ведет Центр национальных культур и ремесел. Данное учреждение культуры осуществляет методическую и практическую помощь другим учреждениям г.Ялуторовска по проведению традиционных праздников и обрядов. Центр является учебно-методической базой для организаций социально-культурной сферы района. Одним из известных коллективов Центра является ансамбль татарской песни «Сандугач» (руководитель З.А. Кожевникова), созданный в 2000 г. и удостоенный звания «народный» в 2005 г.

Известным учреждением культуры в Тюменской области является Асланинский центр татарской культуры (директор И.М. Хуснутдинов). В клубе-филиале д.Красный Яр созданы танцевальный коллектив, клуб ветеранов «Омет» («Надежда»). В клубе-филиале д.Осиново работают клубные формирования: семейный клуб «Два сапога пара» и детский клуб выходного дня. В клубе-филиале д.Озерная действуют два клубных объединения: клуб «Озернинка» и «Ябалак». В с.Аслана создан и функционирует историко-этнографический музей, который посещают школьники и гости села. В Ялуторов-

ском районе в крупных муниципальных образованиях – с.Новоатьялово, Сингуль традиционно проводятся обрядовые праздники: «Сабантуй», «Карга боткасы» («Грачиная каша»). В Новоатьяловском Доме культуры созданы вокальные группы «Чишма», «Умырзая», работает драматический коллектив [Татары Тюменской области, 2011, с.230–231].

Традиции песенной культуры сибирских татар бережно сохраняются в Домах культуры населенных пунктов Юрмы, Аксурки, Большого Карагая, Тукуза. В Вагайском районе на протяжении многих лет большой популярностью пользуется фольклорной коллектив Тукузского сельского Дома культуры, участники которого исполняют древние мунаджаты, баиты, народные песни.

В Вагайском районе традиционно проводятся обрядовые праздники сибирских татар: календарные «Боз озату» («Боз карау»), «Амаль» (встреча Нового года), семейно-бытовые «Исем атату», «Омэ» (совместное строительство дома с последующим угощением национальными блюдами). Возрождение календарных и семейно-бытовых праздников и обрядов сибирских татар способствует органичному «вплетению» в современную празднично-обрядовую культуру.

В Ярковском районе традиционно проводится календарный обрядовый праздник «Амаль». В районе функционируют 16 учреждений культуры, занимающихся развитием татарской культуры, крупными из них являются сельские Дома культуры в Новокаишкуле (директор Х.Х. Курманбакова), Варваре (директор С.С. Кожухарь), Маранке (Д.Н. Шакирова), Чечкино (Л.Р. Вагапова), Сорокино (И.М. Муллабакиева) [Татары Тюменской области, 2011, с.223–237].

Работу по сохранению и развитию татарской культуры осуществляют организации социально-культурной сферы Нижнетавдинского района. В районе расположены три сельских поселения, в которых компактно проживает татарское население: Тарманское, Чугунаевское и Киндерское. В Нижнетавдинском районе в с.Киндер традиционно проводится праздник «Сабантуй», который собирает гостей из различных регионов Тюменской области. Большое внимание гостей праздника привлекают конные скачки и национальный вид борьбы «корэш».

В настоящее время в Тюменской области созданы и функционируют городские и районные татарские национально-культурные автономии, которые совместно с организациями социально-культурной сферы осуществляют деятельность по возрождению, сохранению и развитию татарской культуры. Координирует эту работу областная национально-культурная автономия сибирских татар и татар, проживающих на территории Тюменской области при финансовой поддержке Комитета по делам национальностей Тюменской области. Значимые мероприятия, осуществляемые совместно с Дворцом национальных культур «Строитель»: Дни татарской культуры, детский смотр-конкурс «Утренняя звезда», областной праздник «Сабантуй», который ежегодно проходит в разных районах компактного проживания татарского населения. На праздник «Сабантуй» приезжает большая творческая делегация из Татарстана. Традиционное проведение Дней татарской культуры охватывает коллективы учреждений культуры всех районов компактного проживания татарского населения. На протяжении многих лет ярким событием культурной жизни области является областной фестиваль национальных культур «Мост дружбы», где традиционно участвуют коллективы национально-культурных общественных организаций и объединений [Татары Тюменской области, 2011, с.237].

Конгресс татар Тюменской области проводит ежегодно конкурсы «Себер йолдызы» и «Татар егете». При активном содействии Конгресса создана молодежная организация «Союз татарской молодежи Тюменской области». Его члены приобщают молодежь к родной культуре, традициям, обычаям, праздникам и обрядам. Ежегодно акти-

висты союза принимают участие в Днях татарской молодежи и Международном форуме татарской молодежи, проводимых в г.Казани.

Наиболее значимыми событиями в культурной жизни являются участие тюменских творческих ансамблей и исполнителей во Всероссийском татарском фольклорном фестивале «Тугарәк уен», который с успехом прошел в Тюменской области в 2009 г. В 2010 г. творческие коллективы Тюменской области успешно выступили в III фестивале «Тугарэк» уен». Подготовку и делегирование коллективов на фестиваль ежегодно осуществляет Конгресс татар Тюменской области.

Активисты Конгресса татар Тюменской области принимают участие в крупных акциях и событиях Комитета по делам национальностей Тюменской области: в областных фестивалях национальных культур «В семье единой, дружной», «Мост дружбы». Конгресс татар активно сотрудничает с Центром татарской культуры г.Тюмени по организации и проведению социально-значимых мероприятий [Татары Тюменской области, 2011, с.238].

Работа по сохранению историко-культурного наследия проводится региональной татарской общественной организацией «Наследие» по Тюменской области. Ежегодно для популяризации исторического объекта Искер – столицы Сибирского ханства проводится Международный фестиваль «Искер-джиен», который собирает жителей не только Сибири и России, но и ближнего зарубежья.

В Новосибирской области большую работу по сохранению и развитию татарской культуры ведет Новосибирский областной татарский культурный центр. На сегодняшний день при центре постоянно работает татарский молодежный клуб «Алтын йолдыз», Детская студия татарского искусства, курсы татарского языка для взрослых и подростков.

Татарский центр осуществляет ряд проектов, которые стали традиционными. Это татарский национальный праздник «Сабантуй», международный фестиваль дружбы тюркских народов «Сибирская чайхана» (в 2005 г. фестиваль вошел в золотую книгу культуры Новосибирской области), Сибирский фестиваль татарской молодежи. Для татарского населения города и области центр организует концерты и спектакли артистов из Республики Татарстан.

При областном татарском центре регулярно проводятся круглые столы, посвященные истории, культуре, религии татарского народа [Абакиров, 2012, с. 164–174].

Одним из важнейших направлений работы является работа с молодежью. Большую роль в развитии этого направления сыграла Р.К. Хамзина. С 2001 г. стали осуществляться молодежные проекты, в частности, конкурс «Татар кызы», который стал традиционным и ежегодным.

Молодежный проект «Сибирский фестиваль татарской молодежи» собирает участников со всей Сибири (Омска, Томска, Тюмени, Кемерово). Организаторы фестиваля проводят мастер-классы по татарскому танцу, языку, молодежные дискуссии, обмен опытом работы.

Лидерами молодежного движения был создан молодежный клуб «Алтын йолдыз», который проводит молодежные конкурсы: «Татар кызы», «Татар егете», помогает татарскому культурному центру в поведении городских и областных проектов: Сабантуй, региональный конкурс «Себер йолдызлары» и пр.

Большую работу проводит культурный центр по работе с детьми. При центре организована «Детская студия татарского искусства», которая осуществляет работу по направлениям: татарский язык, татарский танец, вокал, прикладное искусство. Руководит студией А.А. Шаймарданова [Абакиров, 2012, с.174].

В 1989 г. Ф.Х. Шагимуллин организовал ансамбль танца и песни «Тургай», колтрый пользовался большой популярностью у татарского населения области.

В 1998 г. создан ансамбль «Ляйсан» (руководитель Р.Б. Авлияров), который с 1999 по 2001 гг. работал при Новосибирской государственной филармонии, а с 2001 г. вошел в состав Новосибирского областного культурного центра.

В 1994 г. вышел первый номер информационного бюллетеня Татарского общественного центра Новосибирской области. С 1998 г. выпускалась газета мусульманской религиозной организации Новосибирской области «Истина в Сибири». В течение 2005–2007 гг. выпускалась возрожденная газета на татарском языке «Азат Себер» (главный редактор М.Ш. Абакиров). В настоящее время в области зарегистрированы 2 татарских сайта [Абакиров, 2012, с.195–199].

В Омской области регулярно выпускаются газеты «Татар сузе», «Татар доньясы», в которых регулярно освещается жизнь татарского населения области и страны.

Региональная НКА татар Омской области объединяет деятельность татарского молодежного центра, районных центров татарской национальной культуры с.Уленкуль, городов Тара, Тевриз, Усть-Ишим и др.

Огромной популярностью пользуется народный ансамбль «Умырзая», который действует при Омской городской татарской национально-культурной автономии. Коллектив был организован в феврале 1989 г. Вдохновителями создания ансамбля были Ляля Алимова и Фарид Юмачиков, которые повели за собой любителей татарских песен и танцев. С 1997 по 2011 гг. ансамблем руководила заслуженный работник культуры Республики Татарстан Гафия Алеева.

За четверть века коллектив побывал с концертами во многих татарских деревнях и селах Омской области, в Казани, Новосибирске, Томске, Казахстане. Солисты ансамбля на протяжении многих лет занимали призовые места на конкурсах и фестивалях татарского искусства, проводимых в разных регионах России.

В Томской области ведущую роль в сохранении и развитии татарской культуры играет Областное государственное автономное учреждение культуры «Центр татарской культуры», при котором действует более 20 клубных формирований, где каждый участник может проявить свои способности, организовать свой досуг. Деятельность творческих коллективов «Нур», «Халык моннары» направлена на популяризацию народных певческих традиций, фольклора. Развитию творческих способностей детей и молодежи способствует работа ансамблей «Чулпан», «Кубаляк», «Ручеек», «Секрет», «Йолдызлар и др.

Традиции татарского театра продолжает клубное формирование «Тоян».

Жанр национальной инструментальной музыки развивает ансамбль «Сандугач». Исполнитель современных песен – вокальный ансамбль «Сююмбикэ».

Работают кружки по изучению татарского языка, традиций для детей и молодежи. Активно работают клубы по интересам: клуб «Кунак», «Айсылу», «Замандашлар», «Заисток» и др.

В Томске и области традиционно проводятся татарские национальные праздники, самым популярным из которых является Сабантуй. В Томской области проводится конкурс среди татарских девушек «Гыйфат туташ» (Благонравная девушка).

Таким образом, в регионах Западной Сибири с начала 1990-х гг. идет возрождение культурных традиций в рамках этнокультурной политики государства, признающей этнокультурную самобытность народов, проживающих на территории страны. Основной формой реализации данной политики являлись национально-культурные автономии, которые были созданы и у татарского населения Западно-Сибирского региона. Татарские культурные центры, которые в большинстве сибирских регионов становятся государственными учреждениями, занимаются развитием национальной культуры через кружковую, студийную работу, самодеятельность. Появляются самодеятельные творческие коллективы. Однако уровень работы через ТНЦ в целом не позволил сформировать систему подготовки профессиональных артистов, за редким исключением.

Персоналии

Занкиев Якуб Камалеевич
(1917–2003 гг.)

Член Союза писателей РТ. Заслуженный учитель РФ. Заслуженный гражданин г.Тобольска, почетный гражданин Загваздинского сельского совета Тобольского района. Лауреат Государственной премии РТ им. Г.Тукая. Участник Великой Отечественной войны, за боевые заслуги награжден орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны» и 1 и 2-й степени и многими медалями. Родился в г.Иркутске, но считал себя коренным тоболяком. Детство и молодость прошли в д.Епанчино (Хужайлан). Окончил Тобольскую татаро-башкирскую школу им. Н.К. Крупской (школа №15), татарское педучилище в г.Тобольске, физико-математический факультет Тюменского учительского института. Преподавал математику и физику в тюменской татарской школе №3, в Чебургинской, Сеитовской, Асланинской и Епанчинской школах, работал завучем и директором, заведующим райОНО, был активным общественным деятелем.

Автор романов о жизни сибирских татар «Зори Иртыша» (1998–1994), «Любовь, объятая пламенем» (1999, 2001), рассказов для детей «Остроушко» (1994, 2002).

Сулейманов Булат Валикович
(1938–1991 гг.)

Писатель. Член Союза писателей СССР. Родился в д.Супра (Сопра) Вагайского района Тюменской области. Творческую жизнь начинает в 1960 г. Известен как первый профессиональный поэт, писатель и публицист современного периода, посвятивший своё творчество воспеванию сибирских татар. Ядром жанровой системы поэзии Б.Сулейманова является малая поэтическая форма. В его стихах звучит любовь к родному краю, философия, неразделённая любовь. Автор двух прижизненных поэтических сборников — «Таңнар фонтаны» («Фонтан зорь») и «Ак метеор» («Белый метеор»). После смерти поэта в г.Тюмени ежегодно проводятся научно-практические конференции, названные его именем, посвящённые проблемам языка, культуры, литературы и истории сибирских татар.

Тимергазеев Минсалим Валиахметович
(род. в 1950 г.)

Художник. Член Союза художников РФ с 1983 г. Творческий путь начал на Тобольской фабрике художественных косторезных изделий в 1967 г. учеником известного резчика по кости В.С. Колычева. Учился в изостудии при Тобольской косторезной фабрике (1967–1969) у А.И. Метелева и на курсах повышения квалификации при Абрамцевском училище (1977) у А.М. Ферапонтовой.

Участник городских, областных, республиканских, всесоюзных и многочисленных зарубежных выставок. Работы находятся в Государственном Русском музее (Санкт-Петербург), Государственном Историческом музее (Москва), музеях Урала, Сибири, частных коллекциях в России и за рубежом.

Основной темой произведений художника является северная тема, но она глубоко переосмыслена, что делает работы М. Тимергазеева индивидуальными. Это переосмысление произошло в результате серьезного изучения мифологии, этнографической литературы, знакомства с носителями традиционной культуры. Целый ряд пластических и образных находок мастера на рубеже веков активно используется уже следующим поколением тобольских косторезов.

Ведёт активную общественно-просветительскую работу. Помогает развитию косторезного искусства ЯНАО, Удмуртии, Таймыра. Является организатором Международных фестивалей парковой деревянной скульптуры в Увате (2009, 2011, 2013). С 1991 г. является арт-директором ООО «Мастерская Минсалим». С самого начала

творческой деятельности М.В. Тимергазеев вносит значительный вклад в сохранение и развитие народных художественных промыслов и ремесел, а также современного искусства Тюменской области.

Абдрахманова Гульфизар Хайретдиновна
(род. в 1949 г.)

Поэтесса. Родилась в д.Байбы Тевризского района Омской области.

Окончила Омский кооперативный техникум водного транспорта, работала в Омском речпорту, в торговой сфере, 15 лет руководила сельским домом культуры в д.Байбы, работала в татарском центре в г.Тобольске, играла в татарских спектаклях и руководила литературно-постановочной частью. С детства любит сочинять стихи. Восхищение и гордость за родной язык, за свой народ были спутниками в её жизни. Творческая жизнь начинается в Тобольске. Первый сборник «Себер ягым» («Сибирская сторона») выходит в свет в 2003 г., а в сборнике «Нәни дусларга» («Маленьким друзьям») собраны стихи для детей (2006), в дальнейшем вышли сборники стихов «Изге Сүзге моңнары» («Сузге из глубины веков») (2010), «Аркаим-таулар иле» («Горы Аркаим») (2011), «Сүнмә, яшьлек» («Не гасни, молодость») (2013).

Талант поэтессы реализуется в написании поэм, пьес и стихов религиозного, воспитательного характера. Адресованы произведения Г.Абдрахмановой и детям, и взрослым. Опубликованы в сборниках «Себер ягым» («Сибирь моя», Тюмень, 2003), «Нәни дусларга» («Маленьким друзьям», Тюмень, 2006), «Изге Сүзге моңнары» («Напевы святой Сузге», Тюмень, 2009). Поэтессой переведена на татарский язык поэма П.Ершова «Сузге» (1837), а также написана поэтическая пьеса «Гүзәл Сүзге» («Красавица Сузге»), повествующая о славных страницах истории Сибирского ханства и её правителей.

Хабисов Ильдар Мунирович
(род. в 1966 г.)

Живописец, график. Член Союза художников РФ с 2003 г. Родился в с.Карагай Вагайского района Тюменской области, с 1970 г. живет в г.Тобольске. Учился в ДХШ (1978–82) у П.К. Симонова, З.И. Сидоровой, М.В. Тимергазеева.

Окончил Омский художественно-графический факультет в 1991 г. С 1993 г. преподает на художественно-графическом факультете Тобольского государственного педагогического института, на данный момент – старший преподаватель на кафедре дизайна и МППО. Участник городских и областных выставок. Это выставка «Новое Сибирское искусство» (Польша, Варшава, 1991), «Тат-Арт-I» (Казань, Ленинград, 1991), выставка-симпозиум «Накануне рубежа веков» (Омск, 1994), зональная выставка (Уфа, 1997), персональная выставка (Тобольск, 1998), «Тат-арт» (В рамках I симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири», Тобольск, 1999), межрегиональная выставка «Тюрк-арт» (В рамках V симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири», Тобольск, 2002), Всероссийская выставка «Школа. Учитель. Искусство» (Чебоксары, 2004), выставка, посвященная 60-летию Тюменской области (Тюмень, 2004), персональная выставка «Солнечный всадник» (В рамках Всероссийской конференции «Сулеймановские чтения», Тюмень, 2006), Всероссийская биеннале оригинального рисунка (Томск, 2007), персональная выставка «Дао цвета» (Тобольск, 2008), межрегиональная выставка «Зеленый шум» (Плес, 2008)

Работы находятся в Сургутском художественном музее, ТИАМЗ, галерее «Искусство Омска», галерее «Кучум» (г.Омск), а также в частных коллекциях в России и за рубежом.

§ 7. Роль ислама в современной жизни

Игорь Бобров, Максим Черепанов, Алена Шишелякина

Ислам в советский период в Тюменской области, как и другие традиционные конфессии, понес серьезные институциональные потери. К 1989 г. на территории региона (включая автономные округа) легально действовало лишь 8 религиозных объединений трех конфессий (православие, ислам, протестантизм). Фактически не осталось получивших систематическое образование имамов (мулл), крайне незначителен был слой людей, владевших арабским языком, с 1960-х гг. в области была закрыта последняя действовавшая мечеть в с.Чикча Тюменского района. Ислам сводился к рудиментарным практикам произнесения молитв, жертвоприношений и финансовых пожертвований, совершаемых в отдельные праздничные дни мусульманского и народного календаря, памятные семейные даты и при посещении «святых мест». В организационном плане ислам советского периода представлял собой не связанное друг с другом на религиозных основаниях множество граждан, время от времени практиковавших те или иные обряды, понимаемые ими как исламские. Эти люди представляли собой локальные, как правило, личные или территориально локальные (на уровне поселения) сети. Какой-либо организационной связи на уровне региона не существовало. Большинство тех, кто придерживался практик, воспринимаемых как исламские, соотносили их со своей национальной культурой, и в этническом плане, определяли себя как татары.

Ислам, бытовавший у татар, в позднесоветский период, судя по имеющимся сведениям, сводился к следующему. Это были разрозненные группы верующих, преимущественно преклонного возраста, которые интегрировались вокруг самодеятельных «мулл» (знатоков ислама) и абыстай (начитанных женщин) [Кабдулвахитов, 2005, с.155]. Религиозные потребности татарского населения обслуживали незарегистрированные муллы (в документах советских органов они обозначались как «бродячие» муллы) [ГУТО ГАТО, ф.5, оп.1, д.1580, л.20]. В г.Тюмени таких неподконтрольных властям мулл насчитывалось 7 человек, в г.Тобольске – не менее 10, несколько человек проживало в сс. Ембаево и Матмассы [Бобров, 2006, с.24, 25], Юртах Андреевских.

Обряды совершались на кладбищах, в частных домах, нередко отдельные жилища выполняли роль своеобразных «неофициальных мечетей» [Бобров, 2006, с.152, 158]. Несмотря на противодействие властей, татарское население отмечало Уразу-Байрам, Курбан-Байрам [Гарифуллин, 2004, с.118, 123], день рождения Мухаммеда (Мавлид) [Атеистической пропаганде, 1974, с.12]. Довольно широко был распространен обряд обрезания [Гарифуллин, 2004, с.119, 123]. Проводились обряды освящения домов [Гарифуллин, 2004, с.120]. Некоторые татарские семьи использовали изображения Константинополя и Мекки в качестве украшения домашнего интерьера [Атеистической пропаганде, 1974, с.12]. Определенную роль играл культ «астана», куда даже в советские годы совершалось паломничество [Атеистической пропаганде, 1974, с.12]. В религиозных обрядах принимали участие от нескольких десятков до сотен человек [Атеистической пропаганде, 1974, с.13,14]. Имеются данные о благотворительной деятельности. Так в начале 1980-х гг. тюменские мусульмане собрали около 3 тыс. руб. на сооружение металлической ограды вокруг мусульманского кладбища в с.Ембаево [ГУТО ГАТО, ф.5, оп.1, д.1611, л.21].

В конце 1970-х гг., судя по данным источников, начался процесс возрождения ислама в среде татарского населения Тюменской области. Центрами стали г.Тюмень и г.Тобольск – основные города области, где за счет миграции из прилегающих деревень увеличивалась численность городского татарского населения, и где уже в середине

1970-х гг. проживало заметное число исламских деятелей, вокруг которых складывались более или менее устойчивые общины [Бобров, Клюева, 2006, с. 25].

Надо иметь в виду, что важную роль в бытовании и развитии религиозных представлений играют гражданские объединения, ассоциирующие себя с определенными религиозными системами. В Тюменской области такими объединениями стали неофициальные общины г.Тюмени и г.Тобольска, сложившиеся, соответственно, вокруг Хужатуллы-абый Азаматова и А.Арангулова [Кабдулвахитов, 2005, с.159]. Этим исламским подвижникам удалось не только официально зарегистрировать мусульманские организации, но и уже в 1980 г. получить разрешение на открытие мечетей, сначала в приспособленных помещениях, а затем и на строительство новой Соборной мечети в г.Тюмени. Им удалось и вернуть «Историческую мечеть» в г.Тобольске.

Реинституционализация ислама в конце XX – начала XXI вв.

Начавшаяся в СССР «перестройка», демократизация и либерализация советско-коммунистического режима, кризис коммунистической идеологии и привели к тому, что к началу 1990-х гг. в Тюменской области официально были зарегистрированы мусульманские общины не только в г.Тюмени и г.Тобольске, но и селах с преимущественно татарским населением: Ембаево, Чикче, Баишево.

Важным фактором реинституционализации ислама в позднесоветское время и в 1990-х гг. в тюменском регионе стала деятельность татар – мусульманских активистов А.Арангулова, Н.Аширова, Г.Бикмулина, И.Сухова, Ф.Гарифулина. Эти люди возглавили официальные мусульманские организации, расширяли сеть исламских общин, создавали исламские образовательные центры, налаживали доставку религиозной литературы и выпуск исламских региональных газет. Галимзям Бикмулин и Ибрагим Сухов были первыми мусульманами региона, получившими исламское образование, закончив медресе «Мир аль-Араб» в г.Бухара.

Становление конституционного режима свободы совести и свободы вероисповедания, законодательные рамки которого были заложены законами СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и РСФСР «О свободе вероисповедания» 1990 г., Конституцией Российской Федерации 1993 г. и Федеральным законом от 26.06.1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях», создало условия для официальной регистрации мусульманских организаций и строительства мечетей на территории Тюменского региона (который в административном плане с 1993 г. включает Тюменскую область, Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ). В Тюменской области к началу 2000-х гг. действовало 79 мусульманских религиозных организаций (2002 г.). На территории ХМАО первые мусульманские организации появились в 1997 г., а к началу 2000-х гг. их было уже более 24 (на 2002 г.). На Ямале в 1994 г. были зарегистрированы 2 исламские общины, а в 2002 г. – 18. Максимальное количество официально зарегистрированных мусульманских религиозных организаций в Тюменской области зарегистрировано в 2006 г. – 80, в ХМАО – 27 (в 2011 г.), в ЯНАО – 18 (в 2002 г.). К 2010-м гг. из-за особенностей сложившегося в России юридического режима относительно общественных объединений численность мусульманских организаций в Тюменской области и в ЯНАО несколько сократилась, соответственно, до 71 и 16. Однако религиозные организации, лишившиеся официальной регистрации, как правило, не прекращали своей деятельности, продолжая существовать в качестве религиозных общин, не требующих официальной регистрации.

Мусульманские общины, возникшие на территории Тюменского региона, устанавливали взаимодействие друг с другом и в 1991 г. по решению Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) были объединены в Тюменский мухтасибат, который возглавил Г.Бикмулин. В ходе пертурбаций в мусульманском сообществе Российской Федерации и в Тюменском регионе к концу 1990-х гг. на

территориях региона, ХМАО и ЯНАО стали действовать российские централизованные мусульманские объединения: Духовное управление мусульман Тюменской области (ДУМ ТО), Духовное управление мусульман Азиатской части России (ДУМ АЧР), Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМР) и Омский муфтият. В середине 2010-х гг. организационный ландшафт мусульманского сообщества выглядит следующим образом: в Тюменской области мусульманские общины входят в юрисдикцию ДУМ ТО, ДУМ АЧР ЦДУМР, одна община зарегистрирована за Централизованной религиозной организацией "Объединенный исламский конгресс России" (Объединенный муфтият), в ХМАО и ЯНАО общины входят, в основном, в состав ЦДУМР (Омский муфтият сохранил общины на Ямале в пос.Пангоды и г.Надым).

Как зарегистрированные, так и действующие без регистрации мусульманские организации, к началу XXI в. располагали необходимым количеством как возвращенных (сохранившихся лишь в Тюменской области), так и вновь построенных мечетей. Так в Тюменской области действует 77 мечетей, в ХМАО – 18. Мечети начали активно строится с начала 1990-х гг. как на деньги самих прихожан, так и спонсорской помощи отдельных предприятий региона, государства, пожертвований мусульман, проживающих за пределами России (например, фонды «Дар уль Бир» – Объединенные Арабские Эмираты, «Хаят аль-Игаса» – Саудовская Аравия, Всемирной организации исламской молодежи, отдельных мусульманских семей из Северной Африки и Аравии).

Развитие сети мечетей и общин требовало подготовленных исламских специалистов. Сотни жителей Тюменского региона стремились получить мусульманское образование в медресе Татарстана, Башкирии, Москвы, Турции, мусульманских стран Большого Ближнего Востока. В то же время в конце 1990-х – начале 2000-х гг. предпринимались попытки создать собственное медресе. Например, на юге Тюменской области. Непродолжительное время действовали медресе в г.Тобольск, с.Чикча. Более успешной была деятельность медресе «Белем» в г.Тюмени (действовала в 1993–2000 гг.) и «Медресе им. Нигматуллы» в с.Ембаево (Тюменский район), обучавшее шакирдов до 2010 г.

Изучение ислама приходило в регион не только через мечетные собрания, проповеди, распространение книг, но и с помощью газет, издававшихся местными мусульманскими общинами и просветителями. В Тюменской области в 1990-е – начале 2000-х гг. выходили: «Мусульманская газета», «Напоминание», в начале XXI в. продолжали издаваться: «Истина», «Муслим-инфо», «Хикмет». Отдельные материалы об исламе размещают татарские газеты «Янарыш», «Сибирия». В ХМАО издаются мусульманские газеты «Магрифт», «Иман». В ЯНАО – «Иман – Мусульманский вестник», «Ватан», «Свет добра».

В целом, к настоящему времени закончился этап экстенсивного развития ислама в Тюменской области. Построены мечети, иные здания религиозного назначения. Налажены каналы поступления и распространения исламской религиозной литературы. Издаются периодические и эпизодические мусульманские газеты. Происходит обучение исламу как за пределами региона и России, так и в Тюменской области. Выросло число знатоков ислама, к которым обращаются за разъяснениями по вопросам применения шариата. Есть довольно многочисленный слой религиозных специалистов (имамов и т.п.), которые удовлетворяют обрядовые потребности татарского населения.

Можно говорить о том, что в современном Тюменском регионе сложились устойчивые, реально функционирующие мусульманские общины. Однако их совокупность не представляет собой постоянно связанного коммуникациями организма. Скорее, речь может идти о множестве религиозных общин, некоторые из которых совместно образуют сообщества (поддерживают взаимодействия) усилиями тех или иных религиозных и общественных деятелей. Кроме того, сами общины зачастую воспроизводятся на различных основаниях:

– на совместном проведении обрядов,
– на совместном изучении ислама,
– на обеспечении каналов социализации через исламскую идентичность,
– на повседневной бытовой коммуникации.

Большинство мужчин, посещающих мечетные собрания в городах региона – это выходцы из стран Средней Азии, российского Северного Кавказа и мигранты из Азербайджана. В дни наблюдений лица, которых антропологически можно отнести к указанным группам населения, образовывали до 5/6 состава молящихся. В тоже время входящих в тобольскую агломерацию пос. Прииртышский, д.Сабанаки, г.Ялуторовск татар и выходцев из указанных выше регионов, со слов экспертов, составляют примерно поровну. Более стабильную группу в данных мечетях составляют мужчины-татары старшего возраста. Мусульманские общины, действующие в сельских поселениях Тюменской области, по преимуществу состоят из татар. В мусульманских общинах ряда городов ХМАО и ЯНАО до сих пор заметно присутствие татар и башкир. В Ишиме и прилегающих территориях заметное число практикующих мусульман составляют казахи.

Большинство женщин, публично ассоциирующих себя с исламом в Тюменской области, и меньше в северных округах – это татарки старшего среднего и старшего возрастов. Среди женщин публично исповедующих ислам, по мнению экспертов, заметны и азербайджанки.

В настоящее время можно говорить о сферах внутри мусульманского сообщества Тюменского региона, которые становятся зонами интенсивного развития.

Во-первых, это мусульманские общины, сосредоточенные в г.Тюмени, Тюменской сельской агломерации и городах ХМАО и ЯНАО. Они представляют основную (доминирующую) часть исламского сообщества Тюменской области. Это гетерогенные в этническом и конфессиональном плане (сунниты и шииты, суфии, последователи салафизма и т.н. «традиционного ислама») религиозные организации и группы. Основную роль в богослужебных собраниях и в организационном плане в них играют дееспособные мужчины среднего возраста и молодежь. Общины динамично развиваются в численном плане. Именно здесь расположены духовные управления мусульман, действующие в Тюменском регионе, сконцентрированы основные религиозные деятели. Именно в общинах и иных мусульманских ассоциациях этих территорий формируются основные коллизии, оказывающие воздействие на вектор развития мусульманского сообщества региона в целом.

Во-вторых, интенсивное развитие переживает социокультурный пласт мусульманского сообщества, связанный с мигрантами, оседающими в Тюменской области и в северных округах. Здесь преобладают мужчины молодых возрастов, выросшие в постсоветский период, прошедшие социализацию в условиях исламских, а зачастую, и националистических идеологий. Ислам, под воздействием которого они формировались, не свободен от салафитских (догматико-обрядовых) и исламистских (религиозно-политических) трактовок.

В-третьих, начинается новый этап в развитии религиозно-догматической и религиозно-политической ситуации в мусульманской сообществе региона. Ислам стал системообразующим фактором для формирования жизненных и общественных стратегий заметного количества граждан, проживающих в регионе. Увеличилось количество мусульман, получивших более или менее системное представление об исламе и тенденциях его современного развития. Существуют разнообразные легкодоступные каналы поступления в регион информации исламского содержания. Все это повышает количество индивидуальных и коллективных акторов, способных к интерпретации исламского наследия применительно к задачам и проблемам, стоящими перед мусульманами Тюменского региона.

В-четвертых, начинаются подвижки среди ранее оформившихся руководящих групп мусульманского сообщества региона. Это связано:

– с увеличением числа лиц, чувствующих (вне зависимости от реального положения дел) себя способными к самостоятельному осмыслению ислама, базирующихся на нем обрядово-догматических, повседневных и общественных стратегий;

– со старением лиц, стоявших у истоков формирования мусульманского сообщества, снижением их общественных потенций и социального значения для развития сообщества;

– с появлением «коридора возможностей» для второго эшелона мусульманских деятелей, которые могут рассчитывать на поддержку мусульман, воспринявших ислам под их воздействием или же под влиянием близких им по возрасту и иным социальным и социокультурным характеристикам сочувствующих.

Религиозные практики татарского населения

Несмотря на этническую гетерогенность современной мусульманской уммы Тюменского региона, основную роль в руководстве общинами, в духовном просвещении, продолжают играть татары. Татарское население региона составляет доминирующую часть сельских исламских общин. Отметим, что ислам воспринимается многими современными татарами как составная и сущностная часть национальной культуры [Татары Тюменской области, 2011, с.158, 167, 168, 169]. Однако далеко не все татары, проживающие в Тюменском регионе, придерживаются исламской традиции, одни определяют себя неверующими, другие ассоциируют с иными религиями, например с христианством [Татары Тюменской области, 2011, с.158, 159]. Татары заметны в среде православных и протестантских общин, есть и татары-священнослужители в различных христианских деноминациях. Однако значительная часть татарского населения региона ассоциирует себя с мусульманами (более 60% опрашиваемых) [Татары Тюменской области, 2011, с.158, 159].

Основная часть татар, ассоциирующих себя с исламской традицией, соотносит себя с наследием ханафитского мазхаба. Однако, до сих пор в нашей стране значительная часть исламского наследия не достижима для тех, кто именует себя мусульманами. Важную роль в религиозном просвещении должны играть имамы. Несмотря на предпринимаемые ДУМ ТО и ДУМ АЧР многолетние усилия по исламскому просвещению, многие имамы продолжают оставаться в религиозном плане людьми малообразованными. Их знания связаны с усвоением лекций и книг-учебников по основам вероубеждения. Полемика по этому вопросу осмысливаться в мусульманской среде и общественностью Тюменской области как борьба «традиционного ислама» и «салафизма».

Наставления в исламе во время хутб джума-намазов, проповедей во время праздников, иных религиозных мероприятий до начала 2000-х гг. велись преимущественно на татарском языке, иногда с аннотированием на русском [Гарифуллин, 2004, с.31; Кабдулвахитов, 2005, с.219]. Однако в настоящее время все проповеди в городских мечетях и в пригородных селениях ведутся на русском языке. Это связано с тем, что основная часть прихожан в мечетях – это не татары, а также с тем, что татарская молодежь не достаточно хорошо владеет татарским языком. В деревенских мечетях продолжает в целом доминировать татарский язык.

Важную роль в воспроизводстве ислама в повседневности современного татарского населения занимают совместные трапезы и беседы во время *хатымов*. *Хатымами* обозначаются мероприятия, проводимые в связи со значимыми событиями в жизни той или иной мусульманской семьи (рождение ребёнка, обрезание, свадьба, встреча с родственниками, крупная покупка, похороны, поминки и т.д.). На этих мероприятиях, как правило, ключевая роль отводится имаму (местный или с другого района) и/или его помощнику, либо лицам их замещающим. Независимо от поводов, по которым организуются хатымы, их структура практически не меняется и представляет собой следующее.

1. В одном помещении за одним столом напротив друг друга или по разные стороны стола, или в разных помещениях, находятся мужчины и женщины. На столах схожее меню: суп (чаще всего шурпа), мучные изделия, фрукты, конфеты, чай.

2. До начала приёма пищи приглашённый религиозный деятель (имам/помощник имама/лицо их замещающее) читает те или иные аяты Корана.

3. После чтения Корана гости (кроме религиозного деятеля и неимущих) раздают друг другу садака (милостыню), в качестве которой могут выступать деньги или одежда (рубашки, платки, носки и т.д.).

4. После раздачи садака начинается коллективный приём пищи.

5. После трапезы этапы 2 и 3 могут повториться. Если они не повторяются, то, как правило, начинается беседа людей с религиозным специалистом и между собой, что заканчивает обрядовую часть мероприятия.

6. В конце мероприятия хозяева, приглашавшие религиозного деятеля, могут (в зависимости от предварительных договоренностей) рассчитаться с ним деньгами за оказанные услуги.

На основании проводимых с 2007 по 2014 гг. на территории Тюменского региона интервью можно говорить о том, что для значительной части татарского населения представления об исламе и собственно мусульманская идентичность формировались благодаря семье и родственникам именно через практики *хатыма*.

Среди татарского населения Тюменского региона распространены коллективные молитвы о ниспослании дождя, организуемые, в основном, активистам ДУМ АЧР. В некоторых местностях региона (например, в пос. Андреевский/Юрты Андреевские Тюменского района), они проводится ежегодно в середине лета (конец июня – июль). Данное мероприятие по структуре схоже с *хатымом* (прием пищи, садака). Однако оно проводится на улице, а прием пищи предваряется коллективным намазом.

В последние годы в среде татарского населения усилиями активистов ДУМ АЧР обретает популярность концертный формат проведения праздников Ураза-байрам, Курбан-байрам и Мавлид. Для этих целей, как правило, арендуются концертные залы ДК «Торфяник», ДК «Строитель», залы торжеств «Принц», «Принцесса» в г.Тюмени. Их программа состоит, в основном, из кратких молитв, экскурсов в историю празднуемого события, поздравлений от руководства ДУМ АЧР, Совета муфтиев России, официальных лиц Российской Федерации (поздравления всем мусульманам страны) и Тюменской области (поздравления губернатора всем мусульманам региона), выступлений представителей Комитета по делам национальностей Тюменской области, Конгресса религиозных организаций Тюменской области, концертной программы татарских деятелей искусств, чествований уважаемых, влиятельных и выдающихся представителей татарской общественности.

Существенное значение продолжает играть культ астана. В Тюменском регионе в настоящее время известно 25 мест, которые связывают с захоронениями т.н. «шейхов», принесших ислам в Сибирь, и иных почитаемых легендарных и мифических личностей [Священные места, 2006, с.1–15; Белич, 1987, с.28–29]. В 1980–2000-е гг. многие астана были восстановлены, обнаружены, к ним значительно возрос общественный и ритуальный интерес. Как правило, на астана совершаются коллективные и индивидуальные молебны, жертвоприношения и трапеза, оставляется садака. Поклонения на астана неоднозначно воспринимаются разными группами татар. Одни считают, что чтение молитв и другие обряды на «святых местах» лишь поминовение «обитателей рая», погибших при распространении ислама в Сибири. Другие же отмечают, что подобные «паломничества» и молитвы являются более поздними обычаями, выходящими за рамки тех, которые заповедовал Мухаммед, а значит, они не соответствуют традициям ислама.

Заметное распространение у татар получает паломничество – хадж. Сотни человек, индивидуально и в группах, ежегодно формируемых ДУМ ТО, ДУМ АЧР и ЦДУМР, посещают Мекку и Медину, выполняя один из столпов ислама. В то же время особого отношения к хаджи в исламском сообществе региона не наблюдается и какой-либо религиозной или общественной роли они не играют.

В повседневность татарского населения входят и другие нормативные предписания ислама. Все большее распространение получает халяльная пища. В регионе не только налажена поставка халяльной продукции, но и усилиями отдельных хозяйствующих субъектов, ДУМ ТО, ДУМ АЧР налаживается выпуск сертифицированной продукции на месте.

Существенное влияние исламские традиции оказывают на семейные отношения у татар: появляются новые атрибуты во внешнем образе, новыми религиозными смыслами наделяются гендерные роли, для заключения браков требуется соблюдение религиозных обрядов, которые считаются более значимыми, по сравнению со светскими и т.д. Это связано, в первую очередь, с конструированием мусульманскими лидерами региона нормативных образов женственности и мужественности, модели семейных отношений. Они репрезентируют женственность через нормы шариата – богобоязненность, что может проявляться через ношение хиджаба, послушание мужа, воспитание ребенка. Женственность непосредственно связывается и с материнством: «…у мужчины и женщины в этом мире своя миссия… *Женщина* – в первую очередь мать, *воспитательница человека*… [курсив – И.Б., М.Ч., А.Ш.]» [Ислам, семья, родители, 2006, с.3]. Мужественность репрезентируется через выполнение роли главы семьи, финансовое обеспечение семьи и ближайших родственников.

В регионе наблюдается рост число браков, заключаемых путем проведения религиозного обряда – никах. В городской среде мечети и сложившиеся мусульманские сообщества становятся популярными площадками для поиска брачного партнера, конкурируя в этом отношении с прежними институтами – родственниками, этнокультурными мероприятиями. При выборе партнера все более значимым становится критерий «религиозность» супруга/супруги. Этническая идентичность становится второстепенной. Среди некоторых мусульманок/мусульман встречаются и те, кто находился в браке с русскими мусульманами.

Новыми практиками становятся ранние браки, стремительное вступление в брачные и семейные отношения. Популярность быстрых брачных союзов связана, во-первых, с наличием положительных стереотипов о мусульманской умме, представлениями о добропорядочности «мусульман» и «мусульманок» как партнеров. Во-вторых, с запретом на интимные отношения до брака. В-третьих, с использованием брака молодыми людьми и, особенно девушками, как способа сепарации от родительской опеки. Такая ситуация вызывает некоторую тревогу у мусульман, поскольку зачастую «быстрые, и особенно ранние, браки» заканчиваются «быстрыми разводами», от которых в большей степени страдают молодые женщины, оставшиеся с детьми. При условии заключения брака лишь по религиозным нормам, а не по гражданско-правовым правилам, процедура взыскания алиментов на ребенка (детей) с отца становится крайне затруднительной. В связи с чем, молодые женщины вынуждены самостоятельно обеспечивать себя и ребенка (детей).

Таким образом, можно говорить о том, что на современном этапе в Тюменском регионе существуют благоприятные условия для воспроизводства ислама. Татары могут его исповедовать, обращаться за разъяснениями по вопросам шариата к «знатокам» ислама, получать общее и специальное религиозное образование, прибегая к услугам духовных управлений мусульман, имеют возможность читать литературу на бумажных и электронных носителях, поддерживать связь с единоверцами во время локальных,

региональных, внутрироссийских и международных мероприятий религиозного содержания, организуемых мусульманскими инициативными группами.

Ислам начинает нормировать и регулировать все больше и больше сфер жизнедеятельности татарского населения. Это нормирование, однако, до сих пор не является однородным. Зачастую, оно определяется усвоением различных версий исламского вероучения, источниками которого могут являться те или иные наборы текстов, а также социальный опыт населения, через который пропускаются черпаемые смыслы. Поэтому в среде татарского населения зачастую встречаются мусульмане по-разному оценивающие нормативность тех или иных религиозных практик, образцов поведения, имеющие различные жизненные приоритеты.

§ 8. Динамика этнокультурных процессов

Нурсафа Хайруллина

Тюменская область является регионом Российской Федерации, в котором особое значение имеет этнокультурная сфера. Это обусловлено наличием на территории региона представителей различных народов, а также историческим опытом их взаимодействия. Практическое отсутствие в научном обороте материалов конкретных социологических исследований об этнокультурных процессах у татар Тюменского региона ограничивало возможности для анализа происходящих процессов и разработки сценариев их дальнейшего развития. Для восполнения данного пробела ученые Тюменского государственного нефтегазового университета приступили к проведению систематических этносоциологических исследований. Рассмотрим основные этапы авторских исследований.

На первом этапе (апрель 2001 г.) был проведен анкетный опрос татар юга Тюменской области, в котором приняли участие представители татарского населения, проживающие в г.Тюмени и в близлежащих населенных пунктах (сс. Казарово, Ембаево, Муллаши). Было опрошено 299 респондентов, из них 226 – городские жители, 75 – сельские. Из числа опрошенных 42% составили мужчины, 58% – женщины.

На втором этапе (май 2002 г.) для изучения проблем развития татар был проведен опрос 79 экспертов. Среди участников экспертного опроса: ученые (12,7%), представители национальной интеллигенции (54,9%), духовенства и органов власти (по 1,4%), руководители (29,6%).

На третьем этапе (май 2003 г.) с целью изучения межэтнических и межконфессиональных отношений, складывающихся между представителями татарского и иноэтнического населения юга Тюменской области, был проведен анкетный опрос. В нем приняли участие 378 респондентов. Из числа опрошенных женщины составили 64,8%, мужчины – 35,2%. По результатам исследования была подготовлена монография [Хайруллина, Салихова, 2004].

На четвертом этапе (2011–2012 гг.) автором исследовались межэтнические отношения; выявлялись особенности межэтнических взаимодействий; определялись причины, вызывающие напряженность в отношениях между татарами и представителями других этнических групп, проживающих в Тюменской области. По итогам была подготовлена коллективная монография [Татары Тюменской области, 2011].

На пятом этапе (2013 г.) изучалась ситуация в общественно-политической, межнациональной и общественно-религиозной сфере в Тюменской области в целом. Была подготовлена монография [Хайруллина, Воробьев, 2014].

На шестом этапе (летом 2014 г.) в рамках Государственной программы Кабинета министров Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)» автор приняла участие в проведении этносоциологического исследования. Были проведены интервью с экспертами, духовенством, верующими, представителями национальной интеллигенции. В результате была подготовлена коллективная монография [Татары и ислам, 2014]. Представим некоторые результаты проведенных исследований.

В настоящее время у татар юга Тюменской области наблюдается актуализация этнического самосознания. Судя по результатам исследований, этническая самоидентификация татар достаточно устойчива и носит позитивный характер [Хайруллина, Салихова, 2004; Татары Тюменской области, 2011] (табл. 1).

Таблица 1

Динамика ответов респондентов на вопрос о степени удовлетворенности своей национальной принадлежностью, %

Степень удовлетворенности	Год	
	2001	2010
Удовлетворен	77,7	88,4
Не удовлетворен	1,7	3,2
Не придаю значения национальной принадлежности	13,5	6
Затрудняюсь ответить	7,1	2,4

По данным исследования обнаружено превышение доли лиц, отдающих предпочтение этнокультурным и психологическим критериям идентификации над этническими (табл. 2).

Таблица 2

Динамика ответов респондентов на вопрос о критериях определения национальности, %

Критерий	Год	
	2001	2010
Желание самого человека	36,8	31,8
Родной язык	22,5	39,7
Национальность отца	23,6	17,9
Национальность матери	6,2	3,5
Гражданство	5,4	5,4
Национальность отца и матери	4,7	–
Затрудняюсь ответить	0,8	1,7

Из данных таблицы 2 видно, что за последние десять лет увеличилось число татар, которые главным критерием определения национальности определяют «родной язык», а вторым – «желание самого человека». Десять лет назад значимость указанных критериев была противоположной. Отметим, что такие критерии как «национальность отца или матери» в современных условиях теряют свою первоначальную значимость.

Язык и культура сближают человека с конкретной общностью. Растущее распространение национального языка, его использование из поколения в поколение, трансляция теле- и радиопередач, публикация периодических газет и журналов на татарском языке вызывают чувство гордости за свой народ. Кроме того, язык способствует сохранению самобытной этнической культуры. Таким образом, язык и культура, являясь

косвенными индикаторами этнической самоидентификации, являются неотъемлемыми элементами национальной самоидентификации татар (табл. 3).

Таблица 3

Динамика ответов респондентов о факторах, которые сближают людей одной национальности, %*

Фактор	Год	
	2001	2010
Государство, в котором мы живем	4,7	20,7
Язык, на котором говорим	36,2	80,6
Историческое прошлое	19,5	40,5
Народные традиции и обычаи	34,5	82,1
Особенности поведения	2,6	8,1
Особенности национального характера	2,3	16,5
Религия	18,3	61,5
Внешность	5,9	10,4
Конфессиональное единство	0,8	5,1
Общность календарных обрядов	1,6	17,4

* Сумма не равна 100%, т.к. респондент мог выбрать три варианта ответов.

Этнодифференцирующие признаки идентичности – это «обратная сторона» самоидентификации. Сквозь призму различия его критериев проступает восприятие «мы-они» и самоидентификация народа (табл. 4).

Таблица 4

Динамика ответов респондентов о факторах, которые различают людей одной национальности, %*

Фактор	Год	
	2001	2010
Государство, в котором мы живем	4,9	11,5
Язык, на котором говорим	28,0	75,5
Историческое прошлое	10,4	31,5
Народные традиции и обычаи	20,9	62,3
Особенности поведения	2,9	16,0
Особенности национального характера	6,4	18,5
Религия	21,0	59,8
Внешность	7,6	23,8
Конфессиональное единство	0,5	3,3
Общность календарных обрядов	1,6	11,6

* Сумма не равна 100%, т.к. респондент мог выбрать три варианта ответов.

Рассмотрим динамику ответов на вопрос, соблюдают ли респонденты обычаи своего народа. Как видно из данных, представленных в таблице 5, ситуация за последние десять лет изменилась коренным образом. В 4,5 раза увеличилось число представителей татарского населения, полностью соблюдающих обычаи своего народа.

Таблица 5

Динамика ответов на вопрос, соблюдают ли респонденты обычаи своего народа, %

Обычаи соблюдаю	Год	
	2001	2010
Полностью	6,1	27,2
Частично	65	64,6
Не соблюдаю	24,2	5,1
Не знаю обычаев	4,7	2,1
Затрудняюсь ответить	–	1

Респондентам, положительно ответившим в 2010 г. на вопрос, соблюдают ли они обычаи своего народа, было предложено указать, какие именно обычаи они соблюдают. Были получены следующие ответы: раздаю садака (84,7%), провожу аш, хатым (71,1%), свадьбу (никах) (64,2%), похоронный обряд (56,2%), имянаречение (46,2%), посещаю мечеть (34,8%), провожу суннэт (обрезание) (30,5%), жертвоприношение (27,6%), вношу пожертвования на строительство мечетей, культовых сооружений (20,4%), стараюсь употреблять в пищу только продукты халяль (17,8%), совершаю паломничество (хадж) (1,6%).

В ходе исследования выявлялись и чувства опасности у представителей татарского населения в утрате национальной самобытности (табл. 6).

Таблица 6

Динамика ответов на вопрос о чувствах опасности в утрате национальной самобытности, %

Опасность	Год	
	2001	2010
Существует	37,7	39,9
Существует, но ее не стоит преувеличивать	28,6	24,3
Нет	11,8	17,3
Никогда об этом не задумывался	19,2	10,8
Затрудняюсь ответить	2,7	7,7

На вопрос, планируют ли респонденты в ближайшее время начать изучать, соблюдать национальные традиции и обычаи, почти каждый второй представитель татар (46,9%) ответил положительно. Противоположного мнения («нет») придерживаются в шесть раз меньше участников анкетного опроса (6,9%). Вызывает тревогу, что более трети опрошенных (38%) никогда об этом не задумывались, а почти каждый десятый (8,2%) не смог ответить на поставленный вопрос. Чаще позитивное мнение высказывают женщины, а мужчины не задумываются над вопросом, стоит ли им начать в ближайшее время изучать, соблюдать национальные традиции и обычаи татарского народа (табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос – планируют ли респонденты в ближайшее время начать изучать, соблюдать национальные традиции и обычаи в зависимости от пола, %

Ответ	Все респонденты	Пол	
		мужской	женский
Планирую	46,9	43,7	47,7
Не планирую	6,9	6,6	7,2
Не задумывался	38	42,8	36
Затрудняюсь ответить	8,2	6,9	9,1

Анализируя динамику ответов на вопрос о степени владения родным языком, представленных в таблице 8, можно увидеть, что за десять лет на 18,5% увеличилось число татар, которые владеют свободно, разговаривают и пишут на татарском языке. Одновременно с 23,9 до 9,7% снизилось число татар, которые умеют только разговаривать на родном языке (табл. 8). В 2010 г. число владеющих татарским языком в свободной форме (разговаривают и пишут) оказалось на 18,5% респондентов больше, чем в 2001 г. Разговаривают и могут читать четверть опрошенных (24%). Только разговаривают 9,7% опрошенных, столько же знают его, но плохо – понимают, но не говорят на нем (табл. 8).

Таблица 8

Динамика владения татарским языком, %

Степень владения родным языком	Год	
	2001	2010
Владею свободно, разговариваю, пишу	35,3	53,8
Разговариваю, читаю	26,1	24
Только разговариваю	23,9	9,7
Знаю, но плохо	10	8,6
Собираюсь выучить	0,5	1,7
Не знаю и не собираюсь учить	3,7	0,3
Затрудняюсь ответить	0,5	1,9

Общение с русскими в производственной и бытовой сферах, повышение общеобразовательного уровня населения привели к возрастанию у татар роли русского языка. Сегодня русский язык выполняет функцию разговорного языка не только в производственной сфере с русскими, но и в бытовой между представителями татарского населения. В результате постоянной совместной работы или учебы в многонациональных коллективах для татар русский язык становится не только языком межнационального общения, а все чаще языком внутринационального общения. Безусловно, данный процесс объективный, поскольку отражается в реальном языковом поведении почти всех народов России, в том числе у татар юга Тюменской области.

Равное количество представителей татарского населения относятся к межэтническим бракам отрицательно и положительно (34,7% и 33,7% соответственно), каждый четвертый (26,6%) – безразлично; 2,7% согласны на такой брак, но в зависимости от национальности супруга (супруги); 2,4% – затруднились дать оценку. Отношение экспертов к межэтническим бракам иное. Около половины экспертов (48,7%) в 2002 г. относились к ним отрицательно, каждый четвертый (26,3%) – положительно, 13,2% – безразлично, 9,2% – были согласны на такой брак, но в зависимости от национальности

супруга(и) и 2,6% – затруднились дать оценку. В 2010 г. участники анкетного опроса выразили более лояльное отношение к межэтническим бракам (табл. 9).

Таблица 9

Динамика мнений респондентов об отношении к межнациональным бракам, %

Отношение	Год		
	2001	2002	2010
Положительное	33,7	26,3	31,9
Отрицательное	34,7	48,7	27,2
Безразличное	26,6	13,2	27,3
Согласен, но в зависимости от национальности супруга/супруги	2,7	9,2	7,2
Затрудняюсь ответить	2,3	2,6	6,4

За последние десять лет в оценках татар произошли позитивные изменения. Во-первых, респонденты чаще стали выражать отрицательное отношение к межэтническим бракам. Если в 2001 г. каждый третий представитель татарской национальности высказывал положительное отношение к межэтническим бракам, то в 2010 г. такого мнения придерживается каждый четвертый участник анкетного опроса. Во-вторых, татары стали реже положительно относится к межэтническим бракам. За десять лет их число сократилось почти на 2%. Отношение к межэтническим бракам меняется в зависимости от того, в каком браке состоят респонденты – однонациональном или смешанном.

Представим ответы респондентов на вопрос «Какие национальные культурные мероприятия проводятся в Вашем населенном пункте?». Ответы показали, что на 1-м месте по популярности у представителей татарского населения является сабантуй, на 2-м – концерты самодеятельных коллективов. Далее в рейтинге культурных мероприятий треть респондентов указали концерты профессиональных коллективов, на 4-м месте праздник «Амаль», на 5-м – спектакли. Анализ ответов на данный вопрос в зависимости от места проживания показал, что среди сельских жителей популярными являются концерты самодеятельных коллективов и сабантуй, а среди горожан – концерты профессиональных коллективов и спектакли. Среди других культурных мероприятий участники анкетного опроса назвали *Курбан байрам, Ураза байрам, Мавлид, Каз омэсе, Карга боткасы, Искер-жыен, Науруз, Озын толым*.

Татарское население области исповедует ислам (суннитского направления), значение которого в последнее время значительно возросло: во многих сферах жизни народа – в быту, культуре, установках присутствует «исламский фактор», что связано с рядом кардинальных (и неоднозначных) перемен в мире, стране и области [Ислам в истории, 2004]. На вопрос «Может ли татарин быть немусульманином?» представители духовенства отвечали следующим образом: *«Татарин может быть немусульманином. А мусульманин-татарин не может быть не татарином»* (муж., имам мечети, 35 лет); *«Татарин может быть немусульманином. Если он исповедует, например, не ислам, а другую религию. У нас в мечети у татарской женщины племянница в Москве вышла замуж за индуса, теперь она исповедует его религию»* (муж., имам мечети, 49 лет).

В Тюменской области строятся мечети, у мусульман появилась возможность совершать паломничество в Мекку, все чаще в мечетях можно встретить представителей молодого поколения. Это содействует сохранению этноса [Татары Тюменской области, 2010]. На вопрос «Сегодня много говорят о религиозном возрождении у нас в стране. В Вашем окружении это заметно? Как Вы считаете, с чем это связано?» верующие Тюменской области ответили следующим образом. *«Молодежь старается при вступле-*

нии в брак сделать никах, дают детям мусульманские имена, заводят не одного, а троих и более детей, обращают внимание на традиции своего народа. В моем окружении тоже заметно. Родственники держат пост, читают намаз, проводят поминальные мероприятия, помогают нуждающимся» (муж., служащий, 47 лет); *«Повышается национальное самосознание у людей, через религию почувствовали себя мусульманами»* (муж., пенсионер, 67 лет); *«Сын с 16-ти лет встал на намаз, женился на татарской девушке, она теперь тоже читает намаз, дочери и зять с сыном держат пост, проводят наши мероприятия, приносят в жертву баранов в Корбан, детям дают мусульманские имена. Не пьют спиртное, не курят. Видите, в моей семье это заметно. Они ведут исламский, с одной стороны, и здоровый, с другой стороны, образ жизни»* (муж., предприниматель, 57 лет); «*Мой двоюродный брат, глядя на меня, встал на намаз, женился на татарке, у нас совместный бизнес. Все мои друзья также в исламе. У некоторых две и три жены, они обеспечивают их одинаково. Ходим все на пятничный намаз. Это связано с тем, что Россия становится открытым, демократическим государством*» (муж., директор ЧП, 29 лет).

Социально-демографические характеристики религиозных и нерелигиозных представителей татарского населения в настоящее время размыты. Сегодня трудно проследить четкую зависимость уровня религиозности от возраста, социального положения, места жительства, образования, семейного положения, уровня дохода респондентов. Это было подтверждено и летом 2014 г. в ходе глубинных и эксперт-интервью.

На вопрос «Как часто Вы посещаете мечеть?» четверть представителей татарского населения (23,4%) ответили, что никогда не посещали мечеть, чуть более половины опрошенных – редко, каждый десятый (12,8%) посещает мечеть по пятницам. Затруднения с ответом возникли у 8,1% участников анкетного опроса. Первоначально мы предполагали, что положительный ответ должны были дать только верующие респонденты, но анализ показал, что мечеть посещают не только верующие, но и неверующие, а также те, кто ищет дорогу к Богу.

В заключение следует отметить о существенной роли ислама в формировании толерантности и терпимости к взглядам и убеждениям, этническим различиям, которые становятся обычной практикой социокультурной жизни региона. Татары Тюменской области не испытывают притеснений, в регионе существуют все условия для соблюдения религиозных традиций, обычаев, обрядов, изучения и пропаганды ислама. И это важно с точки зрения гармонизации взаимоотношений с представителями других религий в регионе.

Источники и литература

Неопубликованные источники

Архивные дела

Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГУТО ГАТО)

Ф.80 – Отдел Народного образования Тюменского Губисполкома (Тюменский Губнаробраз, ГУБОНО)

Государственный архив общественных и политических объединений Тюменской области (ГАОПОТО)

Ф. 1 – Тюменский губком РКП (б) 1919–23 гг.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

Ф.Р–233 – Уральский отдел Народного образования (УралОНО)

Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в городе Тобольске (ГУТО «ГА в Тобольске»)

Ф.2 – Тобольское полицейское управление

Ф.152 – Тобольское общее губернское управление

Ф.154 – Тобольская казенная палата

Ф.156. Тобольская духовная консистория

Ф.167 – Тобольский отдел народного образования исполкома уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (УОНО)

Ф.329 – Тобольское губернское правление

Ф.417 – Тобольский губернский статистический комитет

Ф.676 – Тобольский окружной отдел народного образования за 1924–29 гг.

Государственный архив Томской области (ГАТО)

Ф.321 – Ревизские сказки

Ф.144 – Чертежная Томского губернского управления, г.Томск (1804 – 1917 гг.)

Государственный архив Омской области (ГАОО)

Ф.318 – Омский губернский отдел Народного образования

Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»

Ф.2 – Сибирский генерал-губернатор (1803–1822 гг.)

Ф.3 – Главное управление Западной Сибири (1822–1882 гг.)

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ)

Ф. 1 – Канцелярии Казанского губернатора за 1913 г.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф.119 – Калмыцкие дела

Ф.131 – Татарские дела

Ф.199 – Портфели Г.Ф. Миллера

Ф.201 – Рукописное собрание М.А. Оболенского

Ф.210 – Разрядный приказ

Ф.214 – Сибирский приказ

Ф.248 – Сенат и его учреждения

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф.1341 – Первый департамент Сената

Ф.1264 – Первый Сибирский комитет

Ф.1265 – Второй Сибирский комитет

Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ)

Ф.И–295 – Оренбургское магометанское духовное собрание с 1829 по 1919 гг.

Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (МАЭ ОмГУ)

Ф.1. – Материалы этнографических экспедиций

Архив Отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Ф.32 – Материалы этнографических экспедиций

Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (МАЭ ОмГУ)

Ф.1. – Материалы этнографических экспедиций

Рукописи

Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ)

Храмова, 1948 – Храмова В.В. Поездка к «заболотным татарам». Рукопись 1948 г. Архив МАЭ. Фонд К–1, оп.2., ед.хр.29.

Храмова, 1949 – Храмова В.В. Предварительное сообщение о поездке к сибирским татарам в 1949 г. (с диапозитивами). Рукопись 1949 г. – Архив МАЭ. Фонд К–1, оп.2, ед.хр.33.

Неопубликованные материалы

Ильясова, 1999 – Ильясова Л.Р. Песни тюменских татар: Дипломная работа. – КГК, 1999. – Машинопись.

История села Уленкуль – История села Уленкуль. Рукопись 1984 г. Составлена учителями Уленкульской средней школы.

Каримова, 1982 – Каримова А.Н. Татарские народные песни Тюменской области: Дипломная работа. – КГК, 1982. – Машинопись.

Материалы историко-этнографической экспедиции – Материалы историко-этнографической экспедиции (Хисаметдинова Г.С., Тычинских З.А., Сафаралеева Ю.У.) по районам юга Тюменской области с компактным проживанием татарского населения, 2012.

Материалы музея – Материалы музея МАОУ СОШ №15 г.Тобольска, 2012.

Материалы экспедиции – Материалы экспедиции Д.Б. Рамазановой в Пермскую область.

Опубликованные источники и материалы

Ад-Давадари, 1971 – Абу Бакр б. ‘Абдаллах б.Айбак ад-Давадари. Ад-дурра аз-закиййа фи ахбар ад-даула ат-туркиййа / Тахкик: Ульрих Харманн. – Каир: б.и., 1391/1971.

Акты исторические, 1841 – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.II. 1598–1613. – СПб., 1841.

Алексеев, 1932 – Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. Т.1. XIII–XVII вв. – Иркутск, Крайгиз, 1932.

Алексеев, 1936а – Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. Т.1. Ч.2 (2-я половина XVII века). – Иркутск: Крайгиз, 1936.

Алексеев, 1936б – Алексеев М.П. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII в. // Исторический архив. Т.I. – М.-Л., 1936.

Алексеев, 1941 – Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты, комментарий. XIII–XVII вв. 2-е изд. – Иркутск: Иркутское областное издательство, 1941.

Ал-Кашгари Махмуд, 2005 – Ал-Кашгари Махмуд. Дīвāн Лугāт ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. Ауэзовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

Амирханов, 2010 – Амирханов Х. Таварихе Булгария (Булгарские хроники). – М.: Издательский дом Марджани, 2010.

Аннинский, 1940 – Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т.III. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

Балхи, 1969 – Ходжамкули Балхи. Та’рих-и Кипчаки // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. – А.-А.: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1969.

Башкирские родословные, 2002 – Башкирские родословные. Вып. первый: Издание на рус. яз. – Уфа: Китап, 2002.

Башкирские шежере, 1960 – Башкирские шежере. – Уфа, 1960.

Библиотека, 1854 – Библиотека восточных историков, издаваемая И.Березиным. Т.I. Ч.1: Сборник летописей: Татарский текст с русским предисловием. – Казань: Типография Казан. ун-та, 1854.

Большой, 2000 – Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. – М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000.

Боярская, 2004 – Боярская книга 1658 года. – М.: Институт российской истории РАН, 2004.

Всероссийская перепись, 2010 – Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. Дата обращения: 15.02.2015.

Всесоюзная перепись населения, 1926 – Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. Демоскоп // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php. Дата обращения: 30.11.2015.

Вычегодско-Вымская, 1958 – Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып.4. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958.

Галицко-Волынская, 2003 – Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарии. Исследования. – СПб.: Алетейя, 2003.

Государственно-конфессиональные отношения, 2009 – Государственно-конфессиональные отношения и религиозные объединения в Тюменской области: Справочник / Под ред. В.П. Клюевой. – Тюмень, 2009.

ДАИ, 1846 – Дополнения к актам историческим. Т.1. – СПб., 1846.

Дворцовые, 1850–1855 – Дворцовые разряды. Изданные вторым Отделением собственной е. и. в. канцелярии.: в 4 т. – СПб., 1850–1855.

Де Клавихо, 1990 – Де Клавихо Руи Гонсалес. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). – М.: Наука, 1990.

Де Рубрук Гильом, *1997* – Де Рубрук Гильом Путешествие в Восточные страны /Плано Карпини Дж. дель. История монголов (3-е изд.) / Гильом де Рубрук. Книга Марко Поло (4-е изд.) / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горунга. – М.: Мысль, 1997.

Документы, 1958 – Документы по истории коми: Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская летопись) // Ист.-филол. сборник. Вып.4. – Сыктывкар, 1958.

Дополнения, 1854 – Дополнения к Т.III. Дворцовых разрядов. – СПб., 1854.

Духовные, 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печ. Л.В. Черепнин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Етнография на България, 1983 – Етнография на България, Т.2. Материална култура. – София, 1983.

Зиннер, 1961 – Зиннер Э.П. Известия шведских военнопленных о Сибири // Ученые записки Иркутского педагогического института. Вып. XVIII. – Иркутск, 1961.

Зиннер, 1968 – Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников XVIII в. – Иркутск, 1968.

Золотая Орда в источниках, 2003 – Золотая Орда в источниках. Т.1. Арабские и персидские сочинения / Сост. Р.П. Храпачевский. – М.: ППП «Типография «Наука», 2003.

Золотая Орда, 2003 – Золотая Орда в источниках. Т.I. Арабские и персидские сочинения. – М., 2003.

Золотая Орда, 2013 – Золотая Орда: библиографический указатель / Автор-составитель И.М. Миргалеев; отв. ред. Э.Г. Сайфетдинова. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013.

Ибн ал-Асир, *2006* – Ибн ал-Асир. Алкамил фи-т-тарих (Полный свод истории). – Ташкент: Узбекистан, 2006.

Ибн Рузбихан, 1976 – Ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) / Пер., предис. и прим. Р.П. Джалиловой. – М., 1976.

История Казахстана, 2005 – История Казахстана в арабских источниках. Т.I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

История Казахстана, 2006 – История Казахстана в персидских источниках. Т.IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Алматы: Дайк-пресс, 2006.

Казанская история, 1954 – Казанская история [Ист. повесть XVI в.] / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

Казанская история, 1956 – Казанская история / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. Г.Н. Моисеевой. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

Кампензе, 1836 – Кампензе А. Письмо к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т.1. – СПб., 1836.

Катанов, 1896 – Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. – Тобольск, 1896.

Катанов, 1905а – Катанов Н.Ф. Известия Лоренца Лянге о Сибири и сибирских инородцах // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1904 г. Вып. XIV. – Тобольск. 1905.

Катанов, 1905б – Катанов Н.Ф. О религиозных войнах шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея) // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1904 г. Вып. XIV. – Тобольск, 1905.

Книга, 1850 – Книга, глаголемая Летописец Федора Кирилловича Нормантского // Вестник Императорского московского общества истории и древностей Российских. Кн.5. – М., 1850.

Концепция, 1998 – Концепция национальной политики в Тюменской области на период 1999–2005 г.г. – Тюмень, 1998.

Корнелий де Бруин, 1873 – Корнелий де Бруин. Путешествие через Московию. Пер. П.Барсова. – М., 1873.

Краткая Сибирская летопись, 1880 – Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). – СПб., 1880.

Краткие сведения, 1960 – «Краткие сведения о черных татарах» Пэн да-я и Сюй Тина // Проблемы востоковедения. 1960. №5.

Курбский, 2001 – Курбский А.М. История о великом князе Московском / Предисл., вступ. ст., пер., Н.М. Золотухиной: комм. Р.К. Гайнутдинова, Н.М. Золотухина. – М.: Изд-во УРАО, 2001.

Кухистани, 1969 – Масуд б. Усман Кухистани. Тарих-и Абу-л-Хайр-хани // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. – А.-А.: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1969.

Кырыми, 1343 – ал-Хаджж Абд ал-Гаффар Кырыми. Умдат ат-таварих. – Стамбул, 1343/1924–25 [el-Hacc ‘Abdu’l-Gaffar Kırîmî. ‘Umdetü’t-tevarih. – İstanbul, 1343/1924–25].

Кырыми, 2014 – Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле / Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014.

Летопись Сибирская, 1821 – Летопись Сибирская: Изд. с рукописи XVII в. – СПб., 1821.

Линденау, 1983 – Линденау Я.И. Описание народов Сибири (I половина XVIII в.). – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1983.

Малиновский, 1973 – Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год. (1793 г.) // Архив С.-Петербургского отд. Ин-та российской истории РАН. Ф.36. Оп.1. Ед. хр.83

Материалы для изучения, 1889 – Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып.4. – СПб.: Тип. Безобразова, 1889.

Материалы для изучения, 1890 – Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып.7. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1890.

Материалы, 1932 – Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. − Ч.I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. / ред. А.Н. Самойлович. − Л., 1932.

Материалы, 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР. Т.1. – М., 1936.

Материалы, 1969 – Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Наука, 1969.

Махмӱд ал-Кӓшгари, 2005 – Махмӱд ал-Кӓшгари. Дивӓн Лугӓ-ат Турк. – Алматы: Дайк – Пресс, 2005.

Мухаммед, 1956 – Мухаммед Юсуф мунши. Муким-ханская история / Перев. с тадж., предисл., примеч. и указ. А.А. Семенова. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956.

Мэн-да Бэй-лу, 1975 – Мэн-да Бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа. Перев. с кит., введение, коммент. и прилож. Н.Ц. Мункуева / Памятники Востока. T.XXVI. – М., 1975.

Наказ, 1892 – Наказ русскому послу Александру Федоровичу Жировому-Засекину 1598 г. // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Т.21. – СПб., 1892.

Негри, 1844 – Негри А. Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т.1. – Одесса: в городской типографии, 1844.

О религиозных войнах, 1903 – О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири // Ученые записки Казанского университета. Кн. 12. – Казань, 1903.

О религиозных войнах, 1904 – О религиозных воинах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XIV. – Тобольск: Типография Епарх. Братства, 1904.

Образцы, 1872 – Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч.IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. – СПб., 1872.

Опись, 1977 – Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч.1. – М.: Центральный архив древних актов, 1977.

Памятная книжка, 1912 – Памятная книжка Томской губернии на 1912 год / изд. Том. губ. стат. ком. – Томск: Типография Губернского управления, 1912.

Памятники, 1884 – Сборник Русского исторического общества. Т.41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т.1. – СПб.: Типография Ф.Елеонского и Компании, 1884.

ПДРВ, 1795 – Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.X. – СПб., 1795.

ПДРВ, 1801 – Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.XI. – СПб., 1801.

Плано Карпини, 1997 – Плано Карпини. Дж. Дель. История монгалов (3-е изд.). / Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны (3-е изд.). / Книга Марко Поло (4-е изд.). Вступ. ст., комментар. М.Б. Горунга. – М.: Мысль, 1997.

Погодинский, 1991 – Погодинский летописец // Летописи Сибирские / сост. и общая редакция Е.И. Дергачевой-Скоп. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991.

Полное собрание, 1824 – Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук по предложению ея президента / С примечаниями, изъяснениями, и дополнениями. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1818–1825. Т.6. Записки Путешествия Академика Фалька. XII. – СПб., 1824.

Посольская, 1984 – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. – М.: АН СССР, 1984.

Посольские книги, 1995 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995.

ПСЗ, 1830 – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое (1649–1825). В 46 т. Т.III. (1689–1699) / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.

ПСРЛ, 1885 – Полное собрание русских летописей. Т.10. Летописный сборник, именуемый Патриаршая, или Никоновская, летопись. – СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885.

ПСРЛ, 1901 – Полное собрание русских летописей. Т.12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901.

ПСРЛ, 1904 – Полное собрание русских летописей. Т.13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. – СПб.: Типография Н.Ю. Скороходова, 1904.

ПСРЛ, 1906 – Полное собрание русских летописей. Т.13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. – СПб.: Типография Н.Ю. Скороходова, 1906.

ПСРЛ, 1949 – Полное собрание русских летописей. Т.25. Московский летописный свод конца XV века / Под ред. М.Н. Тихомирова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

ПСРЛ, 1959 – Полное собрание русских летописей. Т.26. Вологодско-Пермская летопись. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

ПСРЛ, 1962 – Полное собрание русских летописей. Т.1. Лаврентьевская летопись. – М.: Наука, 1962.

ПСРЛ, 1963 – Полное собрание русских летописей. Т.28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

ПСРЛ, 1965 – Летописи начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. – М.: Наука, 1965.

ПСРЛ, 1965 – Полное собрание русских летописей. Т.X–XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. – М.: Наука, 1965.

ПСРЛ, 1982 – Полное собрание русских летописей. Т.37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / Сост. Н.А. Казакова, К.Н. Сербина. – Л.: Наука, 1982.

ПСРЛ, 1987 – Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи / отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. − М.: Наука, 1987.

ПСРЛ, 1997 – Полное собрание русских летописей. Т.1. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1997.

ПСРЛ, 2001 – Полное собрание русских летописей. Т.2. Игнатьевская летопись. – М., 2001.

Путешествие, 1971 – Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–153 гг.) / Публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. – М.: Главная редакция восточной литературы,1971.

Радлов, 1872 – Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч.IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. – СПб., 1872.

Разрядная, 1966 – Разрядная книга 1475–1598 гг. – М.: АН СССР, 1966.

Разрядная, 1977 – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.1. Ч.1–2. – М.: Наука, 1977.

Рахим, 1930 – Рахим А. Новые списки татарских летописей (1930) // Архив ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ. Ф.18, оп.1, ед.хр.6.

Рахим, 2008 – Рахим А. Новые списки татарских летописей // Гали Рәхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик җыентык / төз. Р.Мәрданов, И.Һадиев. – Казан: «Җыен», 2008.

Рашид ад-Дин, 1952а – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Рашид ад-Дин, 1952б – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Рашид ад-Дин, 2002а – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.I. Кн.1. – М.: НИЦ «Ладомир», 2002.

Рашид ад-Дин, 2002б – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.I. Кн.2. – М.: НИЦ «Ладомир», 2002.

Рашид ад-Дин, 2002в – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.II. – М.: НИЦ «Ладомир», 2002.

Рашид ад-Дин, 2002г – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.III. – М.: НИЦ «Ладомир», 2002.

Ремезов, 2011 – Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Т.1: Факсимиле. Т.2: Исследования, текст, научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи. – Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011.

Ремезовская летопись, 1907 – Ремезовская летопись по Мировичеву списку // Сибирские летописи. Издание Императорской Археографической комиссии. – Спб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907.

Ремизов, 1989 – Ремизов С.У. История Сибири / Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 2. – М.: Художественная литература, 1989.

РИБ, 1875 – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т.2. – СПб., 1875.

Родословная, 2011 – Родословная книга по списку князя М.А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. – М.: Древлехранилище, 2011.

Рубрук, 1997 – Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны // Плано Карпини Дж. Дель. История монгалов (3-е изд.). / Гильом де Рубрук (3-е изд.) / Книга Марко Поло. (4-е изд.). Вступ. ст., коммент. М.Б. Горунга. – М.: Мысль, 1997.

Русская, 1875 – Русская историческая библиотека, издаваемая имп. Археографической комиссией. Т.II / ред. А.И. Тимофеев. − СПб.: тип. Бр. Пантелеевых, 1875.

Русская, 1884 – Русская историческая библиотека, издаваемая имп. Археографической комиссией. Т.VIII / ред. А.И. Тимофеев. − СПб.: тип. Ф.Г. Елеонского и К°, 1884.

Русско-монгольские, 1959 – Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов / Сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. – М.: Издательство восточной литературы, 1959.

Сборник РИО, 1884 – Сборник РИО. Т.41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией: с 1474 по 1505 г. Эпоха свержения монгольского ига в России. Т.1. – СПб., 1884.

Сборник РИО, 1887 – Сборник РИО. Т.59. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – СПб., 1887.

Сборник, 1886 – Сборник Муханова (Документы по русской истории). Второе изд., доп. – СПб.: Типография Э.Праца, 1866.

СГГД, 1819 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. 2 т. – М.: Тип. Всеволожского, 1819.

СГГД, 1894 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. 5 т. – М.: Тип. Всеволожского, 1894.

Сибирские летописи, 2008 – Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань: Александрия, 2008.

Сибирские, 1907 – Сибирские летописи / Подгот. к изд. Л.Н. Майков. – СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1907.

Собрание, 1819 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч.2. – М.: тип. Селивановского, 1819.

Список населенных мест, 1904 – Список населенных мест Тобольской губернии. – Тобольск, 1904.

Стратиграфия, 1986 – Стратиграфия автохтонной топонимии Нижнего Пообья. – Красноярск, 1986.

Строгановская летопись, 1907 – Строгановская летопись по списку Спасского // Сибирские летописи. Издание Императорской Археографической комиссии. – Спб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907.

Строгановская летопись, 1996 – Строгановская летопись // На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Ч.1 / отв. редактор Н.А. Миненко. – Екатеринбург: «Екатеринбург», 1996.

Таварих, 1967 – Таварих-и гузида Нусратнаме / иссл., критический текст А.М. Акрамова. – Ташкент: Фан, 1967.

Таварих, 1969 – Таварих-и гузида-йи нусрат-наме // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. – А.-А.: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1969.

Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1: Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884.

Труды, 1892 – Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Т.21. – СПб., 1892.

Устюжский, 1950 – Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Под ред. и с предисл. К.Н. Сербиной. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Утемиш, 1992 – Утемиш-хаджи. Чингиз-наме (Тарих-и Дост-султан) / Факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина. Коммент. и указат. М.Х. Абусеитовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992.

Ф. да Коло, 1996 – Ф. да Колло Ф. Донесение о Московии. – М.: Наследие, 1996.

Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммед Бухари, *1989* – Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммед Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Ч.1. – М.: Изд-во «Наука», Глав. ред. вост. лит-ры, 1983; Ч.2. – М.: Изд-во «Наука». Глав. ред. вост. лит-ры, 1989.

Шараф-хан, 1976 – Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Т.2. – М.: Наука, 1976.

Шейбаниада, 1849 – Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с переводом, примечаниями и приложением, изданным И. Березиным. – Казань, 1849.

Шильтбергер, 1984 – Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1424 год. Перевод Ф.К. Бруна. – Баку: Элм, 1984.

Авторефераты и диссертации

Айтбаева, 2004 – Айтбаева Л.Х. Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар междуречья Нижней Оби и Иртыша (XX век): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тобольск, 2004.

Атаниязов, 1966 – Атаниязов С. Топонимика юго-восточного Туркменистана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1966.

Бушаков, 1991 – Бушаков В.А. Тюркская этноойконимия Крыма: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991.

Валеев, 1965 – Валеев Ф.Т. Сибирские бухарцы во второй половине XIX – начале XX вв. (историко-этнографический очерк): дис. … канд. ист. наук. – Ташкент, 1965.

Валеев, 1987 – Валеев Ф.Т. Сибирские татары (проблемы этнокультурного развития во второй половине XIX – начале XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1987.

Замалутдинова, 2007 – Замалутдинова Л.Г. Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар нижнего течения реки Тура (на материале Тюменской области): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тобольск, 2007.

Зиннатуллина, 2010 – Зиннатуллина Г.И. Народные медицинские знания тоболо-иртышской группы сибирских татар: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2010.

Исхаков, 2000б – Исхаков Д.М. Этническое развитие волго-уральских татар в XV – начале XX вв. / Научный доклад на соискание ученой степени д-ра ист. наук. – М., 2000.

Исхакова, 1970 – Исхакова С.М. Лексика сибирских татар: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Ташкент, 1970.

Кадырова, 2003 – Кадырова Л.М. Народные медицинские знания сибирских татар Омского Притиртышья (конец XIX – XX вв.): дис. … канд. ист. наук. – М., 2003.

Калгаманова, 2012 – Калгаманова З.М. Структурно-семантическая интерпретация топонимии Нижнего Притоболья): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тобольск, 2012.

Ким, 1987 – Ким А.Р. Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1987.

Мирхайдарова, 2005 – Мирхайдарова А.Х. Семантико-стилистическое пространство антропонимии в художественной прозе Я.К. Занкиева: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тюмень, 2005.

Молчанова, 1983 – Молчанова О.Т. Опыт сравнительно-исторического и топонимического исследования тюркской топонимики Горно-Алтайской автономной области: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1983.

Ниязова, 2004 – Ниязова Г.М. Типы и структура ойконимов сибирских татар (на материале Тюменской области): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тобольск, 2004.

Рамазанова, 1970 – Рамазанова Д.Б. Говоры татар Среднего Прикамья: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Казань, 1970.

Рамазанова, 1998 – Рамазанова Д.Б. Историко-лингвистические особенности формирования и функционирования западноприуральского ареала татарского языка: дис. в виде научного доклада … д-ра филол. наук. – Казань, 1998.

Рахимбакиев, 2011 – Рахимбакиев С.З. Историко-лингвистическое изучение тюркских топонимов Западной Сибири XVIII века (по материалам Г.Ф. Миллера): автореф. дис. …канд. филол. наук. – Тюмень, 2011.

Сагидуллин, 2002 – Сагидуллин М.А. Тюркские этнонимы в русской топонимии юга Тюменской области: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тюмень, 2002.

Сайдимова, 2006 – Сайдимова Э.Р. Именник тобольских татар мусульманского проис-

хождения): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тобольск, 2006.

Сатлыкова, 1986 – Сатлыкова Р.К. Татары Среднего Прииртышья (хозяйственный уклад, общинная организация и семейные отношения в конце XVIII – начале XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1986.

Смирнова, 1998 – Смирнова Е.Ю. Одежда татарского населения Среднего Тоболо-Иртышского междуречья в конце XIX – первой трети XX вв.: дис. … канд. ист. наук. – Омск, 1998.

Соболев, 1983 – Соболев В.И. Барабинские татары XIV – начала XVII вв. н.э.: (по археологическим материалам): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1983.

Сурметова, 2007 – Сурметова Л.Р. Жанровое своеобразие песенно-музыкальных традиций татар Тюменской области: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007.

Темплинг, 1996 – Темплинг В.Я. Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в (социокультурный аспект): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1996.

Тимканова, 2005 – Тимканова Г.Ф. Историко-лингвистическое исследование антропонимов татар г.Тюмени (XX век): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Казань, 2005.

Томилов, 1983 – Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX вв.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Омск, 1983.

Тумашева, 1969 – Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам: автореф. дис. … докт. филол. наук. – М., 1969.

Тычинских, 2007 – Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар: XVII – XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2007.

Schamiloglu, 1986 – Schamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Columbia University, 1986 (Ph.D. dissertation).

Литература

На русском языке

Абакиров, 2012 – Абакиров М.Ш. Татары Новосибирской области. – Новосибирск: Сибирское книжное изд-во, 2012.

Абдиров, 1996 – Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. – Алматы: Жалын, 1996.

Абдрахманов, 1959 – Абдрахманов М.А. Особенности диалектно-языкового смешения в лексике томско-сибирских говоров // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. – Томск, 1959.

Абдрахманов, 1966 – Абдрахманов М.А. Вопросы развития языка томских татар // Языки и топонимия Сибири. Вып.1. – Томск, 1966.

Абдураимов, 1966 – Абдураимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – первой половине XIX века. Т.1. – Ташкент: Фан, 1966.

Аблазисова, 1997 – Аблазисова Ю.У. Школа в Тукузе // Общество, школа, педагог. Материалы шестой Тюменской областной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Указа Петра об открытии в Тобольске первой сибирской школы. – Тобольск, 1997.

Аблязов, 2012 – Аблязов К.А. Историческая судьба татар: в 2-х томах. Т.1. От племени к нации. – Саратов: Научная книга, 2012.

Абрамов, 1859 – Абрамов Н.А. Курганы и городища в Тюменском, Ялуторовском и Курганском округах Тобольской губернии // Известия императорского археологического сообщества. Т.1. – СПб., 1859.

Абрамова, 2001а – Абрамова А.А. Особенности обряда вызывания дождя у тарской группы сибирских татар // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: изд-во Томского ун-та, 2001.

Абрамова, 2001б – Абрамова А.А. Элементы обряда вызывания дождя у тарских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. – Омск, 2001.

Абрамова, 2002 – Абрамова А.А. Где прячется счастье охотника (О бытовании промыслового культа у сибирских татар) // Культурология традиционных сообществ: Материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых. – Омск, 2002.

Абрамова, Коломиец, 2000 – Абрамова А.А., Коломиец О.П. Образ птицы в традициях и фольклоре некоторых групп сибирских татар // Сибирская деревня: история, современное состояние перспективы развития. Сборник научных трудов третьей всероссий-

ской научно-практической конференции. – Омск, 2000.

Абрамова, Матвеев, 2000 – Абрамова А.А., Матвеев А.В. «Юл-хаир» и другие традиционные обряды отправления человека в дальнюю дорогу у тарских татар // Сибирская деревня: история, современное состояние перспективы развития. Сборник научных трудов третьей всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 2000.

Абуль-Гази, 1996 – Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. – М.; Ташкент; Баку, 1996.

Абусеитова, 1985 – Абусеитова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. – Алма-Ата: Наука, 1985.

Аванесов, 1963 – Аванесов Р.И. Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание: V международный съезд славистов (V МСС). – М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Авдеев, Струкова, 1937 – Авдеев И.И., Струкова И.П. Тобольские и тюменские татары (Историко-этнографический очерк). – Омская область. 1937. №3.

Агаджанов, 1969 – Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Изд-во «Ылым», 1969.

Адамов, 2010а – Адамов А.А. Традиционная культура сибирских татар в Сибирском ханстве // Искер – столица Сибирского ханства. – Казань, 2010.

Адамов, 2010б – Адамов А.А. Характеристика историко-культурной изученности столицы Сибирского ханства // Искер – столица Сибирского ханства. Сб. статей. – Казань, 2010.

Адамов, Балюнов, Данилов, 2008 – Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск, 2008.

Айтбаев, 1968 – Айтбаев М.Т., Иванов С.В. Художественная обработка металла // Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. – М., 1968.

Акишев, 1978 – Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978.

Аксянова, 1991 – Аксянова Г.А. Соматология // Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991.

Алексеев, 1980 – Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюрко-язычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980.

Алексеев, 1992 – Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992.

Алексеев, 2006 – Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персид. истор. сочинения Бахр ал-асрар. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006.

Алемань, 2003 – Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М.: Изд-во «Менеджер», 2003.

Алишев, 1984 – Алишев С.Х. Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI–XVIII вв. // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. – Казань, 1984.

Алишев, 1995 – Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань. Тат. книжн. изд-во, 1995.

Алишина, 1994 – Алишина Х.Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. – Казань: Казанск. гос. пед. ин-т, 1994.

Алишина, 1999а – Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): Монография: В 2-х частях. Ч.1. – Тюмень: издательство ТюмГУ, 1999.

Алишина, 1999б – Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): Монография: В 2-х частях. Ч.2. Приложения. – Тюмень: изд-во ТюмГУ, 1999.

Алишина, Калгаманова, 2012 – Алишина Х.Ч., Калгаманова З.М. Тюркская топонимия юга Тюменской области. – Тюмень: Печатник, 2012.

Алишина, Маликова, 2014 – Алишина Х.Ч., Маликова Л.Х. Историко-лингвистическое антропонимия татар междуречья нижней Оби и Иртыша (XX в.). – Тюмень: Печатник, 2014.

Алишина, Ниязова, 2004 – Алишина Х.Ч., Ниязова Г.М. Названия селений сибирских татар. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2004.

Андреев, 1989 – Андреев Ю.П., Коржевская Н.М., Костина Н.Б. Социальные институты: содержание, функции, структура. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.

Андриевич, 1889 – Андриевич В.К. История Сибири. Ч. 2. – СПб., 1889.

Андроников, 1911 – Андроников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. – Тобольск, 1911.

Анхимюк, 2003 – Анхимюк Ю.В. Разрядная книга, 1598–1602 годов // Русский дипло-

матарий. Вып. 9. – М.: Древлехранилище, 2003.

Аполлова, 1976 – Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М., 1976.

Арсланов, 1987 – Арсланов Л.Ш. Марийский пласт в топонимии Елабужского района Татарской АССР // Советское финно-угроведение. №2. – Таллин, 1987.

Арсланов, 1989 – Арсланов Л.Ш. Топонимические параллели как источник по истории заселения края (на материале бывшей Вятской губернии) // Вятская земля в прошлом и настоящем. Тезисы докл. и сообщ. – Киров, 1989.

Арсланов, 1991а – Арсланов Л.Ш. Археология и топонимия Елабужского края. – Елабуга, 1991.

Арсланов, 1991б – Арсланов Л.Ш. Топонимия удмуртского происхождения в Елабужском и Менделеевском районах Татарской АССР // Пермистика–2. – Ижевск, 1991.

Арсланов, 1995 – Арсланов Л.Ш. Угро-самодийские элементы в топонимии Восточного Предкамья // Узловые проблемы современного финно-угроведения. – Йошкар-Ола, 1995.

Арсланов, 2000 – Арсланов Л.Ш. Из истории формирования топонимической системы Елабужского района // Древняя Елабуга. Сб. мат. – Елабуга, 2000.

Арсланова, 2002 – Арсланова А.А. Остались книги от былых времен… Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья. – Казань: Татарское книжное издательство, 2002.

Артамонов, 2001 – Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. – СПб., 2001.

Атаниязов, 1988 – Атаниязов С. Словарь туркменских этнонимов. – Ашхабад, 1988.

Атлас – Атлас татарских народных говоров в 3-х томах / Составители: Н.Б. Бурганова, Л.Т. Махмутова (I том), Ф.С.Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайрутдинова (II и III тома), Р.С. Барсукова (III том) рукопись. Электронная версия http://atlas.antat.ru. Авторы: Д.Б. Рамазанова, Ф.И. Салимов, А.Г. Пилюгин, Р.С. Барсукова, Р.Ф. Салимов.

Атласи, 2005 – Атласи Х.М. История Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.

Атнометев, 1802 – Атнометев Н.Б. Букварь татарского и арабского письма. – СПб., 1802.

Афанасьев, 1982 – Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. – Л.: Современник, 1982.

Ахатов, 1963 – Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. – Уфа, 1963.

Ахатов, 1963 – Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. – Уфа, 1963.

Ахинжанов, 1989 – Ахинжанов С.М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: «Наука», 1989.

Ахмаров, 1907 – Ахмаров Г.Н. Свадебные обряды казанских татар. – Казань, 1907.

Ахмедов, 1965 – Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М.: «Наука», 1965.

Ахмедов, 1985 – Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (Письменные памятники). – Ташкент, 1985.

Ахметова, 1999 – Ахметова Ф. Еще раз о дастанах в татарском фольклоре // Идел. 1999. №2.

Ахметова, 2002а – Ахметова Ф.В. Звучание дастанов В.В. Радлова // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002.

Ахметова, 2002б – Ахметова Ф.В. По следам В.В. Радлова // Сибирские татары. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002.

Ахметова, Монасыпов, 1987 – Ахметова Ф.В., Монасыпов Ш.Х. К вопросу о музыкальных инструментах сибирских татар // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск, 1987.

Ахметова-Урманче, 2002 – Ахметова-Урманче Ф.В. Звучание дастанов В.Радлова // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск, 2002.

Ахметьянов, 1974 – Ахметьянов Р.Г. Древние тюрко-монгольские военно-феодальные термины в татарской свадебной терминологии // Советская этнография. 1974. № 4.

Ахундов, 1982 – Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. – М.: Издательство «Наука», 1982.

Аширалиев, 1966 – Аширалиев К. Древние тюркские элементы в современных языках // Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. – Фрунзе, 1966.

Ащепков, 1950 – Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. – М.: Изд-во Академии архит-ры СССР, 1950.

Багашев, 1988 – Багашев А.Н. Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988.

Багашев, 1990а – Багашев А.Н. Материалы по краниологии тарских татар // Обряды народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990.

Багашев, 1990б – Багашев А.Н. Материалы по краниологии тобольских татар // Сравнительная антропология башкирского народа. – Уфа: Баш. науч. центр УрО АН СССР, 1990.

Багашев, 1991 – Багашев А.Н. Краниологический тип нижнеиртышских хантов // Обские угры: Ханты и манси. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1991.

Багашев, 1993а – Багашев А.Н. Многомерная статистика о краниологической специфике народов Западной Сибири // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 1993.

Багашев, 1993б – Багашев А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. – Новосибирск: Наука, 1993.

Багашев, 1998 – Багашев А.Н. Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // Очерки культурогенеза коренного населения Западной Сибири. Т.4. Расогенез коренного населения. – Томск, 1998.

Багашев, 2000 – Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 2000.

Багашев, 2003 – Багашев А.Н. Антропологический тип средневековых тюрков Нижнего Притомья (могильник Астраханцево) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып.4. – Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 2003.

Багашев, Юрина, 1984 – Багашев А.Н., Юрина Л.Г. Группы крови системы АВ0 и рузус (D) у тарских татар // Этническая история тюкроязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Ом. ун-т, 1984.

Багрин, 2010 – Багрин Е.А. Миниатюры Ремезовской летописи как источник по военному делу // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. сб. науч. ст. – Владивосток, 2010.

Баженов, 1847 – Баженов Н.К. Казанская история. Ч.1: Казанское царство. – Казань, 1847.

Бакиева, 2000 – Бакиева Г.Т. К вопросу о политике государства в отношении землепользования сибирских татар и русских (XVII – начало XX вв.) // Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: Русские старожилы». – Тобольск-Омск: Ом ГПУ, 2000.

Бакиева, 2003 – Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). – Тюмень-М.: ИНИОН РАН, 2003.

Бакиева, 2011 – Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX в. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2011.

Бакиева, Квашнин, 2009 – Бакиева Г.Т., Квашнин Ю.Н. Тоболо-иртышские татары. – Тобольск: «Полиграфист», 2009.

Бакиров, 2012 – Бакиров М.Х. Татарский фольклор. – Казань: Ихлас, 2012.

Балаганская, Балановская, Лавряшина и др., 2011 – Балаганская О.А., Балановская Е.В., Лавряшина М.Б., Исакова Ж.Т., Сабитов Ж.М., Фролова С.А., Романов А.Г., Дибирова Х.Д., Кузнецова М.А., Захарова Т.А., Урасин В.М., Балаганский А.Г., Баранова Е.Г., Балановский О.П. Полиморфизм Y хромосомы у тюркоязычного населения Алтае-Саян, Тянь-Шаня и Памира в контексте взаимодействия генофондов Западной и Восточной Евразии // Медицинская генетика. 2011. №3.

Балюк, 1997 – Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI – XIX вв. – Тобольск: Типография ЗАО «Штрих», 1997.

Балюк, 2002 – Балюк Н.А. Развитие земледельческого хозяйства Западной Сибири (конец XVI – начало XX вв.). – Тюмень, 2002.

Баранова, 2005 – Баранова Т.А. Топонимия Тобольска и его окрестностей. – Тобольск, 2005.

Бардина, 1995 – Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск: Изд-во Томск. ун-та,1995.

Барсуков, 1902 – Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. – СПб., 1902.

Барсукова, 2004 – Барсукова Р.С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. – Казань: Фикер, 2004.

Барсукова, 2005 – Барсукова Р.С. История изучения сибирско-татарских диалектов // Сборник аспирантских работ: проблемы языка, литературы и народного творчества. – Казань, 2005.

Бартольд, 1963 – Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. Т.2. Ч.1. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Бартольд, 1968 – Бартольд В.В. 12 лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т.5. – М.: Изд-во восточной литературы, 1968.

Бартольд, 2002 – Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии. Лекция VIII // Бартольд В.В. Работы по истории, филологии тюркских и монгольских народов. Под-ка к изд. С.Г. Кляшторный; отв. ред. А.Н. Кононов. – М.: Вост. лит-ра, 2002.

Барфилд, 2009 – Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э.–1757 г. н.э.). / Пер. с англ. Д.В. Рухлядева, Б.В. Кузнецова; науч. ред. и предисл. Д.В. Рухлядева. – Спб.: Ф-т филологии и искусства СПбГУ; Нестор-История, 2009.

Басандайка, 1947 – Басандайка. Труды Том. гос. ун-та и Том. гос. пед. ин-та. Т.98. – Томск, 1947.

Басилов, 1970 – Басилов В.Н. Культ святых в исламе. – М., 1970.

Басилов, 1998 – Басилов В.Н. Демон Албасты: как сложился образ // Сибирские татары. Материалы 1-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Омск-Тобольск, 1998.

Баскаков, 1940 – Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. – М.-Л., 1940.

Баскаков, 1952 – Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Ч.II. Фонетика и морфология. Ч.I. – М., 1952.

Батмаев, 1993 – Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1993.

Батманов, 1938 – Батманов И.А. Употребление падежей в киргизском языке. – Фрунзе – Казань, 1938.

Бахрушин, 1916 – Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия. – М., 1916.

Бахрушин, 1927 – Бахрушин С.В. Ясак в Сибири // Сибирские огни. 1927. №3.

Бахрушин, 1937 – Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Г.Ф. Миллер. История Сибири. – М.-Л., 1937.

Бахрушин, 1938 – Бахрушин С.В. Завоевание Сибири. – М., 1938.

Бахрушин, 1955а – Бахрушин С.В. Пути за Урал в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т.III. Часть 1. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

Бахрушин, 1955б – Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т.III. Ч.2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

Бахрушин, 1955в – Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. Т.III. Ч.2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

Бахрушин, 1955г – Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т.3. Ч.1. – М., 1955.

Бахрушин, 1965 – Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары // Научные труды. Т.3. Избранные работы по истории Сибири XVI-XVII вв. Ч.II. История народов Сибири в XVI–XVIII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1965.

Бахтин, 2008 – Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2008.

Баширова, 1984 – Баширова З.А. Природа в религиозных представлениях Сибирских татар // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. – Омск, 1984.

Баязитова, 2001 – Баязитова Ф.С. Сибирские татары: (Духовное наследие, семейно-бытовая, обрядовая терминология и фольклор). – Казань: Фикер, 2001.

Баязитова, 2005 – Баязитова Ф.С. Лексика обрядов и обычаев, связанных с рождением ребенка в диалектах сибирских татар // «Сулеймановские чтения – 2005»: Материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2005.

Баяр, 2004 – Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4.

Белавин, 2000 – Белавин А.М. Камский торговый путь. Северное Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во Пермского гос. пед. ун-та, 2000.

Беликова, 2003 – Беликова О.Б. Комплекс с палеорастительными остатками из таежного Причулымья // Экология древних и современных обществ. – Тюмень, 2003. Вып.2.

Белич, 1987 – Белич И.В. Культовые места сибирских татар как исторический источник // Роль Тобольска в основании Сибири. – Тобольск, 1987.

Белич, 1988 – Белич И.В. О начале исламизации сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1988.

Белич, 1989 – Белич И.В. Природа в доисламских верованиях сибирских татар (конец XIX – начало XX вв.) // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири: Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск, 1989.

Белич, 1995 – Белич И.В. Легенда о «Ташатканском камне» // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Материалы международной конференции. Т.II. – Новосибирск, 1995.

Белич, 1997 – Белич И.В. Ханское кладбище // Сибирская столица. №1. – Тобольск, 1997.

Белич, 1999 – Белич И.В. Культ медведя у сибирских татар // Обские Угры: Материалы II Сиб. симпоз. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря, 1999 г., г.Тобольск). – Тобольск-Омск, 1999.

Белич, 2002 – Белич И.В. Легенда о Хаким-Ате // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» – Тобольск-Омск: изд-во ОмГПУ, 2002.

Белич, 2007 – Белич И.В. К этимологии, семантике и истории происхождения средневекового имени г.Тюмень // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. №7.

Белич, 2015 – Белич И.В. «Знамения, почем познавать в чертеже какие места» (к вопросу о местонахождении могилы Ермака) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015.

Белич, Бустанов, 2010 – Белич И.В., Бустанов А.К. Заметки о суфийских традициях в Западной Сибири // Мир ислама. Pax Islamica. 2010. № 2(5).

Белич, Зиннатуллина, Ярков, 2006 – Белич И.В., Зиннатуллина Г.И., Ярков А.П. Священные места сибирских мусульман – астана. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2006.

Белич, Новикова, Томилов, 1986 – Белич И.В., Новикова Н.И., Томилов Н.А. Предметы религиозного культа в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского университета // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск, 1986.

Белоусов, 2008 – Белоусов М.Р. Боярские списки, 1645–1667 гг. как исторический источник. В 2-х т. Т.1. – Казань, 2008.

Белявский, 1833 – Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. – М., 1833.

Беляков, 2005 – Беляков А.В. Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени // Мининские чтения: 2004. – Н.Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2005.

Беляков, 2006 – Беляков А.В. Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина. 2004–2005. Вып.2–3. – Рязань: Край, 2006.

Беляков, 2011 – Беляков А.В. Сибирские татары при дворах сибирских Шибанидов-конца XVI – первой половине XVII века // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы межд. конф. – Курган, 2011.

Беляков, 2011 – Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. – Рязань: Рязань. Мір, 2011.

Беляков, 2014 – Беляков А.В. Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы межд. конф. – Курган, 2014.

Беляков, 2014 – Беляков А.В. Новый документ о ранней истории г.Самары // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения. Вып.1. Т.14. 2014.

Бережнова, Смирнова, 2001 – Бережнова М.Л., Смирнова Е.Ю. Пушки, тастар и понева кульком: о границах диффузно-культурного ареала // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001.

Бернштам, 1974 – Бернштам Т.А. Свадебная обрядность на поморском и онежском берегах Белого моря // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. – Л., 1974.

Библиотека, 1854 – Библиотека восточных историков, издаваемая И.Березиным. Т.I. Ч.1: Сборник летописей: Татарский текст с русским предисловием. – Казань: Типография Казан. ун-та, 1854.

Бикбулатов, Кузеев, Шитова, 1976 – Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г., Шитова С.Н. Прикладное искусство // Народное творчество башкир. – Уфа, 1976.

Бичурин, 1998 – Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. – Алматы: ТОО «Жалынбаспасы», 1998.

Блумфилд, 1968 – Блумфилд Л. Язык. – М.: Изд-во «Прогресс», 1968.

Бобров, Клюева, 2006 – Бобров И.В., Клюева В.П. Социетальные характеристики исламского сообщества Тюменской области // Исламская цивилизация в Сибири: истоя, традиции, современность: материалы научной конференции / Под ред. З.А. Тычинских, Г.Т. Бакиевой. – Тобольск, 2006.

Бобров, Худяков, 2011 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Шлемы сибирских татарских воинов (из собрания Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповед-

ника) // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып.3. – Казань, 2011.

Богомолов, 1975 – Богомолов В.Б. О некоторых историко-культурных связях томских татар по материалам орнамента // Материалы I научно-методической конференции Омского государственного университета. – Омск, 1975.

Богомолов, 1977 – Богомолов В.Б. Новые материалы по орнаменту тарских татар // Материалы III научно-методической конференции Омского государственного университета. – Омск, 1977.

Богомолов, 1978а – Богомолов В.Б. Орнамент барабинских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978.

Богомолов, 1978б – Богомолов В.Б. О коврах тевризских татар // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск, 1978.

Богомолов, 1978в – Богомолов В.Б. Орнамент тарских татар // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск, 1978.

Богомолов, 1979а – Богомолов В.Б. Орнамент барабинских татар как историко-этнографический источник // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1979.

Богомолов, 1979б – Богомолов В.Б. Основные направления развития орнамента барабинских татар в XIX – начале XX вв. // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск, 1979.

Богомолов, 1980 – Богомолов В.Б. Ткачество декоративных ковров у барабинских татар // Духовная культура народов Западной Сибири. – Томск, 1980.

Богомолов, 1985 – Богомолов В.Б. Современный орнамент сибирских татар // Социально-культурные процессы в советской Сибири: тез. докл. обл. науч. конф. по проблемам соврем. искусства в нар. творчестве / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии, Ом. гос. ун-т ; [редкол.: Н.А. Томилов (отв. ред.), Л.Н. Гриднева, В.И. Матющенко и др.]. – Омск: ОмГУ, 1985.

Богомолов, 1987 – Богомолов В.Б. Изделия из бересты барабинских татар // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск, 1987.

Богомолов, 1992 – Богомолов В.Б. Скульптура сибирских татар XIX – первой трети XX вв. // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1992.

Богомолов, 1995а – Богомолов В.Б. Узоры сибирских татар Омского Прииртышья // От Урала до Енисея. Кн.1. – Томск, 1995.

Богомолов, 1995б – Богомолов В.Б. Об угорском компоненте в вышивке барабинских татар // Народы Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 1995.

Богомолов, 1998 – Богомолов В.Б. Распознавание цветов у тоболо-иртышских татар (к проблеме реконструкции цветовой гаммы предметной среды эпохи средневековья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч.I. – Омск, 1998.

Богомолов, Мельников, 1997 – Богомолов В.Б., Мельников Б.В. Изделия из бересты у населения XVII–XVIII вв. бассейна р.Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т.2. – Новосибирск, 1997.

Богомолов, Томилов, 1973 – Богомолов В.Б., Томилов Н.А. К проблеме этногенеза и этнокультурных связей сибирских татар (по материалам орнаментов томских и барабинских татар) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973.

Борзунов, 1998 – Борзунов В.А. Поселения с бастионно-башенной оборонной архитектурой Зауралья и Западной Сибири начала эпохи железа // Система жизнеобеспечения традиционных обществ древности и современности. – Томск, 1998.

Боринская, Янковский, 2013 – Боринская С.А., Янковский Н.К. Генетика и геномика человека. Популяции и этносы в пространстве и времени: эволюционные и медицинские аспекты // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2013. Т.17. №4/2.

Борко, 2004 – Борко Т.И. Шаманизм: от архаических верований к религиозному культу. – Екатеринбург: Изд-во «Банк культурной информации», 2004.

Бочанова, 1978 – Бочанова Г.А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири: конец XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1978.

Бояршинова, 1950 – Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского гос. университета им. В.В. Куйбышева. Т.112. Серия историко-филологическая. − Томск, 1950.

Бояршинова, 1960 – Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1960.

Бреполь, 1982 – Бреполь Э. Теория и практика ювелирного дела. – Л.: Машиностроение, 1982.

Брехман, 1975 – Брехман И.И. Народная медицина в свете теории информации // Этнографические аспекты изучения народной медицины. – Л., 1975.

Бромлей, 1981 – Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – М.: Наука, 1981.

Бромлей, Воронов, 1976 – Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // Советская этнография. 1976. №5.

Булатова, 2013 – Булатова М.Р. Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана». – Казань, 2013.

Бурганова, 1955 – Бурганова Н.Б. Нагорный говор татарского языка // Материалы по диалектологии. – Казань, 1955.

Бурганова, 1962 – Бурганова Н.Б. Говор каринских и глазовских татар // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. – Казань, 1962.

Бурганова, Махмутова, 1962 – Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т. К вопросу об истории образования и изучения татарских диалектов и говоров // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. – Казан, 1962.

Бустанов, 2007 – Бустанов А.К. Суфийские шейхи в сибирско-татарских рукописях // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVII региональной археолого-этнографической конференции (Новосибирск, 3–4 апреля 2007 г.). – Новосибирск, 2007.

Бустанов, 2009а – Бустанов А.К. Манускрипты суфийских шейхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Т.11. – Омск: Изд. дом «Наука», 2009.

Бустанов, 2009б – Бустанов А.К. Сочинение «Шаджара рисаласи» и его списки // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Вып.1. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009.

Бустанов, 2013 – Бустанов А.К. Книжная культура сибирских мусульман. – М.: Изд. дом Марджани, 2013.

Бустанов, Белич, Гумеров, 2011 – Бустанов А.К., Белич И.В., Гумеров И.Г. Прошлое и настоящее в рукописях сибирских мусульман: отчет об археографических работах в 2011 г. // Тобольск научный – 2011: материалы VII Всероссийской науч.-практ. конф. – Тобольск: «Альфа Принт», 2011.

Бустанов, Корусенко, 2010 – Бустанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Имьяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып.2 (42). – Новосибирск, 2010.

Бутанаев, 1999 – Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: Изд-во ХГУ, 1999.

Бутанаев, 2006 – Бутанаев В.Я. К истории института киштымства у енисейских кыргызов // Тюркологический сборник / 2005. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2006.

Буцинский, 1889 – Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ея насельников. – Харьков: Типография губернского правления, 1889.

Бушаков, 1989 – Бушаков В.А. Семантический анализ крымских ойконимов // Советская тюркология. 1989. №2.

Бушаков, 1992 – Бушаков В.А. Общие элементы в этнонимике алтайских народов // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. – Казань, 1992.

Вагайцева, Харьков, Черпинская и др., 2015 – Вагайцева К.В., Харьков В.Н., Черпинская К.В., Хитринская И.Ю., Степанов В.А. Генетическая вариабельность Х-сцепленных STR-маркеров в популяциях Сибири // Молекулярная биология. 2015. Т.49. №2.

Валеев, 1972 – Валеев Ф.Т. Некоторые черты традиционных свадебных обрядов западно-сибирских татар // Материалы по этнографии Сибири. – Томск, 1972.

Валеев, 1975 – Валеев Ф.Т. К этнической истории тарских татар // Из истории Сибири. Вып.16. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975.

Валеев, 1976а – Валеев Ф.Т. О религиозных представлениях западно-сибирских татар // Природа и человек в религиозных верованиях народов Сибири и Севера. – М., 1976.

Валеев, 1976б – Валеев Ф.Т. Обереги как пережиток доисламских верований у сибирских татар // Из истории Сибири. Вып.19. – М., 1976.

Валеев, 1976в – Валеев Ф.Т. К вопросу об этногенетических и этнокультурных контактах западносибирских татар с татарами Поволжья // Языки и топонимия. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976.

Валеев, 1978а – Валеев Ф.Т. Алтайские этнические элементы у западносибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978.

Валеев, 1978б – Валеев Ф.Т. Об этнокультурных связях западносибирских татар с другими народами во второй половине XIX –

начале XX вв. (По данным одежды тарских, тобольских и тюменских татар) // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Сб. научных статей. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978.

Валеев, 1980 – Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1980.

Валеев, 1984 – Валеев Ф.Т. К вопросу о способах и средствах передвижения сибирских татар в XIX – начале XX вв. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. – Омск, 1984.

Валеев, 1989 – Валеев Ф.Т. К вопросу о развитии языка и культуры татар, проживающих за пределами ТаССР в современных условиях // Актуальные проблемы развития межнациональных отношений, интернационального и патриотического воспитания. Материалы республиканской научно-практической конференции, состоявшейся 16–17 мая 1989 г. в г. Казани. – Казань, 1989.

Валеев, 1990 – Валеев Ф.Т. Очаги знаний в Сибири // Казан утлары. 1990. №3.

Валеев, 1991 – Валеев Ф.Т. Родословные записи (шэжэрэ) сибирских татар как историко-этнографический источник // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. – Омск, 1991.

Валеев, 1993 – Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993.

Валеев, Исхакова, 1978 – Валеев Ф.Т., Исхакова С.М. К вопросу о роли фольклора в историко-этнографическом изучении сибирских татар // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск, 1978.

Валеев, Томилов, 1996 – Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура / Культура народов России. Т.2. Новосибирск: «Наука», сибирская изд. фирма РАН. 1996.

Валеев, Томилов, 2006 – Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Сибирские татары // Тюркские народы Сибири. – М.: Наука, 2006.

Валеева-Сулейманова, Шагеева 1990 – Валеева-Сулейманова Г.Ф., Шагеева Р.Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. – М.: Советский художник, 1990.

Валиди Тоган, 2010 – Валиди Тоган А.З. История башкир. – Уфа: Китап, 2010.

Валиханов, 1984 – Валиханов Ч.Ч. Извлечения из Джами ат-таварих. Сборник летописей // Собрание сочинений. Т.1. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984.

Варваровский, 2008 – Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60–70-е гг. XIV века. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2008.

Васильева, 2005 – Васильева С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира. – Красноярск, 2005.

Вельяминов-Зернов, 1863 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.1. – СПб., 1863.

Вельяминов-Зернов, 1866 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. – СПб., 1866.

Вельяминов-Зернов, 1887 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.4. – СПб., 1887.

Венюков, 1874 – Венюков М. Краткие статистические сведения о сибирских инородцах по отношению их к всеобщей воинской повинности // Приложение к №1 Известий Имп. РГО на 1874 г. – СПб., 1874.

Верпаховская, 1980 – Верпаховская Е.В. Некоторые материалы по народной медицине сибирских татар // Духовная культура народов Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980.

Верпаховская, 1980 – Верпаховская Е.В. Некоторые материалы по народной медицине сибирских татар // Духовная культура народов Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980.

Вершинин, 2002 – Вершинин Е.В. Об обстоятельствах покорения селькупской Пегой орды // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов / отв. ред. А.В. Головнев. − Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002.

Вершинин, Шашков, 2002 – Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири / отв. ред. Г.П. Визгалов. − Екатеринбург: Издательство Уральского гос. университета, 2002.

Вестник, 2014 – Вестник / Кәбәрче. 2014. №3.

Викторова, 1980 – Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Изд-во «Наука», гл. ред. «Вост. литра», 1980.

Виноградова, 1981 – Виноградова Л.Н. Мотив «прихода издалека» в обходной обрядовой поэзии славян // Структура текста – 81: Тезисы симпозиума. – М., 1981.

Воеводин, 2006 – Воеводин М.М. Паломничество к святым местам у тоболо-иртышских татар // Молодежь третьего тысячелетия:

XXX региональная научно-практическая студенческая конференция: тез. Докл. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006.

Войтов, 1996 – Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Гос. музей искусства народов Востока, 1996.

Волохина, 2002 – Волохина И.В. Наружные болезни в народной медицине татарского населения Омского Прииртышья в конце XIX – XX вв. // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: Изд-во ОМГПУ, 2002.

Воронов, 1976 – Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // Советская этнография. 1976. №5.

Воронов, 1991 – Воронов А.А. Традиционная медицинская культура и этническая экология // Этническая экология. Теория и практика. – М.: Наука, 1991.

Гаврилова, 1965 – Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965.

Гаджиева, 1976 – Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. – М.: Наука, 1976.

Гаджиева, 1981 – Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. XIX – начало XX вв. – М.: Наука, 1981.

Гаев, 2002 – Гаев А.Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник. Вып.IV. Т.3. – Нижний Новгород, 2002.

Галиахметова, 2007 – Галиахметова Г.Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2007.

Гарипова, 1991 – Гарипова Ф.Г. Исследования по гидронимии Татарстана. – М.: Наука, 1991.

Гарифуллин, 1993 – Гарифуллин И.Б. Мухаммед, ислам в Сибири, Кучум и Сузге в народных преданиях. – Тюмень, 1993.

Гарифуллин, 1996 – Гарифуллин И.Б. Из истории хозяйственной жизни татарского населения Тюменской области. – Тюмень, 1996.

Гарифуллин, 1997а – Гарифуллин И.Б. Школьное образование у татар Тюменского края в дооктябрьский период // Общество, школа, педагог. – Тобольск, 1997.

Гарифуллин, 1997б – Гарифуллин И.Б. Социально-демографическое развитие татарского населения Тюменской области в годы освоения севера (1960–1996 гг.). – Тюмень, 1997.

Гарифуллин, 2000 – Гарифуллин И.Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. – Тюмень, 2000.

Гарифуллин, 2001 – Гарифуллин И.Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. – Тюмень, 2001.

Гарифуллин, 2002 – Гарифуллин И.Б. Из истории земельных отношений у татар Тюменского региона // Тюркские народы / Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск, 2002.

Гарифуллин, 2004 – Гарифуллин И.Б. Ислам в истории и культуре Тюменского края [в документах и материалах]. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2004.

Георги, 1776 – Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Ч.2. – СПб., 1776.

Герасимов, 2008 – Герасимов Ю.В. К проблеме культурно-исторической принадлежности палаша из могильника Бергамак II // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2008.

Герасимов, 2010 – Герасимов Ю.В. Оружие в ритуалах перехода традиционных обществ (по фольклорным, этнографическим, археологическим источникам). // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сб. науч. тр. – Омск, 2010.

Герасимов, Шлюшинский, 2006а – Герасимов Ю.В., Шлюшинский А.В. Комплекс защитного вооружения татар XV–XVII веков (по материалам этнографо-археологических комплексов Прииртышья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск; Омск: Красноярский государственный педагогический университет, 2006.

Герасимов, Шлюшинский, 2006б – Герасимов Ю.В., Шлюшинский А.В. Вооружение и военное дело Сибирского ханства // Омский научный вестник. 2006. №3.

Герберштейн, 1998 – Герберштейн С. Записки о Московии / Под ред. В.Л. Янина. – М.: Издательство Московского университета, 1998.

Гиганов, 1801 – Гиганов И. Грамматика татарского языка. – СПб., 1801.

Гилодо, Лобанова, 1990 – Гилодо А.А., Лобанева Т.А. Русские сундучные изделия с

кованой железной отделкой XVII–XVIII вв. // Памятники культуры. – М., 1990.

Гимади, 1960 – Гимади Х. Г. Дискуссия о языке сибирских татар // Вопросы диалектологии тюркских языков. – Казань, 1960.

Глушкова, 1994 – Глушкова Т.Н. Плетение и ткачество в раннем железном веке (по материалам могильника Ак-Алаха I) // Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994.

Голден, 2004 – Голден П. Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударвтенной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2004.

Головнев, 1995 – Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995.

Голодников, 1882 – Голодников К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. – Тобольск, 1882.

Гольдциер, 1938 – Гольдциер Игнац. Культ святых в исламе. – М., 1938.

Гончарова, 1986 – Гончарова П.А. Золотошвейное искусство Бухары. – Ташкент, 1986.

Горелик, 1987 – Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987.

Горожанкина, 1993 – Горожанкина Е.М. Общие черты в ювелирном искусстве казанских татар и народов Средней Азии // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. – Казань,1993.

Горский, 2000 – Горский А.А. Москва и Орда. – М.: «Наука», 2000.

Григорьев, Фролова, 2002 – Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002.

Груссе, 2005 – Груссе Р. Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан. Т.1. – Алматы: Санат, 2005.

Груссе, 2007 – Груссе Р. Чингисхан. Покоритель Вселенной. 3-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2007.

Губайдуллин, 2002 – Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002.

Гумилев, 1993 – Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Клышников-Комаров и К, 1993.

Гура, 1971 – Гура А.В. Из северно-русской свадебной терминологии (хлеб и пряники) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточно-славянские параллели. Структура балканского текста. – М., 1971.

Да Колло, 1996 – Да Колло Ф. Донесение о Московии. – М.: Наследие, 1996.

Давлетшин, 1990 – Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (история, становление и развитие). – Казань: Татарское книжное издательство, 2004.

Де Хортог Лео, 2007 – Де Хортог Лео. Чингисхан Завоеватели мира. – М.: Олимп; АСТ; Астрель, 2007.

Дебец, 1948 – Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды Ин-та этнографии. Т.4. 1948.

Дебец, Трофимова, 1941 – Дебец Г.Ф., Трофимова Т.А. Западносибирская экспедиция 1937 г. // Кр. сообщения Ин-та и Музея антропологии при МГУ, 1941.

Декреты, 1957 – Декреты Советской власти. Т.1. – М., 1957.

Денисов, 1959 – Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. – Чебоксары, 1959.

День, 2014 – День сибирскотатарского языка (буклет). – Тюмень, 2014.

Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006 – Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Ремезовская летопись». Комментарии. – Тобольск: Издательский отдел Общественного фонда «Возрождение Тобольска», 2006.

Деревянная резьба, 1984 – Деревянная резьба Тюмени. – Свердловск: Средне-Уральское книж. изд-во, 1984.

Деренко, Малярчук, 2010 – Деренко М.В., Малярчук Б.А. Молекулярная филогеография населения Северной Евразии по данным об изменчивости митохондриальной ДНК. – Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2010.

Джаным, 2007 – Джаным. Антология фольклора сибирских татар в записях XIX–XX вв. / Сост. Ф.Ахметова-Урманче и А.Преловский. – М.: Новый ключ, 2007.

Джикиев, 1983 – Джикиев А. Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры. – Ашхабад: Ылым, 1983.

Джувейни Ата-Мелик, 2004 – Джувейни Ата-Мелик. История Завоевателя мира. – М.: Изд. Дом «Магистр-Пресс», 2004.

Дмитриев, 1948 – Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л., 1948.

Дмитриева, 1981 – Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар (материалы и исследования). – Л.: Наука, 1981.

Долгих, 1960 – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII

веке // Труды Ин-та этнографии. Т.55. – М.: Наука, 1960.

Досымбаева, 2006 – Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие Казахской степи. – Алматы: ОФ «Тюркское наследие», 2006.

Древнетюркский словарь, 1969 – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969.

Дремов, 1990 – Дремов В.А. Материалы по краниологии тюркоязычного населения Томского Приобья (Эуштинцы) // Антропология и историческая этнография Сибири. – Омск: Ом.ун-т, 1990.

Дремов, 1991 – Дремов В.А. Краниометрия // Тюрки таежного Причулымья: Популяция и этнос. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991.

Дремов, 1998 – Дремов В.А. Томские и чулымские тюрки // Очерки культурогенеза коренного населения Западной Сибири. Т.4. Расогенез коренного населения. – Томск, 1998.

Дульзон, 1952 – Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Учен. записки Томск. гос. пед. ин-та. Т.9. – Томск, 1952.

Дульзон, 1956 – Дульзон А.П. Диалекты татар-аборигенов Томи // Учен. записки Томск. гос. пед. ин-та. Т.15. – Томск, 1956.

Дунин-Горкавич, 1909 – Дунин-Горкавич А.А. Этнографический состав населения Тобольской губернии в 1907 г. – Тобольск: изд. Тобольского губерн. стат. ком., 1909.

Елфимов, Ефремов, Надточий, 1997 – Елфимов А., Ефремов В., Надточий Ю. Ювелирное искусство в Тобольске: традиции и современность. – М.: «ГАЛАРТ», 1997.

Ельницкий, 1895 – Ельницкий К. Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России: этнографические очерки. – СПб., 1895.

Емельянов, 1978 – Емельянов Н.Ф. Татары Томского уезда в феодальную эпоху // Этнокультурная история населения Западной Сибири / ред. В.И. Матющенко, Н.А. Томилов. – Томск: Издательство Томского гос. университета, 1978.

Еремин, 1972 – Еремин Г.И. Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири (к вопросу об этногенезе). – Вопросы истории СССР. Изд-во МГУ, 1972.

Еремин, 1972 – Еремин Г.И. Домусульманские верования «заболотных» татар Западной Сибири // Вопросы истории СССР. – М., 1972.

Ефимова, 1984 – Ефимова С.В. Одонтология сибирских татар (к проблеме этнической истории) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Ом. ун-т, 1984.

Загоскин, 1895 – Загоскин Н.П. Спутник по Казани. – Казань: б.и., 1895.

Задыхина, Сазонова, 1979 – Задыхина К.Л., Сазонова М.В. Мужская одежда узбеков Хорезма конца XIX – начала XX в. // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М., 1979.

Зайцев, 2004 – Зайцев И.В. Астраханское ханство. – М.: Восточная литература, 2004.

Замысловский, 1884 – Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Т. 13. – СПб., 1884.

Заринский, 1880 – Заринский П. Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. Ч.1. Вып.1. – Казань: б.и., 1880.

Захарова, Ходжаева, 1964 – Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда. – Алма-Ата, 1964.

Зиннатуллина, 2005а – Зиннатуллина Г.И. Институт знахарства у сибирских татар // «Сулеймановские чтения – 2005»: Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2005.

Зиннатуллина, 2005б – Зиннатуллина Г.И. Народные медицинские знания заболотных татар на современном этапе: к постановке проблемы // «Словцовские чтения – 2005»: Материалы XVII Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005.

Зиннатуллина, 2013 – Зиннатуллина Г.И. Народные медицинские знания сибирских татар (тоболо-иртышская группа). – Казань: изд-во «ЯЗ», 2013.

Зиннатуллина, Карабулатова, Ермакова, 2004 – Зиннатуллина Г.И., Карабулатова И.С., Ермакова Е.Е. Мать и ребенок: Традиционные здоровьесберегающие технологии и народные медицинские знания татар юга Тюменской области // «Здоровая образовательная среда – здоровый ребенок»: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Тюмень: ТОГИРРО, 2004.

Зияев, 1983 – Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. – Ташкент: Фан, 1983.

Знаменский, 1891 – Знаменский М.С. Искер. – Тобольск, 1891.

Знаменский, 1901 – Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. – Тюмень, 1901.

Золотова, 2002 – Золотова Т.Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). – Омск, 2002.

Зориктуев, 2001 – Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. – М.: Вост. лит-ра, 2011.

Зубов, Халдеева, 1989 – Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука, 1989.

Зуев – Зуев А.С. Аборигенная (инородческая) политика / Историческая энциклопедия Сибири [Электронный ресурс]. http://bsk.nios.ru/enciklodediya/aborigennaya-inorodcheskaya-politika. Дата обращения: 16.04.2015.

Зуев, 1962 – Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бомо, гуй, яньмо) // Вопросы истории Казахстана и восточного Туркестана. – Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1962.

Зуев, 1998 – Зуев Ю.А. О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, сотня (Сравнительно-историческое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья). – Алматы, 1998.

Зуев, 2007 – Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. – Новосибирск: Издательство Новосибирского гос. университета, 2007.

Зыков, 2004 – Зыков А.П. Искер – забытая столица Сибири // Родина. Спец. выпуск «Тобольск – живая былина». – 2004.

Зыков, 2010 – Зыков А.П. Городище Искер остатки города Сибирь // Искер – столица Сибирского ханства. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010.

Иванич, 2001 – Иванич М. «Дафтар-и Чингиз-наме» как источник по истории кочевых обществ // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань: Институт истории АН РТ, 2001.

Иванов, 1961 – Иванов С.В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.-Л., 1961.

Иванов, 1962 – Иванов П.Н. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири (1920–1925 гг.) // Культурное строительство в Сибири в 1917–1960 гг. – Новосибирск, 1962.

Иванов, 1979 – Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. – Л.: Наука, 1979.

Идес, Бранд, 1967 – Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695 гг.). – М., 1967.

Изобразительные мотивы, 1990 – Изобразительные мотивы в русской народной вышивке. Музей народного искусства. – М.: Советская Россия, 1990.

Илдан, 2002 – Илдан и Голдан. Дастан // Мирас. 2002. №8.

Ильясова, 2002 – Ильясова Л.Р. Музыкальный фольклор татар Вагайского района Тюменской области // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск, 2002.

Иовий, 1836 – Иовий П. Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. Т.1. – СПб., 1836.

Исин, 2004 – Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI вв. – Алмааты, 2004.

Ислам в истории, 2004 – Ислам в истории и культуре Тюменского края (в документах и материалах / сост. И.Б. Гарифуллин, ред. А.П. Ярков. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2004.

Ислам, 1991 – Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.

Ислам, 2004 – Ислам в истории и культуре Тюменского края (в документах и материалах) / автор-составитель Гарифуллин И.Б., ред. Ярков А.П. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2004.

Ислам, 2007 – Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири (в 3-х томах). Т.1 / Под ред. А.П. Яркова. – Тюмень: РИФ «Колесо», 2007.

Ислам, 2013 – Ислам на территории Тюменской области. Коллективная монография. – Тюмень: Изд. Тюменского гос. университета, 2013.

Историческая этнография, 1990 – Историческая этнография татарского народа. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990.

История и культура, 2014 – История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века): краевед. пособие для студ. и уч-ся старших кл. общеобр. школ. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ; изд-во «Артифакт», 2014.

История казачества, 1995 – История казачества Азиатской России. Т.1. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995.

История Монгольской, 1988 – История Монгольской Народной Республики. – М.: Изд-во «Наука», гл. ред. «Вост. лит-ры», 1983.

История Сибири, 1968 – История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т.2. Сибирь в феодальной России / ред. В.И. Шунков. – Л.: Наука, 1968.

История татар, 2006 – История татар с древнейших времен в семи томах. Т.II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Изд-во «Рух Ил», 2006.

История татар, 2009 – История татар с древнейших времен в семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII-середина XV в. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009.

История татар, 2013 – История татар с древнейших времен в семи томах. Т.VI. Формирование татарской нации. XIX – начале XIX в. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013.

История татар, 2014 – История татар с древнейших времен в семи томах. Т.IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014.

История Татарии, 1937 – История Татарии в документах и материалах. – М.: Гос.соц.-эк.изд., 1937.

История Татарской АССР, 1968 – История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1968.

Источники по этнографии, 1987 – Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987.

Исхаков, 1983 – Исхаков Д.М. Динамика численности татар в России в XVIII – начале XX вв. // География и культура этнографических групп татар в СССР. – М.: МФ ГО СССР, 1983.

Исхаков, 1986 – Исхаков Д.М. К вопросу об «остяцком» компоненте пермских татар и его связи с носителями Сылвенской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа: БФ АН СССР, 1986.

Исхаков, 1990 – Исхаков Д.М. Остяцкая земля: локализация и население в XV–XVII вв. // Congress septimus internationalis Finno-Ugristarum. V.4. Sessiones sectionum dissertationes. Ethnologica et folclorica. Debrecen, 1990.

Исхаков, 1992 – Исхаков Д.М. Неформальные объединения в современном татарском обществе (история формирования, структура, программные положения) // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. I. – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КНЦ РАН, 1992.

Исхаков, 1997 – Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1997.

Исхаков, 1997 – Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолоттордынских татарских государствах. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1997.

Исхаков, 1998а – Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное изд. – Казань: Мастер-Лайн, 1998.

Исхаков, 1998б – Исхаков Д.М. Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Т.II. Современный национализм татар / ред. М.Н. Губогло. – М.: ЦИМО, 1998.

Исхаков, 1999 – Исхаков Д.М. О так называемых «остяках» Среднего Приуралья и их этнических связях с населением Западной Сибири // Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: обские угры. (12–16 декабря, 1999г., г.Тобольск)». – Тобольск-Омск, 1999.

Исхаков, 2000а – Исхаков Д.М. К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам) // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск, 2000.

Исхаков, 2000б – Исхаков Д.М. Этническое развитие волго-уральских татар в XV – начале XX вв. / Научный доклад на соискание ученой степени д-ра ист. наук. – М., 2000.

Исхаков, 2001 – Исхаков Д.М. О сибирских татарах // Соседи. 2001. №6–7 (май-июнь).

Исхаков, 2002а – Исхаков Д.М. О методологических аспектах исследования проблем становления сибирско-татарской этнической общности // Сибирские татары. Сб. статей. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2002.

Исхаков, 2002б – Исхаков Д.М. Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и позднезолотоордынский периоды) // Сибирские татары. Сб. научных статей / Под ред. С.В. Сусловой. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002.

Исхаков, 2002в – Исхаков Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). – Тобольск-Омск: ОмГУ, 2002.

Исхаков, 2002г – Исхаков Д.М. О ранних кыпчакских этнонимах среди волго-уральских татар (по материалам топонимов и другим данным) // Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы одноименной научной конференции. – Казань, 2002.

Исхаков, 2002д – Исхаков Д.М. Татары: краткая этническая история. – Казань: Магариф, 2002.

Исхаков, 2003 – Исхаков Д.М. Некоторые итоги исследования этнополитической истории Сибирского ханства в XV–XVI вв. // Сулеймановские чтения – 2002: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции / Под ред. Ф.С. Сайфуллиной. – Тюмень, 2003.

Исхаков, 2004а – Исхаков Д.М. Особенности исламизации восточных групп татар в XV–XVI вв. Приуралье и Западная Сибирь) // Доклады Международной конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе». Казань, (8–11 июня 2001). – Istanbul, 2004.

Исхаков, 2004б – Исхаков Д.М. Тюркотатарские государства XV–XVI вв. / Научно-методическое пособие. – Казань, 2004.

Исхаков, 2004в – Исхаков Д.М. Введение в этнополитическую историю сибирских татар // Сулеймановские чтения – 2004: Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции. – Тюмень, 2004.

Исхаков, 2005а – Исхаков Д.М. Неисследованные аспекты истории Сибирского ханства конца XV – XVI вв. // Сулеймановские чтения – 2005: Материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2005.

Исхаков, 2005б – Исхаков Д. Князья казанские, князья болгарские // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. №2.

Исхаков, 2006а – Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006.

Исхаков, 2006б – Исхаков Д.М. Еще раз о казанских князьях рубежа X–XV вв. // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова / Сост. Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006.

Исхаков, 2006в – Исхаков Д.М. О культуре государственной жизни в Сибирском юрте в XV–XVI вв. // Сулеймановские чтения – 2006: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2006.

Исхаков, 2007а – Исхаков Д.М. Улус Джучи: татарская или монгольская держава? // Сборник материалов Международного конгресса «Российская историческая наука на современном этапе: перспективы исследования и реализации национальной образовательной политики». (Казань, 18–19 апреля 2007 г.). – Казань, 2007.

Исхаков, 2007б – Исхаков Д.М. О титуле «Сибирский князь» // Сулеймановские чтения – 2007: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007.

Исхаков, 2007в – Исхаков Д.М. Проблема клановых основ административно-политического устройства Сибирского юрта в XV–XVI вв. // Занкиевские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тобольск: ТГПИ, 2007.

Исхаков, 2008 – Исхаков Д.М. Институт Сибирских князей: генезис, клановые основы // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. №2.

Исхаков, 2009а – Исхаков Д.М. Новые данные о клановой принадлежности «Сибирских князей» – Тайбугидов // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. – Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева. Уфа, 2009.

Исхаков, 2009б – Исхаков Д. Булгарский вилаят накануне образования Казанского ханства: новый взгляд на известные проблемы // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2009. №2.

Исхаков, 2009в – Исхаков Д.М. Исторические очерки. – Казань. Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009.

Исхаков, 2009г – Исхаков Д.М. О клановом составе первоначального удела Шибана // Золотоордынское наследие. Вып. 1. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». – Казань, 17 марта 2009 г. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009.

Исхаков, 2009д – Исхаков Д.М. Тюркотатарские государства XV–XVII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009.

Исхаков, 2010а – Исхаков Д.М. Введение в этнополитическую историю сибирских татар // Искер – столица Сибирского ханства. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010.

Исхаков, 2010б – Исхаков Д.М. Сибирский юрт в конце XV века – начале 1560-х гг.: ханство или княжество? // Средневековые тюрко-

татарские государства. Сборник статей. Вып.2. – Казань: Изд-во «Ихлас», 2010.

Исхаков, 2010в – Исхаков Д.М. О летописных сообщениях 1483–1484 годов относительно «Сибирской земли» и «Сибирского князя» // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Тюменский гос. ун-т, 17 октября 2010. Отв. ред. Х.Ч. Алишина, А.В. Дыбо. – Тюмень: Изд-во «Печатник», 2010.

Исхаков, 2011а – Исхаков Д.М. «Сибирская земля» и «сибирский князь» в последних десятилетиях XV века // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Сб. науч. трудов. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2011.

Исхаков, 2011б – Исхаков Д.М. Введение в этнополитическую историю сибирских татар // Сибирский сборник. Вып.1. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011.

Исхаков, 2011в – Исхаков Д.М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып.4. – Казань: ООО «Фолиант»; Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011.

Исхаков, 2011г – Исхаков Д.М. О культуре государственной жизни в Сибирском юрте в XV–XVI вв. // Сибирский сборник. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011.

Исхаков, 2011д – Исхаков Д.М. Институт сеййидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011.

Исхаков, 2011е – Исхаков Д.М. Проблема политического статуса Сибирского юрта с конца XV в. по 1563 г. // Сибирский сборник. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011.

Исхаков, 2011ж – Исхаков Д.М. Позднезолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011.

Исхаков, 2012 – Исхаков Д.М. Тюркские исторические предания о кыпчаках (кимаках) Оренбуржья // Степи Северной Евразии. Материалы VI Международного симпозиума и VIII Международной школы-семинара «Экологические проблемы степных регионов» / Под ред. чл.-корр. РАН А.А. Чибилева. – Оренбург: ИПК «Газпромпечать» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2012.

Исхаков, 2013 – Исхаков Д.М. Между Булгаром и Казанью: этнополитические процессы в Булгарском / Казанском вилайяте в 60–70-х годах XIV – 40-х годах XV веков. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013.

Исхаков, 2015а – Исхаков Д.М. Формирование Золотой Орды и становление средневекового татарского этноса (2015, в печати).

Исхаков, 2015б – Исхаков Д.М. К вопросу об этнической принадлежности «остяков» Приуральско-Зауральской зоны в XVI–XVII вв. // Наш след в истории. Без тарихта эзлебез. – Барда, 2015.

Исхаков, Измайлов, 2000 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четвери XV в. – Казань, 2000.

Исхаков, Измайлов, 2007 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). – Казань: РИЦ «Школа», 2007.

Исхаков, Тычинских, 2013 – Исхаков Д.М., Тычинских З.А. О шибанидском «следе» в булгарском вилайяте Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. №2.

Исхакова, 1975 – Исхакова С.М. К вопросу о взаимоотношении языка татар-аборигенов Сибири и казанских татар // Из истории Сибири. – Вып. XVI. – Томск, 1975.

Исхакова, 1985 – Исхакова С.М. Особенности языка жанров фольклора сибирских татар в современных условиях // Социально-культурные процессы в Советской Сибири. – Омск, 1985.

Исхакова, 1995 – Исхакова С.М. Актуальные проблемы научного изучения языка и фольклора сибирских татар в условиях модернизации // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизации (XVIII–XX вв.). – Омск, 1995.

Исхакова, 1998 – Исхакова С.М. М.Х. Исхаков (1898–1998) – просветитель, общественный деятель // Сибирские татары: Материалы 1-го Сибирского симпозиума. – Тобольск, 1998.

Исхакова, Валеев, 1992а – Исхакова С.М., Валеев Ф.Т. Проблемы возрождения национального языка сибирских татар // Язык, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. Т.1. – Казань, 1992.

Исхакова, Валеев, 1992б – Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А. Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения / Серия «Исследования по прикладной и

неотложной этнологии». ИЭиА РАН, №92 / Ред. З.П. Соколова. – М., 1992.

Исхакова, Валеев, 1992в – Исхакова С.М., Валеев Б.Ф. Языковые проблемы западносибирских татар // Языковая ситуация в Российской Федерации. – М., 1992.

Кабдулвахитов, *2005* – Кабдулвахитов К. По следам тюменских шейхов: [историческое расследование]. – Тюмень: Типография «Печатник», 2005.

Кабдулвахитов, 2006 – Кабдулвахитов К. «Жами ат-тауарих» думчего Карачи Кадргали бека Жалаири // Сулеймановские чтения – 2006: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2006.

Кабузан, Троицкий, 1962 – Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Вып.1: Сибирь XVII–XVIII вв. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962.

Кавелин, 1847 – Кавелин А. Древние болгары (из бумаг Кафтанникова) // Библиотека для чтения. Т.82. – СПб., 1847.

Кадырбаев, 1993 – Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаиров, найманов и кереитов. – Алматы: Рауан; Демеу, 1993.

Кадыров, 1971 – Кадыров И.Ш. Некоторые интонационно-ладовые особенности песен сибирских татар // Тезисы докладов II научной конференции молодых ученых. – Казань, 1971.

Кадыров, 1972 – Кадыров И.Ш. Музыкальный фольклор тобольских татар // Тезисы докладов научной сессии за 1972 г. – Казань, 1972.

Кадыров, 1976 – Кадыров И.Ш. Обогащение музыки сибирских татар в общении с соседними братскими народами // Взаимодействие культур народов Поволжья и Приуралья. – Казань, 1976.

Кадыров, 2001 – Кадыров И.Ш. Себер татарлары музыкасы // Сулеймановские чтения – 2001: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции / Под ред. Ф.С. Сайфуллиной. – Тобольск, 2002.

Кадырова, 1996 – Кадырова Л.М. Иррациональные народные медицинские знания сибирских татар Омской области // Народная культура. – Омск, 1996.

Кадырова, 1998 – Кадырова Л.М. К проблеме отражения религиозного синкретизма в народных знаниях сибирско-татарского населения // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск: Изд-во ОмГАУ, 1998.

Кадырова, Томилов, 1997 – Кадырова Л.М., Томилов Н.А. Народные способы по фармакологии и хирургии у сибирских татар (опыт сравнительного анализа) // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1997. №2.

Казаков, 1978 – Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978.

Казакова, 1979 – Казакова Н.А. «Татарским землям имена» // Куликовская битва и подъем национального самосознания / Под ред. Д.С.Лихачева. – Л.: Наука, 1979.

Калмыков, *Керейтов, Сикалиев, 1988* – Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. – Черкеск,1988.

Камалов, Камалова, 2001 – Камалов А.А., Камалова Ф.У. Атайсал. – Уфа: Китап, 2001.

Капустин, 1984 – Капустин Н.С. Особенности эволюции религии (на материалах древних верований и христианства). – М.: Мысль, 1984.

Карабулатова, 2004 – Карабулатова И.С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность. – Тюмень: «Академия», 2004.

Карабулатова, 2005 – Карабулатова И.С. Специфика лечебной заговорной традиции сибирских татар юга Тюменской области в современных условиях // «Сулеймановские чтения – 2005»: Материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2005.

Карабулатова, Демина 2004 – Карабулатова И.С., Демина Л.В. Колыбельная песня Тюмени. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2004.

Карабулатова, Ермакова, Зиннатуллина, 2005 – Карабулатова И.С., Ермакова Е.Е., Зиннатуллина Г.И. Территория детства как этнолингвокультурный феномен: заговоры, обряды, колыбельные народов Тюменской области. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2005.

Кара-Даван, 1992 – Кара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследники. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. – Алма-Ата: КРАМД-Ахмед-Яссауа, 1992.

Катанов, 1894 – Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.4. – Тобольск, 1894.

Катанов, 1895а – Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.5. – Тобольск, 1895.

Катанов, 1895б – Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар: о происхождении киргизского народа // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.7. – Тобольск, 1895.

Катанов, 1897 – Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии мухамеданских проповедников в г.Искер в 1572 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.7. – Тобольск, 1897.

Катанов, 1904 – Катанов Н. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея). – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904.

Катанов, 2004 – Катанов Н.Ф. Предание тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Тобольский хронограф. Вып. IV. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004.

Кауфман, 1890 – Кауфман А.А. Экономический быт государственных крестьян и оседлых инородцев Туринского округа Тобольской губернии. Ч.1. Отд.1. – СПб., 1890.

Керейтов, 1984 – Керейтов Р.Х. Изменения в материальной культуре ногайцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. – Вып.II. – Черкеск, 1984.

Ким, 1990 – Ким А.Р. Антропологический состав населения Барабы в позднем средневековье // Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990.

Ким, 1998 – Ким А.Р. Барабинские татары // Очерки культурогенеза коренного населения Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. – Томск, 1998.

Кирпичников, 1966 – Кирпичников А.П. Древнерусское оружие. – М.-Л., 1966.

Кирсанова, 1997 – Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. – М.: «Артист. Режиссер. Театр», 1997.

Киселева, 1993 – Киселева М.С. Историческая типология культуры // Культурология. – М., 1993.

Клюева, 2002а – Клюева В.П. К вопросу о деятельности Следственной о татарах и бухарцах комиссии (сер. XVIII в.) // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск, 2002.

Клюева, 2002б – Клюева В.П. Принятие российского подданства и социально-экономическое положение выходцев из Средней Азии в Западной Сибири в XVIII в. // «Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы». Материалы 13-й Международной конференции молодых ученых. – СПб., 2002.

Клюева, 2009 – Клюева В.П. Жизнь в атеистическом государстве: мусульманские общины Тюменской области (1940–1960-е гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №10.

Клюева, Черепанов, 2008 – Клюева В.П., Черепанов М.С. Современное татарское сообщество Тюменской области: национальные и религиозные проблемы // Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культуры сибирских татар в XXI веке: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции «Сулеймановские чтения». – Тобольск, 2008.

Кляшторный, 1964 – Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука. 1964.

Кляшторный, 1965 – Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени Турк (Ашина) // Новое в советской археологии. – М.: Наука, 1965.

Кляшторный, 1993 – Кляшторный С.Г. Государство татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». – М.: Наука, 1993. №1.

Кляшторный, 2006 – Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб.: Наука, 2006.

Кляшторный, 2013 – Кляшторный С.Г. Древние государства в Центральной Азии // Золотоордынское обозрение. 2013. №1.

Кляшторный, Лившиц, 1971– Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып.10. – М., 1971.

Кляшторный, Савинов, 1994 – Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб.: Фарн, 1994.

Кляшторный, Султанов, 1992 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992.

Кляшторный, Султанов, 2000 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.

Кляшторный, Султанов, 2004 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

Кныш, 2004 – Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. – М.; СПб.: Диля, 2004.

Козин, 1941 – Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т.1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Козляков, 2011 – Козляков В.Н. Борис Годунов. – М.: Молодая гвардия, 2011.

Коломиец, 2001а – Коломиец О.П. Фольклор в традиционной свадебной обрядности сибирских татар // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей. – Омск, 2001.

Коломиец, 2001б – Коломиец О.П. Этап сватовства в свадебной обрядности сибирских татар (конец XIX – XX вв.) // Материалы научной молодежной конференции «Молодые ученые на рубеже третьего тысячелетия», посвященной 70-летию со дня рождения академика В.А. Коптюга. – Омск, 2001.

Коломиец, 2011 – Коломиец О.П. Исследование этнокультурных связей по материалам свадебной обрядности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 5.

Коломиец, Ремпель, 2001 – Коломиец О.П., Ремпель Е.В. Представления о «своем» и «чужом» в свадебной обрядности тарских татар // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул, 2001.

Конев, 1987 – Конев Ю.М. Кузница педагогических кадров для Тюменского Севера // 400 лет Тобольску. Сборник документов и материалов. – Свердловск, 1987.

Конев, 1987 – Конев Ю.М. Кузница педагогических кадров для Тюменского Севера // 400 лет Тобольску. Сборник документов и материалов. – Свердловск, 1987.

Коников, 1995 – Коников Б.А. Об эволюции оборонительных сооружений Омского Прииртышья эпохи железа // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995.

Коников, 2001 – Коников Б.А. О военном деле таежного населения Прииртышья начала II тыс. н.э. // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск, 2001.

Коников, Худяков, 1981 – Коников Б.А., Худяков Ю.С. Наконечники стрел из Искера // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981.

Кононов, 1958 – Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Кононов, 1960 – Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.-Л., 1960.

Контора, 1905 – Контора непосредственного сбыта лодзинских мануфактурных товаров [Прейскурант] // Нива. 1905. №11.

Коньков, 2001 – Коньков Н.Л. Тобольские воеводы конца XVI – начала XVIII века. – М.-Тобольск: Изд-во ОФ «Возрождение Тобольска», 2001.

Копылов, 1989 – Копылов Д.И. Ермак. – Иркутск: Вост.-Сибирское кн. изд-во, 1989.

Коран, 1997 – Коран. Перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой. – М., 1997.

Корнилов, 1999–2000 – Корнилов Г.Е. Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) // Вестник ЧувГУ. – Чебоксары, 1999–2010.

Корусенко, 1996 – Корусенко М.А. Современные кладбища тарских татар: особенности планиграфии // История и культура Сибири: Материалы отчетной сессии Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук. – Омск, 1996.

Корусенко, 1999 – Корусенко М.А. Опыт реконструкции мировоззрения тюркского населения низовий Тары XVII–XIX вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы VII международн. науч. семинара. – Омск-М., 1999.

Корусенко, 2003 – Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовий р.Тара в XVII–XX вв. (опыт анализа структуры и содержания) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т.7. – Новосибирск: Наука, 2003.

Корусенко, 2004 – Корусенко М.А. Представления о душе у сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. – Алматы, 2004.

Корусенко, 2006 – Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. – Омск: Изд. дом «Наука», 2006.

Корусенко, 2007 – Корусенко М.А. Люди и духи в жилище сибирских татар // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2007.

Корусенко, 2010 – Корусенко М.А. Образ албасты в мифологических представлениях западносибирских татар (по полевым материалам второй половины XX – начала XXI в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. №3.

Корусенко, Диянова, 2011 – Корусенко М.А., Диянова (Мышегреб) А.М. Традиционное мировоззрение барабинских татар во второй трети XX – начале XXI в.: представления о духах-хозяевах освоенных пространств // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №2 (15). [Электронный ресурс]. http://www.ipdn.ru/ rics/va/index.htm. Дата обращения: 15.08.2013.

Корусенко, Кулешова, 1999 – Корусенко С.Н., Кулешова Н.В. Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. – Новосибирск, 1999.

Корусенко, Мерзликин, 2005а – Корусенко М.А., Мерзликин В.В. Вредоносные существа, связанные с умершими, в мифологических представлениях сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Издательский дом «Наука», 2005.

Корусенко, Мерзликин, 2005б – Корусенко М.А., Мерзликин В.В. «Мэцкэй, убыр, оцкур в мифологических представлениях сибирских татар (опыт анализа образов)» // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание: сб. науч. тр. / Отв. ред. М.Л. Бережнова, Н.А. Томилов. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2005.

Корусенко, Ожередов, Смирнова, Ярзуткина, 2005 – Корусенко М.А., Ожередов Ю.И., Смирнова Е.Ю., Ярзуткина А.А. Первые опыты работы над «Очерками мифологии сибирских татар» // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск, 2005.

Корусенко, Ожередов, Ярзуткина, 2013 – Корусенко М.А., Ожередов Ю.И., Ярзуткина А.А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения). – СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2013.

Костров, 1874 – Костров Н. Каинская Бараба // Тобольские губернские ведомости. Вып.38. 1874.

Костров, 1875 – Костров Н.А. Женщина у иноверцев Томской губернии // Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т.I. Вып.1–2. – Томск, 1875.

Костюков, 1998 – Костюков В.П. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным данным) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып.VI. 1998.

Костюков, 2007 – Костюков В.П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы археологии и истории Западного Казахстана. 2007. №1.

Костюков, 2008 – Костюков В.П. «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII века) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. №1.

Костюков, 2009 – Костюков В.П. Шибаниды и тукатимуриды во второй половине XIV века // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып.34. 2009. №28 (166).

Костюков, 2010 – Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010.

Котошихин, 1906 – Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб., 1906.

Кохия, 2000 – Кохия Е.В. Черты традиционного мировоззрения в системе обычаев тарских татар // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сборник научных трудов. – Омск, 2000.

Крадин, 1998 – Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М.: Искусство, 1988.

Крадин, Скрынникова, 2006 – Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. – М.: Изд. Фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2006.

Крамаровский, 2001 – Крамаровский М.Г. Золото чингисидов. Культурное наследие Золотой Орды. – СПб.: «Славия», 2001.

Крамаровский, 2012 – Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. – СПб.: Евразия, 2012.

Крижанич, 1997 – Крижанич Ю. Политика. – М.: Новый свет, 1997.

Крюков, Малявин, Софронов, 1984 – Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). – М.: Наука, 1984.

Кузеев, 1968 – Кузеев Р.Г. К этнической истории башкир в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Археология и этнография Башкирии. Т.III. – Уфа: Баш. филиал АН СССР, 1968.

Кузеев, 1974 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М.: Наука, 1974.

Кузеев, 2010 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – Уфа: Дизайн Полиграф Сервис, 2010.

Кузеев, Бикбулатов, Шитова, 1962 – Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры // Археология и этнография Башкирии. Т.I. – Уфа, 1962.

Кузеев, Моисеева, 1984 – Кузеев Р.Р., Моисеева Н.Н. Об этнических связях тюркских народов севера евразийских степей в эпоху средневековья и новое время // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тез. докл. обл. науч. конф. по этнографии. – Омск, 1984.

Кузьмин, 2009 – Кузьмин И.В. О взаимоотношении этнического и растительного населения в Тюменской области. // «Aus Sibirian – 2009»: Научно-информационный сборник. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2009.

Кулемзин, 1984 – Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984.

Кулемзин, 1994 – Кулемзин В.М. Генезис традиций // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Том 2. Мир реальный и потусторонний. – Томск, 1994.

Культура татар, 2003 – Культура татар Западной Сибири в коллекциях музея археологии и этнографии Омского государственного университета. – Омск: Изд-во Омск. гос. педагог. ун-та, 2003.

Кумеков, 1972 – Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972.

Кумеков, 1986 – Кумеков Б.Е. Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам) // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тез. докл. XXIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). Ташкент, сентябрь, 1986. История, литература, искусство. – М., 1986.

Курлаев, 2002 – Курлаев Е.А. Тюркские памятники археологии Урала и Западной Сибири в исторических источниках XVII–XVIII вв. // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002.

Кызласов, 1975 – Кызласов Л.Р. Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия / История и культура Востока Азии. Т.III. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975.

Кызласов, 1992 – Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992.

Кызласов, 1999 – Кызласов Л.Р. Первогорода древней Сибири (в бронзовом и раннем железном веках) // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 1999. №3.

Кызласов, Король, 1990 – Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, 1990.

Кычанов, 1980 – Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. История и культура Азии. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1980.

Кычанов, 1995 – Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингисхан. Личность и эпоха. – М.: Изд. Фирма «Вост. лит-ра» РАН; Школа-Пресс, 1995.

Кычанов, 1997 – Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1997.

Кычанов, 2010 – Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд. – СПб., 2010.

Кюнер, 1961 – Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири. Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961.

Лабунец, 1985 – Лабунец Н.В. Тюркизмы в топонимии бассейна р. Вагай // Взаимодействие русского языка с языками коренных поселенцев Урала и Сибири. – Тюмень, 1985.

Лавряшина, Ульянова, Балановская, 2009 – Лавряшина М.Б., Ульянова М.В., Балановская Е.В. Особенности репродукции в сельских популяциях коренных народов Южной Сибири // Медицинская генетика. 2009. №9.

Ландик, 1999 – Ландик М.Н. Традиционный комплекс одежды татарского населения нижнего течения р.Тары (XVII–XX вв.). Диплом. работа. – Омск, 1999.

Лебедева, 1979 – Лебедева А.А. Формирование русского населения в Притобольe и хозяйственный быт (XVIII – начало XX в.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. – М.: Наука, 1979.

Левашева, 1950 – Левашева В.П. О городищах Сибирского юрта // Советская археология. 1950. №13.

Левочкина, 2002 – Левочкина Н.А. Традиционная народная хореография сибирских татар Барабинской степи и Омского Прииртышья (конец XIX – XX в.). – Новосибирск: Наука, 2002.

Лотфуллин, Ислаев, 1998 – Лотфуллин И.М., Ислаев Ф.Г. Джихад татарского народа. – Казань, 1998.

Лубсан Данзан, 1973 – Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введение, коммен. и прилож. Н.П. Шастиной / Памятники письменности Востока. – М., 1973.

Лук и стрелы – Лук и стрелы у населения Западной Сибири: введение / Лук и стрелы середины II тыс. до н.э. [Электронный ресурс]. http://nativeurals.narod.ru/sibwarbow.htm. Дата обращения: 04.10.2015.

Любимов, 1915 – Любимов С.В. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. – Пг., 1915.

Малиновский, Томилов, 1999 – Малиновский В.Г., Томилов Н.А. Томские татары и чулымские тюрки в первой четверти XVIII века: хозяйство и культура (по материалам Первой подушной переписи населения России 1720 года). – Новосибирск: Наука, 1999.

Малов, 1951 – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

Малхасьян, Селезнев, 2003 – Малхасьян А.В., Селезнев А.Г. Татары Салехарда: городская этническая группа на современном этапе: Научный вестник. – Вып. 16. Этносоциология. – Салехард, 2003.

Малявкин, 1975а – Малявкин А.Г. Китай и уйгуры в 840–848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века / История и культура востока Азии. Т.III. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975.

Малявкин, 1975б – Малявкин А.Г. Реальное значение термина «гун» в сообщениях китайских источников, касающихся сношений уйгуров с Китаем в X в. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века / История и культура Востока Азии. Т.III. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975.

Марджани, 2005 – Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. Ч.1. – Казань: Иман, 2005.

Марков, 2008 – Марков А.К. Монеты Джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008.

Мартынова, 1991 – Мартынова Е.П. Волостная организация хантов // Экспериментальная археология. Вып.1. – Тобольск, 1991.

Мартынова, 1998 – Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. – М., 1998.

Маслюженко, 2006 – Маслюженко Д.Н. Исламизация Сибирского улуса: к вопросу о хронологии // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, профессора Новосибирского гос. университета Михаила Иосифовича Рижского. – Новосибирск, 2006.

Маслюженко, 2007 – Маслюженко Д.Н. Сибирские Шибаниды в середине XVI в.: проблемы соправления на раннем этапе функционирования Сибирского ханства. // Сулеймановские чтения (десятые). Всероссийская научно-практическая конференция (Тюмень, 18–19 мая 2007 г.). Материалы и доклады. – Тюмень: Сити Пресс, 2007.

Маслюженко, 2008 – Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века: Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008.

Маслюженко, 2009 – Маслюженко Д.Н. Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Томского гос. университета. История. 2015. №2(34).

Маслюженко, 2010 – Маслюженко Д.Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.2. – Казань: Ихлас, 2010.

Маслюженко, 2011а – Маслюженко Д.Н. Ханы Махмуд-Ходжа и Хаджи-Мухаммад, или «улус Шибана» в первой четверти XV века // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник научных статей, посвященных памяти В.П. Костюкова / Д.В. Марыксин, Д.В. Васильев [отв. ред. и сост.]. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011.

Маслюженко, 2011б – Маслюженко Д.Н. Политическая деятельность Сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции / Под ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татаурова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011.

Маслюженко, 2012 – Маслюженко Д.Н. Политическая история становления ханства Абу-л-Хайра на юге Западной Сибири // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. ст. Вып.4. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012.

Маслюженко, 2014 – Маслюженко Д.Н. Ногайский фактор в московско-сибирских переговорах 155–1563 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / Д.Н. Мас-

люженко (отв. редактор), С.Ф. Татауров. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014.

Маслюженко, 2015 – Маслюженко Д.Н. Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Томского гос. университета. История. 2015. №2(34).

Маслюженко, Рябинина 2010 – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Прибытие Кучумовичей в Россию осенью 1588 – зимой 1599 г. (особенности статуса и повседневной жизни пленных Чингизидов) // История народов России в исследованиях и документах. Вып.10. – М.: Институт российской истории РАН, 2010.

Маслюженко, Рябинина, 2009 – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI в.// Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып.1. – Казань, 2009.

Маслюженко, Рябинина, 2014 – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №1(24).

Матвеев, 2001 – Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч.1. – Екатеринбург, 2001.

Матвеев, 2012 – Матвеев А.В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX – первая треть XX века): моногр. / А.В. Матвеев; отв. ред.: Н.А. Томилов, С.С. Тихонов. – Омск: Изд. дом «Наука», 2012.

Матвеев, Скандаков, 2008 – Матвеев А.В., Скандаков И.Е. Работа Омского музея просвещения по сохранению памятника археологии «городище и селище Крапивка II» XIV–XVI вв. // Культура и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Вып.2. – Томск: Томский гос. университет, 2008.

Матвеев, Татауров, 2011 – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Пути сообщения Сибирских ханств // Вестник Омского университета. 2011. №3(61).

Матвеев, Татауров, 2012а – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории / Biblioteca Tatarica. Серия «Этнополитическая история татар». Монография. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012.

Матвеев, Татауров, 2012б – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Предатели хана Кучума и его союзники // Сибирский сборник. Выпуск 2. Тобольск, 2012.

Матвеев, Трофимов, 2006 – Матвеев А.В., Трофимов Ю.В. Исследование городища позднего средневековья Кошкуль IV в Тарском Прииртышье в 2003–2004 гг. // Труды по археологии и этнографии ОГИКМ. – Омск: ОГИКМ, 2006.

Материалы, 1932 – Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. − Ч.I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. / ред. А.Н. Самойлович. − Л., 1932.

Материалы, 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР. Т.1. – М., 1936.

Материалы, 1969 – Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Наука, 1969.

Матющенко, 2003 – Матющенко В.И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (ОМ VII). Раскопки 1998, 1999 годов. (Новое в археологии Прииртышья. Вып.3). – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003.

Махмутов, Хамзин, Сайфуллин, 1992 – Махмутов М.И., Хамзин К.З., Сайфуллин Г.Ш. Гарэпчэ-татарча-русча алынмалар сузлеге. Т.1, 2. – Казан: Иман, 1992.

Махмутова, 1962 – Махмутова Л.Т. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области (на материале экспедиций 1958–1960 гг.) // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. – Казань, 1962.

Махмутова, 1978 – Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка). – М.: Наука, 1978.

Медведев 1966а – Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) XIII–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–36. – М.-Л., 1966.

Медведев 1966б – Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в восточной Европе // Советская археология. 1966. №2.

Мезин, 1982 – Мезин П.М. Архаические черты в обрядовой пище мордвы // Этнокультурные процессы в Мордовии. Труды, вып.71 – Саранск, 1982.

Мейер, 1980 – Мейер М.С. Роль вакфов в развитии Османской империи в XV–XVI вв. // Общество и государство на Балканах в Средние века. – Калинин, 1980.

Мейер, 2007 – Мейер М.С. Романовы и Османы: империя как судьба // Родина. №4. 2007.

Мейерберг, 1997 – Мейерберг А. Путешествие в Московию // Утверждение династии. – М.: Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997.

Меховский, 1936 – Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Введ., перев. и коммент. С.А. Аннинского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Миллер, 1937 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. – М.: изд-во Академии наук СССР, 1937.

Миллер, 1941 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. – М., Л.: изд-во Академии наук СССР, 1941.

Миллер, 1996 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. втор. доп. Т.1. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1996.

Миллер, 1999 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

Миллер, 2000 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

Миллер, 2005 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.III. – М.: Вост. Лит., 2005.

Миненко, 1983 – Миненко Н.А. К истории русской народной медицины в Сибири XVIII – первой половине XIX в. // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. – Новосибирск: Изд-во ин-та истории СССР АН СССР, 1983.

Миненко,1987 – Миненко Н.А. О семье у татар Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Традиционные верования и быт народов Сибири. – Новосибирск, 1987.

Миргалеев, 2014 – Миргалеев И.М. Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюркотатарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля, 2014) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. – Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2014.

Митько, 2004 – Митько О.А. Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып.1. – Новосибирск, 2004.

Михалев, 2006 – Михалев В.В. Городище Кошкуль I // Труды по археологии и этнографии ОГИКМ. – Омск: ОГИКМ, 2006.

Могильников, 1987 – Могильников В.А. Миграции и процесс тюркизации населения юга Западной Сибири в эпоху железа // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987.

Могильников, 2002 – Могильников В.А. Археологические памятники сибирских татар XIV–XVI вв. в Тобольском Прииртышье // Тюркские народы / Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск, 2002.

Мокрынин, 1975 – Мокрынин В.П. Дипломатическая практика в Западно-тюркском каганате // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе: Илим, 1975.

Молодин, 1979 – Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979.

Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990 – Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьёв А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: «Наука», 1990.

Молодин, Соловьев, 1977 – Молодин В.И., Соловьев А.И. Классификация топоров могильника Кыштовка–2 // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1977.

Молодин, Чемякина, 1984 – Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочекино–3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул, 1984.

Молчанова, 1967 – Молчанова О.Т. Тюркские названия озер Западной Сибири // Языки и топонимика Сибири. Вып. 2. – Томск, 1967.

Молчанова, 1968 – Молчанова О.Т. Морфологическая структура тюркских названий рек Западной Сибири // Вопросы общественных и гуманитарных наук. Ученые записки ТомГПИ. №24. – Томск, 1968.

Молявина, 2006 – Молявина Е.Ю. К вопросу о необходимости анализа и сопоставления летописных известий о сибирских Шибанидах (2 пол. XV – нач. XVI вв.) // Сулеймановские чтения–2006. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: Экспресс, 2006.

Мосунова, Флягин, 2009 – Мосунова Т.Г., Флягин В.А. Этносоциальный компонент модернизации советской общеобразовательной школы. Уральский исторический вестник. 2009. №4(25).

Мошинская, 1976 – Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976.

Мункуев, 1975 – Мункуев Н.Ц. Комментарии // Мэн-да Бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа. Перев. с кит., введение, коммент. и прилож. Н.Ц. Мункуева / Памятники Востока. Т.XXVI. – М., 1975.

Мустакимов, 2001 – Мустакимов И.А. К особенностям использования этнонима «тюр-

ки» и этногеографического термина «Туркестан» относительно Джучиева Улуса в арабоперсидских источниках XIII–XVII вв. // Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001.

Мустакимов, 2008 – Мустакимов И. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографичных источников // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. №1.

Мустакимов, 2009 – Мустакимов И.А. К вопросу об истории ногайского присутствия в Казанском юрте // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009.

Мустакимов, 2011 – Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. – М.: Вост. лит, 2011.

Мустакимов, 2013 – Мустакимов И.А. Джучи и Джучиды в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (некоторые проблемы перевода и интерпретации хроники) // Тюркологический сборник. 2011–1012. – М.: Вост. лит., 2013.

Мустакимов, Трепавлов, 2013 – Мустакимов И.А., Трепавлов В.В. «Чингисидское» происхождение христианских монархов в тюркской и монгольской исторической традиции // Тюркологический сборник. 2011–1012. – М.: Вост. лит., 2013.

Мухамадиева, 2006 – Мухамадиева Д. Золотая колыбель: детский фольклор сибирских татар юга Тюменской области (функционально-прагматический подход). – Тюмень, 2006.

Мухамедова, 1972 – Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 1972.

Мухамедова, Мухаметшин, 1978 – Мухамедова Р.Г., Мухаметшин Ю.Г. Жилище чепецких татар в конце XIX – начале XX вв. // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. – Казань, 1978.

Мухамедьяров, 1980 – Мухамедьяров Ш.Ф. Сибирско-поволжские этнические связи и этногенез тюркских народов Восточной Европы // Народы и языки Сибири. – Новосибирск, 1980.

Мухаметшин, 1977 – Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX – начало XX вв. – М.: Наука, 1977.

Мухаметшин, 1985 – Мухаметшин Ю.Г. Традиционное жилище татар Среднего Поволжья и Приуралья // К вопросу этнической истории татарского народа. – Казань, 1985.

Мухаметшин, 1990 – Мухаметшин Ю.Г. Функционирование и типологическое своеобразие углубленных в землю построек у татар Волго-Уральского региона в конце XIX – начале XX вв. // Историческая этнография татарского народа. – Казань, 1990.

Мухаметшин, 1992 – Мухаметшин Ю.Г. Этнографический обзор поселений, усадеб и построек татар Астраханской области // Астраханские татары. – Казань, 1992.

Мухаметшин, Халиков, 1983 – Мухаметшин Ю.Г., Халиков Н.А. Поселения, усадьбы, строительная техника жилища (конец XIX – начало XX вв.) // Пермские татары. – Казань, 1983.

Мухаммед, 1956 – Мухаммед Юсуф мунши. Муким-ханская история / Перев. с тадж., предисл., примеч. и указ. А.А. Семенова. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956.

Наджиб, 1989 – Наджиб Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. – М., 1989.

Народные песни, 1940 – Народные песни сибирских татар // Красная Татария, №204 от 3 сентября 1940.

Народы России, 1994 – Народы России. Энциклопедия. – М., 1994.

Народы Южной Сибири, 1990 – Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990.

Насибуллина, 2001 – Насибуллина А.Х. Лексика тоболо-иртышского диалекта сибирских татар (в семантическом, генетическом аспектах). – Тюмень: ТОГИРРО, 2001.

Национальная школа сибирских татар, 2005 – Национальная школа сибирских татар. Хрестоматия. Т.3. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2005.

Небольсин, 1849 – Небольсин П. Покорение Сибири. Историческое исследование. – СПб.: типография И.Глазунова и Ко, 1849.

Невская, 1978 – Невская Л.Г. Дорога в погребальном обряде (литовские и русские параллельные тексты) // Этнолингвистические Балто-славянские контакты в настоящем и прошлом / Предварительные материалы конференции. – М., 1978.

Невская, 1980 – Невская Л.Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста. – М., 1980.

Нестеров, 2003 – Нестеров А.Г. Формирование государственности у тюркских народов

Урала и Западной Сибири в XIV–XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной научно-практической конференции. – М.: ИСАА при МГУ, 2003.

Нигмедзянов, 1970 – Нигмедзянов М.Н. Татарские народные песни. – М., 1970.

Нигмедзянов, 1976 – Нигмедзянов М.Н. Татарские народные песни. – Казань, 1976.

Нигмедзянов, 1984 – Нигмедзянов М.Н. Татарские народные песни. – Казань, 1984.

Никитин, 2001 – Никитин Н.И. Соратники Ермака после «Сибирского взятья» // Проблемы истории России. Вып.4. Евразийское пограничье. – Екатеринбург: Волот, 2001.

Никонова, 2000 – Никонова Л.И. Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения. – Рузаевка: Тип. «Рузаевский печатник», 2000.

Никонова, Кандрина, 2003 – Никонова Л.И., Кандрина И.А. Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья: историко-этнографическое исследование. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2003.

Новик, 1984 – Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. – М.: Наука, 1984.

Оглоблин, 1900 – Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч.3. – М.: Университетская типография, 1900.

Ожередов, 2005 – Ожередов Ю.И. Сакральные предметы сибирских татар по материалам фольклора: плеть // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Издательский дом «Наука», 2005.

Ожередов, 2006а – Ожередов Ю.И. Котёл в ритуальной сфере сибирских татар (к постановке проблемы) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. международ. науч. семинара. – Красноярск-Омск: Издательский дом «Наука», 2006.

Ожередов, 2006б – Ожередов Ю.И. К семантике камня в ритуальной практике сибирских татар (к постановке проблемы) // Интеграция археологических и этнографических исследований»: сб. науч. тр. международ. науч. семинара. – Красноярск-Омск: Издательский дом «Наука», 2006.

Ожередов, 2007а – Ожередов Ю.И. Свинец и олово в поверьях сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Омск-Одесса: Издательский дом «Наука», 2007.

Ожередов, 2007б – Ожередов Ю.И. Угли и зола в мифологии и ритуалах сибирских татар // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. науч. тр. Вып.1. – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та. 2007.

Ожередов, 2013 – *Ожередов Ю.И.* Сакральные субстанции и их производные, дефиниции природной среды, металлы и предметы из металлов в традиционных представлениях сибирских татар // Корусенко М.А., Ожередов Ю.И., Ярзуткина А.А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения). – СПб.: Издательство «Петербургское Востоковедение», 2013.

Ожередов, Худяков, 2007 – Ожередов Ю.И., Худяков Ю.С. Сузунский шлем // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №1(29).

Оксенов, 1888 – Оксенов А. Сибирское царство до Ермака // Томские губернские ведомости. 1888. №14.

Оксенов, 1889 – Оксенов А. Сибирь до эпохи Ермака // Томские губернские ведомости. №№ 2–4, 6. – Томск, 1889.

Ольховский, 1999 – Ольховский В.С. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Сборник статей. – М., 1999.

Опарина, 2007 – Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. – М.: Прогресс-Традиция, 2007.

Остапенко, 2002 – Остапенко Л.В. Динамика социально-профессионального состава этнических групп и проблемы интеграции / Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002.

Очерки истории, 1953 – Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. Ч.II. – М.: Изд-во АН СССР, 1953.

Ошуркова, Томилов, 1983 – Ошуркова С.В., Томилов Н.А. Самодийско-тюркские связи по данным одонтологии сибирских татар // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. – Омск: Омский ун-т, 1983.

Павленко, *1953* – Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. – М., 1953.

Павлов, 1992 – Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове, (1584–1605 гг.). – СПб., 1992.

Палашенков, 1979 – Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // История, археология и этнография Сибири / отв. ред. В.И. Матющенко. – Томск: Издательство Томского университета, 1979.

Паллас, 1788 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч.3. Кн.1. – СПб., 1788.

Парунин, 2010 – Парунин А.В. Дипломатические контакты Московского Великого княжества и Тюменского ханства в 1480-е – начало 1490-х гг. // Средневековые тюркотатарские государства. Сборник статей. Выпуск 2. – Казань: Изд-во «Ихлас», 2010.

Парунин, 2011а – Парунин А.В. Походы Сибирских Шибанидов на Казань в конце XV в. // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник научных статей, посвященных памяти В.П. Костюкова / Д.В. Марыксин, Д.В. Васильев [отв. ред. и сост.]. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011.

Парунин, 2011б – Парунин А.В. Дискуссионные моменты гибели лидера Сибирских Шибанидов Ибак-хана // XIV Сулеймановские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 13–14 мая 2011). – Тюмень: Универсальная типография «Альфа Принт», 2011.

Парунин, 2012 – Парунин А.В. Клан баргут / буркут в политической истории чингизидских государств XIII–XVI вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012.

Патканов, 1888 – Патканов С.К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 1. – СПб., 1888.

Патканов, 1911 – Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т.II. // Зап. РГО по отделению статистики. Т.XI. Вып. 2. – СПб., 1911.

Патканов, 1912 – Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т.I, III. – СПб., 1912.

Патканов, 1999 – Патканов С.К. Былина про богатырей города Эмдера. Сочинения в двух томах: Т.1. Остяцкая молитва. – Тюмень: Изд-во Ю.Мандрики, 1999.

Патканов, 2003 – Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян Богандинской, Бухарской, Кашегальской, Червишевской и Ярковской волостей Тюменского округа Тобольской губернии // С.К. Патканов. Соч. в 5-ти тт. Т.1. – Тюмень, 2003.

Пачкалов, 2005 – Пачкалов А.В. О локализации монетного двора Орда-Базар (XV в.) // Российская археология. 2005. №2.

Пекарский, 1982 – Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т.X. №5. 1872.

Пермь Великая – Пермь Великая, Чердынь приглашает / История / [Электронный ресурс]. http://cherdyn.permonline.ru/index.cfm?page=3. Дата обращения: 28.12.2015.

Петров, 1994 – Петров А. Экономика, открытая миру // Азия и Африка сегодня. 1994. №6.

Пигнатти, 1915 – Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.XXV. – Тобольск, 1915.

Пигнатти, 1915а – Пигнатти В. Каталог коллекций находок на Искере, принадлежащий Тобольскому Губернскому Музею // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXVI. – Тобольск, 1915.

Пигнатти, 2010 – Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Искер – столица Сибирского ханства. – Казань, 2010.

Пиркулиева, 1973 – Пиркулиева А.Н. Домашние промыслы и ремёсла туркмен долины Средней Амударьи во второй половине XIX – начале XX в. – Ашхабад, 1973.

Писарчик, Хамиджанова, 1970 – Писарчик А.К., Хамиджанова М.А. Узорные изделия из кусочков материи // Таджики Каратегина и Дарваза. Вып.2. – Душанбе, 1970.

Письмо, 1997 – Письмо золотоордынского хана Ахмеда турецкому султану Фатих Мехмеду // Гасырлар авызы – Эхо веков. 1997. №3–4.

Плетнёва, 1958 – Плетнёва С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 62. – М-Л., 1958.

Плетнева, 1990 – Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990.

Плетнева, 1997 – Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997.

Плетнева, 2015 – Плетнева С.А. Половцы / История. География. Этнография. – М.: Ломоносов, 2015.

Поливанов, 1933 – Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. – Ташкент, 1933.

Поло, 1997 – Поло М. О разнообразии мира // Путешествия в Восточные страны. – М.: Мысль, 1997.

Полосин, 2002 – Полосин В.С. Синкретизм религиозный // Религии народов современной России. – М., 2002.

Постникова-Лосева, 1974 – Постникова-Лосева М.М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера XVI–XIX вв. – М.: Наука, 1974.

Постникова-Лосева, 1983 – Постникова-Лосева М.М., Платонов Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. (Территория СССР). – М.: Наука, 1983.

Потанин, 1867 – Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. – М., 1867.

Потанин, 1884а – Потанин Г.Н. Бараба // Живописная Россия. Т.11. Западная Сибирь. – СПб.-М., 1884.

Потанин, 1884б – Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Т.11. 1884.

Потапов, 1952 – Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). – Абакан, 1952.

Почекаев, 2006 – Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. – М.: АСТ; СПб.: Евразия, 2006.

Почекаев, 2009а – Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. – Казань: ФЭН, 2009.

Почекаев, 2009б – Почекаев Р.Ю. К вопросу о переходе власти в государствах Чингизидов (4). Золотая Орда в 1358–1362 гг.: династический кризис и феномен самозванства // Золотоордынская цивилизация: Сб. статей. Вып.2 / Ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Фэн, 2009.

Почекаев, 2010 – Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. – СПб.: Евразия, 2010.

Преображенский, 1972 – Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. – М.: Наука, 1972.

Прибыльский, 2002 – Тюменская школа в XX веке: Хрестоматия / науч. ред. и рук. проекта Ю.П. Прибыльский. – Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2002.

Прибыльский, Слинкин, 1999 – Прибыльский Ю.П., Слинкин С.В. Имени Д.И. Менделеева. Документальный очерк о прошлом и настоящем Тобольского педагогического института. – Тобольск, 1999.

Продолжение хронографа, 1951 – Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т.VII. – М.-Л., 1951.

Пронин, 1989 – Пронин В.И. Торговля Сибири с европейской Россией в период домонополистического капитализма // Проблемы истории дореволюционной Сибири. – Томск, 1989.

Прошлое Казахстана, 1997 – Прошлое Казахстана в источниках и материалах (Сборник I (V в. до н.э. – XVIII в. н.э.) / Под ред. проф. Асфендиярова С.Д. и проф. Кунте П.А. – Алматы: Казакстан, 1997.

Пузанов, 2005 – Пузанов В.Д. Служба годовальщиков в Западной Сибири XVII в. // Славянский ход. 2005: Материалы и исследования. Альманах. Вып.2. – Ханты-Мансийск; Сургут; СПб., 2005.

Радлов, 1899 – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.II. Ч.1. – СПб., 1899.

Радлов, 1989 – Радлов В.В. Из Сибири. – М.: Наука, 1989.

Раевский, 1985 – Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тыс. до н.э. – М.: Наука, 1985.

Рамазанова, 1983 – Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар // Пермские татары. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983.

Рамазанова, 1988 – Рамазанова Д.Б. Тепекеевский говор татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 6. – Казань, 1988.

Рамазанова, 1990 – Рамазанова Д.Б. Татарская диалектная лексикография и диалектная лексикология на рубеже третьего тысячелетия // Актуальные вопросы татарского языкознания. Сб. статей. – Казань: ИЯЛИ, 1990.

Рамазанова, 1996 – Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар. – Казань, 1996.

Рамазанова, 2001 – Рамазанова Д.Б. Материалы по сибирским диалектам. – Казань: «Фикер», 2001.

Рассудова, 1989 – Рассудова Р.Я. Сравнительная характеристика мужской одежды населения Ферганско-Ташкентского региона (XIX–XX вв.) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989.

Рахим, 2004 – Рахим А. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сб. статей. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2004.

Рахимов, 2006 – Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. – Тюмень: Печатник, 2006.

Рахимов, 2012 – Рахимов Р.Х. Памятники историко-культурного наследия сибирских татар: современное состояние и перспективы сохранения // Сибирский сборник. Вып. 2. – Тобольск: Изд-во ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2012.

Рева, 2013 – Рева Р.Ю. Монеты Шибанидов XV века // Тезисы XVII Всероссийской нумизматической конференции. – М., 2013.

Резван, 2009 – Резван М.Е. Герменевтика сновидения в контексте общемусульманской сновидческой реальности (на примере сновидений о Коране) // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып.2. – СПб.: МАЭ РАН, 2009.

Резван, 2011 – Резван М.Е. Коран в системе мусульманских магических практик. – СПб., 2011.

Резун, Шиловский, 2005 – Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск: ИД «Сова», 2005.

Ремезов, 1989 – Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси XVII в. Ч.2. – М., 1989.

Ремезов, 2007а – Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири [Рукопись]: факс. воспроизведение рукописи Рос. нац. биб-ки (Санкт-Петербург). – Тобольск: Возрождение Тобольска, 2007.

Ремезов, 2007б – Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. 2. Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели [Текст]. – Тобольск: Возрождение Тобольска, 2007.

Рерих, 2004 – Рерих Ю.Н. История Средней Азии. Т.I. – М., 2004.

Рогалева, 1988 – Рогалева Т.В. Структура семьи сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. – Омск, 1988.

Родионов, 2003 – Родионов М.А. Ислам классический. – СПб.: Петербургское Востоковедение, Азбука-классика, 2003.

Розов, 1956 – Розов Н.С. Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // Труды Ин-та этнографии. 1956. Т.33.

Романова, Воевода, Максимов, 2014 – Романова А.Н., Воевода М.И., Максимов В.Н. Ассоциация отягощенного семейного анамнеза по сердечно-сосудистым заболеваниям с коронарным атеросклерозом у жителей Республики Саха (Якутия) // Сибирский научный медицинский журнал. 2014. Т.34. №1.

Рославцева, 2000 – Рославцева Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 2000.

Росляков, 1998 – Росляков С.Г. Береста в погребальном обряде могильника Санаторный 1 // Сибирские татары: Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск, 1998.

Россия, 1907 – Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т.16. – СПб., 1907.

Руденко, 1955 – Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – М.-Л., 1955.

Русакова, 1989 – Русакова Л.М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989.

Русские, 1999 – Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М.: Наука, 1999.

Русское золотое, 1967 – Русское золотое и серебряное дело XV–XX веков / Т.Гольдберг, Ф.Мишуков, Н.Платонова, М.Постникова-Лосева. – М.: Наука, 1967.

Русско-татарский словарь, 1971 – Русско-татарский словарь. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1971.

Рыкин, 2002 – Рывкин П.О. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингис-хана // Вестник Евразии. 2002. №1(16).

Рябинина, 2011 – Рябинина Е.А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582–1598 гг. // История, культура и экономика средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы международной конференции. – Курган, 2011.

Сабитов, 2010 – Сабитов Ж.М. Тайбугиды в ханстве Абулхайр-хана // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.2. – Казань: Ихлас, 2010.

Савинов, 1984 – Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

Сагидуллин, 2008 – Сагидуллин М.А. Фонетика и графика современного сибирско-татарского языка. – Тюмень: Издательство «Искер», 2008.

Сагидуллин, 2010 – Сагидуллин М.А. Русско-сибирскотатарский словарь. – Тюмень: Мандр и К, 2010.

Садыков, 1998 – Садыков К.С. Некоторые обряды и обычаи сибирских татар // Сибирские татары. Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Омск, 1998.

Садыков, 2006 – Садыков К.С. Формирование этнической педагогической культуры у будущих учителей татарской национальной школы. – Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2006.

Садыков, 2013 – Садыков К.С. Габдулхай Хурамович Ахатов-первый заведующий кафедрой татарского языка и литературы Тобольского государственного педагогического института // Занкиевские чтения: Материалы 6-й Всероссийской научно-практической конференции-Тобольск, 2013.

Садыков,2001 – Садыков К.С. Образование и народная педагогика сибирских татар Притоболья и Прииртышья // Сулеймановские чтения – 200. Материалы научно-практ. конференции. – Тюмень, 2001.

Сайдашева, 2001 – Сайдашева З.Н. Народная музыка // Татары. Народы и культура. – М.: Наука, 2001.

Сайдашева, 2007 – Сайдашева З.Н. Определение фольклоризма. Основные сферы его проявления в современной культуре // Татарская музыкальная этнография. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2007.

Сайфулина, 2007 – Сайфулина Ф.С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона. – Тюмень: Вектор Бук, 2007.

Сайфулина, 2012 – Сайфулина Ф.С. Возвращаясь к трудам великих (к 175-летию академика В.В. Радлова) // Научный Татарстан. 2012. №2.

Самойлович, 1927 – Самойлович А.Н. К истории культурных и этнических отношений в Волго-Уральском крае // Новый Восток. 1927. №3.

Сафаралеева, 2008 – Сафаралеева Ю.У. Духовные всходы. Очерки просвещения и культуры татар Приртышья второй половины XIX – первой трети XX вв. – Тюмень: «Вектор Бук», 2008.

Сафаргалиев, 1960 – Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960.

Сафаргалиев, 1996 – Сафаргалиев М. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.) – М.: ИНСАН, 1996.

Священные места, 2006 – Священные места сибирских мусульман – Астана. – Тюмень: Институт гуманитарных исследований, 2006.

Севортян, 1956 – Севортян Э.В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч.2. Морфология. – М., 1956.

Севортян, 1966 – Севортян Э.В. Крымско-татарский язык // Тюркские языки (из серии «Языки народов СССР»). Т.2. – М.: Наука, 1966.

Седакова, 1981 – Седакова О.А. Пространственный код погребального обряда // Структура текста – 81. Тезисы симпозиума. – М., 1981.

Селезнев, 1992 – Селезнев А.Г. К характеристике шаманских атрибутов барабинских татар // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции. – Якутск, 1992.

Селезнев, 1994 – Селезнев А.Г. Барабинские татары: истоки этноса и культуры. – Новосибирск, 1994.

Селезнев, 1995 – Селезнев А.Г. Комплекс земляных жилищ барабинских татар // Материальная культура народов России. Т.1. – Новосибирск: Наука, 1995.

Селезнев, 2000 – Селезнев А.Г. Лестница в небо (семантика одного элемента намогильных сооружений тоболо-иртышских татар) // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы IV Сибирских чтений. – СПб., 2000.

Селезнев, 2013 – Селезнев А.Г. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №2 (21).

Селезнев, Селезнева, 2001 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Духи и души в традициях народного ислама Сибири (к изучению религиозного синкретизма в малых локальных культурных комплексах) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. – Нальчик-Омск, 2001.

Селезнев, Селезнева, 2003а – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Культурология сибирского ислама: Занге-баба и Хазыр-Илйас в Сибири // Культурологические исследования в Сибири. №2. – Омск, 2003.

Селезнев, Селезнева, 2003б – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Религиозный синкретизм, народный ислам, региональные культы (теоретические заметки) // Народная культура: личность, творчество, досуг. – Омск, 2003.

Селезнев, Селезнева, 2003в – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Занге-Ата и Хазыр-Ильяс: исторические и этнические аспекты распространения ислама в Сибири // Этнографическое обозрение. 2003. №6.

Селезнев, Селезнева, 2004а – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004.

Селезнев, Селезнева, 2004б – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Культовые персонажи в традициях народного ислама Сибири: к изучению религиозного синкретизма в малых локальных культурных комплексах // Культурное наследие Западной Сибири и Севера: Материалы V Сибирских чтений. Ч.1. – СПб., 2004.

Селезнев, Селезнева, 2012а – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Культ святых как фактор формирования этнорелигиозной идентичности мусульман Западной Сибири // Orta Asya'da İslâm: Temsilden Fobiye / ed.: Muhammet Savaş Kafkasyalı. Ankara; Türkistan: Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, 2012. 3 c. (1960 s.). Cilt. 2: Türk'ün Tanrı'sından Tanrı'nın Türk'üne.

Селезнев, Селезнева, 2012б – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Тест на ислам: этнографическое изучение религиозной традиции на современном этапе (на примере сельских поселений тоболо-иртышских татар) // PAX ISLAMICA. 2012. №1–2 (8–9).

Селезнев, Селезнева, 2012в – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Исламские сакральные комплексы астана в Сибири: социальные и символические функции // Религиозная жизнь народов Центральной Евразии. – М.: ИЭА РАН, 2012.

Селезнев, Селезнева, 2013 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Ритуальные практики в сибирском исламе: элиты, книги, сны // Традиционная культура. 2013. №3.

Селезнев, Селезнева, Белич, 2009 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М.: Изд. дом Марджани, 2009.

Селезнев, Селезнева, Бельгибаев, 2006 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). – Омск, 2006.

Семантика и морфемика, 1996 – Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья. – Тюмень: изд-во ТюмГУ, 1996.

Сергеев, Кирюхин, Цереветинов, 1945 – Сергеев М.Е., Кирюхин Т.Ф., Цереветинов Б.Ф. Кожевенно-обувные, пушно-меховые и овчинно-шубные товары. – М.: Госторгиздат, 1945.

Серебрякова, 1992 – Серебрякова М.Н. К вопросу об истоках и эволюции традиционного мировоззрения турок // Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии. – М., 1992.

Сибирские татары, 1990 – Сибирские татары: история и современность // Материалы научно-практической конференции. Тобольск, 1990.

Сибирские татары, 2002 – Сибирские татары. Сб. науч. статей / Под ред. С.В. Сусловой. – Казань, 2002.

Сибирские татары, 2014 – Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры / автор-сост. Ф.Ю. Юсупов. – Казан: Издательство Казанского ун-та, 2014.

Сибирский вестник, 1893 – Сибирский вестник. 1893. №73.

Сибирь XVIII века, 1996 – Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.

Сидоренко, 2000 – Сидоренко В.А. Хронология правления золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып.VII. – Симферополь, 2000.

Скандаков, Дубко, 1991 – Скандаков И.Е., Дубко В.В. Раскопки городища Ямсыса-XIV // Областная научно-практическая конференция, посв. 275-летию г. Омска: Секция «Природа и хозяйство Омской области». – Омск, 1991.

Скрынников, 1982 – Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1982.

Скрынникова, 2013 – Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. – СПб.: Евразия, 2013.

Словцов, 1838 – Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири (1585–1742). Кн.1. – М., 1838.

Словцов, 1844 – Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири (1742–1823). Кн.2. – СПб., 1844.

Словцов, 1881 – Словцов И.Я. Путевые записки, виденные во время поездки в 1878 г. в Кокчетавский уезд // Записки Западно-сибирского отдела РГО. Кн.III. – Омск, 1881.

Смирнов, 1951 – Смирнов А.П. Волжские булгары. – М., 1951.

Смирнова, 1995а – Смирнова Е.Ю. Женские украшения сибирских татар конца XIX – первой трети XX века // Материальная культура народов России. Культура народов России. Т.1. – Новосибирск: Наука, 1995.

Смирнова, 1995б – Смирнова Е.Ю. Традиционная одежда тоболо-иртышских татар конца XIX – первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий. Межведомственный сборник научных статей. – Томск, 1995.

Смирнова, 1999а – Смирнова Е.Ю. Некоторые аспекты демонологических представлений тарских татар (по полевым материалам)

// Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч.II. – Новосибирск, 1999.

Смирнова, 1999б – Смирнова Е.Ю. Магия в традиционном мировоззрении: по материалам традиционной одежды сибирских татар // Культурологические исследования в Сибири. Вып.1. – Омск, 1999.

Смирнова, 1999в – Смирнова Е.Ю. Отражение религиозных представлений и верований в одежде и украшениях курдакско-саргатских татар // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Т.4. – Новосибирск, 1999.

Смирнова, 2001 – Смирнова Е.Ю. О головных уборах курдакско-саргатских татар // Исторический ежегодник. Спец. вып. – Омск, 2001.

Смирнова, 2004а – Смирнова Е.Ю. Одежда татар Среднего Прииртышья: этнокультурные связи и контакты. – Новосибирск, 2004.

Смирнова, 2004б – Смирнова Е.Ю. Одежда татар Западной Сибири: бытование, конверсия и сакрализация // Культура & общество. Интернет-журнал Моск. гос. ун-та культуры и искусств, 2004. [Электронный ресурс]. http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Smirnova3.pdf. Дата обращения: 10.11.2013.

Смирнова, 2005 – Смирнова Е.Ю. Комплекс одежды татарского населения Западной Сибири конца XIX – первой трети XX века // Культура населения XVI–XIX вв. как основа формирования современного облика народов Сибири. – Омск, 2005.

Смирнова, 2007 – Смирнова Е.Ю. О некоторых обрядово значимых предметах одежды татар Западной Сибири // История и культура Сибири: сб. науч. тр. – Омск: Издательский дом «Наука», 2007.

Снесарев, 1969 – Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М.: Наука, 1969.

Соболев, 2000 – Соболев А.Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям (Литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного миросозерцания) / Серия «Мир культуры, истории и философии». – СПб.: Изд-во «Лань», 2000.

Соболев, 2008 – Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). – Новосибирск: Наука, 2008.

Соболева, 2006 – Соболева Н.А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. – М.: Языки славянских культур; Знак, 2006.

Современный казахский язык, 1962 – Современный казахский язык. Фонетика и морфология. – Алма-Ата: АН КазахССР, 1962.

Соколова, 1982 – Соколова З.П. Путешествие в Югру. – М.: Мысль, 1982.

Сокровенное сказание, 1990 – Сокровенное сказание монголов. Перевод С.А. Козина. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1990.

Соловьёв, 1987 – Соловьёв А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири в средневековье. – Новосибирск: Наука, 1987.

Соловьев, 1996 – Соловьев Д.Н. Обереги и магические действия тарских татар // История и культура Сибири. – Омск, 1996.

Солодкин, 2010 – Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки решения. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2010.

СОЮЗ, 2010 – СОЮЗ. Этнографический словарь / Составители М.Н. Губогло, Ю.Б. Симченко / Ю.Н. Квашнин (новая редакция). – М.: ИЭА РАН; Тобольск: ИПОС СО РАН, 2010.

Спафарий, 1882 – Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // Записки Русского географического общества по отд. этнографии. Т X. Вып.1. – СПб., 1882.

Сравнительно-историческая, 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001.

Степанов, 1964 – Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ. Право, история, филология. – Казань: изд-во КГУ, 1964.

Степанов, 1966 – Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ. – Казань: изд-во КГУ, 1966.

Степанов, 2002 – Степанов В.А. Этногеномика населения Северной Евразии. Томск. Изд-во «Печатная мануфактура», 2002.

Структура топонимии, 1984 – Структура топонимии Тюменского Зауралья. Учебное пособие – Тюмень, 1984.

Султанов, 2002 – Султанов Т.И. Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002.

Султанов, 2006 – Султанов Т.И. Чингизхан и Чингизиды. Судьба и власть. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006.

Сурметова, 2004 – Сурметова Л.Р. Макам в творчестве татар Тюменской области // Те-

зисы докладов научно-практической конференции «Сулеймановские чтения–2004». – Тюмень, 2004.

Сурметова, 2006 – Сурметова Л.Р. Свадебные песни тюменских татар // Вестник Казахского национального университета им. Аль-Фараби. – Алма-Ата, 2006.

Сурметова, 2011 – Сурметова Л.Р. Интонационно-ладовые особенности напевов сибирских татар // «От конгресса к конгрессу». Материалы II Всероссийского конгресса фольклористов. Т.3. – М., 2011.

Сурметова, 2014 – Сурметова Л.Р. Принципы передачи на письме текстов фольклорных песен сибирских татар (на материале Тюменской области) // Материалы Международной научно-практической конференции «Нематериальное культурное наследие тюркских народов как объект сохранения». – Казань, 2014.

Суслова, 1980 – Суслова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в.в. Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 1980.

Суслова, 1990 – Суслова С.В. Традиционная одежда приуральских татар сер. XIX – нач. XX вв.: к проблеме этно-культурного районирования татарского этноса в Приуральском регионе // Приуральские татары. – Казань, 1990.

Суслова, 1992 – Суслова С.В. Костюм астраханских татар XIX – начала XX вв. (по материалам музейных коллекций) // Астраханские татары. – Казань, 1992.

Суслова, 2002 – Суслова С.В. Западносибирские «сарауцы» как историко-этнографический источник // Сибирские татары. Сб. статей / Под ред. Сусловой С.В. – Казань, 2002.

Суслова, 2004 – Суслова С.В. Сибирско-татарская коллекция ювелирных украшений Тобольского музея как исторический источник // Татарская археология. 2004. №1–2(10–11).

Суслова, 2011 – Суслова С.В. История костюма тюркских народов (этнографическое исследование татарской народной одежды). – Астана: Изд-во «Сарыарка», 2011.

Суслова, Мухамедова, 2000 – Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина 19 – начало 20 веков). Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань: Фэн, 2000.

Суслова, Фасхутдинова, 2008 – Суслова С.В., Фасхутдинова Л.Ф. Золотное шитье сибирских татар (к вопросу об этнических и этнокультурных взаимосвязях) // Этнологические исследования в Татарстане. Вып.II. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008.

Сухарева, 1982 – Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.). – М.: Наука, 1982.

Сухэбатор, 1975 – Сухэбатор Г. *К* вопросу об этнической связи между хунну и сяньби // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века / история и культура Азии. Т.III. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975.

Сычева, 1984 – Сычёва Н.С. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX–XX в.в. Из собрания Государственного музея искусства народов Востока. – М.: Советский художник, 1984.

Таскин, 1984 – Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – М.: Наука, 1984.

Татарская школа Тюменской области, 1998 – Татарская школа Тюменской области: прошлое и настоящее: сб. документов / Под ред. И.Б. Гарифуллина. – Тюмень, ТОГИРРО, 1998.

Татарский энциклопедический, 1999 – Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Институт татарской энциклопедии, 1999.

Татарский эпос, 2005 – Татарский эпос. Баиты / Сост. Ф.В. Ахметова-Урманче. – Казань, 2005.

Татарско-русский, 1966 – Татарско-русский словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966.

Татарско-русский, 1988 – Татарско-русский словарь. – Казань, 1988.

Татарско-русско-английский, 2004 – Татарско-русско-английский глоссарий литературоведческих терминов / авт.-сост. Ф.С. Сәйфулина, Ә.М. Закиржанов, Л.И. Минһажева, Н.М. Йосыпова, Г.Р. Гайнуллина, Т.Ш. Гыйлажев. – Казан: Казан ун-ты нәшрияты, 2014.

Татары и ислам, 2014 – Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; изд-во «Артифакт», 2014.

Татары Среднего Поволжья, 1967 – Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967.

Татары Тюменской области, *2010* – Татары Тюменской области: динамика социокультурной ситуации. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2010.

Татары Тюменской области, 2011 – Татары Тюменской области: история и современность. – Тюмень: «Вектор Бук», 2011.

Татары, 1967 – Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967.

Татары, 2001 – Татары / ред. Уразманова Р.К., Чешко С.В. – М.: Наука, 2001.

Татауров, 2005 – Татауров С.Ф. Тунус – последний городок Сибирского ханства // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005.

Татауров, 2006 – Татауров С.Ф. Производственные клады на археологических памятниках в низовьях р.Тары // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск; Омск, 2006.

Татауров, Тихонов, 1996 – Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Могильник Бергамак II // Археолого-этнографические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Т.1. – Новосибирск, 1996.

Татауров, Тихонов, 1997 – Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Археологические комплексы в зимнее время (к постановке проблемы) // Россия и Восток: Археология и этническая история. Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы и взаимодействие». – Омск, 1997.

Татауров, Шлюшинский, 2006 – Татауров С.Ф., Шлюшинский А.В. Русское оружие на татарских памятниках XVI–XVIII вв. в Среднем Прииртышье // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск; Омск, 2006.

Тенишев, 1997 – Тенишев А.Р. Алтайские языки // Языки мира: Тюркские языки. – М.: Изд-во «Индрик», 1997.

Титова, 1976 – Титова З.Д. Барабинские татары // Из истории Сибири. Вып.19. – М., 1976.

Титова, 1978 – Титова З.Д. Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д.-Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып.VIII. – М., 1978.

Тихомирова, 2003 – Тихомирова М.Н. Некоторые элементы института гостевания и обычая гостеприимства у сибирских татар // Катанаевские чтения: Материалы Пятой всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 2003.

Тихомирова, 2004 – Тихомирова М.Н. Щэрбет (щербет) в традиционной кухне тарских татар // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Ч.2. – Омск, 2004.

Тихомирова, 2006а – Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей. – Омск: Издательский дом «Наука», 2006.

Тихомирова, 2006б – Тихомирова М.Н. Обереги в традиционно-бытовой культуре заболотных татар (по полевым материалам) // «Сулеймановские чтения – 2006»: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2006.

Токарев, 1990 – Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. – М., 1990.

Толковый словарь, 1935 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. – М., 1935.

Толстов, 1931 – Толстов С.П. Религия народов Средней Азии // Религиозные верования народов СССР. Т.1. – М.-Л.: Московский рабочий, 1931

Толстой, 1995 – Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Изд-во «Индрик», 1995.

Томилов, 1978а – Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978.

Томилов, 1978б – Томилов Н.А. К истории головных уборов сибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978.

Томилов, 1980а – Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. – Томск: Изд-во Томского университета, 1980.

Томилов, 1980б – Томилов Н.А. Общественный быт и духовная культура томских татар // Духовная культура народов Сибири. – Томск, 1980.

Томилов, 1980в – Томилов Н.А. Сибирские татары // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. – М.: Наука, 1980.

Томилов, 1981 – Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.

Томилов, 1983а – Томилов Н.А. Поволжские татары западной Сибири в XVI – первой четверти XIX вв. // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: ТГУ, 1983.

Томилов, 1983б – Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983.

Томилов, 1986 – Томилов Н.А. Хозяйство барабинских татар в XIX – начале XX вв. // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. – Новосибирск, 1986.

Томилов, 1990 – Томилов Н.А. Программа сбора материалов по теме «Народные знания»

// Вопросники и программы по духовной культуре: Для участников этнографических практик и экспедиций. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1990.

Томилов, 1992 – Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. – Новосибирск, 1992.

Томилов, 1993 – Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993.

Томилов, 1995 – Томилов Н.А. Сибирские татары – кто они? // От Урала до Енисея. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1995.

Томилов, Богомолов, Курочка, 1975 – Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы по этнографии барабинских татар // Из истории Сибири. Вып.16. – Томск, 1975.

Томилов, Кадырова, 1997 – Томилов Н.А., Кадырова Л.М. Народные способы лечения у сибирских татар // Этнографическое обозрение. 1997. №5.

Томилов, Томилова, 1998 – Томилов Н.А., Томилова В.С. Фоат Тач-Ахметович Валеев – исследователь Сибири (к 80-летию со дня рождения) // Сибирские татары. – Омск, 1998.

Топоров, 1992 – Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т.2. – М., 1992.

Традиционная одежда казахов, 2009 – Традиционная одежда казахов. Научный каталог. Серия этнографических коллекций. – Алматы: Өнер, 2009.

Традиционные обряды, 1985 – Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. – Л.: Наука, 1985.

Трепавлов, 1992 – Трепавлов В.В. Соправительство в Монгольской империи (XIII в.) // Archivum Eurasiae Mediiaevi. T.VII (1987–1991). – Wiesbaden, 1992.

Трепавлов, 1993 – Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. – М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.-ра», 1993.

Трепавлов, 1997а – Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения (Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана, №2). – Уфа, 1997.

Трепавлов, 1997б – Трепавлов В.В. Сибирско-ногайские отношения в XV–XVIII вв. (основные этапы и закономерности) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Доклады II международной конференции. Кн.2. – М.; Иркутск; Тэгу: Иркутск. гос. пед. ун-т, 1997.

Трепавлов, 2001 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2001.

Трепавлов, 2003 – Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. – М.: Вост. лит., 2012.

Худяков, 2003 – Худяков Ю.С. История дипломатии кочевников Центральной Азии. Учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003.

Трепавлов, 2006 – Трепавлов В.В. Среднее Поволжье в эпонимической терминологии позднего Средневековья // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова / Сост. Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006.

Трепавлов, 2007 – Трепавлов В.В. Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения (десятые). Всероссийская научно-практическая конференция (Тюмень, 18–19 мая 2007 г.). Материалы и доклады. – Тюмень: Сити Пресс, 2007.

Трепавлов, 2009 – Трепавлов В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – М.: Восточная литература, 2009.

Трепавлов, 2010 – Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. – Тула: «Гриф и К», 2010.

Трепавлов, 2011 – Трепавлов В.В. «Казачество» Кучумовичей: жизнь в скитаниях // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.3. – Казань: Ихлас, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011.

Трепавлов, 2012 – Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. – М.: «Восточная литература», 2012.

Трофимова, 1947 – Трофимова Т.А. Тобольские и барабинские татары. Антропологический очерк // Труды Ин-та этнографии. Т.1. – М., 1947.

Тугутов, 1958 – Тугутов И. В. Материальная культура бурят. – Улан-Удэ, 1958.

Тумашева, 1968 – Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968.

Тумашева, 1977 – Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного

исследования. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1977.

Тумашева, 1987 – Тумашева Д.Г. Этнические связи западно-сибирских татар (по материалам топонимнии и антропологии) // Советская тюркология. 1987. №2.

Тумашева, 1992 – Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1992.

Тумашева, 2010 – Тумашева Д.Г. Диалекты языка сибирских татар // Диалекты тюркских языков (Очерки). – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2010.

Тумашева, Ахметова, 1983 – Тумашева Д.Г., Ахметова Ф.В. Этнические группы сибирских татар по языковым и фольклорным данным // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Омский ун-т, 1983.

Тумашева, Насибуллина, 2000 – Тумашева Д.Г., Насибуллина А.Х. Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области. – Тюмень: ТОГИРРО, 2000.

Турсуналиев, 1991 – Турсуналиев К. Все цвета радуги (тюбетейки и головные уборы узбеков XIX–XX вв.). – Ташкент: Фан, 1991.

Тычинских, 1998 – Тычинских З.А. Служилые казаки Кульмаметевы в XVIII в. // Сибирские татары. Материалы 1 Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 1998.

Тычинских, 2004 – Тычинских З.А. Сибирские татары в системе тюрко-мусульманского образования (XVII–XX вв.) // Сулеймановские чтения–2004. Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции. – Тюмень: ИПЦ «Экспрес», 2004.

Тычинских, 2009 – Тычинских З.А. Историографический аспект проблемы формирования сибирско-татарской этнической общности // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009.

Тычинских, 2010 – Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVI–XVII вв.). – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010.

Тычинских, 2011 – Тычинских З.А. О формировании сибирско-татарской идентичности: к вопросу о самоназвании и самосознании // Сулеймановские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А.П. Яркова. – Тюмень: Универсальная типография «Альфа Принт», 2011.

Тычинских, 2013 – Тычинских З.А. Роль института астана в формировании и сохранении сакрального пространства сибирских татар // Историческая судьба Искера. – Тобольск: «Принт-экспресс», 2013.

Тычинских, 2014 – Тычинских З.А. Роль устной традиции в формировании и функционировании института астана у сибирских татар [Электронный ресурс]. URL: http://www.enu.kz/repository/repository2014/rol-ustnoy-tradicii.pdf. Дата обращения: 13.11.2014.

Тюрки, 1991 – Тюрки таежного Причулымья: Популяция и этнос. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991.

Уманский, 1972 – Уманский А.П. Телеуты и сибирские татары в XVII в.: Очерк внешнеполитических сношений // Учен. зап. Барнаул. пед. ин-та. Т.18. 1972.

Уманский, 1980 – Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. – Новосибирск: Наука, 1980.

Уразманова, 1987 – Уразманова Р.К. Календарный цикл обрядов чепецких татар // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. – Казань, 1978.

Уразманова, 1990 – Уразманова Р.К. Особенности годового цикла общественных обрядов и праздников татар Приуралья // Приуральские татары. – Казань, 1990.

Уразманова, 1991 – Уразманова Р.К. Особенности традиционных народных праздников татар Среднего Поволжья (к вопросу этнического районирования культуры) // Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья. – Казань, 1991.

Уразманова, 1992 – Уразманова Р.К. Праздники и обряды астраханских татар // Астраханские татары. – Казань, 1992.

Уразманова, 1993 – Уразманова Р.К. Годовой цикл общественных обрядов и праздников молькеевских кряшен. Похоронно-поминальная обрядность // Молькеевские кряшены. – Казань, 1993.

Уразманова, 2001 – Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл XIX–XX вв.). – Казань: ПИК «Дом печати», 2001.

Уразманова, 2002 – Уразманова Р.К. Годовой цикл традиционных обрядов и праздников сибирских татар // Сибирские татары. Сб. статей / Под ред. Сусловой С.В. – Казань, 2002.

Урманчеев, 2002 – Урманчеев Ф.И. Лироэпос татар Среднего Поволжья. – Казань, 2002.

Ускенбай, 2013 – Ускенбай К. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013.

Усманов, 1960 – Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1960.

Усманов, 1972 – Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань, 1972.

Усманов, 1982 – Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1982.

Усманов, Шайхиев, 1979 – Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение. – Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1979.

Усманова, 1994 – Усманова М.Г. Имя отчей земли. Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна р.Сакмар. – Уфа: Китап, 1994.

Успенский, 2000 – Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. – М. 2000.

Устюгов, 1947 – Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т.24. – М., 1947.

Фаизов, 2006 – Фаизов С.Ф. «Где Москва, где восток, где запад?»: почему крымский хан Мухаммед IV не согласился с Алексеем Михайловичем в вопросе о том, кто может владеть Востоком и Западом // Фаизхановские чтения. 2006. Вып.3. – Н.Новгород, 2006.

Фаизханов, 1863 – Фаизханов Х. Три надгробия булгарской надписи // Известия Императорского археологического общества. – С.-Петербург, 1863.

Файзрахманов, 2002 – Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань: Изд-во «Фэн», 2002.

Файзрахманов, 2007 – Файзрахманов Г.Л. История татар Западной Сибири. – Казань, 2007.

Фальк, 1824 – Фальк И.П. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук по предложению ее президента. Т.1–7. – СПб., 1824.

Фармакогнозия, 1991 – Фармакогнозия: Учебник. – М.: Медицина, 1991.

Фасих, 1980 – Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. – Ташкент: Фан, 1980.

Фасмер, 1996 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1–4. – СПб.: Изд-во «Азбука», 1996.

Фахрутдинов, 1967 – Фахрутдинов К.Х. Религия и человек. Из опыта тюменских атеистов, работающих среди мусульман. – Свердловск, 1967.

Фахрутдинов, 1984 – Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1984.

Фахрутдинов, 1990 – Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топография булгарских городищ // Советская археология. 1990. №4.

Федорова, 1994 – Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. – СПб.: МАЭ РАН, 1994.

Фёдоров-Давыдов, 1966 – Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во Московского университета, 1966.

Федоров-Давыдов, 1973 – Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1973.

Фёдоров-Давыдов, 1976 – Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М.: Искусство, 1976.

Фехнер, 1956 – Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке // Труды ГИМ. Вып.31. – М.: Госкультпросветиздат, 1956.

Фишер, 1774 – Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. – СПб., 1774.

Фоскарино, 1913 – Фоскарино М. Донесение о Московии второй половине 16 века // Императорское общество истории и древностей Российских. – М., 1913.

Фрезер, 1986 – Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. – М.: Изд-во политической литературы, 1986.

Фролов, 1975 – Фролов Н.К. О взаимодействии русского и татарского языков (на материале топонимии Тюменской области) // Научные труды ТюмГУ. Т.12. – Тюмень, 1975.

Фролов, 1979 – Фролов Н.К. О заселении Тюменского Зауралья по данным татарской топонимики // Научные труды ТюмГУ. Сб. 69. – Тюмень, 1979.

Фролов, 1982 – Фролов Н.К. Местные географические термины Тюменского Зауралья в топонимическом употреблении (семантическая интерпретация) // Научные труды ТюмГУ. Сб. 94. – Тюмень, 1982.

Фролов, 1985а – Фролов Н.К. К проблеме семантической адаптации в русском языке нерусской топонимии Тюменского Зауралья // Топонимия Урала и севера европейской части СССР. – Свердловск,1985.

Фролов, 1985б – Фролов Н.К. О словообразовательных модификациях в нерусской по происхождению топонимии Тюменской области // Ономастическое и диалектное словообразование Алтая. – Барнаул, 1985.

Хади Атласи, 2005 – Хади Атласи. История Сибири / Пер. с татар. яз. А.И. Бадюгиной. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005.

Хайдар, 1996 – Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. – Ташкент: Фан, 1996.

Хайруллина, Воробьев, 2014 – Хайруллина Н.Г., Воробьев Е.М. Межэтнические отношения в Тюменской области: динамика и тенденции. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.

Хайруллина, Салихова, 2004 – Хайруллина Н.Г., Салихова А.Р. Динамика социокультурной ситуации на юге Тюменской области. – Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2004.

Хайрутдинова, 1985 – Хайрутдинова Т.Х. Златоустовский говор татарского языка. – Казань, 1985.

Хакимов, 2010 – Хакимов Р.С. Джадидизм (реформированный ислам). – Казань: Инст-т истории АН РТ, 2010.

Халдеева, 1984 – Халдеева Н.И. Распределение одонтологических признаков среди татарских групп и телеутов // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Омский ун-т, 1984.

Халдеева, 1992 – Халдеева Н.И. Уральская раса по данным одонтологии // Материалы к антропологии уральской расы. – Уфа: Баш. науч. центр УрО РАН, 1992.

Халиков, 2002 – Халиков Н.А. Этнокультурные особенности хозяйства западносибирских татар // Сибирские татары. Сб. статей / Под ред. Сусловой С.В. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002.

Халикова, 1972 – Халикова Е.А. Большетиганский могильник // Советская археология. 1972. №2.

Хисаметдинова, 2010 – Хисаметдинова Г.С. К истории советского опыта реформирования национальных школ // Сулеймановские чтения: материалы и докл. XIII Всеросс. научно-практ. конф. – Тюмень, 2010.

Хисаметдинова, 2011а – Хисаметдинова Г.С. Этнообразовательная политика советского государства в 1920–1960-е годы и состояние национальных школ сибирских татар // Сибирский сборник. Вып.1. – Казань: Издательство «Яз», 2011.

Хисаметдинова, 2011б – Хисаметдинова Г.С. О системе государственного регулирования в сфере изучения русского языка в национальных школах РСФСР в 30–60-е годы 20 в. (на примере татарских школ Тюменской области) // Актуальные проблемы изучения истории образования и педагогической мысли татарского народа. – Казань, 2011.

Хисаметдинова, 2012 – Хисаметдинова Г.С. Современное состояние национального образования сибирских татар: становление школ с этнокультурным (татарским) компонентом в Тюменском регионе // Сибирский сборник. – Тобольск, 2012 .

Хисамитдинова, 2006а – Хисамитдинова Ф.Г. Географические названия Башкортостана. – Уфа: Гилем, 2006.

Хисамитдинова, 2006б – Хисамитдинова Ф.Г. Башкирские имена тюркского происхождения. – Уфа: Китап, 2006.

Хисматуллин, 2003 – Хисматуллин А.А. Суфизм. – СПб., 2003.

Хить, 1983 – Хить Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. – М.: Наука, 1983.

Хить, Томилов, 1981 – Хить Г.Л., Томилов Н.А. Формирование татар Сибири по данным антропологии и этнографии // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981.

Хлебникова, 1984 – Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М.: Наука, 1984.

Хоанг, 1997 – Хоанг Мишель. Чингисхан / Сер. «След в истории». – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Хозяйство, 1979 – Хозяйство и быт западно-сибирского крестьянства XVII – начала XX вв. – М.: Наука, 1979.

Храпаческий, 2004 – Храпаческий Р. Военная держава Чингисхана. – М.: АСТ, ВЗОИ, 2004.

Хромова, 1985 – Хромова Н.В. Топонимия бассейна р.Вагай. – Свердловск, 1985.

Хромова, 1994 – Хромова Н.В. Отражение древнейших тюркско-угорских контактов в топонимии юга Тюменской области // Роль русского культурного пространства в становлении российской государственности в Сибири. – Тюмень, 1994.

Хромова, 2007 – Хромова Н.В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта. – Тюмень, 2007.

Худяков, 1983 – Худяков Ю.С. Кыргызские наконечники из Омского краеведческого музея // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983.

Худяков, 1986 – Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, Наука, 1986.

Худяков, 1987 – Худяков Ю.С., Соловьев А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело

древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987.

Худяков, 1991 – Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1991.

Худяков, 1996 – Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций. – М.: Инсан, 1996

Худяков, 1997 – Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1997.

Худяков, 2000а – Худяков Ю.С. Хан Кучум и его воины // Родина. 2000. №5.

Худяков, 2000б – Худяков Ю.С. Комплекс вооружения воинов Сибирского ханства // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы конференции. – Казань, 2000.

Худяков, 2000б – Худяков Ю.С. Комплекс вооружения воинов Сибирского татарского ханства // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы конференции. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2000.

Худяков, 2001 – Худяков Ю.С. Лук и стрелы сибирских татар // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии. Вып.2. – Казань, 2001.

Худяков, 2002 – Худяков Ю.С. Комплекс вооружения воинов Сибирского татарского ханства в эпоху позднего средневековья // Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Сулеймановские чтения–2001». – Тюмень, 2002.

Худяков, 2007 – Худяков Ю.С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии. Учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007.

Худяков, Бобров, 1998 – Худяков Ю.С., Бобров Л.В. Реконструкция комплекса вооружения позднесредневекового сибирского татарского воина // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Сб. научных трудов. – Омск, 1998.

Худяков, Плотников, 1995 – Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Рубяще-колющее оружие кимаков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995.

Чвырь, 1977 – Чвырь Л.А. Таджикские ювелирные украшения (материалы к историко–культурному районированию Татжикистана). – М., 1977.

Чепурина, 1938 – Чепурина П.Я. Орнаментное шитье Крыма. – М.-Л., 1938.

Чистяков, 1982 – Чистяков В.А. Представление о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор. – М., 1982.

Чугунов, 2002 – Чугунов С.М. Древнее кладбище близ г.Томска «Тоянов Городок» // Известия Томского ун-та. Кн.19. – Томск, 2002.

Чхао, 2008 – Чхао Чху-Ченг. Распад Монгольской империи. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2008.

Шарифуллина, 1991 – Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. – Казань, 1991.

Шарифуллина, 2002 – Шарифуллина Ф.Л. Особенности традиционной свадебной обрядности татар в сельских поселениях Тюменской и Омской областей // Сибирские татары. – Казань, 2002.

Шарифуллина, 2002 – Шарифуллина Ф.Л. Особенности традиционной свадебной обрядности татар в сельских поселениях Тюменской и Омской областей // Сибирские татары. Сб. статей / Под ред. Сусловой С.В. – Казань, 2002.

Шахтшнейдер, Куликов, Максимов и др., 2014 – Шахтшнейдер Е.В., Куликов И.В., Максимов В.Н., Рагино Ю.И., Иванова М.В., Воевода М.И. Полиморфизм гена *CETP* в европеоидной популяции Западной Сибири и группах контрастных по уровню общего холестерина сыворотки // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 2014. Т.157. №3.

Шашков, 1997 – Шашков А.Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Известия Уральского государственного университета. 1997. №7.

Шашков, 2001 – Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. – Екатеринбург: Волот, 2001.

Шерстова, 2005 – Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005.

Шибаева, 1979 – Шибаева Ю.А. Влияние христианизации на религиозные верования хакасов (религиозный синкретизм хакасов) // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. – Л., 1979.

Шиле, 1879 – Шиле. Татарское племя // Природа и люди. 1879. №1.

Шитова, 1962 – Шитова С.Н. Женская одежда северных башкир // Археология и этнография Башкирии. Т.I. – Уфа, 1962.

Шитова, 1984 – Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая по-

ловина XIX – первая четверть XX вв. – М.: Наука, 1984.

Шитова, 1995 – Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. – Уфа: Китап, 1995.

Шишонко, 1882 – Шишонко В.Н. Пермская летопись. Второй период с 1613–1645 гг. – Пермь: Типография Губернской земской управы, 1882.

Шпилевский, 1877 – Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877.

Шукуров, 1989 – Шукуров Ш.М. Искусство средневекового Ирана: (формирование принципов изобразительности). – М.: Наука, 1989.

Шумилов, 2008 – Шумилов Е.Н. О местонахождении Тахчеи // Вопросы истории. 2008. №9.

Шунков, 1946 – Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. – М.-Л., 1946.

Шунков, 1974 – Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. – М., 1974.

Щеглов, 1883 – Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882 гг.). – Иркутск: Восточно-Сибирский отдел Имп. РГО, 1883.

Щеглов, 1883 – Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882 гг.). – Иркутск: Восточно-Сибирский отдел Имп. РГО, 1883.

Щербак, 2001 – Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрок, границы ее распространения и особенности использования. – СПб., 2001.

Эскин, 1994 – Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. – М.: Археографический центр, 1994.

Эскин, 2009 – Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. – М.: Квадрига, 2009.

Этнография, 2004 – Этнография татарского народа. – Казань: Магариф, 2004.

Эфиров, 1948 – Эфиров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири: Исторические очерки. – М., 1948.

Юань ши, 2004 – Юань ши (Официальная хроника династии Юань) // Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М.: ООО «Издательства АСТ»; ОАО «ВЗОИ», 2004.

Ювелирное искусство, 1974 – Ювелирное искусство народов России. (Ювелирные украшения): Альбом. – Л.: Художник РСФСР, 1974.

Юрцовский, 1923 – Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. – Новониколаевск, 1923.

Юрченко, 2012 – Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. – СПб.: Евразия, 2012.

Юсупов, 1963 – Юсупов Г.Ф. Этнография Востока. – М.-Л., 1963.

Юсупов, 1982 – Юсупов Ф.Ю. Фонетические особенности говора татар Свердловской области // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1982.

Юсупов, Сайфулина, Хисамов, Гумеров, 2013 – Юсупов Ф.Ю., Сайфулина Ф.С., Хисамов О.Р., Гумеров И.Г. Барабинские татары. Страницы духовной культуры. – Казань: Казанский ун-т, 2013.

Юшков, 1861 – Юшков И. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. 1861. №35–45.

Ядринцев, 1891 – Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891.

Ядринцев, 1892 – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб., 1892.

Якин, 1997 – Якин Х.Х. Страницы яркой жизни // Общество, школа, педагог. Материалы 6-й Тюменской областной научно-практической конференции. – Тобольск, 1997.

Яковлев, 1887 – Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. – Казань, 1887.

Яковлев, 1903 – Яковлев И.В. Из жизни пермских вотяков Гондырского края // Известия общества археологии, истории, этнографии, т.19, вып.3. – Казань, 1903.

Ялалов, 2001 – Ялалов Ф.Г. Национальные гимназии России: методологический аспект. – М., 2001.

Ярзуткина (Абрамова), Селезнев, Селезнева, 2002 – Ярзуткина (Абрамова) А.А., Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Хазыр Илйас в Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. – Омск; Ханты-Мансийск, 2002.

Ярзуткина, 2000 – [Ярзуткина] Абрамова А.А. История одного обряда (к вопросу о мусульманско-языческом синкретизме у тарских татар) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Владивосток-Омск, 2000.

Ярзуткина, 2001а – Ярзуткина А.А. Образы водных существ в представлениях тоболо-иртышских татар // Материалы научной мо-

лодежной конференции «Молодые ученые на рубеже третьего тысячелетия». – Омск, 2001.

Ярзуткина, 2001б – Ярзуткина А.А. Особенности обряда вызывания дождя у тарской группы сибирских татар // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001.

Ярзуткина, 2002а – Ярзуткина А.А. «Идолопоклонство» сибирских татар: история изучения вопроса и опыт систематизации этнографических материалов // Тюркские народы. – Тобольск-Омск, 2002.

Ярзуткина, 2002б – Ярзуткина А.А. Традиционный праздник Кошура Байрам и его легендарно-мифическое содержание (к изучению религиозного синкретизма курдакско-саргатских татар) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Ханты-Мансийск-Омск, 2002.

Ярзуткина, 2003 – Ярзуткина А.А. Элементы близнечного культа в традиционном мировоззрении тоболо-иртышских и барабинских татар (к вопросу о религиозном синкретизме у тюркоязычных народов Сибири) // Народная культура: личность, творчество, досуг (этнокультурный и творческий потенциал личности в пространстве досуга). – Омск, 2003.

Ярзуткина, 2005а – Ярзуткина А.А. Магические действия сибирских татар, связанные с рыболовством // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание: сб. науч. тр. / Отв. ред. М.Л. Бережнова, Н.А. Томилов. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2005.

Ярзуткина, 2005б – Ярзуткина А.А. Талисманы и амулеты, связанные с промыслом у отдельных групп сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. – Омск: Издательский дом «Наука», 2005.

Ярзуткина, 2012 – Ярзуткина А.А. Ритуалы достатка: традиционные земледельческие, скотоводческие и промысловые культы сибирских татар. – СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2012.

Яхин, 2005 – Яхин Ф.З. Отражение истории древнего Тобольска в «Генеалогическом древе Сибирского ханства» // «Сулеймановские чтения – 2005». Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции (г.Тобольск, 12–13 мая 2005 г.). – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2005.

На татарском языке

Арсланов, 1965 – Арсланов Л.Ш. Татар теленең Идел уңъяк ярында (Татарстан һәм Чувашстан территориясендә) таралган сөйләшләре // Татар теле һәм әдәбияты. – Казан, 1965.

Атласи, 1993 – Атласи Һ. Казан ханлыгы // Себер тарихы. Сөенбикә. Казан ханлыгы. – Казан, 1993.

Ахметова, Гайнанов, 1967 – Ахметова Ф.В., Гайнанов Р. Себер юлларында // Социалистик Татарстан. 1967. 13 август.

Баязитова, 2001 – Баязитова Ф.С. Себер татарлары (Рухи мирас: гаилә көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор). – Казан: Фикер, 2001.

Баязитова, 2010 – Баязитова Ф.С. Себер ареалы татар диалетларында этнокультура лексикасы (йола һәм мифология текстлары яссылыгында). – Казань, 2010.

Вәлиди, 1994 – Вәлиди Туған Ә.-З. Башкорттарзың тарихы. Төрек һәм татар тарихы. – Өфө, 1994 (на баш. яз.).

Гарәпчә-татарча-русча, 1965 – Гарәпчә-татарча-русча алымнар сүзлеге. – Казан, 1965.

Әбелгазый, 2007 – Әбелгазый Баһадир хан. Шәҗәрәи төрек. – Казан, 2007.

Әхмәтҗанов, 1985 – Әхмәтҗанов М.И. Илдан белән Гөлдан дастаны хакында // Әдәби мирас. Икенче китап. – Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1985.

Әхмәтҗанов, 2003 – Әхмәтҗанов М.И. Себер ханлыгына кагылышлы билгесез татар чыганаклары // Фән һәм тел. 2003. №2.

Занкиев, 1988 – Занкиев Якуб. Иртыш таңнары. – Казан, 1988.

Ключарев, 1955 – Ключарев А. Татар халык җырлары. – Казан, 1955.

Ключарев, 1986 – Ключарев А. Татар халык җырлары. – Казан, 1986.

Мәржани, 1989 – Мәржани Шиһабетдин. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Кыскартып төзелде. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1989.

Мәһдиев, 1968 – Мәһдиев М. Себер татарлары иҗаты // Казан утлары. 1968. 10 сан.

Мөнәҗәтләр, 2005 – Мөнәҗәтләр / төз. А.Х. Садыйкова. – Казан: Татарстан китап нәшрияте, 2005.

Насыйри, 1956 – Насыйри К. Сайланма әсәрләр. (Избранные произведения). – Казан: Татгосиздат, 1956.

Патршина, 2006 – Патршина Ә.С. Себер татар халык җәүһәрләре. – Төмән: Сити-пресс, 2006.

Рамазанова, 1998 – Рамазанова Д.Б. Себер диалектларыннан материаллар. – Казан: Фикер, 1998.

Рамазанова, 2000 – Рамазанова Д.Б. Материалы по языку и культуре сибирских татар. – Тюмень: ТОГИРРО, 2000 (на тат. яз.).

Рамазанова, 2001 – Рамазанова Д.Б. Себер диалектларыннан материаллар. – Казан: Фикер, 2001.

Рамазанова, 2007 – Рамазанова Д.Б. Татар теленең көнчыгыш диалектлары. – Тюмень: Вектор Бук, 2007.

Садри, 1939 – Садри М. Фольклор бүлегенең беренче экспедициясе // Совет әдәбияты. 1939. 8/9 сан.

Садри, 1964 – Садри М. Себер истәлекләре // Совет әдәбияты. 1964. 9 сан.

Садри, 1978 – Садри М. Себер халык җырлары һәм әдәбиятлары // Казан утлары. 1978. 9 сан.

Садри, 1982 – Садри М. Себер татарлары әкиятләре // Казан утлары. 1982. 2 сан.

Садри, 1989 – Садри М. Иртешкә сәяхәт: Әкиятләр, җырлар. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1989.

Саттаров, 1998 – Саттаров Г.Ф. Татар топонимиясе. – Казан, 1998.

Татар халкының, 1986 – Татар халкының җырлы-биюле уеннары. – Казан, 1968.

Татар халык, 1976 – Татар халык иҗаты (кыска җырлар) / төз. И.Н. Надиров. – Казан, 1976.

Татар халык, 1977а – Татар халык иҗаты (табышмаклар) / төз. Х.Ш. Мәхмүтов. – Казан, 1977.

Татар халык, 1977б – Татар халык иҗаты (әкиятләр) / төз. Х.Х. Гатина, Х.Х. Ярми. – Казан, 1977.

Татар халык, 1978 – Татар халык иҗаты (әкиятләр) / төз. Х.Х. Гатина, Х.Х. Ярми. – Казан, 1978.

Татар халык, 1979 – Татар халык иҗаты (мәзәкләр) / төз. Х.Ш. Мәхмүтов, А.Х. Садекова. – Казан, 1979.

Татар халык, 1980 – Татар халык иҗаты (йола, уен җырлары, такмаклар) / төз. И.Н. Надиров. – Казан, 1980.

Татар халык, 1981 – Татар халык иҗаты (әкиятләр) / төз. Л.Ш. Җамалетдинов. – Казан, 1981.

Татар халык, 1983 – Татар халык иҗаты (бәетләр, мөнәҗәтләр) / төз. Ф.В. Әхмәтова, И.Н. Надиров, К.Б. Җамалетдинова. – Казан, 1983.

Татар халык, 1984а – Татар халык иҗаты (дастаннар) / төз. Ф.В. Әхмәтова. – Казан, 1984.

Татар халык, 1984б – Татар халык иҗаты. Дастаннар» / Төз. Ф.В. Ахметова-Урманче. – Казан, 1984.

Татар халык, 1987а – Татар халык иҗаты (мәкаль-әйтемнәр, ышанулар) / төз. Х.Ш. Мәхмүтов. – Казан, 1987.

Татар халык, 1987б – Татар халык иҗаты (риваятьләр, легендалар) / төз. С.М. Гыйләҗетдинов. – Казан, 1987.

Татар халык, 1988 – Татар халык иҗаты (тарихи җырлар) / төз. И.Н. Надиров. – Казан, 1988.

Татар халык, 1993 – Татар халык иҗаты (балалар фольклоры) / сост. Р.Ф. Ягъфәров. – Казан, 1993.

Татар эпосы, 2004 – Татар эпосы. Дастаннар / төз. Ф.В. Әхмәтова-Урманче. – Казань: Раннур, 2004.

Тумашева, 1961 – Тумашева Д.Г. Көнбатыш Себер татарлары теле: Грамматик очерк һәм сүзлек. – Казан, 1961.

Тумашева, 1998 – Тумашева Д.Г. Тоболиртыш татарларының авыз иҗат үрнәкләре (уку китабы). – Төмән, 1998.

Хабибуллина, 2008 – Хабибуллина Л.Б. Себердә татар мәгарифе (XX гасыр) (Из истории народного образования Тюменской области в XX веке). – Тюмень: «Тюменский дом печати», 2008.

Ярмухаметов, 1967 – Ярмухаметов Х.Х. Татар халык поэтик иҗаты. – Казан, 1967.

На других языках

Aboul-Ghazi, 1871 – Aboul-Ghazi Behadour Khan. Histoire des Mogols et des Tatares. Publ. par P.Desmaisons. T.I: Texte. – St.-Petersbourg: Imprimerie de l'Academie Imperiale des sciences, 1871.

Balanovsky, Rootsi, Pshenichnov, 2008 – Balanovsky O., Rootsi S., Pshenichnov A., Kivisild T., Churnosov M., Evseeva I., Pocheshkhova E., Boldyreva M., Yankovsky N., Balanovska E., Villems R. Two sources of the Russian patrilineal heritage in their Eurasian context. Am J Hum Genet. 2008 Jan; 82(1).

Boyer, 1952 – Boyer Martha. Mongol jewellery. Nationalmuseets skrifter. – Kobenhavn, 1952.

Bregel, 1982 – Bregel Y. Tribal tradition and dynastic history // Asian and African studies. Journal of the Israel Oriental Sociery. 1982. Vol.16.

Burton, 1997 – Burton A. The Bukharans: A Dynastic, Diplomatic and Commercial History 1550–1702. – Richmond: Curzon Press, 1997.

De Weese, 1994 – De Weese Devin. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Traditions. – The Pensilvania State University Press, 1994.

Dioszegi, 1978 – Dioszegi V. Pre-Islamic Shamanism of the Baraba Turks and some Ethnogenetic Conclusions // Shamanism in Siberia. – Budapest, 1978.

Felek, Knysh, 2012 – Felek Ö., Knysh A.D. (eds.). Dreams and visions in Islamic societies. Albany, NY: State University of New York Press, 2012.

Frank, 1994 – Frank A. The Siberian chronicles and the Taybughid biys of Sibir. Papers of Inner Asia. №27. Bloomington, Indiana, 1994.

Frank, 2000 – Frank A. Varieties of Islamization in Inner Asia: the case of Baraba Tatars. 1740–1917 // En Islam Siberian (Cahiers du monde russe. 41/2–3 septembere 2000).

Frank, 2012 – Frank A.J. Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, Education, and the Paradox of Islamic Prestige. – Leiden, Boston: Brill, 2012.

Golden, 1972 – Golden P.B. The Migrations of the oguz // Archivum Ottomanicum. 1972. Vol.IV.

Golden, 1979 – Golden P.B. The Polovci Dikii // Harward Ukranian Studies. 1979–1980. Vol.III–IV. Part 1.

Golden, 1984 – Golden P.B. Cumanica I. The Qipčaqs in Georgia // Archinum Medii Aevi. 1984. Vol.IV.

Golden, 1986 – Golden P.B. Cumanica II. The Ölberli (Ölperli): The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // Archinum Eurasiae Medii Aevi. 1986. Vol.VI.

Golden, 2001 – Golden B.P. Ethnicity and state formation in pre-Činggisid Turkic Eurasia. – Indiana University, 2001.

Golden, 2011 – Golden B.P. Studies on Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Ed. by Cătălin Hriban. – Bucuresti-Brăila, 2011.

Ivanics, Usmanov, 2002 – Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-namä). V.1. Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles // Studia Uralo-Altaica 44. Szeged: Univ. of Szeged, 2002.

Karabulatova, Fedorova, Sayfulina, 2014 – Karabulatova I.S., Fedorova E.A., Sayfulina F.S. A Linguo-Mythological Space of the Toponym «Siberia» in Contemporary Slavonic Linguistic Consciousness (Лингвомифологическое пространство топонима «Сибирь» в современном славянском языковом сознании) // World Applied Sciences Journal 30 (9): 1134–1138, 2014.

Karabulatova, Sayfulina, 2015 – Karabulatova I.S., Sayfulina F.S. Mytholinguistic Interpretation of Sacral Toponym Astana in Sociocultural Practice of the Siberian Tatars (Мифолингвистическая интерпретация сакрального топонима Астана в социокультурной практике сибирских татар) // Asian Social Science; Vol.11, No.5; 303–310. 2015.

Knappskog Gansmo, Dibirova, 2014 – Knappskog S. Population distribution and ancestry of the cancer protective mdm2 snp285 (rs117039649) / S.Knappskog, L.Gansmo, K.Dibirova, Andres Metspalu, Cezary Cybulski, Paolo Peterlongo, Lauri Aaltonen, Lars Vatten , Pål Romundstad, Kristian Hveem, Peter Devilee, Gareth Evans, Dongxin Lin, Guy van Camp, Evangelos Manolopoulos, Ana Osorio, Lili Milani, Tayfun Ozcelik, Pierre Zalloua, Francis Mouzaya, Elena Bliznetz, Elena Balanovska, Elvira Pocheshkova, Vaidutis Kucinskas, Lubov Atramentova, Pagbajabyn Nymadawa, Konstantin Titov, Maria Lavryashina, Yuldash Yusupov, Sergey Koshel, Jorge Zamora, David C. Wedge, Deborah Charlesworth, Thilo Dörk, Oleg Balanovsky and Per E. Lønning // Oncotarget, 2014. Vol.5(18).

Kremer, 1868 – Kremer. Geschichte der herrschenden Ideen des Islams. – Leipzig. 1868.

May, 2012 – May Timothy. The Mongol conquests in World history. – London: Reaktion Books LTD, 2012.

Nei, 1987 – Nei M. Molecular evolutionary genetics. – United States: Columbia University Press, New York, 1987.

Noack, 2000 – Noack Ch. Die sibirischen Bucharioten – eine muslimische Minderheit unter russischer Herrschaft // Cahiers du monde russe. 2000. №41/2–3.

Pritsak, 1976 – Pritsak O. From Sabirs to Hungarians // Hungaro-Turcica. Studies in Honor of Julius Németh. Ed. by Kaldy Nagy. – Budapest: Loránd Eötvös University, 1976.

Radloff, 1882 – Radloff W.W. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen (1. Phonetik der nördlichen Türksprachen). – Leipzid, 1882.

Radloff, 1901 – Radloff W.W. Zur Geschichte des Türkischen Vokalsystems // Известия Императорской Академии наук. T.XIV. №4. 1901.

Ratchnevsky, 2000 – Ratchnevsky P. Jenghis Han. His Life and Legasy. Translated and ed. by T.Nivison, Haining. Oxford UK, Cambridge: US Blackwell Ltd, 2000.

Sayfulina, Karabulatova, 2013 – Sayfulina F.S., Karabulatova I.S., Yusupov F.Yu., Gumerov I.G. Modern problem so textual analysis Turkic-Tatar literary monuments of Western Siberia (Современные проблемы текстологического анализа тюркско-татарских литературных памятников Западной Сибири) // World Applied Sciences Journal. Issue 27 (Education, law, economics, language and communication), 2013.

Sayfulina, Karabulatova, 2014 – Sayfulina F.S., Karabulatova I.S. European studies of barabin tatar folklore: the role of investigations of the german scientist V.V. Radlov (Европейские исследования фольклора барабинских татар: роль изысканий немецкого ученого В.В. Радлова) // Life Science Journal. 2014; 11(9s).

Seleznev, Selezneva, 2011 – Seleznev A., Selezneva I. The Cult of Saints within Siberian Islam: Anthropological Approach to Studying of Pre-Soviet Tradition and Post-Soviet Transitions // Communities, Institutions And Transition In Post–1991 Eurasia / Ed. by Dr. Suchandana Chatterjee and Dr. Anita Sengupta. New Delhi: Shipra Publications, 2011.

Swarovskaya, Stepanova, Marussin, 2015 – Swarovskaya M.G., Stepanova S.K., Marussin A.V., Sukhomyasova A.L., Maximova N.R. and Stepanov V.A. Genetic Variability and Structure of SNP Haplotypes in the DMPK Gene in Yakuts and Other Ethnic Groups of Northern Eurasia in Relation to Myotonic Dystrophy. Russian Journal of Genetics, 2015, Vol.51(6).

Tabakat-i Nasiri, 1970 – Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadian Dynasties of Asia, Including Hindustian; from a.h. 194 (810 a.d.) to a.h. 658 (1260 a.d.) and the Irruption of the Infidel Mugals into Islam by Maulānā, Minhaj-ud-dīn, Abū-’ Umar-i-’ Usmān [ibn Sirajal-din al-Jouziani]. Vol.I. – New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation, 1970.

The Cambridge History, 2009 – The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid age. Ed. by Nicola di Cosmo, Allen J. Frank and Peter B. Golden. – Cambridge University press, 2009.

Togan, 1981a – Togan A.Z.V. Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakın Tarihi. Cilt I: Batı ve Kuzey Türkistan. – İstanbul, 1981.

Togan, 1981b – Togan A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cilt I: En eski devirlerden 16. asra kadar. – İstanbul, 1981.

Vamberi, 1885 – Vamberi G. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. – Leipzig, 1885.

Список сокращений

Учреждения, организации

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
БИЭМ – Большереченский историко-этнографический музей
БУК – Бюджетное учреждение культуры
ВКТ – Всемирный конгресс татар
ВУЗ – высшее учебное заведение
ГБУ – Государственное бюджетное учреждение
ГУТО «ГА в Тобольске» – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске»
ГУТО ГАТО – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
ГИМ – Государственный исторический музей
ГНБУ – Государственное научное бюджетное учреждение
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской Академии наук
ДУМ АЧР – Духовное управление мусульман Азиатской части России
ДУМ ТО – Духовное управление мусульман Тюменской области
ДУМЕС – Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири
ИАиЭ (ИАЭ) – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук
ИПЦ – Издательско-полиграфический центр
ИЭА – Институт этнографии и антропологии
ИЯЛИ АН РТ – Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР
КГК – Казанская государственная консерватория им. Н.Жиганова
КГУ – Казанский государственный университет
ККГМИ – Каракалпакский государственный музей искусств
КНЦ – Казанский научный центр
КТТО – Конгресс татар Тюменской области
МАОУ СОШ – муниципальное автономное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
МИУ – Музей искусств Узбекистана
НКА – Национально-культурная автономия
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
ОГИКМ – Омский государственный историко-краеведческий музей
ОК РЭМ – Особая кладовая Российского этнографического музея
ОмГУ – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
ООРТНКА ОО – Общественная организация «Региональная татарская национально-культурная автономия Омской области»
ОРРК НБЛ КФУ – отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета
ОФ ИАЭТ СО РАН – Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ОФ ОИФФ СО РАН – Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН
ОЭ ИИ им. Ш.Марджани АН РТ – отдел этнологии Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан
РАН – Российская Академия наук
РГАДА − Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГО – Русское географическое общество
РИО – Русское историческое общество
РТТО – Региональная татарская общественная организация
РЭМ – Российский этнографический музей
СВНЦ – Северо-Восточный научный центр
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук
ТГПИ – Тобольский государственный педагогический институт им. Д.И. Менделеева
ТГУ – Тюменский государственный университет
ТИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
ТНКА – Татарская национально-культурная автономия

ТОГИРРО – Тюменский областной государственный институт развития регионального образования
ТОКМ – Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова
ТОЦ (ВТОЦ) – Татарский (Всетатарский) общественный центр
ТРОО – Тюменская региональная общественная организация
ТюмГНГУ – Тюменский государственный нефтегазовый университет
ТюмГУ – Тюменский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук
ФГАОУ ВПО – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ФГБНИУ – Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение
ФГБНУ – Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
ФГБОУ ВО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ФГБОУ ВПО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ФГБУН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ЦДУМР – Центральное духовное управление мусульман России

Разные сокращения

а. – аул
азерб. – азербайджанский
алт. – алтайский
Аром. – Аромашевский район Тюменской области
арш. – аршин
ас. – астана
брб.д. – барабинский диалект
в. – вилайет
Вг. – Вагайский район Тюменской области
вол. – волость
ВПН-1959 – Всесоюзная перепись населения 1959 г.
ВПН-1970 – Всесоюзная перепись населения 1970 г.
ВПН-1979 – Всесоюзная перепись населения 1979 г.
ВПН-1989 – Всесоюзная перепись населения 1989 г.
ВПН-2002 – Всероссийская перепись населения 2002 г.
ВПН-2010 – Всероссийская перепись населения 2010 г.
вып. – выпуск
г. – город
г.х. – год Хиджры
г-к – городок
гл. – глагол
гов. – говор
гос. – государство, государственный
губ. – губерния
г-ще – городище
Д. – дело
д. – деревня
д-р ист. наук – доктор исторических наук
д-р филол. наук – доктор филологических наук
ДАИ – Дополнения к актам историческим
др. тюрк. – древнетюркский
ед.хр. – единица хранения
забол. – заболотный
изд. – издание
Имп. – Императорский
каг. – каганат
калм. – калмыцкий
канд. ист. наук – кандидат исторических наук
канд. филол. наук – кандидат филологических наук
кбалк. – карачаево-балкарский
ккалп. – каракалпакский
конф. – конференция
кр. – крестьянин
кум. – кумыкский
куп. – купец
л. – лист
м. – море
м-к – могильник
мн. др. – многие другие
монг. – монгольский
МЭЭ – Материалы этнографической экспедиции
науч. – научный
Нтд. – Нижнетавдинский район Тюменской области
о. – остров
обл. – область
общедиалект. – общедиалектический
оз. – озеро
ок. – округ
п. – пункт
п.г. – почетный гражданин
п.л. – печатный лист
пермск. – пермский
ПМА – полевые материалы автора
п-ов – полуостров
пос. – поселок
пр., проч. – прочий

проф. – профессор
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
р. – река
р.ц. – районный центр
ред. – редактор, редакция
р-н – район
с. – село
с. – страница
сб. – сборник
с.г. – сего года
с/с – сельсовет
СГГД – Собрание государственных грамот и договоров
сиб. тат. – сибирско-татарский
СМИ – средства массовой информации
сост. – составитель
ср. – среди
ст. – статьи
Т. – том
т.д. – так далее
т.е. – то есть
т.н. – так называемый
т.ч. – том числе
тар. – тарский
тат. лит. – татарский литературный
Тб. – Тобольский район Тюменской области
тевр. – тевризский
тип. – типография
Тм. – Тюменский район Тюменской области
тоб. – тобольский
том.д. – томский диалект
тр. – труды
тркмн – туркменский
тюм. – тюменский
у. – уезд
ум. – умер
ун-т – университет
уч. – участок
уч. г. – учебный год
ф. – фонд
хак. – хакасский
хан. – ханство
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ю. – юрт
Ял. – Ялуторовский район Тюменской области
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ
Яр. – Ярковский район Тюменской области

Указатель именной

Абайдуллин Ш.Г. – 330
Абайдуллина Г. – 625
Абакиров М.Ш. – 629
Абакиров М.Ш. – 314, 599, 602, 628–629
Абд-ал-Гани – 502
Абдал-шейх – 502
Абдиров М. – 192
Абдрахманов М.А. – 7, 23, 51, 57
Абдрахманова Г.Х. – 625, 631
Абдулла – 169, 172, 174, 191–192, 243, 245–246, 248, 257, 271–272, 499–503, 506
Абдуллов Ф. – 312
Абду-ль-Азиз – 522
Абдуль-Менаф – 522
Абдураимов М.А. – 504
Абдыл-Латиф – 187, 203
Аблазисова Ю.У. – 325, 326, 332
Аблегирим – 256
Аблязов К.А. – 111
Абрамов Н.А. – 263
Абрамова А.А. – 363, 365, 374, 375, 480–482
Абуйусуф – 521, 524
Абулгази – 6, 137, 149, 151, 154, 159–160, 163, 180, 183, 189, 198, 258
Абул-Хайр – 154, 180, 200, 263, 496, 501, 504
Абуль-Гази-Бахадур-хан – 137, 149, 151, 154, 183, 189, 258
Абульхасан – 521
Абуль-Хасан Хиркани – 524
Абусеитова М.Х. – 207
Абу-Юсуф – 521, 524
Аванесов Р.И. – 55
Авдеев И.И. – 8
Авлияров Р.Б. – 629
Агаджанов С.Г. – 144
Агалак – 186–188, 203
Аганин Ишмамет – 73
Аганин Семеней, князь – 45
Адамов А.А. – 14, 219–220, 267, 271
Азаматов Хужатулла-абый – 633
Азехматов Маитмас – 45, 285
Азис Дауд-шайх – 506
Аитов Ш.А. – 330, 336
Айданов А.А. – 321
Айкани – 521
Айса – 191, 246
Айтбаев М.Т. – 413
Айтбаева Д.М. – 512
Айтбаева Л.Х. – 72
Айтикин А.А. – 311
Айтикины – 39, 310–313, 502
Айтмухаметов Т.С. – 311, 313
Ак-Девлет – 187
Акишев К.А. – 416
Ак-сейййид – 500
Аксянова Г.А. – 27
Акчура Ю. – 314
Акъяр Ч. – 625
Акыл-биби – 522
Алгазый – 184, 202
Алеев С.М. – 321
Алеева Г. – 629
Алексеев А.К. – 364
Алексеев М.П. –5, 275, 346, 351, 492
Алексеев Н.А. – 534
Алемань А. – 150
Ал-Идриси – 97–99, 101–102, 105–106
Алимбаев Р.И. – 330, 336
Алимов – 288–289
Алимова Л. – 629
Алимова Р.Х. – 330, 336
Ал-Истахри – 96, 103
Алишев С.Х. – 46
Алишина Х.Ч. – 15, 51–52, 68, 71, 262, 339, 468, 595
Ал-Кашгари Махмуд – 98, 100, 101, 103
Аллагур-мурза – 45, 73
Аллакул ахун – 522
Аллаяров Р.Х. – 577
Ал-Марвази – 99, 106
Алтын-бек – 175–176, 201
Ал-Хаджж Абд ал-Гаффар Кырыми – 133, 169, 170–173, 175, 176
Ал-Хорезми – 96
Ал-Якуби – 96
Аляф – 521, 527
Амиров С. – 51, 553, 572
Амирханов Х. – 199
Анахуань – 81–82
Анджетан – 522
Андреев Ю.П. – 520
Андриевич В.К. – 6, 287, 288
Андроников И.А. – 7, 290, 291, 292, 293
Андроников И.Н. – 7, 292
Андрющик М.В. – 624
Аннинский С.А. – 164, 495
Анхимюк Ю.В. – 278
Арангулов А. – 633
Арангулова З. – 625
Арслан – 273, 279
Арсланов Л.Ш. – 59, 71, 167
Атаниязов С. – 80
Атласи Х. – 7, 207, 255, 258, 264, 500, 504, 507
Атнометов Н.Б. – 51

Аттик-мурза – 249, 269
Афанасьев А.Н – 438
Афифа-биби – 522
Ахатов Г.Х. – 7, 51–52, 336
Ахинжанов С.М. – 141, 143–144
Ахманаев Аткачарко, князь – 45
Ахмаров Г.Н. – 466
Ахмед – 521, 524
Ахмедов Б.А. – 171–172, 202, 496
Ахмеров Р.И. – 607
Ахмерова Г.Р. – 607
Ахмет-Гирей – 189, 191, 246–247, 499, 501, 509
Ахметзянов М.И. – 569
Ахметова Д.И. – 398
Ахметова М. – 599
Ахметова Ф. – 552, 555
Ахметова Ф.В. – 17, 261, 330, 336, 552–555, 566, 568, 570, 571, 572, 574
Ахметова-Урманче Ф.В. – 261,554, 568, 570–572, 574
Ахметьянов Р.Г. – 434
Ахундов М.Д. – 478, 482
Ашина – 81, 85, 87, 89–92, 109, 152, 266
Ашина Сымо – 90
Аширалиев К. – 60
Аширов Н. – 633
Ащепков Е.А. – 395
Баба Туклес – 505
Бабасан-мурза – 47
Бабукин М. – 335
Багашев А.Н. – 17–18, 20–21, 24, 27, 29
Баграм – 521
Багрин Е.А. – 220, 223, 225, 226, 228
Бадритдинов Р.А. – 599
Баженов Н.К. – 175
Байбахты – 255
Байсеитов Кайдаул, мурза – 45, 73
Бакиева Г.Т. – 13, 41, 266, 290, 295, 455, 456, 471
Бакиева О. – 621
Бакиева Р. – 330, 625
Бакиров М.Х. – 562, 569, 572, 573, 574
Балаганская О.А. – 586
Балановская Е.В. – 30, 586, 591
Балановский О.П. – 30
Балюк Н.А. – 282, 284, 291, 292, 357
Балюнов И.В. – 220
Ба-Мачин – 522
Барам – 74
Баранова Т.А. – 72
Бардина П.Е. – 388
Барсуков А.П. – 279
Барсукова Р.С. – 15, 51, 54, 65, 537
Бартольд В.В. – 140, 163
Барфилд Т.Дж. – 112, 114, 122, 162
Басандайка – 24
Басилов В.Н. – 487, 527, 529, 534
Баскаков Н.А. – 7, 53, 63, 64
Батмаев М.М. – 274
Батманов И.А. – 64
Батталов Аслям – 77
Бату-хан – 134–136, 138, 145, 147–152, 159, 169, 171
Бахрушин С.В. – 7, 45–47, 72, 211, 229, 263, 265–267, 283, 285, 289, 483, 502
Бахти ата – 522
Бахтин А.Г. – 177
Баширов Г.А. – 321
Баширов Ф.А. – 321
Баширова З.А. – 367, 368, 369, 484, 488
Баязид Бустами – 521
Баязид султан – 527
Баязитов И. – 310
Баязитова Ф.С. – 15, 51, 433–434, 438, 472–477, 484, 535, 547, 552, 574
Баяр Д. – 78,95
Бегиш – 73, 203, 206, 208, 210, 212, 231, 251, 262–264
Бекбулат – 188, 207, 245, 254, 262, 503
Белавин А.М. – 199, 201
Беликова О.Б. – 28, 229
Белич И.В. – 13, 163, 375, 484–485, 489, 492, 494, 505–506, 508, 509–511, 513, 528, 637
Беллавина Н.И. – 332
Белоусов М.Р. – 279
Бельгибаев Е.А. – 10
Белявский Ф. – 380
Беляков А.В. – 15, 273, 277, 278, 279, 281
Берделеев Тынмамет, князь – 45
Бережнова М.Л. – 382
Березин И.Н. – 571
Берелеев Тенелей – 45, 501
Беринг В. – 6
Берке – 51, 135, 137, 144–149, 154, 160, 199
Бернштам Т.А. – 438
Бигач-ата шейх – 517, 518, 521
Биги М. – 314
Бикбулатов Н.В. – 407
Бикмулин Г. – 633
Бильге-каган – 82, 94–95
Бирий шейх – 519, 520, 522, 526
Бичурин Н.Я. – 81, 82, 83, 85–88, 90, 91, 93–95
Блумфилд Л. – 52
Бобров И.В. – 13, 632, 633
Бобров Л.А. – 206, 215, 223, 226, 227
Богомолов В.Б. – 7, 393, 394, 396, 397, 399, 403, 411, 484, 492, 532
Боже-Гарнье Ж. – 590
Болховский С. – 78
Борзунов В.А. – 239
Борко Т.И. – 535

Бочанова Г.А. – 388
Боянда – 245
Бояршинова З.Я. – 7
Бранд А. – 5, 268
Бреполь Э. – 392
Бромлей Ю.В. – 534
Булатов М.С. – 624
Булатова М..Р. – 67
Бумын – 81–83, 93
Бурганова Н.Б. – 52, 55, 66
Бурундай – 133, 137, 139
Бурундуков К.М. – 330, 336
Бурундуков Н. – 335
Бурхан-халдун – 109
Бустанов А.К. – 10, 494, 498–500, 502, 504–506, 509–510, 516, 518
Бутанаев В.Я. – 173, 550
Бутурлин Е. – 285–286
Буцинский П.Н. – 6, 260
Бушаков В.А. – 80
Буян-Бий – 207, 212
Вагайцева К.В. – 586
Вагапова Л.Р. – 627
Валеев Ф.Т. – 8–9, 15, 46, 79, 288, 294, 297, 300, 326, 360, 365, 371, 373, 449, 462, 466, 468, 471–472, 475, 492, 502, 532, 542–543, 551, 594, 598, 601, 624
Валеева-Сулейманова Г.Ф. – 381, 382, 391
Валиди Тоган А.-З. – 167, 175, 176, 180, 200, 201
Валиев Г.Ф. – 330
Валиханов Ч.Ч. – 166, 167, 189
Вамбери Г. – 552
Варваровский Ю.Е. – 161, 163
Васильева С.П. – 71
Вафеев Р.А. – 339
Вахитов Ф.Ф. – 599
Вельяминов-Зернов В.В. – 7, 277, 281
Венюков М. – 6, 45
Верпаховская Е.В. – 532, 551
Вершинин Е.В. – 272
Веселовский Н.И. – 571
Викторова Л.Л – 108, 109
Виноградова Л.Н. – 478
Витзен Н. – 5
Власьев А.И. – 259
Воевода М.И. – 586
Воеводин М.М. – 363, 512
Воейков А. – 257–258, 268
Войтов В.Е. – 88
Волохина И.В. – 532, 533
Воня – 256
Воробьев Е.М. – 349, 351, 639
Воронов А.А. – 534
Габдельгазиз шейх – 522
Габдрахманова Г.Ф. – 14, 576
Габдулла – 200–202
Габдуллин Г.В. – 626
Гаврилова А.А. – 87, 88, 89
Гаджиева С.Ш. – 407, 414, 417
Гаев А.Г. – 167
Гаитов А.Г. – 15, 330, 336, 338, 594, 595, 596
Гаитова Х.Х. – 338
Гайнанов Р. – 552
Гайнетдинова Э.С. – 72
Гайсин И. – 317
Гакыйл Биби – 522
Гали шейх – 134, 175, 503, 521, 524
Гали-Акберова Ф.Г. – 336
Галиахметова Г.Г. – 533
Гардизи – 97, 100–101, 103, 105, 117, 143–144
Гареев А.Г. – 602
Гарипова Ф.Г. – 71
Гарифуллин И.Б. – 13, 14, 314, 330, 334, 338, 355, 552, 578, 604, 605, 632, 636
Гарифуллин Ф.Б. – 633
Гаспринский И. – 314
Гатина Х. – 571
Гафуров С. – 335
Гафурова З.А. – 15, 595
Гафьер Кульер – 79
Георги И.Г. – 5, 6, 264, 266, 492
Герасимов Ю.В. – 194, 219, 220, 226, 227
Герберштейн С. – 5, 188–189
Гиганов И. – 51
Гилодо А.А. – 404
Гильом де Рубрук – 119–120, 145–146, 148, 552
Гимади Х.Г. – 71
Гимади Э.Х. – 599
Гловацкий С. – 288
Глухов И. – 252–253
Глушкова Т.Н. – 386
Гмелин И. – 6
Годунов Борис, царь – 46, 242, 254, 259, 278, 280, 290
Годунов М. – 286
Годунов П.И. – 158
Голден П. – 117, 122–123, 143–144
Головнев А.В. – 2, 15, 288, 595
Голодников К. – 6, 37, 252, 381
Голук шейх Газиз – 522
Голук-бабай – 527
Гольдциер Игнац – 531
Гончарова П.А. – 407
Горелик М.В. – 228–229
Горожанкина Е.М. – 392
Горский А.А. – 177
Горчаков П. – 256
Григорьев А.П. – 171
Груссе Р. – 114, 157
Губайдуллин А.М. – 236

Губайдуллин Ж. – 335
Гултаев Табер – 47
Гумар шейх – 522
Гумер аль-Фарук – 522
Гумеров И.Г. – 509
Гумилев Л.Н. – 83, 84, 85, 87
Гура А.В. – 438
Гусейн имам – 522
Да Колло Ф. – 188
Давлет-али шейх – 519–521, 524, 526
Давлетшин Ю.Д. – 325
Данилов П.Г. – 220
Дауд шейх – 527–528
Де Клавихо Руи Гонсалес – 495
Де Рубрук Гильом – 119
Дебец Г.Ф. – 21, 24, 27
Девалет-Алий – 521
Девлет-Гирей – 276–277
Девлет-Хозя – 243
Демина Л.В. – 558
Денисов П.В. – 454
Дервиш-Алий шейх – 521
Дергачева-Скоп Е.И. – 364
Деренко М.В. – 586
Дериглазова Р.Х. – 599
Джагфар ишан – 520, 526, 527
Джалал ад-дин Бен Баха ад-дин Мухаммед аль-Бальхи – 520
Джалялитдин Мавлян – 520
Джаным
Джафар имам – 520
Джикиев А. – 448
Джувейни Ата-Мелик – 124, 130–135, 140, 142, 143, 145–147, 150, 169, 172
Джуджан – 131, 135, 140–144, 146–148, 495
Джучи – 107, 114, 122–141, 145–147, 149–162, 164, 166, 168, 173–174, 179, 185, 198–200
Джучи-Бука – 179
Дин-Али ходжа – 45, 192, 499–502, 504, 507
Диосеги В. – 484, 492
Диянова А.М. – 486
Дмитриев Н.К. – 63
Дмитриева Л.В. – 7, 51, 53, 485, 485, 574
Долгих Б.О. – 7, 21, 27, 46–50, 210, 260, 263–264, 283
Доможиров Б. – 213, 229, 234, 254, 257, 260
Досымбаева А. – 88
Дремов В.А. – 23, 24, 27–28
Дробижева Л.М. – 608
Дубко В.В. – 234
Дульзон А.П. – 7, 23, 27, 51, 294
Дунин-Горкавич А.А. – 43
Едигей (Идегей) – 77, 154–155, 165–168, 185, 191, 495, 569–571, 594, 596
Едигер хан/князь – 159, 180, 181, 183–184, 188–190, 207, 230, 242–245, 260, 262, 502–503
Елфимов А. – 417
Ельницкий К. – 381, 397, 483, 485
Емачтаев Буйдак – 45
Емельянов Н.Ф. – 272
Енбулатов Кутук, князь – 45, 73
Енгильдеев Казад – 45
Еремин Г.И. – 7, 489
Ермак – 5, 74–76, 190, 193–194, 205–206, 208–210, 212–214, 229–230, 233, 240, 248–255, 258, 262, 271, 277, 355, 499, 503, 525, 571
Есипов Савва – 5, 158, 207, 253–254, 503, 552
Есугей – 113
Ефимова С.В. – 17
Жировой-Засекин А.Ф. – 260
Забиров Р.О. – 600
Загоскин Н.П. – 175
Задыхина К.Л. – 378
Зайцев И.В. – 179, 185
Закиев М.З. – 52
Заляй Л.З. – 51
Залялетдинов Л. – 571
Замалутдинова Л.Г. – 72
Замысловский Е. – 5
Занкиев Я.К. – 321, 330, 336, 338, 630
Заринский П. – 175
Захарова И.В. – 413–414
Зинатуллина Г.И. – 13, 474, 532
Зиннер Э.П. – 5, 483
Зияев Х.З. – 501, 506
Знаменский М.С. – 14, 267, 531
Зориктуев Б.Р. – 124, 126
Зубов А.А. – 17
Зуев А.С. – 282–283
Зуев Ю.А. – 117, 164, 172, 241
Зуюндук – 253
Зыков А.П. – 14, 207, 231–232, 267
Ибн ал-Асир – 142, 143, 144, 146, 199
Ибн Вали – 495
Ибн Рузбихан Исфахани – 497
Ибн Фадлан – 103, 105
Ибн Халдун – 145–148, 155
Ибн-Хаукаль – 96
Ибн-Хордадбех – 100
Ибрагимов А.Г. – 314, 320
Ибрагимов Г. – 51, 553, 571
Ибрагимов Н. – 553, 571
Ибрагимов Х.К. – 330
Иванич М. – 164
Иванов П.Н. – 330, 334
Иванов С.В. – 393, 394, 492
Идегей карачи-бек – 154
Идес И. – 5, 268, 492
Измайлов И.Л. – 122, 137, 138, 152, 548, 599

Измайлова Г.Б. – 624
Измайлова Н. – 599
Икинджи ибн Кочкар Хорезмшах – 99
Илгулуй – 253
Илдан и Голдан – 569
Ильясов С.Ф. – 598, 624
Ильясова-Сурметова Л. – 13, 567, 625
Имаметдинова Г.Ф. – 72
Имьяминовы – 39, 502
Инальчик Х. – 11
Иовий П. – 188
Иоганка монах – 164, 495
Иртышов Девей – 45
Исанбет Н. – 553
Исин А. – 246
Искандер хан/шейх – 501, 503, 519–520, 526
Ислаев Ф.Г. – 288
Исмаил – 190, 242–243, 245
Исмайлов К. – 330
Истеми-каган – 82–84
Исхаков Д.М. – 2, 7, 11–13, 15, 44–45, 48, 107, 109, 122, 123, 127, 132–134, 137, 139, 150–152, 158, 166, 176–178, 183, 186, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 241–243, 245, 246, 253, 257, 261–264, 266, 282, 284, 294, 302, 314, 406, 494, 497, 498, 500–502, 507, 548, 593–598
Исхаков З. – 332
Исхаков М.Х. – 336
Исхакова С.М. – 7–8, 15, 51–52, 595
Ишбулин О. – 266
Ишим – 178, 274
Ишмухаметов К. – 317
Ишмухаметов Т.К. – 321
Кабдулвахитов К. – 261, 632–633, 636
Кабузан В.М. – 37, 43
Кавелин А. – 199
Кадыр-Али бек Джалаири – 166–167, 171–173, 212, 254, 261–262
Кадырбаев А.Ш. – 143
Кадыр-Берди – 166
Кадыров И.Ш. – 552–553, 559
Кадырова И. – 553, 559
Кадырова Л.М. – 10, 532, 533, 534, 535, 536, 539, 540, 542, 544, 550, 551
Кадыр-хан – 140–143
Казаков Е.П. – 198
Казакова Н.А. – 177
Кайдаулов Аиткул – 45, 73
Кайдаулов Мамет – 45
Кайдаулов Читей – 45
Калгаманова З.М. – 72
Калиева Г.А. – 338
Калмыков И.Х. – 414
Кальметов Ш. – 577
Камалов А.А. – 71
Кампензе А. – 188
Канай – 273
Канбар-баба – 529
Кандрина И.А. – 545
Канчюрин Устемир – 45
Капаган-каган – 93–94
Капустин Н.С. – 484
Карабулатова И.С. – 551, 557, 558
Кара-Даван Э. – 114
Карган – 74
Каримова А.Н. – 559
Карпини Жан Плано – 146, 150, 552
Карьялайнен К.Ф. – 510
Касимов Х.З. – 599
Касим-сеит – 203, 264
Касим-хан – 181
Касим-шейх – 521
Катанов Н.Ф. – 5, 6, 7, 183, 189, 191, 192, 198, 251, 261, 357, 497, 498, 499, 500, 502, 504, 505, 507, 510, 516, 519, 520, 524, 526, 552, 567, 571
Кауфман А.А. – 7
Кашаф-ибн-Абу-Саид – 528
Каюмов А.Х. – 599
Келем – 74, 282
Келементеев Тугока – 45
Кензин Б. – 286
Кепеш-Алий – 522
Керейтов Р.Х. – 350
Ким А.Р. – 21, 24, 27–28
Кирпичников А.Н. – 223
Кирсанова Р.М. – 380
Кирчак – 74
Кирюхин Т.Ф. – 385
Киселева М.С. – 392
Клюева В.П. – 13, 288, 300, 301, 514, 633
Ключарев А. – 553, 558, 574
Кляшторный С.Г. – 81, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 111, 116, 117, 138, 149, 150, 152, 160, 167, 188, 192
Кныш А.Д. – 518
Кожевникова З.А. – 626
Кожухарь С.С. – 627
Козин С.А. – 173
Козляков В.Н. – 278
Коломиец О.П. – 10, 363–364, 367, 455, 479–480
Кольцо И. – 206, 251, 253
Кольцов-Мосальский В. – 75, 257
Коников Б.А. – 218, 235
Кононов А.Н. – 63, 154, 158, 198
Коньков Н.Л. – 284
Копылов Д.И. – 242, 243, 245, 246
Корнелий де Бруин – 413
Корнилов Г.Е. – 71
Король Г.Г. – 396

Корусенко М.А. – 10, 229, 370, 372, 479, 481, 482, 485, 484, 486
Корусенко С.Н. – 10, 11, 36, 39
Костров Н.А. – 406, 492
Костюков В.П. – 159–161, 164–165, 168, 172, 201, 494–495
Котошихин Г.К. – 280, 281
Кохия Е.В. – 478, 479
Кочашов Чалбар – 45
Крадин Н.Н. – 107–110, 112–113, 115, 118–121, 126, 232
Крамаровский М.Г. – 158, 159, 166, 413, 414, 415, 417
Крижанич Ю. – 280
Крупская Н.К. – 332, 630
Крюков М.В. – 91
Кузеев Р.Г. – 139, 168, 173, 195–199, 407, 413
Кузнецова М.А. – 30
Кузьмин И.В. – 539
Кулемзин В.М. – 375, 482
Кулешова Н.В. – 10, 11
Куликов И.В. – 586
Кул-Мухаммед – 496
Кульмаметев А. – 287–288, 302
Кульмаметев И. – 306
Кульмаметев Р. – 306
Кульмаметев С. – 306
Кульмаметев Ш. – 306
Кульмаметьев М.К. – 306, 624
Кульмаметьев Р. – 577
Кумеков Б.Е. – 95, 117, 127, 147
Кунджи – 136, 161
Курбский Ф. – 249
Курдбаков Т. – 266
Курлаев Е.А. – 509
Курманбакова Х.Х. – 627
Курнав Кучук – 266
Курочка Ю.И. – 394
Кутумова Р.С. – 309, 311, 327, 331, 625
Кучковская К. – 625
Кучуков Талай – 45, 293
Кучум – 47, 49, 73, 75–80, 177–178, 182, 189–196, 198, 204–208, 210–215, 218–220, 228–233, 239–243, 245–265, 268–269, 271–279, 281–285, 287, 290, 498–504, 507, 509, 518, 525, 553, 570–572, 574, 631
Кызласов Л.Р. – 109, 110, 111, 117, 126, 240, 396
Кырыми Абдулгаффар Умдет ал-ахбар – 133, 169, 170, 171, 172, 173, 175, 176, 201
Кычанов Е.И. – 82, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 117, 157
Кюль-тегин – 84, 91, 94–95
Кюнер Н.В. – 90, 91, 92, 108, 110, 139
Кятиб Челеби – 174, 199
Лабунец Н.В. – 72
Лавряшина М.Б. – 15, 30, 586, 591
Ланге Л. – 5, 492
Ландик М.Н. – 403
Латфуллина Т.Х. – 338
Лачинов Д. – 192–193, 248
Лебедева А.А. – 355
Левашева В.П. – 269
Левочкина Н.А. – 11
Лейла-ханша – 500
Лещинский Ф. – 288
Лившиц В.А. – 88
Линденау Я.И. – 483, 485
Лотфуллин И.М. – 288
Лубсан Данзан – 123–125, 128–130, 136–137, 150, 173
Любар – 74
Любимов С.В. – 278, 281
Магдиев М. – 555–556
Макаренко А.С. – 338
Макаров Г.М. – 566
Максимов В.Н. – 586
Максуди С. – 314
Маликов Н.Г. – 599
Малиновский В.Г. – 11, 202, 263, 264, 293
Малов С.Е. – 53, 92, 94, 376
Малхасьян А.В. – 11
Мальцев М. – 255
Мальцев С. – 207
Малявин В.В. – 91
Малявкин А.Г. – 117, 118
Малярчук Б.А. – 586
Мамеев Р.Р. – 602
Мамет – 73, 185–186, 188, 496
Маметкул – 191, 204, 206, 208, 210, 213, 247, 249–252
Маметов Н.З. – 338
Маметова С.К. – 338
Мамиков С.М. – 330, 336
Мамин-шейх – 245
Мамук – 166, 182, 184–188, 201, 203
Мамык – 253
Манз Б. – 11
Манняпов Я.Х. – 330, 336
Мансуров И. – 254
Мансуров Ф.Ш. – 624
Мар/Омар – 183, 202, 496
Марджани Ш. – 178, 180, 273
Марков А.К. – 163
Мартынова Е.П. – 282
Маслюженко Д.Н. – 13, 15–16, 157, 162–163, 165–166, 168, 177, 183, 187, 190, 193, 197, 201, 204, 207, 246, 247–248, 259, 278, 494–496
Массагутова Д.А. – 338
Масуд б. Усман Кухистани. – 100, 103, 168, 169, 170, 179

Матвеев А.В. – 10, 13, 15, 193–194, 205, 226, 242, 246, 249, 251, 253, 259, 360, 365–366, 478
Матвеев А.К. – 71
Матьяров И. – 310
Матющенко В.И. – 220, 223, 226
Мауляна Хусейн-и Хорезми – 96, 496
Махмуд Кашгари – 98, 100–101, 103, 111, 116–117, 151, 197
Махмуд-Ходжа –165–167, 174, 178
Махмутов З.А. – 607
Махмутов М.И. – 78
Махмутов Х. – 553, 571
Махмутова Л.Т. – 52, 55, 59, 66
Медведев А.Ф. – 218
Мезин П.М. – 454
Мейер М.С. – 80
Мейерберг А. – 280
Мельников Б.В. – 396
Менгес К. – 53
Менгли-Гирей – 186
Менгу – 132–135, 146–150
Менгу-Тимур – 136, 138, 145, 160, 171
Менделеев Д.И. – 339, 519, 600
Мерзликин В.В. – 370, 481
Мессершмидт Д.Г. – 263
Метеев А.М. – 332
Меховский М. – 172
Мещеряк М. – 253
Миллер Г.Ф. – 5–6, 45, 48, 51, 76, 78, 158, 173, 176, 191–194, 202, 204–205, 208, 212, 218, 235, 239–240, 243, 245–248, 254, 256–258, 262, 264, 273, 275–277, 282, 285–286, 355, 364, 483, 500–501, 503, 506–507, 509, 552
Миненко Н.А. – 288, 456, 534
Миргалеев И.М. – 198, 200, 201, 204, 243, 503
Миргали сейид – 500
Мирза Мухаммад Хайдар. – 180
Мир-Камал шейх – 521
Мировалев З.М. – 320
Мирсалимовы – 312
Мирхайдарова А.Х. – 72
Мирюгова Г.Н. – 626
Митько О.А. – 219
Михайлов Я. – 253
Михалев В.В. – 234
Могильников В.А. – 20, 355
Моисеева Н.Н. – 196
Мокрынин В.П. – 84
Молодин В.И. – 215, 218, 223, 226, 270
Молчанова О.Т. – 71
Молявина Е.Ю. – 186
Монасыпов Ш.Х. – 552
Мосунова Т.Г. – 337
Мошинская В.И. – 394
Муллабакиева И.М. – 627
Мулюков М.А. – 330, 336, 594
Мункуев Н.Ц. – 110, 121
Муратов А. – 624
Муратов Д. – 624
Муратов К.М. – 321
Муртаза хан – 189, 242–243, 245–246
Муртазина М. – 335
Муртазины – 312
Муслимов М. – 310
Мусса шейх – 521
Мустакимов И.А. – 160, 167, 168, 170–175, 200
Мухамадиева Д. – 558
Мухамед Садри – 572
Мухамедова Р.Г. – 349, 351, 406, 408–409, 413–414, 416–417, 437
Мухамедханов Ш.С. – 332
Мухамедьяров Ш.Ф. – 195
Мухамедьярова Ю.В. – 601
Мухаметова А. – 624
Мухаметшин Ю.Г. – 340, 343, 346–352
Мухаммед пророк – 322, 326, 362, 530, 532, 573, 632, 637
Мухаммед Шайбани-хан – 497
Мухаммед Юсуф мунши – 169, 174
Мухамммад б. Мухаммад ал-Бухари – 497
Мухан-каган – 82–83
Мухетдинов С. – 334
Мэн-да Бэй-лу – 120, 121
Нагой М.А. – 273
Наджиб Э.Н. – 155
Надж-м ад-Дина Кубра – 496
Надиров И. – 574
Назар шейх – 520–521, 526
Назыров А.А. – 558, 626
Нариманов К.Н. – 331
Насибуллин Р.М. – 595
Насибуллина А.Х. – 51–52, 459, 469
Насыров Р.Х. – 601
Науф – 521
Неатбаков Х.А. – 321
Небольсин П.И. – 6, 190, 255, 258, 284
Невская Л.Г. – 478
Негри А. – 175
Непейцын (Куров) Д. – 189, 242–243
Нескоров А.В. – 15
Нестеров А.Г. – 180, 186
Нигмедзянов М.Н. – 558
Никитин Н.И. – 256
Никонова Л.И. – 534, 545
Ниязова Г.Н. – 72, 596
Новик Е.С. – 470
Ноготков-Оболенский Ф.А. – 278
Оглоблин Н.Н. – 286
Огуз-хан – 488
Одер – 183

Ожередов Ю.И. – 228, 370, 484, 489–490
Оксенов А. – 6, 185, 186
Ольховский В.С. – 478
Омар-Алий шейх – 496, 522
Опарина Т.А. – 280
Османов Р.Х. – 599
Остапенко Л.В. – 604
Отчигин – 128, 131, 134
Ошуркова С.В. – 17
Павленко Н.И. – 281
Павлов А.П. – 278
Палашенков А.Ф. – 274
Паллас П.С. – 5–6, 51
Пан Н. – 253
Парунин А.В. – 124, 185–187, 205
Патканов С.К. – 7, 20, 38, 40–43, 79, 220, 326, 349, 510
Патршина А.С. – 558, 625
Пачкалов А.В. – 179
Пекарский П. П. – 205
Перевалова Е.В. – 15
Пестель И.Б. – 38
Петров А. – 377
Пигнатти В.И. – 14, 241, 267, 269–271, 546
Пиркулиева А.Н. – 414
Писарчик А.К. – 382
Плетнева Л.М. – 24
Плетнёва С.А. – 109
Поливанов Е.Д. – 52
Поло Марко – 135, 161, 270, 552
Полосин В.С. – 484
Поляков И.С. – 510
Постникова-Лосева М.М. – 391, 417
Потанин Г.Н. – 6, 516
Потапов Л.П. – 261, 263
Почекаев Р.Ю. – 159, 160, 162, 163
Преображенский А. – 242, 246, 247
Прибыльский Ю.П. – 328, 337
Пронин В.И. – 391
Пузанов В.Д. – 287
Радлов В.В. – 6, 21, 51, 53, 57, 73, 438, 483, 486, 491, 499, 502, 510, 516, 551–554, 567–572, 574–575
Раевский – 478
Рамазанова Д.Б. – 15, 51–53, 63, 196, 484, 574
Рассудова Р.Я. – 378
Ратчневский П. – 110
Рафиков И. – 596
Рахим А. – 175, 200, 202
Рахимбакиева С.З. – 72
Рахимов Р.Х. – 13, 494, 505, 511, 515, 519–520, 524, 526–527
Рахимова А.Р. – 51
Рахимова Д. – 625
Рашид ад-Дин – 101, 109–110, 112–113, 118–121, 123–127, 129–135, 137–139, 142–143, 146–147, 149, 151, 153, 155–157, 169, 172–173
Рева Р.Ю. – 167
Резанов Девлет-Хозя – 243
Резанов Собаня – 243
Резван М.Е. – 516
Резун Д.Я. – 194
Ремезов С.У. – 5–6, 176, 204, 206, 210–212, 220, 225–226, 228–229, 233, 239, 244, 250, 252–254, 258, 262,266–267, 364, 507–509, 518
Ремпель Е.В. – 479
Рерих Ю. Н. – 83
Рогалева – 459
Рогалева Т.В. – 459
Родионов М.А. – 461
Рождественский С.В. – 44
Розов Н.С. – 27
Романова А.Н. – 586
Рославцева Л.И. – 410, 414–415, 417
Росляков С.Г. – 473
Россет Э. – 590
Рубрук Гильом де – 119–120, 145–146, 148, 552
Руденко С.И. – 350
Руи Гонсалес де Клавихо – 495
Русакова Л.М. – 395
Рыкин П.О. – 107, 113, 115–116, 119–122
Рябинина Е.А. – 183, 193, 246, 247, 248, 256, 259
Сабирова Б.Н. – 598
Сабитов Ж.М. – 164
Сабитова Г. – 335
Савинов Д.Г. – 24, 83, 84, 89, 94, 95
Сагдиева Э.А. – 607
Сагидуллин М.А. – 15, 72, 601, 603
Сагитов М. – 312
Сагитов С. – 625
Сагъди Вакас-ибн-Реджеб – 519–520
Садри М. – 553–554, 572, 574
Садыков К.С. – 14, 321, 338–339, 456
Садыков С.А. – 330, 336
Садыков Х.К. – 600
Садыков Ш.И. – 321
Садыкова З.Р. – 51
Сазонова М.В. – 378
Саид-Ибрагим хан – 263
Сайганова Р.М. – 607
Сайдашева З.Н. – 559, 567
Сайдимова Э.Р. – 72
Сайфулина Ф.С. – 339, 567–568, 570, 573
Сайфуллин Г.Ш. – 78
Салахетдинов М.А. – 173
Салиха-биби – 522
Салихова А.Р. – 639
Салтыков-Травин И. – 249

Салыр-Газан – 527
Самарканди – 178
Самойлович А.Н. – 53, 195
Сартак – 120, 135, 147–149, 261
Сатлыкова Р.К. – 8, 10
Саттаров Г.Ф. – 51, 71
Саттаров Н.Г. – 601
Саускан – 74
Сафаралеева Ю.У. – 14, 321,
Сафаралеева-Боцман М. – 624
Сафаргалиев М.Г. – 160, 162, 166, 201, 270
Сафина Р.Х. – 338
Сафиуллина Е.Ш. – 607
Севортян Э.В. – 60
Седакова О.А. – 478
Сеитов Аксеит – 502
Сеитов Мирали – 502
Сейдуков К. – 310
Сейдуков Н. – 312–313, 325, 335
Сейдяк князь – 245, 254, 255–256, 503, 507
Сеййид-Мухаммад – 500
Сейткул – 253
Селезнев А.Г. – 10–11, 346, 366–367, 370–371, 373, 480–481, 484–485, 489, 492, 494, 505, 508, 510–511, 513–518, 528, 534
Селезнева И.А. – 10–11, 361, 366–367, 370, 371, 373, 480–481, 484–485, 494, 505, 508, 510–511, 513–518, 528
Сербина К.Н. – 264
Сергеев М.Е. – 385
Серебрякова М.Н. – 488
Сефевиды – 501
Сидоренко В.А. – 163
Скандаков И.Е. – 226, 234
Скрынников Р.Г. – 193, 206, 207–210, 241, 245–249, 259, 552
Скрынникова Т.Д. – 107–110, 112–113, 115–116, 118–121, 126
Словцов И.Я. – 38
Словцов П.А. – 6, 290
Смирнов А.П. – 412
Смирнова Е.Ю. – 10, 364–365, 370, 376, 382, 384, 401, 404, 406, 408, 411, 413–414, 484, 559
Снесарев Г.П. – 486, 488
Соболев А.Н. – 218, 223, 226, 229, 259, 478
Соболев В.И. – 14, 215, 230–231, 233, 235, 239, 269–270
Соловьев А.И. – 218, 219, 220, 223, 226, 229
Соловьев Д.Н. – 479, 480
Соловьев С.М. – 249
Солодкин Я.Г. – 193
Софронов М.В. – 91
Спасский Гр. – 510
Спафарий-Милеску Н.Г. – 510, 524, 525
Сперанский М.М. – 40, 295, 298–299, 307
Степанов В.А. – 586
Степанов Р.Н. – 45, 289
Страленберг Ф.И. – 5, 51, 483, 492
Строгановы – 5, 190–194, 204, 212–213, 247–249
Струкова И.П. – 8
Субэдей – 128–129, 132, 134–135, 149
Сулейман-бай – 498, 522
Сулейманов Б.В. – 15, 594–596, 630
Сулейманов Г.Р. – 330
Сулешев Ю.Я. – 284, 292
Султан шейх – 521
Султан-Мухаммад – 500
Султанов Т.И. – 87, 138, 149–150, 152, 160, 167, 171, 188, 192
Сунгатов Г.М. – 51
Сурметова Л.Р. – 550, 552
Суслова С.В. – 11, 381, 391, 405–409, 411–412, 414–417
Суфа шейх – 521
Сухарева О.А. – 392
Сухов И. – 633
Сухэбатор Г. – 109
Сычёва Н.С. – 414
Таварих-и гузида Нусрат-наме – 133, 160, 161, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 176, 177, 179, 180, 262
Тайбуга-бий – 263, 498
Таскин В.С. – 82
Татауров С.Ф. – 10, 13, 15–16, 193–194, 205, 213, 220, 229, 242, 246, 249, 251, 253, 259, 362
Ташкалов С. – 335
Ташкин – 190, 242, 245
Темучжин – 113
Тенелей Берелеев сейид – 45, 501
Тенишева Р.Э. – 598
Терене – 74
Тизенгаузен В.Г. – 171
Тимергазеев М.В. – 630–631
Тимканова Г.Ф. – 72
Тин-Ахмет – 501
Титова З.Д. – 350, 355, 359, 483, 484
Тихомирова М.Н. – 10, 372–373, 419–420, 422–430, 466, 477
Тихомирова Р.Ш. – 599
Тихонов С.С. – 10, 220
Токарев С.А. – 440
Толстов С.П. – 486
Толстой Н.И. – 433
Томилов Н.А. – 8–11, 17, 20–21, 23, 36, 47–49, 76, 196–198, 205, 208, 225–226, 242, 260–261, 263, 264, 267, 275, 290–291, 294–295, 301, 340, 342, 346–347, 361, 371, 374, 382, 393–394, 403, 406, 454–455, 457, 458, 463,

465, 468, 484, 488–489, 492–493, 532, 551–552, 594, 598
Томилова В.С. – 8
Томсен К. – 53
Тоньюкук – 92–94
Топоров В.Н. – 478, 482
Тохтамыш –150, 285, 495
Тоян – 23, 629
Траханиотов Н. – 256
Трепавлов В.В. – 13, 15, 123–124, 127, 160, 165, 167, 171–172, 175–176, 178–181, 184–185, 189–191, 195, 197, 203–204, 207, 242–243, 248, 259, 271, 273, 278, 281
Троицкий С.М. – 37, 43
Трофимова Т.А. – 17, 21
Тугутов И. В. – 414
Туда-Менгу – 138, 145
Тука-Тимур – 135, 138, 145, 150, 159–160, 163–166, 169, 171, 173–174, 201
Тукбуга – 134, 137, 161, 170
Тумашева Д.Г. – 7, 15, 40, 51–57, 65, 67, 78, 196–198, 438, 453, 458–459, 469, 485, 551–552, 598
Тунус – 74
Турас – 74
Турсун-Али шейх – 521, 524
Турсуналиев К. – 378
Тушаков Х. – 79, 310
Тушаков Э. – 624
Тынмаметов Кучук – 45
Тычинских З.А. – 5, 13, 15, 30, 44, 73, 151, 166, 199, 201, 241, 260, 282, 294, 298, 306, 314, 355, 357, 472, 515, 576, 586, 593, 604, 607, 624
Угуй – 74
Угэдей – 128–134
Узбек-хан – 144–145, 151, 154, 162, 164, 171, 495
Узук – 74
Ульянова М.В. – 586, 591
Уманский А.П. – 20
Уметбаев М. – 496
Умитбаева Р.Р. – 625
Ураев Р.А. – 28
Уразманова Р.К. – 11, 360, 446, 448, 451–455, 474, 476, 484
Ураз-Мухаммед – 248, 254, 262
Урак – 186–187, 203, 319, 358
Урамаев М.Н. – 332
Урманчеев Ф.И. – 553, 559–560, 571, 574
Урманчиев А. – 335
Уртяков И. – 266
Ускенбай К.З. – 158
Усманов А.Н. – 183, 242
Усманов М.А. – 261, 498, 506
Усманова М.Г. – 71
Успенский Б.А. – 242, 259
Устюгов Н.В. – 274
Утемиш-хаджи – 133, 144, 148, 150, 151, 154, 159, 162, 164, 165, 167, 169, 170, 171, 172, 175, 176
У-хоу – 92–94
Ф. да Колло Ф. – 188
Фаизов С.Ф. – 281
Файзрахманов Г.Л. – 11, 186, 255, 259, 265, 283, 408
Фальк И.П. – 41, 510, 525, 531
Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи – 178
Фасмер М. – 444
Фасхутдинова Л.Ф. – 407
Фахрутдинов К.Х. – 514
Фахрутдинов Р.Г. – 197, 236
Федор Иоаннович – 75, 178, 252, 254–255, 257
Фёдоров-Давыдов Г.А. – 145, 414, 418
Фехнер М.В. – 193
Фишер И. – 5, 251
Флетчер Д. – 5
Фоскарино М. – 188
Фрезер Д.Д. – 486, 488
Фролов Н.К. – 72
Фролова О.Б. – 171
Фролова Н.К. – 72
Хабибуллина Л.Б. – 14, 330, 336, 338
Хабисов И.М. – 624, 631
Хабул-хан – 112–113
Хавафи Ф. – 178
Хаджа Пюрсент-баба – 529
Хаджиев В. – 553
Хаджи-Мухаммед – 165–167, 172, 174–175, 177, 179–181, 187, 200–201
Хади Атласи – 7, 207, 255, 258, 264, 500, 504, 507
Хадиджи-биби – 524
Хадича Биби – 522
Хажиев В. – 572
Хайруллина В.И. – 626
Хайруллина Н.Г. – 14, 626, 639, 640
Хайрутдинова Т.Х. – 51
Хаким Ата/шейх/хазрат – 508–509, 521, 523, 531, 547
Хакимов Р.С. – 3, 313
Хакимова Н.Ф. – 625
Хакк-Назар – 189–190, 192, 207, 210, 246–248
Халдеева Н.И. – 17
Халиков Н.А. – 11, 266–268, 343, 355
Халикова Е.А. – 414
Хамзин К.З. – 78, 628
Хамзина Р.К. – 628
Хамиджанова М.А. – 382
Хамидуллина Г.Ч. – 626
Хамитов Г.И. – 330, 336

Хамитова С.Г. – 336
Харьков В.Н. – 586
Хафиз-и Таныш Бухари – 178, 501–502
Хисаметдинова Г.С. – 14, 321, 335, 339
Хисамитдинова Ф.Г. – 71
Хисматуллин А.А. – 527
Хисматуллин С.З. – 625
Хить Г.Л. – 17
Хйели-хан – 91
Хлебникова Т.А. – 198
Хоанг Мишель – 114
Хобби хаджи – 522
Ходжа – 496
Ходжаева Р.Д. – 413
Ходжай-шейх – 522
Ходжамкули Балхи – 169, 170
Храмова В.В. – 7, 8, 340, 343–344, 346–347, 349, 393, 484, 532
Хромова Н.В. – 72
Худяков Ю.С. – 81–82, 88–89, 91, 92, 93–95, 183, 184, 186, 210, 215, 218–220, 223, 226–228, 259
Хуснутдинов И.М. – 626
Хушидай-Байку – 123, 130, 136, 139
Цереветинов Б.Ф. – 385
Чагадай – 129–131, 134
Чалалетдин Н. – 320
Ченбаев М. – 312
Ченбаев Х. – 312
Чепурина П.Я. – 407, 410
Черегеев Копландейко – 293
Черепанов М.С. – 13, 632
Черпинская К.В. – 586
Чехов А.П. – 599
Чигибень – 190, 245
Чингис-хан – 107–115, 117–125, 127–131, 134, 136–137, 139–141, 147, 149–150, 154, 156–159, 163, 174, 277
Чистяков В.А. – 478
Чой – 74
Чокрый Г. – 497
Чолбаров Иткучук – 45
Чубуков Т. – 192, 208
Чугунов С.М. – 24
Чулков Данил – 232, 254–255, 271
Чхао Чху-Ченг – 160
Чэби-хан – 90
Шаболио-каган – 85–87
Шагбан З. – 599, 624
Шагеева Р.Г. – 381, 382, 391
Шагимуллин Ф.Х. – 599, 628
Шаипов А.Х. – 321
Шаймарданова А.А. – 628
Шаймиев М.Ш. – 616
Шайхиев Р.А. – 498, 506
Шайх-Хайдар – 174, 180–181, 185
Шакирова Д.Н. – 627
Шамильоглы Ю. – 11
Шамсутдинов Н. – 625
Шамсутдинова Л.А. – 600
Шарапов И. – 596
Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси – 178
Шарипов Ф.М. – 577
Шарифуллина Ф.Л. – 11, 349, 406, 414, 458
Шафий имам – 521
Шах-Мурад – 498
Шахтшнейдер Е.В. – 586
Шашков А.Т. – 193, 272
Шейбаниада – 496
Шейбан-хан (Шибан) – 133, 151, 519
Шембердей-абыз – 506
Шерпети шейх – 499, 502, 505, 519–521, 526
Шерстова Л.И. – 265
Шибаева Ю.А. – 485
Шигай-султан – 246–247
Шиле – 381
Шиловский М.В. – 194
Шильтбергер И. – 166, 495
Шитова С.Н. – 349, 350, 407, 414
Шихов М. – 38
Шихов, бухарский старшина – 301
Шихова А.С. – 513
Шиховы – 39, 48
Шишонко В.Н. – 205
Шлюшинский А.В. – 220, 226
Шпилевский С.М. – 531
Шукуров Ш.М. – 391
Шульц Л.Р. – 510
Шумилов Е.Н. – 191
Шунков В.И. – 267, 290
Щеглов И.В. – 257, 288
Щербак А.М. – 93
Щербатов Л.А. – 273
Эль-бахерзи – 148
Эльтерэс-каган – 92–94
Эскин Ю.М. – 278, 281
Эфиров А.Ф. – 326
Юань ши – 131, 133–135, 140, 149
Юмачиков Ф. – 629
Юмачикова Х. – 335
Юрина Л.Г. – 17
Юрцовский Н.С. – 322, 325
Юрченко А.Г. – 179
Юсупов Г.Ф. – 561
Юсупов Ф.Ю. – 51, 196, 568, 570, 573, 575
Юсупов Х. – 310
Юсупова Ф.Р. – 330, 336
Юсуф шейх – 521, 524
Юшков И.Н. – 6, 51, 243, 299, 342, 351–354, 381, 397, 417, 421, 427, 446, 448
Ябалак (Абалак)– 188,210, 292, 626
Ядринцев Н.М. – 6, 347, 483

Якин Х.Х. – 321
Яковлев Г. – 454
Яковлев И.В. – 454
Якуп мулла – 499, 500, 502, 504, 506
Ямгурчей – 181–182, 184–185, 187, 202
Янковский Н.К. – 586
Янтимиров Б.Я. – 321
Ярзуткина А.А. – 10–11, 365–366, 370, 373, 483–484, 486, 493, 511
Ярков А.П. – 13
Ярми Х. – 335, 572, 624
Ярмухаметов Х.Х. – 553, 555, 571, 624
Ярым-сеййид – 500, 502
Яхин Р.Т. – 595, 596
Яхин Ф.З. – 504, 507
Яхина Р.Н. – 15, 595–596, 607

Әбелгазый Бәһадир хан – 137
Әхмәтҗанов М.И. – 569
Вәлиди Т.Ә.-З. – 201
Мәрҗани Шиһабетдин – 273
Мәһдиев М. – 555–556

Aboul-Ghazi Behadour Khan – 171–172
Balanovsky O. – цв. вкл. (32–33)
Boyer M. – 414, 416
Bregel J. – 149, 156
Burton A. – 516
De Weese Devin – 494, 505
Dibirova K. – 586
Dioszegi V. – 484, 492
Fedorova E.A. – 575
Felek Ö. – 516
Frank A. – 185, 262, 494, 503, 516
Gansmo L. – 586
Golden P.B. – 109–110, 112, 117, 122, 141, 143–144, 147, 152
Ivanics M. – 173, 273
Karabulatova I.S. – 575
Knappskog S. – 586
Knysh A.D. – 516
Kremer – 531
Marussin A.V. – 586
Nei M. – цв. вкл. (32–33)
Noack Ch. – 516
Pritsak O. – 127
Pshenichnov – цв. вкл. (32–33)
Radloff W.W. – 51, 56
Ratchnevsky P. – 110, 112, 113
Rootsi S. – цв. вкл. (32–33)
Sayfulina F.S. – 575
Schamiloglu U. – 138
Seleznev A. – 510
Selezneva I. – 510
Stepanov V.A. – 586
Stepanova S.K. – 586
Swarovskaya M.G. – 586
Tabakat-i Nasiri – 140–144
Usmanov M.A. – 173, 273
Vamberi G. – 552

Указатель политико-географический

Абалак, д. – 78, 269, 453
Абаул, д. – 529, 565
Абрамово, д. – 23
Абрамово, м-к – 21, 27, 215–217, 221–222, 224–225, 229
Абызовские, ю. – 298, 506
Агитка, р. – 54
Азейрбайджан – 71, 129, 146, 162, 593, 635
Андреевские, ю. – 72
Андреевское, о. – 523
Андреев, г-к – 187, 529, 559, 632, 637
Ай, д. – 78
Айткулово, д. – 48, 238–239, 368
Акияры, с. – 338, 555
Аксурка, д. – 511, 627
Алакуль, о. – 151
Алаколь, д. – 96, 98
Алтай – 81, 95, 124, 129–130, 132, 157, 173, 175
Алтайский край – 576–577
Аллагулово, д. – 73, 512
Аллагуловская, ас. – 524
Араксул, д. – 578
Аралтобе – 88
Аральское, м. – 83, 102, 103
Аремзянская, вол. – 265, 283
Аремзянская, ас. – 522, 526
Аримзянка, р. – 268
Аркаим – 631
Аромашево, с. – 72, 521, 523
Аслана, с. – 72, 338, 359, 522, 567, 587, 626, 630
Астраханское, хан. – 11–12, 46, 189, 241, 243, 259, 273, 416
Астраханцево, м-к – 24, 27
Астрахань, г. – 181, 185, 205, 242, 246, 302, 416
Атачка, д. –368
Атбаш – 521
Атбашский, острог – 287
Аубаткан, д. – 300, 554
Ашеваны, с. – 78, 239, 266, 379, 381, 387, 421, 425, 460, 517
Ашла, вол. – 47, 283
Аялы, вол. – 48, 49, 198, 261, 264, 266, 282–283
Аялуцк, д. – 370
Бабасан, ур. – 212, 249
Бабасаны, д. –249, 545
Бабасанская, вол. – 47, 283
Байбы, д. – 41, 78, 359, 398, 439, 446, 449, 451, 631
Байгара, д. –73, 298,450, 578, 625
Бараба, вол. – 23, 47–49, 54, 207, 210, 212, 215, 223, 226, 231, 257, 261, 264–265, 267, 282, 246, 271, 568, 574
Барабинка, д. – 405, 412
Барабинская степь – 9, 17, 78, 257, 571
Баишевская, д. – 509, 513, 521, 633
Баишев, г-к – 73
Баишевская, ас. – 511, 521, 523–524, 530–531, 547
Байкал, о. – 43, 108, 110
Балагачево, м-к – 28
Балтийское, м. – 31, 311
Балхаш, оз. – 104
Балхский, в. – 169, 501
Басандайка – 24
Башкирд – 129, 135, 201
Бачкурская, вол. – 48–49, 173, 260, 282, 295
Берингово м. – 31
Бегетино, д. – 521
Бегитинская, ас. – 521
Бегишев, г-к – 231, 262
Бегишевские, ю. – 473–475, 514, 587, 592
Березянка, д. – 388
Березов, г. – 42, 256, 277, 288
Березовый, о. – 221
Бергамак, м-к – 221
Берняжка, д. – 368–370, 458
Биляр, г. – 132, 134, 151
Би Туртас, вол. – 78, 283
Бицик-тура, г. – 75, 269
Богандинская, вол. – 7
Большая Тебендя, д. – 78, 333, 368, 371–372, 386, 388, 421–422, 449–451, 511, 515, 522
Большереченский, р-н – 54, 363, 366, 368–370, 373, 381–382, 422, 446, 458, 481, 600, 624
Большеречье, с. – 383, 403, 405, 409, 412
Большие Мурлы, д. – 366, 368, 370, 381, 481
Большое Чечкино, д. – 76, 509
Большие Туралы, с. – 360, 372, 446, 448–450, 457, 459, 462, 464, 470–471, 552
Большой Уват, с. – 511, 515, 524, 528
Бугульминский, у. – 41
Буйдалинские, ю. – 291
Булгар, г. – 99, 130–136, 144, 150, 154, 166–169, 171–172, 174–175, 177–178, 199–202
Булгайыр – 78
Булгарское, гос. – 72, 157, 166–167, 174–175, 200–202, 494–495
Буляр, г. – 135
Буин-нор, оз. – 110, 114

Бухара, г. – 148–149, 158, 191–193, 199, 243, 245–248, 251, 254, 257–258, 263, 269, 271, 276, 300, 311–313, 326, 497–504, 506–507, 509–510, 519–520, 633
Бухарская, вол. – 7, 31, 39–40, 303–304
Болгария–133, 160, 176–177, 262, 415, 511
Болгар, г. – 135, 175, 199–202
Вагай, р. – 79, 251–253, 267, 270, 277, 283, 521, 523, 591
Вагай, с. – 54, 73, 78–79, 261, 266, 340, 368–369, 379, 381, 387, 446, 449–450, 458, 472–474, 476, 509–515, 517, 521–522, 524, 528, 549, 558–559, 561, 564–566, 571, 577–578, 587, 591–592, 600, 602, 625, 627, 630
Вагайский острог – 287
Вагайская, вол. – 323, 333
Второвагай, д. – 472–474, 476, 512, 521
Второвагайская, ас. – 521
Валахия –160, 170
Варвара, д. – 509, 520, 627
Варваринская, ас. – 506, 515, 520, 527
Васюган – 23, 74, 208
Великая Пермь – 187, 191, 194, 204–205, 207, 214, 230, 248
Великое Монгольское, гос. – 107, 111–116, 118–124, 126, 128, 132–136, 138–139, 141–147, 151–153, 155–162, 164, 166, 199, 228, 413, 650
Верхний Ингал, д. – 319, 321
Великий Устюг, г. – 290, 404
Венгерский, р-н – 225, 391
Верный, г. – 311
Верхне-Сидорово, д. – 578
Вершины, д. – 333, 522, 524, 564
Вершинская, ас. – 522
Верхотурский, у. – 265–266, 287, 355
Византия – 83–85
Викулово, д. – 371
Вознесенское городище – 233
Волжская Булгария – 133, 136, 144, 159, 166, 197, 199–201, 415, 418, 494, 561–562
Ворогушино, д. – 578, 625
Восточный Тюркский, каг. – 87, 90–91, 93–95, 100
Вузюково, о. – 253, 271
Вятская, губ. – 407
Гжатск, с. – 21, 23
Государство Шибанидов – 3, 11, 137, 160, 163–165, 167–180, 183, 185–190, 194, 200–203, 243, 245, 254, 259, 262, 273, 277, 494–496, 498–499, 501–505, 507, 650
Государство хорезмшахов – 99, 128–130, 140–143, 146–147, 149–150, 158, 494–495
Горно-Алтайская АССР – 576
Гузенево, д. – 362, 369, 422–423
Дальний Восток – 33, 43–44, 71, 318
Дербент, г. – 135, 146–147, 172, 201
Дешт-и Кипчак – 49, 129–130, 135–136, 139–140, 149, 153–155, 158–159, 174, 178, 180–181, 183, 188, 198, 274, 278, 418, 494, 504
Джамлекес, г. – 98
Днепр, р. – 136–137, 321
Долгий Яр – 76
Дунайская Болгария – 415
Евгащино, с. – 362
Евразия – 83–84, 87, 107, 153, 155, 194, 213, 241, 259, 393, 397, 411, 414–415, 418, 648
Еланкул, д. – 554
Еланские, д. – 379, 511, 522, 554
Елань-Яр, д. – 515
Епанчино, д. – 338, 360, 446, 450–451, 453, 630
Епанчинская, ас. – 521
Епанчинские, ю. – 298, 333
Ембаево, с. – 300, 310, 312–313, 316, 325–326, 328, 335, 338, 360, 446 , 449–453, 455, 475, 559, 578, 587–588, 590, 592, 626, 632–634, 639
Енисей, р. – 110, 124, 126, 129, 151, 277
Енисейская, губ. – 43
Ермаково, д. – 578
Есаулово, д. – 559
Жужаньский, каг. – 81–82
Загваздино, с. – 330, 389, 501, 587, 630
Заказанье – 348, 411
Западная Вэй – 82–83
Западная Европа – 32, 280, 311, 346, 381
Западный Тюркский, каг. – 95, 101
Зауралье – 199, 207, 247, 256, 299, 342, 343, 346–347, 350
Зимник (Кышлау), д. – 54, 443
Зимние Сингульские, ю. – 72
Золотая Орда – 3, 11–13, 44, 50, 107, 122–123, 127, 130–141, 144–150, 152–156, 160–165, 167–170, 176, 178–179, 181, 184, 196–197, 201, 220, 241, 259–261, 266, 269, 407, 412–418, 570, 650
Золотой Рог, о-в – 74–75
Ибирь – 125–127, 135, 157, 164, 178, 201
Ижевск, г. – 16
Илек, р. – 151, 159, 166, 171
Иленский, г. – 49, 269, 282
Иленская, вол. – 48, 266, 282, 295
Ильчебага, д. – 266, 388, 421, 456, 458, 460, 467
Имекия (Кимекия), г. – 97, 100, 106
Ингаир, д. – 319, 578
Индерь, вол. – 47, 283
Индия – 148, 381
Индостан, п-ов – 83
Индричеева, д. – 282
Инцисс, д. – 266, 368, 388
Ипкуль, д. – 72, 319

Иран – 83–86, 89, 129, 138, 146, 162–163, 228, 381, 393
Ирбит, с. – 79, 309–312, 391, 404
Иркутская губ. – 43, 318, 553, 630
Ирмень, р. – 257
Иртыш, р. – 20, 31,47–48, 54, 74, 77–79, 96, 99–105, 117, 124, 127, 128, 129, 130,136, 138, 140, 144, 151, 157–158, 161, 186, 188–189, 196, 198–199, 203, 207–208, 212, 214, 240, 241, 249, 252, 253, 254, 258, 260, 262, 264, 265, 267, 269, 274, 287, 291, 311–312, 338, 355, 361, 362,388, 451, 453, 495, 496, 497, 498, 500, 507, 508, 509, 519, 520, 522–523, 526, 553, 558, 572–573, 587, 591, 630
Иртышатские (Иртышакские), ю. – 227, 446, 448–451
Иртышатская, ас. – 524–525
Исеневские, ю. – 73, 330–331, 448, 624
Исетская вол. – 49, 283, 290
Исетский, р-н – 321, 396
Исеть, р. – 158, 168, 176–177, 265, 267, 276–277, 290, 559
Искер, г. – 16, 44, 75, 175–176, 178, 186, 188, 190–193, 203, 207, 209, 212–213, 215, 217, 220, 226, 230–233, 240–241, 249, 251–256, 265, 267, 269–272, 355, 364, 415, 496, 498–507, 510–511, 519, 521, 525, 531, 546, 567, 571, 596, 601, 628, 644
Итиль, р. – 102, 104, 135, 149, 154, 175
Ишаир, с. – 368
Ишеево, д. – 239
Ишим, р. – 75, 157–158, 167–176, 179, 207, 252, 257, 263, 265, 267, 275–277, 361, 508, 518–519, 521, 523
Ишим, г. – 287, 298, 310, 319, 323, 355, 371, 379, 389, 450, 496, 508, 517, 529, 600, 635
Ишимское, хан. – 157, 552
Ишим Тамак, д. – 552, 571
Иштаманы, д. – 331, 522, 526
Иштаманская, ас. – 522
Иштигальда, д. – 522
Йуртышак, д. – 552
Кавказ – 32–35, 85, 136, 145–147, 160, 162, 170–171, 195, 404, 415, 418, 495, 530–531, 635
Каен-аул, д. – 527
Казанское, хан. – 45, 46, 72, 167, 175–176, 184, 186–187, 189, 198, 200–205, 231, 232, 241–243, 245, 246, 259, 262–264, 268, 273, 287, 289, 299, 413, 416, 418, 494–495, 507, 561
Казанское (Казанка), д. – 41, 331, 323, 333, 564, 587, 592
Казань, г. – 6, 7, 8, 11, 12, 13, 15, 16, 39–41, 44, 62, 66–68, 77–79, 175–177, 183–189, 199–204, 206, 210, 242, 255, 264, 302, 312–314, 326, 330, 337, 348, 387, 389, 391, 411, 452, 454, 507, 553, 555, 564, 566–567, 594, 598, 628, 629, 631, 647–649, 652
Казахстан – 17, 23–24, 71, 78, 83, 88–89, 103, 136, 138, 141, 150, 157, 160–162, 170, 172, 178–179, 181, 189, 192, 204, 207, 210, 245–247, 253–254, 263, 273–275, 277, 299, 301, 311, 410–411, 414, 416, 418, 494, 511, 568, 570, 624, 629, 648
Каинский, у. – 294
Кайнаул, д. – 333, 380, 446, 449–451
Калининградская, обл. – 621
Калмаки, вол. – 49
Калмаклар, д. – 72–73, 552
Калмаклылар, д. – 73
Камышлов, р. – 276
Каинский окр. – 37, 42
Кайлы, р. – 141
Кайлы-Угурманка, с. – 21, 23
Каиш, д. – 571
Кама, р. – 74, 194, 196, 198, 202, 205, 210, 242, 249, 391, 497, 559–560
Карачин, г-к – 230, 249, 269, 291
Карачин, улус – 212, 229, 261, 282
Карачино, с. – 79
Карагай, д. – 72, 330, 332–333, 368–369, 381, 387, 458, 464, 511, 516–517, 522, 552, 566, 627, 631
Карагайская, вол. – 264, 317
Караганда, г. – 79
Каракуль, д. – 300, 422
Каракум – 124, 140, 151, 495
Каракорум, г. – 146
Каракалпакстан – 76
Карантия, г. – 98
Карбино, д. – 331, 522
Карбинская, ас. – 522, 526
Карбинская, вол. – 252, 265, 283
Картымский, пос. – 578
Каскара, д. –529, 552, 559, 561, 564, 567, 578
Каскаринская, вол. – 49, 262
Касимов, г. – 45, 273, 280
Касимовское, хан. – 7, 12, 262, 273, 279, 281, 289
Каспийское, м. – 33–34, 99, 102–104, 134, 160, 570
Катаргулов, г. – 269
Каусы, д. – 386, 388
Кафа – 133, 135, 169–171
Качуково, д. – 78, 421, 423, 456–458
Кашаульская, ас. – 522
Каш Бергар, д. – 79
Кашлык, г. – 78, 178, 210
Кашегальская, вол. – 7, 262
Киндер, с. – 454, 627
Киныр, г. – 260, 269, 282

Кимакский, каг. – 95–101, 104, 106, 117, 143–144, 156, 650
Кинда, р. – 23
Киндер, д. – 454, 627
Кия, р. – 28
Керулен, р. – 108–110, 116
Курган, г. – 13, 16, 42, 73–74, 179, 259, 298, 404, 577–580, 584–586, 607, 621, 648
Кучум-Гора, г-ще – 215
Кизил-Тура, г. – 207, 233, 236, 269
Китай – 71, 77, 82–87, 90–95, 99–100, 108, 110–112, 115–116, 120–121, 201, 298, 310–311, 316, 321
Кипоколлары, д. – 78, 523, 554
Киргап, д. – 361–363, 368, 370, 372, 425, 479
Кирпики, вол. – 48, 264, 282
Кирпицкая, вол. – 47, 264, 282
Кобякское, д. – 511, 521
Кобякская, ас. – 521
Коканд, г. – 311
Комаровские, ю. – 79, 300
Комышлов, р. – 276
Конченбург, д. – 522
Конченбургская, ас. – 522
Коурдак, вол. – 48–49, 266, 283
Коурдак Летний – 18
Константиновские, ю. – 54
Кодское княжество – 256
Козюлино, д. – 24
Коллар, д. – 78–80, 446
Колмаки, вол. – 264, 282
Колпуховская, вол. – 266
Колосовский, р-н – 54, 456, 600
Кол Туртас, вол. – 78, 283
Кошкуль, г-к – 217, 233–234, 425, 440
Кошкуль, а. – 217, 233–234, 425, 440
Красный Яр (Кызыл Яр), д. – 76, 236, 358–359, 388, 522
Красноярск, г. – 45, 71, 287, 587
Красноярский, р-н – 332
Кречатников, вол. – 47, 270, 283, 285
Крым – 34, 71, 85, 135–137, 146, 159–160, 164, 169–171, 174–175, 185, 195, 200, 206, 246, 314, 410, 415, 418, 495, 570
Крымское ханство – 12, 133, 182, 185–186, 263, 277, 418
Кудыргэ, м-к – 88–89
Кузнецк, г. – 45, 287, 298
Кузнецкий острог –256
Кукренде, д. – 261, 554, 571
Куларово, д. – 79, 333, 521, 578
Куларовская, ас. – 521, 524
Кулары – 78, 263
Кумуслы, д. – 300
Курал – 167, 170–172
Кучерин, оз. – 368
Кульчан, ас. – 515–516
Кульчан, о. – 513, 515–516
Куртюганы, д. – 561
Кускун, д. – 78, 523
Кутарбитка, д. – 578
Кучумы, д. – 388
Кызылбаевские, ю. – 79, 310, 316, 328, 333
Кыз уба (Девичья гора) – 450
Кызылкаш, д. – 557
Кыркырхан – 99
Кысым-Тура, г. – 269
Кыштовка, м-к – 21, 23, 215–217, 222–224
Кышлау, с. – 54, 78, 443
Кяхта, г. – 311
Лаишевский у. – 391
Лаймы, вол. – 47, 283
Лаймы, д. – 565, 571
Лайтамак, д. – 358, 446, 448–450, 554, 587, 625
Ленинград, г. – 321, 532, 564, 631
Летний Коурдак, м-к – 18
Летние, д. – 359, 446, 449, 451, 454
Луговое, д. – 521
Лугово-Аевск, д. – 510
Лугуй, вол. – 48, 264, 282
Льнозавод – 21, 23
Люба, вол. – 264–265, 282
Любей, о. – 74
Мавераннахр, г. – 130, 171, 174–175, 243, 269, 276
Мактым, д. – 76
Малое Чечкино, д. – 76–77
Малоуватская, ас. – 521, 524
Малые Тарханы, д. – 71
Малые Туралы, д. – 362
Малый городок, г. – 269
Малый Чуланкуль , д. – 21, 23, 218, 226
Малый Уват, д. – 521, 524, 528
Малые Кулары, с. – 274, 363
Малые Мурлы, д. – 41
Мангышлак – 138, 149–150, 171
Маньчжурия – 111, 321
Марай, д. – 578
Маранка, д. – 627
Маслово, д. – 578
Матмасы, д. – 77, 481, 632
Матуши, д. – 72, 578
Матьяровские, ю. – 310, 315
Махметкулов, г-к – 269
Медянские, ю. – 288, 291, 446, 448–451, 454, 578
Миримовские, ю. – 79, 300, 310
Молдавия – 160, 170–171, 593
Молодцово, д. – 41
Москва, г. – 8, 13, 16, 45–46, 71, 178, 182, 184–185, 187–194, 203, 210, 242–248, 251–261, 268, 277–279, 281, 283–284, 286, 288–289,

292, 310, 314, 319, 321, 528, 501, 505, 564, 630, 634, 644, 647–649
Московское, гос. – 38, 44–46, 51, 73, 123, 165, 172, 177–178, 182, 187, 189, 206–207, 213, 215, 220, 232, 241–249, 251, 253–254, 256–257, 259, 264, 268, 273, 275, 277–289, 291, 325, 496, 502, 621, 647
Муллашы, с. – 321, 639
Муромцевский р-н – 18, 226, 362, 368, 370, 373, 388, 422, 458, 472, 600
Надым, г. – 576, 634
Надцинская, вол. – 252, 265, 283
Нарым, г. – 256, 272, 277, 298
Нарым, р. – 17, 256
Нерда, д. – 283, 526
Нердинская, ас. – 526
Нижне-Тавдинский, р-н – 340, 346, 449, 454, 522, 559, 567, 577–578, 602, 627
Нижние Аремзяны, с. – 313, 522, 526, 528
Нижние Бехтери, с. – 319
Верхние Бехтери, с. – 331
Нижние Тарманы, с. – 319
Тарманы, с. – 567, 627
Нижний Новгород, г. – 311
Новая Нерда, д. – 578
Новые юрты, с. – 72, 329–330
Новоатьялово, с. – 72, 509, 521, 529, 536, 627
Новоатъяловская, ас. – 521, 524–525, 527
Новосибирск, г. – 8, 13–16, 21, 54, 57, 208, 225, 361, 370, 391, 430, 483, 492, 553–555, 576–580, 582, 585–586, 599, 602, 607–624, 628–629, 649
Ново-Шабабинские, ю. – 315, 326
Ново-Каишкуль, с. – 338
Ногайская Орда – 11, 176, 177, 181, 182, 185–187, 189–192, 196, 202–204, 207, 242–243, 245–248, 258, 263–264, 273–275, 494, 501, 505
Обско-Томский бассейн – 9, 17
Обской, г-к – 254
Обь, р. – 20–21, 27, 74, 206, 257, 268, 557
Олы Кау, д. – 552
Олы Уыш, д. – 446
Омь, р. – 21, 74, 272
Омск, г. – 10–11, 13–14, 18, 54, 78–79, 215, 225–226, 234, 251, 274, 298, 310–311, 318, 334, 340, 361–363, 366, 368–373, 379–388, 391, 398, 400, 405, 409, 412, 422, 446, 449–452, 454, 456–458, 460, 463, 472–473, 479–483, 492, 502, 510–511, 513, 515, 517, 520–523, 527, 529, 531–532, 544, 552–553, 564, 571, 576–580, 582, 585–586, 594, 596, 600, 607–624, 628–629, 631, 634, 647–649
Онгин-гол, р. – 110
Онон, р. – 109–110, 114, 116
Оренбург, г. – 132, 141, 302, 312, 321–322, 325–326, 343, 346–347, 350–351, 407
Орхон, р. – 71, 110, 118
Османская империя –169, 174
Отюкенская Чернь – 92
Ошa, р. – 54
Оялы, вол. – 47, 240
Өян, р. – 557
Павлодар, г. – 310–312
Памир – 34–35, 511
Пегая Орда – 256, 272
Первый Тюркский, каг. – 81–90
Пермь – 204–205, 207–208, 214, 230, 246–248
Пермская, губ. – 357, 407
Пермская, обл. – 63, 348
Пермский, край – 196, 201
Петропавловка, д. – 578
Петропавловск, г. – 39, 79, 310, 326
Приуралье – 10, 17, 32–34, 43, 64, 78, 101, 136–137, 151, 160, 164, 192, 194–204, 210, 242, 247, 272, 314, 343, 346, 348, 350, 357, 412, 414, 438, 495, 511
Приаралье – 96, 99, 102–103, 183
Предкамье – 176, 357
Преуралье – 207
Прикамье – 175, 210
Преображенка, с. – 521
Притомье – 24, 260, 263
Приобье – 24, 37, 207, 229, 256, 342, 346
Прииртышье – 10, 20–21, 48, 98–99, 101–102, 104–105, 160–161, 165, 196, 214–215, 219, 223, 229, 239–240, 251, 253, 290, 300, 333–334, 361, 363, 369, 372, 375, 421, 422, 423, 459–461, 464–465, 470, 483, 510, 517, 519
Прииртышский, пос. – 635
Притоболье – 20
Поволжье – 10, 20, 23, 34, 43, 51, 99, 134, 148–149, 163, 167, 174, 176–177, 202, 289, 302, 359, 381, 389, 404, 418, 455, 507, 530–531
Полуяново, д. – 587
Пышма, р. – 168, 255, 267
Ревда, пос. – 451
Речапово, д. – 300, 362, 366, 368, 371, 421–422, 481
Рәгес, д. – 552
Россия – 350, 380, 404, 645
Рубеж, д. – 28
Русское, гос. – 268, 283
Рыбная Слобода, с. –391
Сабанаки, д. – 578, 635
Сала, д. – 498–499, 503, 506, 552
Салаирские, ю. – 262
Салаирка, р. – 262
Салайыр – 78
Самсоново, д. – 368
Сандомир, г. – 137

Санниково, д. – 78, 578
Санкт-Петербург, г. – 16, 73, 78, 302, 310, 518, 568 , 571, 630
Саургачи, д. – 368, 383, 385, 388, 511–513, 522
Саургачинская, ас. – 522
Самарская, губ. – 40, 41
Самарканд, г. – 84, 169, 178–179, 392, 414, 495
Сарай, г. – 79, 135, 159–164, 495
Саргач, д. – 283
Сәет, д. – 552
Сартово, д. – 73
Саускан, Саусканы, Саусканские, ю. – 74, 78–79, 316, 326, 328, 332–333, 460, 466, 470, 552, 571
Сауран, г. – 104, 269, 273, 513
Сахалин, о. – 43
Саяно-Алтайское нагорье – 124–126
Северное Ци – 83, 85
Северное Чжоу – 83–85
Сеитово, д. – 362, 368–369, 422, 457, 458, 502
Себеляково, д. – 300
Селенга, р. – 110, 124–126
Семиречье – 83, 88, 96, 99, 102, 104, 138, 416
Семипалатинск, г. – 79, 298, 310–311, 313
Сибирь – 3–18, 20–21, 23–24, 27–46, 49, 51–53, 55–57, 71–72, 74–125, 187–650
Сибирское, хан. – 6–9, 11–13, 44–50, 73, 77–78, 160, 175–178, 182–196, 201, 204–210, 212–215, 218–220, 223, 226–233, 240–249, 251–254, 256–278, 280–282, 284–285, 289–290, 501–507, 594
Сингуль, д. –72, 77, 359, 627
Сить, р. – 159
Слободчики, с. – 371
Собачкинские, ю. – 79–80
Сорокино, д. – 627
Средняя Азия – 20, 35–36, 39, 45, 76, 83–84, 88–89, 94, 99–100, 143, 148, 156, 163, 165, 183, 188, 193, 195, 197, 201, 207, 210, 213–215, 219–220, 227, 229, 231, 240, 245, 259, 269, 276, 300–301, 303, 310–311, 316, 354, 363, 377–379, 381, 393, 396, 401, 404, 410–411, 414–415, 418–419, 494, 496, 502–503, 505, 507, 510–511, 516–517, 527, 529, 559, 567, 570, 596, 635
Стамбул, г. – 312–313, 326, 511, 572
Суе, д. – 388
Супра, д. – 578, 630
Супра, вол. – 47, 48, 127, 197, 264, 266, 282–283
Супринская, ас. – 521
Сылва, р. – 193, 196, 198, 203–204, 247, 266
Сылвенский острог – 193, 204
Сырдарья, р. – 96, 99–102, 158, 160, 170–171, 174
Тавда, р. – 54, 182, 249, 252, 255, 290
Тавдинская, вол. – 264
Таган, р. – 23
Тайчи, д. – 78, 372
Такмык, с. – 362
Талымхан, д. – 560
Тапкин, д. –578
Тара, г. – 37–42, 45–49, 54, 63, 214, 234, 251, 253–255, 257, 260–263, 265–266, 269, 273–274, 283–287, 292–294, 297–298, 301–302, 304, 307, 310–312, 323–324, 326–327, 332, 355, 357, 359, 361–364, 366, 368–373, 389, 405, 412, 422, 427, 446, 449–450, 455–457, 460, 479–481, 500–502, 600, 629
Тара, р. – 253, 255–256
Таргам, д. – 552
Тарманы, д. – 319, 367, 627
Тархан-кала, г. – 77, 249, 269, 287
Тарханы, д. – 71, 76, 77, 559, 560, 563
Тарханы, зап. – 71
Тахтагул, д. – 521, 525
Тахтагульская, ас. – 521, 524–525
Тахтайыр, д. – 78
Тахтамышево, д. – 405, 412
Тахчеи – 191–192
Ташетканы, д. – 41, 78, 269, 492, 511
Ташкент, г. – 38, 300, 311, 413, 506
Тебендинская, ас. – 522
Тебендинский, г-к – 214, 287
Тевриз, с. – 398, 405, 412, 629
Тевризский р-н – 54, 78, 234, 274, 363, 379, 385, 387, 391, 446, 492, 510, 523, 554, 600, 631
Тәпкәч, д. – 552
Тереня, вол. – 47, 74, 264
Теренгульская, вол. – 48, 282
Терсяцкая, вол. – 49, 260, 282, 295
Тобол, р. – 9, 47, 54, 73–74, 76–80, 102, 158, 167, 171, 176, 178, 191–192, 196, 203, 208, 245, 247, 249, 252–254, 261, 263, 265, 267, 275–277, 285, 287, 291, 312, 496–497, 508–509, 623
Тоболо-Иртышье – 9, 17, 31, 48, 72, 158, 183, 263, 458, 468
Тобол-Тура, ю. – 175–176, 200, 202, 291,317, 625
Тобольск, г. – 5–7, 13, 15–16, 18, 20, 37–43, 45–47, 49, 51, 54, 62, 73–74, 78–80, 158, 211, 227, 232, 250–251, 254–258, 261, 263–266, 269–270, 273–274, 276, 283–286–294, 296–313, 316–319, 321–323, 325–340, 355, 357–358, 389, 405, 408–410, 412–415, 417, 427, 446, 448, 450, 452–454, 508, 510, 516–517, 521–522, 531–532, 550, 554–555, 558–559, 566, 568, 571, 577–578, 587, 590, 594–596, 598, 600, 602, 624–625, 630–635, 648–649, 652

Тола, р. – 92, 94, 110, 116
Томь, р. – 9, 17, 23–24, 207, 229, 342, 346
Томск, г. – 14, 16, 23, 27, 37–39, 41–43, 45, 47, 54–55, 57, 78, 207, 211, 228–229, 256, 264–265, 287, 293–294, 297–299, 301, 307–308, 310, 318, 329–330, 342, 347, 405, 412, 472, 483, 519, 555–557, 576–580, 583, 585–586, 607–624, 629–629, 631
Тон-Тура, г. – 207, 233, 269
Тоскино, д. – 425, 456–460, 471
Тоянов, г-к – 23–24, 27
Троицк, г. – 312–313, 326, 334
Тубысы, д. – 73
Тукуз, д. – 73, 325–326, 330–333, 474–475, 515, 587, 592, 627
Тулва, р. – 198, 200
Тура, р. – 54, 76, 176, 249, 252, 254–255, 266–267, 452, 509, 523
Тура, вилайет – 164, 167–168, 170–171, 173, 175, 189, 202, 263, 504
Тураево, с. – 300, 312, 319, 326, 446, 449–451, 453, 559
Тураш, вол. – 47–48, 24, 264, 282
Турбинское, ю. – 80, 291, 293, 313, 316, 326, 328, 578
Тургай, м-к – 28
Тургай-Балагачево, м-к – 28
Туринск – 37, 42, 282, 286–287, 294
Туркестан – 89, 94, 96, 98, 100, 104, 135, 140–141, 143, 170, 172, 174, 495, 502, 507, 513
Туркменистан – 71, 73, 529
Турция – 79, 145, 316, 320, 381, 530, 634
Тюмень, г. – 7, 13–18, 37, 39–42, 45–48, 49, 51, 54, 71–72, 77–80, 127, 164–165, 168, 170, 173–174, 177–180, 182, 184–188, 202, 205, 211, 254–256, 260, 262–263, 265–266, 269, 273–274, 282, 285–287, 290, 294–295, 297–298, 300–301, 304, 309–310, 312–313, 315–317, 319–321, 323, 325, 328–331, 334–340, 345, 355, 357–360, 368, 380–381, 387, 389, 396, 405, 412, 444, 446, 449–452, 454–456, 458, 472–477, 483, 496, 509–515, 517, 520–524,529, 531–532, 534–537, 549–550, 552–553, 555, 557–561, 564–567, 571, 576–580, 585–605, 607–628, 630–640, 643–645, 647–649
Тюменское, хан. – 3, 11, 13, 44, 48, 163–164, 168, 177–178, 180–183, 185–190, 200–203, 205, 242–243, 264, 289, 496–497, 503, 507, 552
Тюменка – 233, 239
Тюменка, р. – 254
Тюрметяки (Турметяки), д. – 425, 502, 517–518, 521–522
Тюрметякская, ас. – 508, 511, 517–518, 521
Тюркский, каг. – 81–95, 107, 109–110, 118, 152, 650
Уба, с. – 79
Уба, д. – 74
Уват, вол. – 47, 283, 323
Уват, р.ц. – 510, 522, 630
Уват, улус – 252
Увек, д. – 521, 524
Узбекское, хан. – 3, 11, 35, 501
Узбекистан – 35, 71, 79, 568, 624
Уй, р. – 54
Уйгурский, каг. – 95–96, 100–101, 109, 117, 144
Укек, г. – 135
Уки, д. – 331, 525
Уленкуль, д. – 300, 363, 365, 369, 422, 425, 446, 451–452, 463–464, 629
Улак, в. – 160, 170
Улус Джучи – 3, 107, 114, 120, 122–125, 127–131, 134–141, 145–146, 150–159, 161, 164, 166, 174–175, 185, 195, 199–200, 415, 494–496, 650
Улуцк, д. – 391
Урал – 3, 34, 66, 96, 102–104, 158–160, 161, 164, 167, 171, 183, 194, 205, 207, 208, 212, 232, 241, 247–249, 253, 266, 277, 278, 291, 318–319, 330, 332, 333–334, 355, 357, 360, 452, 453, 454, 455, 563, 573, 630
Ургенч, г. –128, 138, 150, 154, 192, 281, 499–504, 507
Усть-Ишим, с. – 62, 266, 389, 629
Усть-Ишимский, р-н –18, 54, 268, 371–373, 379–381, 385–389, 422, 446, 449–450, 456–457, 460, 51–511, 513, 515, 517, 521–523, 527, 529, 596, 600
Усть-Тавда, д. – 578
Усть-Тамак – 78, 456–457
Утузы, д. – 78, 379, 385, 387, 391, 492
Уфа, г. – 201, 204, 253, 255, 273–274, 312, 326, 330, 343, 346, 350–351, 407, 564, 631
Хаджи-Тархан – 149, 181
Хазарский, каг. – 87, 135, 147, 154, 195
Халас-Погор – 23
Халхин-Гол, р. – 109
Хан-Кол, г-к – 264
Хорасан – 145, 179
Хорезм, г. – 83, 129–130, 135, 136, 138, 141, 143, 146–147, 154, 157, 172, 174–175, 178–180, 257, 269, 271, 495–496, 501, 519–520
Худякова, д. – 76
Хужайлан, д. – 630
Царский курган – 73–74
Центральная Азия – 3, 17, 32–35, 39, 81–83, 90–96, 99–100, 107–109, 11, 114, 116, 119, 129, 156, 161, 201, 530
Цингалы, д. – 523

Цингалинская, ас. – 510, 511
Цытырлы, г. – 269
Чангула, вол. – 234, 264, 282
Чановский, р-н – 54, 425, 430, 554
Чаны, о. – 21
Чаус, р. – 23
Чебурга, д. – 261, 338, 571, 630
Чеплярово, д. – 422–423, 458, 472, 473, 481
Червишевская, вол. – 7
Чердынь, г. – 194, 202, 203, 205, 207, 248
Черкашино, д. –526
Черналы, д. – 422
Черная, р. – 293
Чернаковский, р-н – 330, 333
Черное, м. – 33–34, 82, 84–85, 99, 200
Черноречье, д. – 405, 412
Черноозерье, м-к – 233
Черноярский, г. – 269
Черталы, д. – 219, 223, 266, 370, 422, 425, 458, 467
Черный, г-к – 240, 253–254, 260
Черный Иртыш, р. – 77, 103
Черный о. – 240, 253
Черналы, д. – 422
Чечкино, д. – 559–564, 627
Чик, р. – 272
Чикча, д. – 559, 567, 626, 632–634
Чимги-Тура, г. – 127, 163–164, 166–168, 171, 173–174, 176–178, 180, 183, 185–186, 188–189, 199–202, 231, 254, 263, 265, 269, 496, 626
Чойская, вол. – 48, 264–265, 282
Чонгул, вол. – 48
Чубар-тура, г. – 269, 287
Чулман – 135, 497
Чулыман – 201
Чугучак, г. – 310–311
Чугунаево, д. – 357–358, 578, 627
Шагльджан, г. – 104
Шанши, д. – 450
Шайо, р. – 159
Шатура – 71
Шегарка, р. – 23
Шегарский, р-н – 24
Шестовое, д. – 526
Шикчинская вол. – 49, 282, 295
Шихшит – 125
Шилек, р. – 509
Шуево, д. – 368
Эбаргуль, д. – 368, 371, 421, 423, 457, 511
Эмба, р. – 103–104, 165, 275
Эскалбинская, вол. – 297
Югра – 161, 172, 188, 282, 581, 621
Юргинский, р-н – 54
Юрмы, д. – 197–198, 571, 627
Юртобор, д. – 17, 72, 559
Юрт Иска, д. – 446, 449–451
Якуши, д. – 559
Ялуторовск, г. – 37, 42, 76–77, 294, 298, 300, 321, 323, 338, 340, 380, 451, 509–510, 521–522, 529, 535–537, 559, 564–565, 567, 577, 587, 590, 594, 596, 602, 626, 635
Ялым, г. – 255, 269
Янтык, д. – 339, 446, 449–451, 559–560, 564, 567
Яр, с. – 72, 380
Яргуль, д. – 554
Ясашная гора, м-к – 28
Ясколбинская, вол. – 265, 283
Яркенд, г. – 135, 311, 528
Ярково, д. – 578
Ярково, с. – 602
Ярковская, вол. – 7
Ярковский, р-н – 17, 71, 73, 77, 321, 338, 340, 481, 509, 520, 535, 559, 560–564, 577–578, 625, 627
Яшкинский, р-н – 54
Яя, р. – 28

Указатель этнических, этнополитических, этносоциальных и этноконфессиональных терминов

Абазины – 34–35
Абхазы – 34–35
Адыги – 34–35
Аланы – 101, 135–136, 147, 150, 154
Алтайцы – 8, 23, 34–35, 53, 55, 58–61, 68, 108, 126, 220, 353, 492, 537, 541, 569, 570–571, 591
Андреевские татары – 263
Астраханские татары – 3, 11, 417, 443, 445, 448, 454, 474, 553, 594
Асы – 135, 150
Аялынско-туралинские татары – 17–18, 20, 27, 536
Аялы – 9, 17–18, 20–21, 27, 48–49, 165, 198, 199, 251, 253, 260, 263, 271, 536
Балкарцы – 62
Басмылы – 94–95, 117, 152
Барабинские татары – 6, 9, 15, 17, 20, 21, 23, 27, 29, 30, 36, 37, 38, 43, 51, 53–64, 67, 69, 70, 71, 198, 214, 251, 263, 267, 347, 350, 355, 357, 359, 370, 372, 393, 396, 399, 403, 419–420, 425–426, 429–430, 439–440, 457–458, 460, 469, 471, 483, 485, 486–487, 489–492, 494, 533, 535, 541, 542, 551–554, 557, 568, 570, 572, 574, 575
Баргут – 124, 125, 126, 139, 152
Башкиры – 34–36, 49, 53, 59–61, 63–64, 68, 78, 80, 103, 128, 135, 139, 149, 153, 153–154, 158, 167, 172–175, 183, 188, 193, 194–200, 203–205, 207, 253, 255, 260, 262, 274–276, 287, 289, 302, 319, 329, 330–332, 334, 346, 349–350, 393, 407, 410, 413–414, 418, 436
Бикатин – 196
Булар – 132–133, 135
Буйрак – 151–152, 161, 170–171
Буркут – 134, 137, 139, 151–152, 161, 164, 168, 170, 180, 183, 188, 200
Бухарцы – 6, 33, 35, 36, 38, 39–40, 42, 45, 295–296, 300–301, 303–304, 311–312, 315, 516, 587–588, 593
Вогулы – 47, 182, 188, 191, 193–194, 204, 250, 252, 265–266, 268, 272, 282, 287–288, 347
Волго-уральские татары – 11–12, 195–196, 202, 340–341, 343, 351, 354, 406, 408, 409–410, 412–414, 416–418, 421, 455
Волжские булгары – 102, 131–133, 135–136, 147, 149, 153, 166, 168, 172, 174–175, 195–196, 199, 415, 494
Гузы – 110
Джалаиры – 110, 121, 143, 153, 254, 261–262
Заболотные татары – 32, 34, 36, 52, 54, 56, 58–63, 65, 69–70, 340, 473, 476–477, 489, 537, 540–544, 548, 550–551, 587
Илбары – 141, 495
Иштякско-тогузские татары – 3, 34, 36, 587
Иштяки – 44, 47, 74, 158, 196–200, 553
Йемеки – 95, 100, 111, 129, 130–131, 135, 139, 141–144
Кабардинцы – 35, 279
Казанские татары – 35–36, 38, 41, 61, 66, 167, 196, 202–204, 207, 255, 307, 411, 553
Казахи – 20, 27, 29, 35, 38–39, 61–64, 67–68, 74, 76, 80, 156, 171, 181, 189–190, 192, 197, 204, 207, 210, 212, 214, 223, 230, 243, 245–247, 253–254, 263, 274, 277, 310, 334, 393, 400, 410, 413–414
Калмаки – 23, 37, 39, 49, 54, 587
Кай – 109, 111, 117, 143–144, 343
Канглы – 110, 124, 128–131, 135, 140–144, 149, 151, 495
Карачаевцы – 34–35
Карагай – 49
Каракалпаки – 34–35, 61, 63–64, 76, 413, 559, 570
Кара-китаи – 110–111, 143
Кара-кыпчак – 183, 198, 497–498
Караногайцы – 34–36
Карлуки – 80, 94–96, 99–102, 104, 151, 170–171, 495
Кереиты – 110, 112–113, 118, 138–139, 143, 152, 157
Кеты – 17, 256, 261, 489
Куманы – 100–102, 147
Кимаки – 29, 95–107, 117–118, 123–124, 127, 129, 136, 139–140, 143–145, 149, 151, 153, 157
Кипчаки – 80, 96, 128, 130–132, 134–135, 140–141, 145–146, 150, 152, 407, 413, 418
Кидани – 82, 93–95, 99, 108, 110–112, 119, 497
Кингиты – 123–124, 130, 136, 139, 152
Киргизы – 34–35, 53, 60, 64, 68, 74, 92, 124–126, 150, 153, 175, 204, 223, 230, 261, 287, 346, 413–414, 418, 537, 562, 571
Киргис-кайсаки – 289
Китайцы – 84, 87, 93–94, 115
Кияты – 109–110, 112–113, 139, 161, 170
Куин – 113
Кыйат – 133–134, 137, 139, 151–153, 164, 179, 201
Куны – 50, 143, 147

Крымские татары – 34–36, 185, 277, 314, 407, 410, 414–415, 417–418, 595
Кряшены – 60, 62, 349, 354, 358, 406, 408, 411–414, 416, 454–455, 562
Курдакско-саргатские татары – 36–37, 267, 381, 383–384, 387, 392–393, 396–397, 399, 458–460, 462, 464, 467–471, 486, 489–491, 533, 535, 539, 542, 544, 550
Курдак – 9
Кызыльцы – 20, 28, 261, 263
Любейско-тунусские татары – 21
Маджары –132
Манси – 16, 20, 47, 158, 212, 249, 260, 282, 393, 559
Мишари – 41, 54, 195, 308, 341–342, 351, 357, 406–410, 414, 434, 437, 439, 441, 443, 445, 454, 567
Меркиты – 110, 113, 124, 128, 131, 138, 140–141, 143, 152, 157
Монголы – 13, 17, 18, 20, 24, 27, 35, 69, 81–82, 107–116, 118–124, 126–129, 131–136, 138–140, 142–147, 149–153, 155–159, 164, 171–172, 196–197, 199, 215, 220, 228, 263, 274, 276–277, 287, 369, 413–416, 418, 434, 548, 559
Нанга – 9
Селькупы – 16, 17, 20, 24, 27, 29, 256, 272
Найманы – 110, 112–113, 118, 124, 125, 127, 128, 131, 138–140, 143, 149, 151–153, 157, 161, 170–171, 199, 263, 495
Ногайцы – 47, 67, 74, 197, 203–204, 207, 253, 258, 263, 286, 346, 350, 407, 414, 418, 435, 494, 498, 570–571
Нугай – 196, 198
Нукусы – 168
Искеро-тобольские татары – 31–34, 36, 47, 196, 587–593
Обские татары – 23–24, 27, 37–38, 288
Обские угры – 17, 29, 71, 489
Огузы – 60, 92, 95, 96, 98–104, 110, 117, 152, 196, 197, 488
Ойраты – 110, 119, 124–125, 138, 150, 152, 274–276, 287
Онгуты – 110, 114, 143
Остяки – 47, 127, 183, 191, 193, 194, 197, 198, 199, 200, 208, 212, 242, 247, 251, 253, 272, 282, 288, 291, 346, 347, 546, 553
Печенеги – 99–100, 102
Поволжские татары – 46, 294, 358, 360, 535, 541, 547
Русские – 5, 7, 10, 12, 16, 21, 23, 36–38, 43, 44, 46, 57, 62, 69, 74, 75, 77–79, 99, 127, 132–133, 135, 137, 146, 155, 159, 162, 176–178, 181–184, 187–188, 190, 192–193, 197–198, 202–211, 219–220, 223, 229–230, 240–243, 246–249, 253–259, 261–265, 267–268, 271–273, 275, 277, 279, 282–287, 289–293, 295, 299–300, 303–307, 310–313, 325–326, 328, 332–333, 336–338, 340, 342, 344, 347, 351, 355, 357, 359, 362, 363, 367, 375–376, 378–380, 386–388, 391, 393, 396, 409–410, 413, 419, 421, 452–453, 467, 481–482, 496, 501, 503, 508, 516, 526, 555, 559, 563, 574, 577, 578, 592, 593, 607–608, 614, 620, 638, 643
Салджиуты – 167–168, 170
Салымские ханты – 20
Саки – 416
Сибирские татары – 4, 3, 5–13, 15–17, 28–42, 44, 46, 48–56, 58, 62, 66, 68–73, 77–78, 80, 127, 158, 196–198, 202–206, 208, 210–211, 223, 225–226, 239–240, 243, 245, 247, 255, 259, 261, 263–268, 270–271, 275, 282–283, 287, 289, 293–295, 297, 301, 303–305, 310, 312, 314, 321–322, 326, 335–336, 338–340, 343, 345–351, 353, 355–397, 399–401, 403–406, 410–412, 414, 416–423, 425, 427, 428–429, 43–433, 435–436, 438, 440–446, 448–449, 451, 453, 545–458, 460, 462–465, 467, 469–473, 475, 477–479, 481–494, 496–499, 501–504, 506–508, 510, 517–520, 527, 531–553, 555, 557–561, 563–575, 586–593, 595–603, 624–625, 627, 630
Сиджиуты – 123–124, 130, 136, 139, 152
Славяне – 418, 434, 615
Сыпыр – 13, 44, 47, 127, 197, 199, 439
Табын – 45, 139, 183, 195, 203, 205, 274, 496, 497
Тав – 49
Тарлык – 50, 568
Тарские татары – 36, 37, 49, 208, 251, 263, 265, 344, 371, 374, 382, 394, 403, 458, 459, 461–462, 464–471, 473, 475–477, 479–480, 482, 486, 489, 533–554, 557
Татары – 3–18, 20–21, 23–24, 27–75, 77–81, 92, 96, 100–101, 107, 110–111, 112–123, 127–128, 130, 132–150, 152–158, 161, 164, 167–169, 174, 176–178, 183–185, 188–189, 192, 194–200, 202–208, 210–214, 218–221, 223, 225–231, 233–235, 239–240, 242–295, 297–310, 312–323, 325–326, 328–397, 399–436, 438–446, 448–510, 514–520, 524–525, 527–529, 531–645
Тоболо-иртышские татары – 8, 9, 13, 15, 17–18, 20–21, 23, 27, 29, 30, 31–38, 43, 48, 51–56, 58–59, 67, 69, 71–72, 78, 260, 263–264, 364, 367, 375, 378, 393, 401, 439, 454, 472, 474, 476–477, 479–483, 485, 488, 491, 508, 510, 514, 533, 535, 538–539, 541, 543, 544, 546–547, 549–550, 552, 557, 587–593
Тобольские татары – 6, 9, 17, 20, 33–34, 36–38, 40, 45, 47, 51, 54, 69, 73, 198, 261, 264–265, 267, 284, 285, 287, 290–291, 293, 298, 302,

305, 309, 312, 340, 342, 345, 347, 349, 350–352, 354, 355, 358, 366, 369, 380, 399, 419, 441, 454, 454, 461, 476–477, 489–490, 492, 509, 525, 541–543, 547–548, 551–552, 568, 571, 587–593
Томские татары – 6, 9, 15, 17, 20, 23–24, 27–29, 37–38, 43, 53–55, 264–265, 293–294, 347, 355, 393, 396, 403, 458, 461, 468, 483, 485, 488, 491–492, 551, 555, 557, 624
Токуз-гузы – 96, 98–99, 100–102
Тайджуиты – 110, 113
Телеуты –6, 20, 23, 54, 68, 267
Тубыллык – 9
Тубалас – 173
Тугус – 9
Тунус – 21
Тюменско-туринские татары – 36, 486, 539, 540, 587, 590
Туматы – 73, 110, 125–126, 128–129, 139, 150
Тюмен – 134, 137, 151–152, 161, 170–171
Терат – 113
Терсяк – 191, 196
Туралы – 261, 263
Тюменские татары – 6, 9, 17–18, 20–21, 36–40, 44–46, 48, 51, 54, 60–62, 64, 69, 174, 189, 202, 255, 260, 263–265, 267, 290–291, 340, 342–343, 345–355, 358, 419, 439, 441, 474, 476–477, 486, 489, 496, 535, 539, 540–543, 551–552, 559, 568, 587, 588–593, 624
Тюрки – 3, 5–6, 8–13, 15–17, 20–21, 23–24, 27–29, 31, 34, 36–37, 40, 42, 44, 47–50, 53–58, 63, 65–69, 71–73, 76–78, 80–101, 104–112, 114–129, 131, 139–140, 142–158, 161, 163, 168–169, 172–173, 176–177, 180, 182,195–199, 205,223, 231, 247, 263–264, 267, 270–272, 276, 301, 304, 313–314, 317, 321, 328, 474, 477, 485–486, 488–490, 492–494, 498, 505–506, 508–509, 533–535, 539, 541, 545, 548, 550, 552, 562, 568–570, 572, 575, 601–602, 620, 625, 628
Угры – 17, 20–21, 29, 48, 54, 101, 153, 158, 239, 272, 275, 393, 396, 489
Уйгуры – 60, 62, 95–96, 100, 110, 112–113, 116–118, 121, 141, 142–144, 149, 151–152, 169, 263, 300, 438, 559, 571
Урянхаты – 110
Узбеки – 34–35, 61–63, 65, 67–68, 76, 80, 154, 179–181, 183, 185, 197, 207
Уран – 141–142, 160
Хакасы – 17, 27–29, 53, 60–61, 64, 68, 126, 156, 178, 201, 210, 214, 261, 274, 300, 376, 378, 393, 400–401, 413–414, 418, 466–467, 485, 494, 496, 499, 501, 503–504, 516, 537, 559, 562, 569–571
Ханты – 16, 20, 23, 47, 198, 205, 208, 230, 249, 251, 252, 256, 260, 282, 393, 497, 546, 553, 559
Хошуты – 274
Хушины – 123–124, 136, 138–139, 247
Чаты – 23, 37, 38, 54–55, 57, 61, 63, 70, 267, 272, 275, 587
Чой – 21
Черемисы – 247
Черкесы – 35, 135–136, 146, 154, 170
Чжурчжэны – 110–112, 119–120
Чуваши – 34–35, 44, 72, 167, 195–196, 204, 210, 438, 454, 562
Чулымские тюрки – 17, 20–21, 23, 27–29, 263–264
Чулымские татары – 6, 17, 288, 587
Шибаны – 44, 496
Ширин – 150, 152–153
Эуштинские татары – 23–24, 27, 37, 54–55, 57, 61, 63, 70, 265
Югра – 188
Юрматы – 196, 200
Яскалбы – 9
Ялуторовские татары – 31–36, 399, 544–545, 587, 590, 591, 593

Сведения об авторах

Агджоян Анастасия Торосовна – научный сотрудник лаборатории геномной географии ФГБУН «Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН» (г.Москва)

Алишина Ханиса Чавдатовна – д.филол.н., профессор кафедры общего языкознания Института филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» (г.Тюмень)

Багашев Анатолий Николаевич – д.и.н., директор ФГБУН «Институт проблем освоения Севера СО РАН» (г.Тюмень)

Балановская Елена Владимировна – д.б.н., профессор, заведующая лабораторией популяционной генетики человека ФГБНУ «Медико-генетический научный центр» (г.Москва)

Балановский Олег Павлович – д.б.н., заведующий лабораторией геномной географии ФГБУН «Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН» (г.Москва)

Баязитова Флера Саидовна – д.филол.н., ведущий научный сотрудник отдела лексикологии и диалектологии обособленного структурного подразделения «Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ» ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (г.Казань)

Беляков Андрей Васильевич – к.и.н., доцент кафедры философии, социологии, истории ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет путей сообщения» (МИИТ) филиал в г.Рязани (г.Рязань)

Бобров Игорь Владимирович – к.и.н., начальник отдела по взаимодействию с политическими партиями, общественными объединениями и профилактике экстремистских проявлений Комитета по делам национальностей Тюменской области (г.Тюмень)

Буреева Фарида Мухаматшарыповна – к.и.н., заместитель директора по научной работе БУК «Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля» (г.Омск)

Габдрахманова Гульнара Фаатовна – д.соц.н., доцент, заведующая отделом этнологических исследований ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)

Гарифуллин Изиль Бадретдинович – к.и.н. (г.Тюмень)

Долинина Дарья Олеговна – аспирант кафедры генетики ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г.Кемерово)

Дружинин Владимир Геннадьевич – д.б.н., профессор, заведующий кафедрой генетики, проректор по научной работе ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г.Кемерово)

Жабагин Максат Кизатович – младший научный сотрудник департамента геномной и персонализированной медицины, Центр Наук о Жизни, Назарбаев Университет (г.Астана)

Зиннатуллина Гулюса Ильфатовна – к.и.н. (г.Тюмень)

Исхаков Дамир Мавлявеевич – д.и.н., главный научный сотрудник отдела этнологических исследований ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)

Коломиец Оксана Петровна – к.и.н., заведующая сектором комплексного исследования Чукотки лаборатории истории и экономики ФГБУН «Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН» (г.Магадан, г.Анадырь)

Корусенко Светлана Николаевна – к.и.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН», доцент кафедры этнологии, антропологии,

археологии и музеологии ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» (г.Омск)

Кумеков Булат Ешмухамбетович – д и.н., профессор, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, профессор РГП на ПХВ Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г.Астана), директор Международного института кипчаковедения РГП на ПХВ Казахского национального университета им. Аль-Фараби (г.Алматы)

Кузнецова Марина Александровна – научный сотрудник лаборатории популяционной генетики человека ФГБНУ «Медико-генетический научный центр» (г.Москва)

Лавряшина Мария Борисовна – д.б.н., профессор кафедры генетики ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г.Кемерово)

Маслюженко Денис Николаевич – к.и.н., доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВПО «Курганский государственный университет» (г.Курган)

Матвеев Алексей Викторович – к.и.н., заместитель директора по развитию основной деятельности БУК «Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля» (г.Омск)

Мустакимов Ильяс Альфредович – к.и.н., заведующий сектором научного использования архивных документов и международных связей Главного архивного управления при Кабинете Министров Республики Татарстан (г.Казань)

Падюкова Асия Дамировна – аспирант кафедры генетики ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г.Кемерово)

Рамазанова Дария Байрамовна – д.филол.н., ведущий научный сотрудник отдела лексикологии и диалектологии обособленного структурного подразделения «Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ» ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (г.Казань)

Рахимов Ришат Халитович – директор Центра музейных технологий и научных экспертиз «Музеум-Студия» (г.Тюмень)

Садыков Клим Султанович – к.пед.н. (г.Тобольск)

Сайфулина Флера Сагитовна – д.филол.н., профессор, заведующая кафедрой татарской литературы ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г.Казань)

Сафаралеева Юлия Уразмухаметовна – к.и.н., доцент филиала ФГБОУ ВО «Тюменский государственный нефтегазовый университет» в г.Нефтеюганске (г.Нефтеюганск)

Селезнев Александр Геннадьевич – к.и.н., доцент, заведующий сектором этнографии Омского филиала ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН», доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» (г.Омск)

Селезнева Ирина Александровна – к.и.н., доцент, директор Сибирского филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва», доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» (г.Омск)

Смирнова Елена Юрьевна – к.и.н., заместитель по научной работе директора Омского филиала ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г.Омск)

Сурметова Луиза Раисовна – к.филол.н. педагог дополнительного образования по вокалу МАОУ ДОД ДДТ «Созвездие» (г.Тюмень)

Суслова Светлана Владимировна – к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)

Схаляхо Роза Арамбиевна – к.б.н., старший научный сотрудник лаборатории популяционной генетики человека ФГБНУ «Медико-генетический научный центр» (г.Москва)

Татауров Сергей Филиппович – к.и.н., доцент, заведующий сектором археологии Омского филиала ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г.Омск)

Тихомирова Марина Николаевна – к.и.н., старший научный сотрудник Омского филиала ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г.Омск)

Томилов Николай Аркадьевич – д.и.н., директор Омского филиала, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г.Омск)

Трепавлов Вадим Винцерович – д.и.н., главный научный сотрудник, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений ФГБУН «Институт российской истории РАН» (г.Москва)

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна – к.и.н., доцент ФГБОУ ВО «Тобольский государственный педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал) ТюмГУ», научный сотрудник ФГБУН «Тобольская комплексная научная станция УрО РАН» (г.Тобольск)

Ульянова Марина Владиславовна – к.б.н., доцент кафедры генетики ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г.Кемерово)

Уразманова Рауфа Каримовна – к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)

Хайруллина Нурсафа Гафуровна – д.соц.н., профессор кафедры социального менеджмента ФГБОУ ВО «Тюменский государственный нефтегазовый университет» (г.Тюмень)

Халиков Наиль Альфредович – к.и.н., старший научный сотрудник отдела вещевых источников ГБУК «Национальный музей Республики Татарстан» (г.Казань)

Хакимов Рафаиль Сибгатович – д.и.н., вице-президент Академии наук РТ, директор ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» (г.Казань)

Хисаметдинова Гульфира Сафетовна – преподаватель Тобольского рыбопромышленного техникума (филиал) ФГБОУ ВПО «Дальрыбвтуз» (г.Тобольск)

Худяков Юлий Сергеевич – д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, ФГБУН Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, профессор кафедры археологии и этнографии ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный университет» (г.Новосибирск)

Черепанов Максим Сергеевич – к.полит.н., научный сотрудник лаборатории антропологии и этнологии ФГБУН «Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН» (г.Тюмень)

Чухряева Марина Игоревна – научный сотрудник лаборатории популяционной генетики человека ФГБНУ «Медико-генетический научный центр» (г.Москва)

Шишелякина Алёна Леонидовна – к.и.н., научный сотрудник лаборатории антропологии и этнологии ФГБУН «Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН» (г.Тюмень)

Ярзуткина Анастасия Алексеевна – к.и.н., научный сотрудник кафедры общих дисциплин Чукотского филиала ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова» (г.Анадырь)

Оглавление

Предисловие *(Рафаэль Хакимов)* 3

Введение. История изучения тюрко-татарского населения Западной Сибири *(Зайтуна Тычинских)* 5

Глава 1. Общая характеристика 17

§ 1. Популяционно-антропологическая структура *(Анатолий Багашев)* 17
§ 2. Своеобразие генофонда *(Анастасия Агджоян, Асия Падюкова, Максат Жабагин, Зайтуна Тычинских, Мария Лавряшина, Марина Кузнецова, Роза Схаляхо, Марина Чухряева, Елена Балановская, Олег Балановский)* 30
§ 3. Демографическая и географическая характеристики *(Светлана Корусенко, Николай Томилов)* 36
§ 4. Формирование этносословной структуры *(Зайтуна Тычинских, Дамир Исхаков)* 44
§ 5. Языковые особенности *(Дария Рамазанова)* 51
§ 6. Топонимические легенды *(Ханиса Алишина)* 71

Глава 2. История тюрко-татарского населения Сибири 81

§ 1. Древняя история Западной Сибири. Тюркский каганат (I и II) *(Юлий Худяков)* 81
§ 2. Кимакский каганат *(Булат Кумеков)* 95
§ 3. Великое Монгольское государство. От монголов к татаро-монголам *(Дамир Исхаков)* 107
§ 4. Образование Золотой Орды и формирование средневекового татарского этноса *(Дамир Исхаков)* 122
§ 5. Владения Шибана и Шибанидов в составе Улуса Джучи *(Денис Маслюженко)* 157
§ 6. Источники по истории владений Шибана и Шибанидов в золотоордынское время *(Ильяс Мустакимов)* 168
§ 7. Тюменское и Сибирское ханства *(Денис Маслюженко)* 177
§ 8. Взаимосвязи тюрко-татарских государств Западной Сибири и других регионов *(Дамир Исхаков)* 195
§ 9. Военное дело и вооружение Сибирского ханства *(Алексей Матвеев, Сергей Татауров)* 205
§ 10. Присоединение Сибирского ханства и начало колонизации Сибири *(Зайтуна Тычинских, Дамир Исхаков)* 241
§ 11. Социальные и экономические аспекты истории Сибирского ханства *(Зайтуна Тычинских)* 260
§ 12. Судьба Сибирского ханства и борьба кучумовичей за независимость в конце XVI – XVII вв. *(Вадим Трепавлов)* 271
§ 13. Кучумовичи в России конца XVI – XVII вв. *(Андрей Беляков)* 277
§ 14. Основные направления политики Русского государства в отношении сибирских татар до конца XVII в. *(Зайтуна Тычинских)* 282
§ 15. Историческое развитие татар в XVIII – начале XX вв. *(Дамир Исхаков, Зайтуна Тычинских)* 294
§ 16. Советские довоенный и военный периоды развития *(Изиль Гарифуллин, Зайтуна Тычинских)* 314
§ 17. Развитие просвещения *(Клим Садыков, Юлия Сафаралеева, Гульфира Хисаметдинова)* 321

Глава 3. Традиционное хозяйство и материальная культура ... 340
§ 1. Жилище *(Юлдус Мухаметшин)* ... 340
§ 2. Хозяйство *(Наиль Халиков)* ... 355
§ 3. Путешествия *(Алексей Матвеев)* ... 360
§ 4. Народный костюм *(Елена Смирнова)* ... 376
§ 5. Декоративно-прикладное искусство *(Фарида Буреева)* ... 393
§ 6. Золотное шитье *(Светлана Суслова)* ... 405
§ 7. Ювелирные украшения *(Светлана Суслова)* ... 411
§ 8. Пища *(Марина Тихомирова)* ... 419

Глава 4. Традиционные обряды и праздники ... 433
§ 1. Языковая терминология обрядовой культуры *(Флера Баязитова)* ... 433
§ 2. Годовой цикл традиционных обрядов и праздников *(Рауфа Уразманова)* ... 446
§ 3. Свадебный обряд *(Оксана Коломиец)* ... 455
§ 4. Родильные обряды *(Зайтуна Тычинских)* ... 472

Глава 5. Общественная жизнь и духовная культура ... 478
§ 1. Горизонтальная структура мифологического пространства *(Алексей Матвеев)* ... 478
§ 2. Мифологические представления и реликты доисламских верований *(Анастасия Ярзуткина)* ... 483
§ 3. Распространение ислама в Сибири и его локальные особенности *(Дамир Исхаков)* ... 494
§ 4. Культ святых *(Александр Селезнев, Ирина Селезнева)* ... 508
§ 5. Институт Астаны *(Ришат Рахимов)* ... 519
§ 6. Народные медицинские знания *(Гулюса Зиннатуллина)* ... 532
§ 7. Традиционная музыкальная культура *(Луиза Сурметова)* ... 552
§ 8. Народное поэтическое творчество. Фольклор *(Флера Сайфулина)* ... 567

Глава 6. Этносоциальные процессы во второй половине XX в. и в постсоветский период ... 576
§ 1. Демографическая ситуация *(Гульнара Габдрахманова, Зайтуна Тычинских)* ... 576
§ 2. Трехпоколенная динамика особенностей воспроизводства локальных популяций *(Марина Ульянова, Мария Лавряшина, Дарья Долинина, Зайтуна Тычинских, Владимир Дружинин)* ... 586
§ 3. Этнополитические процессы и формирование национальных общественных объединений *(Зайтуна Тычинских, Дамир Исхаков)* ... 593
§ 4. Социальная структура и социальная ситуация *(Зайтуна Тычинских, Гульнара Габдрахманова)* ... 604
§ 5. Особенности идентичности *(Гульнара Габдрахманова)* ... 614
§ 6. Этнокультурное развитие *(Зайтуна Тычинских)* ... 624
§ 7. Роль ислама в современной жизни *(Игорь Бобров, Максим Черепанов, Алена Шишелякина)* ... 632
§ 8. Динамика этнокультурных процессов *(Нурсафа Хайруллина)* ... 639

Источники и литература ... 646
Неопубликованные источники ... 646
Опубликованные источники и материалы ... 647
Авторефераты и диссертации ... 652
Литература ... 653

Список сокращений ... 697
Указатель именной ... 700
Указатель политико-географический ... 712
Указатель этнических, этнополитических, этносоциальных и этноконфессиональных терминов ... 720
Сведения об авторах ... 723

В книге использованы цветные иллюстрации из альбома: Сибирские реликвии. Из собраний Тобольского музея / Авт. коллектив: А.Г. Елфимов и др., ред. В.Ф. Петров, дизайн, макет А.Ф. Быков, фотографии В.А. и Е.Н. Савельевы. Тобольск-Верона: фонд «Возрождение Тобольска», 2000.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ТАТАР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Монография

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*
Подписано в печать 15.12.2015 г.
Формат 84x108 $^{1}/_{16}$ Бумага ВХИ. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печатных листов 45,5+3,5 цв. вкл. Тираж 120 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство «Артифакт»
420034, г. Казань, ул. Декабристов, 119/23

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
www.tataroved.ru



Карта Сибири (Тартарии) Йодокуса Хондиуса. XVI в.


ПРТВО КИТАЙСКОЕ
РЕКА КОРГА
СТРЕПЪ
МУГА
ЛЕСКЫ
РЕКА ЛЕНА
РЕКА ОБЬ
РЕКА ЕНИСЕЙ
САМОЕ
РЕКА ЕНИСЕЙ



Карта Сибири С.Ремезова. XVII в.



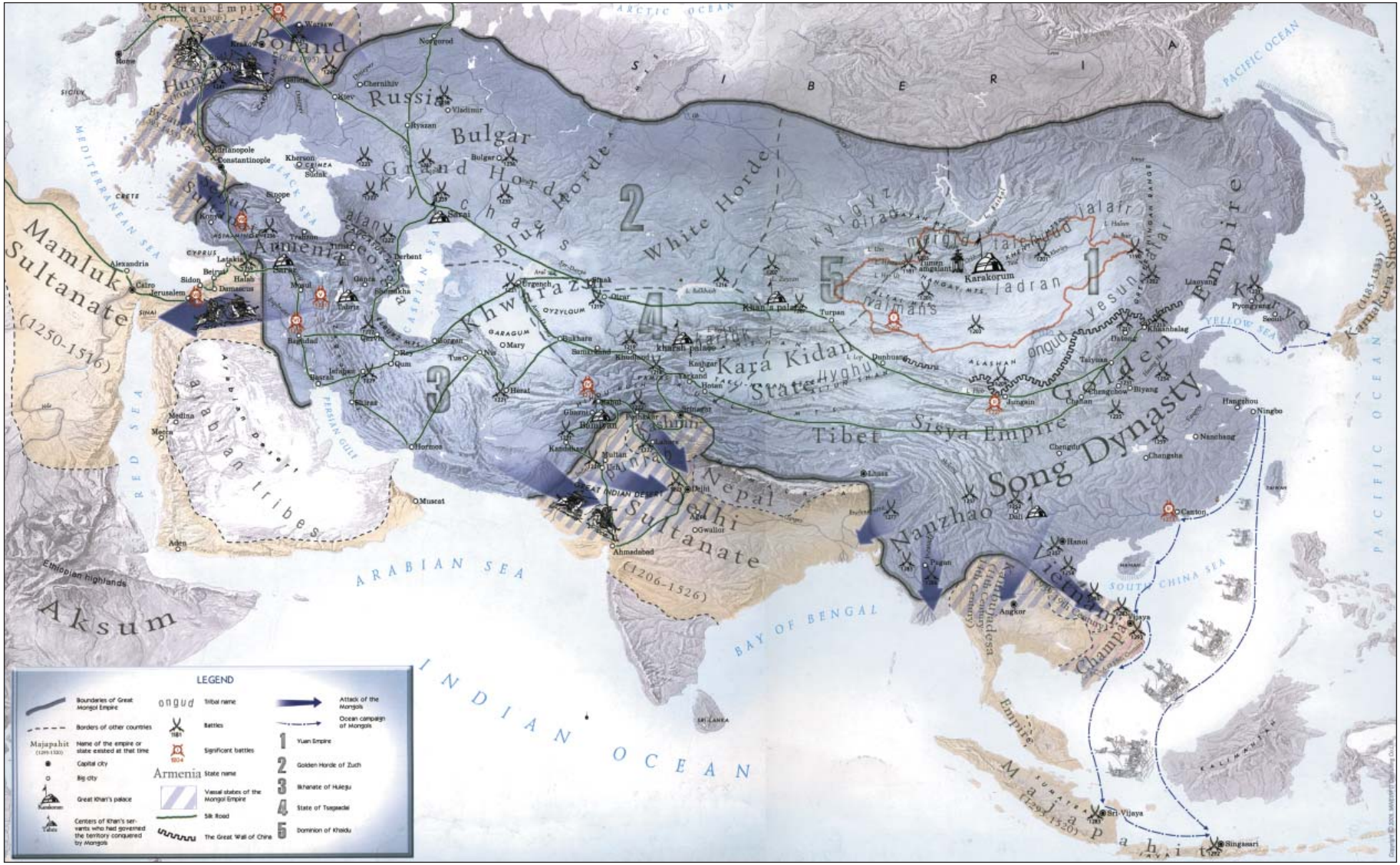
Карта России, Московии и Тартарии А.Дженкинсона. Лондон, 1562. Из испанского издания атласа Абраха Ортелия «Theatrum Orbis Terrarum». Антверпен, 1588–1612 (7) гг.



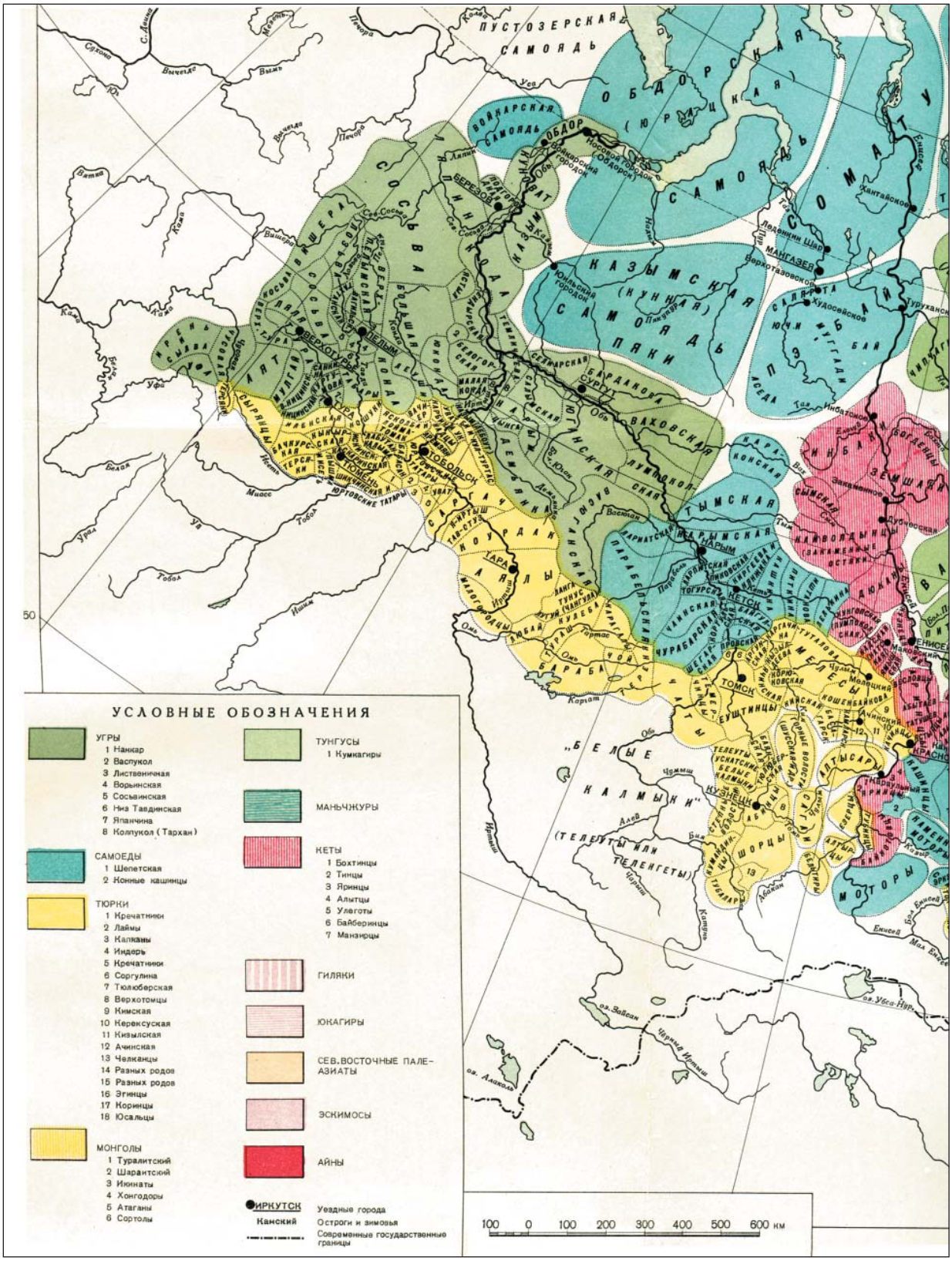
Великий Тюркский каганат 550–659 гг. н.э. (по: Календарь «Nomadic World 1206–2006» / Авт.-сост. D.Burenbat. Ulaanbaatar: Mineral Consulting Company (Mongolia), 2005)



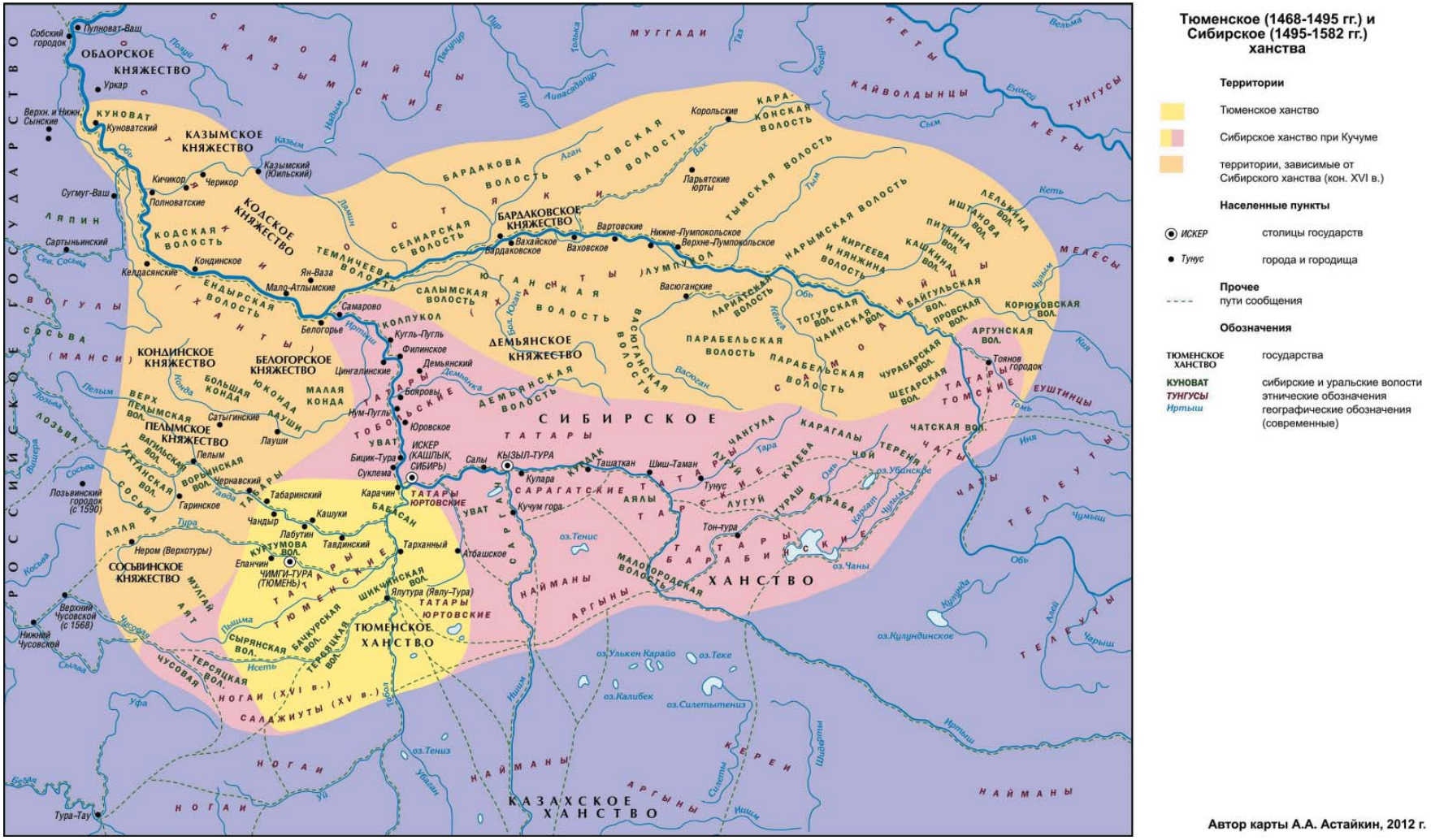
Хамаг Монгол (монг. «Единая Монголия) ханство 1120–1160 гг. (по: Календарь «Nomadic World 1206–2006» / Авт.-сост. D.Burenbat. Ulaanbaatar: Mineral Consulting Company (Mongolia), 2005)



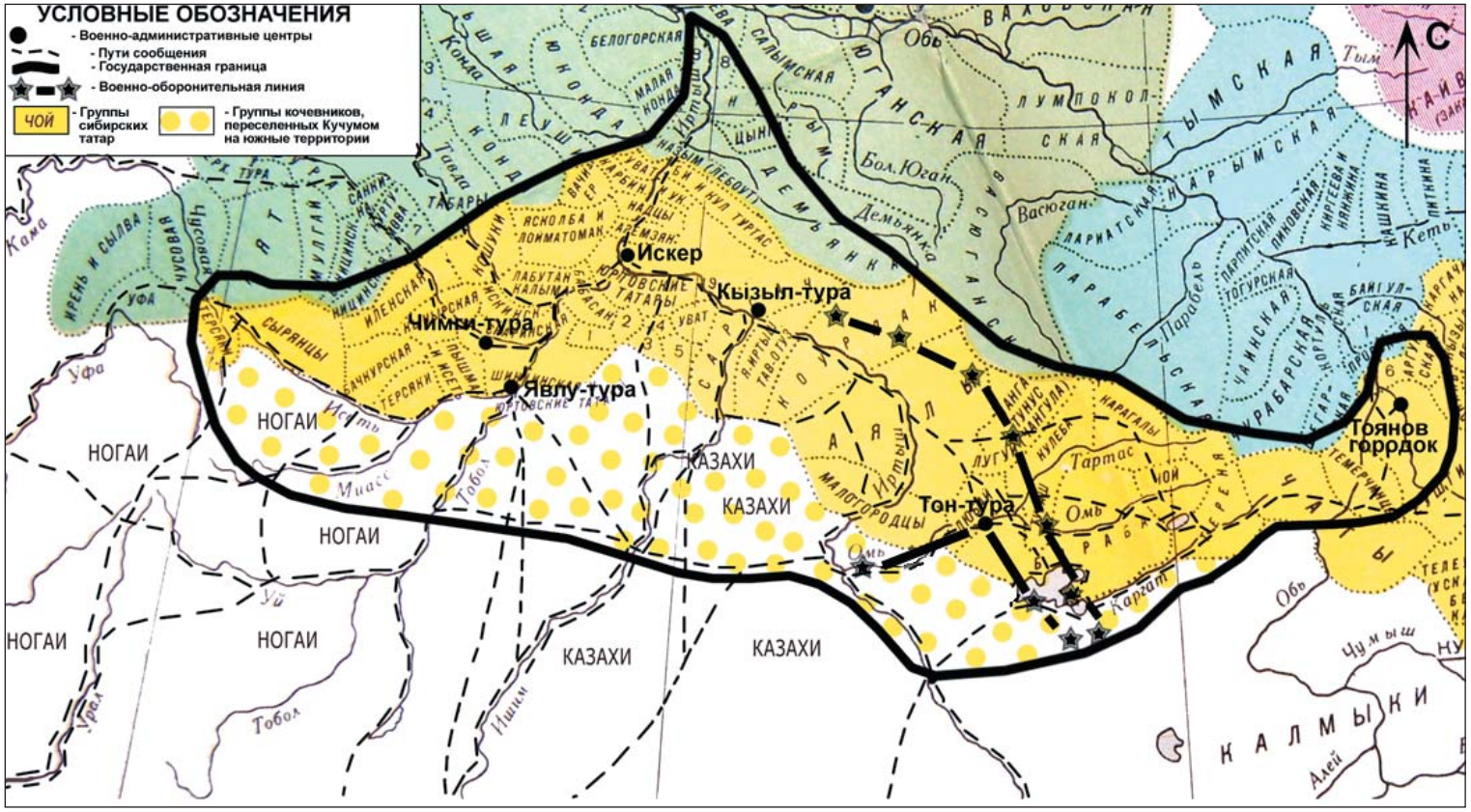
Великая Монгольская империя 1206–1368 гг. (по: Календарь «Nomadic World 1206–2006» / Авт.-сост. D.Burenbat. Ulaanbaatar: Mineral Consulting Company (Mongolia), 2005)



Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в.
(фрагмент по: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов
Сибири в XVII в. Труды Института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая.
Новая серия, том LV. М.: Изд-во АН СССР, 1960, между с.614, 615)



Карта Тюменского и Сибирского ханств. Автор А.А.Астайкин (по: История татар. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. 1080 с. + 32 с. цв. вкл.)



Карта Сибирского ханства к 1580 г. Авторы А.В.Матвеев, С.Ф.Татауров



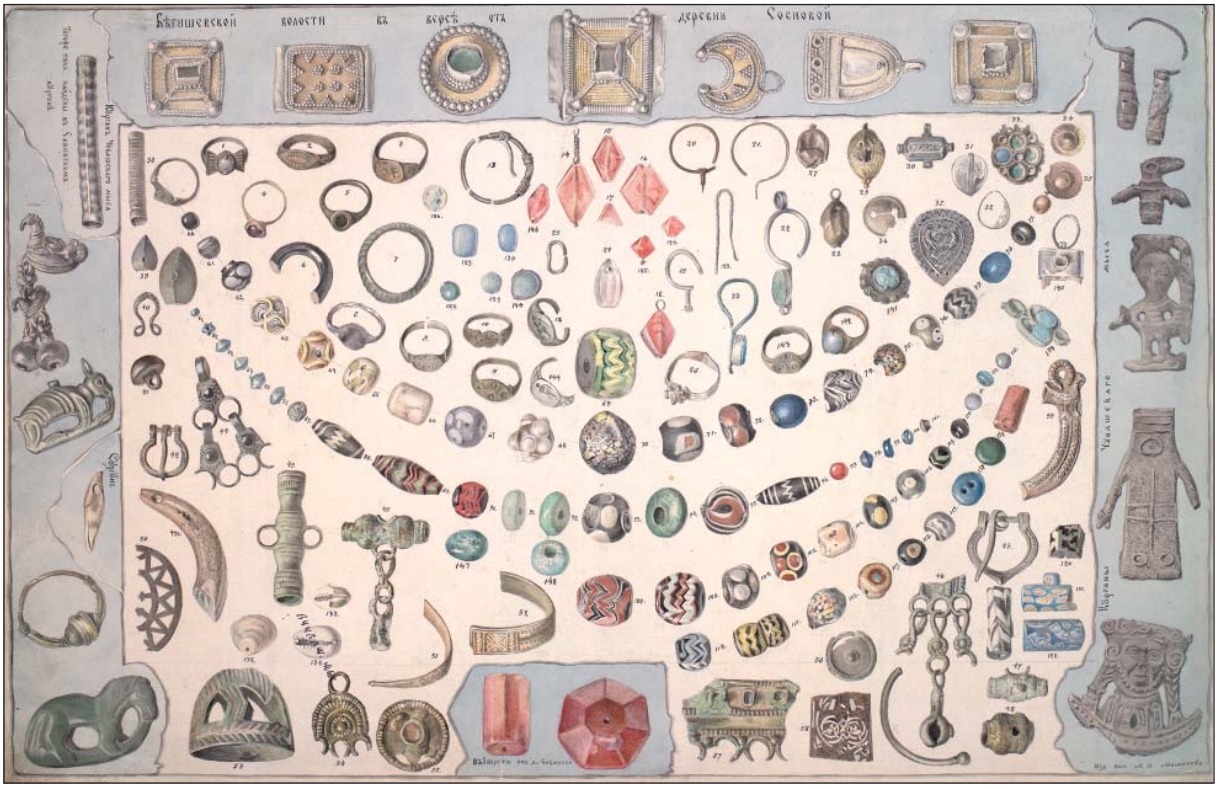
А.Г. Визель. Искер – столица Сибирского ханства. 2002 г. ТИАМЗ



Вид с Искера. 2008 г. Фото Н.П. Туровой



А.П. Зыков. Реконструкция Искера





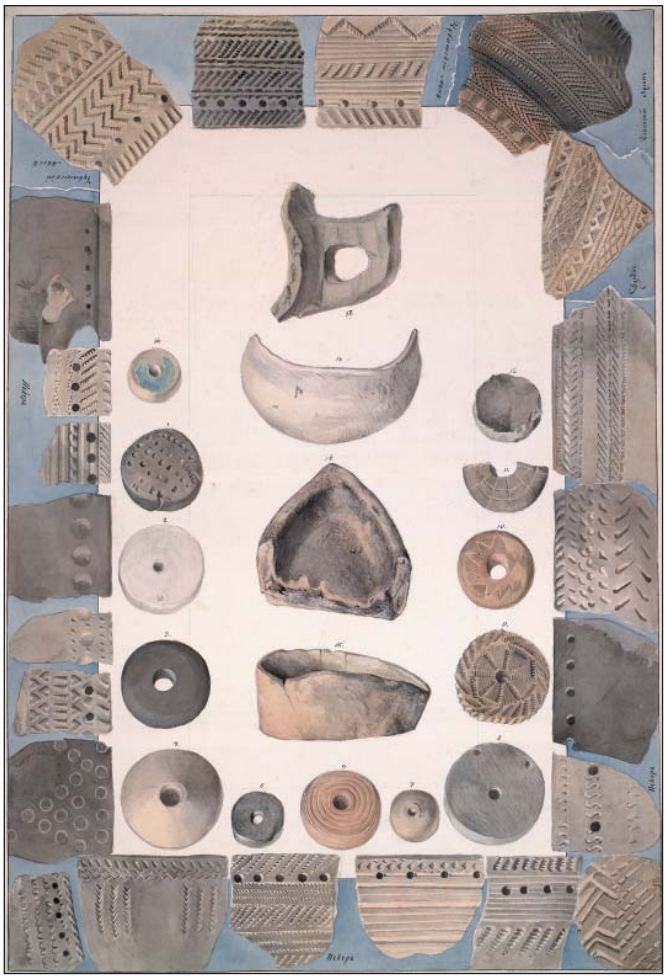
М.С. Знаменский. Находки с Искера. Рис. втор. пол. XIX в. ТИАМЗ





М.С. Знаменский. Находки с Искера. Рис. втор. пол. XIX в. ТИАМЗ





М.С. Знаменский. Находки с Искера.
Рис. втор. пол. XIX в. ТИАМЗ



Участники археологической экспедиции на городище Искер.
Начало 1990-х гг. ТИАМЗ. Фото Л.Н. Сладковой



В.И. Суриков. Покорение Сибири Ермаком. 1895 г.



Неизвестный художник. Ермак.
XVIII в. ТИАМЗ



А.Г. Визель. Взятие Искера.
XX в. ТИАМЗ



Кинжал. XVIII в. ТИАМЗ









Шлемы сибирских татар-воинов. XVII– XVIII вв. ТИАМЗ



М.С. Знаменский. Татары. Втор. пол. XIX в. ТИАМЗ



М.С. Знаменский. Татарки. Втор. пол. XIX в. ТИАМЗ



Жилой дом. Д.Эушта Томской обл. Экспедиция 1997 г. Фото С.В. Сусловой



Жилой дом. Д.Барабинка Томской обл. Экспедиция 1997 г. Фото С.В. Сусловой



Жилой дом. Д.Янтык Тюменской обл. Экспедиция 2012 г. Фото З.А. Тычинских



Д.Ишменево Тюменской обл. Заболотье. Экспедиция 2015 г. Фото З.А. Тычинских



Заготовка льда. Д.Ишменево Тюменской обл. Заболотье. Экспедиция 2015 г. Фото З.А. Тычинских



Купеческий дом.
Татарская слобода г.Томска.
Экспедиция 1997 г.
Фото С.В. Сусловой



Дом Каримбая.
Татарская слобода г.Томска.
Экспедиция 1997 г.
Фото С.В. Сусловой



Купеческий дом. Татарская слобода г.Томска. Экспедиция 1997 г. Фото С.В. Сусловой



Деревянная резьба. Татарская слобода г.Томска. Экспедиция 1997 г. Фото С.В. Сусловой



Резные ворота. Д.Барабинка Томской обл. Экспедиция 1997 г. Фото С.В. Сусловой



Жилой дом. Тюменский район. Экспедиция 2012 г. Фото З.А. Тычинских



Сундук. Экспедиция 2003 г.
Фото Ф.М. Буреевой

Резной деревянный декор ворот.
Экспедиция 2003 г.
Фото Ф.М. Буреевой

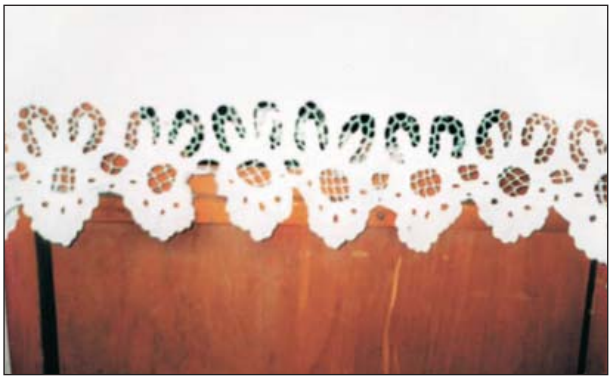




Салфетка. ОГИКМ

Салфетка. ОГИКМ





Салфетка. Экспедиция 2003 г.
Фото Ф.М. Буреевой



Маслобойка. Дерево. Начало XX в. Из фондов музея с.Чикча Тюменского района



Туес берестяной. Начало XX в. Экспедиция 2012 г. Фото З.А. Тычинских



Короб берестяной с крышкой. XIX – начало XX в в. ТИАМЗ



Шкатулка. Металл. XIX в. ТИАМЗ







Кумганы. Металл. XIX в. ТИАМЗ



Тарелка для фруктов. Металл. XIX в. ТИАМЗ



Чайник. Металл. XIX в. ТИАМЗ



Сосуд. Металл. XIX в.
ТИАМЗ



Тобольская татарка в платке «по-татарски». Тюменская область. Конец 1970-х гг. Фото Е.Ю. Смирновой



Комплекс женской одежды. Тарские татары. Школьный музей с.Уленкуль Большеречен-ского района Омской области. Конец XX в. Фото Е.Ю. Смирновой.



Женский головной убор *сарауц*. Тарские татары. Омская область. БИЭМ. Фото Е.Ю. Смирновой



Сарауцы.
Золотное шитье
«тофта»
по шелку.
ТИАМЗ



Сарауц.
Золотное шитье
по бархату.
Гладь вприкреп.
Литой шов.
ТИАМЗ. Фото
С.В. Сусловой



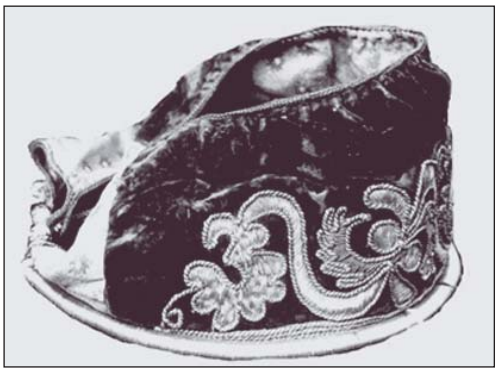
Женская шапка.
Гладь вприкреп.
Литой шов.
ТИАМЗ



Калфак. Золотное шитье.
ТИАМЗ



Мужской головной убор. Гладь
в прикреп. Литой шов. ТИАМЗ



Бархатный сарауц.
Золотная гладь вприкреп. ТИАМЗ



Мужская тюбетейка.
Золотная канитель. ТИАМЗ



Бархатный сарауц. Золотной
ободок. Вышивка бисером. ТИАМЗ



Сарауц. БИЭМ



Тюбетейка. XIX в. ТИАМЗ



Калфак.Бархат, золотное шитье,
синель. XIX в. ТИАМЗ



Тюбетейка. XIX в. ТИАМЗ



Калфак.Бархат, синель. XIX в. ТИАМЗ



Калфак.Бархат, золотное шитье, синель.
XIX в. БИЭМ. Фото С.В. Сусловой



Калфак. XIX в. БИЭМ. Фото С.В. Сусловой



Нагрудник «изю». XIX в. БИЭМ. Фото С.В. Сусловой



Камзол. XIX в.
ТОКМ. Фото С.В. Сусловой



Женская рубаха. XIX в.
ТОКМ. Фото С.В. Сусловой



Пояс мужской. Кожа, металл. XIX в. ТОКМ. Фото С.В. Сусловой





Платье. БИЭМ. Фото Ф.М. Буреевой



Нижний женский нагрудник.
Аппликация. XX в. ТОКМ. Фото С.В. Сусловой



Нижний женский нагрудник. XX в.
Вышивка тамбур. ТОКМ. Фото С.В. Сусловой



Фрагмент вышивки женского передника.
Гладь. XIX в. ТОКМ. Фото С.В. Сусловой



Фрагмент лоскутной дорожки. XIX в.
С.Тохтамышево Томской обл. Экспедиция 1997 г.
Фото С.В. Сусловой



Фрагмент вышивки на молитвенном коврике. Тамбур. XIX в. ТОКМ. Фото С.В. Сусловой



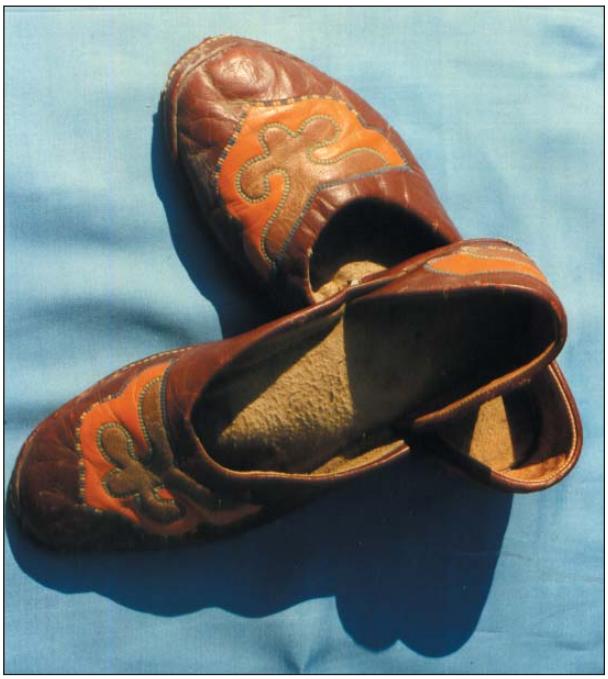
Аппликация тканевая. XIX в. ТОКМ. Фото С.В. Сусловой



Заготовки для женских башмачков. Бархат, вышивка жемчугом. XIX в. ТИАМЗ



Сапожок женский. Кожа, аппликация.
XIX в. ТОКМ



Туфли женские. Кожа,
мозаика. XIX в. ТОКМ



Башмачки женские.
Кожа, вышивка бисе-
ром. XIX в. ТИАМЗ



Туфли женские. Бытовали у всех групп сибирских татар. Изготовлены фабричным/кустарным способом. Омская область. 1950-е гг. БИЭМ. Фото Е.Ю. Смирновой



Ботинки женские. Бытовали у всех групп сибирских татар. Изготовлены фабричным/кустарным способом. Омская область. Первая треть XX в. БИЭМ. Фото Е.Ю. Смирновой



Фрагмент застежки *каптырма*. Курдакско-саргатские татары. Начало XX в. Музей народов Сибири Омского филиала ИАиЭ СО РАН. Фото Е.Ю. Смирновой

Ювелирные украшения знати из фондов ТИАМЗ



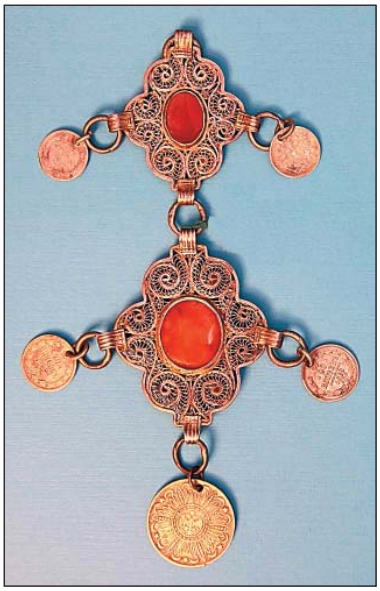
Миндалевидные серьги.
Серебро с позолотой. Плоская скань,
бирюза, самоцветы. XIX в.



Миндалевидные серьги. Металл, кораллы, скань.
Предположительно период Сибирского ханства



Женское нагрудное
украшение-амулет. Металл,
позолота, инкрустация
самоцветами. XIX в.



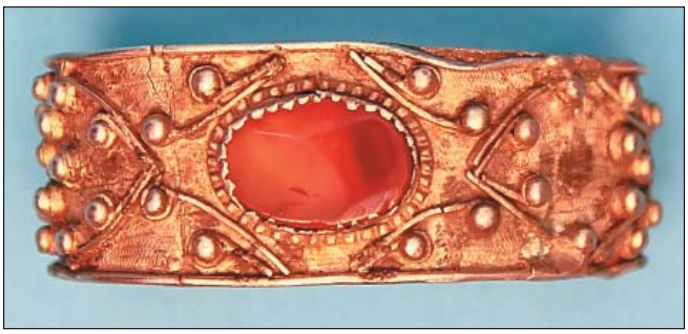
Накосники лопастной
формы *цолбу*. Позолота,
плоская скань. XIX в.



Серьги. Серебро, позолота,
самоцветы. XIX в.



Навершия накосников (юрточек) *цацбау*.
Серебро, самоцветы. XIX в.



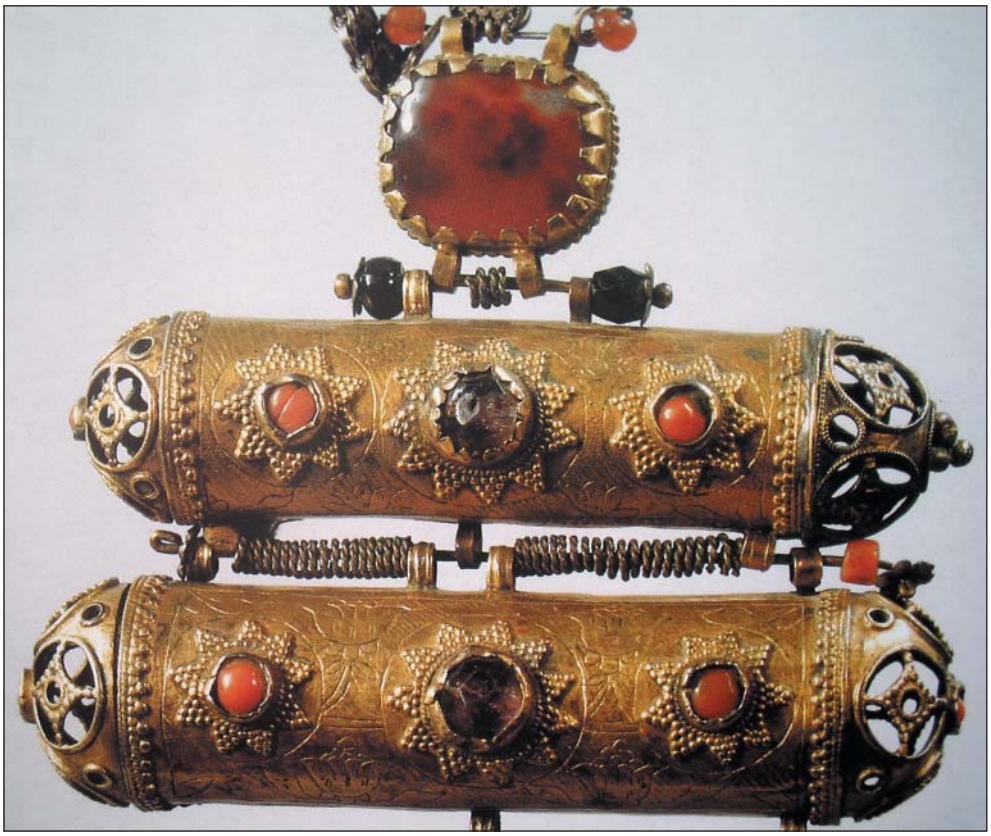
Браслет *белялик*. Ковка, гравировка, накладная филигрань.



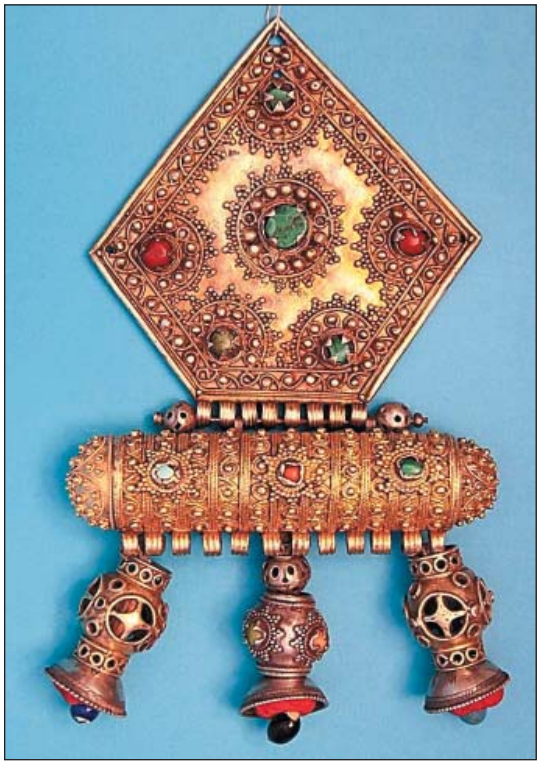
Женское шейное украшение *айчек*. Позолота, чеканка, гравировка, самоцветы



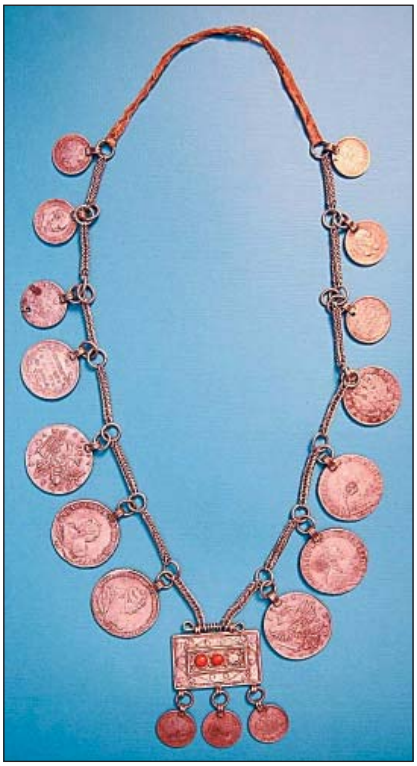
Амулет-украшение *томар*. Позолота, накладная (ложная) зернь, гравировка, самоцветы. XIX в.



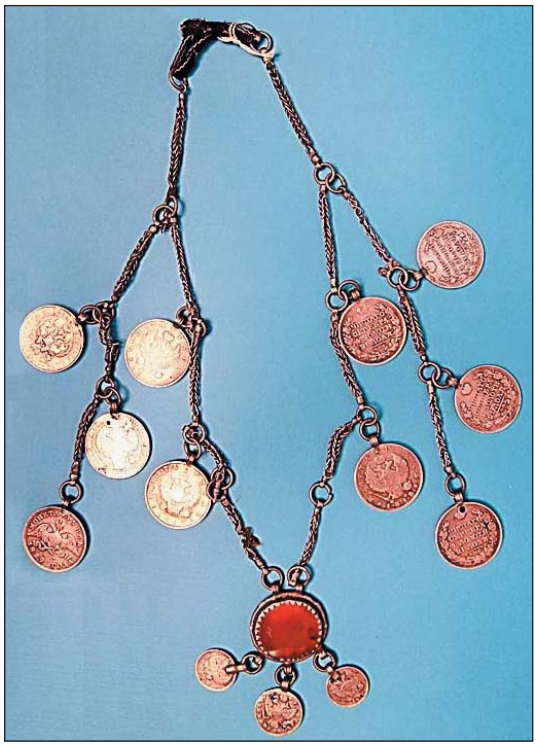
Фрагмент амулета-украшения *томар*. Позолота, накладная (ложная) зернь), гравировка, сердолик. XIX в.



Амулет-украшение *томар*. Позолота, накладная филигрань, кораллы, самоцветы. XIX в.



Монетное ожерелье. Накладная филигрань кораллы. XIX в.



Монетное височно-шейное украшение. Сердолик. XIX в.



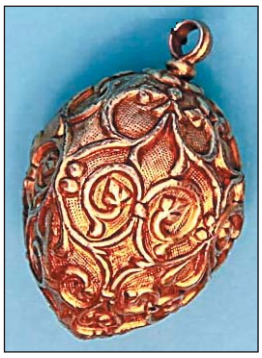
Браслет *белялик*. Металл. Чеканка, гравировка, сердолик. XIX в.



Браслет *белялик*. Позолота, чеканка, бирюза. XIX в.



Браслет *белялик*. Позолота, накладная филигрань



Пуговица *тима*. Серебро с позолотой. Чеканка



Браслеты. Скань. Самоцветы. XIX в. Фото С.В. Сусловой



Браслет *белялик*. Металл, штамповка, Самоцветы



П.П. Чукомин. Портрет татарки
в праздничной одежде.
1910-е гг. ТИАМЗ



Костюм знатной
сибирской татарки.
Реконструкция



Тобольская татарка
в праздничной одежде.
Фото конца XIX в.
ТИАМЗ



Традиционный костюм сибирской татарки. БИЭМ. Фото С.В. Сусловой



Сибирская татарка в костюме начала XX века. Д.Ашеваны Усть-Ишимского р-на Омской обл. Экспедиция 1994 г. Фото С.В. Сусловой



Современная повседневная одежда сибирских татар. Д.Черная Речка Томской обл. Экспедиция 1997 г. Фото С.В. Сусловой



Четки. Дерево.
XIX в. ТИАМЗ



Четки-лестовки.
Кожа. XIX в. ТИАМЗ



Мечеть. С.Тураево
Тюменской обл.
Экспедиция 2012 г.
Фото З.А. Тычинских



Мечеть. С.Янтык Тюменской обл.
Экспедиция 2012 г. Фото З.А. Тычинских



Большая мечеть. С.Ембаево Тюменской области.
XIX в. Экспедиция 2012 г. Фото З.А. Тычинских



Мечеть. Заболотье. Тюменская область. Экспедиция 2015 г. Фото З.А. Тычинских